This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

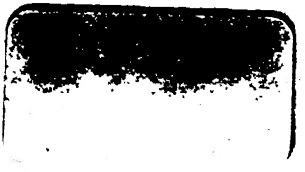
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

PSlav 652.10 (74)

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER



СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

Н. НАЗАРЬИНЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXIV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1859

△
PSlav 652.10 (74)
✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Марта 1 дня 1859 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JUN 27 1972

Kelly Fd

О ПОГОДѢ

(Вступленіе къ сатирамъ).

III

СУМЕРКИ.

Говорятъ, еще день. Правда, я не видалъ,
Чтобы мѣсяцъ свой рогъ золотой показалъ,
Но и солнца не видѣлъ никто.
Безъ его даровыхъ, благодатныхъ лучей
Золоченые куполы пышныхъ церквей
И вся роскошь столицы — ничто.
Надо всемъ, что̀ ни есть — надъ дворцомъ и тюрьмой,
И надъ мѣднымъ Петромъ, и надъ грозной Невой,
До чугунныхъ коней на воротахъ застав
(Что̀ хотятъ ускакать изъ столицы стремглавъ) —
Надо всемъ распростерся туманъ.
Душной, стройной, угрюмой, гнилой
Не красивъ въ эту пору нашъ городъ большой,
Какъ изношенный фатъ безъ румянъ....

Наша улица улицъ столичныхъ краса;
Въ ней дома всѣ въ четыре этажа,
Не лазурны надъ ней небеса,
Да за то процвѣтаетъ продажа.

Сверху до низу вывѣски сплошь
Покрываютъ громадныя стѣны,
Сколько хочешь тутъ нѣмцевъ найдешь —
Изъ Берлина, изъ Риги, изъ Вѣны.
Все соблазны, помилуй насъ Богъ!
Тамъ перчатка съ руки великана,
Тамъ торчитъ Велингтоновъ сапогъ,
Тамъ съ открытою грудью Діана,
Даже ты, Ворсонофій Петровъ,
Подлѣ вывѣски «дѣлаютъ гробы»
Прицѣпилъ полужоныя скобы
И другіе снаряды гробовъ,
Словно хочешь сказать: «другъ-прохожій!
Соблазнись — и умри поскорѣй»!
Человѣкъ ты, я знаю, хорошій,
Да многонько родилъ ты дѣтей —
Непрестанные нужны заказы....
Ничего! обезпеченъ твой трудъ,
Бѣдность гибельнѣй всякой заразы —
Въ нашей улицѣ люди такъ мрутъ,
Что по ней то-и-знай на кладбища
Какъ въ холеру тащатъ мертвецовъ.
Холодъ, голодъ, сырыя жилища —
Не робѣй, Ворсонофій Петровъ!...

Въ нашей улицѣ жизнь трудовая:
Начинаютъ ни свѣтъ ни заря
Свой ужасный концертъ, припѣвая,
Токари, рѣщики, слесаря,
А въ отвѣтъ имъ гремитъ мостовая!
Дикій крикъ продавца-мужика,
И шарманка съ пронзительнымъ воемъ
И кондукторъ съ трубой, и войска
Съ барабаннымъ идущія боемъ,
Понуканье измученныхъ клячъ,
Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ,
И дѣтей раздирающій плачъ
На рукахъ у старухъ безобразныхъ —
Все сливается, стонетъ, гудетъ,
Какъ-то глухо и грозно рокочетъ,

Словно общая гибель идетъ,
Словно городъ разрушиться хочетъ!
Давка, говоръ.... (о чемъ голоса?
Все о деньгахъ, о нуждѣ, о хлѣбѣ.)
Спрадъ и коноть.... Глядишь въ небеса —
Но отрады не встрѣтишь и въ небѣ....

Этотъ омутъ хорошъ для людей,
Разставляющихъ ближнему сѣти,
Но не жалко ли бѣдныхъ дѣтей!...
Вы зачѣмъ тутъ, несчастныя дѣти?
Неужели душѣ молодой
Ужь знакомы нужда и неволя?
Ахъ, уйдите, уйдите со мной
Въ тишину деревенскаго поля!
Не такой тамъ услышите шумъ —
Тамъ шумитъ созрѣвающій колосъ,
Усыпляя младенческій умъ
И страстей преждевременный голосъ.
Солнце, воздухъ, цвѣтовъ ароматъ —
Это всѣхъ поколѣній наслѣдство,
За предѣлами душныхъ оградъ
Проведете вы сладкое дѣтство.
Нѣтъ! вамъ краснаго дѣтства не знать,
Не прожить вамъ покойно и честно.
Жребій вашъ.... но къ чему повторять
То, что̀ даже ребенку извѣстно?

На спинѣ ли дрова ты несешь на чердакъ,
Черезъ лобъ протянувши веревку,
Грошъ ли просишь, бредешь ли въ кабакъ,
Задаютъ ли тебѣ потасовку —
Ты знакомъ уже намъ, петербургскій бѣднякъ,
Нарисованный ловкою кистью
Въ модной книгѣ — угрюмый, худой,
Обезсмысленный дикой корыстью,
Страхомъ, голодомъ, мелкой борьбой.
Мы довольно похвалъ расточали
И довольно сплели мы вѣнковъ
Тѣмъ, которые намъ рисовали

Любопытную жизнь бѣдняковъ.
Гдѣ жь плоды той работы полезной?
Увидавъ, какъ читатель иной
Льетъ надъ книгою слезы рѣкой,
Такъ и хочешь сказать: «другъ любезной!
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманныхъ книжонокъ,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтобъ вскочивъ накололся ребенокъ»!

Н. НЕКРАСОВЪ.

НОВѢЙШІЙ ОРАКУЛЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА КУРОПАТКИНА, 50-ти лѣтъ, помѣщица.
СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА, ея племянница, 25 лѣтъ, въ разводѣ съ мужемъ.
ВѢРА СЕРГѢЕВНА, 18 лѣтъ, дѣвица, племянница и воспитанница Александры Ивановны.
СЕРГѢЙ НИКОЛАИЧЪ ТРОЕРУКОВЪ, молодой человѣкъ, женихъ Вѣры.
СЕРАФИМА, горничная дѣвушка и наперсница Александры Ивановны, 55 лѣтъ.
АКСИНЬЮШКА, убогонькая.
АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА, мѣщанка, у которой Аксиньюшка проживаетъ.
ВОРОБЕЙЧИКОВА, статская совѣтница, постоянная московская жительница.
АГАФЬЯ, ея горничная.
ГОТЛИБЪ ЭРНСТОВИЧЪ ЗИЛЬБЕРБАХЪ, магнитизеръ.
ПЕТРЪ, его слуга.
ТЯПКИНА, мѣщанка, хозяйка квартиры Зильбербаха.
ЗОЛОТУНЧИКОВЪ, квартальный надзиратель.
АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.
ДМИТРІЙ, лакей Куропаткиной.
ПАЛАГЕЯ, горничная Софьи Сергѣевны.
АХЛЕБЕНЕВЪ, помѣщикъ, старикъ.
ОМУТОВЪ, частный стряпчій.
АРБУЗИНЪ, купецъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Одна изъ внутреннихъ комнатъ квартиры Александры Ивановны, убранная довольно богато, но безпорядочно. Окна завѣшены темными занавѣсками, полъ устланъ толстыми коврами. Передъ диваномъ на столѣ стоитъ самоваръ, въ корзинкѣ булки и сухари, нѣсколько тарелокъ съ разными лакомствами. Другой столикъ въ сторонѣ, у стѣны, весь уставленъ пузырьками съ лекарствами. Вечеръ).

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (въ глубокихъ мягкихъ креслахъ, вся обложенная подушками), АКСИНЬЮШКА (сидитъ на диванѣ передъ столомъ), АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (рядомъ съ ней), СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (разливаетъ чай), ВѢРА СЕРГѢЕВНА (рядомъ съ ней) и СЕРАФИМА (стоитъ за кресломъ Александры Ивановны).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (къ Аксиньюшкѣ).

Ну, что же, матушка, скажи ты мнѣ что нибудь.... Неужели ужь я такъ недостойна, что ты не хочешь ничего сказать мнѣ?... Вѣдь, ты все знаешь.... Видишь, сколько у меня огорченій: сама больна, пріѣхала лечиться, по имѣнію непріятности, тяжба, нужно хлопотать, а гдѣ мнѣ хлопотать — больной, слабой женщинѣ? Вотъ, Соничку мужъ бросилъ, несчастна въ своемъ супружествѣ; а къ Вѣрѣ женихъ сватается, совсѣмъ безъ состоянія, а она непремѣнно хочетъ идти за него, влюблена противъ моего желанія.... Каково все это мнѣ переносить?... Матушка, утѣшь меня, научи, предскажи что нибудь....

АКСИНЬЮШКА (съ жадностью пьетъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, ѣстъ лакомства и ничего не говоритъ, только лишь изрѣдка хохочетъ и икаетъ).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что же, Аксиньюшка, такъ ты мнѣ и не предскажешь, не утѣшишь меня?... Богъ съ тобой. Видно, я тебѣ не мила, Аксиньюшка....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Не извольте, сударыня, тревожиться, и ее, матушку, не безпокойте, не упрашивайте. Не изволитъ говорить, — значитъ не

угодно, или часъ еще не насталъ.... Съ ней, съ матушкой, это бываетъ....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да что же это она ломается? Цѣлыхъ два часа ѣстъ и пьетъ, мы сидимъ передъ ней, а она не хочетъ и слова сказать. Что за невѣжа!...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (строго).

Вѣра!...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ахъ, барышня, не извольте такъ говорить, не прогнѣвайте и ее, матушку. Гдѣ намъ своимъ умомъ до этого дойти? Извѣстное дѣло, блаженная душа.... какъ ей угодно, такъ себя и содержитъ. Не то что, барышня, два часа, — бываетъ, что по двои сутки ничего не изволитъ говорить.... а добрые люди стоятъ да дожидаются....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Что же она дѣлаетъ въ это время?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

А только изволитъ лежать и воздыханія свои возноситъ.... А тутъ Господу Богу извѣстно, что̀ въ душенькѣ ея творится. Только одни вздохи и слышишь....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Полноте, какіе вздохи? просто, я думаю, ничетъ безпрестанно, какъ теперь же.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вѣра! Ты знаешь, я люблю это или нѣтъ?... Оставь эти замѣчанія для своего обже. Онъ очень уменъ, съ нимъ и умничай. А при мнѣ прошу не смѣть....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вспыльчиво).

Ахъ, тетенька, да что же мнѣ дѣлать, если я не вѣрю всѣмъ этимъ вашимъ гадальщицамъ?...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (съ упрекомъ).

Ахъ, Вѣра, какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь Аксиньюшку не для тебя привезли. Что̀ тебѣ за дѣло? Ну, не вѣришь, и оставь это за собой....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (жалобно къ Аксиньюшкѣ).

Вотъ, матушка, посмотри, какъ она тетку огорчаетъ: къ чему она душу свою готовитъ?

АКСИНЬЮШКА (хохочетъ и продолжаетъ ѣсть).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Не извольте, сударыня, безпокоиться. Это — какъ кому дано: иной вѣруетъ не видя, а другой и видя не повѣритъ. А придетъ время и для барышни: увидятъ, такъ станутъ вѣрить. Это конечно отъ ихной юной младости. Вотъ я вамъ разскажу такъ же былъ случай.... Этакъ же одна дама, очень важная, значительная дама — пріѣзжали къ матушкѣ съ дочкой, а дочка ихная уже была помолвлена за одного прекраснѣйшаго человѣка, и страстно-какъ они были влюблены другъ въ друга. Вотъ эта дама и стала спрашивать у матушки, счастлива ли будетъ судьба ихной, значитъ, милой дочери. Матушка стала этакъ говорить, что не всякому можно вдругъ себѣ въ понятіе принять.... значитъ, отъ высокихъ умовъ.... а барышня эта самая такъ же вотъ и вздумай посмѣяться надъ матушкой. Матушка и прогнѣвалась, да и изволитъ говорить: не быть, говоритъ, тебѣ.... извините сударыня, тутъ она такое слово сказала.... извѣстно, блаженный человѣкъ, какъ ей угодно, такъ и скажетъ.... Такъ не бывать, говоритъ, тебѣ замужемъ.... Что же вы изволите думать? — какъ пріѣхала эта барышня домой, поссорилась она съ своимъ возлюбленнымъ женихомъ, и свадьба ихная разстроилась... Такъ вотъ какъ.... А ужь какъ были пламенно, можно сказать, влюблены другъ въ друга. Эта барышня пріѣзжала послѣ того, въ ногахъ валялась у матушки, просила: нельзя ли какъ ее счастіе воротить?... да ужь матушкѣ не угодно было, и говорить съ ней не стала, прогнѣвалась. Такъ вотъ какъ барышня.... Такого человѣка не извольте гнѣвить, остерегайтесь этого. Конечно вы какъ по молодости своей, еще отъ вашей неопытности....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

А что она, какова, когда прогнѣвается на что нибудь?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (съ двусмысленной улыбкой).

Ну, сударыня... Конечно, матушка руками никогда не изволитъ наказывать... Этого у ней нѣтъ никогда... за то ужь этотъ человѣкъ, на котораго прогнѣвается, въ судьбѣ своей неудовольствіе или препятствіе какое безпремѣнно увидитъ.

АКСИНЬЮШКА (вдругъ прыскаетъ чаемъ въ лицо Вѣры Сергѣевны и потомъ истерически хохочетъ).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вздрагиваетъ отъ испугу).

Что̀ это такое?.. (*съ сердцемъ*) Что за невѣжество!.. Развѣ это можно позволять?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

А вы, барышня, не пугайтесь и не разстраивайтесь... это еще можетъ быть къ хорошему, не къ худу. Оботритесь съ благодарностью, да и содержите при себѣ этотъ платочекъ. Иные вѣдь, знаете, еще за счастіе считаютъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (сердито).

Велико счастіе... нечего сказать... Фи, какая гадость! Что̀ это позволяютъ дѣлать.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Вѣра, чего тебѣ хочется?.. чтобы матушка въ самомъ дѣлѣ разсердилась, что ли?.. Удивляюсь тебѣ...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да помилуйте, тетенька, развѣ это пріятно?.. Ну, что же тутъ... слюни... плюются... Фи, какая гадость!..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ ты глупа и необдуманна! Что люди за счастіе считаютъ, а ты... ахъ, какъ глупа!.. Да еслибы матушка... да на меня, такъ я бы еще благодарна была....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (сердито, вполголоса).

Жалѣю, что не на васъ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А что, скажите, давно она такая или недавно?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Съ малолѣтства, сударыня, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ въ ней это замѣчено. (*Со вздохомъ*) Ужь взыскана, надо сказать, что взыскана.... одно слово—блаженная душа... Вѣдь вотъ изъ простаго званія, изъ крестьянскаго, и одежду, изволите видѣть, какую носитъ,—самую крестьянскую. А когда начнетъ говорить... Господи, откуда эти сладости берутся!.. такъ бы все и слушалъ. Извѣстно, не все поймешь, что̀ она изволитъ говорить... вѣдь она не все къ человѣческому уразумѣнію говоритъ. А ужь никакого слова мимо не скажетъ... ужь что нибудь да недаромъ... Послѣ развѣ сдогадаешься: вотъ, дескать, къ чему матушка изволила говорить...

АКСИНЬЮШКА (на распѣвъ).

Кукуреку... (*Александра Ивановна и Софья Сергѣевна вздрагиваютъ, Вѣра Сергѣевна смѣется*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Вотъ, вѣрно, угодно начать говорить... Что, матушка, бесѣдой, что ли, своей удостоить желаете?.. Осчастливьте-вотъ господъ... (*цалуетъ у Аксиньюшки руку*) потрудитесь, давно уже и то ожидаютъ...

АКСИНЬЮШКА.

Чего ждать-то?.. Вотъ я давно жду водки, да не даютъ, а мнѣ эти пряники-то и безъ того надоѣли... Сладостей убѣгай, горестей желай...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Это не на счетъ ли моихъ огорченій?..

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Извольте, сударыня, слушать. Ужь сами извольте разбирать, къ кому что идетъ...

АКСИНЬЮШКА (*къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ*).

Что же, матка, давай пить горькую-то... не все тебѣ варенье лизать...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Вѣрочка, что-то тебѣ не хорошо говоритъ.

АКСИНЬЮШКА.

Слышь, тебѣ говорятъ: давай водки горькой...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (*къ Агнеѣ Афанасьевнѣ*).

Что же, подать надо?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да ужь, сударыня, если такое ихъ желаніе, извольте исполнять... Неизвѣстно, къ чему такое ихъ желаніе...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Серафима, поди же, — подай поскорѣе...

СЕРАФИМА.

Слушаю-съ.

АКСИНЬЮШКА.

Матка, да закусокъ дай соленыхъ. Горькое ѣшь, соленымъ закусывай...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (*со вздохомъ*).

Соленымъ закусывай... Это слезы... (*Нюхаетъ табакъ*).

АКСИНЬЮШКА.

Ты на что табакъ-то нюхаешь?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Отъ глазъ, матушка! Глазами слаба.

АКСИНЬЮШКА.

Подай-ка сюда (*Беретъ у Александры Ивановны табакерку и кладетъ къ себѣ въ карманъ*)... Не нюхай, грѣхъ... На-вотъ, потри (*Подаетъ конфекту, отъ которой откусываетъ половину*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же это, матушка.... глаза потереть прикажете?

АКСИНЬЮШКА.

Три...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же... ее въ водѣ распустить, или такъ?..

АКСИНЬЮШКА. (хохочетъ).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ужь такъ извольте потереть... не разводя...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (трет конфетой глаза).

Какъ же мнѣ... ужь, матушка, совсѣмъ не нюхать прикажете?..

АКСИНЬЮШКА.

На что тебѣ горькаго-то нюхать?.. будетъ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да ужь я, матушка, привычку сдѣлала.

АКСИНЬЮШКА.

Привычка заповычка, птичка невеличка, ноготокъ востеръ... Не увидишь — забудешь. Не станешь — перестанешь... Три сладенькимъ...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Это, сударыня, вамъ очень-какъ хорошо. Вникните, что матушка изволитъ говорить. Прежде вы были среди огорченій, проливали слезы. Теперь матушка взяла это горькое зелье, табакъ, значитъ всѣ ваши огорченія отъ васъ отнимаетъ и обѣщаетъ вамъ утолять вашу душу одними сладкими чувствами, значитъ конфеткой приказала глаза потереть... Это вамъ очень хорошо. Вы эту табатерочку не извольте и требовать назадъ...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

А у нея оставить: это всего лучше... табатерка золотая, пригодится блаженной душѣ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Вѣра, какъ тебѣ не стыдно! Про кого ты говоришь?.. и какъ ты смѣешь?.. Ахъ, Боже мой! Чужіе люди желаютъ тет-

кѣ здоровья, а она только раздражаетъ. Неужели мнѣ жалко для матушки какой нибудь табатерки?..

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (въ полголоса).

Да вамъ для такихъ людей ничего не жаль...

АКСИНЬЮШКА (на распѣвъ, смотря на Вѣру Сергѣевну).

Пѣсню веселу пѣла соколу соколена, люли соколена, соколена! А соколъ летаетъ, ее забываетъ, другу утѣшаетъ — соколену, соколену, люли соколену!..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА и СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (смотря на Вѣру Сергѣевну и Аксиньюшку).

Это что значитъ? къ чему бы это?..

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Не ко мнѣ ли это, Аксиньюшка? Не про мое ли несчастье говоришь? не про то ли, какъ я теперь брошена своимъ благовѣрнымъ?..

АКСИНЬЮШКА (поетъ).

Коза скачетъ за козломъ, за козломъ, козелъ отъ козы, козелъ отъ козы, коза скачетъ отъ козла, отъ козла, козелъ за козой, козелъ за козой... Слышишь, дѣвка?..

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ахъ, это правда, это чистая правда!.. Онъ не умѣлъ меня цѣнить, когда я его любила; теперь, когда я ушла отъ него, онъ и радъ бы вернуться ко мнѣ, да поздно... Ахъ, это правда, добрая Аксиньюшка... я теперь тебѣ вполнѣ вѣрю... Слышишь, Вѣра?..

СЕРАФИМА (вноситъ подносъ съ водкой и закусками и ставитъ на столѣ).

АКСИНЬЮШКА (хохочетъ и наливаетъ полную рюмку, подаетъ ее Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

На, выпей...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ну, нѣтъ, милая, спасибо... Это це въ моемъ вкусѣ... Я не стану пить...

АКСИНЬЮШКА.

Тебѣ говорятъ, пей, прихлебни...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Откушайте, барышня, не для питья, а для здоровья... Матушка вамъ на добро жалуетъ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Выпей немножко, Вѣра; можетъ быть, такъ надо...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Что̀ вы, тетенька!.. Васъ эти предсказатели съ ума сведутъ... Стану ли я пить водку?..

АКСИНЬЮШКА.

Станешь, станешь. Смотри, какъ станешь... (*Выпиваетъ рюмку, потомъ наливаетъ другую, третью и пьетъ одну за другою*).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (насмѣшливо).

Браво! Теперь какъ не начать предсказывать!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вѣра, побойся Бога. Какъ тебѣ не стыдно! про кого ты говоришь? Точно ты не русская, не христіанка... Уйди, коли не можешь молчать: не огорчай меня.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Вѣра вѣчно со своимъ умничаньемъ. Какъ это противно!..

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

А какъ вы, барышня, полагаете: что̀ матушка изволила выкушать?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Кажется, видите сами, что̀.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Нѣтъ, однакоже?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да о чемъ тутъ спрашивать? Разумѣется, водку пила.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

То-то и есть, барышня... Вотъ, по молодости своей, о такомъ человѣкѣ вамъ ничего—сказать этакое слово въ осужденіе ему... А почемъ вы знаете, можетъ эта водка въ матушкиныхъ устахъ таже вода ключевая?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (громко смѣется).

Вотъ это такъ чудесно!... ха, ха, ха!..

СЕРАФИМА.

Что же, сударыня, это бываетъ; и въ писаніи есть, что нарочно иные на себя это напускаютъ для человѣческаго осужденія и гоненія...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вѣдь Серафима-то умнѣе тебя, Вѣра... право умнѣе...

ВѢРА СРГѢЕВНА.

Ну, что же, тетенька, и слава Богу... очень рада!..

АГНЕЯ АѲАНАСЬЕВНА.

Да нѣтъ, послушайте-ка, барышня, что я вамъ скажу, вникните вы въ это: вѣдь она, хоть бы матушка, все-таки есть сосудъ человѣческій, скудельный, потому женщина... А какъ же она иной разъ чуть не цѣлый штофъ изволитъ выкушать? Вѣдь видишь: вино вкушаетъ, надо бы охмѣлѣть отъ этакаго мѣста. А матушка выкушаетъ, такъ хоть бы она пошатнулась, или въ одномъ словѣ запнулась... какъ всегда, такъ и есть... Ни въ чемъ перемѣпы... Такъ какъ бы вы объ этомъ полагали? скажите-ка мнѣ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Что мнѣ говорить? Привыкла, такъ и не пьянѣетъ....

АГНЕЯ АѲАНАСЬЕВНА.

Ну, барышня, видно и то сказать: вольному воля, спасеному рай.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да полноте, оставьте ее,—что съ ней говорить?—она у насъ извѣстная спорщица. И батюшка ея такой же спорщикъ былъ, да не много выигралъ въ жизни, только состояніе свое все разстроилъ.... Не за что бы мнѣ ее любить-то, да вотъ люблю....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А скажи-ка, Аксиньюшка, которая изъ насъ больше тетеньку любитъ?

АКСИНЬЮШКА.

Ха, ха, ха.... А которая больше, та и больше....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

То есть, которая старше, Аксиньюшка.... такъ ты говоришь?

АГНЕЯ АѲАНАСЬЕВНА.

Такъ, такъ, сударыня, изволите понимать: которая то-есть возрастомъ больше и разумомъ своимъ отъ лѣтъ больше собралась, та и тетеньку больше любитъ.... такъ вѣдь, матушка?

АКСИНЬЮШКА.

Горе съ горемъ скорѣй слюбятся.... А на что намъ плясуновъ-то, да говоруновъ-то? У горя объ горѣ больше сердце болитъ. — Плясунъ-то пропоетъ да пропляшетъ, до тетушки ли ему?...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Слышите, тетенька, что Аксиньюшка говоритъ?... А тетенька увѣряетъ, Аксиньюшка, что я не могу ее такъ любить, какъ сестра, потому что Вѣра на ея рукахъ съ малолѣтства.... и что

будто бы я потому только ласкаюсь къ ней, что мнѣ хочется получить что нибудь отъ нея. Слышишь, Аксиньюшка, можно ли такъ обо мнѣ думать?

АКСИНЬЮШКА.

Ты завязла, такъ и сидишь крѣпко, а та прыгаетъ, выскочить хочетъ....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

То-есть — я никогда не разстанусь съ вами, тетенька, а Вѣра только и думаетъ, какъ бы замужъ выдти.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Софья, пожалуйста, не вооружай противъ меня тетеньки. Это не хорошо.... не благородно.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Гдѣ же я вооружаю? Съ чего ты это взяла?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Понимаю я все....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну-те-ка, полно-те объ этомъ: скучно слушать. Скажи-ка лучше, Аксиньюшка, получу ли я облегченіе отъ своихъ болѣзней и выиграю ли свое дѣло?

АКСИНЬЮШКА.

А ты на какой дудкѣ-то играешь? Коли на большой да на золотой, такъ ладно: далеко услышатъ.... А то кто за тебя станетъ даромъ Богу-то молиться?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Это что же значитъ? Богу велитъ больше молиться, что ли?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да, сударыня, это ужь разумѣется, что Богу больше возносить свои молитвы надлежитъ. Ну, и пожертвованія дѣлать тоже слѣдуетъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА. (Вполголоса къ Софьѣ Сергѣевнѣ).

Это недурно!... Видно, мало золотой-то табатерки за предсказанія.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Оставь меня, Вѣра, въ покоѣ пожалуйста.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Господи, и тетенька ихъ слушаетъ!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я бы ничего, Аксиньюшка, не пожалѣла, только бы мнѣ себя успокоить во всѣхъ своихъ огорченіяхъ. Вотъ научи-ка,

какъ мнѣ быть съ Вѣрой. Сватается къ ней человѣкъ незначущій, недостаточный; она хочетъ непремѣнно идти за него, а мнѣ отдавать не хочется. Не стоитъ онъ ея....

АКСИНЬЮШКА.

Стоитъ быкъ коровы.... ха, ха, ха!... У тебя, видно, сундукъ-отъ крѣпко запертъ: подбираютъ ключъ да не подходитъ.... А ты не больно распоясывайся, на тары-то да бары не больно поддавайся. Около-то походятъ, да увидятъ, что нече взять, такъ и прочь пойдутъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ и СЕРГѢЙ НИКОЛАИЧЪ ТРОЕРУКОВЪ.

ТРОЕРУКОВЪ (почтительно).

Здравствуйте, Александра Ивановна.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Здравствуйте, батюшка.

ТРОЕРУКОВЪ.

Bonjour, Софья Николаевна. Здравствуйте, Вѣра *(послѣдней подаетъ руку и потомъ съ любопытствомъ смотритъ на прочихъ)*.

АКСИНЬЮШКА.

Здорово, соколъ, — легокъ на поминѣ.

ТРОЕРУКОВЪ (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

А, у васъ опять юродивые.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Какъ видите.... по обыкновенію.... *(вполголоса)*. Эта особенно несносна.

АКСИНЬЮШКА.

Что, соколъ, не говоришь со мной? али не радъ мнѣ?... Али ужь больно радъ, что къ разлапушкѣ своей пришелъ?... сердце не на мѣстѣ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА и СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (въ одинъ голосъ).

Вообразите, отгадала.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Развѣ ты знаешь, Аксиньюшка, Сергѣя Николаича?

АКСИНЬЮШКА.

Ась?... Что мнѣ знать.... Не знаю я.... Я незнайка.... Ха, ха, ха!... Что парень, смотришь? не хошь ли лекарствеца дамъ, сладкаго? а?...

ТРОЕРУКОВЪ.

Благодарю, милая, здоровыхъ не лечатъ....

АКСИНЬЮШКА.

Ай, парень, больно сердце-то у тебя нездорово. Надорвалось, сердечное, излюбилось.... Мечется, мечется да все-то въ разныя стороны, все-то въ разныя.... Ха, ха, ха.... все-то въ разныя....

ТРОЕРУКОВЪ (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Эта изъ какого сорта? Вы ужь, я думаю, наглядѣлись на этихъ госпожь.... Что эта,—изъ странствующихъ, полуумныхъ, мзды ради юродивыхъ, или изъ какихъ тамъ еще? Какіе еще бываютъ?...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вполголоса).

Полноте, тетенька разсердится, — не говорите про нее ничего....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (вполголоса къ Александрѣ Ивановнѣ).

Какой онъ однако невѣжа; только что пришелъ и начинаетъ ужь издѣваться надъ человѣкомъ, котораго не знаетъ. И не подумаетъ того, пріятно ли это будетъ для васъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ужь не говори. Не нравится онъ мнѣ. Какъ бы, кажется, не Вѣра....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (также).

А не подумаетъ того, что по его лѣтамъ и по ничтожеству своему, онъ не долженъ бы въ вашемъ домѣ и голосу своего подавать.

АКСИНЬЮШКА (незамѣтно прислушивавшаяся къ словамъ Софьи Сергѣевны и Александры Ивановны).

Пришелъ фря въ чужой домъ, ходитъ фря фертомъ.... Калина, малина, красная смородина.... Ха, ха, ха!... А, батюшки мои, уморилъ со смѣху.... Господинъ честной, баринъ, а баринъ.... твое благородіе.... слышишь ли? чьего ты отца сынъ?... какіе твои достатки?

ТРОЕРУКОВЪ.

Не богатыхъ достатковъ, милая.... дать мнѣ тебѣ не изъчего, извини, пожалуйста. Оставь меня (*оборачивается къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ*).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вполголоса).

Ради Бога, не говорите такъ: тетенька и безъ того на меня сердится, что я ей не вѣрю.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Полно, Аксиньюшка, не говори съ ними: они люди молодые, нынѣшніе, ничему не вѣрятъ. Скажи лучше мнѣ что нибудь....

АКСИНЬЮШКА.

Скажи, не солги.... Ха, ха, ха!... Слыхала ли сказку: голь по чужимъ карманамъ ходитъ, своего нѣтъ, на чужое норовитъ. Давай ему бабу, да съ бабой-то денегъ, денегъ, да больше, да больше. Много ли у тебя денегъ-то?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Дѣла мои въ разстройствѣ, Аксиньюшка. Старую больную женщину всякій старается обидѣть. Вотъ тяжбу завелъ со мной сосѣдушка добрый.

АКСИНЬЮШКА.

Нищему давай, странному давай, въ церковь на свѣчку подавай — поминъ душѣ будетъ.... Голи не давай. Голь тебя провѣетъ, просѣетъ, въ муку изотретъ, съ масломъ съѣстъ, а Богу не будешь угодна.... Ай люли!... Ха, ха, ха!...

ТРОЕРУКОВЪ (пристально смотритъ на Аксиньюшку, про себя).

Э, да она вотъ какая!...

АКСИНЬЮШКА.

Что, соколъ, смотришь? али и я полюбилась?... Много ли у тебя разлапушекъ-то? Которую больше любишь-то? Али которая богаче да тароватѣй? Которая больше денегъ даетъ?... Ай люли, ай люли.... Такъ что ли?...

ТРОЕРУКОВЪ (вспыхнувъ).

Послушай, тетка, ты или оставь меня въ покоѣ, или тебѣ худо будетъ.

АКСИНЬЮШКА (хохочетъ).

Хуже вора не будешь.... На что воровать хочешь? Стащитъ, стащитъ, выкрадетъ, выкрадетъ, барышню выкрадетъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (всплеснувъ руками).

Что ты говоришь, Аксиньюшка?... Неужели у нихъ это было намѣреніе....

АКСИНЬЮШКА.

Выкрадетъ, выкрадетъ.... Молись Богу, выкрадетъ.

ТРОЕРУКОВЪ (подходя къ Аксиньюшкѣ).

Послушай, тетка, — а хочешь, я тебя въ острогъ посажу?

АКСИНЬЮШКА (хохочетъ).

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Тетенька, слышите, что̀ хотятъ дѣлать въ вашемъ домѣ?... Это ни на что не похоже....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (съ негодованіемъ).

Послушайте, милостивый государь, что̀ же это такое значитъ въ самомъ дѣлѣ? За кого вы меня принимаете? Какъ вы можете себѣ позволять такіе поступки въ моемъ домѣ?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (въ тревогѣ, подходя къ Александрѣ Ивановнѣ).

Тетенька, тетенька! Онъ ничего не сказалъ и не сдѣлалъ такого....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ты ко мнѣ не подходи.... (*къ Сергѣю Николаичу*) Вамъ досадно, что она отгадала ваши намѣренія. Но я все-таки не позволю вамъ никого изъ моего дома посадить въ острогъ.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

И за что же бы они, сударыня, могли ихъ посадить? Матушка имѣютъ свой настоящій пачпортъ и въ дурныхъ никакихъ поступкахъ не замѣчены....

ТРОЕРУКОВЪ.

Александра Ивановна, извините меня.... Я никакихъ дурныхъ намѣреній не имѣлъ и не обратилъ бы вниманія на слова этой.... этой дуры.... еслибы она говорила это не при васъ, или еслибъ вы не вѣрили всѣмъ этимъ предсказателямъ, которые васъ только обманываютъ и смущаютъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Нѣтъ вамъ, сударь, до меня никакого дѣла.... такъ же, какъ и мнѣ до васъ.... Много обяжете, если оставите меня въ покоѣ.... оставите мой домъ....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Тетенька, да разсудите.....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ты ко мнѣ не подходи.

АКСИНЬЮШКА.

Что меня, рѣзать что ли будутъ? Бить что ли будутъ?... Ай боюсь, ай боюсь....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Никто тебѣ ничего не можетъ сдѣлать въ моемъ домѣ, пока я хозяйка. Пойдемъ, матушка, отсюда. Пойдемъ въ мою комнату. Успокойся тамъ.... Можетъ полежать захочешь.... Серафима, веди меня.

СЕРАФИМА (поднимая Александру Ивановну изъ кресла).

Что это за проказъ въ самъ дѣлѣ!... Ужь волю какую взяли,— изъ дома выживаютъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (къ Троерукову).

Прошу же васъ, милостивый государь, оставить меня въ покоѣ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Простите меня, Александра Ивановна, за невольное и необдуманное....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я, сударь, стара, чтобы въ моемъ домѣ распоряжались.... Пойдемъ, Аксиньюшка. (*Уходитъ поддерживаемая съ одной стороны Серафимой, съ другой Софьей Сергѣевной*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (беретъ подъ руку Аксиньюшку).

Подемте, матушка....

АКСИНЬЮШКА.

Ай боюсь, ай боюсь.... Ай люли.... Ха, ха, ха....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Не безпокойтесь, матушка, не тревожьтесь.... (*Уходитъ, ведя Аксиньюшку подъ руку*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТРОЕРУКОВЪ и ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (съ упрекомъ).

Ну, вотъ теперь что надѣлали? Говорила я вамъ....

ТРОЕРУКОВЪ.

Но вѣдь вы слышали.... Я не могъ вынести....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ну, а теперь лучше сдѣлали?... Тетенька совсѣмъ отказала отъ дома.

ТРОЕРУКОВЪ (схватываясь за голову).

Господи, что же я въ самомъ дѣлѣ надѣлалъ? Какъ теперь быть?... Вѣра, неужели этого никакъ нельзя поправить?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (притворяясь опечаленною)

Какъ теперь поправить? Тетенька не захочетъ и видѣть васъ, да и меня слушать не станетъ. Вотъ что теперь сдѣлали?

ТРОЕРУКОВЪ (въ отчаяніи).

Господи, какъ же быть?... Неужели я долженъ разстаться съ вами?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ужь теперь конечно нѣтъ никакой надежды.

ТРОЕРУКОВЪ.

Вѣра, Вѣра.... ангелъ мой.... что вы говорите? Я готовъ на колѣняхъ просить прощенія у вашей тетки.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Это не поможетъ. Она не захочетъ и смотрѣть на васъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Неужели же я долженъ потерять васъ?... Этого быть не можетъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (скрывая улыбку).

Отчего же не можетъ быть? Напротивъ, — очень возможно. Я противъ тетеньки ни на что не рѣшусь.

ТРОЕРУКОВЪ.

Вѣра, что вы говорите? Богъ съ вами, вы не любите меня, смѣетесь надо мной (*закрываетъ лицо руками*).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ну, полноте, полноте.... Я пошутила.... Не бойтесь ничего. Тетенька любитъ меня, жить безъ меня не можетъ. Хоть милая сестрица и старается вооружить ее противъ меня, и теперь будетъ стараться воспользоваться этимъ случаемъ, а все-таки ничего не сдѣлаетъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Что вы, Вѣра,—только утѣшаете меня, или серьёзно говорите?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ, серьёзно. Тетенька вѣдь рѣшительно не имѣетъ характера, — я дѣлаю изъ нея все, что ни захочу.

ТРОЕРУКОВЪ.

Полноте, Вѣра, другъ мой! Мнѣ кажется, вы только обманываете себя въ этомъ. Отчего же вы не можете до сихъ поръ получить ея согласія на нашъ бракъ?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

А, это совсѣмъ дѣло другое, тутъ нужно время...: Вы знаете, что тетенька предубѣждена противъ васъ, какъ небогатаго и нечиновнаго человѣка.... Она задала себѣ задачу непремѣнно выдать меня за богача и знатнаго.... Да и въ этомъ бы я успѣла скорѣе, еслибъ не мѣшала сестра Софья, которой, кажется, ужасно хочется поссорить меня съ теткой изъ корыстныхъ видовъ. Она видитъ, что я не могу отказаться отъ васъ, и старается вооружить тетеньку противъ васъ, чтобы я рѣшилась выдти за-мужъ безъ ея согласія.... Но ей это не удастся.

ТРОЕРУКОВЪ.

Но послушайте, я радъ бы подслуживаться вашей теткѣ, дѣлать для нея все: подавать скамеечки, растирать ея табакъ, хлопотать по ея тяжебнымъ дѣламъ, лишь бы она отдала мнѣ васъ поскорѣе.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Готовы бы все дѣлать; а между тѣмъ не умѣли угодить ей и сегодня, а сдѣлали то, что она отказала вамъ отъ дома....

ТРОЕРУКОВЪ.

Но послушайте, мой ангелъ: вѣдь, это невыносимо—слышать, какъ на мой счетъ смѣетъ говорить какая-то дура или плутовка, и еще тамъ, гдѣ ей могутъ повѣрить.... И наконецъ, что̀ вамъ за охота стѣснять себя волей вашей тетки? Какъ вамъ не надоѣла жизнь съ этой пустой.... простите меня.... съ этой старухой, вѣчно окруженной юродивыми, колдунами, гадальщицами? Что̀ васъ можетъ останавливать, что̀ связываетъ? Вы можете располагать собой, знаете, что я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, вы сами не разъ говорили мнѣ, что любите меня.... Неужели же изъ-за предразсудковъ или капризовъ старухи слѣдуетъ удалять счастіе, которое ожидаетъ насъ?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

А вамъ бы хотѣлось, чтобы я вышла за васъ противъ воли тетки и лишилась состоянія, которое она мнѣ отказываетъ?

ТРОЕРУКОВЪ.

Фи, Вѣра.... Что за проза, что за матеріальные разсчеты!

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Проза, матеріальные разсчеты!... Да, можетъ быть, ихъ бы не было, если бы—или я или вы имѣли какое нибудь состояніе. Но вы бѣдны, у меня ничего нѣтъ.... зачѣмъ же добровольно

лишать себя тѣхъ выгодъ, которыя могутъ облегчить намъ жизнь?

ТРОЕРУКОВЪ.

Это все благоразумно, практично; но меня удивляетъ, отчего, если вы любите меня такъ, какъ я васъ люблю,—отчего вы не спѣшите такъ принадлежать мнѣ, какъ тороплюсь я; отчего я не боюсь бѣдности, а вы боитесь ея; отчего я готовъ лучше обречь себя нищетѣ, нежели откладывать на неопредѣленное время счастіе назвать васъ своею.... скажите, отчего это?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Отчего?... Можетъ быть оттого, что я женщина, привыкшая къ терпѣнію, испытавшая, что̀ значитъ чужой хлѣбъ.... (*Грустно*) Я должна была много перенести до тѣхъ поръ, какъ пріобрѣла власть надъ тетенькой и сдѣлалась для нея необходимою.... Наконецъ — я вѣрю въ себя, знаю, что не перестану любить васъ, если вы не охладѣете ко мнѣ, и буду принадлежать вамъ; но не хочу быть бѣдной, когда могу принести вамъ состояніе. Божусь, я не корыстолюбива и хотѣла бы все раздѣлить съ Софьей; но если она начала вредить мнѣ безъ всякаго повода съ моей стороны, я не хочу уступить ей и поставлю на своемъ. Тетенька должна васъ оцѣнить и согласиться на нашу свадьбу.

ТРОЕРУКОВЪ (страстно цѣлуя руку Вѣры Сергѣевны).

Счастье мое.... Какое вы будете сокровище для вашего мужа!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (быстро входя).

А, здравствуйте, здравствуйте!... Съ какою я къ вамъ новостью пріѣхала—просто удивительно.... непостижимо!... Дайте, *mon ange*, огонька—закурить папироску: просто измучилась.... часа четыре была въ городѣ, все торопилась къ вамъ.... Покупокъ было пропасть, просто меня завалили порученіями.... (*Сергѣй Николаичъ подаетъ огня*) *Merci*.... А купцы все знакомые: тотъ кричитъ: Ольга Федоровна къ намъ; тотъ,—нѣтъ у насъ лучше.... Да мнѣ не того, говорю, нужно.... Да нѣтъ, говоритъ, вы хоть зайдите, хоть въ задней комнатѣ папироску выкурите.... Вѣдь

знаютъ меня, знаютъ, что люблю папироски. Ахъ, *ma chère*, какой я дама видѣла, просто диво.... Что тотъ, что, помните, я привозила къ вамъ,—никакого сравненія!... Это диво, просто обвороженье.... Мѣха стали дешевле.... Ну, да меня, правда, знаютъ, уступаютъ передъ прочими.... Не будете ли покупать новаго салопа? я, пожалуй, похлопочу.... Да гдѣ же тетенька и сестрица?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Въ своей комнатѣ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, пусть.... Я пока здѣсь отдохну: вѣдь она не любитъ, какъ курятъ.... Ахъ, *mon ami*, одна знакомая мнѣ купчиха продаетъ соболью шубку, и какъ дешево, просто даромъ.... Ну, вѣдь, глупо, глупо: изъ соболя и вдругъ шубка! Ну вѣдь, глупо—мужики!... А какая бы вышла тальма—просто восторгъ!.. Вотъ не хотите ли купить? для васъ я бы похлопотала. Просите тетеньку, чтобы купила. Я привезу показать.... Или скупа? Ну, къ свадьбѣ купитъ. Да что жь, когда свадьба, господа?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Чья, Ольга Федоровна?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да ну, ваша! развѣ я не знаю! Все еще не соглашается старуха? Ахъ какая!... Да ну, все будетъ, все сдѣлаемъ: погодите, вотъ есть у меня такой человѣкъ,—все сдѣлаетъ!.. Ахъ да, про него вѣдь я хотѣла сказать.... Да гдѣ бы тетеньку.... Ну, да все равно: ей послѣ разскажу.... Дайте еще папиросску выкурю. Одолжите огонька.... Это необыкновенный человѣкъ.... (*Троерукова подаетъ огня*). *Mercі*.... (*Къ Троерукову*). Я знаю, вы не вѣрующій, но этому и вы повѣрите: это не то, что какой нибудь странникъ или просто предсказатель.... нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: онъ магнитизеръ, магнитизмомъ дѣйствуетъ.... (*Обращаясь къ Троерукову*) знаете, магнитизмомъ? Ну, и самъ предсказываетъ и лечитъ, все чрезъ магнитизмъ.... Но что онъ дѣлаетъ — это удивительно.... И очень не дорого стоитъ къ нему проѣхать — всего три рубли. Но что онъ дѣлаетъ и какой красавецъ—это чудо что такое!... А что дѣлаетъ — невообразимо! Просто для него нѣтъ тайнъ; взглянетъ и говоритъ про человѣка все, все, понимаете, все.... Просто и не ѣздите къ нему,—влюбитесь, я вамъ напередъ говорю.... Онъ у меня будетъ

непремѣнно, пріѣзжайте тогда ко мнѣ, тетенькѣ необходимо съ нимъ познакомиться: онъ удивительно лечитъ отъ женскихъ болѣзней.... А какъ хорошъ, ахъ, какъ хорошъ!... Кажется, если бы не мои года, не перенесла бы, влюбилась.... (*Къ Троерукову съ улыбкой*). И она влюбится: вотъ я вамъ напередъ говорю.

ТРОЕРУКОВЪ.

Такъ за этимъ-то вы ее зовете, Ольга Федоровна? Богъ съ вами.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь: онъ женщинъ не любитъ, то есть не то, что не любитъ, а онъ не тѣхъ правилъ.... А красота — представьте.... Родомъ онъ грекъ, изъ Египта, волосы по плечамъ и вьются, черные, черные, какъ вороново крыло, знаете, съ отливомъ; на головѣ ермолка пунцовая съ золотой кистью; бѣлый, бѣлый, какъ снѣгъ, и во всю щеку румянецъ, усы, и съ бородой; но какъ идетъ къ нему эта борода, — чудо!... Но какіе глаза!... Я ничего подобнаго не видала; представьте двѣ искры.... и черные, черные, какъ вы можете себѣ представить.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (сдерживая улыбку).

Гдѣ же вы отыскали такого необыкновеннаго человѣка?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Я бы и не знала про него, да была я у одного купца на свадьбѣ, — сына женилъ. Ну, знаете, вѣдь меня всѣ знаютъ и любятъ. Ну, просятъ осчастливить... Отчего же не поѣхать? мнѣ ничего, а имъ, знаю, лестно, что у нихъ статская совѣтница... Ну, и поѣхала... Впрочемъ купецъ очень, ужасно богатый: нѣсколько милліоновъ. Роскошь какая, *ma chère*, вы ничего подобнаго представить себѣ не можете... но только вкуса никакого... Представьте себѣ: на ней, на невѣстѣ, салопъ песцовый, тысячи въ полторы, соболій воротникъ, и какъ вы думаете, покрытъ чѣмъ?... ну, чѣмъ?.. зеленымъ атласомъ... можете себѣ представить... а?.. Но брилліантовъ, брилліантовъ! Это просто горѣло... Такъ вотъ у нихъ—разговорились о лекаряхъ; тутъ одна купчиха и разсказала мнѣ про этого магнитизера, какъ онъ лечитъ и какъ предсказываетъ. Я на другой же день къ нему, а онъ живетъ у Николы въ Кобыльскомъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Зачѣмъ же это вы къ нему, Ольга Федоровна?..

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, а вотъ вы послушайте.... Пріѣзжаю я къ нему, насилу отыскала... Вхожу, знаете, въ кухню.... Ну, онъ видно, что еще не въ славѣ и ходъ черезъ кухню... а тамъ двѣ комнаты, но очень мило убраны, много вещицъ.... Но онъ будетъ, будетъ въ славѣ. Это будетъ стыдно Москвѣ, если она его не оцѣнитъ... Ну вотъ—вошла я въ кухню, велѣла о себѣ доложить: тутъ человѣкъ его. Только долго онъ меня не принималъ, наконецъ вхожу. И что вы думаете: здравствуйте, говоритъ, Ольга Федоровна!.. Такъ это меня фрапировало, я такъ и остолбенѣла... Ну представьте: вѣдь онъ меня никогда не видалъ, не могъ ожидать, что я пріѣду и вдругъ называетъ по имени.

ТРОЕРУКОВЪ.

А, можетъ быть, онъ посылалъ спросить о вашемъ имени кучера вашего...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Э, да гдѣ же? Вѣдь я оставалась въ кухнѣ: тутъ никто не проходилъ

ТРОЕРУКОВЪ.

Да, можетъ быть, у него есть другой выходъ на улицу.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Э, полноте, не можетъ быть, да и некогда.... Вѣдь я тутъ дожидалась какихъ нибудь двѣ-три минуты. Да этого быть не можетъ.... Нѣтъ, вы слушайте, что было дальше.... Вотъ, знаете, стою я этакая офрапированная и смотрю на него во всѣ глаза, а онъ на меня смотритъ и вдругъ спрашиваетъ: что подѣлываетъ вашъ супругъ? И такъ, знаете, смотритъ на меня и съ сожалѣніемъ и съ насмѣшкой.... А я вѣдь, признаюсь вамъ, всегда подозрѣвала своего.... Неужели, я говорю, это правда? Неужели я не ошибалась? Скажите, я говорю, какъ зовутъ ее, мерзкую?... Садитесь, говоритъ, успокойтесь. Я вамъ открою все, вы все узнаете, только сегодня я не могу вами заняться: было много посѣтителей, усталъ ужасно. Пожалуйте, говоритъ, ко мнѣ дня черезъ два, вотъ тогда-то.... Ужь не знаю, какъ я прожила эти два дня.... Только пріѣзжаю.... Онъ взялъ у меня обручальное кольцо и долго, очень долго, я думаю съ полчаса, молча держалъ его въ рукахъ и все смотрѣлъ на него; потомъ вдругъ говоритъ: Агафья!... А, какъ вы думаете, именно она, которую я всегда подозрѣвала.... А, каковъ мой-то!... Вѣдь вы знаете: толстый, вѣдь толстый, насилу ходитъ, задыхается, а

туда же.... А, каковъ милый.... въ 60-то лѣтъ.... это ужасъ!... только мнѣ это и переносить!... Какъ же, я говорю, мнѣ бы ихъ застать?... Этого, говоритъ, не нужно дѣлать, а я васъ постараюсь въ этомъ убѣдить, чтобы вы не сомнѣвались въ моей силѣ, и потомъ помогу вамъ вылечить отъ этого вашего мужа. Я расплакалась и даже поцаловала у него руку.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Фи, Ольга Федоровна, неужели?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, *ma chère*, что жь тутъ удивительнаго? Вы не знаете, что̀ такое ревность и каковы чувства, когда знаешь, что мужъ тебѣ невѣренъ (*Плачетъ*).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ну, полноте, Ольга Федоровна, можетъ быть это еще и неправда.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, *mon ami*, правда, я знаю, что правда.... Я сейчасъ ѣду къ нему и буду просить, чтобы онъ завтра ко мнѣ пріѣхалъ. И вы пріѣзжайте.... (*Съ восторгомъ*). Вы посмотрите, что это за необыкновенный человѣкъ.... Пріѣдете?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Я не знаю, какъ тетенька....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ да, надо идти къ тетенькѣ, надо разсказать ей.... (*Грустно и со вздохомъ*). Ахъ, *mon ange*, дай Богъ вамъ никогда въ вашемъ супружествѣ не испытывать того, что̀ я теперь испытываю.... Пойду къ тетенькѣ (*уходитъ*).

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Небольшая комната, раздѣленная поперегъ драпировкою, которая составляетъ заднюю стѣну. Мебель мягкая, обитая зеленымъ сукномъ. На противоположныхъ стѣнахъ зеркала, поставленныя такъ, что одно въ другомъ отражаются.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ въ нарядномъ халатѣ и ермолкѣ сидитъ у стола, ПЕТРЪ стоитъ около него.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а про вчерашнюю барыню узналъ?

ПЕТРЪ.

Ужь это какъ же не узнать? Все обслѣдовалъ.... Эта, что за которой въ догонку-то ѣхалъ, что не приняли-то?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, да! Ну что? кто она?

ПЕТРЪ.

А она не изъ маловажныхъ: домина такой, что боялся и къ людямъ-то подступиться, думалъ — и разговаривать не станутъ, да нѣтъ, ничего.... дворня-то ужь больно баловень.... Вольно очень, вольготно жить....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отчего?

ПЕТРЪ.

Оттого — воля! Потому баринъ больше дома не живетъ: либо на счетъ картъ, либо на счетъ этихъ мамзелекъ, а у барыни свои.... а то по богомольямъ ѣздитъ.... Вотъ дѣвкамъ такъ нѣтъ житья....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отчего?

ПЕТРЪ.

А потому—на нее находитъ, на барыню: пѣтухомъ кричитъ, значитъ, выкликаетъ... Ну, ужь тутъ дѣвкамъ не житье: все при ней будь, весь домъ собьетъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а баринъ тогда что?

ПЕТРЪ.

Баринъ въ это не входитъ. Ей отъ него не больно честно приходится: говорятъ, бьетъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А какъ зовутъ?

ПЕТРЪ.

Да ее-то — Авдотья Петровна, а барина-то — Василій Петровичъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а Агафья съ кѣмъ?

ПЕТРЪ.

Воробейчиковыхъ Агафья — съ Иваномъ; изъ сосѣдняго дома лакей, важный малый.... да еще хожалый потаскивается.... Избили, чу, ее этта.... И сами передрались....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не солгалъ.... все правда! И по моему такъ выходило.... все такъ! На цѣлковый за правду....

ПЕТРЪ (принимая деньги).

Да ужь на счетъ этого, если что узнать — не сумлѣвайтесь: тоньше меня человѣка нѣтъ.... А только бы, баринъ, надо жалованья прибавить: хлопотъ больно много....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я хочу тебя только испытать: я и безъ тебя все знаю....

ПЕТРЪ (почесывая затылокъ).

Да такъ-то такъ, только вамъ этакого другаго человѣка не найти, окромѣ меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

И ты нигдѣ этакого жалованья не получишь, какъ у меня. Я и еще прибавлю, только будь вѣренъ.

(Слышенъ стукъ въ двери направо).

(*Голосъ за сценой*) Можно войти?

ПЕТРЪ.

Хозяйка, знать....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Можно.... А ты, Петръ, поди.

(Петръ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и ТЯПКИНА.

ТЯПКИНА (входя).

Здравствуй, сударь, Готлибъ Эрнычъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Здравствуйте. Садитесь....

ТЯПКИНА (садится).

Ну, батюшка мой, привела я къ тебѣ и красную дѣвицу.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Какую? Неужели Агафью?...

ТЯПКИНА.

Ну, нешто....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ахъ, ну вотъ хорошо!... благодаренъ!... А какъ же тамъ, дома, никто ея не хватится?

ТЯПКИНА.

Ну, ужь коли я за это дѣло взялась, такъ ничего не бойся: у меня и не отъ такихъ дѣловъ концы прятались.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а вамъ за это пять цѣлковыхъ, какъ сказалъ....

ТЯПКИНА.

Да на этомъ покорнѣйше благодарю.... Только вотъ что, баринъ: скажи ты мнѣ всю правду, что̀ ты есть за человѣкъ и какія ты дѣла дѣлаешь?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ужь я вамъ говорилъ, что я лекарь, магнитизеръ....

ТЯПКИНА.

Да я это слышала.... Такъ и добрымъ людямъ говорю, какъ ты велѣлъ, что-молъ, лекарь у меня постоялецъ.... мигазоръ, глазами лечитъ; начнетъ глазами мигать, изъ глазъ у него искры посыплются, въ сонъ человѣка вгонитъ, и сномъ всякая болѣзнь проходитъ, а особливо такая болѣзнь, что съ порчи на человѣка напущена. Это я все такъ и говорю.... Только ты смотри, баринъ, этимъ мигазорствомъ въ бѣду меня не введи. Сегодня надзиратель объ тебѣ у меня навѣдывался: чѣмъ, говоритъ, занимается твой постоялецъ и отчего къ нему пріѣздъ такой большой? Я ему вотъ этими самыми словами и говорю.... А имѣетъ ли, говоритъ, онъ разрѣшеніе отъ начальства лечить этакимъ манеромъ? У насъ, говоритъ, по̀ дѣламъ этого не видно. Надо, говоритъ, до него добраться.... Ты смотри, баринъ, чего бы не вышло, чтобы мнѣ послѣ не напрыгаться.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Развѣ вы не знаете, какія ко мнѣ знатныя особы ѣздятъ.... Я ничего не боюсь, и вы не бойтесь. А скажите квартальному, чтобы онъ ко мнѣ побывалъ. Мнѣ давно надо съ нимъ познакомиться.

ТЯПКИНА.

Да смотри: онъ уже и самъ безъ зва къ тебѣ нарѣжется, ужь я вижу.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, и прекрасно.... А вы, Анна Семеновна, служите мнѣ только вѣрно и ничего не бойтесь. Дайте мнѣ время: я скоро у васъ займу весь верхъ на нѣсколько лѣтъ, за хорошую цѣну и отдѣлаю на свой счетъ.... Ну, гдѣ же Агафья?

ТЯПКИНА.

А она у меня въ компатѣ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ:

Пошлите же ее ко мнѣ, да скажите ей, чтобы она ничего не боялась.

ТЯПКИНА.

Ну, баринъ! Нечего говорить, и безъ того не испугается: не такая дѣвка.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А что?

ТЯПКИНА (уходя).

У! удалая!...

ЯВЛЕНІЕ III.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (одинъ).

О, если бы это удалось, моя карьера сдѣлана! Да и чего нельзя здѣсь сдѣлать умному человѣку?

ПЕТРЪ (выставляя голову черезъ дверь).

Пустить что ли дѣвицу-то?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Пусть войдетъ.

(Агафья входитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ (входя).

Здравствуйте, сударь.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Здравствуй, милая.

АГАФЬЯ.

Зачѣмъ, сударь, изволили требовать?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А что, твой Иванъ здоровъ?

АГАФЬЯ (усмѣхаясь).

Какой-съ Иванъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Твой Иванъ.... сосѣдъ....

АГАФЬЯ (ухмыляясь и манерничая).

Не знаю, сударь, про что вы говорите.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А что лучше: сѣрая шинель или черный сюртукъ? а?... Они сошлись и разодрались изъ-за тебя: который сильнѣе? а?...

АГАФЬЯ (съ изумленіемъ).

Ай, да чтой-то, батюшки! Баринъ, вы колдунъ что ли?... (*оправляясь*) Да ничего этого нѣтъ и не было; вамъ все наврали на меня.... Да и что вамъ до меня, баринъ? Зачѣмъ изволили звать-то?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Хочешь, я предскажу тебѣ твою судьбу.

АГАФЬЯ.

Ну, предскажите-съ. Не больно, чай, весела выдетъ моя судьба....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, слушай: барыня тебя не любитъ и браннтъ.

АГАФЬЯ.

Да ужь нашей барынѣ что и дѣлать, что не дѣвокъ бранить: она безъ этого изсохнетъ.... Да вы ее знаете, что ли?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я и барыню твою знаю, и тебя знаю, и всю вашу дворню знаю: Прохоръ, Савелій, Марья, Дарья.... Такъ ли?

АГАФЬЯ (улыбаясь).

Такъ, такъ! затвердили твердо. Ну, а вотъ я такъ не знаю васъ, никогда не видывала....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Меня, никто не видитъ и не знаетъ, пока я самъ не захочу показаться, а я знаю всѣхъ, всѣхъ....

АГАФЬЯ.

Ай! Ну, а вотъ у насъ Марья пресекретная дѣвка.... Ну-те-ка скажите, кто у нея. Ужь вотъ никто во дворнѣ не знаетъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я знаю.

АГАФЬЯ.

Ахъ, скажите: хоть бы попрекнула!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Его зовутъ Федоромъ.... но она никогда не признается, будетъ запираться.... Слушай дальше про себя.

АГАФЬЯ.

Федоръ.... Ну, ужь я не забуду же, допытаюсь.... Извольте говорить про меня-то.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Барыня у васъ всегда была сердита и не любила тебя, а съ недѣлю точно съ ума сошла: пилитъ тебя поминутно, каждый день....

АГАФЬЯ.

Ахъ, баринъ.... А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ ровно съ ума сошла.... Проходу не даетъ. И ну-те-ка что выдумала!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (перебивая ее).

Я знаю.... будто ты въ связи съ бариномъ....

АГАФЬЯ (хохочетъ).

Да, да.... Ну, придетъ же вѣдь этакая исторія въ голову! Кабы вы знали, баринъ-то какой.... Уморушка одна: какъ ей это въ ея башку-то втемяшилось.... Только бы вы на барина-то посмотрѣли.... (*Смѣется*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Мнѣ нечего смотрѣть: я и отсюда вижу.... Онъ толстый, задыхается, лицо красное, больше лежитъ, ходитъ мало....

АГАФЬЯ.

Ну такъ, такъ.... Какъ есть, — вылитый.... Да какъ вы это все знаете? право, баринъ, вы либо колдунъ, либо ужь я не знаю что....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я не колдунъ, но мнѣ Богъ далъ такую силу, что я могу видѣть человѣка издали и знаю все, что онъ думаетъ и дѣлаетъ... Ну, молчи и слушай, что будетъ съ тобой.

АГАФЬЯ.

Ну-съ, извольте.... Ахъ, баринъ, мнѣ ужь ровно и страшно стало съ вами.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не бойся: черезъ меня тебя ожидаетъ счастіе. Я увидѣлъ, что тебя обижаютъ по-напрасну. И знаешь, что я для тебя сдѣлаю. Ты будешь вольная и будешь жить со мной въ богатствѣ и роскоши, какъ барыня....

АГАФЬЯ (весело смѣется).

Ну, ужь вотъ такъ, баринъ, выдумали сказку. Отъ нашей барыни вольная. Да и съ вами жить, да и барыней.... Ха, ха, ха....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Но знаете ли вы, умѣете ли понять, что у него въ душѣ и что онъ скрываетъ за этимъ смѣхомъ. Вы возбуждаете въ его душѣ ярость; каждая обида, которую вы наносите Агафьѣ, увеличиваетъ въ немъ злость противъ васъ. Вы понимаете, на что онъ можетъ рѣшиться, и въ душѣ его уже зрѣетъ замыселъ!

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, онъ хочетъ меня отравить. О, я давно это подозрѣвала. Онъ на все способенъ. Ахъ, Господи, что будетъ со мной несчастной? онъ и сегодня ночью подавалъ мнѣ воды.... Ахъ, ахъ!... Можетъ быть, уже я и теперь отравлена.... ахъ!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Успокойтесь: я бы зналъ, еслибъ это было. Нѣтъ, вы не отравлены. Успокойтесь....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, успокойте меня; я такъ вѣрю вашимъ словамъ. Успокойте меня. Я страдалица за свою любовь къ мужу....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я принимаю въ васъ участіе, я хочу вамъ помочь.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (со слезами).

Ахъ, помогите мнѣ, спасите меня!...

ЗИЛЬБЕРБХЪ.

Слушайте: только тогда вашъ мужъ будетъ излеченъ отъ своей страсти и вы останетесь въ безопасности, когда Агафья сама признается во всемъ; но къ этому можетъ принудить ее только моя сила; я могу ее усыпить при васъ и во снѣ она разскажетъ все.... Хотите, чтобы я это сдѣлалъ?...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, ради Бога....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Но я въ такомъ только случаѣ берусь за это, если послѣ моего сеанса Агафья ни минуты не останется въ вашей власти. Поймите: мнѣ очень трудно будетъ заставить ее говорить, и весь мой трудъ пропадетъ даромъ, если она останется послѣ того въ вашемъ домѣ, потому что тогда гибель ваша неизбѣжна....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, полноте, стану ли я держать ее у себя? лишь бы она только призналась, я ее тотчасъ же даромъ отдамъ кому нибудь....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Но развѣ мужъ вашъ не можетъ купить ее назадъ и возвратить къ себѣ? Потомъ, изъ страха вашей мести, она готова будетъ погубить васъ; да наконецъ я не хочу, чтобы чрезъ мое вмѣшательство кто нибудь страдалъ: я употребляю свою силу только для счастія людей; а если бы я захотѣлъ вредить, тогда бы все погибало отъ одного моего взгляда.... У меня больше могущества для зла, но я добръ и не хочу вредить людямъ. Такъ вотъ вамъ два условія: или вы дайте Агафьѣ вольную и я возвращу вамъ спокойствіе и вѣрность мужа, или я отказываюсь отъ всякаго вмѣшательства и не ручаюсь за вашу жизнь.... Выбирайте....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Но какъ же я дамъ вольную этакой мерзавкѣ, которую надо бы упрятать куда нибудь за ея поступки, чтобы она помнила, что значитъ быть соперницей барыни....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, въ такомъ случаѣ нечего и вамъ ждать отъ меня помощи. Позвольте съ вами проститься....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не оставляйте меня въ такомъ ужасномъ положеніи!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Это отъ васъ зависитъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, я согласна на все, только не оставляйте меня. Дайте мнѣ вашу руку. Я готова всѣмъ пожертвовать для васъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Сударыня, я служу всему человѣчеству.... Я исключеніе изъ людей; мнѣ дана такая сила, которой никто не имѣетъ. Я долженъ дѣлать добро слабымъ людямъ и хочу его дѣлать. Я лѣчу бѣдныхъ безвозмездно и знаю, что многіе молятся за меня.... Я вижу, что у васъ добрая душа, что вы страдаете, и хочу вамъ помочь, но не хочу, чтобы чрезъ добро для васъ кто нибудь пострадалъ, хоть бы даже и эта виновная Агафья.... не мнѣ ее наказывать!... И вы, если хотите получить отъ меня помощь, не должны ей вредить, а то сила моя, вмѣсто добра, принесетъ вамъ несчастіе.... Я не богатъ, оттого что люблю людей и часто жертвую своей силой даромъ, между тѣмъ какъ мнѣ стоитъ захотѣть и золото со всѣхъ сторонъ понесутъ ко мнѣ. И вамъ по-

мочь я хочу не изъ корысти, а только потому, что полюбилъ васъ: въ доказательство этого я ничего не возьму съ васъ за сеансъ съ Агафьей. Я сдѣлаю для васъ добро даромъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этого....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, это ваше дѣло.... Теперь дайте мнѣ вашу руку и смотрите мнѣ прямо въ глаза; я скажу вамъ, что̀ вы думаете и чувствуете....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (подавая руку и жеманясь).

Ахъ, мнѣ такъ трудно смотрѣть въ ваши глаза, изъ нихъ такъ и сыплются искры. Ахъ, нѣтъ я право не могу.... *(то опускаетъ, то поднимаетъ глаза)*. Что за глаза!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (пристально смотритъ на нее нѣсколько временп).

Сейчасъ вы думали очень много дурнаго: вамъ жалко дать вольную, вамъ жалко потерять слугу; подъ вліяніемъ скупости вы начинаете даже подозрѣвать меня; не вѣрите моимъ словамъ и думаете: не обманываетъ ли онъ меня?... (*Отталкиваетъ ея руку*). Нѣтъ, вы не стоите моего вниманія и участія....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (хватая его руку).

О, простите меня, простите.... Вы удивительный, вы необыкновенный человѣкъ!... Да, это правда, что̀ вы говорите: я не могу скрыть предъ вами своихъ мыслей. Но теперь я вамъ вѣрю, вѣрю и готова все дѣлать, что̀ вы прикажете....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (смотря на нее).

Да, теперь вы говорите искренно. Я васъ прощаю. Но помните, что тотъ, кто колеблется въ довѣріи ко мнѣ — вызываетъ на себя мой гнѣвъ. А худо тому человѣку, на кого этотъ гнѣвъ обрушится. Помните это.... Дайте-ка мнѣ вашу руку. (*Воробейчикова подаетъ*). Что это? Агафья бѣжала отъ васъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (въ тревогѣ).

Неужели?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, но она воротится.... Погодите.... Когда? Воротится послѣ завтра въ 5 часовъ вечера. Она имѣла дурный замыселъ противъ васъ, но онъ ей не удастся. Ну, такъ всего лучше: послѣ-завтра будетъ мой сеансъ, а къ тому времени вы приготовьте отпускную и предъ началомъ сеанса отдайте мнѣ ее... Мужа вашего не должно быть тутъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, я и не подумала объ этомъ. Куда же мнѣ его дѣвать?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Постарайтесь, чтобы уѣхалъ куда нибудь.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, онъ вѣдь почти никуда не ѣздитъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь знакомыхъ, куда бы я могъ пріѣхать.... Погодите.... Дайте руку.... У васъ есть знакомая Александра?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Есть, есть....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

У нея въ домѣ Софья, Вѣра....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, да! Ахъ, это удивительно, ахъ, что за чудо такое!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вотъ у нихъ. Они будутъ рады....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, вообразите, что я хотѣла васъ просить съѣздить именно къ этимъ знакомымъ. Я имъ говорила объ васъ, и они непремѣнно хотѣли васъ видѣть. Боже мой, что вы за необыкновенный человѣкъ! Это просто удивительно, сверхъестественно! Ахъ Готлибъ Эрнстовичъ!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну–съ, такъ до свиданья! Ужь извините, я усталъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Прощайте, прощайте, до свиданія. Я все сдѣлаю, что вы приказываете.... А объ Агафьѣ, если въ самъ-дѣлѣ бѣжала, не безпокоиться?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Она бѣжала, но послѣ завтра воротится: я вамъ сказалъ вѣдь ужь.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, вѣрю, вѣрю! Буду вѣрить во всемъ, всегда. Это просто непостижимо! До свиданія, до свиданія.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Прощайте.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А завтра мнѣ позволите къ вамъ пріѣхать?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, завтра нельзя, а послѣ завтра пожалуйте, чтобы увѣдомить, какъ и гдѣ вы все устроите.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Хорошо, хорошо, непремѣнно.... Прощайте. Ахъ, Готлибъ Эрнстовичъ, вѣдь, это просто непостижимо! Но я васъ задерживаю. Прощайте.... Непостижимый человѣкъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и АГАФЬЯ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (выждавъ, когда Воробейчикова уѣхала, говоритъ за двери Петру).

Петръ, больше никого не принимать. (*Идетъ къ драпировкѣ и открываетъ ее*) Ну, Агафья, выходи теперь (*Агафья выходитъ*). Ну, слышала ли?

АГАФЬЯ.

Слышала, слышала. Ахъ, баринъ! Да что вы за баринъ такой и вправду... Такъ неужто я и въ самомъ дѣлѣ вольная буду?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Будешь, если сдѣлаешь все, что̀ велю послѣ завтра вечеромъ.

АГАФЬЯ.

И вольная буду?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Будешь.

АГАФЬЯ.

Совсѣмъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Совсѣмъ.

АГАФЬЯ.

Ну, просто ума помраченье. Вотъ чего никогда не ожидала, не чаяла... Да что съ нашей-то сдѣлалось? Да какъ это она во всемъ вѣритъ-то да слушаетъ-то васъ?.. Ну, баринъ! Этакую жидовку обработалъ... Такъ за носъ и водитъ... И что выдумалъ! Что про меня-то выдумалъ!.. А она вѣритъ... ха, ха, ха... Ну-у!.. вы хитры, да ужь и она дура, даромъ что барыня моя. Плететъ ей турусы на колесахъ,, а она слушаетъ, вѣритъ... ха, ха, ха...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (строго).

Чему же ты смѣешься? Ты видишь, что твоя судьба зависитъ отъ меня: захочу, и ты будешь вольная, а не захочу,—подумай, что̀ съ тобой будетъ...

АГАФЬЯ.

Ужь извините, сударь, не прогнѣвайтесь. Я право тутъ и ума не приложу, что̀ это за диковинное дѣло такóе... Только мнѣ на свою-то очень смѣшно, что какъ вы ей помыкаете...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Чего ты не понимаешь, о томъ не должна и разсуждать. Ты должна только помнить, что я хочу сдѣлать тебѣ добро: ты будешь вольная... Желаешь ты этого?

АГАФЬЯ.

Какъ, сударь, не желать... На вѣки за васъ Бога должна молить... Только какъ бы мнѣ въ бѣду не попасть какую,—ужь очень вы мудреное нѣчто затѣиваете...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ты видишь, что я имѣю власть надъ твоей госпожей: она сдѣлаетъ все, что̀ я ни захочу... Мнѣ хочется сдѣлать тебя вольной, чтобы ты жила у меня... понимаешь?.. Только для этого нужно, чтобы ты сдѣлала то, что̀ я тебѣ прикажу... Согласна?..

АГАФЬЯ (опуская глаза съ притворною скромностью).

Извольте-съ, коли станетъ моего умѣнья...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О, это не трудно, я тебя научу. Ты теперь не пойдешь домой, а останешься у меня... Барыня твоя будетъ думать, что ты бѣжала...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ и ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ (входя съ нѣкоторою робостью).

Надзиратель пришелъ... требуетъ васъ видѣть.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вѣдь я тебѣ сказалъ: никого не принимать...

ПЕТРЪ.

Да я и говорилъ ему, что вамъ теперь некогда... Такъ скажи, говоритъ, что мнѣ нужно по дѣламъ службы...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (подумавъ).

Ну, хорошо! Проси его сюда... А ты, Агафья, поди въ ту комнату... вотъ за драпировку — и сейчасъ дверь направо... Тутъ мой кабинетъ... Я сейчасъ освобожусь...

(Агафья и Петръ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Честь имѣю кланяться... Извините, что обезпокоилъ... Надзиратель здѣшняго квартала Золотунчиковъ...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Очень радъ познакомиться (*подаетъ ему руку*). Не угодно ли садиться?..

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (садясь).

Вы господинъ Зильбербахъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я самый. Что вамъ угодно?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Вы изволите здѣсь жить?..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, я здѣсь квартирую...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

До сихъ поръ не имѣлъ удовольствія съ вами познакомиться... Вы иностранцы?..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, иностранецъ. Мой паспортъ предъявленъ въ полиціи...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Очень знаю-съ... Но не имѣлъ чести быть лично знакомъ съ вами... А наша служба, знаете, требуетъ полной извѣстности, потому — такая наша обязанность полицейская. Я отвѣчаю за всѣхъ обывателей своего квартала передъ начальствомъ... И начальство предписываетъ намъ имѣть полныя свѣдѣнія насчетъ всѣхъ своихъ обывателей... Позвольте узнать, вы чѣмъ изволите заниматься?.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я?.. ничѣмъ...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Какъ ничѣмъ-съ?.. То есть какъ же это?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Такъ, ничѣмъ...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

То есть какъ же ничѣмъ-съ? Наше начальство такого отзыва не приметъ. У насъ въ Россіи каждый человѣкъ долженъ имѣть какое нибудь занятіе... потому, знаете, безъ всякаго занятія даже можетъ быть вредно для нравственности... (*Съ лукавымъ видомъ*) И притомъ даже можетъ быть отъ этого скучно .. Нѣтъ-съ, безъ этого нельзя... У каждаго человѣка должно быть какое-нибудь занятіе...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, пожалуй, и у меня есть занятіе: я пью, ѣмъ, сплю, ѣзжу въ гости...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (съ улыбкою).

Помилуйте, какія же это занятія... Это такъ сказать обязанности человѣка предъ природою, а не занятія...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А развѣ нѣтъ людей, которые ничего другаго не дѣлаютъ, кромѣ исполненія этихъ обязанностей?...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да нѣтъ-съ, позвольте: то совсѣмъ другое.... Тѣ люди такъ живутъ отъ большаго состоянія....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А почемъ вы знаете, какое у меня состояніе?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Помилуйте, я васъ обижать не хочу: я ничего не знаю, какое у васъ состояніе, можетъ быть и очень значительное. Но вотъ изволите видѣть: у насъ въ Россіи ужь такъ заведено, что всякій имѣетъ свое занятіе: купецъ, напримѣръ, производитъ торговлю, помѣщикъ имѣетъ своихъ крестьянъ, ремесленникъ занимается своимъ мастерствомъ, чиновникъ своей службой....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а я, видите ли, не купецъ, не помѣщикъ, не ремесленникъ и не чиновникъ.... чѣмъ же мнѣ прикажете заниматься?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Если вы не имѣете никакихъ занятій, значитъ вы здѣсь находитесь инкогнито. Въ такомъ случаѣ я долженъ буду довести

о васъ чрезъ свое начальство до свѣдѣнія его превосходительства господина оберъ-полицмейстера....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, я не инкогнито.... Вы видѣли мой паспортъ и знаете мою фамилію.... Да скажите наконецъ яснѣе: чего вамъ отъ меня угодно?... Что вамъ за дѣло, чѣмъ я занимаюсь?...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Если вы начинаете мнѣ дерзости говорить, такъ я не для дерзостей пришелъ. Отъ насъ это начальствомъ требуется. Въ такомъ случаѣ я долженъ буду довести до свѣдѣнія начальства, что въ моемъ кварталѣ проживаетъ человѣкъ изъ иностранцевъ, не имѣющій никакого занятія.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, что же, доносите....

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

А между тѣмъ извѣстно мнѣ, что къ нему каждодневно пріѣзжаютъ разнаго рода неизвѣстные мнѣ люди, и въ чемъ проводятъ они время, мнѣ неизвѣстно. Въ народѣ же идетъ молва, что господинъ Зильбербахъ занимается лѣченіемъ неизвѣстными средствами и предсказаніемъ будущаго, не имѣя на то разрѣшенія отъ медицинскаго начальства. Сія народная молва подтверждается и показаніями хозяйки дома, въ которомъ господинъ Зильбербахъ имѣетъ свое квартированіе. Предупреждаю васъ, что я долженъ буду донести такимъ образомъ, и наперед вамъ говорю, что пріятности вамъ отъ этого никакой не будетъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ

Ну, полноте, господинъ падзиратель.... чѣмъ намъ ссориться, лучше будемте друзьями.... Позвольте узнать ваше имя?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да мое имя — Николай Иванычъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Полноте, Николай Иванычъ, не заводите со мной ссоры, а лучше познакомимтесь покороче. Ссора со мной вамъ не принесетъ никакой пользы, а если мы будемъ жить въ миру, такъ я вамъ же могу быть полезенъ, потому что изъ числа моихъ знакомыхъ есть очень знатныя дамы.... Я вамъ признаюсь откровенно: я точно лечу магнетизмомъ, я магнетизеръ, но не имѣю разрѣшенія отъ медицинскаго начальства, и хотя въ силѣ моего магнетизма не можетъ быть никакого сомнѣнія, но ваши доктора изъ зависти помѣшаютъ мнѣ получить дозволеніе прак-

тиковать открыто. Такъ будьте вы честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, не мѣшайте мнѣ дѣлать добро: есть болѣзни, которыхъ ничѣмъ нельзя вылѣчить, кромѣ магнетизма. Зачѣмъ же пропадать моей силѣ даромъ?...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да вотъ изволите видѣть, конечно я очень вамъ вѣрю, только вѣдь отвѣтственность-то наша очень велика, если въ случаѣ чего нибудь....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Э, не опасайтесь, пожалуйста, ничего.... Вы поймите, я лѣчу большею частію богатыхъ и знатныхъ дамъ, которыя всегда за меня вступятся.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да это я очень хорошо понимаю, и конечно до высшаго начальства это скоро не дойдетъ. Да вѣдь у меня есть ближайшее начальство — частный приставъ. — Ну, случится, что онъ узнаетъ какъ нибудь мимо меня. Вѣдь тогда мнѣ очень не хорошо будетъ. Ты, скажетъ, братецъ, чего смотришь. Какой же, скажетъ, ты квартальный надзиратель? Или, скажетъ, ты нарочно скрывалъ отъ меня, чтобы одному пользоваться?... И мало ли что онъ можетъ подумать! У насъ передъ начальникомъ будь открытъ всѣмъ сердцемъ и всей душой.... Конечно вы, какъ иностранецъ, можетъ быть нашихъ служебныхъ порядковъ не знаете. Впрочемъ вотъ которые изъ иностранцевъ да пообживутся у насъ, такъ еще лучше русскихъ бываютъ.... всегда гораздо признательнѣй. Это надобно къ ихъ чести сказать.... Особенно въ нынѣшнія времена, какъ у насъ это вольнодумство завелось.... иностранцы гораздо признательнѣй русскихъ стали.... Вы давно ли изволите находиться въ Россіи?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я ужь давно, только я прежде жилъ въ западныхъ губерніяхъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Ну, такъ вамъ должно быть все извѣстно. Я полагаю вездѣ все одни порядки.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я очень хорошо все знаю, — и будьте увѣрены, вы будете мной довольны.... Только признаюсь вамъ, теперь еще пока я только начинаю практику, она еще въ плохомъ состояніи. Вы видите: и квартира маленькая, и мебель дурная....

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (осматриваясь).

Нѣтъ, ничего....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, полноте, то ли будетъ впослѣдствіи, когда меня узнаютъ побольше.... А теперь пока для начала.... *(Шепчетъ ему что-то на ухо, потомъ говоритъ вслухъ)* Довольно?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (отрывисто и несмотря на него).

Какъ вамъ угодно...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а потомъ, когда устроюсь, конечно уже тогда и болѣе..

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (тѣмъ же тономъ).

Какъ вамъ угодно... Я вѣдь не настаиваю. Для будущаго.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Позвольте мнѣ на минутку *(уходитъ за драпировку. Въ отсутствіе его квартальный надзиратель молча осматриваетъ комнату)*.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (возвратившись, садится около квартальнаго и подаетъ ему что-то въ руку).

Вотъ на первый разъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (молча киваетъ головой).

Я смотрю, — славныя зеркала. Ваши или хозяйскія?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Мои...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Позвольте же узнать ваше имя и отчество?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Готлибъ Эристовичъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Впрочемъ у иностранцевъ, кажется, по отчеству не называютъ. Это только мы русскіе... Вы изъ евреевъ или нѣтъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, я нѣмецъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

А, нѣмцы славный народъ, только скупеньки... Хе, хе, хе!.. Я люблю нѣмцевъ. Вотъ въ моемъ кварталѣ у меня есть большой пріятель нѣмецъ, булочникъ. Зайдешь этакъ иногда. Ну, что? скажешь. Нишово! говоритъ... Ну, что, водка есть? — А, водка, мошно! говоритъ. Пресмѣшной... А вы водки не пьете?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, не пью. Но если вамъ угодно, я велю сейчасъ подать.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (разсѣянно).

Нѣтъ, я не къ тому, а впрочемъ...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Эй, Петръ!

ПЕТРЪ (входя).

Чего изволите?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Подай сюда водки поскорѣе.

ПЕТРЪ.

Сейчасъ. (*Уходитъ*).

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да напрасно. Что это у васъ,—панятой? (*Указывая на Петра*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нанятой.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Хорошій человѣкъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, хорошъ!..

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

И расторопенъ? проворный?

(Петръ вноситъ подносъ съ водкой и закуской).

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

А, братецъ, проворенъ. (*Къ Готлибу Эрнстовичу*). По-русски, съ хозяина начинать.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, я не пью.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (наливая рюмку).

Напрасно! Это иногда не мѣшаетъ... (*Выпиваетъ*). Ну, любезнѣйшій Готлибъ... какъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Эрнстовичъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Эрнстовичъ, такъ какъ же, полѣчиваете?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, лѣчу.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (закусывая).

Этимъ... магнетизмомъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

И помогаетъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Почти всегда въ иныхъ болѣзняхъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Гм... Лѣчите, лѣчите... Давай вамъ Богъ... (*Наливаетъ рюмку*) Слыхалъ и я, что очень помогаютъ иные. Когда случится, не оставьте и насъ (*выпиваетъ*). Ну, а скажите пожалуйста, какъ вы до этого достигли: изъ книгъ, отъ ученья, или такъ, отъ себя? (*закусываетъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Книги этому не научатъ, для этого нужна особенная, врожденная сила...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (съ легкимъ вздохомъ).

Да, премудрость... И какъ же эта сила... въ глазахъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

И вы только и дѣйствуете, что глазами?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Только глазами.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Скажите... (*Наливаетъ рюмку и выпиваетъ*). То-то, я думаю, барыни-то, барыни-то наши... воображаю... Хе, хе, хе... Вы же, батюшка, природой-то одарены.... Лафа вамъ... а? хе, хе, хе... (*Послѣ краткаго молчанія*) Однако (*быстро наливаетъ рюмку и выпиваетъ*) сколько видно ни сиди, а хозяину надо дома оставаться, а гостю домой идти. (*встаетъ*) Прощайте, почтеннѣйшій, (*подаетъ руку*) желаю вамъ всякаго успѣха. Милости прошу ко мнѣ. Будьте знакомы... Право, что же?.. Заходите когда... И я когда къ вамъ заверну.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Благодарю васъ. Заходите.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (уходя).

До свиданія (*уходитъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (вслѣдъ ему, злобно).

Schwernot.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Александры Ивановны.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА и ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я тебѣ сказала, Вѣра, что я не хочу, чтобы этотъ человѣкъ бывалъ въ моемъ домѣ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Тетенька, простите его, онъ раскаивается, что огорчилъ васъ, и готовъ просить прощенія.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Не надо мнѣ его извиненій: пусть только оставитъ меня въ покоѣ. Я не могу терпѣть тѣхъ людей, которые позволяютъ себѣ въ моемъ домѣ вольности... И кто же, кто?.. какой нибудь Троеруковъ!.. Что онъ такое? мелочь, ничтожество!..

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Не говорите такъ, тетенька, про Сергѣя Николаича. Вы знаете, что я люблю его.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Не хочу я знать этой любви: я на нее тебѣ своего согласія не давала. Или ты хочешь безъ моего благословенія выдти замужъ? Да, вѣдь вы бѣжать съ нимъ хотите, обвѣнчаться потихоньку. Такъ знай, тогда я отрекаюсь отъ тебя. Не надѣйся, что я прощу тебя. Я не изъ такихъ. Нога твоя въ моемъ домѣ не будетъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Не безпокойтесь, тетенька, я ни на что не рѣшусь безъ вашего согласія. Я знаю, что мнѣ грѣхъ будетъ огорчить васъ. Вы мнѣ вторая мать. Я вамъ всѣмъ обязана.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (смягчаясь).

Ну, такъ и нечего его тебѣ любить. Эту глупость надо выкинуть изъ головы. И подумай, мой другъ, пара ли онъ

тебѣ: ни чину, ни состоянія. И къ тому же невѣжа: не умѣетъ себя держать въ порядочномъ обществѣ. Видитъ, что у меня сидитъ женщина, съ которой и я обращаюсь съ уваженіемъ.... потому что такихъ людей не только уважать надо, а благоговѣть передъ ними, потому что они наши наставники.... онъ вдругъ: я тебя въ острогъ посажу!... Ну, что это? подумай. Какимъ надобно быть человѣкомъ, чтобы позволить сказать себѣ это! И что онъ-то такое?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Конечно, тетенька, онъ тогда очень глупо и неосторожно выразился: онъ самъ въ этомъ раскаивается. Но, вѣдь и эта Аксиньюшка вывела его изъ себя: стала говорить на его счетъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

А–а, стало быть онъ заслужилъ того.... Аксиньюшка не стала бы говорить такъ про него, если бы въ немъ этого не было. Такіе люди видятъ всю душу человѣка. Вѣдь, она не стала же говорить про меня ничего дурнаго.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Но что же ему дѣлать, тетенька, если онъ не вѣритъ во всѣхъ этихъ предсказателей?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Во что же онъ вѣритъ послѣ этого?... Значитъ, ужь онъ совсѣмъ потерянный, невѣрующій человѣкъ. Чего же послѣ этого ждать отъ него? Можетъ ли онъ быть хорошимъ мужемъ и отцомъ? Нѣтъ, правду говорила про него Аксиньюшка, что онъ думаетъ только получить состояніе и прибрать къ рукамъ меня, старуху, и что онъ вовсе не любитъ тебя.... что у него и безъ тебя есть много....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вспыхнувъ).

Все это вздоръ, вздоръ.... Ахъ, тетенька, зачѣмъ вы вѣрите этимъ юродивымъ?—они васъ только обманываютъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Прекрасно! безподобно!... Видно и тебя ужь онъ успѣлъ просвѣтить? Да позволь тебя спросить, что я — глупѣе тебя что ли? или меньше твоего на свѣтѣ жила? Отчего же это я вѣрю Аксиньюшкѣ? И развѣ я могу ей не вѣрить, когда она открываетъ мою душу, мои тайныя мысли?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А мнѣ-то, тетенька, разсказала всю мою жизнь.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, вотъ!... А ты про такого человѣка говоришь, что она обманываетъ.... Къ чему же послужило тебѣ все мое воспитаніе? Спасибо, племяненка! Аксиньюшка, этакая блаженная, которая можетъ быть голодомъ себя моритъ, цѣлыя ночи молится, — она станетъ обманывать!... Нечего сказать, умно....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ну, тетенька, если не обманываетъ, такъ можетъ ошибаться.... вѣдь она человѣкъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Никогда не можетъ ошибаться.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Полно, Вѣра, какъ ты заразилась идеями Сергѣя Николаича. Хоть бы ты сегодня-то не приглашала его, а то ужò при магнетизерѣ онъ, пожалуй, такую же сцену пріятную сдѣлаетъ, какъ и съ Аксиньюшкой.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, Вѣра Сергѣевна, я напередъ тебѣ говорю, что если онъ, ужò, когда будетъ у насъ магнетизеръ, если онъ хоть слово позволитъ себѣ сказать противъ него, я велю его вывести. Да прошу ему объявить, чтобы это былъ его послѣдній визитъ ко мнѣ. Нѣтъ, я вижу, что онъ производитъ на тебя самое дурное вліяніе.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Я вамъ даю честное слово, что онъ ничего не будетъ говорить противъ магнетизера.... (*твердо*). Но отказать ему отъ дома я, тетенька, не могу. Послѣ васъ онъ для меня дороже всего на свѣтѣ. Я вамъ сказала, что безъ вашего согласія я ни на что не рѣшусь, позвольте же мнѣ по крайней мѣрѣ видѣть человѣка, котораго я люблю....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Что же изъ этого будетъ, милая Вѣра?... Присутствіе человѣка, котораго ты любишь, который въ тебя влюбленъ, и за котораго тебѣ нельзя выдти за мужъ, можетъ имѣть гибельныя послѣдствія: дѣвушкѣ никогда нельзя за себя ручаться....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вспыльчиво).

Оставь меня, Софья, въ покоѣ. Сколько разъ я просила тебя никогда не принимать во мнѣ участія. Я ни твоихъ совѣтовъ, ни заботъ о себѣ не прошу, не прошу, не желаю,...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (съ притворно-равнодушной улыбкой).

Зачѣмъ же такъ горячиться? Я ничего не сказала обиднаго для тебя. Я говорила вообще обо всѣхъ дѣвицахъ и полагаю, что ты изъ нихъ не исключеніе. Я вѣдь не сказала, что ты въ связи съ *твоимъ* Троеруковымъ, а только говорю, что весьма короткія отношенія съ молодымъ человѣкомъ и неприличны и не безопасны....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Я тебѣ говорю — оставь, не тронь меня. Я все понимаю, къ чему что говорится, все....

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (быстро входитъ при послѣднихъ словахъ Вѣры Сергѣевны).

Что, что? что за споръ?... въ чемъ дѣло?... Здравствуйте, моя голубушка, Александра Ивановна (*цалуется съ нею*). Здравствуйте, *mesdames*. Ну что, объ чемъ спорите? (*подаетъ имъ руки и садится*).

(Вѣра и Софья, принужденно улыбаясь, не отвѣчаютъ).

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да впрочемъ—что намъ теперь спорить? Вотъ сейчасъ къ вамъ пріѣдетъ такой человѣкъ, который все вамъ разскажетъ. Ахъ, право, *mesdames*, какъ я рада, что вы его увидите. Ахъ, голубушка, Александра Ивановна, лѣчитесь у него и больше ни у кого, онъ чудеса дѣлаетъ. Вотъ сами увидите....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (съ улыбкой).

А у меня вотъ невѣрующая завелась: ничему не вѣритъ, и Акспньюшкѣ не вѣритъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Кто это?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вотъ Вѣра Сергѣевна.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, вѣрьте, *mon ange* (*со вздохомъ*). Какъ можно не вѣрить? вѣрьте! Ахъ, это такіе люди.... Но что вы увидите сегодня, это необыкновенно! Представьте: вѣдь Агафья-то

моя явилась!... Билась, билась, допрашивала ее, гдѣ была? Ничего не сказываетъ: сама, говоритъ, не знаю, гдѣ бродила. Зачѣмъ же ты убѣжала? Тоска, говоритъ, меня одолѣла.... Ну, какая тоска?... Вѣдь я ее, кажется, не уморила съ голода; посмотрите, какая рожа.... Ну, да ужо все разскажетъ, голубушка. Я ей ничего не сказала, а привезла сюда будто проводить. Боюсь, какъ бы отсюда-то не бѣжала.... да ужь я просила вашихъ дѣвушекъ присмотрѣть за ней. Помните ли вы, *mesdames*, его имя? смотрите, не забудьте: Готлибъ Эрнстовичъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Какъ же это, Ольга Федоровна? Готлибъ, это имя нѣмецкое, а вы говорили, что онъ грекъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, *ma chère*, онъ мнѣ самъ говорилъ, что онъ Грекъ и родился въ Египтѣ. А видите ли, какъ это, должно быть, случилось.... Онъ мнѣ разсказывалъ всю свою жизнь. Ахъ, сколько онъ перенесъ несчастій! Видите ли, отецъ у него былъ грекъ, а мать армянка.... но онъ ихъ не помнитъ; они умерли, когда еще онъ былъ ребенкомъ. Потомъ его увезли.... въ Пруссію?... да именно, въ Пруссію.... это вѣдь тоже нѣмцы, знаете.... и вотъ тамъ, должно быть, дали ему нѣмецкое имя.... ахъ, сколько перенесъ этотъ человѣкъ!... А знаете ли, *mesdames*, я вамъ скажу какую радость: онъ нашей вѣры. Онъ мнѣ самъ сказалъ.... Ахъ, право, голубушка, Александра Ивановна, какъ я рада за васъ, что вы съ нимъ познакомитесь: онъ вамъ поможетъ въ вашей болѣзни, непремѣнно поможетъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Дай Богъ. Я бы очень была вамъ благодарна. Ужь мнѣ мои болѣзни, кажется.... Дай вамъ Богъ здоровья, что вы обо мнѣ заботитесь.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, полноте, моя родная... если бы вы знали, какъ я васъ люблю! Право, какъ родную.... (*къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ*). А вы что задумались, *mon ange?*

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ, такъ, ничего....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А что же, Сергѣй Николаичъ будетъ сегодня?...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Хотѣлъ быть.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, я очень рада!... (*вполголоса*). Вотъ мы ужò его обо всемъ спросимъ.... (*вслухъ*). Ахъ, чтò-то онъ мнѣ скажетъ? Боже мой, если бы кто зналъ, въ какой я тревогѣ все это время: просто ни жива, ни мертва, рѣшительно измучилась; объ эти ночи совсѣмъ не сплю.... И повѣрите ли, какъ только забудусь, усну, сейчасъ мнѣ представляется, что меня хотятъ зарѣзать, убить, или отравить, и что онъ вдругъ въ самую рѣшительную минуту является моимъ избавителемъ. Такъ вздрогну, проснусь, сердце, сердце такъ и бьется, выпрыгнуть хочетъ.... Ахъ! это мое счастіе, что я отыскала этого человѣка. Что бы со мной было безъ него?... ахъ, я ужь не знаю!... Вы еще кого приглашали сегодня или нѣтъ?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да я не приглашала, а проговорилась Авдотьѣ Петровнѣ.... Та стала убѣдительно просить позволенія пріѣхать....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Не знаю, не разсердится ли онъ, что будутъ постороннія. Впрочемъ, чтò же, вѣдь это къ его славѣ.... Ахъ, Боже мой, чтò ужò будетъ со мной.... Просто сердце дрожитъ.... А вы, *mon ange*, Вѣра Сергѣевна, если что ужò будетъ Агашка говорить этакое.... знаете, непозволительное для дѣвушки.... вы ужь выйдите, *ma chère*.... Впрочемъ нѣтъ, я думаю, онъ не допуститъ.... Но я на всякой случай говорю, потому что вѣдь она будетъ во снѣ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Знаете, меня только одно безпокоитъ немножко.... Не грѣхъ ли это?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Полноте, тетенька, вѣдь это онъ будетъ дѣлать особенной силой, наука есть такая—магнетизмъ. Она даже и преподается въ училищахъ, но, знаете, не всѣ способны ее принять. Какой нибудь одинъ изъ милліона. Для этого даръ нуженъ особенный...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (подтверждавшая слова Софьи Сергѣевны киваніемъ головы и отрывистыми: да! да!)

Притомъ же, вѣдь онъ и вѣры нашей.... Нѣтъ, родная, Александра Ивановна, на счетъ этого не безпокойтесь. Да если

бы тутъ было что нибудь такое.... неужели бы я-то стала говорить о немъ? Вы меня знаете. Я вамъ говорю, что онъ нашей вѣры.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, вотъ это точно.... Впрочемъ нынче иные и нашей-то вѣры есть такіе, что ни во что не вѣрятъ.... вотъ, какъ господинъ Троеруковъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, я вамъ отвѣчаю: когда Сергѣй Николаичъ увидитъ его, и онъ ему повѣритъ. Вы посмотрите только, что̀ это за человѣкъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ и ТРОЕРУКОВЪ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (при входѣ Троерукова).

Ахъ, вотъ и Сергѣй Николаичъ. — Легокъ на поминѣ.... (*Троеруковъ со всѣми раскланивается. Александра Ивановна и Софья Серіьевна молча и небрежно кивають ему головой, Вѣра Серіьевна подаетъ руку*).

ТРОЕРУКОВЪ (обращаясь къ Воробейчиковой).

Вы изволите говорить: легокъ на поминѣ, — стало быть рѣчь шла обо мнѣ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да, тетенька говорила, что вы не вѣрите ничему чудесному.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А я увѣряла, что когда вы увидите, что̀ дѣлаетъ тотъ человѣкъ, который будетъ сегодня здѣсь, вы ему повѣрите.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (выразительно смотря на Троерукова).

Я тоже въ этомъ увѣрена, потому что вы сами говорили, что магнетизмъ есть въ природѣ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Да, дѣйствительно, магнетизмъ существуетъ; этого нельзя отвергать.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Слышите, Александра Ивановна? Ужь если Сергѣй Николаичъ этому вѣритъ, можете себѣ представить, что̀ въ состояніи сдѣлать этотъ человѣкъ, если онъ магнетизеръ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ и АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (увидя Авдотью Петровну, стремительно бросается къ ней).

Ахъ, Авдотья Петровна, какъ я рада, что вижу васъ сегодня...

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Здравствуйте, *ma bonne amie* (*Идетъ къ Александрѣ Ивановнѣ*). *Bonsoir*, Александра Ивановна... (*Садится*) Ухъ, устала... *Bonsoir, mesdames* (*киваетъ головой Софьѣ и Вѣрѣ и сидя подаетъ имъ руки*) Уфъ, какъ устала... Какъ я нынче стала слаба...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ужь давненько я васъ не видала, Авдотья Петровна... Какъ здоровье-то ваше?

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Что̀ мое здоровье!.. (*Машетъ въ отчаяніи рукой*) По обыкновенію, нервы...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, какъ *онъ* пользуетъ отъ нервовъ. Это совсѣмъ по его части. Онъ мнѣ говорилъ, что всѣ нервныя болѣзни онъ особенно удачно лѣчитъ...

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Это магнетизмомъ... да, я думаю... Ахъ, ужь чѣмъ меня не лѣчили... (*къ Александрѣ Ивановнѣ*). А что, онъ скоро будетъ?..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Долженъ быть скоро...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (смотритъ на часы).

Хотѣлъ быть въ 7 часовъ. Теперь ужь пять минутъ осьмаго...

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Интересно видѣть... Ахъ, еслибъ онъ меня взялся вылѣчить... Но это, кажется, невозможно...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Онъ вылѣчитъ, вылѣчитъ, увѣряю васъ...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (тихо Троерукову).

Ради Бога, показывайте видъ, что всему слѣпо вѣрите...

ТРОЕРУКОВЪ.

Но вѣдь это, право, неблагородно...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Это необходимо... Этимъ можете поддѣлаться къ тетенькѣ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (Авдотьѣ Петровнѣ).

Ну, а что — отъ сыновей нѣтъ писемъ?

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА (со вздохомъ).

Отъ Александра получила, а отъ Пьера нѣтъ. Да ужь я знаю: меня предчувствіе не обманетъ... Ахъ, вчера я видѣла какое видѣніе...

СЛУГА (въ дверяхъ).

Пріѣхалъ...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (торопливо).

Ахъ, пріѣхалъ... Александра Ивановна, голубушка, пріѣхалъ онъ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну что же проси, проси скорѣе сюда... Да чаю подавать...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (къ Софьѣ и Вѣрѣ).

Что, *mesdames*, не правда ли — какъ-то страшно передъ такимъ человѣкомъ? а?..

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (съ улыбкой).

Да, немножко (*смотрится въ зеркало*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ и ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (молча и важно раскланивается со всѣми).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (указываетъ ему мѣсто на диванѣ возлѣ себя).

Не угодно ли вамъ садиться... вотъ сюда... по ближе ко мнѣ... Какъ я вамъ благодарна, что вы сдѣлали честь своимъ посѣщеніемъ мнѣ, больной старухѣ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я предчувствовалъ, что вамъ нужна помощь...

ТРОЕРУКОВЪ (тихо Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Пари готовъ держать, что онъ жидъ и...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (также тихо).

Ради Бога, молчите... Помните, о чемъ я васъ просила.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (къ Зильбербаху).

Александра Ивановна съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала васъ... Она вполнѣ увѣрена, что вы не откажете ей въ своей помощи...

(ЗИЛЬБЕРБАХЪ молча кланяется).

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Ваша слава такъ гремитъ, что многія бы желали просить вашего совѣта и помощи...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я лѣчу только коротко знакомыхъ.

(СЛУГА разноситъ чай).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Если вы удостоили насъ своимъ знакомствомъ, то позвольте рекомендовать вамъ (*указывая на Авдотью Петровну*) — это другъ нашего дома...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (перебивая).

Позвольте... Авдотья Петровна...

(Всѣ выражаютъ изумленіе).

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, это удивительно! Это просто непостижимо! Ахъ, Готлибъ Эрнстовичъ!..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ужь я не знаю послѣ этого, нужно ли представлять вамъ моихъ внучекъ... (*указывая на Софью Сергѣевну*) Эта...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Софья...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

А эта... (*Указываетъ на Вѣру Сергѣевну*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вѣра...

(Общее изумленіе).

ВОРОБЕЙЧИКОВА (съ торжествующимъ лицомъ подходя то къ Софьѣ, то къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

А, каково, *mesdames*!.. а?.. Я вамъ говорила, что это необыкновенный человѣкъ. Погодите еще, что послѣ будетъ...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (вполголоса, взглядывая на Зильбербаха).

А какъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ!

ВОРОБЕЙЧИКОВА (въ совершенномъ восторгѣ).

Чудо, чудо! (*Снова садится около Зильбербаха*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Скажите, пожалуйста, какъ это вы можете узнавать имена? Это, вѣдь, непостижимо...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Простой даръ предчувствія...

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Охъ, я вѣрю въ предчувствія. Со мной это часто случается. У меня вѣдь нервы... Мнѣ, кажется, я очень склонна къ магнетизму... Знаете, со мной бываютъ даже этакія видѣнія (*Зажимаетъ глаза и машетъ рукой*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Слѣдовательно вы очень способны воспринимать магнетизмъ.

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, да, я именно такъ думаю. Я даже хотѣла непремѣнно искать такого магнетизера, который бы могъ меня магнетизировать.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (улыбаясь).

Магнетизеровъ, если хотите, теперь появилось очень много, но большею частію это либо шарлатаны, либо имѣютъ такую ничтожную силу, что они скорѣе бы повредили вамъ, еще больше разстроили бы ваши нервы. Но у васъ именно такая болѣзнь, на которую можетъ дѣйствовать только магнетизеръ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (нѣсколько жеманясь).

Ну, а я, скажите, — способна ли воспринимать магнетизмъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы хотя здоровы физически, но вашъ организмъ разбитъ нравственными страданіями вслѣдствіе огорченій, которыя испытали въ жизни...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (изображаетъ на лицѣ своемъ совершенное удивленіе, тихо вскрикиваетъ, всплескиваетъ руками и уныло опускаетъ голову).

ВОРОБЕЙЧИКОВА (подбѣгая къ ней).

Говорила я вамъ, *ma chère*, — это удивительный, необыкновенный человѣкъ. Даже страшно смотрѣть ему въ глаза... (*обращаясь къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ и Трофукову*) А? каково?.. (*Потрясаетъ торжественно головой, потомъ снова отходитъ и садится рядомъ съ Зильбербахомъ*).

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

А я именно очень склонна къ магнетизму. Со мной, знаете, что̀ бываетъ. Вдругъ сдѣлается, что я ничего не вижу, не слы-

шу, не чувствую, только чувствую, что я лечу, лечу, лечу... И вдругъ падаю, падаю, падаю... Или вдругъ вижу я такое видѣніе, что будто я гуляю въ этакомъ саду... и кругомъ меня этакіе цвѣты, деревья, виноградъ... А то мнѣ представляется видѣніе, что вокругъ меня ничего нѣтъ, совершенно ничего: одно небо... и я вижу кого нибудь... тамъ сыновей, или изъ знакомыхъ, о которыхъ много думаю... И всѣ слышатъ, какъ я съ ними разговариваю... Дѣвки мои тогда нарочно сходятся и слушаютъ, что я говорю, и послѣ мнѣ все разсказываютъ... А я говорю, говорю, и сама не знаю, что говорю... Я ужь и знаю, что это къ чему нибудь, какое нибудь предчувствіе... И ужь непремѣнно что нибудь послѣ этого со мной случится... Не правда ли, вѣдь это тоже магнетизмъ?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, это не то, что магнетизмъ, а это, знаете, — что-то въ родѣ галюцинаціи.

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, да, именно что нибудь въ этомъ родѣ.... Но вѣдь значитъ, я все-таки способна къ магнетизму?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, на васъ онъ будетъ очень скоро дѣйствовать.

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Я васъ прошу, вы, пожалуйста испробуйте надо мной свои силы. (*со вздохомъ*). Я вѣдь очень страдаю....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ, когда буду имѣть честь покороче познакомиться съ вами.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Готлибъ Эрнстовичъ, теперь вы здѣсь со всѣми знакомы, кромѣ одного человѣка. (*указываетъ на Троерукова*). Позвольте васъ познакомить.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (вставая и направляясь къ Троерукову, который также идетъ къ нему).

Очень пріятно.

ТРОЕРУКОВЪ.

Вы, вѣроятно, и мое имя знаете, такъ же, какъ и другихъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, теперь еще не знаю.... но можетъ быть не ошибусь, хотя, признаюсь вамъ, на мущинъ магнетизмъ дѣйствуетъ го-

раздо слабѣе, нежели на женщинъ, потому что организмъ ихъ грубѣе женскаго.... Ваше имя.... (*нѣсколько секундъ смотритъ на него пристально*). Ваше имя.... Сергѣй.

(Общее изумленіе).

ТРОЕРУКОВЪ (пожимаетъ плечами).

Совершенно справедливо: Сергѣй Николаичъ Троеруковъ.... (*съ улыбкой*). Дѣйствительно—вы необыкновенный человѣкъ!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А какъ вы думаете, Готлибъ Эристовичъ, что ожидаетъ въ будущемъ Сергѣя Николаича?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Все тоже, что и всякаго молодаго человѣка съ благородной душой и гордымъ сердцемъ, принужденнаго идти по тѣсной дорогѣ жизни: больше горя, нежели радости, горе въ настоящемъ, невѣрная радость въ темномъ будущемъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Благодарю васъ хоть за то, что вы, не обѣщая много хорошаго, умѣете польстить человѣку.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не польстить, а отдать должное.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А меня что ожидаетъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ваше будущее таково, что я могу его объявить вамъ только однимъ. Пожалуйте сюда (*отводитъ ее въ сторону*). Вы зароните искру любви въ душу такого человѣка, котораго считаете менѣе всего къ тому способнымъ; будете любить сами,—и ваше былое счастіе къ вамъ возвратится... Этотъ человѣкъ, кромѣ любви, можетъ вамъ достигнуть того, чего вы теперь напрасно желаете...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (сконфузившись и опуская глаза).

Что же такое?... Я, кажется, ничего не желаю....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Если не понимаете теперь этихъ словъ, то поймете тогда, когда исполнится первая половина моего предсказанія.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Но я за-мужемъ и не могу любить никого, кромѣ мужа.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы имѣете пылкое и нѣжное сердце, но любить своего мужа не можете, потому что онъ не стоитъ вашей любви....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Вы удивительный человѣкъ!....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Помните мои слова, — они сбудутся.... (*Отходитъ отъ нея, между тѣмъ какъ Софья Сергѣевна остается на томъ же мѣстѣ въ большомъ волненіи*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, а скажите-ка мнѣ,—меня вы старуху и забыли,—можно ли мнѣ ожидать чего нибудь хорошаго?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Главное хорошее, чего вы можете ожидать, — это здоровье. И вы будете вылѣчены именно мною, только, предупреждаю васъ, не скоро; другой же никто васъ не можетъ вылѣчить. И я васъ могу лѣчить только въ такомъ случаѣ, если вы готовы вполнѣ мнѣ довѣриться; если же нѣтъ, то лучше и не приниматься, — всѣ усилія мои будутъ безполезны.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же мнѣ не вѣрить вамъ, когда вы обѣщаетесь меня вылѣчить?... Я вѣдь ужь ротъ другой годъ въ креслахъ катаюсь, почти ходить не могу, спина ужасно болитъ. Чего мнѣ больше желать, какъ не здоровья?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, у васъ есть и кромѣ того много другихъ заботъ и огорченій....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, ужь если обо всѣхъ моихъ огорченіяхъ говорить, такъ ихъ и не перечтешь, нѣсть числа. Вотъ хоть бы одинъ процессъ, такъ меня смаялъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Процессъ вашъ очень скоро превратится для васъ изъ горя въ большую радость....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ? Такъ неужели я его выиграю?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы его выиграете непремѣнно съ помощью одного человѣка, на котораго меньше всего разсчитываете, если только (*вполголоса*) не будете довѣряться очень молодой дѣвушкѣ и очень молодому человѣку, которые и есть ваше настоящее горе — и въ настоящемъ, и въ будущемъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, понимаю! Такъ неужели правда, что они затѣваютъ что нибудь противъ меня?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Теперь я вамъ ничего не скажу болѣе, кромѣ того, что вы не должны показывать вида и должны быть ласковы съ обоими.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Благодарю васъ, благодарю васъ!... Ахъ, неблагодар....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Смотрите же, не подавайте вида....

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, а я не стану васъ теперь спрашивать о себѣ, а попрошу васъ, чтобы вы меня намагнетизировали, чтобы я сама все про себя предсказала....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Очень хорошо.... (*Къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ*) Ну, а вамъ не угодно меня спросить?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ, я боюсь узнавать впередъ будущее.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да и не мудрено бояться будущаго, когда въ настоящемъ все улыбается....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ну, не совсѣмъ.... Вы ошибаетесь....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не мудрено и ошибиться, потому что вѣдь я вамъ и не предсказываю. Тотъ, кто не хочетъ слышать отъ меня словъ правды, долженъ принимать ложь за правду.... (*Отворачивается*).

ВОРОБЕЙЧИКОВА (постоянно слѣдившая за Зильбербахомъ, быстро къ нему подходитъ).

Готлибъ Эрнстовичъ, теперь ужь вы всѣмъ предсказали.... не забудьте же и меня. Можно начать.... съ Агафьей?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Съ удовольствіемъ, если позволитъ Александра Ивановна.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, сдѣлайте милость....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Только послушайте: можетъ быть будутъ разоблачаться ваши семейныя тайны.... не тяжело ли вамъ будетъ при посто-

ронних? не лучше ли до другаго раза, когда нибудь у васъ въ домѣ?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста теперь: здѣсь все мои друзья, мнѣ ихъ нечего стыдиться. Да и кто не знаетъ моей несчастной судьбы?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, какъ вамъ угодно, для меня все равно.... Я готовъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Такъ я ее позову.... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ безъ ВОРОБЕЙЧИКОВОЙ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (подходя къ Троерукову).

Пожалуйста, не смотрите на меня, какъ на какого нибудь чудесника и не считайте меня за человѣка, желающаго казаться необыкновеннымъ и сверхъестественнымъ существомъ. Мы съ вами не женщины. Притомъ вы такъ образованы, что вѣроятно давно поняли, что всѣ мои дѣйствія — результатъ особенной магнетической силы, которая развита во мнѣ до крайней степени. Конечно, я увѣренъ, что вы не встрѣтите другаго такого магнетизера, какъ Зильбербахъ.... но все-таки тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго....

ТРОЕРУКОВЪ.

Признаюсь вамъ, я ничего и не вижу такого во всѣхъ вашихъ словахъ и дѣйствіяхъ, но тѣмъ не менѣе все больше убѣждаюсь, что вы необыкновенно умный человѣкъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Но однимъ умомъ тутъ ничего нельзя сдѣлать, если нѣтъ врожденнаго дара.

ТРОЕРУКОВЪ.

Скажите, пожалуйста, давно ли вы этимъ занимаетесь?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я открылъ въ себѣ эту способность, еще бывши ребенкомъ: какъ теперь помню, одинъ разъ въ школѣ я не могъ оторвать глазъ отъ ногъ учителя: почему-то мнѣ казалось, что у него одна нога въ чулкѣ, другая безъ чулка, босая; меня это такъ сильно заняло, что я не могъ удержаться и невольно сказалъ

вслухъ при всемъ классѣ: господинъ учитель, у васъ одна нога босая.... Сначала онъ на меня разсердился, а потомъ, когда дѣйствительно увидѣлъ, что, по разсѣянности, не надѣлъ чулка на одну ногу, чрезвычайно удивлялся, какъ я могъ это разсмотрѣть сквозь сапоги.... Тогда я и самъ не понималъ, что это было ясновидѣніе....

ТРОЕРУКОВЪ.

Но когда же наконецъ вы сознали въ себѣ эту силу?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О, уже послѣ, когда я былъ въ геттингенскомъ университетѣ.

(Входитъ Воробейчикова и Агафья).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, ВОРОБЕЙЧИКОВА и АГАФЬЯ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Вотъ, Готлибъ Эристовичъ, эта нимфа,—не угодно ли полюбоваться (*указываетъ на Агафью*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А!.. (*Смотритъ на нее молча*) Ну, *mesdames*, признаюсь, мнѣ эту дѣвушку будетъ трудно привести въ состояніе полнаго ясновидѣнія: она совершенно здорова и организма довольно крѣпкаго.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (злобно).

Кажется, нельзя сказать, чтобы барыня изморила на работѣ.

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ нельзя ли меня вмѣсто ея?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Нѣтъ, нѣтъ! ужь потрудитесь ее негодную. Сдѣлайте милость, Готлибъ Эристовичъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, тяжело мнѣ будетъ, но я по крайней мѣрѣ заставлю ее отвѣчать на нѣкоторые вопросы относительно одного обстоятельства. Ну, милая, возьми кресла и поставь сюда на средину комнаты.

(Агафья исполняетъ приказаніе).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Садись въ кресла.

АГАФЬЯ.

Какъ это можно, сударь!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Садись, садись, ничего.... тебѣ позволяютъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Полно манерничать, что, — тебя въ гости что ли позвали?... Садись, когда приказываютъ.

АГАФЬЯ.

Да я и постою, ничего-съ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (гнѣвно).

Тебѣ что говорятъ?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (дѣлаетъ знакъ рукою).

Позвольте. (*Къ Агафьѣ*) Поди сюда... (*становитъ ее передъ самымъ кресломъ и обращается къ окружающимъ*) Она у насъ сядетъ и не конфузясь.... Ну, *mesdames*, я васъ прошу теперь занять свои мѣста и не развлекать меня, а главное не обращаться къ ней (*указываетъ на Агафью*) ни съ какими вопросами.

(Всѣ усаживаются, воцаряется молчаніе. Зильбербахъ становится противъ Агафьи и начинаетъ въ упоръ смотрѣть ей въ глаза. Потомъ говоритъ ей тихо, но твердо: «сядь!» и Агафья какъ бы невольно опускается въ стоящія сзади ея кресла. Всѣ переглядываются и знаками выражаютъ удивленіе; Зильбербахъ начинаетъ магнетическій сеансъ. Подъ вліяніемъ его взглядовъ и движеній, Агафья постепенно впадаетъ въ магнетическій сонъ; глаза Зильбербаха блестятъ, лицо блѣдно, руки и ноги нѣсколько дрожатъ, какъ бы отъ сильной усталости).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ухъ, какое упорство!.. Однако уснула. (*Дѣлаетъ знаки молчанія, подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ воды и залпомъ выпиваетъ ее, потомъ опять подходитъ къ Агафьѣ и продолжаетъ магнетизированіе. Вслѣдъ за движеніемъ его руки, производимыми въ воздухѣ, спящая поднимаетъ и опускаетъ свои руки, наклоняетъ голову то въ ту, то въ другую сторону, не разжимая глазъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Теперь она спитъ совершенно и находится въ моей власти. Я буду спрашивать. (*Къ Агафьѣ*) Ты спишь?

АГАФЬЯ.

Сплю.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Кто тебя заставилъ спать?

АГАФЬЯ.

Готлибъ Эрнстовичъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Чего я хочу?

(Молчаніе).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отвѣчай, чего я хочу?

(Молчаніе).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отчего ты не отвѣчаешь?

АГАФЬЯ.

Тяжело. (*Грудь ея высоко поднимается, дыханіе тяжелое*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (дѣлаетъ нѣсколько движеній руками надъ Агафьей).

Теперь отвѣчай на вопросъ, чего я хочу?

АГАФЬЯ.

Чтобы я отвѣчала на всѣ вопросы.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О чемъ я буду спрашивать?

АГАФЬЯ (со стономъ).

Тяжело.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отвѣчай.

АГАФЬЯ.

О баринѣ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Виновата ли ты?

АГАФЬЯ.

Виновата.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Давно ли?

АГАФЬЯ.

Два года.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (всплеснувъ руками).

Два года!... Представьте, два года, а я и не знала ничего.... Ахъ, я несчастная! (*Начинаетъ плакать*).

ВСѢ (кромѣ Сергѣя Николаича, машутъ руками).

Сс, сс.... тише, испугаете!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Когда у васъ началось?

АГАФЬЯ.

Не помню.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вспомни.

АГАФЬЯ.

Не помню; тяжело.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я тебѣ приказываю, вспомни.

АГАФЬЯ.

Въ пятницу, вечеромъ. Барыни не было дома... (*Тяжело дышетъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Тебѣ очень тяжело?

АГАФЬЯ.

Очень, очень. Душно....

ВСѢ.

Довольно, довольно.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Еще одинъ вопросъ, послѣдній: гдѣ ты была послѣдніе два дня?

(Молчаніе).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отвѣчай.

АГАФЬЯ.

За городомъ. Охъ!..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, довольно, больше нельзя. (*Начинаетъ дѣлать движенія, выводящія изъ магнетическаго усыпленія*).

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Спросите ее, зачѣмъ она убѣгала, что у нея было на умѣ?... Батюшка, родной, спросите.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, больше нельзя, можетъ быть дурно.... Очень опасно, да и у меня больше нѣтъ силы.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Довольно, довольно, ради Бога.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, ахъ, каково? Какова жизнь!

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Пожалуйста, теперь меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, извините, я усталъ, не могу....

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Я сейчасъ усну, у меня сейчасъ видѣніе сдѣлается. Пожалуйста, я вамъ все буду отвѣчать.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, не могу.... Я право усталъ....

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Да вѣдь меня, право, легко: я вѣдь слабой комплекціи.... У меня нервы....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не могу.... Вотъ еще надо ее разбудить. *(Начинаетъ снова движенія).*

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, какъ это жалко!...

АГАФЬЯ (постепенно просыпается, озирается съ удивленіемъ и какъ бы вдругъ прійдя въ сознаніе, поднимается съ кресла).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Помнишь ли, что съ тобой было?

АГАФЬЯ (слабымъ голосомъ).

Никакъ нѣтъ-съ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Что у тебя болитъ?

АГАФЬЯ.

Голова болитъ-съ и грудь болитъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, поди, выпей холодной воды и прилягъ тамъ, полежи....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ мерзкая, мерзкая!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, ступай, ступай отсюда, милая!... *(Агафья уходитъ)* Ольга Федоровна, пожалуйста сюда. *(Отводитъ ее въ сторону и говоритъ вполголоса).* Послушайте, вы завтра же объявите ей, что она вольная и пришлите-ка мнѣ: я ей отдамъ отпускную, а то можетъ быть очень нехорошо, я предупреждаю васъ. Теперь вѣдь уже вы знаете, что воротить ее нельзя, такъ, пожалуйста, не ссорьтесь же съ ней, а просто прогоните ее отъ себя....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Охъ, если бы я знала прежде, дала бы я ей вольную!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а ужь теперь дѣло сдѣлано и, если хотите спокойствія, ни ей, ни вашему мужу ни слова, а то будетъ худо: смотрите. Я вамъ говорю.... Слышите?...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Непремѣнно, непремѣнно все сдѣлаю, какъ вы говорите.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а теперь сейчасъ же отошлите ее домой, чтобы не было лишней болтовни между здѣшними людьми.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Сейчасъ, сейчасъ. *(Уходитъ и потомъ вскорѣ возвращается).*

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (во время отсутствія Воробейчиковой).

Однако какъ разстроило все это г-жу Воробейчикову!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

И не мудрено: въ ея года получить такой афронтъ—не маловажность.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Я не могла безъ страха смотрѣть на васъ, когда вы магнетизировали. У васъ глаза до такой степени блестѣли, что, кажется, не было возможности смотрѣть на нихъ. Скажите, вамъ очень трудно было?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, сегоднишній сеансъ для меня очень тяжелъ....

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, какъ не трудно: это было видно по лицу.... Но если бы вы меня.... вамъ гораздо бы легче было. Я увѣрена, что вы когда нибудь исполните обѣщаніе, помагнетизируете меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Съ удовольствіемъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Но скажите пожалуйста, что̀ вы сами чувствуете, когда магнетизируете?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я въ это время забываю рѣшительно все окружающее и даже какъ будто не чувствую самого себя, но весь сосредоточиваюсь на какой нибудь одной мысли или желаніи.

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ такъ же точно бываетъ и со мной, когда я вижу видѣнія.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Однако позвольте мнѣ проститься. Я очень усталъ. ..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же вы развѣ не откушаете у насъ?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, благодарю васъ. Я не могу теперь ничего ѣсть.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, не смѣю васъ останавливать. Надѣюсь, что не оставите меня своей помощью. Теперь у меня только и будетъ надежды, что̀ на васъ.... Когда вы къ намъ опять пожалуете?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ:

Постараюсь въ скоромъ времени....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А мнѣ когда прикажете пріѣхать къ вамъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Когда вамъ угодно, я почти всегда дома.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, благодарю васъ, благодарю.... Безъ васъ я никогда бы не знала того, что̀ теперь знаю.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (раскланиваясь съ Софьей и Вѣрой).

Прощайте, *mesdames*.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Надѣюсь, что до свиданія.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (подавая руку Троерукову).

Прошу быть знакомымъ. *(Кланяется всѣмъ и идетъ. Всѣ, кромѣ Александры Ивановны, его провожаютъ до самыхъ дверей, а Воробейчикова и въ слѣдующей комнатѣ).*

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, какъ Авдотья Петровна? На мои глаза вѣдь онъ чудеса дѣлаетъ.

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, да!... Только — ахъ, какой онъ.... Зачѣмъ онъ не посадилъ меня?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, усталъ вѣдь очень. Вы видѣли....

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА:

Да вѣдь я бы его не утомила. Я бы въ одну минуту.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (тихо Сергѣю Николаичу).

Ну, что̀ вы скажете?

СЕРГѢЙ НИКОЛАИЧЪ.

Что сказать? Я и сообразить ничего не могу. Если онъ и шарлатанъ, то такой, какихъ не много на свѣтѣ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА,

А я такъ, признаюсь, почти вѣрю въ его силу, да и сомнѣваться нѣтъ возможности....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (возвращаясь).

Ну, *mesdames*, каковъ! Я вамъ говорю: чудо что такое.... Чудо, чудо!... Но какова моя судьба, а?... ахъ Боже мой, Боже мой!...

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Полноте, *ma bon amie*, плюньте на это. Пожили бы вы съ моими нервами....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Или съ моими непріятностями.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ахъ, всѣмъ намъ женщинамъ суждено переносить это несчастіе!

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Но вѣдь лѣта, *mon ange*, лѣта.... Вотъ вѣдь что главное.... Но онъ, онъ необыкновенный человѣкъ! не правда ли?

ВСѢ.

Да, да! Чудо, чудо!

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Небольшая комната, уставленная простою деревянною мебелью. У стѣны на право кровать подъ ситцевымъ пологомъ. По стѣнамъ наклеены лубочныя картинки духовнаго содержанія. На окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣски. Въ простѣнкѣ между ними шкапъ со стеклами. Ярко вычищенный самоваръ стоитъ на столикѣ въ углу.

ЯВЛЕНІЕ 1.

АКСИНЬЮШКА, АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА и АРБУЗКИНЪ.

(АКСИНЬЮШКА сидитъ на кровати, поджавши подъ себя ноги, черезъ столъ противъ нея сидитъ купецъ; АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА помѣщается у того же стола, рядомъ съ кроватью: въ рукахъ у нея толстый чулокъ, передъ нею на столѣ развернутая книга въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками).

АРБУЗКИНЪ.

Такъ теперича значитъ, Аксиньюшка, мнѣ эту матерію надо бросить и чувства свои оставить.

АКСИНЬЮШКА.

Распоешь кошель, наклади полнѣй горемъ масляным, да и носи у сердца.

АРБУЗКИНЪ.

Ахъ, грустно.... А какъ я эту дѣвицу почитаю всѣмъ своимъ сердцемъ, такъ этого сказать невозможно.

АКСИНЬЮШКА.

Товары-то хороши, да не про наши гроши.

АРБУЗКИНЪ.

А нельзя ли, Аксиньюшка, по крайности чувства ея на меня оборотить какимъ ни-на-есть манеромъ? Что пущай, коли родители не выдаютъ ее за меня, такъ хоша бы въ любовь мнѣ съ ней сердечную войти. Помогите, Аксиньюшка, нѣтъ ли у васъ какого противъ этого средствія?...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Что вы, почтеннѣйшій, развѣ матушка этакими дѣлами заимствуется? Развѣ она колдунья, али ворожейка какая, что станетъ вамъ приворотнаго зелья давать? Да про твои грѣховныя богомерзкія дѣла и слушать-то не захочетъ. Ну-те-ка привороту проситъ!...

АРБУЗКИНЪ.

Да вѣдь, пожалуйте, позвольте-съ: вѣдь я не къ тому-съ ... я только совѣта прошу, что мои чувства самыя мучительныя, измучили меня совсѣмъ. Извините пожалуста.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да ты, любезный человѣкъ, зналъ бы къ кому съ чѣмъ идти. Коли ты къ блаженному человѣку пришелъ, такъ ты не о томъ помышляй: мірскія-то свои грѣховности оставь, а проси совѣта на дѣла добрыя, да помышляй, какъ бы душу свою спасти....

АКСИНЬЮШКА.

Парень дѣвку полюбилъ, свою душу загубилъ, Богу не молится.... Ха, ха, ха..... (*Дѣлая вдругъ печальное лицо*) Простите, Христа ради.... Не поминайте лихомъ.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Слышишь ли, что матушка изволитъ говоритъ, внятно ли тебѣ это?... То-то, любезненькій мой! Вы вѣдь вотъ какой народъ: придете вы безпокоить такого человѣка, говорите ему о всякихъ вашихъ мерзостяхъ, а нѣтъ чтобы—на-ка, дескать, матушка, отъ моего усердія, раздайте на нищую братію, да помо-

гите вы мнѣ своимъ добрымъ совѣтомъ, наставьте на путь. Тогда бы матушка тебѣ и сказала, какъ тебѣ,—къ мірскому ли твоему удовольствію дѣла наслѣдуютъ, али что къ успокоенію души твоей....

АРБУЗКИНЪ.

Да я ничего, могу-съ, съ моимъ полнымъ удовольствіемъ.... чѣмъ могу-съ....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да матушкѣ ничего отъ тебя не надо: ты не подумай.... Она невидимо сыта будетъ, какъ птица поднебесная. Отъ васъ она, мой любезненькій, ничѣмъ не захочетъ покорыстоваться. Я говорю къ назиданію вашему, что какъ надобно съ такими людьми обращеніе имѣть.

АРБУЗКИНЪ (кладя на столъ полтинникъ).

Пожалуйте, примите.... Не оставьте своимъ добрымъ совѣтомъ, потому — искренно желаю не ко грѣху, а въ законный бракъ вступить.

АКСИНЬЮШКА (беретъ со стола, со смѣхомъ перекидываетъ съ руки на руку и потомъ кидаетъ на полъ).

Далъ пятакъ, далъ дуракъ. Катись, покатись.... (*Со смѣхомъ ложится навзничь на кровать*).

АРБУЗКИНЪ.

Зачѣмъ же такъ-съ.... (*Смотритъ на полъ, кампрева́ясь поднять монету*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Не безпокойтесь, не ищите; найдемъ, себѣ не возьмемъ. Куда велѣли, туда и пойдетъ....

АРБУЗКИНЪ (снова садясь на свое мѣсто).

Что же, Аксиньюшка, не оставьте своимъ совѣтомъ.

(Аксиньюшка хохочетъ и ничего не отвѣчаетъ.)

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Нѣтъ, ужь она теперь прогнѣвалась, не станетъ ничего говорить. Лучше и не приступай, а то хуже будетъ. Приходите когда въ другой разъ.

АРБУЗКИНЪ.

Когда же-съ?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, а вотъ обдумайтесь хорошенько. Ну, и что съ вами будетъ, и придите съ матушкой посовѣтоваться.

АРБУЗКИНЪ.

Очень хорошо-съ.... А теперь такъ ничего и не получу?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да вѣдь вы сами видите, въ какой духъ матушку привели, потому не съ благочестивыми мыслями пришли, да и усердіе ваше малое. Къ этакому человѣку вѣдь надо подступаться не какъ къ своему брату, такому же, какъ и самъ, грѣшнику. А вы приготовьтесь хорошенько да и приходите: она вамъ много скажетъ утѣшительнаго, и что вамъ въ пользу послужитъ, — только съумѣйте подойти.

АРБУЗКИНЪ.

Такъ извините, пожалуйста.... Прощайте, Аксиньюшка, не прогнѣвайтесь на меня, коли въ чемъ не такъ поступилъ. Коли инъ, въ другой разъ ужь приду.... (*Вздыхаетъ*) Ахъ, судьба моя несчастная! Опять должонъ въ горести остаться. Прощайте.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (провожая его до дверей).

Что дѣлать-то, потерпите. Всѣмъ намъ терпѣть велѣно.... Приходите опять.... (*Затворяетъ за Арбузкинымъ двери; потомъ начинаетъ искать на полу*) Куда полтинникъ-отъ закатился? (*Аксиньюшка выглядываетъ на нее съ кровати и хохочетъ*). Ну, что все хохочешь, и въ дѣлѣ и безъ дѣла? Вотъ куда деньги-то забросила?... А, вотъ они! (*поднимаетъ*) Къ какимъ деньгамъ-то положить?... Ну, полно-ка, слышишь ли?

АКСИНЬЮШКА.

Чай на свѣчку дали.... Дай чайку....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, все бы тебѣ чайку. Давно ли пила? И денегъ-то вонъ самая малость осталась....

АКСИНЬЮШКА.

Дай чайку на полтинничекъ....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну-ка, полно и вправду, Аксиньюшка.... Чтой-то это. Ну-ка чужіе бы люди на тебя посмотрѣли, что только у тебя и дѣла, что ѣшь да пьешь, что бы подумали?...

АКСИНЬЮШКА.

Уйду, уйду.... Дай чайку, а то и жить не стану, уйду....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да, уйдешь.... Гдѣ ты этакую-то найдешь, какъ я? Кто этакъ-то станетъ ходить за тобой?...

АКСИНЬЮШКА.

Уйду.... Вонъ денегъ-то сколько мнѣ носятъ....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да, велики деньги... Полтинникъ-отъ дали.... да и тотъ, говоришь, на свѣчку.... Нѣтъ, матушка, какъ бы не была ты блаженный человѣкъ, не стала бы и держать. Отъ тебя вѣдь корысть-то небольшая.... тебя вѣдь обуй, одѣнь, накорми, напой,— а все я: ты вѣдь вонъ руками не переложишь....

АКСИНЬЮШКА.

Дай чайку, да водочки дай, а то уйду.... Наплевать,—уйду.... Жилъ козелъ около коня даромъ, чужой кормъ ѣлъ, да бодаться сталъ.... Ха, ха, ха.... Уйду....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, ну полно, съ тобой вѣдь не сговоришь; сейчасъ коли согрѣю самоваръ.... Ужь послѣднія, видно, деньги изводишь....

АКСИНЬЮШКА.

Водочки дай.... Ха, ха, ха....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, вотъ погоди,—и водки дамъ... (*Про себя*) Кто тебя знаетъ, блаженная ли ты или какая.... Коли бы, кажется, не добрые люди.... Больно прихотлива, разорительна.... (*Беретъ самоваръ и хочетъ выдти, но въ дверяхъ встрѣчается съ Серафимой*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ и СЕРАФИМА.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (поспѣшно ставитъ самоваръ на мѣсто).

Ахъ, Серафима Яковлевна, какими судьбами? Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались.... Здравствуйте, матушка....

СЕРАФИМА.

Здраствуйте, Агнея Афанасьевна.

(Цалуются).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Матушка, вставайте, гостья дорогая къ намъ пожаловала.... Серафима Яковлевна....

СЕРАФИМА.

А что, матушка-то опочиваетъ что-ли?...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Нѣтъ, не почивала, такъ въ мысляхъ своихъ сама съ собою лежитъ.... Матушка, встаньте же, присядьте.

АКСИНЬЮШКА (приподымается и садится на кровати по прежнему).

СЕРАФИМА (къ ней).

Здравствуйте, матушка.... Какъ ваше здоровье?.... Вотъ я вамъ гостинчикъ принесла, не побрезгуйте, примите: вареньеца баночку, да маслеца скоромнаго....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Совсѣмъ вы насъ, Серафима Яковлевна, забыли... и не вспомните. Видно, не полюбилась наша матушка вашимъ господамъ молодымъ, что правду говорила.

СЕРАФИМА.

Ахъ, ужь и не говорите про нашихъ господъ.... Что только у нихъ теперь дѣлается, такъ только.... за грѣхи, видно, насъ Богъ наказываетъ!.. Вотъ вѣдь и пришла посовѣтоваться съ матушкой-то. Господа наши совсѣмъ на другую дорогу стали.... На нечистую силу, прости Господи, стали больше полагаться, а такихъ людей вотъ, богоданныхъ (*указываетъ на Аксиньюшку*) обѣгать стали.... Аха-ха-ха, ахи-ахи!.. И гостинчикъ-отъ этотъ какъ отъ моего усердія примите, а не отъ господскаго: нѣтъ, сударыня моя, въ другую сторону онѣ нынче смотрятъ.... Сама ужь, безъ спросу, потихоньку, взяла изъ кладовой, что захватилось, чтобы къ матушкѣ съ гостинчикомъ какимъ ни-на-есть подъявиться, потому—совѣсть меня за моихъ господъ изгрызла, что какъ онѣ стали неблагодарны хоть бы и передъ Аксиньюшкой: за всѣ ея старанія совсѣмъ позабыли....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

То-то ужь, признаться, я не мало дивовалась; кажется бы, барыня добрая, страннопріимная, богобоязненная, а совсѣмъ позабыла матушку....

СЕРАФИМА.

Ахъ, родная вы моя, да вы послушайте, что у насъ дѣлается-то, грѣхи-то какіе завелись въ нашемъ домѣ, что ужь подлинно былъ богобоязненный домъ.... (*Обращаясь къ Аксиньюшкѣ*) Послушайте-ка, матушка, да наставьте вы меня на разумъ, наведите на путь истинный: какъ мнѣ тутъ, что дѣлать, какъ свою барыню отъ грѣха спасти?... Вѣдь что у насъ дѣлается-то! Навела барыня Воробейчикова.... знаете, чай?..

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, какъ не знать, — бывали мы у нея....

СЕРАФИМА.

Навела она къ намъ какого-то нехристя нѣмца, что съ нечистой силой знается....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (протяжно, съ ужасомъ).

Ахъ, ба-тю-шки....

СЕРАФИМА.

Да и не то, что самъ знается, а и въ другихъ-то людей сажаетъ ее.... окаянную-то силу. Только посмотритъ на человѣка, такъ человѣкъ уснетъ и дѣлается самъ въ себѣ невластенъ, а онъ той минутой въ него, въ этого человѣка и сажаетъ... И начинаетъ тотъ человѣкъ все говорить: и все онъ видитъ, и все онъ знаетъ, а самъ спитъ, и глаза зажаты.... И у этакого-то нечестиваго вздумала наша барыня лѣчиться....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (качая головой, на распѣвъ).

Матушка, Серафима Яковлевна.... куда она поспѣла....

СЕРАФИМА.

И что же, вы думаете: вѣдь барыня-то говоритъ, что ей лучше.... Ну, какое лучше: все тоже.... а она свое увѣряетъ: лучше, говоритъ, себя чувствую. Да ну, пущай бы ужь коли такъ, губи свою душу, коли сама того хочешь, такъ вѣдь и домъ-то весь къ рукамъ прибралъ: все дѣлается по его, какъ онъ хочетъ.... Помните, тогда матушка Аксиньюшка, дай Богъ ей здоровья, дѣло говорила, что барышнѣ не стать за этого Троерукова идти, что онъ только на имѣніе норовитъ, а этотъ песъ повернулъ по своему: ужь теперь у насъ Троеруковъ первый гость, и того и смотри старая барыня согласье свое дастъ, чтобы свадьбѣ быть.... Другая барыня молодая, Софья Сергѣевна, глазъ съ него не сводитъ, точно за женихомъ ходитъ. То все объ мужѣ плакала, а теперь и мужа позабыла. Вѣдь всѣхъ, матушка, приворожилъ. Право, ужь я думаю, не *самъ* ли это въ образѣ человѣческомъ въ нашъ домъ повадился.... Вѣдь ночи-то не сплю, Агнея Афанасьевна, ночи не сплю.... боюсь.... такъ и лежу, не сплю.... боюсь, какъ бы мной-то не овладѣлъ въ ночное-то время. (*Обращаясь къ Аксиньюшкѣ*) Ну-те-ка, матушка, научите, какъ мнѣ тутъ быть, что дѣлать?

АКСИНЬЮШКА.

Баранъ хоть и съ рогамъ, а и комолая корова прибьетъ.

СЕРАФИМА (къ Агнеѣ Афанасьевнѣ).

Это къ чему же?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

А это, надо быть, матушка изволитъ говорить, что она можетъ преодолѣть силу этого нечестивца....

СЕРАФИМА.

Ахъ, матушка, какъ бы вы да этакое благодѣяніе оказали, кажется, всю бы жизнь васъ помнила да благодарила. Да и барыня-то, еслибы опомнилась, по гробъ бы жизни была вамъ благодарна. Не оставьте, матушка, помогите. (*Кланяется Аксиньюшкѣ*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Какъ же? Вѣдь матушкѣ-то надо бы побывать къ вамъ, а то заглазно-то что же она сдѣлаетъ....

СЕРАФИМА.

Объ этомъ-то я и пришла просить, не оставьте, пожалуйте къ намъ. Ужь я выжду времячко, когда.... и пришлю за вами.... Вы бы посмотрѣли на барыню-то: вѣдь совсѣмъ другая стала. Бывало, все охала да стонала, а теперь начала рядиться да молодиться. Чтой-то, Господи, за чудеса такія дѣлаются чудесныя!...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (со вздохомъ).

Ахъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе, Серафима Яковлевна!... Да что же вы, пробовали ли говорить-то ей, что губитъ свою душу во грѣхѣ смертномъ, что довѣрилась нечестивцу?...

СЕРАФИМА.

Ахъ, Агнея Афанасьевна, такъ неужто не говорила? Сколько разъ!... Что, я говорю, вы, барыня, дѣлаете? куда вы себя готовите? Отъ чьей руки, я говорю, вы думаете пользу себѣ получить? Вѣдь, я говорю, это лукавой силой онъ васъ лѣчитъ... Такъ только смѣется: дура, говоритъ, ты, не смѣй этого говорить, ты не понимаешь: это, говоритъ, все происходитъ отъ науки.... Да какая, я говорю, это наука-то? Вѣдь, я говорю, эта наука-то извѣстная, отъ нечистой силы, молъ, вѣдь эта наука-то.... Такъ осержается.... Ну, да вѣдь ужь и мнѣ-то стала вѣрить не по прежнему, ужь и ко мнѣ-то не прежняя стала любовь-то. Нѣтъ, матушка, и отъ меня отворотилъ окаянный.

АКСИНЬЮШКА.

Ой, тяжко, тяжко! Увязла, не вытащишь ... Тяжелая какая.... охъ!...

СЕРАФИМА.

Что, матушка? — неужто нельзя ее спасти, неужто ужь и вы не властны будете надъ ней?

АКСИНЬЮШКА.

Колодецъ-отъ глубокъ. Больно тяжело тащить-то.... дорого стоитъ.... охъ, дорого....

СЕРАФИМА.

Матушка, ничего не пожалѣемъ. Все въ вашихъ рукахъ будетъ, только помогите.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Повидать надо, Серафима Яковлевна....

СЕРАФИМА.

Ужь устрою, подведу.... только пожалуйте.... Да ужь коли и матушкины молитвы не возьмутъ силу, такъ и буду знать, что всѣ мы, видно, погибать должны. Охъ, не оставьте, родная, а я ужь побѣгу домой, — пожалуй хватится.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да вотъ чайку бы....

СЕРАФИМА.

Нѣтъ, матушка, пора. Теперь вѣдь не прежнее времячко: пожалуй и заругаетъ.... Прощайте, матушка. Ужь не оставьте; какъ подамъ вѣсточку, такъ пріѣзжайте, хоть посмотрите на наше горькое житье-бытье.... А авось, кожетъ Богъ и дастъ вашими молитвами. Прощайте, матушка. Прощайте, Агнея Афанасьевна.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Прощайте, Серафима Яковлевна.... (*цалуются*). Очень жалѣю объ вашихъ непріятностяхъ....

СЕРАФИМА.

Да ужь такія непріятности, такія непріятности, что и сказать невозможно. (*пріостанавливается въ раздумьи*). Ужь не знаю, что и дѣлать....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Что бы вамъ давно-то побывать къ матушкѣ-то? Вѣдь, подите-ка, недѣль чай съ шесть мы васъ не видали.

СЕРАФИМА.

Ужь и именно давно бы мнѣ надо побывать къ вамъ. Да подите, и я-то совсѣмъ спуталась. Право, точно путаная какая.... Да все сначала думала, пройдетъ, да пройдетъ, а оно вотъ до чего дошло.... Ахъ, ужь прощайте-ка, матушки мои.

Ужь не оставьте. (*Кланяется и уходитъ. Агнея Афанасьевна провожаетъ ее*).

АКСИНЬЮШКА (вскакиваетъ и бѣжитъ вслѣдъ за ними).

Дай чайку... дай чайку....

(Перемѣна декораціи).

Столовая въ домѣ Александры Ивановны, среди комнаты круглый столъ, у стѣнъ стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДМИТРІЙ и ПАЛАГЕЯ.

ДМИТРІЙ (отираетъ пыль съ мебели и приводитъ ее въ порядокъ).

ПАЛАГЕЯ (входя).

Митрей, самоваръ поскорѣе подавать.

ДМИТРІЙ.

Да что больно рано? и барыня-то еще не вставала.

ПАЛАГЕЯ.

Софья Сергѣевна проснулась, велѣла подавать.

ДМИТРІЙ.

Что сегодня больно рано? а-то спятъ до одинадцати....

ПАЛАГЕЯ.

Ну, поскорѣе, поскорѣе велѣли. Барышня сейчасъ сойдетъ...

ДМИТРІЙ (сердито).

Больно много у насъ хозяевъ-то, не знаешь кому служить.... Еще поскорѣе.... У меня и самоваръ-то еще не поставленъ.

ПАЛАГЕЯ.

Какъ же это такъ? Неравно Готлибъ Эрнычъ встанетъ, а и чай неготовъ.

ДМИТРІЙ.

Вотъ еще баринъ, еще хозяинъ; мало, что каждый день съ утра до вечера торчитъ, еще и въ ночовку сталъ оставаться.... А ты служи.... Поганъ!...

ПАЛАГЕЯ.

Ну, поди же, поди поскорѣе.... Да посмотри, не проснулся ли.

ДМИТРІЙ (медленно выходя изъ комнаты, съ сердцемъ).

Такъ все вдругъ: и самоваръ ставь, и къ нему бѣги... черти!... (*уходитъ*).

ПАЛАГЕЯ (одна).

Дуракъ, дуракъ! Чѣмъ бы радоваться, что въ домѣ сторонніе люди завелись, гостятъ; чѣмъ бы прислуживать, чтобы какая благодарность перепала за службу, онъ еще осержается. Вотъ-прямь, что необходительный дуралей.... Нѣтъ, мнѣ много лучше стало, какъ этотъ гостекъ въ домѣ завелся: съ моей только говори объ немъ, такъ и дастъ, и дастъ что нибудь....

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА и ПАЛАГЕЯ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (входя).

Ну, что самоваръ?...

ПАЛАГЕЯ.

Велѣла подавать.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А всталъ?...

ПАЛАГЕЯ.

Не знаю-съ.... Велѣла посмотрѣть.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА

Послушай, Палагея, ты не врешь, все это точно было, что давеча разсказывала?

ПАЛАГЕЯ.

Ужь точно, сударыня. Неужели же ужь стану передъ вами лгать?...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Такъ какъ же ты говоришь? Онъ сталъ у нея руку цаловать, онъ сначала.

ПАЛАГЕЯ.

Да-съ; они, Готлибъ Эрнычъ, сначала поцаловали у нихъ ручку....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ну....

ПАЛАГЕЯ.

Ну, а тетенька ихъ и изволили обнять за головку.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ну....

ПАЛАГЕЯ.

Ну, и говорятъ: поцалуйте, говорятъ, меня, я васъ люблю, какъ сына роднаго, вы мнѣ можете служить замѣсто сына.... Жизнь, говоритъ, вы мою поддерживаете.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ну, и поцаловались?

ПАЛАГЕЯ.

Да-съ, и изволили поцаловаться.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Что же они говорили послѣ этого?

ПАЛАГЕЯ.

Да я вѣдь ужь вамъ докладывала, что очень, говоритъ, и я благодаренъ вамъ, и чувствую все ваше обхожденіе и ласки.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ну, а тутъ что̀ у нихъ было?

ПАЛАГЕЯ.

Я вамъ докладывала, что тутъ помѣшали, нельзя было смотрѣть-то-съ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ну, поди же узнай: проснулся ли онъ, или нѣтъ.

ПАЛАГЕЯ.

Сейчасъ-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (одна).

Ай-да, тетушка! Вотъ эти святоши каковы! Въ какія лѣта и чѣмъ изволитъ заниматься! Недаромъ она стала рядиться.... Ха, ха, ха. Однакожь — онъ поцаловался съ ней.... Неужели онъ?... Быть не можетъ.... Нѣтъ, это онъ, вѣрно, для чего нибудь въ мою же пользу. (*вздыхаетъ*). Ахъ, Готлибъ, Готлибъ.... И можно же такъ увлечься человѣкомъ съ первой встрѣчи, какъ я имъ увлеклась. Да!... съ первой встрѣчи, съ перваго взгляда.... Да, онъ необыкновенный человѣкъ!... И въ сравненіи съ моимъ благовѣрнымъ супругомъ.... (*презрительно усмѣхается*). Неужели онъ сдѣлаетъ для меня все, что̀ обѣщаетъ? Но онъ все можетъ сдѣлать!

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА, ПАЛАГЕЯ, ДМИТРІЙ и потомъ ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

ПАЛАГЕЯ (входя поспѣшно).

Встали-съ.... и сейчасъ самоваръ несутъ.... (*Дмитрій вноситъ и ставитъ на столъ чайный приборъ*).

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (къ Дмитрію).

Всталъ Готлибъ Эрнстовичъ?

ДМИТРІЙ.

Ужь совсѣмъ одѣлся.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Проси сюда чай кушать.

(Дмитрій уходитъ).

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А ты, Палагея, поди и смотри: какъ кто проснется,—тетенька или сестра, приди сюда сказать.

ПАЛАГЕЯ.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (одна).

Что-то онъ мнѣ скажетъ сегодня?... (*подходитъ къ зеркалу и смотрится въ него*). Ахъ, тетушка! (*смѣется*). Какова соперница отыскалась! Однако жь я его спрошу: пусть онъ объяснитъ мнѣ свои отношенія съ нею. (*садится къ столу и начинаетъ приготовлять чай. Входитъ Зильбербахъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Здравствуйте. Рано же вы встали сегодня (*осматривается кругомъ и протягиваетъ руку*).

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (подавая свою руку).

Нѣтъ, здѣсь никого нѣтъ. Люди всѣ заняты, а наши спятъ еще. (*Протягиваетъ ему руку къ губамъ, Зильбербахъ цалуетъ ее и хочетъ сѣсть черезъ стулъ отъ Софьи Сергѣевны*).

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (привлекаетъ его и сажаетъ съ собою рядомъ).

Что это значитъ, что вы удаляетесь? Извольте сѣсть рядомъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (садится и боязливо оглядывается).

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Я вамъ говорю, здѣсь никто не увидитъ теперь. (*кладетъ ему руку на плечи и смотритъ въ глаза*). Безцѣнный!... (*протягивается къ нему, какъ бы выражая желаніе поцаловать*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (безпокойно озираясь).

Ахъ, Софія, того и жду, что кто нибудь войдетъ... (*быстро цалуетъ ее и поспѣшно садится на другой стулъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея*). Намъ нужно поторопиться переговорить о важномъ дѣлѣ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (кокетливо).

А, вы охладѣли ко мнѣ, вы измѣнили мнѣ.... И въ кого же влюбился? безстыдникъ! въ старуху.... фи, какая гадость!... (*Съ миной наивнаго обиженнаго ребенка*). Извольте-ка прежде всѣхъ вашихъ важныхъ дѣлъ объяснить мнѣ, зачѣмъ вы цаловались съ тетушкой?... а? что вы мнѣ скажете?... Что? сконфузились? Станете запираться?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (улыбаясь).

Нисколько... я и самъ признался бы вамъ въ этой измѣнѣ!.. Ничего не бойтесь: я ее цѣловалъ, какъ покорный и преданный сынъ нѣжную родительницу.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (гримасничая).

Но я все-таки васъ ревную. За это вы должны мнѣ повторить, что вы меня любите, должны сказать мнѣ о любви вашей вашимъ чуднымъ языкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Готлибъ, не обманываете ли вы меня, искренно ли любите? Вы знаете, какъ я всегда была обманута въ своихъ чувствахъ. Можетъ быть и ты, Готлибъ, въ душѣ смѣешься надо мной, а я предалась тебѣ всѣмъ своимъ существомъ. (*Дѣлаетъ жестъ рукою, вздыхаетъ и опускаетъ голову на руку*) Ну, скажи мнѣ, что ты меня любишь... Скажи, какъ ты любишь меня...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ахъ, Софія, какъ же мнѣ не любить тебя!.. Ты для меня тоже, что холодный ключъ для пилигрима въ степи, изнывающаго отъ жажды, что отрадное теплое пристанище для путника, замерзавшаго отъ холода... Я одинъ на свѣтѣ, я сирота, у котораго нѣтъ, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; я шелъ въ жизни одинъ, только со своей великой силой; я употребилъ ее, чтобы дѣлать добро людямъ, но люди всегда платили мнѣ черной неблагодарностью. Всѣ меня боялись, всѣ пользовались моей силой, но всякій, получа добро, убѣгалъ отъ меня, потому что тяжела ему казалась благодарность; только ты одна поняла и оцѣнила меня, ты первая изъ всѣхъ людей протянула руку дружбы и приняла одинокаго странника на свою пламенную

грудь: ты первая пролила бальзамъ утѣшенія въ его изсохшую одинокую душу... Какъ же мнѣ не любить тебя, Софія?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (съ энтузіазмомъ).

Божественный!.. (*Откидывая назадъ голову*) Что за дивный языкъ, что за поэзія! (*Уныло опуская голову*) Ахъ, для чего я не свободна, чтобы передъ всѣмъ свѣтомъ объявить мою любовь къ тебѣ? Ахъ, зачѣмъ я такая несчастная!..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Только любите меня, только вѣрьте мнѣ, и я устрою ваше счастіе. Вы будете имѣть состояніе, мы уѣдемъ куда нибудь и будемъ жить вмѣстѣ, неразлучно. Вы видите, я уже сдѣлалъ половину дѣла: тетка стала любить и довѣрять вамъ болѣе, нежели Вѣрѣ. Слушайте же, что̀ нужно теперь дѣлать: я разскажу вамъ поскорѣе, чтобы кто не помѣшалъ (*оглядывается*). Сегодня утромъ, можетъ быть сейчасъ, пріѣдетъ къ тетушкѣ довѣренный противной стороны, съ которой она ведетъ тяжбу. Вы знаете, я хлопоталъ по этому дѣлу и устроилъ его такъ, что противники Александры Ивановны хотятъ идти ужь на мировую. Но ей не надо соглашаться, а пусть она мнѣ дастъ полную довѣренность на управленіе своими дѣлами и я выиграю ей тяжбу непремѣнно. Потомъ надо убѣдить старуху, чтобы она согласилась выдать Вѣру за Троерукова и обѣщала ей имѣніе. Она выйдетъ замужъ, жить съ теткой не будетъ, а имѣнія никогда не получитъ, потому что оно будетъ у меня въ рукахъ, и мы вмѣстѣ такъ овладѣемъ теткой, что она все предоставитъ одной вамъ еще при жизни. Я берусь за это, а что̀ я говорю то всегда сбывается. Вы знаете, воля старухи и здоровье ея въ моихъ рукахъ: что̀ ни прикажу, она все сдѣлаетъ. Теперь я ее вылѣчилъ, она здорова, а захочу—завтра ее разобьетъ параличъ,—это во власти магнетизёра... Ну, такъ не мѣшайте же мнѣ дѣйствовать, если желаете себѣ счастія... Лишь бы мнѣ только получить полную довѣренность, а тамъ все будетъ въ вашихъ рукахъ... Показывайте же видъ, что вы хлопочете за сестру, и просите тетку, чтобы она отдала ее замужъ и наградила... Согласны?..

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Я на все согласна, что̀ приказываетъ мой Готлибъ, лишь бы онъ любилъ меня...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Готлибъ дѣлалъ добро и для людей, которые его не любили, а для того, кто его любитъ, онъ готовъ жертвовать жизнію.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Милый, безцѣнный!.. Ты мой?.. Скажи, что ты мой!.. (*протягиваетъ къ нему руки*) Ну, поди ко мнѣ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*дѣлаетъ знакъ рукой*).

Погодите, кто-то идетъ... (*Входитъ Палагея*).

ПАЛАГЕЯ.

Сестрица встали... Чай туда изволите послать, или...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, проси сюда; скажи, что я и Готлибъ Эрнстовичъ ее дожидаемся.

ПАЛАГЕЯ.

Слушаю-съ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А тетенька еще не проснулась?

ПАЛАГЕЯ.

Никакъ нѣтъ-съ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ну, ступай же, позови сестру!

(Палагея уходитъ).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Смотрите же, вы не измѣняйте себѣ. Я буду говорить въ пользу Вѣры, а вы представляйте видъ, что недовольны этимъ, хотя будто бы и стараетесь скрыть свое неудовольствіе. А то ей покажется подозрительно, почему вы вдругъ измѣнились къ ней... понимаете?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (*съ улыбкой*).

А вы смотрите, не измѣните мнѣ для Вѣры.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Для этой дерзкой, самоувѣренной дѣвочки, которая думаетъ, что она всѣхъ умнѣе и хитрѣе...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

О, мужчины очень непостоянны! ихъ души, ихъ сердца никто не разгадаетъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Если бы вы говорили это не шутя, я разсердился бы на васъ. Развѣ я похожъ на обыкновенныхъ людей?.. Развѣ такой человѣкъ, какъ я, способенъ на измѣну той, которую онъ считаетъ своею роковой звѣздой, когда онъ знаетъ, что она указана ему судьбою, что она одна можетъ быть вѣрной спутницей его жиз-

ни, что только она одна можетъ вѣчно... (*Останавливается и прислушивается*) Кажется, идутъ...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (вполголоса, торопливо).

Сокровище мое, идолъ мой!... Все, все для тебя, самую жизнь.... на вѣки....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (тихо).

Сс.... идутъ.... (*громко*). По моему, Вѣрѣ Сергѣевнѣ надо больше просить тетеньку.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ и ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Добраго утра, Вѣра Сергѣевна! (*подаетъ ей руку*).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Здравствуйте, Готлибъ Эрнстовичъ. Здравствуй, сестра (*цалуется съ нею*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А мы ужь давненько встали, и вотъ все толкуемъ съ Софьей Сергѣевной, только не совсѣмъ соглашаемся.... Какъ вы думаете, о комъ и о чемъ?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Не знаю.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, попробуйте отгадать....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Отгадать мудрено, тѣмъ болѣе, что, какъ вы говорите, сестра не соглашается съ вами.... а этого, кажется, никогда не случается: она такъ вѣритъ вамъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, такъ я вамъ скажу, мы говорили о васъ и объ Сергѣѣ Николаичѣ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (съ улыбкой).

О, въ такомъ случаѣ мнѣ нисколько не странно, что сестра не соглашалась съ вами.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (сухо).

Что же, я изъ доброжелательства же къ тебѣ говорила.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (иронически).

О, конечно.... Позволь мнѣ чаю. (*Къ Зильбербаху*). О чемъ же именно вы разговаривали?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я говорилъ, что ваша любовь къ Сергѣю Николаичу никогда не можетъ пройти и что вы ни за кого не пойдете за-мужъ, кромѣ его.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А я говорила, что ты, вѣроятно, никогда не рѣшишься выдти за-мужъ безъ согласія тетеньки.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ты справедлива, но въ душѣ, вѣроятно, думала другое.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ, я говорила то, что думала, потому что ты конечно не захочешь лишиться *милостей* тетеньки, которую ты такъ любишь.... и которая никогда не согласится на этотъ неровный бракъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А я такъ думаю напротивъ,—что когда Александра Ивановна убѣдится, что чувство Вѣры Сергѣевны искренно и неизмѣнно, она дастъ свое согласіе.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ну-съ, предоставляю вамъ мечтать о будущемъ. А я схожу посмотрѣть, не проснулась ли тетенька. (*встаетъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (по уходѣ Софьи Сергѣевны, садится рядомъ съ Вѣрой).

Послушайте, Вѣра Сергѣевна,—я давно искалъ случая поговорить съ вами наединѣ; я все вижу и понимаю: сестра ваша васъ ненавидитъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы вооружить противъ васъ тетку. Она и успѣла бы въ этомъ, если бы на вашей сторонѣ не было защитника.... Я понимаю васъ и люблю; съ Сергѣемъ Николаичемъ, вы знаете, мы очень сошлись; онъ славный молодой человѣкъ. Хоть онъ и сомнѣвается въ моей силѣ, но Богъ съ нимъ: я на это не сержусь. Я знаю, что онъ честный и благородный человѣкъ. Я такихъ людей больше уважаю, нежели тѣхъ, которые показываютъ видъ, что вѣрятъ мнѣ и льстятъ для того, чтобы я дѣйствовалъ въ ихъ пользу, какъ дѣлаетъ ваша сестра. О, я все вижу, меня мудрено обма-

нуть. Но она ошибается: я желаю вамъ добра. И знайте, я такъ расположилъ вашу тетеньку, что она готова дать согласіе на вашъ бракъ съ Сергѣемъ Николаичемъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Что̀ вы говорите, Готлибъ Эрнстовичъ.... неужели?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я вамъ говорю, стало быть это вѣрно.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (въ восторгѣ).

Дай вамъ Богъ здоровья. Я никогда не забуду, что̀ вы для меня дѣлаете.... Но какъ бы не помѣшала сестра!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О, она очень будетъ недовольна, особенно тѣмъ, что тетушка хочетъ дать вамъ бо̀льшую часть своего имѣнія,—и будетъ этому противодѣйствовать, но не бойтесь: Александра Ивановна даетъ мнѣ довѣренность на управленіе ея имѣніемъ, и я настою, чтобы она отдала вамъ еще до свадьбы все, что̀ будетъ обѣщать.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Готлибъ Эрнстовичъ, какъ мнѣ благодарить васъ? Я право не стою такой доброты съ вашей стороны.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (съ доброй улыбкой).

О, я знаю, что и вы не совсѣмъ вѣрили мнѣ, но для меня первое наслажденіе доказывать такимъ людямъ, что я честный и благородный человѣкъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Простите меня, простите ради Бога: я не понимала васъ. Я то вѣрила вамъ, то сомнѣвалась.... Но неужели это возможно? Неужели это все сбудется?..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А вотъ увидите. Сегодня же просите тетеньку, и она согласится, я въ этомъ увѣренъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Еще разъ прошу, простите меня, что я иногда сомнѣвалась....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Э, полноте, я на это никогда не сержусь: это участь людей необыкновенныхъ, что на нихъ смотрятъ недовѣрчиво и подозрительно. Гдѣ же вамъ понять то, что и самъ я только чувствую, а объяснить не могу!... Я знаю и доказывалъ вамъ, что во мнѣ есть особенная сила, а почему она дана только мнѣ одному, почемъ я знаю?... Одно мнѣ прискорбно, если вы иногда дума-

ли, что я въ состояніи дѣлать зло людямъ добрымъ.... Вы должны бы замѣтить давно, что я желаю вамъ добра: вспомните, какъ смотрѣла тетенька на Сергѣя Николаича прежде, до меня, и какъ смотритъ теперь? Неужели вы не догадывались, что онъ мнѣ этимъ обязанъ? Вотъ сестру вашу, признаюсь, я не люблю, потому что и она никого не любитъ, кромѣ себя и денегъ; и если я допускалъ ее сближаться съ Александрой Ивановной, такъ именно только для того, чтобы тетушкѣ не казалось, что я къ вамъ одной пристрастенъ; но она черезъ это ничего не выиграетъ, лишь бы мнѣ васъ устроить.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Готлибъ Эрнстовичъ, я чувствую себя виноватой передъ вами, и чтобы очистить совершенно свою совѣсть, выскажу еще послѣднее сомнѣніе, только дайте слово, что вы не разсердитесь.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Даю, и напередъ вамъ скажу, о чемъ вы хотите спросить: зачѣмъ я вмѣшиваюсь въ чужія дѣла? Не такъ ли?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да, именно. Вы сердцевѣдецъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, слушайте же.... Я сирота, одинъ въ свѣтѣ, у меня никого нѣтъ въ мірѣ, я не помню ни отца, ни матери. И въ тоже время природа дала мнѣ такую силу, которой нѣтъ у другихъ людей; когда я почувствовалъ ее въ себѣ, я сказалъ себѣ: ты человѣкъ роковой, ты одинъ въ мірѣ, безъ роду, безъ племени, но тебѣ дано то, чего никто не имѣетъ, слѣдовательно ты посланъ служить человѣчеству, и весь родъ человѣческій тебѣ родня. Иди и помогай тамъ, гдѣ почувствуешь, что твоя помощь нужна... И я иду и дѣлаю добро вездѣ, гдѣ могу, дѣлаю добро и ухожу дальше. У меня нѣтъ цѣли, къ которой бы я стремился, нѣтъ мѣста, гдѣ бы я думалъ остановиться и отдохнуть. Мнѣ всѣ люди братья, но злымъ я не протягиваю руки помощи. Не для нихъ послана моя чудная сила... Но вы, можетъ быть, не поймете меня....

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

О, нѣтъ, нѣтъ!... Теперь я понимаю и вѣрю вамъ, вы дѣйствительно человѣкъ необыкновенный!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, СЕРАФИМА, АКСИНЬЮШКА и АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

СЕРАФИМА (отворяя двери).

Пожалуйте, матушка, сюда; я сейчасъ доложу барынѣ...

(Входятъ Аксиньюшка и Агнея Афанасьевна).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (съ изумленіемъ къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Это кто?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вполголоса).

Ахъ, это одна юродивая, которую тетенька считаетъ предсказательницей, а мнѣ кажется—она просто плутовка... Мнѣ она очень повредила.

СЕРАФИМА (усаживая гостей).

Садитесь, матушка.... Барыня скоро выйдутъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Серафима, да развѣ тетенька посылала за ними?

СЕРАФИМА.

Нѣтъ, барышня. Матушка сами изволили удостоить своимъ посѣщеніемъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (тихо Серафимѣ).

А, можетъ быть, тетенькѣ не угодно. Зачѣмъ ты приняла, не спросившись?

СЕРАФИМА.

Такъ неужели, сударыня, такому человѣку отказать, коли тетенька принимали, бывало, за счастіе ихъ посѣщеніе?...

АКСИНЬЮШКА (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Али не рада, соколена? Давай чаю-то.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (къ Зильбербаху вполголоса).

Что мнѣ дѣлать?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (пожимая плечами).

Какихъ людей у васъ пускаютъ!

СЕРАФИМА.

Вотъ, матушка, я сейчасъ велю другой самоваръ разогрѣть для васъ, этотъ ужь потухъ... (*Уходитъ*).

АКСИНЬЮШКА.

Забрался воръ въ хоромы, поймала вора ворона, испугался воръ вороны... Ха, ха, ха!...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Погодите, матушка, вотъ сама барыня выйдетъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Что, она прикидывается дурочкой?...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (также).

Да.... и все говоритъ намеками. Тетенька прежде ей очень вѣрила.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ и АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА въ сопровожденіи СЕРАФИМЫ.

СЕРАФИМА (слѣдуя за Александрой Ивановной).

Сами удостоили этой чести.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (разряженая, но смущенная).

Здравствуй, Аксиньюшка; давно я тебя не видала.

АКСИНЬЮШКА (болтаетъ ногами и хохочетъ).

Молодая, молодая здравствуй!... Форы, моры, а грѣхи-то на душенькѣ, а воръ-то въ дому. Ха, ха, ха.

(Александра Ивановна еще болѣе смущенная здоровается съ Зильбербахомъ и Вѣрой Сергѣевной).

АКСИНЬЮШКА.

Эй, матка, за-мужъ что ли вышла? Ха, ха, ха.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что ты такое говоришь, Аксиньюшка? я не знаю. А вотъ порадуйся-ка: я почти совсѣмъ поздоровѣла, вотъ этотъ лѣкарь меня вылѣчилъ. (*Указываетъ на Зильбербаха*).

АКСИНЬЮШКА.

Какъ онъ тебя вылѣчилъ-то? (*Хохочетъ*) Много ли въ приданое-то принесла? Давай ему денегъ-то больше, онъ всю оберетъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (обращаясь къ Агнеѣ Афанасьевнѣ).

Что она такое говоритъ?... Я право не понимаю.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Извольте, матушка, сами разсудить. Блаженная душа, кто ее знаетъ, къ чему говоритъ.

(Александра Ивановна со смущеніемъ смотритъ на Зильбербаха).

АКСИНЬЮШКА.

Завела лебедка дружка коршуна. Коршунъ дружокъ весь домъ заполонилъ. Обвожжалъ лебедку, да и норовитъ весь домъ разорить.... Ха, ха, ха!... Толкай его въ зашей, толкай его въ зашей, а то бѣда, бѣда....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (смущенная, обращается къ Зильбербаху).

Какое странное существо.... Не правда ли?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (внимательно наблюдавшій за всѣми).

А вотъ я сейчасъ объясню вамъ это странное существо.... (*Подходитъ къ Аксиньюшкѣ и смотритъ ей прямо въ глаза*).

АКСИНЬЮШКА.

А–а, бука, бука!... нечистая власть, батюшки мои, спасите, сохраните, помилуйте....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (не спуская глазъ съ Аксиньюшки).

Ты, говорятъ, предсказываешь, а не хочешь ли и я тебѣ буду предсказывать? Ты говоришь что-то такое для того, чтобы про меня здѣсь подумали дурно. И я знаю, кто тебя научилъ. Смотри: вотъ кто (*указываетъ вдругъ на Серафиму*).

СЕРАФИМА (испугавшись).

Какъ можно, что вы это, сударь.... Какъ я могу.... (*Лицо ея выражаетъ крайнее смущеніе*).

(Аксиньюшка хохочетъ притворно).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Серафима была у тебя, наговорила на меня разнаго вздора и привела сюда, чтобы выжить меня изъ дому.

СЕРАФИМА.

Нѣтъ-съ, они сами....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Она тебя привела. Александра Ивановна, смотрите на Серафиму: ея лицо доказываетъ, что я говорю правду. Софья Сергѣевна, Вѣра Сергѣевна, смотрите на нее. Правда ли моя?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (довольная).

Это сейчасъ видно, что правда: Серафима не знаетъ, куда глаза дѣвать.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Это удивительно! Какъ вы все проникаете!...

СЕРАФИМА.

Да нѣтъ-съ, это неправда.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Молчи!

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Вотъ такъ предсказательница! (*Весело смѣется*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (къ Александрѣ Ивановнѣ).

Мы, сударыня, не знали, что придемъ къ вамъ на посмѣяніе и что вы позволите срамить ложными словами блаженную душу.... Пойдемъ, матушка....

АКСИНЬЮШКА (къ Александрѣ Ивановнѣ).

Умрешь, грѣшница....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да я ничего.... Я....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не безпокойтесь, Александра Ивановна, не умрете, а вотъ она, эта предсказательница, еще со мной раздѣлается.

АКСИНЬЮШКА.

Рѣзать хочетъ... Батюшки, рѣзать хочетъ....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Что же вы, сударь, съ нами можете сдѣлать?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я знаю, что надо дѣлать съ такими мошенницами, какъ вы: развѣ позволено ѣздить по домамъ и выдавать простую бабу за предсказательницу?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Она, сударь, не предсказательница, а блаженная душа.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Что значитъ блаженная душа? Какъ ты смѣешь ее такъ называть?... Чѣмъ она занимается?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да что же намъ, сударь, вамъ отвѣтъ давать? Вы не начальство наше. Пойдемъ, Аксиньюшка.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, погодите, я вотъ сейчасъ пошлю за квартальнымъ. Тогда увидимъ, куда пойдетъ эта предсказательница.

АКСИНЬЮШКА.

Ай, ай.... Батюшки, помогите....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (оробѣвъ).

Что же вамъ, сударь, ваше благородіе, насъ такъ обижать? Мы не съ тѣмъ пришли....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, Готлибъ Эрнстовичъ, отпустите ихъ.... Богъ съ ними....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, ступайте вонъ, да не смѣть впередъ этимъ заниматься. Вездѣ отыщу васъ.... Слышите.... Вонъ!

(Агнея Афанасьевна и Аксиньюшка поспѣшно уходятъ).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (къ Серафимѣ).

А ты зачѣмъ такъ, милая, дѣлаешь: это не хорошо....

СЕРАФИМА.

Напрасно, сударь.... Я ни въ чемъ не виновата.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, ну, а ты не запирайся, а то хуже будетъ. Ты видишь, что я насквозь вижу душу человѣка. Винись скорѣе и я попрошу барыню, чтобы она тебя простила. А не повинишься,—смотри, худо будетъ.

СЕРАФИМА (бросается въ ноги къ Александрѣ Ивановнѣ).

Простите меня, сударыня! Согрѣшила грѣшная, виновата.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ужь простите ее, Александра Ивановна, коли признается.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Пошла вонъ, мерзкая этакая, негодница! Какова! чѣмъ стала заниматься!... Пошла вонъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ужь простите ее....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, ступай. Впередъ не смѣй этого и думать!

(Серафима цалуетъ ручку Александры Ивановны и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ безъ СЕРАФИМЫ, АКСИНЬЮШКИ и АГНЕИ АФАНАСЬЕВНЫ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ахъ, Готлибъ Эрнстовичъ, какъ я рада, что вы обличили эту обманщицу!

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Каково, тетенька, только взглянулъ. Вотъ что значитъ наука!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, удивительно! Ну, что ты хочешь, разумѣется, и наука и даръ. .(*Смотритъ съ улыбкой на Зильбербаха*) Только посмотрѣлъ и все разсѣялъ!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А это ужасно досадно: сколько въ Россіи такихъ обманщиковъ! Славная страна, а какъ суевѣрна!...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, ужасно! А все оттого,—наука еще не дошла до насъ. А вотъ какъ побольше будетъ являться у насъ такихъ, какъ вы, такъ и мы будемъ умнѣе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ и ДМИТРІЙ.

ДМИТРІЙ (къ Александрѣ Ивановнѣ).

Какой-то Омутовъ пріѣхалъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Омутовъ! А, это тотъ дѣлецъ, частный стряпчій, о которомъ я вамъ говорилъ, довѣренный отъ вашего соперника по тяжбѣ. Зачѣмъ бы онъ это къ вамъ?... Видно, испугался, что проигрываетъ дѣло.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что же? принять его или нѣтъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Конечно, примите....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (Дмитрію.)

Проси.

(Дмитрій уходитъ).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Знаете что: я уйду, какъ будто меня нѣтъ совсѣмъ: мнѣ хочется знать, что онъ будетъ говорить безъ меня....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, нѣтъ! Какъ же вы меня одну оставите? Я ничего не знаю.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я приду, приду опять. Мнѣ хочется только знать, что онъ безъ меня будетъ говорить. А вы смотрите, ни на что не соглашайтесь. Онъ большой плутъ.... Пойдемте, *mesdames*....

(Беретъ Софью и Вѣру подъ руки и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА и ОМУТОВЪ.

ОМУТОВЪ (входя и раскланиваясь).

Позвольте мнѣ, *madame*, имѣть честь представить вамъ себя: коллежскій секретарь, Федоръ Васильичъ Омутовъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (гордо).

Что вамъ угодно?

ОМУТОВЪ.

Я частный стряпчій по дѣламъ, то есть адвокатъ, какъ называется за границей, и довѣренный по дѣлу съ вами полковника Ахлебенева....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, такъ что же?

ОМУТОВЪ.

Я вижу вы, *madame*, принимаете меня не за такого человѣка. Позвольте мнѣ сѣсть и объяснить вамъ себя. (*Садится*). Вы, кажется, принимаете меня за стариннаго сутяжника, крючка. Но вы ошибаетесь: вы видите, я человѣкъ молодой и современнаго образованія. Я не приказный, а юристъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вы дворянинъ?

ОМУТОВЪ.

Я личный дворянинъ по чину, но я долженъ признаться, что я изъ духовнаго званія. Но это ничего-съ. Я не то, что другіе семинаристы. Я получилъ воспитаніе и знаю всѣ общественныя манеры и свѣтское обращеніе.... Вотъ видите: хотя я сынъ духовнаго лица, но село наше принадлежитъ князю Звѣреву. Князь Звѣревъ — мой папаша крестный. Папаша крестный, когда пріѣзжали въ село, всегда брали меня къ себѣ и держали съ своими дѣтьми, гдѣ я и могъ почерпнуть все свѣтское образованіе....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Но что же мнѣ-то до этого.... Вы имѣете до меня дѣло?...

ОМУТОВЪ (перебивая).

Позвольте.... Я вамъ совершенно объясню себя, чтобы вы не нушались моего общества. Я даже могу сказать, что имѣю подозрѣніе, не былъ ли папенька крестный моимъ роднымъ от-

цемъ, потому попеченіе ихъ обо мнѣ было совершенно родительское....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (съ важностію).

Помилуйте, что вы мнѣ разсказываете....

ОМУТОВЪ.

Ну-съ, прошу извиненія.... Я хотѣлъ вамъ только доложить, что можетъ быть и во мнѣ есть дворянская кровь и что я имѣю вѣсъ въ обществѣ. Папенька крестный опредѣлилъ меня послѣ семинаріи въ здѣшнюю гражданскую палату. Я прошелъ всѣ должности до столоначальника и сдѣлался отличнымъ юристомъ. Тогда я подумалъ, подумалъ и написалъ папашѣ, что хочу выдти въ отставку и заняться частными дѣлами. Вотъ видите, мы, люди современные, такъ разсуждаемъ: служить — надо брать взятки, безъ этого нельзя, — жить нечѣмъ.... Ну, а мы, люди современные, понимаемъ, что взятокъ брать не слѣдуетъ. Хотя нынче и въ гражданскихъ палатахъ все облагородилось; тамъ уже нынче не станутъ васъ прижимать и тянуть рубль за рублемъ, а прямо скажутъ, чего стоитъ дѣло, потому — все ужь разсчитано.... Ну, вы ужь и знаете одного, ему и платите, а они ужь тамъ какъ знаютъ между собой, такъ и дѣлятся. Конечно, это очень хорошо, и деликатно, и дѣло чистое, вѣдь всякій понимаетъ, что безъ этого нельзя. Но все это какъ-то, знаете, не утверждено еще закономъ, не такъ свободно. Я рѣшился лучше заняться частными дѣлами. Всякій образованный человѣкъ нынче разсуждаетъ такъ: у васъ тяжба, вамъ хочется ее выиграть, но вы не имѣете ни требуемаго знанія, ни знакомствъ, вы не юристъ, а я юристъ; вы приходите ко мнѣ и объясняете дѣло; я вамъ говорю: хорошо, вамъ хочется купить мои знанія и мой трудъ, извольте: вотъ чего стоитъ выиграть ваше дѣло; вы соглашаетесь или нѣтъ — это ваше дѣло, тутъ знаете полюбовное соглашеніе, прижимки нѣтъ; вы согласились — я хлопочу за васъ, не согласились — я продаю свои труды, свои знанія другому, хоть бы вашему сопернику, для меня все равно. Это таже торговля, нынче всѣ стали умнѣе и поняли, что весь міръ и даже всякое государство стоитъ и держится только торговлей, что можно и должно всѣмъ торговать, что всякій продаетъ то, чего у него много, и покупаетъ то, чего у него нѣтъ.... Вотъ я какой человѣкъ!... За это меня цѣнятъ и уважаютъ всѣ образованные люди.... Если есть какое дѣло у знатнаго и образованнаго человѣка, то будьте увѣрены, что по

этому дѣлу стряпчій непремѣнно я.... потому—я понимаю вещи, и самъ человѣкъ современный, образованный, а не какой нибудь крючокъ стараго вѣка.... Я заключилъ съ вами условіе, беру съ васъ деньги и ужь дѣлаю въ вашу пользу все, что ни захотите... Не бывало дѣла, котораго бы я не выигралъ, взявшись за него, потому что въ этомъ мой собственный интересъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Значитъ, вы надѣетесь выиграть и дѣло со мной?

ОМУТОВЪ.

Не только надѣюсь, но я уже его и выигралъ.... Извините меня, *madame*.... но вы дѣло свое проиграли....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (поблѣднѣвъ).

Какъ проиграла? Что вы говорите? У меня тоже есть довѣренный, который хлопочетъ за меня....

ОМУТОВЪ.

Это, вѣрно, изъ иностранцевъ, нѣкто Зильбербахъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да.... И неужели вы думаете, что онъ позволитъ вамъ выиграть у меня мое правое дѣло? Этого быть не можетъ...

ОМУТОВЪ (улыбаясь).

Извините, *madame*, но я вамъ долженъ сказать, что этотъ г. Зильбербахъ, во-первыхъ, ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, во-вторыхъ онъ плутъ и только обманываетъ васъ. На этихъ недѣляхъ дѣло ваше будетъ слушаться. И вотъ не угодно ли вамъ видѣть выписку съ рѣшенія, по которому вы не только теряете вашу деревню.... Конечно, это не все ваше имѣніе, но все-таки потеря значительная.... А главное, вы должны будете заплатить 25 тысячъ рублей сер. за завладѣніе, протори и убытки.... Не угодно ли прочитать?... (*Подаетъ бумагу*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (дрожащими руками беретъ бумагу, блѣдная и растерявшаяся).

Что же это такое, Господи!... Неужели это можетъ быть.... Ахъ, я несчастная!...

ОМУТОВЪ.

Madame, успокойтесь, успокойтесь. Вы имѣете дѣло съ человѣкомъ современнымъ, образованнымъ. Успокойтесь, выслушайте меня. Къ дамамъ я питаю всегда особенное уваженіе и стараюсь оказывать имъ всевозможныя услуги. Я для этого къ вамъ и пріѣхалъ.... Дѣло въ моихъ рукахъ. Мой до-

вѣритель ничего не знаетъ, какъ оно идетъ. Отъ меня зависитъ нѣсколько облегчить ваше положеніе и измѣнить рѣшеніе. Для меня все равно за кого бы не хлопотать: угодно вамъ дать мнѣ 5 тысячъ рублей серебромъ, и я устрою дѣло такъ, что довѣритель мой помирится съ вами, если вы согласитесь отдать ему находящуюся въ тяжебномъ имѣніи лѣсную пустошь, а деревня останется за вами....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Боже мой, что это такое! Что со мной дѣлаютъ?...

ОМУТОВЪ.

Благороднѣе этого поступить нельзя: вы дадите только 5 тысячъ, а сохраните деревню и не должны будете платить 25 тысячъ рублей....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, я несчастная!... Неужели онъ обманулъ меня?... Что же это такое.... Господи!... (*Кричитъ*) Готлибъ Эрнстовичъ, Готлибъ Эрнстовичъ....

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ и ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (быстро входя).

Что, что такое? (*Увидя Омутова*) А, здравствуйте.... Что такое?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что вы сдѣлали со мной? Вы увѣряли, что я выиграю дѣло, а я проиграла. Я разорена.... убита.... Что вы со мной сдѣлали?... (*Рыдаетъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да растолкуйте мнѣ, что такое?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что такое?... Вотъ посмотрите, прочитайте.... (*Подаетъ со стола бумагу*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (пробѣжавъ бумагу, къ Омутову).

Это что же такое-съ?...

ОМУТОВЪ (нѣсколько смутившись).

Это, это рѣшеніе по дѣлу....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (смотря на него прямо въ глаза).

Это рѣшеніе по дѣлу Александры Ивановны?

ОМУТОВЪ (смущенный протягиваетъ руку, намѣреваясь взять бумагу).

Да-да-съ.... Что же-съ?...

(Зильбербахъ не даетъ бумаги).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

И онъ проситъ 5 тысячъ серебромъ, чтобы помирить меня съ Ахлебѣневымъ на одной лѣсной пустоши....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (выразительно).

Такъ вы вотъ какими дѣлами занимаетесь, милостивый государь!...

ОМУТОВЪ.

Что же такое?... Я имѣю право предлагать свои услуги.... Я адвокатъ.... Я не принуждаю....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (показывая издали бумагу и не давая ее взять у себя Омутову).

А это что? Это копія съ рѣшенія гражданской палаты? Такъ вы занимаетесь составленіемъ фальшивыхъ документовъ?

ОМУТОВЪ (оробѣвъ).

Это.... это не документъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Все равно: это подложная бумага, посредствомъ которой вы хотѣли выманить себѣ деньги. И вы написали ее своею рукою.... Я знаю ее. И на это у васъ не стало осторожности.... А, такъ вы вотъ чѣмъ занимаетесь съ вашимъ довѣрителемъ!... Развѣ я не знаю, какъ идетъ дѣло? Развѣ я не знаю, что оно приготовлено къ рѣшенію въ пользу Александры Ивановны? а? Ахъ, вы плутъ этакой!..

ОМУТОВЪ.

Вы не можете.... не имѣете права такъ говорить.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, честный человѣкъ имѣетъ право называть настоящимъ именемъ такихъ мошенниковъ, какъ вы. Вы посягали на мою честь.... Я взялся хлопотать за правое дѣло.... А главное, возмутили спокойствіе дамы, которую я люблю и уважаю, какъ мать, интересы которой для меня дороже своихъ собственныхъ.... Да хорошо.... что съ вами говорить!... Ступайте вонъ. А съ этой бумагой я посажу васъ въ острогъ вмѣстѣ съ г. Ахлебеневымъ.

ОМУТОВЪ.

Простите великодушно.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ступайте вонъ, негодяй!... А то я велю васъ вытолкать.

ОМУТОВЪ.

Я человѣкъ семейный... сударыня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вонъ, я вамъ говорю. Мы еще съ вами увидимся.

ОМУТОВЪ (медленно идетъ и останавливается у дверей).

Madame, пожалѣйте моей жены и дѣтей.... васъ прошу я.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я вамъ сказалъ, чтобы вы шли вонъ и не смѣли безпокоить своимъ присутствіемъ эту почтенную даму.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Готлибъ Эрнстовичъ, простите его.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Тамъ увидимъ! Ступайте. А бумагу я вамъ не отдамъ.

ОМУТОВЪ.

На ваше великодушіе, *madame*, возлагаю всю свою надежду. Отъ васъ будетъ зависѣть моя судьба (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА и ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А, каковы мошенники? Что выдумали?... Ну, вотъ меня бы не случилось, вѣдь вы бы и повѣрили, пожалуй бы и денегъ ему дали.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да я и теперь, признаюсь вамъ, Готлибъ, совсѣмъ было ему повѣрила.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, какъ же вамъ не стыдно; если вы повѣрили ему, значитъ усомнились во мнѣ! Это мнѣ обидно.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Готлибъ, вѣдь я женщина; долго ли меня обмануть?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, я согласенъ, что женщина, несвѣдущая въ дѣлахъ, всему повѣритъ.... Но какъ же вы сомнѣваетесь во мнѣ? Еще ли

мало доказывалъ я вамъ и свою честность, и любовь къ вамъ?... Нѣтъ, Богъ съ вами, это мнѣ обидно.... Я васъ оставлю.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, нѣтъ, Готлибъ.... Ради Бога, простите меня.... Что я стану дѣлать безъ васъ? Я совсѣмъ пропаду. Готлибъ, милый, подите сюда, простите меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

И если бы не эта глупая привязанность ко всѣмъ моимъ больнымъ, я давно бы васъ бросилъ. Что это такое? Вамъ нужно спокойствіе; малѣйшая непріятность можетъ опять возвратить къ вамъ прежнюю болѣзнь; я хлопочу, удаляю отъ нея всѣ непріятности, разрушаю всѣ планы добрыхъ людей, которые хотятъ ее обобрать, и стоитъ только отвернуться, чтобы первый мошенникъ разрушилъ всѣ мои труды.... На что это похоже. Нѣтъ, я брошу васъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Послушайте, Готлибъ, возьмите себѣ все въ управленіе, я васъ давно прошу объ этомъ; освободите меня отъ всѣхъ этихъ непріятныхъ дѣлъ, въ которыхъ я ничего не понимаю.... только не покидайте меня. Другъ мой, не бросайте меня!... что будетъ со мною безъ васъ?... Теперь въ васъ вся моя радость, вся моя жизнь.... Я и жить-то начала только съ тѣхъ поръ, какъ вы начали меня лѣчить. Нѣтъ, ради Бога,—я васъ прошу, умоляю, возьмите все имѣніе, всѣ дѣла въ ваше распоряженіе. Я ни на что не рѣшусь, ничего не стану дѣлать безъ вашего приказанія.... Готлибъ Эрнстовичъ!... ну, не сердитесь же на меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, хорошо, положимъ, что я и возьму все въ свое управленіе.... Что же изъ этого будетъ?... Конечно, я знаю, что въ два три года я приведу всѣ ваши дѣла въ такой порядокъ, въ какомъ онѣ никогда не бывали. Я буду трудиться, безпокоиться,— и какая же награда? Вы будете сомнѣваться, подозрѣвать меня.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

О, нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ. Если бы у меня былъ братъ, сынъ, мужъ, я и тому бы не могла вѣрить такъ, какъ вамъ. Ахъ, Готлибъ Эрнстовичъ, подойдите же ко мнѣ, скажите, что вы простили меня. Мнѣ ужасно тяжело!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О, я знаю, что вы изстрадаетесь, умрете въ ужасныхъ мученіяхъ, если васъ теперь брошу, и никто не въ силахъ вамъ

будетъ помочь, потому что послѣ такого магнетизера, какъ я, никто не можетъ лѣчить.... Боже мой, вспомните, каковы вы были.... я чисто оживилъ васъ! И чего же проситъ человѣкъ въ награду за все, что онъ дѣлаетъ для людей? — одной благодарности и довѣрія.... И того люди не умѣютъ дать ему.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, не говорите такъ про меня—. Мнѣ тяжело, мнѣ тошно. Я благодарю васъ, я готова все отдать для васъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да я-то ничего не возьму. Неужели вы думаете, что я чѣмъ нибудь дорожу и чего нибудь ожидаю отъ васъ?. Вы знаете: вся Москва знаетъ и говоритъ обо мнѣ, вся знать ищетъ моего знакомства.... Но посланникамъ рока ничего не въ состояніи дать прочіе люди, имъ ничего не надо, они посланы дѣлать добро, и дѣлаютъ его, служатъ людямъ, и ничего не хотятъ брать отъ людей за свою службу, какъ бы она ни была тяжела. Ну, Богъ съ вами.... Мнѣ васъ жаль, я васъ прощаю.... Извольте, я согласенъ взять отъ васъ довѣренность на полное управленіе имѣніемъ, только прошу васъ объявить объ этомъ племянницамъ и растолковать, какую милость хочу я сдѣлать для васъ по вашей просьбѣ. Ну, оставимъ объ этомъ говорить; ужо я приготовлю довѣренность и вы ее подпишете. Поговоримте о другомъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, подойдите же ко мнѣ, дайте мнѣ васъ поблагодарить, какъ друга, какъ брата или какъ сына, чтобы я видѣла, чувствовала, что вы меня простили.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (подходитъ и цалуетъ у нея руку).

Къ несчастію я васъ люблю больше, нежели вы меня, больше, нежели любилъ бы васъ братъ или сынъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (обнимаетъ его съ восторгомъ).

Другъ мой, что вы говорите. Неужели это правда?... Ахъ, повторите, повторите еще разъ.... Требуйте отъ меня всего, чего вы хотите.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ. (освобождаясь изъ объятій).

Мнѣ ничего не надо, кромѣ вашей любви, благодарности и полнаго довѣрія.... Когда я увѣюсь въ этомъ, я сдѣлаю для васъ вашу жизнь одною свѣтлою радостью.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (закрывая лицо руками).

Ахъ! — Онъ меня любитъ.... Боже! за что такое счастіе.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, успокойтесь же, успокойтесь.... Мнѣ еще вамъ нужно сказать: зачѣмъ вы не соглашаетесь на бракъ Вѣры? Ну, что вы ее держите при себѣ? Чего дожидаетесь?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что же, надо согласиться?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Конечно. Вѣдь ужь она не разлюбитъ его; это я вамъ говорю. Чего же вы хотите въ самомъ дѣлѣ? Если вы боитесь, чтобы онъ не промоталъ состоянія, такъ не давайте вдругъ приданаго, которое обѣщали; дайте теперь только незначительную часть, а остальное послѣ, когда убѣдитесь въ немъ. Для поддержки же можно выдавать имъ ежегодно весь доходъ съ того имѣнія, которое ей назначаете.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Такъ вы находите, что мнѣ слѣдуетъ дать согласіе на ея бракъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

думаю.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Смотрите же, Готлибъ, какъ я васъ слушаю.... Эй, кто тутъ? (*звонитъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы теперь же объявите ей всѣ обѣщанія, о которыхъ мы сейчасъ говорили. (*Входитъ слуга*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Позови поскорѣе Вѣру Сергѣевну. (*Слуга уходитъ*). Не только это, все, все, что ни захотите, что ни прикажите, все буду дѣлать.... Я чувствую, я вся ваша.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ и ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (*вбѣгая*).

Чего изволите, тетенька?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я хочу объявить тебѣ радость.... Я согласна на твой бракъ съ Сергѣемъ Николаичемъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Тетенька, душенька.... (*бросается къ ней и обнимаетъ ее*). Благодарю васъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Благодари Готлиба Эрнстовича. Онъ хочетъ сдѣлать всѣхъ насъ счастливыми.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Гостиная въ домѣ Александры Ивановны).

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА и ПАЛАГЕЯ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (выходитъ изъ дверей направо).

Господи, когда же наконецъ это кончится: эта старуха просто невыносима. Ухаживаешь, услуживаешь, а отъ нея только и видишь, что упреки, да капризы. Ничѣмъ не угодишь. А еще Богъ знаетъ изъ-за чего и хлопочешь-то. Пожалуй, бьешься, бьешься, да и уѣдешь, съ чемъ пріѣхала. Отъ ея скупости всего можно ожидать. Гдѣ ты, милый Готлибъ? Живъ ли ты, здоровъ ли? Что съ тобой сдѣлалось? Неужели ты не чувствуешь, какъ страдаетъ твоя Софія? Милый, безцѣнный! Неужели ты бросилъ меня?... (*плачетъ*).

ПАЛАГЕЯ (осторожно входитъ и замѣтя, что Софья Сергѣевна плачетъ, быстро подходитъ къ ней).

Чтой-то, матушка Софья Сергѣевна? о чемъ это? Неужто ужь это о томъ, что съ тетенькой-то контра у васъ вышла?... Полноте-ка, полноте, сударыня! Объ этомъ плакать, слезъ не достанетъ. Развѣ вы не изволите замѣчать, что тетенька теперь сами не въ себѣ оттого, что Готлибъ Эрнычъ долго не ѣдетъ и письма не шлетъ. Вотъ оттого и рветъ и мечетъ, и все не по нихъ. А къ тому еще и Серафима, и сестрица-то подбиваютъ противъ васъ. Вотъ и сейчасъ Вѣра-то Сергѣевна пріѣхали да прямо и прошли къ тетенькѣ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Одна, или съ мужемъ?

ПАЛАГЕЯ.

Одинъ. А вы, матушка, не убивайтесь. Вотъ только бы пріѣхалъ Готлибъ Эрнычъ. Онъ все повернетъ по старому. Опять пойдетъ на вашу руку.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Пріѣдетъ! А когда онъ пріѣдетъ?... Вотъ ужь скоро мѣсяцъ, какъ о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я измучилась, изтерзалась отъ одной мысли, что не увижусь съ нимъ болѣе. И некому высказаться, не съ кѣмъ поговорить, чтобы облегчить свое горе. Конечно ты все знаешь, но ты не можешь имѣть понятія о моихъ чувствахъ.

ПАЛАГЕЯ.

Отчего не имѣть понятія?... Ужь это нѣтъ того тяжелѣе, что коли сдѣлалъ къ какому человѣку привычку и долженъ его лишиться. Привычка великое дѣло, отъ нея не скоро отвыкнешь.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (съ грустной улыбкой).

Ахъ, какъ ты глупа, Палагея. Какая же это привычка? Это страсть.... любовь.

ПАЛАГЕЯ.

Такъ какъ же, сударыня: все и есть привычка.... Вотъ тоже, какъ съ Алексѣемъ Маркычемъ изволили разойтися, тоже какъ убивались, плакали— все тоже и выходитъ отъ привычки... Вѣдь ужь не изъ любви же расходились, а отъ ссоры, а плакали же вѣдь.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ну, полно врать, Палагея: надоѣла.... Я тогда плакала отъ огорченія.... Господи, какая я страдалица на земли!... Кажется, нѣтъ меня несчастнѣе.... Гдѣ онъ? Господи, гдѣ онъ, мой Готлибъ?... (*плачетъ*).

ПАЛАГЕЯ.

Полноте же, матушка, Софья Сергѣевна. Ну, какъ можно такъ убиваться?...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Богъ меня наказываетъ за то, что я не хорошо поступила съ мужемъ.

ПАЛАГЕЯ.

Не вы съ нимъ нехорошо поступили, а онъ съ вами.... Онъ не умѣлъ оцѣнить вашей доброты и вашего ангельскаго сердца.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ахъ, полно, Палагея, не говори.... (*со вздохомъ*). Нѣтъ, уже я такая несчастная. Нѣтъ мнѣ ни въ чемъ счастія. Мужъ бросилъ, всѣ, кого люблю, всѣ бросаютъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, здравствуйте, *mon ange*.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Здравствуйте, Ольга Федоровна.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, что тетенька?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Очень не хороша: ужасно раздражительна, капризна, все не по ней; безпрестанно жалуется на нездоровье; гораздо хуже прежняго.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой!... А отъ него нѣтъ писемъ?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой!... Скажите, что бы это значило?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Не знаемъ, что и думать.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Вѣдь вотъ ужь скоро три мѣсяца, какъ уѣхалъ.... Да, скажите, зачѣмъ онъ уѣхалъ?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Что-то хлопотать по тетенькиной тяжбѣ.... Палагея, поди доложи тетенькѣ, что Ольга Федоровна пріѣхала.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да я бы сама къ ней прошла. Да впрочемъ нѣтъ, ничего... Поди, душенька, доложи (*Палагея уходитъ*). А я вамъ хочу сказать словечка два. Я и сама не знаю, что и думать: недавно приходила къ намъ въ людскую моя Агашка, говоритъ, ужасно разфранченная и такъ, говоритъ, и хохочетъ.... Славно, говоритъ, я обманула и барыню, и всѣхъ господъ: захотѣла, говоритъ, съумѣла себѣ вольную получить.... А что такое—не гово-

рить... Да такіе мерзкіе мои людишки—не сказали мнѣ, какъ она была у насъ: я бы ужь ее пугнула. Теперь не знаю, что и думать... Да и того боюсь: не началось ли у нихъ опять чего съ моимъ благовѣрнымъ. Я ужь ѣздила къ одной гадальщицѣ.... на кофейную гущу гадаетъ. Очень хорошо гадаетъ, и благородная: мужъ отставной офицеръ. Такъ она смотрѣла для меня: говоритъ, что будутъ письма и пріятныя новости. Видѣла какого-то толстаго мущину,—это моего мужа: лежитъ, говоритъ, на диванѣ и куритъ трубку. Есть, говоритъ, у него мысли въ головѣ и чѣмъ-то огорченъ. Ну, да это-то я и сама вижу, что у него еще не совсѣмъ прошло и что онъ тоскуетъ объ ней. Да еще что говоритъ, — представьте. Я нарочно разъ приступила къ нему: скажи, о чемъ ты все думаешь и о чемъ грустишь? Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ: грущу, говоритъ, о томъ, что прожилъ цѣлый вѣкъ съ такой пустой бабой.... Какъ вамъ нравится?... Это про меня-то.... Хоть бы дѣтей, говоритъ, видѣлъ бы около себя, такъ и тѣхъ не нажили... А, каковы комплименты, какъ вамъ нравится?... Каковы эти мущины!... Самъ кругомъ виноватъ, а что говоритъ.... Ну я же ему и отпѣла....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Что же вы ему сказали?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, порядочно,—дала понять, что онъ отъ меня не имѣетъ и права требовать дѣтей.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (закрывая лицо).

Ахъ, Ольга Федоровна....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, *mon ange*.... Вѣдь горько это слышать,—я вамъ какъ другу говорю. Я знаю свои правила. Онъ во всемъ виноватъ, а еще смѣетъ меня упрекать. Ахъ, Боже мой! Этакихъ варваровъ, какъ мущины.... я не знаю, нѣтъ,—звѣри ихъ лучше!...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (со вздохомъ).

Что правда, то правда....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (также со вздохомъ).

Да, вы сами испытали это, *ma chère*.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ахъ, Ольга Федоровна, я столько испытала, то испытала, чего, кажется, ни одной женщинѣ не придется даже вообразить въ своей жизни....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ *ma bon amie*, не говорите, — кажется, нѣтъ такой другой несчастной, какъ я!... Одно то взять, что мужъ, — и въ такія лѣта....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Это.... это.... Да это всѣ они дѣлаютъ.... Это я всегда бы перенесла отъ мужа.... А вы представьте мое положеніе.... Онъ былъ влюбленъ въ меня, женился по страсти, взялъ меня съ очень небольшимъ приданымъ, а самъ страшный богачъ.... Я была неопытная дѣвушка и ввѣрилась ему... А онъ—что же? вообразите, вдругъ начинаетъ меня ревновать ужаснѣйшимъ образомъ.... хотя я была неопытна и невинна, право, какъ голубь. Тутъ ѣздилъ къ намъ одинъ молоденькій офицеръ. Однажды мужа не было дома, этотъ офицеръ засидѣлся очень долго у меня вечеромъ. Вдругъ мужъ пріѣзжаетъ, вообразилъ Богъ знаетъ что.... А вѣдь мнѣ не выгнать же гостя, когда онъ хочетъ сидѣть у меня.... И что же вы думаете, душенька, Ольга Федоровна? Вѣдь мужъ выгналъ меня изъ дому!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (всплеснувъ руками).

Какъ выгналъ?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Да, да, просто выгналъ.... Какъ я ни просила у него прощенія, стояла на колѣняхъ, плакала, клялась, что ничего не было,—онъ ничего не хотѣлъ слушать....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой!...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Погодите.... Этого еще мало: онъ позволилъ мнѣ взять только мое приданое, а вещи, которыя онъ мнѣ подарилъ, всѣ, всѣ взялъ, не оставилъ даже бриллiантоваго кольца на пальцѣ, которое подарилъ мнѣ въ дѣвичникъ!... и положилъ всего только тысячу цѣлковыхъ на содержаніе!

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой, Боже мой!... Но послушайте, *ma chère*, вы могли жаловаться на него черезъ судъ?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Я такъ была огорчена, такъ убита, что даже была готова и на это, — да тетенька меня отговорила, убѣдила меня, что будетъ дурная огласка, увѣрила, что онъ одумается и самъ станетъ звать меня. А онъ вотъ какъ зоветъ: ужь пятый годъ

живемъ врозь. Ну, а что же тетенька? — Вотъ я послушалась ея, повиновалась ей, какъ маленькій ребенокъ, ухаживаю за нею другой годъ, — и что же, какая благодарность? Одни капризы, одни колкости.... Милая сестрица боится, какъ бы тетенька не отказала чего мнѣ, и всячески вооружаетъ ее противъ меня. А, кажется, чего бы ей еще добиваться: дано ей шестьдесятъ душъ, обѣщано еще двѣсти. Приданое, вы знаете, какое сдѣлано: сколько вещей даже черезъ васъ куплено.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, да! А какъ все дешево, *ma chère*, не правда ли?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Я не знаю. Можетъ быть и дешево, да сколько вещей-то!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, конечно. Ужь это неблагородно — быть всѣмъ недовольной. А не хотите ли, *mon ange*, купить себѣ,—у меня есть теперь на примѣтѣ, —соболій воротникъ продаютъ — великолѣпный, совершенно новенькій, почти не ношенъ, и за безцѣнокъ продаютъ, совершенно за безцѣнокъ. Вотъ купите....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ, благодарю васъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Можно попросить тетеньку: можетъ быть она и купитъ для васъ....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (со злобнымъ смѣхомъ).

Для меня.... Что вы?— Я вѣдь не Вѣра Сергѣевна.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, вотъ если бы былъ Готлибъ, онъ бы упросилъ тетеньку купить для васъ.... (*Обѣ вздыхаютъ*).

(Входитъ Троеруковъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ и ТРОЕРУКОВЪ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Сергѣй Николаичъ, какъ рада, что васъ вижу.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (молча и холодно кланяется въ отвѣтъ на поклонъ Троерукова).

ТРОЕРУКОВЪ (Софьѣ Сергѣевнѣ).

А моя жена вѣрно у тетеньки?..

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (сухо).

Не знаю... можетъ быть...

ТРОЕРУКОВЪ.

Развѣ вы не видали ее?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ, не видала.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (къ Троерукову).

Совсѣмъ меня позабыли... И не вспомните... Богъ съ вами.

ТРОЕРУКОВЪ.

Извините, Ольга Федоровна... Право, некогда.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, какъ бы не найти времени, если бы захотѣли...

ТРОЕРУКОВЪ.

Божусь вамъ, некогда... Утро у должности... Измучишься до такой степени, что радъ Богъ знаетъ какъ отдохнуть вечеромъ дома...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Нѣтъ, ужь не хотите... Богъ съ вами...

ТРОЕРУКОВЪ.

Простите, Ольга Федоровна... Постараюсь непремѣнно загладить свою вину...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Прощаю только потому, что вы еще молодые .. (*со вздохомъ*) Ахъ, счастливчики... Я думаю, не насмотрятся другъ на друга... Да, пользуйтесь этимъ временемъ... (*Со вздохомъ*) Ахъ, золотое времечко эти первые мѣсяцы... Послѣ ужь все будетъ не то.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Ольга Федоровна, я иду къ тетенькѣ: хотите вы идти къ ней?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Пойдемте, пойдемте, *ma chère*.

ТРОЕРУКОВЪ.

А мнѣ можно къ тетенькѣ?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Не знаю. Она была еще не одѣта... Я думаю, скоро сюда выйдетъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Если Вѣра у тетеньки, потрудитесь пожалуйста сказать ей, чтобы она сюда пришла ко мнѣ.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Хорошо.

(Уходитъ вмѣстѣ съ Воробейчиковой).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТРОЕРУКОВЪ (одинъ).

Что она все злится? Что за фурія!.. Хорошо, если Вѣра успѣла поговорить съ теткой безъ нея. Неужели въ самомъ дѣлѣ эта госпожа успѣетъ взять верхъ надъ нами?..

(Вѣра Сергѣевна поспѣшно входитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТРОЕРУКОВЪ и ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

ТРОЕРУКОВЪ.

Ну, что, Вѣра?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Тетенька сейчасъ выйдетъ сюда.

ТРОЕРУКОВЪ.

Да ты мнѣ только скажи, просила ты ее объ обѣщанномъ имѣніи, или нѣтъ?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Нѣтъ, Сержъ...

ТРОЕРУКОВЪ.

Опять нѣтъ... Отчего же? вѣдь сестры не было?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Опять не стало духа....

ТРОЕРУКОВЪ.

Ну, что же это такое, Вѣра? Когда же этому будетъ конецъ?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да къ чему же торопиться? Она теперь такая больная. Право, мнѣ совѣстно просить.

ТРОЕРУКОВЪ.

Да чего же совѣстно? Вѣдь ты своего будешь просить, обѣщаннаго?..

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ну, да ужь если обѣщано, такъ получимъ. Къ чему же торопиться?

ТРОЕРУКОВЪ.

Вѣдь ужь это ты давно мнѣ говоришь: каждый разъ, какъ прошу тебя объ этомъ. Къ чему торопиться! Ты подумай: мы

теперь не живемъ съ теткой, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отвыкаетъ отъ тебя, а Софья этимъ пользуется. И кончится тѣмъ, что ты останешься только съ тѣмъ, что получила.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Ну, если бы и такъ, Сержъ: я теперь очень жалѣть не стану. Я теперь такъ счастлива съ тобою, что право мнѣ какъ-то даже стыдно думать и заботиться объ имѣніи... (*Нѣжно обнимаетъ его*).

ТРОЕРУКОВЪ.

Вотъ такъ! А гдѣ же твоя прежняя практичность?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да вѣдь тебѣ же самому она не нравилась. Ты самъ же называлъ ее прозой и даже корыстолюбіемъ...

ТРОЕРУКОВЪ.

А теперь что̀ это вдругъ за излишняя сентиментальность?..

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Оттого, что я счастлива...

ТРОЕРУКОВЪ.

Ахъ, Вѣра, я не ожидалъ отъ тебя такой неровности въ характерѣ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (поддерживаемая подъ руку Серафимой).

Вѣра, Вѣра, слышала ли ты,—ко мнѣ Ахлебеневъ пріѣхалъ? (*Троеруковъ цалуетъ руку Александры Ивановны*) Здравствуйте! Да ну, Серафима, усаживай, что ли. Охъ, спинушка! Дай же подушку за спину.... Что же скамеечку подъ ноги?... (*Софья Сергѣевна, Вѣра Сергѣевна и Воробейчикова суетятся около нея*).

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, покойно ли вамъ теперь, моя голубушка?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ужь какое спокойствіе, Ольга Федоровна? Съ тѣхъ поръ какъ Готлибъ уѣхалъ, я не знаю себѣ покою ни днемъ, ни ночью. Совсѣмъ разклеилась! Ахъ, Боже мой, ну какъ я приму этого злодѣя своего, Ахлебенева? Одинъ видъ его мнѣ несносенъ!...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Можетъ быть, не привезъ ли онъ какихъ извѣстій о Готлибѣ Эрнстовичѣ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вонъ и Софья тоже говоритъ, да безъ этого пустила ли бы я на свои глаза этого изверга. Ну, что же, принимать его или нѣтъ?

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Какъ же не принять, тетенька?—Можетъ быть онъ что нибудь по дѣлу....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я не знаю, что ужь и думать. Право, не умеръ ли ужь Готлибъ: вѣдь онъ поѣхалъ съ тѣмъ, чтобы видѣться и съ этимъ извергомъ.... (*Къ Ольгѣ Федоровнѣ*) Ну, какъ, скажите, цѣлый мѣсяцъ нѣтъ писемъ отъ него!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А вотъ офицерша-то сказала, что будутъ письма и радостныя извѣстія. Можетъ быть про этого самаго Ахлебенева она и говорила.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Очень можетъ быть.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, дай-ка Господи!... (*Къ Серафимѣ*) Ну что же ты стоишь? Скажи тамъ, чтобы его сюда просили.

(Серафима уходитъ).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Боже мой, какъ я боюсь этого человѣка! Такъ сердце и замираетъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Мудрено ли, моя родная! Я знаю это: вотъ я Агашки своей просто боялась, чувствовала, что она моя злодѣйка....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

А вы, Сергѣй Николаичъ, поддержите же меня, если что коснется дѣлъ: помните, что вы теперь мой родственникъ и это прямая ваша обязанность....

ТРОЕРУКОВЪ.

Что только могу....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, да, ужь теперь кому же и хлопотать за васъ, какъ не Сергѣю Николаичу?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Кажется, что такъ. По моему, кажется бы, не надо и допускать меня до свиданія съ этакими злодѣями.... Ахъ, нѣтъ Готлиба!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ и АХЛЕБЕНЕВЪ

АХЛЕБЕНЕВЪ (разшаркиваясь).

Имѣю честь свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Здравствуйте, почтеннѣйшая Александра Ивановна. Позвольте вашу ручку поцаловать. (*Цалуя у нея руку*) Вотъ Богъ привелъ опять свидѣться:... А это, неужели это Вѣра Сергѣевна?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (сухо).

Да, это Вѣра.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Скажите.... А, какъ года-то идутъ, Александра Ивановна... Вотъ какую знатъ! Позвольте (*цалуетъ руку у Вѣры Сергѣевны*) Очень, очень пріятно.... Да вѣдь вы, кажется, изволили вступить въ законный бракъ.... Не супругъ ли это вашъ? (*Указываетъ на Троерукова*).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да, это мой мужъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Позвольте съ вами познакомиться. (*подаетъ руку Троерукову*) Очень радъ, очень радъ. Прошу полюбить старика, который, можно сказать, на рукахъ носилъ вашу любезнѣйшую супругу. Какъ же, какъ же.... Вѣдь мы ближайшіе сосѣди съ тетенькой вашей, Александрой Ивановной.... (*Обращаясь къ ней*). Вотъ, матушка, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Вотъ у васъ и семейство прибыло.... Я думаю и забыли совсѣмъ сосѣда и стараго знакомаго.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, мнѣ нельзя было забыть васъ: вы заставляли о себѣ помнить вашими обидами.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Какія обиды, почтеннѣйшая сосѣдушка, что вы?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Конечно обиды. Развѣ не обида эта тяжба, которую вы со мной начали?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Я, почтеннѣйшая Александра Ивановна, тяжебъ никогда не начинаю. Я не сутяжникъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Такъ кто же это началъ-то ее, не я ли?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

И не вы, и не я. А всякую тяжбу начинаетъ истина, справедливость.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, хороша справедливость, которую хотѣлъ сдѣлать со мной вашъ довѣренный: хотѣлъ заставить заплатить меня даромъ 5 тысячъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Кто, вы изволили сказать, хотѣлъ это сдѣлать съ вами?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вашъ довѣренный, Омутовъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Никогда, никакихъ, сударыня, довѣренныхъ я не имѣлъ, дѣйствую всегда во всемъ самъ лично, ибо ничьей добросовѣстности не довѣряю, и фамилію такую въ первый разъ слышу.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, это пожалуй, запираться можно во всемъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Запираться, многоуважаемая Александра Ивановна, я не имѣю надобности, такъ какъ ничего противозаконнаго не дѣлаю, а что довѣренныхъ никогда не имѣлъ, и господина Омутова никогда не видалъ, и даже фамиліи этой никогда не слыхивалъ, въ томъ могу васъ увѣрить.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да какъ же вы увѣряете, когда я видѣла его своими глазами, говорила съ нимъ.... да позвольте, даже и фальшивая-то бумага, которую этотъ Омутовъ написалъ, осталась у Готлиба Эрнстовича. Это мой довѣренный.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Вотъ съ Готлибомъ Эрнстовичемъ имѣлъ честь познакомиться.... Пріятнѣйшій человѣкъ!

ВСѢ, кромѣ Трогрукова.

Вы видѣли его?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Здоровъ ли онъ?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Когда видѣлъ, онъ былъ совершенно здоровъ, а теперь не знаю.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Давно ли вы его видѣли?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Да какъ вамъ сказать, съ мѣсяцъ тому будетъ: какъ мы совершали купчую, съ тѣхъ поръ не видалъ, потому — онъ очень скоро куда-то уѣхалъ. А я вѣдь полагалъ, что онъ возвратился къ вамъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, вообразите, — не бывалъ и цѣлый мѣсяцъ ничего не пишетъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Ми.... да, это удивительно. А я ему и денежки всѣ сполна отдалъ; 25 тысячъ рублей до одной копѣечки уплатилъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Да что же такое онъ вамъ продалъ?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Тетеньки вашей, Александры Ивановны, село Высоково.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (поблѣднѣвъ).

Какъ, Высоково продалъ?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Точно такъ-съ. Да неужели же это безъ вѣдома вашего? Впрочемъ онъ совершалъ купчую по данной вами ему полной довѣренности. Ну-съ, и опять, почтеннѣйшая Александра Ивановна, можетъ быть вы скажете, что я хочу начинать тяжбу, но разсудите великодушно и войдите въ мое положеніе: я покупалъ Высоково со всѣми принадлежащими къ нему землями, пустошьми и угодьями. Между оными значится лѣсная пустошь Макариха, но онъ же господинъ Зильбербахъ весь лѣсъ въ этой пустоши продалъ и деньги получилъ, но при совершеніи со мною купчей этого не показалъ. Какъ же, вѣдь я не могу этого простить?... Я съ тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы рѣшить это обстоятельство полюбовно.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да что вы мнѣ такое говорите? Я и понять не могу. Вы смѣетесь что ли надо мной?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Помилуйте, развѣ этакими вещами можно шутить?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да что вы? Я никогда не думала и не хотѣла продавать Высоково, да и какъ же можно 600 душъ и за 25 тысячъ руб... Это невозможно!...

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Да вѣдь это съ переводомъ долга. Нѣтъ, это хорошо, больше никто бы не далъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Не далъ!... Да я-то никогда не думала и не хочу продавать ни за какія деньги.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Да вѣдь ужь этого воротить нельзя: я введенъ во владѣніе. Все сдѣлано по закону. А вотъ объ лѣсѣ-то какъ бы намъ рѣшить.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да вы просто меня обманываете: Готлибъ Эрнстовичъ никогда не рѣшится сдѣлать такой низости.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, да!.. Можетъ ли это быть?

ТРОЕРУКОВЪ.

Позвольте васъ спросить: съ вами купчая на Высоково?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Какже-съ: я точно зналъ,—нарочно захватилъ. Вотъ извольте посмотрѣть. (*Подаетъ бумагу*).

ТРОЕРУКОВЪ (просмотрѣвши купчую).

Ну, тетенька,—дѣло кончено: Высоково дѣйствительно продано, купчая совершена законнымъ образомъ. Ахъ, мошенникъ!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Такъ что же это такое? Вы хотите меня разорить, ограбить.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Что вы говорите, почтеннѣйшая? Я купилъ законнымъ образомъ, я еще отъ роду никого не грабилъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да какое же купилъ.... Гдѣ же деньги? Я ихъ не получала.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Это не мое дѣло.... Я деньги вручилъ вашему уполномоченному довѣренному.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Такъ вы разорили меня, пустили по міру!.. Вамъ мало того, что вы хотѣли отнять у меня имѣніе, вамъ хочется убить меня. Вы воръ, грабитель, убійца.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Позвольте, позвольте, сударыня: я пришелъ не за тѣмъ, чтобы слушать отъ васъ подобныя рѣчи.—Если не угодно вамъ разсѣяться со мною за проданный лѣсъ полюбовно и если, вмѣсто того, чтобы поблагодарить меня за желаніе кончить дѣло мирно, вы называете меня такими обидными именами, такъ я лучше удалюсь и буду вѣдаться съ вами судебнымъ порядкомъ. Благодарю васъ за гостепріимство. Имѣю честь кланяться. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ безъ АХЛЕБЕНЕВА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что же теперь дѣлать?... Да гдѣ же Готлибъ съ деньгами?... Куда онъ дѣвался?

ТРОЕРУКОВЪ.

Теперь ясно: онъ воспользовался вашей довѣренностью, продалъ имѣніе, получилъ деньги и скрылся съ ними.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, кто бы этого могъ ожидать?... Боже мой, какіе люди! Значитъ и моя Агашка....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, полноте вы, Ольга Федоровна, съ своей Агашкой! Вы меня съ нимъ познакомили.... Да вы подумайте, всѣ подумайте, вѣдь я нищая, у меня ничего нѣтъ! Вѣдь я не могу придти въ себя.... что мнѣ дѣлать-то!

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А сколько у васъ осталось? Всего 70 душъ, да и тѣ пожалуй Ахлебеневъ оттягаетъ.... Ахъ Готлибъ, Готлибъ, неужели онъ могъ это сдѣлать?... Боже!... (*Закрываетъ лицо руками*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да что же вы всѣ смотрите и молчите? Или вы всѣ сговорились, чтобы разорить меня? Батюшки, что мнѣ дѣлать! Тоска меня грызетъ.... Или вы всѣ радуетесь моей бѣдѣ? Видно, онъ продалъ и съ вами подѣлился.... (*Къ Софьѣ Сергѣевнѣ*).

Или съ тобой одной?... Ты, кажется, была съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ.... Или и тебя обманулъ?... Ха, ха, ха!.. Обманулъ, обманулъ!...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Нечего клеветать на другихъ, въ чемъ кругомъ сами виноваты: какъ бы вы поменьше на старости лѣтъ вѣшались къ нему на шею (*смѣется истерически*), какъ бы вы не влюблялись въ 50 лѣтъ отъ роду и не старались соблазнить его собою.... никто бы не заставилъ васъ дать этой довѣренности!... Нечего вамъ меня упрекать и ожидать участія.... Я ничѣмъ вамъ не обязана.... Вотъ сестра всѣхъ больше получила отъ Готлиба, къ ней обращайтесь. А я еще никому не позволю оскорблять себя.... Дорого мнѣ досталась ваша хлѣбъ-соль.... Прощайте. (*Уходитъ*)

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, ахъ, Боже мой, что мнѣ говорятъ!... Ничего не видя, ужь обижаютъ!... Господи, убей меня!... (*Плачетъ и мечется*) Батюшки, задыхаюсь...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Тетенька, успокойтесь, душенька.... Ради Бога.... Я не разстанусь съ вами.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Не послать ли за лекаремъ?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ.... не за лѣкаремъ.... Это Богъ меня наказываетъ за Аксиньюшку!... За ней, за ней послать, за Аксиньюшкой!... На нее одну надежда.... За Аксиньюшкой, за Аксиньюшкой!...

(Занавѣсъ опускается).

АЛЕКСѢЙ ПОТѢХИНЪ.

13-го декабря, 1858 г.
С. Языкино

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПРАГѢ.

I.

Я только что разстался съ Прагой и пишу еще непосредственно подъ тѣми впечатлѣніями, которыя она оставила во мнѣ послѣ двухъмѣсячнаго знакомства. Все это время я употребилъ на то, чтобы освоиться ближе съ чешскимъ языкомъ, литературой, вообще славянскимъ движеньемъ, наблюдать которое издали весьма неудобно, какъ я убѣдился теперь. Я не буду передавать вамъ ни исторіи Праги, ни чешской этнографіи, не буду описывать всѣхъ пражскихъ достопримѣчательностей, — это требуетъ больше времени, нежели сколько находится въ моемъ распоряженіи; мое письмо будетъ заключать только короткія замѣтки, результатъ того, что я видѣлъ, слышалъ и читалъ въ Прагѣ.

Прага безъ сомнѣнія умственный и нравственный центръ западнаго славянства, важнѣйшій славянскій городъ въ австрійской имперіи. Здѣсь началось, сложилось и продолжалось то славянское движенье, которому въ Европѣ и у насъ даютъ названіе панславизма. Само собою разумѣется, что и меня Прага занимала въ высшей степени именно въ этомъ отношеніи. Для того, кто посвятилъ бы себя изслѣдованію объ австрійскомъ славянствѣ, Прага была бы заключительнымъ, все заканчивающимъ и опредѣляющимъ предметомъ изученія. На мою долю досталась только она одна: я оставилъ Венецію и вступилъ въ славянскія области уже въ нынѣшнее суровое начало зимы, когда экскурсіи въ глубь страны становятся очень неудобными; изъ Тріеста я попалъ прямо въ Вѣну, изъ Вѣны въ Пра-

ку, и слѣдовательно очутился вдругъ въ славянскомъ центрѣ, безъ всякихъ введеній и предисловій. Первыя впечатлѣнія Праги бываютъ довольно неожиданны, нѣсколько странны: мы, съ университетской аудиторіи знакомые отчасти съ чешскимъ языкомъ, литературой и т. д., ожидаемъ найти въ Прагѣ яркіе признаки чешской жизни, ожидаемъ слышать только чешскій языкъ, видѣть родной славянскій типъ, но эти ожиданія почти всегда обманываютъ на первый разъ. На улицѣ только и слышится нѣмецкій языкъ, гораздо рѣже чешскій; почти всѣ вывѣски на домахъ нѣмецкія; типъ жителей не имѣетъ особенно рѣзкихъ славянскихъ чертъ, и чеха по лицу очень трудно отличить, особенно если онъ говоритъ по-нѣмецки. Я еще довольно удачно попалъ съ моимъ русскимъ спутникомъ въ отель, гдѣ женская прислуга была чешская: для опыта мы говорили по-русски и могли удобно распорядиться, чтобы затопили печь, принесли воды и т. д. Но одинъ изъ моихъ пріятелей, также ожидавшій найти въ Прагѣ чистыхъ чеховъ, имѣлъ опытъ болѣе неудачный: пріѣхавши въ Прагу, онъ спросилъ перваго кельнера, который встрѣтился, — чехъ ли онъ? Gott bewahre, отвѣчалъ тотъ. Обыкновенный путешественникъ, заѣзжающій въ города, подобные Прагѣ, на нѣсколько дней, осматривающій ихъ съ помощью гида, и уѣхалъ бы изъ Праги въ полномъ убѣжденіи, что Прага есть замѣчательный нѣмецкій городъ, какъ говоритъ его Reisehuch, — городъ, въ которомъ живетъ много чеховъ, или лучше сказать «богемцевъ»: названіе, еще сильно распространенное въ нашихъ географіяхъ и очень неправящееся самимъ чехамъ. Надобно остаться въ Прагѣ долѣе, надо войтись съ ея жителями, бывать въ театрѣ, въ многолюдныхъ собраніяхъ, чтобы убѣдиться фактомъ, что Прага есть наоборотъ чешскій городъ, въ которомъ живутъ также и нѣмцы. Этнографическія цифры пражскаго народонаселенія до сихъ поръ составляютъ сфинксову задачу: благоразумнѣйшія нѣмецкія книги говорятъ, что изъ полутораста тысячъ пражскихъ жителей четыре седьмыхъ — чеховъ, остальные — нѣмцы и жиды. Меня очень занималъ вопросъ о численномъ отношеніи чеховъ и нѣмцевъ въ Прагѣ, и я, зная, что на австрійскія нѣмецкія цифры нельзя положиться въ этомъ случаѣ, разспрашивалъ опытнѣйшихъ пражскихъ жителей и получалъ различные отвѣты: одни считали до двадцати пяти тысячъ нѣмцевъ, другіе доходили только до десяти тысячъ,—цифры почти невѣроятныя, если обратить вниманіе на массу народа, говорящаго по-нѣмецки. Трудность заключается въ томъ, что при нѣмецкомъ господствѣ, управленіи, школахъ, при матеріальномъ превосходствѣ нѣмецкаго населенія, Прага стала такимъ же двуязычнымъ городомъ, какъ Страсбургъ, гдѣ простолюдинъ знаетъ по-французски и по-нѣ-

мецки. Чистый чехъ, чехъ по рожденію, вслѣдствіе наклонностей, обстоятельствъ, мнѣній, можетъ совершенно обнѣмечиться, получить предпочтеніе къ нѣмецкому языку, наконецъ даже и забыть свой родной: куда же должна отнести его этнографическая статистика? А возможность обнѣмечиться представляется очень легко, и для простолюдина, и особенно для человѣка образованнаго: поселянинъ попадаетъ въ солдаты, уходитъ защищать Gesammtvaterland на По и Адижѣ, проводитъ тамъ годы и иногда пропадаетъ для родины; въ образованномъ классѣ далеко не у всѣхъ пробуждается ревность къ сохраненію народности; иные прямо становятся австрійскими патріотами, слѣдовательно заклятыми врагами національнаго стремленья, считая его фантастической идеей, вреднымъ сепаратизмомъ, и наконецъ удерживаютъ изъ своей народности только имя, искалѣченное нѣмецкимъ правописаніемъ. Какъ сильно вообще германизированіе въ чехахъ, вопросъ очень трудный; для него мудрено найти вѣрныя статистическія данныя, а между тѣмъ разрѣшеніе его было бы весьма важно: оно показало бы, что успѣло сдѣлать новое славянское движенье и какую перспективу можетъ оно имѣть въ будущемъ, при томъ же порядкѣ вещей.

Какъ я замѣтилъ, на первый разъ бросается въ глаза именно преобладаніе нѣмецкаго элемента. Когда я пріѣхалъ въ Прагу, оно было еще замѣтнѣе: я еще засталъ праздники, слѣдовавшіе за открытіемъ памятника знаменитому чеху, изъ древней фамиліи, Радецкому. Сколько я могъ замѣтить, чехи не особенно радовались почестямъ, которыя отдавались памяти ихъ соотечественника.... Городъ наполненъ былъ австрійскими militärs разныхъ цвѣтовъ, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ имперіи для этого торжественнаго случая. Прага имѣла совершенно нѣмецкій, или вѣрнѣе, австрійскій видъ. Подъ этими авспиціями я въ первый разъ познакомился съ городомъ. Хотя мнѣ пришлось видѣть его зимой, сырой и туманной, я тѣмъ не менѣе могъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ хороша должна быть Прага лѣтомъ съ зеленѣющей окрестностью, свѣтлымъ Градчиномъ и чудными островами Волтавы. Многіе, видѣвшіе Прагу лѣтомъ съ Градчина или съ Петржина, изъ сада Кинскаго, увѣряютъ, что Прага сильно напоминаетъ Москву: этому можно повѣрить; я думаю, что, при меньшихъ размѣрахъ, она можетъ быть еще живописнѣе Москвы.

Извѣстно, что она принадлежитъ къ числу очень красивыхъ городовъ. Чехи любятъ приводить отзывъ о своей столицѣ знаменитаго Гумбольдта, который назвалъ Прагу въ живописномъ отношеніи четвертымъ городомъ въ Европѣ послѣ Константинополя, Неаполя и Лиссабона. Городъ расположенъ на обоихъ берегахъ Волта-

вы, огибающей полукругомъ «Старое Мѣсто», т. е. старый городъ, главную часть нынѣшней Праги. Около «Стараго» раздвинулось «Новое Мѣсто», обстроенное довольно правильно и иногда изящно, — и жидовскій городъ, грязный, тѣсный и мрачный. Великолѣпный старинный мостъ, выстроенный Карломъ IV въ блестящія времена Праги и Чехіи, уставленный множествомъ статуй, ведетъ черезъ Волтаву на «Малую Страну», надъ которой поднимается Градчинъ, пражскій Кремль, и пустынная гора Петржинъ. Видъ на нихъ съ набережной Франца, изъ Новаго Города, удивительно хорошъ: противоположный берегъ круто встаетъ надъ Волтавой съ Бельведеромъ, Градчиномъ, наполненнымъ дворцами и храмами, Петржиномъ, зеленымъ даже зимой, на которомъ виденъ Страговъ и уединенная церковь св. Лаврентія на вершинѣ. На ближайшемъ планѣ миловидные островки, заросшіе высокими деревьями, Стрѣлецкій и Софійскій: послѣдній изъ нихъ, мѣсто пражскихъ увеселеній, баловъ и концертовъ, чрезвычайно напоминаетъ островъ Руссо въ Женевѣ. Еще лучше видъ съ Градчина, откуда открывается весь городъ съ его церквами и башнями и далеко видна волнистая окрестность съ городками и деревнями. Съ пражскаго «дома» (собора) на Градчинѣ видно, говорятъ, половину Богеміи. За старымъ городомъ поднимаются другія возвышенности: древній историческій Вышеградъ, о которомъ говоритъ старая пѣсня, нѣкогда столица Чехіи, теперь незначительное предмѣстье Праги, и историческая Жижкова гора: здѣсь одержалъ онъ побѣду надъ своими непріятелями, сваливая съ крутой горы огромные камни. Теперь подъ горой мирно проходитъ желѣзная дорога въ Вѣну.

Каменный мостъ черезъ Волтаву, о которомъ мы упоминали, есть одна изъ главныхъ достопримѣчательностей Праги: мнѣ понравился онъ больше знаменитаго моста Св. Ангела въ Римѣ. Онъ много длиннѣе римскаго и весь заставленъ статуями и группами, старыми и новыми: здѣсь и святой Вацлавъ, патронъ чешской земли, и Францискъ Ксаверій—память іезуитскаго владычества, и св. Непомукъ: въ срединѣ моста рѣшетка надъ перилами указываетъ мѣсто, откуда святой брошенъ былъ въ воду. Съ моста опять прекрасный видъ на обѣ стороны города, на острова и вдаль по рѣкѣ. Волтава шириной съ Неву, довольно быстра въ этомъ мѣстѣ и до сихъ поръ мутитъ свои волны, какъ во времена Любуши. Съ обоихъ концовъ моста стоятъ старинныя готическія башни, пережившія много разрушительныхъ осадъ. Башни, какъ видно, очень нравились чехамъ; Прага усѣяна ими, и получила отъ нихъ свой живописный и совершенно справедливый эпитетъ «сто-башенной» (стовежита Прага). Онѣ попадаются во всѣхъ частяхъ города и служили прежде городскими воротами,

укрѣпленіями, пороховыми складами; теперь онѣ разнообразятъ картину города и остались на память его древней физіономіи, вѣроятно очень эффектной, сколько можно судить по остаткамъ. Въ свое время башни были богато снабжены статуями и готическими украшеніями; теперь ихъ осталось уже не много: нѣмецкіе хозяева города очень много уничтожили. Высокая башня пражскаго моста, у Клементинума (огромнаго зданія, выстроеннаго іезуитами въ XVII вѣкѣ, гдѣ помѣщается теперь часть университета и гимназія), одна изъ самыхъ большихъ и лучшихъ въ Прагѣ; она стоитъ еще на стражѣ, какъ старый, но бодрый инвалидъ, и не дальше какъ въ сорокъ восьмомъ году выдержала сильную бомбардировку съ «Малой Страны» отъ войскъ Виндишгреца. Когда всѣ войска собрались изъ города на Малую Страну, эта башня, составляющая входъ на мостъ, была однимъ изъ пунктовъ, куда собрался народъ и куда направлено было главное дѣйствіе артиллеріи; здѣсь были лучшія пражскія баррикады и здѣсь разъигрался одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ пражской трагедіи 48-го года. Студенты изъ стоящаго рядомъ Клементинума составляли большинство защитниковъ башни и барракадъ; подъ ядрами они пѣли здѣсь пѣсню: hej slované, jeśte naśa slovanskà reć žije,— залпы артиллеріи заглушали на минуту пѣсню, но пѣвцы не останавливались и съ этимъ страшнымъ аккомпаниментомъ допѣли свою пѣсню, лебединую пѣсню недолговременной свободы.

Старая часть города своимъ оригинальнымъ видомъ напоминаетъ вообще другіе старинные города средневѣковой Европы: тѣже узкія, кривыя улицы; неправильныя площади; готическія церкви, заставленныя кругомъ домами и пристройками; дома, украшенные знаками, гербами, статуями въ нишахъ и на фронтонахъ, очень часто картинами. Отъ старой ратуши уцѣлѣла только башня съ часовней, нетронутыя при послѣдней перестройкѣ; на ней осталась и старая надпись: Praha caput regni. Къ сожалѣнью, Прага сохраняетъ уже очень немногое изъ своей чисто-чешской старины: интересъ народности долго былъ заброшенъ, чешская старина нисколько не была дорога властителямъ Богеміи, а главное, Прага столько разъ была бомбардируема своими и чужими, столько разъ ограблена, что исчезновеніе памятниковъ объясняется очень легко. Въ церквахъ вы уже не встрѣтите того богатства, которымъ онѣ нѣкогда славились; ихъ драгоцѣнныя украшенія сняты и растащены, картины чешскихъ и другихъ художниковъ вывезены и украшаютъ теперь дрезденскую, вѣнскую и мюнхенскую галлереи. Я еще недавно видѣлъ великолѣпныя храмы Италіи, и мнѣ казалось, что пражскія церкви ограблены еще недавно.... Пражскій «домъ» св. Вита, замѣчательный въ архитектурномъ отношеніи, остался недоконченнымъ, и на немъ

этотъ обыкновенный готическій недостатокъ замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь; одна наружная стѣна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно было быть продолженіе храма, просто покрыта была фресками, но и тѣ уже стерлись. Теперь только основалось общество, чтобы привести къ концу постройку собора. Весьма оригинальный Тынскій храмъ, съ могилой Тихо-Браге и памятникомъ славянскимъ апостоламъ, Кириллу и Меѳодію, также даетъ меньше, чѣмъ ожидаешь: памятникъ Кириллу и Меѳодію поставленъ въ темномъ углу, такъ что его надо отыскивать, и снабженъ католическими аттрибутами. Знаменитая Виѳлеемская часовня, гдѣ началъ свою проповѣдь Гусъ, давно не существуетъ и имя ея уцѣлѣло только въ названіи «Бетлемскаго плаца» т. е. площади; королевскій дворецъ въ Старомъ Городѣ обращенъ въ казарму; древности были поняты вообще утилитарно и исчезли. Другія достопримѣчательности города, Клементинумъ, огромное зданіе стараго іезуитскаго коллегіума, аристократическіе дворцы на Малой-Странѣ напоминаютъ роковое для чеховъ семнадцатое столѣтіе, владычество іезуитовъ и паденіе національной самобытности. Страна наполнилась множествомъ иноземной аристократіи нѣмецкой, французской, итальянской, которая настроила въ Малой-Странѣ много богатыхъ палацовъ: вы безпрестанно слышите имена Шварценберговъ, Коллоредо, Рочановъ, Кламъ-Галласовъ и т. д.

Но гораздо болѣе древностей интересовала меня живая Прага, то удивительное возрожденіе, которое началось такъ недавно и несмотря на то успѣло уже принести столько блестящихъ результатовъ. Чехи шли первые въ трудѣ реставраціи; они первые развили мысль о цѣломъ славянствѣ, которая повела за собой общее движенье австрійскихъ славянъ, сообщилась сербамъ и болгарамъ и нашла своихъ кліентовъ и у насъ. Эта мысль, проведенная не политическими событіями не революціями, составляетъ существенный предметъ чешской литературной дѣятельности; она и до сихъ поръ остается руководительной нитью чешской словесности и науки, хотя въ настоящее время ея дальнѣйшее развитіе сильно затруднено неудобными обстоятельствами. Мысль эта продолжаетъ жить; принадлежа сначала одной литературѣ, немногимъ писателямъ — патріотамъ, она входитъ теперь въ жизнь общества, становится болѣе и болѣе общимъ убѣжденіемъ и обѣщаетъ много впереди, если только устоитъ противъ враждебнаго ей направленія.

Исторія панславизма, понимаемаго въ литературномъ смыслѣ, чрезвычайно занимательна. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ совершился этотъ крутой поворотъ въ нравственной жизни чешскаго общества, почти уже задавленнаго нѣмецкимъ вліяніемъ? Какимъ

образомъ выросла цѣлая новая литература, имѣющая вліяніе на всѣ славянскія племена и обратившая на себя вниманіе Европы? Откуда взялись силы, которыхъ прежде никто не подозрѣвалъ? Начало движенья было чисто-литературное и намъ нѣтъ нужды восходить слишкомъ далеко для его объясненья; еще теперь живы люди, бывшіе свидѣтелями его первыхъ попытокъ, первыхъ невѣрныхъ шаговъ. Мы ограничимся одной чешской литературой, чтобы разсказать о ходѣ такъ называемаго панславизма, тѣмъ болѣе, что ей же принадлежатъ его главнѣйшіе представители, въ ней совершились главнѣйшіе факты новой славянской литературы.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Прага представляла совершенно иное зрѣлище, чѣмъ теперь. Національная жизнь была подавлена; чешское общество почти не существовало, какъ чешское; во главѣ его стояла чужая аристократія, владѣвшая землями и думавшая только о своихъ узкихъ интересахъ; городское населеніе и народъ, безъ средствъ и образованія, подчинялись сильному нѣмецкому вліянію; сколько нибудь живой литературы не было. Этотъ порядокъ вещей установился съ несчастной бѣлогорской битвы, послѣдняго акта, завершившаго драматическую исторію старой Чехіи. Съ 1620 г. начинается непрерывный родъ преслѣдованій и угнетенія, грозившихъ окончательнымъ истребленіемъ чешской національности. Бѣлогорская битва была сигналомъ страшныхъ притѣсненій, направленныхъ противъ побѣжденной некатолической стороны, т. е. противъ большинства чешской націи. Всѣ некатолики, не покорявшіеся іезуитамъ, подверглись изгнанію изъ отчизны; масса чеховъ, до 36000 семействъ, разошлась по окрестнымъ краямъ, въ Пруссію, Бранденбургъ, Саксонію, даже въ Америку, и на всегда погибла для родины; другіе насильно обращены въ католичество. Эмиграція, войны, потомъ голодъ и моръ, страшно опустошили страну, и народонаселеніе сохранило едва треть прежней численности. Привилегіи чешскаго королевства уничтожились. Съ этимъ ударомъ матеріальной силѣ націи нанесенъ былъ ударъ и нравственнымъ силамъ ея. Профессоры каролинскаго университета должны были въ теченіе трехъ дней оставить Прагу; въ 1622 году Каролинумъ былъ даже запечатанъ. Кости славныхъ чеховъ стараго времени, напр. знаменитаго Рокицаны, были вырыты изъ земли и сожжены; страшныя казни постигли многихъ чешскихъ писателей и покровителей науки: доктору Яну Есенскому отрѣзанъ былъ языкъ, потомъ онъ былъ казненъ и наконецъ четвертованъ. Университетъ отданъ былъ іезуитамъ, которые употребили всѣ средства, чтобы искоренить всѣ остатки прежняго еретичества. Они ходили вмѣстѣ съ цесарскими солдатами изъ дома въ домъ, отбирали вездѣ чешскія книги, въ

которыхъ должна была крыться ересь: чешское стало синонимомъ еретическаго. Изъ этихъ книгъ устраивали они гнусные ауто-да-фе, въ которыхъ погибло не мало замѣчательныхъ произведеній старой литературы. Ученый чехъ того времени, Бальбинъ, самъ іезуитъ, и потому свидѣтель достойный вѣры, жалуется на незаслуженную участь чешскихъ книгъ. «Въ дѣтствѣ моемъ, разсказываетъ онъ, вскорѣ послѣ бѣлогорской побѣды, всѣ подъ-рядъ чешскія книги, потому только что они были чешскія, принимались за еретическія и писанныя еретиками, по невѣжеству нѣкоторыхъ людей (т. е. его собратій) и безъ разбора, добрыя они или худыя, полезныя или не полезныя, отбираемы были изъ домовъ или вырываемы изъ рукъ людей, хотя бы въ нихъ ничего не говорилось о религіи; ихъ рвали, клали тамъ и самъ на костры,—какъ мы помнимъ въ Прагѣ, на публичной площади, — и такимъ образомъ истребляли огнемъ.... Я слышалъ дѣйствительно отъ людей, участвовавшихъ въ томъ, что безъ всякаго разсужденія, даже не посмотрѣвши, что за книги, всѣ чешскія сочиненія бросали въ пламень.» Истребленіе книгъ продолжалось очень долго; іезуитъ Антоній Коніашъ, умершій въ 1760 году, почти черезъ полтораста лѣтъ послѣ бѣлогорской битвы, хвалился, что онъ одинъ сжегъ шестьдесятъ тысячъ чешскихъ книгъ. Школы и съ ними все народное образованіе также перешли въ руки іезуитовъ. Чешскій языкъ падалъ и въ литературѣ и въ народномъ употребленіи; въ высшемъ классѣ господствовалъ нѣмецкій языкъ; ему должны были учиться и горожане; чешскій удержался только въ деревенской избѣ и сталъ считаться мужицкимъ языкомъ. Духъ народа упалъ; чехи, поражаемые столькими несчастьями и потерями, не находили въ себѣ той энергіи, которая отличала ихъ прежде; исчезло ихъ мужество и гордость національнаго сознанія. Народность упала даже въ костюмѣ: до того времени чехи носили длинныя бороды и свое народное платье; теперь они одѣлись по-нѣмецки.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда начались реформы Іосифа II. Императоръ имѣлъ цѣлью систематическое германизированіе чеховъ, и главная изъ его мѣръ, введеніе нѣмецкаго языка въ школы, легко могла привести къ этой цѣли: славяне чешскіе также превратились бы въ нѣмцевъ, какъ случилось съ прибалтійскими и тюрингскими, если бы въ это самое время не возстала національная реакція, сначала робкая и невѣрная, потомъ болѣе и болѣе рѣшительная. Прежнее невѣжество, господствовавшее при іезуитахъ, начало исчезать при Іосифѣ II, и реакція, поддержанная наукой, скоро выказала свое дѣйствіе. Обстоятельства были трудны: всѣ двигатели общественной жизни,—управленіе, школа, наука, искусство,—

дѣйствовали за одно съ намѣреньями правительства; чешскій элементъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста и казалось совершенно невозможнымъ выдвинуть его на сцену, дать ему общественное значеніе. Въ это время явился человѣкъ, которому, безъ ясно сознаннаго намѣренія, пришлось сдѣлать первый важный шагъ, вызвать къ жизни чешскій языкъ и дать вѣрную точку опоры новой литературѣ. Это былъ ученый аббатъ Добровскій.

Были въ то время люди, которые понимали всю опасность положенія, но что̀ начать, чтобы выйти изъ него?—никто не зналъ. Умный чехъ нашего времени такъ говоритъ объ этомъ: признаемся, мы сами не знали бы что̀ дѣлать, еслибы нынѣшнее положеніе было также печально, какъ тогдашнее; мы не сказали бы ничего больше того, что говорилъ величайшій славянофилъ того времени, знаменитый Добровскій. Этотъ гигантъ чешской учености (1753—1829) писалъ о нашемъ языкѣ, о нашей исторіи, о славянщинѣ; но, считая все это за мертвое, за анатомическій препаратъ, и самъ онъ не писалъ по-чешски и не хотѣлъ, чтобы и другіе это дѣлали; онъ говорилъ только: «оставьте мертвыхъ въ покоѣ»!

Не смотря на то, ему принадлежитъ великая заслуга быть первымъ дѣятелемъ славянскаго возрожденія. Онъ въ первый разъ въ ученой системѣ изложилъ характеръ чешскаго языка, указалъ на обширную семью славянскихъ языковъ, между которыми чешскій занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, посвятилъ всю свою дѣятельность славянской исторіи и филологіи, и когда даже чужой ученый міръ обратилъ вниманіе на его труды, то дома произвели они тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе. Его мягкій личный характеръ, обширныя знакомства также пріобрѣли не мало друзей его дѣлу. Общество патріотовъ, до сихъ поръ колебавшееся и несмѣлое, почувствовало твердую почву подъ ногами. Вслѣдъ за Добровскимъ выступило нѣсколько лицъ, начинающихъ новую чешскую литературу: Пухмайеръ, Неѣдлый, Крамеріусъ, Фавстинъ Прохазка, Томза, Пельцель, Гнѣвковскій, Юнгманны, Ганка. Они писали книжки въ защиту чешскаго языка, выставляли его достоинства, издавали грамматики, занимались поэзіей и исторіей; печатали книжки для народнаго чтенія, затѣяли даже чешскія газеты, издавали памятники старой литературы, переводили необходимѣйшія книги. Ганка, тогдашній студентъ философіи, сталъ душой молодаго кружка, занимавшагося изученіемъ роднаго языка: онъ съ жаромъ проповѣдывалъ любовь къ родному и народному, и заведенныя имъ чешскія деклама-ціи возбуждали больше и больше патріотическаго участія; они заинтересовали даже губернатора, графа Коловрата-Либштейнскаго. Во многихъ уже заговорила инстинктивная привязанность къ чеш-

скому и славянскому. Новые ратоборцы рѣшились во что бы ни стало создать новую чешскую словесность, трудились безъ устали и наконецъ достигли своей цѣли. Надъ ними много смѣялись тѣ, кому непонятна была страсть къ полу-истлѣвшимъ хартіямъ и мужицкому языку, но результаты скоро показали, что дѣло было важнѣе, чѣмъ казалось съ перваго взгляда.

Съ самаго начала представилась однако трудность, съ которой долго должны были бороться чешскіе писатели и которая опять подала поводъ къ насмѣшкамъ ихъ противниковъ. Начались длинные споры объ языкѣ и орѳографіи. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было не легко: почти въ теченіе двухъ столѣтій чешскій языкъ оставался на одной степени развитія, — той, на которой застигло его начало семнадцатаго вѣка; долгіе годы быстраго въ то время движенія науки и общественныхъ понятій прошли, не коснувшись до языка, и человѣку, которому должно было писать на немъ въ XIX столѣтіи, приходилось пользоваться формами XVII вѣка и бѣднымъ, необработаннымъ языкомъ народа. Не находя необходимыхъ словъ, выраженій и оборотовъ, онъ долженъ былъ, или приноравляться къ существовавшимъ уже формамъ и слѣдовательно дѣлать насиліе своей мысли, которая въ нихъ не укладывалась, или принужденъ былъ создавать новый языкъ, способный выразить новыя понятія. Это было бы напримѣръ тоже, если бы наши малорусскіе писатели захотѣли писать по-малорусски все то, что̀ пишется теперь очень хорошо по-русски: само собою разумѣется, что нынѣшній малорусскій языкъ далеко не въ состояніи дать средства для этого, и писатель долженъ или поневолѣ остаться простонароднымъ или отказаться отъ своего намѣренія. У чеховъ перспектива была обширнѣе, и они предпочли тяжелый трудъ образованія новаго языка, безъ чего невозможно было ожидать успѣховъ новой литературы. Въ какую область науки или искусства ни обращался чешскій писатель, вездѣ онъ долженъ былъ выбирать, придумывать слова, передѣлывать свои, переводить чужія и т. д. Послѣ многихъ трудовъ, колебаній, ошибокъ, они успѣли однако въ главномъ, и хотя работа еще до сихъ поръ не кончена, но чешскій языкъ уже чрезвычайно расширилъ свои границы, создалъ новую, уже богатую, терминологію, легко дается и поэту, и серьёзному ученому, и вообще начинаетъ выходить изъ своего неопредѣленнаго положенія, которое можно сравнить съ положеніемъ нашего языка въ концѣ прошлаго столѣтія и въ эпоху Карамзина, когда у насъ было столько споровъ изъ-за словъ и запятыхъ. Къ вопросу о языкѣ присоединился вопросъ о правописаніи и о шрифтѣ. Какъ ни маловаженъ кажется этотъ вопросъ, онъ занималъ всѣхъ въ первое время, и долго послѣ; споры объ орѳо-

графіи были такъ горячи, что иные защитники старины представляли нововодителей, какъ людей опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Между тѣмъ дѣло шло объ изгнаніи изъ письма и типографій такъ называемаго швабаха (нѣмецкаго почерка и шрифта) и объ ипсилонахъ (y), и именно Неѣдлый, защищавшій ихъ, указывалъ на своихъ противниковъ, какъ на людей съ вредными тенденціями.

Эти мелочи, необходимыя въ свое время, не мѣшали однако серьёзнымъ успѣхамъ національнаго дѣла, которое продолжалось съ блестящимъ успѣхомъ. Въ 1817 году Ганка, при помощи одного священника, нашелъ знаменитую Краледворскую рукопись. Незадолго передъ тѣмъ надѣлали въ Европѣ шуму сербскія пѣсни Караджича; чехи обратили вниманіе на свои древніе поэтическіе памятники, Линда нашелъ извѣстную пѣсню о Вышеградѣ, Ганка издалъ уже первый томъ своего изданія: Starobylá Skladanie. Въ концѣ этого года, 16 сентября, сдѣлана была знаменитая находка, бросившая совершенно новый свѣтъ на всю чешскую древность и имѣвшая благодѣтельное дѣйствіе на ходъ новой литературы: въ великолѣпныхъ пѣсняхъ Краледворской рукописи открылся новый міръ древнечешской поэзіи; прелесть ихъ во многихъ пробудила дремавшее чувство народности, стремленья литературы начинали вознаграждаться блестящимъ образомъ. Добровскій въ слѣдующемъ же году помѣстилъ въ своей Исторіи чешской литературы свое сужденіе о памятникѣ и нѣкоторые отрывки. Полное изданіе потребовало цѣлаго года для правильнаго чтенія и объясненія текста; оно вышло въ 1819 г. вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ Свободы. Европейскіе ученые съ любопытствомъ обратились къ замѣчательному поэтическому памятнику; Гёте, оракулъ тогдашняго литературнаго міра, призналъ его высокое значеніе для новой духовной жизни Чехіи и даже перевелъ пѣсню «Вѣнокъ» на нѣмецкій языкъ; у насъ Шишковъ тотчасъ же перевелъ Краледворскую рукопись на русскій. Съ тѣхъ поръ рукопись издавалась множество разъ; Ганкова «Полиглотта» представляетъ переводы ея на всѣ славянскія нарѣчія и почти на всѣ европейскіе языки, вполнѣ или въ отрывкахъ. Въ послѣднее время вышли венгерскій и французскій переводы; въ нынѣшнемъ году должно появиться великолѣпное изданіе Краледворской рукописи съ прекрасными иллюстраціями извѣстнаго чешскаго художника Манеса.

Къ этому же времени относится основаніе одного патріотическаго учрежденія, имѣвшаго въ свою очередь большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ національнаго движенія. Это было основаніе Народнаго Чешскаго Музея. Частныя желанія и предложенія о необходимости подобнаго учрежденія слышались уже давно въ новомъ чешскомъ

обществѣ; теперь наконецъ они пошли въ дѣло. Съ одной стороны чисто чешскіе патріоты: Ганка, Янъ-Евангелистъ Пуркинье, Янъ-Святоплукъ Пресль, замѣчательный естествоиспытатель и горячій патріотъ, — профессоръ Яндера, баронъ Стенчъ; съ другой болѣе космополитическіе любители и покровители наукъ, графы Францъ и Каспаръ Штернберги, князь Лобковицъ, графъ Гартманнъ, графъ Коловратъ-Либштейнскій, лучшіе умы народа и лучшіе представители аристократіи соединились въ патріотическомъ дѣлѣ, и послѣдній, получивши частнымъ образомъ согласіе императора, уже 15 апрѣля 1818 года издалъ воззваніе «къ отечественнымъ друзьямъ наукъ». Открылась дѣятельная подписка и скоро собрана была значительная сумма въ пользу будущаго народнаго учрежденія. Каспаръ Штернбергъ былъ одинъ изъ людей, принесшихъ наибольшую пользу новому Музею своей заботливой дѣятельностью; онъ былъ назначенъ первымъ президентомъ общества, открытаго при Музеѣ для распространенія его и для покровительства наукамъ. Онъ положилъ основаніе библіотекѣ Музея, пожертвовавши ему свое прекрасное собраніе по естественнымъ и точнымъ наукамъ; графъ Коловратъ подарилъ музею драгоцѣнную для чешской исторіи и археологіи библіотеку Бржезницкую; Францъ Штернбергъ далъ свой минцъ-кабинетъ, другіе пожертвовали замѣчательныя коллекціи по естественной исторіи, Ганка принесъ Краледворскую рукопись. Первый уставъ Народнаго Музея и Музейнаго Общества утвержденъ былъ въ 1822 году. Музей соединяетъ въ себѣ богатыя коллекціи по естественной исторіи, большое замѣчательное собраніе чешскихъ древностей и рукописей и обширную, мы думаемъ даже лучшую въ своемъ родѣ, библіотеку по славянскимъ литературамъ. Для изученія чешской и вообще славянской старины и литературы она представляетъ богатыя средства; множество рукописей сохранено было здѣсь отъ погибели и стали доступны изслѣдователю. Ганка назначенъ былъ первымъ библіотекаремъ и до сихъ поръ остается заботливымъ и усерднымъ стражемъ библіотеки.

Воззваніе графа Коловрата и основаніе Музея были приняты въ чешскомъ обществѣ съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ 1818 году, въ только-что основанный Музей прислано было по почтѣ, съ таинственнымъ анонимнымъ письмомъ, еще одно въ высшей степени важное произведеніе древне-чешской литературы, драгоцѣнность, подобной которой не имѣетъ ни одно славянское племя. То былъ «Любушинъ Судъ», два листочка пергамена, писанные древнимъ, но довольно необыкновеннымъ письмомъ, и заключавшіе отрывокъ поэмы, которую отнесли къ IX вѣку. Добровскій пріостановилъ изданіе памятника, потому что смотрѣлъ на него очень недовѣрчиво. Мы

теперь нисколько не сомнѣваемся въ памятникѣ, пользуемся имъ какъ драгоцѣннымъ остаткомъ славянской древности, но тогда онъ сдѣлался причиной раздора между славянскими учеными. Добровскій, подъ конецъ жизни желчный и подозрительный, прямо думалъ, что памятникъ, въ которомъ для него было столько новаго и неожиданнаго, просто сочиненъ Ганкой и Юнгманномъ и написанъ Линдой, тѣмъ самымъ, который прежде отыскалъ пѣсню о Вышеградѣ. Въ послѣдствіи Копитаръ объявлялъ подложными не только Любушинъ Судъ, но даже Краледворскую рукопись, древній словарь Mater Verborum и другіе памятники, и обвинялъ чешскихъ ученыхъ въ фальсификатѣ; послѣднимъ не оставалось больше ничего, какъ сказать, что и Копитаръ самъ написалъ славянскія глоссы въ изданный имъ кодексъ Гезихія. Полемика произвела сильное одушевленіе въ новой литературѣ, но всѣ сколько нибудь благоразумные люди должны были оставить свою подозрительность послѣ знаменитаго изданія этого памятника въ 1840 году.

Важныя литературныя событія быстро смѣнялись въ новой чешской литературѣ. Еще не сошелъ со сцены «славянскій патріархъ», когда въ двадцатыхъ годахъ появились замѣчательные труды Шафарика. Чешскіе ученые обобщили мало по малу вопросъ о своей національности и связали его съ интересомъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Прага уже становилась «славянскими Аѳинами», названіе, которое не безъ причины могло быть ей присвоено. Труды Шафарика именно отличались этимъ всеобъемлющимъ содержаніемъ и быстро создали ему огромный авторитетъ; это былъ ученый уже сознательнаго панславизма. Онъ издаетъ изслѣдованіе о происхожденіи славянскаго племени, онъ первый пишетъ исторію славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ, онъ издаетъ громадный трудъ, «Славянскія Древности», одно изъ произведеній, имѣвшихъ сильное вліяніе на изученіе всего славянства, наконецъ онъ первый издаетъ полный, хотя очень сжатый, обзоръ славянской этнографіи. Не упоминаемъ наконецъ множества его частныхъ изслѣдованій по славянскимъ древностямъ, филологіи и литературѣ. Изъ трудовъ его, относящихся собственно къ чешской литературѣ стараго времени, важнѣйшій есть изданіе «Древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка», приготовленное имъ вмѣстѣ съ Палацкимъ, гдѣ окончательно рѣшенъ былъ между прочимъ спорный вопросъ о «Любушиномъ Судѣ». Правда, это изслѣдованіе и многія другія сочиненія Шафарика были написаны на нѣмецкомъ языкѣ, но это только распространило ихъ извѣстность и открыло иноземнымъ ученымъ возможность лучше оцѣнить тѣ стремленія, которыя одушевляли новую литературу. Шафарикъ сталъ извѣстенъ вездѣ, какъ наиболѣе ком-

петентный судья in slavicis; берлинскій университетъ, первый университетъ Германіи, предложилъ ему славянскую каѳедру; въ славянскомъ ученомъ мірѣ труды Шафарика стали путеводной нитью для каждаго, кто пускался въ лабиринтъ славянской науки.

Я назвалъ сейчасъ другое имя, которому будутъ посвящены блестящія страницы новой чешской литературы. Палацкій выступилъ на литературное поприще почти въ одно время съ Шафарикомъ и скоро обнаружилъ энергическую дѣятельность; она почти исключительно посвящена была исторіи чешскаго народа. Палацкій долго былъ редакторомъ «Часописа» (повременнаго изданія) Чешскаго Музея и очень поднялъ это изданіе, которое подъ его редакціей представило много важныхъ ученыхъ трудовъ; онъ же долго завѣдывалъ дѣлами и предпріятіями Музейскаго Общества, которое много обязано его трудамъ. Послѣ долгихъ приготовительныхъ занятій Палацкій началъ издавать знаменитую «Чешскую исторію», сначала на нѣмецкомъ, потомъ вмѣстѣ и на чешскомъ языкѣ, которую онъ неутомимо продолжаетъ до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ еще перевода этой книжки и она знакома у насъ только немногимъ спеціалистамъ. По литературному значенію, книгу Палацкаго можно сравнить съ трудомъ Карамзина: оба произведенія составили литературную эпоху. Они сходны отчасти и въ томъ отношеніи, что оба писателя принимались за огромную работу, почти не имѣя предшественниковъ, которые бы облегчили ихъ задачу. Палацкій долженъ былъ самъ отыскивать источники, оцѣнять ихъ достоинство, наконецъ издавать ихъ; онъ читалъ своихъ авторовъ въ рукописяхъ, еще не читанныхъ и не комментированныхъ; онъ пересмотрѣлъ важнѣйшіе чешскіе архивы, библіотеки въ Вѣнѣ, Бреславѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, Франкфуртѣ, Базелѣ и ватиканскій архивъ въ Римѣ; онъ самъ долженъ былъ ставить вопросы и разрѣшать ихъ. Плодомъ всѣхъ его усилій было мастерское произведеніе, какихъ немного могутъ представить новыя славянскія литературы. Если мы сравнили его положеніе съ положеніемъ Карамзина относительно матеріала, то относительно результата мы не сомнѣваясь поставимъ трудъ Палацкаго гораздо выше: владѣя въ совершенствѣ своимъ матеріаломъ, Палацкій владѣетъ и строгимъ историческимъ методомъ, выработаннымъ современною наукою, котораго, разумѣется, нельзя было бы и требовать отъ нашего историографа; въ тоже время онъ увлекаетъ прекраснымъ художественнымъ изложеніемъ, обличающимъ сильный литературный талантъ. Точнымъ изученіемъ и силою свѣтлаго взгляда Палацкій избѣжалъ и той опасности, которой легко подвергается историкъ-патріотъ: въ немъ нѣтъ и тѣни сентиментальнаго взгляда, такъ скучнаго теперь въ Карам-

зинѣ. Палацкій не остался однако при сухомъ безпристрастіи или безстрастіи ученаго изслѣдователя: читая его книгу, вы чувствуете теплую симпатію автора къ предмету и видите вмѣстѣ съ тѣмъ, что она не мѣшаетъ ему быть строгимъ судьей тамъ, гдѣ событія вызываютъ строгій приговоръ. Возьмите послѣдній томъ его исторіи, гдѣ описывается одна изъ самыхъ яркихъ эпохъ чешской исторіи, XV столѣтіе, и вы поймете воззрѣнія Палацкаго.

Мы упоминали о томъ, какую важность получилъ для новой литературы вопросъ о языкѣ. Образованіе новой литературной рѣчи шло постепенно, не оставаясь при исключительномъ соблюденіи старыхъ формъ, но принимая также и новыя, слагавшіяся болѣе или менѣе удачно и входившія въ употребленіе. Въ такія эпохи колебанія языка играютъ важную роль словари, которыми — справедливо или несправедливо—думаютъ установить языкъ, собравши его наличное содержаніе. Для чешскаго языка этотъ огромный трудъ, которымъ занимаются обыкновенно цѣлыя академіи, и то безъ большаго толку, совершенъ былъ однимъ Юнгманномъ: словарь его, оконченный въ 1839 году, есть одинъ изъ лучшихъ, если не лучшій словарь по славянскимъ нарѣчіямъ. За этимъ капитальнымъ произведеніямъ слѣдовало другое, столь же капитальное—«Исторія чешской литературы» отъ древнѣйшаго времени до послѣднихъ годовъ. Это собраніе одного библіографическаго матеріала, съ сжатыми историческими замѣчаніями о политическихъ событіяхъ, ходѣ просвѣщенія, языка и литературы. Книга Юнгманна, плодъ необыкновеннаго трудолюбія, есть чисто ученое, сухое сочиненіе, но она долго останется необходимымъ началомъ и руководствомъ для всякаго, кто желалъ бы заняться этимъ предметомъ. Бываютъ обстоятельства, когда книги этого рода дѣлаются литературными событіями, и тогдашнее положеніе было именно такое: задача чешскихъ ученыхъ была какъ можно скорѣе и точнѣе оріентироваться въ своей прежней исторіи, и Юнгманнъ, собравши всѣ извѣстные факты чешскаго языка и литературы, сдѣлалъ важную услугу новой чешской наукѣ.

Изученіе языка и изданіе старыхъ памятниковъ было также постояннымъ трудомъ Ганки. Дѣятельный библіотекарь Чешскаго Музея принадлежитъ къ числу людей, горячо преданныхъ интересу своей народности, которой онъ служитъ всѣми своими средствами. Множество русскихъ, бывшихъ въ Прагѣ, съ удовольствіемъ вспомнятъ любезное гостепріимство чешскаго ученаго; его обширныя знакомства, его готовность сообщить указанія, матеріалы, книги, много способствовали къ установленію сношеній между славянскими учеными, облегчили многіе труды и скрѣпляли взаимность между новыми славянскими литературами, что очень важно для ихъ общаго успѣ-

ха. Его собственныя занятія почти исключительно посвящены чешскому языку, археологіи, нумизматикѣ; онъ издавалъ руководства, хрестоматіи, печаталъ древніе памятники. Цѣлый рядъ изданій послѣдняго рода былъ очень важенъ для изученія древне-чешской литературы, упомянемъ его Starobylà Skladanie, множество изданій Краледворской рукописи, Книгу о законахъ чешской земли, изданіе древнихъ словарей, Хронику Далимила, Реймское Евангеліе и т. д., не говоря о многихъ мелкихъ его изслѣдованіяхъ. Въ настоящее время приготовляетъ онъ два любопытные труда: изслѣдованіе о славянскомъ богослуженіи у чеховъ съ изданіемъ глаголическихъ и кирилловскихъ текстовъ, которые сюда относятся, и нѣмецкій переводъ Хроники Далимила, сдѣланный современникомъ чешскаго лѣтописца и интересный для опредѣленія тогдашнихъ отношеній между двумя національностями.

Вмѣстѣ съ учеными трудами, началась у чеховъ легкая литература; издавались популярныя книги по разнымъ предметамъ знанія, повѣсти для народнаго чтенія и т. п. Въ одно время нужно было создавать и литературу и читателей: гдѣ же нашлись они? Въ высшемъ и богатомъ, среднемъ классѣ находилось не много партизановъ народнаго движенія; они большею частью оставались къ нему болѣе чѣмъ хладнокровны; они скорѣе враждебно смотрѣли на тѣхъ, въ комъ кромѣ новыхъ литературныхъ тенденцій подозрѣвали и новыя соціальныя тенденціи. Для новой литературы, защищавшей дѣло народа, публика нашлась въ самомъ народѣ, наименѣе тронутомъ германизированіемъ. Небогатая часть средняго класса и провинціальное населеніе стали главною массою читателей; нужно было сдѣлать книги доступными этой массѣ, которая не могла тратить много на ихъ пріобрѣтеніе, и въ то же время нужно было облегчить небогатымъ авторамъ изданіе ихъ сочиненій. Для достиженія этихъ цѣлей послужило прекрасное учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Чешской Матицы. Въ 1830 году, Музейное Общество на основаніи своего устава образовало особенное отдѣленіе въ обществѣ для усовершенствованія чешскаго языка и литературы, а для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ основало особенный фондъ, подъ названіемъ Матицы; это родъ общества на акціяхъ. Главная мысль и заботливость о Матицѣ принадлежитъ другому Штернбергу, Францу. Членомъ основателемъ Матицы дѣлается тотъ, кто вноситъ заразъ или въ теченіе пяти лѣтъ 50 конвенціонныхъ флориновъ; отвлеченныя лица, напримѣръ, ученыя общества, заведенія, библіотеки вносятъ одинъ разъ на всегда 100 флориновъ. Въ вознагражденіе за то каждый членъ до смерти своей получаетъ даромъ всѣ изданія Матицы, выходящія со времени его вступленія. Это чрезвычайно практическое учрежде-

ніе послужило образцомъ для другихъ славянскихъ народовъ, которые также основали у себя подобныя Матицы. Исключеніе составляетъ сербская, основанная еще раньше въ Пештѣ, потомъ перенесенная въ Новый Садъ. Послѣ чешской открыты были, скромная Словацкая Матица, Иллирская въ Загребѣ, Русинская во Львовѣ, Далматская, Лужицкая въ Будишинѣ (Бауценѣ). Въ то же время основаны подобныя общества «Св. Кирилла и Меѳодія» въ Бернѣ (Брюннѣ), «Дружество» въ Целовцѣ (Клагенфуртѣ) и другія, для той же цѣли сохраненія и возбужденія народной литературы.

Первымъ куратором Матицы былъ князь Рудольфъ Кинскій, пожертвовавшій на основаніе капитала тысячу флориновъ. Въ послѣднее время занималъ это мѣсто извѣстный профессоръ физіологіи Пуркинье; когда онъ отказался отъ него въ началѣ нынѣшняго года, куратором выбранъ былъ извѣстный чешско-нѣмецкій писатель Венцигъ, о которомъ мы будемъ еще говорить послѣ. Матица имѣла огромный успѣхъ, если взять въ разсчетъ небольшія средства чешской публики; чтобы показать это нагляднѣе, мы заимствуемъ у Риттерсберга нѣкоторыя цифры. Въ 1831 году, на другой годъ по открытіи ея, Матица считала 15 членовъ и около 2,500 флориновъ капитала; въ концѣ 1846 г. число членовъ возросло уже до 1,900, а капиталъ до 50,000 флориновъ; къ концу 1854 года, капиталъ выросъ до ста тысячъ; въ 1857 году число членовъ доходило до 5,000. Комитетъ, завѣдывавшій изданіями, исполнилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ свои обязанности къ подписчикамъ Матицы: сочиненія, изданныя ею, имѣютъ несомнѣнныя достоинства; особенное вниманіе обращено было на изданіе важныхъ и обширныхъ книгъ, которыя иначе были бы недоступны для большинства; по содержанію изданія были довольно разнообразны. Матица сдѣлала, напримѣръ, слѣдующія изданія: Словарь Юнгманна, Древности Шафарика, Выборъ изъ старо-чешской литературы, Исторію Палацкаго, Исторію литературы Юнгманна, Сочиненія Челяковскаго, книги по географіи и естественной исторіи. Матица издаетъ также извѣстный журналъ Чешскаго Музея «Часописъ», «Археологическіе памятники» профессора Запа, и «Живу», прекрасный популярный журналъ по естественной исторіи, редакціей котораго занимаются профессоры Пуркинье и Крейчій.

Ученая дѣятельность, развившаяся такъ быстро въ новой чешской литературѣ, имѣла великое значеніе для самихъ чеховъ и для другихъ славянъ тѣмъ, что она путемъ строгаго изслѣдованія привела общество къ сознанію національной самобытности, поддержала упадавшій духъ народа и дала ему свѣжія силы для борьбы съ гнетущимъ началомъ. Защита несправедливо попранной народности

была лозунгомъ этой дѣятельности; мысль, высказанная ею, до такой степени соотвѣтствовала общему настроенію умовъ, давнишней потребности, что она тотчасъ же крѣпко привилась къ возрожденному обществу и съ тѣхъ поръ стала главною его двигательницею. Чисто научный способъ проведенія этой мысли имѣлъ ту великую выгоду, что онъ далъ прочное основаніе національнымъ стремленіямъ и далъ силу правды поэтическимъ дѣятелямъ, которые скоро выступили апостолами чешской и всеславянской народности, апостолами братскаго соединенія всѣхъ славянскихъ племенъ. Всѣхъ сильнѣе, энергичнѣе между ними былъ Колларъ, знаменитый авторъ «Дочери Славы».

Янъ Колларъ, родомъ словакъ, былъ изъ того же поколѣнія, которому принадлежатъ названные нами выше представители чешской науки. Онъ родился въ 1793 году и уже въ ранней молодости прилежно изучалъ народную словесность, собиралъ пѣсни и преданья, и, окончивши свои богословскія занятія въ Бреславлѣ, отправился для продолженія ихъ въ Іену, въ 1817 году. Здѣсь, на Саалѣ, поразило его зрѣлище земель, нѣкогда славянскихъ, теперь совсѣмъ онѣмеченныхъ; его славянское чувство получило толчекъ, который уже тогда опредѣлилъ направленіе его пылкой поэзіи. Къ этому присоединилось еще особеннее обстоятельство, сильно подѣйствовавшее на поэта. Въ одномъ мѣстечкѣ, невдалекѣ отъ Іены, познакомился онъ съ фрейлейнъ Вильгельминой Шмидтовой, отецъ которой, тамошній евангелическій проповѣдникъ, по семейному преданью происходилъ изъ недалекой оттуда деревни Рославы, отъ славянскихъ, насильно онѣмеченныхъ предковъ. Любовь къ Минѣ, любовь къ родинѣ, любовь къ всему славянству, стали главнымъ, единственнымъ содержаніемъ поэзіи Коллара; онъ разсказываетъ въ ней свои радости и печали, путешествія и приключенія, судьбу славянства прошедшую и настоящую. Онъ издалъ свое произведеніе подъ названіемъ «Дочь Славы» (Slavy Dcera), подъ которой понималось и великое славянство и его любезная Мина, дочь славянскихъ предковъ. Послѣднее изданіе поэмы, 1832 г., заключаетъ болѣе шести сотъ сонетовъ и дѣлится на пять пѣсенъ, названныхъ именами рѣкъ: 1) Сала, 2) Эльба, Рейнъ и Волтава, 3) Дунай, 4) Лета и 5) Ахеронъ. «Дочь Славы» написана, какъ мы уже замѣтили, сонетами, звучными и сильными; по одной формѣ своей это произведеніе было огромнымъ успѣхомъ для молодой литературы. Въ содержаніи ихъ явилось чрезвычайно поэтическое выраженіе цѣлаго направленія, обнявшаго дѣятельность новыхъ чеховъ и всѣхъ славянъ, у которыхъ пробудилась идея народности. Колларъ сталъ первымъ поэтомъ панславизма. Во всей поэмѣ оригинально смѣшиваются оба

предмета любви Коллара; къ разсказу о своей любви, о прекрасной дѣвѣ онъ привязываетъ разсказъ о своихъ странствованіяхъ по землямъ славянъ, воспоминанія объ ихъ печальной исторіи, гаданья о будущемъ. Сонеты его то лирическая пѣсня, то элегія, когда онъ смотритъ на грустное настоящее, то звучатъ они энергическимъ воззваніемъ къ народному патріотизму, то жолчной сатирой на недостойныхъ отщепенцевъ, то поэтъ становится суровымъ дидактитомъ и даетъ своимъ соотечественникамъ наставленія въ истинной любви къ родинѣ. Поэма встрѣчена была съ необыкновеннымъ сочувствіемъ; этимъ однимъ произведеніемъ Колларъ создалъ свою славу.

Чтобы указать полнѣе характеръ его стремленій, мы должны упомянуть и о другихъ трудахъ знаменитаго поэта. Въ самой молодости Колларъ инстинктивно понялъ на ту дорогу, по которой шли потомъ славянскіе ученые, возстановлявшіе полузабытую народность: мы сказали уже, что онъ занимался собираніемъ пѣсенъ; онъ продолжалъ эти занятія и послѣ, и въ тридцатыхъ годахъ издалъ замѣчательный сборникъ словацкихъ народныхъ пѣсенъ и легендъ, въ двухъ большихъ томахъ, съ разными этнографическими и мивологическими объясненіями. Это была одна изъ его наиболѣе удачныхъ ученыхъ работъ. Стремясь на дѣлѣ быть полезнымъ изыскателемъ народности, Колларъ предпринималъ много другихъ ученыхъ трудовъ, но его поэтическая натура не могла ужиться съ холоднымъ анализомъ науки и живая фантазія автора всегда мѣшала строгому объясненію дѣла. Скажемъ сначала, что по возвращеніи въ Венгрію Колларъ сдѣланъ былъ въ 1819 году евангелическимъ проповѣдникомъ въ Пестѣ. Онъ имѣлъ на каѳедрѣ большой успѣхъ, проповѣди его усердно читались его соотечественниками; но съ другой стороны онъ навлекъ на себя страшныя преслѣдованія со стороны мадьяровъ и нѣмцевъ, которые вовсе недоброжелательно смотрѣли на талантливаго славянина, прекраснаго проповѣдника религіи и народности. Извѣстны ужасныя притѣсненія словаковъ, обратившія въ сороковыхъ годахъ вниманіе цѣлой Европы. Колларъ трудился неутомимо, словомъ и дѣломъ, на защиту угнетенныхъ соотечественниковъ, положеніе которыхъ становилось невыносимо; его энергія наконецъ истощилась, въ 48-мъ году онъ уже не могъ стоять впереди своего народа, и въ слѣдующемъ году принялъ славянскую каѳедру въ вѣнскомъ университетѣ, которая должна была дать ему спокойствіе и свободу.... Рядъ ученыхъ его трудовъ начинается изслѣдованіемъ объ именахъ и о происхожденіи славянскаго племени, изданнымъ въ 1830 году. Онъ предпринималъ нѣсколько путешествій для изученія остатковъ славянской старины, въ Швейцаріи, Италіи и Сѣверной

да въ чешской формѣ узнаетъ свои давно знакомые мотивы, понимому возможные только по-русски. Эффектъ русскихъ пѣсенъ Челяковскаго напоминаетъ «Пѣсни западныхъ славянъ» Пушкина, но то, что у Пушкина было чистой удачей, поэтическимъ инстинктомъ, что было у него случайно, у чешскаго поэта является какъ сознательное воспроизведеніе. Онъ не держался только того содержанія, какое давала ему пѣсня, и напротивъ умѣлъ въ аналогическую форму вносить совершенно новую поэтическую мысль.... Такой же трудъ предпринялъ Челяковской и въ отношеніи своихъ народныхъ пѣсенъ: «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ» имѣлъ тотъже успѣхъ. Его «Столистая роза,» вышедшая въ одно время съ послѣднимъ произведеніемъ, представляетъ другую его манеру: одни изъ стихотвореній нѣсколько скучны, потому что отличаются общимъ, нѣсколько отвлеченнымъ содержаніемъ, другія посвящены патріотическимъ стремленьямъ автора, и въ нихъ гораздо больше интереснаго.

Въ тридцатыхъ годахъ Челяковскій былъ редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и вмѣстѣ профессоромъ чешскаго языка и литературы въ университетѣ; и то и другое продолжалось однако недолго. Во время польскаго возстанія Челяковскій сочувствовалъ русскому дѣлу, съ убѣжденіемъ въ его пользѣ, но потомъ судьба поляковъ возбудила его симпатію и онъ открыто отказался отъ своего прежняго мнѣнія. Въ 1842 году онъ былъ вызванъ на профессуру въ Бреславлѣ, гдѣ его товарищемъ былъ другой истый чехъ, Пуркинье: они вмѣстѣ слѣдили за славянскими литературами и старались распространить охоту къ ихъ изученію. Здѣсь навѣщали ихъ наши слависты, Срезневскій и Бодянскій. Наконецъ въ 1849 г. Челяковскій возвратился въ Прагу, на славянскую каѳедру, которую и сохранилъ до своей смерти. Ученые труды Челяковскаго также были обращены на всеславянское изученіе; главные изъ нихъ — «Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій» и «Мудрословіе» славянскаго народа въ пословицахъ. Живой, иногда раздражительный характеръ Челяковскаго отражается и въ его поэзіи, въ которой эпиграмма занимаетъ не послѣднее мѣсто. Спорные вопросы новой литературы не разъ увлекали его въ полемику, и онъ нерѣдко мстилъ своимъ противникамъ злыми сарказмами, которые еще не всѣ извѣстны въ печати. Челяковскій умеръ въ 1852 г., въ одинъ годъ съ Колларомъ.

Мы назвали наиболѣе извѣстныхъ представителей новой чешской литературы, еще видѣвшихъ ея возникновеніе. Въ настоящее время чешскій литературный міръ весьма расширился; теперь можно назвать много спеціальныхъ ученыхъ и болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, но въ то время чувствовался большой недостатокъ въ

силахъ, и оттого первые чешскіе писатели отличались большой многосторонностью. Каждый тогда изъ своей особенной спеціальности заходилъ и въ другія области литературы, совершенно посторонніе главному направленію его трудовъ. Превосходный поэтъ Колларъ со страстью занимается археологіей; Челяковскій пишетъ грамматики; библіографъ и нумизматъ Ганка пишетъ пѣсни; Шафарикъ переводитъ «Марію Стюартъ», Юнгманнъ — «Потерянный Рай» и «Аталу» Шатобріана, ученый Пуркинье переводитъ стихотворенія Шиллера. Движеніе литературы было очень единодушно; одна общая идея одушевляла каждаго изъ новыхъ писателей; эта идея была любовь къ народности, доходившая иногда до энтузіазма. Чешскіе поэты не дѣлились на школы, не расходились въ направленіи. Каждый истинный талантъ попадалъ на эту дорогу, каждый возвеличивалъ свою народность и проповѣдывалъ о самобытности. Суровый критикъ указалъ иногда бы въ этихъ стихотвореніяхъ и книгахъ преувеличенное и самолюбивое понятіе о своей народности, но въ цѣломъ направленіи столько было свѣжести и наивнаго чувства, что мы сочувствуемъ ему и желаемъ ему полнаго успѣха. Чешскіе патріоты притомъ не такіе злостные патріоты, какъ тѣ, которыхъ у насъ называли квасными. Иногда легкій оттѣнокъ шутки сглаживаетъ у чешскихъ поэтовъ, напр. у Челяковскаго, ихъ исключительный патріотизмъ, и читатель легко съ нимъ мирится.

Колларъ, опредѣляя, въ чемъ должна состоять любовь къ родинѣ, возставалъ противъ узкаго пониманія ея, заставляющаго любить свою родину въ тѣсномъ смыслѣ и забывающаго объ общемъ великомъ отечествѣ. «Меньшее всегда должно быть подчинено бо̀льшему, высшему: любовь къ родинѣ любви къ отечеству. Ручьи, рѣки и потоки выливаются въ море; такъ и отдѣльныя земли, края, племена, нарѣчія должны выливаться въ народъ. Всѣ славяне имѣютъ только одно отечество». Въ своей поэмѣ онъ повторяетъ туже мысль. «Конечно, дороги невинному чувству та роща, рѣка, хижина, которую прадѣдъ оставилъ своему внуку, но прочныя границы отечества, которыхъ боится тронуть злоба, — лежатъ въ нравахъ, рѣчи и единодушныхъ стремленіяхъ». Это панславистское воззрѣніе на цѣлое славянское отечество повторяется потомъ часто въ чешской поэзіи. Одинъ изъ менѣе извѣстныхъ поэтовъ, въ прекрасномъ и по формѣ стихотвореніи «Отечество Славянъ», говоритъ о немъ слѣдующимъ образомъ:

«Скажи, гдѣ племя могучей Славы раскидываетъ свои широкія земли? Тамъ ли, гдѣ царь Лазарь въ славномъ бою пролилъ свою кровь? Въ сербской землѣ?—Выше, выше, предѣлы царства славянъ,

«Скажи, гдѣ племя могучей Славы раскидываетъ свои широкія земли? Тамъ, гдѣ Зрини умирая совершалъ безсмертныя дѣла? Надъ Дунаемъ?—Выше, выше, предѣлы славянскаго царства.

«...Гдѣ Янъ Троцновскій (Жижка) велъ своихъ воиновъ на святую битву за народъ? На Волтавѣ....

«...Гдѣ славянинъ ступалъ въ крови, чтобы освободить Европу? На Моравѣ?...

«...Тамъ ли, гдѣ уланъ (полякъ) *не позволялъ*, пока пролилъ послѣднюю каплю? Тамъ, надъ Вислой?...

«...Тамъ, гдѣ пламень охватилъ Москву, чтобы возвратить спокойствіе міру? Въ русской землѣ? — Выше, выше предѣлы царства славянъ.

«Тамъ, гдѣ языкъ сына Славы говоритъ о чести отцовъ, гдѣ чистая мысль, пылкое сердце совершаютъ мужественные подвиги для отчизны, гдѣ любовь соединяетъ братьевъ,—тамъ стоитъ царство славянъ».

Мы сообщимъ здѣсь для образчика еще отрывки изъ двухъ-трехъ стихотвореній подобнаго содержанія: они дышатъ прямымъ, непосредственнымъ сознаніемъ народности, и это было самое естественное, живое содержаніе, которое прежде всего должно было представиться національному поэту. Въ новой чешской литературѣ читатель нерѣдко встрѣчается съ этими выраженіями наивнаго, но полнаго чувства; стихотвореніе «патріотическое» прямо отвѣчало на мысли и желанія читателя. Яблонскій, въ стихотвореніи «Славянинъ Чехъ», Махачекъ и особенно Рубешъ въ очень извѣстномъ стихотвореніи «Я Чехъ», и многіе другіе, развивали поэтическую теорію любви къ родинѣ. Приводимъ нѣкоторыя строфы изъ Яблонскаго:

....«Не дивитесь, мои дорогіе, говоритъ онъ, что звукъ пѣсни часто исцѣляетъ мою боль; что онъ погружаетъ меня въ райское блаженство; что я, увлеченный полетомъ музыки, готовъ раздѣлить сердце съ цѣлымъ широкимъ свѣтомъ: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что я такъ горячо люблю свой языкъ; что онъ звучитъ для меня слаще всѣхъ рѣчей; что эти любимые звуки я такъ радъ слышать, такъ люблю говорить: вѣдь я рѣчью, родомъ чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что мнѣ нравится славянская одежда, славянская пляска, веселье; что всегда играетъ во мнѣ сердце, когда вижу братьевъ, когда вижу славянскіе края: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что сладкая слеза навертывается на глазахъ моихъ, когда читаю чудеса о сынахъ Чехіи; что гордый

славою предковъ, чту свидѣтелей чешской славы: вѣдь я не родинѣ, но племени чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что моя славянская кровь неспокойна, когда на мой народъ пахнетъ ядовитое дыханье; что я всегда караю злато клеветника, какъ только онъ касается чести моего рода: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что всѣ мои силы собираются, когда слухъ мой почувствуетъ вздохъ отчизны; что этой дорогой чешской отчизнѣ я хочу принести въ жертву и себя и все мое: я и тѣломъ и душой чехъ!...»

У Челяковскаго, который признается въ «Столистой розѣ», что онъ никогда бы не могъ полюбить нѣмку, хотя бы она была ангеломъ,—выраженія любви къ родинѣ граничатъ съ веселой, а иногда и злой шуткой. Въ одной сельской пѣснѣ поселяне говорятъ у него, что они засѣяли льну для своихъ женъ, розъ для своихъ дѣвушекъ, яблони для парней и конопли (на веревки) для какихъ-то бездѣльниковъ, которыхъ они не называютъ и заставляютъ угадывать.... Въ другой пѣснѣ онъ говоритъ о чешскомъ патріотѣ: «Тотъ нашъ братъ, кто въ дни юности не преклоняется съ радостію предъ чужими идолами; кто загарается любовью къ невинной, милой дочери изъ *чешскаго* рода, готовъ соединиться съ ней и отдавать отечеству дань добрыми дѣтьми. Тотъ нашъ братъ, кто, помня славныхъ праотцевъ, гордится быть чехомъ; кто, другъ давнихъ обычаевъ и правъ, не носитъ знаковъ рабства; кто мельницкое и жерносѣцкое (чешскія виноградныя вина) считаетъ лучше итальянскаго и нѣмецкаго. Тотъ нашъ братъ, кто воспѣваетъ для потомковъ геройскую борьбу предковъ и, не заглядывая въ чужіе сады, воспитываетъ домашнюю красу; кто радость и печаль и сладкую тоску умѣетъ вылить въ чешскую пѣсню....»

Талантливѣйшая изъ чешскихъ писательницъ нашего времени обращается съ патріотическимъ воззваніемъ къ чешскимъ женщинамъ, убѣждаетъ ихъ быть хранительницами народности, воспитательницами истинныхъ чеховъ:

«Чешскія женщины и матери! Дадимъ себѣ обѣтъ и сохранимъ его: принесемъ всѣ наши силы въ жертву дорогой родинѣ! Пусть мужчина не одинъ гордится тѣмъ, что все отдаетъ отечеству. Впередъ, женщины! мы также положимъ свою жертву на олтарь.

«Мужъ, — у него есть острый мечъ, рука, сила, у него есть все; но нѣжная, слабая женщина, — у нея есть только сердце и — дитя. Дѣти,—сладкое имя, даръ, данный женщинѣ небомъ. Матери! отдадимъ то, что у насъ есть самаго драгоцѣннаго, родинѣ,

«Первымъ ласковымъ словомъ, первымъ сладкимъ поцалуемъ вольемъ имъ въ душу чешскій звукъ съ горячей любовью къ отчизнѣ. Называйте имъ славныхъ отцовъ, говорите о пролитой за право крови, скажите имъ, какъ снова гордо поднимается чешскій левъ.

«Пусть выростутъ изъ нихъ герои могучіе, какъ липы и дубы; да имѣемъ въ нихъ Бржетиславовъ, защитниковъ права, губителей злобы. Чешскія женщины, чешскія матери! Пусть будетъ однимъ счастьемъ для насъ — воспитать нашихъ дѣтей для нашей славной, драгоцѣнной родины».

Австрійская ценсура не давала конечно этому направленію поэзіи развиться полнѣе. Писатели-патріоты должны были довольствоваться недосказанными словами, недопечатанными строчками, которыя однако понимались, наперекоръ ценсурѣ. Подобный примѣръ мы видѣли сейчасъ у Челяковскаго; когда въ 48-мъ году типографскіе станки дѣйствовали свободно, появилось множество пѣсенъ, которыя откровенно досказали то, что̀ не было высказано прежде — вражду къ нѣмцамъ за ихъ неправыя притязанія и за угнетеніе народности. Патріотизмъ, который проповѣдывали чешскіе поэты, не остался безъ вліянія на общество; чешскій языкъ началъ проникать въ кругъ людей, предпочитавшихъ прежде нѣмецкій; образовались разныя общества, гдѣ чешскій языкъ получилъ всѣ права, напримѣръ, общества для чтенія, чешскій клубъ («бесѣда») въ Прагѣ, основанный въ 1846 г.; составлялись чешскіе концерты, чешскіе балы, на которыхъ чешскій языкъ былъ обязателенъ. На этихъ балахъ кавалеры старались выиграть своихъ дамъ для національнаго дѣла, дарили имъ миніатюрные альманахи, которые печатались къ каждому новому году и наполнялись исключительно мадригалами патріотическаго свойства. Вотъ примѣры:

«Бѣденъ былъ садъ чешской родины (такъ писалъ одинъ изъ любимыхъ поэтовъ, баронъ Виллани), но онъ начинаетъ пышно цвѣсти, потому что наши чудныя дѣвы ухаживаютъ за нимъ съ патріотической любовью.

«Будемъ же любить, прекрасныя сестры, свой народъ и чешскій край, надъ которыми ясное небо снова играетъ блестящею зарей.

«Скоро утихнетъ жалкая зависть, языкъ чешскій разцвѣтетъ, когда ваши привѣтливыя уста будутъ обращаться къ намъ съ *чешскимъ* словомъ».

Другой поэтъ дастъ слѣдующій остроумный оборотъ своему мадригалу:

«Если кто какъ язычникъ не хочетъ вѣрить въ мощныя чудеса Власты (извѣстная чешская амазонка),—каждый день глаза видятъ и сердце чувствуетъ прекрасное, живое доказательство!

«Наши новыя Власты не носятъ блистающаго шлема и оружія: но кто могъ противустать имъ въ жгучемъ, тяжеломъ боѣ чувствъ?

«*Чешское* слово изъ розовыхъ устъ, пылающія стрѣлы изъ прекрасныхъ очей—и тотчасъ сердце несетъ ключи къ завоеванной мужской головѣ»!

Другую, подразумѣваемую сторону чешскаго патріотизма составляетъ, какъ мы замѣтили, рѣшительная антипатія къ нѣмцамъ. Нашимъ читателямъ извѣстно, что неблагорасположеніе къ нѣмцамъ повторяется и у нашихъ славянофиловъ, и если нельзя одобрить этой мало мотивированной нелюбви къ нѣмцамъ у послѣднихъ, то у чеховъ она имѣетъ свои законныя и давнія права. Чешская народность съ незапамятныхъ временъ была въ борьбѣ съ нѣмецкой и къ нынѣшнимъ поколѣніямъ враждебное отношеніе къ нѣмцамъ перешло готовое; новое время только подкрѣпляетъ его, потому что и теперь нѣмцы не хотятъ признавать чешской народности. Древнѣйшій памятникъ чешской литературы, «Любушинъ Судъ», уже предостерегаетъ чеха, что ему «нехвально въ нѣмцахъ искать правду»,— обстоятельство, между прочимъ подавшее нынѣшнимъ нѣмцамъ поводъ заподозрить поэму, потому что ненависть славянъ они не считали такою давнишнею. Болѣе поздніе памятники различнымъ образомъ подтверждаютъ эти отношенія; въ одномъ старомъ законникѣ, писанномъ въ XV столѣтіи, но болѣе древнемъ по содержанію, прочли мы, напримѣръ, запрещеніе, — «прежде всего, чтобы никакой нѣмецъ-чужеземецъ, ни въ пражскомъ городѣ, ни въ чешскомъ княжествѣ никакимъ урядникомъ (чиновникомъ) не былъ учиненъ подъ страхомъ урѣзанія носа, и притомъ ни въ духовномъ, ни свѣтскомъ чинѣ, но чтобы они считались какъ гости» (т. е. иностранцы), и при этомъ какой-то старинный читатель прибавилъ замѣчаніе: «нѣмецъ, береги носъ» (niemcze, warug nosu), что достаточно говоритъ о его симпатіи къ нѣмецкой націи. Въ старинныхъ штаммбухахъ, альбомахъ прежняго времени, случалось намъ видѣть отзывы и уподобленія, очень нелестныя для нѣмцевъ. Новые поэты не могли изъ цензурныхъ причинъ высказываться яснѣе объ этомъ предметѣ, но все-таки читатель найдетъ у Коллара желчныя выходки противъ притѣснителей нѣмцевъ, у Челяковскаго встрѣтитъ онъ слѣдующую эпиграмму, бросающую свѣтъ на его взгляды: «Зачѣмъ завидуете вы греческой Иліадѣ, говоритъ онъ нѣмцамъ:—вѣдь Клопштокъ воспѣвалъ же вамъ Мессію; но свою Одиссею вы не такъ скоро увидите, развѣ кто нибудь изъ васъ попробуетъ объ Іудѣ».... Вражда къ нѣмцамъ проходитъ черезъ всю чешскую исторію и безпристрастный изслѣдователь найдетъ, что она явилась у чеховъ не изъ узкой національной нетерпимости, а вслѣдствіе тяжелыхъ отношеній, въ

какія всегда становилась къ чехамъ нѣмецкая нація, случайно или намѣренно. Въ новѣйшее время развитіе чешской народности встрѣчено было сначала съ насмѣшкой и презрѣніемъ, потомъ съ ожесточенной ненавистью....

За идеей любви къ отечеству чешскому и общеславянскому слѣдовала, какъ прямое слѣдствіе, любовь къ народности. Отсюда прилежное изученіе языка, этнографіи, народной словесности, преданій и обычаевъ: оно одновременно распространилось у всѣхъ славянскихъ племенъ,—у насъ и у чеховъ оно принесло наиболѣе результатовъ и понято было глубже и живѣе. Для чеховъ вопросъ заключался въ возстановленіи упавшей національности, и изученіе народной жизни съ разныхъ сторонъ стало необходимой потребностью; въ народѣ коренныя начала національности сохранились всего чище, въ его словесности выражался неподдѣльный, неиспорченный чужимъ вліяніемъ характеръ. Эти начала, возведенныя въ литературу, объясненныя и поддержанныя наукой, должны были опредѣлить будущее чешское образованіе. Вслѣдствіе того занятія народностью сдѣлались послѣднимъ словомъ литературы: начали усердно собирать чешскія пѣсни, старыя и новыя, преданья, сказки, пословицы, обычаи; лучшіе писатели давали этому матеріалу литературную обработку, появилось множество разсказовъ изъ народной жизни и преданій, пѣсенъ въ народной формѣ и т. д. Челяковскій издалъ книжку славянскихъ народныхъ пѣсенъ, Ганка переводилъ сербскія и польскія, Камаритъ издалъ духовныя народныя пѣсни, Эрбенъ—лучшее собраніе чешскихъ пѣсенъ, Колларъ—прекрасный сборникъ словацкихъ; теперь Ф. Сушилъ издаетъ моравскія. Чешскіе поэты искали вдохновенія въ бытѣ народа и въ историческихъ воспоминаніяхъ.

Новой литературѣ предстояла и другая обширная задача—усвоить себѣ современныя литературныя формы, совершенно недостававшія ей, и она скоро представила свою поэзію, повѣсть, романъ, драму, популярное чтеніе, ученыя книги. Характеръ читающей публики и еще не вполнѣ развившійся литературный языкъ дали чешской литературѣ особенныя качества, которыя она сохраняетъ еще и теперь. Легкая литература у чеховъ до сихъ поръ гораздо ближе и доступнѣе для массы, чѣмъ напримѣръ у насъ, потому что она должна была имѣть въ виду большинство массы, слѣдовательно менѣе высокій уровень образованія. Чешская лирика долго оставалась съ чертами народной пѣсни; чешская повѣсть была популярнымъ разсказомъ и рѣдко бралась за отвлеченные психологическіе вопросы, какіе господствуютъ въ нашей повѣсти. Словомъ, въ легкой литературѣ у чеховъ народные сюжеты и популярное изложеніе еще перевѣшиваютъ число произведеній, назначаемыхъ для избраннаго, бо-

лѣе образованнаго класса читателей. Не пересказывая подробно фактовъ этой литературы, мы считаемъ однако нужнымъ назвать особенно извѣстныхъ писателей, тѣмъ болѣе, что со времени Коллара въ ней не было ни одного таланта такой же силы, на которомъ можно было бы объяснить все положеніе и успѣхъ литературы.

Въ настоящее время едва ли не лучшій представитель чешской поэзіи Карлъ-Яромиръ Эрбенъ, архиваріусъ города Праги, упомянутый нами какъ лучшій издатель чешскихъ пѣсенъ. Эрбенъ соединяетъ прекрасный поэтическій талантъ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта; его «Вѣнокъ изъ народныхъ повѣстей» пользуется большимъ уваженіемъ у чешскихъ читателей. Поэтъ Эрбенъ извѣстенъ также какъ очень многосторонній ученый; онъ приготовилъ къ 500-лѣтнему юбилею пражскаго университета прекрасное изданіе древняго чешскаго писателя, Ѳомы Штитнаго; нѣсколько лѣтъ назадъ онъ издалъ большое очень важное собраніе древнихъ актовъ по чешской исторіи; въ настоящее время онъ издаетъ продолженіе «Выбора изъ стеро-чешской литературы. Онъ издалъ потомъ нѣсколько монографій по чешской исторіи и славянской миѳологіи, приготовляетъ изданіе славянскихъ сказокъ по всѣмъ нарѣчіямъ, которое при извѣстномъ талантѣ и знаніяхъ автора обѣщаетъ быть замѣчательнымъ дополненіемъ къ всеславянскимъ трудамъ Шафарика. Во главѣ чешскихъ эпическихъ поэтовъ стоитъ опять извѣстный, какъ археологъ, профессоръ Вочель, авторъ поэмъ «Премыслоицы», «Лабиринтъ Славы», «Мечъ и Чаша». Католическій священникъ Вацлавъ Шкульцъ издалъ въ 1845 году свои «Воспоминанія на путяхъ жизни», гдѣ патріотическія воспоминанія о прежней силѣ чешскаго отечества соединяются съ религіозно-мистическими изліяніями поэта. Упомянутый нами Яблонскій, также священникъ, отличается преимущественно піэтистическимъ направленіемъ; изъ произведеній его особенно любопытенъ «Соломонъ», собраніе патріотическихъ и нравственныхъ размышленій и наставленій, не лишенныхъ иногда прекрасныхъ поэтическихъ оборотовъ. Янъ-Православъ Коубекъ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ пражскаго университета, пріобрѣлъ себѣ репутацію въ особенности двумя произведеніями, поэмой «Гробы славянскихъ поэтовъ» и юмористическимъ «Странствованіемъ поэта въ адъ», въ которыхъ есть много остроумныхъ выходокъ, но которое въ цѣломъ занимаетъ довольно уединенное мѣсто въ чешской поэзіи. Карлъ-Марія баронъ Виллани—одинъ изъ любимыхъ и плодовитыхъ чешскихъ поэтовъ, не пишущій впрочемъ съ 1848 года, который своимъ несчастнымъ исходомъ вообще заставилъ замолчать многихъ чешскихъ писателей. Вацлавъ-Яромиръ Пицекъ (Подевіянскій) есть авторъ очень популярныхъ пѣсенъ. Въ на-

стоящее время пріобрѣлъ себѣ извѣстность также пѣснями молодой поэтъ Витезславъ Галекъ; его «Вечернія пѣсни», вышедшія въ прошломъ году, произвели впечатлѣніе, хотя быть можетъ слишкомъ много заняты чисто субъективными чувствами автора. Умершій въ 1838 году въ очень молодыхъ лѣтахъ Карлъ-Гинекъ Маха оставилъ очень любимую чешскими читателями поэму «Май»; это былъ поэтъ несомнѣннаго таланта, но съ направленіемъ, которое, какъ намъ кажется по крайней мѣрѣ, еще несвоевременно для чешской литературы: поэзія мистицизма и разочарованія, въ байроновскомъ или гейневскомъ родѣ, еще тяжелая пища для литературы начинающейся. Къ сожалѣнью, этому направленію отдаютъ большую дань молодые чешскіе поэты, Галекъ, Пфлегеръ и другіе, у которыхъ нельзя отрицать таланта. Изъ женщинъ поэтовъ мы назовемъ въ особенности Марію Чацкую, въ стихотвореніяхъ которой много свѣжаго чувства и поэзіи.

Литература повѣсти и романа также имѣетъ многихъ представителей. Изъ нихъ мы назовемъ: Каэтана Тиля, весьма плодовитаго писателя, оставившаго много романовъ и повѣстей, историческихъ и изъ современной жизни; Седлецкаго (Хохолушекъ), повѣсти котораго, въ переводѣ, очень понравились и южнославянскимъ читателямъ; Вацлава Клицперу, изъ числа старѣйшихъ и плодовитѣйшихъ чешскихъ писателей, которому принадлежитъ нѣсколько романовъ изъ чешской исторіи; Правду (псевдонимъ Гликки), автора нѣсколькихъ повѣстей, написанныхъ съ большимъ знаніемъ современнаго чешскаго быта; наконецъ Мозера, Іосифа Юрія Колара, Риттерсберга и др. Повѣсти для народа, передѣлки народныхъ преданій и разсказовъ составляютъ обширный отдѣлъ въ чешской беллетристикѣ, которая постоянно заботилась съ одной стороны доставить чтеніе своей народной публикѣ, съ другой сохранить для литературы народные разсказы. Въ этомъ отдѣлѣ мы обратимъ особенное вниманіе читателя на произведенія даровитой чешской писательницы Божены (*) Нѣмцовой. Ни у кого чешскія преданья не разсказываются съ такимъ искусствомъ, простотой и истиной; чешская писательница превосходно изучила народный бытъ деревенскаго населенія въ Чехіи и у словаковъ, среди которыхъ она жила нѣсколько времени. Она издала нѣсколько книжекъ «Народныхъ сказокъ и повѣстей», нѣсколько разсказовъ изъ народной жизни, между которыми особенно хороши повѣсти «Горная деревушка» и «Бабушка»; наконецъ ей принадлежитъ нѣсколько серьёзныхъ этнографическихъ очерковъ ея отечества.

(*) Чешское названіе «Беатриче».

Чешская драма наиболѣе обязана тремъ изъ названныхъ нами писателей: Тилю, Клицперѣ и Колару. Изъ прежнихъ писателей можно назвать только Яна-Непомука Степанка, въ свое время полезнаго, но тяжелаго драматическаго автора и переводчика, и Махачка, у котораго есть удачныя и веселыя пьесы, наприм. комедія «Женихи». Тиль, и особенно Клицпера, оба чрезвычайно плодовитые, всего болѣе поддерживали репертуаръ чешской сцены множествомъ переводовъ, передѣлокъ и оригинальныхъ произведеній. Особенный успѣхъ имѣли комедіи Клицперы, напр. «Чудесная шляпа», «Мечъ Жижки», «Фридландскій банщикъ» и др. Іосифъ-Юрій Коларъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ, очень эффектныхъ и прекрасно разсчитанныхъ для сцены. Изъ нихъ были очень извѣстны трагедія «Моника», «Прекрасная Магелона» историческая драма изъ временъ Рудольфа II, золотаго вѣка Чехіи, и особенно «Смерть Жижки», патріотическая трагедія, имѣвшая въ 1850 году успѣхъ небывалый на чешской сценѣ, и вслѣдствіе того запрещенная австрійскимъ правительствомъ послѣ перваго представленія. Народный элементъ является иногда на сцену у лучшихъ писателей, но все еще мало, конечно, не всегда по винѣ авторовъ. Между молодыми писателями для театра первое мѣсто занимаетъ Фердинандъ Миковецъ, которому принадлежитъ трагедія изъ чешской исторіи «Гибель рода Премысловцевъ», и изъ русской—«Дмитрій Ивановичъ» (Самозванецъ); теперь онъ приготовляетъ трагедію изъ «Конрада Валленрода». Іосифъ Фричъ передѣлалъ въ драматическую форму «Тараса Бульбу» Гоголя; мы читали также забавную передѣлку «Исторіи о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», очень удачно написанную однимъ изъ молодыхъ чешскихъ поэтовъ, Іосифомъ Коларжемъ.

Не смотря на отсутствіе сильныхъ талантовъ, литература въ цѣломъ приносила полезные результаты; она могла уже удовлетворить насущнымъ потребностямъ читателей. У нихъ была своя поэзія и романъ; національный театръ имѣлъ достаточно большой репертуаръ, переводный и оригинальный; для народа написано было много популярныхъ книгъ. Этимъ послѣднимъ предметомъ съ самаго начала были серьёзно заняты чешскіе писатели и многіе усердно трудились на этомъ поприщѣ, сначала Крамеріусъ, современникъ Добровскаго, потомъ Амерлингъ, Свобода; въ настоящее время популярная отрасль литературы идетъ еще съ большимъ успѣхомъ. Чешскіе ученые разныхъ спеціальностей приспособляли языкъ къ научному изложенію, создавая новую терминологію, мало по малу расширяли область понятій, доступныхъ языку, и такимъ образомъ явилась возможность писать популярно по разнымъ отраслямъ зна-

[illegible] было сдѣлать возможнымъ образованіе при [illegible] языкѣ, иначе, сдѣлать чешскій языкъ проводни[illegible] и если не уничтожить, то облегчить тотъ насиль[illegible] который господствуетъ до сихъ поръ въ чеш[illegible] Тотъ, кто желалъ бы узнать что нибудь болѣе [illegible] свѣдѣній, долженъ былъ идти въ нѣмецкую [illegible] его встрѣчали вдругъ двѣ трудности: незнакомый ему [illegible] объясняли ему на языкѣ, обыкновенно еще мало знако[illegible] Лучшіе, наиболѣе впечатлительные годы проходятъ [illegible] овладѣть чужимъ языкомъ; оффиціальное пренебреженіе [illegible] имѣетъ при этомъ вредное вліяніе на воспитанника, [illegible] начинаетъ обнѣмечиваться еще со школы. Опытъ многихъ чешскихъ писателей, которымъ приходилось быть въ подобномъ по[illegible] показываетъ, какъ тяжело оно для ученика и какъ при[illegible] патріотическому чувству видѣть его отвычку отъ роднаго языка. Чешскіе писатели выходятъ изъ прямо противоположнаго начала, именно, что воспитаніе, образованіе идутъ истиннымъ пу[illegible] только тогда, когда дѣйствуютъ посредствомъ роднаго языка; что мысль и чувство развиваются подъ его вліяніемъ дѣятельнѣе и живѣе. Они приготовляютъ теперь средства для будущаго чешскаго воспитанія и многое уже сдѣлали.

Другой практической цѣлью новой литературы было усвоеніе замѣчательныхъ чужихъ произведеній посредствомъ переводовъ. Мы видѣли, что имъ отдавали свое время даже серьёзные ученые. Въ настоящее время чешская литература имѣетъ уже достаточный запасъ переводныхъ, историческихъ и другихъ книгъ, интересныхъ для образованнаго читателя; кромѣ того она представляетъ большое количество замѣчательныхъ произведеній изъ иностранныхъ литературъ: напримѣръ, изъ англійскихъ писателей чехъ можетъ познакомиться въ переводахъ съ Шекспиромъ, Мильтономъ, Байрономъ, Ирвингомъ, Куперомъ, Диккенсомъ, Бичеръ-Стоу и др. Переводами съ другихъ славянскихъ языковъ чешская литература богаче всѣхъ относительно, если приномнить молодость новой ея дѣятельности. Чехамъ извѣстны, напримѣръ, въ переводахъ Мицкевичъ, Крашевскій, Чайковскій, Корженевскій, Мальчевскій; Загоскинъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и т. д.; они имѣютъ переводы сербскихъ, польскихъ, русскихъ пѣсенъ.

Не смотря однако на очевидный успѣхъ литературы, сомнѣніе западало иногда въ мысли даже лучшихъ людей панславизма, напр. Іосифа Юнгманна: произведетъ ли литература желаемый переворотъ, не останется ли она дѣломъ дилеттантовъ, выдержитъ ли она и побѣдитъ ли препятствія, безпрестанно становившіяся ей на пути?

Мысль о необходимости литературной взаимности, высказанная Колларомъ и принятая другими, между прочимъ вызвана была желаніемъ подкрѣпить чешскую литературу произведеньями другихъ славянъ. При разнообразіи нарѣчій и литературъ нужно было непремѣнно концентрировать литературную дѣятельность; для этого должна была служить славянская взаимность. Другіе, менѣе знающіе и болѣе мечтающіе люди говорили о необходимости одной общей литературы, общаго языка для всѣхъ славянъ: одни думали, что его можно сочинить искусственно, на основаніи стараго славянскаго; другіе полагали, что общимъ языкомъ можетъ сдѣлаться русскій, какъ языкъ сильнѣйшаго, всего болѣе обѣщающаго племени. Мечты были конечно не практичны; нужно было по крайней мѣрѣ обезпечить настоящую область чешскаго языка, утвердить его литературное значеніе въ Чехіи, на Моравѣ, въ австрійской Силезіи и у словаковъ. Во всемъ этомъ краю чешскій языкъ издавна господствовалъ въ литературѣ: словаки, наиболѣе далекіе отъ чеховъ по языку, имѣли чешскую библію и привыкли къ языку такъ, что отъ своихъ проповѣдниковъ требовали, чтобы они говорили по-чешски. Въ прежнія времена, въ послѣдней половинѣ XVII-го и въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, во время окончательнаго упадка литературы въ самой Чехіи, словацкіе писатели поддержали ее въ своихъ сочиненіяхъ и доставили ей нѣсколько замѣчательныхъ именъ. Въ настоящую пору словенамъ принадлежали два знаменитѣйшіе дѣятеля панславизма, Колларъ и Шафарикъ. Не смотря на всѣ эти тѣсныя связи, старыя и новыя, словаки произвели въ сороковыхъ годахъ печальный расколъ въ чешской литературѣ: въ то время, когда единство и согласіе было всего нужнѣе и полезнѣе для обоихъ, нѣкоторые словацкіе писатели вздумали ввести свой литературный языкъ и отдѣлились отъ чеховъ. Первый примѣръ поданъ былъ Бернолакомъ († 1813), который сталъ употреблять нитранское нарѣчіе; опытъ его не имѣлъ успѣха, хотя впрочемъ ему слѣдовалъ одинъ изъ извѣстныхъ чехо-словацкихъ писателей, поэтъ Янъ Голый, и хотя «бернолачина», какъ стали называть новоизобрѣтенный языкъ, удержалась отчасти въ употребленіи у словацкихъ католическихъ духовныхъ. Гораздо сильнѣе подвинутъ былъ словацкій сепаратизмъ Людевитомъ Штуромъ и Гурбаномъ, замѣчательными словацкими патріотами, принимавшими потомъ дѣятельное участіе въ возстаніяхъ своего народа противъ венгровъ во время революціи. «Бернолачина» такъ не нравилась имъ самимъ, что Гурбанъ и Штуръ взяли въ основаніе другое нарѣчіе, липтовское, и начали писать на немъ книги, отказавшись отъ чешскаго языка. Это была крайность славянскаго патріотизма: стремленіе воздѣлывать народ-

ныя нарѣчія должно имѣть свои границы; чѣмъ больше они обособляются, тѣмъ хуже. Люди серьёзные не могли не высказать своего яваго неодобренія, и Музейное Общество издало въ 1846 году «Голоса о необходимости единства литературнаго языка для чеховъ, моравянъ и словаковъ», гдѣ собраны были мнѣнія многихъ компетентныхъ судей этого дѣла и вопросъ объясненъ былъ со всѣхъ сторонъ. Колларъ и Шафарикъ, сами изъ словаковъ, Палацкій, Юнгманнъ, Палковичъ, Шембера и многіе другіе чехи, моравяне и словаки, объявили себя прямо противъ нововведенія, положительно вреднаго для словаковъ, и достаточно мотивировали свои мнѣнія. Еще при первыхъ попыткахъ отдѣленія, Добровскій писалъ: «Истинно досадно, что словаки не хотятъ держаться съ нами, чехами. Деревенскіе говоры нельзя же принимать за дорическое, аттическое и іоническое нарѣчія. Нѣмцы были въ этомъ случаѣ умнѣе, чѣмъ мы, несогласные славяне». Странно, что Штуръ, человѣкъ съ талантомъ, не понималъ этой простой истины. Чехи говорили въ свое успокоеніе, что нововведенія словаковъ будутъ вредны имъ же; но на дѣлѣ они столько же вредны и для чешской литературы, потому что отрываютъ отъ нея цѣлую массу народа, которая бы доставляла ей много читателей и писателей. Сила литературы очень зависитъ отъ массы, на которую она можетъ распространять свое вліяніе и изъ которой она вербуетъ своихъ дѣятелей. Колларъ, этотъ славянинъ «безъ упрека», навлекъ на себя обвиненіе со стороны своихъ соотечественниковъ въ холодности къ родному языку и народу: такъ далеко зашло ослѣпленіе!... Къ сожалѣнію, это была не единственная темная сторона въ новой славянской дѣятельности; раздѣленіе шло и въ другихъ направленіяхъ. Восторженныя воззванія Коллара о братскомъ единствѣ и общемъ трудѣ не были довольно сильны, чтобы подѣйствовать на всѣхъ духомъ согласія: новая литература отъ времени до времени представляла примѣры непримиримой вражды, зависти и зложелательства. Извѣстно, съ какой нетерпимостью смотрѣлъ краинецъ Копитаръ на многихъ почтенныхъ чешскихъ ученыхъ, какія непозволительныя вещи писалъ онъ противъ нихъ и какіе непохвальные мотивы управляли иногда его перомъ,—а это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей новой славянской науки. Писатели разныхъ племенъ не одинъ разъ встрѣчались, какъ явные враги. Тоже было и въ самой чешской литературѣ; но она еще далеко не была въ той порѣ, когда раздѣленіе на кружки и партіи бываетъ безвредно въ литературѣ, становится даже необходимо въ ней; силы ея можно еще было легко сосчитать. Въ сороковыхъ годахъ новая литература встрѣтила еще одно враждебное начало; это была германская пресса, сначала мало интересовав-

пился славянами, но потомъ напуганная панславизмомъ и уныв-шая правительству на панславизмъ, какъ на зловредное нарушеніе правъ германской націи.

Таковы были обстоятельства. Если, разбирая объемъ новой литературы, мы вспомнимъ, что все дѣло совершилось только при двухъ поколѣніяхъ — потому что до сихъ поръ дѣйствуютъ люди, еще видѣвшіе труды Добровскаго, — то нельзя не признать за ней большой внутренней силы. Обставленная самымъ невыгоднымъ образомъ, она совершила многое, но трудности далеко не были побѣждены: она все еще имѣла противъ себя непріятелей въ высшемъ и богатомъ классѣ чешскаго общества, въ бюрократическомъ и военномъ людѣ, въ значительной части образованныхъ людей съ нѣмецкими или вѣрнѣе съ австрійскими симпатіями и въ non plus ultra обнѣмечившихся сынахъ Израиля, какъ жолчно называетъ ихъ одинъ чешскій писатель. Кромѣ того отрицательнаго вреда, что въ этой массѣ пропадало для національнаго дѣла много чеховъ, она приносила и положительный вредъ, потому что не рѣдко прямо дѣйствовала противъ чешскихъ патріотовъ. Трудно было выиграть въ свою пользу этихъ людей, когда они не поддавались ни резонамъ, ни національной гордости, которую могъ пробудить блестящій успѣхъ литературы; по большей части они даже не знали, что именно дѣлается въ литературѣ, и становилось на сторону нѣмецкихъ памфлетистовъ, которые скоро начали серьёзную войну противъ панславизма. Нѣмцы еще прежде говорили изрѣдка о чешскомъ движеніи, не придавая ему большой важности; успѣхъ Коллара, распространеніе его идей у всѣхъ славянъ, не могли не обратить ихъ вниманія и они увидѣли въ этихъ фактахъ зловѣщія предзнаменованія. Въ сороковыхъ годахъ уже началось у австрійскихъ славянъ безпокойное броженіе, приготовлявшее событіе 48-го года, и нѣмецкіе публицисты заговорили о панславизмѣ, какъ о гибельной тенденціи, которую слѣдуетъ искоренить во что бы ни стало. Всѣмъ извѣстны несчастія словаковъ въ Венгріи: когда чехамъ грозила германизація, словаковъ хотѣли сдѣлать мадярами. Такъ называемое тогда «національзированіе» Венгріи началось съ такими насиліями, гордые и дикіе венгерцы имѣли такъ мало терпимости, что положеніе словаковъ было невыносимо. Когда защитники словаковъ говорили вообще въ защиту славянской народности отъ угнетенія, противники ихъ говорили о панславизмѣ, грозящемъ основать какое-то славянское царство въ ущербъ единой и цѣлой Австріи и Германіи: въ боязливомъ воображеніи ихъ, стремленія западнаго панславизма имѣли несомнѣнную связь съ завоевательными видами Россіи, и этого было достаточно, чтобы каждый истинный германецъ вооружился противъ него всѣ-

[illegible]. Въ сороковыхъ годахъ эти бури разразились безпрестанно, и любители чешской литературы должны были обратить [illegible] ея положеніе. Однимъ изъ ревностныхъ [illegible] ея выступилъ графъ Лео Тунъ, въ то время чешскій [illegible], а нынѣ министръ народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ. Въ [illegible] году онъ издалъ любопытную нѣмецкую брошюру «О нынѣшнемъ состояніи чешской литературы и ея значеніи;» эта апологія очень характеристична для тогдашняго положенія вопроса, и мы позволимъ себѣ вкратцѣ изложить главныя мысли автора.

Объяснивши очень безпристрастно короткую исторію новой литературы, графъ Тунъ старался доказать ея непріятелямъ въ чешскомъ и нѣмецкомъ обществѣ полную законность ея существованія и необходимость ея для народнаго блага, и старался внушить равнодушной части чеховъ участіе къ національному стремленью. Въ своихъ убѣжденіяхъ онъ опровергаетъ всѣ упреки и обвиненія, какія только взводились на нее. Сначала онъ обращается къ тѣмъ людямъ, которые, даже не имѣя ничего противъ принципа этой литературы, были недовольны ея произведеніями и говорили о непонятности языка, введеннаго писателями. Авторъ доказываетъ, что ходъ литературы и языка былъ именно такой, какого требовала необходимость. «Другіе, продолжаетъ онъ, съ сожалѣніемъ смотрятъ на то, что чешскій языкъ еще не пришелъ въ забвеніе, и прямо не одобряютъ тѣхъ, кто хочетъ языкъ простолюдина, какимъ былъ чешскій въ теченіе двухъ столѣтій, сдѣлать даже разговорнымъ языкомъ для всѣхъ сословій; эти люди вообще считаютъ несчастьемъ совмѣстное существованіе нѣсколькихъ языковъ. Они радуются, когда какой нибудь языкъ вымираетъ; они думаютъ, что этимъ только отстраняется одно препятствіе къ общему братству и одинаковому размѣну мыслей, что этимъ совершается успѣхъ гуманности. Для чешскаго народа въ особенности ничто не можетъ быть, по ихъ мнѣнію, такъ полезно, какъ совершенное сліяніе съ нѣмцами. Если образованные классы чеховъ уже употребляютъ преимущественно нѣмецкій языкъ, то зачѣмъ хотятъ отдавать дѣло образованія литературѣ, которую еще должно создать, вмѣсто того, чтобы окончательно присоединиться къ великой нѣмецкой націи, которая по духовному развитію и литературной дѣятельности стоитъ въ ряду первыхъ народовъ и можетъ представить почти неистощимыя сокровища для удовлетворенія любознательнаго читателя въ каждой отрасли наукъ или практическихъ свѣдѣній. Тамъ ищите мудрости; простой человѣкъ пойдетъ тогда по вашимъ слѣдамъ и будетъ пользоваться отъ нѣмцевъ тѣмъ, что ему нужно и чего онъ не можетъ найти на языкѣ своихъ отцовъ.» Такъ опредѣляли свои требованія противники новой литературы, не

только нѣмцы, но и значительная часть самихъ чеховъ. Вы хотите слѣдовательно полнаго германизированія, говоритъ авторъ, потому что и народъ долженъ же пользоваться средствами образованія, и онъ долженъ поэтому обнѣмечиться. Но возможно ли это? Съ самой бѣлогорской битвы, народъ, истощенный и уменьшенный войнами и эмиграціей, угнетенный, окруженный нѣмецкими поселенцами, выросъ въ числѣ втрое и сохранилъ до сихъ поръ свою національность; слѣдовательно германизація не такъ легка, какъ кажется. «Теперь мы находимъ въ Чехіи три милліона людей, исключительно или предпочтительно говорящихъ по-чешски, поддерживаемыхъ другими четырьмя милліонами въ Моравіи и сѣверной Венгріи, ведомыхъ людьми съ глубокой прозорливостью и благородной силой, въ эпоху, когда уже нельзя думать о принудительныхъ мѣрахъ къ искорененію народностей, — и при этихъ обстоятельствахъ долженъ изчезнуть языкъ, пережившій всѣ измѣнчивости судьбы? Пусть вѣритъ этому кто хочетъ, но пусть не ожидаетъ онъ, чтобы основанный на этой мысли планъ его — осчастливить свой народъ — нашелъ общее одобреніе. Притомъ онъ долженъ сознаться, что перемѣна, на которую онъ разсчитываетъ, не можетъ совершиться въ нѣсколько лѣтъ, что по крайней мѣрѣ еще много столѣтій должно пройти, чтобы утвердить нѣмецкій языкъ вездѣ, гдѣ звучитъ теперь чешскій. И *такъ долго* хотите вы держаться вдали отъ *своего* народа? *Такъ долго* хотите вы быть въ немъ чужеземцами?» Эти люди скажутъ, что они допускаютъ чешскій языкъ на столько, на сколько онъ нуженъ для разговора съ простолюдиномъ; но кто желаетъ говорить съ простолюдиномъ, особенно если долженъ вступать съ нимъ въ сношенія по обязанности, какъ школьный учитель, духовный, врачъ, чиновникъ, — тотъ долженъ вполнѣ владѣть языкомъ, долженъ изучить его, и можетъ ли онъ тогда быть противникомъ литературы, которая заботится о томъ же народѣ, о его пользахъ, его развитіи? Въ этомъ случаѣ гораздо послѣдовательнѣе тѣ, которые совсѣмъ отказываются отъ чешскаго языка и замѣняютъ его нѣмецкимъ вездѣ, гдѣ только можно. И тѣ и другіе совершаютъ однако явную несправедливость, отказываясь отъ чеха, если онъ чехъ; желая германизировать его, они во всякомъ случаѣ должны образованіе и благо нынѣшнихъ поколѣній принести въ жертву мнимому благу будущихъ. Но какъ еще будутъ смотрѣть на это будущія поколѣнія? Это остается вопросомъ.... Отъ этой частной точки зрѣнія авторъ переходитъ потомъ къ болѣе общей и защищаетъ права языка и народности на существованіе, особенно, если они уже доказали свою силу и способность къ развитію. Языкъ и народность являются не случайно; какъ отдѣльный человѣкъ отличается особеннымъ характеромъ, взглядомъ

[illegible] народъ приноситъ что нибудь свое [illegible] цивилизаціи. Препятствіемъ учавство- [illegible] служитъ не языкъ, а меньшая степень [illegible] помогать всѣми средствами, если уже не- [illegible] подняться. Для чешской литературы это [illegible]; и прежде эта нація дѣйствовала со сла- [illegible] и если мала, то отъ страшнаго напряженія; усилія [illegible] къ благородной, человѣчественной цѣли. Если [illegible] народъ имѣетъ свою историческую задачу, [illegible] Славянскія племена еще мало дѣйствовали въ [illegible] и для нихъ время выступить на сцену общече- [illegible] дѣятельности; усвоивъ себѣ результаты, добытые други- [illegible] они поведутъ ихъ дальше своимъ собственнымъ тру- [illegible] чешской націи, по мнѣнію автора, именно есть выз- [illegible] славянскія племена на это поприще и указать имъ дорогу. Дѣй- [illegible], новое чешское движеніе нашло отзывъ у всѣхъ славян- [illegible] племенъ, и первый важный успѣхъ пріобрѣтенъ. Прошедшая [illegible] и всѣ внѣшнія обстоятельства дали чехамъ возможность [illegible] на себя и выполнить ту задачу. Возрожденіе чешской литера- [illegible] есть фактъ величайшаго значенія для всего славянства, и содѣй- [illegible] другихъ племенъ облегчаетъ ея дѣло.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ опасеніямъ, которыя возбуждалъ панславизмъ въ нѣмецкомъ обществѣ. «Именно то, говоритъ онъ, что мы ставили въ заслугу національному движенію чеховъ, быть можетъ всего болѣе поднимаетъ вражду противъ него. Въ особенности между нѣмцами симпатіи славянскихъ народовъ возбуждаютъ извѣстныя опасенія, и въ движеніи, замѣчаемомъ одновременно у всѣхъ славянъ, въ ихъ предчувствіи великаго назначенія, нѣмцы видятъ грозящую опасность. Мы съ сожалѣніемъ смотримъ на этотъ образъ мыслей, потому что подозрѣніе враждебныхъ замысловъ способно бываетъ вызвать ихъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, особливо въ нашемъ случаѣ. Въ прежнія времена между славянами и нѣмцами велся суровый, продолжительный бой, который наконецъ шелъ и въ Богеміи. Владычество осталось въ рукахъ нѣмцевъ и тяжело легло на побѣжденныхъ. Мы не хотимъ винить нѣмцевъ въ томъ, что̀ было недостаткомъ той мрачной эпохи; но нечего и удивляться, что событія возбудили въ славянахъ недовѣрчивость къ нѣмцамъ. Серьёзная забота каждаго честно думающаго человѣка должна быть обращена къ тому, чтобы не зажигать снова стараго пожара. Кто бы вздумалъ теперь оживлять національное чувство славянъ возбужденіемъ ненависти и мщенія противъ нѣмцевъ, тотъ взялъ бы на себя тяжелый грѣхъ относительно обоихъ. Напротивъ, теперь и для нѣм-

цевъ должно быть священной обязанностью не увѣковѣчивать печальнаго впечатлѣнія историческихъ событій. Мы желаемъ поэтому, чтобы они радостно и дружелюбно встрѣтили славянскіе народы, у которыхъ начинаетъ являться надежда на лучшія времена и стремленіе къ духовному прогрессу. Настоящіе факты доказываютъ одно это стремленіе, по какому же праву считаютъ его покровомъ враждебныхъ замысловъ? Неужели же вѣчно, какъ во времена переселенія народовъ, появленіе націи должно наводить страхъ на сосѣдей? Неужели понапрасну за тысячу лѣтъ распространилось по Европѣ христіанство? Неужели духъ любви не долженъ никогда проникнуть народы, установить имъ взаимныя сношенія и направить ихъ къ общему достиженію высшихъ цѣлей?... Осмотритесь спокойно кругомъ, и страхъ исчезнетъ, когда вы лучше узнаете истинный видъ дѣла. Становится замѣтно, что въ положеніи славянскихъ народовъ приготовляются важныя перемѣны, и такъ какъ многіе не объясняютъ себѣ ихъ основанія и направленія, то и смотрятъ на неизвѣстное будущее съ боязливымъ сомнѣньемъ... Но нѣтъ, она уже открыта, эта цѣль славянскихъ симпатій: необходимымъ слѣдствіемъ общихъ литературныхъ стремленій славянскихъ народовъ должна быть всеславянская монархія, разрушающая настоящія отношенія Европы. Это мнѣніе выставляется многими совершенно серьёзно; но сколько мы знаемъ, они еще не представили никакихъ доказательствъ». Этихъ доказательствъ, разумѣется, и никогда не было представлено. Авторъ доказываетъ сначала примѣромъ самихъ нѣмцевъ, что единство языка не обусловливаетъ еще единую монархію, что напротивъ оно не помѣшало и существовавшей уже одной монархіи разбиться на отдѣльныя государства. Притомъ между славянскими народами никогда не было такого единства въ языкѣ и въ исторической жизни, какое всегда соединяло германцевъ. Раскинутые на огромномъ пространствѣ, раздѣленные чужими племенами, славяне имѣли различную исторію, должны были познакомиться съ своими сосѣдями и еще болѣе отдѣлиться отъ соплеменниковъ. Литературы и языки ихъ на столько различны, что не могутъ соединиться въ одно, безъ опасности для отдѣльныхъ національностей; языки такъ несходны, что знаніе ихъ пріобрѣтается изученіемъ, и произведенія одного языка должны быть переводимы, чтобы сдѣлаться доступными читателямъ другаго. При этомъ возможно вліяніе литературъ, помощь ихъ одна другой, потому что онѣ имѣютъ общую цѣль—сохраненіе и развитіе славянской національности, но тѣмъ не менѣе всеславянское національное чувство можетъ жить только въ груди образованнѣйшихъ славянъ: оно можетъ имѣть великую важность для духовнаго развитія, но не можетъ провести по-

торъ, есть отсутствіе гражданскаго элемента въ славянскомъ характерѣ; потому они не могли создать ничего оригинально прекраснаго и великаго. Успѣхъ возможенъ только тогда, когда дѣло литературное соединится съ гражданскимъ, политическимъ

Славяне, живущіе съ нѣмцами, должны германизироваться необходимо, продолжаетъ онъ. «Они германизируются даже противъ ихъ воли, по естественному превосходству нѣмецкаго духа (sic), и всѣ образованные уже стали нѣмцами; но они хотятъ этого сами, они обнѣмечиваются ревностно и съ любовью, потому что знаютъ гражданскія и чисто человѣческія выгоды нѣмецкаго просвѣщенія. Они граждански и нравственно обязаны германизироваться, потому что только съ нѣмецкимъ образованіемъ они могутъ имѣть важное значеніе въ службѣ государству и потому что нравственный долгъ каждаго человѣка—облагораживать и совершенствовать самого себя.... Каждый славянинъ въ нѣмецкой Австріи, желающій принять участіе въ общечеловѣческомъ просвѣщеніи и высшихъ гражданскихъ стремленіяхъ, даже послѣдній славянскій ремесленникъ, который не хочетъ ограничиться одной своей деревней, необходимо по свободному побужденію долженъ учиться по-нѣмецки и долженъ быть благодаренъ правительству, что оно облегчаетъ ему эту духовную метаморфозу. Австрійское правительство дѣлаетъ здѣсь истинно все, что только должно и можетъ сдѣлать. Оно содержитъ вездѣ славянскія школы для низшихъ потребностей славянскаго населенія; приказываетъ, чтобы каждый военный и гражданскій чиновникъ, которому нужно имѣть дѣло съ народомъ, зналъ славянскій языкъ; издаетъ въ славянскихъ земляхъ всѣ законы по-нѣмецки и по-славянски; поддерживаетъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ профессуры для славянскаго языка и литературы; не только не препятствуетъ (еще бы препятствовало!), но даже помогаетъ и даетъ вознагражденія усиліямъ славянскихъ поэтовъ и ученыхъ. Поистинѣ, это все, что можетъ сдѣлать австрійское правительство; но если оно образовываетъ по-нѣмецки каждаго, кто въ гражданскомъ отношеніи хочетъ выступить изъ самой низшей среды или выбираетъ ученое поприще, оно дѣлаетъ это конечно не потому, что оно само нѣмецкое, а потому, что это совершенно необходимо. — Большинство славянъ въ этихъ провинціяхъ признаетъ это и благодаритъ правительство; слабая оппозиція существуетъ только въ Прагѣ, но и тамъ она выходитъ изъ одной очень небольшой партіи, которая кромѣ того состоитъ въ сильномъ подозрѣніи, что она доступна русскому вліянію (именно!). — Поэтому въ сложности образованіе этихъ провинцій издавна совершенно нѣмецкое, и оно имѣетъ свое средоточіе въ Вѣнѣ, которая тугъ даетъ тонъ. Недавно одинъ берлинскій писатель

выставилъ забавное мнѣніе, что вѣнское образованіе вовсе не нѣмецкое, а смѣшанное изъ итальянскаго, славянскаго и нѣмецкаго; еще забавнѣе, что Коль хочетъ найти въ вѣнскомъ образованіи даже восточный элементъ. Правда, въ Вѣнѣ живетъ много славянъ, мадяровъ и итальянцевъ, даже часто встрѣчаются живописныя восточныя фигуры, но всѣ они нисколько не измѣняютъ чисто южно-нѣмецкой жизни Вѣны; скорѣе она измѣняетъ ихъ. Давно извѣстно волшебное вліяніе Вѣны въ этомъ отношеніи. Въ Вѣнѣ не только славяне, мадяры и итальянцы, но даже французы и англичане германизируются по-вѣнски, и тамъ вовсе не рѣдкость встрѣтить людей въ греческомъ, даже турецкомъ костюмѣ, говорящихъ и живущихъ чисто по-вѣнски. Богатая удовольствіями, прекрасная и женственная Вѣна для всѣхъ провинцій монархіи и даже за предѣлами ея служитъ главнымъ мѣстомъ прививки германизма».

Мы хотѣли оставить безъ комментарія разсужденія этого автора, какъ видно изъ послѣднихъ словъ, чисто вѣнскаго патріота; но разсужденія эти могли бы ввести въ заблужденіе читателя, мало знакомаго съ славянскими обстоятельствами, когда авторъ такъ утвердительно говоритъ о великодушномъ отношеніи правительства къ славянскому образованію. Если правительство обязываетъ чиновника знать славянскій языкъ, объявляетъ законы по-славянски, къ тому принуждаетъ его не желаніе дать значеніе языку, а чистая необходимость, потому что далеко не всѣ достаточно владѣютъ нѣмецкимъ. Притомъ самъ авторъ признается, что это сдѣлано только для облегченія метаморфозы, т. е. превращенія славянина въ нѣмца. Дозволеніе каѳедръ славянскаго языка и литературы не есть какое нибудь особенное благодѣяніе для чеховъ, напримѣръ, имѣющихъ значительную ученую литературу и создавшихъ главнымъ образомъ самую науку о славянствѣ. Когда для славянской литературы есть каѳедры и тамъ, гдѣ очень мало или вовсе нѣтъ славянскаго населенія, напримѣръ въ Берлинѣ и Парижѣ, то было бы варварствомъ не завести ихъ въ Вѣнѣ и Прагѣ. Деревенскія школы и не могутъ обойтись безъ славянскаго языка, потому что въ сельскомъ населеніи дѣти не знаютъ по-нѣмецки. Мы никогда не слыхали объ особенно блестящихъ вознагражденіяхъ славянскимъ ученымъ; если Шафарику дали мѣсто библіотекаря въ университетской библіотекѣ, это награда слишкомъ скромная для громадныхъ заслугъ ученаго; если Палацкому давали для его ученыхъ трудовъ и путешествій шестьсотъ флориновъ въ годъ, то мы должны замѣтить читателю, что это составляетъ только около 400 р. сер., слѣдовательно о подобномъ вознагражденіи можно и не писать громкихъ фразъ. Напротивъ, сколько мы знаемъ, ученые всего чаще предоставлены самимъ себя и слу-

чаю; въ тѣхъ, кого правительство назначаетъ своими чиновниками, оно не одобряетъ занятій славянской литературой; оффиціальное пренебреженіе и черезъ мѣру строгая цензура всегда были для новой чешской литературы тяжелымъ камнемъ преткновенія, на который она спотыкается до сихъ поръ. Что касается до чарующей Вѣны, то и сами сѣверные нѣмцы не очень долюбливаютъ ее, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться и въ настоящее время, если онъ слѣдитъ за газетными дебатами по поводу итальянскаго дѣла. Прелесть вѣнской жизни и отличительное качество вѣнскаго образованія, такъ восхваляемаго авторомъ, заключаются во внѣшней комфортабельности и наслажденіяхъ жизнью: вѣнцы—хорошіе гастрономы и бонвиваны,—занятія, удобно отвлекающія массу общества отъ тернистыхъ вопросовъ общественнаго устройства и политики, и въ этомъ заключается прелесть вѣнскаго вліянія, которому не могутъ сопротивляться не только «люди въ восточномъ костюмѣ», но, по словамъ автора, даже французы и англичане. Вѣна—городъ австрійской дипломатіи и бюрократіи, съ веселымъ въ извѣстномъ родѣ препровожденіемъ времени; нѣмецкая наука и искусство, по признанію самихъ нѣмцевъ, всегда хромали въ Австріи.

Затѣмъ авторъ говоритъ о чешскомъ движеніи, которому отдаетъ справедливость, но по своему. «Національное движеніе чеховъ основалось естественно и достойнымъ уваженія образомъ. Изо всѣхъ славянъ чехи самые талантливые; они до сихъ поръ истинные хранители чести славянства. Одни чехи рядомъ съ другими и отчасти даже прежде другихъ народовъ завоевали себя почетное мѣсто въ исторіи европейской цивилизаціи и уже въ раннее время создали цвѣтущую литературу. Ихъ исторія представляетъ славные моменты героизма и своимъ высоко-трагическимъ исходомъ должна возбуждать удивленіе и сочувствіе всего свѣта и всѣхъ временъ. Воспоминаніе объ этой славѣ никогда совершенно не исчезало въ Богеміи, и въ новѣйшую пору, когда національныя стремленія составляютъ главную черту духа времени, оно оживилось сильнѣе и свѣжѣе. Но оно оживилось не въ народѣ, потому что на свѣтѣ не существуетъ образованнаго чешскаго народа; оно движетъ голову и сердце только немногихъ людей, которыхъ именно ихъ нѣмецкое образованіе побуждаетъ къ сохраненію чешскаго (замѣтимъ здѣсь, что съ точки зрѣнія автора это должно быть странно: отчего люди, владѣющіе великимъ нѣмецкимъ образованіемъ, заботятся о незначительномъ чешскомъ?). Но эта небольшая партія чешскихъ патріотовъ дѣлится на двѣ существенно различныя части. Большая состоитъ изъ серьёзныхъ и благоразумныхъ людей, которые видятъ, что никакая земная сила не можетъ возстановить того, что погибло въ потокѣ временъ,

какъ чешская слава. Эти люди знаютъ, что Богемія уже никогда не можетъ сдѣлаться славянскимъ царствомъ, что она сама для себя, ради собственной выгоды и блага, должна оставаться соединенною съ Германіей и германскимъ образованіемъ. Поэтому они хотятъ только рядомъ съ нѣмецкимъ сохранять и образовывать чешскій языкъ и литературу, и это стремленіе конечно въ высшей степени похвально и достойно уваженія, и не только нѣмецкое правительство, но даже многіе изъ нѣмецкихъ жителей Богеміи поддерживаютъ его (но черезъ двѣ страницы автору очень не нравится, что нѣмецкій графъ Тунъ выступилъ въ числѣ защитниковъ чешской національности). Удастся ли этимъ достойнымъ людямъ развить и сберечь истинно оригинальную и сколько нибудь значительную литературу, найдутъ ли они для того твердое и живое основаніе, не будетъ ли эта литература по большей части предавать нѣмецкія мысли славянскими знаками,—это конечно другой вопросъ; но какъ сказано, похвально и желаніе. Меньшая часть чешскихъ патріотовъ идетъ гораздо далѣе, и сами благоразумные чехи обвиняютъ ее въ чехоманіи. Эти чехоманы не хотятъ для мирнаго и дружелюбнаго развитія стать рядомъ съ нѣмецкимъ образованіемъ, но становятся противъ него. Они злобно смотрятъ на преобладаніе нѣмецкаго начала въ Богеміи и хотятъ не только прекратить его дальнѣйшее распространеніе, но совершенно повернуть дѣло и чехизировать нѣмцевъ (автору было бы прискорбно узнать, что теперь именно доказаны нѣкоторые факты подобнаго чехизированія нѣмцевъ въ Богеміи, несмотря на все могущество нѣмецкаго духа). Для славизма они представляютъ притязанія на цѣлую Богемію со всѣми ея жителями, и каждаго нѣмецкаго жителя Богеміи бранятъ, какъ ворвавшагося разбойника или славянскаго отщепенца. Они желаютъ, чтобы Богемія подъ властью какого нибудь австрійскаго принца получила чисто славянское правительство; они мечтаютъ даже о новомъ славянскомъ центральномъ царствѣ, которое должно обнять Богемію, Моравію *и по крайней мѣрѣ* сѣверную Венгрію.» Славянское царство–общій кошмаръ всѣхъ враговъ панславизма и одно изъ ловко употребляемыхъ обвиненій, возстановляющихъ противъ него правительство, хотя каждый благомыслящій человѣкъ видитъ, сколько правды въ этомъ обвиненіи. Что чехи не любятъ нѣмцевъ, мы уже объясняли прежде; да и какъ имъ не приходить къ такому взгляду на нѣмцевъ, когда земли дѣйствительно достались имъ послѣ насильственной эмиграціи и притѣсненія чеховъ въ семнадцатомъ столѣтіи; теперь нѣмцы своей враждой первые подаютъ поводъ къ недовольству и раздраженію. Авторъ не придаетъ впрочемъ значенія этой послѣдней партіи. Но, «такъ какъ писатели этой партіи находятъ въ Германіи, Франціи, Англіи и особенно въ

Россіи достаточно органовъ, посредствомъ которыхъ они возвѣщаютъ свѣту огромный успѣхъ славизма въ Богеміи; и такъ какъ въ австрійскихъ дѣлахъ охотно вѣрятъ самымъ баснословнымъ разсказамъ; такъ какъ есть люди и правительства, которыя сердечно радуются каждому затрудненію Австріи, то въ новѣйшее время сдѣлалось модой безъ дальнѣйшихъ околичностей причислять Богемію къ славянскимъ землямъ,» — и авторъ, въ оригинальномъ обзорѣ чешской исторіи, старается доказать, что Богемія уже издавна есть нѣмецкая земля, и что въ настоящее не можетъ быть вопроса о чешской Богеміи. Это разсужденіе похоже какъ двѣ капли на толки австрійскихъ журналовъ, увѣряющихъ теперь весь свѣтъ, что «такъ называемый» итальянскій вопросъ вовсе не существуетъ.—Событія сорокъ восьмаго и девятаго года показали, что нѣкоторыя правительства, на которыя намекаетъ авторъ, не только не были рады затрудненіямъ Австріи, но даже спасли ее отъ окончательной погибели, за что она отплатила по своему обыкновенію.

Наконецъ переходитъ авторъ къ литературѣ и замѣчаетъ, что чешскія книги и журналы покупаются и читаются мало. «На народную жизнь и состояніе просвѣщенія усилія чешскихъ писателей не имѣютъ никакого вліянія; ихъ дѣйствіе чисто филологическое. По большей части они и не имѣютъ другой цѣли, и при каждомъ случаѣ громко и прямо отвергаютъ подозрѣніе въ намѣренномъ духовномъ или политическомъ отдѣленіи отъ Австріи и Германіи. Но глубже видящій наблюдатель и критикъ не можетъ не замѣтить, что многіе изъ начинателей и участниковъ этого чешскаго движенія менѣе одушевляются національнымъ чувствомъ, чѣмъ прельщаются оппозиціей и мнимой политической важностью дѣла. Можно опредѣлительно сказать, что чехизмъ и не пробудился бы, или не могъ бы достичь своей нынѣшней, хоть и небольшой важности, если бы въ Австріи позволено было участіе въ политической жизни.» Да въ этомъ и дѣло. Если бы предоставлена была какая нибудь свобода общественнаго развитія, все бы пошло правильно; чешское движеніе подвигалось бы мирно, не возставая противъ нѣмецкаго ярма, потому что нѣмецкое начало было для чеховъ синонимомъ лишенія всякой возможности свободной мысли. Авторъ не сознаетъ хорошенько, что чешская литература, мимо всякихъ идей о славянскомъ царствѣ, проникнута была также и вопросомъ чисто соціальнымъ, общественнымъ. Свободная національность предполагаетъ нѣкоторую автономію общества, и къ ней вмѣстѣ стремились лучшіе чешскіе и нѣмецкіе либералы Австріи. Авторъ то боится чешской литературы, то не приписываетъ ей никакой важности и не знаетъ хорошенько ея истиннаго смысла. Въ этомъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ еще слѣ-

дующее замѣченіе: «Очень небольшая партія чеховъ отчасти дѣйствительно одушевлена за панславизмъ, отчасти, съ *буквальной истиной* (курсивъ въ подлинникѣ) пріобрѣтена для него (gewonnen). Эта партія посылаетъ въ Россію отчеты и доносы,—и что въ Богеміи есть явные или тайные русскіе агенты, что русскій министръ просвѣщенія получаетъ правильные отчеты о состояніи чешской латературы, это извѣстно (!). Но эту партію презираютъ и осуждаютъ сами чехи; Россіи нечего надѣяться въ Богеміи.» Подобныя вещи могли представиться только перепуганному воображенію; человѣкъ съ здравымъ смысломъ никогда бы не могъ нашихъ мирныхъ ученыхъ, бывавшихъ въ Прагѣ, принять за политическихъ агентовъ.

Мы нарочно приводимъ буквально нѣкоторыя мѣста сочиненія, потому что самый тонъ, то наглый и презрительный, то раздраженный, показываетъ, съ какими доброжелателями встрѣтилась молодая литература. Мы не винимъ нѣмцевъ за превознесеніе ихъ образованія, мы сами признаемъ его великія заслуги, но самое это образованіе должно было внушить имъ болѣе гуманные взгляды на чешскій вопросъ. Нерѣдко подъ перомъ писателей говорилъ просто страхъ передъ русской силой; нѣмцы не могли простить чехамъ, что въ русскомъ обществѣ явились теплыя симпатіи къ чешскому національному вопросу, и они вездѣ подозрѣвали заговоръ и козни.

Къ сожалѣнію, вопросъ явился на сцену, встрѣтился съ трудными испытаніями, раньше, чѣмъ успѣло созрѣть новое общество; литература, занятая еще элементарными вопросами, раздѣленная и во многомъ еще слабая, еще не имѣла возможности приготовить общества къ болѣе важнымъ задачамъ; общеславянскія симпатіи, правда, уже заявили себя, но еще не пріобрѣли практическаго значенія; интересы были разрознены. Поэтому панславизмъ и чешскія стремленія потерпѣли печальную неудачу, когда наступилъ сорокъ восьмой годъ.

А. Р.

Берлинъ.
$^{9}/_{21}$ февраля 1859 года.

БѢЛОЕ ПОКРЫВАЛО.

(Старинная баллада, изъ Морица Гартмана).

I.

Позорной казни обреченный,
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ: гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межь рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ, —
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ,
И къ петлѣ присужденъ врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна:
Больному сердцу въ ней отрада!
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться....
Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться.
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ.

По утру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: «прощай, родная!
Я у тебя дитя одно,
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою!
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать какъ листъ придется мнѣ».

Мать говорила, утѣшая:
«Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду, рыдая,
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ....
И поутру, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни, на балконѣ.
Коль въ черномъ платьѣ буду я,
Знай — неизбѣжна смерть твоя....
Не правда ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
Пойдешь на встрѣчу ты судьбѣ?...
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!»

И графу тихо, мирно спится,
И до утра онъ будетъ спать....
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится....

II.

Гудитъ набатъ; бѣжитъ народъ....
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настежь. Сколько глазъ
Его слезами провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь онъ глядитъ.
Тамъ на балконѣ мать стоитъ, —
Спокойна, въ покрывалѣ бѣломъ.

И заиграло сердце въ немъ!
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ.... съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на помостъ съ палачомъ....
И ясенъ къ петлѣ поднимался
И въ самой петлѣ — улыбался!

Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?...
О, ложь святая!... Такъ могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью!

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

> Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы....
>
> *Карамзинъ.*

Изъ предшествовавшей моей статьи (*), въ которой я изложилъ недостатки нашего судоустройства и производства дѣлъ безспорныхъ, читатель можетъ легко убѣдиться, что я поставилъ себѣ цѣлью—не систематически излагать наши охранительные уголовные и гражданскіе законы, въ видѣ учебника или свода, а разсмотрѣть тѣ начала, на которыхъ они основываются и тѣ послѣдствія, какія они влекутъ за собой; поэтому въ своихъ статьяхъ я старался избѣгать тѣхъ подробностей, которыя въ каждомъ отдѣлѣ нашего гражданскаго и уголовнаго права являются въ видѣ дополненія и разъясненія главной юридической идеи. Обсудивъ главную идею, я считаю излишнимъ говорить о видовыхъ понятіяхъ и постановленіяхъ, изъ нихъ вытекающихъ. Я не намѣренъ также излагать историческое развитіе закона или правила; какое намъ дѣло, что тогда-то *родовая месть* или *правежъ* были въ модѣ и не считались предосудительными?

(*) См. № I Современника 1859 г.

Моя цѣль изслѣдовать вопросъ: содѣйствуютъ ли формы и обряды нашего судопроизводства настоящимъ требованіямъ общества, удовлетворяютъ ли они его современнымъ нуждамъ и оправдываются ли философскими началами, выработанными въ теченіе вѣковъ человѣческимъ обществомъ? И если я коснусь историческаго происхожденія закона, то для того только, чтобы показать, что онъ порожденъ не настоящими требованіями народа, а условіями давно минувшими, давно отжитыми. Каждому ученому юристу извѣстно, что главныя основанія настоящаго нашего судопроизводства почерпнуты изъ Уложенія Алексѣя Михайловича, изъ узаконеній Петра I и Екатерины II, и что подробности и части, встрѣчающіяся въ немъ, суть только варіяціи на одну и туже тему. Происхожденіе же послѣднихъ изслѣдовано и давно извѣстно, и намъ остается только сказать, что многіе юридическіе документы и факты, сохранившіеся отъ тѣхъ историческихъ временъ, свидѣтельствуютъ намъ опредѣлительно и ясно, что эти узаконенія съ самаго выхода въ свѣтъ были несовершенны и не удовлетворяли потребностямъ общества. Изъ постоянныхъ жалобъ народа на подкупность судей, на неправосудіе и медленность дѣлопроизводства, правительство ясно видѣло, что чего-то недостаетъ нашему судопроизводству, и тогдашніе юристы находили единственнымъ средствомъ къ прекращенію существовавшаго зла—увеличить число инстанцій. Вмѣсто того, чтобы исправить зло, это еще болѣе его увеличивало: дѣла въ каждой высшей инстанціи начали подвергаться тѣмъ неудобствамъ, какимъ они подвергались въ низшей. Въ такомъ положеніи находится наше гражданское судопроизводство и въ настоящее время: вся гарантія правосудія заключается въ нѣсколькихъ судебныхъ инстанціяхъ, т. е. уѣздномъ судѣ, или магистратѣ, или ратушѣ, или надворномъ судѣ, палатѣ гражданскаго суда, палатѣ уголовнаго суда, департаментѣ правительствующаго сената и общихъ собраніяхъ сената; а тѣ дѣла, о которыхъ въ общемъ собраніи не устанавливается узаконенное большинство голосовъ, идутъ въ государственный совѣтъ. Но много уходитъ лѣтъ въ вѣчность и много воды утекаетъ въ моря, пока дѣло достигаетъ этой обѣтованной земли; да и по достиженіи этой апогеи, развѣ не случается, что дѣло, по неправильному его дѣлопроизводству, вновь обращается въ уѣздный судъ и вновь начинается?!. Эти факты заслуживаютъ того, чтобы указать ихъ причины; а это возможно только при полномъ разсмотрѣніи всего судопроизводства, начиная отъ возникновенія дѣла до окончанія процесса въ сенатѣ: въ этомъ и заключается наша задача.

ГЛАВА I.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ГРАЖДАНСКАГО КЪ УГОЛОВНОМУ.

А) «Если во время производства гражданскаго дѣла откроются обстоятельства, которыя по рѣшенію гражданскаго суда, не вошедшему еще въ законную силу, подлежатъ суду уголовному; то сей послѣдній можетъ быть начатъ не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи суда гражданскаго» (*).

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ опредѣляетъ сущность преступленія и проступковъ слѣдующимъ образомъ (**). «1) Всякое нарушеніе закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ власти верховной и установленныхъ ею властей, или же *на право* или безопасность обществъ или частныхъ лицъ, есть преступленіе. 2) Нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступкомъ. 3) За преступленія и проступки, по роду и мѣрѣ важности ихъ, виновные подвергаются наказаніямъ *уголовнымъ* или *исправительнымъ*. 4) Преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія уголовнаго или исправительнаго закономъ предписано».

Первое изъ этихъ правилъ — о томъ, что такое преступленіе, — слишкомъ обширно въ своемъ опредѣленіи: посягательство на право общества или частныхъ лицъ можетъ быть и не преступленіемъ уголовнымъ, такъ напримѣръ: человѣкъ не платящій своего долга, или самовольно завладѣвшій имуществомъ своего ближняго, или наносящій ему оскорбленіе, также посягаетъ на его право; а между тѣмъ это предметы гражданскаго суда. *Проступокъ* еще болѣе неясно опредѣляется вторымъ правиломъ: развѣ нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или личной безопасности не есть преступленіе? Такъ напримѣръ: развѣ нарушеніе карантинныхъ правилъ не есть тяжкое преступленіе, наказываемое даже болѣе тяжко, нежели убійство? а вѣдь нарушеніе карантиннаго устава есть ни больше, ни меньше, какъ нарушеніе правила. Изъ

(*) Ст. 2228 т. X.; ст: 899 и 959 т. XV; ст. 1459 т. XI, изд. 1842 г. Всѣ ссылки мои на Сводъ Законовъ, изд. 1842 г.

(**) См. ст. 1—4, Уложенія о наказаніяхъ.

этого открывается, что вообще дробленіе противозаконныхъ дѣйствій на преступленія и проступки затруднительно; притомъ, при сужденіи дѣла главное не въ названіи дѣйствія, а въ его сущности. Это же самое почти и говоритъ 3-е правило слѣдующими словами: за преступленія и проступки, *по роду и мѣрѣ важности ихъ*, виновные подвергаются наказаніямъ уголовнымъ или исправительнымъ. Слѣдовательно, и тому и другому свойственны уголовныя и исправительныя наказанія, смотря по мѣрѣ ихъ важности (*). Поэтому французское законодательство говоритъ совершенно справедливо: противозаконное дѣйствіе, наказываемое по закону полицейскими мѣрами, называется нарушеніемъ (contravention); противозаконное дѣйствіе, за которое слѣдуетъ исправительное наказаніе, называется проступкомъ (délit); противозаконное дѣяніе, за которое слѣдуетъ наказаніе тѣлесное или позорное, есть преступленіе (crime). Въ нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ при опредѣленіи дѣлъ, подлежащихъ порядкамъ апелляціонному и ревизіонному, говорится почти въ такомъ же смыслѣ, какъ во французскомъ законодательствѣ. Послѣ этого мы вправѣ не придерживаться дробленія уголовныхъ дѣйствій на преступленія и проступки, а можемъ называть ихъ просто преступленіями, такъ какъ наказаніе за нихъ соразмѣряется степенью ихъ важности. 4-мъ правиломъ, по которому преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣйствіе, такъ и неисполненіе того, что, подъ страхомъ наказанія уголовнаго или исправительнаго, закономъ предписано,—законъ выразилъ ту мысль, что можно совершить преступленіе не только дѣйствіемъ, но и бездѣйствіемъ,—такъ напримѣръ, если нѣсколько человѣкъ присутствуютъ при совершеніи кѣмъ нибудь преступленія и, имѣя всѣ средства къ отклоненію его, по равнодушію или по другимъ причинамъ, не примутъ къ тому никакихъ мѣръ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ опредѣленія уголовныхъ дѣйствій по нашимъ законамъ, мы видимъ, что одни слишкомъ обширны, другія темны; слѣдовательно, чтобы не впасть въ ошибки, скажемъ, что подъ уголовнымъ преступленіемъ подразумѣвается такое дѣйствіе, которое нарушаетъ внутреннюю или внѣшнюю безопасность общества и за которое положительнымъ законодательствомъ извѣстнаго государства положены наказанія, какъ то: смертная казнь, изгнаніе, ссылка, тюремное заключеніе, денежная пеня, лишеніе общихъ или частныхъ личныхъ правъ. Этимъ послѣднимъ опредѣленіемъ наши судебныя мѣста практически руководствуются для разграниченія не только уголовнаго дѣйствія отъ гражданскаго, но и

(*) *Code Pénal, art.* 1.

преступленія отъ проступка: то дѣйствіе, за которое слѣдуетъ тяжкое наказаніе, они называютъ уголовнымъ преступленіемъ; а дѣйствіе, за которое подсудимый подлежитъ штрафу или кратковременному аресту, называется проступкомъ. Это опредѣленіе вѣрнѣе. Но такое практическое пониманіе значенія уголовнаго дѣйствія слишкомъ недостаточно и требуетъ разъясненія законодательствомъ, для избѣжанія различныхъ толкованій; поэтому, подобно французскому законодательству, можно было бы уголовныя дѣйствія подвести подъ слѣдующія категоріи. 1) Нарушеніе закона, за которое слѣдуетъ штрафъ до 15 р. с. или арестъ отъ 4 до 7 дней, есть *противозаконіе*. 2) Нарушеніе закона, за которое слѣдуетъ наказаніе исправительное есть *проступокъ*. 3) Нарушеніе закона, за которое слѣдуетъ позорное наказаніе и лишеніе чести, есть *преступленіе*. Такое опредѣленіе уголовныхъ дѣйствій, какъ мы послѣ увидимъ, будетъ имѣть огромную практическую пользу: оно дастъ возможность законодательству съ точностью опредѣлить, какіе предметы должны будутъ идти въ трибуналы полицейскіе, исправительные и уголовные. Мы же будемъ придерживаться пока практическаго нашего опредѣленія преступленія и скажемъ, что существенное его отличіе отъ гражданскаго нарушенія права заключается въ томъ, что первое нарушаетъ внутреннее и внѣшнее общественное спокойствіе; второе же сохраняетъ характеръ частный и относится до частныхъ правъ гражданъ и общества, вытекающихъ изъ ихъ взаимныхъ отношеній между собою. По этому-то различію нарушеній и дѣленію ихъ на гражданскія и уголовныя у насъ судебная власть и раздѣляется на гражданскую и уголовную. Но, какъ мы видѣли выше изъ приведенной нами статьи закона, могутъ быть случаи, что гражданское дѣло придетъ въ соотношеніе съ дѣломъ уголовнымъ; тогда законъ повелѣваетъ приступать къ сужденію уголовной части дѣла не прежде, какъ по окончаніи суда гражданскаго. Мнѣ кажется, что такой ходъ не совершенно правиленъ, по слѣдующимъ причинамъ: а) по несовершенству нашихъ судебныхъ мѣстъ дѣла тянутся безконечно, и пока гражданскій процессъ кончится, судебная уголовная власть не можетъ пресѣчь зла; такъ напримѣръ, если судьи, положимъ первой инстанціи, по гражданскому дѣлу сдѣлаютъ подлогъ, то дѣло уголовное объ ихъ проступкѣ можетъ, по смыслу вышеприведеннаго закона, не иначе кончиться, какъ по окончаніи гражданскаго дѣла; а вѣдь на это нужны многіе годы; между тѣмъ эти неблагонадежные люди сидятъ на своихъ мѣстахъ и безаконничаютъ. б) Высшая инстанція или всякое судебное мѣсто, усмотрѣвъ въ гражданскомъ дѣлѣ уголовный проступокъ, можетъ отдѣлить, или въ подлинникѣ или въ копіи, тѣ документы, изъ которыхъ это открывается, и можетъ

передать ихъ уголовнымъ судамъ: въ этомъ послѣднемъ случаѣ зло будетъ преслѣдоваться и пресѣкаться по горячимъ слѣдамъ, и преступники получатъ своевременное возмездіе. Вообще, преступленіе должно преслѣдоваться какъ можно скорѣе; только при такихъ условіяхъ и возможно собрать всѣ достовѣрныя свѣдѣнія и улики; а то нашъ русскій человѣкъ, какъ незлопамятный, отвѣтитъ вамъ обычное: «за давностью времени не упомню»; иногда за этою же давностью и прахъ преступника исчезаетъ съ лица земли.

Б) Дѣла о фальшивости духовныхъ завѣщаній, когда подлогъ законнымъ образомъ будетъ *обнаруженъ* (?), производятся уголовнымъ порядкомъ (*). Кто же долженъ и можетъ это обнаруживать? Ни полиція, ни губернаторъ не вправѣ вмѣшиваться въ такія дѣла и производить по нимъ слѣдствіе, а споръ о духовныхъ завѣщаніяхъ, какъ дѣло тяжебное, должно начаться и производиться вотчиннымъ порядкомъ въ судѣ 1-й инстанціи (**); слѣдовательно она должна и обнаруживать фальшивость завѣщанія. Но кто можетъ поручиться, что судъ будетъ имѣть желаніе это сдѣлать? тогда куда вы обратитесь съ жалобою?... Вы отправитесь въ уголовную палату, но она можетъ отвѣчать вамъ, что она въ вотчинное дѣло не вмѣшивается, что она принимаетъ къ разсмотрѣнію только тѣ дѣла о завѣщаніяхъ, гдѣ подлогъ законнымъ порядкомъ обнаруженъ. Вы отправляетесь въ гражданскую палату; она отвѣчаетъ вамъ, что уголовныя дѣла не подлежатъ ни ея сужденію, ни производству. Впрочемъ *при извѣстныхъ условіяхъ* такія дѣла, не стѣсняясь, рѣшаютъ и обѣ палаты, по вашему выбору, гдѣ удобнѣе и гдѣ судьи сговорчивѣе. Не лучше ли бы было дѣла о подлогѣ завѣщаній производить прямо порядкомъ уголовнымъ? а то многіе подводятъ ихъ подъ статью дѣлъ гражданскихъ, соединенныхъ съ уголовнымъ преступленіемъ.

В) «Если приведенный съ поличнымъ не сознается въ похищеніи, но будетъ называть его своимъ, то надлежитъ потребовать отъ истца доказательства, что поличное дѣйствительно принадлежитъ ему и что о покражѣ его въ свое время было объявлено; для представленія сихъ доказательствъ надлежитъ назначить ему срокъ недалѣе 2-хъ недѣль. Буде же истецъ не представитъ этихъ доказательствъ, то приводнаго освобождать, предоставя истцу отыскивать вещи свои порядкомъ гражданскаго суда (***)».

(*) Т. X., изд. 1842. ст. 2,029 и 2,124.

(**) На практикѣ мнѣ случалось читать нѣсколько сенатскихъ указовъ по этому предмету.

(***) Т. XV, ст. 961.

Этотъ назначенный для доказательства воровства, двухъ-недѣльный срокъ, по пропущеніи котораго дѣло обращается изъ уголовнаго въ гражданское, мнѣ кажется вреденъ: онъ можетъ вора и мошенника освободить отъ справедливаго наказанія; потому что въ большей части случаевъ онъ можетъ быть пропущенъ: 1) не всегда обворованный можетъ въ трехъ-дневный срокъ подать въ полицію объявленіе о пропавшихъ его вещахъ; 2) не всегда онъ обворовывается на мѣстѣ своего жительства, гдѣ подъ рукою находятся его доказательства. Какъ, напримѣръ, житель Одессы, или Кавказа или Сибири, обворованный въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ онъ человѣкъ чужой, можетъ въ двѣ недѣли представить доказательства? Значитъ московскіе и петербургскіе мошенники могутъ обворовывать совершенно спокойно пріѣзжихъ, въ полной увѣренности, что дѣло объ этомъ пойдетъ гражданскимъ порядкомъ? Не лучше ли было во избѣжаніе этого зла дозволить обворованнымъ лицамъ, въ теченіе общей земской давности, отыскивать и доказывать права свои уголовнымъ порядкомъ, а вора не освобождать по голословному его показанію, что поличное — его собственность, но потребовать отъ него законныхъ на то доказательствъ, и лишь по разсмотрѣніи ихъ судебнымъ мѣстомъ и по рѣшеніи дѣла, если его показаніе окажется справедливымъ,—давать ему свободу?

ГЛАВА II.

РАЗДѢЛЕНІЕ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Нашъ извѣстный юристъ, г. Дегай, въ своемъ сочиненіи «Учебная книга россійскаго гражданскаго судопроизводства (*)», говоритъ: «всѣ различныя средства, установленныя правительствомъ къ разбирательству тяжебъ судебнымъ порядкомъ, раздѣлены быть могутъ на два главные рода: судопроизводство примирительное и понудительное, независящее отъ примирительнаго соглашенія. Послѣднее имѣетъ двѣ главныя отрасли: дѣла исковыя и дѣла вотчинныя».

Это опредѣленіе только вполовину справедливо: дѣйствительно, наше судопроизводство раздѣляется на примирительное и понудительное; только первое не всегда зависитъ отъ воли тяжущихся, а второе часто прекращается отъ примирительнаго ихъ соглашенія,— такъ дѣла компаній, акціонерствъ и товариществъ, безъ воли ихъ

(*) См. ст. 1, § 30.

членовъ, подлежатъ третейскому суду по закону; а такъ называемое г. Дегаемъ понудительное судопроизводство—по желанію тяжущихся можетъ обратиться въ медіаторскій судъ.

Далѣе г. Дегай продолжаетъ: «дѣла вотчинныя, по порядку перехода ихъ изъ одной инстанціи въ другую, раздѣляются на апелляціонныя и слѣдственныя. По мѣрамъ, принимаемымъ къ охраненію нѣкоторыхъ особыхъ вѣдомствъ, дѣла обыкновеннаго теченія отличаются отъ дѣлъ, производимыхъ на правахъ казны. По особому порядку доказанія права на предметъ иска отличается *форма суда* отъ прочихъ видовъ судопроизводства. Дѣлопроизводства, предшествующія окончательному рѣшенію тяжбы или за онымъ послѣдующія, по приведенію въ дѣйствіе такого рѣшенія или по другимъ обстоятельствамъ называются дѣлами частными».

Апелляціонными и слѣдственными бываютъ не только дѣла вотчинныя, но и исковыя; господинъ же Дегай относитъ ихъ только къ вотчиннымъ, такъ какъ въ § 38 своего сочиненія онъ, говоря объ исковомъ судопроизводствѣ, не упоминаетъ о томъ, что многіе иски слѣдуютъ порядку апелляціонному, а нѣкоторые изъ нихъ слѣдственному (*). Опредѣленіе значенія слѣдственнаго порядка въ учебникѣ правильно; но для меня непонятны слова «порядокъ доказанія права», чѣмъ, по словамъ г. Дегая, отличается *форма суда* отъ прочихъ видовъ судопроизводства. Впрочемъ въ § 39 г. Дегай разъясняетъ это слѣдующими словами: «Форма суда отличается особыми обрядами, по коимъ она получила свое названіе». Ну, это другое дѣло: обрядъ не есть порядокъ доказанія; подъ послѣднимъ мы подразумѣваемъ судебныя доказательства: письменные документы, свидѣтельскія показанія, собственное признаніе, присягу, повальный обыскъ. На этомъ основаніи мы уже предполагали, — судъ по формѣ не отличается ли отъ простаго тяжебнаго порядка, напримѣръ, какъ иски о недвижимости отъ исковъ о движимости: въ первыхъ показаніе свидѣтелей и присяга за доказательства не принимаются, а во вторыхъ они допускаются.

Еще несогласенъ я съ опредѣленіемъ въ «Учебникѣ» *частнаго* судейскаго дѣлопроизводства; оно слишкомъ тѣсно и не вполнѣ удовлетворительно: по его опредѣленію, частныя дѣлопроизводства могутъ возникнуть только изъ тяжебнаго дѣла во время его теченія и по его окончаніи, когда судебныя рѣшенія неправильно исполняются. Дѣйствительно, ст. 2,489, т. X, изд. 1842 г., точно также опредѣляетъ частный порядокъ слѣдующими словами: «жалобы частныя

(*) Г. Дегай основывается на ст. 2,177, т. X; но въ книгѣ VI, раз. I, апелляція относится какъ къ вотчинному, такъ и къ исковому судопроизводству.

приносятся на медленное производство дѣла, на нарушеніе порядка судопроизводства, на опредѣленія объ удовлетвореніи за тяжебныя издержки и вообще на всѣ опредѣленія, коими рѣшится не самое существо дѣла, но какое либо обстоятельство онаго». Но далѣе въ примѣчаніи въ ст. 2,496 того же тома говорится, что «сроки на подачу частныхъ жалобъ относятся единственно къ частнымъ жалобамъ, приносимымъ по дѣламъ тяжебнымъ и исковымъ, и не простираются ни на частныя жалобы, приносимыя *по дѣламъ судебнаго управленія*, каковы суть акты въ судебныхъ мѣстахъ, какъ крѣпостнымъ, такъ и явочнымъ порядкомъ совершаемые,—ни на жалобы, приносимыя на дѣйствія мѣстъ губернскаго и уѣзднаго управленія и полиціи».

Но и здѣсь не всѣ дѣла частныя вычислены; сюда должно отнести: дѣла гражданскихъ палатъ и сената, возникающія по жалобамъ на опеки и попечительства; дѣла объ утвержденіи судебными мѣстами правъ наслѣдства *по закону*; дѣла о подсудности; дѣла, передаваемыя разными административными присутственными мѣстами на законное постановленіе судебныхъ мѣстъ; дѣла о признаніи кого либо несостоятельнымъ; о публичныхъ продажахъ коммерческимъ судомъ недвижимаго имущества.

Все это повидимому мелочи, но на практикѣ послѣдствія отъ этой неопредѣленности огромныя: въ судебныхъ мѣстахъ господствуетъ по этому предмету совершенный произволъ, несмотря на постоянное направленіе правительствующимъ сенатомъ подчиненныхъ ему мѣстъ къ единству дѣйствія. Это-то самое и вынудило меня, кромѣ Свода Законовъ, принять во вниманіе и мнѣніе г. Дегая по гражданскому судопроизводству: въ его учебникѣ выражается практическій взглядъ нашихъ юристовъ на судопроизводство, и эта книга служитъ единственнымъ печатнымъ руководствомъ для нашихъ правовѣдовъ.

Такимъ образомъ мы признаемъ, согласно съ Сводомъ Законовъ, слѣдующіе роды судопроизводства: вотчинное и исковое, судъ по формѣ и частное; первое и второе можетъ быть апелляціоннымъ и слѣдственнымъ. Существенная разница этихъ двухъ послѣднихъ заключается въ томъ, что первые суть тяжбы частныхъ лицъ между собою и могутъ быть прекращены ими во всякое время или окончиться вступившимъ въ законную силу рѣшеніемъ даже 1-й инстанціи, и не переходятъ въ высшую степень суда иначе, какъ по апелляціонной жалобѣ; дѣла же слѣдственныя въ порядкѣ перехода въ высшую степень суда не подлежатъ произволу сторонъ, и нѣкоторыя изъ нихъ окончательно рѣшаются въ правительствующемъ сенатѣ, другія не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія.

Такое развѣтвленіе судопроизводства вмѣсто пользы можетъ приносить вредъ правосудію.

1) Чѣмъ проще законодательство о судопроизводствѣ, тѣмъ доступнѣе оно для изученія и руководства, тѣмъ легче вести процессы и тѣмъ проще производство дѣлъ въ судахъ. Если же, по различію предметовъ или тяжущихся сторонъ, существуютъ въ законодательствѣ различныя формы и обряды, то это производитъ замѣшательство въ дѣлахъ: не рѣдко суды, для своихъ частныхъ цѣлей, или по незнанію законовъ, употребляютъ законы одного рода судопроизводства по предметамъ, подлежащимъ вовсе другому роду. Такъ напримѣръ, въ судѣ по формѣ требуются отъ суда доказательства въ искѣ только при судоговоренін (*); между тѣмъ суды часто требуютъ отъ истцовъ представленія ими доказательствъ при подачѣ прошеній, т. е. законы объ обыкновенномъ искѣ они примѣняютъ къ *суду по формѣ*.

2) Раздѣленіе судопроизводства на вотчинное и исковое имѣетъ только историческое значеніе: вотчинныя дѣла подлежали у насъ въ старину разбирательству собственно судебныхъ мѣстъ, а исковыя принадлежали разбирательству административной власти; отъ этого произошло различіе въ этихъ двухъ родахъ судопроизводствъ. Но въ настоящее время, когда всѣ дѣла спорныя подлежатъ вѣдомству судовъ, это различіе, не имѣя твердыхъ, теоретическихъ илипрактическихъ основаній, можетъ быть уничтожено.

3) Вникая въ сущность постановленій о вотчинномъ и исковомъ судопроизводствѣ, мы не находимъ въ нихъ внутренняго отличія, которое бы проистекало изъ сущности предметовъ, ими обнимаемыхъ.

а) *Къ вотчинному* судопроизводству принадлежатъ дѣла тяжебныя о недвижимости, движимости и крѣпостныхъ людяхъ.

б) *Къ исковому* относятся споры по неисполненнымъ договорамъ и обязательствамъ, за нарушеніе правъ обидами, ущербами, убытками и о самоуправномъ завладѣніи.

Изъ этого опредѣленія видно, что и исковое судопроизводство обнимаетъ предметы движимые и недвижимые: самовольное завладѣніе можетъ состоять въ присвоеніи вещи движимой и недвижимой. Значитъ тутъ нѣтъ разницы въ предметахъ: оба рода судопроизводства обнимаютъ одни и тѣ же предметы и вся разница ихъ заключается въ одномъ лишь *поводѣ* тяжбы: вотчинное дѣло производится тогда, когда споръ возникаетъ отъ правъ на-

(*) Это объяснено въ указѣ общаго собранія 1-хъ трехъ департаментовъ правительствующаго сената, отъ 1-го февраля 1846 года, за № 692, по дѣлу купцовъ Розенберга и Шлюхина.

слѣдства по закону или завѣщанію; а исковое—съ повода самовольнаго завладѣнія. Мнѣ кажется, что одинъ только поводъ, одна только причина дѣйствія не можетъ быть принята основаніемъ развѣтвленія судопроизводства: какъ будто предъ лицомъ закона не все равно, по какимъ побужденіямъ оспоривается предметъ; здѣсь дѣло въ сущности факта, а не во внѣшней причинѣ его.

Такимъ образомъ вотчинное и исковое судопроизводство, не отличаясь рѣзко предметами, имѣютъ въ своемъ теченіи только слѣдующія отличія.

а) Въ одной отрасли вотчинныхъ дѣлъ, а именно о движимости, свидѣтельство и присяга, какъ доказательства, не принимаются; но это постановленіе, мнѣ кажется, не совершенно правильно:

1) Выше я показалъ, что споръ о недвижимости бываетъ на столько же вотчиннымъ, какъ исковымъ дѣломъ; поэтому невольно раждается вопросъ: слѣдуетъ ли по исковымъ дѣламъ о самовольномъ завладѣніи недвижимости принимать показаніе свидѣтелей и присягу, какъ доказательства? Если, на основаніи приведеннаго мною закона, отвѣчать отрицательно, то какъ вы, на основаніи 10-тилѣтней давности владѣнія недвижимостью, докажете права свои на это пріобрѣтеніе, если у васъ на это нѣтъ письменныхъ доказательствъ?..

2) Почему для недвижимости такое исключеніе въ судебныхъ доказательствахъ?.. На это вѣроятно отвѣтятъ, что постановленія о куплѣ, продажѣ и вообще о пріобрѣтеніи недвижимости, такъ опредѣлены нашимъ законодательствомъ, что они по своей сущности и условіямъ исключаютъ свидѣтельство и присягу, какъ юридическій аргументъ. Дѣйствительно, это такъ относительно пріобрѣтенія недвижимости куплею или наслѣдствомъ по закону или завѣщанію; но какъ вы осуществите законъ о давности владѣнія, безъ общихъ судебныхъ доказательствъ? Притомъ въ нихъ нуждаются и общіе способы пріобрѣтенія недвижимости; приведу два примѣра: положимъ, что я купилъ по купчей крѣпости, совершенной въ керченскомъ коммерческомъ судѣ, въ г. Керчи домъ; во время нашествія непріятеля, истребленъ архивъ этого суда и купчая моя крѣпость; значитъ всѣ слѣды моихъ документовъ исчезли и если бывшій хозяинъ этого дома сохранилъ какія нибудь бумаги о принадлежности ему этого дома, то онъ можетъ завладѣть имъ, и по силѣ вышеприведеннаго закона я могу лишиться собственности. Можетъ быть и такой случай: я имѣю пріятеля, который словесно разрѣшаетъ мнѣ сдѣлать постройки на его землѣ; дружескія мои отношенія съ нимъ побуждаютъ меня вѣрить его слову, что строенія и земля подъ нею—моя собственность, и я убѣжденъ, что онъ въ завѣ-

щаніи своемъ, на случай его смерти, приведетъ это въ исполненіе. Но къ моему несчастію, мой пріятель скоропостижно умираетъ, не оставивъ завѣщанія, а наслѣдники его и знать не хотятъ объ обѣщаніи ихъ родственника; здѣсь я бы могъ на основаніи показаній свидѣтелей сдѣлать что нибудь въ свою пользу: они или показали бы, что давность владѣнія узаконяетъ за мною право собственности на постройку и принадлежащую къ ней землю, или же они могли быть очевидцами даннаго мнѣ обѣщанія и разрѣшенія покойникомъ; но вышеприведенный мною законъ лишаетъ меня судебной защиты.

б) По вотчиннымъ дѣламъ тяжущіеся вызываются къ рукоприкладству на докладной запискѣ суда, а въ нѣкоторыхъ исковыхъ они не вызываются (*); впрочемъ при исковомъ судѣ, если тяжущіеся домогаются этого права, то и имъ разрѣшается совершить этотъ обрядъ... Я называю рукоприкладства обрядомъ, потому что во-первыхъ, судьи въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ читаютъ; во-вторыхъ, указанія рукоприкладства были бы тогда дѣйствительны, если бы дѣла всегда рѣшались справедливо и добросовѣстно; но какъ этого нѣтъ, то рукоприкладство во всѣхъ трехъ инстанціяхъ задерживаетъ только дѣло на $1^1/_2$ года по крайней мѣрѣ; слѣдовательно съ уничтоженіемъ этого обряда будетъ еще меньше различія между обоими родами судопроизводства.

б) Штрафа по исковымъ дѣламъ полагается процентъ съ рубля, а по дѣламъ о недвижимости, если она состоитъ изъ опредѣленнаго количества земли, — по извѣстному количеству денегъ съ каждой десятины; если же пространство земли неопредѣлено или недвижимость заключается въ строеніяхъ, то за каждую пустошь платится, смотря по инстанціямъ, 3, 6 и 12 рублей. Здѣсь мнѣ кажется совершенно излишнимъ при опредѣленности количества земли взыскивать штрафъ не съ цѣнности ея, а съ количества десятинъ: въ этомъ случаѣ происходитъ несоразмѣрность штрафовъ въ ущербъ не только казнѣ, но и судьямъ. Положимъ, что я оспариваю у кого нибудь 1,000 десятинъ земли; стоимость ея, если считать по 20 р. сер. десятину, составляетъ 20,000 руб.; если присудятъ меня къ уплатѣ 20%, то составится 4,000 руб., между тѣмъ какъ 20 коп. съ десятины составляетъ всего 200 р. сер. Но въ другихъ процессныхъ дѣлахъ полагается штрафъ въ видѣ процентовъ съ искового рубля. Почему такое преимущество давать земляхъ? Развѣ онѣ лучше или хуже другаго имущества? Мнѣ кажется, что имущества, если они одной цѣнности, всѣ одинаковы и равны; да и самая цѣн-

(*) По дѣламъ вексельнымъ и заемныхъ писемъ; но прочимъ исковымъ дѣламъ тяжущіеся вызываются къ рукоприкладству.

вость вещи не опредѣляется ли денежнымъ курсомъ, то есть, цѣнностью движимой вещи — монеты?

г) Послѣднее отличіе вотчинныхъ дѣлъ отъ исковыхъ заключается еще въ образѣ приведенія въ исполненіе рѣшеній: по исковымъ дѣламъ о векселяхъ и частныхъ письмахъ, если уплата по нимъ не доказана, то рѣшеніе приводится въ исполненіе первою же степенью суда; въ дѣлахъ же вотчинныхъ о недвижимости, если отвѣтчикъ формально уже введенъ во владѣніе этимъ имѣніемъ, то онъ остается фактическимъ его владѣльцемъ впредь до окончанія дѣла (*).

Такія незначительныя различія судопроизводства вотчиннаго и исковаго,—въ остальныхъ обрядахъ и формахъ совершенно согласныхъ между собою, — не даютъ повода къ ихъ разграниченію, которое влечетъ за собою увеличеніе объема свода гражданскаго судопроизводства и запутанность при руководствѣ имъ въ судахъ. Что же касается до дѣленія вотчинныхъ и исковыхъ дѣлъ на апелляціонныя и слѣдственныя, то это дѣленіе я допускаю только въ томъ смыслѣ, что интересы цѣлой націи требуютъ того, чтобы дѣла объ имуществахъ казны и разныхъ общественныхъ учрежденій, не подвергаясь окончательному рѣшенію инстанцій, восходили бы на окончательное заключеніе или правительствующаго сената или Государя Императора. Въ порядкѣ же защиты подобныхъ дѣлъ въ судахъ нельзя не найти капитальныхъ недостатковъ. Основная идея нашего законодательства, установившаго слѣдственный ходъ, заключается въ томъ, что тѣмъ больше обезпеченія будетъ имѣть казна и дѣла, защищаемыя ею на правѣ казенномъ, чѣмъ больше они будутъ имѣть надзирателей и судебныхъ инстанцій.—Это мнѣніе, мнѣ кажется, несовершенно правильно: большое число надзирателей и инстанцій запутываютъ дѣло, доводятъ его до громаднѣйшихъ размѣровъ, обременяютъ судебныя и административныя мѣста излишнею перепискою, сбиваютъ судей съ толку и съ истиннаго пути. Посмотримъ наглядно на ходъ подобныхъ дѣлъ; возьмемъ напримѣръ такую тяжбу, которая восходитъ на Высочайшее утвержденіе. Въ первой инстанціи за этимъ дѣломъ хлопочутъ и уѣздный стряпчій, и окружной начальникъ палаты государственныхъ имуществъ. Здѣсь, принявъ почтенный объемъ, дѣло рѣшается и препровождается на ревизію въ палату гражданскаго суда, которая собираетъ разныя справки, получаетъ разныя наставленья и направленія, то отъ палаты государственныхъ имуществъ, то отъ

(*) Ниже я подробно буду говорить объ этомъ предметѣ и покажу всѣ его исключенія.

ея стряпчаго, то отъ губернскаго прокурора, иногда, а если и казенная палата можетъ въ это дѣло вмѣшаться, то и отъ нея, и отъ стряпчаго казенныхъ дѣлъ. Наконецъ, благодаря такимъ усиліямъ, дѣло возрасло до такого объема, что оно составляетъ цѣлые тюки; тутъ гражданская палата рѣшаетъ его и отправляетъ сначала въ палату государственныхъ имуществъ,—иногда и въ казенную палату,—на ихъ заключеніе. Когда дѣло такимъ образомъ обогатится еще нѣсколькими стопами бумаги, тогда оно идетъ на заключеніе къ губернатору. Само собою разумѣется, что послѣднему, по обширности дѣла, трудно его понять, и бываютъ такіе случаи, что онъ даже не знаетъ, о чемъ рѣчь идетъ: ищутъ ли чего нибудь съ казны или она отыскиваетъ какія нибудь потерянныя права; вслѣдствіе этого, выбравъ наудачу въ дѣлѣ какое нибудь обстоятельство, онъ разбираетъ его въ своемъ заключеніи, чтобы казна знала, что «мы кое-что да понимаемъ». Въ такомъ великолѣпномъ видѣ поступаетъ процессъ въ сенатъ, откуда онъ идетъ предварительно на заключеніе министерства государственныхъ имуществъ, а иногда и къ министру финансовъ; само собою разумѣется, что они также высказываютъ о тяжбѣ свое мнѣніе, отчего еще болѣе возрастаетъ дѣло, и докладная записка сенату по этому процессу иногда пишется цѣлые мѣсяцы и потомъ иногда печатается. Въ отпечатанномъ видѣ, прослѣдивъ со вниманіемъ дѣло, правительствующій сенатъ зачастую находитъ, что все оно не стоитъ той бумаги, которая исписана по нему; но будучи невправѣ рѣшить его окончательно, онъ съ своимъ заключеніемъ представляетъ дѣло чрезъ г. министра юстиціи на окончательное рѣшеніе Государя Императора. Но что замѣчательнѣе всего въ слѣдственномъ судопроизводствѣ, такъ это то, что окружной начальникъ палаты государственныхъ имуществъ и ея стряпчій обязаны по дѣламъ, ими защищаемымъ, совершать обрядъ апелляціонный—первый въ 1-й инстанціи, стряпчій—во второй; и къ чему эти обряды, когда дѣло безусловно должно идти на ревизію въ высшую инстанцію? Апелляціонный обрядъ въ подобныхъ случаяхъ есть чисто формальность.

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ о *судѣ по формѣ*. Какъ-то неловко приклеился этотъ ветеранъ къ нашему судопроизводству; чувствуя свою немощь, этотъ старецъ пріютился за всѣми родами и видами судопроизводствъ; онъ и правъ въ своемъ смиреніи, потому что его значеніе самое темное, самое неопредѣленное въ законодательствѣ: дѣйствіе его открывается какъ-то случайно, безъ законнаго основанія. Законодательство такъ опредѣляетъ его существованіе. Тяжбы судомъ по формѣ производятся:

1) въ случаѣ подачи истцомъ исковаго о томъ прошенія;

2) по предоставленію тяжущемуся этого права опредѣленіемъ судебнаго мѣста или Высочайшимъ повелѣніемъ.

Но почему, зачѣмъ и по какимъ предметамъ можетъ истецъ начать дѣло *формою суда*, этого законодательство въ точности не разъясняетъ; просто забредетъ кому блажь въ голову и будетъ судиться судомъ по формѣ... (*). Слѣдовательно, какъ явленіе случайное, судъ по формѣ охотно уступитъ свое мѣсто открытому словесному судопроизводству, по крайней мѣрѣ онъ успокоится и утѣшится тѣмъ, что онъ — слабый намекъ на словесную расправу, эту усовершенствованную форму европейскихъ законодательствъ. Если бы законодательство вмѣсто развитія судопроизводствъ вотчиннаго и искового, съ ихъ подраздѣленіями и порядками апелляціоннымъ и слѣдственнымъ, развило бы судъ по формѣ, мы, быть можетъ давно ужъ имѣли бы въ нашемъ отечествѣ словесное судопроизводство. И какъ просто будетъ наше судопроизводство и какъ малъ будетъ его кодексъ, когда установится одна общая форма для всѣхъ предметовъ и лицъ, когда судебныя доказательства будутъ общи, когда сроки будутъ однообразны, — и сколько кляузныхъ дѣлъ, неправильныхъ исковъ сами по себѣ уничтожатся, и какъ сократится тогда переписка не только судебныхъ, но и административныхъ присутственныхъ мѣстъ!

ГЛАВА III.

О ЗЕМСКОЙ ДАВНОСТИ.

Разсматривая абсолютно данное право или нарушеніе его, мы убѣждаемся, что право съ того момента, какъ оно усвоивается человѣку или обществу, такъ сливается съ нимъ, что нарушеніе его во всѣ времена сохраняетъ свой нравственный, анти-юридическій характеръ. Въ абсолютномъ понятіи права никому нѣтъ дѣла, пользуется ли или осуществляетъ ли данное лицо (физическое или юридическое) свое право; также—за нарушеніе даннаго права должно непремѣнно возпослѣдовать справедливое возмездіе его нарушителю, не обращая вниманія на время, протекшее со дня преступленія до его открытія. Но это абсолютное понятіе о правѣ и его нарушеніи на практикѣ не можетъ быть примѣнено безъ явнаго вреда общественному спокойствію и порядку. Если я имѣю данное право и не пользуюсь имъ въ теченіе долгаго времени, то не вправѣ ли законъ

(*) Въ законѣ эта форма предписывается судамъ при спорахъ по закладнымъ и по крѣпостнымъ частнымъ письмамъ; но объ этомъ я буду говорить ниже.

предположить, что я добровольно отказался отъ него, тѣмъ болѣе, что это предположеніе тѣсно связано съ общественнымъ спокойствіемъ? Равно — если какое нибудь преступленіе остается безгласнымъ и неизвѣстнымъ въ теченіе долгаго времени и преступникъ послѣдующую свою дѣятельность посвящаетъ благу и пользѣ общества, то не вправѣ ли законъ считать, что такой преступникъ искупилъ своимъ раскаяніемъ и добродѣтельною жизнію лежавшее на немъ пятно преступленія? Такое понятіе о преступленіи и наказаніи, хотя не принадлежитъ къ абсолютнымъ теоріямъ о справедливомъ возмездіи, но зато его характеръ чисто гуманный и основанъ на любви къ ближнему.

Такимъ образомъ, если цѣль законодательства—исправленіе преступника и пресѣченіе зла, могущаго произойти отъ его преступной воли, то само собою разумѣется, что по такому характеру своему, законодательство должно допускать и распространеніе земской давности на уголовныя дѣла, потому что въ этомъ случаѣ исправительныя мѣры оказываются излишними. По этимъ причинамъ гражданскія и уголовныя законодательства европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и наше, допускаютъ земскую давность, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ: въ первыхъ они оправдываются тѣмъ, что право получаетъ чрезъ нее надлежащую крѣпость и силу; во второмъ случаѣ она замѣняетъ исправительныя мѣры закона.

Наши законы опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ земскую гражданскую давность (*): «Срокъ законный, опредѣленный для начатія тяжбы и иска о недвижимомъ и движимомъ имѣніи, какъ между частными людьми, такъ и между ними и казною, есть десятилѣтній. Истеченіе сего срока именуется *земскою давностью*. Кто не учинилъ или не учинитъ иска о недвижимомъ или движимомъ имѣніи въ теченіе 10 лѣтъ, или, предъявя оный, 10 лѣтъ не будетъ имѣть хожденія, таковой искъ уничтожается, дѣло предается забвенію. Одно лишь оглашеніе предмета безъ предъявленія самаго иска въ надлежащемъ, закономъ установленномъ порядкѣ не прерываетъ земской давности» (**).

Какъ я выше сказалъ, законъ совершенно справедливо уничтожаетъ право на искъ, если въ теченіе десяти лѣтъ онъ не начатъ; но лишать кого нибудь этого права за *нехожденіе* по этому иску неопре-

(*) Ст. 2232, т. X. изд. 1842 г.

(**) Въ законѣ этомъ не выговорено, относится ли давность къ дѣламъ объ обидахъ и ущербахъ; но ст. 590, т. X. разъясняетъ, что и на нихъ 10-лѣтняя давность простирается.

дѣленно и совершенно несправедливо: 1) слово хожденіе неопредѣленно: мы можемъ подъ нимъ подразумѣвать и словесное и письменное ходатайство; 2) судъ не долженъ задерживать у себя дѣла въ теченіе 10 лѣтъ безъ всякаго движенія: правосудіе должно быть само по себѣ дѣятельно и должно обнаруживать жизнь безъ всякаго понужденія: гражданинъ, передавая свое дѣло судебной власти, имѣетъ полное право желать и требовать, чтобы она не бездѣйствовала. Въ законѣ же дѣйствія 10-лѣтней давности на дѣла, которымъ не дано въ судебныхъ мѣстахъ надлежащаго хода, для этихъ послѣднихъ существуетъ страшный соблазнъ: многіе суды употребляютъ его какъ орудіе своихъ корыстныхъ цѣлей, медлятъ производствомъ дѣла и по истеченіи 10 лѣтъ предаютъ его забвенію. Безконечное число причинъ способствуютъ имъ къ осуществленію этой цѣли; но важнѣйшія изъ нихъ — отсутствіе истца или его несостоятельность. Положимъ, у меня есть дѣло въ Вятской губерніи, а я проживаю въ Одессѣ; какой нибудь изъ тамошнихъ судовъ медлитъ производствомъ моего дѣла, я жалуюсь на это всѣмъ возможнымъ властямъ и оканчивается обыкновенно только взысканіемъ съ меня за негербовую бумагу, потому что виновный въ проволочкѣ моего дѣла, уѣздный судъ, и не читаетъ даже предписаній и указовъ, получаемыхъ имъ объ ускореніи моего дѣла. Я же съ своей стороны, видя неуспѣшность дѣйствій моихъ жалобъ, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ только опустошеніе моего кошелька, умолкаю; этого только и ожидалъ уѣздный судъ: какъ я умолкъ — дѣло и предано забвенію; 10-лѣтняя давность принимаетъ его въ свои могучія объятія и передаетъ его архиваріусу, для продовольствія крысъ или для назиданія торговца бакалеи, къ которому по большей части и поступаютъ архивныя дѣла въ уѣздныхъ городкахъ. Нѣтъ, бездѣйствіе власти (*) судебной или административной, убивающее и сокрушающее терпѣніе истца, не можетъ быть основаніемъ уничтоженія его правъ; за то, что мнѣ не оказывалось правосудіе, за то, что я разоренъ процессомъ и впалъ въ апатію, потерялъ вѣру во все святое и въ особенности въ правосудіе, за эти пытки нравственныя и физическія,—неужели я долженъ быть лишенъ своего права на вознагражденіе? И если законодательство находитъ эту мѣру необходимою для общественнаго спокойствія, то по крайней мѣрѣ, снимая за давностью времени отвѣтственность съ отвѣтчика, оно должно бы было обратить всѣ послѣдствія иска на судей и администраторовъ, допустившихъ бездѣйствіе власти судебной или административной. Тоже самое должно сказать и относительно неисполне-

(*) Т. X. прод. 6, статья 2239.

нія въ теченіе 10 лѣтъ рѣшеній судебныхъ: снимая отвѣтственность въ этомъ случаѣ съ отвѣтчика, вся отвѣтственность должна пасть на тѣ лица, которыя медлили его исполненіемъ; наши же законы, лишая въ подобномъ случаѣ истца удовлетворенія, подвергаютъ только наказанію секретарей и членовъ судебныхъ мѣстъ; (1) но что мнѣ въ этомъ наказаніи, когда я остался безъ куска хлѣба?...

Кромѣ общей земской давности, законодательства, въ томъ числѣ и наше, установляютъ извѣстные сроки для совершенія нѣкоторыхъ юридическихъ обрядовъ и формъ и разныхъ другихъ дѣйствій тяжущихся строго при судопроизводствѣ; цѣль учрежденія этихъ сроковъ оправдывается тѣмъ, что каждый пропускъ въ своемъ теченіи долженъ имѣть въ извѣстное время свой исходъ, въ противномъ случаѣ тяжбы тянулись бы безконечно, завися въ своемъ ходѣ частью отъ произвола тяжущихся сторонъ, частью отъ усмотрѣнія суда. Но сроки, установляемые въ подобномъ случаѣ, тогда лишь полезны, когда они не слишкомъ кратки и не слишкомъ длинны, въ противномъ же случаѣ они могутъ служить орудіемъ злоупотребленій и мѣшаютъ дѣйствію и отправленію правосудія. Съ этой точки зрѣнія разсмотримъ узаконенія наши относительно различныхъ сроковъ для начатія тяжебъ; о срокахъ же апелляціонныхъ и частныхъ поговорю въ другомъ мѣстѣ.

1) *Семидневный* — для жалобы коммерческимъ судамъ на постановленіе конкурсовъ (2) и на рѣшеніе словесныхъ торговыхъ судовъ магистрату или ратушѣ. (3)

2) *Двухъ-недѣльный* — на подачу жалобы на рѣшенія ремесленной управы. (4)

3) *Четырехъ-недѣльный* — по дѣламъ, начавшимся въ полиціи и непредоставленнымъ окончательному ея разрѣшенію, по взысканію по договорамъ и обязательствамъ, по пресѣченію обидъ, возвращенію насильно отнятаго и вознагражденію убытковъ. (5)

4) *Мѣсячный* — на требованіе прикащиками и сидѣльцами заслуженныхъ денегъ, если они не были въ отлучкѣ. (6)

5) *Двухъ-мѣсячный* — по дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ на жалобу противъ рѣшенія управляющаго конторою. (7)

---

(1) Въ ст. 2239, т. X. прямо высказана мысль эта относительно Высочайшихъ указовъ, на которыхъ 10-лѣтняя давность не простирается.

(2) Т. XI. Уставъ Торгов. ст. 1808, изд. 1842 г.

(3) Т. IX. ст. 1684.

(4) Т. XI, Уставъ Ремес. ст. 663, изд. 1842 г.

(5) Т. X, ст. 2047, изд. 1842 г.

(6) Т. XI, ст. 612, изд. 1842 г.

(7) Т. X, ст. 3029, изд. 1842 г.

6) *Годовой* — а) на искъ формою суда, по опредѣленію судебнаго мѣста или по Высочайшему повелѣнію, для пребывающихъ внутри Россіи, а для находящихся въ арміи противу непріятеля и за границею — *двухъ-годовой* (1); б) на начатіе иска, когда апелляціонный судъ, найдя въ дѣлѣ такія притязанія, которыя не были въ виду суда 1-й степени и предъявлены тяжущимся лишь при апелляціи, предоставитъ ему вѣдаться объ этихъ претензіяхъ особо (2); в) для жалобы на землемѣровъ (3); г) на жалобу о завладѣніи приплодомъ животнаго и пчелъ (4); д) на разсчетъ между хозяевами и ихъ прикащиками по минованіи срока служенія послѣднихъ (5); г) на подачу иска о передѣлѣ имѣнія. (6)

7) *Полутора-годичный*, на споръ по искамъ, предъявленнымъ противъ должниковъ, находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ (7).

8) *Двухлѣтній*—а) на предъявленіе спора противъ духовныхъ завѣщаній и купчихъ крѣпостей; въ обоихъ этихъ случаяхъ, по прошествіи двухлѣтняго срока со дня опубликованія объ ихъ утвержденіи, никакія споры противъ нихъ не принимаются; б) на искъ о подлогѣ, самовольномъ изданіи и присвоеніи ученой собственности; для находящихся же за границею четыре года, считая со времени появленія въ свѣтъ книги или иного произведенія наукъ и словесности и музыки; в) на искъ о вещахъ спасенныхъ отъ кораблекрушенія (8); г) на предъявленіе правъ своихъ пришедшимъ въ совершеннолѣтіе.

9) *Трехлѣтній*—въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской на иски объ ущербахъ и убыткахъ, причиненныхъ въ недвижимомъ имуществѣ (9). Въ этихъ же губерніяхъ тотъ же срокъ распространяется на тотъ случай, если на купленномъ имѣніи, еще до его продажи, былъ обезпеченъ законнымъ образомъ чей либо долгъ; но если заимодавецъ не отыскивалъ его послѣ продажи въ теченіе этого срока, то онъ лишается права отыскивать его съ того имѣнія и долженъ обратиться съ искомъ къ самому должнику.

Такъ вычислены г. Дегаемъ въ его «Учебной книгѣ гражданскаго судопроизводства» всѣ сроки судебные; но у него выпущены — 1)

---

(1) Т. X, ст. 3112, изд. 1842 г.
(2) Т. X, ст. 2845 и 3112, изд. 1842 г.
(3) Зак. Мет. ст. 869, изд. 1842 г.
(4) Т. X, ст. 399 и 533, изд. 1842 г.
(5) Т. XI, ст. 607, изд. 1842 г.
(6) Т. X, ст. 1099, изд. 1842 г.
(7) Т. X. ст. 2,085—2,087, изд. 1842 г.
(8) Т. X. ст. 3,098, изд. 1832 г. и по прод. VI. прим. къ ст. 3,095.
(9) Т. XI, 417. Торг. Ст. 1,071 изд. 1842 г.

9-мѣсячный срокъ, дающійся безвѣстно отсутствующему, когда онъ предполагается въ Россіи, на предъявленіе имъ спора противъ денежнаго обязательства, представленнаго на него ко взысканію (ст. 2,085, т. X); 2) трехлѣтній срокъ, существующій на право начать искъ о выкупѣ родоваго имущества (*); 3) двухлѣтній срокъ на обжалованіе по дарственной, данным и другимъ актамъ укрѣпленія (ст. 751 и 756, т. X); 4) полугодовый на предъявленіе правъ наслѣдства (ст. 1,025, т. X.); послѣдствіе неявки въ этотъ срокъ отсутствующихъ наслѣдниковъ есть вводъ во владѣніе наличныхъ наслѣдниковъ; 5) двухлѣтній для наслѣдниковъ иностранца, умершаго въ Россіи (ст. 1029, т. X.); 6) годовой для наслѣдниковъ учебнаго вѣдомства (ст. 1,032, т. X); 7) для сохранной казны шестилѣтній по срочнымъ капиталамъ (ст. 1,033, т. X.); 8) десяти-недѣльный—для начатія иска въ полиціи объ обидахъ, ущербахъ и самоводьномъ завладѣніи. Я вовсе не въ укоръ г. Дегаю показалъ его упущенія: его сочиненіе о гражданскомъ судопроизводствѣ—трудъ добросовѣстный; и можно ли не сдѣлать упущенія, когда эти различные сроки разбросаны, какъ изъ моихъ ссылокъ видѣть можно, по разнымъ томамъ Свода Законовъ? Такимъ образомъ ученый спеціалистъ въ руководствѣ для высшаго юридическаго учебнаго заведенія, какъ училище правовѣдѣнія, сдѣлалъ пропускъ: можно ли послѣ этого требовать полнаго познанія законовъ отъ какого нибудь секретаря уѣзднаго суда и магистрата? Но кромѣ вычисленныхъ мною сроковъ, существуютъ еще сроки относительно разныхъ судебныхъ обрядовъ, о которыхъ я буду говорить ниже; теперь же вникнемъ въ тѣ сроки, которые установлены нашимъ закономъ для начатія иска: прослѣдивши ихъ со вниманіемъ, исторически, мы находимъ, что эти сроки возникали по личнымъ убѣжденіямъ и взглядамъ разныхъ администраторовъ, въ различное время; а потому, не будучи строго подчинены одной общей идеѣ, которая извѣстна во всѣхъ законодательствахъ подъ названіемъ «духа законовъ», часто противорѣчатъ общему закону о земской давности или же нетвердыя въ своихъ основаніяхъ.

I) Недвижимое имущество пріобрѣтается куплею, послѣдствіемъ по закону или по завѣщанію, посредствомъ даренія, выдѣла дѣтей родителями, посредствомъ раздѣла, приданаго и наконецъ отчужденіемъ въ пользу кредиторовъ имущества должника.

а) При куплѣ, по истеченіи двухъ лѣтъ отъ ввода во владѣніе покупщика, по купчей крѣпости никакихъ споровъ не принимается.

б) По завѣщанію должно быть тоже самое, потому что и здѣсь существуетъ *отказъ*.

(*) Т. X. ст. 561, изд. 1842 г.

в) Относительно же наслѣдованія по закону сказано въ ст. 1,067 т. X, что наслѣдники по закону вводятся въ имѣніе на общемъ основаніи о вводѣ во владѣніе; обращаясь къ статьямъ закона по этому предмету (*) мы находимъ, что по истеченіи 2 лѣтъ отъ ввода во владѣніе слѣдуетъ такъ называемый отказъ имущества, о которомъ говорится въ примѣчаніи къ ст. 759, т. X слѣдующее: въ постановленіи 1801 г. изъяснено: «правительство надѣется, что съ уничтоженіемъ пошлины за отказъ всякій изъ помѣщиковъ потщится имѣніе свое законнымъ образомъ *справить и отказать*, пользуясь удобностью, симъ доставленною». Такимъ образомъ отказъ не есть одинъ пустой обрядъ, а по выраженію указа «*законное справленіе*» или другими словами—укрѣпленіе. Отсюда вытекаетъ простое логическое заключеніе, что если отказомъ наслѣдники по закону и завѣщанію укрѣпляютъ за собою права законнымъ образомъ, то можетъ ли съ этимъ быть совмѣстна земская 10-лѣтняя давность, предоставляющая другимъ наслѣдникамъ оспоривать ихъ права?

г) Это же самое можно сказать и о даренія, раздѣлѣ, выдѣлѣ и пріобрѣтеніи отъ должника кредиторомъ имущества; по записямъ дарственнымъ и отдѣльнымъ, также по такъ называемымъ данным, и по нимъ существуетъ общій порядокъ ввода во владѣніе, обозначенный въ статьяхъ 751—760, т. X, т. е. съ *отказомъ* имущество недвижимое окончательно за владѣльцами укрѣпляется.

Не должно ли заключить изъ всего сказаннаго мною, что 10-лѣтняя давность относительно недвижимости остается только по одному роду тяжебъ: (**)—о самовольномъ завладѣніи недвижимости, что въ нынѣшній вѣкъ, признаться, встрѣчается очень рѣдко, въ особенности въ Европейской Россіи, гдѣ земли по большей части размежеваны. Относительно же движимости, обязательствъ и договоровъ, а также по ущербамъ, убыткамъ и обидѣ, общая земская давность сохраняетъ свою силу.

II) Выше я сказалъ, что сроки не должны быть ни слишкомъ кратки, ни слишкомъ длинны и что только среднее между тѣмъ и другимъ можетъ принести существенную пользу: и дѣйствительно, слишкомъ краткіе сроки не даютъ возможности собрать необходимыхъ доказательствъ и свѣдѣній для начатія дѣла; длинные же сроки затягиваютъ дѣла на безконечныя времена. Поэтому каждое законодательство должно, при опредѣленіи сроковъ, принять во вниманіе слѣдующія основанія: 1) время, потребное для явки въ судъ на случай отсутствія

(*) Ст. 751—760, т. X.

(**) Двухлѣтній срокъ, существующій по отказамъ, по купчимъ крѣпостямъ,—противорѣчитъ еще трехлѣтнему сроку о выкупѣ.

отвѣтчика; 2) время необходимое, чтобы приготовиться къ защитѣ дѣла; 3) качество самаго дѣла.

а) На чемъ основаны сроки: 7-ми-дневный для дѣлъ о несостоятельности, двухъ-недѣльный — для жалобы на ремесленныя управы, 4-хъ-недѣльный для жалобы на полиціи (*)? Во всѣхъ этихъ случаяхъ недовольный не предполагается въ отсутствіи, значитъ нужно принимать во вниманіе только качество дѣла. Но вѣдь дѣла о несостоятельности, заключаясь въ разсмотрѣніи книгъ и дѣлъ торговаго лица за нѣсколько лѣтъ, многосложнѣе дѣлъ ремесленной управы и полиціи; и между тѣмъ, — какъ законодательство, такъ и лица неторговыя, вовсе не находятъ этотъ срокъ краткимъ. Это же самое можно сказать относительно сроковъ: двухъ-мѣсячнаго по жалобамъ удѣльныхъ крестьянъ на рѣшенія управляющаго конторою; годоваго—на иски формою суда, по жалобамъ на землемѣра, по просьбамъ о передѣлѣ имущества. Мнѣ кажется, что если по этимъ дѣламъ лицо не находится въ отсутствіи, то сроки двухъ-мѣсячный и годовые слишкомъ длинны.

б) Слѣдующіе же сроки должны бы быть вовсе уничтожены—одни по неимѣнію твердыхъ основаній, другіе же по противорѣчію ихъ съ дѣйствіемъ общей земской давности.

1) Срокъ годовой предоставленъ тяжущемуся для начатія иска, когда апелляціонный судъ, найдя въ дѣлѣ такія притязанія, которыя не были въ виду суда первой степени и предъявлены имъ лишь при апелляціи, предоставитъ ему право начать искъ по этому предмету особо. Но дѣло въ томъ, что истецъ обязанъ еще въ 1-й инстанціи въ исковомъ прошеніи опредѣлить мѣру своего иска, и если бы онъ при апелляціи вздумалъ предъявить какія нибудь другія претензіи, то они не должны быть судомъ приняты къ разсмотрѣнію, и суду нечего предоставлять ему право начинанія этого дѣла исковымъ порядкомъ, такъ какъ это право, независимо отъ суда, принадлежитъ ему по закону.

2) Годовой срокъ на начатіе дѣлъ: о завладѣніи приплодомъ животнаго и пчелъ, на разсчетъ между хозяевами и ихъ прикащиками, и мѣсячный—на требованіе прикащиками и сидѣльцами заслуженныхъ денегъ, — какъ противорѣчащіе общему закону о земской давности могутъ быть отмѣнены. Причины тому слѣдующія: а) подобныя дѣла относятся по большей части къ простолюдинамъ, незнающимъ о существованіи ни годоваго, ни мѣсячнаго срока и легко ихъ пропускаю-

(*) Эти сроки собственно относятся не къ начатію дѣла, а къ его продолженію; но такъ какъ, разбирая г. Дегая, я ихъ вычислилъ въ этой главѣ, то ужь и разсмотримъ ихъ, для избѣжанія повтореній.

щимъ, по невозможности отлучиться отъ своего промысла для явки въ судъ; б) отдѣленіе этихъ предметовъ отъ однородныхъ имъ, подчиненныхъ общей земской давности, не имѣетъ, мнѣ кажется, достаточнаго основанія ни теоретическаго, ни практическаго: по сущности своей они ничѣмъ не отличаются отъ однородныхъ имъ предметовъ.

3) Полутора-годичный срокъ на споръ по искамъ, предъявленнымъ противъ должниковъ, находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ. Этотъ срокъ г. Дегай отнесъ къ срокамъ начинанія тяжебъ (1), но онъ относится къ срокамъ объ отвѣтѣ; объ этомъ срокѣ много говорено уже въ первой моей статьѣ, въ отдѣлѣ о дѣлахъ безспорныхъ.

4) Двухлѣтній срокъ, соединенный съ отказомъ недвижимаго имущества, противорѣчитъ общей земской давности; а потому обрядъ отказа могъ бы существовать не спустя 2 года отъ ввода во владѣніе, но по прошествіи 10 лѣтъ.

5) Иски о подлогѣ, самовольномъ изданіи и присвоеніи ученой, литературной, художественной и музыкальной собственности могли бы подчиняться также общей давности, какъ имѣющіе общія свойства собственности.

6) Двухлѣтній срокъ на искъ о вещахъ, спасенныхъ отъ кораблекрушенія, не совершенно справедливъ въ самомъ основаніи своемъ: потерпѣвшій кораблекрушеніе достоинъ всякаго сожалѣнія и заслуживаетъ, чтобы законъ не дѣлалъ его исключеніемъ изъ общаго правила, въ ущербъ его интересамъ.

7) Трехлѣтній срокъ, существующій въ Черниговской и Полтавской губерніи по двумъ предметамъ: на иски объ ущербахъ, убыткахъ и по закладамъ имущества, если оно послѣ залога продано, — можетъ быть уничтоженъ по обоимъ предметамъ: а) по первымъ этотъ срокъ противорѣчитъ общей земской давности безъ особыхъ причинъ; б) по вторымъ — онъ не имѣетъ законнаго основанія; договоръ залога имуществъ недвижимыхъ подлежитъ у насъ той формальности, что на заложенное имѣніе налагается запрещеніе въ совершеніи купчихъ крѣпостей; эта мѣра служитъ обезпеченіемъ для покупщиковъ, и если такого запрещенія нѣтъ, то они вправѣ полагать и считать имѣніе, ими покупаемое, свободнымъ отъ всякихъ взысканій. Должны ли они послѣ этого въ теченіе трехлѣтней давности подлежать отвѣтственности за то единственно, что присутственное мѣсто, совершившее закладную, не соблюло порядка наложенія запрещенія, т. е. другими словами: отвѣчать за чужіе грѣхи?

8) Большая часть сроковъ для предъявленія правъ наслѣдства — неопредѣленна:

---

(1) См. г. Дегая Учебная книга гражданскаго судопроизводства, § 119 пун. 1.

а) Для предъявленія наслѣдственныхъ правъ на имущества чиновниковъ учебнаго вѣдомства и университетовъ установленъ годовой срокъ.

б) На предъявленіе же иностранцами правъ наслѣдства на имущества умершихъ въ Россіи ихъ родственниковъ существуетъ двухгодичный срокъ.

Законодательство въ этихъ случаяхъ не разъяснило, должны ли быть послѣдствія неявки въ эти установленные сроки такія же, какъ по статьѣ 1025, т. X, т. е., что наличные наслѣдники вводятся во владѣніе, а остальнымъ въ теченіе десятилѣтней давности предоставляется доказывать свои права; или же вмѣсто этого въ первомъ случаѣ имущества безвозвратно должны отойти къ учебнымъ заведеніямъ, а во-второмъ, какъ выморочныя сдѣлаться собственностью казны. Обыкновенно подразумѣвается, что по истеченіи годоваго срока отъ публикаціи, по неявкѣ наслѣдниковъ, имущества остаются въ пользу учебныхъ заведеній, но въ законодательствѣ *подразумѣванія* могутъ приносить вредъ. Даже статья 1025, т. X, не совсѣмъ опредѣлительна; въ ней сказано, что по истеченіи 6 мѣсяцевъ отъ публикаціи наличные наслѣдники вводятся во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ; но какъ поступать въ такомъ случаѣ, когда при публикаціи нѣтъ наличныхъ наслѣдниковъ и они являются только по истеченіи этой публикаціи,—когда же и въ какіе сроки эти наслѣдники должны быть введены во владѣніе?

в) Шестилѣтній срокъ о срочныхъ капиталахъ сохранной казны слѣдовало бы также, для однообразія сроковъ, продолжить до десяти лѣтъ.

Вообще я предполагаю, что для облегченія изученія законодательства, уничтоженія злоупотребленій, происходящихъ отъ разныхъ исключеній изъ общаго правила о земской давности, во избѣжаніе ссылокъ судовъ, по личнымъ ихъ видамъ, то на общее правило, то на частное, нужно учредить для начатія исковъ и тяжебъ, къ какому бы предмету они не относились, общую земскую давность, уничтоживъ всѣ исключенія изъ этого общаго правила. Земская давность имѣетъ теоретическое и практическое оправданіе; исключенія же изъ этого общаго правила, въ видѣ привиллегій, не имѣютъ, мнѣ кажется, твердыхъ. Гражданскія права всѣхъ лицъ юридическихъ и физическихъ должны быть равны; предметы же тѣмъ болѣе не могутъ имѣть привиллегій, такъ напримѣръ: какая разница между купленною мною недвижимостью или занятыми мною деньгами? То и другое — имущество; почему же въ первомъ случаѣ существуетъ 2-хъ лѣтняя давность, а во второмъ 10-ти лѣтняя?

Сроки о наслѣдствѣ по закону, оставаясь въ своей силѣ, требуютъ указаннаго мною разъясненія: полугодичный срокъ очень достаточенъ для явки наслѣдниковъ, если они желаютъ быть введены во владѣніе имуществомъ въ годъ его открытія; но пропущеніе этого срока нисколько не лишаетъ ихъ права отыскивать, въ теченіе 10-ти лѣтъ, своего наслѣдства. Притомъ этотъ полугодичный срокъ имѣетъ еще то основаніе, что наличные родственники умершаго вовсе невиновны, что отсутствующій ихъ сонаслѣдникъ не предъявляетъ своихъ правъ, и они чрезъ это бездѣйствіе не могутъ и не должны лишиться удовлетворенія.

Сроки: 10–ти недѣльный относительно начатія дѣла въ полиціи по искамъ объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ; равно 4–хъ недѣльный на начатіе дѣла въ судѣ недовольнымъ полицейскими дѣйствіями, по дѣламъ безспорнымъ, какъ объяснено мною въ 1-й моей статьѣ, могутъ уничтожиться.

О срокахъ же, существующихъ въ самомъ судопроизводствѣ, по разнымъ дѣйствіямъ судовъ и обрядамъ, будетъ говорено мною ниже.

ГЛАВА IV.

О ПОДСУДНОСТИ.

Подсудность по гражданскимъ дѣламъ у насъ опредѣляется: 1) по предмету тяжбы; 2) по мѣстопребыванію отвѣтчика; 3) по сословію тяжущихся; 4) по цѣнѣ иска; 5) по отношенію одного иска къ другому; 6) по взаимному согласію тяжущихся.

Г. Дегай объ этихъ разныхъ основаніяхъ (*) говоритъ слѣдующее: «вѣдомство суда опредѣляется *начально* по предмету тяжбы, а *за симъ* по сословію, къ коему принадлежатъ тяжущіеся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣдомство зависитъ отъ сословія тяжущихся, или отъ цѣны иска, а иногда отъ связи дѣла съ другою тяжбою».

По прочтеніи такого опредѣленія невольно и сотни разныхъ вопросъ лѣзутъ въ голову: почему, спрашиваете вы, это опредѣленіе такъ вѣрно характеризуетъ нашу подсудность и почему оно вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ столько противорѣчія? Разсудокъ говоритъ вамъ, что два разнородныхъ предмета исключаютъ другъ друга; въ этомъ же опредѣленіи вы находите, что вѣдомство суда опредѣляется *начально* по предмету тяжбы, а *за симъ* по сословію: кажется, предметъ тяжбы и сословіе не имѣютъ ничего общаго,—и

(*) См. *Учебную книгу гражд. судопроизводства*, § 92.

одно изъ двухъ: если опредѣлять подсудность по предмету тяжбы, то для того, чтобы избѣгнуть запутанности въ дѣлахъ, слѣдовало бы не принимать во вниманіе званія тяжущихся, и обратно. Мнѣ кажется, что подсудность, какъ фундаментъ судопроизводства, должна быть доведена до возможной простоты: все, что влечетъ за собою неясность и запутанность, должно быть тщательно исключено изъ нея, для избѣжанія особаго рода дѣлопроизводствъ,—о подсудности. Притомъ многосложность категорій, подъ которыя подведена подсудность, затрудняетъ изученіе законодательства.

1) О ПОДСУДНОСТИ ПО ПРЕДМЕТУ ТЯЖБЫ.

I) «Дѣла о недвижимости производятся въ томъ судебномъ мѣстѣ, въ округѣ котораго находится спорное имущество (1); но они поступаютъ прямо въ гражданскія палаты, какъ 1-ю инстанцію: во 1) по тяжбамъ о городской собственности; во 2) по дѣламъ объ имѣніи, въ разныхъ уѣздахъ или въ разныхъ губерніяхъ состоящемъ (2). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло производится въ той изъ мѣстныхъ палатъ, которую изберутъ сами тяжущіеся, а при ихъ несогласіи—въ палатѣ той губерніи, въ которой состоитъ большее количество имѣнія (3)».

а) Почему такое исключеніе изъ общаго правила для вотчинныхъ дѣлъ городскихъ обществъ (4)? Если законъ предполагаетъ этимъ исключеніемъ сократить производство дѣлъ городскихъ обществъ,—значитъ, что онъ признаетъ излишнею 1-ю степени суда; но мнѣ кажется, что если ужь допустить только двѣ инстанціи, то скорѣе нужно отдать предпочтеніе уѣзднымъ судамъ предъ палатами: уѣздный судъ, какъ мѣстный трибуналъ, имѣетъ больше средствъ и возможности близко познакомиться съ спорнымъ дѣломъ. Но городскія общества ничѣмъ не отличаются отъ другихъ государственныхъ учрежденій, чтобы пользоваться особыми правами.

б) Относительно городскихъ обществъ исключеніе изъ общаго правила можетъ еще имѣть основаніемъ общественный интересъ; но почему дѣла о недвижимости, состоящей въ разныхъ уѣздахъ или губерніяхъ, должны подлежать этому же исключенію? Развѣ одно данное имѣніе въ извѣстномъ уѣздѣ не можетъ превосходить многія имѣнія въ нѣсколькихъ губерніяхъ или уѣздахъ? Я

(1) Ст. 2651, т. X, изд. 1842 г.
(2) Т. III, ст. 2280 и т. X. ст. 2653 и 2654 изд. 1842 г.
(3) Т. X. ст. 2654 изд. 1842 г.
(4) Казна и другіе общественные учрежденія подлежатъ общему закону.

могу имѣть по одной десятинѣ въ двухъ разныхъ губерніяхъ и могу владѣть сотнею тысячъ десятинъ въ одномъ уѣздѣ: почему въ первомъ случаѣ я долженъ начать дѣло въ палатѣ, а во второмъ въ уѣздномъ судѣ? Съ какой стороны ни разсматривайте этотъ предметъ, вы согласитесь со мною, что 1-е дѣло ничѣмъ не можетъ быть ни серьёзнѣе, ни сложнѣе 2-го.

в) Самое общее правило, что вотчинныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію того суда, въ округѣ котораго недвижимое имущество состоитъ, — чрезвычайно стѣснительно и для отвѣтчиковъ и для истцовъ. Причины тому слѣдующія: если владѣлецъ даннаго имѣнія находится въ отсутствіи изъ своего владѣнія, то ему затруднительно вести свое дѣло противъ истца, проживающаго въ томъ уѣздѣ, гдѣ производится дѣло; тоже самое бываетъ и обратно: если отвѣтчикъ находится въ судѣ на лицо, а истецъ въ отлучкѣ. Для избѣжанія всѣхъ жалобъ по этому предмету, можно было бы вотчинныя дѣла подчинить подсудности по мѣстожительству отвѣтчика; сюда подходятъ всѣ данные случаи, такъ напримѣръ: 1) если отвѣтчикъ въ отлучкѣ изъ своего спорнаго имѣнія и проживаетъ, положимъ, въ столицѣ, то ему выгоднѣе, чтобы его подчинили петербургскимъ судамъ, гдѣ онъ можетъ лично ходатайствовать по своимъ дѣламъ; 2) если отвѣтчикъ проживаетъ въ своемъ имѣніи, то онъ судится въ своемъ округѣ; 3) по самовольному завладѣнію, гдѣ дѣло требуетъ формальнаго слѣдствія, тамъ отвѣтчикъ или лицо имъ уполномоченное для завладѣнія—судятся въ томъ округѣ, гдѣ они находятся.

II) Всѣ споры между сочинителями, переводчиками, первыми издателями или типографщиками и книгопродавцами на собственность книги или инаго произведенія наукъ и словесности, равно какъ и по преслѣдованію за самовольное изданіе чужихъ музыкальныхъ произведеній,—во всѣхъ этихъ дѣлахъ, по несогласію спорящихъ сторонъ разобраться третейскимъ судомъ, иски начинаются въ гражданской палатѣ той губерніи, гдѣ имѣетъ жительство отвѣтчикъ.

Это постановленіе г. Дегай отнесъ (1) къ подсудности по мѣстопребыванію отвѣтчика; но мнѣ кажется, что оно скорѣе должно отнестись къ подсудности по предметамъ тяжбы или иска: здѣсь главную роль играютъ произведенія наукъ, литературы, музыки и живописи, а не авторы, композиторы и художники; эти лица по предметамъ, выходящимъ изъ ихъ профессіи, подлежатъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. Впрочемъ здѣсь дѣло не въ этомъ: подчиняя произведенія наукъ и изящныхъ искусствъ вѣдѣнію гражданской палаты, какъ 1-й степени суда, законъ имѣлъ въ виду облегчить ходъ

(1) См. Учебн. кн. гражданскаго судопроизводства § 98.

этихъ дѣлъ. Цѣль прекрасная, но она невполнѣ осуществляется закономъ: если отвѣтчикъ не проживаетъ въ губернскомъ городѣ, то онъ ставится закономъ въ затруднительное положеніе, — онъ долженъ оставить свои занятія и ѣхать въ палату защищать тамъ начатое противъ него дѣло.

III) Подсудность по предмету тяжбы могла бы остаться въ своей силѣ только по подчиненію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи, дѣлъ торговыхъ коммерческимъ судамъ: въ городахъ, гдѣ существуютъ эти суды, они чрезвычайно облегчаютъ отправленіе правосудія по дѣламъ имъ подвѣдомственнымъ, и практическая ихъ польза признана уже обществомъ.

2. О ПОДСУДНОСТИ ПО МѢСТОЖИТЕЛЬСТВУ ТЯЖУЩИХСЯ.

Г. Дегай эту подсудность называетъ подсудностью по мѣстопребыванію тяжущихся; но *мѣстожительство* есть нѣчто постоянное, а *мѣстопребываніе*—временное. Остается намъ разъяснить: какъ наши законы опредѣляютъ эту подсудность. Въ уставѣ паспортномъ говорится (*): постояннымъ мѣстомъ жительства считается то: «1) гдѣ кто обязанъ службою, или состоитъ въ ея вѣдомствѣ; 2) гдѣ находится недвижимое его имущество, въ коемъ онъ имѣетъ постоянное пребываніе; и 3) гдѣ кто, бывъ записанъ въ книгахъ дворянскихъ, городовыхъ или ревизскихъ, имѣетъ водвореніе».

Изъ этого открывается, что законъ подъ мѣстожительствомъ подразумѣваетъ постоянное пребываніе даннаго лица въ какомъ нибудь мѣстѣ; статья же 2748, т. X., прямо говоритъ, что дѣла объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ подсудны *по мѣстожительству* отвѣтчика; но такъ какъ въ статьѣ 2734, т. X, сказано, что споры по обязательствамъ подсудны по *мѣстопребыванію* отвѣтчика, то слѣдуетъ эти два слова разъяснить. Эта подсудность по дѣламъ коммерческихъ судовъ яснѣе опредѣлена, въ т. II, Уст. Торг. ст. 1369, гдѣ постановлено: во всѣхъ тяжбахъ и спорахъ по дѣламъ, вѣдомству коммерческихъ судовъ полежащимъ, искъ открывается тамъ, гдѣ имѣетъ жительство или пребываніе отвѣтчикъ, хотя бы пребываніе это было *временное*.

Изъ всѣхъ опредѣленій подсудности, мнѣ кажется, это самое правильное и совершенное: судебная власть даннаго государства есть власть единая; дробленіе же ея на суды и распредѣленіе послѣднихъ на инстанціи есть только различные способы проявленія этой

(*) См. Т. XIV, ст. 2, устав. паспорт.

власти; слѣдовательно, если въ данномъ государствѣ нарушено чье нибудь право какимъ нибудь лицомъ, то судебная власть, гдѣ бы ни настигла нарушителя, должна его подчинить тому своему органу, въ вѣдѣніи котораго отвѣтчикъ застигнутъ. Только при такихъ правахъ судовъ можно надѣяться, что отвѣтчики не будутъ уклоняться отъ суда гражданскаго, не будутъ заволакивать тяжбы и иски дѣлопроизводствами о подсудности, не будутъ переѣзжать изъ города въ городъ, чтобы избѣгнуть справедливаго взысканія. Вглядитесь въ дѣла торговыя, и вы убѣдитесь, что и купцы и иностранцы, и даже дворяне (1), по дѣламъ торговымъ дѣйствуютъ въ городахъ, гдѣ существуютъ коммерческіе суды, чрезвычайно осмотрительно, и если на ихъ совѣсти лежитъ какое нибудь торговое дѣло съ лицомъ, проживающимъ въ городахъ, гдѣ эти суды учреждены, они боятся и носа показать туда: «вѣдь коммерческій судъ, говорятъ они обыкновенно, шутить не любитъ: пожалуй и арестуетъ»! Одно только въ подсудности коммерческаго суда нахожу я неосновательнымъ — это то, что коммерческій судъ, при разсмотрѣніи подвѣдомственнаго ему дѣла, если встрѣтитъ въ немъ постороннія спорныя статьи, разсмотрѣніе которыхъ, по ихъ существу, принадлежитъ къ другому судебному мѣсту, не останавливаясь разсмотрѣніемъ дѣла по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя подлежатъ его сужденію, *отсылаетъ* статьи сторонніе на разсмотрѣніе, куда слѣдуетъ, по принадлежности (2). Этотъ законъ, мнѣ кажется, нарушаетъ общій порядокъ начатія тяжебъ и исковъ и изъ дѣла апелляціоннаго дѣлаетъ частное: на практикѣ принято, что по такимъ дѣламъ суды свое законное постановленіе облекаютъ въ форму частнаго дѣлопроизводства; кромѣ этого, чрезъ этотъ законъ коммерческіе суды принимаютъ на себя нѣкоторымъ образомъ роль ходатаевъ по этимъ дѣламъ, что обременяетъ ихъ совершенно-излишнею перепискою.

3) о подсудности по сословію тяжущихся.

По этому предмету было говорено много въ 1-й моей статьѣ, гдѣ я предлагалъ соединеніе уѣздныхъ судовъ съ магистратами въ одинъ общій трибуналъ, подъ названіемъ: императорскаго уѣзднаго суда.

4) о подсудности по цѣнѣ иска.

Къ этой категоріи подсудности г. Дегай относитъ (3) только два рода предметовъ: 1) не подлежатъ, говоритъ онъ, разсмотрѣнію об-

(1) И дворяне по дѣламъ торговымъ подвѣдомственны коммерческимъ судамъ (т. XI, Уст. торг. ст: 1174).

(2) Т. XI, ст: 1180.

(3) См. Учебн. кн. гражданскаго судопроизводства §§ 107 и 199.

ихъ инстанцій дѣла, которыя по цѣнѣ иска предоставлены окончательному рѣшенію примирительныхъ судовъ и административныхъ мѣстъ и лицъ. 2) Коммерческимъ судамъ неподвѣдомственны споры по торговлѣ, ниже 150 руб. сер., которые разбираются въ городовыхъ словесныхъ судахъ при магистратахъ или въ самыхъ магистратахъ, по усмотрѣнію истца.

Но куда же отнесетъ г. Дегай слѣдующія постановленія: а) по вотчиннымъ и исковымъ дѣламъ: 1) палатамъ гражданскимъ не подвѣдомственны дѣла ниже 30 руб. сер.; 2) правительствующему сенату—ниже 600 руб. сер., б) по дѣламъ торговымъ, подвѣдомственнымъ коммерческимъ судамъ, правительствующій сенатъ не входитъ въ разбирательство дѣлъ ниже 1500 рубл. или 3000 руб., смотря потому, къ какому коммерческому суду дѣло подлежало.

Мнѣ кажется, что и здѣсь нѣкоторую роль играетъ цѣна иска или тяжбы.

Въ первой моей статьѣ, говоря о степени власти полиціи, я высказалъ мысль, что хотя по теоріи всѣ лица, къ какому бы сословію они ни принадлежали и въ чемъ бы ихъ дѣла ни заключались,—равны предъ закономъ и имѣютъ одинаковое право на судъ; но что это общее правило можетъ имѣть нѣкоторыя исключенія, заключающіяся въ предоставленіи права администраторамъ и судамъ окончательно рѣшать дѣла на извѣстную сумму. Это же отступленіе отъ общаго правила должно имѣть существенною цѣлью облегченіе отправленія правосудія; поэтому оно не должно переходить предѣлы справедливости, въ противномъ случаѣ, вмѣсто облегченія, оно будетъ нарушеніемъ правосудія. Съ этой точки зрѣнія разсматривая права гражданскихъ палатъ и коммерческихъ судовъ объ окончательномъ, безъ-апелляціоннымъ рѣшеніи ими дѣлъ суммою на 600 руб., 1500 и 3000 руб., мы находимъ, что это постановленіе не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ правды: оно дѣлаетъ правосудіе какъ бы исключительною привиллегіею достаточныхъ и богатыхъ людей. Установляя двѣ или три степени судовъ, законъ допускаетъ возможность пристрастія нижнихъ инстанцій; почему же послѣ этого богатый ограждается отъ этого возможнаго пристрастія, а участь бѣдняка отдается безъ-апелляціонно коммерческимъ судамъ и палатамъ? Положеніе бѣдняка и такъ незначительно въ обществѣ; богачъ, потерявши 600, 1500, или даже 3000 руб., не разорится, а недостаточный этими деньгами можетъ обезпечить всю жизнь свою и своего семейства.... Вѣдь бѣднякъ и недостаточный не могутъ имѣть дѣлъ, превышающихъ 3,000; значитъ, вся грозная власть палатъ и коммерческихъ судовъ обрушивается на голову бѣдняковъ, которыхъ больше, нежели богатыхъ: поэтому привиллегія на правосудіе

принадлежитъ меньшинству общества; вполнѣ ли это справедливо? Многіе, быть можетъ, возразятъ мнѣ на мои доводы общей канцелярской фразой, что власть палатъ и коммерческихъ судовъ увеличена для того, чтобы не обременять правительствующій сенатъ многочисленными дѣлами; но сокращеніе переписки не можетъ служить здѣсь основаніемъ: для уменьшенія дѣлъ сената законъ вѣрно не пожертвуетъ справедливостью; есть другіе пути къ осуществленію этой цѣли.... Ниже, разсматривая дѣлопроизводство палатъ, я укажу средства къ уничтоженію этого зла.

5) О ПОДСУДНОСТИ ПО ОТНОШЕНІЮ ОДНОЙ ТЯЖБЫ КЪ ДРУГОЙ.

Искъ отвѣтчика на истцѣ, называемый встрѣчнымъ, разбирается въ томъ же судѣ, гдѣ предъявленъ на него искъ его соперникомъ, развѣ дѣло по роду своему принадлежать будетъ какому либо особенному вѣдомству (*). Но дѣло въ томъ, что встрѣчнымъ можетъ называться искъ только однородный съ основнымъ; поэтому, мнѣ кажется, слѣдовало бы опредѣлить, что̀ такое встрѣчный искъ, и затѣмъ послѣдующее разъясненіе окажется излишнимъ. Такъ напримѣръ, если бы мы сказали, что встрѣчнымъ долженъ называться искъ, предъявляемый на истца отвѣтчикомъ, проистекающій изъ того же самаго факта, на которомъ основывается истецъ, то послѣдующее неясное поясненіе закона окажется излишнимъ. Въ этомъ случаѣ каждый пойметъ, что если я по обидѣ начинаю на кого нибудь искъ, то отвѣтчикъ можетъ доказывать встрѣчнымъ искомъ, что не онъ меня, а я его обидѣлъ.

6) О ПОДСУДНОСТИ ПО ВЗАИМНОМУ СОГЛАСІЮ ТЯЖУЩИХСЯ.

Въ отношеніи коммерческихъ судовъ постановлено (**): что если при заключеніи какого либо торговаго договора для разбора споровъ назначенъ контрагентами какой нибудь извѣстный городъ, то хотя бы онъ не былъ мѣстомъ жительства ни той, ни другой стороны, искъ начинается тамъ, гдѣ договоромъ постановлено.

Этотъ полезный законъ можно бы примѣнить ко всѣмъ дѣламъ исковымъ и тяжебнымъ: вопросъ о подсудности здѣсь разрѣшается тяжущимися, и сами собою прекращаются многочисленныя дѣлопроизводства по этимъ предметамъ въ высшихъ инстанціяхъ; кромѣ того, онъ дастъ возможность контрагентамъ обезпечить себя на случай спора.

(*) Т. X. ст: 2227.
(**) Т. XI. ст: 1182 и 1370.

ГЛАВА V.

О ПРОШЕНІИ ВООБЩЕ, ЕГО ФОРМѢ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЯХЪ.

По духу нашего законодательства, каждое гражданское дѣло, во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, не иначе можетъ возникнуть, какъ по просьбѣ или жалобѣ какой либо изъ тяжущихся сторонъ; между тѣмъ это общее правило находитъ противорѣчіе въ постановленіяхъ: 1) что полиціи (*) по дѣламъ объ обидахъ, ущербахъ и завладѣніи должны при спорахъ отправлять дѣла въ судъ; 2) что коммерческіе суды, встрѣчая по дѣламъ, ими производимымъ, обстоятельства, подлежащія вѣдомству другихъ судовъ, должны передавать имъ рѣшеніе этихъ предметовъ (**). Но кромѣ этихъ противорѣчій законодательство могло бы уничтожить большую часть правилъ относительно формы и принадлежности прошеній. Касаясь только внѣшности, они и влекутъ за собою огромныя злоупотребленія. Изъ всѣхъ правилъ, соблюдаемыхъ въ судебныхъ мѣстахъ при принятіи прошеній, мнѣ кажутся нужными слѣдующія:

1) При прошеніи или жалобѣ, подаваемыхъ по довѣренности, должно быть приложено вѣрющее письмо.

2) Прошеніе должно быть подано въ надлежащее судебное мѣсто, а не въ судъ.

3) При прошеніи должны быть приложены исковыя пошлины.

4) Прошеніе или жалоба должны быть подписаны.

5) Мѣстожительство отвѣтчика должно быть показано.

6) Цѣна и предметъ иска должны быть обозначены.

Объ остальныхъ принадлежностяхъ прошеній и жалобъ замѣчу слѣдующее.

1) О ТИТУЛѢ НА ПРОШЕНІЯХЪ И ЖАЛОБАХЪ.

Прошенія и жалобы, подаваемыя въ судебныя мѣста, должны быть на Высочайшее Имя, по титулу Его Императорскаго Величества, Государя Императора. Въ этомъ постановленіи заключается та мысль, что судъ есть органъ верховной судебной власти, что гражданъ судитъ законъ и что отъ суда каждый имѣетъ право требовать правосудія,—мысль прекрасная и высокая по своей сущности; но сколько злоупотребленій было по этому поводу! Огромные процессы прикрывались пропущеніемъ сроковъ на жалобы, чрезъ вымышленныя судами поправки, описки и подчистки въ титулѣ; тыся-

(*) Т. X, ст. 2044.

(**) Т. XI, ст. 1150.

чи людей ежегодно разорялись и были доводимы судами до крайности, такъ что правительство вынуждено было начать отпечатываніе титула на гербовой бумагѣ, для прекращенія всѣхъ злоупотребленій. Но мнѣ кажется, что титулъ могъ бы оставаться не обязательною формою: въ Закавказскомъ краѣ это уже введено нѣсколько лѣтъ и приноситъ вожделѣнные плоды. Во 1) форма обращенія къ Государю Императору и вмѣстѣ къ присутственному мѣсту стѣснительна и затруднительна; 2) всѣ неудобства, проистекающія иногда отъ недостатка бумаги съ титуломъ, избѣгаются.

2) О ПИСАНІИ ПРОШЕНІЙ ПО ПУНКТАМЪ.

Писаніе прошеній по пунктамъ имѣетъ двоякій смыслъ: 1) для сохраненія системы изложенія; 2) какъ мѣра охранительная, чтобы пробѣлы, остающіеся между такъ называемой красной строкой и предшествовавшей ей законченной мыслью, не могли имѣть подложныхъ приписокъ.

О первомъ основаніи можно сказать тоже самое, что о реторическихъ формахъ: если въ головѣ пишущаго нѣтъ системы, то никакія реторическія формы не прибавятъ ему ни ума, ни краснорѣчія, а напротивъ собьютъ его только съ толку; можетъ быть онъ былъ бы въ состояніи просто разсказать данное событіе, но, заключая его мысль въ извѣстныя формы, его можно сбить съ пути истины, и онъ напишетъ чистую чепуху. Пункты его прошенія не заканчиваются уже опредѣленною мыслію, а ставятся произвольно, и такимъ образомъ судебное мѣсто, вмѣсто того, чтобы закономъ о пунктахъ облегчить чтеніе прошеній и жалобъ, только затрудняется въ дѣлопроизводствѣ. Приведу примѣръ изложенія прошенія однимъ простымъ малороссомъ; изъ него легко можно видѣть, что несмотря на всю безыскуственность, при свободномъ теченіи своей мысли, истецъ хотя оригинально, но довольно ясно изложилъ предметъ своей жалобы:

Господину такому-то Земскому Суду,

Сидора Рябошапченки,

Прошеніе.

Я! мене дома не було. (1) Правда, жинка була, да блинцы (2) пекла. Шикъ-пикъ, (3) ой Господи, гусей нема!... (4) А Терешка, мій наймитъ, (5)

(1) Не было.

(2) Въ родѣ оладій.

(3) Это слово непереводимо, но приблизительно можно перевести: «ни съ того, ни съ сего».

(4) Нѣтъ.

(5) Наемный слуга.

[illegible] следуетъ, мнѣ гусей все-

[illegible] крестьянинъ Сидоръ Рябошапченко.

[illegible] ту или другую форму можетъ [illegible] въ неразвитой же личности мысль тогда [illegible] когда она слѣдуетъ своему естественному [illegible] убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, [illegible] крестьянину: разскажи мнѣ, какъ было вотъ та- [illegible] затрудняясь, онъ, съ своими присказками и при- [illegible] все дѣло очень ясно и толково.—Но попробуйте [illegible] нѣсколько вопросовъ разомъ, хотя бы они относи- [illegible] къ тому же предмету, и вы увидите, что форма, въ ко- [illegible] его мысль, только собьетъ его съ пути: онъ за- [illegible] молоть чепуху.

[illegible] основаніе существованія пунктовъ, что будто бы они [illegible] лица отъ подложныхъ приписокъ, невполнѣ удовлетво- [illegible]: развѣ нѣтъ другихъ способовъ измѣненія смысла проше- [illegible] если бы кто рѣшился на это преступленіе? Развѣ мы не видимъ въ уголовныхъ дѣлахъ о подлогѣ, что вытравленіе чернилъ и подчистки играютъ въ нихъ главную роль?... (**)

Такимъ образомъ два столь шаткія начала никакъ не могутъ служить основаніемъ данной формальности, которая, вмѣсто того, чтобы служить въ пользу тяжущихся, есть только орудіе разныхъ злоупотребленій со стороны судовъ. Я знаю одинъ процессъ, который былъ проигранъ, за пропущеніемъ апелляціоннаго срока: сенатъ возвратилъ тяжущимся ихъ жалобу, за неподписаніе ими по пунктамъ прошенія. Вообще это правило, мнѣ кажется, приноситъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

3) О ПОДПИСАНІИ ПРОШЕНІЯ ЕГО СОЧИНИТЕЛЕМЪ И ПЕРЕПИСЧИКОМЪ.

Сочинителями всегда подписываются сами тяжущіеся; такимъ образомъ этотъ законъ становится одною формальностью, а переписчика подвергать отвѣтственности за ябедническое прошеніе, мнѣ кажется не совсѣмъ несправедливо: переписчики люди по большей части мало развитые и отъ постоянно машинальнаго своего труда они становятся чисто машинами. Мнѣ случалось нѣсколько разъ спраши-

(*) Молчитъ.

(**) Изъ «Записокъ Желябужскаго» открывается, что этотъ способъ подлога очень *древній*.

вать старыхъ канцелярскихъ чиновниковъ: что вы переписываете? И всегда получалъ отъ нихъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «а Богъ его знаетъ! бумагу!...» Эти бѣдныя машины совершенно невинны въ перепискѣ ими прошеній и жалобъ и дѣлаютъ это, чтобы заработать себѣ и своему семейству кусокъ хлѣба.

4) ПРОШЕНІЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПИСАНО НА УЗАКОНЕННОЙ ГЕРБОВОЙ БУМАГѢ.

Если бы гербовый сборъ обратить въ пользу судовъ, то гербовая бумага могла бы быть уничтожена, а вмѣсто нея можно бы установить штемпельный сборъ. Существенное его отличіе отъ гербоваго будетъ заключаться въ томъ, что тяжущіяся стороны всю переписку будутъ производить на простой бумагѣ, къ которой судъ обязанъ будетъ приложить свой штемпель, за что онъ и будетъ взыскивать гербовыя пошлины. Этотъ способъ — 1) снялъ бы съ правительства трудъ заготовленія и разпродажи гербовой бумаги, 2) облегчилъ бы тяжущихся въ дѣлопроизводствѣ.

5) ОБЪ ИСКОВЫХЪ ПОШЛИНАХЪ.

При подачѣ исковаго прошенія въ общіе суды взыскивается 1 р. 80 к. пошлины (1), въ коммерческихъ же судахъ, при словесной расправѣ, эти пошлины не взыскиваются (2). Съ предоставленіемъ исковыхъ пошлинъ въ пользу судовъ, они могли бы взыскиваться со всѣхъ исковъ, какъ словесныхъ, такъ и письменныхъ, потому что главное основаніе словеснаго судопроизводства заключается въ томъ, что просьбы и жалобы могутъ быть письменныя или словесныя, по усмотрѣнію тяжущихся; притомъ же я не нахожу никакого существеннаго, внутренняго отличія между словесной и письменной исковой просьбой, чтобы та или другая форма могла имѣть исключенія изъ общаго правила объ исковыхъ пошлинахъ. Исковой пошлинѣ должны подлежать только тѣ дѣла, окончательное рѣшеніе которыхъ ввѣрено лицамъ административнымъ и судебнымъ, по маловажности ихъ.

6) ОБЪ УКОРИТЕЛЬНЫХЪ И ПОНОСИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВАХЪ.

Прошеніе не принимается, когда въ немъ будутъ употреблены поносительныя или укорительныя слова (3).

(1) Ст. 3,698 т. X.
(2) Ст. 1612 т. XI.
(3) Ст. 2,277 т. X.

Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, вмѣсто возвращенія прошенія или жалобы, черезъ что тяжущійся можетъ потерять процессъ, пропустивши сроки апелляціонные, можно бы, взыскавъ съ него штрафъ за неприличныя выраженія, давать ходъ прошеніямъ: грубости даннаго лица и правота его въ извѣстномъ дѣлѣ не имѣютъ между собою ничего общаго; правосудіе принадлежитъ каждому равно, не обращая вниманія на грубость и вѣжливость тона того или другаго лица. Давая ходъ прошеніямъ, написаннымъ невѣжливо, и вмѣстѣ съ тѣмъ взыскивая за это пеню съ лица, избѣгли бы односторонности; но самое главное, отъ судебныхъ мѣстъ отнятъ былъ бы произволъ принятія или непринятія прошеній; да и всѣ дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ по этому предмету сами собою прекратились бы.

7) О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ, ПОКАЗЫВАЕМЫХЪ ВЪ ПРОШЕНІИ.

Въ законѣ сказано: (*) «когда въ исковомъ прошеніи не будетъ показано доказательствъ, на которыхъ основанъ искъ, то прошеніе не принимается». Этотъ законъ понимается нашими судами совершенно ложно: они подъ выраженіемъ *«показано доказательство»* подразумѣваютъ, что при прошеніи должны быть представлены всѣ доказательства, на которыхъ искъ основанъ. Но во-первыхъ полное разъясненіе дѣла возможно только при окончаніи его производства, и часто, какъ напримѣръ при самовольномъ завладѣніи движимости, только слѣдствіе можетъ пояснить дѣло; во-вторыхъ, законъ имѣетъ вовсе другое въ виду: онъ требуетъ, чтобы въ исковомъ прошеніи были ссылки на судебныя доказательства, т. е. на акты, показаніе свидѣтелей, осмотръ, повальный обыскъ или присягу, самый же разборъ этихъ доказательствъ есть ужь дѣло рѣшительныхъ опредѣленій. Но, какъ я выше сказалъ, законъ этотъ понимается иначе судами; вслѣдствіе чего они, при подачѣ кѣмъ нибудь искового прошенія, разсматриваютъ его основанія и часто отказываютъ истцамъ въ производствѣ иска; отчего возникаютъ особенныя дѣлопроизводства въ высшихъ инстанціяхъ, заволакивающія иногда процессъ на нѣсколько лѣтъ; кромѣ этого, даже по дѣламъ о *судѣ по формѣ*, гдѣ часто вся сущность въ судоговореніи, и въ этихъ дѣлахъ суды ссылаются на 2,277 статью т. X и отказываютъ истцамъ въ начатіи иска, подъ предлогомъ его бездоказательности. Я знаю много такихъ дѣлопроизводствъ, которыя доходили даже до общаго собранія сената; если по самой крайности считать, что эти дѣла въ каждой судебной

(*) Ст. 2277 т. X.

инстанціи производились по полъ-года, — такъ какъ они прошли 5 инстанцій, т. е. уѣздный судъ, палату, департаментъ сената, коммиссію у принятія прошеній и общее собраніе сената, то мы получимъ, что истцы теряли $2^1/_2$ года; но могу васъ увѣрить читатель, что есть несчастные истцы, которые, на основаніи этого закона, домогаются права *начать* искъ и 10 лѣтъ!... И какое основаніе этого закона? Чтобы оградить отвѣтчиковъ отъ неправильныхъ притязаній истцовъ?... Но вѣдь для предупрежденія этого существуютъ штрафы за неправильное и неосновательное взиманіе исковъ. Какое намъ дѣло послѣ этого, что такой-то хочетъ заплатить штрафъ? Если онъ находитъ въ этомъ удовольствіе, то намъ нечего хлопотать объ его интересѣ. По моему мнѣнію, всѣ иски и тяжбы могли бы безусловно приниматься судами, а тамъ ходъ процесса покажетъ, кто правъ, кто виноватъ. Это же самое можно сказать и о всѣхъ случаяхъ, по которымъ наши законы запрещаютъ вчинаніе исковъ; по этимъ дѣламъ каждый можетъ хоть двадцать разъ начинать одно и тоже дѣло, но каждый разъ онъ же заплатитъ штрафы.

ГЛАВА VI.

ПРЕДМЕТЫ, ПО КОТОРЫМЪ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРОИЗВОДИТЬ ИСКИ.

Предметы, по которымъ запрещается въ первыхъ степеняхъ суда начинать и производить иски, раздѣляются на двѣ категоріи; одни изъ нихъ имѣютъ основаніе законное, другіе нравственное.

а) Къ первымъ принадлежатъ: 1) производство дѣлъ формою суда, прекращенныхъ по неявкѣ истца къ судоговоренію (1); 2) тяжбы, оконченныя присягою (2); 3) тяжбы, прекращенныя миромъ (3); 4) дѣла о подвижности духовныхъ завѣщаній, крѣпостнымъ порядкомъ совершенныхъ (4); 5) споры о томъ, что завѣщанные капиталы или вещи суть родовыя (5).

1) Если истецъ, начавши свое дѣло судомъ по формѣ, въ назначенный судомъ день къ судоговоренію не явится, то онъ безвозвратно теряетъ искъ на отвѣтчика; эта мѣра установлена закономъ для то-

(1) Т. X, ст. 3141.

(2) Тамъже, ст. 2430.

(3) Тамъже, ст. 3186. Здѣсь не вычисляю я случаи, изложенные въ ст. 712, Мест. Зак. ст. 2876, т. X и ст. 994 т. IX, потому что эти законы относятся къ дѣламъ неважнымъ и о простыхъ.

(4) Т. X. ст. 863.

(5) Тамъже, ст. 922.

ро, чтобы истцы не заволакивали дѣла на безконечныя времена. Но эта потеря истцами права на искъ, по внутреннему своему значенію, ничѣмъ не отличается, напримѣръ, отъ потери правъ даннымъ лицомъ чрезъ пропущеніе имъ общей земской давности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ законъ ни отъ кого не отнимаетъ права начать искъ; но за то начавшихъ дѣло штрафуетъ денежными пенями. То же самое можетъ быть во всѣхъ возможныхъ случаяхъ: право на судъ есть право безусловное.

2) Дѣло, оконченное присягою, теряется безвозвратно. Присяга допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточныхъ доказательствъ противъ отвѣтчика; чтобы очистить себя отъ тѣхъ уликъ, вслѣдствіе которыхъ противъ него начато дѣло, ему предоставляется присяга. Но что дѣлать въ такомъ случаѣ, когда до истеченія земской давности истецъ найдетъ совершенныя доказательства правильности своего иска и лживости присяги своего отвѣтчика? Въ подобномъ случаѣ законъ, постановляющій, что дѣло, оконченное присягою, теряется безвозвратно, можетъ принести вредъ въ отношеніяхъ юридическомъ и нравственномъ: *въ юридическомъ* потому, что не даетъ осуществиться въ государствѣ правдѣ; *въ нравственномъ* потому, что отвѣтчики легко склоняются къ лживымъ поступкамъ. Это же самое должно сказать и въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ отдастъ присягу *на душу* (*) истцу. Несовершенство окончанія дѣлъ присягою признается и нашимъ законодательствомъ, что видно изъ слѣдующаго постановленія: (**) «по дѣламъ о вещахъ, взятыхъ на сохраненіе и погибшихъ во время пожара или похищенныхъ, дозволяется давать искъ, несмотря на присягу отвѣтчика, когда послѣ присяги истецъ поймаетъ его съ какой нибудь вещью изъ поклажи или найдетъ доказательства, что вещи имъ утаены, также что пропала одна только поклажа, а имущество ея принимателя, бывшее съ нею, уцѣлѣло». Этотъ законъ совершенно справедливъ и добросовѣстенъ; и мнѣ кажется, можно было бы сдѣлать его общимъ для всѣхъ исковъ.

3) По дѣламъ, оконченнымъ миромъ и вновь начатыхъ истцомъ, могъ бы существовать общій штрафъ — о неправильномъ начатіи тяжбъ и исковъ: это есть общее нарушеніе правъ гражданскихъ.

4) Споры о подлинности духовныхъ завѣщаній, крѣпостнымъ порядкомъ совершенныхъ, запрещено принимать. А если я могу доказать подложность этого завѣщанія и противозаконность дѣйствій суда, неужели я могу или долженъ быть лишенъ правосуднаго удо-

---

(*) Юридическій терминъ нашего законодательства и имѣетъ смыслъ: «на совѣсть».

(**) Ст. 1811, т. X.

влетворенія?... По другимъ дѣламъ мнѣ предоставлено право доказывать подлогъ.... Былъ слѣдующій случай: въ маленькомъ городкѣ Подольской губерніи проживалъ одинъ богатый банкиръ, еврей; сыну своему онъ оставилъ, послѣ смерти своей, болѣе полмилліона серебромъ, но завѣщанія не оставилъ; вслѣдствіе этого сынъ наслѣдовалъ ему по закону. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ разныхъ Вѣдомостяхъ, въ томъ числѣ и Сенатскихъ, появилось объявленіе магистрата другаго маленькаго городка, той же Подольской губерніи, слѣдующаго содержанія: «что въ 182... г., такой-то банкиръ засвидѣтельствовалъ крѣпостнымъ порядкомъ духовное завѣщаніе въ этомъ магистратѣ, въ которомъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) всѣ капиталы и недвижимости, остающіяся послѣ его смерти, поступаютъ въ распоряженіе и собственность сына его такого-то и внука отъ его дочери такого-то, каждому поровну; 2) что они обязаны выдать богоугоднымъ заведеніямъ и бѣднымъ столько-то; 3) что обязанность исполненія этого завѣщанія возложена на магистратъ; 4) что если кто изъ наслѣдниковъ нарушитъ это завѣщаніе или утаитъ его, то лишается наслѣдства въ пользу другаго наслѣдника; 5) подлинное завѣщаніе должно храниться у сына его такого-то. Вслѣдствіе этихъ постановленій завѣщанія, магистратъ такой-то вызываетъ наслѣдниковъ, сына и внука такого-то банкира, съ тѣмъ, чтобы они явились въ узаконенный срокъ и предъявили, сколько осталось послѣ такого-то банкира имущества».

Сынъ завѣщателя въ это время жилъ въ Одессѣ, гдѣ онъ открылъ, послѣ смерти отца, самостоятельную коммерческую контору и велъ торговлю на большую сумму; прочитавъ объявленіе магистрата, онъ ужаснулся: ему грозила опасность потерять не только состояніе, доставшееся ему отъ отца, но и все, что онъ пріобрѣлъ собственнымъ трудомъ. По вышеприведенному мною закону, онъ не могъ оспоривать подлинника крѣпостнаго духовнаго завѣщанія его отца; а какъ его утаитель, онъ долженъ былъ лишиться всего достоянія, и кромѣ того слѣдовало его предать уголовному суду. Видя безвыходность своего положенія, банкиръ обратился къ одному молодому, дѣльному ученому адвокату, который выигралъ дѣло только по неопытности племянника его кліента, главнаго виновника этого процесса. Адвокатъ этотъ подалъ формальный искъ въ магистратъ, въ которомъ доказывалъ подложность завѣщанія: судъ принялъ этотъ искъ; здѣсь противникъ его сдѣлалъ тотъ промахъ, что согласно вышеприведенному закону не обжаловалъ распоряженія суда относительно принятія иска, и по прошествіи трехъ мѣсяцевъ отъ объявленія ему по этому предмету постановленія суда онъ въ палату не послалъ жалобы, отчего и постановленіе суда вступило въ законную

силу и отмѣнено ужь палатою не могло быть. Это дало возможность магистрату произвести формальное слѣдствіе по этому дѣлу и оказалось, что внукъ умершаго банкира, по стачкѣ съ однимъ чиновникомъ магистрата, уладилъ это дѣло слѣдующимъ образомъ: они нашли въ крѣпостной книгѣ прошедшихъ годовъ пару листовъ не исписанныхъ и, сочинивъ текстъ крѣпостнаго завѣщанія, внесли его туда; затѣмъ былъ составленъ подложный журналъ о содержаніи этого акта и ловко вшитъ въ журнальную книгу тѣхъ годовъ. Этимъ составители и ограничились, разсчитывая на то, что въ случаѣ справокъ обратятся только къ крѣпостной книгѣ и журналамъ; но адвокатъ противника пошелъ дальше: онъ потребовалъ 1) справки въ архивѣ и по всѣмъ настольнымъ реестрамъ, поступила ли въ судъ просьба, будто бы поданная отцомъ его кліента при представленіи своего завѣщанія, какъ это значилось въ журналѣ; 2) справку по приходорасходнымъ книгамъ суда, вступали ли въ его казну въ то время тѣ пошлины, которыя показаны въ крѣпостной книгѣ взысканными; 3) требовалъ сличенія почерковъ всѣхъ канцелярскихъ этого суда съ почеркомъ подложныхъ актовъ. По этимъ даннымъ, развивая формальное слѣдствіе, адвокатъ истца доказалъ подложность завѣщанія и выигралъ дѣло во всѣхъ инстанціяхъ; но попади онъ на опытнаго противника, тотъ въ самомъ началѣ дѣла обрѣзалъ бы его на основаніи вышеприведеннаго закона, не допустивъ его даже до производства слѣдствія.

5) Запрещается принимать иски на завѣщанія, когда кто объявитъ, что завѣщаны деньги и вещи родовыя. Но законъ говоритъ ясно, что деньги и вещи—движимость, которая причисляется къ собственности благопріобрѣтенной; собственность же благопріобрѣтенная подлежитъ полному, неограниченному распоряженію собственника; поэтому излишнимъ уже становится повтореніе: деньги и вещи, завѣщанныя кому либо, не могутъ быть названы родовыми. Да и начатіе подобнаго иска не должно бы быть никому воспрещено: за объявленіе подобной юридической нелѣпости истецъ подвергнется штрафу. Вообще во всѣхъ вычисленныхъ много случаяхъ, запрещеніемъ принимать иски предоставляется судамъ произволъ — принятія или непринятія иска, отъ чего проистекаютъ тысячи дѣлопроизводствъ, не имѣющихъ юридическаго значенія: по теоріи они неосновательны, на практикѣ—вредны и отмѣненіе ихъ сократитило бы дѣла высшихъ инстанцій, и тяжущіеся выиграло бы время и получили бы своевременное удовлетвореніе.

В) Къ нравственнымъ началамъ, по которымъ законъ воспрещаетъ начинать и производить иски, относятся слѣдующія:

1) отцу воспрещается оспоривать законность рожденія его дѣтей:

а) въ гнѣвѣ на дѣтей или на ихъ мать, а свою жену;

б) если *немалое* время имѣвъ ихъ (т. е. дѣтей) у себя въ домѣ, признавалъ своими дѣтьми, а мать, и по рожденіи ихъ, своею женою.

а) Если кто нибудь рѣшается доказывать судебнымъ порядкомъ незаконность рожденія своихъ дѣтей, т. е., не только запятнать имя ихъ и ихъ матери, но и свое отдать на позорище общества, то подобныя дѣла никакъ не могутъ совершиться въ хладнокровномъ состояніи, развѣ нашолся бы человѣкъ безъ совѣсти, чести и сердца.

в) при мачихѣ (*).

б) Законъ *о признаваніи немалое* время жену и дѣтей своими и о проживаніи ихъ съ ними — неясенъ въ высшей степени: что должно подразумѣвать подъ словами, «не малое время»? И въ чемъ должно заключаться *признаваніе*. Если 10-ти лѣтнюю давность распространить на всѣ гражданскія дѣла, то слѣдовало бы снова *немалое* время замѣнить общей земской давностью; но и тутъ будетъ недоразумѣніе: родится вопросъ—съ какого момента считать эту давность? поэтому лучше будетъ сказать, что послѣ 10-ти лѣтняго возраста ребенка, его рожденіе узаконяется. *Признаваніе* же можетъ заключаться въ словахъ и на письмѣ; поэтому въ подобныхъ дѣлахъ допускать общія судебныя доказательства.

в) Отцу запрещается оспоривать законность дѣтей при мачихѣ. Читая наши національныя пѣсни, находишь большое предубѣжденіе народа противъ дѣйствій и поступковъ мачихи съ пасынкомъ и падчерицей; это предубѣжденіе вытекаетъ изъ противоестественныхъ отношеній, существующихъ между тѣми и другими. Человѣкъ женатый предается весь женѣ своей и, по справедливому выраженію нашего закона, любить ее, какъ собственное свое тѣло; отъ этого естественно проистекаетъ и любовь его къ ея дѣтямъ. Мачиха же, по своей женской природѣ, подозрѣваетъ постоянно мужа въ томъ, что онъ не любитъ ее такъ сильно, такъ нѣжно, какъ первую жену, и если у него есть отъ послѣдней дѣти, малѣйшая ласка, заботливость и вниманіе къ нимъ отца возбуждаетъ и разжигаетъ въ ея сердцѣ ревность и зависть то за себя, то за ея дѣтей; въ особенности же ея ненависть къ дѣтямъ ея мужа отъ первой жены увеличивается, когда по какимъ нибудь обстоятельствамъ эти дѣти превосходятъ ея дѣтей состояніемъ, красотой, умомъ или когда все родовое имущество ея мужа должно отойти къ пасынкамъ, а ея дочери получаютъ только $^1/_{14}$ часть этого имущества. Имѣя такимъ образомъ въ виду враждебныя отношенія мачихи къ пасынкамъ и

(*) Т. X, ст. 124.

падчерицамъ и вліяніе ея на мужа, законъ и запретилъ послѣднему оспоривать законность рожденія дѣтей его отъ перваго брака при мачихѣ. Положимъ, что это постановленіе совершенно справедливо; но какъ вы подведете подъ это правило слѣдующій случай: нѣкто, положимъ, Бобровъ поссорится съ женою, и они расходятся и разъѣзжаются (*) по разнымъ городамъ; жена его ѣдетъ въ Петербургъ, ведетъ дурную жизнь и приживаетъ, положимъ, 10 дѣтей; имѣя документы, что она не вдова, а за-мужемъ, она креститъ всѣхъ этихъ дѣтей на имя мужа. Между тѣмъ этому послѣднему неизвѣстны продѣлки его жены; но вдругъ она умираетъ, Бобровъ женится вторично и тутъ является къ нему 10 человѣкъ, не только носящихъ его имя, но претендентовъ на его родовое имущество. Родовое имущество, какъ извѣстно, не подлежитъ завѣщанію; слѣдовательно Боброву остается продать это имущество, а то послѣ его смерти оно отойдетъ къ незаконнымъ дѣтямъ его жены; въ этомъ родовомъ имуществѣ лежитъ прахъ и родителей и предковъ Боброва, и въ немъ соединены много свѣтлыхъ его воспоминаній,—вотъ Бобровъ и поневолѣ долженъ былъ бы начать процессъ — о незаконности рожденія дѣтей его первой жены.... Мнѣ кажется, что во избѣжаніе такихъ печальныхъ послѣдствій можно было бы предоставить каждому отцу безусловное право начинать опроверженіе законности его дѣтей; но съ тѣмъ, что если его споръ окажется неосновательнымъ, то за неправильное начинаніе иска подвергнуть его извѣстному уголовному наказанію, напримѣръ, 5-ти и 6-ти лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, по важности такихъ дѣлъ; потому что процессомъ своимъ истецъ порочитъ имя покойной своей жены и дѣтей ея. Въ процессахъ о незаконности рожденія лица не играютъ никакой роли ни гнѣвъ родителей, ни мачиха; какъ въ каждомъ процессѣ, и въ этихъ дѣлахъ сущность въ судебныхъ доказательствахъ, по которымъ и рѣшается данное дѣло; гнѣвъ же родителей и существованіе мачихи суть внѣшнія явленія, не играющія никакой роли въ процессѣ. Вообще во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ не обращается вниманіе на душевныя побужденія, а на самый фактъ; такъ напримѣръ, кому какое дѣло, по какимъ побужденіямъ я представляю ко взысканію вексель—по злобѣ ли на отвѣтчика, или отъ того, что онъ не платитъ денегъ?...

(*) Хотя это запрещено закономъ, но на практикѣ вы найдете тысячи такихъ примѣровъ.

ГЛАВА VII.

О ВЫЗОВѢ ОТВѢТЧИКА КЪ СУДУ И ПОСЛѢДСТВІЯХЪ НЕЯВКИ.

а) *О способѣ вызова.*

ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ СУДОПРОИЗВОДСТВА:

«Въ слѣдствіе поданнаго исковаго прошенія, по опредѣленію суда, отвѣтчикъ вызывается къ суду двоякимъ образомъ: или повѣсткою чрезъ полицію, когда мѣстожительство или пребываніе его извѣстны; въ противномъ же случаѣ—чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ столичныхъ и губернскихъ (*).»

Повѣстка вызова доставляется тяжущемуся чрезъ мѣстную полицію; но если требуется личная высылка къ суду участвующаго въ дѣлѣ, живущаго внѣ дѣйствія мѣстной полиціи, то дѣлается о томъ сношеніе чрезъ губернское правленіе (**)

ПО КОММЕРЧЕСКИМЪ СУДАМЪ.

«Повѣстки посылаются находящимся въ томъ же городѣ чрезъ приставовъ или присяжныхъ служителей; отсутствующимъ же въ уѣздѣ—по почтѣ или чрезъ нарочнаго по желанію и на счетъ истца (***).

Хотя способъ вызова отвѣтчика въ суду совершеннѣе въ коммерческихъ судахъ, нежели въ общихъ судахъ имперіи, но не лишенъ и въ свою очередь недостатковъ; разсмотримъ то и другое:

1) Посылка коммерческими судами повѣстки не чрезъ полицію, а чрезъ своихъ присяжныхъ или приставовъ, имѣетъ то преимущество, что полиціи не обременяются отъ тѣхъ судовъ излишними дѣлами и коммерческія дѣла не подвергаются неудобствамъ, проистекающимъ отъ медленности дѣйствій полицій; слѣдовательно по этимъ дѣламъ сами собою уничтожаются всѣ дѣлопроизводства и жалобы. Кромѣ того, въ экстренныхъ случаяхъ судъ можетъ дѣйствовать и энергически.

2) Общіе суды не иначе могутъ вызвать къ суду отвѣтчика, какъ по законному *постановленію* объ этомъ предметѣ; для коммерческихъ судовъ это необязательно: они могутъ прямо посылать повѣстки

(*) Т. X, ст: 2279, 2287, 2296 и 2666.
(**) Т. X, ст. 2287.
(***) Т. X, ст. 1375.

безъ опредѣленій; но многіе изъ нихъ слѣдуютъ рутинному порядку законныхъ постановленій. Эти-то законныя постановленія можно бы уничтожить, съ предоставленіемъ гражданамъ безусловнаго права суда, а необходимость послѣдняго указана мною въ предшествовавшей главѣ.

3) Въ законахъ объ общихъ судахъ сказано, что повѣстка посылается чрезъ *мѣстную полицію*. Но что должно подразумѣвать подъ словомъ: мѣстная полиція? Та ли, которая существуетъ въ округѣ суда, или въ мѣстопребываніи отвѣтчика? Разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ томъ же законѣ, гдѣ говорится, что если требуется личная высылка къ суду участвующаго въ дѣлѣ, живущаго внѣ дѣйствія *мѣстной полиціи*, то о томъ судъ сносится съ губернскимъ правленіемъ (?). Здѣсь подъ словомъ «мѣстная полиція» должно подразумѣвать находящуюся въ округѣ суда; чрезъ кого же долженъ судъ посылать повѣстку отвѣтчику, когда онъ находится въ другомъ уѣздѣ и губерніи? Въ первомъ случаѣ—чрезъ губернское ли правленіе или ту полицію, гдѣ находится отвѣтчикъ? во второмъ—чрезъ свое ли губернское правленіе или чрезъ то, въ губерніи которой отвѣтчикъ находится?

4) Вызовъ чрезъ публичныя вѣдомости отвѣтчиковъ къ суду въ коммерческихъ судахъ не существуетъ; а этотъ законъ можно бы распространить и на эти суды, только не въ такомъ видѣ, какъ онъ нынѣ существуетъ, а въ слѣдующемъ: вызовъ отвѣтчиковъ, когда они не находятся въ округѣ суда, чрезъ губернскія правленія или полиціи, долженъ быть уничтоженъ, по несовершенству этого способа; и если мѣстопребываніе отвѣтчика извѣстно и онъ находится въ другомъ уѣздѣ или губерніи, то: 1) повѣстка должна посылаться къ нему чрезъ присяжныхъ того суда, гдѣ отвѣтчикъ имѣетъ пребываніе; если же въ этомъ мѣстѣ онъ не будетъ найденъ, то считать его безвѣстноотсутствующимъ; 2) кромѣ этого, должна быть сдѣлана публикація въ оффиціальныхъ газетахъ (*) столичныхъ, мѣстной и той губерніи, гдѣ отвѣтчикъ имѣетъ жительство. Коммерческому суду должно быть предоставлено право публикаціи, потому что законъ предоставляетъ иногороднымъ лицамъ въ контрактахъ назначать для своего разбирательства извѣстный коммерческій судъ; его вѣдѣнію подлежатъ также всѣ лица, имѣющія торговыя сдѣлки съ лицами подвѣдомственными коммерческимъ судамъ.

5) Такъ какъ коммерческимъ судамъ не предоставлено право посылать повѣстки чрезъ полиціи, а отправлять ихъ съ присяжными и приставомъ они могутъ только въ своемъ уѣздѣ, то нѣкоторые коммерческіе суды, когда отвѣтчикъ находится въ другомъ уѣздѣ

(*) Но не въ одинхъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, которыя не многіе читаютъ.

или губерніи, приняли такой порядокъ дѣлопроизводства: по полученіи ими исковаго прошенія, они копію съ него отправляютъ къ отвѣтчику или чрезъ губернское правленіе или чрезъ ту полицію, гдѣ отвѣтчикъ имѣетъ мѣстопребываніе, и требуютъ отъ него объясненія. Исковое прошеніе иногда гуляетъ такимъ образомъ по разнымъ полиціямъ и правленіямъ года два, и если данный коммерческій судъ придерживается рутиннаго понятія и того порядка, что для полноты дѣла требуется отъ истца *опроверженіе* отвѣтчика, а отъ этого послѣдняго такъ называемое *доказательство*, то изъ этого можете заключить, сколько лѣтъ потребно, чтобы дѣло было пополнено. Я знаю одинъ изъ нашихъ южныхъ коммерческихъ судовъ, гдѣ подобное дѣло въ теченіе 5 лѣтъ дошло только до *опроверженія*.

б) *о срокѣ явки отвѣтчика къ суду.*

Какъ въ общихъ судахъ, такъ и въ коммерческихъ, общее правило для опредѣленія сроковъ явки отвѣтчика къ суду есть то, что оно зависитъ отъ усмотрѣнія суда (1). Но для коммерческихъ судовъ крайній предѣлъ этого срока maximum — для наличнаго отвѣтчика — 3-хъ-дневный, а отсутствующаго — поверстный, полагая по 30 верстъ на день; minimum еще точнѣе опредѣленъ. Коммерческій судъ долженъ этотъ срокъ сократить даже до 1 часа, въ чрезвычайныхъ и настоятельныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ: 1) о задержаніи отвѣтчика (2), подозрѣваемаго въ намѣреніи скрыться; 2) о наложеніи запрещенія на его товары, деньги и другое движимое имущество; 3) о сухопутныхъ и водяныхъ торговыхъ отправленіяхъ (3).

Эти предѣлы не постановлены для общихъ судовъ, когда отвѣтчикъ на лицо; только для отсутствующаго опредѣлены сроки поверстные. О времени же изготовленія повѣстки на вызовъ отвѣтчика для коммерческихъ судовъ существуетъ правило, что повѣстка изготовляется въ тотъ же день приставомъ; для общихъ же судовъ не существуетъ никакого срока: оттого по общимъ судебнымъ дѣламъ случается, что повѣстка посылается и чрезъ годъ: поэтому полезно было бы распространить этотъ срокъ для посылки повѣстки и на эти суды, въ особенности если у нихъ отнята будетъ обязанность разсуждать и опредѣлять, слѣдуетъ ли или нѣтъ принять искъ. Поверстные же сроки могли бы быть замѣнены болѣе опредѣлительными, а именно ихъ слѣдуетъ переложить на время такъ: назначить для отсутствующихъ отвѣтчиковъ, находящихся въ другомъ уѣздѣ — 2-хъ-недѣльный, для проживающихъ въ смежной губерніи — мѣсячный, для дальныхъ губерній — 4-хъ-мѣсячный, а для проживающихъ

(1) Т. X, ст. 1697 и т. XI, ст. 1377.
(2) Т. X, ст. 2285.
(3) Т. XI, ст. 1231, 1383 и 1384.

за границею и безвѣстноотсутствующихъ — ½-годовой (1); въ эти сроки отвѣтчики могутъ явиться или прислать въ судъ своихъ повѣренныхъ, тѣмъ болѣе, если бы было допущено общество присяжныхъ стряпчихъ.

в) *О препятствіяхъ въ явкѣ отвѣтчика.*

Законы наши о препятствіяхъ явки отвѣтчика въ суду основательны, только требуютъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ разъясненія, а именно:

1) По общимъ законамъ сказано, что причиною неявки можетъ быть задержаніе подъ стражею, а при судѣ по формѣ сказано, — задержаніе въ другомъ судѣ; то и другое—предметы совершенно различные: можно быть необязательно задержаннымъ въ судѣ, по какому нибудь дѣлу; а находящійся подъ стражею обязательно задержанъ. Не лучше ли было бы сказать, что арестованіе истца составляетъ препятствіе къ его явкѣ?

2) По общимъ законамъ, болѣзнь отвѣтчика, препятствующая ему отлучиться изъ дому, и болѣзнь жены можетъ быть причиною неявки его въ судъ; но между болѣзнями бываетъ разница, напримѣръ насморкъ и горячка; поэтому весьма справедливо законъ о коммерческихъ судахъ присовокупляетъ: «*тяжкая болѣзнь*».

3) Законъ коммерческаго суда къ этимъ препятствіямъ относитъ—кончину *ближняго родственника*, жившаго въ домѣ отвѣтчика; а общіе законы объясняютъ, что ближними родственниками отвѣтчика считаются родители, жена и дѣти, и при этомъ не требуетъ вовсе, чтобы они жили у него въ домѣ, а они могутъ быть даже въ отлучкѣ; послѣдній законъ мнѣ кажется справедливѣе перваго (2).

4) Для уважительности препятствій, говоритъ общій законъ (3), справедливость ихъ должна быть *изслѣдована* судомъ. Но вѣдь изслѣдованіе не такъ-то легко, въ особенности если отвѣтчикъ былъ въ другой губерніи или за границею; поэтому законъ о коммерческихъ судахъ, требуя также доказательствъ о причинѣ неявки въ судъ, присовокупляетъ: если отсутствующій отвѣтчикъ, отправясь въ путь для явки къ суду, въ дорогѣ заболѣетъ или задержанъ будетъ другими непредвидѣнными препятствіями, то онъ обязанъ предъявить о томъ немедленно мѣстному начальству или полиціи, которыя должны увѣдомить о томъ судъ. Такое постановленіе яснѣе неопредѣленнаго выраженія «изслѣдовано судомъ» (4). Только жаль, что этотъ законъ говоритъ лишь о препятствіяхъ, встрѣчающихся

(1) По ст. 2298, т. X, срокъ для явки въ судъ лицъ, находящихся за границею—годичный, но этотъ срокъ слишкомъ длиненъ.

(2) Т. X. ст. 2214 и 3126.

(3) Т. X. ст. 2294 и 3126.

(4) Т. XI. ст. 1192 и 1388.

въ дорогъ; его бы слѣдовало распространить на всѣ возможные случаи.

г) *О послѣдствіяхъ неявки отвѣтчика къ суду.*

По общему порядку судопроизводства, неявка отвѣтчика къ суду влечетъ за собою обвиненіе его въ искѣ, исключая дѣлъ крѣпостныхъ, которыя рѣшаются по имѣющимся въ дѣлѣ доказательствамъ. Коммерческіе же суды за неявку отвѣтчика къ назначенному сроку только штрафуютъ его отъ 15 до 150 р. сер. и разсматриваютъ дѣло по доказательствамъ одного истца, пока не явится отвѣтчикъ, которому тогда предоставляется право опровергать данныя истца (*). Первый законъ, мнѣ кажется, справедливѣе втораго: неуваженіе къ судебной власти и неявка по ея вызову, безъ законныхъ доказательствъ о причинахъ, побудившихъ его къ этому поступку, есть проступокъ, съ которымъ не соразмѣряется полагаемый закономъ штрафъ отъ 15 до 150 р.; богачъ поэтому можетъ пренебречь судомъ и не повиноваться его требованіямъ, по малозначительности этого штрафа. Притомъ этотъ штрафъ положенъ въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ явится въ судъ до рѣшенія дѣла; когда же до его явки дѣло рѣшается, то онъ ужь никакому штрафу не подлежитъ. Дѣло по апелляціи онъ переноситъ въ правительствующій сенатъ, куда и представляетъ доказательства неправильности притязаній истца; такимъ образомъ онъ и обошолся безъ коммерческаго суда. Мнѣ кажется, что закопъ о штрафахъ слѣдовало бы разъяснить или же подчинить коммерческіе суды общему закону о послѣдствіяхъ неявки отвѣтчика.

ГЛАВА VIII.

ОБЪ ОТВОДѢ СУДЕЙ.

Тяжущіеся, имѣющіе причину подозрѣнія на кого либо изъ судей, имѣютъ право просить объ устраненіи его. (**). Здѣсь раждается вопросъ: отъ одного ли окончательнаго рѣшенія дѣла или отъ всего дѣлопроизводства? Хотя въ статьѣ 2312, т. X сказано, что отводъ судей тяжущимися долженъ быть предъявленъ прежде начатія производства дѣла; но такъ какъ въ ст. 2310, т. X говорится, что судья, состоящій въ близкомъ родствѣ и дружбѣ съ тяжущимся, долженъ самъ устранить себя отъ *сужденія* дѣла, и во многихъ другихъ статьяхъ мы находимъ тоже самое, то слѣдовало бы эти законы разъяснить. И я думаю, что если въ правѣ отвода судей находятъ гарантію правосудія, то судьи должны быть отводимы прежде начатія иска или дачи отвѣта, потому что отъ дѣлопроизводста зависитъ и самая

(*) Т. X. ст. 2292, 2754 и 3123; т. XI. ст. 1391, 3394; 1395.
(**) Ст. 2305, т. X.

участь процесса; при этомъ должно принять во вниманіе, что если во время дѣлопроизводства откроются обстоятельства, могущія подать поводъ къ подозрѣнію, то тяжущійся не долженъ быть лишенъ права отвода. Въ уставѣ же торговомъ (1) прямо сказано, что отвѣтчикъ, какъ только явится въ судъ, по вызову, долженъ объявить свой отводъ.

Относительно же причинъ отвода по нашимъ законамъ мнѣ нѣкоторые кажутся не совсѣмъ основательными.

1) «Судья отводится, (2) если онъ часто имѣетъ въ обществѣ съ истцомъ или отвѣтчикомъ *тайное обхожденіе*, или когда видѣли его часто *шептавшагося* съ тяжущимся на ухо.» Въ обществѣ судья можетъ очень часто встрѣчаться съ тяжущимся, можетъ имѣть съ нимъ тайное обхожденіе по тысячѣ другихъ дѣлъ и шептаться съ нимъ на ухо можетъ о какомъ нибудь вздорѣ, который совѣстно громко сказать или который касается лично ихъ; но изъ такихъ признаковъ вовсе нельзя заключить, что совѣсть судьи нечиста и что онъ можетъ быть пристрастенъ въ сужденіи о дѣлѣ.

2) Недопущеніе судьи къ рѣшенію дѣла, когда онъ находится въ дружбѣ и родствѣ или свойствѣ съ тяжущимися до 4-й степени, также, по мнѣнію моему, несправедливо, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторой степени это признаетъ и торговый уставъ, сдѣлавъ для свойства ограниченіе до 2-й степени; это ограниченіе можно бы распространить и на родство. Что же касается до дружбы, то напрасно законодательство страшится ее въ XIX вѣкѣ, когда на каждомъ шагу осуществляются слова Крылова: «а брось-ка только кость, такъ что твои собаки;» да и чѣмъ вы докажете дружбу двухъ данныхъ лицъ?...

3) «Отводъ судей, рѣшавшихъ дѣло не въ пользу тяжущагося, который взялъ на это рѣшеніе апелляцію и потомъ требуется въ тотъ же судъ по другому дѣлу, не признается законнымъ подозрѣніемъ.» (3) Но тяжущійся въ этомъ случаѣ, кажется имѣетъ больше права подозрѣвать судью въ пристрастіи, нежели тогда, когда судья имѣетъ съ его противникомъ *тайное* обхожденіе и *шепчется* съ нимъ на ухо? Если ужь допускать отводы судей, то они могли существовать при всѣхъ дѣлахъ, сколько бы ихъ ни было у тяжущагося въ судѣ: съ одного его противника судья могъ взять взятку, съ другимъ состоитъ въ дружбѣ и такъ далѣе; даже если съ однимъ и тѣмъ же противникомъ тяжущійся имѣетъ разныя дѣла въ данномъ судѣ, то при производствѣ перваго дѣла онъ можетъ имѣть одно подозрѣніе, при второмъ и третьемъ — получить новые поводы подозрѣнія.

М. ФИЛИППОВЪ.

(1) Т. XI, ст. 1399 и 1340.
(2) т. X ст. 2306, п. 8.
(3) т. X, ст. 2308.

СЕЛО СОРОКОПАНОВКА.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ГУБЕРНСКАГО ДЕПУТАТА ***.

«Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій!»
Тредьяковскій.

Я объѣзжалъ свой участокъ въ южно-байракскомъ украинскомъ уѣздѣ, съ цѣлію собранія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, для обсужденій губернскаго комитета. Болѣе двухъ сотъ имѣній стояло въ моемъ спискѣ. Много было досадныхъ случаевъ. Инаго владѣльца не застанешь дома,—а ѣхать часто приходилось верстъ за семьдесятъ. Другаго и застанешь, да не вдругъ уломаешь отвѣтить на печатную программу: надъ всѣмъ онъ задумывается. Семеро разныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ двѣ барыни, даже вовсе было-отказались отвѣчать; да этихъ скоро и разгадали: это были — неграмотныя. Дѣло впрочемъ уже рѣшенное,—стоитъ пустить у насъ по губерніи повѣстку, что вотъ-мол правительство любопытствуетъ узнать, сколько въ такомъ-то округѣ рабочаго скота?—«А! подумаютъ владѣльцы:—тутъ дѣло неладное; это значитъ,—налогомъ обложить его хотятъ!» — И въ отвѣтахъ на повѣстки, съ которыми усердно станутъ рыскать становые, напишутъ: «нѣтъ въ уѣздѣ вовсе рабочаго скота». Черезъ двѣ недѣли послѣ того, стоитъ ка-

кому-нибудь заѣзжему шутнику пустить вопросъ въ другомъ видѣ: «казнѣ нуженъ рабочій скотъ въ наискорѣйшемъ времени: почему всякому предъявителю таковаго платится за штуку сто цѣлковыхъ»,—и неожиданно въ томъ же уѣздѣ окажется его у владѣльцевъ несмѣтное количество. Таковы-то всѣ ваши отвѣты на статистическіе вопросы. И напрасно рыскаютъ въ потѣ лица становые. Они впрочемъ большею частію и не рыскаютъ, а пишутъ отвѣты на-угадъ, изъ головы, къ великому отчаянію составителей разныхъ топографическихъ описаній губерній. Это испытали теперь и мы.

Описавши имѣнія покрупнѣе, имѣнія съ псарями, винокурами, сахароварами, селитроварами и музыкантами, изъ міра каменныхъ палатъ, двухъ-верстныхъ садовъ, башенъ съ звонящими часами и размалеванными сельскими конторами, я на время спустился въ міръ крошечныхъ мелкопомѣстныхъ захолустьевъ—поѣхалъ по хуторамъ и хуторочкамъ....

Хутора и хуторочки!

Много вы измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ на одномъ изъ васъ жили незабвенные Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна. Оно конечно, и донынѣ, и теперь еще живутъ въ вашихъ зеленыхъ весяхъ, безданно и безпошлинно, бременя землю и коптя православное небо, многіе близкіе и дальніе родные по крови этихъ милыхъ и безпримѣрныхъ «младенцевъ-стариковъ». Но все уже не то. Тѣ же зеленыя веси, тѣ же тихіе домики, съ бездною крошечныхъ комнатокъ, изъ которыхъ въ одной можно отлично заснуть до обѣда, въ другой—съ успѣхомъ послѣ обѣда, въ третьей—цѣлый день, а въ четвертой—и всю ночь. Такъ же тутъ ѣдятъ и пьютъ, вздыхаютъ и зѣваютъ. Такъ же здѣсь убиваютъ всякую мысль, для полноты и широты плотоядно-лѣниваго брюха. Только не всѣ уже наконецъ здѣсь раболѣпно вѣруютъ въ неподвижность настоящаго и въ невозможность лучшаго будущаго.

Со мною ѣхалъ, въ качествѣ секретаря и землемѣра, а болѣе собесѣдника и пріятеля, изгнанный изъ службы и побывавшій въ Сибири, нѣкто Абрамъ Ильичъ Говорковъ. Его исторія коротка. Онъ былъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ сосѣднемъ городкѣ Батогѣ квартальнымъ надзирателемъ и зналъ мѣстный край въ совершенствѣ. Однажды, во время его службы, явились къ нему судиться словесно два сосѣда, поспорившіе за сажень земли, перепаханной однимъ у другаго подъ огородъ. Мягкій

сердцемъ и нравомъ, Говорковъ сталъ уговаривать спорщиковъ не допускать дѣла до суда, до бумагъ и канцелярскаго сѣмени, и помирилъ ихъ полюбовно. За эту счастливую развязку одинъ изъ тягавшихся, болѣе разумный, пришелъ къ Говоркову и, въ благодарность за избавленіе его отъ убытковъ тяжбы по суду, подарилъ ему телушку. Тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но явился новый городничій, дока и живодёръ. При видѣ смиреннаго Говоркова, его сразу проникъ ознобъ и голодъ. — «А! Говорковъ не возьметъ, не загребетъ, какъ слѣдуетъ; значитъ и не подѣлится!» подумалъ онъ, и рѣшилъ его стереть съ лица земли. Дѣло обошлось простымъ доносомъ по начальству. Изъ губерніи явился слѣдователь. Квартальнаго призвали къ допросу. Послѣ разныхъ, то шутливыхъ, то иносказательныхъ дознаній, его спросили: «Вы взяли у мѣщанина Пивня въ подарокъ телушку за рѣшеніе тяжбы его съ мѣщаниномъ же Штондою?»— «Взялъ».—«Подтвердите показаніе своею подписью». Говорковъ росписался. — «Ну, вы уличены во взяточничествѣ; собственное сознаніе — лучшая улика!»—«Да помилуйте, я взялъ вольный даръ; я взялъ по рѣшеніи тяжбы, какъ благодарность за избавленіе отъ спора по суду!»—Извиненій не приняли. Говоркова смѣнили, предали суду и посадили въ тотъ же уѣздный острогъ, который онъ самъ, старанія ради передъ начальствомъ, незадолго передъ тѣмъ отдѣлалъ и украсилъ черезъ любившее его мѣстное купечество. Дѣло его тянули, тянули и кончили. Онъ приговоренъ былъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. И донынѣ тамошніе жители помнятъ тотъ неизгладимый изъ памяти, сѣренькій и влажный, осенній денекъ, когда всѣми чтимаго миротворца и защитника мѣстныхъ гражданъ, Абрама Ильича, вывели изъ острога, и напутствуемый слезами и мольбами глухо шумѣвшей кругомъ толпы, послѣ обычнаго молебна, онъ прошелъ сквозь ряды знакомыхъ лицъ, по пути въ ледовитую и грозно-невѣдомую ему Сибирь. «Эхъ, голубчикъ! Глянь-ка, глянь-ка! никакъ плачетъ!» говорили русскіе краснорядцы. — «А со мной онъ того.... не разъ и въ преферансикъ игралъ!» говорили чиновники подобрѣе. Чубатые туземцы изъ малороссовъ молчали; но долго проталкивались они по улицамъ, сумрачно заглядывая въ лицо ссыльнаго и судорожно хватаясь за колья уличныхъ заборовъ и воротъ.... Ударилъ иной благовѣстъ. Разнеслась молва о коронаціи и о всепрощеніяхъ. Говорковъ получилъ право воротиться изъ Си-

бири. Безродный, холостой и неимущій, онъ, скрѣпя сердце, махнулъ рукой и пожелалъ, на счетъ казны по пересылкѣ, черезъ двѣнадцать лѣтъ, явиться опять въ родимый городъ. Онъ тамъ искалъ снова службы. Но онъ обманулся. Врагъ его, городничій, въ губерніи занималъ уже мѣсто вице-губернатора. Да и кромѣ того, во всѣхъ углахъ засталъ онъ такую кучу искателей мѣстъ, всякихъ заштатныхъ и сверхъ-штатныхъ (тогда еще была манія къ службѣ непремѣнно коронной!) — что онъ походилъ, помыкался снова по знакомому уѣзду, напрашиваясь въ его закоулкахъ на частную должность, — и отъ души пожалѣлъ, что для канцелярско-бюрократическихъ надеждъ, покинулъ Сибирь, эту привольную, свѣжую страну, полную иныхъ болѣе жизненныхъ и смѣлыхъ обѣтованій. «Да и климатъ-то тамъ вовсе не такой, чтобы плохой!» говорилъ онъ въ утѣшеніе уѣзднымъ, обрюзглымъ и обабившимся консерваторамъ: «помилуйте; напримѣръ вотъ у васъ, въ ноябрѣ, бываетъ по 25 градусовъ мороза; а тамъ, на Амурѣ, виноградъ дикій созрѣваетъ! Вотъ что!...» Ко мнѣ въ собесѣдники онъ попалъ просто. Когда я, попавши по выбору гг. дворянъ въ депутаты, сталъ искать секретаря, изъ первыхъ явился Говорковъ. Почти слезно началъ онъ проситься на работу по такому важному дѣлу. Онъ много читалъ еще въ Сибири, у какого-то ссыльнаго; а въ уѣздѣ только и пробавлялся чтеніемъ.

Съ этимъ-то Абрамомъ Ильичемъ Говорковымъ я объѣздилъ много мелкопомѣстныхъ. Между прочимъ мы завернули въ много-владѣльческое село *Сорокопановку*.

— А что же это однако за Сорокопановка? Вы и ее должны знать,—спросилъ я Говоркова, когда мы спустились съ мѣловаго кряжа низенькихъ холмовъ, и поѣхали ровною, гладкою и раздольною южно-байракскою степью.

Изъ-сиза зеленые раскаты сѣнныхъ урочищъ кое-гдѣ пересѣкались черными полосами новой, бархато-пушистой пахати. Эти полосы иной разъ шли непрерывно или пестрѣли съ дальнаго лога, какъ шахматная доска на зеленомъ полѣ. Коршуны медленно плыли въ небѣ, описывая широкіе круги. Изъ густаго, желтаго буркуна и синяго разлива пчелиной кашки, перемѣшанной съ кудрявыми, головатыми кустами травы, называемой холодокъ, глядѣли порою пугливыя головы дрохвъ. Скоро засвѣжѣло. Близки были поёмные берега свѣтлой и тихой рѣки Отавы. Лугъ, весь въ тростникахъ и озерахъ, шелъ по лѣвому

ея берегу. Правый былъ гористый. Съ этого-то праваго берега приходилось намъ подъѣзжать къ Сорокопановкѣ. Но поля всё еще не прекращались. Ни лѣска, ни кургана, ни темнаго и глубокаго, лѣсистаго степнаго оврага, въ зной и въ тишину полудня оглашаемаго криками кукушекъ, горлинокъ и сѣрыхъ дроздовъ или неугомонныхъ сорокъ, въ то время, какъ остальная степь горитъ и мертвѣетъ, переливаясь одними свистами милліоновъ сусликовъ, да стрекотаніемъ зеленыхъ и розово-бирюзовыхъ стрекозъ. Ни одного облачка на небѣ. Только вдали гдѣ-то нахлобучилась бѣло-сизая туча, и наискось падаютъ изъ нея, какъ кисейныя полосы, ленты дождя... А это что? Не то овцы, не то дикіе гуси. Подъѣзжаемъ ближе. На зеленомъ раздольи, мѣрно выстроившись, ходитъ стая, головъ въ четыреста, журавлей... Вотъ они завидѣли насъ, остановились; всѣ головы вытянулись, всѣ слѣдятъ за нами. Но мы ихъ не спугнемъ. Они опять склонились и длинными носами, какъ сѣрыми кирками, долбятъ землю, должно быть подбирая стадо залегшей съ весны пѣшей саранчи, или житныхъ кузнечковъ...

— Сорокопановка? заговорилъ Абрамъ Ильичъ: — какъ мнѣ ее не знать! Какъ служилъ я въ земскомъ судѣ, не разъ сюда съ отдѣленіемъ и подати ѣздилъ собирать. Да и въ эти два года побывалъ. Вотъ что Сорокопановка: тутъ испоконъ-вѣку живутъ малопомѣстные панки. Какъ будемъ ѣхать, увидите три лога, глубокихъ оврага. Гдѣ эти яры сошлись, тутъ и начинается Сорокопановка, все хатки да хатки, и въ каждой панъ съ паней и со своею дворней. Такъ жилось здѣсь еще при Екатеринѣ. Говорятъ, что шутникъ Потемкинъ поселилъ тутъ какихъ-то майоровъ, числомъ ровно сорокъ, за какое-то отличіе съ цѣлой арміей, и далъ всѣмъ дворовыхъ и землю. Село назвали сперва Майоровка; но въ простонародьи, да и сами поселенцы прозвали потомъ свою деревню Сорокопановкой, отъ *сорока панковъ*, ея обитателей; такъ она и теперь зовется. И какой это все народъ забористый и съ гоноромъ! Еще дѣды ихъ, первые поселенцы, никому не давали проѣзду; а эти, хотя и кроткаго нрава, да все байбаки и себѣ-на-умѣ. Полиціи спуску не даютъ, однако же не буяны. Промежь нихъ мало грамотныхъ. Инаго даже и не отличишь отъ мужика. Пашетъ землю, ѣздитъ ямщикомъ. А спросишь,—дворянинъ. У рѣдкаго больше двадцати-тридцати десятинъ земли; а дворня есть у каждаго. Господа и слуги ѣдятъ вмѣстѣ, даже иные живутъ въ одной ха-

тѣ. Старинныя прозвища повывелись чрезъ браки. Иной выдалъ дочь, самъ умеръ, а зять на его мѣсто сѣлъ со-стороны. Другіе продали участки и выѣхали въ города. Но есть еще между ними и старые люди...

— Чѣмъ-же они болѣе живутъ?

— Такъ болѣе, ничѣмъ. Иной трубку цѣлый день куритъ, а лакей ее перемѣняетъ, да чешется у двери. Другой конями торгуетъ,—сущій цыганъ; даже кричитъ: «пидчеревай, шобъ бахтировала!» Барыни сѣютъ бакши, да огороды содержатъ; барышни гранъ-пассьянсъ на карты раскладываютъ, про жениховъ гадаютъ. Отставной подпоручикъ Поливеновъ хорошо съ гитарой *Феню* поетъ и танцуетъ. Неурядица у нихъ старинная. Никто не хочетъ уступить и покориться старшему. При мнѣ еще было судъ хотѣлъ завести у нихъ какое-нибудь начальство, да и сталъ въ раздумьи. Къ какому роду общества отнести такой поселокъ? Городъ не городъ, деревня не деревня. Будь это мѣщане, въ посадъ бы обратили; будь вольное крестьянское село, выбрали бы изъ обывателей голову, сотскаго или старшину тамъ какого-нибудь. А то вѣдь, что ни дворъ, то и помѣщикъ. Созовутъ жителей въ уѣздъ: — «выбирайте себѣ голову или сотскаго!» — «Вотъ еще, пойдемъ мы въ сотскіе! Мы дворяне!» — И дѣлай съ ними, что хочешь. Такъ и не выбираютъ себѣ начальника. Шумъ, гамъ, — наѣдетъ становой, такъ насилу и выберется: иной разъ и обывательскихъ лошадей не достанетъ, хоть пѣшкомъ за десять-за пятнадцать верстъ въ казенную слободу иди. А тяжбы! Умеръ недавно тутъ внукъ секундъ-майора Хлюстенка; такъ за смертію его судъ прекратилъ двадцать восемь дѣлъ, начатыхъ все по искамъ его объ обидахъ. Есть тоже тутъ космополитъ вообще и отставной монахъ въ особенности Досифей Иванычъ Ипокреновъ. Вообразите: мущина въ косовую сажень ростомъ, руки какъ у тамбуръ-мажора, ноги, воротнички и галстухъ носитъ *à l'enfant*, постоянно небритый, и, обладая сердцемъ и нравомъ цыпленка, въ разговорѣ напоминаетъ пустую бочку, когда въ нее повѣетъ вѣтеръ и она гудитъ-бу-бу-бу-бу!... Онъ былъ кадетомъ, юнкеромъ въ отставкѣ; служилъ на Кавказѣ, бредилъ Марлинскимъ, воротился оттуда съ какою-то шашкой, неистово вращая зрачками и толкуя про черкесовъ. Потомъ вдругъ, облѣнившись снова у какого-то помѣщика на хорахъ во флигелѣ, готовился поступить въ монахи, одѣлся въ рясу, отпустилъ бороду и принялъ, съ четками въ рукахъ, ве-

личественно-внушающую наружность. Въ монастырѣ пробылъ онъ года четыре и опять преисполнился скукой. Поѣхалъ гостить снова къ какому-то сельскому жителю, на хоры, затянулся случайно трубочкой, очутился потомъ на охотѣ съ ружьемъ и когда на бывшей тутъ холостой пирушкѣ одинъ изъ мордатыхъ и усатыхъ капитановъ сказалъ ему: «Да полно тебѣ, старче Досифее, рясу-то носить, лучше ее скинь и надѣнь нашъ мундиръ!» Ипокреновъ тутъ же крикнулъ «ура», облачился въ гражданскую хламиду и на другой же день поступилъ въ уланы. Изъ него снова вышелъ бравый поручикъ. Скоро онъ получилъ эскадронъ и даже, какъ самъ онъ любилъ болтнуть, съ этимъ эскадрономъ онъ и француза побилъ, хотя тогда не было нигдѣ у насъ войны съ французами. Про Кавказъ и про свое монашество онъ тоже несъ разную фантастическую чепуху: вездѣ у него играли роль таинственныя красавицы, низринувшія его въ бездну золъ. Но загадка просто разрѣшалась. Это былъ въ прямомъ смыслѣ слова—добрый малый, лѣнтяй съ дѣтства и одолѣваемый скукой непосѣда въ зрѣлыя лѣта. Былъ потомъ онъ и управителемъ имѣній, и точильщикомъ, и строителемъ какой-то мельницы, и химикомъ, и гостемъ у разныхъ особъ. Попытался онъ, разумѣется, служить и въ ополченіи послѣдней войны, куда попала вся «бурная пѣна съ русскаго общественнаго пива» по выраженію одного уѣзднаго остряка. Служба была короткая и покойная, и онъ, при помощи банка и дьябелки, выѣхалъ изъ дружины въ каретѣ на лежачихъ рессорахъ. Но скоро снова прожился и хотѣлъ опять поступить въ монахи. Только святые отцы бѣжали отъ него за тридесять земель, какъ отъ непотребнаго козлища... Теперь онъ живетъ здѣсь у какой-то вдовы, ходитъ въ красной канаусовой рубашкѣ, съ тросточкой, сытъ и веселъ, съ тѣми же воротничками *à l'enfant*, и разрисовываетъ дѣтямъ хозяйки своей какія-то картинки, пополамъ съ суздальскимъ золотомъ... Я впрочемъ его люблю; это славный малый. Да вотъ и сама Сорокопановка!»

Я высунулся невольно изъ крытой нетечанки и велѣлъ остановиться.

Лѣвый берегъ Отавы простирался передъ глазами, весь затопленный плёсами еще недавняго половодья. Мы были на правомъ. Пока кучеръ отошелъ къ лошадямъ, мы стали въ сторонѣ. Спутникъ мой запахнулъ свою гороховую шинелку, передернулъ на головѣ потертый клеенчатый картузъ и, уставя къ тремъ

зеленѣющимъ оврагамъ свой красноватый носикъ, прищурился и улыбнулся.

— Вотъ помѣщикъ Куличокъ, — началъ онъ снова, тыкая пальцемъ въ воздухъ:— высѣкшій сосѣда за карточный долгъ; а вотъ и его высѣченный сосѣдъ Бѣлопятый, про котораго остряки говорятъ, что когда его двѣ дочки, *дѣвицы*, поссорились на прогулкѣ по улицѣ за какое-то платье, будто бы выдуманное за границей, то *сынъ* одной изъ нихъ ушибся, споткнувшись о камушекъ.... А вонъ, гдѣ видны крылья мельницы, живетъ престарѣлая дѣвушка, писательница временъ массонства и украинскихъ альманаховъ, Любовь Вѣнцеславская, поклонница всякаго рода птицъ, пѣвчихъ и простыхъ, отчего ея домъ напоминаетъ собою лавку московскаго охотнаго ряда.

И нѣсколько минутъ еще Абрамъ Ильичъ, какъ демонъ въ легендѣ великаго поэта, будь только на немъ, вмѣсто гороховой шинелки какая нибудь огненная хламида, разсказывалъ мнѣ исторію крошечныхъ домиковъ, глядѣвшихъ бочкомъ и въ разсыпку по зеленѣющимъ косогорамъ. Всѣ они тонули въ садахъ. Кое-гдѣ торчали изъ-за холма либо крылья мельницы, либо бревно колодезнаго журавля, либо новый рядъ домиковъ и верхушки маленькихъ садовъ. Желчь разбирала сердце Говоркова.

— Да о чемъ-же вы еще думаете, Абрамъ Ильичъ?

— Думаю, что этихъ бы господъ, этихъ монаховъ—поручиковъ, господъ Бѣлопятыхъ, Куличковъ и Поливеновыхъ, всѣхъ мужескаго и женскаго пола лицъ, перемѣстить бы туда, на мое мѣсто... на Амуръ, выключая старухъ и стариковъ. Да нѣтъ, и Вѣнцеславскую бы туда; она бы воспѣвала Шилку и Аргунь, да сибирскихъ дроздовъ бы учила носикомъ таскать цѣпочкой воду!

— А насъ бы на ихъ мѣсто поселить? перебилъ я нарочно, желая утишить пыль разкозырявшагося собесѣдника.

Говорковъ тотчасъ покорился, притихъ и даже умаслилъ свой взглядъ. Печальный опытъ положилъ клеймо на его юморъ.

— Ну-съ, Абрамъ Ильичъ, теперь за дѣло. Гдѣ списокъ? Тычкò, Крячкò, Макарищенко... Съ кого-бы начать? Оно конечно, статистика тутъ мало чѣмъ любопытнымъ поживится. Лѣсовъ и фабрикъ не имѣется, сахарныхъ заводовъ, селитряныхъ буртъ, домашнихъ оркестровъ, промышленности и особой торговли — также. Однако все-таки надо составить перечни ревизскихъ душъ, дворовыхъ, числа земли; измѣрить, хотя приблизи-

тельно, землю подъ ихъ усадьбами; спросить цѣну этихъ земель и строеній; узнать о содержаніи дворовыхъ... Вы послали сюда повѣстки съ печатными программами отъ предводителя?

— Какъ же-съ, послалъ-съ! отвѣчалъ Абрамъ Ильичъ.

— Куда-же намъ ѣхать; гдѣ выбрать исходную точку своихъ дѣйствій?

— Совѣтую-съ къ Вѣнцеславской... У нея и домъ побольше! Домъ ея какъ разъ стоитъ въ рощѣ, за косогоромъ, надъ Отавой. Отъ нея можно послать повѣстки о явкѣ на съѣздъ и къ другимъ!

Мы поѣхали къ Вѣнцеславской.

Былъ знойный полдень, когда мы песчаною отлогостью прибрежья рѣки Отавы, мимо сорокопановскихъ дворовъ, домиковъ и хатъ, мельницъ и огородовъ, въѣхали въ опушку дубовой густой рощи, снова взбиравшейся въ гору и примыкавшей къ общей столицѣ поселка. Въ этой рощѣ стояла глухая и невѣдомая міру усадьба Любовь Павловны Вѣнцеславской. Пробираясь между дубами и орѣшниками, между упругими ихъ корнями, издали мы замѣтили раза два мелькнувшую бѣлую крышу новаго тесоваго домика. Скоро въѣхали во дворъ. Куча какихъ-то зданій, амбарчиковъ, голубятенъ, кладовыхъ и погребковъ, стояла по сторонамъ двора. За низенькимъ, длиннымъ домомъ виднѣлся садъ, изъ котораго шли тропинки къ сорокопановскимъ дворамъ. Дворъ былъ чистъ, подметенъ и усыпанъ пескомъ. Среди двора прыгала, оставляя слѣды своихъ лапокъ, совершенно куцая ручная сорока, степенно и съ разстановкой, какъ круглый кубарь. На перилахъ крытой галлереи сидѣли двѣ ручныхъ совы. Туча голубей кружилась чуть-видная въ небѣ, винтомъ и въ разсыпку, спускаясь къ кровлямъ двора. Осины и орѣшины чуть трепетали листьями. На шнуркѣ вдоль галлереи висѣли десятки мѣшочковъ сушеныхъ травъ, распространявшихъ въ знойной тишинѣ разные полевые и лѣсные запахи. Мы остановились, какъ околдованные, и самъ назойливый обывательскій колокольчикъ, издавши неловкое теньканье, будто устыдился и замолчалъ... Въ припрыжку черезъ дворъ куда-то пробѣжалъ, какъ угорѣлый, огромнаго роста, черный голландскій пѣтухъ, — Петька, какъ послѣ оказалось, постоянная жертва другихъ пѣтуховъ хозяйки.

Мы поглядѣли еще и пошли на крыльцо. Ни души не было тамъ; но вдоль стѣнъ и у дверей, до самаго потолка, шли

клѣтки съ разными птицами. Голосистыя, мохнатыя, пестрыя, зеленыя, желтыя, кривоносыя, длинноносыя, сѣрыя, большія, малыя, чубатыя и всякія, сидѣли и порхали по разнообразнымъ клѣткамъ. Двѣ сойки, туземные украинскіе попугайчики, передразнивали собаку и воробья. Черный, старый воронъ, какъ сказочный суровый стражъ, стоялъ на порогѣ, въ шерстяныхъ красныхъ чулкахъ и уставя на воздухъ огромный носъ...

Мы прошли далѣе переднюю и еще какую-то комнату, въ цвѣтахъ. Залъ встрѣтилъ насъ низенькими комнатками, низенькими свѣтлыми окнами, какъ показалось намъ—будто даже неправильно расположенными, и кучею картинокъ, ярко озолоченныхъ полуденнымъ солнцемъ. Здѣсь были западныя гравюры временъ Павла и Екатерины: иллюстрированная «Исторія Жильблаза», «Погибшая невинность Катерины Дуранси», «Малекъ-Адель», «Повѣсть о львѣ и дитяти» словомъ, десятки тѣхъ картинокъ, передъ которыми и теперь еще съ любопытствомъ и нѣжностію останавливаетесь вы, рѣдкій посѣтитель нашихъ мѣстъ, въ комнатахъ, гдѣ случайно зажились лица или преданія прошлаго вѣка Украйны. Вышитыя подушки на кушеткѣ, вышитыя сидѣнья на стульяхъ, коврикъ съ индѣйцемъ и турчанкою у фортепьянъ — дополняли картину.

Мы откашлялись. Сперва вбѣжала, кашляя также и волоча параличную ножку, престарѣлая, крохотная и совершенно-разслабленная бѣлая болонка, съ глазами, дочиста заросшими длинною шерстью. За нею вошла престарѣлая и тоже будто не слишкомъ здоровая, востроносенькая и худенькая хозяйка, сѣдая, съ волосами, сзади подобранными на гребень, а напереди въ видѣ серебряныхъ завитковъ, съ ридикюлемъ на рукѣ и въ зеленомъ ситцевомъ платьѣ, узоръ котораго представлялъ смѣсь цвѣтовъ розмарина и оленьихъ головокъ съ золотыми рогами.

— Извините, господа, что я васъ заставила ждать! заговорила мелкопомѣстная барыня. — Я совершенно догадываюсь о причинѣ вашего пріѣзда.

Съ этимъ словомъ она присѣла, приглашая и насъ садиться возлѣ себя. Мы обмѣнялись привѣтствіями и поясняли ей подробнѣе нашу цѣль.

— Ахъ, помилуйте, очень рада! Помилуйте, я никогда не прочь! Я всегда готова была; я даже покойнику Котляревскому и Квиткѣ, когда они издавали украинскіе журналы, говорила, что надо дать свободу нашимъ крѣпостнымъ людямъ. Квитк

даже мое одно стихотвореніе тогда хотѣлъ помѣстить объ этомъ. Очень рада, господа, дать вамъ отвѣты на все. Вотъ видите, какою анахореткой я здѣсь живу. Съ той поры, какъ кончила курсъ въ пансіонѣ, я уже сорокъ-два года здѣсь живу безвыѣздно, среди сада и цвѣтовъ, среди цвѣтовъ и моихъ птичекъ... Люди! Эй! Палашка, Ѳеська, Петрусь!...

И на крикъ ея дребезжащаго голоска явились въ дверяхъ корридора три или четыре веселыхъ и улыбающихся головы. Полныя, здоровыя, румяныя лица слугъ такъ и говорили: «жизнь наша великолѣпная, ѣдимъ и спимъ мы вдоволь; и будутъ ли такъ хороши наши дни послѣ, какъ теперь, у этой рѣдкой, хотя и исключительной пани?...»

— Кофею! Да отпречь лошадей господъ чиновниковъ.

— Мы не чиновники, вмѣшался Абрамъ Ильичъ: — они по выбору, а я частно занимаюсь землемѣрствомъ!

Хозяйка повернулась на стулѣ, утерла носъ, запачканный табакомъ (она нюхала) и долго не могла сказать ни слова, глядя на насъ съ восторгомъ и какъ бы озадаченная приливомъ нежданныхъ, бившихся наружу, сладкихъ чувствъ...

— Да, да! заговорила она:—наконецъ сбываются мои грезы, и я умру спокойно! Давно я ждала и думала... Наши крѣпостные люди будутъ свободны... Наконецъ-то часъ пробилъ! когда-же это совершится?

— Скоро-съ! комитетъ открытъ и теперь члены его собираютъ послѣднія свѣдѣнія! Свѣдѣнія нужны черезъ двѣ недѣли. Вы ваши отвѣты приготовили?

— Мои? Нѣтъ... Я не ожидала, чтобъ такъ скоро...

— Помилуйте, да повѣстка у васъ уже третій мѣсяцъ...

— Повѣстка?! спрашивала сама себя восторженная старушка: зачѣмъ вамъ эти свѣдѣнія? Нельзя ли безъ нихъ?

Говорковъ вступился за канцелярскій порядокъ. Она задумалась. Потомъ встала, ушла въ гостиную и вынесла медленно оттуда, въ пыли и совершенно оплетенную паутиной, повѣстку комитета, съ печатною программой...

Я былъ озадаченъ.

— А ваши сосѣди, сударыня, всѣ господа сорокопановцы, приготовили отвѣты?—спросилъ я.

— И они тоже, какъ и я, — отвѣтила простодушно Вѣнцеславская.

— Нехорошо, Любовь Павловна! отнесся Говорковъ:—а мы надѣялись на васъ, какъ на каменную гору! Какъ же теперь намъ быть?

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ право совѣстно! Какъ же тутъ помочь? Ахъ, право — досадно и совѣстно!...

И она стала набивать длинный носикъ душистымъ табакомъ, отъ котораго распространился по комнатѣ запахъ жасмина....

— Дѣло простое, вмѣшался я: — всѣ почти владѣльцы Сорокопановки имѣютъ однихъ дворовыхъ. Значитъ, намъ нужны свѣдѣнія только о количествѣ дворовыхъ людей, о содержаніи ихъ, о ихъ усадьбахъ и работахъ. Списокъ дворовыхъ мы уже получили по вашему селу изъ казначейства. Остается вамъ сообщить о ихъ содержаніи и о работахъ и оцѣнить ихъ усадьбы, а мы измѣримъ хотя приблизительно вашу подъ-усадебную землю по каждому двору....

— О содержаніи, о работахъ, цѣну усадьбамъ! повторяла про себя въ раздумьи хозяйка:—гдѣ же тутъ опредѣлить? Жили у меня, ѣли мое, ходили въ моемъ, какъ тутъ высчитать!... Да тутъ и на цѣлый годъ будетъ работы, а не на двѣ недѣли....

И она развела руками.

— Да у меня же и земли кстати нѣтъ, — продолжала она:— есть домъ и кухня, да садъ, да и только, люди живутъ въ кухнѣ, ѣдятъ постное и скоромное. Какъ тутъ высчитать? Право, какъ тутъ опредѣлить? А впрочемъ дѣлайте, какъ знаете....

Мы стали утѣшать ее, что нужныя свѣдѣнія соберемъ въ одинъ, а уже много въ два дня. Она опять понюхала табаку и задумалась....

Подали кофе, потомъ завтракъ, потомъ обѣдъ. Мы сидѣли и толковали о старинѣ. Говорковъ между тѣмъ написалъ циркулярную повѣстку ко всему сорокопановскому обществу, съ приглашеніемъ явиться въ 4 часа пополудни, въ тотъ же день, въ домъ госпожи Вѣнцеславской, для сужденій объ общемъ дѣлѣ, къ депутату губернскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, такому-то.... Повѣстка вручена призванному въ залъ, совершенно круглому и румяному мальчику, увальню лѣтъ пятнадцати. Ему сказано: обойди, а лучше обѣгай всѣхъ господъ по селу; дай прочесть бумагу и росписаться, и проси къ 4 часамъ къ Любовь Павловнѣ; да проси непремѣнно. Въ повѣсткѣ прибавлено: «просятъ захватить печатныя программы, разосланныя три мѣсяца назадъ, и отвѣты на нихъ, буде таковые

готовы.» Мальчикъ, бравши повѣстку, смѣялся. Лицо его такъ и лоснилось отъ жиру и румянца. Улыбнулись и мы съ Говорковымъ, глядя на его круглыя щеки, бѣлую, плотными рядами стриженную голову и жирное, круглое туловище. Въ открытое въ садъ окно видно было, какъ этотъ толстый Меркурій перебѣжалъ дорожку цвѣтущихъ бѣлыхъ акацій, не безъ труда вскарабкался на колючій плетень и бухнулъ черезъ него, перевалившись въ сочную и густую траву сосѣдняго огорода, сбѣгавшаго по крутому косогору къ оврагу и къ другой густой и темной рощѣ, зеленѣвшей на той сторонѣ....

Намъ зѣвалось. Какое-то блюдо, съѣденное за столомъ, особенно насъ одолѣвало дремотой. Птицы пѣли; листья чуть шуршукали. Запахи всякаго рода пробирались изъ сада въ окна. Любовь Павловна сидѣла задумавшись. Абрамъ Ильичъ чуть не дремалъ. Мы извинились передъ хозяйкой, за-просто попросили позволенія заснуть и, тыкаясь носами въ стѣны, пошли въ корридоръ....

— Какъ же-съ, и комната готова! замѣтила звонко хозяйка, взглянувши на насъ и представя глаза, также совершенно сонные: — кстати, и другіе подоспѣютъ тогда!

Мы очутились въ темной и прохладной комнатѣ, съ запахомъ инбиря и, кажется, калганнаго корня, выходившимъ изъ какой-то конторки: нащупали перины и завалились спать.

Два, три, чуть ли даже не четыре часа мы спали. Ни лучъ свѣта, ни жужжанье назойливой мухи не прерывали сна. Инбирь и калганъ пріятно щекотали ноздри. Тишина въ домѣ и кругомъ была невозмутимая. Я помню, что заснулъ, все обдумывая въ потьмахъ: «откуда это пахнетъ инбиремъ и калганомъ? изъ шкафа, или это наливки стоятъ гдѣ нибудь на полкахъ, или на печкѣ вверху, и пахнутъ....» Глаза сами собою раскрылись у меня перваго. Гражданскія заботы явились прежде всего. «Какъ же это?» думалъ я уже иначе въ потемкахъ: «свѣдѣнія комитету нужны скоро, особенно о мелкопомѣстныхъ; а эти господа, кажется, и не думаютъ о важности ихъ составленія!»

— Абрамъ Ильичъ! шепнулъ я: — Абрамъ Ильичъ!

Говорковъ вскочилъ на перинѣ.

— А? что?!

— Я хочу съ вами поговорить о возвышенномъ.... Скажите мнѣ; вѣдь комитеты наши это первыя еще попытки совѣщатель-

ныхъ, сословныхъ учрежденій съ законодательными правами на Руси?

— Первые!

— А какъ вы думаете, сознаютъ это господа помѣщики, призваные черезъ нихъ заявить свои желанія?

— Не всѣ сознаютъ.... Вотъ и теперь: клянусь, я убѣжденъ, что въ цѣлой Сорокопановкѣ не найдете даже чернильницы, чтобъ писать отвѣты!

Сонъ опять сталъ насъ одолѣвать. Но подъ окномъ загоготалъ гусь, а потомъ крикнулъ пѣтухъ Петька, затрубивши, какъ военная труба, и мы встали.

Свѣтло и весело встрѣтилъ насъ опять тотъ же залъ, съ картинками и гарусными подушками. Только, вмѣсто собачки, по полу уже ходили двѣ галки, въ сережкахъ, сафьяныхъ панталончикахъ и, по остроумному соображенію самой хозяйки, съ ситцевыми мѣшочками, подвязанными у хвостовъ, для чистоты....

— Вотъ, замѣтилъ Говорковъ, зѣвая во весь ротъ: — губернскій предводитель грозитъ, что крайній срокъ подачи свѣдѣній для комитетовъ еще только двѣ недѣли; а Любовь Петровна передъ такою реформою мѣшочки подъ хвосты ручныхъ галокъ подвязываетъ! — И онъ опять зѣвнулъ. Зѣвнулъ за нимъ и я.

— А что? спросилъ Говорковъ:—я думаю, парижскіе и лондонскіе публицисты никакъ не воображаютъ, чтобы дѣло у насъ такъ дѣлалось, чтобы мы, положимъ, такъ зѣвали?

— И я думаю тоже....

Мы еще помолчали. Никто не являлся въ залъ. Въ открытое окно къ сторонѣ двора видно только было, какъ два какихъ-то мальчика, игравшіе вѣроятно предъ тѣмъ въ орлянку, у сарая спали, раскинувшись на землѣ, а престарѣлая комнатная женщина, сидя спиной къ крыльцу амбара на землѣ, спала, держа въ рукѣ недовязанный чулокъ съ прутками и широко развѣся жирныя толстыя губы....

— Чтожь тутъ дѣлать? замѣтилъ я: — сосѣди нейдутъ, не собираются, да и хозяйки нѣтъ, а время летитъ! Скоро и вечеръ; завтра же надо еще ѣхать на Лозовыя Воды, на Гудиниху, на Котелки, и мало ли еще куда! Что намъ дѣлать? Вѣдь это все спитъ, Абрамъ Ильичъ, спитъ все село, какъ въ сказкѣ!

— Спитъ, да еще какъ! слышите?...

Въ это время изъ корридора послышалось храпѣнье тоненькаго, тихаго женскаго, хотя довольно однако забористаго, свойства: это были звуки изъ комнаты самой хозяйки.

— Давайте готовить астролябію! замѣтилъ Говорковъ:—хотя одну или двѣ усадьбы примѣрно обойдемъ, да и нанесемъ послѣ на планъ ихъ среднюю величину....

Мы отправились сами къ нетычанкѣ, достали ящикъ съ астролябіей, разбудили мальчиковъ, спавшихъ подъ сараемъ, и отрядили ихъ нарубить вѣхъ и кольевъ. Старушка подъ амбаромъ спала попрежнему. Мы пошли въ садъ. На поворотѣ изъ первой же дорожки, передъ нами, съ обрыва надъ Отавой, открылась вся разнообразная и живописно-пестрая картина Сорокопановки. Вотъ рядъ мельницъ, по кряжу косогора. Вотъ хатки и домики, въ раскидку, бочкомъ, спиной и передомъ одни къ другимъ, раздѣленные садами, оврагами, холмами и просто площадями зеленыхъ пустырей, величиной въ иное хуторянское поле. Волы, коровы и лошади ходили по этимъ пустырямъ. Въ одномъ мѣстѣ, среди села, паслось цѣлое стадо овецъ; въ другомъ кто-то запахалъ полъ-десятины подъ огородъ, и на неогороженной пахати уже всходила какая-то зелень. Толстыя, дряблыя и совершенно лысыя, отъ дородности своего огромнаго, красноватаго тѣла, свиньи ходили привольно по всѣмъ угламъ села, тыкаясь въ заборы и почесывая спины у самыхъ панскихъ крылецъ и окопъ. Стаи голубей носились въ синемъ и безоблачномъ небѣ. На три или на четыре версты раскидывалась во всю сторону любопытная Сорокопановка, село не село, посадъ не посадъ и городъ не городъ, а всего этого понемножку....

— Ну, долго же этотъ мальчишка-посланецъ будетъ обходить съ повѣсткой господъ здѣшнихъ обывателей! сказалъ я Говоркову: — я думаю — просто спитъ гдѣ нибудь на дорогѣ, подъ заборомъ.

Онъ молча махнулъ рукой и продолжалъ пристально вглядываться въ картину у нашихъ ногъ, гдѣ, какъ на ладони, виднѣлась вся Сорокопановка, со всѣми своими дворами и дворикаии, задворьями, каморками, амбарчиками, со всею своею внутреннею домашнею жизнію.

— А что? спросилъ Говорковъ: видите? Полюбуйтесь-ка; вѣдь ни въ одномъ углу пѣтъ еще ни души на дворѣ; всѣ спятъ! Смотрите-ка, гдѣ же тутъ дождаться кого нибудь господъ на нашу сходку?

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на близкій вечеръ, Сорокопановка была еще царствомъ мертвыхъ. Кое-гдѣ только заливался крикомъ какой-нибудь горластый голландскій пѣтухъ, да дюжины двѣ индѣекъ, гордость и слава важной пани, сберегшей ихъ съ весны отъ общаго падежа на эту птицу, прерывали общую тишину дружнымъ кавканьемъ....

— Ну,—замѣтилъ желчный Говорковъ:—вотъ, если бы какой нибудь французскій миссіонеръ случайно забрелъ сюда и не зналъ, что это Россія, такъ прямо сказалъ бы въ своихъ запискахъ, что былъ въ такомъ-то селѣ верхняго Кіанга, Соро-ко-пан-чун-ху.... И свиньи напоминаютъ про Китай!

И Абрамъ Ильичъ съ досады закурилъ крѣпкую и скверную сигару, къ которымъ онъ пріучился еще въ Сибири, сигару изъ чистѣйшаго тютюну.

Явились мальчики, отряженные за вѣхами. За ними сверху, съ дорожки, показалась и Любовь Павловна. Протирая глаза и съ подрумяненными отъ сна морщинками худенькаго лица, она, слегка зѣвнувъ и закрывъ ротъ ладонью, подошла къ намъ, когда мы ставили уже астролябію и наводили ее на уголъ ея усадьбы.

— Что это? Вы уже и за работой! Ахъ, что значитъ неутомимость! начала Любовь Павловна: — это не то, что мы!

— Долгъ требуетъ! сурово замѣтилъ Говорковъ, копаясь у кольевъ вкругъ подставокъ и неистово разгребая землю.

— Вотъ, мы начнемъ съ вашего уголка, Любовь Павловна! сказалъ я, наводя вѣхи и идя далѣе вдоль плетня и внизъ по улицѣ къ сосѣднимъ усадьбамъ, изъ которыхъ ближе всѣхъ была усадьба священника, а за нимъ подпоручика Свербѣева.

— Ахъ, какъ же это? говорила Венцеславская, шагая за нами мелкими шажками, какъ пестрая куропаточка: — а я велѣла вынести сюда и варенья!

Мы шли по улицѣ. Мальчики Вѣнцеславской ставили вѣхи и шли съ цѣпью; Говорковъ отмѣчалъ углы въ записной книжкѣ. У поворота близь дома священника надо было взять вправо и вести вѣхи по краямъ огорода Любовь Павловны. Тутъ вышелъ самъ отецъ Павелъ, поглаживая лысину; онъ молча намъ поклонился и тоже сталъ съ пристальнымъ любопытствомъ смотрѣть на вѣхи. Подоспѣлъ и лакей съ подносомъ. Мы наложили на блюдца варенья и стали ѣсть.

— Что это, Любовь Павловна, прошлогоднее? спросилъ отецъ Павелъ..

— Прошлогоднее, Павелъ Ильичъ!

Говоркова вывело изъ терпѣнья, какъ это такъ мало обращаютъ вниманія на наше дѣло.

— Эхъ, братъ, да говорятъ тебѣ—лѣвѣе, ворчалъ Говорковъ, продолжая ставить вѣхи и направляя нерасторопнаго парня. Онъ свернулъ за рядъ тополей, огибая далѣе усадьбу Вѣнцеславской.

Когда мы съ блюдцами въ рукахъ, облизываясь и немного позамѣшкавшись съ отцемъ Павломъ, начавшимъ разсказывать, что вотъ у него на спинѣ сыпь явилась и Андреевыхъ дѣти тоже въ сыпи, свернули влѣво за новый уголъ плетня, мы увидали Говоркова, окруженнаго толпою новыхъ лицъ....

Престарѣлый, сѣдовласый и необычайной толщины, добродушный подноручикъ Свербѣевъ, едва передвигая столбы своихъ ногъ, стоялъ тутъ, поворотя къ астролябіи свои отекшія и брылястыя щоки, увѣнчанныя серебрянымъ и коротко-стриженнымъ черепомъ, безъ шапки. Какая-то низенькая, коренастая, круглая дама, въ черномъ коленкоровомъ платьи и такомъ же чепцѣ, съ огромною нижнею, почти коровьею губою и сѣрыми глазами на выкатъ, ходила тутъ же, съ палкою, шевеля и судорожно дергая за висѣвшій у нея на рукѣ ридикюль, набитый разными, очевидно лѣловыми, бумагами. Двѣ дѣвицы, въ голубыхъ полинялыхъ шляпкахъ, блѣдныя и чахоточныя, но съ черными южными глазами и густыми черными же бровями, стояли также въ обществѣ прочихъ, какъ будто попавши сюда невзначай. Усатый и разухабистый господинъ въ венгеркѣ, повертываясь, какъ флюгеръ, стоялъ поодаль, пугливо однако и съ несмѣлымъ вниманіемъ слѣдя за происходившимъ. Это были: въ черномъ—госпожа Папина, въ голубыхъ шляпкахъ — дѣвицы Фіалковскія, съ усами — отставной ротмистръ Чурилка....

А между тѣмъ вдали показывались другія лица. Съ горы отъ мельницъ шли три брата Ковриныхъ, неслужащій дворянинъ Чубченко съ неслужащимъ же сыномъ Чубченкомъ-младшимъ,—оба какъ простые мужики, въ простыхъ зеленыхъ, мѣщанскихъ чуйкахъ и съ длинными бородами. Наконецъ отъ моста близъ Отавы отдѣлялась группа дамъ, предводимыхъ огромнаго роста усатымъ господиномъ, въ красной рубахѣ, ополчен-

скомъ сѣромъ армякѣ на распашку, ополченскихъ сапогахъ и съ галстухомъ *à l'enfant*. По хлыстику въ его рукахъ, а болѣе, разумѣется, по счастливой наружности и галстуху, я тотчасъ узналъ въ немъ Досифея Ивановича Ипокренова, о которомъ слыхалъ я. Отдѣльныя лица и группы молча подходили, едва намъ поклонившись, и сурово останавливались въ сторонѣ. Изрѣдка перешептываясь, всѣ стояли молча, и съ подозрительно-недовѣрчивымъ вниманіемъ глядѣли на наши дѣйствія.

Такъ, я думаю, слѣдили японцы отважныхъ моряковъ, два года назадъ смѣло отводившихъ себѣ квартиры въ недоступныхъ дотолѣ Нагасаки; такъ индѣйцы временъ Кортеса встрѣчали бѣлыхъ пришлецовъ на берегахъ своихъ заповѣдныхъ рѣкъ....

Работа шла своимъ чередомъ. Никто не рекомендовался. Молчали и мы. Только слышно было, съ какою досадою сопѣлъ Говорковъ, идя зигзагами съ вѣхами и кончая планъ дачи Вѣнцеславской. Солнце обливало даль, сады, кровли домиковъ, мельницъ и насъ самихъ яркими, какъ киноварь, лучами.

Первый отозвался Ипокреновъ.

— Па-а-звольте-съ! Вы, кажется, нетакъ уголъ взяли? замѣтилъ онъ Говоркову.

— Чево-съ? свирѣпо спросилъ Абрамъ Ильичъ и поднялъ отъ колышка налитое кровью лицо и озябленный побѣлѣвшій носъ, изъ котораго, какъ у Ѳемистоклюса, капнула капля.

— Надо взять вотъ-какъ.... Когда я былъ случайно у Шамиля, онъ попросилъ меня снять видъ своего гаремнаго двора: Досифей-купакъ, говоритъ черезъ переводчика, какъ бы снять повѣрнѣе? Ну, я и снялъ. Я долго у него жилъ....

— Можетъ быть, можетъ быть! возразилъ со вздохомъ Говорковъ и докинулъ послѣдній уголъ.—Теперь дачу господина Свербѣева! отнесся онъ ко мнѣ.

Между тѣмъ группы оживились.

— Вотъ трудолюбіе, такъ трудолюбіе! отозвалась первая Вѣнцеславская.

— Да-съ! подхватилъ грубоватый Свербѣевъ и сдѣлалъ движеніе.

Нѣсколько рукъ его тутъ же остановили. Ипокреновъ принялся помогать Говоркову. Пошла общая бесѣда. Изъ воротъ дѣвицъ Фіалковскихъ вынесли стулья; кое-кто сѣлъ. Потомъ явился неожиданно коверъ и столъ, съ лавкой. Всѣ сѣли—кто на

лавку, кто на стулья. Бородатые однако стали въ сторонѣ. Ипокреновъ сѣлъ съ хлыстикомъ на коврѣ, у ногъ дѣвицъ. Доброе-ли выраженіе нашихъ лицъ, или такое уже примирительное настроеніе самого общества подѣйствовало, только наши новые знакомцы къ намъ присмотрѣлись и стали разговорчивѣе и общительнѣе. Они перестали смотрѣть на насъ, какъ на своихъ враговъ.

— Да не выпить-ли намъ тутъ же и чаю? спросилъ кто-то изъ толпы.

— Отлично, отлично, отозвались голоса.

Пошли за самоваромъ и за чашками. Вдова Папина, съ толстою губой и съ палкой, побѣжала за сливками. Сливки, принесенныя ею, дѣйствительно были великолѣпны.

— Такъ ужь и дѣлами не тутъ ли заняться? сказалъ рябой и голубоглазый ротмистръ Чурилка, покручивая усы.

— А дѣлами — такъ и дѣлами! рѣшило общество.

Всѣ собрались вокругъ стола, съ печатными программами. Явилось еще нѣсколько темныхъ и молчаливыхъ лицъ, ставшихъ также къ сторонѣ, какъ и бородатые. Чернилица отца Павла поставлена среди стола, съ нѣсколькими перьями. Особый столъ между тѣмъ уставлялся чайнымъ приборомъ.

— А что? отнесся опять Чурилка. — знаете ли, господа депутаты, мы люди простые; гдѣ намъ постигать тамъ всякія ваши статистическія хитрости? Вы намъ диктуйте, а мы будемъ писать....

Я улыбнулся.

— Этого нельзя!

— Какъ можно! замѣтилъ и Говорковъ: — тутъ не будетъ истины; а безъ нея и ничего хорошаго не будетъ!

Госпожа Папина суетливо разливала чай; дѣвицы Фіалковскія курили папиросы. Ипокреновъ съ ковра дѣлалъ имъ глазки. Я изложилъ данныя мнѣ отъ комитета инструкціи, разъяснилъ, какой важности предложенные вопросы; сказалъ, что отвѣтить на нихъ легко, и удивился, какъ почтенные жители Сорокопановки до сихъ поръ не доставили отвѣтовъ предводителю. Это повидимому удивило слушателей. Я развернулъ программу.

— Ну, вотъ напримѣръ, господа, берите перья. Пишите въ клѣткахъ программъ противъ графы о ревизскихъ душахъ, сколько у кого душъ, крестьянъ и дворовыхъ?

— Да у насъ почти у всѣхъ дворовые....

— Пишите....

Всѣ написали; одинъ—5, другой 2, третій 7. Три брата Ковриныхъ объявили, что у нихъ у троихъ всего одна душа, отличный поваръ, но что онъ уже два года, какъ содержится въ губернскомъ острогѣ, и они его показываютъ потому, что все-таки онъ отличный поваръ и что они надѣются получить за него выкупъ. У господина же Чубченка старшаго по ревизской сказкѣ оказалось необыкновенное явленіе: у него было всего три души женскія, бабка 50 лѣтъ, дочь ея 28 и внучка 10, хотя первыя двѣ значились незамужними. Это все были плоды запрещенной любви.

— Теперь пишите, сколько у кого грамотныхъ; какіе вамъ платятся оброки, сколько у кого недоимки, во что обошлось кому обученіе ремеслу и мастерству дворовыхъ, кто у кого приписанъ къ дому, кто къ землѣ и кто къ капиталамъ.

Написали и это. Только Свербѣевъ вдругъ хватилъ, что ему обученіе кузнеца обошлось въ 1,000 руб. серебромъ....

— Бога вы не боитесь, Сысой Иванычъ, замѣтилъ ему отецъ Павелъ, гладя лысину по обыкновенію снизу сверхъ: ну, гдѣ же тысячу? Да вашъ Парфенка у Пѣвзинскаго Петра за харчи обучался....

Свербѣевъ косо глянулъ на меня и крякнулъ.

— Нельзя, этого нельзя! подхватилъ Говорковъ, тряся головою.

— Ну, такъ сто рублей! смягчился Свербѣевъ.

— Пишите тридцать цѣлковыхъ въ два года! сказалъ опять отецъ Павелъ и засмѣялся.

Свербѣевъ молча вписалъ въ клѣтку 30 и вздохнулъ. Между тѣмъ вдова Папина все ёрзала на стулѣ, теребя свои манатки съ бумагами, и собиралась что-то сказать.

— Что вамъ, Ульяна Павловна? спросилъ старшій Ковринъ, глядя, какъ дрожали мозолистыя руки у старухи.

— Я, Илья Ильичъ, право не знаю, какъ тутъ быть! сказала она, сюсюкая и шепеляя: — двѣ ревизіи сряду у меня люди показаны были при сорока пяти десятинахъ земли, а у меня земли, кромѣ усадебной, нѣтъ уже давно, болѣе двадцати лѣтъ.

— Въ острогъ, матушка, въ острогъ засадятъ! бухнулъ Ипокреновъ, подмигивая на насъ.

Чашка изъ рукъ Папиной брякнула на столъ. Я едва успокоилъ старуху, за неграмотностію ея попросивши прописать эту оговорку младшаго изъ Ковриныхъ. Но трехъ-аршинный, бѣлокурый юноша, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, также оказался неграмотнымъ. Ихъ отвѣты на программы продолжалъ писать отецъ Павелъ....

Число скота господскаго и крестьянскаго, количество земли пахатной, сѣнокосной, лѣсной, удобной и неудобной, подъ рѣками, дорогами и усадьбами, выгонной и подъ оврагами, также записано примѣрно. Все шло, какъ по маслу. Всѣ другъ у друга справлялись, вписывали и не замѣтили, какъ въ полчаса съ небольшимъ главныя статьи программы были рѣшены.

— Ну, фабрикъ, заводовъ, торговли и особой промышленности у васъ, господа, вѣрно нѣтъ! сказалъ я: перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ полевой земли и усадебныхъ участковъ, а также къ настоящему устройству быта и стоимости содержанія вашихъ дворовыхъ....

— Давайте! весело подхватило общество.

Лица всѣхъ сіяли. Вечеръ лилъ потоки очаровательныхъ огней и, кажется, не хотѣлъ сходить съ неба. Даже дѣвицы Фіалковскія повеселѣли и какъ будто пополнѣли.

— Вы, Сысой Иванычъ, первый назначайте: по чемъ кладете десятину пахатной земли? спросилъ я Свербѣева.

— А по чемъ? Меньше нельзя, какъ сто цѣлковыхъ. Вѣдь это въ вѣчныя времена имъ отойдетъ.

— Какъ это?! Полтораста.... сначала робко отозвались другіе голоса, а потомъ всѣ зашумѣли и никого уже нельзя было разслушать.

— Меньше двухъ сотъ нельзя! кричала до охриплости и съ пѣной у рта незамѣченная до тѣхъ поръ, совершенно сморщенная старушка, безъ единаго зуба во рту и въ черномъ чепчикѣ съ плерезами:—нельзя! какъ можно, и того мало... Вѣдь это наше, — наше! Да говорятъ же вамъ — наше! Двѣсти! Меньше двухъ сотъ нельзя!

Я протестовалъ.

— Подумайте; отъ васъ требуютъ правды. Гдѣ же слыханы такія цѣны? Вы на себя накличете бѣду, вызовете недовѣріе правительства....

Всталъ Иноkреновъ.

— Нѣтъ, ужь па-а-звольте! Я это дѣло рѣшу: вотъ, напримѣръ, мой хлыстикъ; онъ стоитъ въ лавкѣ цѣлковый — да купецъ-то можетъ за него просить хоть милліонъ! Спросъ мѣры не знаетъ. Когда я гостилъ у Шамиля, онъ одинъ разъ заговорилъ мнѣ чрезъ переводчика: Досифей, говоритъ, что можно, говоритъ, взять за мой архалухъ?...

— Пошла коза на базаръ, пошла писать! возразилъ толстый Свербѣевъ:—разскажите лучше, какъ вы золотую руду открыли...

Ипокреновъ присѣлъ опять на коврѣ, крякнулъ и замолчалъ, косясь на своего вѣчнаго врага, Свербѣева.

Я пустился объяснять, что такое цѣна вещи и какъ ее опредѣляютъ; какъ земля цѣнится по десятилѣтней сложности средняго дохода. Всѣ соглашались со мной; но все-таки цѣну десятинъ требовали поставить по крайней мѣрѣ 75 р. сер. Уже почти въ сумеркахъ мы помирились на шестидесяти цѣлковыхъ, и всѣ въ графѣ поземельной цѣны выставили 60.

— Засѣданіе закрывается! сказалъ я съ улыбкой.—Завтра утромъ надо будетъ осмотрѣть планы вашихъ поземельныхъ участковъ и опредѣлить величину усадебныхъ земель у каждаго. Абрамъ Ильичъ этимъ займется утромъ и къ обѣду все кончитъ. А мы пополнимъ еще кое-какія мелочи...

Всѣ встали, разсыпаясь въ любезностяхъ и удивляясь, отчего они сами такъ долго не могли приступить къ отвѣтамъ, и все только посматривали на листки программъ, лежавшихъ у нихъ по окнамъ и за зеркалами, въ пыли и подъ слоями паутины.

— Вѣдь для этого вамъ нужно было только собраться и общимъ совѣтомъ положить, какъ написать, приблизительно хотя, вѣрные отвѣты!

— Собща! Въ томъ-то и дѣло! замѣтилъ старшій Коринъ: соберите-ка насъ! Да мы для выпивки только и умѣемъ собраться, а мелкоперыя барыни наши для толковъ о нарядахъ... Не пришли вы повѣстки, да и сами не пріѣзжай, мы бы и въ годъ цѣлый вамъ не отвѣчали...

Всѣ начали наперерывъ приглашать меня и Говоркова, кто на ужинъ, кто на ночлегъ къ себѣ, кто на все время на квартиру. Но мы отказались, не желая обидѣть прежней хозяйки, Вѣнцеславской, не покидавшей меланхолическаго выраженія своего маленькаго лица. Мы еще гуляли по улицамъ. Мѣсяцъ взошелъ и обливалъ яркимъ, янтарнымъ свѣтомъ сады и бѣлые домики.

Соловьи пѣли неумолкаемо, прерывая наши толки — то о содержаніи дворовыхъ, о ихъ одеждѣ, обуви и харчахъ, то о цѣнности усадебъ. И въ то время, какъ пернатые пѣвцы сыпали свои пѣсни съ горы, изъ древесныхъ кущъ, въ обрывы надъ Оташой, госпожа Папина распространялась о стоимости сѣрыхъ штановъ для Терешки и двухъ рубахъ въ годъ изъ домашняго холста для какой нибудь Усти или Катри, а неграмотный третій Ковринъ доказывалъ, что нѣтъ возможности опредѣлить цѣнности ихъ домовъ, потому что съ нихъ по десятилѣтней сложности доходовъ сложить нельзя. Вечеръ, какъ въ незабвенныхъ похожденіяхъ Тентетникова и Чичикова, закончился катаньемъ по Оташѣ, на лодкѣ отца Павла, при чемъ Ипокреновъ не премнулъ сперва явиться сущимъ рыбакомъ, заломить шляпу набекрень и затянуть волжскую пѣсню, а потомъ пустился разсказывать, какъ онъ былъ представленъ ко двору въ Петербургѣ и какъ одна иностранная принцесса, бывшая тамъ, давала ему понюхать табаку изъ своей алмазной табакерки... Тутъ же онъ влѣпилъ разсказъ о катаньи на лодкѣ по огромной рѣкѣ у Шамиля, съ его женами. И когда Свербѣевъ сказалъ напросто»: «врешь, старче! на Кавказѣ такихъ рѣкъ нѣту!» Ипокреновъ прибавилъ: «есть; только мы еще до нихъ не доходили!»

Блаженные, тихіе уголки! И его слушали, слушали, съ замирающимъ любопытствомъ. И никто во всей Сорокопановкѣ, (не перечь ему только Свербѣевъ) такъ легко не разъяснялъ европейской политики, не мирилъ и не ссорилъ иной разъ Австріи съ Франціей и Англіи съ Россіей, какъ Ипокреновъ. Положено было на рѣкѣ, что вѣрнѣйшее число стоимости годоваго содержанія дворовыхъ съ души будетъ высшее 40, среднее 20 и низшее 10 руб. сер. въ годъ. А почему 40 или 20? Этого никто не рѣшилъ бы, вѣрно. Эти цѣны обѣщались внести въ программы на утро и доставить мнѣ отъ всей Сорокопановки.

— А какъ вдругъ по сороку цѣлковыхъ велятъ платить дворовымъ въ годъ, если мы это подпишемъ? спросили нѣкоторые.

— Ну, что же,—и будете! сказалъ развязно Ипокреновъ.

Общество замолчало и погрузилось въ думу.

— Э, господа! заключилъ опять Ипокреновъ:—пишите больше; а то за границей скажутъ, что вы еще морили голодомъ людей!

Слова его подѣйствовали.

— Вы, старче, о чужихъ краяхъ намъ не говорите, возразилъ ему одинъ Свербѣевъ, составлявшій единственную оппозицію Ипокренова: — говорите лучше о Шамилѣ...

Добродушные жители разошлись. Мы тоже съ Говорковымъ ушли въ усадьбу Вѣнцеславской и скоро улеглись въ знакомой комнаткѣ съ запахомъ инбиря и калгана, гдѣ уже окна были раскрыты и освѣщены яркимъ мѣсяцемъ. Соловьи пѣли, какъ околдованные...

— Вы потрудитесь,—сказалъ мнѣ уже въ окно, неожиданно явившись изъ темноты съ надворья, Ипокреновъ:—завтра назначить сходку здѣшнимъ дворовымъ и пояснить имъ на сходкѣ, чего имъ ждать и что̀ слушать?

— Такихъ сходокъ не положено въ моихъ инструкціяхъ! отвѣчалъ я съ кровати, по чистой совѣсти не видя большаго проку въ цицероновскихъ объясненіяхъ съ нашимъ смиреннымъ простонародьемъ.

— Нѣтъ, какъ уже хотите, а я къ вамъ соберу—прибавилъ Ипокреновъ, уходя и крича черезъ заборъ:—смотрите же, поговорите! Бонь-нюи.

Инбирь и калганъ скоро насъ усыпили.

— Не забудьте завтра, Абрамъ Ильичъ, пораньше заняться съемкой хотя еще трехъ-четырехъ усадебныхъ участковъ Сорокопановки,—сказалъ я, поворачиваясь къ стѣнѣ:—или снимите общій планъ, а отдѣльные участки мы оговоримъ со словъ владѣльцевъ. Къ концу меня разбудите...

Было свѣтло совсѣмъ, когда я открылъ глаза. Говорковъ сидѣлъ, сгорбившись, противъ свѣта и, держа конецъ пера у самаго носа, свирѣпо чинилъ его, отхватывая огромные куски ножемъ.

— Вотъ, говорилъ онъ, и толкуй! Да тутъ такой хаосъ, что и не приведи Господи!

Я засмѣялся.

— Надо быть веселѣе, Абрамъ Ильичъ, и смотрѣть на вещи легче!

— Да, хорошо вамъ, а я съ зари возился, и хоть плюнь...

— А что?...

— Да то, что въ этихъ усадьбахъ самъ чортъ ногу сломаетъ! Обошелъ я почти всю дачу сорокопановскую, составилъ списокъ

владѣльцевъ и пошелъ по дворамъ, чуть солнце взошло. Что же бы вы думали? просишь: покажите, гдѣ границы вашей усадьба, двора, сада и огорода? А онъ и говоритъ: то мое, что видите, да и то, чего не видите и что перешло вонъ туда; это его отецъ отмежевалъ насильно и объ этомъ уже прошеніе подано! И пошло: хвостъ одной усадьбы влѣзъ въ голову другой; садъ этого перекинулся за огородъ; а посреди ихъ всѣхъ помѣстился еще колодезь и кухня третьяго. Какъ тутъ ихъ усчитать? Все переплелось и спуталось. Жили прежде безспорно, а теперь, какъ пошло дѣло на объявленіе правъ, такъ на стѣну лѣзутъ. Чубченко грозится жаловаться на меня, а вдова Папина даже съ полѣномъ какимъ-то по улицамъ стала бѣгать,—носится съ бумагами и тычетъ ихъ всѣмъ подъ носъ. Ходятъ кучками, на плетни повлѣзали и смотрятъ, что я дѣлаю! А двое объявили на-просто, что поколотятъ меня, если я ихъ обмѣрю...

— Ну, что же вы?

— Приблизительно прикинулъ по десятинѣ съ четвертью на усадьбу среднимъ числомъ, баста! А тамъ уже пусть сами до мелочей опредѣляютъ свои границы. Семь усадебъ легко, впрочемъ, было снять, и я нанесъ ихъ на планѣ. Да этого, пожалуй, и инструкціи наши не требуютъ! Вѣдь этого не въ недѣлю — и въ годъ не выполнишь...

— Оно конечно; а все-таки надо это по возможности собрать. Вы ихъ просили дать на это свои свѣдѣнія?

— Какъ же!

— Ну, наша астролябія въ другихъ мѣстахъ пригодится!

Мы вышли въ залъ. Подали чай. Хозяйка по прежнему сидѣла задумчиво, глядя въ полъ и поднимая на насъ восторженные глаза. А по полу уже ходили и галки съ мѣшочками, и куцая сорока, и параличная болонка. За чаемъ, безъ промежутковъ, подали жареныхъ въ сметанѣ соленыхъ перепелокъ, форшмакъ изъ карася, и селедокъ, и вареники съ капустой.

— Пора, пора дальше! говорилъ я, потихоньку между тѣмъ распуская подъ сюртукомъ на спинѣ запасныя пряжки:—что-то господа обыватели нейдутъ!

— А вотъ и они! сказалъ Говорковъ, глянувъ черезъ силу въ окно.

Онъ также едва сидѣлъ на стулѣ отъ жирныхъ угощеній Вѣнцеславской. Особенно насъ подкузьмили какія-то луковицы, паренныя съ начинкой изъ крупъ и яицъ и въ маслѣ.

Вчерашніе знакомцы снова вошли и чинно сѣли по залѣ. Всѣхъ набралось человѣкъ двадцать пять. Иные были уполномочены сосѣдями и принесли подписанныя программы. Всѣ сидѣли съ пакетами въ рукахъ.

— Что же, господа, готовы программы? спросилъ я вѣжливо, поклонившись на всѣ стороны.

— Готовы.

— Абрамъ Ильичъ! отбирайте, и внесите въ листъ имена представившихъ.

Говорковъ быстро принялъ отвѣты. Всѣ молчали и вздыхали.

Свербѣевъ тоскливо глянулъ на Чубченка и сдвинулъ плечами.

— А усадьбы скоро крестьяне выкупятъ? спросилъ Свербѣевъ.

— Мнѣ неизвѣстно.

— Полноте насъ морочить! Мы не дѣти....

— Какъ угодно, вѣрьте, не вѣрьте!

— Кому же извѣстно?...

— Какъ рѣшитъ комитетъ и какъ утвердятъ выше!

Свербѣевъ вторично пожалъ плечами и, вздохнувши, опять медленно повелъ глазами сперва на Чубченка, а потомъ на потолокъ.

Господа присутствовавшіе стали шопотомъ совѣщаться другъ съ другомъ. Иные вставали и долго стояли другъ у друга надъ ухомъ. Говорковъ вписывалъ между тѣмъ имена подавшихъ свѣдѣнія въ сорокопановскій реестръ.

Поднялъ голосъ старшій Ковринъ.

— Ну, а скажите, барщина по прежнему будетъ три дня на крестьянъ, а на дворовыхъ шесть дней въ недѣлю?... Вѣдь у насъ все дворовые! добавилъ онъ, тоскливо ловя мои взгляды.

— Не знаю и этого. Все дѣло рѣшитъ губернскій комитетъ....

Младшій Ковринъ перешелъ на цыпочкахъ къ старшему и что-то сказалъ ему на ухо, размахивая руками. Всѣ снова усѣлись и замолчали.

— Теперь, господа, сказалъ я, провѣривши списокъ:—изъ тридцати двухъ владѣльцевъ Сорокопановки въ срокъ къ маю,

представили свои отвѣты только семеро; восемнадцать владѣльцевъ дали свои отвѣты мнѣ теперь лично. Остаются еще семеро. Передайте имъ, что они подвергнутся всей строгости начальства и сами понесутъ лишенія, если о ихъ имѣніяхъ дѣло будетъ рѣшено заочно, безъ точныхъ свѣдѣній. Черезъ двѣ недѣли открывается комитетъ и свѣдѣнія ихъ уже не примутъ за составленіемъ губернскаго свода. Вы же, господа, чтобы не оставались въ невѣдѣніи о главныхъ началахъ реформы, заявленныхъ правительствомъ, то вотъ вамъ эти начала. Я уполномоченъ ихъ вамъ сообщить....

И я прочелъ публикаціи правительства по газетному листку. Всѣ слушали молча и напряженно, не спуская съ меня глазъ.

Свербѣевъ, стоя, долго и упорно чесалъ себя въ затылкѣ и сопѣлъ, ворочая налитыми кровью глазами. Наконецъ, когда я кончилъ, онъ подошелъ ко мнѣ, покачался на ногахъ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— *Bien merçi, merçi!* Но позвольте на пару словъ....

Отведя меня въ сосѣднюю комнату, онъ вдругъ засуетился, говоря: «ничего, ничего!» заперъ двери, подошелъ ко мнѣ, хотѣлъ что-то сказать, кашлянулъ и не зналъ, что говорить. Руки его дрожали, багровое лицо было въ поту.

— Экуте, началъ онъ, оглядываясь:—насъ никто не видитъ! Бѣсъ побери всякія тонкости! я человѣкъ прямой. Скажите всю правду, что тамъ съ нами будетъ? Я никому не скажу, а намъ нужно Откройте по секрету....

— Да говорю же я вамъ, что ничего не знаю....

— Ну.... экуте!... я вамъ....

И Свербѣевъ неожиданно сунулъ руку въ боковой карманъ своей венгерки.

— Вотъ.... благодарность.... между нами.... десять цѣлковыхъ, — это приношеніе нашего общества! прошепталъ онъ дрожа, и красный, какъ ракъ, сталъ кланяться и протягивать мнѣ засаленную депозитку.

Я разсмѣялся и отвелъ его руки. Онъ опять:

— Возьмите; жевупри.... Или мало?...

— Полноте; не стыдно ли вамъ! сказалъ я и ступилъ къ двери:—вѣдь вы же сами меня выбрали! Вѣдь я не чиновникъ, я вашъ же товарищъ, — и вы мнѣ даете взятку! Ну, стану ли я

измѣнять вашимъ интересамъ? Клянусь честью, я ничего не знаю.... Ну, вѣрите ли мнѣ? Честью клянусь!

Свербѣевъ быстро спряталъ деньги, круто повернулся на каблукахъ, вышелъ въ залу, гдѣ отшатнулась отъ дверной скважины куча любопытныхъ лицъ, и я видѣлъ, какъ при входѣ къ нимъ онъ свирѣпо махнулъ и головой и руками въ направленіи ко мнѣ, какъ бы говоря: «нѣтъ, чортъ его побери, не поддается, христопродавецъ!»

Собраніе встрѣтило меня съ совершенною и отмѣнною сухостію.

— Такъ вы уже ничего намъ не скажете, господинъ губернскій депутатъ? спросили меня разомъ и Коврины, и Чурилка, и Ипокреновъ, столпясь вкругъ меня.

— Ничего!

Свербѣевъ между тѣмъ, оправляясь и презрительно постукивая ногами, дерзко ходилъ по залѣ, шагая передъ самымъ моимъ носомъ. — Кто-то хотѣлъ начать веселый разговоръ, но Свербѣевъ обернулся къ своимъ и сказалъ: «Да что, господа, здѣсь болѣе намъ нечего уже слушать! Тончайшій человѣкъ!» и онъ съ судорожнымъ смѣхомъ замахалъ головою.

Положеніе мое дѣлалось невыносимо. Всѣ стали раскланиваться. Я отвѣшивалъ двойные поклоны.

— Па-а-звольте! отозвался Ипокреновъ:—тамъ у отца Павла во дворѣ собраны здѣшніе крестьяне. Поговорите съ ними. Мы просимъ васъ.

— Право, господа, совѣстно мнѣ.... Ну, что я имъ буду говорить? Не время еще; ничто еще не рѣшено.

Говорковъ толкнулъ меня въ бокъ и кивнулъ къ себѣ пальцемъ. Я подошелъ къ окну.

— Позвольте мнѣ поговорить за васъ; я поговорю! сказалъ онъ шопотомъ.

— Ну, извольте, пойдемте! сказалъ я вслухъ и взялъ шапку.

Мы пошли всѣмъ обществомъ. Венцеславская, провожая насъ съ крыльца, изъ-за кучи птичьихъ клѣтокъ, объявила, что стыдно такъ рано ѣхать и что мы обязаны у нея отобѣдать. Лошадей нашихъ уже запрягали, и мы отказались, благодаря отъ души хозяйку. Мимо клѣтокъ на крыльцѣ и клѣтокъ у погреба, мы сошли въ садъ. Садомъ шла дорожка въ яръ, яромъ на гору, и косогоромъ спускалась опять въ улицу, къ усадьбѣ священни-

ка. Изъ-за угла горы мы увидѣли толпу крестьянъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, въ разныхъ положеніяхъ. Священникъ, по прежнему въ подрясникѣ, ходитъ передъ ними и что-то весело говоритъ. Мы подошли. Дворяне презрительно остановились въ сторонѣ. Ипокреновъ, съ иронической улыбкой глядя на меня, помахивалъ хлыстикомъ и крутилъ усы. Съ другаго конца улицы спускалась уже наша запряженная нетечанка.

—Ну, шепнулъ я Говоркову:—начинайте вашу рѣчь! Да пора уже и ѣхать!...

Говорковъ обернулъ фалды порыжѣлаго своего сюртука, ступилъ шагъ, ступилъ два, кашлянулъ, глянувши какъ-то бокомъ въ землю и какъ-то особо пискнувши, и отрывисто спросилъ: (разговоръ шелъ по-малороссійски).

— А что, хлопцы, вѣрите вы мнѣ?

Всѣ съ удивленіемъ переглянулись между собою.

Отвѣта не было.

— Я спрашиваю васъ, хлопцы, вѣрите-ли вы мнѣ и тому, что̀ я скажу? Когда бы я былъ въ свиткѣ, вотъ въ такой, какъ вы всѣ ходите, то вы бы мнѣ повѣрили....

Двое или трое изъ переднихъ засмѣялись. Остальные изъ толпы хранили тупое молчаніе, и держа въ рукахъ шапки, смотрѣли внизъ. Тутъ я окинулъ ихъ пристальнѣе взглядомъ. Все это были дворовые, то есть исключительно почти одни батраки, бобыли бобылей, то есть мелкопомѣстныхъ. Лица здоровыя и жирныя, но притупленныя отъ выраженія лѣни и равнодушія. Одежда у всѣхъ была сборная, какъ на толкучкѣ: у инаго армякъ, у другаго ополченская поношенная свита, даже съ тремя номерованными пуговицами; у остальныхъ—то бѣлая рубаха, то ситцевый жилетъ, съ гребешкомъ на веревочкѣ, у пуговки, то долгополая хуторянская свитка, то порыжѣлая плисовая чуйка. Въ сторонѣ, презрительно улыбаясь, стояла краснѣющая и плечистая баба, въ сапогахъ, въ уланскомъ мундирѣ и на-веселѣ...

—Вѣримъ, отвѣтилъ впереди всѣхъ сперва тихо, и еще искоса поглядывая черезъ заборъ, за которымъ стояли дворяне, моложавый и широкоплечій парень, въ кожаномъ фартухѣ, что-то въ родѣ кузнеца или скорняка: — слыхали мы про тебя, что ты хорошій панъ; когда еще въ городѣ служилъ, то слыхали!—

Ипокреновъ на ухо Свербѣеву шепнулъ:

— Ишь, ракалiи, они все знаютъ! И говорятъ, что они ничего не смыслятъ и ни за чѣмъ не слѣдятъ.... *Allons* отсюда; по йдемъ лучше къ Антонъ-Антонычу. У него сегодня сынъ именинникъ.

Всѣ мало по малу ушли...

— Ну, такъ слушайте же, коли вѣрите! сказалъ Говорковъ, крякнувши и усиливая голосъ. Его видѣо также стѣсняли непрошенные зрители...

Толпа сдвинулась тѣснѣе, хотя съ тѣмъ-же выраженiемъ лѣни и сонливаго равнодушiя.

— Давно уже, хлопцы, говорилъ Говорковъ:— давно у васъ идутъ толки о вольности. Въ народѣ еще и не то толкуютъ: что вы ничего и дѣлать-то не станете, какъ объявятъ вамъ вольность.... И всякую вамъ ложь и неправду злые люди говорятъ. Вѣдь такъ?

— Такъ! послышалось въ толпѣ, и глаза у нѣкоторыхъ просiяли.

— Ну, знайте же, что паны ваши сами хотятъ дать вамъ вольность, и царя про то просили, и царь на то согласился. Вольность и будетъ, да надо только подождать... Подождите хлопцы, подождите!

— А вотъ, продолжалъ Говорковъ, — знаете ли вы, что въ Россiи пятьдесятъ, да и съ хвостомъ еще, губернiй, — а въ губернiяхъ по 10 и по 15 уѣздовъ? Ну, и совѣтуются теперь всѣ эти пятьсотъ уѣздовъ, какъ бы дѣло вышло лучше. Это такъ: положимъ, вольность, — это новая свитка. Ну, паны захотѣли дать вамъ новую свитку. Ну, и давайте ее, надѣвайте, да чтобъ только, когда надѣнете, то была бы она на всѣхъ и во всѣхъ мѣстахъ одинаковая. А то что же за покрой и польза, когда, не зная, что у сосѣда дѣлается, сошьете рукавъ желтый, а тотъ сошьетъ воротникъ синiй, а третiй сошьетъ полу одну красную, а другую, какъ у тебя вонъ жилетъ, зеленую, спинку же сошьютъ такую, что и на палецъ не надѣнешь...

— Такъ, такъ! заговорили въ толпѣ, хихикая, и лица поднялись на Говоркова: конечно, что и говорить! надо такъ сдѣлать, чтобы одинаково было всякому.

— Ну, а метла на небѣ, эта звѣзда, что по вечерамъ видна, ничего не значитъ? спросилъ изъ толпы парень въ

кожаномъ фартухѣ. Ему не дали договорить и держали его за полы...

Абрамъ Ильичъ не умолкалъ долго. Толпа его слушала внимательно. Я оглянулся: отецъ Павелъ, надѣвши очки, стоялъ, облокотившись объ оконницу и, держа въ рукахъ раскрытую книгу, должно быть Священное Писаніе, что-то въ ней кропотливо пріискивалъ....

А солнце безмятежно свѣтило, и ярко и вмѣстѣ тихо, безъ обычнаго зноя. Пѣтухи и другія птицы ещ недавно заливались по плетнямъ, соломеннымъ крышамъ бѣлыхъ мазанокъ и по цвѣтущимъ, уютнымъ садамъ тихихъ и уютныхъ усадебъ мелкопомѣстной Сорокопаповки; а теперь, какъ нарочно, затихли и будто также слушали неслыханныя рѣчи Абрама Ильича. Тучка набѣжала на солнце за Отавой. Трепетная, прохладная тѣнь накинулась на рѣку, на луга и на половину села,—съ зеленѣющею на холмѣ и далеко видною усадьбою Вѣнцеславской. Только за церковью раздалось серебристое, тоненькое ржанье жеребенка, какъ будто искавшаго потерянную имъ, среди огромнаго церковнаго выгона, матку....

Часа черезъ два толпа крестьянъ разошлась, молча, какъ-то въ разсыпку, не глядя почти другъ на друга, долго не надѣвая шапокъ и медленно, какъ бы не хотя, скрываясь въ концѣ гористой и зеленѣющей улицы. Абрамъ Ильичъ говорилъ ловко и находчиво. Онъ достигъ, чего хотѣлъ. Дворяне могли успокоиться. Одинъ только парень въ фартукѣ будто не хотѣлъ угомониться и, ставши въ далекѣ на бугрѣ, среди улицы, вдругъ свиснулъ и закричалъ: «А что, хлопцы, пойдемъ лучше до шинка; можетъ тамъ и еще потолкуемъ!» Не видно было, послушались-ли его остальные мужики.... Блѣдный и молчаливый сѣлъ Говорковъ, по окончаніи объясненій, въ нетечанку, уткнулъ носъ въ шинель и до слѣдующей деревни, верстъ двадцать пять, не сказалъ ни слова. Его будто слегка подергивало. Я также молчалъ. Мысли мои носились далеко-далеко, впереди, между голосами и тѣнями другихъ, уже видѣнныхъ и еще не видѣнныхъ мѣстностей нашего театра дѣйствій.

— А что, Абрамъ Ильичъ, о чемъ вы думаете? спросилъ я Говоркова, когда мы по пути въѣзжали въ новое село, въ село богатаго барина, имѣвшаго сахарный заводъ.

— Скверно на душѣ! отвѣтилъ Говорковъ:—точно кого нибудь обидѣлъ или неловкое слово сказалъ.

Мы остановились у рѣзныхъ, раскрашенныхъ барскихъ воротъ. Говорковъ опять засуетился, опять сталъ рыться въ бумагахъ и прочелъ въ спискѣ фамилій имя новаго владѣльца: «*Аркадіонъ Аркадьичъ Простъ-Прощеновскій. 400 душъ въ двухъ смежныхъ поселкахъ.*»

Насъ встрѣтили другія картины и лица. Но еще долго въ памяти у меня была тихая Сорокопановка, съ разными галками и сойками, съ Вѣнцеславскими, Свербѣевыми и Ипокреновыми, село не село, посадъ не посадъ, и городъ не городъ, куда повѣяло новою, небывалою еще жизнію....

А. СКАВРОНСКІЙ.

Сентябрь, 1858 г.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы....

Карамзинъ.

ГЛАВА IX.

О СУДЕБНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ.

Чѣмъ совершеннѣе и яснѣе судебныя доказательства, тѣмъ совершеннѣе самое судопроизводство: эта старая истина доказывается нашимъ законодательствомъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Слѣдя за исторіею развитія человѣчества, мы находимъ, что съ его развитіемъ сами собою исчезаютъ существовавшія въ Европѣ такъ называемыя ордаліи и пытки, какъ судебныя доказательства. Христіанство и наука смягчили народные нравы, указали лучшіе пути для дознанія истины, основанные на любви къ ближнему, милосердіи и правдѣ. Эти-то начала, проникнувъ духъ обществъ, мало по малу въ теченіе вѣковъ принимали характеръ положительныхъ законодательствъ, вошли въ Регламенты Петра 1-го и Уставы послѣдующихъ царствованій, а въ 1842 году окончательно вошли въ Сводъ Законовъ.

Изъ [illegible] доказательствъ войдутъ въ разборъ настоящей статьи [illegible] доказательствахъ я говорить не буду, потому что подробный разборъ и оцѣнка ихъ соединены съ разсмотрѣніемъ всѣхъ родовъ актовъ, обязательствъ и договоровъ, что составляетъ предметъ опредѣлительныхъ, а не охранительныхъ законовъ,—которые одни и составляютъ предметъ настоящей статьи.

1) О СОБСТВЕННОМЪ ПРИЗНАНІИ.

Эта судебная форма—самая древняя въ исторіи законодательствъ и была встарину тѣсно связана съ пыткою. Древніе юристы находили *собственное признаніе* самымъ совершеннымъ доказательствомъ и вслѣдствіе того, чтобы вынудить подсудимаго къ этому признанію, подвергали его страшнымъ пыткамъ и мученіямъ; слабѣйшее изъ нихъ приводитъ современнаго юриста въ ужасъ и содроганіе. По преданію стариковъ, при чтеніи въ присутствіи Екатерины II слѣдственнаго дѣла о кабинетъ-министрѣ Анны Іоанновны, въ которомъ вычислены были всѣ претерпѣнныя имъ пытки, нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ сдѣлалось дурно, а графъ Никита Панинъ, отличавшійся добротою и чувствительностью, упалъ въ обморокъ. Не прошло и ста лѣтъ со времени Анны Іоанновны, и пытки, ледяные дома и недоимочные приказы съ правежомъ становятся сказочными событіями. Уваженіе личности человѣка принимаетъ у насъ бо́льшее развитіе въ уничтоженіи крѣпостнаго права, въ свободномъ выраженіи печатно общественнаго мнѣнія и въ законодательныхъ преобразованіяхъ, основанныхъ на милосердіи и правдѣ.

Въ такой вѣкъ, при такомъ направленіи общества одно голословное собственное признаніе не можетъ быть принято за доказательство при уголовныхъ дѣлахъ; это собственное признаніе, по многимъ нравственнымъ побудительнымъ причинамъ, можетъ быть совершенно ложно: такъ человѣкъ изъ любви къ другому можетъ принять на себя его преступленіе, чтобы спасти его отъ наказанія. Вотъ почему законъ совершенно справедливо допускаетъ въ уголовныхъ дѣлахъ собственное признаніе, какъ доказательство, въ томъ лишь случаѣ, когда оно согласно съ прочими обстоятельствами и обстановкою дѣла (*). Въ дѣлахъ же гражданскихъ, гдѣ рѣчь идетъ объ

(*) По бракоразводнымъ дѣламъ существуетъ тоже самое правило, для того, чтобы не существовало стачки между супругами, желающими развода. (см. Уставъ консисторій).

имуществѣ, распоряженіе котораго въ полной волѣ даннаго лица, собственное признаніе можетъ быть безусловно принято, какъ доказательство. Но допуская это правило, наши законы дѣлаютъ ограниченія: 1) что признаніе должно быть на письмѣ и представлено въ судъ или въ самомъ судѣ учинено; 2) что признаніе, сдѣланное изустно внѣ суда, почитается недѣйствительнымъ; а сдѣланное письменно, смотря *по обстоятельствамъ*, можетъ имѣть силу доказательствъ (*).

Изъ этихъ условій собственнаго признанія открывается, что признаніе *словесное*, хотя бы оно было сдѣлано въ присутствіи суда—недѣйствительно. Но это—во 1-хъ не совсѣмъ согласно съ понятіемъ о судѣ: если не имѣть къ общему его присутствію довѣрія въ собственномъ признаніи, то этого довѣрія не должно быть и въ другихъ случаяхъ и самое понятіе суда должно бы исчезнуть; во 2-хъ, закономъ о томъ, что признаніе не можетъ быть словесное, уничтожается правило о свидѣтельскихъ показаніяхъ, какъ доказательствахъ: если кто нибудь признавался предъ свидѣтелями въ правильности иска своего противника, то ихъ показанія должны служить полнымъ юридическимъ доказательствомъ; въ противномъ случаѣ показаніе свидѣтелей должно бы быть совсѣмъ отвергнуто. Если показанія свидѣтелей допускаются, какъ совершенное доказательство, при опредѣленіи даннаго событія, то не слѣдовало бы кажется отвергать ихъ и при опредѣленіи признанія. Въ гражданскихъ дѣлахъ правило это, мнѣ кажется, не имѣетъ твердыхъ основаній; въ дѣлахъ уголовныхъ — дѣло другое: тамъ, какъ я выше сказалъ, лживое принятіе на себя преступленія можетъ имѣть множество нравственныхъ причинъ, и собственное признаніе, даже учиненное въ судѣ, (который можетъ видѣть, въ какомъ нравственномъ состояніи находится въ это время подсудимый), должно быть принимаемо съ осмотрительностью; и такъ какъ этихъ основаній нѣтъ въ гражданскомъ дѣлѣ, то и нѣтъ, мнѣ кажется, причинъ, чтобы собственное признаніе подвергать какимъ либо условіямъ. 3) Даже письменное признаніе, сдѣланное внѣ суда, принимается, по выраженію нашихъ законовъ, только *смотря по обстоятельствамъ*. Но обстоятельства, придающія или отнимающія силу письменнаго признанія, не опредѣлены, и это выраженіе подлежитъ совершенно произвольному толкованію судовъ: къ письменнымъ признаніямъ могутъ относиться всѣ обязательства, договоры, росписки и подписки; эти всѣ акты вѣдь ничто иное, какъ признаніе за какимъ нибудь лицомъ данныхъ

(*) Т. X, ст. 2322, 2323, 2324; т. XI, ст. 1435, 1436, 1437.

[illegible] заключая съ кѣмъ нибудь контрактъ на поставку, я этимъ признаю за нимъ права владѣнія и пользованія моимъ имуществомъ; давая кому нибудь росписку о полученіи мною отъ него денегъ по закладной, векселю или заемному письму, я этимъ признаю, что я удовлетворенъ. Вообще, если доказательства письменныя и подлинность ихъ не опровергается, то и событія, въ нихъ излагаемыя, должны приниматься, какъ доказательства; тоже самое можно сказать и о свидѣтеляхъ, если ихъ показанія принимаются закономъ за доказательство.

Въ коммерческихъ судахъ, кромѣ общихъ правилъ, существуетъ еще частное: что собственное признаніе, сдѣланное внѣ суда, изустно, считается недѣйствительнымъ *во всѣхъ тѣхъ случаяхъ*, въ которыхъ *законъ, требуя документовъ письменныхъ, не допускаетъ безъ оныхъ посторонихъ свидѣтелей*. Этотъ законъ имѣетъ разумное основаніе въ дѣлахъ о торговой несостоятельности: если бы его не существовало и если бы не было разрядовъ для удовлетворенія кредиторовъ, основанныхъ на силѣ ихъ документовъ, несостоятельный могъ бы, въ ущербъ конкурса, выпустить множество денежныхъ документовъ, да и собственнымъ признаніемъ могъ бы утвердить множество неосновательныхъ претензій; поэтому, мнѣ кажется, слѣдовало бы по дѣламъ о несостоятельности и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ интересѣ третьяго лица, собственное признаніе вовсе отвергнуть, какъ доказательство. Въ прочихъ же случаяхъ, мнѣ кажется, можно было бы не отвергать собственнаго признанія изустнаго или письменнаго. Признаваніе уставомъ коммерческаго суда изустнаго признанія внѣ суда, хотя во многихъ случаяхъ ясно доказываетъ необходимость допущенія этого способа доказательства, но кажется страннымъ въ томъ отношеніи, что признавая изустное признаніе *внѣ суда*, Уставъ Торговый отвергаетъ изустное признаніе въ *присутствіи суда*.

За то Уставъ Торговый (*) совершенно справедливо говоритъ: «признаніе по тому самому дѣлу (которое производится въ судѣ) при производствѣ его въ другомъ судѣ, пріемлется за признаніе судебное.» Этотъ законъ слѣдовало бы распространить и на дѣла общаго судопроизводства, какъ основательный и полезный; по общимъ законамъ это обстоятельство не разъяснено.

(*) Т. XI. ст. 1438.

2) ПОКАЗАНІЕ СВИДѢТЕЛЕЙ.

а) *О силѣ показаній свидѣтелей.*

Показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, не отведенныхъ тяжущимся и совершенно согласныхъ въ своихъ показаніяхъ, составляетъ совершенное доказательство, *если противъ него не будетъ представлено достаточныхъ опроверженій* (*). Какого же рода и въ чемъ должны заключаться опроверженія, которыя бы уничтожили силу свидѣтельства двухъ людей, составляющаго совершенное доказательство — не опредѣлено. Мнѣ кажется, что если свидѣтельство двухъ человѣкъ есть *совершенное доказательство*, то противъ него не могутъ приниматься никакія возраженія; но какъ скоро законъ допускаетъ тяжущемуся опровергать свидѣтельскія показанія и полагаетъ возможность этого опроверженія, то показаніе двухъ свидѣтелей не есть совершенное доказательство. Желательно было бы по крайней мѣрѣ, разъяснить: чѣмъ можно опровергать показаніе двухъ свидѣтелей. По смыслу закона, называющаго свидѣтельство двухъ людей совершеннымъ доказательствомъ, должно предполагать, что противъ него можно возражать только совершеннымъ доказательствомъ. Послѣдствія же бываютъ: письменныя, въ свою очередь раздѣляющіяся на разные роды и виды,—осмотръ на мѣстѣ, свидѣтельства свѣдущихъ людей, показаніе свидѣтелей, повальный обыскъ и присяга. Но каждое ли изъ этихъ доказательствъ можетъ быть противопоставлено показанію двухъ свидѣтелей или только нѣкоторыя изъ нихъ? Законъ этого не рѣшаетъ, а необходимость требуетъ разъяснить этотъ предметъ.

б) *Кто не допускается къ свидѣтельству.*

Всякое лицо мужескаго и женскаго пола можетъ быть допрошено, какъ свидѣтель, когда оно имѣетъ здравыя физическія чувства и разсудокъ для пониманія предмета, о которомъ требуется его свидѣтельство, и когда нѣтъ причины предполагать, что показаніе его будетъ невѣрно. По этому недопускаются въ дѣлѣ тяжебномъ къ свидѣтельству подъ присягою:

1) Малолѣтніе, недостигшіе 15-лѣтняго возраста.
2) Безумные и сумасшедшіе.
3) Глухонѣмые.

(*) Т. X. ст. 2,402.

4) Смертоубійцы, разбойники, воры, люди портившіе межевые знаки, учинившіе прежде въ судѣ лживую присягу, склонившіе другихъ къ ложному свидѣтельству, изгнанные изъ государства, публично за преступленія наказанные и вообще всѣ лишенные чести и всѣхъ правъ состоянія.

5) Явные прелюбодѣи.

6) Не бывшіе никогда у святаго причастія.

7) Иностранцы, которыхъ поведеніе неизвѣстно.

8) Лица, прикосновенныя къ дѣлу.

9) Находящіеся съ тяжущимся въ родствѣ и ближнемъ свойствѣ, или имѣвшіе съ нимъ до того времени вражду, хотя бы они потомъ и помирились.

10) Дѣти противъ родителей; но родители дѣтьми отъ свидѣтельства отводимы быть не могутъ.

11) Жена тяжущагося, по ссылкѣ противной стороны.

12) Отпущенные на волю—ни въ пользу, ни противъ прежнихъ помѣщиковъ своихъ и дѣтей ихъ.

13) Люди, подкупленные къ свидѣтельству (*).

Большая часть изъ этихъ правилъ имѣютъ твердыя основанія, вытекающія изъ сущности свидѣтельскаго показанія и отношеній свидѣтелей къ тяжущимся; но нѣкоторыя изъ нихъ неясны и, мнѣ кажется, не совсѣмъ правильны въ своихъ основаніяхъ; эти-то послѣднія мы разсмотримъ здѣсь подробно:

1) Глухонѣмые не допускаются къ свидѣтельству; о слѣпорожденныхъ же не упомянуто въ законѣ. Но не всѣ глухонѣмые и слѣпорожденные должны быть устранены отъ свидѣтельства: у первыхъ сохраняется органъ зрѣнія, у вторыхъ слухъ; первый можетъ видѣть, второй можетъ слышать. Притомъ съ усовершенствованіемъ образованія тѣхъ и другихъ, умственныя способности ихъ развиваются точно такъ же, какъ и у людей, у которыхъ развиты всѣ органы внѣшнихъ чувствъ: можно указать артистовъ, художниковъ, литераторовъ и ученыхъ, рожденныхъ глухонѣмыми или слѣпыми. По этой причинѣ правило «о недопущеніи глухонѣмыхъ и слѣпорожденныхъ къ свидѣтельству» не можетъ остаться безусловнымъ: глухонѣмой можетъ быть очевидцемъ даннаго событія, какъ напримѣръ: убійства, грабежа, воровства и т. п.; и слѣпорожденный можетъ слышать данныя слова извѣстныхъ ему лицъ.

2) Законъ говоритъ: «къ свидѣтельству не допускаются иностранцы, поведеніе которыхъ неизвѣстно». Эти слова можно понимать двояко: а) что иностранцы не принимаются къ свидѣтельству, потому

(*) Ст. 2,466—2,369, т. X.

что ихъ поведеніе неизвѣстно; б) что тѣ иностранцы не принимаются къ свидѣтельству, которыхъ поведеніе неизвѣстно. Для ясности закона слѣдовало бы къ слову «*иностранцы*» прибавить мѣстоименіе *тѣ*; въ такомъ же видѣ, какъ нынѣ существуетъ, законъ неясенъ и читающій его можетъ не понять истиннаго его смысла. Изслѣдуя далѣе этотъ предметъ, мы находимъ въ законахъ о судопроизводствѣ по дѣламъ иностранцевъ слѣдующее постановленіе (*): «иностранцы въ свидѣтели пріемлются наравнѣ съ русскими; изъ сего же исключаются только тѣ, о жительствѣ коихъ подлиннаго извѣстія не имѣется». Для уясненія себѣ этихъ законовъ, я обратился къ Полному Собранію Законовъ, но оказывается, что они цѣликомъ взяты изъ узаконеній Петра I. Такимъ образомъ второй законъ еще болѣе затемняетъ вопросъ. Первый, кромѣ двухъ моихъ толкованій, возбуждалъ еще слѣдующій вопросъ: что подразумѣвать подъ словами: «поведеніе коихъ неизвѣстно»? — должно ли подъ этимъ понимать всю прошедшую жизнь иностранца или только жизнь его во время пребыванія его въ Россіи? Но изъ жизни иностранца въ Россіи нельзя еще заключить о его поведеніи: въ своемъ отечествѣ онъ могъ быть негодяемъ, даже обворовать кого нибудь, а пріѣхавши въ Россію жить тихо и миролюбно; слѣдовательно по смыслу вышеприведеннаго закона слѣдовало бы прежде допущенія къ свидѣтельству иностранца обратиться къ бывшему его правительству и спросить о его поведеніи; а только о тѣхъ иностранцахъ въ Россіи забирать справки, которые родились и постоянное жительство имѣютъ внутри предѣловъ имперіи. Второй же законъ къ неясности перваго прибавилъ еще слѣдующее: «тѣ иностранцы, говоритъ онъ, не допускаются къ свидѣтельству, *о жительствѣ коихъ подлиннаго извѣстія не имѣется*». Если въ то время жительство иностранцевъ неизвѣстно, когда они требуются къ свидѣтельству, то въ подобномъ случаѣ и русскіе подданные къ свидѣтельству хотя допускаются, но по безъизвѣстному ихъ отсутствію не могутъ воспользоваться своими правами. Мнѣ кажется, что не это хотѣлъ сказать законъ. Сравнивая законъ о поведеніи съ правиломъ о мѣстожительствѣ иностранцевъ, я отыскиваю въ нихъ слѣдующій смыслъ: когда иностранецъ пріѣзжаетъ къ намъ безъ паспорта своего правительства, то нельзя имѣть понятія ни о его поведеніи, ни о его мѣсторожденіи; онъ можетъ быть негодяемъ, мошенникомъ, убійцею; онъ можетъ быть и изъ Англіи, и изъ Франціи, и изъ Германіи; слѣдовательно Петръ Великій могъ понимать въ своемъ Регламентѣ, что не принимаются къ свидѣтельству *выходцы*

(*) Т. X, ст. 8,052.

иностранные, не имѣющіе паспортовъ отъ своихъ правительствъ; послѣднихъ же словъ не выговорено въ законѣ потому, что во время Петра Великаго и послѣдующихъ за нимъ царствованій, почти до конца правленія Екатерины Великой, иностранцы могли прибывать къ намъ безъ всякихъ письменныхъ видовъ отъ своихъ правительствъ; первый законъ о паспортахъ, необходимыхъ иностранцамъ, является только въ 1782 году (*). Съ выходомъ же постановленія Екатерины II о необходимости для иностранцевъ письменнаго вида отъ своего правительства, законы Петра I о необходимости дознанія поведенія и жительства иностранцевъ сами собою отмѣнились: паспортъ не только свидѣтельствуетъ о томъ, кто иностранецъ и откуда онъ, но доказываетъ, что онъ хорошаго поведенія, потому что въ противномъ случаѣ онъ бы не получилъ отъ своего правительства письменнаго вида. Вотъ почему законы Петра I не подтверждаются законодательствомъ Екатерины II; въ Сводъ же Законовъ вошли они вѣроятно потому, что никакимъ положительнымъ закономъ послѣдующихъ за Петромъ I царствованій они отмѣнены не были. Такимъ образомъ намъ остается, мнѣ кажется, понимать законы объ иностранцахъ слѣдующимъ образомъ: что, прибывъ въ Россію по законнымъ паспортамъ или родившись въ Россіи, они подлежатъ, относительно допущенія ихъ къ свидѣтельству, общимъ законамъ имперіи и что одни безпаспортные выходцы, если бы правительство такихъ допустило въ предѣлы имперіи, не принимаются къ свидѣтельству, когда поведеніе ихъ за границею неизвѣстно.

1) Не допускаются къ свидѣтельству находящіеся съ тяжущимся въ родствѣ и ближнемъ свойствѣ. Ссылка на свидѣтельство родственниковъ и свойственниковъ имѣетъ два случая: 1) ссылка на нихъ обвиняемаго или отвѣтчика; 2) ссылка на нихъ истца. *Въ первомъ случаѣ*, то есть, когда отвѣтчикъ ссылается на своихъ родственниковъ или свойственниковъ, истецъ можетъ ихъ отвести, боясь пристрастія въ ихъ показаніяхъ; но когда отвѣтчикъ, отдавая свое дѣло на совѣсть родственниковъ истца, требуетъ ихъ къ свидѣтельству противъ него, то ни истецъ, ни законъ не могутъ ему воспретить этого: во многихъ случаяхъ это—единственный путь, по которому отвѣтчикъ можетъ оправдать себя и достигнуть правосудія. *Во второмъ случаѣ*, т. е., когда истецъ ссылается на своихъ родственниковъ, отвѣтчикъ имѣетъ право ихъ отвести; если же онъ подтверждаетъ свой искъ показаніемъ родственника отвѣтчика, то они должны бы быть допущены къ свидѣтельству.

(*) См. цитаты къ ст. 526, т. XIV, уст. паспортнаго.

По буквальному же смыслу приведеннаго мною закона, къ свидѣтельству не допускаются родственники и свойственники ни истца, ни отвѣтчика, хотя бы они принадлежали къ противной сторонѣ; по этому 2 пункту ст. 2367, т. X, могъ бы быть измѣненъ слѣдующимъ образомъ: что родственники и свойственники тяжущагося допускаются къ свидѣтельству подъ присягою, по ссылкѣ противной стороны.

4) Не принимаются въ свидѣтели дѣти противъ родителей; но родители противъ дѣтей могутъ свидѣтельствовать. Этотъ законъ не вполнѣ согласенъ съ другимъ, по которому родственники и свойственники къ свидѣтельству не допускаются, и мнѣ кажется, что скорѣе слѣдовало бы устранить отъ свидѣтельства родителей, нежели другихъ родственниковъ. Не только въ людяхъ, но даже у послѣдняго животнаго инстинктъ привязанности такъ развитъ, особенно у матерей, что они готовы пожертвовать для него не только настоящею, но и будущею жизнью. Поэтому, если предполагать, что недопущеніе того или другаго лица къ свидѣтельству основано на тѣсной ихъ родственной связи съ тяжущимся, отчего можетъ проистекать пристрастіе къ нимъ, то въ этомъ случаѣ скорѣе дѣти могутъ свидѣтельствовать противъ родителей, нежели обратно: родители, какъ это доказываютъ вѣковые опыты, болѣе любятъ своихъ дѣтей, нежели дѣти — родителей. Допустивши же дѣтей свидѣтельствовать противъ родителей слѣдовало бы, кажется, отвергнуть устраненіе родственниковъ отъ свидѣтельства: ближе связи дѣтей съ родителями нѣтъ и быть не можетъ. Слѣдовательно въ основаніе приведеннаго мною закона положено вовсе другое начало: родители встарину были неограниченными повелителями своихъ дѣтей, били ихъ батогами, сколько могло вынести ихъ тѣло, неограниченно распоряжались ихъ имуществомъ, словомъ—дитя было рабомъ своихъ родителей. Въ такія патріархальныя времена приведенный мною законъ имѣлъ основаніе: сынъ, находясь въ совершенной юридической зависимости отъ отца и матери, если бы по совѣсти свидѣтельствовалъ противъ нихъ, могъ чрезъ это лишиться не только достоинія, но и личности. Что дѣйствительно этотъ законъ возникъ изъ нашей патріархальной древней жизни, — это доказывается его цитатами: они указываютъ, что онъ почерпнутъ изъ Уложенія Алексѣя Михайловича (X, 176). Настоящее время никакъ не могло породить этого постановленія: власть родителей поставлена теперь въ ограниченныхъ предѣлахъ и по совершеннолѣтіи, или поступленіи на службу, или выходѣ замужъ, дѣти обязываются только уваженіемъ и почтеніемъ къ родителямъ; но это болѣе нравственныя, нежели юридическія обязанно-

сти; поэтому законъ былъ бы, кажется, справедливѣе, если бы отнялъ отъ родителей право свидѣтельствовать противъ дѣтей, нежели наоборотъ.

4) Жена не допускается къ свидѣтельству противъ мужа, по ссылкѣ на нее его противника.

Этотъ законъ почерпнутъ нашимъ законодательствомъ изъ Уложенія Алексѣя Михайловича, (X, 177) и вытекаетъ также изъ древнихъ отношеній супруговъ между собою. Хотя въ древнемъ нашемъ законодательствѣ нѣтъ ни одного положительнаго постановленія о томъ, чтобы жена была въ тѣсной зависимости отъ мужа, какъ рабыня или холопка; но, прочитавши Домострой, Кошихина и нѣкоторые акты историческіе, приходишь къ заключенію, что жены у насъ неимѣли юридической свободы: еще въ началѣ XVII вѣка мы находимъ показаніе, что мужья закладывали своихъ женъ. Въ самомъ законодательствѣ мы находимъ слѣды того же самаго права: въ указѣ Ивана IV запрещено мужу быть душеприкащикомъ жены, потому что она въ его волѣ; а по Уложенію, какъ я выше сказалъ, жена не допускалась къ свидѣтельству противъ мужа; послѣдній же вѣроятно допускался свидѣтельствовать противъ жены, потому что иначе и на него простиралось бы это запрещеніе (*). Въ томъ же Уложеніи сказано (**): что въ случаѣ ссылки мужа въ каторжную работу или на поселеніе предоставляется на произволъ жены слѣдовать за мужемъ. Этотъ послѣдній законъ, хотя писанъ въ пользу жены, но происходитъ, какъ и большая часть постановленій древней Руси, отъ отмѣненія существовавшаго практическаго правила или обычая: наши предки не составляли законовъ à priori — по теоріи, а разрѣшали встрѣчавшіеся случаи и давали этому рѣшенію силу закона. Поэтому должно предполагать, что жена въ древности была такъ тѣсно связана съ мужемъ, что должна была раздѣлять съ нимъ каторжную работу и ссылку. Даже относительно имущества жена была въ зависимости отъ мужа, и ей дана самостоятельность распоряженія имъ только въ 1679 и 1680 годахъ, такъ называемыми новоуказными статьями. Послѣ этого неудивительно, что въ Уложеніе Алексѣя Михайловича вошелъ односторонній законъ о томъ, что жена противъ мужа не можетъ свидѣтельствовать, но въ нынѣшнее время, при совершенной юридической свободѣ женщины, онъ потерялъ свое значеніе, въ особенности въ дѣлахъ гражданскихъ. Мужъ обязанъ содержать свою жену; отъ его бла-

(*) Этого запрещенія нѣтъ и въ нынѣшнемъ нашемъ законодательствѣ; потому этотъ законъ требуетъ поясненія.

(**) См. Уложеніе глава XX, ст. 60 и 62.

госостоянія зависитъ и ея благоденствіе, она ему наслѣдуетъ по закону, — какія же причины могутъ побудить ее лживымъ показаніемъ разорить мужа?... Но мнѣ возразятъ, что въ этомъ законѣ не принимаются во вниманіе причины матеріальныя, а нравственныя; что законъ, допуская жену въ свидѣтели противъ мужа, этимъ разстроитъ семейную ихъ жизнь; что мужъ никогда не проститъ женѣ свое разореніе чрезъ ея показаніе. Если бы имѣть въ виду такія нравственныя начала, то не слѣдовало бы допустить къ свидѣтельству и родителей противъ дѣтей. Истина должна быть выше всего и для ея узнанія нужно снять преграды, основанныя на эгоизмѣ. Сколько преступленій и предосудительныхъ дѣлъ остаются безнаказанными, безъ правосудной кары закона, вслѣдствіе постановленія, что родственники и свойственники не могутъ быть свидѣтелями при ссылкѣ противной стороны. Вглядитесь въ жизнь — и увидите, что большая часть дѣлъ совершается человѣкомъ въ его семейномъ кругу: подъ домашнимъ кровомъ приготовляются всѣ орудія къ осуществленію его преступныхъ замысловъ; здѣсь получаютъ начало всѣ его предосудительныя общественныя дѣла, здѣсь обсуживаетъ онъ всѣ свои предположенія, часто повѣряетъ ихъ своей женѣ или близкимъ родственникамъ, иногда невольно проговаривается и открываетъ имъ свои планы, мысли, убѣжденія, — и устраненіе родственниковъ отъ свидѣтельства лишаетъ общество важнаго источника дознанія истины. Такимъ образомъ съ абсолютной точки зрѣнія родственники и свойственники должны бы быть допущены къ свидѣтельству по ссылкѣ противной стороны; но милосердый законъ можетъ устранить ихъ въ дѣлахъ уголовныхъ, гдѣ отвѣтчикъ подвергается тяжкому наказанію: быть причиною казни или ссылки родственника — тяжкая обязанность, иногда превышающая человѣческія силы. Но гдѣ рѣчь идетъ объ имуществѣ, а не о личности, гдѣ главную роль играетъ сребролюбіе, тамъ, кажется, не слѣдуетъ прибѣгать къ милосердію, и чрезъ то иногда лишать достоянія, пріобрѣтеннаго потомъ и кровью цѣлой жизни. Въ уголовномъ дѣлѣ главную роль играетъ общество и оно можетъ по доктринамъ своимъ освобождать отвѣтчика отъ отвѣтственности; въ гражданскомъ же дѣлѣ главную роль играетъ интересъ частный, и здѣсь должно принимать во вниманіе то, что отвѣтчикъ или истецъ, лишенный удовлетворенія чрезъ запрещеніе ссылаться на родственниковъ противника, терпитъ болѣе, нежели тотъ, противъ кого направлено это дѣйствіе: послѣдній, если благороденъ и добръ, можетъ легко забыть, что показаніе родственниковъ повредило его интересу,—слѣдовательно здѣсь и нравственная сторона исчезаетъ въ дѣлѣ; для людей же неразвитыхъ и безчестныхъ

законъ не имѣетъ важности и святости исполненія; слѣдовательно на нихъ не стоитъ и вниманія обращать. Наконецъ это мое дѣло, если я участь своей тяжбы или иска ввѣряю совѣсти родственниковъ моего противника: за это онъ никакъ не можетъ претендовать на меня, потому что имѣетъ право разсчитывать на ихъ пристрастіе къ нему; законъ же, допуская ихъ свидѣтельство, показалъ бы все уваженіе свое къ присягѣ, которая должна быть свята и устранять всякое лицепріятіе и пристрастіе.

5) «Лица, имѣвшія съ тяжущимся вражду, хотя бы они потомъ и помирились, не допускаются къ свидѣтельству. Но слово «вражда» неопредѣленно: можно съ кѣмъ нибудь поссориться за вздоръ, потомъ помириться и быть друзьями. Если же подразумѣвать здѣсь подъ враждою судебное преслѣдованіе кого либо, т. е., веденіе процесса и примиреніе, то и это, мнѣ кажется, не совсѣмъ основательно, потому что очень часто возникаютъ недоразумѣнія между дѣловыми лицами и они передаютъ рѣшеніе ихъ дѣла или посредникамъ или суду; примиреніе ихъ въ подобномъ случаѣ служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ, что между ними нѣтъ вражды, а возникло одно лишь недоразумѣніе. Такія основанія, мнѣ кажется, шатки, чтобы быть принятыми причиною къ устраненію кого либо отъ присяжнаго свидѣтельствованія: если въ человѣкѣ есть совѣсть, то онъ предъ Богомъ не покривитъ душою изъ пристрастія къ данному лицу; предполагая же противное, нужно совсѣмъ отвергнуть силу присяги, если она можетъ ослабѣть отъ ничтожныхъ причинъ.

в) *О вызовѣ свидѣтелей.*

По общимъ законамъ (*): «свидѣтели, если истецъ или отвѣтчикъ ихъ не представятъ, вызываются судомъ чрезъ полицію. Больные люди, знатные и лица женскаго пола, дворянскаго состоянія, могутъ быть допрашиваемы на дому чрезъ отряженныхъ къ нимъ чиновниковъ. Если отсутствующій свидѣтель находится въ такой отдаленности, что ему явиться нельзя: то въ этомъ случаѣ, такъ какъ и въ томъ, когда онъ обязанъ на мѣстѣ своего пребыванія службою, допросъ производится посредствомъ сношенія съ мѣстнымъ начальствомъ. Ежели нужно допросить большое число людей изъ одного или разныхъ селеній, то производится допросъ на мѣстѣ ихъ жительства, дабы ихъ не отвлечь отъ ихъ домовъ, занятія и способовъ пропитанія. Людей, состоящихъ въ службѣ или при казенныхъ ра-

(*) Т. X. ст. 2370.

ботахъ, требовать къ допросу въ такое время, въ которое они свободны отъ должностей и работъ; если же время не терпитъ, то немедленно; во всѣхъ случаяхъ требовать ихъ не иначе, какъ посредствомъ ихъ начальствъ. Лица, призываемыя къ свидѣтельству, не могутъ отказаться отъ явки къ допросу; уклоняющіяся отъ показанія могутъ быть къ тому понуждены и подвержены за ослушаніе наказанію. Свидѣтель можетъ требовать, на счетъ тяжущагося, признаннаго виновнымъ, вознагражденія за путевыя издержки и другіе, нанесенные имъ отъ того убытки.

1) Вызовъ свидѣтелей чрезъ полицію несовершенен: а) это дѣлается въ нашихъ судахъ не иначе, какъ по опредѣленію облеченнаго въ извѣстныя формальности, что обременяетъ суды излишнею перепискою; б) полиціи медлятъ вызовомъ свидѣтелей, которыхъ они иногда отыскать не могутъ, и изъ одной части передаютъ дѣло въ другую, лишь бы, по ихъ выраженію, *спихнуть* дѣло: отчего иногда нѣсколько лѣтъ бываетъ переливаніе изъ пустаго въ порожнее; в) суды часто, вмѣсто того, чтобы допросить свидѣтелей въ своемъ присутствіи, возлагаютъ эту обязанность на полицію (*), которая въ подобныхъ случаяхъ мечется по городу, какъ угорѣлая, не зная, какъ собрать депутатовъ, истца, отвѣтчиковъ и священника въ одно и тоже время.

Этихъ неудобствъ общаго закона нѣтъ въ дѣлахъ коммерческаго суда: если свидѣтели находятся въ томъ же городѣ или въ близкомъ отъ него разстояніи, то они призываются въ судъ повѣстками (**).

2) Люди *знатные* и лица женскаго пола, дворянскаго состоянія, могутъ быть допрашиваемы на дому. Предъ лицомъ закона всѣ равны, и если законъ находитъ, что для дознанія истины и успѣшнаго веденія дѣла необходимо, чтобы при процессѣ всѣ лица, прикосновенныя къ нему, одновременно предстали предъ судомъ, то никто,—ни знатный, ни убогій,—не можетъ имѣть никакихъ ограниченій или исключеній. Да и слово *знатный* слишкомъ неопредѣленно: можно быть знатнымъ по рожденію, по богатству и общественному положенію, по службѣ и должности, занимаемой даннымъ лицомъ; значитъ каждый, кто имѣетъ какое нибудь значеніе въ обществѣ, можетъ себя причислить къ знатнымъ. Женщинамъ дворянскаго происхожденія также дано преимущество предъ купчихами или мѣщанками; но мнѣ кажется, что нѣтъ никакого стыда ни для знат-

(*) Т. X, ст. 2760 прямо говоритъ, что суды должны такъ поступать по дѣламъ объ обидахъ, ущербахъ и самовольномъ завладѣніи: на этомъ основаніи суды точно такъ поступаютъ часто и въ другихъ случаяхъ.

(**) Т. XI, ст. 1496.

наго, ни для женщины явиться по требованію судебной власти для свидѣтельствованія истины: прежде нежели мы—генералы и дворянки, мы всѣ—люди, съ одинаковыми общечеловѣческими правами.... Достоинство заключается не во внѣшности, а во внутреннемъ благородствѣ человѣка; законъ имѣетъ полное право быть даже требовательнѣе относительно дворянства, нежели простолюдиновъ: первые, какъ болѣе развитые, должны служить примѣромъ и образцомъ для послѣднихъ.

2) «Если отсутствующій свидѣтель находится въ такой отдаленности, что ему безъ великаго затрудненія явиться нельзя, въ такомъ случаѣ, такъ какъ и въ томъ, когда онъ обязанъ на мѣстѣ своего пребыванія службою, допросъ производится посредствомъ сношенія съ *мѣстнымъ начальствомъ*.» Выраженіе «мѣстное начальство» очень неопредѣлительно: губернское правленіе и данная полиція суть мѣстныя начальства; Торговый Уставъ предвидѣлъ эту неясность и выговорилъ (*): «если свидѣтели находятся въ мѣстахъ суду неподвѣдомыхъ, то судъ или относится въ губернское правленіе, или сносится прямо съ мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ, если онъ признаетъ это *удобнѣйшимъ*».

Удобнѣе всего совсѣмъ отнять отъ полиціи эти дѣла и передать ихъ мѣстнымъ судамъ: при нихъ могъ бы находиться постоянный священникъ для привода свидѣтелей въ присягѣ и въ подобномъ случаѣ не нужно было бы ни присутствія истца и отвѣтчика при присягѣ, ни депутатовъ при допросахъ; при подобномъ порядкѣ выиграетъ полиція и тяжущіеся: первые освободятся отъ лишнихъ дѣлъ, вторые будутъ имѣть обезпеченіе въ правильности дѣлопроизводства; а ускорить дѣло можно, назначивъ судамъ недѣльный срокъ для снятія допросовъ и отсылки ихъ по принадлежности.

Притомъ слѣдующія слова закона: «если отсутствующій свидѣтель находится въ такой отдаленности, что ему безъ великаго затрудненія явиться нельзя» — требуютъ поясненія, и мнѣ кажется, что лучше сказать, что если отсутствующій свидѣтель находится въ другомъ уѣздѣ или другой губерніи, то его долженъ допросить тамошній мѣстный судъ.

3) «Людей, состоящихъ въ службѣ или при казенныхъ работахъ, требовать къ допросу въ такое время, въ которое они свободны отъ должностей и работъ; если же время не терпитъ, то немедленно; но во всѣхъ случаяхъ требовать ихъ не иначе, какъ посредствомъ ихъ начальства».

(*) Т. XI, ст. 1497.

Рабочіе люди работаютъ по урочному положенію съ разсвѣта до захода солнца, всю недѣлю, исключая праздничныхъ дней; а служащіе заняты службой, въ продолженіе такого же времени, съ 8 часовъ до 2, то есть, рабочіе и служащіе заняты на казенныхъ работахъ во все то время, когда въ судѣ присутствіе. Когда же послѣ этого они могутъ быть въ судѣ? Только въ экстренныхъ случаяхъ разрѣшено требовать чиновниковъ и казенноработчихъ немедленно по открытіи надобности. Но для судебной власти отправленіе правосудія всегда и вездѣ должно бы быть одинаково; для нея всѣ дѣла равны и она не должна встрѣтить помѣшательства и препятствій въ своихъ распоряженіяхъ, развѣ того требовали бы особенныя государственныя нужды, какъ напримѣръ, если бы чиновникъ получилъ отъ своего начальника важныя порученія, требующія немедленнаго исполненія: во всѣхъ же другихъ случаяхъ судъ долженъ бы имѣть право требовать къ себѣ и чиновника и казенноработчаго. Требованіе свое судъ не долженъ бы обращать къ этимъ лицамъ чрезъ ихъ начальство: это увеличиваетъ массу переписки судовъ и администраторовъ; а судъ могъ бы послать непосредственно къ требуемому имъ лицу повѣстку, которую чиновникъ или казенноработчій могутъ показать своему начальству, для его свѣдѣнія.

4) Въ заключеніе необходимымъ нахожу сказать, что на практикѣ нѣкоторые слѣдователи и суды имѣютъ о свидѣтельскихъ показаніяхъ слѣдующее понятіе: если съ свидѣтеля снято безприсяжное показаніе, то онъ вторично не можетъ быть спрошенъ подъ присягой. Неосновательность такого взгляда доказывается тѣмъ, что въ ст. 2380, т. X., сказано: «если для удостовѣренія въ правильности отвода потребны справки и изслѣдованія, то, до собранія ихъ, свидѣтель *хотя и можетъ быть допрошенъ, но не подъ присягою.*

Слѣдователи же основываются на слѣдующемъ законѣ (*): «если свидѣтель допущенъ будетъ къ свидѣтельству прежде присяги, но потомъ въ тотъ же день присягнетъ, то показаніе его за равное, какъ бы подъ присягою сдѣлалъ, принять надлежитъ (**). Но этотъ послѣдній законъ, мнѣ кажется, вовсе не имѣетъ того смысла, который придаютъ ему на практикѣ: онъ только признаетъ то показаніе имѣющимъ законную силу, которое по крайней мѣрѣ въ тотъ же день утверждено присягою; въ противномъ же случаѣ свидѣтель послѣ присяги долженъ быть переспрошенъ, и если бы этотъ законъ запрещалъ этотъ переспросъ, то онъ противорѣчилъ бы тому закону, который разрѣшаетъ допросить свидѣтеля еще до собранія тяжущимся доказа-

(*) Т. X, ст. 2389.
(**) Т. X, ст. 2390.

тельствъ объ основательности своего подозрѣнія; а это собираніе доказательствъ можетъ продолжаться мѣсяцъ и болѣе. Законодательство могло бы положить также таксу для удовлетворенія свидѣтелей за то, что они оторваны отъ своихъ занятій: во Франціи положительно опредѣлено, въ какихъ случаяхъ и сколько лица разныхъ сословій, призываемыя къ свидѣтельству, должны получить вознагражденія, которое опредѣляется при рѣшеніи дѣла.

г) *О порядкѣ допроса свидѣтелей.*

По общимъ законамъ (*), свидѣтели допрашиваются каждый порознь и не при лицахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; поэтому тяжущіеся не могутъ предложить имъ никакихъ вопросовъ: очная ставка дается только для того, чтобы свидѣтель зналъ, противъ кого онъ свидѣтельствуетъ, и чтобы тяжущійся объявилъ,—отводитъ ли онъ свидѣтеля или нѣтъ. Уставъ же Торговый разрѣшаетъ: 1) *прямо*,—что тяжущіяся стороны прежде допроса могутъ предложить свидѣтелямъ вопросы; 2) *косвенно*,—что тяжущіеся могутъ присутствовать при допросѣ свидѣтелей, а именно: въ ст. 1503, 417 Тор., т. XI, сказано: «по окончаніи сего, т. е. вопросовъ, предложенныхъ тяжущимися, отряженный къ допросу членъ приступаетъ къ допросамъ, и тогда *никто* уже не имѣетъ права вмѣшиваться въ оный, или прерывать рѣчи свидѣтелей, но обязанъ обращаться о томъ къ члену.» Законъ никакъ не можетъ здѣсь подразумѣвать постороннихъ людей: откуда они возьмутся? Да и какое дѣло постороннимъ лицамъ предлагать вопросы свидѣтелямъ? Не подразумѣваются ли здѣсь прямо тяжущіеся, которые предполагаются присутствующими при допросѣ, и имъ-то запрещается, подъ страхомъ штрафа по 3 р. сер. за каждый разъ, прерывать рѣчи свидѣтеля.

Несогласіе, приведенное мною и заключающееся въ общихъ законахъ и Торговомъ Уставѣ, могло бы быть уничтожено: приведенный мною законъ о запрещеніи прикосновеннымъ лицамъ присутствовать при допросѣ свидѣтелей, могъ бы быть по гражданскимъ дѣламъ замѣненъ постановленіемъ Торговаго Устава; этотъ же послѣдній по неполнотѣ своей, въ свою очередь, могъ бы воспользоваться прекрасными правилами общаго закона о порядкѣ допроса свидѣтелей. По дѣламъ уголовнымъ во многихъ случаяхъ допросъ свидѣ-

(*) Т. X. ст. 2390.

телей не врозь, а вмѣстѣ, можетъ повредить дѣлу; поэтому при уголовномъ судопроизводствѣ долженъ сохраниться настоящій порядокъ допроса: объ этомъ я ниже поговорю подробнѣе.

3) О ПОКАЗАНІИ СВѢДУЩИХЪ ЛЮДЕЙ.

«Если точное узнаніе (*) встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства предполагаетъ особенныя свѣдѣнія, или опытность въ какой либо наукѣ, искусствѣ или ремеслѣ; то надлежитъ истребовать о томъ показаніе и мнѣніе свѣдущихъ людей».

Этотъ общій законъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что требованіе свѣдущихъ людей въ совершенной зависимости отъ судовъ; въ этомъ отношеніи Торговый Уставъ, мнѣ кажется, болѣе основателенъ и справедливъ (**): «когда требуется произвесть осмотръ, сличить или оцѣнить работы, товары, корабли, или иные предметы торговли и промышленности, тогда коммерческій судъ постановляетъ опредѣленіе о назначеніи для сего трехъ свѣдующихъ людей изъ биржевыхъ маклеровъ, браковщиковъ, дисконтеровъ или другихъ присяжныхъ; если же по тому предмету торговли и промышленности присяжныхъ нѣтъ, то судъ долженъ самъ избрать и поименно назначить трехъ извѣстныхъ ему свѣдущихъ въ томъ дѣлѣ людей. Если тяжущіяся стороны изберутъ сами по взаимному согласію одного или нѣсколькихъ свѣдущихъ, то избранныя сторонами лица допускаются къ осмотру предпочтительно другимъ. Никто изъ лицъ, принадлежащихъ по торгу или промышленности къ сословію истца или отвѣтчика, не можетъ отрицаться отъ этого назначенія. Отводъ свѣдущихъ людей тяжущимися допускается на общемъ основаніи объ отводѣ свидѣтелей. Осмотры, свидѣтельство и оцѣнка свѣдущими людьми должны быть производимы въ присутствіи тяжущихся или ихъ повѣренныхъ. Тяжущіеся обязаны по требованію свѣдущихъ доставлять имъ всѣ нужныя свѣдѣнія и объясненія. Назначенные къ осмотру свѣдущіе люди, за неявку безъ уважительныхъ причинъ, подвергаются штрафу отъ 6 до 30 руб. Судъ можетъ требовать, чтобы они подъ присягою подтвердили ихъ показаніе о предметѣ осмотра. Если донесеніе свѣдущихъ людей признано будетъ недостаточнымъ, то судъ можетъ вновь назначить другихъ свѣдущихъ людей».

Эти законы коммиссіонерскихъ судовъ очень удовлетворительны; только я нахожу въ нихъ одно неудобство, что распоряженіе свое

(*) Т. X, ст. 2,361.
(**) Т. XI, ст. 1543—1557.

относительно назначенія свѣдущихъ людей, для предполагаемой цѣли, судъ долженъ облечь въ форму опредѣленія; не была ли бы достаточна въ этомъ случаѣ одна резолюція предсѣдателя? По полнотѣ же, ясности изложенія и справедливости, эти законы вполнѣ достойны, чтобы они приняли обязательную силу для всѣхъ сословій и для всѣхъ судовъ.

4) о повальномъ обыскѣ (*).

Эта судебная форма — одна изъ древнѣйшихъ въ нашемъ законодательствѣ: она почерпнута Сводомъ Законовъ изъ Уложенія Алексѣя Михайловича (**); въ древней Руси можетъ быть она была удобна и полезна, но въ настоящее время она обременительна для судовъ и слѣдователей и по гражданскимъ дѣламъ не имѣетъ достаточныхъ основаній. Законъ опредѣляетъ повальный обыскъ слѣдующимъ образомъ.

«Если нужно удостовѣриться въ дѣлѣ о такомъ обстоятельствѣ, которое можетъ быть извѣстно всѣмъ или многимъ жителямъ какого либо мѣста, то допрашиваются окольные жители. При представленіи тяжущимися свидѣтелей или при общей ссылкѣ на нихъ, запрещается судамъ дѣлать повальный обыскъ по тому же самому дѣлу».

Изъ этихъ словъ закона открывается, что повальный обыскъ въ томъ лишь случаѣ долженъ производиться, когда другихъ судебныхъ доказательствъ нѣтъ, въ особенности свидѣтельскихъ показаній; но далѣе законъ, мнѣ кажется, допускаетъ противорѣчіе этому началу. «Если же, говоритъ онъ, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ, учинена ссылка на повальный обыскъ, то запрещается тяжущемуся по тому же дѣлу ссылаться *поименно* на нѣкоторыхъ изъ числа обыскныхъ людей». Но дѣло въ томъ, что если я могу *поименно* ссылаться на обыскныхъ людей, значитъ я могъ въ судъ представить свидѣтелей и избѣгнуть повальнаго обыска. Законъ если ужь признаетъ необходимымъ существованіе этой формы, долженъ бы былъ по возможности избѣгать ее, какъ въ высшей степени затруднительную, и потому не долженъ бы полагать преградъ къ ея избѣжанію, тѣмъ болѣе, что тяжущіеся, прося объ учиненіи повальнаго обыска, могутъ не

(*) Разсказываютъ анекдотъ, что одинъ становой приставъ, неопытный дѣлецъ, получивъ указъ земскаго суда о томъ, чтобы учинить повальный обыскъ о такомъ-то лицѣ, буквально и исполнилъ указъ: отыскалъ требуемаго господина, *повалилъ* и обыскалъ его, о чемъ и донесъ по начальству.

(**) См. Уложенія главы X и XX, также цитаты т. X, ст. 2408—2420.

знать поименно свидѣтелей, о чемъ могутъ освѣдомиться только впослѣдствіи. Вообще существованіе повальнаго обыска, по моему мнѣнію, неудобно, по слѣдующимъ причинамъ: 1) въ городахъ произведеніе такого обыска чрезвычайно затруднительно; поэтому полиція и господа слѣдователи, когда требуется отъ нихъ соблюденіе этой формы, часто сгоняютъ разный сбродъ, допрашиваютъ; иногда же и этого не дѣлается, а просто за мнимыхъ, вымышленныхъ неграмотныхъ подпишется какой нибудь господинъ; 2) въ уѣздахъ гг. слѣдователи сгоняютъ нѣсколько десятковъ мужиковъ, приведутъ ихъ къ присягѣ, потомъ снимаютъ съ одного показаніе, а остальные подтверждаютъ тоже самое; 3) при повальномъ обыскѣ тяжущимся и ихъ повѣреннымъ запрещено присутствовать; поэтому слѣдователи могутъ дѣлать, что имъ угодно; 4) чтобы добросовѣстно сдѣлать не только большой, но и малый обыскъ, для этого потребно по крайней мѣрѣ недѣлю добросовѣстнаго труда; 5) судъ же по гражданскимъ дѣламъ вовсе не обязанъ собирать для тяжущихся доказательствъ: кто хочетъ начать и вести процессъ, тотъ обязанъ собрать всѣ потребныя къ тому доказательства, и если событіе, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ, извѣстно въ данномъ мѣстѣ, то онъ прежде начатія дѣла долженъ узнать, кому извѣстно это событіе, и такихъ лицъ представлять въ судъ, какъ свидѣтелей; 6) повальный обыскъ дѣлается часто объ узнаніи поведенія даннаго лица, но, какъ я выше сказалъ, этотъ способъ несовершененъ и многосложенъ; между тѣмъ какъ о поведеніи дворянъ, городскихъ и сельскихъ обывателей можно узнать,—о первыхъ отъ предводителей дворянства (*), о вторыхъ—отъ думъ, о третьихъ — отъ ихъ обществъ, возлагая всю отвѣтственность на эти лица и мѣста, при неправильномъ свидѣтельствованіи.

5) о присягѣ.

Общіе законы о присягѣ, какъ судебномъ доказательствѣ, отличаются отъ Устава Торговаго по этому же предмету тѣмъ, что первые назначеніе присяги, какъ доказательства предоставляютъ непосредственному усмотрѣнію суда и преимущество отдаютъ отвѣтчику, вторые же допускаютъ произволъ тяжущихся вмѣстѣ съ усмотрѣніемъ суда, и къ присягѣ допускаютъ или истца, или отвѣтчика, смотря по обстоятельствамъ. Если по дѣламъ коммерческаго суда тяжущіеся добровольно соглашаются кончить дѣло присягою, то судъ не имѣетъ права воспретить имъ это; по об-

(*) Этотъ порядокъ принятъ ужь у насъ по дѣламъ о производствѣ пенсіона.

щимъ же законамъ, судъ въ крайнихъ только случаяхъ допускаетъ присягу. Первое, мнѣ кажется, справедливѣе: присяга есть болѣе нравственное, нежели юридическое доказательство; здѣсь тяжущіеся посредствомъ религіи обращаются къ совѣсти противника, и присяга есть, такъ сказать, *судъ совѣсти*. Поэтому Торговый Уставъ совершенно справедливо выразился, что взаимное согласіе тяжущихся кончить дѣло присягою — должно быть принято, какъ мировая между ними сдѣлка. И дѣйствительно, характеръ мировой сдѣлки и присяги очень схожи между собой: въ обоихъ случаяхъ дѣло рѣшается не по юридическимъ даннымъ, а по совѣсти. Въ такомъ смыслѣ я оправдываю присягу, какъ судебное доказательство; въ постановленіи же, что ея назначеніе зависитъ также отъ суда, — я нахожу двоякое зло: 1) законъ воспрещаетъ безъ крайней необходимости назначить присягу и велитъ допускать ее только въ самой *необходимой нуждѣ;* но выраженіе «необходимая нужда» слишкомъ неопредѣленно: судъ и при ясныхъ доказательствахъ, какъ это на практикѣ часто и встрѣчается, можетъ находить необходимую нужду допускать присягу для личныхъ своихъ видовъ. Но въ опроверженіе этого вѣроятно возразятъ, что если бы это дѣйствительно было такъ, то недовольная сторона можетъ обжаловать такія дѣйствія суда и высшая инстанція можетъ ихъ уничтожить. Въ отвѣтъ возражу, что въ законѣ не выговорено: какимъ порядкомъ должна опредѣляться присяга—частнымъ или апелляціоннымъ; поэтому, если бы судъ рѣшилъ дѣло о допущеніи даннаго лица порядкомъ частнымъ, то онъ приводитъ его тотчасъ въ исполненіе; если же апелляціоннымъ, то это будетъ неправильно, потому что въ такомъ случаѣ всѣ дѣйствія свои судъ долженъ будетъ облекать въ форму рѣшительныхъ опредѣленій (*); а то, что допущеніе тяжущихся къ присягѣ принадлежитъ къ дѣлопроизводству суда, это видно изъ словъ ст. 2,426, т. X., которая говоритъ: «по учиненіи присяги дѣло рѣшится въ пользу того, кто ее учинилъ». Такимъ образомъ мы видимъ, что судъ можетъ немедленно привести въ исполненіе свое опредѣленіе о допущеніи даннаго лица къ присягѣ; поэтому жалоба ваша должна будетъ остаться безъ послѣдствій: если бы высшая инстанція нашла вашу жалобу основательною и отмѣнила бы распоряженіе низшей инстанціи, это противорѣчило бы тому закону, который говоритъ, что дѣло, оконченное присягою, вновь начато быть не можетъ. Этотъ же послѣдній законъ противорѣчитъ съ правами тяжущихся на апелляцію и на

(*) У меня было въ рукахъ много такихъ дѣлъ, которыя оканчивались апелляціоннымъ порядкомъ.

пересмотръ дѣла высшею инстанціею. Притомъ я полагаю, что если подобныя дѣла могутъ быть пересматриваемы и перерѣшаемы высшими инстанціями, то когда по дѣлу присяга тяжущагося окажется лживою, этотъ послѣдній вмѣстѣ съ рѣшеніемъ противъ него дѣла долженъ быть преданъ уголовному суду, какъ за лживый поступокъ. Но если бы даже не существовало закона, что дѣло, оконченное присягою, вновь производиться не можетъ, то другой законъ, — что по учиненіи присяги дѣло рѣшится въ пользу того, который ее учинилъ, — достаточенъ для того, чтобы произвести запутанность въ дѣлѣ и предоставить его произволу рѣшеній. Все это устранилось бы, когда бы допущеніе присяги, какъ доказательства, было предоставлено произволу тяжущихся: въ этомъ случаѣ всѣ недоразумѣнія и жалобы — частныя и апелляціонныя — сами собою уничтожились бы. 2) Основаніе закона, по которому онъ допускаетъ присягу, какъ доказательство, ясно изложено въ ст. 2,423, т. X; тамъ сказано: «когда, при производствѣ тяжбы или иска, представляемыя съ обѣихъ сторонъ доказательства и собранныя противъ оныхъ къ дѣлу справки ни къ оправданію истца, ни къ обвиненію отвѣтчика недостаточны и сыскать будетъ нечѣмъ, то судъ спрашиваетъ отвѣтчика: беретъ ли онъ себѣ на душу или нѣтъ?...» Это основаніе, мнѣ кажется, неправильно по своимъ началамъ: доводы и доказательства истца и отвѣтчика никакъ не могутъ быть недостаточны въ одинаковой степени; такой строгой оцѣнки никакъ не можетъ существовать на практикѣ: искъ всегда начинается на какихъ нибудь данныхъ, которыя и долженъ отвергать отвѣтчикъ: его-то доказательства и доводы должны быть ясны и законны; если же они несовершенны, тогда должна допускаться присяга съ его стороны. И обратно: если основанія истца недостаточны и отвѣтчикъ будетъ отвергать ихъ единственно чрезъ этотъ недостатокъ, тогда присяга должна быть отдана первому. Въ такомъ смыслѣ присягу допускаетъ и Торговый Уставъ, не отдавая преимущества ни истцу, ни отвѣтчику. Здѣсь законъ имѣетъ то основаніе, что до рѣшенія дѣла права истца и отвѣтчика на правосудіе одинаковы, и предоставляя тому или другому право присяги, оказываетъ ему нравственную и юридическую помощь для достиженія правосудія; общій же законъ дѣлаетъ присягу привиллегіею отвѣтчика, и присяга поэтому становится страшнымъ орудіемъ противъ истцовъ, потому что при несовершенныхъ доказательствахъ съ его стороны всѣ преимущества на сторонѣ отвѣтчика. Но я нахожу, что присяга должна зависѣть отъ одного лишь произвола тяжущихся; въ тѣхъ же случаяхъ, когда законъ предоставляетъ

суду назначать присягу, лучше бы было предоставить дѣло рѣшенію третейскаго суда по совѣсти. Въ ст. 2,422, т. X, сказано: «что прежде допущенія тяжущихся къ присягѣ, судъ обязанъ склонить ихъ, чтобы они добровольно помирились или разобрались третейскимъ судомъ». Этотъ законъ, какъ видите, не дѣлаетъ обязательнымъ для тяжущихся третейскій судъ. Притомъ этотъ послѣдній раздѣляется на судъ по закону и по совѣсти; поэтому неизвѣстно, на который изъ нихъ ссылается законъ: если на первый, то цѣль не можетъ быть достигнута судомъ, потому что третейскій судъ *по закону* подлежитъ общему порядку судопроизводства, и дѣло, рѣшаясь общимъ порядкомъ, никакъ не можетъ окончиться на данныхъ, представляемыхъ тяжущимися, тѣмъ болѣе, что они еще прежде того формальнымъ судомъ признаются недостаточными. Вотъ почему въ подобныхъ случаяхъ можетъ, мнѣ кажется, имѣть мѣсто только третейскій судъ *по совѣсти*, безапелляціонный и окончательный; этотъ-то третейскій судъ слѣдовало бы сдѣлать обязательнымъ для тяжущихся, на что и назначить имъ мѣсячный срокъ. Если тяжущіеся въ этотъ срокъ не представятъ въ судъ посредниковъ, то этотъ послѣдній могъ бы по совѣсти рѣшать дѣло безапелляціонно; при представленіи посредниковъ одной только стороною, судъ изъ числа своихъ членовъ могъ бы назначать остальное количество. Третейскій судъ можно бы обязать въ недѣльный срокъ рѣшить дѣло; если же рѣшеніе въ немъ не состоится по разногласію его членовъ, то мнѣніе того изъ членовъ могло бы принимать перевѣсъ, съ которымъ согласится предсѣдатель мѣстнаго уѣзднаго суда. 3) «Тяжущіеся духовнаго званія, вмѣсто присяги, допрашиваются по иноческому обѣщанію или священству». Этотъ древній законъ, почерпнутый нашимъ Сводомъ изъ статей 4, 5 и 6, главы VIII Уложенія царя Алексѣя Михайловича, мнѣ кажется, противорѣчитъ всему гражданскому законодательству. Придавая такую юридическую силу показанію духовныхъ лицъ въ ихъ дѣлахъ, законъ отнимаетъ возможность вести съ ними процессы; всѣ юридическія доказательства блѣднѣютъ предъ ихъ простымъ голословнымъ показаніемъ, потому что оно принимается, какъ сдѣланное подъ присягою, а законъ повелѣваетъ рѣшать дѣла въ пользу тѣхъ, кто присягалъ. И если оставлять этотъ законъ въ своей силѣ, то слѣдовало бы также постановить, что если противникъ духовнаго лица опровергнетъ его, то духовное лицо должно быть судимо, какъ за ложный поступокъ и должно лишиться своего сана.... Тоже самое можно сказать и о лицахъ общества евангелическаго аугсбургскаго исповѣданія; но мнѣ кажется, что какъ отно-

сительно этихъ лицъ, такъ и въ отношеніи духовенства, законъ долженъ допускать всѣ судебныя доказательства, за исключеніемъ присяги, если она противорѣчитъ сущности этихъ сословій.

Я нахожу также нужнымъ замѣтить, что самый обрядъ привода къ присягѣ и послѣдствія неявки къ ней въ назначенный судомъ срокъ, такъ называемой 3-хъ-дневной *ставки* приводимаго къ присягѣ съ противниками, заимствованъ изъ временъ царя Алексѣя Михайловича (*), но потерялъ въ настоящее время свое значеніе. Поэтому онъ и исключенъ изъ Устава Торговаго, и хотя въ немъ сказано, что присяга совершается по обряду, общими законами установленному (**), но это относится болѣе къ обряду самой присяги, нежели къ *ставкѣ*, потому что слѣдующая за тѣмъ статья объясняетъ, что тяжущійся присягаетъ въ тотъ же день, къ сроку котораго назначено ему явиться въ судъ. Имѣя такія преимущества предъ общими законами, относительно законовъ о присягѣ, Торговый Уставъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что въ немъ не обозначены послѣдствія самовольной неявки тяжущагося въ судъ для присяги; въ общемъ же законѣ постановлено (***), что въ такомъ случаѣ тяжущійся, неявившійся въ судъ, обвиняется въ искѣ, если не представитъ законныхъ доказательствъ о томъ, что неявка произошла не отъ его вины.

ГЛАВА X.

ОБЪ ОБЕЗПЕЧЕНІИ ИСКОВЪ ВО ВРЕМЯ ДѢЛОПРОИЗВОДСТВА СУДОВЪ.

По теоріи обезпеченіе исковъ не имѣетъ твердаго основанія: пока судебная власть не разрѣшаетъ даннаго спора, до тѣхъ поръ права истца и отвѣтчика совершенно одинаковы въ процессѣ; законъ имѣетъ полное право до рѣшенія дѣла считать обѣ стороны правыми или никого не считать правымъ. Вслѣдствіе этого, во время дѣлопроизводства судовъ, до рѣшенія тяжбы или иска, ни истецъ, ни отвѣтчикъ не должны были бы подвергаться никакимъ неудобствамъ относительно обезпеченія процесса. Но на практикѣ это общее правило не можетъ быть принято: отвѣтчики могутъ въ ущербъ истца продать и растратить спорное имущество, или скрыться. Вотъ почему

(*) Уложеніе Алексѣя Михайловича, глава XIV, ст. 6. См. цитаты къ ст. 2,431, т. X.

(**) Т. XI, Уст. торг., ст. 1,518.

(***) Т. X, 2,431.

всѣ законодательства изыскиваютъ мѣры для обезпеченія истцовъ; но первое правило при ихъ принятіи должно быть то, что они должны только удовлетворять своей цѣли, не нарушая правды. Съ этой точки зрѣнія будемъ разсматривать и наши законы объ обезпеченіи исковъ. Они состоятъ (*):

1) въ запрещеніи на недвижимое имущество;
2) въ арестѣ или секвестрѣ движимаго;
3) въ опекѣ и ограниченіи права владѣнія недвижимостью.
4) въ обезпеченіи исковъ по дѣламъ безспорнымъ.

1) НАЛОЖЕНІЕ ЗАПРЕЩЕНІЯ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО.

Запрещеніе, какъ мѣра обезпечительная для тяжущихся, впервые появляется въ указѣ Екатерины Великой, отъ 7-го ноября 1775 г. за № 14392 (**) и съ этого времени законы по этому предмету совершенствуются и наконецъ въ 1833 года, указомъ отъ 27 января, с. петербургская сенатская типографія начала постоянно составлять систематическіе своды запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ. Это учрежденіе—одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ въ нашемъ отечествѣ: не стѣсняя излишне отвѣтчика, оно служитъ обезпеченіемъ истца, и эта мѣра достойна того, чтобы на нее обратить особенное вниманіе и усовершенствовать ее. Въ настоящее же время она не всегда удовлетворяетъ кредиторовъ отвѣтчика и служитъ не столько обезпеченіемъ противъ неоплатности долговъ, какъ только мѣрою обезпеченія отъ растраты даннымъ лицомъ его имущества. Между тѣмъ при существованіи запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ можно бы соединить и то и другое очень легко, если бы постановить: а) что каждый дворянинъ и обыватель,—городской или сельскій, должны получать на недвижимое имущество книжки, — (***) дворяне отъ своихъ предводителей, граждане—изъ думъ или ратушъ, сельскіе обыватели — отъ своихъ обществъ. Въ этихъ книжкахъ обозначать: 1) сколько за кѣмъ состоитъ недвижимости, гдѣ она находится и на какую она простирается сумму; 2) на какую сумму въ запретительныхъ книгахъ состоитъ на данномъ имѣніи запрещеніе. Такія книжки, въ случаѣ надобности, суды и административныя мѣста, могли бы требовать отъ данныхъ лицъ, и отсюда почерпали бы

(*) Т. X, ст. 3772 — 3811.

(**) См. Полное Собраніе Законовъ или цитаты къ ст. 3773, т. X.

(***) См. статью о поземельномъ кредитѣ въ Царствѣ Польскомъ № 9-й «Сельскаго Благоустройства» за 1858 годъ.

свѣдѣнія, сколько за кѣмъ состоитъ имущества недвижимаго и сколько на немъ долговъ. Частныя же лица при ввѣреніи кому нибудь своего капитала, могли бы въ этихъ книжкахъ также почерпнуть требуемыя имъ свѣдѣнія. в) Чтобы не было никакихъ злоупотребленій по этому предмету, то всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не представятъ при требованіи отъ нихъ судами и административными мѣстами этихъ книжекъ, считать неимѣющими, чѣмъ обезпечить искъ. г) Каждое запрещеніе или разрѣшеніе должно быть предводителями дворянства, думами и сельскими обществами отмѣчаемо въ выданной имъ книгѣ; поэтому, при появленіи запретительной статьи, они обязаны истребовать въ недѣльный срокъ данную книжку для отмѣтки; всѣ послѣдствія, могущія произойти отъ упущенія по этому предмету возложить на нихъ. д) Для того, чтобы не было отклоненія отъ представленія лицами этихъ книгъ, то предоставить предводителямъ дворянства, думамъ и сельскимъ обществамъ предавать суду неповинующихся ихъ требованіямъ, съ опубликованіемъ подсудимаго. е) Книжки должны быть въ двойномъ образцѣ: одинъ экземпляръ долженъ храниться въ томъ мѣстѣ, которое его выдаетъ, другой—у собственника; при потерѣ кѣмъ либо выданной ему книжки, онъ обязанъ истребовать себѣ копіи изъ того мѣста, которому онъ подвѣдомъ, и въ копіи должна эта потеря быть обозначена; о самой потерѣ должно быть опубликовано и всѣ публикаціи о потеряхъ должны войти въ одинъ общій сводъ, который, какъ и запретительныя статьи, долженъ составляться въ с. петербургской сенатской типографіи. ж) Книжки каждые 10 лѣтъ должны возобновляться, равномѣрно какъ и при переходѣ имущества по завѣщанію или наслѣдству къ наслѣдникамъ умершаго. з) Предводители дворянства, думы и сельскія общества въ книжкахъ обозначаютъ имущества, только состоящія въ ихъ вѣдѣніи; запрещенія же обозначаются въ нихъ всякія, хотя бы они до имущества этого не касались. и) Если у собственника есть въ разныхъ уѣздахъ, губерніяхъ и вѣдомствахъ имущества, то въ каждой книжкѣ должна быть ссылка на это имущество; но по каждому вѣдомству должна быть особая книжка. і) Мѣрою оцѣнки имущества должна быть принята: 1) по городскимъ имуществамъ — оцѣнка, существующая для взысканія 2% въ пользу города; 2) для деревень—цѣна, существующая нынѣ на эти имущества для залога ихъ въ кредитныя учрежденія; 3) для фабрикъ и заводовъ—4-лѣтняя сложность чистаго ихъ годоваго дохода, подтвержденнаго присяжнымъ показаніемъ двухъ сосѣдей. к) Утайка кѣмъ либо какой нибудь изъ своей недвижимости должна подлежать взысканію, какъ за лживый поступокъ. л) Думѣ должны быть подвѣдомствены всѣ лица, владѣющія имуществомъ въ чертѣ городской, безъ различія званій; уѣзднымъ предводителямъ

дворянства—всѣ дворяне и другія лица, имѣющія недвижимость въ уѣздѣ; сельскимъ обществамъ—всѣ лица, принадлежащія къ нимъ и имѣющія въ нихъ округѣ имущество. м) Книжки должны состоять изъ опредѣленнаго числа листовъ, прошнурованныхъ и скрѣпленныхъ мѣстами ихъ выдающими; по окончаніи же каждой книжки должны быть къ нимъ выданы дополненія съ тѣми же самыми условіями, какъ и основныя. н) Для усиленія канцелярій тѣхъ мѣстъ, которыя будутъ выдавать обезпечительныя книжки, положить на содержаніе ихъ $^1/_2$ процента въ годъ съ имущества. о) Книжки должны носить названіе *запретительныхъ* и имѣть слѣдующую форму:

ОБЕЗПЕЧИТЕЛЬНАЯ ИЛИ ГИПОТЕЧНАЯ КНИЖКА,

ВЫДАННАЯ ОДЕССКИМЪ УѢЗДНЫМЪ ПРЕДВОДИТЕЛЕМЪ ДВОРЯНСТВА ДВОРЯНИНУ ТАКОМУ-ТО, НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1858 ГОДА, ЗА № 1-МЪ.

Въ чемъ заключается имущество и во сколько оно оцѣнено.	Отъ кого оно перешло къ владѣльцу.	По какому акту.	Отъ какого присутственнаго мѣста и по какому дѣлу наложено запрещеніе и когда именно.	Когда и кѣмъ запрещеніе снято.
Деревня о 200 душахъ мужеск. пола и 2000 десятин. удобной земли, по оцѣнкѣ (слѣдуетъ инвентарь имѣнія), стоющихъ 15000 р.с. Другаго имущества недвижимаго не имѣетъ; или же: въ Харьковской губерніи состоитъ за нимъ еще 500 душъ при 3000 десятинахъ земли.	Отъ дяди, собственника, титулярнаго совѣтника Ивана Тимофѣевича Пархоменко.	По дарственной записи, совершенной въ Херсонской палатѣ гражданскаго суда, отъ 2 февраля 1856 г., за № 701.	По дѣлу купца Коробейникова, по заемному письму въ 20000 р. Одесскою градскою полиціею, 1 ноября 1858 г.	Одесскою полиціею, 15 ноября 1858 года.

Каждая изъ этихъ статей должна быть подписана тѣмъ мѣстомъ или лицомъ, которыя ихъ отмѣчаютъ, съ приложеніемъ печати и съ обозначеніемъ, котораго числа отмѣтка сдѣлана.

Разсматривая критически предлагаемыя мною обезпечительныя книжки, существующія нынѣ въ Царствѣ Польскомъ подъ названіемъ гипотечныхъ, я нахожу въ нихъ слѣдующія свойства: 1) Они не могутъ быть зломъ ни для кого, и ни одно лицо не стѣсняется ими въ своихъ законныхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своею собственностью; напротивъ того, эти книжки дадутъ полную возможность честнымъ лицамъ разширить свой кредитъ: каждый, заглянувши въ такую книжку, можетъ увидѣть, какъ данное лицо ведетъ свои дѣла, чѣмъ оно можетъ его обезпечить и нѣтъ ли у него неоплатныхъ долговъ. 2) Лица, не ведущія никакого торга или промысла, не будутъ имѣть возможности дѣлать неоплатныхъ долговъ. 3) Каждый кредиторъ, который даетъ денегъ неоплатному должнику, свыше того, что стоитъ его имущество, долженъ будетъ потерять право на возмездіе изъ недвижимости должника, наравнѣ съ предшествовшими ему кредиторами. Въ настоящее же время существуетъ то зло, что пока описывается, оцѣняется и продается данное имѣніе, владѣлецъ его успѣваетъ надѣлать новыхъ долговъ, которые, поступая въ общую конкурсную массу, удовлетворяются не только наравнѣ съ другими долгами, но даже иногда преимущественнѣе; такъ напримѣръ: я имѣю росписку во взятіи такимъ-то помѣщикомъ у меня денегъ; онъ ее признаетъ и я налагаю не только запрещеніе на его имѣніе, но описываю и продаю его. Въ это время поступаютъ на моего должника крѣпостныя заемныя письма или казенныя взысканія, возпослѣдовавшія послѣ моего дѣла: учреждается конкурсъ и я попадаю, относительно удовлетворенія, на послѣдній планъ, такъ что иногда я теряю совсѣмъ удовлетвореніе. При существованіи же предлагаемыхъ мною книжекъ удовлетвореніе должно было бы производиться по старшинству запрещеній, въ немъ отмѣченныхъ; нынѣ же этого нельзя сдѣлать, потому что справки о томъ, состоитъ ли запрещеніе на данномъ имѣніи или нѣтъ, — затруднительны и невсегда частному лицу возможны. Эта-то негласность и служитъ причиною, что такъ *легко* налагаются присутственными мѣстами запрещенія и почему отвѣтчики къ нимъ такъ ровнодушны. 4) Лица, не налагавшія запрещенія на имѣніе должника, должны поступать въ колею, которая опредѣляется законами по разрядамъ документовъ: такимъ образомъ установилось бы совершенная соразмѣрность вознагражденія, и сами собою прекратились бы всѣ жалобы по этимъ предметамъ; каждый зналъ бы, кому что онъ даетъ и на что онъ можетъ разсчитывать при полученіи удовлетворенія. 5) Въ настоящее время неправильное наложеніе кѣмъ либо запрещенія на имѣніе его противника остается безъ послѣдствій; между тѣмъ какъ это ограниченіе правъ собственности, соединенное иногда съ убыт-

ками для того лица, на имѣніе котораго запрещеніе наложено, должно получить возмездіе; поэтому такому лицу должно бы быть предоставлено искать убытки съ лица, наложившаго неправильно запрещеніе.

2) О СЕКВЕСТРѢ ДВИЖИМАГО ИМУЩЕСТВА.

А. «Арестъ на движимое имущество налагается, по требованію правительственныхъ или судебныхъ мѣстъ, губернскимъ правленіемъ» (*). Но пока губернское правленіе соберется наложить этотъ арестъ, движимость можетъ быть растрачена или утаена и передана въ двадцатыя руки; вообще посредничество губернскихъ правленій въ этихъ дѣлахъ ведетъ къ излишней перепискѣ и проволочкѣ дѣла; поэтому можно бы возлагать секвестръ имущества или на полиціи, или на суды; также не мѣшало бы разъяснить: въ какихъ случаяхъ по искамъ движимость берется подъ секвестръ. О способѣ же сохраненія этихъ имуществъ необходимымъ считаю сказать: въ настоящее время аукціонныя камеры существуютъ только въ столицахъ и въ Одессѣ; на подобіе этихъ камеръ могли бы быть учреждены аукціонныя мѣста при всѣхъ уѣздныхъ судахъ, съ непосредственнымъ ихъ подчиненіемъ этимъ послѣднимъ. Аукціонныя камеры могли бы быть хранителями всего имущества секвестрованнаго; такъ называемое же *неутратное сбереженіе* (**) могло бы быть уничтожено; причины тому слѣдующія: 1) движущіяся вещи, т. е., скотъ, лошади, овцы, отдаваясь подъ неутратное сбереженіе, никогда не служатъ удовлетвореніемъ кредиторовъ: хранители ихъ вмѣсто животныхъ могутъ представлять кожи, подъ предлогомъ падежа; притомъ ихъ требованія, относительно уплаты имъ за содержаніе скота, часто превосходятъ стоимость предмета, отдаваемаго имъ на сохраненіе. По этимъ причинамъ движущіяся вещи, взятыя въ секвестръ, могли бы быть немедленно проданы, и вырученныя деньги отправлены въ приказъ, впредь до окончанія дѣла. 2) Движимыя вещи раздѣляются на тлѣнныя и нетлѣнныя; первыя велѣно продавать; вторыя отдавать подъ неутратное сбереженіе. Но нетлѣнныя вещи, хотя не пропадаютъ, однако могутъ выдти изъ общаго употребленія и потерять съ теченіемъ времени цѣнность; на этомъ основаніи только одни драгоцѣнные камни и металлы не должны продаваться; всѣ же остальныя движимыя вещи безъ исключенія могли бы немедленно продаться съ аукціоннаго торга.

(*) Т. X, ст. 3803.

(**) Секвестрованное имущество обыкновенно отдается подъ неутратное сбереженіе благонадежныхъ лицъ.

Б. Относительно же неудобства закона, повелѣвающаго безспорнымъ обязательствамъ, кромѣ векселей, приступать сперва къ описи недвижимости, и только въ случаѣ ея недостаточности, къ движимости, говорено мною въ главѣ о дѣлахъ безспорныхъ (*).

3) объ опекѣ.

Присутственныя мѣста, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ опеки, суть: дворянскія опеки и сиротскіе суды; первымъ подчинены всѣ потомственные дворяне, вторымъ остальныя лица всѣхъ состояній. Въ дворянской опекѣ засѣдаютъ всѣ члены уѣзднаго суда, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства (**). Въ сиротскомъ судѣ хотя засѣдаютъ два члена магистрата, но къ нимъ присоединяется городовый староста, подъ предсѣдательствомъ городскаго главы. Составъ послѣдняго, мнѣ кажется, правильнѣе перваго: онъ имѣетъ нѣкоторое самостоятельное устройство и не такъ отвлекаетъ членовъ судебнаго мѣста отъ занятій, потому что городовой староста можетъ слѣдить за ходомъ дѣлъ опеки; но еще лучше бы было дать сиротскому суду совершенно самостоятельное устройство (***). Этоже самое слѣдовало бы сдѣлать съ дворянскими опеками: члены уѣзднаго суда постоянно отвлекаются отъ дѣлъ своихъ разными командировками въ уѣздъ, для присутствованія при описи и оцѣнкѣ дворянскихъ имуществъ. Отъ этого теряютъ и суды, и дѣла опеки: у первыхъ замедляется теченіе дѣлъ, у вторыхъ описи тянутся безконечно; притомъ члены уѣзднаго суда магистрата, занятые процессами, не могутъ вникать ни въ дѣла опеки, ни въ дѣйствія опекуновъ. Поэтому имѣнія, поступающія въ опекунское управленіе, часто перестаютъ приносить доходы: опекуны и попечители представляютъ отчеты, какіе имъ угодно, и мнѣ случилось прочесть бумагу одного губернатора къ дворянской опекѣ города О...., въ которой онъ пишетъ: что съ прискорбіемъ онъ усматриваетъ, что изъ сорока опекъ, учрежденныхъ приказомъ общественнаго призрѣнія надъ домами своихъ неисправныхъ закладчиковъ, опекуны представили доходу 1500 руб. сер., между тѣмъ какъ по существующимъ въ этомъ городѣ высокимъ цѣнамъ на квартиры, эти дома должны бы были приносить до ста тысячъ ежегоднаго дохода. Одною изъ главныхъ причинъ нерадѣнія опекуновъ къ ввѣряемымъ имъ опекамъ

(*) См. первую мою статью.
(**) Т. II, кн. III, раз. IV, ст. 3865.
(***) Т. II, ст. 4255.

заключается въ томъ, что имъ полагается съ чистаго дохода опекаемаго ими имущества, 5%. Эта сумма недостаточна, чтобы привлечь добросовѣстнаго человѣка къ принятію на себя обязанности опекуна; поэтому, мнѣ кажется, можно бы этотъ процентъ увеличить на 15 или 25. Отъ этой мѣры могутъ выиграть обѣ стороны: каждый охотно приметъ на себя обязанности опекуна, такъ какъ труды опекуновъ будутъ вознаграждаться, и опеки будутъ имѣть возможность въ должность опекуна назначать благонадежныхъ людей. Съ образованіемъ же дворянской опеки и сиротскихъ судовъ въ самостоятельномъ видѣ, кругъ ихъ дѣйствій могъ бы быть болѣе опредѣленъ и разширенъ: члены имѣли бы возможность и время объѣзжать ввѣренный имъ округъ и ревизовать дѣйствія опекуновъ. Дѣла по опекамъ также могли бы быть изъяты отъ гражданскихъ палатъ и сосредоточиться въ центральномъ управленіи, гдѣ бы засѣдали лица по выбору всѣхъ сословій цѣлой губерніи, по одному изъ каждаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства; здѣсь дѣла по опекѣ могли бы имѣть свое окончаніе, не восходя до правительствующаго сената (принимая во вниманіе то, что опекуны могутъ за злоупотребленіе быть преслѣдуемы лицами и мѣстами, имущество которыхъ они опекаютъ, въ общихъ судебныхъ мѣстахъ).

Теперь обратимся къ опекѣ, какъ мѣрѣ обезпечительной въ дѣлахъ судебныхъ; въ ея вѣдѣніе поступаютъ недвижимыя имущества: 1) «по спору на духовныя завѣщанія, начатому при самомъ предъявленіи оныхъ присутственному мѣсту или по утвержденіи ихъ при вводѣ во владѣніе имуществомъ наслѣдника; но если споръ объявленъ по вводѣ во владѣніе наслѣдника, то имѣніе остается въ его владѣніи впредь до окончанія дѣла, и налагается одно только запрещеніе на это имѣніе (*).

Этотъ законъ, мнѣ кажется, имѣетъ такое неудобство: утвержденіе завѣщанія гражданскими палатами и коммерческими судами и вводъ во владѣніе наслѣдниковъ уѣздными судами и магистратами могутъ воспослѣдовать немедленно послѣ смерти завѣщателя, и отсутствующіе наслѣдники могутъ и не знать—ни о смерти своего родственника, ни объ оставшемся послѣ него имуществѣ, ни о существованіи завѣщанія. Если бы существовало постановленіе, что не слѣдуетъ утверждать завѣщаній, впредь до окончанія срока публикаціи, назначеннаго въ наслѣдованіи по закону, то приведенный мною законъ имѣлъ бы основаніе; а то мы находимъ только два правила относительно публикаціи: а) что по утвержденіи завѣщанія и ввода во вла-

(*) Т. X, ст. 2671—2673.

дѣніе имуществомъ наслѣдника публикуется объ этомъ въ вѣдомостяхъ; б) что послѣ смерти даннаго лица, полиція, описывая его имущество и найдя завѣщаніе, (если назначеннаго въ немъ наслѣдника нѣтъ на лицо) обязана его отправить въ мѣстный судъ для его утвержденія; по утвержденіи этого акта, судъ обязанъ вызвать чрезъ публичныя вѣдомости отсутствующаго наслѣдника, которому завѣщано имущество. (*) Но первое правило относится только до правъ наслѣдника—оспоривать завѣщаніе въ теченіе 10-лѣтней давности; второе же болѣе относится къ наслѣднику по завѣщанію, нежели къ наслѣдникамъ по закону, которые не имѣютъ никакого обезпеченія для удержанія и исполненія завѣщанія. Если бы съ правомъ владѣнія имуществомъ не было соединено право пользованія безповоротно его доходами, то законъ имѣлъ бы также основаніе, но и допустивъ его, слѣдовало бы постановить, что имѣніе, отдаваясь во владѣніе наслѣднику по завѣщанію, должно быть описано и оцѣнено; доходы могли бы быть въ точности приведены въ извѣстность, и въ случаѣ спора противъ его правъ онъ могъ бы быть обязанъ, если желаетъ оставить въ своемъ владѣніи имѣніе впредь до рѣшенія дѣла, въ началѣ каждаго года обезпечивать годовую пропорцію дохода; въ противномъ случаѣ имѣніе бралось бы въ вѣдѣніе опеки. Лишеніе же дохода наслѣдника, оспаривающаго завѣщаніе, я нахожу не совсѣмъ справедливымъ: во-первыхъ законъ самъ лишаетъ его возможности, во время отсутствія, узнать о смерти своего родственника и о существованіи его завѣщанія; во-вторыхъ, отдавая во владѣніе его противника наслѣдственное имущество, онъ даетъ послѣднему средство и возможность вести дѣло, противъ часто неимущаго соперника, который иногда по недостаточности своей не можетъ прибыть въ мѣстный судъ, куда подвѣдомъ его отвѣтчикъ, для защиты своего процесса. Поэтому, мнѣ кажется, съ этими выгодами, предоставленными отвѣтчику, несовмѣстно предоставленное ему право: не возвращать доходовъ съ имѣнія, которымъ онъ владѣлъ въ продолженіе процесса. Также слѣдовало бы разъяснить, — какъ поступать съ тѣми спорными имуществами, гдѣ рѣчь идетъ о наслѣдованіи по закону: должны ли они оставаться въ рукахъ наслѣдниковъ, введенныхъ во владѣніе послѣ 6 мѣсячной публикаціи, или поступить въ вѣдѣніе опеки? Я полагаю, что и въ этомъ случаѣ, если суду извѣстно, что есть отсутствующіе наслѣдники, то оставляя имѣніе въ распоряженіи тѣхъ лицъ, которыя введены уже во владѣніе, слѣдовало бы относительно доходовъ его поступить

(*) Т. X, ст. 1017.

точно такъ, какъ я выше сказалъ, т. е. требовать отъ отвѣтчиковъ ихъ обезпеченія.

2) «Когда недвижимое имущество продано другому, но прежде истеченія *двухъ-лѣтняго* срока, считая со дня окончательнаго исполненія установленнаго закономъ обряда оглашенія продажи, посредствомъ прибитія листа къ судейскимъ дверямъ и опубликованія въ вѣдомостяхъ, предъявленъ будетъ въ судъ споръ на купчую крѣпость: тогда спорное имѣніе оставляется у того, у кого было предъ начатіемъ сего спора, т. е., или у продавца, если споръ предъявленъ *до ввода по купчей во владѣніе*, или же у покупщика, если споръ предъявленъ послѣ ввода во владѣніе (*).»

а) Этотъ законъ, мнѣ кажется, неясенъ: при началѣ чтенія предполагаешь, что въ немъ рѣчь идетъ о томъ, что если до окончанія 2-хъ лѣтняго срока начинается споръ, то имущество остается во владѣніи продавца; а дочитавши законъ, въ концѣ видишь, что имущество остается тогда только въ его рукахъ, когда онъ начинаетъ процессъ до ввода покупщика во владѣніе. Но вѣдь покупщикъ вводится во владѣніе непосредственно послѣ совершенія купчей, а не по истеченіи двухъ лѣтъ, и послѣ этого срока продавецъ не только не можетъ помышлять о правѣ владѣнія проданнымъ имуществомъ, но отъ него по закону отнимается даже право оспоривать купчую. Но я нахожу невполнѣ справедливымъ оставлять въ рукахъ продавца имущество, если даже споръ предъявленъ имъ до ввода во владѣніе покупщика: крѣпостной порядокъ, существующій у насъ для совершенія купчихъ крѣпостей, совершенно обезпечиваетъ продавцовъ, и если бываютъ какія нибудь злоупотребленія, то въ нихъ виновны болѣе суды, нежели покупщики. При совершеніи купчей, суды обязаны разсмотрѣть тѣ документы, по которымъ продается данное имѣніе, они забираютъ справки, нѣтъ-ли на немъ запрещенія; обозначаютъ въ купчей условія купли, наконецъ—не иначе совершаютъ актъ, какъ тогда, если подпись продавца и его добровольное согласіе на продажу подтверждаются узаконеннымъ числомъ свидѣтелей. Какой же споръ послѣ этого можетъ быть противъ купчей?... Что покупщикъ не выполнилъ своихъ условій или не уплатилъ денегъ? Но вѣдь этотъ споръ однороденъ со всѣми процессами, основанными на безспорныхъ актахъ, потому и все теченіе этого процесса должно бы имѣть общія съ ними черты. Что же касается до вопроса о продажѣ и правѣ владѣнія спорнымъ имуществомъ, то онъ разрѣшается купчей крѣпостью: подписавъ этотъ актъ, продавецъ уступилъ свои права владѣнія покупщику безвозвратно и сохраняетъ только

(*) Т. X, ст. 2671.

право требовать, на общемъ основаніи, исполненія условій, выговариваемыхъ въ купчей; если покупщикъ ихъ не исполняетъ, то продавецъ сохраняетъ право требовать законнаго обезпеченія или удовлетворенія отъ покупщика; но ни въ какомъ случаѣ, мнѣ кажется, онъ не долженъ быть вводимъ во владѣніе имуществомъ. Съ правомъ владѣнія имуществомъ, какъ я выше сказалъ, сохраняется право пользованія безповоротно его доходами; поэтому покупщикъ ставится въ весьма затруднительное положеніе, когда у него отнимается право владѣнія, добровольно ему уступленнаго купчей крѣпостью. По моему мнѣнію, отъ покупщика должно бы быть отобрано недвижимое имущество и отдано въ вѣдѣніе опеки—только тогда, когда воспослѣдуетъ споръ о подложности самой купчей, или только подписи продавца, или тѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ продажа совершена; въ прочихъ же случаяхъ имущество должно бы оставаться за покупщикомъ, и продавецъ долженъ бы имѣть право требовать отъ него обезпеченія на общемъ процессномъ основаніи. Неизлишнимъ считаю здѣсь присовокупить еще и то, что наше законодательство постановило обезпечительныя правила только относительно двухъ случаевъ пріобрѣтенія недвижимости: *по завѣщанію* и *покупкѣ*. Выше я показалъ, что при пріобрѣтеніи имущества наслѣдованіемъ *по закону* слѣдовало бы руководствоваться правилами, общими съ законами о завѣщаніяхъ; здѣсь же прибавлю, что, такъ какъ пріобрѣтеніе недвижимаго имущества, кромѣ этихъ трехъ случаевъ, можетъ быть еще посредствомъ *выдѣла* и *раздѣла проданнаго имѣнія*, то слѣдовало бы разъяснить, что по всѣмъ этимъ предметамъ, въ случаѣ спора, должны имѣть силу законы о куплѣ. Только о *дарѣ* у насъ сказано: «если даръ учиненъ подъ условіемъ, и условія со стороны получившаго даръ не исполнены, то даръ возвращается дарителю (*). Даръ, принятый тѣмъ, кому онъ назначенъ, къ дарителю не возвращается; но если учинившій даръ учинитъ покушеніе на жизнь дарителя, причинитъ ему побои или угрозы, оклевещетъ его въ какомъ либо преступленіи или вообще окажетъ ему явное непочтеніе; то даритель имѣетъ право требовать возвращенія подареннаго» (**).

Не мѣшало бы также разъяснить, какимъ порядкомъ даритель можетъ уничтожить дарственную,—собственнымъ ли распоряженіемъ, или судебнымъ порядкомъ. Такъ какъ даръ имѣетъ основаніемъ не столько юридическія, сколько нравственныя начала, то дарителю должно бы быть предоставлено полное и неограниченное право, безъ

(*) Т. X, ст. 800.
(**) Тамъ же ст. 748.

всякихъ судебныхъ доказательствъ, опубликовать въ столичныхъ и мѣстныхъ вѣдомостяхъ объ уничтоженіи имъ дарственной записи; но съ ограниченіемъ:—если на подаренномъ имъ имуществѣ будутъ лежать какія нибудь запрещенія, или на лицѣ, воспользовавшемся этимъ даромъ, будутъ состоять долги, то даритель обязанъ по суммѣ дара удовлетворить эти взысканія, во вниманіе къ тому, что чрезъ его даръ, воспользовавшійся имъ пріобрѣлъ кредитъ; только тогда не можетъ быть уничтожена дарственная запись, когда имущество подаренное продано третьему лицу.

4. Объ обезпеченіи исковъ по дѣламъ безспорнымъ.

1. *По общимъ законамъ.*

По этимъ предметамъ ни полиціи, ни судебныя мѣста не имѣютъ положительныхъ, прямыхъ постановленій, и по нимъ допускается въ дѣлахъ совершенный произволъ.

а) *Дѣла полиціи:*

1) По взысканіямъ съ заемныхъ писемъ, договоровъ и векселей, въ случаѣ спора противъ нихъ, повелѣно управамъ благочинія не требовать отъ отвѣтчика обезпеченія иска (*). Между тѣмъ за упущеніе по этому предмету на нихъ возлагается отвѣтственность въ уплатѣ сполна всѣхъ денегъ истцу (**).

2) Въ общихъ правилахъ о производствѣ тѣхъ же дѣлъ въ полиціяхъ ничего не сказано объ обезпеченіи на случай спора; (***) также мы ничего не находимъ въ законахъ о переходѣ этихъ дѣлъ въ высшія мѣста и порядкѣ производства ихъ (****). Но въ то же время ст. 2,120, т. X., говоритъ: «если полиція или присутственное мѣсто при взысканіи по частнымъ обязательствамъ учинятъ такія упущенія, вслѣдствіе которыхъ взысканіе денегъ съ должника сдѣлается невозможнымъ, то подвергаются сами платежу сей суммы въ пользу заимодавца, съ предоставленіемъ имъ искать возврата заплаченныхъ ими денегъ съ должника или его имущества».

3) По дѣламъ же объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ и самовольномъ завладѣніи полиціи не имѣютъ правилъ относительно обезпеченія исковъ.

б) *Дѣла судебныхъ мѣстъ:*

1) Ни въ общихъ, ни въ частныхъ законахъ о судопроизводствѣ гражданскомъ не сказано, что во время дѣлопроизводства иски по

(*) Т. X, ст. 2099, примѣч. 2.
(**) Т. X, ст. 2104—2110.
(***) Т. X, ст. 2079—2095.
(****) Т. X, ст. 2116—2122.

спорамъ о заемныхъ письмахъ, договорахъ, по дѣламъ объ убыткахъ, ущербахъ и самовольномъ завладѣніи, должны быть обезпечиваемы отвѣтчиками; по этому предмету существуютъ только два постановленія:

а) «Что управы благочинія въ дѣлахъ спорныхъ обезпеченія отъ отвѣтчиковъ не требуютъ, а что это дѣло судебныхъ мѣстъ (*) и опредѣляется не прежде, какъ по разсмотрѣніи и уваженіи иска».

б) «Что по счетамъ и прочимъ обязательствамъ, когда объявленъ будетъ споръ о недѣйствительности ихъ,—по безденежности, или по другимъ обстоятельствамъ,—и споръ сей, по ссылкѣ на доказательства, будетъ найденъ основательнымъ: то истцу предоставляется свое право отыскивать судомъ по формѣ; при чемъ то мѣсто, гдѣ таковой судъ происходитъ, *опредѣляетъ узаконенное обезпеченіе иска* (**)».

Оба эти закона, мнѣ кажется, неясны: *въ первомъ* говорится, что судъ не иначе опредѣляетъ обезпеченіе иска, какъ по его разсмотрѣніи; значитъ, по рѣшеніи дѣла, а не при его производствѣ; потому что судить о дѣлѣ можно только при его окончаніи, когда вошли въ него всѣ доказательства истца и опроверженія отвѣтчика.... *Во второмъ* — отношенія суда къ тяжущимся еще неопредѣленнѣе: по закону, дѣла безспорныя начинаются въ мѣстахъ полицейскихъ, и при спорѣ дѣло рѣшается ими, и въ четырехъ-недѣльный срокъ недовольная сторона можетъ начать дѣло въ судѣ исковымъ порядкомъ; въ этомъ случаѣ судъ, *найдя споръ отвѣтчика основательнымъ*, предоставляетъ истцу отыскивать свое право судомъ по формѣ и опредѣляетъ со стороны отвѣтчика обезпеченіе иска. Но это правило невольно наводитъ на слѣдующія мысли: находя опроверженія отвѣтчика основательными, не лучше ли, вмѣсто отсылки истца, раздѣлываться съ нимъ судомъ по формѣ? Судъ скорѣе обязанъ дѣло рѣшить, потому что начатіе дѣла, недовольными рѣшеніемъ полиціи, въ судѣ, по выраженію закона (***), не есть переносъ, а формальный искъ; слѣдовательно отъ одной формы иска нечего посылать къ другой формѣ, и чтобы себѣ не противорѣчить и не производить замѣшательства въ дѣлахъ, законъ, если находитъ то необходимымъ, могъ бы прямо сказать, что дѣла безспорныя должны производиться формою суда; а то мы находимъ цѣлый рядъ постановленій, подводящій ихъ подъ общую категорію исковыхъ дѣлъ, и вдругъ одна статья закона разрушаетъ все это, явно относя ихъ къ суду по формѣ. Выговори это прямо законъ, каждый начиналъ бы дѣло этимъ порядкомъ;

(*) Т. X, ст. 2099, прим. 11.
(**) Т. X. ст. 2741.
(***) Т. X, ст. 2047.

то каждый начинаетъ безспорные иски обыкновеннымъ исковымъ порядкомъ, и часто такія дѣла, доходя до высшихъ инстанцій, обращаются, на основаніи приведеннаго мною закона, для новаго производства ихъ—формою суда. Изъ этого можемъ заключить, сколько злоупотребленій существуетъ по этому предмету, и послѣ этого удивляйтесь, что иски *безспорные*—самыя скверныя *спорныя дѣла!* Такимъ образомъ, если судъ вздумаетъ, не отсылая дѣла къ разбирательству формою суда, рѣшить его, то у него нѣтъ никакого закона, по которому бы онъ могъ требовать отъ отвѣтчика обезпеченія; и въ этомъ случаѣ, придерживаясь единственно пословицы, что своя рубаха ближе къ тѣлу, судъ часто дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: 1) налагаетъ запрещеніе на имѣніе отвѣтчика, хотя бы такого имѣнія вовсе и не существовало; 2) на основаніи закона о судѣ по формѣ (хотя это законъ частный), требуетъ съ отвѣтчика обезпеченія, если истецъ хорошо заплатитъ суду; въ противномъ случаѣ, ссылаясь на то, что въ законѣ нѣтъ положительнаго постановленія относительно обезпеченія такихъ дѣлъ во время дѣлопроизводства, они въ самомъ опредѣленіи постановляютъ мѣры къ приведенію его въ исполненіе, несмотря на апелляцію. Иногда же судебныя мѣста,—чтобы себя очистить, по ихъ выраженію,—предписываютъ полиціямъ отобрать отъ отвѣтчика подписку о неотлучкѣ его впредь до рѣшенія дѣла, и это они считаютъ обезпеченіемъ истца. Что же касается отвѣтственности, возлагаемой на судей закономъ (ст. 2120, т. X), то она для нихъ вовсе не страшна; она имѣетъ силу, но и то не всегда относительно полицейскихъ чиновниковъ; а судьи за свои мнѣнія не отвѣчаютъ....

2) *судомъ по формѣ.*

По производству дѣлъ формою суда существуетъ слѣдующій порядокъ обезпеченія исковъ: «если отвѣтчикъ не представитъ имущества движимаго или недвижимаго, соразмѣрнаго предъявленному иску, то онъ обязанъ представить поручную запись. Срокъ для представленія таковой записи назначается семидневный. Съ истца, по окончаніи судныхъ рѣчей, берется на томъ же основаніи, какъ и съ отвѣтчика, если нѣтъ у него достаточнаго имѣнія къ обезпеченію предъявленнаго имъ иска, поручная запись въ томъ, что онъ до рѣшенія дѣла никуда изъ города не отлучится. Для представленія таковой поручной записи опредѣляется истцу трехдневный срокъ» (*).

(*) Т. X. ст. 3128, 3131, 3168, 3169.

Всѣ тяжущіеся избѣгаютъ суда по формѣ, этого намека на словесное судопроизводство, потому что истецъ, начиная процессъ, долженъ обезпечить всю искомую имъ сумму. Для чего и для какой надобности это дѣлается? Если бы существовало правило, что по дѣламъ, производимымъ судомъ по формѣ, истецъ, вмѣсто штрафа, отвѣчаетъ отвѣтчику суммою, равняющеюся всему его иску, то въ этомъ случаѣ обезпеченіе истцомъ дѣла имѣло бы значеніе; а то при судѣ по формѣ существуютъ штрафы обыкновеннаго суда: къ чему же послѣ этого стѣснительныя мѣры противъ истца, превосходящія даже мѣры обезпечительныя для отвѣтчика? Этому послѣднему дается семидневный срокъ на представленіе поручной записи, а истцу только трехдневный. Въ гражданскомъ дѣлѣ съ истца можно, мнѣ кажется, требовать только обезпеченія штрафовъ, на случай рѣшенія не въ его пользу дѣла.... Если кто нибудь меня ограбилъ, по нынѣшнему выраженію, честнымъ образомъ, т. е. у меня занялъ, денегъ не заплатилъ и лишилъ меня всего состоянія, сдѣлалъ меня нищимъ, то я не могу начать на него искъ, потому что не въ состояніи его обезпечить; да и кто за меня поручится въ большомъ дѣлѣ, когда всѣ знаютъ, что я разоренъ и въ случаѣ проигрыша тяжбы ничѣмъ не могу отвѣчать. Поэтому, чтобы вести процессъ, я долженъ, по неимѣнію ни поручительства, ни имущества, идти въ тюрьму и ждать тамъ рѣшенія участи своего иска; а такъ какъ дѣла у насъ тянутся иногда десятки лѣтъ, то кому какая охота ждать въ тюрьмѣ такъ долго, пока правосудіе будетъ ему оказано? Это подаетъ судебнымъ мѣстамъ поводъ, когда истецъ недостаточный человѣкъ, обратить дѣло къ суду по формѣ, для того, чтобы истецъ, не будучи въ состояніи обезпечить иска, бросилъ его. Такимъ образомъ судъ по формѣ Петра Великаго, имѣвшаго самыя святыя намѣренія при его учрежденіи, становится иногда страшнымъ судебнымъ бичемъ въ рукахъ неблагонамѣренныхъ, безсовѣстныхъ, подкупныхъ судей. Но при нынѣшнемъ дѣлопроизводствѣ и его медленномъ теченіи, законы объ обезпеченіи исковъ, мнѣ кажется, всегда служатъ ко вреду—или для истцовъ или для отвѣтчиковъ; поэтому задача настоящей моей статьи—по возможности уравновѣсить интересы тѣхъ и другихъ; но объ этомъ поговоримъ ниже въ главѣ о дѣлопроизводствѣ въ 1-й степени суда, гдѣ развитіе моей мысли будетъ яснѣе и точнѣе. Теперь же скажемъ о личномъ задержаніи: подвергаются у насъ аресту лица, не представляющія для обезпеченія иска достаточнаго имущества или поручительства; истецъ, требующій этого ареста, обязанъ внести кормовыя деньги, которыя должны равняться справочной мѣстной цѣнѣ за 75 фунтовъ ржаной муки и три

гарнца крупъ, что при низкихъ мѣстныхъ цѣнахъ составляетъ менѣе двухъ рублей серебромъ въ мѣсяцъ: на такую сумму не только прилично, но и сносно нельзя содержать арестанта (*): законодательство, сохраняя неизмѣнный характеръ строгаго правосудія, изъ человѣколюбія могло бы несчастнымъ, неопытнымъ должникамъ, изъ которыхъ многіе бываютъ жертвою обмана, легковѣрія, молодости и неопытности, оказывать хоть то сочувствіе, чтобы ихъ содержаніе подъ стражею было сносно и не убивало въ нихъ остатокъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Долговыя отдѣленія и тюрьмы не должны бы имѣть ничего общаго съ уголовными и исправительными; арестантамъ должны бы быть предоставлены всевозможныя развлеченія, умственныя и физическія занятія; пища ихъ должна быть здорова и питательна; поэтому можно бы увеличить кормовыя деньги, смотря по мѣстнымъ цѣнамъ, даже въ 5 и 10 разъ болѣе противъ настоящихъ цѣнъ. Оказывая въ подобномъ случаѣ милосердіе страждущимъ, законъ съ другой стороны могъ бы отмѣнить правило, что должники, состоящіе въ дѣйствительной государственной службѣ, не подвергаются личному задержанію по гражданскимъ взысканіямъ (**). Этотъ законъ служитъ страшнымъ соблазномъ: военнослужащіе и гражданскіе чиновники, получая сотни рублей жалованья въ годъ, дѣлаютъ долги разными происками и обманами на сотни тысячъ, и все дѣло оканчивается тѣмъ, что на удовлетвореніе всѣхъ этихъ долговъ съ нихъ взыскиваютъ $^1/_3$ годоваго жалованья. Было бы, кажется, справедливѣе установить, что чиновникъ, сдѣлавшій неоплатный долгъ больше годовой пропорціи его жалованья, исключается изъ службы и вступаетъ въ общую колею неоплатныхъ должниковъ; по очисткѣ же его отъ этого долга, онъ вновь принимается на дѣйствительную службу; такое правило воздержало бы маленькихъ сынковъ отъ тратъ не по состоянію и отъ обмановъ, къ которымъ они прибѣгаютъ съ легковѣрными ихъ кредиторами.

3) *По торговому уставу.*

Торговый Уставъ, хотя въ нѣкоторой степени совершеннѣе общихъ правилъ объ обезпеченіи исковъ, но имѣетъ и свои недостатки; разберемъ то и другое:

(*) Т. X, ст. 4,079, и т. XIV, уст. о сод. подъ стражею, ст. 42, 43, 44, 65 и 66.

(**) Т. X, ст. 4,085.

а) «Когда истецъ представитъ суду уважительныя причины къ подозрѣнію въ намѣреніи отвѣтчика скрыться или отлучиться изъ города, безъ дозволенія суда и безъ обезпеченія иска, тогда судъ требуетъ отъ отвѣтчика, чтобы онъ обезпечилъ неотлучку свою изъ города залогомъ или поручительствомъ. Если же не обезпечитъ, то воспрещаетъ ему отлучку чрезъ полицію».

Выраженіе: «воспрещеніе отвѣтчику отлучки, чрезъ полицію» (*), очень неясно: можно здѣсь подразумѣвать и личное задержаніе, и взятіе съ отвѣтчика подписки о невыѣздѣ его изъ города, и домашній арестъ или даже просто приказъ—не выѣзжать изъ города; эти слова закона слѣдовало бы разъяснить.

б) «При взысканіи по векселямъ, *во время продажи движимаго имущества*, должникъ съ перваго дня явки своей въ управу обязанъ представить поручительство въ неотлучкѣ изъ мѣстопребыванія».

Если отвѣтчикъ обезпечиваетъ искъ движимостью, то, кажется, нѣтъ надобности брать поручительство; притомъ день *явки* можетъ не впадать съ временемъ *продажи движимости*, оцѣнка и опись которыхъ имѣютъ свои формальности, и никакъ раньше двухъ недѣль движимости вы не продадите. Подразумѣвая же, что поручительство необходимо въ томъ случаѣ, когда движимости недостаточно для удовлетворенія иска, законъ могъ бы это ясно выговорить (**).

в) При продажѣ недвижимости бываетъ еще хуже: «но когда, говоритъ законъ, по недостатку движимаго имущества, взысканіе обращено будетъ на недвижимое, тогда должникъ подвергается личному задержанію до окончанія сей продажи: развѣ бы истецъ согласился оставить его на поручительствѣ (***)».

Эта мѣра тягостна для бѣднаго отвѣтчика, отдающаго въ удовлетвореніе своихъ кредиторовъ недвижимость; за то, что вмѣсто того, чтобы промотать деньги, онъ употребилъ ихъ на дѣло, ему не предоставлено даже право представлять поручительства, а прямо велѣно отправлять его въ тюрьму, по капризу истца. Да въ чемъ можетъ заключаться это поручительство, когда недвижимость достаточна на пополненіе взысканія? Развѣ законъ подразумѣваетъ, что въ такомъ случаѣ подвергать аресту отвѣтчика, когда ни движимость, ни недвижимость не обезпечиваютъ кредиторовъ? Но это обстоятельство разъясняется слѣдующею за тѣмъ статьей закона (****). При этомъ правилѣ всѣмъ отвѣтчикамъ, подлежащимъ Торговому Уставу, выгоднѣе—ни домовъ, ни земель не покупать,

(*) Т. XI, Уст. Торг., ст. 1,398.
(**) Т. XI, Уст. Торг., ст. 549.
(***) Т. XI, Уст. Торг., ст. 550.
(****) Т. XI, Уст. Торг., ст. 551.

иначе при отвѣтѣ они, по усмотрѣнію истцовъ, могутъ легко попасть въ тюрьму. Вмѣсто основательнаго имущества, торгующимъ надо пускать капиталы, свои и чужіе, на биржевыя спекуляціи, на невѣрные промыслы!... Вообще духъ законовъ, по Торговому Уставу, относительно обезпеченія исковъ, тотъ, что они прибѣгаютъ тогда только къ требованію обезпеченія, когда есть основательныя подозрѣнія къ отлучкѣ отвѣтчика; въ противномъ случаѣ одна подписка о томъ, что по требованію суда онъ явится, считается достаточною. Такое повидимому послабленіе отвѣтчику основано на слѣдующихъ двухъ началахъ: 1) предполагается, что при явкѣ тяжущихся въ судъ, дѣла ихъ должны по большей части окончиться въ тотъ же день, что къ прискорбію нашему бываетъ въ очень, очень рѣдкихъ случаяхъ, развѣ судьи имѣютъ на то *особыя причины*; 2) если бы безъ позволенія суда отвѣтчикъ вздумалъ выѣхать изъ города, то съ нимъ поступлено было бы, какъ съ несостоятельнымъ, то есть, все движимое и недвижимое его имущество было бы осеквестровано. Но несмотря на эти два основанія, повидимому очень сильныя, я нахожу ихъ не вполнѣ удовлетворительными для истцовъ: безъ поручительства и обезпеченія отвѣтчикъ можетъ скрыться, не оставивъ ни движимости, ни недвижимости; поэтому нечего будетъ и брать подъ секвестръ. Притомъ законъ ничего не выговоритъ: въ чемъ должно заключаться обезпеченіе отсутствующаго отвѣтчика? Здѣсь ужь поручительство никакъ не можетъ быть умѣстно,—одно изъ двухъ: или отвѣтчикъ долженъ прибыть въ мѣстопребываніе суда и остаться тамъ безвыѣздно, или представить благонадежное поручительство и обезпеченіе, заключающееся въ имуществѣ.

М. ФЕДЯШОВЪ.

ГУБЕРНСКІЯ И УѢЗДНЫЯ СЦЕНЫ.

I.

ПРИЕМНЫЙ ДЕНЬ НАЧАЛЬНИКА ГУБЕРНІИ.

Утро. — Кабинетъ. Его превосходительство сидитъ у письменнаго стола и принимаетъ посѣтителей.

Входитъ ПРОСИТЕЛЬ, чисто выбритый и прилизанный.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Что скажете?

ПРОСИТЕЛЬ.

Осмѣливаюсь утруждать ваше превосходительство! Прошу нижайше объ опредѣленіи на службу: открылась ваканція на должность частнаго пристава.... Семейство....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Очень радъ. — Были вы подъ судомъ?

ПРОСИТЕЛЬ.

Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, помилуйте!

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Не могу, мой почтеннѣйшій, не могу!... На *эти* должности надобно людей *опытныхъ!*... Вы понимаете? Опытный — будетъ осторожень, а новичекъ — начнетъ тотчасъ (*дѣлаетъ руками*

извѣстный жестъ) брать обѣими руками!... Очень жаль, но не могу, извините!... *(Дѣлаетъ головой прощальный знакъ).*

(Проситель кланяется и уходитъ).

Входитъ ОФИЦЕРЪ въ походной формѣ.

ОФИЦЕРЪ.

Ваше превосходительство! прибылъ съ партіею къ переправѣ на рѣкѣ Сѣрой. Стою три дня, невозможно переправиться....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Въ самомъ дѣлѣ? И *вы сами* тамъ были и находите, что переправа невозможна?

ОФИЦЕРЪ.

Никакъ невозможна-съ, ваше превосходительство! Сдѣлайте милость, окажите....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Такъ невозможно? Вы *сами* нашли, что *невозможно?* Такъ ли?

ОФИЦЕРЪ.

Точно такъ, ваше превосходительство!

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Въ такомъ случаѣ, любезнѣйшій мой, если вы *сами* нашли, что *невозможно, никакъ невозможно,* какъ же я изъ *невозможнаго* сдѣлаю *возможное?*... Губернаторъ — не Богъ, мой любезнѣйшій!...

ОФИЦЕРЪ.

Что же мнѣ прикажете дѣлать, ваше превосходительство!

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (подумавъ).

Вы, конечно, мой любезнѣйшій, знаете отечественную исторію? Каждый сынъ отечества, каждый гражданинъ, а въ особенности военный офицеръ (*встаетъ, выпрямляется и рукой дѣлаетъ жестъ, указывая на офицера*)—защитникъ отечества и гроза враговъ его,—конечно, знаетъ исторію! Такъ ли?... Вотъ, въ древніе годы, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и вы сами находите теперь переправу невозможною, великій князь русскій Олегъ на пути къ Цареграду встрѣтилъ препятствіе въ переправѣ. Никакой переправы! Ни моста, ни парома, ни лодки.... Понимаете? Великій князь удалился,—тогда еще, знаете, не было губернаторовъ,—но вскорѣ опять подошелъ, *неся на головѣ челнокъ!* Понимаете? Спустилъ челнокъ на воду — и былъ на той сторонѣ! *Невозможное* стало *возможнымъ!* Извините....

(Офицеръ кланяется и уходитъ).

Входятъ: ДАМА, ГОРОДНИЧІЙ изъ уѣзднаго города и ЧИНОВНИКЪ съ бумагами.

ДАМА.

Ваше превосходительство, защитите! Три года, какъ я подала вамъ докладную записку съ жалобою на уѣздный судъ....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Помню, помню! Скажите, что же теперь?

ДАМА.

Ваше превосходительство изволили передать въ губернское правленіе: тамъ она и лежитъ....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Правильный ходъ, сударыня, правильный ходъ! Я съ своей стороны все сдѣлалъ, и принимаю истинное участіе....

ДАМА.

Защитите, ваше превосходительство! Что же мнѣ дѣлать и кому жаловаться, если вы....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Сударыня, извините! Я все сдѣлалъ, передалъ куда слѣдуетъ: обратитесь въ губернское правленіе.

ДАМА.

Сто разъ обращалась, ваше превосходительство: ничего не хотятъ сдѣлать.... И васъ не слушаютъ!...

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Въ такомъ случаѣ, сударыня, мнѣ остается только сожалѣть, и.... плакать съ вами въ одну урну!... Извините!... (*Проводитъ даму до дверей, потомъ обращается къ городничему*). Что у васъ новенькаго, мой любезнѣйшій?

ГОРОДНИЧІЙ (стоитъ и говоритъ скоро, однозвучнымъ голосомъ, какъ барабанъ).

Все благополучно, слава Богу, ваше превосходительство!

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Надѣюсь, у васъ въ городѣ все хорошо! При такомъ градоначальникѣ, какъ вы....

ГОРОДНИЧІЙ.

Плохо, ваше превосходительство! совсѣмъ пропали! Проходъ войскъ совсѣмъ замучилъ: однихъ генераловъ сотъ пять перевернулось! Бригада квартируетъ; всякій день того или другаго требуетъ! Ратуша бунтуетъ, не даетъ ни дровъ, ни свѣчей; полиція

не имѣетъ содержанія, заперта, ни одного писца, чернилъ не на что купить!... Вотъ и теперь, ваше превосходительство, я пріѣхалъ доложить: купецъ Мошенко, жидъ Гузенбергъ....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Напрасно безпокоились пріѣзжать сами. Я вамъ разрѣшилъ: записочку, простую записочку....

ГОРОДНИЧІЙ.

Не въ моготу стало терпѣть, ваше превосходительство! Ратуша совсѣмъ жизнь заѣдаетъ!...

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Исправимъ, любезнѣйшій, все исправимъ! Вотъ я ѣду къ вамъ на ревизію, вы мнѣ укажите этихъ бунтовщиковъ. Я имъ покажу!... Губернія на военномъ положеніи!

ГОРОДНИЧІЙ.

Прикажете отправляться, ваше превосходительство?

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Да, любезнѣйшій, поѣзжайте! Впрочемъ, если вамъ здѣсь необходимо.... А лучше поѣзжайте!... Я на дняхъ буду.... все исправимъ! Вы увидите, я шутить не люблю! (*Городничій кланяется. Начальникъ губерніи подаетъ ему руку*). Я васъ знаю, мой любезнѣйшій! Исправнѣйшій и усерднѣйшій.... (*Городничій кланяется и уходитъ. Начальникъ губерніи, обращаясь къ чиновнику*). А что у васъ, мой любезнѣйшій?

ЧИНОВНИКЪ.

Вѣдомость о происшествіяхъ, къ подпису вашего превосходительства.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Покажите. (*Читаетъ*). Вотъ, мой любезнѣйшій, промахъ! огромный промахъ! Это вы писали? Слушайте: (*читаетъ вслухъ*) «Происшествіе, объ убійствѣ въ дракѣ, на постояломъ дворѣ, крестьянина помѣщицы, тайной совѣтницы *N*....» Что это за происшествіе?...

ЧИНОВНИКЪ.

Такъ означено происшествіе въ донесеніи земскаго суда.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Земскій судъ — глупъ, мой любезнѣйшій! Слушайте внимательно: «Убитъ крестьянинъ помѣщицы *N*....» Кто эта помѣщица? Это тайная совѣтница,—а? Супруга товарища министра и, быть можетъ, будущаго министра!!!. Понимаете? Въ такую скандальную исторію, какъ убійство *мужа*, шутя-

вать имя *такого лица!!* Нѣтъ, мой любезнѣйшій, неосторожно и крайне опрометчиво!... Нѣтъ, надо измѣнить! Напишите такъ: «Происшествіе объ убійствѣ въ дракѣ, на постояломъ дворѣ, крестьянина *одной сосѣдней помѣщицы*....» Глухо, мой любезнѣйшій, глухо!... Понимаете? Это будетъ *форменное* донесеніе, а я между тѣмъ частнымъ письмомъ увѣдомлю его превосходительство: онъ пойметъ нашу деликатность!.. Пойметъ и оцѣнитъ, что мы избѣгали, *оффиціально*, *на бумагѣ*, вплетать *его имя* въ такую глупую, скандальную исторію! Поняли? И еще вотъ что: сейчасъ назначить на слѣдствіе по этому дѣлу моего чиновника особыхъ порученій. Въ предписаніи объ этомъ также написать, что назначается по дѣлу объ убійствѣ крестьянина *одной сосѣдней помѣщицы:* глухо! А это для того, чтобы у насъ тутъ, *дома*, *свои туземцы*, не закричали: «вотъ, какъ происшествіе *въ имѣніи товарища министра*, такъ и слѣдствіе поручается *чиновнику особыхъ порученій*, а *у насъ—хоть всѣхъ перерѣжутъ*, *такъ губернатору все равно!*...» Вездѣ нужна осторожность и осмотрительность! А если написать такъ, глухо: *одной сосѣдней помѣщицы*—такъ и хорошо! Потрудитесь сейчасъ переписать!

ЧИНОВНИКЪ.

Слушаю, ваше превосходительство.

(Идетъ изъ кабинета въ залъ. Начальникъ губерніи за нимъ. Въ передней слышенъ шумъ).

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Потрудитесь взглянуть, кто тамъ?

ЧИНОВНИКЪ (взглянувъ въ переднюю и оборачиваясь).

Строительная коммисія, ваше превосходительство!

(Начальникъ губерніи быстро схватываетъ стоящій въ углу синій дождевой зонтикъ, ставитъ стулъ среди зала, садится и распускаетъ надъ собой зонтикъ).

Входятъ: НЕПРЕМѢННЫЙ ЧЛЕНЪ и ПРАВИТЕЛЬ ДѢЛЪ строительной коммисіи.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Прошу, господа,—потрудитесь взглянуть: я—начальникъ губерніи! У меня есть строительная коммисія, въ которой, замѣтьте, я предсѣдатель! *Строительная* коммисія, какъ извѣстно, строитъ, починяетъ и печется о поддержаніи въ порядкѣ зданій. Я — начальникъ губерніи, живу въ казенномъ губернатор-

скомъ домѣ.... и вотъ, какъ видите сами, сижу у себя подъ зонтикомъ! Дождь каплетъ за шею: въ крышѣ и потолкахъ—течь!... Вотъ, какъ видите: губернаторъ подъ зонтикомъ, на государственной службѣ подъ зонтикомъ!.. Позвольте васъ спросить, господа, къ чему служитъ *строительная* коммисія, и *что* она *строитъ* и *чинитъ*, когда губернатору, предсѣдателю коммисіи, течетъ съ потолка за шею? Вы видите, губернаторъ ищетъ спасенія подъ зонтикомъ!...

ЧЛЕНЪ КОММИСІИ (обращаясь къ правителю дѣлъ).

За чѣмъ остановка въ томъ дѣлѣ?

ПРАВИТЕЛЬ ДѢЛЪ (къ начальнику губерніи).

Представлена смѣта на утвержденіе; ваше превосходительство изволили....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Смѣта! *Ваша* смѣта, мой любезнѣйшій,—кабалистика! Понимаете—кабалистика! Каждый гвоздь смотритъ серебрянымъ рублемъ!... *Смѣта!!..* (*Встаетъ, свертываетъ зонтикъ и продолжаетъ*).—Объявляю вамъ, господа, положительно, что *я*, сидя подъ зонтикомъ, не могу заниматься дѣлами! Ни одного журнала коммисіи не подпишу, не прочту, пока у меня крыша и потолокъ — какъ дырявое рѣшето! Вы хотите, чтобы губернаторъ утонулъ отъ наводненія въ казенномъ домѣ?... Очень благодаренъ!...

ЧЛЕНЪ КОММИСІИ.

Безъ утвержденія представленной вашему превосходительству смѣты нельзя приступить къ починкѣ....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Вы хотите, чтобы *я* утвердилъ *вашу* смѣту?.... Извините, мой почтеннѣйшій!.... А вотъ, я уѣзжаю и сдаю должность.... Вицегубернаторъ, кажется, похрабрѣе меня и не боится *вашихъ* смѣтъ. Попытайтесь подсунуть ему!... А до тѣхъ поръ, извините! Вы видѣли, губернаторъ сидитъ подъ зонтикомъ!... Прощайте!...

(Уходитъ въ кабинетъ. Члены коммисіи уходятъ, смѣясь).

Входитъ ПРЕДСѢДАТЕЛЬ палаты.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

А, ваше превосходительство! прошу.

(Подаетъ руку и указываетъ кресло.)

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Я къ вашему превосходительству, съ повтореніемъ прежнихъ просьбъ: проѣздомъ чрезъ Барамутъ, я, убѣждаясь неотступными просьбами жителей, далъ имъ слово исходатайствовать наконецъ у вашего превосходительства разрѣшеніе на выдачу денегъ за наемъ домовъ подъ военные лазареты.....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Да, сознаюсь, это дѣло затянулось.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Почти десять лѣтъ проходитъ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Знаю, знаю! — Но чтожь дѣлать? Вѣчныя справки, дѣло не полно! Это дѣло въ моей канцеляріи, а моя канцелярія, признаюсь, это настоящая помойная яма: что туда упало, не вытащишь!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Мнѣ, впрочемъ, правитель канцеляріи сказалъ, что дѣло со всѣми возможными дополненіями давно кончено и представлено къ подписи вашего превосходительства.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Быть не можетъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Вы вѣрно запамятовали, ваше превосходительство! Мнѣ сказали, что дѣло вы, два года назадъ, изволили спрятать.... вотъ *въ этотъ* ящикъ!... Должно быть, тамъ оно и лежитъ!...

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (улыбаясь).

Вы меня поймали, ваше превосходительство! Ну, я вамъ скажу прямо и откровенно: въ дѣлахъ денежныхъ я очень мнителенъ. А знаете ли, это можно уладить такимъ образомъ: вы мнѣ назначьте сами день,—когда угодно!... Я заболѣю, или уѣду.... Пригонимъ такъ, что вы будете исправлять должность губернатора. Тогда и это дѣло вамъ доложатъ, и вы разрѣшите. Вотъ оно и будетъ кончено!... Я же, вы сами знаете, вообще въ дѣлахъ денежныхъ чрезвычайно мнителенъ,—боюсь! У меня руки дрожатъ подписать всякую бумагу о выдачѣ денегъ!.. Маленькая слабость! Не могу побѣдить себя!... Вы согласны?...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Очень хорошо, ваше превосходительство.

(Кланяется и уходитъ).

Входитъ ЧИНОВНИКЪ (подаетъ бумагу)

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Это вашъ паспортъ на отпускъ? хорошо! (*подписываетъ*).

ЧИНОВНИКЪ (подавая другую бумагу).

Вотъ еще, ваше превосходительство!..

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Это что? Подорожная?

ЧИНОВНИКЪ.

Точно такъ, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Подорожная *по казенной* надобности?

ЧИНОВНИКЪ.

Такъ точно, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Зачѣмъ подорожная *по казенной* надобности?

ЧИНОВНИКЪ.

Ваше превосходительство!...

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ:

Скажите, развѣ у насъ такъ дѣлается?

ЧИНОВНИКЪ.

Точно такъ, ваше превосходительство!

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Стало быть, всегда такъ дѣлается?

ЧИНОВНИКЪ.

Дѣлается, ваше превосходительство!

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ну, если такъ водится всегда.... хорошо! Вы зайдите черезъ часъ.... я подпишу!...

ЧИНОВНИКЪ.

Слушаюсь! (*хочетъ идти*).

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Послушайте! Вы говорите, что *всегда такъ* дѣлается?

ЧИНОВНИКЪ.

Всегда, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Значитъ, можно подписать? Тутъ нѣтъ ничего такого знаете?.....

ЧИНОВНИКЪ.

Ничего, ваше превосходительство!

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ну хорошо, я подпишу.... Послѣ!...

(Чиновникъ хочетъ идти).

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Позвольте, такъ подписать *можно*?

ЧИНОВНИКЪ.

Можно, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ну, если можно, и это *всегда такъ* у насъ дѣлается, и *такъ* водится.... хорошо... Я подпишу!... (*Читаетъ бланкъ*) Вы ѣдете, кажется, въ Курскую губернію?

ЧИНОВНИКЪ.

Точно такъ, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

А въ подорожной написано: *въ разныя губерніи*?

ЧИНОВНИКЪ.

Это *такъ* написано, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Да, *такъ написано!!* Скажите, и *это всегда такъ* дѣлается?

ЧИНОВНИКЪ.

Дѣлается, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ну, если такъ.... хорошо... я подпишу... послѣ.... (*Чиновникъ хочетъ идти*). Погодите, такъ вы говорите, что это *можно* подписать?...

ЧИНОВНИКЪ.

Можно, ваше превосходительство....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ну, если можно... хорошо... я подпишу. Вы зайдете!.. (*Чиновникъ уходитъ*). Воротитесь!... Да, хорошо!... я подпишу.... (*Задумывается*). Но вотъ что скажите: вы получили отпускъ въ Курскую губернію? А подорожную вы имѣете въ *разныя* губерніи, да еще *по казенной* надобности. Значитъ, если вамъ покажется скучно въ Курской губерніи, вы вздумали и покатили *по казенной* надобности — въ Орелъ, въ Тулу, въ Москву... хорошо!... Но изъ Москвы ничего не стоитъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ!... Ну, только попадите туда, тамъ вы и останетесь. Вы познакомитесь съ разными лицами, людьми случайными. Такой прекрасный молодой человѣкъ, какъ вы, обратитъ на себя вниманіе. Вамъ предлагаютъ служить въ Петербургѣ. Вы соглашаетесь.

Конечно, служба въ столицѣ—не то, что у насъ въ губерніи!... Вы скоро будете помощникомъ столоначальника въ департаментѣ!... Потомъ столоначальникомъ. Наконецъ—вы начальникъ отдѣленія! У васъ тутъ, на шеѣ, тоже, что у меня теперь вы видите!.. Все это прекрасно. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, вы гуляете.... Будочникъ отдаетъ вамъ честь своей алебардой.... Вы нечаянно взглянули на будочника.... Знакомое лицо!... Вы начинаете припоминать.... Вы поражены!... «Гдѣ я тебя видѣлъ, братецъ?» спрашиваете вы.... «Я былъ гражданскимъ губернаторомъ» отвѣчаетъ будочникъ.—«Какое же съ вами случилось несчастіе?» спрашиваете вы.—«Я имѣлъ несчастье подписать вашему превосходительству подорожную *по казенной* надобности въ *разныя губерніи*, когда вы ѣхали въ домашній отпускъ.» Вотъ, мой любезнѣйшій, что можетъ случиться! А вы говорите, что у насъ *всегда такъ* дѣлается и *такъ* водится!. Значитъ, сколько разъ на день я подвергаюсь опасности попасть изъ губернаторовъ въ будочники!... Да, любезнѣйшій, оно кажется и ничего подписать подорожную по казенной надобности: сколько въ одинъ день подмахнешь такихъ подорожныхъ! А между тѣмъ... (*громко*) это обманъ, чистый обманъ,—это подлогъ, это уголовное преступленіе! (*Разрываетъ бланкъ*) (*ласково*) Знаете, что? Совѣтую вамъ взять частную подорожную, или еще лучше, поѣзжайте на долгихъ... оно и дешевле!... Прощайте, любезнѣйшій! Желаю вамъ счастливаго и благополучнаго пути!.

(Чиновникъ кланяется и уходитъ).

Въ кабинетъ входитъ ПОМѢЩИКЪ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

А, мой достойнѣйшій, прошу! (*Подаетъ руку и указываетъ кресло*) Давно ли вы обрадовали насъ и нашъ городъ вашимъ посѣщеніемъ?

ПОМѢЩИКЪ.

Только сію минуту, и прямо къ вашему превосходительству съ просьбою.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Приказывайте! Я къ вашимъ услугамъ....

ПОМѢЩИКЪ.

Плоха у насъ переправа, ваше превосходительство. Цѣлые сутки я простоялъ съ семействомъ на берегу, и наконецъ вольные перевезли меня, но взяли за одинъ экипажъ 50 рублей.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Можетъ ли быть? это грабежъ!

ПОМѢЩИКЪ.

Я полагаю, что береговой смотритель имѣетъ стачку съ вольными и помогаетъ имъ грабить. Когда могутъ перевозить вольные, отчего переправа невозможна казенная?...

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Справедливо! это разбойники!...

ПОМѢЩИКЪ.

Я былъ въ состояніи заплатить — и заплатилъ. Но сколько тамъ такихъ, которые не могутъ платить, и ждутъ?... Вотъ почему я рѣшился безпокоить ваше превосходительство....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Очень благодаренъ! Я приму мѣры, строгія мѣры, будьте увѣрены!...

ПОМѢЩИКЪ.

Другой мой экипажъ до сихъ поръ на той сторонѣ, но я не намѣренъ платить въ другой разъ 50 рублей.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Вашъ экипажъ сію минуту будетъ здѣсь.... я пошлю...

ПОМѢЩИКЪ.

Не будетъ, ваше превосходительство! Извините: эти господа безстрашны.... Я уже пугалъ именемъ вашимъ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Извольте, чтобы доказать вамъ, какое я принимаю въ этомъ участіе, угодно вамъ ѣхать вмѣстѣ со мною на тотъ берегъ? Вы увидите, я строго взыщу....

ПОМѢЩИКЪ.

Я готовъ, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Съ вами есть экипажъ? Ѣдемъ.

(Выходятъ вмѣстѣ).

Домикъ смотрителя переправы на берегу.

Входятъ: НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ и ПОМѢЩИКЪ. Ихъ встрѣчаетъ жена смотрителя.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Береговой смотритель здѣсь?

ЖЕНА СМОТРИТЕЛЯ.

Я сейчасъ его позову.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (съ любезностію).

Женѣ всегда пріятно искать мужа.... потрудитесь!...

(Жена смотрителя выходитъ).

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Сядемъ-те. Вы увидите, какъ я его пугну!

Входитъ СМОТРИТЕЛЬ и сталъ у порога.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Вы кто такой?

СМОТРИТЕЛЬ.

Береговой, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

А я кто? Вы знаете меня?

СМОТРИТЕЛЬ.

Начальникъ губерніи, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Да, я—начальникъ губерніи—*въ гостяхъ у берегового!!!* Понимаете?

СМОТРИТЕЛЬ.

Точно такъ, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Молчите! (*подумавъ*). Знаете ли вы, любезнѣйшій, что такое выстрѣлъ? Понимаете ли вы, на какихъ законахъ основанъ выстрѣлъ? Слушайте: заряжается орудіе ядромъ. Прикосновеніе фитиля — раздается выстрѣлъ: ядро летитъ и поражаетъ предметъ, встрѣчаемый на пути.... Понимаете? Нѣтъ, вы не поняли.... Слушайте: орудіе—это я. Ядро—мой гнѣвъ. Дымящійся фитиль—моя воля. (*Встаетъ*) Выстрѣлъ раздался, ядро летитъ.... Предметъ, который оно поражаетъ—*это ты!*... Слышишь? динь, динь, динь..... бомъ.... это колокола звонятъ!... *тебя хоронятъ!!*. Жена и дѣти твои плачутъ!!. Понимаете, любезнѣйшій! Если сейчасъ экипажи — вотъ ихъ (*указывая на помѣщика*) и другіе, и всѣ, не будутъ переправлены.... то вы погибли, вы умерли.... вы убиты!!.. Понимаете?... (*Встаетъ и выходитъ; обращаясь къ помѣщику*). Каково я его пугнулъ! — Вы замѣтили — бѣднякъ чуть не умеръ отъ страха....

ПОМѢЩИКЪ.

Вы увѣрены, ваше превосходительство, что это на него подѣйствуетъ?...

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ручаюсь вамъ!..

(Уѣзжаютъ въ городъ).

Ц.

ПРІѢЗДЪ НАЧАЛЬНИКА ГУБЕРНІИ НА РЕВИЗІЮ ВЪ УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ.

У заставы городничій встрѣчаетъ начальника губерніи, подходитъ къ экипажу и рапортуетъ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (изъ экипажа).

Здравствуйте, мой любезнѣйшій, благодарю!

ГОРОДНИЧІЙ.

Куда прикажете проводить, ваше превосходительство?

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Прямо въ ратушу. Я помню ваши жалобы на ратушу. Ведите меня прямо туда.

ГОРОДНИЧІЙ.

Слушаю-съ.

(Городничій садится на свои дрожки, дѣлаетъ рукою знакъ ямщику на экипажѣ губернаторскомъ и ѣдетъ впередъ).

Городовая ратуша. Въ присутствіе входитъ начальникъ губерніи и садится на предсѣдательское кресло. — По одну сторону стола стоятъ члены ратуши, по другую секретарь. Городничій въ дверяхъ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Вотъ, господа, вашъ градоначальникъ жалуется, что ратуша, то есть всѣ вы, не даете ему денегъ, ни на наемъ квартиры, ни на дрова, ни на содержаніе полиціи, которая охраняетъ васъ и ваши имущества. Я этимъ недоволенъ!...

БУРГОМИСТРЪ.

Ваше превосходительство, наши городскіе доходы такъ малы, что недостаетъ суммы.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Мой почтеннѣйшій, если городскіе доходы малы, виноваты *вы* — градской голова: не заботитесь объ увеличеніи доходовъ! Покажите денежную книгу.

(Секретарь ратуши беретъ со стола книгу и подаетъ).

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (читаетъ громко оглавленіе).

«Книга на записку прихода и расхода суммъ городскихъ доходовъ.» (*Перелистываетъ книгу*)... Книга чистая! отъ перваго листа до послѣдняго — книга чистая! Мы, кажется, теперь уже въ ноябрѣ, въ концѣ года?... (*обращается къ секретарю*). Скажите, любезнѣйшій, какъ это въ теченіе цѣлаго года не было ни прихода, ни расхода?...

СЕКРЕТАРЬ.

Ваше превосходительство, приходъ поступалъ, и изъ онаго расходъ производился.... Но мы, чтобы не испортить книги, ведемъ въ теченіе года *черновую*, а въ исходѣ декабря мѣсяца переносимъ *на-бѣло въ эту* книгу.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Понимаю, мой любезнѣйшій! Вы заботитесь о чистотѣ и опрятности книги?... Похвальная заботливость! Я самъ очень уважаю чистоту и опрятность. (*Оглядываетъ книгу*). Книга дѣйствительно *бѣлая* и *чистая*! Благодарю за чистоту, образцовая чистота!... (*Кладетъ книгу на столъ. Обращаясь ко всѣмъ, продолжаетъ*) Вотъ, господа, я сейчасъ, въѣзжая въ вашъ городъ, слышу непріятный запахъ. Откуда, не знаю: думаю, должна быть гдѣ нибудь падаль или бойни близко!... Подвигаюсь впередъ—больше смердитъ!... *Тутъ острогъ*, думаю,—*можетъ быть оттуда*?... Ѣду еще дальше въ городъ—еще больше смердитъ!.. *Вѣроятно, думаю, помойная яма!*.. Хотѣлъ замѣтить это г. городничему... Но подвигаюсь дальше сюда, къ ратушѣ — еще больше смердитъ!... Вхожу къ вамъ въ ратушу—еще и еще больше... нестерпимый запахъ!.. (*Встаетъ, зажимаетъ носъ лѣвою рукою, а правою показываетъ на секретаря.*) Это душа этого человѣка смердитъ, хотя книга у него и чиста!... Я не могу выносить, не могу здѣсь быть... я сотру его съ лица земли!...

(Выходитъ изъ присутствія).

СЕКРЕТАРЬ (въ передней бросается къ губернатору).

Помилуйте, ваше превосходительство! У меня большое семейство! я не виноватъ! Члены забираютъ деньги для торговли по ярмаркамъ....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Хорошо! Въ послѣдній разъ щажу. Исправьтесь, но помните: волосъ съ головы твоей не упадетъ безъ воли моей!...

ГОРОДНИЧІЙ.

Куда прикажете, ваше превосходительство?

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Прошу указать мнѣ квартиру, и пригласите ко мнѣ всѣхъ чиновниковъ.

Квартира начальника губерніи въ уѣздномъ городѣ.

Въ гостинницу входятъ: ПРЕДВОДИТЕЛЬ, ИСПРАВНИКЪ, ОКРУЖНЫЙ НАЧАЛЬНИКЪ и ГОРОДНИЧІЙ. Прочіе чиновники собираются въ залѣ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (подаетъ предводителю руку, и всѣмъ указываетъ кресла).

Прошу, господа!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Какъ здоровье вашего превосходительства?

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Я не знаю, живу ли я? Я распятъ на крестѣ, и всякій день перехожу съ одного креста на другой. Губернія на военномъ положеніи... Главнокомандующій настоятельно требуетъ подводъ, сухарей, хлѣба!.. Вы, господа предводители, ваши помѣщики (*обращаясь къ окружному*), вашъ управляющій, ваша палата,—всѣ кричатъ: *нельзя, невозможно*!... Одинъ *я* не смѣю этого сказать, не смѣю пикнуть!... Губернія на военномъ положеніи.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Мы просимъ ваше превосходительство обратить вниманіе на невозможность....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Невозможность не признается! Губернія на военномъ положеніи!...

ОКРУЖНЫЙ НАЧАЛЬНИКЪ.

Ваше превосходительство! крестьяне выполняютъ съ усердіемъ всѣ требованія....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Правда, мой почтенный, правда!... Они на своихъ плечахъ выносятъ всѣ тягости настоящаго времени, и за себя, и за другія сословія.... Правда, ваше управленіе дѣйствуетъ похвально... (*Обращаясь къ исправнику*). Вы получили вчера по эстафетѣ мое предписаніе?

ИСПРАВНИКЪ.

Ваше превосходительство, я получилъ вчера *два* предписанія: въ *одномъ* ваше превосходительство изволили дѣлать строгій выговоръ суду за неисполненіе указа гражданской палаты о вводѣ во владѣніе помѣщика Стручкова. *Въ другомъ* предписаніи ваше превосходительство изволите требовать *это самое* имѣніе взять въ строгое завѣдываніе земской полиціи. Я не знаю, кому теперь слѣдуетъ распоряжаться имѣніемъ?

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Никому, мой почтеннѣйшій, никому! Это ясно! Какъ вы этого не поняли? Съ одной стороны будетъ стоять владѣлецъ, котораго *должны* ввести во владѣніе, съ другой стороны—ваша земская полиція. Это, знаете, какъ двѣ хорошія собаки надъ одной дичью: одна за другою наблюдаетъ и обѣ берегутъ!... Понимаете? Этого и нужно, пока разберутъ тамъ, повыше!... Наше дѣло исполнить требованія обѣихъ сторонъ: обѣ стороны сильны.

ИСПРАВНИКЪ.

Но положеніе земской полиціи затруднительно.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Вы, мой почтеннѣйшій, какъ хорошій кормчій во время бури, должны лавировать по морю службы, между камнями.

Входитъ хозяинъ дома, КУПЕЦЪ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Почтенный хозяинъ, благодарю за пріютъ.

КУПЕЦЪ.

За счастіе почитаю, ваше превосходительство. Позвольте, ваше превосходительство, принести жалобу на г. городничаго:

постоемъ обиженъ, безъ очереди завсегда отбываю, и временные постои, и постоянные, и натурою, и денежные....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Не безпокойтесь, я разберу. Всякій гражданинъ найдетъ во мнѣ законную защиту. Разберу!...

(Купецъ кланяется и отступаетъ).

ГОРОДНИЧІИ.

Вотъ, ваше превосходительство, изволите сами видѣть.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Знаю, любезнѣйшій, знаю! И вамъ разрѣшаю—всѣхъ этихъ дегтярниковъ... (*показываетъ сжатый кулакъ*) моей рукой!... Въ настоящее время надо дѣйствовать строго, но... осторожно!... (*Заглядываетъ въ залъ*) Прошу, господа!

(Всѣ выходятъ въ залъ).

Въ залѣ стоятъ: СТРЯПЧІЙ, СЕКРЕТАРИ уѣзднаго и земскаго судовъ, БУРГОМИСТРЪ, ратманы, нѣсколько КУПЦОВЪ, НАЧАЛЬНИКЪ ИНВАЛИДНОЙ КОМАНДЫ съ ординарцами. При входѣ въ залъ начальника губерніи, начальникъ инвалидной команды представляетъ ординарцевъ. Старый, кривобокій унтеръ-офицеръ, подходя, чуть не упалъ, и сдѣлалъ на караулъ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (прикладывая руку ко лбу).

Славно у васъ дѣлаютъ ружьемъ! Настоящіе гвардейцы!... Я самъ солдатъ. Гражданскій солдатъ, солдатъ во фракѣ!... Благодарю!...

(Ординарцы уходятъ).

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Вотъ, господа! Я получилъ повелѣніе главнокомандующаго. Армія нуждается въ сухаряхъ, нуждается въ хлѣбѣ. Если мы не доставимъ *тотчасъ* арміи хлѣба, она не въ состояніи будетъ насъ защищать!... А непріятель, какъ вамъ извѣстно, уже въ предѣлахъ губерніи!... (*Обращаясь къ купцамъ*) Вы, господа граждане,—вы подносите адресы, вы кричите, что готовы жертвовать *женами, дѣтьми, кровію*?... Такъ ли? А потребовали для арміи сухарей, хлѣба — такъ вы жертвуете *фунтиками!* Коммерція!... Вы думаете, что все выдумалъ губернаторъ? Теперь губернія на военномъ положеніи. Вы знаете, что̀ такое губернія на военномъ положеніи? Это значитъ, что главнокомандующій скажетъ слово.... (*дѣлаетъ руками жестъ приклада ружья*) Пафъ.... пафъ...

бацъ.... Губернаторъ разстрѣлянъ.... Меня самого генералъ-губернаторъ послалъ печь сухари, и я ѣду!...

(Одинъ купецъ выходитъ, кланяется и подаетъ просьбу).

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (принимая бумагу).

Это что?

КУПЕЦЪ.

Прошеніе вашему превосходительству объ отдачѣ денегъ за нанятый домъ подъ лазаретъ....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ (возвращая бумагу).

Эта просьба, мой любезный, ко мнѣ *не* относится: она къ губернатору, а *я* теперь ѣду печь сухари, *я не* губернаторъ, губернаторъ въ губернскомъ городѣ.

КУПЕЦЪ.

Въ который разъ уже подаемъ, ваше превосходительство, денегъ не выдаютъ, расходовъ сколько понесли....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Я повторяю тебѣ, что эта просьба губернатору, а губернаторъ въ губернскомъ городѣ.

КУПЕЦЪ.

Я и вашему превосходительству подавалъ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Теперь, любезный, подавай *тамъ*!...

КУПЕЦЪ.

Я буду жаловаться, ваше превосходительство! За своими дѣньгами ходить...

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ты грубіянъ! Кому ты говоришь? Ты знаешь, что *я губернаторъ*?...

КУПЕЦЪ (быстро).

Примите прошеніе, ваше превосходительство, я и подаю губернатору....

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Нѣтъ! Я тебѣ говорю, что я теперь *не* губернаторъ! Тамъ, въ губернскомъ городѣ губернаторъ!... Господинъ городничій, уведите его,—это грубіянъ! (*Городничій уводитъ купца. Начальникъ губерніи становится у печи и, пригласивъ рукою предводителя, городничаго, окружнаго и исправника стать по правую сторону, такъ что всѣ прочіе остались по лѣвую, продолжаетъ*) Хотятъ двинуть Россію впередъ! (*дѣлаетъ рукою выразительный жестъ отъ себя впередъ. Помолчавъ минуту, обращается направо, и*

указывая рукой на лѣво). Да, двинешь съ этими господами!... (*обращается совсѣмъ на лѣво*). Здѣсь, въ уѣздѣ, земская полиція накинула на весь уѣздъ невидимую сѣть (*показываетъ обѣими руками надъ поломъ, какъ будто разстилаетъ сѣть*). Подъ этою сѣтью кишатъ разбои, грабежи, убійства, воровства!... Земская полиція сама затянула эту сѣть, и сама бѣгаетъ ловко поверху, будто не замѣчая, что подъ ней дѣлается!... Вотъ, напримѣръ, вы (*указывая на становаго*), — подойдите сюда. (*Становой приставъ выходитъ впередъ*). Слушайте, любезнѣйшій: — летѣлъ и кружился орелъ въ высотѣ. По землѣ ползла гадина. Орелъ увидалъ и ринулся внизъ, чтобы уничтожить гадину. Въ это время между орломъ и землей разостлалась туча, чорная туча.... и скрыла гадину... вы поняли? Нѣтъ? Орелъ — это генералъ-губернаторъ. Гадина — это *вы*. А черная туча — это *наше* губернское правленіе!... Оно покрыло ваши дѣйствія, оно васъ выпутало; но этотъ маневръ въ другой разъ не удастся!... Подите!... (*обращаясь къ стряпчему*). Ну, а вы, господинъ уѣздный стряпчій, уѣздный прокуроръ, уѣздный адвокатъ и блюститель законовъ!... Вы что тутъ дѣлаете?...

СТРЯПЧІЙ.

Ни одного журнала не пропускаю, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Плохо вы понимаете и ваши журналы, и вашн обязанности!... (*Обращаясь ко всѣмъ на лѣвой сторонѣ*). Ну, господа! я теперь ѣду; подробную ревизію буду дѣлать на возвратномъ пути!... Берегитесь! Я слѣжу за вами, я знаю все, берегитесь! Теперь губернія на военномъ положеніи!...

(Уходитъ въ гостиную, пригласивъ съ собою предводителя и окружнаго начальника. Садятся).

Входитъ ПОМѢЩИКЪ.

ПОМѢЩИКЪ.

Ваше превосходительство! Узнавъ о вашемъ пріѣздѣ, я явился, чтобы просить васъ и напомнить о вашемъ обѣщаніи.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Очень радъ. Что угодно?...

ПОМѢЩИКЪ.

Вашему превосходительству извѣстно наше дѣло: мы просили и вы изволили обѣщать — сдѣлать распоряженіе, чтобы пріі-

остановить производство дѣла *судебнымъ* порядкомъ и приказать производить дѣло порядкомъ *слѣдственнымъ*.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Я обѣщалъ и готовъ для васъ все сдѣлать!... Но вы знаете, что такое сенатъ? Сенатъ есть высшее правительственное мѣсто, которое *намъ*, *губернаторамъ*, даетъ указы. Вотъ, положимъ, я исполню ваше желаніе и сдѣлаю распоряженіе о производствѣ вашего дѣла *слѣдственнымъ* порядкомъ. Очень хорошо! Вы останетесь довольны, такъ ли?... Но вашъ противникъ будетъ недоволенъ и подастъ жалобу въ сенатъ.... И вотъ въ одно прекрасное утро получается сенатскій указъ.... Этотъ указъ—молотокъ, которымъ хватили по лбу меня, губернатора, и я.... мертвъ!... Впрочемъ.... я готовъ, обѣщаюсь.... если....

ПОМѢЩИКЪ (явно недовольный).

Извините, ваше превосходительство, я не желаю подвергать васъ подобной операціи.

(Скоро кланяется и уходитъ).

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Вотъ эти господа! Всѣ они, имѣющіе дѣла и просящіе, думаютъ только объ себѣ. Они — какъ дѣти; чтобъ ихъ не раздражить, надо имъ обѣщать, все обѣщать!... Но разница въ томъ, что они никогда не забудутъ!... А наше положеніе? Я еще никогда не имѣлъ причины раскаяваться въ томъ, что я *не исполнилъ, что обѣщалъ!*... И часто приходится не исполнить, повидимому, самой простой, ничтожной просьбы.... (*задумался*). Вотъ я вамъ разскажу одинъ случай: однажды, — я былъ тогда еще правителемъ канцеляріи.... Помню, въ первый день Свѣтлаго Праздника хожу я по канцеляріи, которая соединялась съ комнатами моей квартиры. Раздается благовѣстъ къ вечернѣ. Дежурный по канцеляріи, молодой человѣкъ, подходитъ ко мнѣ. «Ваше превосходительство, вы изволите быть дома»?—Да, а что? «Я хотѣлъ просить позволенія сходить къ вечернѣ: сегодня такой праздникъ, а я на дежурствѣ и не могъ быть въ церкви». Очень хорошо, — извольте... Но въ то время, какъ молодой человѣкъ собрался, взялъ шляпу, надѣлъ перчатки и подошелъ къ дверямъ,—я *кое-что* пораздумалъ и воротилъ его... «Знаете ли,—я говорю ему, — мнѣ очень пріятно встрѣтить въ васъ не только отличнаго чиновника по службѣ, но и человѣка религіознаго. Это дѣлаетъ вамъ честь. Я понимаю, какъ должно страдать чув-

ство христіанина, когда не удалось въ такой великій праздникъ быть въ церкви! Сочувствую вашему желанію быть по крайней мѣрѣ у вечерни.... и потому не удерживаю васъ!... Молодой человѣкъ подошелъ къ дверямъ. «Позвольте, на минуту!.. Вы, кажется, женаты?»—Точно такъ, ваше превосходительство!—«Тѣмъ болѣе понимаю всю непріятность служебнаго долга быть сегодня дежурнымъ! Но вотъ, послушайте минуту: положимъ, вы были у вечерни. Понятно, что при выходѣ изъ церкви у васъ должно родиться желаніе забѣжать на минуту домой, поцаловать вашу супругу и вашихъ малютокъ.... Невозможно устоять противъ такого естественнаго, понятнаго и прекраснаго желанія!... Вотъ, вы забѣжали *на минутку* домой: ваша супруга конечно не пуститъ васъ безъ чашки вечерняго чаю! Но чай конченъ, вы торопитесь идти,— является товарищъ.... Вы конечно, помня свой долгъ службы, не стѣсняетесь и хотите идти. Товарищъ показываетъ вамъ часы: еще рано, и можно успѣть сыграть пульку,—*одну только пульку!*... Вы поддаетесь и садитесь. Но пулька кончена.... десятый часъ. Вы рѣшительно хотите идти,—но тутъ готовъ ужинъ.... Что значитъ нѣсколько минутъ?... Но и ужинъ конченъ, и товарищъ ушелъ. Вы наконецъ рѣшительно идете и.... прощаетесь! Но ваша супруга такъ мило на васъ смотритъ!... Вы махнули рукой и — остались!... Все это очень естественно и понятно! Но перевернемъ теперь медаль на другую сторону.—Между тѣмъ *я*, вашъ правитель канцеляріи, ожидая васъ, ходилъ-ходилъ, сновалъ-сновалъ, по всѣмъ комнатамъ, но наконецъ—одиннадцать часовъ!.. Зная васъ за самаго исправнаго и усерднаго чиновника и увѣренный въ томъ, что вы, хотя по какому нибудь особенному случаю и запоздали, но непремѣнно явитесь или пригласите за себя другаго, я также, какъ слабый человѣкъ, захотѣлъ уснуть и.... ухожу, и ложусь.... хотя конечно и не такъ пріятно, какъ вы, ложусь на свое одинокое, холостое и холодное ложе!... И, кажется, все кончено? Нѣтъ! одна бѣда не живетъ! Ночью воры, проходя мимо, видятъ въ окна огонь и пустоту: окно выставили, влѣзли и взяли изъ одного ящика секретнѣйшія государственныя бумаги; изъ другаго ящика похищаютъ казенныя суммы!... *Мы* спимъ! *Я* по крайней мѣрѣ — покойно!... Поутру, даже рано, вы, проведя прекрасно ночь, торопитесь въ канцелярію.... Но опоздали!... уже все извѣстно!... Правителя канцеляріи нѣтъ: онъ въ острогѣ, онъ подъ су-

[illegible] Вы [illegible] остались правы, вы ушли съ его разрѣ[illegible]. И вотъ, — послушайте еще минуточку, — и вотъ, [illegible] лѣтъ, вы важный человѣкъ, занимаете важное мѣсто... проѣзжаете въ отличномъ экипажѣ, на отличныхъ лошадяхъ, по улицѣ, и чуть не задавили какого-то стараго бѣд[illegible].... Вглядываетесь, знакомое лицо! Да, это я, вашъ бывшій начальникъ, правитель канцеляріи въ ту [illegible] ночь!... Меня судили, судили, лишили чиновъ и званія, отдали въ арестантскія роты, наконецъ я кончилъ свой терминъ наказанія и испытаній, и не имѣя крова и пищи, — спился!... Вотъ что можетъ быть!... Впрочемъ это только одно предположеніе, такъ сказать фантазія!... Вы можете идти къ вечернѣ... «*Вечерня давно отошла*, ваше превосходительство»,— [illegible] довольный молодой человѣкъ... (*Всѣ смѣются, и начальникъ губерніи тоже*). Какъ вы думаете? Черезъ нѣсколько дней дѣйствительно случилось происшествіе: воры [illegible], но дежурный былъ на своемъ мѣстѣ, и воры пойманы...

Входитъ ГОРОДНИЧІЙ.

ГОРОДНИЧІЙ.

[illegible] готовы, ваше превосходительство! [illegible]

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

[illegible]

[illegible]

Входятъ [illegible]

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

[illegible] простое [illegible]

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Слушаю-съ, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Погодите.—Также и чернаго сукна, тоже самаго простаго.... Чернаго—кусочекъ, такъ въ четверть!... Понимаете?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Слушаю-съ, ваше превосходительство!

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Погодите (*встаетъ*). Вы знаете, *для чего это* сукно?... Для того.... (*возвышаетъ голосъ*), чтобы сшить арестантскую куртку, съ черной латкой, и надѣть *на тебя!!*.. (*очень громко*) Въ Нерчинскъ! въ рудники сошлю! Прикуютъ тебя къ телѣжкѣ, и будешь таскать камни!!.. Поди вонъ!!..

(Частный приставъ живо выскакиваетъ въ переднюю).

Входитъ ГОРОДНИЧІЙ.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ну, пугнулъ же я вашего частнаго! Если не умретъ отъ страху и останется живъ, то исправится!... А что, лошади готовы?

ГОРОДНИЧІЙ.

Готовы, ваше превосходительство.

НАЧАЛЬНИКЪ ГУБЕРНІИ.

Ну, я ѣду. Прощайте! не безпокойтесь провожать меня за городъ....

(Начальникъ губерніи уѣхалъ. На крыльцѣ городничій и частный приставъ).

ГОРОДНИЧІЙ.

А что, досталось! Я вамъ говорилъ, что буду жаловаться!...

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ (сурово).

Не суть важно!!!

СТАРЫЙ КОМЕДІЯНТЪ.

(съ нѣмецкаго).

Вотъ подняли занавѣсь съ шумомъ;
Выходитъ фигляръ на подмостки;
Лицо нарумянено густо,
На пестромъ костюмѣ все блёстки.

Старикъ съ головой посѣдѣвшей!
Ты стоилъ бы слезъ, а не смѣху:
Въ могилу ты смотришь, а долженъ
Ломаться, толпѣ на потѣху!

И хохотъ ея, этотъ хохотъ
Надъ близкимъ концомъ человѣка,
Надъ бѣдной его сѣдиною—
Награда печальнаго вѣка!

То даже, что̀ помнить отрадно,
Съ лѣтами старикъ забываетъ;
А жалкій фигляръ всякимъ вздоромъ
Кряхтя себѣ мозгъ набиваетъ.

Въ прощальный лишь часъ приподыметъ
Старикъ одряхлѣвшія руки,
Когда вкругъ него соберутся
Въ слезахъ—его дѣти и внуки.

Безъ устали руки фигляра
Бьютъ въ тактъ пустозвоннымъ куплетомъ,
И сколько усилій, чтобъ вызвать
У зрителей хохотъ при этомъ!

Болятъ твои старыя кости.
И тѣло кривляться устало;
Не прочь бы ты былъ и заплакать,
Лишь только бъ толпа хохотала!

Вотъ въ кресла старикъ опустился.
«—Ага! Это лѣни поблажка!
(Въ толпѣ восклицаютъ со смѣхомъ)
«—Знать любитъ покой старикашка!»

И голосомъ слабымъ, беззвучнымъ,
Онъ свой монологъ начинаетъ....
Ворчанье кругомъ: видно роли
Фигляръ хорошенько не знаетъ.

Онъ тише и тише лепечетъ;
Нѣтъ связи въ рѣчахъ и значенья....
И вдругъ, не докончивши слова,
Замолкъ;—и сидитъ безъ движенья.

Звенитъ колокольчикъ за сценой....
Ужель это звонъ погребальный?
Толпа недовольная свищетъ....
Не плачъ ли надъ мертвымъ прощальный?

Душа старика отлетѣла,
И только густыя румяна—
По прежнему лгали. Но тщетно:
Теперь не повѣрятъ обману!

Какъ надпись на камнѣ надгробномъ,
Они на лицѣ говорили,—
Что ложь и притворство удѣломъ
Фигляра несчастнаго были!

Деревъ намалеванныхъ вѣтви
Не будутъ шумѣть надъ могилой,
И мѣсяцъ, напитанный масломъ,
Надъ ней не засвѣтитъ уныло....

Когда старика обступили,
Изъ труппы вдругъ голосъ раздался:
Тотъ честный боецъ, кто съ оружьемъ
На полѣ сраженья остался.

Лавровый вѣнокъ изъ бумаги,
Измятый, засаленный, старый,—
Какъ древняя муза, служанка
Кладетъ на сѣдины фигляра.

Снести бѣдняка на кладбище
Носильщиковъ двухъ подрядили....
Никто не смѣялся, не плакалъ,
Когда его въ землю зарыли.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПРАГѢ.

II.

Съ сорокъ-осьмымъ годомъ открылось въ Австріи всеобщее волненіе; въ амальгамированной имперіи вспыхнулъ наконецъ страшный раздоръ, съ одной стороны между подданными и правительственнымъ абсолютизмомъ, съ другой — между разными національностями, которыя наконецъ столкнулись и обнаружили всю взаимную вражду, таившуюся съ давнихъ поръ. Было бы долго разсказывать австрійскую революцію, почти даже безплодно, потому что чехи не вынесли изъ нея почти никакого результата, никакого облегченія для своего политическаго и общественнаго положенія. Для того, кто желалъ бы познакомиться вообще съ современными отношеніями славянскихъ племенъ въ Австріи, мы укажемъ замѣчательную брошюру Les Slaves Occidentaux, вышедшую въ прошломъ году въ Парижѣ, у Франка; неизвѣстный авторъ очень хорошо знаетъ положеніе дѣла, желаетъ полнаго успѣха славянскому движенью, но говоритъ о немъ весьма практически, не поддаваясь панславистскому увлеченію. Ограничиваясь чехами, мы сдѣлаемъ только нѣкоторыя указанія о томъ, какія стремленія пробудились въ чешскомъ обществѣ въ революціонную эпоху и какое настроеніе господствовало въ умахъ лучшихъ людей того времени. Первая конституція подала много прекрасныхъ надеждъ; событія развязали всѣмъ руки; чехи, предоставленные самимъ себѣ, должны были сами поза-

ботиться объ утвержденіи своихъ правъ и самобытности. Конституція повидиму обезпечила будущій общественный порядокъ, обѣщала равноправность національностей; но революція все еще грозила славянскимъ племенамъ. Нѣмецкіе патріоты считали необходимымъ присоединить Австрію къ единой нѣмецкой націи; чехи твердо отказывались посылать своихъ депутатовъ на франкфуртскій сеймъ и нажили себѣ отчаянныхъ враговъ дома, въ нѣмцахъ, которые принимали Богемію за страну нѣмецкую и о чехахъ вовсе не думали; мадяры грозили порабощеніемъ славянъ, входившихъ въ составъ Венгріи, и славянское возстаніе вспыхнуло на всемъ пространствѣ средней Австріи. Въ этихъ обстоятельствахъ родилась мысль о славянскомъ съѣздѣ: на немъ должны были явиться лучшіе люди каждой славянской національности въ Австріи, пользующіеся довѣріемъ своего народа; они должны были принять общія мѣры для безопасности австрійскаго славянства. Мысль о съѣздѣ явилась тогда у всѣхъ славянъ Австріи: у славянъ южныхъ, словаковъ, чеховъ, поляковъ. Первый печатно заговорилъ объ этомъ извѣстный Иванъ Кукульевичъ-Сакцинскій, въ Загребскихъ Иллирскихъ Новинахъ; мѣстомъ сейма выбрана была единогласно Прага, какъ центральный пунктъ славянскихъ земель. Первое воззваніе о съѣздѣ издано было на нѣсколькихъ славянскихъ языкахъ 1-го мая 1848. Такъ какъ у насъ вообще мало извѣстны славянскія дѣла этого времени, то мы позволяемъ себѣ привести здѣсь эту прокламацію, въ русскомъ переводѣ, какъ любопытный памятникъ тогдашнихъ событій, въ свое время не дошедшій до насъ:

«Славяне, братья!

«Кто изъ насъ не смотритъ съ грустью на наше прошедшее? И кому неизвѣстно, что то, что мы испытали, произошло отъ нашей безсознательности и раздробленности, дѣлившей брата отъ брата? Но послѣ долгихъ вѣковъ, въ которые мы забыли одинъ о другомъ, въ которые упало на наши головы столько несчастій, мы пришли къ тому убѣжденью, что мы одно, что мы—братья. Пришли времена важныя, времена, освободившія народы и снявшія съ нихъ бремя, подъ тяжестью котораго они стонали; эти времена сняли много бремени съ насъ, и мы можемъ теперь высказать, что уже давно чувствовали, обдумать и заключить то, что служитъ къ нашей пользѣ. Европейскіе народы сговариваются и соединяются. Нѣмцы для своего соединенія составили во Франкфуртѣ парламентъ, который стоитъ на томъ, чтобы Австрійская имперія уступила ему отъ своего независимаго владѣнія столько, сколько нужно для нѣмецкаго единства, и чтобы имперія со всѣми не-венгерскими землями вошла въ составъ новаго нѣмецкаго царства. Такой шагъ разрушилъ бы не только

единство Австріи, но и соединеніе и самобытность славянскихъ племенъ, которыхъ народность подверглась бы при этомъ опасности. Мы должны твердо защищать то, что у насъ есть самаго святаго; пришло время, чтобы и мы, славяне, сговорились и соединили свои намѣренія. И потому, радостно соглашаясь на многія желанія, посланныя къ намъ изъ разныхъ славянскихъ краевъ, мы дѣлаемъ воззваніе ко всѣмъ славянамъ Австрійской имперіи и вызываемъ всѣхъ мужей, имѣющихъ довѣріе народа, которымъ дорога наша общая польза, — собраться въ старославной славянской Прагѣ чешской къ 31-му мая этого года, гдѣ бы мы съ-обща обсудили все то, чего требуетъ польза нашего народа и что мы должны дѣлать въ эти важныя времена. Если и другіе славяне, живущіе внѣ нашего государства, захотятъ почтить насъ своимъ присутствіемъ, они будутъ для насъ гостями, которымъ мы будемъ сердечно рады.

«Въ Прагѣ, 1-го мая 1848.»

Въ тоже время предварительнымъ «Выборомъ» издано было воззваніе къ неславянскимъ жителямъ имперіи для успокоенія ихъ касательно намѣреній славянскаго съѣзда: въ немъ объяснено было, что участники съѣзда желаютъ вполнѣ сохраненія и самостоятельности имперіи; что они нисколько не думаютъ о стѣсненіи другихъ народностей и хотятъ только дать практическое значеніе уравненію правъ народностей въ имперіи; что они защищаютъ въ полномъ объемѣ тѣ права, которыя принадлежатъ славянамъ на этомъ основаніи, и желаютъ вообще мирнаго утвержденія порядка и лучшихъ отношеній между разными народами. Наконецъ составленъ былъ порядокъ занятій и программа предметовъ, которыя должны были быть опредѣлены на съѣздѣ. Депутаты съѣхались въ значительномъ числѣ и распредѣлены были на три отдѣленія, по народностямъ: къ первому принадлежали чехи, моравне, слезаки и словаки; ко второму—поляки и русины; къ третьему—словенцы, хорваты, сербы и далматинцы. Сеймъ, въ числѣ 340 членовъ, собрался въ первый разъ 3-го іюня, въ публичномъ засѣданіи. Утромъ члены сошлись въ Чешскомъ Музеѣ, оттуда въ торжественной процессіи отправились въ Тынскую церковь, гдѣ передъ памятникомъ Кирилла и Меѳодія священникъ и членъ сейма Вацлавъ Штульцъ принесъ молитву объ успѣхѣ дѣла. Послѣ этой трогательной церемоніи процессія двинулась къ Софійскому острову: во главѣ ея шло общество пѣвцовъ, которые пѣли патріотическія и старинныя духовныя пѣсни. «Староста» сейма, Францъ Палацкій, открылъ его теплою патріотическою рѣчью, и засѣданія сейма начались. Времени было не много и члены торопились формулировать свои желанія и требованія, слѣдуя сначала программѣ, составленной еще въ предварительномъ «Выборѣ»

моравановъ Захомъ, но потомъ принята была болѣе краткая программа, предложенная извѣстнымъ польскимъ публицистомъ Карломъ Либельтомъ, который представлялъ, что нужно, во-первыхъ, приготовить манифестъ къ европейскимъ народамъ объ основаніяхъ и цѣляхъ славянскаго съѣзда; во-вторыхъ, адресъ или петицію къ императору съ изложеніемъ желаній славянскихъ народовъ Австріи; въ третьихъ, заключить союзъ славянскихъ племенъ между собою и опредѣлить средства къ поддержанію его стремленій. Манифестъ составленъ былъ, на основаніи проэктовъ Заха, Либельта и Б., самимъ «старостой» Палацкимъ. Славянскій съѣздъ высказалъ въ немъ начала свободы, равенства и братства для отдѣльной личности; потомъ менѣе признанное въ Европѣ начало полной ровноправности всѣхъ народовъ, отвращеніе отъ политики, которая считаетъ земли и народы безотвѣтнымъ владѣньемъ,—говоритъ о своемъ намѣреніи представить императору петицію въ этомъ смыслѣ, чтобы онъ превратилъ свое государство въ союзъ равноправныхъ народовъ, Манифестъ былъ прочитанъ и утвержденъ членами съѣзда. Другія работы, петиція къ правительству и заключеніе договора между славянскими племенами о защитѣ своей народности остались только въ проэктахъ, потому что наступившія событія насильственно прервали труды сейма.

Утромъ 11-го іюня, въ присутствіи членовъ съѣзда и при множествѣ народа греко-уніатскій каноникъ львовскій, Григорій Иниловичъ, совершалъ священную службу на славянскомъ языкѣ. Еще болѣе любопытное торжество, вызванное славянскимъ съѣздомъ, происходило за недѣлю передъ тѣмъ на Свято-вацлавскомъ намѣстьи (площади): какъ воспоминаніе о господствовавшемъ нѣкогда у чеховъ православіи, славянская служба по греческому обряду совершена была православнымъ сербскимъ протопресвитеромъ изъ Новаго-Сада, Павломъ Стаматовичемъ. 12-го іюня члены собрались въ небольшомъ числѣ; такъ какъ главныя дѣла были уже окончены, оставалась только редакція актовъ, и притомъ обстоятельства требовали присутствія членовъ сейма на родинѣ, то положено было имѣть заключительное собраніе 14-го. Но съѣзду не суждено было тогда кончить первый важный политическій трудъ панславизма; въ тотъ же день вспыхнула пражская революція, плодъ интриги реакціонеровъ: какъ снѣгъ на голову упала на мирныхъ пражскихъ славянъ солдатская фурія; она должна была напомнить имъ Австрію.

Политическое одушевленіе чеховъ и особенно славянскій съѣздъ вовсе не нравились и приверженцамъ франкфуртскаго сейма и рѣшительнымъ реакціонерамъ, для которыхъ старый порядокъ казался лучше всего на свѣтѣ. Австрійскіе патріоты не могли равнодушно

видѣть, что молчавшіе прежде славяне начали пріобрѣтать нѣкоторый авторитетъ и самоувѣренность; они видѣли въ чехахъ отчаянныхъ демократовъ, сепаратистовъ, и противодѣйствовали имъ, сколько могли. Не имѣя возможности выставить реакцію явно, — потому что этимъ они возбудили бы ненависть самихъ нѣмецкихъ либераловъ, — они не пренебрегли тайными путями, и возстановили противъ чеховъ Виндишгреца, управлявшаго тогда Прагой, и его солдатчину, которая и безъ того, была очень неблагосклонна къ политическимъ клубамъ, рѣчамъ и собраніямъ, и въ частности не терпѣла студентскихъ легіоновъ и отряда «Сворности» (согласія), представлявшихъ родъ національной гвардіи, носившихъ національные цвѣта и вводившихъ чешскую военную команду. Уже за нѣсколько дней до іюньскихъ событій замѣчали приготовленія къ какому-то австрійскому coup-d'état, и 12-го іюня, въ праздникъ св. Духа, дѣло вспыхнуло: одна шумная процессія студентовъ и народа встрѣчена была безъ всякаго повода пушками, приготовленными, какъ оказалось, заранѣе. Чувство самосохраненія вооружило весь народъ и битва, которой онъ вовсе не предвидѣлъ и не предчувствовалъ, началась вдругъ по всей Прагѣ. Къ чехамъ присоединились всѣ благомыслящіе нѣмцы. Тотчасъ послѣ первой встрѣчи, отрядъ войска двинулся по Коловратской улицѣ, разгонять «демократовъ», и цѣлый ружейный залпъ влетѣлъ въ окна Чешскаго Музея, гдѣ думали найти членовъ съѣзда: библіотекарь Ганка уцѣлѣлъ только потому, что во время успѣлъ отойти отъ окна. Толпа студентовъ осаждена была въ Каролинумѣ, взята въ плѣнъ и осыпана оскорбленіями. Прага вооружилась, кто чѣмъ могъ; городъ покрылся баррикадами; народъ, еще въ первый разъ прибѣгнувшій къ этому революціонному средству, защищалъ ихъ съ храбростью отчаянія, противъ которой войска ничего не могли сдѣлать. Такъ шло нѣсколько дней; войска, вездѣ отбиваемыя отъ баррикадъ, перешли наконецъ окольными путями на Малую Страну и начали правильную осаду «Стараго Мѣста». Въ то время, когда противъ города направлено было страшное бомбардированіе, распространившее ужасъ по всей Прагѣ, на одной изъ первыхъ станцій желѣзной дороги къ Вѣнѣ происходила гнусная сцена: отрядъ австрійскихъ гусаръ остановилъ поѣздъ, въ которомъ уѣзжало изъ Праги много ея случайныхъ посѣтителей, бѣжавшихъ отъ безпорядка; благородные гусары напали на обезоруженныхъ путешественниковъ, убивали ихъ на станціонномъ дворѣ и въ вагонахъ. Въ Прагѣ студенты собрались въ Клементинумъ, храбро защищали баррикады у башни, ведущей на мостъ, и отвѣчали на ядра дѣятельнымъ ружейнымъ огнемъ, который унесъ едва ли не болѣе враговъ. Силы были однако далеко не ровны; горожане начали переговоры,

которые окончили наконецъ враждебныя дѣйствія. Прага объявлена была въ осадномъ положеніи, начались арестаціи и допросы; въ Градчинъ забирали множество людей, которыхъ указывали Виндишгрецу усердные реакціонеры. Конституція еще существовала, свобода и новыя права не были еще отняты, но наглое употребленіе кулачнаго права — со стороны представителей правительства — уже показывало, что конституція, доставшаяся такъ дешево, не обѣщаетъ прочнаго существованія. Съ тѣхъ поръ лучшіе люди общества постоянно находились между страхомъ и надеждой. Весь ходъ событій того времени только подтверждалъ ихъ печальныя сомнѣнія: ихъ радовало созваніе вѣнскаго или кромѣржижскаго сейма, но пугало реакціонное министерство; они съ удовольствіемъ видѣли побѣды Елачича и освобожденіе хорватъ, но предчувствовали, что эти побѣды только поддержатъ старый абсолютизмъ. Для защиты правъ своей народности отъ нѣмцевъ и мадяръ, славяне должны были защищать австрійскій принципъ, который они сами ненавидѣли не меньше либеральныхъ нѣмцевъ и венгровъ. Ихъ собственная слабость дѣлала для нихъ необходимымъ какую нибудь точку соединенія, и она представлялась имъ тогда въ габсбургскомъ домѣ. Для революціонной части венгровъ и нѣмцевъ это давало еще больше поводовъ смотрѣть на славянское дѣло съ досадой и ожесточеніемъ.

Первый славянскій съѣздъ разошелся, не успѣвши связать прочнымъ актомъ договора о народномъ соединеніи австрійскихъ славянъ. Дѣло осталось въ томъ же положеніи, какъ и прежде, но депутаты не теряли еще духа: «пражская буря вырвала у нихъ перо изъ рукъ, — говорили они тогда, — но не вырвала изъ души ихъ предпріятія. Пражская буря загремѣла надъ съѣздомъ, чтобы согнать съ славянскаго солнца послѣднія тучи, которыя закрывали его до сихъ поръ. Посланцы разошлись, чтобъ сказать своимъ народамъ, что они видѣлись и сговорились съ братьями; что потокъ вѣковъ и давняя разрозненность не стерли печати сходства нашихъ языковъ такъ, чтобы мы уже не могли, каждый на своемъ языкѣ, взаимно понимать другъ друга; что такимъ образомъ уничтожается главнѣйшее препятствіе общаго сѣмованья; что потребности, намѣренія и цѣли у всѣхъ насъ одни и нераздѣльны, что мы всѣ должны стоять за одного и одинъ за всѣхъ, если хотимъ добыть себѣ полнаго обезпеченія своихъ правъ; что мы должны быть согласны, изгладивши изъ своихъ мыслей всякую память старыхъ домашнихъ споровъ, что мы должны быть братьями, равными братьями отъ одной матери, между которыми нѣтъ первороженнаго». Депутаты, оставшіеся въ Прагѣ, сошлись въ послѣдній разъ 16-го іюня; и когда пражская битва началась снова и продолженіе засѣданій было уже

невозможно, они объявили славянскій съѣздъ отложеннымъ на неопредѣленное время, чтобы въ болѣе благопріятную пору окончить то, чего нельзя было кончить на первомъ съѣздѣ. Надежда на болѣе счастливое свиданіе утѣшала славянскихъ посланцевъ: скоро ли она можетъ осуществиться, принесетъ ли австрійскимъ славянамъ пользу первый тяжелый политическій урокъ, поддержитъ ли ихъ братская любовь и согласіе—мы не будемъ загадывать; но желая имъ всякаго добра, какого они себѣ желаютъ, мы къ сожалѣнію не можемъ вывести изъ ньнѣшняго ихъ положенія возможности слишкомъ сангвиническихъ надеждъ....

Что же дѣлала въ это время литература? Первое время конституціонной свободы вызвало сильное патріотическое движенье въ чешскомъ обществѣ; народность въ первый разъ была признана положительнымъ образомъ и она дѣйствительно вдругъ выросла въ это время. Образовалось нѣсколько чешскихъ политическихъ клубовъ, появилось нѣсколько политическихъ газетъ; по-чешски заговорили даже тѣ, кто прежде не обнаруживалъ къ этому языку большой привязанности. Позднѣе, когда славяне поднялись, какъ высшая сила, сокрушавшая венгерцевъ, даже въ Вѣнѣ славянскій элементъ обнаружился очень сильно, какъ никогда прежде. Свобода книгопечатанія дала особенный интересъ литературѣ: ее наводнили патріотическія пѣсни и книжки; газеты имѣли успѣхъ, о какомъ нельзя было бы и думать прежде; ихъ явилось вдругъ очень много и всѣ были полны патріотическими проэктами, разсужденьями объ общественныхъ вопросахъ. Даже чешскія дамы составили полуполитическое общество и писали въ журналахъ патріотическія воззванія къ славянскимъ соотечественницамъ, возбуждая въ нихъ чувство народности, чтобы преобразовать воспитаніе славянскихъ женщинъ и сдѣлать ихъ органами народнаго дѣла. Лучшіе чешскіе литераторы были членами клубовъ, членами славянскаго съѣзда, многіе были потомъ депутатами на кромѣржижскомъ сеймѣ. Въ этой новой жизни молодаго общества было много проявленій чистаго, безкорыстнаго патріотизма; но оно было слишкомъ свѣжо, довѣрчиво для тогдашнихъ обстоятельствъ, слишкомъ мало опытно въ политическихъ бурякъ. Его открытыя стремленія, чувство правоты, въ которомъ видѣли они свою защиту, не были въ состояніи обезоружить махинаціи ихъ противниковъ, вообще не разбиравшихъ средствъ для цѣли. Журнальной литературѣ, которая заняла теперь важнѣйшее мѣсто въ общественной дѣятельности, предстояла необходимая и трудная задача— дать обществу и особенно большой народной массѣ необходимое политическое образованіе, объяснить смыслъ событій и указать, къ чему должно стремиться и чего тре-

бовать. Чешскія газеты исполняли эту задачу болѣе или менѣе удачно, сколько было въ нихъ силахъ, и важнѣйшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ одному изъ даровитѣйшихъ людей того времени, о которомъ мы считаемъ нужнымъ сказать подробнѣе,— Карлу Гавличку. Его «Народныя Новины» имѣли огромный успѣхъ, и до сихъ поръ остаются любимымъ, хотя и запрещеннымъ чтеніемъ. Имя Гавличка повторяется съ уваженіемъ всѣми чешскими патріотами; они помнятъ и должнымъ образомъ цѣнятъ его неистощимую энергію, которая въ пользу дѣла свободы боролась съ препятствіями и преслѣдованьемъ до послѣдней возможности. Реакція послѣднихъ годовъ подвергла строгому запрету имя талантливаго писателя и чехи до сихъ поръ не имѣютъ хорошей біографіи его; я знаю только одну маленькую, помѣщенную Риттерсбергомъ еще въ 1851 году въ любопытномъ его «Словарѣ», теперь также запрещенномъ. Гавличекъ родился въ 1821 году, такъ что въ сорокъ-осьмомъ году ему было только двадцать-семь лѣтъ. Вступивши въ молодости въ архіепископскую пражскую семинарію, Гавличекъ своими остроумными выходками, сатирическими стишками и нескончаемой оппозиціей пріобрѣлъ себѣ такую любовь своего начальства, что оно не могло дождаться времени, когда освободится наконецъ отъ богослова, подававшаго такія надежды. Семинарская жизнь не приходилась по вкусу и самому Гавличку, и онъ разстался съ своими наставниками и начальниками, къ обоюдному удовольствію. Онъ отправился потомъ въ Москву, гдѣ нѣсколько лѣтъ занималъ мѣсто гувернера, если не ошибаемся, у г. Шевырева. Въ Москвѣ талантливый славянинъ прилежно изучалъ русскую жизнь, общественныя отношенія, литературу; между прочимъ здѣсь произвелъ на него глубокое впечатлѣніе экзаменъ изъ чешскаго языка и литературы въ московскомъ университетѣ, куда его пригласили, какъ гостя; патріоту-чеху въ высшей степени пріятно было видѣть, что въ сердцѣ великаго славянскаго народа чешскій языкъ уважался такъ, какъ не уважаютъ его многіе природные чехи дома. Жизнь въ Москвѣ, по отзыву людей, его знавшихъ, была очень важна для его развитія. Критическій, оппозиціонный характеръ ума, составлявшій рѣзкую особенность его природы, опредѣлился и установился здѣсь еще тверже; онъ привыкъ еще сильнѣе ненавидѣть насиліе, произволъ и всякія стремленія ретроградовъ. По возвращеніи въ Прагу въ 1845 году онъ началъ помѣщать въ журналахъ свои письма и статьи о Россіи, которыя въ первый разъ вѣрно знакомили чешскихъ читателей съ истиннымъ положеніемъ русской жизни, съ характеромъ русской литературы. Въ тѣ годы наша литература была уже сильно занята общественными вопросами, и Гавличку легко было освоиться

съ движеніемъ русской цивилизаціи, которую онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, понялъ отчасти съ славянофильской точки зрѣнія. Между прочимъ онъ познакомилъ чешскую публику и съ нѣкоторыми произведеніями русской литературы, напр. съ Гоголемъ; онъ собирался написать для чеховъ русскую исторію.... Статьи о Россіи, которыя онъ продолжалъ и въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ, показываютъ въ немъ очень хорошее пониманіе предмета; онъ любилъ русскихъ, но не сдѣлался руссофиломъ. Въ 1846 году Гавличка пригласили быть редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и «Пчелы», которая выходила вмѣстѣ съ ними. Уже съ этого времени ему удалось сообщить интересъ своимъ изданіямъ; своими занимательными и остроумными статьями онъ пріобрѣлъ чрезвычайную популярность у чешскихъ читателей. Въ то время австрійская ценсура нѣсколько смягчилась, и Гавличекъ умѣлъ вполнѣ этимъ воспользоваться, чтобы пробудить сильнѣе народное чувство и защищать интересы чешскаго общества. Безпрестанныя столкновенія съ ценсурой навлекли наконецъ на него подозрѣнія и австрійское правительство уже готово было запретить его журналъ, когда мартовская революція совершенно развязала руки смѣлому журналисту. Онъ принималъ самое горячее и дѣятельное участіе въ чешскихъ событіяхъ 48—49 годовъ, въ политическихъ и литературныхъ спорахъ чешскихъ патріотовъ съ ихъ противниками и всюду вносилъ свой вѣрный политическій взглядъ и умѣнье дѣйствовать. Онъ участвовалъ такимъ образомъ въ Пражскомъ народномъ Выборѣ, составившемся тотчасъ послѣ революціи для защиты чешскихъ интересовъ; въ Сворности, упомянутомъ уже нами патріотическомъ пражскомъ легіонѣ; былъ членомъ славянскаго съѣзда, вѣнско-кромѣрижскаго сейма, «Славянской Липы»—чешскаго политическаго клуба въ Прагѣ. Вскорѣ послѣ мартовскихъ событій, приведшихъ первую конституцію, Гавличекъ, поддерживаемый графомъ Альбертомъ Деймомъ, началъ издавать «Народныя Новины», журналъ, получившій скоро огромное вліяніе на массу чешскаго общества; это безъ сомнѣнія важнѣйшее изъ славянскихъ политическихъ изданій, когда либо выходившихъ въ Австріи. Во время реакціонной революціи Виндишгреца онъ также не избѣжалъ преслѣдованій, былъ арестованъ, но между тѣмъ онъ отъ многихъ мѣстъ выбранъ былъ депутатомъ на вѣнскій сеймъ; на сеймѣ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Палацкаго и Ригера, наиболѣе вліятельныхъ чешскихъ представителей; но въ концѣ сорокъ-осьмаго года воротился опять въ Прагу, чтобы поддерживать правую сторону своимъ вліяніемъ на публику черезъ «Народныя Новины». По разогнаніи кромѣрижскаго сейма и послѣ изданія октроированной конституціи 4 марта сорокъ-девятаго года, Гавли-

чекъ напечаталъ такую рѣзкую критику новой конституціи, заключавшей уже всѣ сѣмена позднѣйшей реакціи, что правительство потребовало его къ суду. Это былъ чрезвычайно любопытный и единственный литературно-политическій процессъ, который былъ рѣшенъ тогда въ Прагѣ судомъ присяжныхъ во время его краткаго существованія. Защиту Гавличка хотѣлъ взять на себя Ладиславъ Ригеръ; но ему было отказано на томъ основаніи, что хотя онъ и былъ докторомъ правъ, но не былъ земскимъ адвокатомъ. Гавличекъ объявилъ тогда, что явится одинъ передъ судомъ и будетъ защищать себя самъ. Въ залѣ суда собралось множество публики, любопытство было крайне возбуждено, потому что имя смѣлаго писателя было извѣстно всѣмъ и каждому. По исполненіи судебныхъ предварительныхъ порядковъ, Гавличекъ началъ свою защиту; онъ говорилъ съ увѣренностью, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, вполнѣ оправдалъ свой взглядъ на новую конституцію, которой вовсе не сочувствовалъ, и объяснилъ еще подробнѣе, чѣмъ прежде, печальный смыслъ конституціи, нарушавшей прежнія обѣщанія правительства и открывавшей впереди старую систему безконтрольнаго самовластія. Окончивши защиту, онъ обратился къ судьямъ: судъ присяжныхъ — было новое учрежденіе, еще не вошедшее въ нравы; Гавличекъ воспользовался случаемъ показать великое значеніе этого учрежденія и объяснилъ присяжнымъ ихъ высокую обязанность передъ правымъ дѣломъ и обществомъ, которое они собой представляютъ. Присяжные объявили Гавличка невиннымъ. Онъ продолжалъ писать по прежнему, обличая правительство и министровъ, нападая на ретроградовъ и реакціонеровъ,—но преслѣдованія также продолжались: въ апрѣлѣ онъ былъ оправданъ, а въ іюнѣ военная власть запретила ему изданіе «Народныхъ Новинъ». На этотъ разъ онъ отправился въ Вѣну и съ большимъ трудомъ выхлопоталъ у министерства позволеніе продолжать изданіе. Скоро потомъ Гавличекъ опять за смѣлую статью сидѣлъ подъ арестомъ на Градчинѣ; въ январѣ пятидесятаго года «Народныя Новины» были окончательно запрещены. Твердый редакторъ не потерялъ однако энергіи и въ томъ же году началъ издавать «Слована» (славянина), впрочемъ уже не въ газетной формѣ и не въ Прагѣ, гдѣ невозможно было изданіе по случаю осаднаго положенія, а въ Кутной-Горѣ. Измѣнивши форму журнала, Гавличекъ конечно нисколько не измѣнилъ единственнаго возможнаго для него направленія и неутомимо продолжалъ свою полемику; отдѣльные выпуски журнала иногда запрещали, но издатель все еще пользовался значительной свободой. Наконецъ, когда не было конца этимъ печатнымъ упрекамъ совѣсти, правительство серьёзно вооружилось противъ неумолимаго ре-

дактора: въ мартѣ 1851 года Гавличку запретили въѣздъ въ Прагу, потомъ запретили «Слована», потомъ сослали Гавличка въ Тироль.... Тяжелая болѣзнь не умилостивила его преслѣдователей; ему позволили, правда, ѣхать на чешскія воды, но Прагу увидѣлъ онъ снова только наканунѣ своей смерти.

На судьбѣ этой привлекательной, даровитой личности, какъ будто отразилась вся исторія новѣйшаго, кратковременнаго освобожденья. Онъ началъ полный желаньями блага своему народу, полный надеждъ на право и свободу; событія скоро заставили его задумываться; онъ съ жаромъ возставалъ противъ несправедливости, вѣроломства, совершеннаго надъ цѣлымъ народомъ; у него была только одна сила—талантъ, и онъ протестовалъ до тѣхъ поръ, пока у него отняли послѣднія средства дѣйствовать. Подъ конецъ Гавличекъ былъ уже одинъ, крѣпко стоявшій за общественное дѣло; съ окончаніемъ его литературной дѣятельности, которой не могли не отдать справедливости даже враги его, еще раньше смерти Гавличка, тяжелая апатія овладѣла чешскимъ обществомъ и владѣетъ имъ до сихъ поръ. Если бы обстоятельства были нѣсколько болѣе благопріятны, Гавличекъ помогъ бы чешскому народу сдѣлать большой шагъ впередъ; для своего времени онъ сдѣлалъ все возможное, и чешскій читатель до сихъ поръ перечитываетъ старую драгоцѣнность, «Народныя Новины» и «Слована», подвергшіяся теперь запрету австрійскихъ властей. Талантъ Гавличка былъ именно талантъ публициста, воспитателя общественнаго мнѣнія; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ говорить съ массой публики и которыхъ она слушаетъ съ полнымъ довѣріемъ. Вліяніе его мы сравнили бы съ вліяніемъ Бѣлинскаго. Онъ отличался способностью чрезвычайно ясно представлять и просто объяснять всякій встрѣчавшійся ему вопросъ; это качество дѣлало его прекраснымъ популярнымъ писателемъ. Онъ постоянно шелъ впередъ и совершенствовался, въ каждомъ новомъ положеніи онъ развивалъ новыя силы. Внѣшнія качества его таланта, легкость изложенія, остроуміе и неподдѣльный, юморъ увеличивали его вліяніе на массу. Характеръ направленія Гавличка былъ чисто-либеральный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; при своемъ практическомъ умѣ, онъ не стремился къ невозможному, онъ только прекрасно понималъ выгоды того общественнаго устройства, до котораго достигли образованнѣйшіе народы Европы, и желалъ, чтобы Австрія получила нѣчто подобное, чтобы она по крайней мѣрѣ не уничтожала того, что дала первая конституція 48-го года. Отсюда его безпрестанныя стычки съ австрійскимъ правительствомъ; онъ не прощалъ реакціонному министерству ни одной ошибки, ни одного нарушенія свободы, обѣщанной въ конституціи, ни одно-

го произвольнаго дѣйствія, а тогда, еще съ 48-го года, безпрестанно открывались новыя и новыя покушенія противъ народной самостоятельности—то пражская реакція и закрытіе славянскаго съѣзда, то преслѣдованіе литературы, то разгонъ кромѣржижскаго сейма, то октроированная конституція, то объявленіе «свободы» католической церкви, то славяне, принесенные въ жертву мадярамъ и т. д. Для твердыхъ и ясныхъ умовъ, какой былъ у Гавличка, никогда не существовалъ фактическій авторитетъ имени, названія, и онъ не увлекался такъ, гдѣ другіе увлекаются очень легко; напр. панславизмъ понималъ онъ чисто практическимъ образомъ, давая ему цѣны на столько, на сколько онъ можетъ дать положительной, насущной пользы. Археологическій панславизмъ, уводящій отъ дѣла, онъ не прощалъ никому при его малѣйшихъ претензіяхъ. Вотъ одинъ примѣръ. Однажды знаменитый Колларъ напечаталъ въ оффиціальномъ Reichszeitung извѣстіе о стрелицкихъ и ретрскихъ божествахъ, имъ отысканныхъ; Гавличекъ указалъ на нѣкоторыя крайности въ его разсужденіяхъ и удивлялся, что Колларъ выбралъ подобный журналъ для своихъ статей. Колларъ жолчно отвѣчалъ на это и Гавличекъ прочиталъ ему въ «Слованѣ» многозначительное поученіе, въ которомъ объяснялъ, что Колларъ напрасно обращается къ нему, какъ наставникъ къ ребенку, что онъ самъ имѣлъ нѣкоторую опытность, и въ заключеніе говорилъ: «я очень удивляюсь, какимъ образомъ такой мужъ, какъ панъ Колларъ, авторъ «Дочери Славы», словакъ, въ нынѣшнее время имѣетъ столько досугу, что можетъ осматривать этихъ стрелицкихъ домовыхъ и вѣдьмъ. По крайней мѣрѣ для меня теперь каждый живой и ловкій славянинъ, изъ котораго можетъ что нибудь выйти, гораздо милѣе и важнѣе, чѣмъ всѣ старославянскіе боги, сколько ихъ было до сихъ поръ и еще будетъ выкопано или вылито».—Если же говорить объ опытности, продолжаетъ онъ, то «одной только опытности г. Коллара у меня нѣтъ, именно—чтобы мои статьи попадали въ Reichszeitung или «Вѣнскую газету», между тѣмъ, какъ прежде я написалъ бы «Дочь Славы»; но если это единственная опытность, которую можно пріобрѣсти только въ старости, то прошу Бога, чтобы онъ мнѣ не далъ дождаться этой старости». Остроуміе, часто очень ѣдкое, какъ въ этомъ примѣрѣ, не покидало его и тогда, когда онъ говорилъ о самыхъ серьёзныхъ предметахъ. Его панславистскій взглядъ на Россію не имѣетъ ничего фантастическаго и сантиментальнаго. Между прочимъ, въ одной статьѣ «О русскихъ», Гавличекъ, раздосадованный нѣмецкими газетами, — выписавши для эпиграфа извѣстное мѣсто изъ Гоголя: «Русь, куда стремишься ты?» и т. д., продолжаетъ: «мы знаемъ, что каждаго изъ насъ, кто не хочетъ быть нѣмцемъ, называютъ

обыкновенно «чтителемъ и поклонникомъ кнута», и дѣйствительно, не было бы ничего страннаго, если бы люди, какъ мы, вправду чтили кнутъ и поклонялись ему, потому что русскій кнутъ есть пожалуй единственная вещь, которой боятся эти велико-германскіе журналисты, которые ни въ Бога не вѣруютъ, и кромѣ einiges Deutschland никакой справедливости и ничего святаго на свѣтѣ не знаютъ. Поэтому и я самъ очень часто, прочитавши какой нибудь нумеръ Ost-deutsche Post (вѣнскій журналъ) и подобныхъ газетъ, съ сердечной радостью смотрю на свой русскій кнутъ, который привезъ себѣ на вѣчное воспоминаніе изъ Москвы, и успокоиваюсь: In hoc signo vinces! что по-чешски значитъ: когда бы не было этого страха передъ Русью, какъ бы поступили теперь съ нами!»

Однимъ изъ послѣднихъ трудовъ Гавличка были «Нѣкоторыя повѣсти», переведенныя имъ съ французскаго и изданныя въ Кутной-Горѣ. «Читателю, которому покажется странемъ титулъ этой книжки,—говоритъ онъ въ предисловіи,—мы должны объяснить, что причиной такаго заглавія нынѣшнія обстоятельства, которыя помѣшали намъ выставить на книжкѣ имя сочинителя. Это одинъ изъ превосходнѣйшихъ умовъ вообще и признанный первый писатель Франціи; одно имя его, если бы мы поставили его въ заглавіи, дало бы нашимъ противникамъ поводъ къ преслѣдованію этой книжки, содержаніе которой, какъ увидитъ каждый прочитавши ее, самое невинное.... Наконецъ, для объясненія всѣмъ тѣмъ, которые все, соединенное съ нижеподписаннымъ именемъ (Гавличка), привыкли преслѣдовать не обращая вниманія на содержаніе, прибавлю, что всѣ повѣсти, помѣщенныя здѣсь, я заимствовалъ изъ изданія сочиненій этого автора, которое вышло въ Вѣнѣ въ 1810 году, слѣдовательно въ абсолютныя времена». Это были повѣсти Вольтера.

Время чешской свободы длилось недолго; поворотіе Венгріи окончательно возвратило австрійскому правительству его прежнюю увѣренность и прежнія тенденціи. Когда разогнаніе франкфуртскаго конститутивнаго сейма обошлось безъ всякихъ послѣдствій, правительство увидѣло, что ему нечего опасаться либерализма, еще не созрѣлаго. Начался тотъ порядокъ внутренней австрійской политики, который его партизаны называютъ Neugestaltung Австріи. Конституціонныя права 48-го года пали, и въ настоящую минуту господствуетъ statu quo ante. Ущербы и внутреннія прорѣхи, причиненныя старой бюрократіей, нынѣшняя система «поставки за-ново» исправляетъ съ помощью той же бюрократіи. Баронъ Чёрнигъ, издавшій въ прошломъ году толстый оффиціальный панегирикъ новой системѣ, увѣряетъ, что въ ней заключается истинная потребность и истинное благо австрійскихъ народовъ; но

теперь, напримѣръ, Ломбардія упрямится понять это благо и неудовлетворяется владычествомъ новѣйшей бюрократіи; Венгрія опять недовольна и Кошутъ въ своей новой брошюрѣ утверждаетъ, что она уже готова на вторичную борьбу; славянская жизнь снова подавляется—до новаго взрыва, въ неминуемости котораго увѣряютъ многіе.

Таково ближайшее прошедшее и настоящее общественной жизни и чешскаго движенья, съ которыми я долженъ былъ познакомиться въ Прагѣ. Общій видъ ея теперь говоритъ уже, что нѣмецкое начало одержало верхъ, въ союзѣ съ правительственнымъ вліяніемъ. Въ 48 и 49 годахъ Прага сдѣлалась на время почти исключительно чешскимъ городомъ; любовь къ народности вспыхнула ярче, чѣмъ когда либо; въ обществахъ слышался только чешскій языкъ. Вмѣстѣ съ реакціей воротилось и преобладаніе нѣмецкаго языка въ обществѣ, въ театрѣ, въ администраціи и т. д.; онъ входилъ опять мало по малу, какъ проходило патріотическое одушевленіе. Въ чешской «Бесѣдѣ» въ Прагѣ, основаніе которой въ 1846 году было чуть не побѣдой для чешской народности, мы слышали нѣмецкій языкъ очень часто. На чешскихъ большихъ балахъ зимой, на которыхъ прежде исключительно долженъ былъ господствовать чешскій, славянскія дѣвы и дамы уже позволяютъ себѣ сильныя отступленія отъ правила: чехи теперь вообще обвиняютъ прекрасную половину своего общества въ легкомысленномъ увлеченіи нѣмецкой модой. Наиболѣе горячіе и ревностные защитники народности находятся, разумѣется, въ литературномъ кругу и въ людяхъ, стоящихъ къ нему ближе, въ классѣ учителей, особенно въ людяхъ, видѣвшихъ 48-й годъ; между молодежью университета патріотическія стремленія также сильны. Въ чешской привязанности къ народному дѣлу очень часто проглядываетъ оттѣнокъ панславизма, имѣющаго у чеховъ конечно болѣе преданій, чѣмъ у какого нибудь другаго славянскаго племени; до послѣдняго времени чешская словесность едва ли не болѣе всѣхъ заботилась о литературной славянской взаимности. Чехи много переводятъ съ другихъ славянскихъ нарѣчій; въ Прагѣ получается значительное количество славянскихъ журналовъ, кромѣ австрійскихъ, также польскія, русскія, даже болгарскія изданія. Для театра есть переводы польскихъ и сербскихъ пьесъ, передѣлываются иногда русскія вещи. На двухъ или трехъ концертахъ, которые давали любители въ чешской «Бесѣдѣ» прошлую зиму, мнѣ пріятно было услышать русскую музыку Глинки, Варламова, Алябьева, хотя и съ переводнымъ чешскимъ текстомъ. Я долженъ прибавить, что я имѣлъ также удовольствіе нѣсколько разъ слышать одну изъ молодыхъ и талантливыхъ пражскихъ пѣвицъ, которая прекрасно

пѣли русскія и малорусскія пѣсни и романсы на ихъ подлинномъ языкѣ.... Между пражскими литераторами, особенно молодыми, знаніе славянскихъ нарѣчій довольно распространено; число переводчиковъ, напримѣръ, съ русскаго значительно велико, и нѣкоторые изъ нихъ прекрасно выполняютъ свое дѣло: назовемъ мастерскіе переводы Бендля изъ Пушкина, покойнаго Гавличка изъ Гоголя, Томичка изъ Тургенева, не упоминая о другихъ. Иные даже хорошо владѣютъ другими нарѣчіями; напр. почтенный библіотекарь Ганка безъ труда пишетъ по-русски, Риттерсбергъ владѣлъ польскимъ языкомъ, какъ роднымъ. Между пражской молодежью, никогда не бывавшей въ Россіи и мало видѣвшей русскихъ, я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ, очень порядочно говорившихъ по-русски. Самымъ любопытнымъ образомъ мнѣ случилось увѣриться въ панславистскомъ настроеніи молодежи на новый годъ. Вечеромъ я отправился сначала въ оффиціально признанную чешскую «Бесѣду», но тамъ явились только немногіе изъ обыкновенныхъ посѣтителей; было довольно мрачно и я часовъ въ одиннадцать отправился съ молодымъ пріятелемъ — чехомъ въ одинъ нѣсколько демократическій «гостинецъ» (ресторанъ, трактиръ), куда обыкновенно собирается обѣдать и ужинать небогатая штудирующая и другая молодежь. Мой пріятель обѣщалъ, что мы проведемъ тамъ время гораздо веселѣе. Дѣйствительно, мы еще издали заслышали чешскія пѣсни; въ большой, задымленной сигарами залѣ мы застали многочисленное общество, сидѣвшее за столами съ кружками пива, съ бутылками мельницкаго и жерносѣцкаго. Опять начались чешскія пѣсни, и пѣвцы цѣлой залы, полузнакомые или даже вовсе незнакомые другъ съ другомъ, составляли замѣчательно согласный хоръ. Пѣли «Noha vysoká». «Koukej» и другія веселыя чешскія пѣсни. «Слушайте, это хорватская», сказалъ мнѣ мой чичероне; затѣмъ слѣдовала моравская; онѣ были знакомы цѣлому хору. Явился для дополненія сцены и полицейскій наблюдатель австрійскихъ интересовъ, но присутствіе его не остановило праздника. Пропѣли польскую пѣсню, провозгласили «здравіе» Краледворской рукописи и Ганки и регеат Krava,—переводъ Kuh, фамилія редактора австрійской газеты въ Прагѣ, начавшей очень неприличную полемику противъ чешской литературы, о чемъ мы разскажемъ послѣ; затѣмъ слѣдовало громогласное: at'žije Palacky, имя пользующееся великимъ уваженіемъ; тосты принимались очень единодушно. Въ 12 часовъ встрѣтили новый годъ и запѣли: «hej Slované,» славянскую Марсельёзу; потомъ старую гусситскую пѣсню, объ національныя выраженіями чешскаго патріотизма. Эти искреннія увлеченія убѣждали меня, что апатія и усталость

не въ конецъ одолѣли чешское общество, что молодые его члены, на которыхъ оно должно надѣяться, не похожи на тѣхъ, кто предпочелъ зарыться въ книги или погрузиться въ окончательное бездѣйствіе. Незнакомые подходили ко мнѣ, какъ къ «руссу» и чокались со мной при патріотическихъ славянскихъ тостахъ: «at'žiju Slované,» было послѣднее шумное восклицаніе, когда я оставилъ наконецъ милое общество: оно еще продолжало веселиться. Австрійская полиція вѣроятно получила на другой день точный рефератъ о panslawistischen Umtrieben.

Эта часть администраціи довольно дѣятельна. Оффиціальное господство принципа grosses und einiges Oesterreich дѣлаетъ всякій мѣстный патріотизмъ подозрительнымъ, потому что онъ прямо противорѣчитъ этому началу, а понятно, что въ Австріи только и можетъ существовать мѣстный патріотизмъ: какимъ образомъ чистый славянинъ можетъ остаться вѣрнымъ оффиціальному началу, когда оно заставляетъ его любить не родину, а какое-то фантастическое отечество, гдѣ онъ все-таки чужой вездѣ, кромѣ своей настоящей родины; когда оно заставляетъ его считать дорогимъ соотечественникомъ нѣмца, который надѣляетъ его своей нетерпимой и безжизненной бюрократіей и угнетеніемъ; мадяра и итальянца, съ которыми онъ ничего общаго не имѣетъ. Поэтому внимательная полиція имѣетъ много дѣла и прилежно смотритъ за чешскими патріотами; если въ кофейнѣ собирается нѣсколько чешскихъ литераторовъ и молодежи, начинается между ними нѣсколько оживленный разговоръ, вы можете быть увѣрены, что гдѣ нибудь около уже присосѣдился незванный посѣтитель и слушаетъ. Этотъ способъ узнавать общественное настроеніе считаютъ болѣе удобнымъ, чѣмъ свободная цензура, державшаяся нѣсколько времени послѣ 48-го года. Нѣтъ ничего удивительнаго, что общественное мнѣніе, прошедшее черезъ такой проводникъ, получается въ совершенно искаженномъ видѣ, и власти, въ постоянномъ недоразумѣніи съ обществомъ, болѣе и болѣе возстановляются противъ чешскихъ патріотовъ. Если чехи боятся правительства, то и оно боится ихъ, кажется, не меньше; когда на чешскомъ театрѣ приготовлялись одинъ разъ живыя картины изъ чешской исторіи, то полиція сочла нужнымъ спрашивать позволенія въ Вѣнѣ. Въ январѣ нынѣшняго года умеръ графъ Вальдштейнъ, президентъ Чешскаго Музея: этотъ оффиціальный президентъ вовсе не былъ жаркимъ покровителемъ народности, но все-таки мы слышали, что изъ Вѣны запретили выбирать новаго (можетъ быть такого же?) главу Музея. Почему? неужели потому, какъ говорятъ, чтобы не дать случая къ многочисленному собранію чле-

новъ патріотическаго учрежденія? Господствовавшая система недовѣрія можетъ, безъ сомнѣнія принести для правительства болѣе горькіе плоды, чѣмъ либеральное управленіе, какого требовала бы справедливость въ отношеніи къ славянамъ, все-таки спасшимъ правительство въ тяжелое для него время. Въ слѣдствіе подозрительности австрійскаго правительства умала наконецъ и литература, политическія газеты, основавшіяся съ 48-го года, исчезли всѣ, кромѣ оффиціальныхъ, влачащихъ жалкое существованіе. Значительная кауція, которая требуется отъ политической газеты, стала въ рукахъ правительства самымъ лучшимъ средствомъ убить чешской публицизмъ; потому что литературный кругъ у чеховъ очень небогатъ. Цензура строга сколько только возможно; какъ извѣстно, цензура въ Австріи не превентивная, она судитъ книгу уже тогда, когда она отпечатана, и ея гнетъ становится оттого тѣмъ тяжелѣе. Превентивная цензура по крайней мѣрѣ избавляетъ автора отъ издержекъ изданія; въ Австріи изданіе, не подходящее подъ цензурныя правила, конфискуется и издатель терпитъ убытокъ необходимо. Понятно, какъ онъ долженъ быть остороженъ, какъ онъ будетъ бояться напечатать сколько нибудь смѣлое слово: никакой законъ не даетъ столько произвола въ руки судьи, какъ цензурный; отпечатанную букву онъ можетъ судить, какъ ему угодно, она не можетъ защищаться. Само собою разумѣется, что цензурѣ подвергаются и ввозимыя книги: намъ случалось видѣть и нѣкоторыя распоряженія касательно ввозимыхъ книгъ отъ вѣнской Oberste Polizei-Behörde; списки ея могли бы служить хорошимъ продолженіемъ старинныхъ индексовъ librorum prohibitorum. Въ новѣйшіе индексы входятъ и нѣмецкія книги, изданныя въ Германіи, и польскія, и даже нѣкоторыя русскія. Положеніе литературы въ слѣдствіе того довольно печально: стоитъ сравнить то, что пишется теперь, съ тѣмъ, что писалось напримѣръ въ 1850, не только 1848 году, чтобы оцѣнить вліяніе цензуры. Эта неестественная молчаливость нагоняетъ на литературу страшную скуку: ни одинъ важный вопросъ, занимающій въ душѣ всѣхъ образованныхъ славянъ, не можетъ быть разбираемъ печатно; ученые удаляются въ сухую археологію, занимаются чисто спеціальными, безразличными вопросами; легкая литература вертится на любовныхъ пѣсенкахъ и поэмкахъ, на невинныхъ повѣстяхъ. Нѣмцы, не любящіе чешскаго движенья и импонирующіе своей образованностью, не имѣютъ никакого права говорить теперь, что они даютъ чехамъ и славянамъ вообще mächtige deutsche Bildung, если только хотятъ быть справедливы: это образованіе останавливается на австрійской границѣ, которой давно уже не переступаетъ смѣлая нѣмецкая наука настоящаго

времени, наука, разбивающая старые предразсудки, авторитеть и идолы.

Со стороны нѣмцевъ, даже не правительственныхъ, до сихъ поръ продолжается таже вражда, которая прежде встрѣчала первые попытки чехизма. Событія сорокъ осьмаго года еще болѣе раздули непріязнь нѣмцевъ, когда они увидѣли нѣсколько побѣдъ славянскаго начала, когда увидѣли энергическое сопротивленіе чешской партіи участвовать въ общенѣмецкомъ сеймѣ; съ другой стороны на славянъ упало и обвиненіе, что они поддержали абсолютизмъ и дали средства для позднѣйшей реакціи.... Австрійскія и германскія газеты до сихъ поръ говорятъ о славянскихъ дѣлахъ съ волчьи: panslawistische Umtriebe не сходятъ у нихъ съ языка; признаемся, мы не понимаемъ хорошенько, чего боятся нѣмцы при нынѣшнемъ положеніи вопроса. На каждый панславистскій фактъ смотрятъ они черезъ стекло, увеличивающее въ десятеро; объ изданіи «Паруса» я прочиталъ напримѣръ слѣдующее извѣстіе въ Кёльнской газетѣ, въ которую писалъ ея корреспондентъ изъ Парижа: «одинъ мой пріятель, только что возвратившійся изъ Россіи, не можетъ наговориться о панславистскихъ стремленіяхъ въ Россіи. Никогда панслависты не были такъ дѣятельны, какъ именно теперь. Съ новаго года будетъ выходить въ Москвѣ новый панславистскій журналъ, подъ названіемъ «*Паруса*»; онъ долженъ заключать оригинальныя статьи на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (!). Въ древней столицѣ царей уже находятся редакторы съ береговъ Дуная, Дравы и Савы, и будутъ участвовать въ веденіи обширнаго предпріятія. Въ Германіи панславистская пропаганда, кажется, также дѣятельна (!); говорятъ объ основаніи типографіи въ Берлинѣ (!). Штудирующая молодежь построена очень панславистически,» и т. д.

Этого враждебнаго чувства нѣмцы и не думаютъ скрывать. Въ концѣ прошлаго года, передъ моимъ пріѣздомъ въ Прагу, между нѣмцами и чехами начался литературный споръ, въ которомъ нѣмецкіе журналисты съ замѣчательной наглостью выразили свои антиславянскіе взгляды. Мы разскажемъ главные факты этой полемики, возмутившей весь чешскій литературный міръ и всѣхъ образованныхъ людей въ Прагѣ, и хорошо опредѣляющей нынѣшнія чешскія отношенія. Споръ шелъ по поводу древнихъ памятниковъ чешской литературы. Я упоминалъ уже прежде, что замѣчательнѣйшій изъ нихъ по древности, «Любушинъ Судъ», своими чертами старины, неожиданными для тогдашнихъ ученыхъ, поднялъ сомнѣнія въ Добровскомъ, а литературная нетерпимость заставила сомнѣваться Коппитара, и вслѣдъ за этими громкими именами славянской науки явились и дру-

гіе скептики, считавшіе свои сомнѣнія за вершъ ученаго критицизма, въ родѣ того, какъ у насъ скептики двадцатыхъ годовъ сомнѣвались въ Несторѣ, не вѣрили въ существованіе Святослава и т. п. Въ послѣднее время извѣстный въ чешско-нѣмецкой литературѣ г. Ганушъ, издававшій въ прошломъ году неудачные «Критическіе Листки», нѣсколькими фразами тоже выразилъ мнѣніе, что наука не должна слишкомъ довѣряться древнимъ памятникамъ чешской литературы. Я сказалъ уже, что послѣ превосходнаго критическаго изданія Шафарика и Палацкаго подобныя сомнѣнія обнаруживаютъ уже не тонкость, а скорѣе тупость критической способности у тѣхъ, кто продолжаетъ стоять на скептической точкѣ зрѣнія. Въ концѣ прошлаго года эти новыя сомнѣнія подхвачены были нѣмецкой газетой въ Прагѣ «Tagesbote aus Boehmen», редакторъ которой д-ръ Кугъ (Kuh) не принадлежитъ къ числу людей, благосклонныхъ къ чешской народности. Въ «Тагесботѣ» появился цѣлый рядъ статей неизвѣстнаго автора подъ рѣшительнымъ заглавіемъ: Handschriftliche Lügen und palläographische Wahrheiten, т. е. статьи имѣли цѣлью высказать палеографическія истины о подложныхъ рукописяхъ, изъ которыхъ будто бы состоитъ древнѣйшая чешская литература. Въ Прагѣ приготовлялся въ то время праздникъ по поводу открытія памятника Радецкому; тамъ собрались всѣ высшіе члены правительства, которымъ можетъ быть вздумалось бы поинтересоваться чешской литературой, и въ это самое время (въ октябрѣ 1858) ловкій редакторъ «Тагесбота» предложилъ читателямъ своего журнала свое или чужое произведеніе, принятое съ великимъ удовольствіемъ нѣмецкими противниками чеховъ,—гдѣ чешская древность объявлена была безстыднымъ подлогомъ, знаменитыя имена чешскихъ ученыхъ поставлены рядомъ съ именами поддѣлывателей и обманщиковъ. Неизвѣстный авторъ заводитъ рѣчь отъ Дюпуаза, выдававшаго недавно свой топазъ за первый алмазъ въ мірѣ, отъ Макферсона, разсказываетъ новѣйшую литературную исторію, надѣлавшую шуму въ послѣдніе годы, о грекѣ Симонидѣ, поддѣлавшемъ или сочинившемъ цѣлый рядъ произведеній мимо древней греческой литературы,—все это для того, чтобы перейти потомъ къ Ганкѣ, какъ къ открытому уже поддѣлывателю чешскихъ памятниковъ, какъ извѣстной пранатери (Stammutter) неопредѣленнаго числа подлоговъ, появившихся съ 1817 года. Авторъ, по словамъ его, не боится поднимать дѣло уже порѣшенное, и вмѣстѣ съ двумятремя сомнительными и невѣрными памятниками осуждаетъ на погибель «Любушинъ Судъ» и «Краледворскую рукопись»: памятники эти конечно льстятъ національному чувству и это объясняетъ успѣхъ подлога; но строгая критика не удовлетворяется ими и по всѣмъ от-

пошеніямъ—палеографическому, историческому и литературному, должна наконецъ изобличить явную ложь. Авторъ съ стѣсненнымъ сердцемъ «поднимаетъ руку на пресловутыя сокровища, чтобы этой жертвой очистить духовную атмосферу чеховъ.» Движимый этимъ благороднымъ желаніемъ, онъ выступаетъ противъ Ганки, или вѣрнѣе противъ цѣлой школы, въ которой онъ называетъ также Палацкаго и Шафарика,—чтобы раскрыть публикѣ глаза на недостойный обманъ: эта школа, по словамъ его, завела правильную фабрикацію древнихъ рукописей, провозглашаетъ о нихъ на весь славянскій міръ и потомъ выгодно пользуется своимъ обманомъ.

Такова была сущность обвиненій, взведенныхъ неизвѣстнымъ авторомъ на чешскую древность и на Ганку. Чехи давно не видѣли подобной наглости въ своихъ противникахъ, увѣряющихъ, что они приносятъ къ славянамъ образованіе и гуманизмъ. Оскорбленіе нанесено было явно, именно въ то время, когда подобный скандалъ могъ всего болѣе занять общество: когда собрались въ Прагѣ люди, движущіе судьбами Австріи, имъ представляли движенье чешской народности, какъ плодъ интриги, которая должна быть наказана общественнымъ мнѣніемъ; первые люди чешской націи изображены, какъ шарлатаны и обманщики. Полемика дѣйствительно заинтересовала тѣхъ, на кого тутъ между прочимъ разсчитывали: министръ внутреннихъ дѣлъ г. Бахъ, при посѣщеніи Музея, обратилъ особенное вниманіе на памятники, о которыхъ шла рѣчь, и долго ихъ разсматривалъ.... Но дѣло выходило уже изъ границъ литературной полемики, и Ганка не нашелъ лучшаго средства отвѣчать на клевету, какъ предоставивши споръ на рѣшеніе—суду: онъ началъ литературный процессъ противъ редактора «Тагесбота», какъ противъ клеветника: процессъ, слѣдствія тянутся уже мѣсяца четыре,—можно ожидать, что правительство, пожалуй, оправдаетъ г. Куга. Но общество возмутилось фактомъ, и Палацкій, задѣтый косвенно, какъ одинъ изъ издателей «Любушина Суда», первый сильно и рѣзко отвѣчалъ «Тагесботу». Такъ какъ неизвѣстный рыцарь «безъ страха, но не безъ укора», выступалъ съ мнимо-учеными пріемами и старался доказать свои сомнѣнія, то нужно было очистить вопросъ и съ этой стороны, и Палацкій (въ нѣмецкой пражской газетѣ «Bohemia») коротко, но совершенно достаточно объяснилъ дѣло, доказавши въ тоже время и ученую неопытность непризваннаго скептика и недобросовѣстность его, свойственную литературному гамэну. Редакторъ «Тагесбота» сдѣлалъ въ своемъ журналѣ реплику на первую статью Палацкаго, упрекая ея автора за недостатокъ спокойнаго взгляда и за подозрѣніе и презрѣніе, которыя редакторъ думалъ найти противъ себя въ словахъ

чешскаго историка. Палацкій и не думалъ опровергать его упрековъ; изъ приводимыхъ нами словъ Палацкаго читатель увидитъ, какую роль даетъ онъ редактору и какой смыслъ для чешскаго общества имѣла эта археологическая полемика.

«... Г. Кугъ съ нѣкотораго времени все тѣснѣе и тѣснѣе пристаетъ къ извѣстной, не совсѣмъ «мирной» партіи, которая вторгается во всѣ органы общественнаго мнѣнія въ Германіи, и которая,—я не могу выразиться иначе,—сѣетъ національную ненависть: она безъ отдыху трудится надъ тѣмъ, чтобы грубую тему: «славянинъ отъ природы есть существо, которое только при помощи нѣмца можетъ сдѣлаться человѣкомъ»—заклеймить, какъ догматъ этнографіи, въ журналахъ, памфлетахъ и даже ученыхъ произведеніяхъ посредствомъ варіацій in infinitum. Можетъ ли эта партія признать какую нибудь Краледворскую рукопись, такъ громко и краснорѣчиво опровергающую ея ученіе? Поэтому пускаются въ ходъ всѣ хитрости софистики, чтобы отстранить этого свидѣтеля, приходящаго вовсе не кстати: насмѣшка, подозрѣніе, клевета,—все годится въ оружіе, и г. Кугъ безъ всякой церемоніи предлагаетъ себя въ истолкователи этой партіи. Безъ достаточнаго основанія, слова его отравляютъ и заподозриваютъ наши лучшія наслажденія, наши лучшія стремленія, и онъ еще недоволенъ, что мы не уважаемъ его за это. Онъ старается отнять у насъ наши драгоцѣннѣйшія сокровища и удивляется, что мы не смотримъ на него спокойно и равнодушно. Онъ представляетъ всѣхъ насъ вмѣстѣ, какъ обманщиковъ или обманутыхъ, и мы не должны этимъ оскорбляться! Онъ нападаетъ на наши священнѣйшіе интересы столько же дерзко, сколько чувствительно, а мы должны принимать его удары съ историческимъ спокойствіемъ и объективностью. Его пріятели и товарищи спѣшатъ прозвонить съ кликами побѣды объ его изреченіяхъ и подвигахъ (см. Allgem. Zeit. 3 ноября); а мы, мы должны съ кротостью агнца терпѣть и молчать... Я заключу мои слова замѣчаніемъ, что болѣе уже не буду принимать никакого участія въ дальнѣйшемъ спорѣ объ этомъ дѣлѣ. Противникамъ моимъ позволяется поступать со мной за это по ихъ усмотрѣнію. Благосклонные читатели, я надѣюсь, согласятся со мной, что я долженъ дѣлать нѣчто лучшее, чѣмъ еще далѣе втягиваться въ драму, въ которой calumniare audacter играетъ такую значительную роль.»

Палацкій въ своихъ статьяхъ коснулся историческаго значенія памятниковъ и объяснилъ, какъ позднѣйшія изслѣдованія подтверждали данныя, представляемыя спорными рукописями; онъ указываетъ absurdum, въ который впадаетъ невѣжественный обвинитель, пред-

полагая въ мнимомъ поддѣлывателѣ знанія славянской древности, языка и исторіи, совершенно невозможныя въ то время, когда славянская филологія дѣлала свои первые опыты; и чуть не сравнили тотъ великій поэтическій геній, который такъ чудно угадывалъ древность и могъ создать такія дивныя произведенія, какъ пѣснь Краледворской рукописи? Въ сущности скептицизмъ не стоитъ опроверженій, но чешскіе ученые, какъ видитъ читатель, имѣли дѣло съ весьма злонамѣренными судьями, и они снова объяснили памятники, приложивши къ нимъ результатъ современнаго положенія науки. Профессоръ Станекъ произвелъ новыя химическія изслѣдованія надъ рукописью «Любушина Суда»; профессоръ Гатталы, въ Prager Zeitung и въ «Часописѣ» Чешскаго Музея весьма удачно объяснилъ филологическія особенности памятника; докторъ Германштальдъ Иречекъ напечаталъ въ «Свѣтозорѣ» очень любопытное изслѣдованіе объ исторической и юридической сторонѣ «Любушина Суда». Краледворская рукопись почти не упоминалась при этомъ: она уже много разъ была объяснена совершенно удовлетворительно, и сомнѣнія неизвѣстнаго памфлетиста обнаруживали только или его невѣжество или недобросовѣстность. Наконецъ очень недурныя статьи написаны были въ защиту «Любушина Суда» въ Oesterreichisches Morgenblatt: здѣсь объяснена была поэтическая сторона произведенія, потому что и въ ней скептикъ «Тагесбота» находилъ много подозрительнаго, между прочимъ за знаменитую фразу — «не хвалью намъ въ нѣмцахъ искать правду....» Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ не только опровергнуты всѣ сомнѣнія, какія только могъ выставить недоброжелательный взглядъ неизвѣстнаго чехофда (Czechenfresser, названіе, которое чехи даютъ подобнымъ господамъ), но представлено также нѣсколько новыхъ любопытныхъ объясненій памятника, напр. въ статьяхъ Гатталы и Иречка.

Въ своей послѣдней, пятой, статьѣ «Тагесботъ» спеціальнѣе обращается къ Ганкѣ; хотя авторъ рѣдко называетъ его, но какъ человѣкъ, нашедшій Краледворскую рукопись, онъ стоитъ одинъ, какъ прямая цѣль его нападеній. Сказавши, что чешская «школа писанія» (Schreibschule) — подразумѣвается поддѣлываніе старыхъ памятниковъ, — процвѣтала въ девятнадцатомъ столѣтіи, авторъ продолжаетъ: «Процвѣтала? Конечно; потому что, для того, чтобы не счесть слишкомъ смѣлымъ мнѣніе о ея новѣйшей *цвѣтущей* эпохѣ, надобно знать, что между 1820—40 годами, кромѣ указанныхъ выше памятниковъ, она создала столько *старо*-чешскихъ рукописей, что могла производить ими формальную вывозную торговлю съ одной сѣверной столицей, особенно интересующейся библіотечными ма-

[illegible]..... (*) Публика не замѣчала этого давнишняго вывоза старо-чешскихъ рукописей на сѣверо-востокъ, — вывоза, который старо-чешская школа вела безъ всякаго шума, вѣроятно для того, чтобы изъ скромности не подать вида, что она хвастливо хочетъ обратить вниманіе свѣта на свои труды и заслуги: гдѣ дѣло хвалитъ мастера, сами мастеръ не имѣетъ нужды заботиться о похвалахъ.... Нѣтъ сомнѣнія, что старо-чешская школа организовала свою дѣятельность самымъ обширнымъ образомъ и стремительно развила свою производительность. Кто между всѣми нами, не посвященными въ школу, можетъ проникнуть въ тайны этой производительности? Кто можетъ съ точностью означить границы, гдѣ прекращается система ея обмановъ? Кто можетъ опредѣлить цифру ея литературныхъ поддѣлокъ? Кто можетъ поручиться за то, что сказанная школа не состоитъ ко всѣмъ съ 1817 г. появившимся *старо*-чешскимъ рукописямъ въ отношеніи общей, хотя и безъименной праматери? Да, мы должны открыто — хотя съ стѣсненнымъ сердцемъ—высказать это здѣсь: Краледворское *сопровище* не только не стоитъ внѣ этихъ подозрѣній, которыя даетъ намъ, даже налагаетъ на насъ, аналогія прежнихъ примѣровъ; мы должны, хотя и неохотно, но тѣмъ не менѣе рѣшительно высказать: могущество этой аналогіи поколебало въ нашихъ глазахъ честь Краледворской рукописи....» Авторъ дошелъ въ этихъ словахъ до послѣдняго нелѣпаго вывода изъ своей теоріи и на немъ мы остановимся въ нашемъ переводѣ. Изъ горячихъ словъ Палацкаго, приведенныхъ нами выше, читатель увидитъ, до какой степени оскорбительно было все это для чешскаго патріотизма: надобно припомнить вѣчную вражду нѣмцевъ, трудное положеніе чешскаго общества, лишеннаго свободнаго голоса, униженіе національности, чтобы понять, почему обвиненія литературнаго гамэна, которыя можно было бы въ другое время оставить безъ вниманія, такъ тяжело отозвались въ сердцѣ чешскихъ патріотовъ. Они знали, что словами этого скептика говоритъ цѣлая партія людей, не соглашающихся признать въ чехѣ, какъ чехѣ, даже обыкновеннаго человѣческаго достоинства; подобные люди, если бы представился случай, стали бы и въ другой, болѣе важной сферѣ дѣйствовать противъ чеховъ съ той же терпимостью и добросовѣстностью. Чтобы покончить съ этими обвиненіями, мы осмѣливаемся, если еще не поздно, пригласить къ окончательному объ-

(*) Примѣч. Тагесбота: «Извѣстно, что императорская библіотека въ Петербургѣ по литературнымъ драгоцѣнностямъ или цимеліямъ есть самое богатое собраніе въ свѣтѣ.»

ясненію дѣла и тѣхъ, кого въ Петербургѣ касаются слова «Тагесбота» о торговыхъ старо-чешскими рукописями: пусть будетъ передана на судъ общественнаго мнѣнія истина дѣла, навлекшаго столько несправедливостей на мирные патріотическіе труды чешскихъ ученыхъ.

Мы перейдемъ теперь къ болѣе веселымъ подробностямъ, завлекшимъ въ послѣднее время исторію этой полемики. Когда ученые исполнили главное, до очевидности объяснили достоинство своихъ древнихъ памятниковъ, явилась на сцену шутка, чтобы окончательно наказать непризваннаго скептика. Редакторы Куга, за безъименностью автора, принимаемъ былъ вообще за сочинителя статей «Тагесбота»: студенты, встрѣчая новый годъ, прокричали ему: «pereat Krava»; другіе припомнили еврейское происхожденіе автора,— пражскіе евреи не пользуются особенной любовью чеховъ, потому что замѣчено, что изъ обнѣмеченныхъ евреевъ выходятъ самые ревностные чехоѣды, — и всѣ обстоятельства сперва дали поводъ къ разнымъ выходкамъ противъ неизвѣстнаго рыцаря, иногда очень забавнымъ. Противъ Куга спеціально вооружился юмористическій журналъ «Рюбецаль», родъ пражскаго Кладдерадача; онъ тогда только что началъ выходить, и въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ помѣстилъ слѣдующее извѣстіе объ отличіи, данномъ неизвѣстному писателю:

«Нюренбергскій музей (извѣстный музей съ нѣмецкими древностями) рѣшилъ поставить прочный памятникъ уже совершившемуся факту открытія подложности Краледворской рукописи. «Тагесботъ» за 1858 годъ будетъ тамъ поставленъ въ драгоцѣнномъ переплетѣ изъ свиной кожи, и въ залѣ библіотеки повѣсятъ будетъ портретъ въ настоящую величину побѣдоноснаго опровергателя рукописи, между Моисеемъ Мендельсономъ и Бенъ-Маймонидесомъ. Какъ говорятъ, въ Прагу уже отправился живописецъ Больцъ, по другимъ извѣстіямъ Эберль, чтобы снять съ натуры портретъ сочинителя извѣстныхъ статей въ «Тагесботѣ».

Черезъ нѣсколько строкъ другаго содержанія стоитъ слѣдующій avis:

«Мы рисуемъ не только картины съ животными, коровъ (Kühe) и т. д.» Больцъ и Эберль, Thiermaler.

Тотъ же листокъ извѣщалъ потомъ, что извѣстная газета предлагаетъ, чтобы на фонтанѣ въ Краледворѣ, гдѣ поставлена была нѣсколько лѣтъ тому назадъ статуя Забоя (чешскаго героя, упоминаемаго въ Краледворской рукописи), помѣстить другое изображеніе, потому что Забой уже уничтоженъ вмѣстѣ съ Краледворской руко-

письмо; Забой могъ бы замѣтить напримѣръ Іуда Маккавей, Моисей Монтефіоре или другая подобная знаменитость. Въ слѣдующихъ нумерахъ «Рѣбецаль» продолжаетъ опять туже матерію и объявляетъ, что экредакторъ «Критическихъ Листковъ» г. Ганушъ,— какъ мы замѣтили, старавшійся прежде навлечь подозрѣніе на чешскіе памятники, и вслѣдствіе того навлекшій нѣкоторыя подозрѣнія на самаго себя,—во вниманіе своихъ неутомимыхъ трудовъ, назначается «почетнымъ» сотрудникомъ «Тагесбота»; ему дается «почетное» сотрудничество потому между прочимъ, что его собственная журнальная дѣятельность кончилась только убыткомъ издателя.... На конецъ, чтобы уничтожить дурное впечатлѣніе всей этой исторіи, чехи вздумали устроить патріотическое представленіе въ театрѣ, которое бы имѣло связь съ ихъ древностью. Положено было приготовить живыя картины изъ одной поэмы Краледворской рукописи: полиція сомнѣвалась дать позволеніе, потому что думала видѣть въ этомъ *демонстрацію* противъ нѣмцевъ, но изъ Вѣны позволеніе было дано и 12-го декабря данъ былъ спектакль, въ которомъ были устроены живыя картины изъ «Ярослава». Театръ ломился отъ множества зрителей; спектакль былъ въ высшей степени занимателенъ; живыя картины, проэктированныя чешскими художниками, удались превосходно. Одинъ изъ лучшихъ актеровъ чешскаго театра, г. Коларъ старшій, упомянутый нами прежде, какъ драматическій писатель и романистъ, явился на сценѣ въ костюмѣ древняго пѣвца и декламировалъ одну изъ прекрасныхъ поэмъ Краледворской рукописи, разсказывающую о побѣдѣ надъ татарами. Это рецитированіе прерывалось три раза живыми картинами, которыя чрезвычайно эффектно выполняли разныя сцены, описанныя въ поэмѣ. Первая сцена изображала гибель монгольской княжны Кублаевны съ ея свитой; на второй представлены были утомленные боемъ и отдыхающіе чешскіе воины; на третьей пораженіе татаръ у Оломуца. Картины были обдуманы и выполнены съ большимъ искусствомъ; вся публика была въ единодушномъ восторгѣ: ей дорого было одно изъ немногихъ національныхъ удовольствій, какія еще уцѣлѣли для нея.

Такимъ образомъ споръ приходилъ къ разрѣшенію; неизвѣстный авторъ статьи скрывался отъ насмѣшекъ и презрѣнья и уже не подавалъ голоса въ «Тагесботѣ». Только изрѣдка появлялись въ Кёльнской газетѣ корреспонденціи изъ Праги, весьма нелюбезно относившіяся къ этому вопросу и чехамъ, и повторявшія старую клевету. Когда нельзя было доказать, что Ганка сочинилъ Краледворскую рукопись, корреспондентъ утверждалъ, что покрайней мѣрѣ не ему

принадлежитъ открытіе ея. Отъ 20-го декабря въ Кёльнской газетѣ слѣдующимъ образомъ писали о положеніи дѣла: «Г. Ганка, первый издатель Краледворской рукописи, которому до сихъ поръ несправедливо приписываютъ ея открытіе, подалъ жалобу на г. Куга, редактора того журнала, гдѣ недавно подняты были сомнѣнія въ подлинности этого и другихъ пергаментовъ, — жалобу, какъ противъ клеветника. Въ журналѣ именно указанъ былъ фактъ, конечно странный въ подобномъ случаѣ, что уже нѣсколько времени велся изъ Праги съ извѣстной сѣверной столицей формальный запросный торгъ старо-чешскими рукописями; хотя бы даже рукописи были и подлинны, обстоятельство это показываетъ болѣе меркантильныя, чѣмъ патріотическія стремленія; но при странно большомъ количествѣ превращенныхъ въ деньги отечественныхъ сокровищъ, можетъ по крайней мѣрѣ явиться подозрѣніе, подлинны ли они. Теперь г. Ганка, этотъ торговецъ рукописями, вознагражденный разными русскими украшеніями, увидѣлъ въ этомъ оскорбительное заподозрѣніе своей личности, какъ будто бы онъ былъ обвиненъ, и отсюда одна жалоба. Но другія лица думали еще, что сомнѣніе въ подлинности Краледворской рукописи *и проч.* есть позоръ для чешскаго народа и возбужденіе національностей, чешской и нѣмецкой, другъ противъ друга, и такъ какъ это отмѣчено закономъ, какъ преступленіе, то они хотѣли призвать правосудіе государства противъ г. Куга, и потому вторая жалоба. Слѣдовательно г. Кугъ долженъ будетъ выдержать два уголовные процесса, изъ которыхъ второй, сколько мы знаемъ по крайней мѣрѣ, будетъ въ то же время первымъ въ своемъ родѣ въ Австріи. Уже идетъ слѣдствіе, которое занимается предварительно тѣмъ, чтобы констатировать на мѣстѣ фактъ находки, произведенной въ Краледворѣ». Корреспондентъ продолжаетъ гововорить, что защита памятниковъ чешскими учеными предпринята, къ сожалѣнію, не для того, чтобы привести къ научному рѣшенію вопроса, а только чтобы обвинить скептика въ crimen majestatis. Мы говорили, что напротивъ, полемика имѣла единственную пользу въ томъ, что чешскіе ученые дали нѣсколько новыхъ изслѣдованій съ дѣйствительнымъ ученымъ интересомъ. Наконецъ, уже послѣ моего отъѣзда изъ Праги, разрѣшилось и давнишнее недоумѣніе о первомъ появленіи «Любушина Суда», недоумѣніе, бывшее одной изъ главныхъ причинъ недовѣрія, съ которымъ встрѣтили этотъ памятникъ славянскіе ученые, Добровскій, Копитаръ, Палковичъ. Я упоминалъ уже, что рукопись «Любушина Суда» прислана была въ 1818 г. въ Чешскій Музей, или лучше сказать на имя гр. Коловрата для Музея, при безъименномъ письмѣ: неизвѣстный корреспондентъ боялся спа-

зать свое имя, потому что зависѣлъ отъ человѣка, вовсе не любившаго чешской народности, но въ тоже время желалъ сохранить древній чешскій памятникъ, содержанія котораго онъ впрочемъ не умѣлъ понять. Обстоятельство очень вѣроятное, но тогда оно показалось подозрительнымъ; Добровскій не хотѣлъ слышать о «Любушиномъ Судѣ» и рукопись нѣсколько времени оставалась какъ будто забытою. Изданіе Шафарика и Палацкаго должно было открыть глаза всѣмъ сомнѣвавшимся, и Коппитаръ не рѣшался нападать на памятникъ, комментированный знаменитыми учеными. О лицѣ неизвѣстнаго корреспондента дѣлали разныя предположенія, даже называли его иногда, но безъ положительныхъ основаній. Въ февралѣ нынѣшняго года профессоръ пражскаго университета Томекъ, управляющій дѣлами Чешскаго Музея, получилъ отъ одного деревенскаго священника, недалеко отъ Зеленой-Горы и Стяглава, подробную исторію этой находки. Священникъ, человѣкъ мало знакомый съ литературой, считалъ эту исторію давно извѣстною и теперь только узналъ, что о происхожденіи рукописи идутъ споры и ничего хорошенько неизвѣстно. Онъ разсказываетъ, совершенно согласно съ приведенными выше обстоятельствами, что рукопись найдена была въ одномъ зеленогорскомъ подвалѣ нѣкимъ Іосифомъ Коваржемъ, умершимъ уже казначеемъ или управителемъ князя Іеронима Коллоредо-Мансфельдта. Коваржъ показывалъ рукопись, въ которой самъ ничего не понималъ, знакомымъ ученымъ людямъ и узналъ отъ нихъ, что это можетъ быть интересно для Музея; онъ боялся однако сдѣлать публично подобную посылку, потому что его патронъ чеховъ не любилъ, и отправилъ ее съ безъименнымъ письмомъ. Старый Коваржъ уже умеръ, но до сихъ поръ живъ одинъ каплянъ, читавшій рукопись еще тогда, когда она была только что найдена. Таковы факты этой простой и совершенно вѣроятной исторіи. Нѣмецкія газеты, конечно, по внушеніямъ пражскихъ доброхотовъ, сомнѣвались и здѣсь, но мысль о подлогѣ становится уже комична и можетъ явиться только въ упрямой головѣ: всѣ эти люди, среди которыхъ явилась рукопись въ 1817 г., не умѣли даже хорошенько разобрать манускрипта (*). Теперь въ высшей степени интересно, какимъ образомъ по-

(*) Мы уже упоминали, какъ относятся къ тому предмету *Allgemeine* и *Kölnische Zeitung*, двѣ изъ газетъ, наиболѣе распространенныхъ въ Германіи. Въ послѣднее время, до костей австрійскій нѣмецъ, историкъ Бюдингеръ напечаталъ въ «Историческомъ журналѣ» Зибеля, въ Мюнхенѣ, статью въ тонѣ Куга, подъ заглавіемъ: *Die Königinhöfer Handschrift und ihre Schwestern* (Крал. рукопись и ея сестры). Неужели и такіе люди, какъ знаменитый Зибель, вѣрятъ

чтенный пражскій судъ разрѣшитъ процессъ объ этомъ дѣлѣ, столько важномъ для новаго движенья чешской литературы: уступитъ ли онъ общественному мнѣнію чеховъ или оправдаетъ человѣка, такъ оскорбительно поступившаго съ лучшими именами чешской націи?

Читатель оцѣнитъ теперь тѣ международныя отношенія, при которыхъ существуетъ новѣйшая чешская литература. Кромѣ непріязненныхъ встрѣчъ въ родѣ вышеописанной, эти отношенія произвели въ чешскомъ литературномъ мірѣ, какъ и во всей общественной жизни, своеобразное раздвоеніе: образованный чехъ, даже образованный нѣмецъ, находитъ у себя двѣ нравственныя родины; по своему воспитанію онъ признаетъ въ себѣ присутствіе нѣмецкаго элемента, происхожденіе и патріотизмъ дѣлаютъ его исключительнымъ чехомъ. Мы нерѣдко встрѣчаемся съ чехами, какъ съ нѣмецкими писателями, и съ нѣмцами, потерявшими обыкновенную нѣмецкую нетерпимость и проникнутыми истинно чешскимъ патріотизмомъ. Примѣръ послѣдняго мы видѣли прежде въ графѣ Лео Тунѣ, въ прежнія времена ревностномъ защитникѣ чешскаго развитія; назовемъ нѣсколько подобныхъ дѣятелей изъ новѣйшаго времени. Чехъ Герлошъ (Herlossohn) весь вѣкъ писалъ нѣмецкіе романы изъ чешской исторіи и подъ конецъ жизни жалѣлъ, что не сдѣлался чешскимъ писателемъ; Фердинандъ Миковецъ, прекрасный чешскій драматургъ и журналистъ, извѣстенъ и своими нѣмецкими сочиненіями; Зигфридъ Капперъ, написавшій нѣмецкую эпопею о князѣ Лазарѣ, сдѣлавшій недавно прекрасный, можетъ быть, лучшій нѣмецкій переводъ «Любушина Суда» (*), есть въ тоже время чешскій лирикъ; нѣмецкій писатель Венцигъ всю свою дѣятельность посвятилъ однако чешской литературѣ, съ которой до сихъ поръ продолжаетъ знакомить нѣмцевъ своими переводами; самъ Палацкій началъ писать свою исторію по-нѣмецки; въ послѣднее время Шафарикъ, кажется, исключительно выбралъ нѣмецкій языкъ для своихъ сочиненій. Наконецъ для скольких людей эта встрѣча двухъ національностей кончается совершеннымъ забвеніемъ своей чешской народности; у многихъ очень трудно въ точности опредѣлить, къ какой изъ двухъ народностей они принадлежатъ. Этотъ вопросъ о чешской національности

наглой клеветѣ? Читатель можетъ видѣть, какъ далеко идетъ нѣмецкая нетерпимость. Мнѣ пишутъ изъ Праги, что профессоръ Томекъ въ особенной книгѣ изложитъ исторію этого спора съ надлежащими объясненіями. Чешскія газеты уже отвѣчали, какъ слѣдуетъ, Бюдингеру.

(*) Если не ошибаемся, онъ уже передалъ этотъ замѣчательный переводъ въ руки г. Ганки, который безъ сомнѣнія скоро издастъ его въ свѣтъ.

превращается иногда въ трагическую дилемму, и съ этой стороны онъ нашелъ себѣ прекрасное выраженіе у одного изъ талантливѣйшихъ нѣмецко-чешскихъ поэтовъ настоящаго времени, Альфреда Мейснера: его «Жижка» (*) представляетъ поэтичную апотеозу одной изъ величавыхъ эпохъ чешской исторіи и очень любопытенъ съ другой стороны для опредѣленія отношеній современнаго чехизма. Оригинальная муза Мейснера у насъ малоизвѣстна, и я позволю себя привести въ переводѣ нѣсколько строфъ изъ его заключительной пѣсни, гдѣ онъ отъ драматическихъ временъ Жижки обращается къ современной Чехіи и съ печалью смотритъ на ея упадокъ и угнетеніе. Поэтъ кончилъ свои пѣсни, и когда оглянулся на нынѣшнюю Чехію, ему показалось, что онъ стоитъ у смертнаго одра великаго народа.

«Да, великаго народа! Ты, чужая кровь, ты конечно не можешь прочесть въ пѣсняхъ, какъ великъ былъ этотъ народъ въ старое время, какъ кротокъ, какъ мученически святъ былъ онъ въ своей смерти. Никакое сердце поэта не имѣетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы показать, какъ ты страдалъ; какъ въ то время, когда весь міръ кругомъ лежалъ въ дремотѣ, ты, великодушная Чехія, боролась за свѣтъ. Это знаетъ только тотъ, чья родина эта нива, кто рано ступалъ по этой святой почвѣ, и сердце влечетъ его еще разъ принести въ пѣснѣ свою мольбу предъ алтаремъ славной старины.

«Здѣсь былъ первый очагъ священнаго огня, здѣсь стоялъ ковчегъ перваго свѣта; на кострѣ, погубившемъ Гуса, Лютеръ и Гуттенъ зажгли свои факелы; слово, которое еще и нынѣ движетъ міромъ и останется на всѣ времена лозунгомъ свободы, здѣсь было въ первый разъ сказано, въ первый разъ услышано, вызвало народъ къ небывалому бою. И хотя то слово даже въ этой странѣ погибло въ горестной, не имѣющей себѣ подобныхъ битвѣ, но предчувствіе свободы не ушло съ нимъ въ могилу; оно продолжаетъ бороться подъ другимъ знаменемъ и теперь».

Такъ понимаетъ онъ чешское возрожденье и переноситъ на него всѣ симпатіи, которые пробудила въ немъ славная пора чешской исторіи, но настоящее пугаетъ его. Страна, нѣкогда столь одушевленная, наполненная благороднымъ человѣчественнымъ движеніемъ, теперь нѣма и уныла; страна Гуса наполнена суевѣріями и попами, родина Жижки отдана угнетенью и нуждѣ, вмѣсто звуковъ ору-

(*) *Ziska, Gesänge von Alfred Meissner. 7-te Aufl. Leipzig* 1856.

жія могильная тишина, вмѣсто полной жизни окостенѣвшая смерть Печальную картину онъ заключаетъ сильными словами:

Wo einst die Taboritenschlacht gewettert
Für's Recht der Armen, geht der Robotpflug,
Hoch in den Lüften eine Lerche schmettert,
Dass Alles gut sei — Herr, des Hohn's genug!

«Богатый радостями и печалями,—продолжаетъ поэтъ,—я шелъ черезъ прекрасную страну, защищенную лѣсами и горами, и подслушивалъ въ мимо-умершемъ біенье сердца, я прикладывалъ руку къ каждому куску земли. Еще бьется кровь глубоко въ сердцѣ, источники жизни совершаютъ свой бѣгъ. Часто, сквозь сонъ, съ невыразимой печалью взглядываетъ страна на синее небо. Но удастся ли спасти это сердце? Встанетъ ли больной твердо для новаго свѣта? Теперь онъ двигается безпокойно на своемъ ложѣ; подойдетъ ли къ нему его спаситель? Я не знаю.

«Но я знаю, придетъ еще день, когда эта страна поднимется на борьбу, на послѣднюю борьбу; когда она, чтобы разорвать околдованныя сѣти, еще разъ впуститъ когти въ тѣло брата; день битвы, какъ чаша до краевъ переполненный печалью и страданьемъ, день, когда битва должна рѣшить, долженъ ли наконецъ побѣдить нѣмецъ или чехъ. Но я не хочу знать, какъ разрѣшится этотъ кровавый день: я радуюсь, что тогда уже долго мой холодный трупъ будетъ лежать въ холодной землѣ.

«Свободный пѣвецъ, отпрыскъ нѣмецкой крови, но вѣрный родинѣ въ ея страданіяхъ, всегда стоявшій союзникомъ слабѣйшаго, какъ сталъ бы онъ тогда въ войско сильнаго? Онъ всегда вѣрно сражался за народность; справедливость была его лозунгомъ,—могъ ли бы онъ, перебѣжавши въ толпу притѣснителей, стоять за неправое дѣло и заблужденья нашего времени? Онъ долженъ былъ бы обратить мечъ на собственную грудь, собственною смертью искоренія раздоръ, когда бы онъ увидѣлъ передъ собой жертву съ воздѣтыми руками, братьевъ здѣсь, и братьевъ тамъ....»

Поэтъ—нѣмецъ; но, какъ читатель видитъ, онъ горячо любитъ свою чешскую родину, въ сердцѣ его борятся два начала, которымъ принадлежитъ онъ одинаково и которыя не могутъ примириться, и самое тяжелое въ его чувствѣ есть его грустное сомнѣніе въ томъ, поднимется ли къ новой полной жизни чешская народность, любимая имъ, какъ богатое преданье, какъ народность его угнетенной родины, какъ предчувствіе и стремленіе къ свободѣ. Его сомнѣнье идетъ не

отъ холоднаго, безучастнаго скептицизма, а изъ печальнаго опыта, который до сихъ поръ убѣждалъ его въ несоединимости двухъ враждебныхъ началъ, — и тѣмъ тяжеле ложится на душу это сомнѣнье. Мейснеръ представляетъ небольшую часть образованныхъ нѣмцевъ, которая исполняетъ требованія справедливости въ отношеніи къ чехамъ и даже симпатизируетъ ихъ стремленіямъ, понимая ихъ благородный характеръ; онъ былъ поэтомъ тѣхъ, которые въ 48-мъ году открыто стали на сторону чеховъ, чье правдивое чувство возмущалось сначала угнетеньемъ, потомъ предательствомъ. Но увы! такихъ людей еще немного.

Еще болѣе тяжелый камень преткновенія, чѣмъ національная нетерпимость нѣмцевъ, составляетъ для чеховъ бюрократическая и абсолютная реакція, изъ которой удобно объясняется довольно мрачная апатія чешской литературы послѣ 48-го года. Но въ тоже время нельзя не согласиться, что нынѣшнее молодое поколѣніе до сихъ поръ не выставило ни одного сильнаго таланта. Вспышка чешской національности привела цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей, которые на своихъ плечахъ вынесли ея дѣло: но теперь не видно людей, которые бы съ той же энергіей продолжали трудъ, начатый Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкой и другими. Не ограничится ли дѣло одной вспышкой, спрашиваютъ скептическіе наблюдатели чешской литературы; не обнаружится ли и здѣсь извѣстный недостатокъ гражданской стойкости, отличающей славянское племя? Но прежде всего намъ кажется неестественнымъ, чтобы такое живое начало, какъ начало чешскаго движенья, могло опять заглохнуть,—это была бы историческая безсмыслица: если оно удержалось тогда, когда у него не было почти никакихъ посторонніихъ связей, то много вѣроятности, что въ настоящее время оно должно еще болѣе окрѣпнуть, когда открывается перспектива болѣе дѣятельной литературной взаимности. Появленіе сильныхъ талантовъ есть дѣло случая, и если чешская литература, кромѣ прежнихъ, не имѣетъ новыхъ дѣятелей первостепенной силы, то взамѣнъ того въ ней гораздо выше прежняго стоитъ общій уровень образованія въ національномъ смыслѣ. Общество можетъ насчитать много горячихъ патріотовъ, «народовцевъ» по выраженію чисто-чешскому, представляющему смыслъ патріотизма именно національнаго; эта любовь къ народности и при небольшихъ средствахъ способна сдѣлать большіе успѣхи. Обезпечивши свое существованіе, литература приняла теперь въ отношеніи къ народу характеръ воспитателя, и въ этомъ направленіи она уже могла бы дѣйствовать очень положительно, если бы австрійская ценсура не заставляла ее безпрестанно оглядываться. Послѣ 48-го года, отстранившаго это препятствіе, у чеховъ вдругъ явилось прекрае-

ное развивающее чтеніе для народа: дѣятельность Гавличка, распространявшаго въ своемъ народѣ здравыя политическія и общественныя понятія, имѣла большое и существенное достоинство. Между многими другими, назовемъ также Лудвига Риттерсберга, который, въ 1850 году, одинъ началъ издавать замѣчательный конверсаціонный словарь преимущественно политическаго содержанія: онъ прекрасно знакомилъ массу съ европейскими и славянскими событіями и людьми современной исторіи; но либеральное направленіе было причиной, что и этотъ словарь, дошедши до половины, былъ запрещенъ. И теперь чешскіе ученые, хотя насильственно удаленные отъ общественныхъ вопросовъ, постоянно трудятся для двухъ главныхъ задачъ — изслѣдованія своей національности и усвоенія чешской литературѣ результатовъ науки, издаютъ чешскіе учебники и популярныя книги; напр. для естественныхъ наукъ чехи имѣютъ прекрасные труды проф. Пуркинье, Крейчаго, Станка, Кодима и др. Недавно, къ этимъ почтеннымъ именамъ присоединился молодой чешскій ученый, Войтехъ Шафарикъ, сынъ знаменитаго славяниста, издавшій замѣчательное, какъ мы слышали, изложеніе химіи на чешскомъ языкѣ. Упомянемъ здѣсь и объ одномъ приготовляемомъ трудѣ, въ которомъ принимаютъ участіе многіе изъ чешскихъ писателей и который безъ сомнѣнія будетъ очень интересенъ и для русскихъ ученыхъ, по славянской части; это изданіе довольно обширнаго чешскаго конверсаціоннаго словаря, гдѣ славянскіе предметы будутъ занимать важное мѣсто; имя редактора, г. Ладислава Ригера обѣщаетъ трудъ несомнѣнной важности.

Чешская литература народна и въ томъ смыслѣ, что многіе лучшіе люди ея вышли и выходятъ изъ самаго народа, изъ той свѣжей части націи, которая осталась наиболѣе вѣрна языку и преданьямъ: изъ нея вышли Колларъ, Юнгманъ, Челяковскій, Шафарикъ, Ганка и много другихъ защитниковъ народности. Пріобрѣтая себѣ болѣе и болѣе кліентовъ въ народѣ, литература исполняетъ одно изъ благороднѣйшихъ своихъ назначеній; но имѣя дѣло съ народомъ, она не владѣетъ большими матеріальными средствами и это не мало вредитъ ея успѣхамъ. Масса читателей, которая представляется ей, невелика, и литература въ слѣдствіе того принимаетъ отчасти миньятюрные размѣры. Книги и журналы очень дешевы, чтобы быть доступными самому небогатому покупателю; напр. «Часописъ» Чешскаго Музея стоитъ только два гульдена, т. е. меньше полутора рублей; «Люмиръ», лучшій беллетристическій журналъ чешскій, стоитъ около четырехъ руб. и то съ преміей, которая одна стоитъ два гульдена. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень невеликъ и литературный гонорарій: въ «Часописѣ» онъ доходитъ до двадцати гульденовъ, цифры уже значи-

тельной. Вотъ еще примѣръ изъ экономической стороны чешской литературы, который былъ для меня очень занимателенъ. Въ декабрѣ прошлаго года чешскія газеты объявляли, что молодые граждане города Писка отдали въ редакцію журнала «Путникъ отъ Отавы» тридцать златыхъ (гульденовъ), чтобы они были выданы тому, кто напишетъ для этого журнала лучшую повѣсть изъ исторіи города Писка или по крайней мѣрѣ того края: повѣсть не должна быть болѣе трехъ, но не менѣе двухъ печатныхъ листовъ «Путника» и кромѣ того должна быть прислана въ редакцію *франко*. Чешскіе литераторы вообще очень не богаты, потому что литературная и педагогическая дѣятельность, которыя они обыкновенно соединяютъ, принадлежатъ къ числу наименѣе выгодныхъ въ денежномъ отношеніи занятій; большею частью они живутъ очень скромно, нуждаясь иногда въ необходимѣйшихъ книгахъ, но при всемъ томъ эта жизнь проходитъ часто въ неутомимомъ трудѣ, исполняемомъ съ безкорыстной любовью къ наукѣ и къ народу.

Такова напр. немногосложная біографія умершаго недавно чешскаго лексикографа Шумавскаго, ревностнаго панслависта, предлагавшаго теорію всеславянскаго языка, о которой мы должны сказать нѣсколько словъ. Іосифъ-Франта Шумавскій принадлежалъ къ поколѣнью старѣйшихъ чешскихъ писателей. Онъ родился въ 1796 г. около Клатова; родители его заботились о воспитаніи своихъ дѣтей, но они были бѣдны и не расчитывали посылать Іосифа дальше обыкновенной сельской школы. Несмотря на то, ему удалось попасть въ клатовскую гимназію. Однажды капланъ, занимавшій должность учителя, отобравши лучшихъ учениковъ своихъ, вздумалъ учить ихъ по-нѣмецки; одна деревенская протекція доставила Шумавскому случай бывать на этихъ урокахъ, и онъ усердно учился въ свободное время, которое оставалось ему отъ пасенія коровы и другихъ подобныхъ занятій. Иногда онъ забѣгалъ утромъ къ патеру, отдавалъ ему сдѣланный урокъ и потомъ отправлялся работать въ огородѣ или чинить дорогу. Въ одно прекрасное утро, добрый патеръ, замѣтившій способности парня, — Шумавскому было уже за шестнадцать лѣтъ,—предложилъ ему отправиться на экзаменъ въ Клатовъ: «авось паны увидятъ, что ты знаешь кое-что, и тебѣ можно будетъ продолжать ученье дальше». Экзаменъ совершенно удался и патеръ тутъ же записалъ Шумавскаго въ гимназію; родители согласились отпустить его, когда узнали, что имъ ничего не нужно будетъ платить за сына. Патеръ устроилъ кое-какъ новаго гимназиста въ Клатовѣ: одни согласились дать ему квартиру, за маленькія послуги, за чищенье сапоговъ и т. п., другіе давали ему обѣдъ. Съ 1817 года ему сталъ платить небольшую стипендію графъ Рудольфъ Черинъ.

Въ 1819 году, окончивши гимназическій курсъ, Шумавскій переѣхалъ въ Прагу, штудировалъ философію, слушалъ у Яна Нѣдлаго курсъ чешскаго языка и литературы, поступилъ далѣе въ Еммаузскій монастырь для изученія теологіи; но въ 1825 году разстался съ нимъ и исключительно отдался педагогическимъ занятіямъ и литературѣ. Нѣсколько времени онъ былъ корректоромъ въ архіепископской типографіи, гдѣ тогда печатался большой словарь Юнгманна, но главнымъ занятіемъ его осталось преподаваніе: онъ училъ чешскому языку дома, въ школахъ, въ гимназіяхъ, и составилъ себѣ большую репутацію въ этомъ дѣлѣ. Распространеніе чешскаго языка было одной изъ главныхъ заботъ его, и онъ училъ ему иногда безплатно, напр. въ Софійской Академіи. Шумавскій принималъ участіе въ разныхъ чешскихъ журналахъ, писалъ грамматики, хрестоматіи, первоначальныя руководства, и въ его наставленіяхъ о преподаваніи языка найдется много умныхъ практическихъ замѣчаній. Главнымъ трудомъ его была лексикографія; чехи очень хвалятъ его чешско-нѣмецкій и нѣмецко-чешскій словарь. Передъ концомъ жизни онъ началъ заниматься составленіемъ обширнаго всеславянскаго словаря, и издалъ уже первые четыре выпуска, но смерть остановила его работу. Онъ умеръ въ декабрѣ 1857 года, въ большой бѣдности. Шумавскій былъ горячій патріотъ и пользовался большой любовью со стороны тѣхъ, кто его зналъ; мы слышали о немъ теплыя воспоминанія пражской молодежи. Въ своей лексикографической дѣятельности Шумавскій явился жаркимъ поборникомъ мысли о всеславянскомъ языкѣ; для ея распространенія предпринятъ былъ имъ огромный трудъ составленія всеславянскаго словаря. Мысль о всеславянскомъ литературномъ языкѣ въ той или другой формѣ уже давно появилась между славянскими учеными. Въ самомъ дѣлѣ, для славянскихъ литературъ нашего времени вопросъ объ общемъ литературномъ языкѣ, — который можетъ пожалуй показаться фантастическимъ, — есть вопросъ великой важности. Новое возрожденіе обняло вдругъ всѣ славянскія племена, большія и малыя, имѣвшія свою блестящую исторію и совсѣмъ безъ исторіи; все бросилось къ изученію народности и народность предъявила свои права въ каждомъ славянскомъ углу. Явилось необычайное разнообразіе родственныхъ, но тѣмъ не менѣе отдѣльныхъ литературъ, языковъ, азбукъ, правописаній, въ которыхъ можетъ чувствовать себя дома только привычный спеціалистъ. Чешская литература имѣла наиболѣе оправданныхъ исторіей основаній для нынѣшней дѣятельности; она уже прежде достигла замѣчательной степени развитія, но литературныя стремленія явились также у хорутанъ, хорватовъ, галичанъ, лужичанъ, сербовъ, болгаръ, словаковъ. Когда мы

говорили объ историческихъ основаніяхъ чешской литературы, мы не думали отрицать за всѣми остальными народами права создавать свою литературу: они имѣютъ его вполнѣ и могутъ существовать справедливо, если уже могли составиться и поддерживаться, — мы хотѣли только сказать, что предыдущая исторія даетъ болѣе корней для новой литературы, и потому неудивительно, напримѣръ, что чешская литература заняла безспорно первое мѣсто между другими южно-славянскими, потому что издавна имѣла свои Любушины Суды, Краледворскія рукописи, своихъ Штитныхъ, Гусовъ, Каменскихъ. Но чѣмъ можетъ быть лужицкая литература, литература языка, которымъ говорятъ едва полтораста тысячъ человѣкъ, и то раздѣленныхъ на два отдѣльныхъ нарѣчія? Они не захотѣли присоединиться въ литературѣ къ большему народу чешскому. Мало того: словацкое племя, давно живущее въ этомъ соединеніи, давно имѣвшее чешскій языкъ языкомъ книгъ, желаетъ имѣть свою особенную словесность: являются Бернолакъ, Годжа, Штуръ, пишутъ словацкія книги, и раздѣленію конца нѣтъ. Эти литературы стараются каждая поддержать свое существованіе, и само собою разумѣется, что чѣмъ больше будутъ стремиться врозь эти отдѣльныя литературы, — если можно назвать литературой десятокъ книгъ словацкихъ, десятокъ книгъ лужицкихъ и т. п., — тѣмъ слабѣе будетъ цѣлое движеніе. Это докажется весьма просто раздробленіемъ силъ и недостаткомъ людей. Какой нибудь спеціалистъ можетъ радоваться на эти маленькія словесности, можетъ дорожить ими, потому что это смѣшеніе языковъ будетъ удовлетворять его филологическому сладострастію; но эта небольшая литература всегда останется на младенческой степени, будетъ довольствоваться сказочками, интересными для селянина, учеными предметами, доступными его понятіямъ. Выходя за предѣлъ ихъ, писатель уже не имѣетъ роднаго языка; у него нѣтъ терминологіи, нѣтъ даже необходимости писать на своемъ языкѣ, онъ не найдетъ читателей. Ему останется два выхода—или опять присоединиться къ болѣе сильной славянской литературѣ, или къ нѣмецкой; многіе выбираютъ послѣднее. Панслависты скажутъ, что сила общаго происхожденія племенъ соединяетъ литературы разныхъ нарѣчій, взаимность поддерживаетъ вліяніемъ родства каждую изъ нихъ, — одна изъ многихъ фразъ, которыя говоритъ панславизмъ и содержанія которыхъ онъ не хочетъ понять простымъ практическимъ образомъ. Должны же они согласиться, что литература сильна только той массой, на которую дѣйствуетъ ея голосъ, что отвлеченныхъ литературъ не существуетъ; но какому числу образованныхъ славянъ доступенъ до сихъ поръ сильнѣйшій изъ славянскихъ языковъ, русскій? Отвѣтомъ на этотъ простой вопросъ могло бы, по на-

шему мнѣнію, удобно опредѣлиться положеніе панславистскаго дѣла; но кто изъ нашихъ панславистовъ рѣшится отвѣчать на него прямо и согласиться въ слабости дѣла, которое они считаютъ уже порѣшеннымъ и съ гордостью выставляютъ противъ своихъ антагонистовъ, обвиняемыхъ ими въ «европейскихъ» стремленіяхъ? Тотъ же вопросъ можетъ принять для настоящаго времени другой, болѣе рѣзкій оборотъ: въ какой же области литературы, кромѣ чисто ученой, ограниченной сферы, возбуждается серьёзный общеславянскій интересъ? Наши исторіи различны, наши обстоятельственныя отношенія, наше славянское образованіе представляютъ всѣ степени отъ европейской цивилизаціи чеховъ до восточнаго застоя и невѣжества какого нибудь болгарскаго или сербскаго потурченина. Если предположить даже знаніе разныхъ славянскихъ нарѣчій, для серба или хорвата пропадаютъ красоты поэтическаго созданья, прелесть котораго неотразима для насъ; мы не можемъ принимать никакого участія, кромѣ участія спеціалиста, въ тѣхъ младенческихъ попыткахъ, которыя дѣлаетъ словацкая литература. О славянской взаимности лучше продолжать говорить еще въ будущемъ времени.... Эта запутанность нарѣчій, недостатокъ литературнаго средоточія, которое дѣйствовало бы на всѣ части и въ которомъ бы всѣ могли имѣть свою долю, привело многихъ ученыхъ славянъ къ мысли объ общемъ литературномъ языкѣ: они невольно должны были сознаться въ слабости панславизма, какъ развился онъ самъ по себѣ. Колларъ еще не думалъ о всеславянскомъ литературномъ языкѣ: онъ принималъ существующія нарѣчія и полагалъ, что всѣ они вмѣстѣ (по крайней мѣрѣ четыре главныхъ) составятъ одно цѣлое, сохраняя свои особенности, какъ древніе греческіе діалекты. Другіе не удовлетворились этимъ разъединеніемъ и думали, что если славяне должны имѣть общій языкъ, а они должны имѣть его для успѣха всеславянской цивилизаціи, то имъ должно сдѣлаться не какое нибудь слабое численно нарѣчіе или нарѣчіе искуственное, а языкъ живой, сильный, съ богатой и развитой литературой, притомъ языкъ народа, сильнаго политически, не имѣющаго нужды защищать свою народность отъ иноязычества, словомъ—это долженъ былъ быть языкъ русскій. Народныя нарѣчія могутъ продолжать свое существованіе для первыхъ потребностей народа, но для каждаго образованнаго славянина русскій языкъ долженъ былъ быть языкомъ центральнымъ, въ которомъ онъ соединялся бы съ другими славянами. Мы знаемъ, что подобная мысль приходила въ голову не только славянамъ, болѣе близкимъ къ намъ по языку, но и нѣкоторымъ образованнымъ чехамъ, очень знакомымъ съ положеніемъ и силами своей литературы. Но если она естественно могла явиться у православ-

ныхъ сербовъ, которые уже имѣютъ въ своихъ церковныхъ книгахъ старославянскій языкъ, какъ переходъ къ русскому (*); то для чеха вообще трудно согласиться на мысль о принятіи русскаго, какъ литературнаго языка, — это значило бы отказаться отъ продолженія своей собственной литературы, а онъ уже имѣетъ основанія нѣсколько гордиться ею. Въ самомъ дѣлѣ, чехъ Шумавскій придумалъ иную теорію всеславянскаго языка, которую онъ излагалъ въ брошюрѣ, вышедшей въ 1851 году подъ заглавіемъ «Славянскій языкъ или мысли о всеславянскомъ письменномъ языкѣ.» Именно, Шумавскій думалъ сдѣлать старославянскій языкъ центромъ, къ которому бы должны сойтись всѣ инославныя племена. Сколько можно понять изъ его мыслей, обставленныхъ разными оговорками, это нарѣчіе должно быть образцомъ, по которому каждый народъ долженъ былъ бы опредѣлить и приноровить свою грамматику; съ нимъ долженъ познакомиться каждый образованный славянинъ; умѣя читать на этомъ языкѣ, онъ скоро могъ бы на немъ говорить и писать. Славяне отъ Шумавы и Урала, отъ Вислы и Дона создали бы себѣ идеальную грамматику и при встрѣчѣ могли бы легко понимать другъ друга. Шумавскій предчувствовалъ возраженія противъ своей теоріи и старался доказать ее, объясняя свойства старославянскаго языка, въ которомъ, какъ общемъ источникѣ, сходятся современныя нарѣчія; онъ желаетъ, чтобы изученіе этого языка шло постепенно, чтобы теорія всеславянскаго языка вошла въ школу, и тогда славянскій народъ будетъ наконецъ имѣть его. Потребность этого языка славяне уже чувствуютъ и онъ необходимо долженъ явиться: безъ него славянскій народъ не могъ бы выполнить своего призванія и для связи всего славянскаго племени его старое нарѣчіе можетъ служить наилучшимъ средствомъ. Тѣмъ, которое бы не повѣрили возможности этого, Шумавскій возражаетъ: «но какъ велика часть нѣмцевъ, пишущая такъ, какъ говоритъ? Не мала ли она въ сравненьи съ той, которая не говоритъ такъ, какъ пишетъ?» Но дѣло въ томъ, что у нѣмцевъ, не по теоріи, а исторически превозмогло одно нарѣчіе, воспитанное литературой, нарѣчіе живое, нарѣчіе образованнаго класса: чтоже изъ этихъ началъ представляетъ старославянскій

(*) Сербскій епископъ Іоанновичъ писалъ недавно объ этомъ предметѣ слѣдующими словами, которыя приводимъ буквально: «По моему и многихъ мнѣнію, вси Славяне должны бы были воспріяти писмена славенска (Кириллова), зане сія совершеннѣйша суть, и характеру языковъ славенскихъ наипаче сходствуютъ; иначе бо, аще вси при своемъ обычаи останемъ, рѣка россійская течетъ сильно и обильно, и не можетъ поклонитися потокомъ прочихъ славянъ; а потоцы безъ рѣки что суть и что есть тогда славенская взаимность?»

языкъ? Неподвижный языкъ старой книги, онъ потерялъ теперь всякое литературное значеніе; имъ никто не говоритъ и не пишетъ даже у тѣхъ народовъ, для которыхъ онъ уцѣлѣлъ въ языкѣ церкви. Принимать старославянскій языкъ значитъ тоже, что принимать искуственный, выдуманный, а это физически невозможно; старославянскій языкъ не годится для нашего времени, потому что остановился на развитіи XI-го вѣка, не имѣетъ ни одной фразы для современной жизни. Заставить писать и говорить на этомъ языкѣ, возводить самыя нарѣчія къ языку мертвому, окончательно невозможно, какое бы уваженіе къ нему ни питали и мы, и всѣ западные славяне. Мысль Шумавскаго была совершенно фантастическая, выстроенная панславистскимъ увлеченіемъ; теорія его забыла справиться о томъ, въ какомъ положеніи находится этотъ языкъ въ настоящую минуту и есть ли у него какіе нибудь шансы на возрожденіе.... Въ связи съ этими идеями стоитъ трудъ, начатый Шумавскимъ около того же времени, — Всеславянскій Словарь; кромѣ словаря, соединеннаго съ другимъ языкомъ (нѣмецкимъ), онъ думалъ о словарѣ чисто славянскомъ, гдѣ должны были быть собраны слова всѣхъ славянскихъ нарѣчій, собственно для употребленія славянина, который бы хотѣлъ читать книги на какомъ нибудь изъ родственныхъ нарѣчій. Онъ успѣлъ въ 1857 г. издать только четыре выпуска нѣмецко-славянскаго словаря для шести главныхъ нарѣчій. Подробное объясненіе системы его читатель можетъ найти въ одной изъ книгъ «Русской Бесѣды», гдѣ излагалъ ее г. Гильфердингъ, который согласился самъ въ непрактичности системы. Шумавскому именно хотѣлось выставить въ словарѣ тѣсное родство нарѣчій и онъ изобрѣлъ особенное, довольно мудреное правописаніе, съ помощью котораго онъ старался въ одномъ словѣ совмѣстить нѣсколько разныхъ выговоровъ и для того долженъ былъ употреблять много значковъ, весьма затрудняющихъ чтеніе. При болѣе простой системѣ Всеславянскій Словарь можетъ быть очень полезнымъ пособіемъ. Теперь словарь продолжается сотрудникомъ Шумавскаго, трудолюбивымъ г. Ранкомъ; къ сожалѣнію недостатокъ матеріальныхъ средствъ вѣроятно еще на долго задержитъ изданіе.

Другихъ занимаетъ мысль о введеніи къ западнымъ славянамъ кирилловской, т. е. русской азбуки, отъ чего иные славянскіе патріоты надѣются великихъ успѣховъ, увѣряя, что славянскія нарѣчія раздѣлены только различіемъ письма. Быть можетъ, это было бы полезно, если бы было возможно, но во всякомъ случаѣ форма буквъ не даетъ знанія языка; если я не понимаю чешской фразы, написанной латинскими буквами, то я также не пойму ея, если она будетъ написана по-кирилловски....

Нынѣшняя эпоха чешской литературы до сихъ поръ сохраняетъ свои прежнія стремленія, но мало вноситъ новаго; это эпоха переходная, неопредѣленность которой усиливается еще гнетомъ австрійской цензуры. Въ слѣдствіе принужденной недѣятельности, панславистскіе и народные интересы отчасти охладѣли. Преданья сорокъ-осьмаго года, которыя могли бы дѣйствовать одушевляющимъ образомъ, подверглись запрещенію и замолкли: въ Прагѣ трудно достать изданія этого времени, потому что они по возможности были конфискованы. Изъ обращенія и продажи пропали и остроумные сатирическіе листки того времени, и книжки патріотическихъ пѣсенъ, и изданія Гавличка; запрещенъ былъ и словарь Риттерсберга и патріотическая трегедія Колара «Жижкова смерть»,—словомъ все, въ чемъ выразилась та дѣятельная и живая пора. Списокъ запрещеній наполняется новыми распоряженіями вѣнской высшей полиціи, и они почти излишни: этого рода книги не возбуждаютъ лихорадочнаго интереса, вызываемаго запрещеніемъ, и читаются только тогда, когда случайно попадутъ въ руки. Чешскій языкъ, права котораго защищались прежде при каждомъ удобномъ случаѣ, теперь неглижируется, и не только въ обществѣ, отъ котораго нельзя и требовать слишкомъ много, но и въ кругу ученомъ и литературномъ: мнѣ случалось нѣсколько разъ быть въ засѣданіяхъ «Королевскаго чешскаго Общества наукъ», къ которому принадлежатъ всѣ лучшіе чешскіе ученые, и каждый разъ всѣ чтенія и диспутаціи происходили на нѣмецкомъ языкѣ.

Мы до сихъ поръ еще не сказали ничего о чешскомъ театрѣ; какъ и все, онъ тоже находится въ принужденномъ состояніи. Я успѣлъ довольно хорошо познакомиться съ пражскимъ театромъ, посѣщая его постоянно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; онъ имѣетъ свои достоинства и могъ бы быть еще лучше, если бы ему не мѣшали исключительныя условія, въ которыхъ онъ поставленъ. Чешскій театръ имѣетъ мало матеріальныхъ средствъ, и только терпимъ подлѣ нѣмецкаго; чехи не имѣютъ отдѣльной сцены и пользуются нѣмецкимъ театромъ Іосифа: они могутъ давать свои спектакли только по воскресеньямъ и по праздникамъ, и то отъ трехъ до семи часовъ, чтобы не помѣшать нѣмецкому представленію. Недавно чехи думали было выстроить для своего театра особенное зданіе, открылась уже подписка, но правительство остановило ее. Потребность чешскаго зрѣлища дѣйствительно велика; чешскій театръ всегда бываетъ полонъ до нельзя; въ провінціальныхъ городахъ безпрестанно составляются партіи охотниковъ и любителей, которые даютъ чешскіе спектакли. Демократизмъ новаго чешскаго образованія, указанный нами въ литературѣ, замѣчается и въ театрѣ; вы обыкновенно не увидите въ немъ ряда ложъ, занятыхъ нарядными дамами и изящными кавалерами

они здѣсь исключеніе; большинство публики изъ средняго класса; народъ наполняетъ верхніе ярусы и партеръ. Мѣста очень дешевы, какъ вообще въ европейскихъ театрахъ, но въ чешскомъ они особенно доступны для всѣхъ; напримѣръ кресла, хотя бы въ первыхъ рядахъ, стоятъ не болѣе полгульдена, т. е. около тридцати коп. сер. Между актерами нѣтъ недостатка въ замѣчательныхъ талантахъ, особенно комическихъ.... Театръ бываетъ обыкновенно довольно яснымъ отраженіемъ общественной жизни, и на нынѣшнемъ чешскомъ театрѣ это замѣчаніе совершенно оправдывается: сдавленная общественная жизнь не допускаетъ на сцену живой пьесы, которая бы прямо коснулась дѣла, какъ не можетъ коснуться его самая литература. Пражскій театръ долженъ былъ отчасти принять общую физіономію австрійскаго театра, который я имѣлъ случай наблюдать въ Вѣнѣ, и о которомъ позволю себѣ маленькое отступленіе.

Вы знаете репутацію Вѣны: обитатели ея издавна извѣстны, какъ люди веселящіеся и добродушные, lebenslustig и gemütlich, хотя послѣднее качество начинаетъ исчезать у нихъ,—высшими вопросами тревожатся мало, веселятся въ Элизіумѣ, танцуютъ подъ музыку Штрауса, кушаютъ знаменитыя вѣнскія колбасы и шницели, и читаютъ въ кофейныхъ Wiener и Allgemeine Zeitung, два главнѣйшіе журнальные органы Австріи, характеръ которыхъ весьма знакомъ читателю даже по слуху. Въ дѣлѣ искусства, выраженія вѣнской публики и ея потребность—легкая музыка Штрауса и пьесы Нестроя, которыя распространяются иногда и по Германіи, но которыхъ истинная родина въ Вѣнѣ. Въ австрійскихъ театрахъ даются оперы, извѣстныя трагедіи и драмы; въ комедіи допускается только осужденіе общечеловѣческихъ пороковъ, напр. скупость, расточительность и т. п. и совершенно индифферентныя каррикатуры, какъ пьесы Нестроя. Талантливѣйшій комикъ Вѣны составилъ себѣ нѣкотораго рода знаменитость своими пародіями и каррикатурами: онъ пародировалъ Таннгейзера, Сандрильону и т. д., нѣкоторыя изъ его произведеній смотрѣлъ я и на чешской сценѣ. Между прочимъ я видѣлъ Нестроя въ его собственной пародіи: «Юдиѳь и Олоферъ». Заглавіе пьесы и пѣнье Нестроя, игравшаго главное лицо, обѣщали нѣчто великолѣпное, и дѣйствительно, я смѣялся такъ, какъ мнѣ удавалось смѣяться только въ бульварномъ театрѣ Funambules въ Парижѣ и въ маленькомъ Санъ-Карлино въ Неаполѣ: трудно почти сказать, на которой изъ этихъ сценъ фарсъ зашелъ дальше. Поднимается занавѣсь; зритель видитъ лагерь подъ Бетуліей, Олоферъ собирается взять городъ. Олоферъ (Нестрой) здоровый, красный, приземистый мужчина съ кровавыми глазами и черной бородой, напомнившей мнѣ самоваръ съ черной бородой у Гоголя, и по видимому испи-

ваетъ; къ нему являются посланцы, величаютъ его мечомъ судьбы и т. д., Олофернъ выслушиваетъ все тупо и ругается. Въ другой сценѣ внутренность осажденнаго города; на сценѣ являются жители, не тѣ идеальные израильтяне, которыхъ описываетъ г. Мей въ своей «Юдиѳи,» а простые современные евреи съ ихъ пейсиками, ухватками, бѣгающими глазами и необыкновенной говорливостью; они трусятъ жестоко, но все еще не забываютъ о денежномъ курсѣ и процентахъ. Престарѣлый отецъ Юдиѳи печалится о бѣдствіи родины и только повторяетъ сокрушеннымъ голосомъ: o weh, weh, dreimal weh! На сценѣ является и фигура пророка, слѣпаго и глухаго старика, повидимому выжившаго изъ ума: тѣмъ не менѣе всѣ съ благоговѣніемъ внимаютъ его рѣчамъ. Олоферну свирѣпъ: одинъ изъ его приближенныхъ провинился чѣмъ-то передъ нимъ; онъ хватается за широкій и кривой мечъ, но мечъ застрялъ въ ножнахъ и не выходитъ; Олоферну бѣсится, наконецъ кое-какъ выдергиваетъ мечъ и закалываетъ несчастнаго; въ эту недобрую минуту подвертывается ему другой изъ его подчиненныхъ, онъ закалываетъ и его, и потомъ недовольнымъ голосомъ велитъ убрать негодяевъ. Наконецъ, какъ извѣстно, въ станѣ Олоферна является Юдиѳь (комикъ Трейманъ) съ своей дуэньей. Олоферну ей очень радъ и велитъ подать вина, выпиваетъ стаканъ за стаканомъ, чувствуетъ головокруженіе и уходитъ спать; Юдиѳь беретъ кривой мечъ и начинаетъ что-то пилить за занавѣской, — она отпиливаетъ какую-то голову, которая оказывается чучелой. Олоферну остается живъ, но войско поражено и разбѣгается, и евреи торжествуютъ,—Олоферну взятъ въ плѣнъ. Юдиѳь, несомая на щитѣ, какъ Радецкій на памятникѣ, видитъ поглупѣвшаго Олоферна и грозитъ ему пальцемъ. Пародія нескончаема: при хорошемъ исполненіи она конечно очень забавна, но послѣднее впечатлѣніе отъ подобныхъ вещей всегда есть необыкновенная пустота. Нестрой прекрасно угадалъ вкусы своей публики; самъ онъ и его піесы имѣютъ огромный успѣхъ. По преимуществу чисто увеселительное направленіе сцены есть необходимое слѣдствіе отсутствія серьёзныхъ интересовъ: мнѣ пришлось потомъ не одинъ разъ убѣждаться въ наклонности австрійской сцены — въ Прагѣ, какъ и въ Вѣнѣ—къ шаржу и и каррикатурѣ, которая иногда бываетъ болѣе неожиданна, чѣмъ забавна. Въ Прагѣ мнѣ случилось однажды видѣть на нѣмецкой сценѣ «Севильскаго Цирюльника»; опера конечно даетъ поводъ къ каррикатурѣ, но я не ожидалъ такой, какую увидѣлъ. Восхитительная опера превратилась въ площадный фарсъ: движущіеся усы доктора Бартоло были забавны только въ первую минуту; указательный палецъ дона-Базиліо въ цѣлую четверть длины и огромный придѣланный носъ были бы смѣшны, если бы ему

удалось хорошо спѣть la calunnia, но этого не было; естественное остроуміе піесы вездѣ закрыто было грубыми фарсами и въ заключеніе мнѣ грустно и досадно было видѣть искаженіе превосходной оперы. Это было однакоже въ нравахъ австрійскаго театра. Чешская сцена нерѣдко прибѣгаетъ къ пьесамъ каррикатурнаго разряда, но пражане вообще не одобряютъ ихъ, замѣчая, что они хороши только pro viden'skou chatru. Въ сорокъ-осьмомъ году чешскій театръ оживился, какъ и все въ то время; интересы минуты перешли на сцену и она стала пріобрѣтать общественное значеніе, но это продолжалось недолго, и она вернулась къ своей прежней роли — невиннаго увеселенія, чѣмъ остается и до сихъ поръ, подъ отеческимъ наблюденіемъ полиціи.

Репертуаръ чешской сцены довольно обширенъ, благодаря упомянутымъ уже нами прежде драматическимъ писателямъ и переводчикамъ, — но собственно національныхъ произведеній я видѣлъ въ Прагѣ очень немного: драма изъ чешской исторіи не всегда одобряется правительствомъ, сатира на общественные порядки допускается только въ видѣ легкой шутки. Господствуетъ нѣсколько оригинальныхъ чешскихъ пьесъ и большое количество переводовъ, съ нѣмецкаго, французскаго, польскаго. Въ двухъ-трехъ пьесахъ, передѣланныхъ съ *иностраннаго*, я видѣлъ на сценѣ и русскихъ, но увы! не узналъ ихъ; чешскіе актеры представляютъ себѣ русскихъ, по обыкновенному европейскому преданью: русскій является непремѣнно въ бородѣ и въ шубѣ и считается отчасти медвѣдемъ. Я очень жалѣю, что мнѣ не пришлось видѣть драмы Миковца: «Дмитрій Ивановичъ», которая была поставлена нынѣшнюю зиму. Но ожидая болѣе счастливыхъ временъ для театра, чешскіе литераторы стараются по крайней мѣрѣ обогатить его переводами, и въ этомъ отношеніи они сдѣлали уже не мало: драмы Шиллера, Гёте и другихъ первостепенныхъ писателей нерѣдко появляются на чешской сценѣ. Особенно прилежное изученіе чешскіе писатели посвятили Шекспиру: уже теперь они имѣютъ почти полный переводъ Шекспира, котораго изданіе и приведеніе къ концу взяла на себя Чешская Матица. Четыре шекспировскія драмы и между прочимъ «Короля Лира» перевелъ еще Челяковскій; пять пьесъ перевелъ д—ръ Чейка; столько же, — и между ними «Отелло» перевелъ Янъ Малый; «Гамлетъ», «Макбетъ» и «Венеціанскій Купецъ» переведены Іос. Юріемъ Колларомъ; наконецъ трудолюбивый священникъ Духа (Fr. Doucha), прекрасно знающій Шекспира, перевелъ восемь пьесъ, въ томъ числѣ «Ромео и Юлію» и «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Какъ говорятъ, шекспировскія пьесы прекрасно идутъ на чешскомъ театрѣ, даже нѣмцы отдаютъ полную справедливость чешскимъ исполнителямъ; мнѣ

случилось видѣть только одну комедію «Много шуму изъ ничего», которая дѣйствительно была разъиграна какъ нельзя лучше. Между чешскими актерами, вообще весьма старательно исполняющими свое дѣло, можно указать нѣсколько замѣчательныхъ артистовъ. Первое мѣсто между ними публика отдаетъ Іосифу—Юрію Колару старшему, владѣющему очень разнообразнымъ дарованіемъ и исполняющему обыкновенно серьёзныя роли; но съ тѣмъ же успѣхомъ онъ беретъ на себя и комическія роли. Другой Коларъ, младшій,—весьма замѣчательный комикъ, особенно удачный въ пьесахъ изъ народной жизни; кромѣ его чешская сцена имѣетъ еще двухъ–трехъ великолѣпныхъ исполнителей для народныхъ пьесъ, которыя вообще идутъ очень легко. Между актрисами есть также нѣсколько любимыхъ именъ, вполнѣ оправдывающихъ вниманіе публики. Къ сожалѣнью, неловкое положеніе, въ которое насильственно поставленъ чешскій театръ, сильно вредитъ ему: бываютъ случаи, что талантливый актеръ или актриса, чувствуя свои силы и не удовлетворяясь мизерными обстоятельствами пражскаго театра, покидаютъ чешскую сцену и отдаются нѣмецкой. Такъ недавно Прага потеряла талантливую и хорошенькую актрису Гейнцову. Оперы, за неимѣніемъ времени, даются на чешскомъ театрѣ очень рѣдко, и чешскіе пѣвцы и пѣвицы поютъ обыкновенно въ нѣмецкой оперѣ или принимаютъ ангажементы на другіе театры Германіи. Музыкальная Прага поставляетъ много замѣчательныхъ артистовъ на всю Европу; лично для себя она мало пользуется талантами, выросшими на чешской почвѣ.

Куда ни обратишься, на что ни взглянешь въ нынѣшней Прагѣ, на всемъ отражается тяжелое давленіе современной атмосферы. Не мудрено, что на людей, окруженныхъ этой атмосферой постоянно, она производитъ невыгодное дѣйствіе, усыпляетъ и отнимаетъ энергію. Очень естественно, что люди, сомнѣвающіеся въ славянскомъ движеньи, найдутъ въ этомъ положеніи чешскаго общества факты, которые повидимому подтверждаютъ ихъ скептицизмъ. Если уже оправдать нынѣшнее политическое положеніе славянъ, въ которомъ виновата ихъ же слабость, — гдѣ славянская взаимность, о которой всѣ говорятъ, гдѣ данныя, указывающія родственную связь идей и литературъ? Дѣйствительно, славянская взаимность теперь не въ лучшей своей эпохѣ, и внѣшнія обстоятельства ее вовсе не поддерживаютъ. Въ Прагѣ можно найти только чешскія книги, но вы не отыщете въ ней ни сербскихъ, ни польскихъ, ни словенскихъ. Книжная

торговля установилась такъ, что нѣмецкую книгу можно получить самымъ удобнымъ образомъ, но чтобы купить напр. русскую, надобно много хлопотать съ книгопродавцами и потомъ цѣлые мѣсяцы дожидаться присылки. Книжная торговля собственно для славянскихъ книгъ находится еще во младенчествѣ; притомъ дорогія привозныя книги доступны только немногимъ изъ чешскихъ читателей, вообще небогатыхъ, и кромѣ того, каждая нѣсколько яркая книга подвергается запрещенію. Въ слѣдствіе всего этого даже любители славянской литературы не могутъ хорошенько слѣдить за ея движеніемъ, и не знаютъ, что думаютъ въ настоящую минуту тѣ или другіе соплеменники; вступить съ ними въ сколько нибудь дѣятельныя сношенія, безъ сомнѣнія, было бы не безполезно. Русская литература, русскія общественныя отношенія, какъ я убѣждался много разъ, извѣстны въ Прагѣ весьма поверхностно: «Русская Бесѣда», наиболѣе извѣстный чехамъ русскій журналъ, считается тамъ едва ли не главнымъ выраженіемъ общественнаго настроенія въ Россіи, чего конечно нельзя сказать объ этомъ журналѣ, стоящемъ такъ исключительно. Правда, переводовъ съ русскаго много въ нынѣшней чешской литературѣ, но переводится все это довольно случайно,—какая книга попадется въ руки, а такъ какъ новыхъ книгъ до послѣдняго времени еще мало въ Прагѣ, то переводятъ Кукольника, Булгарина: мнѣ досадно было смотрѣть на чешскіе журналы, такъ дурно рекомендующіе русскую литературу своимъ читателямъ. Изъ этого примѣра видно, что у чеховъ, за немногими исключеньями быть можетъ, господствуетъ самое неясное понятіе о томъ, что дѣлается въ русской литературѣ, — все таки важнѣйшей славянской литературѣ нынѣшняго времени. Разрозненность славянскаго міра, такимъ печальнымъ опытомъ извѣданная въ революцію, какъ будто пришла опять къ прежнему; развѣ событія помогутъ уничтожить это раздѣленіе, вовсе невыгодное для отдѣльныхъ членовъ западнаго славянства. Симпатіи конечно существуютъ, народныя и международныя (хотя не безъ исключеній), но они не дѣятельны; всѣ, въ этой славянской общинѣ, кажется, слишкомъ надѣются другъ на друга.

Мнѣ казалось, напримѣръ, всегда, что у насъ они предполагаютъ бо́льшее распространеніе идей панславизма, скажу даже просто, бо́льшую симпатію къ славянскому, чѣмъ есть на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ сколько мы знаемъ по нашему обществу и литературѣ. Трудно было разувѣрять въ этомъ, но мы однако должны говорить правду, и представлять дѣло, не преувеличивая его по своимъ личнымъ симпатіямъ и не дѣлая своихъ желаній и ожиданій существующимъ фактомъ. Прежде всего, русскій панславизмъ становится въ совершенно иныя отношенія, чѣмъ панславизмъ западный. Послѣдній есть

произведеніе почвы, результатъ, вынесенный изъ жизни и доставшійся послѣ борьбы, спасенье отъ обнѣмеченья, защита сознавшей себя народности и защита свободнаго развитія. Перенесенный къ намъ, панславизмъ уже не имѣетъ этого характера необходимости; онъ является только въ слѣдствіе науки, а не непосредственнаго чувства жизни. Наше общество еще холодно къ славянскимъ дѣламъ, потому что само въ нихъ ничѣмъ не заинтересовано; мы не чувствуемъ потребности соединяться съ другими славянами, наша литература и жизнь развивались и идутъ независимо отъ нихъ. Въ настоящую минуту мы заняты огромнымъ вопросомъ, и вопросъ этотъ чисто-русскій. Наше соціальное положеніе совершенно иное; мы не имѣемъ враговъ другой національности, враги нашего прогресса среди насъ самихъ,—это только ретрограды, не вошедшіе въ колею движенья образованности. Оцѣнивши должнымъ образомъ всѣ эти обстоятельства, легко понять, почему интересы славянства нашли у насъ ревностныхъ заступниковъ только въ извѣстной части образованнаго общества, вѣрнѣе сказать въ извѣстномъ кружкѣ. Славянскія симпатіи цѣлаго общества или еще не существуютъ, или находятся въ зародышѣ; чтобы масса вышла изъ своего индифферентизма, стала прямо на ту или на другую сторону, нуженъ сильный толчекъ, нуженъ по крайней мѣрѣ не отвлеченный, а живой интересъ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, куда обратятся симпатіи общества, если оно оглянется въ эту сторону, — потому что дѣло ясно, видно, кто правъ и кто неправъ,—но скоро ли это будетъ, зависитъ отъ обстоятельствъ. Они могутъ дать самый неожиданный оборотъ дѣлу.

Славянскимъ симпатіямъ мѣшаетъ у насъ всего болѣе совершенное невѣжество о славянскомъ мірѣ. Мы знаемъ гораздо болѣе о Берлинѣ, Парижѣ, Римѣ, чѣмъ о Прагѣ и о цѣлой Австріи, но мы не рѣшимся безусловно обвинить въ этомъ массу, какъ дѣлаютъ славянофилы. Почему интересуетъ насъ Германія, Парижъ и Лондонъ, это не нуждается въ объясненіяхъ; если у насъ общему интересу, возбуждаемому Европой, приносятъ въ жертву Прагу, Бѣлградъ и загребъ, это довольно понятно, и вина забвенія лежитъ на самихъ тѣхъ, кто бралъ у насъ руководство по этому предмету. Европа вообще мало думала о славянскомъ вопросѣ, и большей частью думала невыгодно; изъ европейскихъ источниковъ трудно съ нимъ познакомиться,—что же дѣлали наши славянскіе спеціалисты? До публики даже и не доходили ихъ разсужденія и споры о глаголицѣ и реймскомъ евангеліи, о сербскихъ и болгарскихъ хартіяхъ, если и важныхъ въ ученомъ смыслѣ, то далеко не занимательныхъ для общества, которое можно занять только современнымъ вопросомъ, живой

исторіей. Наши спеціалисты не выходятъ изъ археологическихъ келлій: откуда же масса узнаетъ о томъ, чѣмъ движется западно-славянская жизнь, къ чему стремятся ея лучшіе люди, чего ждутъ отъ насъ? Мы не знаемъ ни современной исторіи, ни новой литературы славянъ, насъ угощаютъ одной археологіей, и публика не безъ причины привыкаетъ думать, что дѣло и ограничивается одной археологіей. Винить ее за это очень смѣшно.... Намъ было очень пріятно узнать, что «Русская Бесѣда» помѣстила у себя переводъ упомянутой нами французской брошюры «О западныхъ славянахъ», — едва ли не первый живой и дѣльный голосъ о славянскомъ вопросѣ. Уже давно пора перестать говорить о немъ и съ археологической и съ литературной точки зрѣнія.

Еще одно обстоятельство бросаетъ ложный свѣтъ на отношенія западныхъ панславистовъ къ русскимъ. Западный панславизмъ, какъ мы замѣтили, не можетъ существовать у насъ въ той же формѣ, потому что находитъ у насъ совершенно иныя внѣшнія условія, и онъ, у всѣхъ почти русскихъ представителей своихъ, обратился въ славянофильство. Идея народности, такъ высоко поставленная западнымъ панславизмомъ, получаетъ для него особенный смыслъ потому, что для самой народности рѣшался вопросъ: «быть или не быть»; у насъ она необходимо видоизмѣняется, а славянофилы между тѣмъ приняли ее буквально. Я всегда думалъ, что панславистская поэзія г. Хомякова гораздо больше прилична какой нибудь западно-славянской литературѣ, чѣмъ русской; для славянъ она имѣетъ гораздо больше увлекательнаго, чѣмъ у насъ, мало фантазирующихъ о Дунаѣ, Дравѣ и Савѣ. Тоже самое и съ защитой русской народности, которую взяли на себя славянофилы. Наша народность въ ней вовсе не нуждается; если она отрицалась или вѣрнѣе сказать не замѣчалась, игнорировалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ XVIII столѣтіемъ, то уже никогда не была въ томъ положеніи, какое выпало на долю чешской, сербской и т. д.; она никогда не была преслѣдуема по принципу и поголовно. Въ нашей литературѣ, правда, распространилось въ извѣстную эпоху довольно рабское подражаніе, но причина его лежала единственно въ слабости литературы и образованія, и оно кончилось наконецъ само собой, безъ борьбы, какъ только литература и общество окрѣпли; народность получила въ литературѣ всѣ права, которыхъ только можетъ требовать, и въ послѣднее время дала нашей литературѣ — въ нашихъ лучшихъ поэтахъ и писателяхъ—такой своеобразный характеръ національности, что отвергать его могутъ только упрямые и крайніе люди. Эти люди однако нашлись между нашими славянофилами, которые вздумали приноравлять къ намъ идею народности,

переработанную западнымъ панславизмомъ. Это недоразумѣніе повлекло за собой странные результаты, невѣрность которыхъ инстинктивно почувствована была всѣми непредубѣжденными людьми. Славянофилы, вооружившись своими симпатіями къ славянству, выступили, какъ защитники народности, противъ которой никто не думалъ спорить, которую никто не думаетъ притѣснять; но скоро они должны были увидѣть, что борятся противъ воображаемаго врага и прибѣгнули къ tour de force, въ видѣ «народности въ наукѣ», «цѣльности развитія» и другихъ тонкостей, о которыхъ такъ много было споровъ въ нашихъ журналахъ. Корень всего этого опять таится въ желаніи западнаго панславизма уединить народность отъ чужеземнаго вліянія, дѣйствующаго насильственнымъ и поглощающимъ образомъ. У западныхъ славянъ это понятно: чехъ, чувствующій отдѣльность своей народности, естественно будетъ защищать ее отъ фактическаго угнетенія; изъ-за чего же намъ ставить себя противъ нѣмцевъ, какъ положительное и отрицательное начало, къ чему намъ заподозрѣвать нѣмецкую науку въ односторонности и ограниченности? Этого не дѣлаютъ самые горячіе панслависты—чехи. Взгляните на ихъ лучшихъ ученыхъ; откуда эта сила анализа, эта строгая метода, непоколебимая логика? Она перешла къ нимъ прямо изъ нѣмецкой или лучше сказать европейской науки, и это нисколько не уменьшаетъ ихъ заслуги, какъ писателей національныхъ. Наука принадлежитъ одинаково всѣмъ, кто ее усвоиваетъ. Наши славянофилы не довольствуются европейской наукой, съ самообольщеніемъ говорятъ о русской наукѣ, не замѣчая того, какъ странно звучатъ эти слова, если только вспомнить самые ближайшіе факты русской современной образованности и жизни. Здѣсь наши славянофилы ушли дальше западныхъ панславистовъ, и мы думаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они ушли дальше той черты, гдѣ стоитъ благоразуміе. Конечно, трудно переубѣдить людей, думающихъ, что Европа уже отжила свой вѣкъ, что ея гніющая цивилизація не можетъ принести намъ пользы; но мы думаемъ, что эта цивилизація еще долго будетъ важна и для насъ и для другихъ славянъ, напримѣръ сербовъ, болгаръ, хорватовъ, передъ которыми путь цивилизаціи еще далеко впереди. Если они вступятъ на него рѣшительно, то европейская наука распространитъ конечно и на нихъ свой авторитетъ, и можно думать, что они не будутъ возставать противъ нея, не предпочтутъ старыхъ авторитетовъ Іоанна экзарха болгарскаго и Савы сербскаго. По крайней мѣрѣ чехи, знакомые уже съ европейской наукой, не вооружаются противъ нея; они знаютъ по опыту, что западъ еще не гнилъ.

Панславизмъ, вопросъ о будущемъ западныхъ славянъ, не есть «вдохновеніе археологіи», какъ назвалъ его недавно Times, но это не есть и вопросъ о борьбѣ съ западной цивилизаціей; скорѣе,—это вопросъ объ ея расширеніи. Первымъ важнымъ шагомъ западныхъ славянъ, послѣ ихъ недавняго пробужденія, было стремленіе пріобрѣсти національную самобытность, потому что только подъ этимъ условіемъ возможно развитіе націи. Стремленіе ихъ сохранить племенные прерогативы и цѣлость совершенно законно и человѣчественно, и когда будетъ рѣшаться дѣло этого стремленія, когда къ намъ донесется отголосокъ борьбы, и вопросъ о славянскомъ образованіи серьёзно займетъ русскую литературу, мы убѣждены, что общество наше, не задумываясь надъ крайностями панславистскихъ мистиковъ, отдастъ все свое сочувствіе сторонѣ, стоящей за свободное развитіе національностей и народное благо.

А. Р.

Берлинъ, 25 марта 1859 г.

КЪ ИТАЛІИ *.

I.

(Dov'è, Italia, il tuo braccio?)

Италія! О, гдѣ жь рука твоя?
Зачѣмъ тебѣ чужихъ людей услуги?
Смотри: гонители, какъ и друзья, —
Враги твои, а прежде были слуги!

Ты такъ-то честь, ты такъ-то славный слѣдъ
Владычества былаго сохранила
И доблести завѣщанный обѣтъ,
Которому клялась и измѣнила!

Такъ позабудь восторги древнихъ сѣчъ!
И праздная, въ крови, средь мукъ и пеней,
Спокойно спи себѣ въ объятьяхъ лѣни!

Спи, блудная, покуда мститель-мечъ
Тебѣ, нагой и сонной, въ пробужденье
Не срубитъ головы съ позорныхъ плечъ!...

(*) Стихотворенія эти, написанныя двѣсти лѣтъ назадъ, знаменитымъ итальянскимъ поэтомъ XVII столѣтія, *Филикайя, (Filicaja)*, еще и теперь кажутся современными.

Панславизмъ, вопр...
вдохновеніе архе...
не есть и вопрос...
вопросъ объ ея...
Славянъ, посл...
обрѣсти наці...
Условіемъ в...
менные и...
чественн...
къ нам...
образ...
что...
ски...
св...

II.

... Italia! o tu cui feo la sorte....)

...! Италія! о ты,
...сульба наслѣдіемъ несчастнымъ
...роковой вручила красоты!
...лучше бъ ты была не такъ прекрасна,

Зато сильна, — чтобъ менѣе любя,
На смерть не увлекали бы тебя
Отъ чаръ твоихъ трепещущіе страстно;
Чтобъ Альпы бѣлыя съ своихъ вершинъ

Не гнали гальскихъ ордъ къ тебѣ рѣкою
И не поила По чужихъ дружинъ
Своей окровавленною волною;

И, опоясана мечомъ чужимъ,
Ты вѣчно не служила бы другимъ
Освобожденною или рабою....

Съ итальянскаго +++

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА.

VII.

СЕЛЬСКАЯ АПТЕКА.

I.

При Черепахинской аптекѣ есть всѣ удобства: есть подвалъ, въ которомъ хранятся химическіе и фармацевтическіе препараты; чердакъ для травъ; комната для посѣтителей; есть даже лабораторія, гдѣ изготовляются декокты, припарки, сиропы, а иногда яичницы.

Черепахинскій прикащикъ чрезъ каждые два мѣсяца извѣщаетъ своего барина, живущаго въ Москвѣ, что аптека стоитъ благополучно на прежнемъ мѣстѣ, разсыпаетъ дары своихъ щедротъ на недужныхъ и въ сосѣдяхъ-помѣщикахъ возбуждаетъ зависть.

Какъ всякое полезное заведеніе, сельская аптека была съ радостію встрѣчена народомъ. Въ день ея открытія въ Черепахино пріѣхало множество телегъ съ калѣками, параличными, кликушами,—и благотворительное заведеніе, будто Овчая купель, кругомъ обложилось больными. Много добра было сдѣлано въ этотъ день. Фельдшеръ (дворовый человѣкъ, учившійся въ московской фельдшерской школѣ) осматривалъ больныхъ, дѣлалъ опе-

рацiи, становилъ банки, пускалъ кровь. Въ полдень два хора пѣвчихъ пѣли молебенъ. Прикащикъ, въ честь торжества, произносилъ своимъ мужикамъ рѣчь, которую слушатели приняли съ первыхъ же словъ за объявленiе «вольной» и, волнуясь, зашумѣли: «она, матушка!», но были долго упрекаемы ораторомъ въ легкомыслiи.

Долго и пламенно молился народъ за основателя аптеки: всякiй желалъ ему многихъ лѣтъ, счастiя, блаженства на землѣ, — невиданное, неслыханное чудо онъ совершилъ, выстроивъ аптеку. Живо въ памяти народа ея открытiе.

Мысль построить аптеку пришла черепакинскому помѣщику совершенно случайно. Въ бытность свою въ имѣнiи, онъ задумалъ за какую-то провинность отдать одного молодаго лакея въ солдаты; намѣренiе свое онъ открылъ женѣ, которая совѣтовала ему лучше продать лакея. Послѣ небольшихъ колебанiй помѣщикъ согласился на это; но покупателя не нашлось, хотя лакей имѣлъ въ себѣ нѣкоторыя достоинства: умѣлъ писать и читать. У помѣщика явилась новая мысль: отдать лакея въ цирюльню, сдѣлать изъ него по крайней мѣрѣ для своихъ мужиковъ зубодера; но и это не удалось по разнымъ обстоятельствамъ и соображенiямъ; а между тѣмъ сбыть слугу съ рукъ надобно было непремѣнно. Однажды помѣщикъ, кончивъ письмо къ одному изъ своихъ московскихъ знакомыхъ, расходился по комнатѣ, позвалъ къ себѣ старосту и приказалъ ему какъ можно скорѣе снаряжать подводу и запрягать пару лошадей.

— Куда прикажете? говорилъ староста.

— Знай-запрягай! отвѣчалъ баринъ.

— Сколько кормочку приладить?

— Запрягай! твердилъ помѣщикъ, весь объятый задуманнымъ планомъ.

Лошадей запрягли, подкатили къ барскому дому и посадили закутаннаго лакея.

— Вези въ Москву.... вотъ тебѣ письмо къ его превосходительству. — Слава Богу! уладивъ дѣла, говорилъ помѣщикъ: — Кабалу свалилъ! Теперь я знаю, что дѣлать: у меня всѣ рты разинутъ, что я устрою въ имѣнiи!...

— Куда это везутъ, Степанида Ивановна? спрашивала на сельской дорогѣ одна женщина другую, видя какъ неслась подвода съ лакеемъ.—Ужь не въ солдаты ли?

— Нѣтъ, говорятъ, въ московскую цирюльню, въ дохтора.... То-то удивительно!

Черезъ мѣсяцъ черепахинскій помѣщикъ получилъ изъ Москвы письмо: «Вашъ лакей Андрей принятъ въ фельдшерскую школу. Прилагаю вамъ уставъ о пріемѣ, содержаніи, образованіи и выпускѣ фельдшеровъ.»

Прочитавъ письмо и поблагодаривъ своего знакомаго, помѣщикъ сталъ читать уставъ, въ которомъ говорилось: «при избраніи питомцевъ въ школу должно обращать особенное вниманіе, имѣютъ ли они здоровое тѣлосложеніе и достаточныя умственныя способности».

— Все это Андрюшка имѣетъ, — воскликнулъ помѣщикъ и бросилъ читать уставъ. — Дай-ка ему образованіе-то; это выйдетъ законодатель!

Въ скоромъ времени помѣщикъ отпраздновалъ закладку аптеки и уѣхалъ съ семействомъ въ Москву.

II.

Въ одно ненастное, осеннее утро на крыльцѣ аптеки стоялъ народъ. Дверь въ аптеку была заперта. Посѣтители отъ дождя жались въ кучку; нѣкоторые изъ нихъ садились на лавку, нѣкоторые стояли молча и смотрѣли на село, гдѣ мужики подсобляли на грязной дорогѣ лошадямъ везти мокрые воза, а бабы насильно гнали скотину въ поле.

— Что, не вставалъ? шелъ разговоръ.

— Не вставалъ. Вчера, должно быть, воротился поздно. Кровь Захару пускалъ.

— Захаръ упалъ съ возу-то?

— Захаръ.

— А подъ возъ-то кто попалъ?

— Терентій.

— Охъ, видно немного намъ жить остается. Что-то ужь жутко приходитъ!... Мертвецы опять стали ходить.... За что это Господь наказываетъ?

— Ночью нынѣ покойникъ Давыдъ ходилъ. Стклянницу все съ собой держитъ.... видно, отъ ней померъ.

— Собаки, милая ты моя, до зари до самой лаяли, словно ловили кого, и-и-и, заливались: мы съ невѣсткой совсѣмъ не

спали,—приложишь ухо къ окну, слышишь,—ногами хлещетъ; да вдругъ загудетъ и захохочетъ, и все туда.... къ лѣсу-то идетъ.

—Говорятъ, война подымается. Видно отжили мы свои денечки.

Шаршавый, худощавый мальчикъ отворилъ дверь и впустилъ народъ въ аптеку.

Въ аптекѣ, не имѣвшей особенной чистоты и порядка, стояли съ стеклянными дверцами шкапы, наполненные штофами, бутылями, банками, мензурками, ступками. На стѣнахъ висѣли картины: сраженія, мытарства, видѣнія. Въ разныхъ мѣстахъ на притолкахъ и даже на потолку встрѣчались надписи....

Фельдшеръ, лѣтъ 25, въ коротенькомъ нанковомъ сюртукѣ, причесаный, съ бѣлыми воротничками, сидѣлъ за столомъ и вписывалъ въ книгу расходы и приходы по имѣнію. (На немъ лежала обязанность помогать земскому). Близь него сидѣлъ съ гармоникой въ рукахъ сельскій кузнецъ, угрюмо глядѣвшій въ уголъ и слегка скрипѣвшій инструментомъ. Мальчикъ, помощникъ фельдшера, у окна дѣлалъ изъ тряпицъ корпіи.

Кончивъ работу, фельдшеръ разъ пять хлопнулъ перомъ объ край стола, выгибая спину всталъ, взглянулъ на посѣтителей и пошелъ къ окну набить трубку. Посѣтители приготовлялись говорить свои болѣзни. Одна баба выступила впередъ, держа на рукахъ ребенка, который, улыбаясь, тянулся къ стклянкамъ.

— Не балуй, Вася... въ хоромахъ развѣ смѣются? шопотомъ говорила баба. Позади толпы у двери старуха другой старухѣ тоже шопотомъ разсказывала:

— И въ живыхъ, ягодочка моя, не чаяла я быть: это—грудь и ноги и руки совсѣмъ измаяли!.. Только ономеднись, голубушка, стою я, слышу будто гласъ: ты бы, Федоровна, сходила въ баню, растерлась...

— Что пригрезилось...

— Что ужь пригрезилось-то!

Закуривъ трубку, фельдшеръ подошелъ къ угрюмому кузнецу.

— Хочешь покурить?—Кузнецъ взялъ трубку.—Вчера Федьку Зубова я облапошилъ въ три листика: у него былъ простой, а у меня козырной,—говорю: миръ! и стянулъ съ кону двадцать копѣекъ.

— У тебя фалька была? спросилъ кузнецъ.

— Тузъ козырной и фалька,

Кузнецъ сильно затянулся.

Фельдшеръ взялъ у него трубку и, принявъ серьезный видъ, приступилъ къ бабѣ.

— Что у тебя?

— Здравствуй, Андрей Егорычъ, какъ поживаешь? Вотъ посмотри-ко, заговорила баба, трогая голову ребенка.

Одинъ изъ солдатъ, сложа назади руки, смотрѣлъ на больную голову.

— Скрофулезисъ, — произнесъ фельдшеръ: — гипертрофія... поверни-ка сюда: *cortex* наросло...

Фельдшеръ выпустилъ изо рта дымъ.

— А отъ чего, родимый, эти ухабы—то?

— Это вдавленія... Да ты тутъ ничего не понимаешь; что ты спрашиваешь?

Фельдшеръ обратился къ другому больному; но его баба спрашивала:

— А Ворковская ворожея, Андрей Егорычъ, не такъ эту болѣзнь называла.

— Много ворожея знаетъ! Ты что?

— Дѣдушка ногу разшибъ, началъ мальчикъ, вылѣзая изъ толпы и вытаскивая за собою большую шапку: — въ лѣсу березой... дюжо схватило...

— Скажи, чтобы онъ лошадь прислалъ сюда; а такъ я не пойду. — Ты, бабка, опять пришла?

— Вотъ грудь у меня, желанный... промежду сердца-то, и вотъ тутъ, и...

— Я сказалъ тебѣ: *tuberculosis!* болѣзнь неизлѣчимая.

— Помоги, кормилецъ! задыхаясь, держась за грудь и кашляя, промолвила старуха.

— Ты трефоль пила?

— Я пила тряхволи.

— Ну, когда нибудь банки поставлю, сказалъ фельдшеръ и отнесся къ солдатамъ. Старуха уныло пошла въ дверь; ея кашель глухо раздавался за порогомъ...

— Мнѣ, началъ солдатъ, надвигая на плечо шинель, позвольте, Андрей Егорычъ, прежняго, то есть, ку.... ку... потому— дѣло оказывается плохо.

— А, по прежнему? затягиваясь, спросилъ фельдшеръ.

— Еще хуже...

— И мнѣ ужь того же, прибавилъ другой солдатъ;—да нельзя ли на минутку одолжить симфончика. И ротный просилъ этого...

Фельдшеръ досталъ изъ шкапа пузырекъ съ бѣлою мазью, взболталъ ее и сказалъ бабѣ:

— На, *unguentum!* мажь ребенку голову; три раза въ день, помнишь?

— Какъ не помнить, родимый...

— Смотри, внутрь не дай: вы глупы!

— Глупы, касатикъ.

— А что, ваша Агафья дома?

— Пошла барскіе скирды крыть.

— Поклонись ей отъ меня. Я ей вчера у Сиротинцыхъ такую загадку задалъ, обращаясь къ кузнецу, заговорилъ фельдшеръ;— вся скраснѣла...

— Какую? спросилъ кузнецъ.

Фельдшеръ шепнулъ ему на-ухо. Оба захохотали.

— Пропусти-ко меня, бабка, дай достать лѣкарство.

— Голубчикъ, пройди, пройди.

— Ты чѣмъ нездорова? строго спросилъ фельдшеръ.

— Сынокъ у меня боленъ, соколикъ мой, четвертые сутки лежитъ недвижимо: травкой его хочу попоить.

Робкая мольба къ фельдшеру горѣла въ глазахъ старушки. Она смотрѣла на него съ неизъяснимымъ уваженіемъ.

— Что же, Андрей Егорычъ, кашицы-то, вскрикнулъ солдатъ.

— Сейчасъ; загорѣлось!... доставая съ полки лѣкарство, проговорилъ фельдшеръ. Алеша, да ты сыграй что нибудь на гармоникѣ; какого чорта такъ сидѣть-то, сдѣйствуй: «Что ты, Катя, пріуныла» съ прихватцемъ...

Кузнецъ тряхнулъ головой и заигралъ на гармоникѣ, выдѣлывая разныя колѣна. Больные стояли, потуня головы.—Получившіе лѣкарства и недождавшіеся ихъ выходили изъ аптеки.

— Третьяго дня, говорилъ фельдшеръ игравшему кузнецу, продолжая искать лѣкарства на полкѣ:—я былъ у Горѣлова помѣщика,—такъ банки его женѣ ставилъ... умора случилась! помѣщикъ говоритъ ей: неприличне тебѣ на спинѣ банки ставить; а она говоритъ: прилично!

Игра на гармоникѣ продолжалась. Фельдшеръ закурилъ новую трубку и опять подошелъ къ оставшимся больнымъ.

— У меня, говорилъ хворый, худой мужикъ,—рана на ногѣ, Андрей Егорычъ.... Нельзя ли вамъ, батюшка, замолвить словечко прикащику, чтобы погодили маленько меня гонять на работу.

— Это не по моей части, объявилъ фельдшеръ:—ты проси, кого знаешь, а я не слуга.

— Сдѣлайте милость, Андрей Егорычъ, сдѣлайте божескую милость!

— Не учи меня! Я твою болѣзнь знаю вдоль и поперегъ; она можетъ продлиться до твоей смерти: скорбутъ,—ты знаешь это? а тамъ дискразія, анемія, анестезія—и конца не будетъ; а тамъ... одно воспоминаніе... ужъ на работу ходить не нужно....

— Андрей Егорычъ, сами знаете; осень настаетъ.... для ноги-то....

— Поди, самъ поговори прикащику: онъ тебѣ отвѣтитъ. Ты знакомъ съ нимъ?... Ты чѣмъ боленъ? спросилъ фельдшеръ у другаго мужика.

— Палецъ болитъ.

— А ты?

— Для Захара пришла попросить лѣкарства, что вчера съ возу сорвался....

— А онъ еще говоритъ?

— Какъ же. Говоритъ: зачѣмъ мнѣ кровь пускали; я отъ роду крови не отворялъ....

Фельдшеръ снялъ трубку, продулъ чубукъ, помахалъ имъ по комнатѣ и началъ смотрѣть въ его дырочку.

— На что, говоритъ, кровь пускали? спросилъ онъ бабу. — У него, вѣрно, голова болитъ.... Васька, принеси проволоку: въ чубукѣ застряло.... А ты, Алеша, съ басами-то двинь!...

Прочистивъ чубукъ, фельдшеръ обратился къ другой бабѣ:

— Что, Жебелевская мельничиха жива?

— Умерла, Андрей Егорычь. Въ субботу были похороны. Стало быть смерть—пришла.... А, говорятъ, водянка приключилась.

— Не отъ одной водянки, ото всего умрешь: жизнь удѣлъ нашъ. Мы въ ней видимъ постоянное боренiе! воскликнулъ фельдшеръ.

— Постоянное, кормилецъ! ты, кажись, мельничиху-то кровопусканiемъ пользовалъ?

— Тутъ разговаривать нечего—кто какъ лѣчилъ! Вся сила въ борении!... Это ты запомни....

— Однако до свиданія! сказалъ фельдшеру кузнецъ, укладывая подъ мышку гармонику.

— Куда же ты? Да посиди.... Скука, братъ, одолѣваетъ одного....

— Нѣтъ, пойти шкворень поправить.

— Такъ вечеромъ, не забудь взять съ собою ружье; подъ дряхловъ отправимся.

Мало по малу аптека опустѣла. Фельдшеръ остался съ однимъ мужикомъ, которому для больнаго пальца началъ готовить пластырь. Мужикъ глядѣлъ, какъ онъ готовитъ, и между прочимъ спрашивалъ:

— Небось, Андрей Егорычъ, въ вашей школѣ трудно было учиться?

— У кого рѣзвыя способности—не трудно! Соображенія геніальныя надобно имѣть въ головѣ; вы туда не годитесь!...

— Какимъ тамъ наукамъ учатъ?

— Хирургіи, краткой ботаникѣ, анатоміи, фармаціи, и такъ далѣе.

— Наука, значитъ, это? О чемъ же, тепереча, разговаривается въ ней?

— Анатомія разсуждаетъ, что̀ такое человѣкъ.

Мужикъ, разинувъ ротъ, посмотрѣлъ на фельдшера и повторилъ:

— Что такое человѣкъ?

— Разглядываетъ у него внутренности, подреберныя плевы, сухожильныя растяженія, грудобрюшныя преграды....

— То есть, внутрѣ-то? Видишь! А что, и требуха у человѣка есть, какъ у скота?

— Разумѣется! но она въ милліонъ разъ благороднѣй; потому что человѣкъ—не скотъ!

— А вотъ, Андрей Егорычъ, я хотѣлъ вамъ все сказать: нельзя ли вамъ попросить обо мнѣ прикащика? Видишь, у меня тягло одно; а я правлю за два....

— Держи-ка пластырь-то; мы съ тобой до вечера не кончимъ эти балясы.... Посмотрю я, у васъ въ головѣ-то.... *species pectoralis!*... невѣжество огромное!

Въ аптеку вошелъ кучеръ съ кнутомъ и рукавицами за поясомъ.

— Здравія желаемъ, Андрей Егорычъ.

— Здравствуй, Семенъ Титычъ, сказалъ фельдшеръ. — Что ты?

— Да наши Журавлевскіе господа просятъ васъ къ себѣ. Несчастіе маленькое стряслось.

— Какое?

— Изволите видѣть: барыня своей дочкѣ становила піявки и не съумѣла, — и приключилось бѣдствіе: кровотеченіе крови показалось; такъ ѣду за докторомъ. А въ городъ Ливны опять за докторомъ поѣхали и будетъ у насъ наподобіе докторскаго совѣщанія, значитъ—съѣздъ.

— Вишь-какъ. Консиліумъ?

— Онъ самый-съ; и, къ примѣру, всѣ доктора будутъ говорить на разныхъ языкахъ, и мы будемъ ихъ слушать.

— А не знаешь, отъ чего кровотеченіе-то?

— А вотъ извольте постигнуть: намѣтили они изо всей мочи въ самую жилу этими піявками... И вышло, что хуже не надо,— сноровки вашей недоставало. Вы, будемъ говорить такъ, ежели, положимъ, вы дѣлаете операцію, то ужь вы ее дѣлаете съ размаху; анъ и легость отъ этого чувствуется.... Хоть такъ возьмемъ: замѣтили вы у кого больной членъ, то вы норовите его выдернуть, а не оставить на мѣстѣ. — До свиданія, Андрей Егорычъ!

— До свиданія!

Фельдшеръ началъ убираться. Онъ долго стоялъ передъ зеркаломъ и смотрѣлъ себѣ въ лицо.

III.

У крыльца Журавлевскаго боярскаго дома тѣснились дворовые люди, собравшіеся смотрѣть консиліумъ; вокругъ нихъ стадами бродили борзыя собаки. Впереди толпы стоялъ кучеръ. Онъ упрашивалъ лакея, выносившаго на улицу мѣдный тазъ.

— Ѳадей, скажи пожалуста барынѣ, нельзя-ли посмотрѣть? Ты скажи—кучеръ желаетъ. Главная вещь, ежели ужь затѣялось представленіе, то должно, чтобы его всѣ видѣли, а то что жь это такое?

— Погоди, отвѣчалъ лакей. Я пойду, налью въ тазъ воды, а ты его снесешь въ дѣтскую.

— Это ты выдумалъ хорошо: значитъ, я тазъ понесу? Отмѣнно! Главное, надо языки послушать. Мнѣ все хочется въ

молдаванскій вникнуть: любопытенъ.... Прочь ты, скверная! закричалъ кучеръ на собаку.—Я нарочно въ новое платье одѣлся: куды, говорятъ, какъ богато будетъ!

— А мы-то не увидимъ зрѣлища? заговорили дворовые люди, глядя съ завистью на кучера, который тотчасъ же принялся убѣждать ихъ:

— Вамъ тутъ, по душѣ скажу, любопытнаго малость. Разочтите: вѣдь двѣнадцать языковъ! махина-аль нѣтъ?

Въ домѣ помѣщика около постели больной дѣвочки лѣтъ 11 сидѣла съ заплаканными глазами помѣщица, ея мужъ съ трубкой въ зубахъ и докторъ съ широкими бакенбардами, прикладывавшій руку къ головкѣ больной. На стульяхъ, на полу были разбросаны окровавленные платки и полотенца, которые собирала горничная. Въ углу стоялъ фельдшеръ въ сюртукѣ нараспашку и въ бѣломъ жилетѣ. Помѣщица, утирая остатки слезъ на своихъ глазахъ, спрашивала дочь:

— Ну, какъ ты, Сашечка, себя чувствуешь, а?

Больная недовольно взглянула на мать и отвернулась.

— Какъ страдаетъ, бѣдная!

— Это скоро пройдетъ, выговорилъ докторъ: ей теперь все немило; я такія же муки самъ на себѣ испыталъ.

— А вы были больны, Лука Лукичъ?

— Да, въ молодости: я былъ очень рѣзовъ....

— У Сашечки, Лука Лукичъ, прервала помѣщица:—сначала подъ шейкой зобъ былъ.

— Это опухоль, сказалъ докторъ. У меня у самого недавно подъ подбородкомъ въ родѣ того случилось; впрочемъ, я думаю, это такъ, — клѣтчатка....

— И отчего это у ней, продолжала помѣщица, — такая странная опухоль?

— Причинъ много можетъ быть, отвѣчалъ докторъ: — опредѣлить ихъ трудно; ну, опухоль, да опухоль....

— Извѣстно, въ свою очередь заговорилъ фельдшеръ, слегка раскачиваясь:—отъ разныхъ причинъ дѣлается эта опасная болѣзнь: отъ ушибовъ, отъ простуды.... Напримѣръ, у молокососящихъ лошадей подъ горломъ бываютъ шишки отъ тѣхъ же самыхъ продуктовъ....

— А ты, любезный, поздно пришелъ-то, перебилъ помѣщикъ, качая своей ногой: — я тебя просилъ пораньше. А вы,

докторъ, знаете: вѣдь это онъ назначилъ піявки къ ней дочери; по его милости мы испортили артерію....

— Это напрасно-съ вы говорите, сказалъ фельдшеръ.

Въ дѣтскую вошелъ молодой человѣкъ съ кудрявыми волосами, въ черномъ пальто.

— Рекомендую, Лука Лукичъ: нашъ племянникъ, Василій Александрычъ Голубевъ.

Докторъ всталъ и подалъ молодому человѣку руку. Тотъ взялъ себѣ стулъ.

— Служите гдѣ? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ-съ, докторъ. Я выключенъ недавно изъ медицинскаго заведенія.

— Отчего?

— Не слушалъ лекцій.

Доктора пригласили въ столовую закусить. Помѣщица осталась съ дочерью въ дѣтской. Молодой человѣкъ пошелъ въ свою комнату, попросивъ горничную принести ему туда завтракъ. Фельдшера тоже пригласили въ столовую, но не завтракать.

Докторъ, принимаясь за сыръ, спрашивалъ стоявшаго у стѣны, рядомъ съ плющемъ, фельдшера: съ какой стати онъ назначилъ піявки дочери помѣщика? Помѣщикъ наливалъ доктору вино и упрекалъ фельдшера, говоря:

— Вотъ что ты сдѣлалъ! Лука Лукичъ, наливочки-то,—допорощенная....

— Ты, почтенный, назначилъ піявки къ самому нѣжному мѣсту, продолжалъ докторъ, не обращая вниманія на наливку.

— Такъ точно: промежъ стерноклей дамастоидеями, сказалъ фельдшеръ.

— Да, между этими мускулами, добавилъ докторъ. А что же сами-то не выкушаете?

— Я сейчасъ! воскликнулъ помѣщикъ и ближе придвинулся къ столу.

Докторъ выпилъ.

— Вотъ видишь, началъ онъ: — это не хорошо; — почему? піявки ставить должно: но при такой организаціи, еще дѣтской, такъ сказать, и нервозной, какова у больной,—этого допустить нельзя. Ты назначилъ ихъ *ad arteriam carotidem*, къ *сонной наружной*, при чемъ открылось сильное кровотеченіе.

— Вотъ что ты сдѣлалъ! возопилъ помѣщикъ—піявка прокусила артерію....

— Надо полагать, откусывая съ вилки сыръ, сказалъ докторъ: — піявка прокусила артерію....

— Вы, Лука Лукичъ, колбаски.... у меня сыръ—точно мыло, замѣтилъ помѣщикъ.

— Ничего... Ты въ Москвѣ учился? спросилъ докторъ фельдшера.

— Въ Москвѣ-съ, серьёзно отвѣтилъ фельдшеръ и, вынувъ изъ кармана бумагу, подалъ ее доктору, говоря: это, то-есть, аттестатъ-съ, какъ мы занимались....

Докторъ посмотрѣлъ бумагу.

— Да, ты успѣхи оказывалъ хорошіе и допускаешься лѣчить. Старайся, отчего жь не лечишь? ты можешь ближнему дѣлать добро; только не надо быть опрометчивымъ.

— Что къ шеѣ! выпивъ наливки и заткнувъ бутылку, воскликнулъ помѣщикъ. Онъ вотъ какую штуку удралъ, Лука Лукичъ: приставилъ дворовому мальчику мушку къ виску.... Ушамъ не вѣрю! въ первый разъ слышу этакую чепуху! Что жь вы думаете? Мальчикъ окривѣлъ!... Вотъ что ты сдѣлалъ!

— Варѳоломей Игнатьичъ, сказалъ фельдшеръ, закладывая аттестатъ за пазуху:—всякій человѣкъ можетъ окривѣть; окривѣть недолго,—этимъ шутить нельзя... а радикальное пользованіе мушки уже намъ доказано; слѣдовательно мы были въ правѣ ее присадить, какъ раздражающее.

— Но однакожь, замѣтилъ докторъ: — мальчикъ окривѣлъ!

— Какъ же-съ,—спокойно сказалъ фельдшеръ: — однимъ глазомъ ничего не видитъ, даже матери своей не узнаетъ....

— Отчего же онъ окривѣлъ?

— На это, ваше превосходительство, сказать мудрено-съ: мы въ практикѣ часто встрѣчаемъ не такіе случаи, можно сказать; однако лѣченіе свое продолжаемъ: потому — вѣруемъ въ свое искусство....

— То есть, на тя, Господи, уповаемъ.... замѣтилъ помѣщикъ.

Явилась помѣщица.

— Вы, кажется, Андрея браните здѣсь? сказала она, садясь за столъ.

— Замѣтить надобно, Анна Ивановна,—произнесъ докторъ.

— Нѣтъ, Лука Лукичъ, я всегда готова оправдать Андрея: онъ, право, услужливый такой. Нынче весной со мной дней пять мучился....

Помѣщица, прищуривъ глаза, посмотрѣла на фельдшера и отвернулась въ сторону

— Нездоровы были? спросилъ докторъ.

— Полнокровіемъ страдали, — отвѣтилъ фельдшеръ.

— Врешь, воспаленіемъ, — перебилъ помѣщикъ.

— Я не знаю, заговорила помѣщица:—но мнѣ кажется, что полнокровіе причиной: душило меня и я будто захлебывалась.... Сначала онъ мнѣ постановилъ банки, потомъ сорокъ піявокъ— не унялось! потомъ кровь пустилъ — не унялось! опять сорокъ піявокъ, опять банки, —ну, болѣзнь почти прекратилась.

— Легче стало? спросилъ докторъ.

— Гораздо легче!

Помѣщица тихонько подозвала къ себѣ горничную и шопотомъ дала ей приказаніе, чтобы фельдшеру дали обѣдъ въ кухнѣ. Горничная, сдѣлавъ фельдшеру мину, повела его за собой.

— Много легче!—продолжала помѣщица. Я знала одну даму, Лука Лукичъ, которую кровь совсѣмъ задушила.

— Но кровопусканіе вредно, Анна Ивановна.

— Знаю, Лука Лукичъ.... Нынѣшніе медики не одобряютъ кровопусканія, это такъ; но пусть ихъ... я не боюсь: у меня кровь не истощится.... Замѣтьте, какъ только я отворю кровь (я три раза въ годъ отворяю), сейчасъ чувствую невыносимый аппетитъ; стало быть, когда я поѣмъ, у меня потеря крови вознаградится, — не такъ-ли?

— Такъ, усмѣхнувшись сказалъ докторъ и прицѣлился вилкой въ колбасу.—Вы какъ будто, Анна Ивановна, учились физіологіи. Ваша правда: все, что ни поступаетъ въ нашъ организмъ (докторъ опустилъ въ свой организмъ колбасу), переработывается сначала желудкомъ: что называется,—дѣлается каша. . *chilus*... Это *chilus*, представьте себѣ, переходитъ въ кишечный каналъ. Далѣе, всѣ жидкія части посредствомъ жизненнаго всасыванія поступаютъ въ кровь; и вотъ, когда вы покушаете, пища превращается въ кровь.

— Ну, вотъ видите? торжествующимъ голосомъ произнесла помѣщица.

— Вы вѣрно когда нибудь читали медицинскія книги?

— Кажется, читала, Лука Лукичъ, когда еще была дитятей.

— Вы однако же отчетливо знаете процессъ питанія...

— Лука Лукичъ! возразилъ помѣщикъ, раскуривая трубку. Растолкуйте мнѣ: отчего, напримѣръ, на ранѣ или такъ гдѣ нибудь вдругъ нагноеніе является?

Помѣщица шепнула что-то мужу на ухо.

— Что жь такое, если меня интересуетъ этотъ предметъ? отвѣтилъ помѣщикъ.

— Можете себѣ вообразить, началъ докторъ:—нагноеніе бываетъ двухъ родовъ: доброкачественное, во-вторыхъ—злокачественное. Гной подъ микроскопомъ...

— Лука Лукичъ, Лука Лукичъ! заголосила помѣщица, простирая къ доктору руки.

— Что, вамъ непріятно? Но скажу—чрезвычайно важная вещь этотъ гной: въ медицинѣ у насъ даже его вкусъ опредѣляется.

Помѣщица ушла въ другую комнату. Докторъ всталъ изъ-за стола съ красными щеками; прошедши по столовой, онъ приступилъ къ помѣщику, слегка потрепалъ себя по животу и сказалъ:

— Теперь бы протянуть незабвенное: «*Gaudeamus igitur!*»

— А хотите, я вамъ, Лука Лукичъ, живыхъ лисицъ покажу?

— Съ большимъ удовольствіемъ: гдѣ онѣ?

— Во флигелѣ... берите фуражку; вотъ звѣрь-то: ростомъ съ борзую собаку.

Горничная доложила, что пріѣхалъ Ливенскій докторъ.

Явился докторъ лѣтъ 35, съ сверкающими глазами, длинными усами и хирургическими инструментами подъ мышкой.

— Что вы такъ запоздали? воскликнули помѣщикъ и докторъ.

— Развѣ опоздалъ? ха, ха, ха... а я думалъ, рано! Да что у васъ здѣсь случилось?

Лука Лукичъ разсказалъ.

— Э, какіе пустяки! Вы, кажется, куда-то собрались?

— Не угодно ли лисицъ смотрѣть?

— Ну, ужь это нѣтъ! Вотъ позвольте съ дороги выпить. Гость бросилъ инструменты на столъ.—Сейчасъ былъ въ госпиталѣ... Солдатъ лежитъ въ ревматизмѣ, плутъ страшный! Говорю: подними руку!—«Не могу, ваше благородіе».—Отчего? Ну, ты постепенно... вотъ этакъ... взялъ, ему пособилъ: рука поднялась.—Ну, говорю, поднимай еще. —«Не могу»... ха, ха, ха. Вижу *дельтоидеусъ* отлично дѣйствуетъ; нѣтъ, не поднимаетъ...

— Ну, а лисицъ пойдемте смотрѣть?

— Я лучше выпью, да закушу: ступайте...

Оставшись одинъ, докторъ началъ закусывать и пить, разглаживая усы. Вскорѣ въ столовую вошелъ молодой человѣкъ въ черномъ пальто. Онъ отрекомендовалъ себя гостю, сѣлъ недалеко отъ него и закурилъ папиросу.

— И я тамъ же учился, гдѣ вы,—сказалъ докторъ:—то есть въ *N*...

— А давно вы оттуда переѣхали?

— Всего какихъ нибудь три мѣсяца: я въ *N* былъ младшимъ ординаторомъ; выдержалъ на доктора экзаменъ и вотъ поселился здѣсь.

— А не правда ли, докторъ, какіе въ *N*. дурные порядки при гошпиталяхъ и клиникахъ? Я не говорю ужь о гошпиталяхъ губернскихъ и уѣздныхъ.

— Чѣмъ же тамъ плохи порядки? Возразилъ докторъ.

— Какъ же — чѣмъ?.. нечистота, напримѣръ: вѣдь ужасная нечистота?.. воздухъ какой!.. Или, вотъ докторъ, когда я былъ студентомъ, я замѣтилъ, что въ клиникахъ на все отдѣленіе одни стѣнные часы: такъ больной можетъ выпить лѣкарство не во время, или даже не видя и не слыша часовъ, можетъ совсѣмъ забыть про лѣкарство....

— Ха, ха, ха... Докторъ всталъ и приблизился къ студенту.—Ха, ха, ха... А вы думаете, что въ медицинѣ много значатъ стѣнные часы? Вы понимаете, я думаю, что рѣшительно пустое: часомъ ли позже принялъ больной лѣкарство или двумя. Эй! человѣкъ! дай мнѣ трубку!

— Все бы лучше, докторъ, завести нѣсколько часовъ; больныхъ такъ много и такъ они размѣщенны... Ну, а нечистота-то?..

— Что же нечистота? Вы, вы, позвольте вамъ сказать, въ отвлеченности бросаетесь. Что же нечистота? Да вы знаете ли, для нашего русскаго мужика, который живетъ въ курной трущобѣ и ѣстъ разъ въ годъ мясо, гошпиталь — благодать. Что вамъ надобно? скажите. Его кладутъ въ сухой комнатѣ, и такъ далѣе... Докторъ устремилъ свои сверкающіе глаза на молодаго человѣка.

— Такъ по вашему, докторъ, наши гошпитали—совершенство?

— Да... Я вотъ что скажу: излишняя чистота не только не нужна, даже вредна.... Вы слыхали анекдотъ про одного инвалида?...

— Нѣтъ-съ...

— Эхъ, какъ же вы не знаете самаго обыкновеннаго анекдота! Поступилъ одинъ ветеранъ въ извѣстное казенное заведеніе (знаете, для раненыхъ устроено). Ему отвели кровать, дали свѣжее бѣлье, прислугу приставили. Черезъ мѣсяцъ или два приходитъ къ нему какой-то начальникъ и спрашиваетъ: «ну, что,

какъ поживаешь?»—Хорошо, говоритъ инвалидъ. Только, ваше превосходительство, позвольте выписаться.—«Что такъ!»—Да чистота заѣла!—Докторъ громко засмѣялся.—Вотъ вамъ!..

— Какъ будто не слыхавъ совсѣмъ анекдота, молодой человѣкъ началъ: — напримѣръ, еще фельдшера... Эти несчастные люди лишены всякаго уваженія къ больнымъ: обходятся съ ними, сами знаете, отвратительно.—Докторъ внимательно слушалъ студента.—Однажды я видѣлъ въ гошпиталѣ слѣдующую сцену: впрочемъ здѣсь фельдшера за ширмами. — Одинъ чахоточный солдатъ спалъ; онъ былъ при смерти... Я смотрѣлъ на него... Подошелъ къ нему другой солдатъ, тоже чахоточный; онъ толкнулъ его и заунывнымъ голосомъ сказалъ: — «встань, товарищъ!» Больной всталъ.—«Говорятъ, ты нынче умрешь!» Больной глядѣлъ на него и будто старался понять смыслъ его словъ. — «Тебя поутру нынѣ всего лишили!... Посмотри, что у тебя осталось?» сказалъ солдатъ, вытягивая изъ стола ящикъ, —«смотри!» Больной взглянулъ.—«Ничего нѣту!» выговорилъ онъ....

— Послушайте, воскликнулъ докторъ:—этого нельзя искоренить.... Намъ усмотрѣть за всѣмъ невозможно.... Къ тому же прислуга груба; намъ ее не просвѣтить. И вы рѣдкаго изъ докторовъ найдете, который бы во все это вникалъ: возьмите нашего главнаго начальника, который васъ исключилъ изъ медицинскаго заведенія; онъ человѣкъ очень умный, но и онъ не пускается въ эти мелочи!... У него дѣла есть поважнѣе.... Сверхъ сказаннаго, я вамъ прибавлю одно: легко намъ разсуждать здѣсь съ вами объ усовершенствованіяхъ. — Обратите вниманіе на жизнь. Разъ какъ-то (не помню за что) я одному фельдшеру далъ въ зубы... за больнаго, кажется... Нѣкоторые изъ докторовъ, почтенныхъ лицъ, мнѣ рапортуютъ: «Мы находимъ драку въ гошпиталяхъ неудобною...» Говорю: а какъ же, безпорядки?... «Это, говорятъ, не нами заведено, не нами кончится... Я былъ дуракъ, что много въ своей жизни говорилъ. Мои вонъ товарищи, молча, вошли въ моду... Попробуйте съ ними заговорить о безпорядкахъ или въ родѣ того, такъ вы имъ рта-то клещами не разожмете!... Я теперь покоенъ: совсѣмъ примирился и медиковъ не думаю обвинять. Даже такъ: всѣ эти недостатки, да раны — для меня отвлеченности!... Это я называю метафизикой!... Что теорія? Вы посмотрите на жизнь...

Студентъ молчалъ.

— То-то, докторъ, началъ онъ: — всякій отказывается дѣйствовать. Ужь молодые даже медики и ординаторы — и тѣ ничего не вынесли изъ аудиторій. А съ больными обходятся часто безцеремонно: причиной всему, конечно, невоспитаніе; хотѣлось бы человѣчности побольше видѣть въ медикахъ... Сколько страшныхъ картинъ мученій...

— Это, батюшка, все пуфъ вы говорите. Я вижу, вы очень чувствительны.... Я самъ былъ, какъ вы, нѣкогда такимъ же... Не того требуетъ наша наука! У меня, напримѣръ, когда я только поступилъ въ медицинское заведеніе, запрыгали муражки по спинѣ, когда я увидѣлъ, какъ солдатъ тащилъ по лѣстницѣ кадаверъ.... ха, ха, ха.... а теперь смѣюсь надъ этимъ! вѣдь это въ истинномъ значеніи *la haute comedie*... представьте смерть въ ея величіи, и вдругъ солдатъ ... ха, ха, ха.... Тѣмъ-то Шекспиръ силенъ, что у него *la haute*... Докторъ налилъ въ рюмку вина. — Вы хотите все на свой ладъ передѣлать, — нѣтъ!...

Ничто не ново подъ луною,
Что было, есть и будетъ въ вѣкъ:
И прежде кровь лилась рѣкою
И прежде плакалъ человѣкъ....

Не правда ли?

— Признаюсь вамъ, я не люблю этихъ стиховъ. Но я хотѣлъ сказать главнымъ образомъ то, что воспитанія никакого нѣтъ въ медицинскомъ заведеніи... Это такая напасть! ..

Студентъ вѣроятно мѣтилъ и насчетъ доктора.

— Воспитанія.... ха, ха, ха.... Да гдѣ оно, скажите мнѣ? Въ корпусахъ, въ гимназіяхъ, въ университетахъ?

— Положимъ, докторъ, что нѣтъ нигдѣ воспитанія; но неужели не нужно заботиться вовсе о немъ въ медицинскомъ заведеніи? И, къ несчастію, дѣйствительно ни въ комъ заботы нѣтъ.... Я всегда сокрушаюсь о своихъ товарищахъ, когда о нихъ думаю....

— А что бы вы сдѣлали для своихъ бывшихъ товарищей?

— То, покрайней мѣрѣ,—далъ бы имъ канія только возможныя средства заниматься медициной, вмѣсто того, чтобы они привыкали спать послѣ обѣда и т. д. (вы знаете образъ жизни медицинскихъ студентовъ). Имъ нѣтъ возможности слѣдить *самимъ* за медициной: они ощупью и неохотно бредутъ за профессорами.... Между тѣмъ эти же студенты, благопріятно поставленные къ наукѣ, могли бы подвигаться впередъ.... Имъ не даютъ

возможности самимъ дѣлать наблюденія, не даютъ на это никакихъ средствъ (вы вѣрите, что студенты могутъ дѣлать открытія); на половину изъ нихъ не видали, да и не увидятъ азотной кислоты на фактѣ, химической соли какой нибудь: не узнаютъ, чѣмъ птица отличается по внутреннему устройству отъ рыбы... Все въ шкапахъ и для показу: боятся,—студенты унесутъ реторту!... Я бъ имъ позволилъ раскрасть всю лабораторію!.. Пускай я подпалъ бы подъ отвѣтственность; но я увѣренъ, что меня не наказали бы за это. Между студентами нѣтъ никакого средоточія; они всѣ въ разбродѣ, у нихъ апатія ко всему, недовѣріе къ своимъ товарищамъ, недоброжелательство и даже что-то дикое проглядываетъ... Я бы оживилъ ихъ... они бы у меня задышали! Я бы имъ далъ читать исторію, литературу и т. п. Многіе изъ нихъ не знаютъ, гдѣ они живутъ,—въ человѣческомъ ли обществѣ, или... Поговорите-ка вы съ медицинскимъ студентомъ. Жалость!... Мало-ли чего я пожелалъ бы для моихъ бывшихъ товарищей....

— Повольте! когда на то пошло, распашу же я вамъ пашенку! (Докторъ выпилъ залпомъ). Вы, съ позволенія вашего сказать, такъ непрактичны, что́ ужь я не знаю, что объ васъ подумать.... Что вы прежде говорили, на то я не хочу нападать,— не стоитъ.... Но я разберу ваши послѣднія слова: вы давали бы читать студентамъ.... Хорошо! Какой-то медицинскій студентъ задумалъ составить библіотеку для товарищей: набралъ сочиненія Пушкина, Булгарина, набралъ исторій разныхъ руководствъ.— Что же вышло? Студенты взялись за чтеніе; только вотъ бѣда: «дерутъ, а толку нѣтъ» ... Эти чтецы бредутъ и на лекціи съ исторіями. Профессоръ сидитъ, показываетъ человѣческія внутренности, а тѣ забрались на верхъ, да Гораціевъ съ Куріаціями зубрятъ. Что это?...

Студентъ засмѣялся. Докторъ тѣмъ же серьёзнымъ тономъ продолжалъ:

— Вотъ видите, къ чему ведетъ ваше образованіе!

— Впрочемъ вы, докторъ, не принимайте, пожалуйста за наличную монету мои слова; я такъ себѣ говорилъ,—лишь бы что нибудь сказать.... Я, разумѣется, еще неопытенъ.

Студентъ закурилъ папиросу и рѣшился молчать.

— Однимъ словомъ, успокойтесь!... Ваша горячность пройдетъ, какъ всякая ненормальность; старайтесь немного полѣчиться.... Впрочемъ время васъ само вылѣчитъ: вы чрезчуръ гуманны отъ непривычки! Вы хотите, чтобы медикъ былъ ма-

тушкой родной для больнаго? Нѣтъ, вы зашли далеко! Вы только горячитесь; вы въ обществѣ горячая палка, опущенная въ воду: со временемъ примете окружающую васъ температуру! А вы не знаете, что мы своего рода воины, идущіе на войну подъ знаменемъ науки, но идущіе не со слезами на глазахъ....

— По вашимъ словамъ, докторъ, вы и наука только для того, чтобъ понять болѣзнь.

— Только, рѣшительно только! Докторъ по моему долженъ имѣть *bocillos nervos*, чтобы не ужасаться и не рыдать передъ кроватью больнаго; а начитавшись какихъ нибудь книжонокъ плаксивыхъ, онъ уронитъ инструментъ.... Я васъ спрашиваю: какой воинъ лучше для государства: (я вамъ сказалъ, мы своего рода воины) тотъ ли, что идетъ на войну и думаетъ только о защитѣ своего отечества, или тотъ, который занятъ стратегической стороной дѣла, — думаетъ какъ бы лучше напасть на непріятеля?

Докторъ начиналъ сердиться; однако нелишнимъ счелъ напасть на наливку.

Студентъ не отвѣчалъ.

— Видите? продолжалъ докторъ, торжествуя. А сантиментальныя штучки вы.... ха, ха, ха.... проповѣдуйте юношамъ; ихъ это занимаетъ.... Когда я былъ маленькимъ, мы наизустъ выучивали Марлинскаго, на насъ тогда дѣйствовала всякая жалость!.. Я замѣтилъ, вы любите про медиковъ анекдоты. Впрочемъ вы давеча разсказывали анекдотъ про прислугу въ госпиталяхъ. Если угодно, я вамъ и про медиковъ разскажу,—любопытныя есть вещи!...

— Не трудитесь, докторъ.

Около столовой послышались шаги и разговоръ про лисицъ.

— А! ужь воротились, сказалъ докторъ.—Молодой человѣкъ всталъ, докторъ началъ наливать себѣ вино; онъ еще разъ обратился къ студенту съ вопросомъ:

— Ну, а что—вы не думаете опять поступить въ наше медицинское заведеніе?

— Нѣтъ, я, мнѣ кажется, туда не гожусь....

— Отчего? вы имѣете способности; у насъ тамъ есть хуже васъ....

IV.

Передъ сумерками въ Черемахинѣ шелъ проливной дождь, заставившій фельдшера сидѣть въ своей аптекѣ. Къ нему снова

прибѣгалъ мальчикъ отъ лѣсника и просилъ посмотрѣть ушибенную ногу. Фельдшеръ обѣщался придти, какъ скоро дождь перестанетъ. Онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Противъ аптеки подъ повѣтью крестьянскаго сарая стояли двѣ мокрыя бабы, захвативъ полы своихъ зипуновъ, и молча глядѣли на ручьи по дорогѣ: среди улицы на травѣ мокнула спутанная кляча съ хвостомъ, похожимъ на горсть пакли. Широкая рѣка усѣялась частыми брызгами, у плотины дружно рылись утки, уткнувши носы въ воду: вдали на горѣ будто въ туманѣ дремали лѣса, одинъ другаго темнѣй; все имѣло скучный, пасмурный видъ.

Около пяти часовъ дождь пересталъ. На улицѣ посвѣтлѣло. Фельдшеръ отправился къ лѣснику. Было холодно: рѣка сильно волновалась и у береговъ скоплялась пѣна. Навстрѣчу фельдшеру попадался народъ; съ косою черезъ плечо ѣхалъ верхомъ мужикъ, погонявшій свою сонную лошадь путомъ; поповскій работникъ везъ воду.

Фельдшеръ остановился на краю села, недалеко отъ избъ, и смотрѣлъ на бѣжавшую къ нему изъ проулка сгорбившуюся, худую бабу; ея головная повязка трепалась длинными концами. Она, запыхавшись, очутилась близъ фельдшера и не могла выговорить слова: на лицѣ ея было и безпокойство и жалкое смиреніе.

— Ну, что ты? крикнулъ фельдшеръ.

— Кормилецъ.... начала баба, едва переводя духъ, чтожь родной.... болѣзнь-то моя.... полѣчи, касатикъ.... грудь изныла.

— Что я, Богъ, что ли? я вамъ не разъ говорилъ, что туберкулозныхъ я не лѣчу: нѣтъ спасенія....

Баба смотрѣла въ землю и кашляла, фельдшеръ заключилъ:

— Домъ тебѣ пора строить,—домъ!...

— Какой, родимый?

— Изъ четырехъ досокъ.... сосновый....

Фельдшеръ пошелъ. Баба, закрывъ глаза тряпицей, зарыдала.

Темнѣло; народъ расходился по домамъ; улица пустѣла. — Фельдшеръ направился къ гумнамъ и къ пустынному кладбищу съ покосившимися крестами и голобцами, на которыхъ въ разныхъ мѣстахъ сидѣли крошечныя птички со взъерошенными отъ вѣтру перышками, не зная, куда приклонить свою голову; надъ нѣкоторыми изъ могилъ лежали неправильные большіе камни; иныя могилки не были обложены даже дерномъ, другія готовы были сравняться съ землей или скрывались въ колыхавшейся крапивѣ. По одну сторону отъ кладбища тянулся густой, черный

лѣсъ; впереди надъ полями, распластавъ крылья, усильно боролся съ вѣтромъ воронъ. По узенькой тропинкѣ фельдшеръ пришелъ въ чащу лѣса; въ немъ было темно: справа и слѣва сновали трепетавшія своими сухими листьями осины и березы. По всему лѣсу равномѣрно распространялся широкій, плавный гулъ,— точно гдѣ вблизи шумѣла вода; ни одного птичьяго голоса; кругомъ полумракъ, вмѣстѣ съ гуломъ располагавшій къ тяжелымъ думамъ. Ровныя березы уныло покачивались и тихо шуршали своими верхушками.

Далеко слышался мѣрный, замирающій стукъ топора; неохотно лаяла на пчельникѣ собака: вякнетъ,—и ничего не слышно.... Опять стонетъ лѣсъ; отрывать слуха не хочется ото всего, что слышится вокругъ: на душѣ гнетущая тоска....

Фельдшеръ пришелъ къ лѣснику. Изба лѣсника была шага въ три; на стѣнахъ съ лоснящеюся копотью висѣли—не доконченный лапоть съ кочадыкомъ, веревка съ пенькою и самодѣльная дуга; у стола, съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ, сидѣла молодая баба и втыкала въ свѣтецъ зажженную лучину. Подлѣ нея стоялъ и жевалъ хлѣбъ мальчикъ, прибѣгавшій за фельдшеромъ. На хорахъ мучительно стонетъ лѣсникъ. Съ появленіемъ фельдшера баба встала съ своего мѣста, а больной съ сильнымъ напряженіемъ началъ принимать полусидячее положеніе.

Фельдшеръ снялъ фуражку и обтеръ на лбу потъ.

— Что ты, сказалъ онъ, приступая къ больному.

— Отецъ родной!

— Ну-ка, покажи, гдѣ это ты такъ?...

— Посмотри, батюшка. — Лѣсникъ развернулъ тряпицу и обнажилъ ногу.

— Мнѣ недосугъ съ вами тутъ копаться; просилъ, чтобы лошадь прислали, а вы не прислали. Акулина, посвѣти сюда!...

Акулина поднесла къ хорамъ лучину и вдругъ, взглянувъ на рану, зарыдала на всю избу.

— Держи, держи лучину-то, крикнулъ фельдшеръ:—о чемъ голосишь? Никто не умиралъ.

У лѣсника на глазахъ показались слезы. Мальчикъ держался за поняву бабы и смотрѣлъ на фельдшера. Фельдшеръ разсматривалъ ногу.

— Андрей Егорычъ, больно, батюшка! вскрикнулъ старикъ, хватая его за руку.

— Погоди, не кричи.—Фельдшеръ скинулъ съ себя верхнее платье.—Надо поскорѣй растереть, ты не ворошись!...

Больной затрясся, съ ужасомъ глядя, какъ фельдшеръ началъ засучать свои рукава. Онъ взялъ стклянку и налилъ себѣ на ладонь мазь.

— Держись!

— Ой! государь ты мой!

— Эй! Акулина! бери за ногу....

Лѣсникъ упалъ въ безчувствіи навзничь....

. . . . . .

. . . . . .

Больной, что-то невнятно бормоталъ. Баба, сидя на лавкѣ и закрывъ глаза передникомъ, долго раскачивала своею головою съ боку на бокъ. Слабо трещала лучина; надъ избой глухо шумѣли деревья....

V.

По прошествіи двухъ дней, посреди сельской улицы несли гробъ. Фельдшеръ возвращался съ практики. Позади гроба въ отдаленіи шли бабы; раздавался плачь.

— Кого это несутъ? остановивъ одну бабу, спросилъ фельдшеръ.

— Лѣсника, произнесла она,—лѣсника....

Фельдшеръ задумчиво перекрестился.

— Вѣрно антоновъ огонь; забылъ тогда пиявокъ-то припустить!...

Н. УСПЕНСКІЙ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VIII.

Предположенія объ установленіи справедливыхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земль крестьянскими обществами и о правильномъ устройствѣ крестьянскаго быта.

I.

ОБЩІЙ ОТДѢЛЪ.

ГЛАВА I.

О трехъ главныхъ положеніяхъ Высочайшаго рескрипта отъ 5-го декабря 1857 года.

Высочайшимъ рескриптомъ отъ 5-го декабря 1857 года положено основаніе улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и дворянское сословіе призвано къ участію въ этомъ общеполезномъ дѣлѣ. Государь Императоръ предоставилъ гг. дворянамъ право составить положенія, которыми въ точности были бы опредѣлены обязанности и отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, сообразно съ Высочайшими видами и желаніями, съ тѣмъ однакоже, чтобы вновь составленное положеніе было приводимо въ исполненіе постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ устройства помѣщичьихъ имѣній.

Главныя положенія Высочайшаго рескрипта слѣдующія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, состоящую въ пользованіи крестьянъ.

2) Крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ собственность посредствомъ выкупа,

3) Сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

Обезпеченіе за дворянскимъ сословіемъ права собственности на всю землю, состоящую въ пользованіи крестьянъ, есть мѣра въ высокой степени справедливая и въ тоже время благодѣтельная какъ для помѣщиковъ, такъ равно и для самихъ крестьянъ. Дворянское сословіе, огражденное высокимъ правосудіемъ и милостивою заботливостію Государя Императора въ самомъ справедливомъ и законномъ изъ своихъ правъ,—въ правѣ достоянія на землю, полученную черезъ наслѣдство отъ родителей или родственниковъ или же пріобрѣтенную покупкою у другихъ владѣльцевъ, обязано съ сердечною готовностію согласиться на уступку за указанное Высочайшимъ рескриптомъ вознагражденіе своихъ крѣпостныхъ правъ, удержаніе которыхъ на болѣе продолжительное время несовмѣстно съ милосердіемъ и отеческою заботливостію Государя Императора о благѣ всѣхъ своихъ подданныхъ. Несомнѣннымъ послѣдствіемъ такой благодѣтельной мѣры будетъ водвореніе всеобщаго благосостоянія, часть котораго по принесеніи необходимыхъ жертвъ несомнѣнно выпадетъ также и на долю дворянскаго сословія; съ другой же стороны, освобожденный крестьянинъ, пріобрѣтшій самое священнѣйшее изъ человѣческихъ правъ, — право личной свободы, огражденный мудрыми постановленіями отъ малѣйшаго нарушенія его постороннимъ произволомъ, убѣжденный въ ненарушимости правъ собственности на землю и всякое достояніе, нажитое трудомъ или полученное черезъ наслѣдство, пойметъ, что сохраненіе дворянскому сословію правъ собственности на всю землю, наслѣдованную отъ предковъ или пріобрѣтенную покупкой, есть лучшее поручительство въ томъ, что собственный трудъ свободнаго крестьянина и всякое пріобрѣтеніе имъ движимаго и недвижимаго имущества такимъ же точно образомъ будутъ охранены отъ всякой произвольной оцѣнки и завладѣнія.

Второй основный пунктъ Высочайшаго рескрипта отъ 5-го декабря 1857 года состоитъ въ оставленіи крестьянамъ ихъ усадебной осѣдлости, которую они въ продолженіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа. На основаніи отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 5-го декабря

1857 г. подъ осѣдлостію крестьянъ слѣдуетъ разумѣть крестьянскія жилыя и хозяйственныя строенія съ землею подъ ними и съ огородами и въ оцѣнку включаются промысловыя выгоды и мѣстныя удобства, свойственныя каждой отдѣльной мѣстности.

Для исполненія Высочайшей воли, ясно опредѣленной отношеніями г. министра внутреннихъ дѣлъ представляются два способа: 1) оцѣнка усадебныхъ строеній и состоящей подъ ними и огородами усадебной земли, соразмѣрно большей или меньшей стоимости ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и 2) опредѣленіе однообразнаго, справедливаго и умѣреннаго выкупа, понимая согласно съ здравымъ понятіемъ и съ истиннымъ глубоко-разумнымъ смысломъ Высочайшаго рескрипта подъ выкупомъ крестьянской осѣдлости — выкупъ личныхъ обязанностей крестьянскаго сословія съ обезпеченіемъ въ тоже время неприкосновенности крестьянскихъ хозяйственныхъ строеній и состоящей подъ ними и огородами усадебной земли. Отмѣна всякаго права, даже обременительнаго, но обезпеченнаго основными государственными законоположеніями должна быть сопряжена съ соразмѣрнымъ, хотя и облегченнымъ по возможности, вознагражденіемъ его. Для опредѣленія лучшаго способа къ приведенію въ исполненіе ясно выраженной Высочайшей воли необходимо приступить къ безпристрастному разбору какъ достоинствъ, такъ равно и неудобствъ выше приведенныхъ мною двухъ единственныхъ способовъ выкупа крестьянскихъ строеній и состоящей подъ ними и огородами усадебной земли. Приступаю сперва къ разсмотрѣнію перваго способа.

Вполнѣ справедливая и безпристрастная оцѣнка крестьянскихъ осѣдлостей не представляетъ особенныхъ затрудненій въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ строевой матеріалъ имѣетъ весьма мало цѣнности и пріобрѣтаетъ ее только черезъ собственный или наемный трудъ, употребленный на возведеніе необходимыхъ хозяйственныхъ строеній, равно и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ при изобиліи лѣснаго матеріала, земледѣліе составляетъ единственную основу крестьянскаго быта;—тамъ, гдѣ за неимѣніемъ особыхъ промысловыхъ и исключительныхъ выгодъ счастливой мѣстности крестьянинъ прикрѣпленъ къ своему мѣсту закономъ необходимости и за недостаткомъ прибыльныхъ заработковъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы извлечь изъ земли средства къ своему существованію и къ уплатѣ лежащихъ на немъ государственныхъ и господскихъ повинностей,—во всѣхъ подобныхъ мѣстностяхъ, находящихся въ чисто земледѣльческихъ условіяхъ, гдѣ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ, однимъ словомъ никакихъ особыхъ источниковъ дохода, гдѣ слѣдовательно усадебная земля не имѣетъ особенной цѣнности, — правильная и умѣренная

оцѣнка скромной крестьянской осѣдлости, съ разсрочкой платежа на продолжительные сроки, можетъ быть произведена безъ большаго стѣсненія для крестьянскихъ обществъ.

Несравненно затруднительнѣе оцѣнка и выкупъ крестьянскихъ осѣдлостей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усадьба составляетъ главную цѣнность имѣнія: въ мѣстахъ бѣдныхъ лѣсомъ, гдѣ строевой матеріалъ дорогъ и нужны значительныя издержки на перевозку его издалека; въ мѣстностяхъ, густо населенныхъ, гдѣ цѣнность земли, особенно усадебной, очень высока; въ селеніяхъ, находящихся близъ городовъ, представляющихъ крестьянину постоянный и вѣрный сбытъ различныхъ сельскихъ продуктовъ и огородныхъ овощей, гдѣ доходъ отъ огорода можетъ быть значительнѣе, чѣмъ отъ полевой запашки; въ въ селеніяхъ, расположенныхъ на весьма выгодныхъ большихъ или торговыхъ трактахъ или при большихъ или малыхъ рѣкахъ, удобныхъ для сплава лѣсныхъ плотовъ, для устройства мельницъ и разныхъ заводовъ, приводимыхъ въ движеніе водою; по сосѣдству хлѣбныхъ и лѣсныхъ пристаней, представляющихъ мѣстнымъ жителямъ исключительныя выгоды отъ отдачи въ наемъ торговцамъ береговыхъ мѣстъ и готовыхъ помѣщеній для складки хлѣбныхъ запасовъ и отъ разныхъ другихъ болѣе или менѣе прибыльныхъ промысловъ; во всѣхъ подобныхъ мѣстностяхъ, въ торговыхъ селахъ и въ фабричныхъ округахъ, однимъ словомъ во всѣхъ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ усадебная осѣдлость имѣетъ значительную цѣнность и гдѣ земледѣліе не составляетъ главной основы крестьянскаго хозяйства, а служитъ только необходимымъ дополненіемъ разныхъ болѣе выгодныхъ промысловъ, — правильная и безпристрастная оцѣнка усадебной осѣдлости, промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ должна достигнуть значительныхъ размѣровъ, которые могутъ чрезвычайно затруднить выкупъ крестьянами своей осѣдлости въ опредѣленный и даже продолжительный срокъ, при одновременномъ выполненіи различныхъ государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей и при отбываніи работъ за полевую пахотную и сѣнокосную землю, предоставленную за опредѣленное вознагражденіе въ пользованіе крестьянскаго общества. Не говоря уже о трудности вполнѣ безпристрастной и справедливой оцѣнки, требующей чрезвычайнаго знанія дѣла и большой добросовѣстности въ оцѣнщикахъ, необходимо нужно, чтобы крестьянскія общества, которыя подвергнутся труднымъ условіямъ выкупа, превышающаго средній размѣръ цѣнности обыкновенной крестьянской осѣдлости, могли пріобрѣсть средства къ постепенной уплатѣ значительнаго долга, который падетъ на эти общества, въ слѣдствіе правильной, хотя и умѣренной, оцѣнки усадебной земли, строеній, промысловыхъ выгодъ и хозяйственныхъ

удобствъ различныхъ мѣстностей. Для достиженія этой счастливой и желательной для всѣхъ развязки представляются слѣдующія средства: 1) составленіе справедливаго урочнаго положенія для состоящихъ на пашнѣ крестьянъ и опредѣленіе высшаго оброчнаго оклада для имѣній оброчныхъ; 2) разрѣшеніе состоящимъ на пашнѣ крестьянамъ перехода на оброкъ при отвѣтственности всего міра за исправный взносъ оброчной суммы; 3) предоставленіе помѣщикамъ въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ права, въ видахъ исправленія нестарательныхъ и несостоятельныхъ плательщиковъ, обращать оброчныхъ крестьянъ на пашню съ соблюденіемъ правилъ урочнаго положенія; 4) неусыпный надзоръ правительства за строгимъ исполненіемъ новыхъ постановленій, въ точности опредѣляющихъ взаимныя отношенія помѣщика къ крестьянамъ и полагающихъ законныя взысканія за нарушеніе ихъ съ той или другой стороны. Въ настоящее время правильный выкупъ крестьянами своей усадебной осѣдлости неудобенъ въ мѣстностяхъ, подвергшихся разоренію въ слѣдствіе тяжкой хозяйственной обстановки; въ оброчныхъ имѣніяхъ, удаленныхъ отъ надзора владѣльцевъ и не воспользовавшихся благопріятными условіями своего положенія, и дошедшихъ въ слѣдствіе того до крайняго обѣдненія; подобные примѣры не рѣдки, и весьма часто случается, что крестьянинъ, платящій весьма малый оброкъ и пользующійся достаточнымъ количествомъ земли и разныхъ угодій, при недостаткѣ строгаго и благодѣтельнаго надзора, предается лѣности и разнымъ порокамъ, доводящимъ его до нищеты; неограниченный произволъ и слишкомъ большое послабленіе ведутъ къ одинаковымъ пагубнымъ послѣдствіямъ съ тою только разницею, что крестьянинъ, отягощенный работою, но привычный къ труду, скорѣе можетъ воспользоваться благотворнымъ вліяніемъ закона, ограждающаго его личность и трудъ отъ насилія и всякаго противозаконнаго требованія, между тѣмъ какъ крестьянинъ, разорившійся въ слѣдствіе собственной вины, нуждается въ большихъ усиліяхъ и въ болѣе дѣятельномъ вмѣшательствѣ закона для нравственнаго своего перерожденія.

Когда, благодаря благодѣтельному и дѣятельному вмѣшательству правительства, обязанности помѣщиковъ и крестьянскихъ обществъ будутъ опредѣлены на прочныхъ основаніяхъ, когда всякое нарушеніе законныхъ постановленій объ этомъ предметѣ будетъ подлежать взысканіямъ, въ точности опредѣленнымъ, когда наконецъ въ слѣдствіе установившихся новыхъ, справедливыхъ и христіанскихъ отношеній между помѣщиками и крестьянскими обществами водворится общее благосостояніе и возрастетъ взаимное довѣріе, тогда толь-

ко возможно будетъ приступить къ выкупу крестьянскихъ осѣдлостей на основаніяхъ справедливыхъ и зрѣло обдуманныхъ, не прибѣгая къ произвольной оцѣнкѣ, не всегда добросовѣстной, но путемъ добровольныхъ, основанныхъ на обоюдной выгодѣ, взаимныхъ соглашеній.

Я старался объяснить неудобства примѣненія въ настоящее время перваго способа выкупа крестьянской осѣдлости посредствомъ оцѣнки хозяйственныхъ строеній, состоящей подъ ними усадебной земли, промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ съ точки несвоевременности и даже невозможности произвести удовлетворительнымъ образомъ выкупъ крестьянской осѣдлости означеннымъ способомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на другую еще болѣе важную сторону этого способа выкупа и предложить вопросъ: въ какой мѣрѣ произведенный выше означеннымъ способомъ выкупъ крестьянскихъ осѣдлостей можетъ согласоваться съ понятіями о справедливости и съ опредѣлительностію какъ помѣщичьихъ правъ на трудъ крѣпостнаго крестьянина, такъ и обязанностей крестьянина въ отношеніи къ помѣщику. Права дворянскаго сословія на полученіе справедливаго, хотя и умѣреннаго вознагражденія за уступку своего вѣковаго права на личный трудъ крестьянина, права неоспоримаго, обезпеченнаго и неоднократно подтвержденнаго государственными законоположеніями, не могутъ быть отвергаемы; — но они должны подлежать добросовѣстной и безпристрастной оцѣнкѣ и опредѣленію и только на основаніи этого точнаго и справедливаго опредѣленія можетъ быть назначенъ выкупъ крестьянской осѣдлости и состоящей подъ нею земли соразмѣрно цѣнности личныхъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщику освобождаемаго изъ крѣпостной зависимости крестьянина, пріобрѣтающаго права свободнаго состоянія. Производство выкупа крестьянской осѣдлости посредствомъ оцѣнки хозяйственныхъ строеній, усадебной земли, промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ, совершенно устраняетъ опредѣлительность слѣдующаго дворянскому сословію за дѣлаемыя имъ значительныя уступки вознагражденія, и въ тоже время устанавливаетъ совершенный произволъ, въ слѣдствіе котораго старательный и трудолюбивый крестьянинъ, помощію неусыпнаго труда пріобрѣтшій хорошій достатокъ и пользующійся отличноустроенною осѣдлостію, обязанъ за подразумѣваемый подъ крестьянскою осѣдлостію выкупъ личныхъ обязанностей крестьянскаго сословія внести за свою осѣдлость произвольную высокую цѣну, несоразмѣрную съ цѣнностію обязательнаго труда, котораго помѣщикъ, на основаніи существующихъ по сіе время узаконеній, въ правѣ требовать отъ подвластнаго ему крестьянина. Отвѣтственность богатыхъ

и старательныхъ крестьянъ за бѣдныхъ или разорившихся въ слѣдствіе собственной вины или особенныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ никакимъ образомъ не можетъ быть допущена; такое правило повело бы къ стѣсненію и совершенному упадку всякой промышленной дѣятельности и къ подавленію свойственнаго каждому человѣку стремленія къ улучшенію своего состоянія.

Единственный возможный, хотя и весьма трудный въ настоящее время, способъ выкупа крестьянскихъ осѣдлостей состоитъ въ опредѣленіи умѣреннаго выкупа за личныя обязанности крестьянина соразмѣрно количеству мужскихъ ревизскихъ душъ, не дѣлая его обязательнымъ для крестьянскихъ обществъ до того времени, пока они согласны будутъ вносить помѣщику закономъ установленныя подати работой или оброкомъ за опредѣленное количество состоящей въ пользованіи обществъ помѣщичьей земли. Оцѣнка крестьянскаго обязательнаго труда должна быть умѣренная и не превосходить въ общей сложности половины существующей въ настоящее время средней покупной цѣны ста пятидесяти руб. сер. за мужскую ревизскую душу съ землею и крестьянскими строеніями и съ правомъ на работу крестьянина, удвоивающимъ цѣнность дворянскихъ имѣній.

Опредѣленіе семидесяти пяти рублей за мужскую ревизскую душу при выкупѣ личныхъ обязанностей цѣлыми селеніями будетъ отчасти соразмѣрно цѣнности крестьянскаго труда, предоставленнаго существующими узаконеніями въ распоряженіе помѣщика. Для выкупа же отдѣльными крестьянами своихъ личныхъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщику, я предлагаю подвергнуть ихъ слѣдующей оцѣнкѣ, полагая подлежащими выкупу писанныхъ по 10-й народной переписи малолѣтнихъ и совершеннолѣтнихъ до шестидесяти лѣтъ включительно; имѣющихъ болѣе шестидесяти лѣтъ, какъ неприносящихъ по большей части пользы своему семейству, я полагаю справедливымъ изъ оцѣнки исключить. Предлагаемый мною способъ состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ писанные по 10-й ревизіи малолѣтніе мужскаго пола крестьяне до 10-ти лѣтняго возраста подлежатъ выкупу по 50 р. сер. за ревизскую душу; отъ 10 до 20 лѣтъ они обязаны внести за себя по 100 р., отъ 20 до 40 по 150 р., отъ 40 до 50 опять по 100 р. и отъ 50 до 60 лѣтъ по 50 р.

Назначеніе выкупа по 75 р. сер. за мужскую ревизскую душу, какъ я выше объяснилъ, будетъ отчасти только соразмѣрно цѣнности крестьянскаго обязательнаго труда, предоставленнаго закономъ въ распоряженіе владѣльца, но не составитъ полной стоимости его, потому что на основаніи указнаго трехъ-дневнаго положенія каждый владѣлецъ получаетъ съ крестьянскаго издѣльнаго тягла, за исключеніемъ производимыхъ имъ полевыхъ работъ, чистой прибыли по

крайней мѣрѣ тридцать руб. сер.; слѣдовательно, полагая на сто душъ по меньшей мѣрѣ сорокъ тяголъ, владѣлецъ получаетъ съ нихъ работою ежегоднаго вѣрнаго барыша 1,200 р. Приведя этотъ доходъ въ капиталъ даже по 10-ти процентному расчету, владѣлецъ имѣлъ бы право на полученіе 12000 р. вознагражденія за потерю рабочихъ силъ, доставляемыхъ 40 тяглами при ста душахъ, что было бы для крестьянъ чрезвычайно обременительно, между тѣмъ какъ по предполагаемому мною способу выкупъ крестьянскихъ личныхъ обязанностей въ отношеніи къ владѣльцу составитъ не болѣе 7500 р. сер. на сто душъ мужскаго пола.

Предлагаемый мною способъ выкупа, соразмѣрный съ средствами многихъ крестьянъ, дастъ весьма многимъ изъ нихъ возможность внести за себя и за семейство свое деньги безъ малѣйшаго замедленія; въ такомъ случаѣ выкупившіе свою личность пріобрѣтаютъ право на владѣніе своею усадебною осѣдлостію въ размѣрѣ, опредѣленномъ отношеніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, и останется только опредѣлить пространство земли подъ огородомъ необходимое для удовлетворенія ихъ собственныхъ нуждъ, которое надобно будетъ отдѣлить имъ въ полную собственность. Сообразно съ точнымъ смысломъ циркуляра г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 5 декабря 1857 года, подъ усадебною осѣдлостію слѣдуетъ разумѣть только крестьянскія жилыя и хозяйственныя строенія съ землею подъ ними и подъ огородами, о гумнахъ несказано ни слова; слѣдовательно, по точному смыслу Высочайшаго рескрипта и приложеннаго къ оному толкованія министра внутреннихъ дѣлъ, огуменная земля, размѣръ которой весьма различенъ въ разныхъ мѣстностяхъ и бываетъ иногда весьма значителенъ, не подлежитъ выкупу и должна оставаться собственностію помѣщика, со включеніемъ ея въ составъ полевой земли; также, хотя и сказано въ § 7 циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, что размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ; но оцѣнить ихъ даже приблизительно вѣрно нѣтъ почти никакой возможности, и къ тому же всякая правильная оцѣнка, кромѣ участія заинтересованныхъ сторонъ, должна быть произведена при посредствѣ постороннихъ, неприкосновенныхъ къ дѣлу, безпристрастныхъ лицъ, которыхъ найти очень трудно и не всегда возможно. Потому въ видахъ обоюдной пользы и слѣдуя побужденіямъ справедливости, дворянство имѣетъ полное право отказаться отъ стѣснительной оцѣнки промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ, съ тѣмъ однако же, чтобы за исключеніемъ жилыхъ и собственно хозяйственныхъ строеній, также пространства земли подъ ними и подъ огородами, размѣръ котораго долженъ быть въ точности опредѣленъ сообразно

съ насущными потребностями крестьянина,—всѣ прочія, сдѣланныя на помѣщичьей землѣ постройки, какъ то: вѣтряныя и водяныя мельницы, маслобойни, крахмальные, паточные и крупяные заводы и всякаго рода заведенія и строенія, построенныя крестьянами для полученія отъ нихъ постояннаго вѣрнаго дохода, были причислены къ числу оброчныхъ статей, отъ которыхъ помѣщикъ по взаимному соглашенію съ крестьяниномъ имѣетъ право получать извѣстную умѣренную плату, которая никогда не можетъ сдѣлаться произвольною, въ слѣдствіе очень простаго и яснаго расчета, что всякое излишнее требованіе со стороны помѣщика заставило бы крестьянина немедленно прекратить съ явнымъ ущербомъ для землевладѣльца всякое промышленное производство, не приносящее выгоды занимающемуся имъ. Въ случаѣ же пріобрѣтенія крестьянскимъ обществомъ въ полное владѣніе покупкой у помѣщика всей состоящей въ пользованіи его тягловой земли, право пользованія оброчными статьями по всей справедливости должно сдѣлаться принадлежностію крестьянской общины. Крестьянскія общества или отдѣльные члены ихъ, согласившіеся внести за себя помѣщику личный умѣренный выкунъ для пріобрѣтенія въ законную собственность жилыхъ и хозяйственныхъ строеній съ состоящею подъ ними усадебною землею и со включеніемъ опредѣленнаго пространства земли подъ огородомъ, пріобрѣтаютъ вполнѣ права свободнаго состоянія до истеченія предположеннаго въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ 12-ти лѣтняго срока; отношенія ихъ къ прежнему владѣльцу становятся совершенно свободными и пользованіе помѣщичьею тягловою землею не можетъ въ такомъ случаѣ быть для нихъ обязательнымъ; они пользуются правомъ купли и найма состоящей въ ихъ пользованіи помѣщичьей земли на условіяхъ свободнаго договора, съ тѣмъ однако же, чтобы крестьянинъ, внесшій за себя и за семью свою выкупную сумму, но тѣмъ не менѣе состоящій въ составѣ крестьянскаго общества, не внесшаго еще за себя опредѣленнаго выкупа, — обязанъ былъ въ пользованіи купленнаго или нанимаемаго имъ у помѣщика участка тягловой земли, а равно въ отправленіи мірскихъ повинностей, подчиняться всѣмъ правиламъ мірскаго общиннаго устройства; равнымъ образомъ состоящіе въ пользованіи срочнообязанныхъ крестьянъ участки тягловой земли не должны быть отчуждаемы помѣщикомъ и продаваемы даже за высокую цѣну пріобрѣвшимъ права личной свободы и владѣнія усадебною осѣдлостію откупившимся крестьянамъ.

Въ случаѣ, ежели крестьянское общество согласится на взносъ за свою осѣдлость опредѣленнаго выкупа соразмѣрно значущемуся по ревизіи числу мужскихъ душъ, было бы полезно и даже необ-

ходимо для облегченія одинакихъ и обремененныхъ семействомъ неимущихъ крестьянъ постановить, чтобы общество разложило всю сумму слѣдующаго съ него за усадебную осѣдлость выкупа, по числу крестьянскихъ тяголъ; въ такомъ случаѣ по взаимному соглашенію помѣщика съ крестьянами выкупъ крестьянской осѣдлости можетъ быть разсроченъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки безъ платежа за разсрочку узаконенныхъ процентовъ.

По опредѣленіи точнаго размѣра выкупа крестьянскихъ осѣдлостей соразмѣрно количеству числящихся по ревизіи мужскихъ душъ останется только опредѣлить, какимъ образомъ этотъ выкупъ можетъ быть произведенъ съ возможнымъ облегченіемъ для крестьянскихъ обществъ; для того представляются два способа: выкупъ деньгами или работою. Размѣръ ежегоднаго платежа за мужскую ревизскую душу не долженъ превосходить трехъ руб. сер., что составитъ около семи руб. на тягло. Выборъ того или другаго способа выкупа долженъ быть предоставленъ на волю крестьянскихъ обществъ, съ тѣмъ однако же, чтобы все общество приняло на себя отвѣтственность за всѣхъ своихъ членовъ въ исправномъ платежѣ слѣдуемаго съ онаго ежегоднаго взноса. Крестьянское общество, согласившееся на денежный выкупъ своихъ осѣдлостей, распредѣляетъ сумму слѣдующаго съ него ежегоднаго платежа по три руб. сер. на мужскую ревизскую душу, по числу крестьянскихъ тяголъ, и поручается за всѣхъ своихъ членовъ, которые въ слѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ не въ состояніи будутъ внести слѣдующаго съ ихъ тягловаго участка количества ежегоднаго платежа,—съ предоставленіемъ обществу права выбирать накопившуюся на отдѣльныхъ крестьянахъ недоимку законнымъ порядкомъ, на основаніи особыхъ, въ точности опредѣленныхъ правилъ о взысканіи казенныхъ и частныхъ недоимокъ; нестарательные и недобросовѣстные плательщики подлежатъ ограниченію своей свободы и подвергаются различнаго рода исправительнымъ мѣрамъ, въ законахъ постановленнымъ. Однажды опредѣленный ежегодный взносъ долженъ быть вносимъ крестьянскими обществами бездоимочно.

Въ случаѣ, ежели крестьянское общество не согласится или не въ состояніи будетъ принять на себя отвѣтственность въ исправномъ платежѣ ежегоднаго денежнаго выкупа, оно пользуется правомъ произвести выкупъ своихъ осѣдлостей посредствомъ опредѣленнаго количества рабочихъ дней, назначаемыхъ сверхъ опредѣленныхъ положеніемъ урочныхъ работъ за предоставленную въ пользованіе обществъ пахатную и сѣнокосную землю. Сумма личныхъ работъ за выкупъ усадебной осѣдлости по переведеніи на деньги равнымъ образомъ не должна превосходить каждогодно трехъ руб. на мужскую

ревизскую душу или семи руб. на тягло. Оцѣнка же рабочихъ дней, лѣтнихъ и зимнихъ, мужскихъ и женскихъ, а равно конныхъ работъ и зимнихъ подводъ должна быть произведена добросовѣстно съ соблюденіемъ по возможности крестьянскаго интереса. Въ случаѣ выкупа обществомъ своей осѣдлости посредствомъ работъ, оно равнымъ образомъ принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣхъ своихъ отдѣльныхъ членовъ. По окончаніи каждаго года, крестьянскія общества, согласившіяся на тотъ или другой способъ выкупа и уплатившія помѣщику деньгами или работою опредѣленное количество выкупной суммы, получаютъ отъ помѣщика свидѣтельство въ точномъ выполненіи обществами за такой-то годъ принятой ими на себя обязанности. Впрочемъ, по добровольному соглашенію между владѣльцами и крестьянскими обществами, количество ежегоднаго платежа деньгами или работою за усадебную осѣдлость можетъ быть возвышено въ видахъ обоюдной пользы и скорѣйшаго полнаго освобожденія цѣлыхъ обществъ или отдѣльныхъ членовъ ихъ отъ помѣщичьей зависимости.

Установленіе равномѣрнаго и умѣреннаго выкупа крестьянской осѣдлости деньгами или работою по числу мужскихъ ревизскихъ душъ, съ раскладкой его на владѣемые крестьянами тягловые участки земли и съ отвѣтственностію всего общества за неисправныхъ, нестарательныхъ, хворыхъ, а равно обремененныхъ большимъ семействомъ одинокихъ крестьянъ, при всей затруднительности своей, больше удовлетворяетъ требованіямъ справедливости и представляетъ больше ручательствъ за успѣшное и для обѣихъ сторонъ удовлетворительное разрѣшеніе этого важнаго государственнаго вопроса, соотвѣтственно изображеннымъ въ рескриптѣ отъ 5 декабря 1857 года Высочайшимъ видамъ и желаніямъ.

3-мъ пунктомъ Высочайшаго рескрипта предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которую они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

Надѣлъ крестьянскихъ обществъ землею, по выраженію Высочайшаго рескрипта, опредѣляется мѣстными удобствами и не можетъ быть одинаковъ повсемѣстно; тѣмъ не менѣе количество выдѣляемой крестьянскимъ обществомъ тягловой земли по всей справедливости должно быть не менѣе пропорціи земли, обработываемой крестьянами на помѣщика. Въ мѣстностяхъ, изобилующихъ достаточнымъ количествомъ земли, самый малый надѣлъ на тягло долженъ быть не менѣе трехъ десятинъ пашни и столько же покосу въ трехъ поляхъ, полагая въ томъ числѣ и паровое поле; это количество смотря

по мѣстнымъ удобствамъ можетъ быть возвышено до осьми десятинъ на тягло въ такомъ случаѣ, ежели крестьянское общество согласится обработать равное количество земли на помѣщика; осьмидесятинная пропорція пашни и покосу на тягло есть лучшая, потому что при такомъ надѣлѣ крестьянинъ можетъ содержать достаточное количество скота для удобренія своего участка и не будетъ нуждаться въ хлѣбѣ для прокормленія своего семейства, къ тому же старательный и исправный крестьянинъ легко можетъ обработать восемь десятинъ земли на себя и столь же на помѣщика. Но ежели по малоземельности дачи, владѣлецъ не въ состояніи надѣлить крестьянина восмью десятинами на тягло, въ такомъ случаѣ законный надѣлъ долженъ быть опредѣленъ не менѣе шести десятинъ въ имѣніяхъ, гдѣ за надѣломъ землею крестьянскаго общества останется въ пользованіи помѣщика не меньшее количество земли, вполнѣ достаточное для поддержанія на указанныхъ Высочайшимъ рескриптомъ основаніяхъ, существующаго нынѣ устройства помѣщичьихъ имѣній. Ежели за надѣломъ крестьянскихъ обществъ землею оставшееся въ пользованіи помѣщика количество земли будетъ съ согласія его нѣсколько менѣе предоставленнаго въ пользованіе крестьянъ, въ такомъ случаѣ крестьянское общество, сверхъ опредѣленныхъ по положенію работъ, обязано за лишнюю предоставленную въ пользованіе крестьянъ землю вносить помѣщику соотвѣтственный цѣнности урочныхъ работъ за таковое же количество земли закономъ установленный оброкъ.

Въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, небогатыхъ землею, ежели за надѣломъ крестьянскихъ обществъ опредѣленнымъ количествомъ земли не останется въ пользованіи помѣщика достаточнаго количества пашни и луговъ, необходимаго для поддержанія его собственнаго хозяйства, въ такомъ случаѣ вся владѣльческая дача по справедливости должна быть раздѣлена на двѣ равныя части съ уравненіемъ выгодъ мѣстности и достоинства земли и съ разведеніемъ по возможности къ однѣмъ мѣстамъ: одна половина должна быть предоставлена въ пользованіе крестьянскаго общества, отбывающаго за нее работу по положенію или платящаго помѣщику опредѣленный за землю оброкъ; другая же половина должна оставаться въ неограниченномъ законными постановленіями распоряженіи владѣльца земли. Крестьянское общество, получившее въ надѣлъ количество земли, недостаточное для удовлетворенія нуждъ всего общества, разбиваетъ землю на тягла и полутягла, наблюдая притомъ, чтобы семейства недостаточныя, имѣющія право на полученіе тягла и непользующіяся промысловыми доходами, были надѣлены шестидесятинною пропорціею земли, опредѣленною на тягло; за надѣломъ

такихъ семей, остальная земля распредѣляется міромъ между всѣми остальными членами крестьянскаго общества уравнительнымъ образомъ, соображаясь съ нуждами и промысловыми доходами каждой отдѣльной семьи.

При обязательномъ надѣлѣ землею крестьянскихъ обществъ за опредѣленныя повинности деньгами или работою, необходимо опредѣленіе высшаго надѣла, который не долженъ превышать четырехъ десятинъ на мужскую ревизскую душу; этотъ надѣлъ можетъ быть уменьшенъ до трехъ, двухъ и даже менѣе десятинъ на душу въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ за надѣломъ землею крестьянскихъ обществъ останется въ распоряженіи помѣщика ограниченное количество земли, непревышающее предоставленнаго въ пользованіе крестьянъ. Высшій надѣлъ по четыре десятины на душу вполнѣ достаточенъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни крестьянскаго народонаселенія, но онъ въ тоже время составляетъ предѣлъ, за границами коего обязательная повинность работой, состоящая въ обработкѣ крестьяниномъ равнаго количества земли на помѣщика, была бы для крестьянскихъ обществъ стѣснительна и почти невозможна. Равнымъ образомъ платежъ соотвѣтственнаго цѣнности урочныхъ работъ оброка за неопредѣленное количество земли, превышающее четырехъ-десятинный надѣлъ на мужскую ревизскую душу былъ бы для крестьянскихъ обществъ не менѣе отяготителенъ. Въ слѣдствіе этихъ соображеній было бы полезно постановить слѣдующія правила: 1) Крестьянское общество пользуется за установленныя закономъ повинности деньгами или работою надѣломъ опредѣленнаго количества земли, непревышающаго четырехъ десятинъ на мужскую ревизскую душу. 2) Надѣлъ по четыре десятины на душу можетъ быть уменьшенъ до трехъ и даже до двухъ десятинъ на душу въ такомъ случаѣ, ежели за надѣломъ землею крестьянскихъ обществъ остается во владѣніи помѣщика ограниченное количество земли, непревышающее крестьянскаго тягловаго надѣла. 3) Обязательный надѣлъ крестьянскихъ обществъ землей въ потомственное неотъемлемое пользованіе ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать половиннаго количества всѣхъ состоящихъ во владѣніи помѣщика земляныхъ угодій. 4) Помѣщикъ пользуется правомъ надѣлить крестьянское общество въ потомственное пользованіе излишнею пропорціею земли изъ оставшагося въ его распоряженіи половиннаго количества всей владѣльческой дачи, въ такомъ случаѣ, ежели по обоюдному соглашенію общество согласится вносить за эту землю закономъ установленныя подати. 5) Крестьянское общество, получившее въ надѣлъ отъ помѣщика ограниченное количество земли, несоставляющее двухъ десятинъ на мужскую ревизскую душу, долж-

но быть освобождено отъ исполненія урочныхъ обязательныхъ работъ за предоставленную въ пользованіе общества землю и пользуется правомъ вносить за нее помѣщику соразмѣрный цѣнности урочныхъ работъ закономъ установленный оброкъ. 6) Отдача въ наемъ оставшихся въ распоряженіи помѣщика земель должна быть вполнѣ свободная и никакимъ законнымъ ограниченіямъ не подлежитъ.

Уравненіе правъ и интересовъ земледѣльцевъ и крестьянскихъ обществъ явно истекаетъ изъ прямаго смысла Высочайшаго рескрипта отъ 5 декабря, въ которомъ опредѣлительно сказано: «предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ количество земли, за которую они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику». Ровный раздѣлъ земли послужитъ къ обоюдной выгодѣ, какъ владѣльцевъ, такъ равно и крестьянъ, обезпечивая съ одной стороны на будущее время поземельную собственность и справедливые интересы землевладѣльцевъ, съ другой же стороны опредѣляя и полагая крайній предѣлъ обязательнымъ повинностямъ работой и оброкомъ крестьянскихъ общеетвъ; освобожденіе крестьянскаго труда отъ произвола земледѣльцевъ и огражденіе правъ крестьянскихъ обществъ отъ малѣйшаго нарушенія ясными и опредѣлительными законоположеніями вполнѣ обезпечитъ улучшеніе ихъ быта и послужитъ достаточнымъ ручательствомъ за точное выполненіе обществами ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ.

ГЛАВА II.

О новыхъ взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и поселенными на ихъ землѣ крестьянскими обществами.

1) Права землевладѣльцевъ на полученіе соотвѣтственнаго вознагражденія за предоставленную въ пользованіе крестьянъ землю неоспоримы Это вознагражденіе можетъ быть трехъ родовъ и состоять: 1) въ обработкѣ міромъ опредѣленнаго количества помѣщичьей земли; 2) въ замѣненіи обязательной работы опредѣленнымъ оброкомъ; 3) въ соединеніи работъ съ оброкомъ по взаимному соглашенію владѣльца съ крестьянскимъ обществомъ. Во всѣхъ вышепоименованныхъ случаяхъ крестьянское общество поручается за всѣхъ отдѣльныхъ своихъ членовъ и отвѣчаетъ за точное выполненіе возложенныхъ на него, закономъ опредѣленныхъ обязанностей. Подлежащее отвѣтственности передъ помѣщикомъ за невы-

полненіе отдѣльными крестьянами урочныхъ работъ и неисправный платежъ оброка общество пользуется правомъ подвергать неисправныхъ, нерадивыхъ и недобросовѣстныхъ крестьянъ законнымъ, въ точности опредѣленнымъ взысканіямъ, на основаніи постановленій тщательно составленнаго сельскаго устава. Рѣшенія крестьянскаго общества подлежатъ контролю помѣщика или его управляющаго; какъ владѣлецъ, такъ равно и крестьянское общество, въ случаѣ возникшаго между ними несогласія, подчиняются приговору предполагаемыхъ въ уѣздѣ посредническихъ присутствій.

2) Въ случаѣ замѣны по взаимному соглашенію урочныхъ обязательныхъ работъ опредѣленнымъ оброкомъ съ работами или безъ работъ, владѣлецъ и крестьяне заключаютъ между собою на опредѣленное число лѣтъ контрактъ съ означеніемъ въ немъ количества земли, разныхъ угодій и мѣстныхъ удобствъ, предоставленныхъ въ пользованіе крестьянъ и съ опредѣленіемъ слѣдующаго владѣльцу за уступленную въ пользованіе крестьянскаго общества землю условленнаго вознагражденія деньгами или вмѣстѣ и работами.

3) Въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, опредѣленныхъ законоположеніями, должно быть допущено обращеніе оброчныхъ крестьянъ на урочно-обязательныя работы для обезпеченія исправнаго взноса оброчной повинности и для предупрежденія всякой попытки со стороны крестьянскихъ обществъ къ недобросовѣстному исполненію своихъ обязанностей.

4) Равнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, для уравненія обоюдныхъ выгодъ владѣльцевъ и крестьянъ и въ видахъ увеличенія благосостоянія этихъ послѣднихъ, долженъ быть допущенъ переходъ отъ обязательныхъ работъ на оброкъ, по желанію однѣхъ лишь крестьянъ и съ разрѣшенія предполагаемыхъ въ уѣздахъ новыхъ присутствій, на основаніи точныхъ постановленій объ этомъ предметѣ.

5) Крестьянское общество обязано обработать на помѣщика опредѣленное количество земли, непревышающее полученнаго имъ въ надѣлъ отъ помѣщика, или же вносить за полученную въ пользованіе землю оброкъ, соразмѣрный цѣнности обязательныхъ урочныхъ работъ, въ точности опредѣленныхъ.

6) Поступившая въ пользованіе крестьянскаго общества земля должна быть отдѣлена отъ владѣльческой дачи и замежевана въ въ одну окружную межу; на нее долженъ быть выданъ обществу планъ, съ означеніемъ въ немъ количества пашни, луговъ и разныхъ угодій, предоставленныхъ въ пользованіе общества, владѣльцу же выдается съ плана засвидѣтельствованная копія; въ планѣ озна-

чается лишь общій итогъ пашни, луговъ и всякихъ угодій, распредѣленіе которыхъ между членами крестьянскаго общества, предоставляется мірскому разбирательству. Слѣдующія за планъ и за размежеваніе крестьянскаго участка деньги вносятся всѣми членами крестьянскаго общества черезъ равную раскладку на всѣ тягла.

7) Изъ остальной владѣльческой дачи нарѣзывается участокъ земли одинаковой мѣры съ крестьянскимъ участкомъ и переносится на планъ съ означеніемъ въ немъ количества пашни и луговъ; весь владѣльческій участокъ разбивается на десятины казенныя или хозяйственныя, смотря по надѣлу землею крестьянскихъ тяголъ, такимъ образомъ, чтобы на каждое крестьянское тягло приходилось въ господскомъ полѣ одинаковое количество пашни и луговъ, не болѣе и не менѣе. Раздѣленіе владѣльческаго участка на десятины опредѣленной мѣры необходимо также и потому, чтобы владѣлецъ въ видахъ обоюдной пользы могъ отпускать на оброкъ отдѣльныхъ крестьянъ, которыхъ обязательные участки въ господскомъ полѣ исключаются въ такомъ случаѣ изъ общаго мірскаго участка, подлежащаго обработкѣ всѣмъ обществомъ. Обработка упраздненнаго участка, въ слѣдствіе выхода на оброкъ отдѣльнаго крестьянина и поручительство за послѣдняго въ исправной уплатѣ оброка для общества необязательны; слѣдующія же за планъ и за размежеваніе владѣльческаго участка деньги вносятся владѣльцемъ, которому выдается на отмежеванный участокъ планъ; крестьянскому обществу выдается съ плана засвидѣтельствованная копія.

8) Ежели въ слѣдствіе неправильнаго расположенія или узкости дачи, или по какимъ либо другимъ причинамъ, отдѣленіе крестьянскихъ полей отъ господскихъ не можетъ быть произведено безъ ущерба для крестьянскаго общества или для помѣщика, то подобный случай поступаетъ на разсмотрѣніе предполагаемаго посредническаго присутствія, которое изыскиваетъ средства и предлагаетъ мѣры къ полюбовному соглашенію между собою владѣльцевъ и крестьянъ. Ежели для развода земель къ однимъ мѣстамъ необходимо перенесеніе господскихъ или крестьянскихъ усадебъ на другое мѣсто, въ такомъ случаѣ посредническое присутствіе приступаетъ къ правильной оцѣнкѣ усадебной и полевой земли, находящейся въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи и къ смѣтѣ издержекъ на перенесеніе жилыхъ и прочихъ хозяйственныхъ строеній. По уравненіи обоюдныхъ выгодъ владѣльца и крестьянъ посредническое присутствіе опредѣляетъ соотвѣтственное вознагражденіе той сторонѣ, которая согласится на перенесеніе своей осѣдлости на новое мѣсто и употребляетъ всѣ законныя средства убѣжденія къ заключенію полюбовной сдѣлки между владѣльцемъ и крестьянскимъ обществомъ.

Крестьянское общество и владѣлецъ земли, согласившіеся между собою полюбовно или чрезъ посредство предполагаемаго особаго присутствія на перенесеніе своихъ усадебъ на новое мѣсто, заключаютъ между собою условіе, которымъ опредѣляется выселяющейся сторонѣ вознагражденіе за усадебную землю и за издержки на перенесеніе и перестройку хозяйственныхъ строеній; посредническое присутствіе утверждаетъ сдѣлку и наблюдаетъ за приведеніемъ ея въ исполненіе. Ежели же владѣлецъ и крестьянское общество, не смотря на убѣжденія посредническаго присутствія, не согласятся на перенесеніе своихъ усадебъ на другое мѣсто, въ такомъ случаѣ усадебныя осѣдлости остаются неприкосновенными, полевая же пахатная и сѣнокосная земля дѣлится уравнительнымъ образомъ во всѣхъ трехъ поляхъ и отводится по возможности къ однимъ мѣстамъ, при чемъ надобно избѣгать чрезмѣрнаго дробленія пахатныхъ и луговыхъ участковъ. Въ такомъ случаѣ выдается владѣльцу и крестьянамъ общій планъ на землю, съ точнымъ означеніемъ на немъ владѣльческихъ и крестьянскихъ участковъ; слѣдующія за планъ и за размежеваніе деньги уплачиваются обѣими сторонами по ровну. Крестьянскому обществу выдается съ общаго плана засвидѣтельствованная копія.

9) Надѣлъ землею крестьянскихъ обществъ не можетъ быть одинаковъ для всѣхъ мѣстностей, но долженъ сообразоваться съ количествомъ находящейся во владѣніи помѣщика земли; обыкновенный надѣлъ землею крестьянскихъ обществъ въ большей части владѣльческихъ имѣній полагается по шести десятинъ на тягло, что составляетъ нѣсколько менѣе трехъ десятинъ на мужскую ревизскую душу; въ нѣкоторыхъ же имѣніяхъ этотъ надѣлъ простирается до восьми десятинъ на тягло и даже болѣе, или около четырехъ десятинъ на душу. Восьми-десятинная пропорція на тягло есть лучшая, какъ вполнѣ обезпечивающая правильное устройство крестьянскаго хозяйства и безбѣдное продовольствіе сельскаго народонаселенія достаточнымъ количествомъ некупленнаго хлѣба; надѣлъ вполнѣ достаточнымъ количествомъ земли, не менѣе четырехъ десятинъ на мужскую душу, въ особенности важенъ и необходимъ для издѣльныхъ имѣній въ губерніяхъ, небогатыхъ мѣстными промыслами, въ которыхъ крестьяне по окончаніи полевыхъ работъ и по прекращеніи молотьбы хлѣба затрудняются въ способахъ къ пріобрѣтенію денегъ на повинности и на хозяйственныя нужды, и гдѣ зимніе извозы составляютъ единственный и невсегда надежный промыселъ, обезпечивающій уплату казенныхъ и господскихъ повинностей. Въ губерніяхъ же промышленныхъ съ густымъ народонаселеніемъ, хотя и не богатыхъ землею, надѣлъ сею по три десятины на муж-

скую ревизскую душу можетъ оказаться достаточнымъ при обилiи мѣстныхъ промысловъ и при высокихъ цѣнахъ на работу въ богатыхъ селахъ и городахъ, въ особенности же по сосѣдству губернскихъ городовъ и столицъ, представляющихъ мѣстнымъ обитателямъ разнообразные источники доходовъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ надѣлъ землею составляетъ не менѣе четырехъ и по меньшей мѣрѣ трехъ десятинъ на мужскую ревизскую душу, введеніе правильнаго и справедливаго урочнаго положенія для издѣльныхъ имѣній, въ точности исполняемаго безъ малѣйшихъ нарушеній, не представляетъ особенныхъ затрудненій и не можетъ повредить благосостоянію крестьянскихъ обществъ; въ имѣніяхъ же малоземельныхъ, гдѣ надѣлъ земли составляетъ не болѣе двухъ десятинъ и даже менѣе на мужскую ревизскую душу, введеніе урочнаго положенія неудобоисполнимо и должно быть замѣнено положеніемъ оброчнымъ, чтобы крестьяне, ненадѣленные достаточнымъ количествомъ полевой пахатной и сѣнокосной земли, не были отрываемы отъ промысловъ и могли безъ затрудненія уплачивать государственныя и господскія повинности, обезпеченныя отвѣтственностію всего крестьянскаго общества за отдѣльныхъ своихъ членовъ.

10) Крестьянскія общества могутъ быть надѣляемы тягловою землею не только въ поляхъ смежныхъ съ селеніями, но и въ отхожихъ пустошахъ, отдаленныхъ отъ деревень на разстояніе не болѣе двѣнадцати верстъ; въ случаѣ согласія крестьянскихъ обществъ, это разстояніе можетъ быть увеличено; надѣлъ пустошными землями не долженъ составлять больше шестой части всего тягловаго надѣла, но въ такомъ случаѣ крестьянское общество обработываетъ на помѣщика соотвѣтственное тягловому надѣлу количество земли какъ въ поляхъ, такъ и въ пустошахъ.

11) Цѣнность земляныхъ угодій не можетъ быть опредѣлена съ совершенною точностію и бываетъ болѣе или менѣе значительна, смотря по достоинству земель, по отдаленности ихъ отъ селеній или близости къ нимъ и соотвѣтственно мѣстности болѣе или менѣе населенной; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кортомная цѣнность полевой пахатной земли, нанимаемой на сторонѣ доходитъ до рубля серебромъ и болѣе за крестьянскую сотню, составляющую шестую часть казенной десятины; дурныя пахатныя земли отдаются по шестидесяти и по семидесяти копѣекъ серебромъ за сотню, за снятіе одного хлѣба и удобряются самими съемщиками, что значительно увеличиваетъ наемную плату и дѣлаетъ ихъ для крестьянъ невыгодными, потому что употребленное для поправки земли удобреніе по снятіи яроваго хлѣба остается въ пользу владѣльца земли,— слѣдовательно пользованіе тягловою землею, постоянно удобряемою хо-

зяиномъ и обезпеченною въ пользованіи крестьянскаго общества, при точномъ выполненіи имъ опредѣленныхъ закономъ обязанностей въ отношеніи къ землевладѣльцу, несравненно выгоднѣе какъ для отдѣльныхъ крестьянъ, такъ и для всего общества; по вышеприведенному расчету, полевую пахатную землю хорошаго качества, изстари удобренную, можно приблизительно оцѣнить по крайней мѣрѣ по рублю серебромъ за сотню или по шести руб. сер. за казенную десятину. (*) Стоимость хорошей луговой земли бываетъ не менѣе значительна; сѣнокосныя пустоши, на половину поросшія молодымъ лѣсомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдаются по два и по три рубли серебромъ за казенную десятину, что составляетъ отъ четырехъ до шести рублей серебромъ за десятину чистаго покоса; стоимость полевой сѣнокосной земли смежной съ селеніями можно по справедливости опредѣлить въ шесть рублей за десятину. Поемные луга имѣютъ цѣнность несравненно болѣе значительную и наемная плата за нихъ очень высока.

Опредѣленіе наемной платы по шести руб. сер. въ общей сложности за казенную десятину предоставленной въ пользованіе крестьянскихъ обществъ полевой земли будетъ довольно близко подходить къ настоящей ея цѣнности; при отвѣтственности же всего общества за неисправныхъ плательщиковъ, эта плата можетъ быть понижена до пяти руб. за десятину, безъ нарушенія существенныхъ выгодъ землевладѣльцевъ, обезпеченныхъ въ исправности платежа ручательствомъ всего общества за отдѣльныхъ своихъ членовъ.

12) Обработка наймомъ крестьянскаго тягла, надѣленнаго шестью десятинами полевой пахатной и сѣнокосной земли обходится болѣе тридцати руб. сер. по слѣдующему приблизительно вѣрному расчету: за дву-кратную вспашку и бороньбу на хозяйской лошади десятины озимаго и яроваго хлѣба платятъ обыкновенно по три руб. сер. пахарю, и вмѣстѣ сѣвцу, что составляетъ за двѣ десятины шесть рублей; работу крестьянской лошади слѣдуетъ оцѣнить по крайней мѣрѣ въ три руб. сер., потому что пашущіе на своихъ лошадяхъ берутъ за двукратную вспашку, засѣвъ и бороньбу десятины пашни по четыре руб. и пятидесяти коп. и дороже, что составляетъ за двѣ десятины пашни девять руб.; городьба въ поляхъ и около усадьбы наемными работниками стоитъ по меньшей мѣрѣ рубль серебромъ съ тягла; возка удобренія наемными людьми и лошадьми стоитъ три руб. сер. съ тягла, потому что обыкновенная плата конному работнику

(*) Читатель замѣтитъ, что эта цифра и нѣкоторыя другія цифры, принимаемыя авторомъ, относятся къ промышленнымъ подмосковнымъ губерніямъ. *Прим. ред.*

бываетъ по пятидесяти и по пятидесяти семи коп. сер. въ день на хозяйскихъ харчахъ; за десятину покосу платятъ наемнымъ работникамъ по три руб. сер. и болѣе съ тѣмъ, чтобы они скосили, выворочали, высушили и свалили сѣно въ сарай или сметали бы въ стогъ, наемъ же поденщиковъ при неблагопріятной погодѣ обходится дороже, слѣдовательно обработка наймомъ двухъ десятинъ покосу обходится не менѣе шести руб. сер.; уборка двухъ десятинъ хлѣба стоитъ по три руб. за десятину,—итого шесть руб.; перевозка съ поля въ гумно ржаныхъ и яровыхъ сноповъ стоитъ за двѣ десятины два рубля; за обмолотъ крестьянскаго хлѣба платятъ по три руб. съ тягла; перевозка наймомъ въ городъ на продажу средней пропорціи хлѣба, получаемой съ тягла при посредственномъ урожаѣ, обойдется по крайней мѣрѣ въ два руб., починка и ремонтъ телегъ, роспусковъ, саней, колесъ, серповъ, лошадиной сбруи, покупка осей и разныхъ необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства обходится крестьянскому тяглу не менѣе четырехъ руб.; слѣдовательно обработка наймомъ крестьянскаго тягла стоитъ тридцать два руб. и четыре руб. на починку и ремонтъ хозяйственныхъ принадлежностей, всего же тридцать шесть руб. сер. Поэтому довольно точному и добросовѣстному расчету, соотвѣтственная обработка четырехъ десятинъ пашни и луговъ въ господскомъ полѣ обходится крестьянскому тяглу свыше тридцати руб. сер., что совпадаетъ съ средней кортомною цѣнностію въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ шести десятинъ пахатной и сѣнокосной земли, предоставленной въ пользованіе крестьянскаго тягла. Такимъ образомъ крестьянское тягло уплачиваетъ помѣщику работою наемную стоимость уступленной въ пользованіе его пахатной и сѣнокосной земли.

13) Право землевладѣльца на работу крестьянскаго тягла за предоставленную въ его пользованіе землю основано на существующемъ издревле обычаѣ отдавать землю съ половины, т. е. съ условіемъ, чтобы наемщикъ вмѣсто денежной платы обработалъ на землевладѣльца такое же количество земли, какое предоставлено въ его собственное пользованіе. Такое обыкновеніе болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости, чѣмъ оцѣнка рабочихъ дней пѣшихъ и конныхъ, мужскихъ и женскихъ, принимая за основаніе расчета трехъ-дневную работу въ недѣлю въ продолженіе года; трехъ-дневное положеніе, чрезвычайно выгодное для владѣльцевъ, въ тоже время весьма обременительно для крестьянъ: по самой умѣренной оцѣнкѣ стоимость для помѣщика трехъ-дневной работы мужика и бабы за весь годъ никакъ не менѣе шестидесяти руб. сер., потеря же крестьянскаго тягла, прикованнаго въ лѣтнее и зимнее время къ господской работѣ, несравненно значительнѣе. Трудъ крестьянина

есть его неотъемлемая собственность и употребленіе его въ пользу владѣльца по всей справедливости должно быть соразмѣрно съ стоимостію земляныхъ угодій, полученныхъ крестьяниномъ въ надѣлъ отъ помѣщика и съ правомъ владѣльца на обработку крестьянином опредѣленнаго количества земли, соразмѣрнаго надѣлу землею крестьянскаго тягла; равнымъ образомъ опредѣленіе оброчнаго платежа за предоставленную въ пользованіе крестьянъ землю не должно превышать цѣнности обязательныхъ работъ, въ точности опредѣленныхъ урочнымъ положеніемъ для состоящихъ на пашнѣ владѣльческихъ имѣній.

14) Опредѣленіе оброчнаго платежа по тридцати руб. сер. за шесть десятинъ тягловой земли соразмѣрно стоимости обязательныхъ работъ, которыя владѣлецъ вправѣ требовать отъ крестьянина за предоставленную въ его пользованіе землю, основано на безпристрастной оцѣнкѣ существенныхъ правъ какъ владѣльца, такъ равно и крестьянина, и должно послужить къ уравненію обоюдныхъ выгодъ какъ того, такъ и другаго. Права владѣльца на предоставленную въ пользованіе крестьянскаго общества землю неоспоримы и не могутъ быть ограничены произвольной оцѣнкой стоимости ея, опредѣляемой наиболѣе справедливымъ образомъ стоимостію труда, необходимаго для обработки ея наймомъ; владѣлецъ земли, употребившій тридцать руб. сер. на обработку наймомъ опредѣленнаго количества земли, предоставленнаго въ пользованіе крестьянскаго тягла, получилъ бы при посредственномъ урожаѣ по крайней мѣрѣ шестьдесятъ руб., слѣдовательно тридцать руб. чистаго барыша, кромѣ выгоды, которую могъ бы пріобрѣсть отъ скота, пользующагося двумя десятинами пара. На основаніи этого расчета, крестьянинъ, получившій въ надѣлъ шесть десятинъ земли и заплатившій за нее тридцать руб., отдастъ землевладѣльцу только законную стоимость ея и тѣмъ обезпечитъ неприкосновенность своего собственнаго труда, составляющаго его неотъемлемый капиталъ, съ помощью котораго старательный и воздержный крестьянинъ можетъ вполнѣ обезпечить свое благосостояніе и достигнуть въ скоромъ времени полной независимости посредствомъ покупки у владѣльца за выгодную цѣну всей, состоящей въ пользованіи его, усадебной и полевой земли.

15) Замѣненіе обязательныхъ работъ платежемъ оброка по тридцати руб. сер. за шесть десятинъ тягловой земли послужитъ къ большому облегченію крестьянскихъ обществъ во всѣхъ промышленныхъ губерніяхъ, безъ нарушенія существенныхъ выгодъ помѣщиковъ; сохраненіе въ тоже время помѣщикамъ права на обязательную закономъ опредѣленную работу въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не пожелаютъ добровольно перейти съ издѣлія на оброкъ, обезпечитъ

землевладѣльцевъ въ средствахъ къ поддержанію существующаго нынѣ устройства помѣщичьихъ имѣній, на основаніи Высочайшаго Рескрипта отъ 5 декабря 1857 года.

16) Не должно быть возбраняемо землевладѣльцамъ заключать съ крестьянскими обществами условія, замѣняющія полный взносъ установленнаго оброка нѣкоторыми опредѣленными работами или произведеніями крестьянскаго хозяйства, цѣнность коихъ совокупно съ платимою обществами оброчною суммою не должна превосходить высшей нормы оброка, полагаемой въ тридцать рублей за шесть десятинъ тягловой земли.

17) Надѣлъ крестьянскихъ обществъ вполнѣ достаточнымъ количествомъ земли, за которую онѣ обязаны отбывать помѣщику опредѣленное количество работъ или платить соразмѣрный стоимости ея денежный оброкъ, обезпечивая съ одной стороны законные интересы землевладѣльцевъ, еще болѣе выгоденъ для крестьянскихъ обществъ, потому что стоимость земляныхъ угодій значительно возрастаетъ съ каждымъ годомъ, что даже и теперь замѣтно при сравненіи съ недавнимъ временемъ; съ другой же стороны обезпеченіе неприкосновенности крестьянской осѣдлости и всей находящейся въ пользованіи обществъ земли, при отвѣтственности всего міра за исправный взносъ оброчной суммы, послужитъ для крестьянскихъ обществъ побужденіемъ къ усердному и добросовѣстному труду и къ изысканію средствъ для выкупа не только своей осѣдлости, но и всей находящейся въ пользованіи обществъ земли. Пріобрѣтеніе ея крестьянскими обществами въ полную собственность можетъ быть произведено двоякимъ образомъ: посредствомъ добровольныхъ, основанныхъ на обоюдной выгодѣ соглашеній между владѣльцами и крестьянскими обществами или отдѣльными членами ихъ, или же при посредствѣ правительства чрезъ выкупъ на законномъ основаніи, въ точности опредѣленныхъ, крестьянскихъ обязательныхъ повинностей, денежныхъ и натуральныхъ.

18) Уступка усадебной земли въ полную собственность крестьянскихъ обществъ или отдѣльныхъ членовъ ихъ посредствомъ добровольныхъ соглашеній съ помѣщикомъ или же чрезъ законный выкупъ по распоряженію правительства крестьянскихъ обязательныхъ повинностей, въ точности опредѣленныхъ, составляетъ неотъемлемое право собственника, удовлетворяетъ требованіямъ справедливости и въ тоже время можетъ способствовать соблюденію крестьянскихъ интересовъ ограждая ихъ отъ стѣснительной оцѣнки усадебной земли, жилыхъ и хозяйственныхъ строеній, промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ, цѣнность которыхъ во многихъ мѣстностяхъ, при самой умѣренной и безпристрастной оцѣнки, долж

на оказаться чрезвычайно значительною. Принудительная уплата по произвольной оцѣнкѣ опредѣленнаго выкупа деньгами или работою за крестьянскую осѣдлость, при одновременномъ выполненіи натуральныхъ или денежныхъ повинностей за предоставленную въ пользованіе крестьянъ землю, поставила бы крестьянъ въ чрезвычайную зависимость отъ помѣщика и отдалила бы на неопредѣленное время дѣйствительное ихъ освобожденіе отъ стѣснительныхъ условій крѣпостнаго быта; между тѣмъ какъ обезпеченіе неприкосновенности крестьянской усадебной и полевой земли при точномъ выполненіи крестьянскими обществами закономъ опредѣленныхъ помѣщичьихъ повинностей, не подлежащихъ измѣненію по произволу землевладѣльца, и предоставленіе въ тоже время сельскимъ обществамъ и помѣщикамъ права свободной продажи и покупки недвижимой собственности или же выкупа обязательныхъ повинностей на разумно обдуманномъ, справедливомъ и законномъ основаніи послужитъ къ скорѣйшему достиженію крестьянами полной независимости посредствомъ пріобрѣтенія цѣлыми обществами или отдѣльными членами ихъ въ полное владѣніе покупкою у помѣщика на обоюдно выгодныхъ условіяхъ, всей состоящей въ пользованіи общества земли.

19) По истеченіи опредѣленнаго для переходнаго состоянія двѣнадцати-лѣтняго срока, когда правительствомъ дозволенъ будетъ переходъ крестьянамъ въ другія общества и города, желательно, чтобы владѣльцы были ограждены отъ произвольнаго переселенія цѣлыхъ деревень въ другія мѣстности. Вредныя послѣдствія такихъ переселеній могутъ быть ощутительны не для однихъ владѣльцевъ, но и для крестьянъ, пріучая ихъ къ бродяжничеству и безпечности; кромѣ того, они могутъ повлечь за собою уменьшеніе государственныхъ доходовъ и остановку въ отправленіи рекрутской повинности. Для предупрежденія же произвольнаго и вреднаго для селеній перехода отдѣльныхъ крестьянъ въ другія сословія должно быть дозволено установленіе одновременнаго денежнаго взноса въ пользу остающихся на мѣстѣ членовъ сельскихъ обществъ; денежный взносъ долженъ быть соразмѣренъ съ невыполненными въ отношеніи къ обществамъ обязанностями переселяющихся въ другія мѣстности крестьянъ и распредѣляться по числу мужскихъ душъ, подлежащихъ рекрутской очереди, полагая двухъ совершенно-лѣтнихъ мужиковъ за полнаго рекрута, несовершенно-лѣтнихъ же, двухъ подростковъ, начиная съ десяти-лѣтняго возраста, за половиннаго. Крестьянское общество, получившее денежное обезпеченіе съ переходящихъ въ другія мѣстности и подлежащихъ рекрутской очереди крестьянъ, обязано въ такомъ случаѣ отбывать за нихъ рекрутскую повинность и платить государственныя повинности до наступленія

новой ревизіи; неподлежащіе же рекрутской очереди крестьяне, получившіе дозволеніе на переходъ, обязаны обезпечить платежъ казенныхъ и помѣщичьихъ повинностей за состоящую въ ихъ пользованіи землю, которую они могутъ сдать по контракту другимъ крестьянамъ съ обязательствомъ вносить за нее закономъ опредѣленныя подати. Въ случаѣ, ежели бы предлагаемая за сдаваемую землю цѣна оказалась ниже общей суммы слѣдующихъ за нее казенныхъ и помѣщичьихъ повинностей, сдающій ее, переходящій въ другую мѣстность крестьянинъ обязанъ обезпечить исправную уплату повинностей денежнымъ залогомъ, проценты съ которою равнялись бы недостающей за сдаваемую землю суммѣ опредѣленнаго за нее ежегоднаго платежа; по возвышеніи же въ послѣдствіи цѣны на землю до установленной нормы, денежный залогъ долженъ быть внесшему его единовременно возвращенъ. Установленіе единовременныхъ денежныхъ взносовъ съ переходящихъ въ другія мѣстности отдѣльныхъ крестьянъ есть законная и справедливая мѣра вознагражденія крестьянскихъ обществъ за круговое поручительство ихъ за отдѣльныхъ своихъ членовъ и за пользованіе сими послѣдними съ рожденія до смерти неоцѣненными благодѣяніями общиннаго быта. Образовавшіяся отъ единовременныхъ взносовъ суммы присоединяются къ мірскому капиталу и должны служить обезпеченіемъ исправной уплаты государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей.

20) Переходящіе въ другія мѣстности отдѣльные крестьяне, исполнившіе свои обязанности къ крестьянскимъ обществамъ, не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ въ распродажѣ остающихся на мѣстѣ хозяйственныхъ строеній и всего своего движимаго имущества; пріобрѣтенная ими недвижимая собственность, заключающаяся въ составѣ общиннаго участка земли, подлежитъ выкупу крестьянскимъ обществомъ, по цѣнѣ, означенной въ купчей крѣпости.

21) Помѣщикъ или управляющій имѣніемъ пользуются правомъ сдавать въ рекруты и предоставлять въ распоряженіе правительства вредныхъ для общины людей не иначе, какъ по мірскому приговору, и въ такомъ лишь случаѣ, ежели всѣ закономъ дозволенныя средства къ исправленію ихъ оказались недѣйствительными; старательные и исправные крестьяне въ издѣльныхъ и оброчныхъ имѣніяхъ, исполняющіе свои обязанности въ отношеніи къ помѣщику и къ обществу, пользуются правомъ получать безъ задержки срочные билеты и плакатные паспорты для временнаго проживательства по нимъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи.

22) Всѣ состоящіе въ разныхъ хозяйственныхъ должностяхъ при помѣщичьей усадьбѣ крестьяне, записанные по 10-й народной

переписи въ числѣ дворовыхъ людей, не должны быть принуждаемы къ обязательной службѣ помѣщику противъ ихъ желанія; но въ случаѣ обоюднаго согласія могутъ они заключать съ помѣщиками контракты на опредѣленное число лѣтъ.

23) Обученные помѣщикомъ собственнымъ иждивеніемъ разнымъ мастерствамъ и приспособленные къ занятіямъ на фабрикахъ и разныхъ заводахъ крестьяне, по выходѣ изъ ученія, обязаны прослужить помѣщику безусловно шесть лѣтъ, по прошествіи которыхъ могутъ они съ общаго согласія заключить съ владѣльцемъ контрактъ на опредѣленное число лѣтъ.

24) Возведеніе крестьянами мельницъ, маслобоенъ и разныхъ построекъ на общественной землѣ допускается не иначе какъ съ разрѣшенія крестьянскихъ обществъ и съ согласія помѣщика. Для предупрежденія бѣдственныхъ случаевъ отъ огня, крестьянскіе овины и маслобойни должны быть возводимы въ довольно большомъ разстояніи отъ селеній; промежутки между крестьянскими дворами должны быть не менѣе шести саженъ.

25) Распредѣленіе крестьянъ на сельскія общества и опредѣленіе наименьшаго состава ихъ необходимо для правильной развертки общественныхъ повинностей и для устройства общими средствами новыхъ запасныхъ магазиновъ, больницъ, сельскихъ училищъ, также для производства разныхъ общественныхъ работъ, которыя не могутъ быть исполнены скудными средствами отдѣльныхъ небольшихъ селеній. Наименьшій составъ ихъ долженъ быть опредѣленъ въ триста душъ; въ большихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ одному владѣльцу и состоящихъ изъ отдѣльныхъ, смежныхъ между собою деревень, расположенныхъ на владѣльческой дачѣ единственнаго владѣнія, замежеванной въ одну окружную межу, составъ сельскихъ обществъ не можетъ быть ограниченъ опредѣленнымъ количествомъ душъ; потому что чѣмъ значительнѣе составъ сельскихъ обществъ, тѣмъ удобнѣе всѣ отдѣльные члены его могутъ безъ обремененія нести различныя общественныя повинности и небольшими пожертвованіями деньгами или работою способствовать увеличенію всеобщаго благосостоянія. Какъ большія, такъ и малыя общества для общей пользы должны быть соединены въ одинъ сельскій округъ, со включеніемъ въ него отдѣльныхъ деревень, принадлежащихъ богатымъ владѣльцамъ, и казенныхъ селеній вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, находящихся въ центрѣ сельскаго округа; наименьшій составъ сельскихъ округовъ, состоящихъ изъ смежныхъ селеній, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, долженъ быть опредѣленъ по крайней мѣрѣ въ три тысячи душъ; государственныя и помѣщичьи повинности отбы-

ваются различными общинами, вошедшими въ составъ сельскаго округа, установленнымъ на то порядкомъ отдѣльно; но всѣ общественныя повинности денежныя и натуральныя по устройству хлѣбныхъ магазиновъ, больницъ, сельскихъ школъ, по содержанію въ исправности дорогъ, мостовъ, гатей, всякія общественныя работы и денежные сборы на составленіе мірскаго капитала и на разные непредвидѣнные мірскіе расходы, распредѣляются по ровну между отдѣльными деревнями, вошедшими въ составъ сельскаго округа. Такое устройство обезпечитъ благосостояніе отдѣльныхъ небольшихъ общинъ и послужитъ къ улучшенію большихъ и проселочныхъ дорогъ, которыя нынѣ по отдаленности и разбросанности участковъ находятся въ весьма плохомъ состояніи и становятся совершенно неудобными для проѣзда въ весеннее и осеннее время. Сельскіе округи должны быть подчинены власти выбраннаго владѣльцами изъ среды себя помѣщика, съ присоединеніемъ къ нему депутата отъ крестьянъ; эти лица совмѣстно наблюдаютъ за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ и за исполненіемъ законныхъ постановленій во ввѣренномъ ихъ надзору сельскомъ округѣ. Начальникамъ сельскихъ округовъ можетъ въ тоже время быть поручено мировое посредничество и разбирательство спорныхъ дѣлъ, могущихъ возникнуть между владѣльцами и крестьянскими обществами; примирительное вмѣшательство начальниковъ сельскихъ округовъ можетъ способствовать предупрежденію важныхъ столкновеній, неизбѣжныхъ при водвореніи новаго порядка вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ къ уменьшенію спорныхъ дѣлъ и къ облегченію важныхъ и многотрудныхъ занятій предполагаемыхъ въ уѣздахъ особыхъ присутствій.

26) Причисленіе отдѣльныхъ казенныхъ деревень, находящихся въ центрѣ сельскихъ округовъ, платежемъ мірскихъ повинностей, необходимыхъ для водворенія общественнаго благоустройства, къ сельскимъ округамъ, составленнымъ изъ поселенныхъ на помѣщичьей землѣ крестьянскихъ обществъ, и подчиненіе въ нѣкоторой степени по сбору мірскихъ повинностей государственныхъ крестьянъ власти окружныхъ сельскихъ начальниковъ будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на улучшеніе ихъ быта, послужитъ для нихъ побужденіемъ къ труду и бережливости, искоренитъ въ нихъ привычку къ лѣности и невоздержанію и доставитъ правительству возможность увеличить въ значительной степени денежныя повинности казенныхъ крестьянъ, соразмѣрно съ стоимостію состоящей въ пользованіи ихъ земли, что должно послужить къ чрезвычайному увеличенію государственныхъ доходовъ.

27) Каждое отдѣльное крестьянское общество обязано избрать

изъ среды себя мірскаго старосту, долженствующаго быть посредникомъ между обществомъ и помѣщикомъ; для облегченія же обязанностей мірскаго старосты, каждая отдѣльная деревня избираетъ изъ среды своей старшину, котораго обязанность должна состоять въ разборѣ и соглашеніи крестьянскихъ тяжебъ, семейныхъ и мірскихъ, въ нарядѣ на общественныя и господскія работы и въ сборѣ всякаго рода денежныхъ повинностей, передаваемыхъ деревенскимъ старшиной мірскому старостѣ. Не повинующіеся законнымъ распоряженіямъ мірскаго старосты и его помощника деревенскаго старшины подвергаются различнаго рода наказаніямъ и денежнымъ штрафамъ по приговору мірскихъ судовъ, приводимыхъ въ исполненіе съ согласія помѣщика или его управляющаго.

28) Въ имѣніяхъ, принадлежащихъ разнопомѣстнымъ и небогатымъ владѣльцамъ, было бы полезно отдѣленіе отъ владѣльческихъ участковъ къ однимъ мѣстамъ всѣхъ крестьянскихъ угодій, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ и соединеніе отдѣльныхъ небольшихъ общинъ въ одно большое сельское общество, что послужило бы къ обоюдной пользѣ какъ владѣльцевъ, такъ равно и крестьянъ. Справедливое и для обѣихъ сторонъ удовлетворительное разрѣшеніе этой важной задачи, могущее способствовать благосостоянію мелкопомѣстныхъ дворянъ, а равно и крестьянскихъ обществъ, должно быть вмѣнено въ обязанность новыхъ посредническихъ присутствій, которыя пользуются правомъ приглашать на свои совѣщанія опытныхъ и благонамѣренныхъ лицъ изъ дворянскаго сословія и выбранныхъ для защиты крестьянскихъ интересовъ депутатовъ изъ крестьянъ. Въ этомъ важномъ дѣлѣ, которое должно положить основаніе благосостоянію будущихъ поколѣній, всѣ мелочные и эгоистическіе расчеты отдѣльныхъ лицъ должны быть подчинены высшимъ соображеніямъ, имѣющимъ въ виду уравненіе выгодъ владѣльцевъ и крестьянскихъ обществъ и примиреніе разнородныхъ по видимому интересовъ частныхъ и общественныхъ. Посредническія присутствія озабочиваются правильнымъ распредѣленіемъ земляныхъ угодій между владѣльцами и крестьянскими обществами и отдѣленіемъ ихъ къ однимъ мѣстамъ, дѣлаютъ смѣты необходимыхъ издержекъ по размежеванію и перенесенію владѣльческихъ или крестьянскихъ усадебъ на другія мѣста и опредѣляютъ сумму денежнаго вознагражденія слѣдующаго владѣльцамъ или крестьянскимъ обществамъ, согласившимся взять землю худшаго качества или въ меньшемъ количествѣ. Для успѣшнаго окончанія этого важнаго и благодѣтельнаго дѣла необходимо содѣйствіе двухъ главнѣйшихъ государственныхъ сословій, дворянскаго и крестьянскаго; каждое изъ этихъ сословій должно принять участіе въ улучшеніи положенія не-

имущихъ лицъ, къ нему принадлежащихъ, и конечно благородное дворянство не откажется способствовать облегченію участи нуждающихся своихъ собратій. Необходимыя для каждой губерніи суммы, потребныя для устройства мелкопомѣстныхъ дворянъ и соединенныхъ въ одно большое общество отдѣльныхъ небольшихъ общинъ, съ разрѣшенія правительства и съ согласія благороднаго дворянства, могутъ быть собраны черезъ уравнительную раскладку со всѣхъ дворянскихъ имѣній и со всѣхъ крестьянскихъ обществъ, къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали.

29) Въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, гдѣ крестьяне на равнѣ съ дворовыми людьми получаютъ отсыпной хлѣбъ и все содержаніе отъ помѣщика, владѣльцы обязаны озаботиться объ устройствѣ крестьянскихъ усадебъ и всего крестьянскаго хозяйства для водворенія въ нихъ своихъ крестьянъ, дабы имѣть право на полученіе отъ нихъ опредѣленнаго закономъ вознагражденія работою или оброкомъ; болѣе нуждающимся дворянамъ по справедливости должно быть назначено денежное вспомоществованіе изъ дворянскихъ суммъ.

30) Помѣщичьи крестьяне, пользующіеся съ согласія помѣщи а безвозмезднымъ надѣломъ земли въ отхожихъ пустошахъ и въ смежныхъ съ имѣніями поляхъ, купленныхъ на имя помѣщика, — обязаны по требованію владѣльцевъ уплачивать за нихъ государственныя и общественныя повинности за себя, а равно и за остальныхъ крестьянъ, непользующихся подобнымъ надѣломъ. Платежъ казенныхъ и мірскихъ повинностей за пользованіе купленными на помѣщичье имя землями основанъ на неоспоримомъ правѣ, вслѣдствіе котораго всякая недвижимая собственность должна быть обложена пошлиною въ пользу государства. Такое распоряженіе должно служить къ уравненію выгодъ всѣхъ крестьянъ и къ обезпеченію на будущее время права владѣнія собственными участками земли тѣхъ изъ крестьянъ, которые согласятся платить за себя и за другихъ казенныя и общественныя повинности соразмѣрно количеству собственной земли, состоящей въ ихъ владѣніи. Въ случаѣ несогласія ихъ на пользованіе собственною землею на такихъ условіяхъ, помѣщикъ пользуется правомъ раздѣлить купленную на его имя землю уравнительнымъ образомъ между всѣми крестьянами, съ тѣмъ, чтобы вновь надѣленные землею крестьяне внесли за нее прежнимъ владѣльцамъ стоимость ея по цѣнѣ, означенной въ купчихъ крѣпостяхъ. Во многихъ имѣніяхъ купленныя крестьянами на помѣщичье имя земли давно уже вошли въ составъ тягловой земли и, сдѣлавшись собственностію помѣщика на основаніи прежнихъ стѣснительныхъ для крестьянскаго сословія узаконеній, перепродавались помѣ-

щиками другимъ владѣльцамъ, которые не могутъ отвѣчать за несправедливое присвоеніе прежними владѣльцами крестьянской собственности, не огражденной законами и зависѣвшей вполнѣ отъ произвола помѣщика. При переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное, когда защита крестьянскихъ правъ будетъ ввѣрена покровительству закона, справедливость требуетъ, чтобы всѣ члены крестьянской семьи были уравнены въ платежѣ государственныхъ и мірскихъ повинностей соразмѣрно количеству недвижимой собственности, оставленной въ пользованіе крестьянъ добросовѣстностію помѣщиковъ. Сохраненіе крестьяниномъ права владѣнія купленными на господское имя землями съ условіемъ, чтобы они уплачивали казенныя и мірскія подати за себя и за непмѣющихъ собственной земли крестьянъ, вполнѣ удовлетворяетъ закону справедливости и положитъ основаніе владѣнію крестьянами собственнымъ имъ вполнѣ принадлежащимъ недвижимымъ имуществомъ.

Примѣчаніе. Уплата государственныхъ податей за весь міръ тѣми изъ крестьянъ, которые владѣютъ собственными купленными на помѣщичье имя землями, должна подлежать нѣкоторымъ особымъ правиламъ: 1) Ежели количество собственной крестьянской, купленной на помѣщичье имя земли равняется или превосходитъ количество состоящей въ пользованіи крестьянскаго общества тягловой помѣщичьей земли, въ такомъ случаѣ владѣющіе собственною, купленною на господское имя землею, крестьяне обязаны уплачивать за міръ государственныя и мірскія подати сполна. 2) Ежели количество владѣемой крестьянами собственной земли менѣе тягловаго надѣла землею крестьянскаго общества, въ такомъ случаѣ владѣющіе купленными на помѣщичье имя землями уплачиваютъ казенныя и мірскія подати за такое количество помѣщичьей тягловой земли, которое соразмѣрно находящемуся въ ихъ собственномъ владѣніи, остатокъ же податнаго или мірскаго сбора распредѣляется на ровной раскладкѣ на всѣ тягла; установленіе вспомогательнаго сбора съ владѣющимъ купленными на помѣщичье имя землями должно способствовать неимѣющимъ собственной земли крестьянамъ къ предполагаемому по распоряженію правительства скорѣйшему выкупу ими своей усадебной осѣдлости; по достиженіи же крестьянами полной независимости и въ случаѣ пріобрѣтенія цѣлыми обществами всей или части состоящей въ пользованіи ихъ помѣщичьей земли, сборъ государственныхъ податей и мірскихъ повинностей долженъ будетъ сообразоваться съ наличнымъ количествомъ состоящей во владѣніи каждаго отдѣльнаго крестьянина земли.

31) Помѣщикъ есть главный блюститель порядка въ своемъ имѣніи, и не только крестьяне, живущіе на помѣщичьей землѣ, но и проживающіе въ имѣніи отставные и находящіеся въ безсрочномъ отпуску нижніе чины обязаны подчиняться опредѣленной законоположеніями полицейской власти помѣщика; за нарушеніе же законныхъ постановленій, по требованію помѣщика, должны быть удаляемы изъ имѣнія. Сохраненіе помѣщичьей власти въ законныхъ предѣлахъ, ограничивающихъ произволъ владѣльцевъ и своеволіе подчи-

ненныхъ лицъ, въ высшей степени необходимо; законное вмѣшательство помѣщика въ распоряженіе крестьянскаго общества, не всегда справедливыя, послужитъ къ огражденію правъ и интересовъ беззащитныхъ лицъ изъ крестьянскаго сословія, къ обузданію буйныхъ наклонностей отдѣльныхъ крестьянъ, къ поддержанію въ имѣніяхъ порядка и правильнаго судопроизводства и къ увеличенію благосостоянія крестьянскихъ обществъ. Помѣщикъ обязанъ своимъ примѣромъ внушать подчиненнымъ ему сельскимъ обществамъ уваженіе къ законамъ, къ правамъ другихъ лицъ и къ началамъ справедливости.

ГЛАВА III.

Проэктъ положенія для издѣльныхъ имѣній.

Крестьянское общество обязано обработать на помѣщика такое же количество земли, какое получено имъ въ надѣлъ отъ владѣльца. Такого рода сдѣлка болѣе удовлетворительнымъ образомъ опредѣляетъ отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу, чѣмъ произвольная оцѣнка земляныхъ угодій, цѣнность которыхъ чрезвычайно разнообразна и бываетъ болѣе или менѣе значительна не только въ различныхъ мѣстностяхъ, но даже иногда въ смежныхъ между собою имѣніяхъ. Производство правильной и вполнѣ добросовѣстной оцѣнки стоимости земляныхъ угодій почти невозможно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ послужило бы къ ущербу крестьянъ, а въ другихъ къ явной невыгодѣ землевладѣльцевъ; между тѣмъ какъ обработка цѣлымъ обществомъ на помѣщика опредѣленной пропорціи земли, не превышающей надѣла землею крестьянскаго общества, послужитъ къ уравненію выгодъ какъ помѣщиковъ, такъ равно и крестьянъ, безъ отягощенія крестьянскихъ обществъ, которыхъ обязанности будутъ въ точности опредѣлены и ограждены отъ всякаго нарушенія законными постановленіями. Существующее во многихъ мѣстностяхъ обыкновеніе предоставлять наемщику половину земли съ условіемъ, чтобы онъ обработалъ такое же количество ея на владѣльца, соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости и вполнѣ обезпечиваетъ интересы какъ землевладѣльца, такъ равно и наемщика.

Прилагаю исчисленіе необходимыхъ обязательныхъ работъ, которыя могутъ быть произведены безъ стѣсненія крестьянскихъ обществъ и безъ нарушенія существенныхъ выгодъ землевладѣльцевъ.

1) По наступленіи весенняго времени, всѣ состоящіе на издѣліи крестьяне должны быть въ полномъ сборѣ, чтобы безъ потери времени приступить къ началу полевыхъ работъ въ своихъ и господскихъ поляхъ.

2) Избранный міромъ староста, долженствующій быть посредникомъ между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, отвѣчающій за неисправныхъ крестьянъ и пользующійся правомъ подвергать ихъ исправительнымъ, опредѣленнымъ особымъ положеніемъ наказаніямъ и денежнымъ штрафамъ, обязанъ передъ началомъ каждой работы являться къ помѣщику или управляющему имѣніемъ для совѣщанія о работахъ и для полученія приказаній.

3) Всѣ состоящіе на издѣліи крестьяне обязаны по наряду мірскаго старосты безпрекословно являться на работу, за неявку же и небрежное исполненіе работъ подвергаются денежному штрафу, который полагается для мужиковъ съ 1-го апрѣля по 1-е октября по тридцати коп., съ 1-го октября по 1-е апрѣля по двадцати коп. сереб. Женщины платятъ половину, но во время уборки хлѣба, съ нихъ равнымъ образомъ взыскивается по тридцати коп. сереб. въ день. Неисправные крестьяне и крестьянки, пропускающіе свои дни, записываются въ штрафный журналъ, и невыполнившіе своихъ уроковъ впродолженіе недѣли, платятъ денежный штрафъ, который взыскивается съ нихъ немедленно въ пользу крестьянскаго общества, отвѣтствующаго въ отправленіи натуральныхъ и платежѣ денежныхъ повинностей за отдѣльныхъ своихъ членовъ. Опасеніе денежнаго штрафа, наиболѣе чувствительнаго для крестьянина, и безотлагательное взысканіе его съ виновныхъ въ нерадѣніи или недобросовѣстной работѣ послужитъ лучшимъ ручательствомъ въ точномъ выполненіи отдѣльными членами крестьянскихъ обществъ своихъ обязанностей. Въ случаѣ явнаго потворства мірскимъ старостой подчиненному ему крестьянскому обществу, помѣщикъ или управляющій имѣніемъ обязаны отнестись съ своею жалобою къ начальнику сельскаго округа, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ имѣніе. Окружной начальникъ, по приглашенію помѣщика или довѣреннаго отъ него лица, обязанъ безъ замедленія прибыть на мѣсто и, по произведеніи слѣдствія о неправильныхъ дѣйствіяхъ мірскаго старосты, пользуется правомъ оказать помѣщику скорое и справедливое удовлетвореніе въ предѣлахъ ввѣренной окружному начальнику власти; равнымъ образомъ, въ случаѣ жалобъ крестьянскаго общества на стѣснительныя дѣйствія помѣщика или его управляющаго, начальникъ сельскаго округа обязанъ безотлагательно удовлетворить справедливое требованіе крестьянскихъ обществъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, окружной начальникъ пригла-

шаетъ для совмѣстнаго разбирательства спорныхъ случаевъ избраннаго сельскими обществами для защиты интересовъ своихъ депутата изъ крестьянъ; въ болѣе важныхъ случаяхъ, превышающихъ власть окружныхъ начальниковъ, спорныя дѣла поступаютъ на разсмотрѣніе и подлежатъ рѣшенію мѣстныхъ посредническихъ присутствій.

4) Крестьянинъ или крестьянка, неявившаяся на работу по болѣзни или другимъ какимъ-либо причинамъ, признаннымъ уважительными, отъ платежа денежнаго штрафа освобождаются. Въ такомъ случаѣ, а равно въ случаѣ смерти крестьянина или крестьянки, несущихъ тягла, остальные издѣльные крестьяне обязаны выполнить ихъ уроки въ господскомъ полѣ и обработать ихъ участки въ крестьянскихъ поляхъ.

5) Кромѣ обыкновенныхъ болѣзней и случайныхъ препятствій, дается двухъ недѣльный отпускъ женщинамъ послѣ родовъ.

6) Издѣльные крестьяне обязаны два раза вспахать господское поле подъ каждый хлѣбъ, но для облегченія весеннихъ работъ первый взметъ земли подъ яровой хлѣбъ производится осенью. Вспаханная осенью земля забаранивается въ то же время, или оставляется до весны, по усмотрѣнію хозяина; вторичное паханье и засѣвъ господскихъ и крестьянскихъ полей производится одновременно, съ соблюденіемъ правильнаго раздѣленія времени и труда. Впрочемъ помѣщикъ и крестьяне могутъ съ общаго согласія измѣнить это правило и высѣять одинъ ранѣе, а другой позже.

7) Крестьяне обязаны огораживать господскую усадьбу и поля въ такомъ случаѣ, ежели они получаютъ лѣсъ на починку изгородъ въ своихъ поляхъ.

8) Издѣльныя крестьянки обязаны весной вскопать гряды въ огородѣ и посадить овощи, а равно и капусту; поливка, полотье и уборка огородныхъ овощей, чистка гумна и господской усадьбы производится ими же въ свое время.

9) Крестьяне, получающіе отъ помѣщика дрова на отопленіе избъ, обязаны заготовить необходимое количество дровъ на отопленіе господской усадьбы и на подсушку овиновъ; но если помѣщикъ найдетъ такой дѣлежъ для себя невыгоднымъ, въ такомъ случаѣ онъ можетъ заготовлять дрова наймомъ. Возка дровъ и строеваго лѣса съ дальняго разстоянія, даже и при даровомъ отпускѣ ихъ крестьянамъ, не должна быть обязательна для крестьянъ, противъ ихъ желанія.

10) Крестьяне обязаны очистить скотные и конные дворы и свезти въ поле все, накопившееся въ продолженіе зимы удобреніе, запахать его и заборонить; для успѣха въ работахъ, площадь и

денники на конномъ и скотномъ дворахъ разбиваются по тяглямъ, что чрезвычайно ускоряетъ работу; кончившіе свой урокъ ранѣе другихъ отпускаются домой. По окончаніи этой работы въ господскомъ полѣ, крестьяне отпускаются на столько же времени на свою работу, по окончаніи которой приступаютъ къ кошенію луговъ въ господскихъ и крестьянскихъ поляхъ.

11) Уборка господскихъ и крестьянскихъ луговъ производится одновременно; каждое тягло обязано прослужить помѣщику въ продолженіе сѣнокоса три дня въ недѣлю, съ отвѣтственностію всѣхъ издѣльныхъ крестьянъ за невыполненные уроки неявившихся на господскую работу по болѣзни или какимъ-либо другимъ причинамъ. Но чтобы крестьянское дѣло шло наравнѣ съ господскимъ, однотягольные крестьянинъ наряжаются на работу не въ одинъ день съ крестьянками, для того, чтобы въ домѣ всегда оставался мужикъ или баба, дабы они не отставали въ работахъ отъ большетягольныхъ семей, и чтобы крестьянинъ въ одинаковой степени съ помѣщикомъ могъ воспользоваться благопріятною для уборки сѣна погодою, когда наступитъ пора поднимать сѣно и сваливать его въ сараи или метать стоги, то назначаются сгонные дни, въ которые всѣ мужики и бабы должны являться на господскую работу поголовно: равнымъ образомъ, послѣ подъема господскаго сѣна, всѣ крестьяне и крестьянки отпускаются на свою работу для подъема своего готоваго сѣна; кошеніе травы, какъ и возка удобренія, производится дѣлежемъ по крестьянскому способу, что чрезвычайно ускоряетъ работу. По окончаніи сѣнокоса въ господскихъ и крестьянскихъ поляхъ, приступаютъ къ кошенію пустошей; уборка господскихъ и крестьянскихъ пустошей производится всѣми издѣльными тяглами поголовно, по причинѣ большаго или меньшаго разстоянія ихъ отъ деревень, и потому что крестьяне отправляются на нихъ цѣлыми семьями, и остаются тамъ нѣсколько дней до окончательной уборки сѣна, которое сметывается въ стоги и оставляется въ пустошахъ до зимы. Оставленное въ стогахъ сѣно перевозится зимой въ усадьбу, безъ зачета за подводы. Сѣнокосъ продолжается безостановочно до наступленія зрѣлости хлѣба, тогда онъ прерывается во время уборки озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и до окончанія посѣва ржи въ господскихъ и крестьянскихъ поселянъ; по окончаніи этихъ работъ приступаютъ немедленно къ кошенію и уборкѣ нескошенной травы въ поляхъ и пустошахъ до начала молотьбы хлѣба. Помѣщикъ и крестьянское общество въ видахъ обоюдной пользы могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ общаго согласія измѣнить трехъ-дневный порядокъ поголовной работой у помѣщика или въ своихъ поляхъ.

12) Уборка господскихъ и крестьянскихъ хлѣбныхъ полей про-

изводится равнымъ образомъ одновременно съ соблюденіемъ въ продолженіе этой работы указнаго трехъ-дневнаго положенія; неявившіяся на господскую работу издѣльныя крестьянки требуются на нее въ свои дни, зачѣмъ имѣетъ неослабное наблюденіе мірской староста, пользующійся правомъ подвергать нестарательныхъ и неисправныхъ крестьянъ и крестьянокъ опредѣленнымъ за пропускъ рабочихъ дней наказаніямъ и денежнымъ штрафамъ; невыполненные въ продолженіе недѣли уроки отдѣльныхъ крестьянокъ выполняются остальными издѣльными женщинами въ свои дни, дабы урочное законное положеніе въ точности исполнялось. На каждую казенную десятину ржи полагается девять жницъ, что совершенно достаточно и легко можетъ быть выполнено; для яроваго хлѣба прибавляется еще двѣ жницы; на хозяйственную десятину въ 3200 саженъ полагается для ржи двѣнадцать и для яроваго хлѣба четырнадцать жницъ. Для облегченія крестьянокъ въ этой тягостной работѣ могутъ быть наряжаемы на нее мужики, съ помощію которыхъ уборка господскихъ и крестьянскихъ хлѣбныхъ полей можетъ быть произведена безъ малѣйшей утраты зерна. Строгое соблюденіе трехъ-дневнаго положенія во время уборки хлѣбныхъ полей устранитъ всякой поводъ къ справедливымъ жалобамъ на несвоевременную уборку крестьянскаго хлѣба и будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія для крестьянскаго хозяйства. Назначеніе поголовныхъ работъ во время уборки хлѣба допускается не иначе, какъ съ согласія крестьянскаго общества.

13) По окончаніи уборки ржанаго и яроваго хлѣба и по свозкѣ изъ поля сноповъ, иногда же и ранѣе, начинается сѣвъ озимаго хлѣба, который производится одновременно какъ въ господскихъ, такъ и въ крестьянскихъ поляхъ. На казенную десятину пашни полагается не менѣе четырехъ мужиковъ, которые обязаны вспахать, засѣять и заборонить пашню въ продолженіе дня; обработка казенной десятины четырьмя сохами и боронами требуетъ нѣкотораго напряженія силъ пахаря и рабочаго скота, вслѣдствіе чего, для облегченія этой работы, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по большей части помѣщичья земля раздѣлена на хозяйственныя десятины, заключающія въ себѣ 3200 кв. саж.; на каждую хозяйственную десятину ставится шесть мужиковъ, которые легко могутъ обработать ее и кончаютъ обыкновенно свою работу до захожденія солнца; невыполненные отдѣльными крестьянками уроки, выполняются ими въ свои дни; за неисправныхъ и больныхъ отвѣчаютъ состоящіе на издѣліи остальные крестьяне. Въ случаѣ недостатка семянъ на посѣвъ, крестьяне обязаны наколотить изъ сноповъ или намолотить

съ овина, безъ малѣйшаго промедленія, необходимое для обсѣменения господскаго поля количество семянъ.

14) По окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ начинается молотьба господскаго и крестьянскаго хлѣба; крестьяне обязаны выбрать изъ своей среды одного или двухъ огуменщиковъ, смотря по числу овиновъ или ригъ, на которыхъ происходитъ молотьба господскаго хлѣба; выбранные міромъ огуменщики, должны быть люди надежные и опытные въ своемъ дѣлѣ и соблюдать всѣ мѣры предосторожности отъ пожара. Мірской староста имѣетъ особенное наблюденіе за огуменщиками и требуетъ отъ нихъ, чтобы въ овинахъ всегда стояли чаны, наполненные водою, чтобы стѣны и пазухи были всякій разъ начисто обметаемы и чтобы овинныя печи находились въ исправности; если печь въ овинѣ требуетъ починки или перекладки, въ такомъ случаѣ, пріостанавливается молотьба и поврежденіе немедленно исправляется. Мірской староста, исполнившій свою обязанность и своевременно донесшій помѣщику или управляющему имѣніемъ о необходимости починки или перекладки овинной печи и соблюдшій всѣ мѣры предосторожности отъ пожара, въ случаѣ несчастія отъ огня, освобождается отъ всякой отвѣтственности за бѣдственные случаи, происшедшіе не по его винѣ; но если дознано будетъ, что пожаръ въ овинѣ произошелъ отъ оплошности огуменщиковъ и нерадѣнія мірскаго старосты, въ такомъ случаѣ причиненный пожаромъ убытокъ оцѣнивается и взыскивается съ крестьянскаго общества, которое подвергаетъ виновныхъ денежному штрафу, соразмѣрно ихъ средствамъ, и недостающую сумму распредѣляетъ по ровной раскладкѣ на всѣ тягла. Отвѣтственность крестьянскихъ обществъ за оплошность огуменщиковъ и мірскаго старосты необходима для того, чтобы крестьяне выбирали въ эту важную должность людей надежныхъ и достаточныхъ и чтобы выбранные міромъ люди, подвергающіеся преимущественно передъ прочими отвѣтственности за нерадѣніе и безпечность, исполняли свою обязанность добросовѣстно. Молотьба хлѣба продолжается безостановочно до перемолота всего господскаго хлѣба и прерывается лишь на короткое время для осенней вспашки полей, предназначенныхъ подъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ.

15) По окончаніи молотьбы и приведеніи въ извѣстность назначеннаго на продажу хлѣба и по запродажѣ его, крестьяне обязаны свести его до мѣста, и чтобы не возвращаться домой порожнемъ, каждая крестьянская подвода должна вывести изъ города или изъ того мѣста, гдѣ свалень хлѣбъ, по бревну, въ такомъ случаѣ, если помѣщикомъ заранѣе заготовлены или куплены бревна.

16) При перевозкѣ хлѣба полагается на каждую подводу опре-

дѣленный вѣсъ, не свыше двадцати четырехъ пудовъ; этотъ вѣсъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть превышаемъ; но онъ можетъ быть уменьшенъ до двадцати и даже до восьмнадцати пудовъ, если крестьянская лошадь слишкомъ стара и малосильна; но въ такомъ случаѣ опредѣленное положеніемъ количество хлѣба крестьянинъ долженъ свезти въ послѣдствіи безъ зачета за подводу.

17) Длина и толщина бревенъ на одну лошадь опредѣляется не свыше двадцати-двухъ аршинъ и четырехъ вершковъ въ отрубѣ, т. е. въ верхнемъ концѣ; на вывозку длинныхъ и толстыхъ бревенъ, а равно короткихъ, но тяжелыхъ мельничныхъ валовъ, употребляется по двѣ, три, четыре лошади и даже болѣе; мірской староста отвѣчаетъ за сбереженіе крестьянскихъ лошадей и наблюдаетъ за возкой хлѣба и бревенъ.

18) Каждое тягло обязано выставить помѣщику четыре подводы, соразмѣрно средней пропорціи хлѣба, получаемой съ тягла при посредственномъ урожаѣ. Самое дальнее разстояніе для каждой подводы опредѣляется въ сорокъ верстъ въ одинъ конецъ; разстояніе, превышающее это положеніе, зачитается въ счетъ второй подводы, и если мѣсто ссыпки хлѣба находится въ разстояніи восьмидесяти верстъ, то одна подвода зачитается за двѣ; далѣе восьмидесяти верстъ прекращается возка хлѣба и всякихъ тяжестей на мірскихъ подводахъ, и въ такомъ случаѣ помѣщикъ долженъ рядить своихъ крестьянъ по вольной цѣнѣ и не имѣетъ права понуждать ихъ къ дальней возкѣ, даже за высокую плату. Помѣщикъ имѣетъ право употреблять узаконенныя четыре подводы на перевозку вмѣсто хлѣба,—бревенъ, дровянаго лѣса, купленнаго готоваго строенія, кирпича, каменьевъ, однимъ словомъ, всего способнаго къ перевозкѣ, при постоянномъ наблюденіи мірскаго старосты, чтобы перевозимыя тяжести были соразмѣрны съ силою крестьянскихъ лошадей. Подводы должны быть выбраны въ продолженіе зимы, и не могутъ быть оставляемы до лѣта или до слѣдующей зимы, съ присоединеніемъ ихъ къ послѣдующимъ четыремъ подводамъ, что составило бы на слѣдующую зиму восемь подводъ; но еслибы по какимъ-либо хозяйственнымъ разсчетамъ; помѣщикъ не воспользовался узаконенными четырьмя подводами, то имѣетъ онъ право получить за каждую подводу деньгами по шестидесяти коп. сер. Ни въ какомъ случаѣ помѣщикъ не имѣетъ права требовать отъ міра болѣе узаконенныхъ четырехъ поводовъ съ тягла; но если выполненныя крестьянами подводы не составляютъ въ общей сложности ста-шестидесяти верстъ въ одинъ конецъ, въ такомъ случаѣ міръ обязанъ выставить помѣщику такое количество подводъ, которое соотвѣтствовало бы нормальному положенію въ сорокъ верстъ,

опредѣленному для каждой подводы.

19) Починка хозяйственныхъ деревянныхъ строеній въ усадьбѣ, если они не перестраиваются, не вывѣшиваются и не подрубаются наново, не требующая большаго количества рукъ и не препятствующая правильному ходу полевыхъ работъ, покрытіе жилыхъ и не жилыхъ строеній соломою, починка роспусковъ, телегъ, саней, должны быть производимы крестьянами; о всѣхъ этихъ хозяйственныхъ подѣлкахъ помѣщикъ или управляющій имѣніемъ сносится съ мірскимъ старостой, который, смотря по надобности, отряжаетъ изъ числа обязательныхъ тягловыхъ работниковъ двухъ или трехъ человѣкъ, наблюдая притомъ, чтобы не было остановки въ ходѣ полевыхъ работъ и не прерывалась бы молотьба хлѣба. Въ горячую рабочую пору мірской староста, наблюдающій за успѣшнымъ отправленіемъ полевыхъ работъ, пользуется правомъ отказать помѣщику или управляющему имѣніемъ въ произведеніи излишнихъ работъ, неимѣющихъ отношенія къ обработкѣ помѣщичьей земли. Большія плотничныя, пильныя и земляныя работы производятся помѣщикомъ наймомъ.

20) Для облегченія обязанныхъ крестьянъ въ платежѣ казенныхъ и помѣщичьихъ повинностей и для доставленія имъ возможности за удовлетвореніемъ хозяйственныхъ нуждъ пріобрѣтать даже излишки, половина ихъ, начиная съ 1-го октября, отпускается въ заработки; въ такомъ случаѣ съ двухъ тяголъ остается дома одинъ работникъ; однотяжельные же работники соглашаются между собою, и уходящій въ работу рядитъ за себя оставшагося дома и сдаетъ ему свое тягло, за которое тотъ обязанъ отбывать работу помѣщику; такимъ образомъ, какъ тотъ, такъ и другой получаютъ денежную прибыль, которая при хорошихъ работахъ и стараніи бываетъ иногда весьма значительна. Отпущенные въ заработки крестьяне обязаны, по извѣщенію мірскаго старосты, явиться въ положенное время для возки хлѣба, по окончаніи которой они распускаются вновь.

21) Послѣ роспуска половины обязанныхъ крестьянъ, остальные съ помощью издѣльныхъ крестьянокъ продолжаютъ молотьбу господскаго хлѣба до перемолота его; по окончаніи молотьбы и по свозкѣ запроданнаго хлѣба, остальные обязанные крестьяне распускаются въ заработки до начала весеннихъ работъ.

22) Въ отсутствіе мужиковъ, крестьянки обязаны исполнять слѣдующія повинности: въ случаѣ недостатка корма для скота, онѣ должны стрясывать сѣно съ яровою соломою и со ржанымъ околоскомъ, выкидывать изъ денниковъ на конномъ и скотномъ дворахъ накопившееся удобреніе. Кромѣ этихъ работъ, каждая издѣльная крестьян-

ка должна выпрясть и выткать изъ господскаго льну и кудели новину хорошей доброты въ 20 арш. и кудельный холстъ въ 14 арш. или же заплатить деньгами за новину 1 руб. 40 коп. и за холстъ 40 коп. сер. съ тягла. Болѣе никакихъ другихъ повинностей съ нихъ не полагается.

23) Издѣльные крестьяне пользуются правомъ рядить за себя работниковъ на господскую работу, за которыхъ они отвѣчаютъ передъ міромъ и передъ помѣщикомъ.

24) Крестьяне обязаны содержать ночной караулъ около житницы и господскаго дома, который исправляется ими поочередно; впрочемъ они могутъ порядить за себя постояннаго сторожа, за котораго отвѣчаетъ все общество.

25) Всѣ работы на фабрикахъ и разныхъ заводахъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, должны быть производимы наймомъ по добровольному соглашенію съ крестьянами; починка водяныхъ мельницъ и плотинъ производится съ помощію водворенныхъ на помѣщичьей землѣ обязанныхъ крестьянъ, но въ такомъ случаѣ крестьяне имѣютъ право на полученіе заработной платы. За плотничную и земляную работу полагается мужикамъ по тридцати копѣекъ въ весенній и лѣтній и по двадцати въ осенній день; женщинамъ и малолѣтнимъ подвожатымъ полагается за возку земли на своихъ тачкахъ и лошадяхъ по пятнадцати коп. въ лѣтній и по десяти въ осенній день; производство этихъ работъ обязанными крестьянами ни въ какомъ случаѣ не должно быть для нихъ обязательнымъ болѣе шести дней, чтобы не было остановки въ отправленіи полевыхъ работъ; денежная плата по соглашенію съ крестьянскимъ обществомъ можетъ быть замѣнена обязательствомъ со стороны владѣльца смолоть по расчету слѣдующей крестьянами заработной платы опредѣленное количество хлѣба на тягло.

26) Крестьянское общество обязано содержать въ исправности дороги, мосты и лавы черезъ рѣки, и за худое состояніе ихъ подлежитъ отвѣтственности передъ правительствомъ.

27) Непоименованныя въ настоящемъ положеніи работы производятся владѣльцемъ собственными средствами наймомъ, по добровольному соглашенію съ крестьянскимъ обществомъ или отдѣльными крестьянами. Многоразличныя работы, которыя владѣлецъ долженъ будетъ исполнять наймомъ, послужатъ къ умноженію крестьянскихъ заработковъ и къ увеличенію источниковъ доходовъ крестьянскихъ обществъ.

На основаніи Высочайшаго рескрипта отъ 5 декабря 1858 года, предположенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ должны быть приводимы въ исполненіе постепенно, дабы не нарушить

существующаго нынѣ устройства помѣщичьихъ имѣній. Сообразуясь съ Высочайшею волею, я старался опредѣлить отношенія крестьянскаго общества къ землевладѣльцу на основаніяхъ несложныхъ и удобоисполнимыхъ, принимая за основаніе слѣдующаго помѣщику за отданную въ пользованіе крестьянъ землю вознагражденія, издревле во многихъ мѣстностяхъ существующее обыкновеніе—отдавать кортомщикамъ въ наемъ землю, по мѣстному выраженію, изъ-полу, т. е. съ условіемъ, чтобы наемщикъ вмѣсто денежной платы обработалъ на владѣльца земли половину ея, какъ пашни, такъ и луговъ. Такой расчетъ, основанный на обоюдной выгодѣ и въ точности опредѣляющій обязанности наемщика къ землевладѣльцу, несравненно справедливѣе и удобнѣе, чѣмъ опредѣленіе и оцѣнка человѣческаго труда, полагая за основаніе трехъ-дневную работу въ недѣлю въ продолженіе круглаго года, гораздо болѣе тягостную для крестьянина, потому что цѣнность ея несравненно значительнѣе цѣнности крестьянскаго тягловаго участка, если даже опредѣлить по самой умѣренной цѣнѣ стоимость трехдневной работы пѣшей и конной мужика въ сорокъ рублей и женщины въ двадцать руб. сер. за весь годъ; стоимость же ея для крестьянина, отрываемаго въ лѣтнее и зимнее время отъ промысловъ, несравненно значительнѣе. Въ настоящее время, крестьяне сверхъ полевой работы обременены множествомъ другихъ работъ и повинностей, по присвоенію владѣльцами удобнѣйшаго времени для сѣва, сѣнокоса, уборки хлѣба, по употребленію барщинныхъ крестьянъ на рытіе прудовъ, канавъ и разныя земляныя работы, по возведенію съ помощію ихъ разныхъ хозяйственныхъ построекъ, по требованію отъ нихъ въ лѣтнее и зимнее время подводъ безъ счету на перевозку бревенъ, кирпича, каменьевъ и всякихъ тяжестей, по изнуренію крестьянокъ нескончаемой пряжей и тканьемъ, наконецъ по постоянному нарушенію и безъ того уже тягостнаго трехдневнаго положенія; всѣ эти причины въ совокупности и чрезмѣрная, неограниченная закономъ, власть помѣщиковъ имѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ пагубное вліяніе на благосостояніе крестьянскихъ обществъ. Но когда, благодаря мудрымъ законоположеніямъ, отношенія помѣщиковъ къ крестьянскимъ обществамъ будутъ опредѣлены на твердыхъ основаніяхъ, тогда съ постепеннымъ умноженіемъ благоденствія крестьянскаго сословія общины пріобрѣтутъ возможность исполнить Высочайшую волю и найдутъ средства не только выкупить свою усадебную осѣдлость, но и предложить землевладѣльцамъ выгодную цѣну за всю предоставленную въ пользованіе крестьянскихъ обществъ землю.

ГЛАВА IV.

Проектъ положенія для оброчныхъ имѣній.

Переходъ съ издѣлія на оброкъ будетъ весьма благодѣтеленъ для крестьянскихъ обществъ въ мѣстностяхъ промышленныхъ и торговыхъ и послужитъ для крестьянъ лучшимъ побужденіемъ къ труду и къ изысканію средствъ для пріобрѣтенія полной независимости посредствомъ выкупа не только своей усадебной осѣдлости, но и всей находящейся въ пользованіи крестьянскихъ обществъ земли.

Поэтому было бы полезно постановить слѣдующія правила:

1) Крестьянское общество, принявшее на себя обязанность уплачивать помѣщику узаконенный за тягловую землю оброкъ съ отвѣтственностію всего міра за неисправныхъ плательщиковъ, заключаетъ съ помѣщикомъ на опредѣленное число лѣтъ условіе, которое изготовляетъ въ двухъ экземплярахъ и представляется на разсмотрѣніе посредническаго присутствія, по утвержденіи которымъ оно становится одинаково обязательнымъ какъ для помѣщика, такъ равно и для общества.

2) Крестьянское общество, неисполнившее своихъ обязательствъ въ отношеніи къ помѣщику, по рѣшенію посредническаго присутствія можетъ быть вновь обращено на урочныя обязательныя работы; числящаяся же на обществѣ недоимка взыскивается съ него законнымъ порядкомъ.

3) Оброчная повинность должна быть соразмѣрна съ цѣнностію урочныхъ работъ, опредѣленныхъ узаконеннымъ положеніемъ для издѣльныхъ имѣній; стоимость ихъ по самой умѣренной оцѣнкѣ превышаетъ тридцать руб. сер. за обработку шести-десятинной пропорціи земли и обдѣлку всѣхъ получаемыхъ съ нея разнаго рода произведеній; но при отвѣтственности всего крестьянскаго общества за исправный взносъ оброчной суммы, назначеніе законнаго оброка по тридцати руб. сер. за шесть десятинъ тягловой земли послужитъ къ большому облегченію крестьянскихъ обществъ безъ нарушенія существенныхъ интересовъ землевладѣльцевъ.

4) Платежъ опредѣленнаго оброка можетъ по взаимному соглашенію съ крестьянскимъ обществомъ быть замѣненъ отчасти разными работами и натуральными сборами, состоящими въ хлѣбѣ, скотѣ и разныхъ произведеніяхъ крестьянскаго хозяйства, въ точности опредѣленныхъ.

5) Отдѣльные крестьяне, желающіе поступить съ издѣлія на оброкъ, увольняются помѣщикомъ въ такомъ случаѣ, ежели они со-

гласны будутъ заплатить ему по пяти руб. сер. съ казенной десятины деньгами или въ замѣнъ ихъ нѣкоторую часть работами и произведеніями крестьянскаго хозяйства, въ точности исчисленными. Поступившій на оброкъ отдѣльный крестьянинъ заключаетъ съ помѣщикомъ письменный договоръ, который долженъ быть подписанъ помѣщикомъ, а равно и крестьяниномъ или довѣреннымъ отъ него лицомъ, и засвидѣтельствованъ подписью мірскаго старосты; подлинный договоръ хранится у помѣщика, крестьянину же выдается съ съ него засвидѣтельствованная копія; отдѣльный крестьянинъ, не исполнившій въ точности своихъ обязанностей, обращается вновь на урочныя работы съ предоставленіемъ помѣщику права взыскать съ него недоимку законнымъ порядкомъ.

6) По поступленіи на оброкъ издѣльнаго крестьянина, приходящійся на его тягло участокъ пашни и луговъ въ господскомъ полѣ, выключается изъ общаго мірскаго участка, подлежащаго обработкѣ всѣмъ обществомъ, и обработка его остальными издѣльными крестьянами можетъ быть произведена не иначе, какъ съ ихъ согласія и за выговоренное обществомъ вознагражденіе.

7) Крестьянское общество не обязано отвѣчать за отдѣльныхъ крестьянъ, поступившихъ на оброкъ съ согласія помѣщика, но для обезпеченія исправнаго взноса оброчной суммы помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ выходящаго по собственному желанію на оброкъ отдѣльнаго крестьянина, чтобы онъ вносилъ каждый разъ за полгода впередъ слѣдующій съ него оброкъ. Отпущенный на оброкъ крестьянинъ, не внесшій въ положенный срокъ законнаго обезпеченія, по первому требованію помѣщика можетъ быть обращенъ на урочныя обязательныя работы; въ случаѣ смерти отдѣльнаго оброчнаго крестьянина до истеченія полугодоваго срока, заплаченный имъ впередъ оброкъ, за вычетомъ слѣдующей помѣщику части, немедленно возвращается семейству умершаго крестьянина или за неимѣніемъ имъ прямыхъ наслѣдниковъ поступаетъ въ распоряженіе крестьянскаго общества.

8) Крестьянское общество, желающее поступить съ издѣлія на оброкъ, равнымъ образомъ должно внести помѣщику въ видѣ обезпеченія половину оброчной суммы впередъ за полгода; въ такомъ случаѣ по окончаніи молотьбы и по выполненіи обществомъ всѣхъ урочныхъ, положеніемъ опредѣленныхъ работъ, мірской староста обязанъ объявить помѣщику о желаніи крестьянскаго общества перейти съ издѣлія на оброкъ; помѣщикъ, не имѣющій законныхъ причинъ къ отказу, не въ правѣ отказать обществу въ своемъ согласіи и только требуетъ отъ него вноса законнаго денежнаго обезпеченія; въ спорныхъ случаяхъ крестьянское общество

приноситъ жалобу посредническому присутствію, обязанному удовлетворить безъ замедленія законное требованіе крестьянскаго общества и требующему отъ него немедленнаго взноса закономъ опредѣленнаго оброчнаго залога.

9) Опредѣленіе сроковъ оброчнаго платежа для перешедшихъ съ издѣлія на оброкъ крестьянскихъ обществъ необходимо для обезпеченія владѣльцевъ въ исправности платежа оброчной суммы и для того, чтобы владѣлецъ, обязанный приступить къ устройству своего хозяйства на другихъ основаніяхъ, имѣлъ въ рукахъ средства для обзаведенія хозяйственными орудіями, рабочимъ скотомъ и для найма работниковъ и работницъ; поэтому было бы полезно для переходящихъ на оброкъ издѣльныхъ имѣній опредѣлить для платежа оброка два срока: 1-го апрѣля и 1-го октября; такое распредѣленіе сроковъ платежа въ особенности важно еще и потому, что въ случаѣ невыполненія крестьянскимъ обществомъ принятой и на себя обязанности, оно безъ потери времени можетъ быть обращено на урочныя обязательныя работы съ меньшимъ ущербомъ для помѣщика, чѣмъ въ такомъ случаѣ, если бы сроки платежа были назначены мѣсяцомъ или двумя позже.

10) Крестьянское общество, поручившееся за исправный взносъ оброчной суммы и заплатившее за несостоятельнаго крестьянина помѣщичью недоимку, пользуется правомъ обращать его съ согласія помѣщика или его управляющаго на урочныя обязательныя работы въ имѣніи владѣльца; поступившіе по желанію крестьянскаго общества на издѣліе оброчные крестьяне подчиняются въ такомъ случаѣ опредѣленнымъ положеніемъ объ урочныхъ работахъ правиламъ.

11) Ежели состоящіе на оброкѣ и пользующіеся всею владѣльческою дачею крестьяне не исполняютъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщику, въ такомъ случаѣ справедливость требуетъ, чтобы владѣлецъ былъ огражденъ закономъ отъ нарушенія его правъ; въ такомъ случаѣ должно быть дозволено отдѣленіе отъ всей господской дачи, состоящей въ пользованіи крестьянскаго общества, половины земли, какъ пашни, такъ и луговъ, по возможности къ однимъ мѣстамъ: одна половина остается въ пользованіи крестьянскаго общества, обязаннаго платить за нее оброкъ по положенію, другая же поступаетъ въ распоряженіе помѣщика, пользующагося правомъ на обязательную по закону работу крестьянъ въ такомъ лишь случаѣ, ежели крестьянское общество откажется отъ платежа опредѣленнаго оброка за оставшуюся въ пользованіи его землю. Подобныя дѣла поступаютъ на разсмотрѣніе посредническихъ присутствій, которыя изъискиваютъ способы къ полюбовному соглашенію помѣщиковъ

съ крестьянскимъ обществомъ; ежели крестьяне согласятся обезпечить владѣльца въ исправности платежа на будущее время взносомъ опредѣленнаго положеніемъ денежнаго залога, въ такомъ случаѣ посредническое присутствіе разсрочиваетъ по своему усмотрѣнію уплату старой недоимки на нѣсколько сроковъ и обязываетъ крестьянъ подпискою взносить на слѣдующее время опредѣленный оброкъ въ установленные сроки. Въ случаѣ невыполненія крестьянскимъ обществомъ принятой имъ на себя обязанности, посредническое присутствіе разрѣшаетъ обращеніе оброчныхъ крестьянъ на урочныя обязательныя работы и сносится съ уѣзднымъ судомъ о высылкѣ уѣзднаго землемѣра для нарѣзки земли подъ господскія поля и для положенія ихъ на планъ, въ которомъ означается количество пашни и луговъ, отдѣленныхъ отъ состоявшей въ пользованіи крестьянъ всей владѣльческой дачи; оставшаяся въ пользованіи крестьянъ земля равнымъ образомъ снимается на планъ, который отдается крестьянскому обществу на сохраненіе. Опасеніе обязательныхъ работъ послужитъ для крестьянъ самымъ сильнымъ побужденіемъ къ исправному платежу опредѣленнаго закономъ оброчнаго оклада.

12) Владѣлецъ земли на отведенномъ ему участкѣ озабочивается устройствомъ усадьбы, покупкой скота и сѣмянъ и возведеніемъ необходимыхъ хозяйственныхъ строеній собственными средствами и не имѣетъ права требовать съ обращенныхъ по рѣшенію посредническаго присутствія на издѣліе оброчныхъ крестьянъ никакихъ лишнихъ работъ или подводъ, кромѣ опредѣленныхъ узаконеннымъ урочнымъ положеніемъ; состоящую на крестьянскомъ обществѣ оброчную недоимку помѣщикъ выбираетъ на основаніи особыхъ постановленій объ этомъ предметѣ, или же по соглашенію съ крестьянскимъ обществомъ денежную плату замѣняетъ нѣкоторыми опредѣленными работами за условленную цѣну.

13) Крестьянскос общество дѣлитъ остальную землю на тягла и полутягла и распредѣляетъ ее, смотря по потребностямъ крестьянскихъ семей; одинокіе крестьяне, обремененные семействомъ и непользующіеся доходами отъ промысловъ, вслѣдствіе своего одинокаго положенія, пользуются полнымъ тягловымъ надѣломъ, полагаемымъ по шести десятинъ на тягло; остальныя же семьи получаютъ неполные участки, сообразно съ промысловыми доходами и потребностями каждаго отдѣльнаго семейства.

14) Въ случаѣ несогласія оброчныхъ крестьянъ на платежъ закономъ постановленнаго высшаго оброчнаго оклада, они могутъ быть обращены на урочныя обязательныя работы, по положенію.

15) Всѣ дѣла, касающіяся до развода земель къ однимъ мѣстамъ, какъ въ оброчныхъ, такъ равно и въ издѣльныхъ имѣніяхъ, подле-

жать рѣшенію посредническихъ присутствій, наблюдающихъ, чтобы господскія или крестьянскія пахотныя и сѣнокосныя земли, слишкомъ близко подходящія къ крестьянскимъ или господскимъ усадьбамъ, были выменниваемы на другія равнаго достоинства, отдѣляемыя отъ крестьянскихъ или господскихъ полей по удобности, въ другомъ мѣстѣ.

Оброчное положеніе есть необходимое дополненіе къ урочному положенію для издѣльныхъ имѣній; установленіе оброчнаго платежа соотвѣтственно цѣнности опредѣленныхъ положеніемъ урочныхъ работъ, обезпечивая съ одной стороны интересы землевладѣльцевъ, оградить въ тоже время права крестьянскихъ обществъ отъ произвола помѣщиковъ, послужитъ для крестьянъ побужденіемъ къ труду и бережливости и удержитъ ихъ отъ праздности и неисполненія своихъ обязанностей опасеніемъ справедливаго и неизбѣжнаго взысканія; добросовѣстное исполненіе закономъ постановленныхъ правилъ будетъ имѣть несомнѣннымъ послѣдствіемъ увеличеніе благосостоянія крестьянскихъ обществъ, а равно и землевладѣльцевъ.

ГЛАВА V.

О выкупѣ личныхъ обязанностей крестьянскаго сословія въ отношеніи къ помѣщикамъ, въ соединеніи съ выкупомъ деньгами или работою состоящей въ пользованіи крестьянскихъ обществъ помѣщичьей тягловой земли.

Переходъ съ барщины на оброкъ есть уже значительный шагъ впередъ къ освобожденію крестьянскихъ обществъ отъ стѣснительныхъ условій обязательнаго труда; капитализація оброка съ постепеннымъ погашеніемъ его въ продолженіе двадцати-восьми или тридцати-трехъ лѣтъ есть окончательный выходъ изъ тяжкаго положенія постоянной, хотя и ограниченной зависимости крестьянина отъ помѣщичьей власти. Установленіе оброчнаго платежа по тридцати руб. сереб. за шесть десятинъ пахатной и луговой земли, основанное на добросовѣстномъ опредѣленіи цѣнности обязательныхъ работъ за опредѣленное количество земли и стоимости крестьянскаго труда, обезпечивающее уравнительнымъ образомъ выгоды владѣльцевъ и крестьянъ, чрезвычайно облегчаетъ разрѣшеніе великаго крестьянскаго вопроса посредствомъ представляющейся возможности произвести въ продолженіе опредѣленнаго времени выкупъ личныхъ обязанностей крестьянина въ отношеніи къ помѣщику

вмѣстѣ съ выкупомъ деньгами или работою состоящей въ пользованіи крестьянскихъ обществъ помѣщичьей тягловой земли. Предлагаю на этомъ основаніи постановить слѣдующія правила:

1) Уменьшить оброкъ до четырехъ руб. сереб. за казенную десятину и прибавить къ нему ежегодный платежъ по два руб. сереб. за десятину, составляющій два процента погашенія, для постепеннаго выкупа оброчной повинности въ продолженіе двадцати-восьми лѣтъ. Уступка двадцати процентовъ изъ предполагаемаго высшаго оброчнаго платежа, опредѣленнаго по пяти рублей за казенную десятину, необходима въ видахъ государственной пользы, для того, чтобы крестьяне могли пріобрѣсть возможность выкупить въ продолженіе опредѣленнаго времени состоящую въ пользованіи ихъ тягловую землю; съ другой же стороны пользованіе въ продолженіе двадцати-восьми лѣтъ двумя процентами погашенія послужитъ для помѣщиковъ вполнѣ достаточнымъ вознагражденіемъ.

2) Приведенный въ капиталъ оброкъ долженъ быть расчисленъ по числу крестьянскихъ тяголъ, и крестьянскимъ обществамъ должна быть выдана таблица ежегодной уплаты за каждое тягло процентовъ и капитала въ продолженіе двадцати-восьми лѣтъ.

3) Отдѣльные крестьяне, которые найдутъ возможность уплатить помѣщику безъ замедленія капитальную сумму за состоящую въ ихъ пользованіи тягловую землю, пріобрѣтаютъ ее въ полную собственность, но подчиняются въ пользованіи и отчужденіи ея однажды постановленнымъ правиламъ общиннаго устройства. Отдавшіе помѣщику безъ замедленія за свой участокъ полную, закономъ опредѣленную цѣну земли, пользуются скидкою десяти процентовъ съ капитальной суммы.

4) Крестьянскія общества, уплатившія въ продолженіе опредѣленнаго времени или до истеченія двадцати-восьми лѣтняго срока состоящій на нихъ долгъ, пріобрѣтаютъ вмѣстѣ съ землею полную независимость и подчиняются въ административномъ и судебномъ отношеніи общимъ государственнымъ законоположеніямъ.

5) Помѣщикъ сохраняетъ право обращать несостоятельныхъ крестьянъ на обязательныя работы на основаніи правилъ, постановленныхъ для урочныхъ работъ, съ тѣмъ однако же, чтобы каждый годъ обязательной работы, съ прибавленіемъ опредѣленнаго количества поголовныхъ дней, равняющихся двумъ процентамъ погашенія оброчнаго платежа, зачитался наравнѣ съ исправнымъ взносомъ крестьянскимъ обществомъ закономъ установленнаго срочнаго выкупа.

6) Состоящимъ на издѣліи крестьянамъ, не пожелавшимъ или по недостатку денежныхъ средствъ не могшимъ перейти съ барщи-

ны на оброкъ, равнымъ образомъ зачитается ихъ обязательная служба, съ прибавленіемъ поголовныхъ работъ, въ уплату за состоящій на крестьянскихъ обществахъ за тягловую землю долгъ; издѣльные крестьяне, несущіе сравнительно съ оброчными болѣе тягостную повинность, по справедливости должны быть облегчены сокращеніемъ срока ихъ обязательной службы и пріобрѣтаютъ вмѣстѣ съ независимостію въ полную собственность состоящую въ ихъ пользованіи тягловую землю, по прошествіи двадцати-двухъ лѣтъ. Скидка шести лѣтъ обязательной службы нѣсколько превосходитъ уступку двадцати процентовъ изъ предполагаемаго высшаго оброчнаго платежа, но по выгодности для помѣщика обязательнаго труда, въ сущности она не значительнѣе послѣдней.

7) Выкупъ на этомъ основаніи деньгами или работою крестьянской земли удобоисполнимъ во всѣхъ оброчныхъ и издѣльныхъ имѣніяхъ, гдѣ цѣнность усадебной земли не многимъ превышаетъ цѣнность пахотной и сѣнокосной земли, состоящей въ пользованіи крестьянъ. Всѣ крестьянскія общества, которыя согласятся на ежегодный платежъ сверхъ оброчнаго оклада двухъ процентовъ погашенія, составляющихъ третью часть годоваго платежа — по прошествіи двадцати-восьми лѣтъ пріобрѣтаютъ состоящую въ ихъ пользованіи землю въ полную собственность; равнымъ образомъ состоящіе на пашнѣ крестьяне, исполняющіе опредѣленныя положеніемъ урочныя работы, могутъ въ продолженіе извѣстнаго времени выкупить владѣемую ими тягловую землю посредствомъ отбыванія опредѣленнаго количества поголовныхъ работъ, соразмѣрныхъ двумъ процентамъ погашенія оброчнаго платежа. Назначеніе четырехъ поголовщинъ въ мѣсяцъ, т. е. не болѣе одной въ недѣлю, послужитъ вполнѣ достаточнымъ и справедливымъ вознагражденіемъ помѣщиковъ за уступаемую въ собственность крестьянъ землю, безъ обремененія въ то же время крестьянъ, которыхъ срочно обязательная служба съ прибавленіемъ одной поголовщины въ недѣлю будетъ несравненно легче теперешней произвольной барщины, остающейся безъ всякаго зачету; главное же преимущество ея будетъ состоять въ томъ, что по прошествіи извѣстнаго времени, крестьянскія общества пріобрѣтаютъ въ полную собственность всю состоящую въ пользованіи ихъ землю. Помѣщикамъ должно быть предоставлено право назначать поголовщины мужскія или женскія и конные особые сгоны, смотря по свойству производимой работы, съ тѣмъ однако же, чтобы ни въ какомъ случаѣ не было болѣе одной поголовщины въ недѣлю, и чтобы крестьянскія лошади употреблялись собственно для полевыхъ и другихъ работъ въ усадьбѣ, но не для произвольной перевозки разныхъ тяжестей издалека,

сверхъ опредѣленныхъ положеніемъ урочныхъ зимнихъ подводъ. Право пользоваться поголовщинами продолжается отъ начала полевыхъ работъ до окончанія всѣхъ работъ въ усадьбѣ, т. е. до перемолота господскаго хлѣба; по окончаніи этихъ работъ міръ обязанъ выставить опредѣленное количество подводъ, послѣ чего всѣ издѣльные крестьяне и крестьянки распускаются по домамъ до начала весеннихъ полевыхъ работъ. Предоставленіе крестьянскимъ обществамъ права выкупа всей состоящей въ пользованіи ихъ тягловой земли посредствомъ ежегоднаго надбавочнаго платежа сверхъ оброка, или чрезъ отбываніе опредѣленнаго количества поголовныхъ работъ, послужитъ самымъ дѣйствительнымъ побужденіемъ къ добросовѣстному исполненію крестьянскими обществами принятыхъ ими на себя обязанностей. Пріобрѣтеніе крестьянами въ полную собственность всей или части состоящей въ пользованіи ихъ земли есть мѣра въ высшей степени необходимая для упроченія ихъ благосостоянія въ будущемъ, для предохраненія ихъ отъ бродяжничества, безпечности и равнодушія къ положенію семьи, не рѣдко бывающаго послѣдствіемъ занятія разными промыслами въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и продолжительнаго отсутствія изъ дому оброчныхъ крестьянъ; уменьшеніе народонаселенія, развращеніе нравовъ и неспособность къ полевымъ работамъ, явно проистекающая изъ той же самой причины, могутъ быть устранены не иначе, какъ посредствомъ предоставленія помѣщикамъ права обращать несостоятельныхъ оброчныхъ крестьянъ на обязательныя работы до окончательнаго выкупа ими всей или части состоящей въ пользованіи крестьянскихъ обществъ помѣщичьей земли. По достиженіи же крестьянами полной независимости, право вмѣшательства и суда надъ отдѣльными крестьянами, не исполняющими обязанностей своихъ въ отношеніи къ семейству, должно сдѣлаться принадлежностію крестьянской общины. Надѣлъ по три десятины земли на мужскую ревизскую душу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ за надѣломъ землею крестьянскихъ обществъ останется во владѣніи помѣщика не меньшее количествъ пашни и луговъ, послужитъ достаточнымъ обезпеченіемъ быта пріобрѣтающихъ недвижимую собственность крестьянъ; употребленный же ими на пріобрѣтеніе ея добросовѣстный трудъ подготовитъ ихъ къ разумному пониманію и пользованію неоцѣненными правами свободнаго состоянія.

8) Крестьянскія общества пользуются правомъ выкупа всей состоящей въ пользованіи ихъ земли въ такомъ лишь случаѣ, ежели она составляетъ не болѣе половины всей владѣльческой дачи; излишнее количество земли, превышающее половинную пропорцію

оставшейся во владѣніи помѣщика, можетъ быть выкуплено не иначе, какъ съ согласія владѣльца. Въ оброчныхъ имѣніяхъ, пользующихся всею владѣльческою дачею, помѣщикамъ должно быть предоставлено право требовать отдѣленія къ одному мѣсту половины состоящей въ пользованіи крестьянскихъ обществъ земли, долженствующей остаться въ неограниченномъ распоряженіи помѣщика и выкупу неподлежащей; но въ такомъ случаѣ крестьянскія общества не обязаны вносить за отдѣленную, не подлежащую выкупу землю, опредѣленнаго закономъ высшаго оброчнаго оклада; плата за нее должна быть добровольная, установленная съ общаго согласія. Оставшаяся въ пользованіи крестьянъ и каждогодно на законномъ основаніи оплачиваемая земля, по прошествіи двадцативосьми лѣтъ, становится собственностію крестьянскаго общества.

9) Ежели состоящіе на пашнѣ крестьяне съ согласія помѣщика пользуются излишнею пропорціею земли, превосходящею оставшееся во владѣніи помѣщика количество ея, въ такомъ случаѣ обязаны они за состоящую въ ихъ пользованіи лишнюю землю, сверхъ опредѣленныхъ положеніемъ урочныхъ работъ, внести владѣльцу, въ случаѣ согласія его на выкупъ ея, закономъ опредѣленную стоимость земли деньгами или работою. Въ случаѣ же нежеланія помѣщика принять выкупъ за лишнюю землю, пользованіе ею должно зависѣть отъ обоюднаго добровольнаго соглашенія между помѣщикомъ и крестьянами.

10) Крестьянскія общества, согласившіяся на выкупъ состоящей въ пользованіи ихъ земли, посредствомъ платежа закономъ установленнаго оброчнаго оклада и двухъ процентовъ погашенія, но не заплатившія всей суммы сполна, обязаны даже по прошествіи двадцати восьми-лѣтняго срока уплатить владѣльцу земли состоящую на нихъ недоимку; не прежде, какъ по выполненіи своихъ обязательствъ, крестьянскія общества пріобрѣтаютъ состоящую въ пользованіи ихъ землю въ полную неотъемлемую собственность.

Выкупъ крестьянскими обществами состоящей въ ихъ пользованіи усадебной и полевой земли посредствомъ двухъ процентовъ погашенія, или черезъ исполненіе опредѣленнаго количества поголовныхъ работъ, несравненно предпочтительнѣе, какъ въ интересахъ помѣщиковъ, такъ равно и самихъ крестьянъ, предполагаемаго нѣкоторыми лицами, выкупа крестьянскихъ угодій посредствомъ облигацій на огромную сумму, гарантируемыхъ правительствомъ и долженствующихъ приносить владѣтелю 6% со включеніемъ 2% погашенія. Выкупъ облигацій сопряженъ съ слѣдующими неудобствами:

1) Правительство обременяетъ себя огромнымъ долгомъ и при-

нимаетъ на себя отвѣтственность въ исправномъ платежѣ крестьянами процентовъ на выпущенныя облигаціи, что для правительства несравненно затруднительнѣе, чѣмъ для частнаго лица, находящагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ крестьяниномъ и пользующагося дозволенными закономъ средствами для побужденія его къ исправному платежу выкупнаго оброка, или къ отбыванію опредѣленныхъ за землю обязательныхъ работъ, равнымъ образомъ сопряженныхъ съ срочнымъ погашеніемъ барщинной повинности.

2) Въ случаѣ накопленія недоимокъ, могущихъ значительно превосходить отчисленный даже на случай ихъ резервный фондъ, правительство не въ состояніи будетъ взыскать ихъ съ крестьянъ посредствомъ экзекуціонныхъ мѣръ, что вполнѣ очевидно и доказывается примѣромъ государственныхъ крестьянъ, которые, не смотря на весьма малыя повинности, платятъ ихъ неисправно; употребленіе же слишкомъ строгихъ понудительныхъ мѣръ противъ крестьянъ, предавшихся лѣности и своеволію, можетъ довести ихъ до разоренія, вслѣдствіе котораго исчезнетъ всякое обезпеченіе въ исправности будущихъ платежей.

3) Внезапное освобожденіе крестьянъ отъ всякихъ обязательныхъ работъ, соединенныхъ съ выкупомъ состоящей въ пользованіи ихъ тягловой земли и обложеніе ихъ слишкомъ малыми повинностями, необезпеченными опасеніемъ обязательнаго труда, въ случаѣ неисправной уплаты ихъ, можетъ произвести въ нихъ безпечность, тѣсно соединенную съ лѣностью и разными пороками.

4) Оторванные отъ обработки помѣщичьей земли и послѣ трехъвѣковой зависимости и подчиненности, безъ малѣйшей постепенности предоставленные собственному произволу крестьяне не захотятъ заниматься полевыми работами, хотя бы и за выгодную наемную плату, и бросятся на промышленные заработки, которые вслѣдствіе излишняго наплыва соискателей мѣстъ, несоразмѣрнаго съ требованіемъ на работу, могутъ значительно уменьшиться и обмануть ожиданія обратившихся къ промышленнымъ занятіямъ крестьянъ. Между тѣмъ нежеланіе возвратиться домой съ пустыми руками можетъ побудить ихъ удовольствоваться самыми незначительными заработками и отложить заботу объ удовлетвореніи и предупрежденіи домашнихъ нуждъ, посредствомъ отсылки въ домъ заработанныхъ денегъ, едва достаточныхъ для собственнаго ихъ прожитка; многочисленные примѣры доказываютъ, что крестьянинъ, привыкшій къ долговременнымъ отлучкамъ изъ дому, даже при большихъ доходахъ, по большей части употребляетъ ихъ на удовлетвореніе самыхъ порочныхъ наклонностей и совершенно забываетъ объ исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ се-

мейству и къ обществу; сверхъ того, привыкшій къ легкимъ и скоро проживаемымъ заработкамъ на сторонѣ и къ разгульной жизни крестьянинъ весьма часто возвращается домой съ утраченнымъ здоровьемъ и совершенно теряетъ охоту и способность къ благодѣтельнымъ сельскимъ занятіямъ.

5) Предоставленіе крестьянамъ неограниченной свободы безъ всякой постепенности должно повлечь за собою чрезвычайное уменьшеніе каждогодно извлекаемыхъ изъ земли хлѣбныхъ запасовъ, большая половина которыхъ поступаетъ на продажу изъ владѣльческихъ имѣній; вслѣдствіе чего цѣны на хлѣбъ должны чрезвычайно возвыситься и сдѣлаться почти недоступными для многочисленнаго класса нуждающихся потребителей, проживающихъ въ городахъ; въ неурожайные же годы уменьшеніе хлѣбнаго производства можетъ произвести повсемѣстный голодъ, бѣдственныя послѣдствія котораго невообразимы.

6) Всякое слишкомъ быстрое устраненіе стѣснительныхъ условій жизни, почти безъ содѣйствія освобождаемаго лица, не можетъ имѣть вполнѣ благодѣтельныхъ послѣдствій; для того, чтобы человѣкъ могъ вполнѣ оцѣнить улучшеніе своего быта, необходимо нужно, чтобы онъ собственными усиліями и неусыпнымъ трудомъ способствовалъ къ достиженію имъ вполнѣ обезпеченнаго, спокойнаго и благоденственнаго состоянія. Окончательный выкупъ крестьянскими обществами состоящей въ пользованіи ихъ земли посредствомъ денежныхъ взносовъ или чрезъ отбываніе опредѣленнаго количества поголовныхъ работъ есть лучшій и въ то же время удобоисполнимый способъ выкупа состоящей въ общинномъ владѣніи земли; благодѣтельныя послѣдствія этой мѣры неисчислимы.

ГЛАВА VI.

О сдѣлкахъ за усадебную землю въ дорогихъ мѣстностяхъ и о мѣрахъ обезпеченія законныхъ правъ землевладѣльцевъ съ соблюденіемъ въ тоже время истинныхъ и справедливыхъ интересовъ крестьянскихъ обществъ.

Выкупъ земли посредствомъ надбавочнаго платежа сверхъ оброка или чрезъ отбываніе опредѣленнаго количества поголовныхъ работъ, не представляющій особенныхъ затрудненій во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ усадебная земля не имѣетъ особенной исключитель-

ной цѣнности, неудобенъ въ отношеніи къ крестьянскимъ осѣдлостямъ, расположеннымъ по сосѣдству городовъ, близъ судоходныхъ или сплавныхъ рѣкъ, на проѣзжемъ или торговомъ трактѣ, въ торговыхъ селахъ и во всѣхъ промышленныхъ мѣстностяхъ, доставляющихъ обывателямъ исключительныя выгоды, независящія отъ большей или меньшей стоимости полевой пахатной и сѣнокосной земли; во всѣхъ подобныхъ мѣстностяхъ выкупъ собственно крестьянской осѣдлости долженъ быть отдѣленъ отъ выкупа полевой земли, каторая должна подлежать общимъ, постановленнымъ для выкупа крестьянскихъ земляныхъ угодій правиламъ; выкупъ же въ подобныхъ мѣстностяхъ состоящей подъ крестьянскою осѣдлостію усадебной земли долженъ быть предоставленъ добровольному соглашенію крестьянъ съ землевладѣльцами, съ дарованіемъ крестьянскимъ обществамъ права, по истеченіи опредѣленнаго для выкупа полевой земли срока, заключать съ владѣльцами контракты на пользованіе усадебною землею; въ случаѣ же, ежели не послѣдуетъ между ними и владѣльцами и соглашенія, дозволить имъ перенесить свою осѣдлость на другія мѣста, съ сохраненіемъ всего принадлежащаго имъ движимаго имущества.

Государственное законодательство, долженствующее предоставить въ распоряженіе крестьянскихъ обществъ всѣ законныя средства для постепеннаго и облегченнаго выкупа состоящей въ пользованіи ихъ усадебной и полевой земли, обязано въ тоже время заботиться объ интересахъ землевладѣльцевъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне, платя весьма малыя повинности, не согласятся вносить помѣщику закономъ опредѣленный оброкъ. Въ такихъ случаяхъ должно быть предоставлено помѣщикамъ право обращать крестьянъ на урочныя обязательныя работы съ прибавленіемъ опредѣленныхъ для выкупа крестьянской земли поголовныхъ работъ, для того, дабы крестьянскія общества чрезъ такое благодѣтельное понужденіе могли пріобрѣсть въ полную собственность состоящую въ пользованіи ихъ землю и тѣмъ обезпечить благосостояніе будущихъ крестьянскихъ поколѣній, и чтобы въ то же время помѣщикъ могъ получить за отчуждаемую изъ его владѣнія недвижимую собственность полную закономъ опредѣленную стоимость ея; впрочемъ, въ случаѣ согласія владѣльца на полученіе уменьшеннаго оброчнаго оклада, отношенія его къ крестьянамъ не должны быть стѣсняемы закономъ; въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ крестьяне согласятся платить бездоимочно закономъ опредѣленный оброкъ, но не согласны будутъ на выкупъ его, на основаніи правилъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій должны быть постановлены слѣдующія правила: 1) Помѣщики обязаны заключить съ крестьянскими

янскими обществами контракты на девять или на двѣнадцать лѣтъ, т. е. на три или на четыре сѣвооборота, въ продолженіе которыхъ крестьянскія общества обязаны обезпечить исправный платежъ складнаго оброка поручительствомъ за всѣхъ своихъ членовъ и внести помѣщику всю слѣдующую съ общества оброчную сумму сполна. 2) По прошествіи обозначеннаго въ контрактѣ закономъ опредѣленнаго срока, въ случаѣ значительнаго возвышенія цѣнности поземельной собственности и соразмѣрнаго увеличенія стоимости законныхъ обязательныхъ работъ, по собраніи необходимыхъ справокъ, правительство установляетъ новую оброчную плату на опредѣленное число лѣтъ. 3) Не должно быть дозволено состоящую въ общинномъ пользованіи крестьянскаго общества землю отдавать въ арендное содержаніе посторонникъ лицъ, съ предоставленіемъ имъ права заключать съ отдѣльными крестьянами и цѣлыми обществами контракты на пользованіе тягловыми участками земли за произвольно полагаемую денежную плату или нѣкоторыя, хотя и опредѣленныя, но стѣснительныя работы; но ежели частное лицо предлагаетъ высшую цѣну за землю, въ такомъ случаѣ крестьянское общество, по истеченіи срока, заключеннаго съ владѣльцемъ контракта, обязано возвысить плату за нее, соразмѣрно надбавленной высшей наемной цѣнѣ. 4) Крестьянскимъ обществамъ, не согласившимся первоначально на выкупъ усадебной земли посредствомъ ежегоднаго надбавочнаго взноса, сверхъ оброка, — должно быть предоставлено право, приступить въ послѣдствіи къ выкупу на законномъ основаніи состоящей въ пользованіи ихъ земли, до истеченія срока заключеннаго ими съ помѣщикомъ контракта; но въ такомъ случаѣ общества обязаны подать о томъ прошеніе въ надлежащее присутственное мѣсто, долженствующее безъ проволочекъ исполнить законное требованіе крестьянскаго общества. Право выкупа крестьянской осѣдлости и состоящей въ пользованіи крестьянскихъ обществъ земли, должно войти въ составъ государственнаго права и сдѣлаться обязательнымъ для землевладѣльцемъ во всѣхъ случаяхъ, когда обществами или отдѣльные члены ихъ пожелаютъ воспользоваться имъ на основаніи законоположеній.

VII.

Объ устройствѣ положенія дворовыхъ людей.

Исключительныя отношенія помѣщика къ дворовымъ людямъ, пріютъ и содержаніе, даваемые имъ съ рожденія до смерти, обуче-

ніе разнымъ мастерствамъ и обезпеченіе всѣхъ необходимыхъ, сопряженное съ большимъ отягощеніемъ для помѣщика и поглощающее значительную часть помѣщичьихъ доходовъ, по справедливости требуютъ вознагражденія владѣльцевъ при переходѣ дворовыхъ людей изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное. Установленіе умѣреннаго выкупа съ достигшихъ совершеннолѣтія дворовыхъ людей должно обезпечивать содержаніе малолѣтныхъ сиротъ и престарѣлыхъ обоего пола людей до опредѣленнаго закономъ возраста или до ихъ смерти; съ другой же стороны, высшія государственныя соображенія требуютъ, чтобы освобождаемый изъ крѣпостнаго состоянія дворовый человѣкъ былъ въ такихъ лѣтахъ, чтобы онъ съ помощію неусыпнаго труда могъ пріобрѣсть средства къ жизни и къ содержанію семьи, а равно приготовить себѣ пріютъ для старости и обезпечить положеніе своего семейства послѣ себя; опредѣленіе возраста, по достиженіи котораго дворовый человѣкъ долженъ получить свободу, есть главное условіе этого освобожденія. Для достиженія этой цѣли было бы полезно поставить слѣдующія правила:

1) По достиженіи совершеннолѣтія, опредѣляемаго для мущинъ въ двадцать и для дѣвушекъ въ осемнадцать лѣтъ, дворовые мужскаго пола люди обязаны прослужить помѣщику безусловно десять лѣтъ, въ такомъ лишь случаѣ, ежели они находились до этого возроста на содержаніи и попеченіи помѣщика и ежели они не согласятся принять на себя обязанность заботиться о содержаніи и прокормленіи родителей, а равно малолѣтныхъ братьевъ и сестеръ; находившіеся же съ малолѣтства до совершеннолѣтія при родителяхъ, не жившихъ въ имѣніи и платившихъ помѣщику оброкъ, пріобрѣтаютъ права свободнаго состоянія вмѣстѣ съ родителями, отслужившими узаконенный срокъ.

2) Достигшіе тридцати-лѣтняго возраста, какъ холостые, такъ и женатые обоего пола люди получаютъ немедленно свободу съ своимъ семействомъ и несовершенно-лѣтними дѣтьми. Вдовцы и вдовы пользуются одинаковыми правами съ женатыми и холостыми.

3) Не желающіе воспользоваться дарованною свободою могутъ съ общаго согласія остаться въ имѣніи на прежнемъ положеніи, съ обязанностію приписаться къ сельскому или городскому обществу, по желанію ихъ.

4) Оставшіеся въ имѣніи дворовые люди остаются въ опредѣленной законными постановленіями зависимости отъ помѣщика и обязаны безпрекословно исполнять всѣ его законныя требованія;

за неповиновеніе же и другіе важные поступки подвергаются исправительнымъ наказаніямъ, на основаніи общихъ законоположеній.

5) Писанные по 10-й народной переписи въ числѣ дворовыхъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки, взятые изъ крестьянскихъ семей, отходятъ къ родителямъ или роднымъ; равнымъ образомъ состоящіе при родителяхъ изъ крестьянъ, занимающихъ хозяйственныя должности въ имѣніи, и не желающіе возвратиться въ крестьянство по достиженіи совершеннолѣтія не могутъ быть удерживаемы родителями и помѣщикомъ отъ избранія рода жизни, соотвѣтственно ихъ желаніямъ.

6) Обращенные по случаю сиротства въ число дворовыхъ малолѣтніе безродные крестьяне, по достиженіи ими совершеннолѣтія, обязаны прослужить помѣщику десять лѣтъ; равнымъ образомъ достигшія совершеннолѣтія сироты изъ крестьянъ, числящихся во дворѣ и пользовавшіяся полнымъ содержаніемъ отъ помѣщика до двадцати-лѣтняго возроста, подлежатъ тому же правилу.

7) Сироты изъ дворовыхъ, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, лишившіеся родителей, остаются на попеченіи помѣщиковъ до ихъ совершеннолѣтія, по достиженіи котораго обязаны прослужить помѣщику десять лѣтъ. Оставшіеся на попеченіи помѣщика сироты изъ дворовыхъ, также изъ перечисленныхъ въ дворовые безродныхъ крестьянъ, могутъ быть усыновляемы зажиточными крестьянами или посторонними лицами изъ другихъ сословій, обязанными въ такомъ случаѣ внести за нихъ помѣщику по расчету за прожитые годы установленный денежный выкупъ.

8) Обученные иждивеніемъ помѣщика разнымъ мастерствамъ мальчики и дѣвочки не отходятъ вмѣстѣ съ родителями и по выходѣ изъ ученія обязаны прослужить помѣщику безусловно шесть лѣтъ; находившіеся же въ ученіи безъ платы за ихъ содержаніе, какъ состоящіе при родителяхъ, такъ и безродные обоего пола молодые люди, пріобрѣтаютъ права свободнаго состоянія, съ обязанностію приписаться къ какому нибудь городскому или сельскому обществу.

9) Дворовые мужескаго пола, пріобрѣвшіе свободу ранѣе тридцати-лѣтняго возраста, обязаны заботиться о содержаніи и прокормленіи родителей и малолѣтныхъ братьевъ и сестеръ; ежели съ согласія помѣщика семейство ихъ останется въ усадьбѣ, на господскомъ продовольствіи, въ такомъ случаѣ обязаны они, по взаимному соглашенію съ помѣщикомъ, вносить опредѣленную за призрѣніе семейства ихъ денежную плату.

10) Шестидесятилѣтніе старики, также пятидесятилѣтніе и молодые обоего пола люди, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія здоровья лишенные возможности снискивать себѣ насущное пропитаніе, въ случаѣ нежеланія ихъ воспользоваться свободою, остаются на содержаніи и попеченіи помѣщика до ихъ смерти.

11) Здоровые обоего пола люди, моложе пятидесяти лѣтъ, не могутъ оставаться въ имѣніи противъ желанія помѣщика и обязаны избрать себѣ родъ жизни, съ предоставленіемъ имъ права приписаться къ крестьянскому или мѣщанскому обществамъ, по желанію ихъ.

12) Достигшіе совершеннолѣтія молодые мужескаго пола люди, не согласившіеся принять на себя заботу о содержаніи семьи, въ случаѣ желанія ихъ получить немедленно свободу, обязаны внести за себя помѣщику опредѣленный денежный выкупъ, полагаемый за десятилѣтній срокъ службы отъ двадцати до тридцати лѣтъ въ двѣсти руб. сер.; дворовыя дѣвушки, получавшія полное содержаніе отъ помѣщика до ихъ совершеннолѣтія, вносятъ за себя пятьдесятъ руб. сер.; желающіе откупиться на волю до истеченія предполагаемаго увольнительнаго срока вносятъ помѣщику по расчету деньги за остальные годы, которые имъ остается еще прослужить.

13) Невнесшіе за себя опредѣленнаго выкупа до окончанія срока ихъ службы находятся въ условной зависимости отъ помѣщика, которому не предоставлено право подвергать виновныхъ тѣлесному наказанію за проступки; провинившіеся препровождаются помѣщикомъ въ станъ, при объявленіи, подписанномъ помѣщикомъ или его управляющимъ, съ изложеніемъ ихъ вины и съ просьбою подвергнуть виновныхъ опредѣленному закономъ исправительному наказанію. Становой приставъ обязанъ исполнить требованіе помѣщика и подвергшихся наказанію людей записываетъ въ шнуровую книгу съ прописаніемъ ихъ вины и наказанія, которому они были подвергнуты и съ приложеніемъ полученнаго становымъ приставомъ объявленія; въ случаѣ частыхъ повтореній со стороны помѣщика жалобъ на подчиненныхъ ему людей, также въ случаѣ жалобъ этихъ послѣднихъ на помѣщика, становой приставъ обязанъ безъ замедленія довести о томъ до свѣдѣнія учрежденнаго для веденія этихъ дѣлъ мѣстнаго посредническаго присутствія; по полученіи такого рода увѣдомленія, посредническое присутствіе обязано безъ малѣйшаго замедленія произвести слѣдствіе въ имѣніи помѣщика и допросить сосѣдей не только благороднаго званія, но и принадлежащихъ къ низшему сословію, которыхъ одобрительное свидѣтельство, какъ вполнѣ безпристрастное, должно имѣть

озаритъ неувядаемою славою царствованіе нашего возлюбленнаго и милосердаго Государя и поставитъ наше дорогое отечество на ту степень величія и силы, къ достиженію которой божественному Промыслу угодно было провести Россію путемъ многоразличныхъ скорбей и испытаній; съ наступленіемъ новаго порядка вещей, основаннаго на предвѣчныхъ законахъ справедливости, настанетъ царство правды, міра, любви и воцарится всеобщее благоденствіе.

28 февраля 1859 г.

А. ТЮТЧЕВЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОДОЛЬСКО-ВИТЕБСКІЙ ОТКУПЪ.

Современная литература коснулась откуповъ.

Чтобы видѣть откупное дѣло, нужно начать съ кабаковъ. Въ кабакѣ сидѣлецъ—диктаторъ; онъ знаетъ только одну власть—власть откупщика, одинъ законъ—его волю, одну цѣль — грабить народъ, грабить, грабить и грабить всѣми способами: тутъ обмѣръ, тутъ обсчитыванье, тутъ съ пьянаго снимаютъ одежду, тутъ крадутъ у него изъ кармана деньги, тутъ вода съ виннымъ запахомъ и примѣсью какого нибудь раздражающаго вещества для обмана вкуса, тутъ закуски, возбуждающія жажду, тутъ же и всѣ соблазны для животной жизни, тутъ музыка, тутъ женщины, тутъ разныя совѣщанія, тутъ же клубъ воровъ и грабителей, тутъ сочиняются ябеды, тутъ задумываются преступленія. И изъ всего этого, группируемаго искусствомъ цаловальника, текутъ золотыя рѣки въ карманы откупщиковъ. На этихъ поддонкахъ русской жизни созидаются несмѣтныя богатства. Таковы кабаки были, таковы они нынѣ, таковы они будутъ.

Обратившись отъ кабаковъ къ откупнымъ конторамъ, увидимъ дѣла другаго рода. На рукахъ управляющаго или самаго откупщика устройство разныхъ дѣлъ и дѣлишекъ или, по выраженію г. Кокорева, покупка невидимаго товара, называемаго уклоненіемъ отъ правилъ. Тутъ составляются отчеты о ходѣ откупныхъ дѣлъ. О Боже мой! разсматривая эти отчеты видимъ, что откупщики не имѣютъ выгодъ, а ежегодно несутъ милліонные убытки. Несмотря на это, каждый годъ они надбавляютъ откупную сумму, покупаютъ себѣ дворцы и нагружаютъ карманы милліонами.

Откупщики пользуются существующимъ зломъ,—это дѣло очень дурное. Но еще хуже дѣлаетъ тотъ, кто, не довольствуясь для своего обогащенія зломъ существующимъ, изобрѣтаетъ новое зло; кто не только дѣлатель зла, но, такъ сказать, законодатель его; кто, прокладывая новыя дороги злу, служитъ коноводомъ другимъ.

Просимъ г. Кокорева сказать, справедливо ли такое мнѣніе, а затѣмъ начнемъ разбирать его оправданія, помѣщенныя въ Русскомъ Вѣстникѣ (1858. Ноябрь. Книжка первая).

Г. Кокоревъ говоритъ, что объ откупномъ дѣлѣ, извѣстномъ ему практически, онъ обязанъ подать свой голосъ на общее обсужденіе, что онъ считаетъ нужнымъ представить объясненія противъ возникшихъ на него нареканій за то, что онъ, писавшій противъ откуповъ, явился опять къ торгамъ. Глубокое уваженіе къ гласности, продолжаетъ онъ, слѣдовательно и къ общему мнѣнію, заставляетъ его объяснить внутреннюю сторону его дѣйствій, которая до сего времени не могла быть высказана, чтобы не повредить цѣли послѣдовательнаго (?) уничтоженія откуповъ. Всѣ возникшія на него нападенія, говоритъ онъ далѣе, его радовали, потому что онъ видѣлъ въ этихъ нападеніяхъ проявленіе общественнаго надзора за дѣйствіями, имѣющими связь съ общими интересами нашей жизни; онъ желаетъ, чтобы надзоръ этотъ неутомимо шелъ впередъ.

Мы нарочно выписали почти буквально его предисловіе, чтобы выказать его взглядъ на право общественнаго надзора за его дѣйствіями. Отъ души радуемся такому стремленію г. Кокорева къ гласности, уже давно имъ высказываемому.

И такъ изъ самаго предисловія видно, что статья г. Кокорева имѣетъ двѣ стороны или двѣ цѣли: одна представляетъ его *идеи* по откупному дѣлу, и въ этомъ случаѣ г. Кокоревъ подлежитъ разбору, какъ писатель; другая представляетъ *дѣйствія* г. Кокорева, какъ общественнаго дѣятеля, направленныя къ осуществленію его идей; въ этомъ случаѣ онъ подлежитъ суду публики, какъ общественный дѣятель.

Мы постараемся разъяснить его дѣйствія съ той точки зрѣнія, которая намъ представляется истинною. Не станемъ обвинять его за то, что онъ представляетъ дѣло свое только съ одной стороны, для него выгодной; всякій, защищая свое дѣло, употребляетъ только тѣ аргументы, которые для него полезны. Но за то мы считаемъ своею обязанностію представить другую сторону дѣла; пусть же сопоставленіе разныхъ противныхъ обстоятельствъ и взглядовъ разъяснитъ дѣло. Мы коснемся нѣкоторыхъ обстоятельствъ, можетъ быть непріятныхъ для г. Кокорева, но таково слѣдствіе гласности; кто свои дѣйствія предаетъ на судъ общественнаго мнѣнія, тотъ все долженъ

принять съ твердостію. Г. Кокоревъ объясняетъ не только свои дѣйствія, но и свои помышленія, поэтому и мы вправѣ разобрать тайны его души, провѣрить его слова съ его дѣйствіями настоящими и прошедшими и посмотрѣть, на сколько можно довѣрять его словамъ.

Степень общественнаго довѣрія къ словамъ человѣка соразмѣряется съ впечатлѣніемъ, которое производятъ факты, извѣстные намъ о его дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ положеніе г. Кокорева невыгодно. Всѣмъ извѣстно, что всѣ тѣ злоупотребленія, которыя существуютъ нынѣ, создалъ самъ г. Кокоревъ. Участіе его въ откупномъ дѣлѣ начинается лѣтъ 14 тому назадъ.

Вначалѣ сороковыхъ годовъ было почти такое же неудовольствіе на откупа, какъ теперь; тогдашнія злоупотребленія не идутъ въ сравненіе съ нынѣшними, потому что до 1847 года откупщики продавали водку по опредѣленной откупными условіями цѣнѣ, а не по произвольной, какъ нынѣ; вино продавали изъ всѣхъ питейныхъ заведеній, а не изъ однихъ только ведерныхъ, какъ нынѣ. При этой системѣ злоупотребленія главнымъ образомъ состояли въ чрезмѣрной разсыпкѣ вина, что можно было преслѣдовать, если бы только этого хотѣли. Своекоштное заготовленіе вина откупщиками, скрывая дѣйствительную потребность вина, могло приносить вредъ казнѣ, а не народу. Но несмотря на то, что положеніе народа было гораздо легче, чѣмъ нынѣ, онъ все таки роптатъ. Потому признали необходимость измѣнить систему.

Въ это самое время, именно въ 1844 году, г. Кокоревъ находился управляющимъ винокуреннымъ заводомъ г. Ж. въ Оренбургской губерніи. Въ этомъ году г. Ж., повѣряя его, открылъ по управленію заводомъ злоупотребленія, сдѣлалъ на него начетъ и завелъ формальное дѣло. Г. Кокоревъ пошелъ на сдѣлку и г. Ж. прекратилъ дѣло по уплатѣ ему г. Кокоревымъ 4,000 руб. сер.

По удаленіи г. Кокорева отъ г. Ж., онъ въ 1845 году вступаетъ на службу въ Казани у откупщика Л. Здѣсь онъ составилъ свой знаменитый проэктъ акцизно-откупнаго коммиссіонерства, который доставилъ ему и всѣмъ откупщикамъ милліоны. Въ Казани онъ нашелъ доступъ къ господину N N., который, отправившись въ томъ году въ Петербургъ, рекомендовалъ г. Кокорева, какъ превосходнаго управляющаго откупомъ, какъ составителя проэкта, который долженъ принести неисчислимыя пользы. Г. Кокоревъ, самъ явившись въ Петербургъ, извлекъ все, что только можно было извлечь изъ рекомендаціи этого господина; онъ пустилъ свой проэктъ въ ходъ; а между тѣмъ въ г. Орлѣ далается откупщикъ неисправнымъ. Г. Кокоревъ назначается туда коммиссіонеромъ. Въ чемъ же состояли его права? Онъ былъ настоящимъ откупщикомъ, только на

за что не отвѣчалъ: что выручалось, то шло въ казну; чего не выручалось, то падало на прежняго откупщика. Въ Орелъ онъ прибылъ, если не ошибаемся, въ началѣ 1846 года, заручившись предписаніями, отношеніями и прочимъ тому подобнымъ къ мѣстному начальству, чтобы оно содѣйствовало во всемъ г. Кокореву, а также чтобы не вмѣшивалось въ его хозяйственныя распоряженія. Каковы были эти распоряженія, можно судить изъ того, что прежній откупщикъ не могъ собрать денегъ, необходимыхъ для уплаты въ казну, а у г. Кокорева выручка была гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало въ казну отъ прежняго откупщика. Чего же хотѣть болѣе? не ясно ли, что г. Кокоревъ честнѣйшій коммиссіонеръ? Правда, но вѣдь это только одна сторона предмета; отчего не спросить у народа, какими притѣсненіями г. Кокоревъ извлекалъ изъ него деньги?

Отдали г. Кокореву въ коммиссіонерское управленіе всѣ неисправные откупа, а такихъ было тогда числомъ близко ста. Конечно г. Кокореву нельзя было уснѣть заниматься всѣми откупами, тогда онъ взялъ къ себѣ въ помощь г. Мамонтова, теперешняго его компаньона. Всѣ эти неисправные откупа поступали въ ихъ управленіе почти передъ самымъ наступленіемъ новаго откупнаго термина, а всякому извѣстно, что значитъ управленіе откупомъ въ послѣдніе его мѣсяцы. Управленіе г. Кокорева не вездѣ было такъ продолжаемо, какъ начато въ Орлѣ. Тутъ онъ по каждому откупу воспользовался случаемъ или дѣлать напускъ вина, или брать отступнаго за то, чтобы не дѣлать напуска, какъ это обыкновенно водится; эти деньги уже не попали въ отчеты. Принявъ во вниманіе значительное число откуповъ, бывшихъ въ его управленіи, можно себѣ представить, что г. Кокоревъ составилъ себѣ значительный капиталъ. Это было первое дѣло, которымъ онъ положилъ основаніе своему богатству.

Для нѣкоторыхъ такія дѣйствія покажутся не особенно дурными, потому что онѣ всегда дѣлаются откупщиками. Правда, но дурное дѣло не становится хорошимъ отъ того только, что оно обыкновенно. Притомъ же откупщики поступаютъ такъ въ своемъ откупѣ, у нихъ обратилось это въ статью дохода, на которую они разсчитываютъ, и потому, принимая откупъ, сами платятъ; но у г. Кокорева этого не было: принимая откупъ, онъ ничѣмъ не рисковалъ, отступнаго не платилъ, а самъ получалъ, тогда какъ это не ему принадлежало.

Пока г. Кокоревъ управлялъ неисправными откупами, его проэктъ акцизно-откупнаго коммиссіонерства прошелъ и былъ утвержденъ; на основаніи его произведены были торги на откупа съ 1847 по 1851 годъ; на нихъ г. Кокоревъ взялъ нѣсколько откуповъ, нѣкоторые одинъ, а другіе въ компаніи съ братьями N N. Эти же братья N N.

взяли и другіе откупа одни, по указанію г. Кокорева; теперь они значительные откупщики.

За свой проэктъ г. Кокоревъ получилъ изъ казны 50,000 р. сер. и назначенъ казеннымъ коммиссіонеромъ на откупа Смоленской губерніи. Здѣсь первымъ дѣломъ г. Кокорева было удвоить цѣну вина. Система г. Кокорева была вновѣ; многіе еще не понимали ея сущности, но онъ сразу показалъ, какой имѣетъ она смыслъ, т. е. назови полугаръ водкой и продавай по какой хочешь цѣнѣ,—вотъ и все тутъ.

Теперь г. Кокоревъ чествтъ откупа, на чемъ свѣтъ стоитъ; онъ сколько разъ каялся, что принималъ въ нихъ участіе, какъ будто бы не самъ онъ былъ виновникомъ нынѣшнихъ откупныхъ злоупотребленій. Можетъ ли сказать онъ положа руку на сердце, что, сочиняя свой тогдашній проэктъ, онъ имѣлъ въ виду благо народное, избавленіе народа отъ притѣсненій, которыя онъ терпитъ отъ откупщиковъ, развитіе промышленности, сельскаго хозяйства, нравственность народа, о которыхъ онъ такъ теперь заботится? Нѣтъ, г. Кокоревъ не можетъ сказать, что не зналъ сущности своего проэкта, не зналъ къ какимъ злоупотребленіямъ поведетъ онъ; всякій другой еще можетъ это сказать. Теперь онъ попираетъ эту систему; онъ говоритъ, что отдаются на откупъ одни лишь уклоненія отъ правилъ, потомъ восклицаетъ: неужели и въ наше время, когда является сознаніе многихъ общественныхъ недостатковъ, будутъ производиться торги на то, кто больше даетъ за уклоненія?...

Когда онъ писалъ эти самыя правила, онъ зналъ, что смыслъ ихъ — отдавать на откупъ злоупотребленія, но все-таки писалъ ихъ. Г. Кокоревъ былъ врагомъ общества, врагомъ русскаго народа. Человѣкъ, принесшій такое необъятное зло народу, неужели думаетъ, что его словамъ можетъ быть еще вѣра?

Въ чемъ сущность акцизно-откупнаго коммиссіонерства? Въ томъ, что сборъ отъ продажи вина по этой системѣ однозначителенъ съ произвольнымъ на народъ налогомъ. И въ самомъ дѣлѣ, откупщикъ имѣетъ право не продавать изъ питейныхъ домовъ вина; онъ можетъ продавать въ нихъ только водки; это впрочемъ ниск олько не мѣшаетъ называть спеціальною водкою простой полугаръ; водк и онъ продаетъ по вольной цѣнѣ и постоянно ее возвышаетъ. Не значитъ ли это, что онъ беретъ на откупъ сборъ съ народа такой суммы денегъ, какую только народъ въ состояніи заплатить, покупая у него вино? Откупщики пришли къ той мысли, что народъ всѣ деньги которыя останутся у него, за удовлетвореніемъ самыхъ крайнихъ нуждъ, пропьетъ; они говорятъ, что *пьетъ не желудокъ, а карманъ*, и потому нужно назначать на вино такую цѣну, при которой изъ на

рода вытягиваются всѣ деньги. Чѣмъ у народа больше средствъ къ заработкамъ, тѣмъ выше должно назначить цѣну вина. Итогъ всегда одинъ и тотъ же—довести народъ до того, чтобы у него никогда не было лишней копѣйки. Изъ этого всякій пойметь, отчего огромныя наддачи на нынѣшнихъ торгахъ: торговля и промышленность въ послѣднее время у насъ получили большое развитіе; все дорожаетъ, трудъ рабочаго также, деньги дешевѣютъ сравнительно съ другими товарами. Въ народѣ обращается денегъ много; откупщики увеличиваютъ цѣну вина, имъ нужно, чтобы народъ за то количество вина, которое для него потребно, заплатилъ всѣ лишнія, находящіяся у него деньги. Народъ пьетъ и платитъ, потому что у него есть деньги, откупщики обогащаются; но казна вовсе не богатѣетъ, потому что получаетъ отъ откупщиковъ, хотя и болѣе, чѣмъ прежде, но такъ сказать товаромъ, который дешевле прежняго; въ этомъ случаѣ нынѣшняя большая сумма равняется прежней гораздо меньшей. Вотъ, гдѣ разъясненіе нынѣшнихъ наддачъ на откупа. И конечно откупа выдержатъ эти цѣны. Но уничтожьте теперь бумажныя деньги, приведите количество ихъ въ тотъ размѣръ, въ какомъ были онѣ лѣтъ 5 тому назадъ, деньги вздорожаютъ, цѣны на всѣ предметы и работу понизятся, у народа будетъ меньше денегъ, онъ будетъ меньше пить и откупщики — банкроты. Итакъ мы повторяемъ, что нынѣшняя питейная система есть сборъ произвольнаго налога съ народа откупщиками. Этими словами выражается все зло акцизно-откупнаго комиссіонерства, этого творенія г. Кокорева.

Изъ того, что мы сказали, видно, что г. Кокоревъ, виновникъ нынѣшней откупной системы, зналъ все необъятное зло, которое она въ себѣ заключаетъ, когда предлагалъ ее, что онъ первый осуществилъ эти злоупотребленія во время управленія своего въ Смоленской губерніи.

Одно четырехлѣтіе съ 1847 по 51 годъ показало несостоятельность системы акцизно-откупнаго комиссіонерства. Тогда увидѣли, что эта система для народа еще хуже и тягостнѣе прежнихъ откуповъ, но по неимѣнію другой готовой системы она была оставлена еще на 4 года, съ 1851 по 55 годъ.

Дѣятельность г. Кокорева такова, что она отыскиваетъ безпрерывно новое зло, новыя угнетенія для народа, новые источники барышей для откупщиковъ. На этотъ разъ у него не было въ запасѣ другой системы питейныхъ сборовъ, да онъ впрочемъ и не нуждался въ томъ; у него въ головѣ были уже средства извлечь и изъ этой системы новые барыши отъ такого зла, которое еще не было осуществлено въ первое четырехлѣтіе. И кто бы могъ подумать, что еще не всѣ откупныя злоупотребленія изчерпаны? Можно было только

думать, что зло уже не можетъ идти дальше, что крайній предѣлъ, къ которому оно пришло — система г. Кокорева; но оказалось, что еще много зла неиспытаннаго лежитъ въ откупахъ, и честь его открытія принадлежитъ г. Кокореву.

Онъ въ то время считался чѣмъ-то въ родѣ фанансоваго генія или оракула; мнѣнія его выслушивались съ благоговѣніемъ, предложенія принимались съ готовностью. Его вліянію приписывается отдача откуповъ съ 1851 по 55 годъ по многимъ губерніямъ, не раздѣльно по уѣздамъ, какъ было прежде, а совокупно по цѣлой губерніи одному лицу или нѣсколькимъ, составившимъ компанію. Такое развитіе круга дѣйствій и власти откупщиковъ принесло самые гибельные плоды. Отсутствіе соревнователей на торгахъ на такія большія операціи имѣло конечно послѣдствіемъ стачку богатыхъ откупщиковъ между собою и низкую цѣну за откупа, потомъ необходимость смотрѣть сквозь пальцы на всѣ злоупотребленія откупщиковъ и угнетеніе народа. Съ того времени въ особенности началось накопленіе несмѣтныхъ богатствъ у откупщиковъ.

Но изобрѣтательность г. Кокорева проявилась на торгахъ 1850 г. еще въ другомъ видѣ. Онъ уговорился съ нѣкоторыми откупщиками образовать компанію для взятія на откупъ губерній С.-Петербургской и Московской вполнѣ и всѣхъ уѣздовъ другихъ губерній, черезъ которые пролегаетъ Николаевская желѣзная дорога, съ тѣмъ, что изъ всѣхъ этихъ мѣстностей будетъ образованъ одинъ откупъ. О такомъ предположеніи, конечно, слѣдовало бы объявить всѣмъ откупщикамъ заранѣе, чтобы они могли составить между собою компанію, такъ какъ одному человѣку такое дѣло было не по силамъ; но объявленіе это было сдѣлано дня за два до торговъ на этотъ откупъ, а въ такой короткій срокъ ничего не могло быть сдѣлано для составленія компаній; такимъ образомъ компанія г. Кокорева, явившись вдругъ на свѣтъ Божій, сдѣлалась обладательницею такихъ золотыхъ розсыпей, которыя поспорятъ съ калифорнскими. Она взяла этотъ откупъ изъ платежа въ годъ акцизно-откупной суммы 5,471,000 руб. сер. Тотъ же г. Кокоревъ устроилъ для той же компаніи другое большое дѣло: это взятіе на откупъ акцизнаго сбора по всему Новороссійскому краю и Бессарабской области совокупно, безъ раздѣленія на губерніи, за 1,900,100 руб. сер., такъ что вся Южная Россія очутилась въ однѣхъ рукахъ. Эти два дѣла, устроенныя г. Кокоревымъ, вещи въ своемъ родѣ единственныя; онѣ у откупщиковъ слыли подъ именемъ *двухъ большихъ дѣлъ* и существовали до нынѣшнихъ торговъ въ рукахъ почти однѣхъ и тѣхъ же лицъ.

Уже конечно г. Кокоревъ не можетъ сказать, что все это было сдѣлано имъ изъ патріотизма, въ видахъ блага народнаго.

Цѣлію такихъ мѣръ, какъ мы сказали уже, было распространеніе власти откупщиковъ. Изобрѣтатель этой системы и въ самомъ угнетеніи народа оказался первымъ, можетъ быть только за исключеніемъ недавно умершаго откупщика Гол — ва, котораго впрочемъ вывелъ изъ ничтожества самъ г. Кокоревъ за его таланты. Ни на одного откупщика не было столько жалобъ, какъ на г. Кокорева.

Наживши милліоны г. Кокоревъ теперь спокоенъ и безопасенъ, на совѣсти его не лежитъ преступленій; онъ говоритъ о патріотизмѣ, о благѣ народа, о вредѣ откуповъ; онъ путешествовалъ за границей, хвалитъ бытъ Англіи; но знаетъ ли онъ, чему подвергся бы въ Англіи совершитель дѣлъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы должны были бы разсказать коснувшись этихъ жалобъ?

Мы уже сказали, что зло акцизно–откупнаго коммиссіонерства обнаружилось еще въ первое четырехлѣтіе; въ теченіе втораго была составлена другая система питейной продажи; это система *распорядительства*, которая предполагалась ко введенію съ 1855 года и сущность которой заключалась въ томъ, что злоупотребленія откупщиковъ, существующія нынѣ, какъ беззаконіе, облекались формою закона. Но военныя дѣйствія, къ счастію Россіи, помѣшали ея введенію, а нынѣ по волѣ Государя мысль о введеніи ея окончательно оставлена. Итакъ на двухлѣтіе 1855 по 57 г. была оставлена система акцизно-откупнаго коммиссіонерства. Откупа на эти два года раздавались безъ торговъ министромъ финансовъ, при посредствѣ г. Кокорева. Хотя ему, какъ дѣйствовавшему при раздачѣ откуповъ лицу, не прилично было самому участвовать въ откупахъ, но онъ не обратилъ на это вниманія (*).

Это еще ничего; но что сказать о томъ, какъ онъ требовалъ съ откупщиковъ *на расходы*, угрожая, что въ противномъ случаѣ за ними не будутъ утверждены откупа? Мы полагаемъ, что эти суммы на расходы просто должно назвать взяткою, тѣмъ болѣе, что откупа на 1855 и 56 годы пошли въ суммѣ меньшей противъ прежняго четырехлѣтія на 3,806,000 руб.

Наддача 1 милліона на столичные откупа была представлена поступкомъ патріотическимъ, хотя мы не видимъ тутъ патріотизма, потому что доходы этого откупа въ предыдущее четырехлѣтіе были необычайны; тѣмъ менѣе мы назовемъ этотъ поступокъ патріотическимъ, что по акцизнымъ откупамъ Новороссійскаго края той же компаніи была сдѣлана уступка въ годъ на 457,000 руб., да по

(*) Впрочемъ, чтобы выказать свой патріотизмъ, сдѣлалъ по откупу Николаевской желѣзной дороги наддачу въ годъ на 1,000,000 руб. сер.

другимъ откупамъ той же компаніи уступлено до 100,000 руб. Оба эти откупа по случаю военнаго времени и скопленія въ нихъ огромныхъ армій получили громадные барыши, которые г. Кокоревъ хорошо предвидѣлъ. По однимъ столичнымъ откупамъ, какъ говорятъ, чистый барышъ простирался до 8,000,000 р. въ годъ. О барышахъ этихъ можно судить потому, что на нынѣшнихъ торгахъ за откупа Николаевской желѣзной дороги, розданные по уѣздамъ, дали до 15,000,000, а за акцизные откупа Новороссійскаго края 4,022,000 рублей.

Въ это же время по привилегированнымъ губерніямъ чарочные откупа были отданы акцизнымъ откупщикамъ, потому будто бы, что было затруднительно входить въ соглашеніе съ мелкими чарочными откупщиками, хотя такое соединеніе чарочныхъ и акцизныхъ откуповъ въ однѣхъ рукахъ было противно коренному закону объ откупахъ. Эту затруднительность сношенія съ мелкими откупщиками нашелъ опять таки г. Кокоревъ, какъ главный въ этомъ дѣлѣ участникъ.

Такъ прошло еще двухлѣтіе. Кончилась война. Россія увидала раны, которыми поражено ея тѣло. Начинается стремленіе къ самосознанію, проявляется общественное мнѣніе, хотя безъ привычки слабо; всякое живое, трезвое слово принимается съ участіемъ, литература поднимаетъ многіе вопросы, всѣ ждутъ чего-то новаго, лучшаго; объявляются торги на откупа на двухлѣтіе съ 1857 по 59 г.; на нихъ является г. Кокоревъ, беретъ откупа, но вдругъ послѣ торговъ отказывается *навсегда* отъ дальнѣйшаго участія въ откупныхъ операціяхъ, съ раскаяніемъ говоритъ о своемъ прежнемъ участіи, гремитъ проклятіемъ откупамъ, объявляетъ себя другомъ народа, патріотомъ; слава Кобдена и Брайта не даетъ ему покоя, онъ литераторъ, онъ ораторъ, онъ воображаетъ себя уже на пьедесталѣ, любимцемъ народа!...

Но что же это значитъ? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ отказался отъ откуповъ, всенародно признавъ ихъ подлымъ дѣломъ? Дѣйствительно ли онъ у всѣхъ въ виду на почетномъ пьедесталѣ? Нѣтъ, г. Кокоревъ просто взгромоздился на подмостки и оттуда показываетъ разные фокусы почтеннѣйшей публикѣ; но фокусы профессоровъ магіи всѣмъ извѣстны, никто не думаетъ ими обманываться, и потому г. Кокоревъ выдумываетъ новые фокусы, какихъ еще не показывали его предшественники. Да, теперь уже нельзя, продавая публикѣ недоброкачественное вино, увѣрить ее, что она пьетъ спеціальныя водки *лучшаго вкуса и качества*.

Правда ли, что г. Кокоревъ не участвовалъ въ откупахъ съ 1857 по 59 годъ?

Конечно, всякій можетъ судить по своему, можетъ утверждать, что г. Кокоревъ дѣйствительно не содержалъ откуповъ въ этотъ періодъ, потому что имени его нигдѣ въ контрактахъ не было; но вѣдь остались же за нимъ откупа на торгахъ 1856 года, и откупа значительные? — Видите ли, онъ свои паи по откупамъ продалъ своимъ компаньонамъ или другимъ лицамъ, взявъ съ нихъ впередъ, по особой расцѣнкѣ, весь предполагавшійся на его паи въ два года доходъ. Мы не думаемъ, чтобы это значило не участвовать въ откупахъ. Мы даже положительно утверждаемъ, что это значитъ—участвовать въ откупахъ.

Но послѣ тѣхъ громовъ и молній, которые онъ съ своихъ подмостокъ бросалъ въ откупа и когда далъ своему капиталу промышленное и торговое направленіе, учреждая разныя компаніи и выговаривая себѣ изрядную долю учредительскихъ процентовъ, кто бы могъ подумать, что г. Кокоревъ явится однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ на торгахъ 1858 года?

Итакъ на обѣщаніе г. Кокорева оставить откупа должно смотрѣть только какъ на особую уловку, посредствомъ которой онъ надѣялся войти въ довѣріе публики и подготовить себѣ обширное поле для дальнѣйшей дѣятельности. — Прошедшая дѣятельность г. Кокорева показываетъ намъ, надобно ли вѣрить его слову; можетъ быть онъ намъ возразитъ, что о настоящемъ нельзя еще судить по прошедшему, что въ жизни человѣка бываютъ такія обстоятельства, которыя измѣняютъ его совершенно. Посмотримъ, дѣйствительно ли онъ измѣнился.

Г. Кокоревъ такъ оправдывается въ своемъ участіи въ откупахъ. Онъ говоритъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ представилъ министру финансовъ записку объ отмѣнѣ откуповъ, что записка эта не пошла въ ходъ, потому что до открытія торговъ осталось мало времени и устроивать новую систему было некогда. Поэтому онъ сталъ искать для осуществленія своей мысли практическую *тропинку*. Онъ предположилъ взять съ торговъ въ двухъ разнородныхъ губерніяхъ акцизный сборъ съ вина и согласить пріятеля своего Мамонтова взять въ тѣхъ же губерніяхъ всѣ чарочные откупа, а послѣ просить министра финансовъ исходатайствовать у Государя Императора разрѣшеніе уничтожить чарочные откупа съ обязанностію платить за нихъ данную на торгахъ сумму; для возмѣщенія же этого расхода установить акцизъ вмѣсто 75 коп. по 1 р. 15 к. съ ведра; ему казалось, что разрѣшеніе произвесть этотъ опытъ не встрѣтитъ препятствія, такъ какъ казна ничего не теряетъ; но для того, чтобы имѣть успѣхъ въ своемъ предпріятіи, онъ долженъ былъ участвовать въ торгахъ.

Итакъ г. Кокоревъ, по его объясненію, явился на торги для того, чтобы проложить путь къ принятію его новаго проэкта по питейной части. Но котораго же проэкта? Того ли, о которомъ онъ подавалъ въ мартѣ мѣсяцѣ записку министру финансовъ, или того, который осуществился? Изъ словъ его, что предложенная имъ мѣра по Подольской и Витебской губерніямъ заключаетъ въ себѣ начало всѣми желаемаго разрушенія откупной монополіи, можно заключить, что эта система — переходная и что г. Кокоревъ еще смотритъ въ будущее, а потому главнѣйшая его мысль заключается въ той системѣ, которую онъ предлагалъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Объ этой системѣ мы скажемъ послѣ, а теперь посмотримъ, что̀ г. Кокоревъ дѣлалъ на нынѣшнихъ торгахъ.

Онъ увѣряетъ, что для предположеннаго имъ опыта имѣлъ въ виду взять именно Подольскую и Витебскую губерніи. Положительно мы не можемъ знать, что было въ умѣ Кокорева, когда онъ явился на торги; чужая душа—потемки. Но всякому позволительно судить о какомъ бы то ни было предметѣ по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя имѣются у него въ виду, и выводить заключеніе *вѣроятнѣйшее*. Вотъ это-то вѣроятнѣйшее заключеніе мы и намѣрены вывести.

Торги начинаются съ Сибири. На восточную Сибирь г. Кокоревъ дѣлаетъ страшныя надбачи. Исторія этихъ торговъ всѣмъ извѣстна. Съ однимъ изъ главныхъ откупщиковъ сдѣлалось дурно, его почти вынесли изъ присутствія и давали ему для освѣженія холодную воду; на это время пріостановили торги; г. Кокоревъ оставилъ таки восточную Сибирь за собою съ надбачею противъ прежней цѣны до 2 милліоновъ рублей въ годъ.

Представляется вопросъ, что побуждало г. Кокорева участвовать въ торгахъ на такія мѣстности, которыя онъ никогда не думалъ дѣйствительно брать? Желаніе ли выказаться, заслужить расположеніе и тѣмъ пробить себѣ тропинку къ осуществленію своихъ дальнѣйшихъ плановъ или просто увлеченіе откупщика, который не можетъ удержаться въ предвидѣніи барышей? Намъ кажется, что послѣднее вѣрнѣе. Въ этомъ увѣряютъ насъ слова самаго Кокорева, который говоритъ: «ясно, что отдаются на откупъ уклоненія отъ правилъ. Кто по свойству своей натуры дерзновеннѣе, смѣлѣе, тотъ расчитываетъ на эти уклоненія шире, размашистѣе и даетъ дороже, а робкій отстаетъ отъ торга ранѣе»; потомъ когда уже возьмутъ откупа начинаютъ придумывать разныя «штучки».

Онъ говоритъ, что много за нимъ осталось откуповъ, но всѣ откупа, гдѣ существуетъ монополія продажи, имъ переданы, кромѣ Царицына съ уѣздомъ. За переданные откупа онъ, конечно, полу-

чилъ отступное; но чтобы Царицынъ былъ имъ оставленъ за собою только для того, чтобы при постройкѣ Волжско-донской желѣзной дороги рабочіе могли получать хорошую чарку водки за законную цѣну, тому мы не повѣримъ; это можно разсказывать только дѣтямъ, если имъ интересны такія сказки.

Да и почему же хорошую чарку водки, а не чарку хорошей водки? Это не все равно. Можетъ быть г. Кокоревъ сказалъ не то, что думалъ; мы даже оставимъ эти пустяки, хотя и предоставляемъ ему сказать, когда будетъ нужно, что онъ вовсе не обѣщалъ хорошей водки за законную цѣну.

Намъ кажется, что оставить царицынскій откупъ за собою г. Кокоревъ могъ скорѣе по слѣдующимъ соображеніямъ: онъ задумалъ устроить между Волгою и Дономъ желѣзную дорогу, которая будетъ пролегать по Царицынскому уѣзду; при работахъ будетъ много рабочаго народа, слѣдовательно взять откупъ выгодно, прочимъ откупщикамъ можетъ быть неизвѣстно съ достовѣрностію, а можетъ быть и вовсе неизвѣстно, пойдетъ ли по Царицынскому уѣзду дорога, и отчаяннаго соперничества на торгахъ быть не можетъ.

И въ самомъ дѣлѣ царицынскій откунъ пошелъ за 140 тысячъ рублей съ наддачею 93 тысячъ, или почти втрое дороже прежней цѣны, тогда какъ другіе города той же Саратовской губерніи, въ которыхъ не имѣется въ виду такихъ предпріятій, какъ проведеніе желѣзной дороги, пошли гораздо дороже; такъ Аткарскъ съ 42,200 р. въ 202,000 р., т. е. почти въ 5 разъ дороже, Камышинъ съ 40.000 р. въ 161,400 р., т. е. слишкомъ въ 4 раза, Балашовъ съ 11,100 р. въ 144,000 р. или въ 13 разъ дороже. Изъ этого сравненія мы можемъ видѣть, что царицынскій откупъ пошелъ еще очень дешево. Итакъ взятіе этого откупа г. Кокоревымъ было просто дѣло расчета, а вовсе не благодѣянія для народа.

Впрочемъ, если г. Кокоревъ и останется при мысли продавать вино по законной цѣнѣ, то мы увѣрены, что онъ въ убыткахъ не будетъ, это онъ лучше нашего самъ знаетъ и вѣроятно имѣлъ въ виду прежде. Выгоду эту онъ получитъ отъ того, что кромѣ усиленія продажи на мѣстѣ онъ зальетъ сосѣдніе откупа; о томъ, чтобы отъ правительства скрыть дѣйствительный расходъ вина—заботиться теперь уже нечего; всякій долженъ знать, что будетъ же конецъ и откупамъ. Если этому послѣдуютъ и нѣкоторые другіе откупа, то и они будутъ въ такомъ же выигрышѣ.

Теперь разсмотримъ дѣйствія г. Кокорева относительно Витебской и Подольской губерній.

Переторжка на Витебскую губернію производилась 14-го іюля. На акцизный откупъ этой губерніи явились два соперника: содержатель этого откупа Г. и г. Кокоревъ. Откупъ остался за г. Кокоревымъ за 600 тысячъ рублей въ годъ, тогда какъ онъ до этого шелъ только за 300,000. Отмщенія и возмездія—явленія весьма обыкновенныя при торгахъ на откупа и совершенно согласны съ природою человѣческою: когда у откупщика перебиваютъ выгодный откупъ, является желаніе подорвать соперника, возвышая сумму до чрезмѣрности,—тутъ уже не соревнователи, а враги. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Откупщикъ Г. довелъ г. Кокорева до 600,000. Итакъ акцизная сумма по Витебской губерніи увеличилась ровно вдвое, тогда какъ весь собранный акцизъ въ 1857 году составлялъ только 545,000 рублей, слѣдовательно его недоставало на оплату откупной суммы, не говоря уже о содержаніи откупа. Конечно г. Кокоревъ замѣтилъ свою запальчивость, но уже поздно. Первымъ его дѣломъ было побудить г. Мамонтова взять всѣ чарочные откупа этой губерніи; это дѣйствіе было единственнымъ средствомъ къ спасенію. Когда всѣ чарочные откупа будутъ забраны тайнымъ компаньономъ акцизнаго откупщика, то останется только чарочному откупщику взять въ аренду питейную продажу въ казенныхъ имѣніяхъ и арендовать главнѣйшіе помѣщичьи шинки, чтобы, сдѣлавшись монополистомъ всей губерніи, учредить нѣчто похожее на великороссійскіе откупа и тѣмъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Тогда всѣ такъ и полагали, что эту самую мысль имѣетъ г. Кокоревъ; и мы тоже думаемъ. Но такое явное соглашеніе г. Кокорева съ г. Мамонтовымъ и было причиною не совсѣмъ удачнаго исполненія ихъ плана: съ г. Мамонтовымъ случилось тоже, что съ г. Кокоревымъ. Какъ скоро замѣтили, что г. Мамонтовъ хочетъ забрать всѣ чарочные откупа во чтобы то ни стало, прежніе ихъ содержатели стали набивать цѣну и такимъ образомъ сумма всѣхъ этихъ откуповъ съ 167,100 руб. дошла до 265,400 р., хотя вообще города Витебской губерніи ничтожны и бѣдны. Изъ сосѣднихъ губерній ни одна не представляетъ такой значительной наддачи на чарочные откупа.

Если не одна только необходимость побудила г. Кокорева къ уничтоженію чарочныхъ откуповъ, а онъ имѣлъ эту мысль заранѣе, какъ цѣль, а не какъ средство, то какъ согласить это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкто Ф. въ тотъ же день послѣ окончанія торговъ сказалъ г. Кокореву или г. Мамонтову, что хорошо бы было вовсе уничтожить чарочные откупа? Такимъ образомъ дѣло представляется въ другомъ видѣ. Оказывается, что первую мысль уничтоженія чарочныхъ откуповъ подалъ Ф. и уже послѣ торговъ на Витебскую губернію; это обстоятельство сильно колеблетъ показанія г. Кокорева,

что онъ это намѣреніе имѣлъ еще до начала торговъ. Что касается до Подольской губерніи, то, какъ торги на нее были чрезъ два дня послѣ Витебской, мы не отвергаемъ, что г. Кокоревъ, торгуясь на нее, имѣлъ уже свои новыя предположенія, но все таки онъ не могъ знать, будутъ ли приняты его предположенія. Или ему было это заранѣе обѣщано? Въ такомъ случаѣ для чего онъ этого не говоритъ?

При торгахъ на Подольскую губернію мы видимъ г. Кокорева уже болѣе осмотрительнымъ. Онъ, чтобы не встрѣтить въ содержателѣ акцизнаго сбора этой губерніи откупщикѣ Г., томъ же самомъ, который былъ такъ неуступчивъ по Витебской губерніи, дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: требуетъ отъ Г., чтобы тотъ принялъ его участникомъ по откупу въ 50 паяхъ; хотя Г. и отказывался сначала отъ его товарищества, но какъ г. Кокоревъ угрожалъ поднять цѣну на этотъ откупъ до невозможности, то Г. согласился. При этомъ г. Кокоревъ выговорилъ, чтобы откупъ на переторжкѣ остался за нимъ, т. е. былъ записанъ на его имя. Такъ и было: акцизный откупъ Подольской губерніи остался за г. Кокоревымъ за 1,732,000 руб.

Здѣсь мы сдѣлаемъ отступленіе. Мы не понимаемъ возможности къ хорошимъ цѣлямъ идти кривыми путями. Если г. Кокоревъ имѣлъ добрыя намѣренія, то для чего онъ участвовалъ въ такъ называемой *стодвадцатиустой компаніи*? Конечно онъ хорошо зналъ, что существованіе и цѣль этой компаніи беззаконны. Мы не принимаемъ ссылки, что и въ прежніе годы были домашніе торги; г. Кокоревъ вѣдь не претендуетъ на то, что онъ при прежнихъ торгахъ дѣйствовалъ хорошо. У откупщиковъ искони вѣковъ были домашніе торги, но устроить компанію, въ которой 120 человѣкъ членовъ, суждено было только при нынѣшнихъ торгахъ.

Для тѣхъ, кто не знаетъ этого, мы должны объяснить, что цѣль этой компаніи и вообще домашнихъ торговъ не та, чтобы, посредствомъ стачки, остановить сколько возможно возвышеніе цѣнъ на откупа; но чтобы та сумма, которая по соображенію откупщиковъ недодана казнѣ, шла въ пользу членовъ компаніи. Эти собранія производились въ нынѣшнемъ году у разныхъ главнѣйшихъ откупщиковъ, но, кажется, всего чаще на Крестовскомъ острову на дачѣ г. Я. На этихъ домашнихъ торгахъ въ нынѣшнемъ году собрано денегъ, которыя пошли въ раздѣлъ между членами компаніи, какъ говорятъ, болѣе 3,000,000.

Послѣ того, какъ акцизный откупъ Подольской губерніи на торгахъ въ сенатѣ остался за г. Кокоревымъ, были произведены домашніе торги на этотъ откупъ. Откупщики нашли, что за этотъ откупъ можно къ той цѣнѣ, которая состоялась въ сенатѣ, прибавить еще по 50,000 на годъ, а на 4 года 200,000 рублей. По правиламъ

компаніи прежній откупщикъ, если согласенъ на надбавку, имѣетъ преимущественное предъ другими право удержать откупъ за собою и въ такомъ случаѣ половину всей наддачи долженъ отдать въ пользу компаніи; если же прежній откупщикъ за эту цѣну оставить за собою откупъ не согласится, то имѣетъ право получить съ того, кто возьметъ этотъ откупъ, половину наддачи, а другая половина идетъ въ раздѣлъ компаніи. Отъ прибавки на Подольскій откупъ 200,000 прежній откупщикъ Г. отказался; г. Кокоревъ согласился; поэтому за нимъ оставленъ былъ откупъ, и затѣмъ Г. имѣлъ право на полученіе отъ г. Кокорева 100,000 рублей.

Мы объявляемъ, что всѣ эти сдѣлки совершенно незаконны; но что скажемъ про г. Кокорева, который, когда была утверждена по Подольской губерніи новая имъ предложенная акцизная система, отказался отъ уплаты откупщику Г. означенныхъ 100,000, основываясь на томъ, что этотъ платежъ былъ бы для него обязателенъ только при прежней системѣ, а не при новой? Однакоже когда откупщикъ Г. принялъ мѣры къ подрыву г. Кокорева тѣмъ, что къ началу откупнаго періода по двумъ уѣздамъ не будетъ ни ведра вина, то г. Кокоревъ смирился, пошелъ на сдѣлку и заплатилъ Г. 40,000 рубл. Какъ ни судить о всѣхъ вообще дѣйствіяхъ откупщиковъ, но этотъ поступокъ г. Кокорева съ своимъ компаньономъ—верхъ совершенства въ своемъ родѣ. Такимъ манеромъ г. Кокоревъ успѣлъ пріобрѣсти Подольскій акцизный откупъ сравнительно съ другими дешевле.

Г. Кокоревъ говоритъ, что выборъ Подольской и Витебской губерній имъ былъ сдѣланъ не случайно. Первая пріобрѣтаетъ деньги отъ сбыта произведеній къ одесскому порту, а изъ второй, по всегдашнему въ ней неурожаю хлѣба, жители выходятъ на заработки въ другія губерніи. Такимъ образомъ всѣ выводы по одной примѣнимы (при введеніи акциза съ вина во всей Россіи) къ хлѣбороднымъ великороссійскимъ губерніямъ, а по другой къ сѣвернымъ промысловымъ губерніямъ.

Что касается до насъ, мы не понимаемъ, какое можно сдѣлать заключеніе по Подольской губерніи о Тамбовской или Пензенской, изъ которыхъ вовсе нѣтъ сбыта хлѣба и главнѣйшее произведеніе которыхъ вино или спиртъ; а Витебская уже никакъ не можетъ идти въ сравненіи съ нашими сѣверными губерніями. Витебская губернія вовсе не промысловая, занятіе ея жителей землекопство, бѣлорусскіе землекопы распространены почти по всей Россіи; такимъ образомъ эта губернія высылаетъ свое населеніе въ другія, а сама не можетъ давать ему средствъ къ пропитанію; жители ея бѣдны до крайности; многіе живутъ не въ избахъ, но въ землянкахъ или,

лучше сказать, въ норахъ, не ѣдятъ чистаго, хорошаго хлѣба, а всегда съ какою нибудь примѣсью, даже съ древесною корою. Какъ же можно сравнивать съ этою губерніею наши сѣверныя губерніи, куда стекается огромное населеніе изъ другихъ губерній для разныхъ работъ, промысловъ, на фабрики, заводы, по дѣламъ торговымъ? А извѣстно, гдѣ народъ работаетъ, тамъ и пьетъ; чуть ли не половина заработной платы идетъ къ откупщикамъ. Мы не видимъ никакой возможности сравнивать промысловыхъ, торговыхъ, фабричныхъ губерній съ губерніей, въ которой ровно ничего нѣтъ, кромѣ бѣдности. Итакъ очевидно, что увѣрять публику, будто выборъ губерній Подольской и Витебской имѣлъ тотъ смыслъ, о какомъ говоритъ г. Кокоревъ, есть чистая натяжка.

Мы не знаемъ, сколько г. Кокореву причлось изъ суммъ компаніи, но эти деньги всѣ пошли откупщику Б., въ придачу къ восточной Сибири, которую онъ принялъ отъ г. Кокорева, и кромѣ того пошли въ эту же придачу и паи его по петербургскому откупу. Итакъ г. Кокоревъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ по восточной Сибири вышелъ благополучно, не поплатившись собственными деньгами.

Но ему предстояло выйти изъ затруднительнаго обстоятельства по Витебской губерніи; тамъ, какъ мы уже показали выше, убытокъ былъ очевиденъ. Мы также сказали, что Ф. подалъ мысль уничтоженія чарочныхъ откуповъ. Мысль эта, какъ извѣстно, осуществилась; но съ какой бы стороны намъ ее г. Кокоревъ ни показывалъ, она тѣмъ не менѣе будетъ все таки только оборотомъ, придуманнымъ послѣ торговъ. Намъ предстоитъ показать, что она предпринята вовсе не для блага народа, какъ говоритъ г. Кокоревъ.

Онъ, представляя расчетъ, увѣряетъ, что обѣ губерніи, Витебская и Подольская, обѣщаютъ при новой системѣ убытка около 200 тысячъ рублей въ годъ, и если онъ даже получитъ выгоды, то спрашиваетъ, зачѣмъ же нужно, чтобы онъ понесъ убытокъ отъ этого нововведенія?

Конечно мы не желаемъ, чтобы какое либо благое нововведеніе принесло убытокъ, но мы также думаемъ, что народъ не обязанъ вознаграждать убытки откупщиковъ, погорячившихся на торгахъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое барышъ и что такое убытокъ? И не будутъ ли убытки, которые выводитъ г. Кокоревъ, по ихъ ближайшемъ разсмотрѣніи, барышами? У него была одна забота—выдти изъ убытковъ. Если предпріятіе непремѣнно должно доставить убытку милліонъ, а ловкимъ маневромъ предприниматель доводитъ убытокъ этотъ до 100,000, то 900,000, которыя у него остались въ карманѣ, должны считаться барышомъ.

Приведемъ цифры. Составимъ расчетъ для губерній, находящихся въ содержаніи г. Кокорева: Витебской, Подольской и Бессарабской, о предполагаемыхъ доходахъ съ акцизныхъ откуповъ этихъ губерній по прежней системѣ, причемъ примемъ въ основаніе тѣ цифры, которыя приняты самимъ г. Кокоревымъ; но цифры о количествѣ оплаченнаго акцизомъ вина исправимъ, согласно свѣдѣніямъ, обнародованнымъ правительствующимъ сенатомъ предъ торгами. Кстати сдѣлаемъ замѣчаніе на расчетъ г. Кокорева относительно расходовъ на управленіе откупами. Числа эти преувеличены. По одной изъ губерній, поименованныхъ въ таблицѣ г. Кокорева, расходы эти нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ намъ извѣстно, дѣйствительно были въ полтора раза менѣе показаннаго; изъ этого мы заключаемъ, что и по прочимъ губерніямъ показанія его сдѣланы преувеличенно въ томъ же размѣрѣ. Вотъ нашъ расчетъ:

Губерніи.	Количество вина и спирта, оплаченное акцизомъ въ 1857 году.	Акциза получено по 75 коп. съ ведра вина и по 1 р. 20 коп. съ ведра спирта.	Акцизнооткупная сумма съ 1859 по 63 г.	Проценты на залоги и расходы на управленіе.	Ежегоднаго убытка.
Подольская:					
вина	2,149,029	1,660,440	1,732,000	206,000,	277,560
спирта	40,557				
Витебская:					
вина	689,341	545,539	609,000	164,000	218,461
спирта	23,778				
Бессарабская:					
вина	558,868	846,871	907,000	131,000	191,129
спирта	356,434				
					687,150

Итакъ мы видимъ, что эти три губерніи по прежней акцизной системѣ обѣщали г. Кокореву 687,000 ежегоднаго убытка, разумѣется, при вѣрномъ исполненіи его обязанностей.

Что касается чарочныхъ откуповъ Подольской и Витебской губерній, взятыхъ г. Мамонтовымъ, то объ нихъ трудно сдѣлать расчетъ; но принявъ во вниманіе, что цѣны за нихъ были вынужденныя и что изъ числа девяти губерній, въ которыхъ введена новая система, только по тремъ, именно: Подольской, Витебской и Волынской, суммы за чарочные откупа увеличены значительно болѣе, чѣмъ на половину, нельзя полагать, чтобъ они были выгодны.

Если бы г. Кокоревъ послѣдовалъ плану арендованія казенныхъ и владѣльческихъ шинковъ, чтобы, сдѣлавшись монополистомъ, увеличить цѣну вина, то можетъ быть онъ какъ нибудь свелъ бы концы съ концами; но какъ ему представился планъ болѣе благовидный,

то конечно онъ послѣдовалъ этому новому плану, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ему никакой помѣхи заарендовать на чужое имя важнѣйшіе шинки, если это будетъ нужно, и такимъ образомъ увеличить свои доходы вмѣсто одного двумя путями.

Теперь посмотримъ, какія выгоды приноситъ ему новая система. Главное ея основаніе заключается въ томъ, что, взамѣнъ уничтоженія чарочныхъ откуповъ, откупщикъ получаетъ право за выкуриваемое вино брать акцизъ вмѣсто 75 коп. 1 руб. 15 коп. съ ведра, а со спирта вмѣсто 1 руб. 20 коп. 1 руб. 90 коп., но при этомъ крѣпость вина понижена на 5 градусовъ по спиртомѣру Гесса; объ этомъ пунктѣ Кокоревъ нашелъ полезнымъ умолчать. Онъ можетъ утверждать, что это все равно, что 5 градусовъ вещь не важная; но мы замѣтимъ, что если разсуждать такъ, то и 6 градусовъ вещь не важная и 7, и 8 и т. д. и наконецъ придемъ къ тому, что если бы положено было брать акцизъ съ чистой воды, то это было бы все равно, что брать съ вина.

Такъ какъ 1,000 ведеръ вина въ 25 градусовъ составляютъ 1,043 ведра вина въ 20 градусовъ, то

$$1{,}043 : 1000 = x : 115.$$

откуда

$$x = 120.$$

т. е. акцизъ въ 1 руб. 15 коп. на новую норму крѣпости вина соотвѣтствуетъ акцизу въ 1 руб. 20 коп. на прежнюю норму крѣпости. Эта цифра должна быть принята въ основаніе при расчетахъ откупнаго дохода по новой системѣ.

Такимъ образомъ надбавка акциза доставитъ г. Кокореву:

по Подольской губерніи . . .	994,962	руб.
« Витебской «	326,873	«
« Бессарабской области . . .	506,765	«

тогда какъ чарочные откупа стоятъ:

по Подольской губерніи . . .	573,375	«
« Витебской «	265,400	«
« Бессарабской области . .	450,600	«

Слѣдовательно онъ получаетъ противъ того, что самъ уступаетъ, по всѣмъ тремъ губерніямъ, болѣе на 539,000 руб. ежегодно, кромѣ вновь установленныхъ въ пользу его патентовъ съ питейныхъ заведеній; что дастъ ему, по его соображенію 40,000 въ годъ; кромѣ того, онъ получитъ еще акцизъ съ водокъ виноградныхъ, фруктовыхъ, изъ сахарныхъ и свекло-сахарныхъ остатковъ, которыя до сихъ поръ были отъ платежа акциза свободны, а такихъ водокъ по Подольской губерніи и Бессарабской области выдѣлывается очень большое количество (по первой свекло-сахарныя, а по второй виноградныя), и наконецъ въ пользу его остаются расходы на содержаніе чарочныхъ откуповъ,—суммы весьма значительныя, потому что содер-

мніе чарочныхъ откуповъ обходится гораздо дороже содержанія акцизныхъ.

Никакъ нельзя сказать, чтобы народъ благодарилъ г. Кокорева за то, что онъ будетъ съ него сбирать по 580,000 руб. въ годъ болѣе. Казна дѣйствительно отъ этого, какъ будто, ничего не потеряла, потерялъ только народъ. Но, вникнувъ въ дѣло глубже, мы едва ли не придемъ къ тому, что и казна понесетъ отъ этого убытки.

Съ народа, кромѣ питейнаго сбора, взимается много другихъ сборовъ; извѣстно, что въ подушной и другихъ податяхъ числятся на народѣ въ настоящее время огромныя недоимки, несмотря на то, что значительное ихъ количество сложено по двумъ манифестамъ. Намъ кажется, что увеличеніе откупной суммы, или увеличеніе акциза съ вина влечетъ за собою неудовлетворительное поступленіе прочихъ податей, и въ этомъ отношеніи между всѣми разнообразными податями необходимо должна быть внутренняя связь. Хотя предметъ этотъ никѣмъ еще не былъ изслѣдованъ, но онъ стоитъ того, чтобы имъ заняться: можетъ быть при этомъ встрѣтится только одно препятствіе — недостатокъ обнародованныхъ данныхъ.

Сущность новой системы г. Кокорева, независимо отъ представленныхъ уже вычисленій, обнаруживается еще и тѣмъ, что вмѣсто двухъ губерній, Витебской и Подольской, она распространена еще на семь; стало быть и другіе откупщики, которые никогда не мечтали быть благодѣтелями народа, нашли ее для себя выгоднѣе прежней.

Еще было бы хорошо, когда бы въ эти откупа не проникли злоупотребленія, которыя теперь существуютъ въ акцизныхъ откупахъ; а кто въ томъ поручится? Правда, по правиламъ за торговлю виномъ акцизнаго откупщика чрезъ подставныхъ лицъ постановленъ штрафъ равный *годовой откупной суммѣ*, но уже самая громадность этого штрафа показываетъ, что его взыскать трудно. Напримѣръ, теперь сдѣлалось извѣстнымъ, что г. Кокоревъ по Бессарабской области арендуетъ главнѣйшіе помѣщичьи шинки чрезъ подставныхъ лицъ съ цѣлію произвесть монополію. Что же можно сдѣлать противъ этого? Какъ доказать, что это подставныя лица? — Вотъ другой примѣръ: казенныя корчмы по тѣмъ губерніямъ, гдѣ вводится новая система, отданы были съ торговъ при условіи платежа акциза 75 коп. съ ведра; по введеніи новой системы предположено контрагентамъ платить акцизъ по 1 руб. 15 коп.; кромѣ одной губерніи, вездѣ корчемные съемщики отказались. Само собою разумѣется, этого надобно было и ожидать, потому что отъ увеличенія акциза доходъ съемщика питейной продажи уменьшается. Тогда акцизные откупщики обязались представить контрагентовъ, которые согласятся уплачивать въ казну предложенную прежде сумму, а акцизному откупщику

—акцизъ 1 руб. 15 коп. Теперь найдется ли въ Россіи хоть одинъ человѣкъ, который бы подумалъ, что этотъ контрагентъ не подставное лицо акцизнаго откупщика? А можно ли доказать это? Всегда будетъ недостатокъ доказательствъ, потому что если нѣтъ двухъ или трехъ показаній подъ присягою, такъ и доказательствъ нѣтъ. Откупщикъ всегда найдетъ не только въ пользу свою свидѣтелей, но и какія угодно присяжныя показанія.

И такъ новая акцизная система нисколько не устраняетъ злоупотребленій, существующихъ нынѣ. Если г. Кокоревъ уже арендуетъ помѣщичьи винки, то мы ожидаемъ введенія и прочихъ злоупотребленій,—какъ-то: арендованія винокуренныхъ заводовъ на чужое имя и производства выкурки вина въ подрывъ помѣщикамъ, покупку въ другихъ губерніяхъ большихъ запасовъ вина для той же цѣли, противозаконное увеличеніе акциза подъ разными видами, притѣсненіе при выдачѣ ярлыковъ покупщикамъ вина, покупающимъ его у заводчиковъ, а не въ откупныхъ складахъ и пр. Мы не думаемъ, чтобы г. Кокоревъ отказался отъ этихъ злоупотребленій, потому что онѣ непремѣнно будутъ существовать по Херсонскому акцизному откупу, остающемуся при прежнихъ правилахъ, а по этому откупу, какъ утверждаютъ, г. Кокоревъ состоитъ *не главнымъ* компаньономъ.

Представленныя нами вычисленія наглядными образомъ показываютъ, на сколько новая система выгоднѣе прежней для г. Кокорева, а изъ всего хода дѣла очевидно, что новая система предложена имъ изъ его личныхъ выгодъ, въ отвращеніе неминуемыхъ убытковъ и къ явной невыгодѣ народа, обремененнаго излишнимъ налогомъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что онъ преимущественно падетъ на крестьянъ, для которыхъ чарка вина гораздо необходимѣе, чѣмъ для городскихъ жителей; у горожанъ самыя средства къ заработкамъ обширнѣе, и потому для нихъ пріобрѣтеніе дорогаго вина не можетъ быть такъ тяжело, какъ для крестьянъ.

Представивъ, сколько могли и какъ умѣли, прошедшую откупную дѣятельность г. Кокорева и дѣйствія его на нынѣшнихъ торгахъ, изложивъ нашъ взглядъ на новую акцизную систему, введенную въ Витебской, Подольской и другихъ губерніяхъ, намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть мысли г. Кокорева объ откупномъ дѣлѣ, изложенныя въ запискѣ, представленной имъ г. министру финансовъ.

Г. Кокоревъ увѣряетъ, что остался вѣренъ неоднократно уже высказанному имъ мнѣнію о вредности откуповъ. Конечно, въ запискѣ своей онъ положительно утверждаетъ, что отдаются на откупъ однѣ лишь уклоненія отъ правилъ. Мы вполнѣ вѣримъ въ этомъ г. Кокореву, но потому только, что сами это знаемъ и видимъ. Въ описаніи прошедшей откупной дѣятельности г. Кокорева уже было по-

казано, что виновникъ откупныхъ злоупотребленій не кто иной, какъ самъ г. Кокоревъ. Но мы находимъ совершенно безполезными всѣ натяжки его для доказательства вредности откуповъ. Такъ онъ говоритъ, что мѣстъ для продажи вина существуетъ не менѣе 90,000, которыя всѣ находятся на содержаніи откупщиковъ и требуютъ расхода до 27,000,000 рублей (по 300 руб. на каждое). Изъ этого онъ заключаетъ, что откупщикамъ нужно сбирать съ народа денегъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько они платятъ въ казну. Громадная цифра кабаковъ заставила насъ сосчитать всѣ откупщичьи питейныя заведенія, которыя показаны по сенатскимъ реэстрамъ, и ихъ оказалось всего только около 20,000. Для чего же Кокоревъ 20,000 превратилъ въ 90,000? Очевидно для того, чтобы преувеличенно показать на нихъ расходы откупщиковъ и, осудивъ такимъ образомъ собственно откупную систему громадностью непроизводительнаго расхода, въ тоже время защитить самихъ откупщиковъ. Неужели безъ этихъ натяжекъ нельзя доказать вреда откуповъ? и зачѣмъ защищать самихъ откупщиковъ?

Какую же систему онъ придумалъ вмѣсто откуповъ? Онъ говоритъ: назначьте акцизъ съ ведра вина. Хорошо. Конечно г. Кокоревъ не скажетъ, что мысль эта принадлежитъ ему; онъ знаетъ не хуже нашего, что акцизную систему предлагалъ графъ Гурьевъ еще въ 1811 году; что тогда еще мысль эта была одобрена; что дѣйствія ея на промышленную жизнь и земледѣліе за границей, въ особенности въ Шотландіи, были названы *чудесными*; но система эта для тогдашней Россіи была признана неудобопримѣнимою. Въ 1825 году была также мысль ввести акцизную систему, но вмѣсто ея съ 1827 года, взамѣнъ казеннаго управленія, возобновлены откупа; за то хотя правила для откуповъ писалъ графъ Канкринъ, а не г. Кокоревъ, и потому хотя были злоупотребленія при ихъ дѣйствіи, но ихъ нельзя и сравнивать съ существующими нынѣ. Въ 1849 году осуществилась акцизная система въ привилегированныхъ губерніяхъ, но къ сожалѣнію она приняла форму *откупной*. И такъ для осуществленія акцизной системы не мысли недоставало, а примѣненіе ея къ дѣлу считалось неудобнымъ. Что же г. Кокоревъ предлагаетъ для примѣненія мысли объ акцизѣ къ дѣлу? Какую форму взиманія акциза онъ предлагаетъ? Г. Кокоревъ не даетъ намъ формы, а въ этомъ и состоитъ вся сущность дѣла. Онъ напечаталъ 11 пунктовъ главныхъ основаній своей акцизной системы, но изъ нихъ собственно только одинъ, именно первый, говоритъ объ акцизѣ съ вина, да и то въ слѣдующихъ словахъ: «ввести акцизъ съ винокуренныхъ заводовъ по 1½ рубля съ ведра полугара въ пользу казны, и по политикѣ на образованіе крестьянскаго капитала, для окончанія расчетовъ между помѣщиками и крестьянами, за уступаемыя симъ по-

слѣднимъ земли въ полную ихъ собственность». Остальные 10 пунктовъ говорятъ о перевозкѣ, продажѣ вина и проч. Не понимаемъ, зачѣмъ къ чисто финансовому вопросу примѣшанъ вопросъ о благоустройствѣ крестьянъ. Что общаго между питейными сборами и освобожденіемъ крестьянъ? Если будетъ признано правительствомъ справедливымъ и необходимымъ купить для крестьянъ у помѣщиковъ землю, тогда конечно правительство найдетъ для того источники и назначитъ опредѣленныя суммы изъ казны, а для помѣщиковъ все равно, будутъ ли имъ выданы деньги, собранныя за вино, или табакъ, или за иностранные товары,—отъ этого дѣло нисколько не перемѣнится. Мы не слыхали, чтобы на свѣтѣ существовало хотя одно государство, которое каждую подать или пошлину употребляло бы на одинъ, разъ назначенный предметъ; вездѣ всѣ собранныя подати составляютъ одну кассу, которая и получаетъ свое распредѣленіе по соображеніямъ правительства. Поэтому мы не понимаемъ основанія, для чего въ питейный уставъ должно входить освобожденіе крестьянъ? Мы относимъ это къ тому только, что г. Кокоревъ политическую экономію и финансовую науку изучалъ практически на своемъ дѣлѣ и не понимаетъ различія между предметами совершенно несходными. А между тѣмъ, говоря о томъ, что вовсе не относится къ питейному сбору, не говоритъ онъ, какъ производить этотъ сборъ, а въ этомъ-то вся и трудность; десять же пунктовъ о перевозѣ и продажѣ вина — дѣло чисто второстепенное, которое всегда можно уладить.

«Управлять дѣломъ можетъ сама жизнь, сама потребность», говоритъ онъ, или далѣе: «самое дѣло, т. е. выкурку вина, развозку и продажу его можно предоставить самой жизни, не заводя для этого никакого лица». Что это такое? не понимаемъ; ужъ не будетъ ли и акцизъ сбирать сама жизнь? Послѣ этого, что же предлагалъ г. Кокоревъ? Мысль о введеніи акциза не стоило предлагать, потому что она давно уже извѣстна, способовъ примѣненія ея къ дѣлу онъ не предлагаетъ. Изъ-за чего же онъ хлопочетъ, для чего отыскиваетъ *тропинки*, для чего заботится, чтобы запискѣ его дали ходъ, когда самъ говоритъ, что всѣ предположенія и записки будетъ разсмотрѣны, зачѣмъ онъ обращается съ этой запиской къ публикѣ? Вотъ въ этихъ-то дѣйствіяхъ г. Кокорева мы видимъ затаенную цѣль.

Почему онъ не представляетъ никакой системы для сбора акциза, которая обезпечивала бы доходъ казны и не стѣсняла бы дѣятельности народа? Отъ того ли онъ не выработалъ для этого никакой системы, что дѣло это было для него труднымъ, или онъ хотѣлъ такъ сказать, обойти этотъ предметъ, чтобы, сдѣлавъ такимъ образомъ косвенный намекъ на трудность этого дѣла, подсунуть въ тоже время подъ руку, кому слѣдуетъ, свой проэктъ о застрахованіи ак-

цоваго дохода? Что вотъ искать правительство не трудясь отыскивать средства, какъ устроить акцизный сборъ съ выгодою для казны и для народа,—это вѣдь дѣло трудное; а вотъ позволь мнѣ устроить акціонерную компанію для застрахованія государственнаго дохода. Неужели г. Кокоревъ не понимаетъ, что Россія нуждается въ настоящее время въ прочной, раціональной, правительственной мѣрѣ или учрежденіи для устройства питейнаго дохода, а не во временной торговой спекуляціи, выгодной только для людей, подобныхъ г. Кокореву; пора бы ему знать, что сборъ государственныхъ доходовъ не долженъ быть торговою операціей.

Сущность предлагаемаго имъ проэкта страховой компаніи состоитъ въ томъ, чтобы правительство застраховало въ пользу свою доходъ 80,500,000 р. въ годъ; но за это застрахованіе должно платить компаніи 10% съ рубля на покрытіе расходовъ, потребныхъ на содержаніе *управленія съ надзирателями за взносомъ акциза* съ вина и на платежъ процентовъ за залоги. Въ акцизѣ, превышающемъ эту цифру, правительство должно допустить участіе страховой компаніи; но ей не должно давать никакого права вмѣшиваться въ производство винокуренія и продажу вина. Все это должно идти мимо компаніи и дѣйствія ея относятся къ одному лишь надзору за взносомъ акциза и взятіемъ патентовъ.

Разсмотрѣвъ внимательно предложенія г. Кокорева, мы видимъ въ нихъ новое замаскированное зло. Страховая компанія будетъ имѣть надзирателей за взносомъ акциза съ вина и наблюдать, чтобы питейныя заведенія имѣли патенты; этого уже достаточно, чтобы для компаніи открыть неисчерпаемые рудники богатства. Для всякаго ясно, что такая система есть ничто иное, какъ акцизная система, существующая съ 1851 года въ привилегированныхъ губерніяхъ, съ тою только разницею, что компанія будетъ обнимать всю Россію и представитъ собою какую-то новую государственную власть, тогда какъ и теперь акцизный откупщикъ, завѣдывающій только одной губерніей, является деспотомъ непобѣдимымъ. Вѣдь и теперь акцизные откупщики не имѣютъ права торговать виномъ, а вся дѣятелность ихъ ограничивается только сборомъ акциза съ выпускаемаго съ заводовъ вина и выдачею на него ярлыковъ, т. е. они дѣлаютъ тоже самое, что будетъ дѣлать страховая компанія, и отъ перемѣны названія не перемѣнится самое дѣло. А г. Кокореву конечно извѣстно, что значатъ акцизные откупщики и сколько зла сдѣлали они цѣлому краю своими злоупотребленіями. Если г. Кокоревъ проектируетъ *проэктъ* только для того, чтобы вмѣсто откуповъ напустить на Россію новую саранчу, подъ видомъ страховой компаніи, то да избавитъ Господь Богъ насъ отъ этого гнѣва небеснаго!

Да и какая выгода для казны отъ учрежденія этой компаніи?

Казна должна платить ежегодно по 8½ милліоновъ, а какое будетъ матеріальное обезпеченіе ея за это съ ея стороны пожертвованіе, г. Кокоревъ не говоритъ; вѣроятно третья часть, какъ обыкновенно принято; а сколько будетъ утаено акцизу у казны страховою компаніею и ея надзирателями? Неужели г. Кокоревъ, какъ учредитель компаніи, и другіе ея директоры, разумѣется, изъ нынѣшнихъ откупщиковъ, будутъ дѣйствовать не въ томъ духѣ, какъ дѣйствовали постоянно до сихъ поръ?

Мы кромѣ зла ничего не видимъ въ учрежденіи страховой компаніи.

Далѣе, зачѣмъ г. Кокоревъ оставляетъ для провоза вина существующія въ нынѣшнихъ акцизныхъ откупахъ правила, т. е. снабженіе провозимаго вина ярлыками? Развѣ онъ не знаетъ, какъ обременительны эти правила для провозителей вина, въ особенности правило, чтобы провозить вино тою именно дорогою, какая значится въ ярлыкѣ? Развѣ мы не знаемъ, сколько изъ этого выходитъ притѣсненій и разореній? Неужели на вино, выпущенное изъ завода и оплаченное акцизомъ нельзя смотрѣть, какъ на обыкновенный товаръ, а непремѣнно нужно дать ярлыкъ — этотъ *винный паспортъ*? Нѣтъ, Кокоревъ мало заботится о благѣ народа!

Далѣе, зачѣмъ г. Кокоревъ оставляетъ кабаки? Неужели они мало людей разорили и развратили въ русскомъ народѣ? Въ началѣ нашей статьи мы рѣзко отозвались о кабакахъ; иначе объ нихъ и отозваться нельзя. Г. Костомаровъ сказалъ: Борисъ Годуновъ оставилъ намъ крѣпостное право да кабаки. Крѣпостное право уничтожается, неужели останутся кабаки? — Распивочная продажа водки должна быть соединена съ продажею пищи, и потому ее слѣдуетъ допустить только въ трактирахъ, гостинницахъ, харчевняхъ, постоялыхъ дворахъ; во всѣхъ прочихъ мѣстахъ продажа водки должна производиться на выносъ. Доходъ казны долженъ разсчитываться на правильное употребленіе водки, а не на пьянство и распутство народа. Г. Кокоревъ, оставляя русскимъ кабаки, мало заботится о благѣ народа.

Какая же цѣль всѣхъ дѣйствій г. Кокорева?

По нашему мнѣнію та, чтобы предварительно приготовить атмосферу (собственное выраженіе г. Кокорева), крича какъ можно больше о вредѣ откуповъ, благѣ народа, а потомъ, заручившись мнѣніемъ обманутой публики, двигать свой поѣздъ впередъ, — авось еще разъ удастся!

Намъ остается только пожелать, чтобы страховая компанія нала имѣетъ съ ея изобрѣтателемъ. Г. Кокоревъ, вы, благодарившій всѣхъ выражавшихъ на васъ свое неудовольствіе прямо и намеками, въ журналахъ и разговорахъ, *благодареніемъ искреннимъ*, поблагодарите и насъ тѣмъ же благодареніемъ.

В. ОДОРОВСКІЙ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ КНИГИ.

Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ, *Александра Лакіера.* Спб. 1859 г. Два тома.

I.

«Американцы — народъ очень практическій; деньги для нихъ — все.»

«Америка — страна купцовъ, страна матеріальныхъ удобствъ жизни».

«Америка имѣетъ демократическія учрежденія и предоставляетъ въ жизни полную свободу каждой личности, не исключая женщинъ».

«Въ Америкѣ есть важный жизненный вопросъ — о невольничествѣ».

Вотъ, кажется, весь обиходъ стереотипныхъ фразъ объ Америкѣ, обращающихся въ большинствѣ нашей публики. Нѣкоторые знаютъ побольше, нѣкоторые поменьше; но рѣдко кто имѣетъ основательныя и подробныя познанія относительно американскихъ нравовъ и учрежденій. Большею частію полагаютъ, что это тоже Англія, только уже до крайности практическая и матеріальная. Вотъ и все. А между тѣмъ мы и Англію-то знаемъ далеко не вполнѣ; и объ Англіи часто слышатся у насъ толки вкривь и вкось. Но англійскія учрежденія все-таки въ значительной степени разъяснены для

нашей публики, благодаря «Русскому Вѣстнику»; нравы англичанъ также довольно извѣстны намъ — по множеству переведенныхъ у насъ нравоописательныхъ очерковъ и романовъ лучшихъ англійскихъ писателей. Относительно же Америки и этого нѣтъ. Были когда-то у насъ въ славѣ романы Купера, потомъ разсказы Гершеккера; но и тѣ и другіе знакомили болѣе съ природою страны, нежели съ гражданскою жизнью ея обитателей. Въ недавнее время произведенія г–жи Бичеръ Стоу раскрыли намъ одну изъ сторонъ быта Сѣверной Америки. А затѣмъ остается лишь нѣсколько короткихъ, отрывочныхъ замѣтокъ, время отъ времени помѣщавшихся въ нашихъ журналахъ. Вслѣдствіе такой бѣдности знаній, въ нашей литературѣ постоянно раздавались самыя разноречивыя и часто очень забавныя сужденія объ Америкѣ. Одни, напр., уподобляли Сѣверо-Американскіе Штаты Россіи; другіе напротивъ утверждали, что въ нихъ господствуетъ гнусная анархія. Одни восхищались ихъ образованностью, другіе бранили ихъ за постыдное невѣжество во всѣхъ вопросахъ искусства, поэзіи и высшей философіи. Одни увѣряли, что женщины тамъ поставлены очень хорошо, веселятся и вполнѣ пользуются своими человѣческими правами; другіе изображали американокъ несчастными, сухими и безжизненными существами, подобными счетной машинѣ. Относительно частныхъ вопросовъ разногласіе было бы, конечно, еще рѣзче; но ихъ, къ сожалѣнію, почти никто и не касался.

При такомъ положеніи нашихъ знаній о Сѣверной Америкѣ, книга г. Лакіера составляетъ пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Наши читатели, вѣроятно, знакомы уже съ характеромъ этой книги по двумъ большимъ отрывкамъ изъ нея, помѣщеннымъ въ «Современникѣ» прошлаго года. На этомъ основаніи мы не считаемъ нужнымъ слишкомъ распространяться о достоинствахъ и недостаткахъ путешествія г. Лакіера и ограничимся лишь нѣсколькими краткими замѣтками о его содержаніи. Въ коротенькомъ предисловіи г. Лакіеръ говоритъ, что «главною его заботою было изучить учрежденія и познакомиться съ внутреннимъ бытомъ страны и общества». Сообщая плоды своего изученія читателямъ, г. Лакіеръ идетъ путемъ систематическихъ, дѣловыхъ обозрѣній. Прежде всего онъ даетъ «Очеркъ исторіи колоній въ Новомъ Свѣтѣ», потомъ излагаетъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ, затѣмъ уже изображаетъ Бостонъ, Нью-Йоркъ, Филадельфію, Балтимору и проч. Но и въ этихъ частныхъ описаніяхъ г. Лакіеръ не вдается въ бѣглыя путевыя замѣтки, а наполняетъ большую часть страницъ подробностями, заимствованными изъ офиціальныхъ источниковъ. Въ Бостонѣ напр. его заняли школы, и онъ подробно

передаетъ свѣдѣнія о томъ, на какіе доходы содержатся школы, какіе разряды ихъ существуютъ, какъ онѣ управляются, сколько въ нихъ дѣтей, какіе часы назначены для ученья, какіе именно предметы и въ какомъ размѣрѣ преподаются, какое жалованье получаютъ учителя и т. д. Точно также подробно, систематически разсматриваетъ г. Лакіеръ вопросы о судопроизводствѣ, о тюрьмахъ, о торговлѣ и пр. Этого, разумѣется, нельзя вмѣнить въ вину автору: способъ изложенія зависитъ отъ взгляда автора на задачу своего труда. Но можно опасаться, что форма замѣтокъ г. Лакіера покажется нѣсколько утомительною многимъ изъ его читателей, которымъ нужны еще не подробности частныхъ фактовъ, а общій очеркъ учрежденій и быта страны. Въ предисловіи своемъ г. Лакіеръ признается, что придаетъ значеніе своему путешествію только какъ «*первому* у насъ описанію Америки». Въ этомъ смыслѣ его сочиненіе дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе, и его можно рекомендовать всякому русскому читателю, неимѣющему возможности познакомиться съ Америкой изъ иностранныхъ источниковъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ книгѣ г. Лакіера постоянно замѣчается весьма важный недостатокъ — отсутствіе личной наблюдательности автора. Все, что онъ говоритъ отъ себя, ограничивается тѣмъ, что онъ ѣхалъ оттуда, туда, по такому пути, останавливался тамъ-то. Къ этому не рѣдко прибавляются описанія пароходовъ, вагоновъ, улицъ, гостиницъ, замѣчательныхъ зданій или памятниковъ и т. д. А чуть дѣло коснется жизни, быта,—авторъ немедленно сообщаетъ вамъ положительныя, офиціальныя данныя. Вы хотите знать, какъ въ Америкѣ люди живутъ, торгуютъ, судятся, учатся,—г. Лакіеръ удовлетворяетъ ваше желаніе, сообщая вамъ перечень судебныхъ должностей, разныхъ школъ, цифры привоза и вывоза товаровъ, число рѣшенныхъ дѣлъ и т. п. Такимъ образомъ живая сторона быта скрывается за формальными ея проявленіями, занесенными въ книжки, газеты, отчеты и пр. Именно вслѣдствіе этого качества книги, мы полагаемъ, что кто читалъ хоть только два сочиненія объ Америкѣ — Токвиля и Фрёбеля, — тотъ не много потеряетъ, если не станетъ читать путешествія г. Лакіера. Скажемъ больше: изъ читающихъ по-французски, даже кто не захочетъ сидѣть надъ серьёзными и дѣльными произведеніями, въ родѣ названныхъ нами книгъ, и тотъ можетъ обойтись безъ книги г. Лакіера, взявши для общаго знакомства съ Америкой какія нибудь первыя попавшіяся французскія книжки, въ родѣ напр. хоть Кеньи Эйма, Оскара Кометтана и т. п. Въ нихъ, разумѣется, болѣе общихъ фразъ и игривыхъ анекдотовъ, ничего не доказывающихъ, нежели дѣловыхъ и офиціальныхъ замѣчаній. Но за то у нихъ болѣе легкости и живости, болѣе

сверовки въ общихъ очеркахъ, болѣе умѣнья группировать свои замѣтки такъ, чтобы онѣ оставляли то общее впечатлѣніе, какое автору хотѣлось произвести, и въ тоже время не были обременительны для читателя. Очевидно, что ваша публика, читающая по-французски, обратится скорѣе къ этимъ легкимъ замѣткамъ, нежели къ дѣльной книгѣ г. Ланіера. Читая его путешествіе, надобно вникать въ цифры, соображать частные факты, самому нужно выводить общіе результаты и составлять цѣльный очеркъ изъ матеріаловъ, излагаемыхъ въ его книгѣ. Не гораздо ли удобнѣе имѣть дѣло съ авторомъ, который, какъ говорится, все *въ ротъ кладетъ* своимъ читателямъ? Не легче ли пробѣжать французскій очеркъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, набросанный напр. въ такомъ родѣ.

«Съ одного конца до другаго Соединенные Штаты прорѣзаны желѣзными дорогами; одно уже это не внушаетъ ли вамъ мысли о процвѣтаніи промышленности въ этой странѣ?

Рѣки и озера Америки покрыты безчисленнымъ множествомъ пароходовъ, американскіе корабли въ огромномъ числѣ разгуливаютъ по всѣмъ морямъ земнаго шара; не показываетъ ли это, какъ значительна ихъ торговля?

Дома американцевъ отлично устроены и убраны; не наводитъ ли это васъ на мысль о богатствѣ обитателей страны?

Великолѣпіе общественныхъ учрежденій, составляющихъ гордость союза и предметъ удивленія для иностранцевъ, — не доказываетъ ли общаго довѣрія къ прочности государственнаго устройства?

Множество театровъ, бездна удовольствій всякаго рода, въ которыхъ кружится этотъ народъ, по наружности столь степенный, безпрерывно возрастающее количество журналовъ, охота (если не разумная любовь) къ искусствамъ, обнаруживаемая въ этой странѣ, процвѣтаніе литературныхъ обществъ, серьёзное развитіе наукъ,— не свидѣтельствуютъ ли въ пользу американскихъ учрежденій, не доказываютъ ли, что подъ ихъ покровомъ все можетъ успѣвать, расти, процвѣтать, — пока и въ правительствѣ и въ народѣ сохранится ясное сознаніе своихъ правъ и обязанностей въ отношеніи другъ къ другу?

Да, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; только нужно, чтобы въ обществѣ заключались тѣ основныя начала, которыя одни служатъ залогомъ жизненности учрежденій, подобныхъ тѣмъ, при какихъ процвѣтаетъ Американскій Союзъ.

Первые колонисты, образовавшіе въ Америкѣ общество, принесли съ собою начала нравственности, религіи, разумности и упорной энергіи въ стремленіи къ достиженію своихъ цѣлей. Они проникнуты были презрѣніемъ къ заблужденіямъ стараго міра, который

оставили, и мыслью о великой будущности, какую они должны были приготовить себѣ въ Новомъ Свѣтѣ. Съ такими идеями и средствами приступили они къ дѣлу своего общественнаго устройства и составили учрежденія, которыя въ свою очередь помогли дальнѣйшимъ успѣхамъ ихъ развитія.

Въ настоящее время—образованіе развито повсюду въ Соединенныхъ Штатахъ, и его первое благодѣяніе состоитъ въ томъ, что оно предохраняетъ отъ тѣхъ заблужденій, которыя такъ часты и легки при демократическомъ устройствѣ государства. Въ Сѣверной Америкѣ мудрено обольстить цѣлую массу народа какими нибудь вздорными обѣщаніями и теоріями; мудрено обмануть общественное мнѣніе насчетъ государственной дѣятельности частныхъ лицъ. Каждый гражданинъ понимаетъ тамъ свои обязанности и свои права, каждый знаетъ свое значеніе въ общей массѣ народныхъ силъ. Въ то же время каждый очень коротко понимаетъ, какъ вредятъ благоденствію общества всякіе безпорядки и волненія, и потому всѣми силами старается устранять и предупреждать всякій поводъ къ нимъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣла не терпятъ медленности, рѣдко что нибудь дѣлается тамъ вполовину, никакое предпріятіе не бросается неконченнымъ. Дѣлая первый шагъ, американецъ знаетъ, къ какой именно цѣли приведетъ этотъ шагъ, и онъ не остановится на пути, пока не достигнетъ цѣли. И никто не захочетъ тамъ останавливать этого шествія: всякій самъ занятъ, и притомъ всякій сознаетъ, что каждый шагъ впередъ, каждаго члена общества, — приноситъ общую пользу, а всякая частная остановка дѣйствуетъ невыгодно и на общее благосостояніе.

Если же въ этой сферѣ явится какая нибудь великая, благотворная для общества мысль, — она мгновенно овладѣваетъ всѣми умами, съ необыкновенной быстротой пріобрѣтаетъ всеобщую симпатію; тысячи рукъ тотчасъ явятся для ея осуществленія, не ни одна не подымется для того, чтобы помѣшать ея развитію. Явится ли она въ сенатскомъ вопросѣ, или зародится въ головѣ самаго темнаго гражданина—все равно: она повсюду найдетъ себѣ равную поддержку, безъ различія лицъ и партій.

При такомъ теченіи общественныхъ и частныхъ дѣлъ, участь людей, даже поставленныхъ въ самыя неблагопріятныя обстоятельства, постоянно улучшается совершенно естественно и безъ всякихъ потрясеній. Здѣсь бѣднымъ не нужно стараться погубить богатыхъ для того, чтобы самимъ обогатиться. Насильственныя мѣры здѣсь не нужны, потому что люди, болѣе имѣющіе средствъ и выше поставленные, считаютъ своею обязанностію—не противодѣйствовать общему движенію, а напротивъ, сколько можно, ему способство-

вать. Поэтому на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ вы никогда не встрѣтите тайныхъ заговоровъ, имѣющихъ въ виду ниспроверженіе общественнаго порядка и безопасности частныхъ лицъ; напротивъ, во всѣхъ концахъ этой огромной страны вы находите могущественныя ассоціаціи, имѣющія цѣлію возвышеніе частной производительности и распространеніе началъ нравственности, порядка и любви къ труду. Всякій гражданинъ принимаетъ тамъ общее благо столько же близко къ своему сердцу, какъ и свое собственное. Отсюда происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ совершенная ненужность многихъ чиновничьихъ и полицейскихъ должностей, которыя кажутся необходимыми въ Европѣ. Такому ходу дѣлъ благопріятствуютъ многія условія, свойственныя исключительно Сѣверной Америкѣ.

Начнемъ съ того, что здѣсь всякій здоровый, неглупый и нелѣнивый человѣкъ всегда находитъ себѣ множество средствъ и матеріаловъ, если только хочетъ приняться за работу. Притомъ же трудъ, какова бы онъ ни былъ, пользуется здѣсь общимъ уваженіемъ, и уже это одно предохраняетъ работника отъ увлеченія какой нибудь другой карьерою. Смѣло, прямо и твердо можетъ онъ идти по дорогѣ труда, въ увѣренности, что она приведетъ его къ достатку, а можетъ быть и къ богатству. Кромѣ того, при общественномъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ, самый простой разсчетъ заставляетъ людей быть честными и не посягать на нарушеніе общественнаго и частнаго спокойствія. Здѣсь общество настолько образовано, что умѣетъ цѣнить людей по ихъ настоящему достоинству и имѣетъ съ тѣмъ умѣетъ правильно понимать свое собственное благо. Поэтому популярность и авторитетъ въ американскомъ обществѣ могутъ доставаться только на долю тѣхъ, кто дѣйствительно желаетъ общаго блага и умѣетъ доказать благодѣтельность своихъ стремленій и дѣйствій. Уважая трудъ, ставя его выше всего, преклоняясь только предъ нимъ, американецъ презираетъ всѣ другія привиллегіи, которыми тамъ дорожатъ въ Европѣ. Громкія имена, почетныя титла, общественное положеніе не даютъ человѣку въ Америкѣ никакихъ личныхъ преимуществъ. Тамъ цѣнятъ человѣка только потому, какъ онъ работаетъ и что умѣетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ. Ясно, что при такихъ понятіяхъ общества, дѣятельность частныхъ лицъ должна быть направляема совершенно иначе и давать другіе результаты, нежели у насъ въ Европѣ.

Нельзя, конечно, безусловно превозносить Америку, нельзя видѣть въ ней одни только совершенства. Напротивъ, въ ея устройствѣ и бытѣ можно находить свои недостатки, и даже весьма важные, но недостатки эти не могутъ помрачить тѣхъ прекрасныхъ качествъ,

которыя составляютъ неотъемлемыя черты Сѣверо-Американскаго Союза и въ которыхъ заключается тайна его величія. Эти качества: разумное спокойствіе въ строгомъ соблюденіи правъ и обязанностей каждаго, практичность въ примѣненіи общихъ идей, стремленіе къ развитію матеріальнаго благосостоянія народа, и благородный патріотизмъ, заставляющій каждаго гражданина забывать свой собственный интересъ въ виду интересовъ общественныхъ».

Мы не ставимъ высоко этого очерка, заимствованнаго нами изъ книги г. Эйма. Мы готовы признаться, что онъ весь состоитъ изъ общихъ мѣстъ, и кромѣ того — онъ довольно односторонекъ.... Не нельзя не согласиться въ одномъ, что его можно прочитать безъ утомленія. А между тѣмъ онъ все таки *сводитъ* васъ въ Америку и дастъ нѣкоторое, хотя поверхностное, понятіе объ ея общественномъ устройствѣ даже такому читателю, который знаетъ объ Америкѣ только то, что написано въ географіи Ободовскаго. Книга г. Лакіера, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ полезнѣе такихъ легкихъ и поверхностныхъ замѣтокъ для тѣхъ читателей, которые захотятъ вникнуть въ цифры и факты, въ ней излагаемые. Но, какъ мы уже сказали, мы именно того и боимся, что въ русской публикѣ не много найдется читателей столь трудолюбивыхъ. Мы думаемъ, что путешествіе г. Лакіера имѣло бы болѣе успѣха, если бы онъ менѣе увлекался систематичностію изложенія, болѣе давалъ простора своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и болѣе обращалъ вниманія на живые и современные вопросы. Такъ напримѣръ, изъ путешествія г. Лакіера видно, что онъ былъ въ Нью-Йоркѣ около осени 1857 года, въ самый разгаръ промышленнаго кризиса. Ходъ торговыхъ операцій неизбѣжно долженъ былъ отразиться на всей физіономіи общества въ этомъ городѣ, одномъ изъ главныхъ центровъ промышленнаго движенія въ Америкѣ. Наблюденіе надъ нравами жителей въ это время, изложеніе ихъ взгляда на дѣло — могли бы дать много интересныхъ страницъ для книги г. Лакіера, между тѣмъ у него о кризисѣ находимъ всего двѣ страницы, да и въ нихъ о самомъ кризисѣ говорится только мимоходомъ, по поводу устройства банковъ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ. Точно такъ, говоря о кораблестроеніи въ Соединенныхъ Штатахъ г. Лакіеръ перечисляетъ количество судовъ, построенныхъ въ Нью-Йоркѣ, вкратцѣ излагаетъ ходъ работъ при постройкѣ судовъ, но ни слова не говоритъ о той, полной драматизма, борьбѣ, какую въ кораблестроительной дѣятельности сѣверо-американцы выдерживали, и еще доселѣ выдерживаютъ, съ англичанами. Даже вопросъ о невольничествѣ, самый важный и живой изъ всѣхъ вопросовъ не только Сѣверной Америки, но можетъ быть и всего образованнаго міра, изложенъ у г. Лакіера далеко не такъ полно

обстоятельно, какъ это было бы нужно для русскихъ читателей. Недостатокъ вниманія къ этому предмету тѣмъ менѣе извинителенъ нашему путешественнику, что въ самое время его пребыванія въ Америкѣ происходили тамъ горячія пренія о невольничествѣ по поводу Канзаса....

Указывая на эти примѣры, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы книга г. Лакіера лишена была интереса для русской публики. Напротивъ, мы убѣждены, что читатели найдутъ въ ней очень много новаго и любопытнаго. Мы хотѣли только замѣтить, что напрасно г. Лакіеръ, желая познакомить русскую публику съ Америкою, мало позаботился о внѣшней занимательности своего путешествія. Для людей серьёзныхъ, слѣдящихъ за политической литературой, подробности, приводимыя нашимъ путешественникомъ, давно знакомы и ненужны. Безъ всякаго сомнѣнія, такихъ людей и не имѣлъ въ виду г. Лакіеръ, описывая свое путешествіе. Для обыкновенныхъ же читателей, ничего не знающихъ объ Америкѣ, всѣ эти частности фактовъ, цифры и извлеченія изъ отчетовъ—во-первыхъ скучны, а во-вторыхъ ни къ чему не поведутъ, потому что они все-таки неполны и отрывочны. Впрочемъ, можетъ быть новость предмета и дѣльность книги г. Лакіера придадутъ ей въ глазахъ читателей занимательность, которую не вноситъ самъ ей авторское изложеніе. Мы съ своей стороны будемъ очень рады, если «Путешествіе по Америкѣ» встрѣтитъ сочувствіе публики.

Но пока еще сочиненіе г. Лакіера не разошлось въ публикѣ и не распространило въ большинствѣ читателей ясныхъ и здравыхъ понятій объ Америкѣ, мы считаемъ полезнымъ представить здѣсь кстати не большой очеркъ учрежденій и быта Сѣверной Америки. Мы оставимъ въ сторонѣ Кубу и Канаду, тѣмъ болѣе, что о нихъ не много говорится и въ путешествіи г. Лакіера, и обратимъ исключительное вниманіе на Сѣверо-Американскіе Штаты. Мы не будемъ подробно излагать ихъ исторію, не будемъ входить въ мелкія частности ихъ учрежденій, разбирать оттѣнки ихъ политическихъ партій, не будемъ прибѣгать къ цифрамъ и выкладкамъ: все это можетъ войти въ особенныя статьи, спеціально посвященныя разсмотрѣнію того или другаго вопроса изъ исторіи и быта Сѣверной Америки. Мы ограничимся только самымъ общимъ и самымъ легкимъ очеркомъ внутренняго устройства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, съ цѣлію показать вліяніе ихъ учрежденій на бытъ народа. Въ этомъ очеркѣ мы будемъ отчасти пользоваться книгою г. Лакіера, иногда же будемъ дополнять его свѣдѣніями изъ другихъ иностранныхъ источниковъ.

Демократическій характеръ учрежденій Сѣверной Америки не разъ былъ предметомъ жаркихъ преній въ Западной Европѣ. Еще недавно спорили объ этомъ въ самой Англіи; одни приписывали демократическому образу правленія въ Америкѣ небывалыя выгоды, другіе старались представить его гибельнымъ для страны и изображали его такими мрачными красками, что становилось страшно. Конечно, въ Англіи подобные споры объ Америкѣ могутъ имѣть свою практически-полезную сторону: несмотря на свое соперничество и видимую непріязнь, обѣ страны имѣютъ между собою много общаго и для обѣихъ очень возможны полезныя заимствованія другъ отъ друга. Но для насъ эти споры совершенно чужды. И отъ Соединенныхъ Штатовъ и отъ Англіи насъ отдѣляютъ обширныя пространства морей, наши нравы и обычаи, весь нашъ общественный бытъ сложились совсѣмъ подъ другими условіями, наши интересы направлены совершенно инымъ образомъ, и конечно для нашего общества даже вовсе не любопытно то, что составляетъ жизненный вопросъ по ту сторону океана. Поэтому мы не станемъ попусту тратить время на безплодныя и напрасныя разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ демократіи, и ограничимся спокойнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ того, какъ она выразилась въ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ и что успѣла произвести въ этой странѣ.

Начала американской демократіи нужно искать въ историческихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились политическія убѣжденія первыхъ ея поселенцевъ; для этого нужно обратиться на минуту къ исторіи Стараго Свѣта.

Много разъ уже высказано было замѣчаніе, что весь ходъ исторіи представляетъ постепенное уясненіе правъ личности и освобожденіе людей отъ ложныхъ авторитетовъ, создаваемыхъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. Исторія Европы въ среднія вѣка служитъ однимъ изъ самыхъ ясныхъ подтвержденій этой мысли. Постепенное уничтоженіе авторитета папъ, паденіе феодальной системы, усиленіе городскихъ общинъ, возникновеніе парламентовъ, — всѣ эти явленія средне-вѣковой исторіи, прямо вели къ ослабленію аристократическихъ принциповъ и расширенію человѣческихъ правъ личности. Въ эпоху реформаціи личность уже ясно заявила свои права: въ дѣлѣ религіи разумъ потребовалъ свободы въ объясненіи священнаго писанія, во взаимныхъ отношеніяхъ захотѣли болѣе прочныхъ гарантій, перестали довѣряться произволу отдѣльныхъ лицъ и требовали опредѣленныхъ законовъ для общественной и частной дѣятельности. Эти явленія, общія всей Европѣ XV и XVI вѣка, съ особенною силою развились въ Англіи, изъ которой и вышли первые поселенцы Сѣверной Америки. Политическое образованіе народа въ Англіи было

уже и въ это время гораздо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Вѣковая борьба партій безпрерывно привлекала участіе значительнаго числа гражданъ въ политическихъ событіяхъ ихъ отечества, и при этомъ естественно уяснялись у нихъ понятія о правѣ и законности и развивалась потребность истинной свободы. Коммунальное устройство, глубоко уже проникшее въ нравы англичанъ, поддерживало въ народѣ сознаніе его силы; а религіозныя секты, вызывая общество на серьёзное обсужденіе высшихъ духовныхъ вопросовъ, довершали его нравственное образованіе. Послѣдователи одной изъ самыхъ строгихъ и чистыхъ по нравственности сектъ въ началѣ XVII вѣка положили основаніе колоніямъ Новой Англіи (*). Это были пуритане, удалившіеся изъ отечества вслѣдствіе религіозныхъ стѣсненій, которымъ они подвергались тамъ при Стюартахъ. При самомъ переселеніи, они сознательно опредѣлили свою цѣль и образъ дѣйствій, которымъ намѣрены были слѣдовать. Памятникомъ ихъ рѣшенія остался актъ, составленный ими немедленно по прибытіи на берега Америки и приводимый между прочимъ у г. Лакіера. Вотъ этотъ актъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, предпринявъ для славы Божіей, распространенія христіанства, чести нашего короля и отечества, путешествіе для того, чтобы основать первое поселеніе въ сѣверной части Виргиніи, торжественно, въ присутствіи Бога и другъ предъ другомъ, объявляемъ, что мы соединяемся въ политическое и гражданское тѣло для сохраненія между собою добраго порядка и достиженія предположенной цѣли. Вслѣдствіе настоящаго договора мы введемъ у себя такіе законы, такія установленія и учрежденія, такія должностныя лица, какія будутъ для насъ необходимы и полезны для блага цѣлой колоніи. Имъ мы обѣщаемъ полную покорность и совершенное повиновеніе. Отъ Р. Х. 1620 года, 11 ноября».

Въ дополненіе къ этому акту можно представить нѣсколько строкъ изъ книги Метера, излагающихъ причины переселенія пуританъ изъ Англіи.

«Страна, гдѣ мы живемъ, (говорятъ переселенцы) кажется, тяготится своими обитателями; человѣкъ, благороднѣйшее изъ твореній, цѣнится здѣсь меньше, чѣмъ земля, которую онъ попираетъ ногами. На дѣтей, на сосѣдей, на друзей смотрятъ, какъ на тяжкое бремя; отъ бѣдняка бѣгутъ; всѣ отвергаютъ то, что должно было бы приносить величайшее въ мірѣ наслажденіе, если бы естествен-

(*) Подъ именемъ Новой Англіи разумѣются штаты Коннектикутъ, Родъ-Эйлэндъ, Массачусетъ, Нью-Гэмпширъ, Вермонъ и Мэнъ. Здѣсь первоначально опредѣлились главнѣйшія идеи, послужившія основаніемъ послѣдующихъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ.

ный порядокъ вещей не былъ нарушенъ. Страсти наши дошли до того, что уже нѣтъ такого достатка, при которомъ бы человѣкъ въ состояніи былъ поддерживать свое достоинство въ кругу себѣ равныхъ; а между тѣмъ кто не можетъ успѣть въ этомъ, тотъ подвергается презрѣнію, а отсюда происходитъ то, что во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности люди стараются обогатиться непозволительными средствами, и честнымъ людямъ стало очень трудно жить въ довольствѣ и безъ позора. Школы, въ которыхъ обучаютъ наукамъ и религіи, такъ развращены, что бо́льшая часть дѣтей и нерѣдко самыя отличныя изъ нихъ, подававшія самыя лучшія надежды, оказываются совершенно испорченными отъ множества худыхъ примѣровъ и отъ распущенности нравовъ, среди которыхъ они живутъ. Между тѣмъ вся земля не есть ли достояніе Господне? Не отдалъ ли ее Богъ потомкамъ Адама для возлѣлыванія? Зачѣмъ же намъ умирать съ голоду за недостаткомъ мѣста, между тѣмъ какъ обширныя страны, равно принадлежащія всякому человѣку, остаются необитаемыми и невозлѣланными?»

Такимъ образомъ мысль о переселеніи прямо вытекала у пуританъ изъ ихъ религіознаго чувства. Но по самой сущности пуританства, религія не могла привести ихъ къ тому, къ чему приводилъ своихъ послѣдователей католицизмъ. Не преклоненіе предъ личнымъ авторитетомъ и не униженіе предъ разума, а свободное братство всѣхъ членовъ общества и широкій просторъ для развитія знаній, были провозглашены первыми поселенцами Новой Англіи. Въ американскомъ кодексѣ 1650 года находится, между прочимъ такой законъ: «такъ какъ сатана, врагъ человѣческого рода, находитъ для себя самое могущественное оружіе въ людскомъ невѣжествѣ; такъ какъ нужно, чтобы свѣтъ знаній, принесенный сюда нашими отцами, не исчезъ съ ними въ гробахъ ихъ; такъ какъ воспитаніе дѣтей составляетъ одинъ изъ первыхъ интересовъ государства, то жителямъ каждой общины предписывается заводить и содержать у себя школы, подъ опасеніемъ большаго штрафа». Такимъ образомъ изъ правильно развитого религіознаго чувства возникло требованіе всеобщаго народнаго образованія; изъ того же чувства у пуританъ произошло стремленіе къ гражданской свободѣ. Вотъ какъ объясняли они свои понятія объ этомъ предметѣ.

«Не станемъ обманывать себя на счетъ того, что̀ мы должны разумѣть подъ нашей независимостью. Есть одинъ родъ свободы неразумной, общей человѣку съ животными и состоящей въ томъ, чтобы дѣлать все, что̀ вздумается; такая свобода—врагъ всякой власти; она не терпитъ никакихъ правилъ, никакихъ законовъ; ею мы унижаемъ себя; она—врагъ истины и мира, самъ Богъ противится ей. Но

есть другая свобода, гражданская и нравственная, которая находитъ свою силу въ единеніи и которую всякая власть должна поддерживать. Это свобода—безбоязненно дѣлать все, что хорошо и справедливо. Эту святую свободу мы должны защищать при всякомъ случаѣ и, если нужно, жертвовать для нея своею жизнію».

Ясно, что въ этомъ опредѣленіи свободы уничтожается слѣпой, неразумный произволъ и признаются права разумнаго убѣжденія. Человѣкъ долженъ дѣлать не все, что вздумается, а только то, что хорошо и справедливо. Этимъ требованіемъ предоставляется человѣку широкая свобода въ разсужденіяхъ о томъ, что справедливо и что ложно, что хорошо и что дурно; а черезъ это прямо уже уничтожается слѣпое подчиненіе чужому авторитету и уваконяется самостоятельность личности. При соединеніи отдѣльныхъ личностей въ общество, изъ этого же начала должны возникнуть—понятіе о братствѣ и о равныхъ правахъ всѣхъ его членовъ. Такъ именно и случилось съ обществами, образовавшимися въ Сѣверной Америкѣ: полная демократическая свобода составляетъ основаніе всѣхъ ихъ учрежденій.

Впрочемъ развитію демократіи въ Новой Англіи способствовали не одинъ пуританскій образъ воззрѣнія первыхъ поселенцевъ. Внѣшнія обстоятельства немало помогли этому. Во-первыхъ, новые люди, прибывшіе на берега Сѣверной Америки, не были никакихъ притязаній на превосходство однихъ предъ другими. Если въ своемъ отечествѣ они и принадлежали къ различнымъ сословіямъ общества, то общія несчастія давно уже сравняли ихъ. Ступивши на новую почву, они всѣ очень хорошо сознавали, что здѣсь права всѣхъ совершенно одинаковы и что всѣ родовыя привилегіи, всѣ различія общественной іерархіи, оставшіяся по ту сторону океана, не могутъ имѣть здѣсь ни малѣйшаго смысла. Кромѣ того—въ Америкѣ нечѣмъ было питаться и поддерживаться аристократическимъ тенденціямъ. Извѣстно, что основаніемъ аристократіи всегда была поземельная собственность, наслѣдственно переходящая изъ рода въ родъ. На ней всегда покоилось высокое значеніе аристократовъ, на ней опирались ихъ права, безъ нея ничего не могли значить ихъ громкіе титла и почетныя званія. Въ Америкѣ земля не была ни въ чьемъ исключительномъ владѣніи. По понятіямъ пуританскихъ поселенцевъ, это было достояніе Божіе, которымъ равно можетъ пользоваться всякій человѣкъ. И дѣйствительно—всякій поселенецъ бралъ себѣ изъ огромныхъ пространствъ дѣвственной земли, разстилавшихся передъ нимъ,—столько, сколько могъ обработать. Сначала даже обработка земель, какъ въ новой Англіи, такъ и въ Виргиніи, производилась поселенцами съ общаго. Откуда же тутъ было взяться поземельной ари-

стократіи? Правда, являлись и въ Америку люди, гордые своимъ феодальнымъ значеніемъ, захватывали на свою долю большіе участки земли, въ этомъ никто имъ не препятствовалъ. Но здѣсь они не могли дождаться, чтобы кто нибудь явился къ нимъ — поселиться на ихъ землѣ, съ вассальными обязательствами. Большіе участки не имѣли никакого значенія въ виду безграничныхъ пространствъ, которыя были открыты для всякаго новаго поселенца. Такимъ образомъ поземельная аристократія съ перваго раза не удалась въ Сѣверной Америкѣ: она не пришлась ни къ почвѣ страны, ни къ нравамъ и убѣжденіямъ первыхъ ея поселенцевъ.

Въ Виргиніи очень скоро введено было невольничество, которое потомъ проникло и въ другіе штаты. Но и это учрежденіе не дало достаточной опоры для образованія аристократіи. Съ одной стороны право владѣть невольниками не было ограничено только извѣстными лицами, а принадлежало одинаково всѣмъ гражданамъ; съ другой — невольники не признавались членами общества, а считались чѣмъ-то совершенно особеннымъ, существами низшей породы. Такимъ образомъ владѣніе рабами не придавало никакого значенія человѣку въ кругу его согражданъ, и введеніе рабства нисколько не мѣшало демократическому развитію страны. Американцы очень хорошо понимали, что быть рабовладѣльцемъ не значитъ еще быть аристократомъ.

Можетъ быть, демократическія стремленія первыхъ поселенцевъ Новой Англіи и уступили бы наплыву новыхъ эмигрантовъ, между которыми стали появляться и люди съ аристократическими замашками, съ значеніемъ и богатствомъ. Но въ первое время такихъ людей было немного; большею частію убѣгали сюда тѣ, которые не хотѣли выносить въ Европѣ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій. А между тѣмъ поселенцы успѣли уже составить гражданскія общества и начать самобытную политическую жизнь. Тогда уже поздно было старымъ европейскимъ началамъ вторгаться въ американское общество, тѣмъ болѣе, что политическое развитіе Сѣверной Америки пошло путемъ, совершенно противоположнымъ европейскому. Въ Европѣ формальное образованіе государствъ совершилось раньше, нежели успѣло развиться въ народахъ политическое сознаніе. Отдѣльныя общины никогда не составляли здѣсь самобытнаго политическаго цѣлаго; начала государственной жизни развились прежде всего не въ нихъ, а въ высшихъ сословіяхъ, чуждыхъ народной жизни. Это обстоятельство имѣло вліяніе на все послѣдующее развитіе европейскихъ государствъ. Здѣсь все установлялось въ видахъ государства: законодательство соображалось съ высшими политическими интересами, администрація отдѣльныхъ частей вы-

кранвалась по образцу цѣлаго, а между тѣмъ участіе въ государственной жизни очень рѣдко выпадало на долю народа. Въ Америкѣ вышло совсѣмъ другое: вліяніе государства, т. е. метрополіи, не могло быть велико, а въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, и именно въ Новой Англіи, оно ограничивалось только пустою формою подданства. Англійское правительство предоставило эмигрантамъ право составить въ Новой Англіи гражданское общество и управляться самимъ собою, только подъ покровительствомъ Англіи. Такимъ образомъ съ самаго начала своего существованія американскія общины получили свое самостоятельное политическое устройство. Извнѣ стояло надъ ними англійское королевское правительство, но внутри онѣ развивались совершенно свободно и составляли для себя учрежденія въ демократическомъ духѣ. Изъ соединенія *общинъ* образовалось *графство*, по духу своихъ учрежденій совершенно подобное общинѣ; нѣсколько графствъ составили *штатъ*, и наконецъ Соединенные Штаты, избавившись отъ англійской зависимости, образовали Сѣверо Американскій *союзъ*. Такимъ образомъ здѣсь не было организаціи отдѣльныхъ частей подъ вліяніемъ государства, а напротивъ государство составилось изъ постепеннаго соединенія маленькихъ частей. Отсюда произошла та особенность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей централизаціи административной, и каждая община въ своихъ домашнихъ дѣлахъ совершенно свободна отъ всякаго вмѣшательства властей графства и штата. При такомъ отношеніи частей государства другъ къ другу легко объясняется демократическая полноправность народа, развившаяся въ Сѣверной Америкѣ. Городскія и сельскія общины до сихъ поръ стоятъ на первомъ планѣ въ политическомъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ совершается самая дѣятельная работа жизни, въ нихъ раждаются важнѣйшіе внутренніе вопросы, составляющіе потомъ предметъ разсужденій конгресса. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Лакіера мы ничего не нашли о значеніи и устройствѣ отдѣльныхъ общинъ въ Сѣверной Америкѣ. А между тѣмъ это предметъ весьма важный и любопытный, такъ какъ изъ него объясняется вся союзная конституція. Да и вообще организація высшихъ государственныхъ учрежденій далеко не представляетъ той важности, какъ устройство учрежденій, непосредственно соприкасающихся съ народомъ. Въ политической жизни народа учрежденія, прямо относящіяся къ устройству отдѣльныхъ общинъ, имѣютъ тоже значеніе, какое элементарныя школы имѣютъ для народнаго образованія. Не въ устройствѣ университетовъ и академій можно узнать степень просвѣщенія народныхъ массъ; такъ точно не въ конгрессѣ и не въ министерствахъ познается степень благосостоянія народа. Самое лучшее и даже единственно-надежное

ручательство въ этомъ случаѣ представляютъ низшія учрежденія, прямо касающіяся частныхъ лицъ и небольшихъ общинъ. На этомъ основаніи мы намѣрены въ настоящей статьѣ представить нѣсколько подробностей о внутреннемъ устройствѣ общинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ уже вкратцѣ изложить учрежденія, относящіяся къ устройству отдѣльныхъ штатовъ и цѣлаго союза. Чтобы дать понятіе объ устройствѣ общинъ въ штатахъ, мы беремъ изъ книги Токвиля описаніе общинъ Новой Англіи.

Община Новой Англіи, какъ городская, такъ и сельская, обыкновенно состоитъ изъ 2000 — 3000 жителей. Такое количество вполнѣ обезпечиваетъ возможность хорошей и довольно однообразной администраціи. Потребности небольшаго числа людей, живущихъ въ одномъ мѣстѣ и при одинаковыхъ условіяхъ, нетрудно согласить; гражданамъ весьма удобно совѣщаться между собою о своихъ дѣлахъ, и изъ числа ихъ всегда могутъ найтись люди, способные успѣшно вести общее дѣло, какое будетъ имъ поручено ихъ согражданами. Такимъ образомъ въ общинѣ Новой Англіи вполнѣ можетъ проявляться господство народа, составляющее основу всего государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ. И дѣйствительно, въ штатахъ Новой Англіи даже представительное начало допускается только въ общихъ дѣлахъ, касающихся цѣлаго штата, въ общинахъ же всѣ дѣла, требующія общаго сужденія, разрѣшаются въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ-избирателей; только въ очень большихъ общинахъ и при соединеніи въ одномъ мѣстѣ нѣсколькихъ общинъ, напр. въ значительныхъ городахъ, существуетъ меръ и при немъ городской совѣтъ.

Общинная администрація находится главнымъ образомъ въ рукахъ нѣсколькихъ чиновниковъ, избранныхъ всѣми обитателями общины и называемыхъ *выборными* (select-men). Они избираются каждый годъ, въ маленькихъ общинахъ по три, а въ самыхъ большихъ по девяти. Они имѣютъ опредѣленный кругъ обязанностей, ясно указанныхъ закономъ, и при исполненіи положительнаго закона дѣйствуютъ совершенно независимо, не спрашиваясь никакихъ разрѣшеній общины. Но если дѣло сколько нибудь сомнительно, если является надобность въ измѣненіи положенныхъ правилъ, въ какомъ нибудь нововведеніи, — тутъ уже выборные являются покорными служителями народной воли. Въ ихъ власти только — созвать общее собраніе гражданъ-избирателей и предложить дѣло на ихъ сужденіе. Положимъ, напр., что въ городѣ нужно открыть школу; выборные тотчасъ собираютъ гражданъ и предъ собраніемъ ихъ излагаютъ, какая надобность предстоитъ въ учрежденіи новой школы, указываютъ на средства для осуществленія этого предпріятія, разсчиты-

ваютъ издержки, какія община должна понести по этому случаю, сообщаютъ свои предположенія относительно размѣровъ новой школы, мѣста для нея и пр. Общее собраніе выслушиваетъ ихъ, признаетъ или не признаетъ справедливость ихъ соображеній и въ случаѣ согласія съ ихъ главной мыслью, т. е. что школа нужна, тутъ же разсматриваетъ подробности дѣла, опредѣляетъ расходы и назначаетъ налогъ, который долженъ падать на всѣхъ членовъ общины, для устройства и содержанія школы. Затѣмъ — выборнымъ остается только исполнять волю общаго собранія.

Конечно, выборные могли бы и злоупотреблять своимъ правомъ, если бы общее собраніе гражданъ не могло составляться безъ ихъ вызова. Но дѣло въ томъ, что и право собирать гражданъ для сужденія о дѣлахъ не принадлежитъ имъ исключительно. Общинное собраніе можетъ составиться безъ всякаго желанія выборныхъ, просто по требованію десяти гражданъ; они могутъ предъявить свое желаніе выборнымъ, которые не имѣютъ права отказать имъ. Такимъ образомъ управленіе дѣлами общины никогда не выходитъ изъ-подъ контроля народа и очень прочно ограждено отъ всякаго произвола выборныхъ чиновниковъ.

Кромѣ этихъ выборныхъ, на которыхъ лежитъ забота объ общемъ ходѣ администраціи, въ каждой общинѣ Новой Англіи есть еще до двадцати чиновниковъ, которымъ поручаются нѣкоторыя частныя отрасли общиннаго управленія; такъ назначаются особенныя лица для раскладки податей, для сбора ихъ, для храненія общинной казны, для полицейскаго наблюденія за порядкомъ, для записыванія совѣщаній и рѣшеній, состоявшихся въ общемъ собраніи и т. д. Чиновники эти избираются каждый годъ въ общемъ собраніи гражданъ: всякій гражданинъ можетъ быть избираемъ, и ни одинъ не можетъ отказаться отъ принятія должности, въ которую избранъ. Впрочемъ отказываться и не для чего: общественное служеніе вознаграждается довольно хорошо и члены общества, безъ всякаго ущерба для своихъ матеріальныхъ выгодъ, могутъ посвящать ему свой трудъ и время. Здѣсь нужно замѣтить еще одну особенность американскаго общественнаго устройства: большая часть американскихъ чиновниковъ не получаетъ опредѣленнаго жалованья, но каждое дѣло, совершаемое ими, даетъ имъ извѣстную плату, такъ что каждый получаетъ большее или меньшее содержаніе, по мѣрѣ того, сколько онъ трудится на общую пользу.

Въ числѣ должностей, существующихъ въ общинахъ, есть нѣсколько такихъ, которыя могутъ довольно странно поразить человѣка, привыкшаго смотрѣть на администрацію по-европейски. Въ общинахъ Новой Англіи назначается, напримѣръ, особый чинов-

никъ, который долженъ смотрѣть за исполненіемъ законовъ относительно бѣдныхъ; есть особыя лица, которымъ поручается наблюденіе за вѣсами и мѣрами, за сборомъ хлѣба съ полей, за дѣйствіями всѣхъ гражданъ въ случаѣ пожара и т. п. Намъ это можетъ показаться стѣсненіемъ, противнымъ духу демократической свободы, которымъ отличаются всѣ общинныя учрежденія Сѣверной Америки, но американцами все дѣло администраціи понимается совершенно не такъ ,какъ нами. Они видятъ въ ней простое раздѣленіе труда между членами общины, и лицо, выбранное общиною для одного извѣстнаго рода дѣлъ, чрезъ это вовсе не пріобрѣтаетъ себѣ того оттѣнка власти, какое мы придаемъ обыкновенно всякому административному лицу. Въ американскихъ общинахъ нѣтъ, напримѣръ,особой пожарной команды, но въ случаѣ пожара всѣ граждане должны содѣйствовать погашенію огня. Нужно, чтобы при этомъ кто нибудь распоряжался ихъ дѣйствіями, но американецъ не хочетъ въ этомъ случаѣ подчинить себя волѣ тѣхъ чиновниковъ, на которыхъ возложена общая администрація; онъ хочетъ, чтобы власть и трудъ какъ можно больше были раздѣлены между членами общины, и выбираетъ для пожарныхъ случаевъ особаго человѣка, который при пожарѣ и распоряжается, но за то во всемъ остальномъ не имѣетъ уже ровно никакой власти. Такимъ образомъ распредѣленіе частныхъ должностей между значительнымъ числомъ лицъ оказывается совершенно согласнымъ съ демократическимъ характеромъ страны.

Вообще между членами въ общины Новой Англіи соблюдается совершенное равенство правъ. Тѣ, которые управляютъ, и тѣ, которые имъ подчиняются,не чувствуютъ ни малѣйшаго стѣсненія другъ передъ другомъ. Одни очень хорошо понимаютъ, что самая власть ихъ есть только особенный видъ служенія обществу и можетъ продолжаться только подъ тѣмъ условіемъ, если они будутъ ею пользоваться добросовѣстно. Другіе повинуются власти, но не потому чтобы признавали ея превосходство надъ собою, а только потому, что находятъ свою собственную пользу въ этомъ раздѣленіи общественной службы. Получая въ свои руки какую нибудь власть, чиновникъ американской общины знаетъ,что онъ обязанъ ею избранію своихъ согражданъ, и потому не можетъ рѣшиться смотрѣть на нихъ свысока, тѣмъ болѣе что постоянно чувствуетъ свою зависимость отъ нихъ во все время отправленія своей должности. Въ свою очередь граждане, избирающіе чиновника для извѣстнаго рода дѣлъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о своемъ довѣріи къ его способностямъ и честности. Вслѣдствіе того общинная администрація никого не обременяетъ и не стѣсняетъ; административныя лица не составляютъ особаго, привилегированнаго сословія, и, какъ отзываются путешественники но

Америкѣ, со стороны даже не видно, кѣмъ и какъ управляется эта страна.

Но какимъ же образомъ сохраняется единство Союза? Какія обезпеченія существуютъ для того, чтобы каждая община, каждый городъ исполняли общіе законы союзной конституціи и не производили безпорядковъ въ управленіи? Эти вопросы разрѣшаются учрежденіемъ судовъ въ Сѣверной Америкѣ. Почти всѣ административныя затрудненія рѣшаются тамъ путемъ судебнымъ, и оттого судьи имѣютъ весьма важное значеніе даже въ политическомъ смыслѣ. Устройство и дѣятельность судебной части въ Штатахъ Сѣверной Америки имѣетъ слѣдующій видъ.

По назначенію губернатора штата, а въ нѣкоторыхъ штатахъ по народному избранію, опредѣляется извѣстное количество судей; изъ числа ихъ трое составляютъ судебную палату,—cout of assizes. Судьи эти обязаны ѣздить по общинамъ и производить судъ и расправу, при помощи присяжныхъ и адвокатовъ. Дѣло судьи состоитъ собственно въ томъ, чтобы примѣнить къ частному случаю законъ, существующій въ конституціи Союза. Сужденіе же о самомъ фактѣ предоставляется присяжнымъ, которыхъ выбираетъ сама община. Оттого при назначеніи судей смотрятъ всего болѣе на то, чтобы это были люди, юридически образованные, не только знающіе букву закона, но умѣющіе понимать духъ законодательства и отношеніе частныхъ законовъ къ общимъ правиламъ конституціи. Судья можетъ даже постановить рѣшеніе, основанное не на частномъ законѣ, а на общихъ требованіяхъ конституціи; онъ имѣетъ право объявить, что такое-то постановленіе признаетъ противнымъ конституціи и не руководствуется имъ при рѣшеніи дѣла. Бываютъ даже такіе случаи: сенатъ или собраніе народныхъ представителей сдѣлаетъ постановленіе; народъ найдетъ его несогласнымъ съ конституціей; въ такомъ случаѣ судьѣ представляется жалоба на этотъ законъ. Судья разбираетъ дѣло, и если признаетъ жалобу справедливой, то законъ теряетъ обязательную силу и мало по малу выходитъ изъ употребленія. Отсюда видно, что значеніе судьи очень велико и что отъ него требуется высокая степень добросовѣстности, юридическаго образованія и независимости. Именно этого и стараются достигнуть въ Америкѣ назначеніемъ въ судьи не просто хорошихъ людей, любимыхъ народомъ, но юристовъ, людей опытныхъ, большею частію составившихъ себѣ предварительную извѣстность адвокатурою. Въ нѣкоторыхъ штатахъ и судейскія должности замѣщаются по избранію; но въ другихъ назначеніе судей предоставляется губернатору штата и его совѣту. Злоупотребленіямъ, вреднымъ для демократіи, трудно вкрасться и при этомъ способѣ назначенія, потому что—во-первыхъ губернаторъ и

совѣтъ его избираются самимъ же народомъ, во-вторыхъ губернаторъ не можетъ по произволу смѣнить назначеннаго имъ судью; должность судьи отправляется однимъ лицомъ много лѣтъ, а губернаторы выбираются ежегодно. Съ другой стороны — и отъ народа судья находится довольно въ независимомъ положеніи, потому что онъ обезпеченъ очень значительнымъ жалованьемъ: въ Массачусетѣ судьи получаютъ жалованья болѣе 5000 руб. сер.

На разсмотрѣніе судей представляются обыкновенно и всѣ уклоненія отъ общихъ законовъ Союза, совершаемыя чиновниками общины или кѣмъ бы то ни было изъ ея членовъ. Случаи такихъ уклоненій не часты, потому что, какъ уже сказано, государство не вмѣшивается въ частныя дѣла общины и предоставляетъ ей полную свободу устроиться, какъ ей кажется лучшимъ. Но есть общія требованія, которыя должна исполнить каждая община. Требованія эти разъ навсегда постановляются закономъ, и за исполненіемъ ихъ никто не смотритъ, кромѣ самихъ членовъ общины и судей. *Графство*, составляющееся изъ соединенія общинъ, не представляетъ никакой важности въ административномъ смыслѣ, а имѣетъ именно судебное значеніе. Въ каждомъ графствѣ есть судебная палата, шерифъ, какъ исполнитель приговоровъ суда, и тюрьма для содержанія преступниковъ. Изъ административныхъ дѣлъ — въ графствѣ составляется только проектъ бюджета, который потомъ разсматривается въ законодательномъ собраніи цѣлаго штата, и затѣмъ сообразно съ нимъ распредѣляются подати на общины. Кромѣ того—забота объ устройствѣ и содержаніи дорогъ также относится къ обязанности cout of assizes въ графствѣ. Община получаетъ обыкновенно только назначеніе того, сколько заплатить и что сдѣлать должна она вообще. Распредѣленіе повинностей между частными лицами, видоизмѣненія въ формѣ исполненія закона предоставляются совершенно на ея волю. Община непремѣнно должна, напримѣръ, содержать школу; иначе она подвергается большому штрафу «за поддержаніе невѣжества и безнравственности». Но какъ устроить школу, откуда взять на нее деньгъ, какъ распредѣлить въ ней занятія и пр.,— это уже община опредѣляетъ сама. Только ежели, по скудости членовъ общины, школа будетъ устроена дурно, или ежели кто нибудь изъ людей, которымъ поручено будетъ наблюденіе за ней, станетъ небрежно исполнять свою обязанность, то каждый отецъ семейства можетъ обвинить эти лица и даже цѣлую общину передъ cout of assizes. Тогда дѣло разсматривается судебнымъ порядкомъ, и если жалоба оказывается справедливою, община присуждается къ штрафу. Таже самая исторія повторяется по всѣмъ отраслямъ управленія. Инстанцій нѣтъ никакихъ, низшій чиновникъ

не получитъ отъ высшаго никакихъ предписаній, подтвержденій, запросовъ и т. п; но онъ всегда можетъ быть позванъ къ суду за неисполненіе своей обязанности. Есть напримѣръ особый чиновникъ для смотрѣнія за устройствомъ дорогъ; ему передаются отъ сборщика податей деньги, собранныя на этотъ предметъ. Если дорога не въ порядкѣ, то всякій, у кого сломалось колесо въ какой нибудь ямѣ или вообще случилось что нибудь непріятное отъ дурной дороги, имѣетъ право позвать къ суду чиновника, наблюдающаго за путями сообщенія. Чиновникъ знаетъ это и потому самъ заботится, чтобы получить въ свои руки нужныя для расходовъ деньги. Если община не даетъ денегъ, онъ имѣетъ право самъ требовать ихъ, нарушая обычный порядокъ; въ противномъ случаѣ дѣло опять рѣшается судомъ.

Можно бы опасаться, что подобное право вмѣшательства въ общественныя дѣла, предоставленное всякому гражданину, поведетъ къ безпрерывнымъ кляузамъ и всякаго рода безпорядкамъ. Въ Америкѣ это могло бы произойти тѣмъ скорѣе, что во многихъ случаяхъ доноситель на противозаконные поступки пользуется частью штрафа, который взыскивается съ обвиненнаго. Но устройство судовъ,—словесныхъ, съ адвокатами, присяжными и съ полнѣйшею публичностью,—не слишкомъ благопріятствуетъ развитію кляузничества. Да притомъ же есть и еще обстоятельство, удерживающее американцевъ въ предѣлахъ благоразумія и справедливости,—распространеніе началъ образованія въ цѣломъ народѣ. Всякаго рода вздорныя и несправедливыя притязанія являются въ обществахъ неразвитыхъ, не имѣющихъ правильныхъ понятій о предметахъ; съ развитіемъ образованія взаимныя отношенія опредѣляются легче, разумнѣе и дружелюбнѣе. Это очень хорошо поняли въ Америкѣ, и потому-то тамъ каждая община непремѣнно обязана содержать школы для первоначальнаго обученія. Образованіе дѣтей совершается на счетъ государства, и въ каждой общинѣ есть свой школьный капиталъ. Всѣ граждане должны жертвовать на школы часть своихъ доходовъ, потому что всѣ пользуются плодами общаго образованія: если у кого и нѣтъ своихъ дѣтей, то все же школы для него полезны, потому что только при образованности гражданъ возможно въ обществѣ поддержаніе порядка и благодѣтствія. Оттого человѣкъ, вовсе не бывшій въ школѣ, не принимается даже на фабрику; оттого для распространенія грамотности въ народѣ ничего не жалѣютъ въ Америкѣ, и всякая небрежность въ этомъ отношеніи строго преслѣдуется. Кромѣ денежной подати, въ пользу школъ выдѣляется всегда, при заведеніи общины, одна тридцать-шестая доля общинныхъ земель; земля эта продается, и деньги, вырученныя за нее, составляютъ школьный

капиталъ, находящійся въ распоряженіи штата. Въ книгѣ г. Ламіера приведены цифры изъ отчета за 1857 г. провинціи Массачусетъ. Изъ нихъ видно, что въ пользу школъ собирается въ годъ болѣе 2,300,000 долларовъ, (до 3,000,000 р. с.), а школьный капиталъ простирается до 1,625,000 дол.; проценты съ него, до 50,000 дол., распредѣляются между школами отдѣльныхъ городовъ. Но право на полученіе этого вспоможенія имѣетъ только та община, которая сама собираетъ не менѣе $1^1/_2$ доллара на каждаго ребенка отъ 5 до 15 лѣтъ. Въ отношеніи къ управленію,—и здѣсь находимъ совершенное отсутствіе всякой централизаціи. Каждая община управляетъ своими школами по собственному усмотрѣнію; даже если община, особенно городская, очень велика, то она раздѣляется на округи и участки (приходы). Такъ въ Бостонѣ, по свидѣтельству г. Ламіера «для большаго удобства городъ раздѣленъ на округи, и въ каждомъ сами граждане избираютъ членовъ въ училищный комитетъ, числомъ шесть, и притомъ такъ, что двое изъ нихъ, по исполненіи своей обязанности въ теченіе трехъ лѣтъ, выбываютъ и замѣняются другими, буде на нихъ снова не падетъ выборъ. Эти шесть членовъ училищнаго комитета образуютъ для школъ своего участка особый комитетъ (district comittee), и затѣмъ для ближняго завѣдыванія отдѣльными школами подраздѣляютъ между собою училища по своему усмотрѣнію; такъ что въ важнѣйшихъ только и опредѣленныхъ случаяхъ дѣла изъ мѣстныхъ комитетовъ доходятъ до участковаго, и еще рѣже до общаго городскаго». Нужно впрочемъ замѣтить, что не во всѣхъ штатахъ устройство школьнаго управленія таково, какъ въ Бостонѣ; въ штатѣ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, существуетъ нѣчто въ родѣ нашихъ учебныхъ округовъ, и мѣстныя школы подлежатъ начальственному наблюденію чиновниковъ штата.

Общая тенденція образованія въ Сѣверной Америкѣ—приготовленіе дѣтей къ гражданской дѣятельности, ожидающей ихъ за предѣлами школы. Оттого элементарныя школы считаются необходимыми для всѣхъ; затѣмъ важнѣйшими считаются среднія школы общаго образованія, въ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ математика, новая географія, исторія Соединенныхъ Штатовъ и ихъ конституція. Затѣмъ — знанія классическія, богословскія, философскія и пр. предоставляются каждому ad libitum, и охотниковъ на нихъ является сравнительно не слишкомъ много. «Но объ этомъ американецъ и не сокрушается, какъ замѣчаетъ г. Ламіеръ: онъ хлопочетъ о гражданахъ, образованныхъ въ такой мѣрѣ, чтобы быть хорошими исполнителями народной воли, — а ученые для него роскошь»...

Вообще въ образованіи дѣтей и въ устройствѣ школъ въ Америкѣ выражается тоже направленіе, какое и во всемъ другомъ отличаетъ эту страну: дѣлать какъ можно больше для народа и какъ можно менѣе потворствовать аристократическимъ тенденціямъ. Въ этомъ отношеніи любопытна для насъ замѣтка г. Лакіера, сопоставляющая воспитаніе американское съ англійскимъ. «Въ Англіи, говоритъ онъ, — безграмотный вовсе не рѣдкость, тогда какъ высшій классъ едва ли гдѣ нибудь можетъ сравняться въ классическомъ образованіи съ англійскою аристократіею. Но и до сихъ поръ тотъ воспитаніе сохранило средневѣковой, монастырскій характеръ, который оно имѣло въ Англіи цѣлыя столѣтія. Изученіе древнихъ языковъ, греческаго и латинскаго, занимаетъ большую часть времени въ англійскихъ, особенно высшихъ школахъ, и вытѣсняетъ языки живые и науки болѣе практическія. Очевидно, американцы не могли допустить въ такой ограниченности, въ односторонности воспитанія; свѣтъ наукъ долженъ былъ не всякому преподаваться каждаго по мѣрѣ его способностей и стремленія къ образованію. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о раздѣленіи воспитанниковъ разныхъ кастъ — не только по заведеніямъ, но въ одномъ и томъ же заведеніи по помѣщеніямъ, столамъ и столамъ, какъ это дѣлается въ Англіи.»

Таковы общія черты устройства и положенія отдѣльныхъ общинъ въ Сѣверной-Америкѣ. Между ними и штатомъ составляетъ посредствующее звено графство, которыя впрочемъ не имѣютъ почти никакого значенія. Правительство штата заключается въ *сенатѣ* и въ *палатѣ представителей*. Оба учрежденія очень сходны между собою и вовсе не находятся въ тѣхъ отношеніяхъ, какъ двѣ палаты въ Англіи. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что сенатъ, кромѣ законодательной дѣятельности, иногда имѣетъ еще административную и судебную, а палата представителей занимается исключительно законодательствомъ, въ судебную же часть пускается — только обвиняя предъ сенатомъ чиновниковъ, не исполняющихъ своей обязанности. Кромѣ того есть еще разница — въ томъ, что въ сенатѣ членовъ меньше и они избираются на болѣе продолжительное время, чѣмъ въ палатѣ представителей... Существенный же смыслъ учрежденія двухъ палатъ, вмѣсто одной, заключается въ желаніи раздѣлить законодательную власть между двумя политическими учрежденіями и чрезъ то доставить болѣе ручательствъ безпристрастію и обдуманности законовъ.

Исполнительную власть въ штатѣ представляетъ губернаторъ, избираемый на одинъ годъ. Онъ имѣетъ право остановить рѣшеніе

сената, и въ такомъ случаѣ дѣло переходитъ на разсмотрѣніе конгресса. Но самъ собою губернаторъ не можетъ ни издавать законовъ, ни вмѣшиваться въ администрацію страны. Онъ можетъ только излагать предъ законодательнымъ собраніемъ нужды штата и указывать на средства, какія, по его мнѣнію, полезно употребить. Затѣмъ на его обязанности остается только исполненіе опредѣленій сената и палаты представителей. На всякій случай у него въ рукахъ и военная власть.

Федеральный конгрессъ сената представляетъ тоже, что правительство каждаго штата. Въ немъ тоже находимъ сенатъ и палату представителей; исполнительная власть въ рукахъ президента, который слѣдовательно тоже самое значитъ въ цѣломъ Союзѣ, что губернаторъ въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ. Существованіе двухъ палатъ въ Союзѣ имѣетъ историческое основаніе. При первомъ предположеніи о конгрессѣ возникли двѣ партіи: одна хотѣла, чтобы Союзъ былъ просто международнымъ конгрессомъ, въ которомъ было бы по равному числу представителей отъ каждаго штата; другая напротивъ, желала болѣе тѣснаго, національнаго соединенія, для котораго нужно было, чтобы представители явились въ конгрессъ не по штатамъ, а по числу жителей. Примирить оба требованія было трудно, и потому рѣшили принять ихъ оба. Для сохраненія принципа совершенной независимости и равенства штатовъ учрежденъ сенатъ, въ который присылаются по два представителя изъ каждаго штата; они обыкновенно назначаются на шесть лѣтъ, изъ числа сенаторовъ штата. Но чтобы населеніе штата не оставалось безъ вліянія на его представительство въ Союзѣ, въ палату представителей выбирается отъ каждаго штата извѣстное число депутатовъ, сообразно съ количествомъ его населенія. Такимъ образомъ штатъ Нью-Іоркъ напр., присылаетъ на конгрессъ 40 депутатовъ, а Делаваръ — только одного. Число народныхъ представителей нынѣ 233, такъ что по разсчету населенія Соединенныхъ Штатовъ, приходится по одному депутату на 93,000 гражданъ.

Обсужденію сессіоннаго конгресса подлежатъ: дѣла иностранной политики, содержаніе войска и флота, займы, необходимые для общихъ интересовъ Союза, принятіе въ союзъ новыхъ штатовъ, законы о подданствѣ иностранцевъ, о банкротствѣ, о монетѣ и пр. Кромѣ законодательной власти, союзный конгрессъ имѣетъ и судебную во всѣхъ дѣлахъ, выходящихъ изъ круга власти одного штата, — напр. въ спорахъ между двумя штатами, между гражданами какого нибудь штата и иностранцами, и т. п. Но вообще говоря, — конгрессъ нисколько не стѣсняетъ внутренней жизни штата, и потому Сѣверо-

Американскій Союзъ не только не ближится къ распаденію, какъ сначала ожидали нѣкоторые, а все болѣе укрѣпляется. Число штатовъ все возрастаетъ, и теперь ихъ уже 35, вмѣсто первоначальныхъ 13. Необходимыя условія для принятія новаго штата въ Союзъ составляютъ: признаніе имъ союзной конституціи, и населеніе не менѣе 93,000 человѣкъ, потому что иначе онъ не могъ бы посылать отъ себя депутата на конгрессъ.

Президентъ Союза — совершенно тоже, что губернаторъ въ отдѣльномъ штатѣ. Онъ представляетъ конгрессу и судамъ страны, указываетъ что и какъ можно сдѣлать, разсматриваетъ постановленія конгресса и можетъ остановить ихъ своимъ протестомъ. Въ этомъ случаѣ постановленіе опять переходитъ на разсмотрѣніе обѣихъ палатъ, и тутъ уже требуется, чтобы двѣ трети голосовъ не согласились съ президентомъ: только тогда первоначальное постановленіе можетъ остаться въ своей силѣ. Въ отношеніяхъ внѣшней политикѣ президентъ можетъ, съ согласія конгресса, вести переговоры и заключать трактаты съ иностранными державами; онъ же имѣетъ начальство надъ союзной арміей въ случаѣ войны. За службу свою онъ получаетъ 25,000 долларовъ въ годъ.

Какъ ни поверхностенъ этотъ общій очеркъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ (назначенный для тѣхъ только, кто о нихъ ровно ничего не знаетъ), но и изъ него можно видѣть, что основаніемъ всего ихъ устройства служитъ народная воля и что если въ этой странѣ и есть нѣкоторые признаки *правительственной* централизаціи, то въ *административномъ* отношеніи господствуетъ децентрализація самая полная. Хорошо это или дурно, нельзя судить по самой теоріи, не зная жизненныхъ фактовъ, въ которыхъ выражается вліяніе политическихъ учрежденій страны. Поэтому мы намѣрены въ другой статьѣ коснуться нѣкоторыхъ чертъ *быта* Сѣверной Америки. Вообще говоря, конечно справедливѣе будетъ признать зависимость учрежденій отъ нравовъ народа. Но въ Америкѣ основныя положенія ея государственнаго устройства опредѣлились очень рано, и разъ сдѣлавшись необходимой принадлежностью политическаго существованія страны, не могли оставаться безъ вліянія на самый бытъ народа. Поэтому намъ кажется, что для полной оцѣнки американскихъ учрежденій, не мѣшаетъ прослѣдить, какъ они отражаются въ самой жизни американцевъ. Пользуясь наблюденіями нашего путешественника и другихъ писателей, мы и постараемся сдѣлать это въ слѣдующей статьѣ.

Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи *Владиміра Алексѣевича Корнилова*, собранные и объясненные капитанъ-лейтенантомъ *А. Жандромъ*. Съ портретомъ Корнилова, двумя снимками приказовъ, собственноручно имъ писанныхъ, двумя картами Чернаго моря, съ означеніями мѣстъ нашихъ и турецкихъ судовъ, шестью планами Севастополя, объясняющими постепенное улучшеніе обороны его, и двумя планами сраженій. Спб. 1859 г.

Матеріалы, собранные г. Жандромъ, обнимаютъ время отъ вступленія Корнилова въ должность начальника штаба Черноморскаго флота до первой бомбардировки Севастополя союзниками, 5 октября 1854 г., въ которой Корниловъ былъ убитъ. Главную роль въ книгѣ занимаетъ Корниловъ, и дѣло обороны Севастополя изложено въ ней лишь настолько, насколько Корниловъ принималъ въ немъ участіе. Это объясняется назначеніемъ и средствами, какія имѣлъ авторъ. Въ предисловіи своемъ онъ объясняетъ, что, бывши однимъ изъ приближенныхъ офицеровъ этого адмирала, онъ хотѣлъ «сохранить отъ забвенія духовное наслѣдство, оставленное Корниловымъ флоту», тѣмъ болѣе, что послѣднее его порученіе г. Жандру было вести журналъ обороны Севастополя, и что «отдавая ему разные, необходимые для этого журнала, документы, со словами: «возьмите—это для исторіи»,—Корниловъ какъ бы завѣщалъ ему сохранить историческіе матеріалы того времени.»

Трудъ г. Жандра исполненъ очень тщательно и добросовѣстно,—сколько можно судить объ этомъ не спеціалисту и не самовидцу дѣла. Направленіе всего труда выражено въ слѣдующихъ словахъ предисловія: «тутъ (въ исторіи обороны Севастополя), мнѣ кажется, не нужны украшенія; напротивъ, чтобы дать возможность оцѣнить подвигъ во всемъ его величіи, необходимо изобразить вполнѣ, безъ малѣйшей утайки, всѣ событія, предшествовавшія осадѣ, и самаго бомбардированья; будущему же историку, конечно, нужны документы, а не общія мѣста о непоколебимомъ мужествѣ защитниковъ Севастополя.» Оставаясь вѣрнымъ этой мысли, г. Жандръ помѣстилъ въ «Матеріалахъ» множество подлинныхъ документовъ, — приказовъ, инструкцій, диспозицій, и пр.,—въ которыхъ довольно ясно обозначается настоящее положеніе Севастополя при началѣ осады. Отъ себя г. Жандръ говоритъ немного, и то болѣе о Корниловѣ, нежели вообще объ осадѣ. Замѣчанія его большею частію любопытны и вѣрны; только въ двухъ мѣстахъ намъ показалось, что составитель ма-

теріаловъ преувеличиваетъ истину дѣла. На стр. 169 и 211 авторъ указываетъ на ложность мнѣнія тѣхъ, которые писали, что во время высадки союзниковъ «оборонительная линія Севастополя состояла изъ неоконченной и большею частью только проэктированной каменной стѣнки,» и что «до 13 сентября не было предпринято работъ къ укрѣпленію города съ южной стороны.» Въ мнѣніяхъ этихъ оказываются неточными нѣкоторыя выраженія; но сущность ихъ не уничтожается свѣдѣніями, приводимыми у г. Жандра. Опровергая ихъ, онъ самъ сознается, что укрѣпленія были далеко неудовлетворительны и плохо вооружены, и что до 13-го сентября была только *подготовка*. Вотъ собственныя слова г. Жандра на стр. 211—212.

«Читатели помнятъ, что 1 сентября Севастополь былъ уже защищенъ линіею временныхъ укрѣпленій, расположенныхъ во взаимной оборонѣ, и что тотчасъ по полученіи извѣстія о высадкѣ, всѣ береговыя Севастопольскія команды обращены были на усиленіе баттарей, для чего въ тоже время сняты 30 орудій съ корвета, брига и шкуны, оставшихся не разруженными въ гавани. Тогда не было другихъ свободныхъ орудій, ибо находившіяся въ морскомъ арсеналѣ не имѣли принадлежности, а разружать корабли и фрегаты, ожидая со дня на день морскаго сраженія,—было бы крайне неблагоразумно. Но лишь только было рѣшено, что флотъ нашъ не выйдетъ изъ порта, три фрегата, носившіе 164 орудія большаго калибра, съ командирами, офицерами и командами, обращены были немедленно на усиленіе южной оборонительной линіи. Выше говорено, какъ дѣятельно принялись фрегатскія команды за работу, но пока платформы для орудій не были готовы, то съ перваго взгляда *могло казаться*, что къ укрѣпленію Южной стороны не принято дѣятельныхъ мѣръ. Когда же платформы поспѣли, то свидѣтели преображенія Севастополя 14 и 15 сентября, должны были согласиться, что многое было подготовлено, и что безъ этихъ предварительныхъ мѣръ никакой волшебникъ не въ состояніи бы былъ усѣять оборонительную линію столькими орудіями, что въ Севастополѣ 16 сентября—мудрено былъ узнать Севастополь 13 сентября.»

Изъ книги г. Жандра видно, какія неимовѣрныя усилія были употреблены для того, чтобы удержаться въ Севастополѣ, и въ какомъ отчаянномъ положеніи находились русскіе въ первый мѣсяцъ по высадкѣ союзниковъ. Они съ честію вышли изъ всѣхъ затрудненій; зачѣмъ же оттѣнять славу ихъ энергіи и самоотверженія преувеличеніемъ важности того, что было сдѣлано ранѣе? Теперь уже дѣло прошлое: если были недостатки, то они открыты всѣмъ и каждому не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, но возможности исправлены, и признаваться въ нихъ вовсе не стыдно, по благородному убѣжденію самого г. Жандра. Изъ многихъ документовъ,

приведенныхъ въ книгѣ, ясно, что многаго недоставало тогда для нашей арміи и флота, и вспоминая объ этихъ недостаткахъ, еще болѣе изумляешься необычайному мужеству войска, одиннадцать мѣсяцевъ отстаивавшаго Севастополь.

Представимъ нѣсколько данныхъ изъ книги г. Жандра о состояніи флота, морскаго управленія и военныхъ средствъ нашихъ при началѣ восточной войны.

Люди энергическіе, честные и знающіе дѣло усердно трудились надъ улучшеніями нашего флота, незадолго до начала войны. Но ихъ усилія невполнѣ достигали цѣли, частію по недостатку средствъ, а частію по причинѣ препятствій, встрѣчавшихся имъ со стороны разныхъ формальностей и бумажныхъ проволочекъ и недосмотровъ. Въ сентябрѣ 1851 г., когда въ Петербургъ безъ вѣдома Корнилова, отослана была финансовая смѣта на 1852 г., онъ вотъ что писалъ къ князю Меншикову (Мат. стр. 19).

«Возвратясь 12 сентября изъ Севастополя, я къ крайнему моему сожалѣнію нашелъ, что финансовая смѣта для будущаго 1852 года отправлена въ С. Петербургъ безъ предварительнаго моего взгляда. Она готовилась цѣлый мѣсяцъ въ Интендантствѣ и когда дошла до Канцеляріи Г. Главнаго Командира, то тутъ нужно было отослать ее именно въ тотъ единственный день, въ который я отлучился въ Севастополь (*). Я не думаю, чтобъ Морицъ Борисовичъ (Берхъ) сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, но во всякомъ случаѣ, если онъ, вмѣсто довѣрія, которое до сихъ поръ показывалъ ко мнѣ.... станетъ удаляться моего содѣйствія, то я не думаю, чтобъ я могъ, находясь въ такомъ отдаленіи отъ Вашей Свѣтлости, быть здѣсь полезенъ. Я обязываюсь откровенно доложить, что покуда мы съ Мѣтлинымъ (**) все наше время и всѣ наши усилія должны истощать въ борьбѣ съ ухищреніями чернильнаго братства, здѣсь издавна преобладавшаго, и конечно если Главный Командиръ будетъ двухсмысленно насъ поддерживать, то изведемъ только себя, безъ всякой пользы дѣлу».

Письмо это показываетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи часто находился Корниловъ «отъ ухищреній чернильнаго братства.» Несмотря на то, онъ дѣлалъ свое дѣло; въ 1852 г. онъ указалъ на необходимость винтовыхъ кораблей и добился того, что въ томъ же году начались работы. Но успѣшное исполненіе дѣла было очень

(*) Владиміръ Алексѣевичъ откладывалъ нѣсколько времени свою поѣздку въ Севастополь, ожидая съ нетерпѣніемъ представленія финансовой смѣты, но получивъ извѣстіе, что штормъ съ проливнымъ дождемъ повредилъ часть стѣны доковагообассейна, принужденъ былъ отправиться въ Севастополь 9 сентября. А. Ж.

(**) Оберъ-Интендантъ Черноморскаго Флота и портовъ, нынѣ Адмиралъ Управляющій Морскимъ Министерствомъ.

«Послѣ полдня союзный флотъ продолжалъ тѣже эволюціи, подвигаясь къ югу, но не поднимая флаговъ. Весь Севастополь слѣдилъ за движеніями непріятеля, и легко понять, что было на душѣ у моряковъ. Нахимовъ пріѣхалъ со своего далекаго корабля на библіотеку, (гдѣ былъ устроенъ тогда наблюдательный постъ), долго смотрѣлъ на маневры враговъ, и наконецъ отвернулся, проговоривъ: «Проклятые самовары! Не даромъ я не любилъ ихъ».

Но не въ одномъ отсутствіи винтовыхъ пароходовъ состояло наше горе. Въ книгѣ г. Жандра передаются нѣкоторыя обстоятельства, свидѣтельствующія, что несмотря на блестящую побѣду при Синопѣ, флотъ нашъ въ 1854 г. былъ далеко не въ блестящемъ положеніи. Вотъ нѣсколько фактовъ.

Отъ 15 февраля 1853 г. написано слѣдующее отношеніе Корнилова къ Нахимову, по поводу дежурной шлюпки въ карантинной бухтѣ (Мат. стр. 375).

«Вчерашняго числа, желая опросить подходившій французскій пароходъ, на дежурной шлюпкѣ, бывшей въ то время въ Карантинной бухтѣ, — я нашелъ ее безъ парусовъ, безъ оружія, безъ флага, съ оборванными гребцами, и остался очень доволенъ, что пароходъ этотъ не хотѣлъ дожидаться опроса, ибо таковая шлюпка, съ военными офицерами и матросами, могла бы имѣть самое невыгодное вліяніе на, можетъ быть, будущихъ непріятелей нашихъ. Шлюпка эта была полубаркасъ съ корабля *Святославъ*. Въ предупрежденіе такихъ постыдныхъ случаевъ на будущее время, я считаю необходимымъ, для опроса судовъ, подходящихъ къ Севастополю, назначать ежедневно съ эскадры по два опрятныхъ легкихъ катера», и пр...

Въ началѣ марта былъ смотръ гребнымъ судамъ, шедшимъ со стрѣлками отъ кораблей къ Екатерининской пристани, и Корниловъ былъ пораженъ неудачнымъ управленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; потомъ онъ смотрѣлъ гребныя суда отряда контръ-адмирала Вульфа и остался еще болѣе недоволенъ. Негодованіе его выразилось въ слѣдующемъ отношеніи къ командиру порта, отъ 8 марта (Матер. стр. 132 — 133).

«По осмотрѣ сего числа стрѣлковыхъ партій и отряда гребныхъ судовъ Контръ-Адмирала Вульфа, собравшихся съ кораблей, я вынужденнымъ нахожусь просить Ваше Превосходительство сдѣлать кому слѣдуетъ извѣстнымъ:

1) При сборѣ стрѣлковыхъ партій, баркасъ съ корабля *Варна* пришелъ подъ однимъ фокомъ съ бизань-мачтою, подвязанною у борта, и отъ этого, не имѣя чѣмъ привести къ вѣтру, присталъ дурно. Такое управленіе шлюпкою доказываетъ совершенное отсутствіе морскихъ по-

знаній, и случается на судахъ, на коихъ командиры не наблюдаютъ за подчиненными и не дѣлаютъ имъ надлежащихъ наставленій.

2) Нѣкоторыя шлюпки на возвратномъ пути выгребали на вѣтеръ съ поставленными мачтами. Это также доказываетъ отсутствіе морской сноровки.

3) На многихъ гребныхъ судахъ офицеры сидѣли закутанными въ шубахъ, вѣроятно полагая, что бывъ назначены въ партіи для береговыхъ дѣйствій, — управленіе шлюпкою до нихъ не касалось. Прошу командировъ: офицеровъ съ такими жалкими понятіями о службѣ посылать на шлюпкахъ не иначе, какъ для черныхъ работъ, гдѣ ихъ взглядъ на свои обязанности вреда дѣлу причинить не можетъ; ибо офицеръ, который во время порученія, налагающаго на него обязанность распоряженія и примѣра подчиненнымъ своимъ, одѣвается такъ, что трудно двигаться и что нибудь видѣть, конечно не имѣетъ чувства своего достоинства, и слѣдовательно понятіе его о служебныхъ обязанностяхъ — жалкое.

4) Гребныя суда отряда Контръ-Адмирала Вульфа, къ сожалѣнію моему, за исключеніемъ со сто-пушечныхъ кораблей и затѣмъ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ исключеній, вообще не въ томъ порядкѣ, въ какомъ бываютъ на исправныхъ военныхъ судахъ: нѣкоторыя имѣютъ признаки долгаго оставленія на водѣ, другія избиты и похожи на расхожіе портовые, иные безъ дрековъ и сходень, необходимыхъ при высадкѣ десанта. Къ тому, по отзыву Контръ-Адмирала Вульфа, не всѣ команды и офицеры постоянные, и потому не знаютъ сборныхъ пунктовъ.»

Въ апрѣлѣ, съ наступленіемъ теплыхъ дней, необыкновенно умножилось количество больныхъ въ Черноморскомъ экипажѣ. Корниловъ назначилъ коммиссію для изслѣдованія причинъ; оказалось, что не всѣдѣ матросы спятъ непремѣнно въ подвѣшенныхъ койкахъ: «нѣкоторые командиры 84-хъ пушечныхъ кораблей не дозволяли подвѣшивать коекъ къ верхней батареѣ, а такъ какъ въ одной нижней батареѣ нѣтъ возможности подвѣсить койки всей команды, то часть экипажа, по необходимости, должна была спать на палубѣ.» Узнавъ объ этомъ, Корниловъ отдалъ слѣдующій приказъ: (Матер. стр. 155).

«Во всѣхъ военныхъ флотахъ, не исключая турецкаго, не принято, чтобы нижніе чины на судахъ не спали въ подвѣшенныхъ извѣстной формы койкахъ, и къ особенной заботливости капитановъ отнесено наблюдать, чтобы подвѣшиваніе непремѣнно исполнялось.

Въ русскомъ военномъ флотѣ койки введены съ его основанія и по штату всегда полагались, равно какъ шкентросы и прочія ихъ принадлежности. Штатомъ же 1840 года постановлено отпускать на каждаго человѣка по двѣ койки изъ парусины, собственно для коекъ отдѣлываемой, дабы во время мытья одного комплекта, на другомъ спали.

«Полагаю, что во время управленія Черноморскимъ флотомъ Адмирала Грейга требовался этотъ, съ незапамятныхъ временъ заведенный на военныхъ судахъ, порядокъ.

«Всякій изъ насъ помнитъ, какъ настоятельно онъ требовался покойнымъ Адмираломъ Лазаревымъ; опытный адмиралъ отдавалъ много приказовъ и подробныхъ инструкцій о подвѣшиваніи коекъ и обращеніи съ ними, видя въ сей принадлежности морской жизни матроса, предметъ наиболѣе способствующій къ сохраненію его здоровья; ибо Адмиралу Лазареву, какъ много плававшему, извѣстно было лучше, чѣмъ кому либо: 1) что въ койкѣ матросъ можетъ заснуть сухо; 2) что въ койкѣ только матросъ непремѣнно раздѣнется, ибо иначе въ нее трудно лечь, и 3) въ койкѣ только онъ будетъ спать на мѣстѣ, ему опредѣленномъ, что всегда важно для судоваго порядка.

«Непомѣрное умноженіе больныхъ въ нѣкоторыхъ экипажахъ флота и особенно появленіе скорбута и вообще худосочія, къ развитію коего ничто столько не содѣйствуетъ, какъ ненатуральный сонъ, и притомъ на сырой палубѣ, наводитъ меня на мысль, что не на всѣхъ судахъ строго наблюдаютъ, чтобы нижніе чины непремѣнно спали въ подвѣшенныхъ койкахъ и раздѣвшись; а потому я вынужденнымъ нахожусь напомнить командирамъ судовъ, что такое несоблюденіе правилъ морской жизни, заведенныхъ съ давнихъ временъ всѣми націями, съ пожертвованіемъ значительныхъ денегъ, отнесено будетъ начальствомъ къ неспособности къ командованію, ибо нераспорядительность или безпечность, въ отношеніи къ сохраненію здоровья команды, не должна быть ничѣмъ извиняема».

Въ маѣ мѣсяцѣ Корниловъ послѣ смотра кораблямъ выдалъ приказъ, въ которомъ замѣчаетъ нѣкоторые недостатки корабельнаго содержанія, сверхъ многихъ другихъ недостатковъ, еще прежде замѣченныхъ имъ словесно. Между прочимъ онъ говоритъ: (стр. 161).

«Вообще при дѣланныхъ кораблямъ смотрахъ, относительно боевой тревоги замѣчено:

1) Недостатокъ приспособленій, для направленія выстрѣловъ, въ случаѣ, если предметъ комендору не видѣнъ.

2) Недостатокъ упражненія съ подколесными клиньями и недостатокъ самыхъ клиньевъ.

3) Заведеніе держать ружья, излишнія противъ боеваго росписанія,— въ декахъ. Излишнія ружья держать въ декахъ вдвойнѣ невыгодно: ружей чѣмъ менѣе въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ они легче разбираются, и ружья излишнія, скрытыя въ арсеналѣ, не подвержены, безъ нужды, разрѣшенію отъ непріятельскихъ ядеръ.

Въ іюнѣ, съ приближеніемъ непріятеля, оказался недостатокъ въ людяхъ, и потому съ нѣкоторыхъ фрегатовъ команда отправлялась часто къ батареямъ. Только сначала іюля, по словамъ г. Жандра,

(стр. 168) сталъ водворяться должный военный порядокъ, и фрегаты Месемврія и Сизополь могли начать свои крейсерства.

1 іюля Корниловъ, послѣ осмотра судовъ, далъ слѣдующій приказъ (стр. 172),

«На нѣкоторыхъ судахъ Черноморскаго флота часто случается, что рангоутъ стоитъ неправильно и вообще вооруженіе имѣетъ запущенный видъ; причины этому — невнимательность вахтенныхъ начальниковъ и незаботливость старшаго офицера. Такъ какъ постановка рангоута есть мѣрило порядка и знанія морскаго дѣла на судахъ, то я и предупреждаю гг. командировъ, что неисправное содержаніе рангоута мною считается дурною аттестаціею системы управленія судномъ».

22 и 24 іюля еще подобные приказы. Вотъ послѣдній изъ нихъ: (стр. 172),

24 Іюля: «Освѣдомясь, что на нѣкоторыхъ судахъ флота паруса и такелажъ не въ благонадежномъ состояніи, я предупреждаю командировъ, что можетъ случиться потребность флоту выйти, въ осеннее бурное время, для дѣйствія противъ непріятеля, и потому для сего надлежитъ заранѣе готовиться, и что затѣмъ, если съ какого судна не будетъ донесено мнѣ предварительно, то отвѣтственность ляжетъ на командирѣ.»

Высадка непріятелей застала Севастополь совершенно неприготовленнымъ. Съ моря укрѣпленія были нѣсколько значительнѣе и имѣли 611 орудій; но съ сухаго пути были только приготовительныя работы съ 200-ми орудій. Общее недоумѣніе и страхъ будущаго овладѣли Севастопольскими героями, и на генеральномъ совѣтѣ 12 сентября, по словамъ составителя «Матеріаловъ», «выражено много стремленій противостоять врагамъ до послѣдней крайности, многіе сознавали необходимость принять рѣшительныя мѣры; но какъ бы поджидали, что въ минуту опасности явится распорядитель, который размѣститъ войска и одушевитъ гарнизонъ»... (Матер. стр. 212).

Распорядителемъ явился Корниловъ; но и самъ онъ не былъ одушевленъ большими надеждами, особенно послѣ того, какъ рѣшено было затопить корабли. Исторія этого затопленія разсказана у г. Жандра съ подробностью, въ которой довольно ярко выставляется драматизмъ событія. До чего доходила тяжесть положенія Севастопольцевъ, какъ всѣ надежды ихъ были уничтожены — это можно видѣть изъ приказа Нахимова, отданнаго 14 сентября (Матер. стр. 221).

«Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизону; я въ необходимости нахожусь затопить суда ввѣренной мнѣ

эскадры, и оставшіяся на нихъ команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой; насъ соберется до трехъ тысячъ; сборный пунктъ на Театральной площади. О чемъ по эскадрѣ объявляю.»

При такомъ настроеніи лучшихъ изъ героевъ, при такомъ положеніи дѣлъ, трудно было кому нибудь остаться спокойнымъ и сохранить увѣренность въ будущемъ успѣхѣ. Чрезвычайно любопытно слѣдить въ этомъ случаѣ за расположеніемъ духа Корнилова, одного изъ главныхъ распорядителей всего дѣла. Слѣдить за этимъ мы можемъ, къ счастію, изо дня въ день по его журналу, который онъ велъ постоянно для жены своей. Журналъ этотъ напечатанъ въ примѣчаніяхъ къ книгѣ г. Жандра, и мы не можемъ удержаться, чтобы не представить изъ него нѣсколько выписокъ нашимъ читателямъ. Въ началѣ сентября Корниловъ еще совершенно спокоенъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ мрачнѣе становятся его мысли; только въ концѣ сентября опять онъ ободряется.

«*4-го Сентября*. По слухамъ изъ лагеря, непріятель высадилъ свои войска и готовится аттаковать нашихъ. Позиція, избранная, княземъ (Меншиковымъ) чрезвычайно сильна, и потому мы совершенно спокойны; впрочемъ все зависитъ отъ Бога.

5-го Сентября. У насъ въ Севастополѣ все благополучно, все спокойно и даже одушевлено; на укрѣпленіяхъ работаютъ безъ устали и они идутъ съ большимъ успѣхомъ. Надѣемся, что князь Меншиковъ обойдется безъ нихъ.

7-го Сентября. Мои занятія въ продолженіе дня состояли въ разъѣздахъ по инженернымъ работамъ, которые идутъ по мѣрѣ возможности. Я отрылъ имъ около пяти тысячъ рабочихъ и инструментовъ, и мы въ недѣлю сдѣлали больше, чѣмъ прежде дѣлали въ годъ. Одно, что лежитъ у меня на совѣсти — это откомандировка морскихъ стрѣлковъ, но чтоже дѣлать, когда князь не уступалъ моимъ доводамъ; вечеромъ я опять писалъ ему о томъ же,—что такое откомандированіе лишаетъ флотъ лучшихъ людей и обречетъ его бездѣйствію. И такъ завтра будетъ, кажется, день или великой побѣды или конечнаго пораженія. Боже, благослови наше дѣло! Мы, по крайнему разумѣнію нашему, признаемъ его правымъ...

11-го Сентября. Мы моряки останемся защищать Севастополь. Богъ да поможетъ намъ устоять противъ двадесяти языцевъ. Въ городѣ суета, на рейдѣ еще большая.

12-го Сентября. Вчера непріятель дневалъ за Бельбекомъ; наша армія снялась ему во флангъ, по высотамъ Инкерманскимъ. Я взялъ на себя защиту Сѣверной стороны и теперь поселился въ домикѣ Меншикова, у батареи № 4-го. У меня 10,000 нашихъ моряковъ, взятыхъ съ кораблей. Укрѣпленія въ надежномъ видѣ, и я, если армія сдѣ-

лаетъ свое, надѣюсь отдуться. Берегъ этотъ, кромѣ войска, защищается кораблями и пароходами; съ моря же мы недосягаемы. Третьяго дня, перекрестясь, со слезами на глазахъ, затопили на фарватерѣ пять старыхъ кораблей, и обратился прекрасный Севастопольскій рейдъ въ озеро. Городъ порученъ тріумвирату: Станюковичу, генералу Моллеру и Нахимову. Богъ поможетъ Меншикову побить или хоть потревожить Арно, такъ Россія не потеряетъ чуднаго порта и флота.

14-го Сентября. Непріятельскія передовыя колонны двинулись къ Балаклавѣ и заняли городъ. Пароходы въ большомъ числѣ ходили по всѣмъ Херсонскимъ бухтамъ и кругомъ въ Балаклаву. Цѣлый день занимался укрѣпленіемъ города и распредѣленіемъ моряковъ, переведенныхъ, за исключеніемъ четырехъ баталіоновъ, на городскую сторону. Итого у насъ набирается 5,000 резервовъ Аслановича и 10,000 морскихъ разнаго оружія, даже съ пиками. Хорошъ гарнизонъ для защиты каменнаго лагеря, разбросаннаго на протяженіи многихъ верстъ и перерѣзаннаго балками такъ, что сообщенія прямаго нѣтъ!... но что будетъ, то будетъ. Положили стоять. Слава будетъ, если устоимъ;—если же нѣтъ... По укрѣпленіямъ работа кипитъ, даже арестанты усердствуютъ. Войско кипитъ отвагой, но все это можетъ только увеличить рѣзню, но не воспрепятствовать входу непріятеля. О князѣ ни слуху, ни духу. Вечеромъ собрались всѣ для распредѣленія ролей и рѣшенія позицій.

«*15 Сентября.* О князѣ ни слуху, ни духу. 2-я непріятельская колонна ночевала на мѣстѣ ночлега первой, а въ 10 часовъ утра обѣ тронулись къ Севастополю. Во 2-мъ часу непріятельскіе аванпосты на дорогахъ старой и новой; къ вечеру утвердились на плоской горѣ, надъ хуторомъ Саранданаки. Армія вѣроятно позади. Непріятельскіе пароходы хозяйничаютъ въ Херсонскихъ бухтахъ, прилежащихъ къ маяку и къ Балаклавѣ. Конечно, завтра узнаемъ болѣе. Наши дѣла улучшаются, инженерныя работы идутъ успѣшно. Укрѣпляемся, сколько можемъ; но чего ожидать, кромѣ позора, съ такимъ клочкомъ войска, разбитаго по огромной мѣстности при укрѣпленіяхъ, созданныхъ въ двухнедѣльное время.... Если бы я зналъ, что это случится, то конечно никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышелъ дать сраженіе двойному числомъ врагу. Съ ранняго утра осматривалъ войско на позиціи: 6 резервныхъ баталіоновъ и 15 морскихъ изъ матросовъ; изъ послѣднихъ 4 пріобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены и плохо пріобучены. Но что будетъ, то будетъ,—другихъ нѣтъ. Чтобы усилиться, формируемъ еще команду изъ обоза. Можетъ завтра разыграться исторія; хотимъ биться до нельзя,—врядъ ли поможетъ это дѣлу. Корабли и всѣ суда готовы къ затопленію; пускай достанутся развалины!... Вечеръ въ черныхъ мечтахъ о будущемъ. Россіи....

16-го Сентября. Мы здѣсь не унываемъ; укрѣпляемся, какъ умѣемъ и какъ средства позволяютъ. Непрерывная цѣпь редутовъ, бастіоновъ и разнаго рода батарей представляютъ непрерывную линію пушечнаго

огня; но эта линія на семи верстахъ.... Есть высоты, на которыхъ легко воздвигнуть батареи противъ насъ и кромѣ—три или четыре пути, въ которыхъ прорваться конечно легко, ибо защитниковъ немного: моряковъ 10,000 да 6,000 резервныхъ солдатъ. Богъ да благословитъ и укрѣпитъ насъ.

18-го Сентября. Наши дѣла по старому. Укрѣпленія умножаются: все осматриваемся и готовимъ, въ случаѣ аттаки, русскій отпоръ.... Къ вечеру князь пріѣхалъ на Сѣверную сторону, куда приближаются войска; съ нимъ прибылъ и курьеръ Николаевскій. Князь очень жалуется на слабость войскъ своихъ и считаетъ непріятеля очень сильнымъ; собирается опять сдѣлать движеніе; предоставляетъ Севастополь своимъ средствамъ. Если это будетъ, то прощай Севастополь!... Если только союзники рѣшатся на что нибудь смѣлое, то насъ задавятъ. Это мною было представлено князю; онъ обѣщалъ военный совѣтъ, котораго мы и ожидаемъ. Держаться съ войсками въ Севастополѣ весьма можно, и держаться долго; но безъ войскъ—дѣло другое.

19-го Сентября. Князь совѣта не собиралъ, но войска далъ; къ намъ привезли три полка 17-й дивизіи: Тарутинскій, Бородинскій и Московскій. Теперь войска много; надѣюсь, что будемъ стоять — и тогда отстоимъ; укрѣпленія улучшаются.

21-го Сентября. Войска еще прибыло: присланы два баталіона черноморцевъ, такъ что мы теперь въ такомъ положеніи, что какъ бы силы враговъ нашихъ ни были велики, но мы должны устоять, развѣ войска не будутъ драться, чего предполагать нельзя.

24-го Сентября. Мы подкрѣплены войскомъ, въ сообщеніи съ главной квартирой и, несмотря на скопище непріятелей, обложившихъ Севастополь кругомъ съ Южной стороны бухты, нисколько не отчаяваемся отстоять его, — развѣ Богъ насъ оставитъ; тогда Его святая воля.

27-го Сентября. Наши укрѣпленія все усиливаются, гарнизонъ устраивается; здоровье солдатъ какъ нельзя лучше, несмотря—что все это живетъ на воздухѣ, и многіе безъ крышъ, и несутъ самую тяжкую, безпрерывную службу. Войско князя Меншикова расположено на Бельбекскихъ высотахъ и Меккензіевой дачѣ и растетъ подкрѣпленіями. Сообщеніе съ Россіею возстановлено совершенно; даже начинаются подвозы на Сѣверную сторону, такъ что прекращаемъ вынужденную крайностію фуражировку. Еслибы союзники дали намъ въ такомъ положеніи дождаться дивизіи Липранди и другихъ подкрѣпленій, а сами бы дождались осеннихъ погодъ, то надобно надѣяться, что съ милостіею Божіею мы бы отстояли это сокровище Россіи — Севастополь.

28-го Сентября. Къ вечеру явился на нашъ аванпостъ французскій артиллеристъ, — кажется, бѣжалъ отъ голода, потому что пищѣ обрадовался, какъ ребенокъ. Онъ сказывалъ, что *St. Arnaud* умеръ, и что нелады между Канроберомъ и Рагланомъ, и что эти нелады—причина ихъ медленности; должно быть, Богъ не оставилъ еще Россію. Конечно,

еслибы непріятель послѣ Алминской битвы пошелъ на Севастополь, то легко бы завладѣлъ имъ...»

Этимъ искреннимъ сознаніемъ знаменитаго адмирала мы заключимъ наши выписки изъ его дневника и кончимъ нашу рецензію «Матеріаловъ», изданныхъ г. Жандромъ и заслуживающихъ, по своей полнотѣ и важности, полнаго вниманія и благодарности не только отъ моряковъ, но и отъ всякаго, кто добросовѣстно и съ любовью занимается нашей отечественной исторіей.

Румынскія господарства, Валахія и Молдавія, въ историко-политическомъ отношеніи. Сочиненіе *С. Палаузова*. Спб. 1859.

Вопросъ о Дунайскихъ Княжествахъ еще такъ недавно занималъ дипломатическіе умы Европы. Не далѣе, какъ въ половинѣ прошлаго года, онъ разрѣшенъ парижскими конференціями; но послѣдовавшія за тѣмъ событія, и особенно недавнія выборы господаря, придали новый интересъ дѣлу княжествъ. Интересъ этотъ такого рода, что невольно заставляетъ, для разъясненія вопроса, вникнуть въ характеръ народности и историческаго развитія обоихъ народовъ, столь тѣсно связанныхъ въ своемъ политическомъ существованіи. Поэтому книга г. Палаузова — явленіе весьма своевременное и полезное для всякаго, кто не чуждъ политическихъ интересовъ. Сочиненіе это отличается строгимъ ученымъ характеромъ, и богатство свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ, выкупаетъ нѣкоторую тяжеловатость его изложенія. Мы рѣшаемся взять изъ книги г. Палаузова нѣсколько фактовъ, относящихся преимущественно къ новой исторіи Княжествъ.

Валахи и молдавы являются въ исторіи еще въ XIII вѣкѣ. Въ XV вѣкѣ они подпали подъ покровительство Турціи, и съ этого времени начинается исторія ихъ бѣдствій. Тяжелая дань, постоянно возраставшая, и жестокіе господари терзали Валахію почти непрерывно въ теченіе двухъ столѣтій, до 1592 года, когда на престолъ Валахіи вступилъ Михаилъ Храбрый, съ которымъ у народа валахскаго связаны самыя свѣтлыя воспоминанія. Задушевною мыслію Михаила было соединеніе всѣхъ румыновъ въ одно независимое государство. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, онъ наконецъ чрезвычайно счастливо повелъ дѣла, такъ что императоръ и султанъ вынуждены были признать его власть надъ всѣмъ пространствомъ отъ Днѣпра и Дуная до Венгріи и Червоной Руси.

Но скоро счастіе измѣнило ему. Разбитый нѣсколько разъ, онъ бѣжалъ въ Вѣну просить милости императора Рудольфа и былъ убитъ подосланными къ нему австрійцами. Вмѣстѣ со смертію Михаила погибли послѣднія надежды Валахіи на независимость. Изъ воеводъ, занимавшихъ валахскій престолъ въ теченіе XVII вѣка, нѣкоторые пытались возродить угасавшія силы Валахіи; но попытки ихъ остались тщетными. Съ XVIII вѣка наступаетъ правленіе князей-фанаріотовъ, истощившее послѣднія силы княжества.

Молдавскіе румыны до половины XV-го столѣтія признавали надъ собою поперемѣнно власть то Польши, то Венгріи; а въ 1456г. малодушный воевода Петръ-Ааронъ, устрашенный передвиженіемъ турецкихъ войскъ въ Болгарію, вызвался платить султану ежегодную подать, надѣясь этимъ отклонить вторженіе турокъ въ Молдавію.

Вскорѣ потомъ, именно съ 1517 года, начинается и въ Молдавіи таже кровавая борьба господарей съ боярами, тоже постоянное возвышеніе турецкой подати и тѣже притѣсненія народа, какія были и въ Валахіи. Престолъ Молдавіи сталъ также покупаться у Порты людьми недостойными, которые, въ угоду ей и удовлетворяя своему собственному корыстолюбію, не щадили своихъ подданныхъ и подвергали ихъ всевозможнымъ угнетеніямъ. Мало того, Порта высылала еще на Молдавію самозванцевъ, которыхъ появленіе и низверженіе неизбѣжно должно было повлечь за собою внутреннія смуты, еще болѣе увеличившія бѣдственное положеніе княжества.

Вся послѣдующая исторія Молдавіи до назначенія князей-фанаріотовъ, представляетъ только рядъ смѣнявшихся господарей, безъ цѣли и безъ сознанія появлявшихся во главѣ правленія. Пыталась-было оживить эту страну новая династія Кантемировъ, надѣясь на своего великаго сѣвернаго союзника; но ей не удалось достигнуть цѣли, и послѣднему господарю этой династіи, Дмитрію Кантемиру, суждено было умереть въ Россіи.

XVIII вѣкъ былъ по преимуществу тягостнымъ вѣкомъ для Молдавіи и Валахіи. Съ 1716 года начинается ненавистное правленіе князей-фанаріотовъ, откупная система которыхъ окончательно изсушила послѣдніе соки несчастныхъ господарствъ. Скажемъ нѣсколько словъ какъ о происхожденіи и политикѣ этихъ князей въ отношеніи къ константинопольскому двору, такъ и объ ихъ управленіи господарствами.—Фанаріоты получили свое названіе отъ константинопольскаго квартала, называвшагося *Фанаромъ*, въ которомъ жили греки. Населеніе Фанара отличалось ловкостію, изворотливостію и могло похвастаться предъ прочими жителями столицы знаніемъ иностранныхъ языковъ. Эти качества обратили на нихъ вниманіе турец-

наго правительства, и оно въ концѣ XVII вѣка замѣнило фанаріотами евреевъ и ренегатовъ итальянскихъ и польскихъ, употреблявшихся до того времени въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ западными державами. Фанаріоты употреблялись сначала, какъ канцелярскіе чиновники, которыхъ вся обязанность состояла въ томъ, чтобы сидѣть въ передней дивана и ожидать, когда ихъ позовутъ для прочтенія или перевода какой нибудь бумаги. Изъ этой скромной должности фанаріоты скоро успѣли возвыситься до почетныхъ государственныхъ постовъ. Собственно для нихъ были учреждены, вслѣдствіе ихъ происковъ и искательствъ, двѣ почетныя должности — великаго драгомана или переводчика Высокой Порты и драгомана адмиралтейства. Но фанаріоты не удовлетворились этимъ. Ихъ жадные взоры обращены были на Молдавію и Валахію, и имъ удалось захватить эти княжества въ свои руки.

Фанаріоты назначались обыкновенно въ господари на 3 года, но это не мѣшало одному лицу подкупомъ и возвышеніемъ подати продолжать свое управленіе на нѣсколько трехлѣтнихъ періодовъ. Интриги, низость, алчность, тиранія были постоянными спутниками фанаріота и на пути его искательствъ, и во время самаго правленія, и въ изгнаніи.

Система управленія князей-фанаріотовъ по преимуществу состояла въ грабительствѣ. Если турецкое правительство приказывало господарю заготовить извѣстное число рогатаго скота или зерноваго хлѣба, то господарь распоряжался, чтобы заготовлено было въ пять разъ болѣе. Излишекъ обращался конечно въ пользу господаря. Если Порта требовала рабочихъ для обыкновенныхъ работъ, господарь отправлялъ 400 или 500 человѣкъ, а между тѣмъ двѣ или три тысячи откупались деньгами, которыя поступали въ кассу господаря. Подобныхъ злоупотребленій было неисчислимое множество. «И въ то время, говоритъ Вальянъ, когда румынскій крестьянинъ не имѣлъ ни одежды, ни постели, не имѣлъ самой необходимой домашней утвари, въ то время, когда камышъ или сырая земля служила ему ложемъ, его надменные хищники съ головы до ногъ были покрыты шелкомъ, золотомъ и дорогимъ горностаемъ».

Первые князья фанаріоты были—Николай Маврокордато въ Валахіи и Михаилъ Раковица въ Молдавіи. Николай Маврокордато два раза являлся на господарскомъ престолѣ, чтобы грабить и угнетать своихъ подданныхъ. Преемникъ его Константинъ Маврокордато составилъ цѣлую систему грабежа, подъ предлогомъ преобразованія устарѣлаго порядка княжества. Чтобы привлечь къ себѣ крестьянъ, онъ освободилъ ихъ изъ-подъ власти помѣщиковъ и подчинилъ ихъ господарству; но чтобы вознаградить себя за эту услугу

крестьянскому сословію, онъ наложилъ на него огромную подать и обременилъ самыми безсовѣстными налогами. Все войско было распущено и обращено также въ податное сословіе. И бояре, и народъ скоро поняли, что пресловутая реформа Константина Маврокордато была не что иное, какъ самый гнусный обманъ. Бояре ненавидѣли его за то, что онъ лишилъ ихъ многихъ правъ, крестьяне за непомѣрные налоги, которые лишили ихъ послѣдняго куска хлѣба, такъ что они желали лучше возвратиться въ прежнее состояніе, тѣмъ болѣе, что отношенія ихъ къ помѣщикамъ были опредѣлены слишкомъ неясно новымъ постановленіемъ, что открывало путь многимъ злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ. Эта всеобщая ненависть къ преобразователю была причиною его низверженія; но онъ все-таки еще два раза успѣлъ откупить Валахію, не измѣняя системы своего управленія. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, въ воеводы Валахіи избранъ былъ Александръ Ипсиланти, человѣкъ съ болѣе человѣколюбивымъ направленіемъ, который заставилъ Валахію забыть на время прежнія истязанія. Современный ему господарь Молдавіи, Григорій Гика, тоже повидимому не отставалъ отъ своего сосѣда, но на самомъ дѣлѣ это была довольно грязная и сребролюбивая личность. Послѣ этихъ господарей опять возобновляются въ княжествахъ времена первыхъ князей-фанаріотовъ и уже не прекращаются до тѣхъ поръ, пока въ Молдавіи и Валахіи не отозвалось греческое возстаніе, измѣнившее на время отношенія Турціи къ господарствамъ. Дѣятель греческого возстанія, Ипсиланти, надѣясь на мнимое тождество населенія Молдавіи и Валахіи съ населеніемъ Греціи, вошелъ въ сношеніе въ Валахіи съ Ѳедоромъ Владиміреско, и скоро оба они единодушно взялись за дѣло. Но почти при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, Владиміреско понялъ, что Ипсиланти желаетъ подчинить княжествъ греческому вліянію, и потому рѣшился войти въ сношенія съ турками и требовать возвращенія княжествамъ древнихъ правъ и дарованія конституціи. Взамѣнъ же этого онъ предлагалъ Портѣ свое содѣйствіе къ скорѣйшему очищенію княжествъ отъ греческихъ этеристовъ, приверженцевъ Ипсиланти. За эту измѣну Владиміреско поплатился жизнію. Онъ былъ схваченъ въ своемъ станѣ и связанный представленъ къ Ипсиланти. Несчастный безъ всякаго суда былъ казненъ.

Новый рядъ туземныхъ князей начался Иваномъ Стурдзою въ Молдавіи и Григоріемъ Гикою въ Валахіи. Оба господаря въ самомъ же началѣ правленія показали твердое желаніе возстановить права народа и дать румынамъ чисто-національное развитіе. Если они и не успѣли вполнѣ въ своемъ намѣреніи, то причиною этому была русско-турецкая война. Первымъ дѣломъ Григорія Гики было улуч-

шеніе быта крестьянъ. Затѣмъ онъ возстановилъ народныя училища въ княжествѣ, одушевилъ народное направленіе въ образованіи и учредилъ общество распространенія въ Валахіи общеполезныхъ свѣдѣній.

Господарь Молдавіи слѣдовалъ во всемъ по пути Гики. Но внѣшнія обстоятельства, какъ мы замѣтили, замедлили на время возрожденіе Княжествъ. Впрочемъ Адріанопольскій миръ, которымъ кончилась русско-турецкая война, былъ вполнѣ благодѣтеленъ для Княжествъ, возвративъ имъ земли, занятыя туземными крѣпостями и заставивъ Порту отказаться отъ подати и налоговъ, равно какъ отъ права назначать цѣны на жизненные припасы. Господари должны были назначаться пожизненно. Порта обязалась заплатить Россіи 125 милліоновъ рублей, а для обезпеченія своевременной уплаты Россія удержала за собою Княжества. Управленіе Молдавіей и Валахіей поручено было графу Киселеву. Въ 1829 году снова открыты были засѣданія комитета, учрежденнаго въ 1827 году въ Яссахъ и Букарестѣ, для составленія новаго уложенія. Подъ руководствомъ графа Киселева, комитетъ въ непродолжительное время приготовилъ уложеніе, извѣстное подъ именемъ *Органическаго Статута*. Нельзя сказать, чтобы статутъ этотъ удовлетворилъ всѣмъ потребностямъ страны. Поспѣшность его составленія, неприготовленность членовъ комитета предварительнымъ изученіемъ страны во всѣхъ ея подробностяхъ были причиною той неудовлетворительности въ примѣненіи его къ дѣлу, какая оказалась почти въ первые же дни его введенія въ Княжествахъ.

Вскорѣ графъ Киселевъ долженъ былъ оставить свой постъ. Явилось множество претендентовъ на престолъ. Изъ числа ихъ избраны были Россіей съ Турціей—Михаилъ Струдза и Александръ Гика. Александръ Гика, несмотря на свои личныя достоинства и искреннее желаніе преобразовать среднее сословіе и облегчить участь народа, не слишкомъ способенъ былъ къ управленію. Лучшимъ дѣломъ его правленія было освобожденіе цыганъ; но и это освобожденіе не было полнымъ и достаточнымъ: цыганамъ не было предоставлено ни клочка земли, и матеріальный бытъ ихъ сдѣлался еще хуже. Вскорѣ противъ Гики составилась оппозиція и хотя ея попытка произвести возстаніе не удалась и главные двигатели этого движенія были арестованы и впослѣдствіи приговорены къ работамъ въ солянокопняхъ; но это не спасло Гики. Неспособность его къ управленію съ каждымъ днемъ проявлялась яснѣе. Георгій Бибеско составилъ записку, въ которой изобразилъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находилось княжество подъ правленіемъ этого добраго, но неспособнаго господаря. Копіи съ этой записки были отправлены въ Константи-

ноноль и С. Петербургъ. Повѣрка этого доноса съ дѣйствительностью комиссарами Турціи и Россіи показала всю его справедливость, и Гика былъ отставленъ въ 1842 году, а на мѣсто его избранъ Бибеско.

Дѣла въ Молдавіи въ эту эпоху были не такъ важны, какъ въ Валахіи. Михаилъ Стурдза обратилъ особенное вниманіе на матеріальное благосостояніе страны, надѣясь этимъ путемъ упрочить свое положеніе, и пожалуй отчасти успѣлъ въ этомъ. Ему же принадлежитъ честь освобожденія монастырскихъ цыганъ.

Состояніе Валахіи между тѣмъ становилось годъ отъ году хуже. Ревизія 1845 — 1846 г. показала, что около 40,000 семействъ выселилось изъ Валахіи въ весьма короткое время, и между тѣмъ поголовная подать, вмѣсто того, чтобы уменьшиться въ итогѣ, принесла усиленный поборъ въ 300,000 піастровъ сверхъ обыкновенной цифры.

Въ это время получено было извѣстіе о февральскомъ переворотѣ 1848 г. во Франціи. Валахское общество было раздѣлено тогда на партіи, изъ которыхъ главную роль играла партія либераловъ, старавшаяся привлечь на свою сторону большинство населенія. Либералы имѣли своихъ агентовъ и въ Молдавіи. Извѣстіе о февральскомъ переворотѣ ободрило ихъ. Въ Букарестѣ, Краёвѣ, Браиловѣ, Яссахъ уже явно стали сходиться и толковать объ измѣненіи существующаго порядка правленія. Въ концѣ марта молдавскіе заговорщики собрались въ гостинницѣ Регенсбургъ въ Яссахъ. Долго они спорили и шумѣли, наконецъ согласились поднести господарю адресъ и проэктъ конституціи, состоявшей въ самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ. Они просили между прочимъ сдѣлать нѣсколько измѣненій относительно права собственности, дать свободу тисненія или гласность, относительно же внутреннихъ дѣлъ княжества — учрежденіе городской стражи, отвѣтственность министровъ и прочихъ высшихъ чиновниковъ. Стурдза ласково принялъ депутацію и обѣщалъ сдѣлать все возможное, а между тѣмъ въ тотъ же вечеръ далъ тайное приказаніе усилить наличное число земской стражи. Въ продолженіе ночи аресты продолжались по всему городу и къ утру все было исполнено. Главные зачинщики были отправлены въ Мачинъ, а оттуда переведены въ Бруссу.

Иной исходъ имѣло революціонное движеніе въ Валахіи. Валахская оппозиція сначала было думала уладить дѣло мирнымъ путемъ, какъ хотѣли это сдѣлать въ Молдавіи; но рѣшительный отказъ недальновиднаго Бибеско подалъ поводъ къ открытому возмущенію. Заговорщики умѣли скоро подготовить къ возстанію валахскую милицію и войти въ сношенія съ инсуррекціонной партіей Венгріи.

День возстанія назначенъ былъ 21-го іюня. Въ этотъ день поселяне изъ окружныхъ деревень толпами стекались на площадь Ислана, небольшаго мѣстечка на берегу Дуная. Торговое сословіе, арендаторы, дунайскіе матросы толпились около отряда Плессоянно. Вскорѣ явились туда и главные заговорщики, окруженные толпою помѣщиковъ и офицеровъ. Здѣсь Иліади Радулеско прочелъ во всеуслышаніе проэктъ новой конституціи; подписана была и прокламація къ народу. Магеро, исправникъ того округа, въ которомъ находился Ислашъ, долженъ былъ отправиться въ Букарестъ для поднесенія господарю проэкта конституціи, съ просьбою, чтобы онъ объявилъ себя во главѣ движенія. Посланный отъ Магеро прибылъ въ Букарестъ на другой день, 22-го іюня. Въ тотъ же день трое молодыхъ людей, не принадлежавшихъ впрочемъ къ революціонному комитету, выстрѣлили въ господаря во время гулянья. Встревоженный господарь рѣшился лично удостовѣриться въ настроеніи духа милиціонныхъ батальоновъ, находившихся въ столицѣ. Явившись въ казармы, онъ объявилъ о заговорѣ противъ правительства и спросилъ офицеровъ и солдатъ,—можетъ ли онъ надѣяться на ихъ поддержку. Уклончивый отвѣтъ начальника милиціи заставилъ Бибеско возвратиться во дворецъ въ сильномъ разстройствѣ. Черезъ нѣсколько часовъ посланный отъ Магера вручилъ ему прокламацію и прошеніе ислашскихъ бунтовщиковъ. Но въ этотъ же день одинъ изъ родственниковъ Магеро, прибывъ въ Букарестъ, собралъ нѣсколько молодыхъ людей и, отправившись съ ними на базарную площадь въ толпу народа, съ возвышеннаго мѣста прочелъ прокламацію, объявивъ, что господарь изъявилъ уже свое согласіе на перемѣну правленія. Толпа бросилась за нимъ ко дворцу благодарить господаря. Когда изумленный Бибеско вышелъ узнать причину ея появленія, то его встрѣтили оглушительные крики радости. Бибеско, растерявшись окончательно, подписалъ конституцію, а черезъ три дня уѣхалъ въ Кронштатъ.

Между тѣмъ Порта, недовольная покушеніемъ на ея ленныя права, отправила въ княжество Омера-Пашу съ двѣнадцати-тысячной арміей. Турецкій уполномоченный комиссаръ, Солиманъ-Паша, объявилъ, что онъ готовъ выслушать жалобы и желанія румыновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ распустить временное правительство и учредить намѣстничество, согласно съ органическимъ статутомъ. Члены временнаго правительства вынуждены были покориться требованію турецкаго коммиссара. Намѣстничество это продолжалось только съ 4 августа по 25 сентября. Солиманъ-Паша высказалъ больное сочувствіе къ новой организаціи княжества. Измѣненія въ конституціи были самыя незначительныя и проэктъ ея, одобренный кон-

миссаромъ Порты, вмѣстѣ съ депутаціей былъ отправленъ въ Константинополь, для представленія его дивану. Но депутація эта не имѣла никакого успѣха. Турецкое правительство, недовольное дѣйствіями Солимана-Паши, отозвало его обратно въ Константинополь и на его мѣсто назначило Фуада-Эфенди, который объявилъ, что столица Валахіи будетъ теперь находиться подъ надзоромъ турецкаго войска. 25 сентября отмѣнено господарское мѣстоблюстительство и избранъ каймакамомъ княжества логоѳетъ Константинъ Кантакузинъ. Букаретъ былъ занятъ турецкимъ войскомъ. Вскорѣ подоспѣли туда и русскія войска.

Восемь мѣсяцевъ продолжалась русско-турецкое занятіе княжествъ. Въ маѣ 1849 года заключена конвенція въ Балта-Лиманѣ, которая отмѣнила прежнее избирательное право господарей; новые князья должны были назначаться кабинетами державъ покровительницъ, вслѣдствіе чего Барбо Стирбей, братъ Бибеско, назначенъ былъ въ Валахію, а Григорій Гика въ Молдавію. Разсказывать о правленіи Стирбея — значитъ повторять то, что уже извѣстно о своекорыстномъ управленіи его предшественниковъ. Онъ не могъ внести во ввѣренное ему княжество никакихъ улучшеній, кромѣ грабежа внутри и лукаваго раболѣпства предъ покровительствующими державами. Правленіе Гики было такое же, съ тою только разницей, что въ злоупотребленіяхъ не участвовалъ самъ господарь, тогда какъ Стирбей имѣлъ въ виду личные интересы и болѣе всего заботился объ обогощеніи себя.

Въ такомъ положеніи были княжества, когда въ іюнѣ 1853 года войска наши приблизились къ Дунаю. Оба господаря оставили княжества. Нельзя сказать, чтобъ расположеніе умовъ въ княжествахъ было на нашей сторонѣ, но ненависть къ Россіи, преувеличенная западными публицистами, можетъ быть отнесена только къ небольшой партіи. Въ главѣ этой партіи стояли четыре бывшіе господаря: Стирбей и Бибеско, Стурдза и Григорій Гика. Въ сентябрѣ 1853 г. они даже подали Австріи записку, за собственноручною подписью, въ которой вызвались отдать Молдавію и Валахію подъ верховную власть Австріи, если Россія въ предстоящей борьбѣ будетъ побѣждена. Валахскіе эмигранты, пошли еще далѣе: они предложили сформировать народное войско, чтобы противодѣйствовать Россіи. Но это предложеніе не было принято ни Турціею, ни Австріею. Та и другая боялись, чтобы впослѣдствіи это вооруженіе не обратилось на нихъ самихъ. Между тѣмъ войска наши выступили изъ княжествъ, и мѣсто ихъ заняли австрійскія. Въ тоже время возстановлены были прежніе господари, Стирбей и Гика.

Разрѣшеніе вопроса о княжествахъ приближалось между тѣмъ къ концу. Въ мартѣ 1855 г. открыты были конференціи въ Вѣнѣ, и первой статьей было положено отмѣненіе русскаго протектората въ княжествахъ. Но устраняя протекторатъ Россіи, нужно было подумать и о томъ, какое устройство дать княжествамъ. Не уступать же въ самомъ дѣлѣ подъ всесокрушающее вліяніе Австріи... Въ засѣданіи 26-го марта высказана была по этому случаю французскимъ уполномоченымъ барономъ Буркенэ мысль о слитіи обоихъ княжествъ въ одно государство, подъ наслѣдственнымъ правленіемъ государя, взятаго изъ среды европейскихъ династовъ. Сліянія княжествъ желали сильно румыны. Россія тоже не противилась соединенію. Но горячими противниками его были Турція и Австрія, и имъ удалось мало по малу отклонить этотъ вопросъ, несмотря на то, что молдавскій диванъ 19-го октября 1857 г. торжественно объявилъ общее стремленіе молдаванъ къ соединенію княжествъ въ одно государство подъ именемъ *Румыніи*.

Наконецъ собрались и конференціи въ Парижѣ. Послѣ долгихъ споровъ, приступлено было къ обновленному устройству княжествъ. Сущность новаго устройства заключается въ слѣдующемъ.

1) Княжества Молдавія и Валахія получатъ наименованіе *Соединенныхъ провинцій или княжествъ*.

2) Оба княжества останутся подъ верховною властію е. в. султана. Исполнительная власть въ каждомъ изъ нихъ будетъ находиться въ рукахъ господаря, избираемаго на всю жизнь.

3) Законодательная власть будетъ предоставлена двумъ собраніямъ, засѣдающимъ въ Букарестѣ и Яссахъ, и центральному комитету, составленному изъ девяти валахскихъ и девяти молдавскихъ членовъ, избираемыхъ обоими собраніями изъ среды своихъ членовъ.

4) Центральный комитетъ будетъ засѣдать въ Фокшанахъ. Законы, учрежденные имъ, будутъ общи обоимъ княжествамъ, кромѣ особыхъ случаевъ.

5) Никакой налогъ не можетъ быть установленъ и взимаемъ безъ согласія собраній.

6) Регулярныя милиціи получатъ одинаковое устройство, и народное знамя будетъ одно и тоже для обоихъ корпусовъ молдаво-валахской арміи.

7) Для обоихъ княжествъ имѣетъ быть учрежденъ верховный кассаціонный судъ.

8) Между обоими княжествами устанавливается таможенное, монетное, почтовое и телеграфное соединеніе.

Такимъ образомъ, парижскими конференціями сдѣланъ только шагъ къ соединенію княжествъ. Окончательное же соединеніе ихъ въ одно независимое государство осталось по прежнему желаніемъ народа, желаніемъ столько разъ безплодно выражавшимся въ ихъ исторіи и нынѣ еще разъ обнаружившимся въ избраніи одного господаря для обоихъ княжествъ. Это послѣднее обстоятельство, не предвидѣнное на парижскихъ конференціяхъ, составило новый, еще доселѣ не разрѣшенный, вопросъ для европейскихъ кабинетовъ...

Основанія опытной психологіи. Сочиненіе Архимандрита *Гавріила* (Кикодзе). Спб. 1858.

Не факты нужно приноровлять къ заранѣе придуманному закону, а самый законъ выводить изъ фактовъ, не насилуя ихъ произвольно: эта истина такъ проста и такъ понятна каждому, что сдѣлалась наконецъ общимъ мѣстомъ. А между тѣмъ чаще всего встрѣчаешь противорѣчіе этой истинѣ и, что всего досаднѣе, противорѣчащіе нерѣдко сами торжественно проповѣдуютъ ее. Какъ можно, говорятъ они, начинать съ того, что должно быть результатомъ изысканій: факты, факты — вотъ съ чего надобно начинать! А посмотришь — выводъ давно уже готовъ у нихъ, а факты-то такъ-себѣ, ради единой только формальности выставляются на-показъ. Пусть бы еще факты эти гармонировали съ выводомъ, тогда по крайней мѣрѣ можно было бы подумать, что все это дѣлается для большей ясности, а то вѣдь и того нѣтъ: факты сами по себѣ, а выводъ самъ по себѣ. Этого мало: осмѣлься кто нибудь указать этимъ господамъ на непослѣдовательность и произвольность ихъ сужденій, и они тотчасъ назовутъ его невѣждою, да еще пожалуй, чего добраго, огласятъ неблагонамѣреннымъ человѣкомъ. Idée fixe гвоздемъ сидитъ у нихъ въ головѣ, и что ты имъ ни толкуй, они все свое. Если же случится имъ встрѣтить что нибудь необъяснимое по ихъ теоріи, то это для нихъ ровно ничего не значитъ: они тотчасъ сошлются на то, что въ мірѣ много непостижимаго для нашего слабаго разума, что тайны и загадки мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, да на этомъ и покончатъ все дѣло. Само собою разумѣется, что наукѣ нечего ожидать отъ такихъ изслѣдователей, что тутъ не можетъ быть и помину о движеніи впередъ.

Книга архимандрита Гавріила не сообщаетъ намъ собственно ничего новаго противъ прежнихъ психологій. Но она отличается отъ нихъ методомъ изложенія и сравнительно бо́льшимъ количествомъ физіологическихъ фактовъ, что составляетъ ея неоспоримое досто-

ничество. Жаль только, что авторъ смотритъ на эти факты съ исключительной точки зрѣнія; на многія изъ приводимыхъ имъ возраженій даетъ только косвенные отвѣты, а нѣкоторые весьма важные вопросы и вовсе оставляетъ безъ разрѣшенія.

Книгу свою авторъ начинаетъ анализомъ внѣшнихъ ощущеній. При этомъ онъ довольно подробно говоритъ объ устройствѣ каждаго чувственнаго органа и объясняетъ процессъ самого воспріятія. Онъ доказываетъ, что не глазъ видитъ предметы, не ухо слышитъ звукъ, а что впечатлѣнія, получаемыя этими органами отъ внѣшнихъ предметовъ, передаются посредствомъ чувственныхъ нервовъ мозгу. Тоже онъ говоритъ о воспріятіи и трехъ остальныхъ чувствъ. Все это пока, пожалуй, удовлетворительно. Но нельзя далѣе согласиться съ авторомъ, по крайней мѣрѣ при тѣхъ доказательствахъ, какія онъ представляетъ. Соображая весь процессъ чувственнаго воспріятія, онъ приходитъ къ тому заключенію, что даже и самый мозгъ нельзя признать ощущающимъ началомъ. Мы охотно согласились бы съ этимъ положеніемъ, если бы авторъ дѣйствительно доказалъ его. Нельзя рѣшать вопроса только вполовину и въ тоже время утверждать, что онъ рѣшенъ окончательно. Этимъ можно обмануть людей тупоумныхъ; а кто имѣетъ хоть сколько нибудь здраваго смысла, тотъ едва ли успокоится на такомъ половинномъ рѣшеніи. Нужно сказать, да и доказать. А на слово нынче уже не вѣрятъ.

Главное и совершенно достаточное доказательство тому, (т. е. что мозгъ не есть ощущающее начало), говоритъ авторъ,—находимъ мы *въ единствѣ и простотѣ нашихъ ощущеній*, единствѣ и простотѣ столько противорѣчащихъ сложности мозга и всей нервной системы.

Но въ мірѣ вещественномъ мы не знаемъ ни одного предмета, въ которомъ бы не проявлялись какія либо свойственныя ему силы. Точно такъже невозможно представить себѣ и силу, независимую отъ матеріи. Сила составляетъ коренное, неотъемлемое свойство матеріи и отдѣльно существовать не можетъ. Ее нельзя передать матеріи, а можно только пробудить въ ней. Магнетизмъ можно вызвать, но не сообщить предмету. Нельзя представить магнитной силы безъ желѣза или вообще безъ тѣла, въ которомъ она заключена, какъ одно изъ коренныхъ, элементарныхъ его свойствъ. Стало быть, и въ человѣческомъ мозгѣ, каковъ бы ни былъ его составъ, должна быть своя сила. И чтожь удивительнаго, если эта сила проявляется въ ощущеніи?...

Другіе, напротивъ, приводятъ совершенно противоположное этому возраженіе, а именно, — что мозгъ представляетъ однородную сплошную массу, слишкомъ простъ и по составу, и по формѣ, чтобы быть единственнымъ источникомъ такой тонкой и сложной дѣятель-

ности, какую ему приписываютъ: сложныя силы, говорятъ они, могутъ быть только въ сложной матеріи. Но и это возраженіе, раціональное теоретически, оказывается несостоятельнымъ на дѣлѣ, потому что противорѣчитъ анатоміи. Въ органическомъ царствѣ мы не знаемъ ничего, что имѣло бы болѣе своеобразный видъ, болѣе сложное строеніе и наконецъ болѣе замѣчательный химическій составъ, какъ мозгъ. Какъ ни бѣдны наши свѣдѣнія о его составѣ, но мы знаемъ, что онъ не есть однородная сплошная масса, а состоитъ изъ чрезвычайно тонкихъ, нѣжныхъ, перепутанныхъ между собою цилиндровъ, называемыхъ первообразными волокнами и наполненныхъ маслянистою жидкостію, которая можетъ створаживаться. Анатомія показываетъ далѣе, что внутри мозга есть множество самыхъ странныхъ узоровъ, значеніе которыхъ для насъ еще совершенно загадочно, а на поверхности его цѣлый рядъ извилистыхъ углубленій, въ которыхъ главныя составныя части мозга, бѣлая и сѣрая массы, во многихъ точкахъ соприкасаются. Такъ называемые гангліеновы шарики, находящіеся въ сѣрой массѣ головнаго и спиннаго мозговъ, представляютъ много особенностей въ своемъ устройствѣ: первообразныя волокна то окружаютъ ихъ, то лежатъ надъ ними, то изъ нихъ выходятъ и т. п. Нѣтъ ни одного организма у животныхъ, который бы тонкостію и разнообразіемъ своего строенія сколько нибудь подходилъ къ мозгу. Наконецъ изъ всѣхъ органовъ онъ получаетъ наиболѣе крови отъ сердца и обращеніе соковъ въ немъ совершается быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо. Соотвѣтственно этому и анатомическое расположеніе кровяныхъ сосудовъ въ мозгу очень сложно и совершенно своеобразно. Не менѣе сложенъ и химическій составъ мозга. Изслѣдованія показали, что въ немъ находятся такіе элементы, какихъ нѣтъ ни въ одномъ органическомъ тѣлѣ, напр. церебринъ. Говорятъ даже, что массы, изъ которыхъ состоятъ мозгъ и нервы, въ разныхъ мѣстахъ своего протяженія имѣютъ и различный химическій составъ. Особенно важное значеніе для умственныхъ отправленій имѣетъ фосфоръ, находящійся въ мозговомъ жирѣ; по новѣйшимъ наблюденіямъ, въ психической дѣятельности мозга и въ отправленіяхъ вообще всей нервной системы принимаетъ участіе еще одна сила, которая прежде замѣчена была только въ тѣлахъ неорганическихъ. Эта сила—электричество. Такимъ образомъ анатомическій и химическій составъ мозга, какъ ни бѣдны наши свѣдѣнія о нихъ, не противорѣчатъ сложности приписываемыхъ ему отправленій. Кромѣ того, неизлишне замѣтить здѣсь, что есть много тѣлъ, имѣющихъ одинаковый химическій составъ, но различныя свойства. Ни химія, ни микроскопъ до сихъ поръ еще не могли открыть разницы между заразительнымъ и незаразительнымъ

гноемъ. Если же такое неуловимое различіе въ механическомъ или химическомъ составѣ неорганическихъ тѣлъ производитъ существенную разницу въ ихъ свойствахъ, то отчего же не предположить, что подобныя же незначительныя причины могутъ имѣть вліяніе и на дѣятельность мозга. Гангліеновы шарики, находящіеся въ полости мозга и играющіе вѣроятно не маловажную роль въ психическихъ отправленіяхъ его, анатомическимъ своимъ устройствомъ нисколько не разнятся отъ подобныхъ же шариковъ въ брюшной полости; тѣмъ не менѣе въ дѣйствіяхъ ихъ есть и должна быть разница. Все это подтверждаетъ ту мысль, что кажущаяся простота устройства мозга не можетъ служить опроверженіемъ возможности сложныхъ отправленій его.

Если мозгъ способенъ къ такой тонкой дѣятельности, то отчего мы, говорятъ психологи, не замѣчаемъ даже и проблесковъ чего нибудь подобнаго въ другихъ тѣлахъ органическихъ и неорганическихъ, напр. въ камнѣ, деревѣ и т. п? Вѣдь камень и дерево такая же матерія, какъ и мозгъ. — Но возражатели забываютъ, что въ мірѣ все подлежитъ закону развитія и что мозгъ человѣческій, по ихъ же словамъ, есть тончайшая матерія. Въ природѣ все идетъ постепенно отъ простаго къ болѣе сложному, отъ несовершеннаго къ болѣе совершенному; но вездѣ одна и таже матерія, только на разныхъ степеняхъ развитія. Чтожь удивительнаго, если на одной степени мы находимъ то, что несвойственно другой? Въ тѣлахъ неорганическихъ мы совсѣмъ не замѣчаемъ жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется въ тѣлахъ органическихъ; тѣмъ не менѣе и они подлежатъ измѣненіямъ какъ въ объемѣ, такъ и во внутреннемъ своемъ составѣ. Наблюдая надъ ними, мы постоянно замѣчаемъ то механическіе, то химическіе процессы. Не есть ли это таже жизнь, хотя на низшей степени развитія? Въ растеніяхъ жизнь обозначается уже гораздо яснѣе, потому что и сами они представляютъ матерію болѣе развитую, чѣмъ тѣла неорганическія. Здѣсь есть и голова, и члены, и органы питанія, и органы воспроизведенія, рожденіе и смерть. Въ животномъ царствѣ обнаруженіе жизни еще ощутительнѣе. Животныя имѣютъ способность мѣстоперемѣненія; кромѣ того мы замѣчаемъ въ нихъ проблески высшей жизненной дѣятельности. Человѣкъ, совершеннѣйшее изъ животныхъ, составляетъ послѣднюю степень развитія міровыхъ существъ въ видимой вселенной; почему же въ немъ, уже по одному этому, не допустить того, чего мы не замѣчаемъ въ существахъ менѣе развитыхъ? А если самую развитую часть человѣческаго тѣла составляетъ мозгъ, то отчего же не допустить, что мозгъ способенъ къ такой дѣятельности, какой мы не замѣчаемъ въ камнѣ и деревѣ? Что мозгъ имѣетъ тѣсную

связь съ психической дѣятельностью, къ этому приводятъ насъ весьма многіе разительные факты. Но мы считаемъ излишнимъ приводить ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что они извѣстны всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ физіологіею. Да кто и изъ незанимавшихся никогда физіологіей не слыхалъ, напр. объ опытахъ Флурана надъ живыми курами? Нужны ли кромѣ этого еще другіе какіе нибудь факты въ подтвержденіе того, что мозгъ, особенно человѣческій, есть источникъ высшей жизненной дѣятельности и что умственныя отправленія имѣютъ къ нему прямое отношеніе?

Кромѣ возраженій, которыхъ мы сейчасъ коснулись, психологи приводятъ еще множество другихъ. Но одни изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь съ приведенными выше, а другія до такой степени забавны, что на нихъ не стоитъ серьёзно отвѣчать. Замѣчательно, что по мѣрѣ того, какъ физіологія подвигается впередъ, отвлеченная психологія къ прежнимъ нелѣпостямъ присоединяетъ новыя, путается, но не хочетъ уступить своей соперницѣ и все еще смотритъ на нее съ какой-то средневѣковой ироніей. Старинные психологи допускали еще матеріальность животной души, новѣйшіе и въ животныхъ вложили *духовную* силу, лишивъ ее впрочемъ права на *безсмертіе*....

Для вящшаго успокоенія себя и другихъ, нынѣшніе психологи ссылаются обыкновенно на первую лекцію Либиха, сказанную имъ въ 1856 году въ мюнхенскомъ университетѣ, видя въ ней окончательный выводъ современной науки. Да, Либихъ лицо дѣйствительно весьма замѣчательное въ области естествознанія; но близко знакомымъ съ его изслѣдованіями извѣстно, что онъ испугался своихъ собственныхъ опытовъ и бросилъ ихъ безъ всякаго вывода....

Обращаясь еще разъ къ автору разсматриваемой книги, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы вовсе не отвергаемъ его основныхъ положеній, а желаемъ только, чтобы онъ, не пускаясь въ отвлеченности и фразеологію, указалъ намъ на болѣе положительные факты, которыми онъ приведенъ былъ къ высказанному результату; а теперь мы все-таки остаемся въ недоумѣніи....

Исторія рыцарства. Сочиненіе *Руа*. Перев. съ французскаго седьмаго изданія Г. В. Спб. 1858.

Господинъ Г. В. перевелъ сочиненіе Руа на томъ основаніи, что его похвалилъ «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», журналъ, основанный г. Вышнеградскимъ, тѣмъ самымъ, который счелъ нужнымъ объявить о себѣ въ газетахъ, что онъ не беретъ взятокъ. Прочи-

тавши книжку Руа, мы убѣдились, что можно совершать похвальные поступки въ родѣ объявленія въ газетахъ о своемъ безкорыстіи, и въ тоже время можно основать журналъ, имѣющій совершенно ложныя понятія о книгахъ для юношества. «Исторія рыцарства» назначена, видите ли, для чтенія юношества. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», убѣжденъ что такое чтеніе будетъ для нашего юношества очень полезно; г. Г. В. согласенъ съ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», но отъ себя прибавляетъ, что чтеніе «Исторіи рыцарства» будетъ еще полезнѣе, ежели къ ней присоединить краткія свѣдѣнія изъ «Геральдики» г. Лакіера. На этомъ основаніи онъ *«во многомъ дополнилъ»*, по г. Лакіеру, пятую главу сочиненія Руа, посвященную гербамъ рыцарскимъ. За то изъ пятой главы вышло нѣчто чудовищно-занимательное, нѣчто до изнеможенія питательное для юныхъ умовъ. Прочтите, напр. хоть эти строки: что̀ можетъ быть полезнѣе и занимательнѣе для юношей?

«Въ основаніи геральдики слѣдующее правило: если поле покрыто какою нибудь краскою или мѣхомъ, то знаки должны быть покрыты металломъ и, наоборотъ, — если поле покрыто металломъ, то знакъ покрывается краскою или мѣхомъ. Это правило излагается такъ: не должно класть металлъ на металлъ и краску на краску. Дѣлать противное— значитъ совершенно *извращать науку геральдики*, потому что *геральдика*, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, *есть обширнѣйшій изъ всѣхъ языковъ, — языкъ сильный и величественный, съ своимъ синтаксисомъ, грамматикою и орѳографіею* (!!) Искусство геральдики состоитъ въ умѣньи читать и писать на этомъ нѣмомъ нарѣчіи. Нѣсколько краткихъ и поверхностныхъ замѣтокъ, относительно чтенія гербовъ, могутъ дать о геральдическомъ языкѣ нѣкоторое понятіе.» (стр. 40).

И затѣмъ слѣдуютъ *поверхностныя замѣтки*, страницахъ на десяти. Намъ показалось, что г. Г. В., вмѣстѣ съ Руа и самимъ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», могли бы съ успѣхомъ подвизаться на службѣ у того господина, который однажды, осматривая какой-то университетъ и узнавъ, что въ немъ есть *гербарій*, спросилъ: «что̀ же тутъ гербы только княжескіе, или всѣхъ занесенныхъ въ нестую часть?»

Говоря о рыцаряхъ, авторъ «Исторіи рыцарства» постоянно старается отдѣлить ихъ отъ феодальныхъ владѣльцевъ, которыхъ называетъ *злыми*, безпокойными и притѣснителями слабыхъ. На чемъ основываетъ авторъ такое раздѣленіе, мы не знаемъ; но оно даетъ ему легкій поводъ возводить рыцарей въ идеалъ благородства, великодушія, мира и любви и проч. По его мнѣнію,—рыцарство прямо вытекаетъ изъ христіанской религіи; со всѣми своими гербами, де-

визами, турнирами, и т. п. Не знаемъ, на сколько для нашихъ юношей полезно такое понятіе о христіанствѣ и о рыцарствѣ....

Точно такъ же сомнительно, чтобъ особенно благодѣтельное вліяніе произвели на юныхъ читателей тѣ страницы, въ которыхъ авторъ съ благоговѣніемъ разсказываетъ напр. о доблести рыцарей, которые, *«спѣша заслужить шпоры,* бросались въ самую чащу свалки»; или о турнирахъ, какъ «благородныхъ собраніяхъ, *въ которыхъ очищалась нравственность....»* Это можетъ послужить для юношей развѣ къ тому, что они, *спѣша заслужить шпоры,* побѣгутъ всѣ — просить, чтобы ихъ переименовали изъ коллежскихъ регистраторовъ въ корнеты или даже приняли юнкерами въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, *для очищенія ихъ нравственности....* Конечно, это было бы не дурно; да только зачѣмъ же это? У насъ войска и безъ того много; слѣдовательно, наплывъ юныхъ кандидатовъ въ современные рыцари, т. е. въ юнкера и корнеты, мало принесетъ существенной пользы отечеству....

Съ сокрушеніемъ сердца говоритъ авторъ о томъ, что рыцарскіе ордена съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ и наконецъ — увы! — сдѣлались простыми почетными знаками, изъ которыхъ иные — о горе! горе! *даются людямъ всякаго сословія и званія!...* Какая глубина паденія! Какой предметъ плача и стенаній для г. Руа, для его переводчика и для «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», основаннаго *самообъявленнымъ* поборникомъ безкорыстія, г. Вышнеградскимъ!...

Очерки и разсказы *И. Т. Кокорева.* **Москва. 1858 г. Три части.**

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ начали появляться въ «Москвитянинѣ» разсказы, подписанные фамиліею И. Кокорева. Не смотря на то, что «Москвитянинъ» не пользовался тогда хорошей репутаціей и мало читался, Кокоревъ скоро успѣлъ обратить на себя вниманіе публики. Его имя отдѣлилось отъ именъ обычныхъ вкладчиковъ «Москвитянина», вмѣстѣ съ именами Островскаго, Писемскаго, Потѣхина.... Его разсказы, раскрывавшіе подробности жизни ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ московскихъ, постоянно встрѣчали сочувствіе публики. Было время (въ 1852 г., послѣ напечатанія «Саввушки»), когда ожиданія отъ таланта Кокорева были очень велики; отъ него надѣялись серьёзнаго, глубоко-задуманнаго и строго выполненнаго произведенія изъ нашей городской-народной жизни, которую онъ зналъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и кото-

рой умѣлъ сочувствовать. Но черезъ два года потомъ (въ 1854 г.) Кокоревъ умеръ, ожиданія остались невыполненными; о смерти молодаго писателя было нѣсколько строкъ въ томъ журналѣ, гдѣ онъ участвовалъ, редакція журнала обѣщала въ скоромъ времени издать его сочиненія; но потомъ, какъ водится, забыли и о Кокоревѣ, забыли и объ обѣщаніи редакціи, (забытомъ ею самой), забыли и о самомъ журналѣ, который тоже скончался, недолго переживъ своего талантливаго сотрудника.

Теперь снова представляется случай вспомнить о Кокоревѣ: вышли его сочиненія, изданныя впрочемъ не редакціею «Москвитянина,» а однимъ изъ товарищей покойнаго — В. А. Дементьевымъ. Эти три, бѣдно и сѣро изданные томика наводятъ на мысли очень невеселыя. Въ нихъ человѣкъ, хотя нѣсколько знакомый съ закулисной жизнью журналистики, ясно читаетъ грустную исторію гибели таланта. Люди, находившіе въ Кокоревѣ зародыши сильнаго дарованія, цѣнившіе его горячую любовь къ работящимъ бѣднякамъ нашимъ, большею частію и не предполагали тѣхъ обстоятельствъ, которыя служили у него источникомъ этой любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и препятствовали свободному развитію его дарованія. Строгіе эстетическіе цѣнители хотѣли, чтобъ онъ дольше *вынашивалъ* въ душѣ свои произведенія, давалъ своимъ очеркамъ больше стройности, больше *объективировалъ* ихъ, лучше отдѣлывалъ со стороны внѣшняго изложенія... Но цѣнители не знали, въ какомъ отношеніи находились произведенія Кокорева къ его собственной жизни. Немногимъ было извѣстно, что эти очерки, изображающіе горькую бѣдность съ честнымъ трудомъ, а подъ-часъ и грязь, и забвеніе горя за чаркой, и невольное вліяніе изъ стороны въ сторону, что все это — воспроизведеніе того, что со всѣхъ сторонъ обхватывало и сжимало жизнь самого автора. Онъ не издали, не въ качествѣ дилетанта народности, не въ часы досуга, не для художественнаго наслажденія наблюдалъ и изображалъ жизнь бѣдняковъ, съ горемъ и часто съ грѣхомъ пополамъ добывающихъ кусокъ хлѣба. Онъ самъ жилъ среди нихъ, страдалъ съ ними, былъ съ ними связанъ кровно и неразрывно. Онъ недурно изображалъ мастеровыхъ, кухарокъ и извощиковъ; не мудрено: его трудами поддерживалось существованіе стараго, больнаго отца, ремесленника изъ вольноотпущенныхъ, давалась помощь его матери — кухаркѣ, его брату—извощику!... Ему ли было отдѣляться отъ героевъ своихъ произведеній и стараться объективировать ихъ! Ему ли было заботиться о *вынашиваніи* въ душѣ своихъ образовъ, объ изящности ихъ отдѣлки! Будь какая угодно артистическая натура, но трудно усадить въ живописное положеніе больнаго отца, чтобы съ него нарисовать изящный портретъ нища-

го старика; трудно томить его голодомъ, чтобы, смотря на его страданія, *выносить* въ душѣ образъ голодной бѣдности и потомъ съ эпическимъ спокойствіемъ выставить его на-показъ міру... Нищета семейная, безотрадное, насущное, сосущее горе, въ какомъ проходила жизнь Кокорева, мало благопріятствуетъ ровному и спокойному теченію мыслей. Немудрено, что его разсказы и очерки выливались изъ души лирическимъ порывомъ, что о каждомъ бѣдномъ ванькѣ, о кулакѣ, о мастеровомъ — онъ разсказывалъ съ такимъ кроткимъ и теплымъ чувствомъ, какъ будто бы говорилъ о своемъ родномъ братѣ. Пускался онъ иногда и въ шуточки, старался смѣшить и смѣяться; но это какъ-то не шло къ его тону, не къ лицу ему было: губы его какъ будто складывались въ улыбку, а на глазахъ блестѣли слезы. И только этими невольными, кроткими слезами, да этой робкой, неудачной улыбкой — и сказался онъ міру. Ни отчаяннаго стона, ни могучаго проклятія, ни жолчной, кроваво-оскорбляющей иронiи — ни разу не вылетѣло изъ этого нѣжнаго, терпѣливаго сердца. Онъ какъ будто забитъ, запуганъ былъ жизнью; онъ боялся поглубже заглянуть въ свое сердце, разбередить его раны, поднять со дна души вѣчные вопросы о правдѣ, о счастьи, о честномъ трудѣ и объ участи бѣдныхъ тружениковъ на этомъ свѣтѣ... Покорно склонился онъ передъ своей судьбой, и исканіе лучшаго только и выразилось у него въ этой скорбной, иногда и фальшивой, но всегда берущей за сердце,—пѣсни о жалкомъ трудѣ и о жалкой бѣдности. Разсказы его — не протестъ противъ общественной неправды, не плодъ мстительнаго раздраженія; въ нихъ нѣтъ желанія отравить вамъ нѣсколько минутъ изображеніемъ житейской неправды и незаслуженныхъ страданій. Напротивъ, въ произведеніяхъ Кокорева есть даже какая-то попытка примиренія, въ нихъ слышится тонъ не допроса и суда, а скорѣе задушевной, грустной исповѣди за себя и за своихъ братьевъ. Но исповѣдь эта наводитъ на васъ тоскливыя думы, въ нихъ не разсѣиваетъ даже оптимизмъ автора, нерѣдко выражаемый имъ въ лирическихъ строкахъ, подобныхъ напр. слѣдующему обращенію къ самовару (въ очеркѣ «Самоваръ»): «не богаты мы съ тобой, часто стучится къ намъ въ дверь нужда: такъ и объ этомъ нечего тужить. Вонъ черезъ улицу отъ насъ, яркими огнями горитъ огромный домъ, толпы кружатся въ великолѣпныхъ его залахъ: но искренно ли веселѣе насъ эти улыбающіяся лица и съ большимъ ли аппетитомъ кушаютъ они чай изъ серебрянаго самовара? Едва ли. А завтра, когда утомленные добровольными муками, они только-что сомкнутъ глаза, мы будемъ съ тобою уже на ногахъ, и солнышко, не смѣя пробраться за шелковыя занавѣсы, первыхъ насъ поздравитъ съ добрымъ утромъ»... Читая подобныя размышленія, вы соглашаетесь съ авто-

ромъ относительно добровольныхъ мукъ; но вы не можете на этомъ успокоиться, потому что очень хорошо знаете, что *добровольныя* муки все-таки несравненно лучше *невольныхъ*... Не даромъ же въ императорскомъ Римѣ считалось большою милостью предоставленіе преступникамъ права избрать себѣ родъ смерти!...

Но отчего же такое горе, такая бѣдность постоянно терзали Кокорева? Вѣдь онъ писалъ, обнаруживалъ дарованіе, любилъ трудиться; неужели не было средства обезпечить его, дать ему возможность жить и развиваться спокойно? Неужели, наконецъ, онъ ничего не получалъ за свои труды? Мы знаемъ столько людей, которые живутъ литературою, и живутъ безбѣдно; а потребности Кокорева были, безъ сомнѣнія, очень скромны...

Что отвѣтить на эти вопросы? Мы не знали Кокорева, не знали его отношеній къ журналу, въ которомъ онъ участвовалъ; но вотъ выдержка изъ письма одного изъ его знакомыхъ, которое, вскорѣ послѣ его смерти, было напечатано въ Пантеонѣ (1855 г. № 5). Читайте и судите.

«Кокоревъ не имѣлъ меценатовъ; ему никто не протягивалъ руки помощи. Въ потѣ лица добывалъ онъ хлѣбъ себѣ и семейству. Онъ работалъ чаще *по заказу*, чѣмъ *по вдохновенію*, чтобы только обезпечить существованіе отца, матери, брата. Кого обвинять? Мы не посмѣемъ произносить никому укора: «дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ». Его старались ввести въ кругъ людей *съ весомъ*, положеніе его безъ всякаго сомнѣнія улучшилось бы, но онъ держался мудраго правила: *pour vivre heureux, vivons caché!*

«Я не слыхалъ отъ него никогда ропота, жалобы на горькій жребій; казалось онъ былъ доволенъ своей судьбой, принималъ видъ веселаго, беззаботнаго, а между тѣмъ преждевременно—согбенный станъ, быстрая, отрывистая рѣчь, — доказывали въ высшей степени развившуюся дѣятельность нервной системы, результатъ внутренней борьбы, упорной, но сосредоточенной!...

«Пріѣхавъ въ Москву, я продолжалъ по прежнему трудиться для одного единственнаго московскаго журнала. Редакторъ его объявилъ мнѣ, «что такимъ-то отдѣломъ завѣдываетъ Кокоревъ, поэтому и нѣкоторыя ваши статьи переданы ему. Хотите познакомиться съ нимъ, сходите сами; онъ живетъ на Самотекѣ въ *** переулкѣ, домъ вамъ укажетъ всякій»!

«Я былъ душевно радъ познакомиться съ авторомъ «Саввуши», «Кухарки» и многихъ другихъ прекрасныхъ разсказовъ, и отправился.

«Ищу часъ, другой: никто и не слыхалъ такой фамиліи. Боже, въ цѣломъ кварталѣ никто не знаетъ человѣка, имя котораго произносятъ съ уваженіемъ по крайней мѣрѣ цѣлая треть читающей Россіи!...

«Какъ ни далеко Дѣвичье Поле, я возвращаюсь туда къ редактору и пускаюсь въ новый путь съ совѣтомъ *справиться въ кварталѣ*.... Прой-

дя по обширному грязному двору, отыскиваю наконецъ самую уединенную избенку съ двумя окнами, обращенными къ забору за конюшней, и отворяю двери: копоть и мракъ ужаснули меня... Нѣсколько минутъ я ничего не могъ разглядѣть, задыхаясь отъ плотно сгустившагося воздуха. Когда предметы мало по малу яснѣе начали обозначаться, я осмотрѣлся: въ углу, на голомъ деревянномъ канапе, отдыхалъ старикъ, бѣлый, какъ лунь. Глухой кашель м[illegible]лъ его. Приподнимаясь съ усиліемъ, онъ нѣсколько минутъ не могъ [illegible]зать ни слова. Я предупредилъ его, прося сохранить свое положеніе. Ясно,—я ошибся: я просилъ извиненія и прощаясь спросилъ; не можетъ ли онъ сказать мнѣ, гдѣ живетъ г. Кокоревъ? Въ это время въ двери сосѣдней комнаты высунулась голова какого-то молодаго человѣка; онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня.

«Я повторилъ мой вопросъ, прибавивъ: Кокорева, писателя, сотрудника «Москвитянина».

«Въ такомъ случаѣ я къ вашимъ услугамъ; не угодно ли вамъ войти въ мою комнату»,—продолжалъ онъ, замѣтно смутившись. Я повиновался. Комната, въ которую я вошелъ, освѣщалась двумя окнами: стулъ, столикъ, заваленный бумагами, кроватка, изъ подъ которой выглядывали книги и журналы; рядомъ съ чернилами бутылка на столѣ, исправляющая должность отсутствующаго подсвѣчника,—вотъ все, что я нашелъ въ мастерской художника, въ которой столько передумано, перечувствовано, художнически воспроизведено... Какъ много людей, безплодно обременяющихъ землю своимъ жалкимъ существованіемъ, располагаютъ богатыми средствами, не зная ни цѣны, ни прямаго назначенія ихъ... а онъ, это благородное существо, возвысившееся надъ опытомъ, который взростилъ его, и силою крѣпкаго самостоятельнаго ума и прекрасными хотя тревожными стремленьями сердца!... Мать—кухарка, отецъ—слабый, больной старикъ, не покидающій постели (вольноотпущенный), братъ—извощикъ.... И не пасть, и самоотверженно, твердо нести крестъ свой, и гордо торжествовать въ борьбѣ съ подвигомъ жизни, — какое вѣское, многознаменное слово оставилъ онъ на память о себѣ быту, среди котораго выросъ! Авторъ «Саввушки» не скоро умретъ, принадлежа исторіи литературы.

«Онъ гордо отвергъ многія выгоды жизни, чтобы только сохраниться, и вся жизнь его представляетъ трогательное служеніе искусству, слѣдовательно и обществу.

«Одно меня непріятно поразило въ немъ; онъ стыдился своего положенія; онъ не былъ радъ посѣщенію незнакомца, рѣчь его была не искренна, онъ былъ въ большомъ смущеніи, и мнѣ было досадно за него.

«Я встрѣчался съ нимъ еще нѣсколько разъ. Не могу забыть одной изъ этихъ встрѣчъ: редакторъ изданія, для котораго онъ постоянно трудился, уѣзжая за границу, поручилъ ему завѣдываніе редакціей и далъ болѣе 50-ти руб. сер. Съ какой восторженной радостью летѣлъ онъ домой! Видно, давно, очень давно не видалъ онъ такой суммы!...

«Послѣдняя встрѣча испугала меня; пламя таланта, сосредоточенное, безысходное страданіе пожирали нѣжную организацію; онъ угасалъ замѣтно. Труды огромные истощали всѣ его силы, убивали здоровье—и за все его вознаграждали даже, какъ поденщика! Люди промышленные пользовались его страстію къ литературѣ и крайностію положенія.

«А между тѣмъ мы знаемъ, мы читаемъ, что въ Москвѣ каждый талантъ, каждое предпріятіе, основанное на истинной пользѣ, найдутъ благородное сочувствіе, привѣтъ. Приведемъ по этому случаю слова одного изъ важнѣйшихъ московскихъ ученыхъ, г. Погодина: «Молодые люди, желающіе трудиться на поприщѣ науки! Сносите терпѣливо всѣ неудачи, не охлаждайтесь никакими отказами, не приходите въ отчаяніе отъ препятствій.... А вы, отъ которыхъ зависитъ.... Но лучше я обращусь къ себѣ, ибо я самъ занялъ подобное мѣсто.... Я произношу здѣсь обѣтъ—содѣйствовать всѣми силами ученымъ предначертаніямъ, возбуждать ихъ къ общеполезной дѣятельности искренними совѣтами, ободрять ихъ ласковыми пріемами, оживлять пріятными надеждами въ началѣ, доставлять нужную помощь въ продолженіи, употреблять всѣ зависящія отъ меня средства предъ начальствомъ и публикою при окончаніи ихъ трудовъ, чтобы дѣлались эти труды извѣстными, доставляя имъ честь и выгоду, и проч. и проч. («Москвитянинъ» № 4 за 1855 г. стр. 88). Вѣроятно подобныя надежды и обѣщанія поддерживали и Кокорева.

«Вскорѣ онъ умеръ въ госпиталѣ, въ жестокой нервной горячкѣ».

Такъ вотъ въ какихъ отношеніяхъ находился Кокоревъ къ издателю журнала, въ которомъ былъ постояннымъ сотрудникомъ... Однако, что же онъ дѣлалъ въ журналѣ? Стало быть, не одни очерки и разсказы сочинялъ онъ; стало быть, издатель умѣлъ извлечь и другую пользу изъ его дарованія и трудолюбія? Конечно, умѣлъ: доказательство—въ изданныхъ нынѣ сочиненіяхъ Кокорева. Половина второй и почти половина третьей части имъ заняты журнальными статьями, написанными очевидно по заказу, натянутыми, напряженными, отличающимися какой-то, несвойственной Кокореву, размашистостью, неловкимъ умничаньемъ и претензіями... Нѣсколько лѣтъ поставлялъ онъ для «Москвитянина» рецензіи глупыхъ книжонокъ для «Библіографіи» и мелкія статейки для «Смѣси». Теперь онѣ всѣ собраны и изданы усердіемъ г. Дементьева,—и Боже мой! чего тутъ нѣтъ, до чего была доведена эта свѣжая, поэтическая натура, на что растрачивался этотъ оригинальный талантъ!.. Вотъ разборъ «Хиромантіи дѣвицы Ленорманъ», вотъ рецензія, «Стряпухи», вотъ двѣ страницы о «Новомъ способѣ истребленія клоповъ и таракановъ,» вотъ «Воззваніе къ крысоистребителямъ», вотъ статейка, критикующая слогъ объявленія тифлисскаго роднаго магазина, замѣтка «о мази отъ выпаденія волосъ», о подмѣлкѣ подъ вдову Клико, о новой мужикъ-полькѣ

и пр. и пр. Какой талантъ, какая поэзія можетъ сохраниться въ человѣкѣ, принужденномъ убиваться надъ такими предметами?... Никто изъ читавшихъ «Москвитянинъ» и любовавшихся разсказами Кокорева, не предполагалъ, конечно, что этотъ же самый человѣкъ, тутъ же черезъ нѣсколько страницъ, смастеритъ какія нибудь замѣтки о парикмахерскомъ объявленіи, о новомъ полнѣйшимъ оракулѣ, о пріютѣ визитныхъ карточекъ, и т. п. Грустно перебирать эти замѣтки въ собраніи сочиненій Кокорева, грустно за него и горько на тѣхъ, кто его довелъ до такихъ занятій. Они не мало повредили развитію его таланта. Когда мы пересматривали «Рецензіи» и «Смѣсь» Кокорева, насъ все преслѣдовалъ слово одного дюжиннаго живописца, выведеннаго самимъ же Кокоревымъ въ разсказѣ «Сибирка»: «правду сказать, не хвастая, — если бы не городская работа, гдѣ пиши одно и тоже, по извѣстной мѣркѣ, да клади побольше яркихъ красокъ, чтобы не даромъ платить деньги, какъ толкуютъ покупщики; если бы не это вѣчное малярство, да не нужда, которая часто заставляетъ работать на скорую руку, съ грѣхомъ пополамъ,—можно бы написать не хуже людей, хоть въ академію».

Можетъ быть, многіе изъ черноработныхъ тружениковъ, ничего не имѣющихъ въ жизни, кромѣ своего труда,—оказались бы *не хуже людей*, если бы нужда не заставляла ихъ работать на скорую руку. Но имъ некого винить, кромѣ судьбы, если трудъ ихъ по крайней мѣрѣ оплачивается, какъ слѣдуетъ, и если ихъ не вынуждаютъ къ работѣ, противной ихъ наклонностямъ. Кокореву не дано было и этихъ ничтожныхъ льготъ, и за него общество могло бы спросить отчета еще у кого нибудь, кромѣ слѣпой и неразумной судьбы... Люди, эксплуатировавшіе его, загубили его талантъ и самую жизнь. Въ коротенькомъ предисловіи къ изданію его сочиненій, мы находимъ между прочимъ грустное извѣстіе, что «Кокоревъ умеръ въ молодыхъ годахъ жертвою неправильной жизни, къ которой привыкъ рано, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ». Что это были за обстоятельства, мы вѣроятно узнаемъ подробнѣе изъ его біографіи, которую г. Дементьевъ обѣщаетъ издать въ скоромъ времени.

Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ разсказанная. Новое изданіе *Григорія Книжника*. Спб. 1859.

Въ прошломъ году одна газета увлеклась патріотическимъ негодованіемъ по поводу энтузіазма русской публики къ иностранкѣ Юліи Пастранѣ. «Вотъ, говоритъ,—поверхностные космополиты, въ своемъ близорукомъ верхоглядствѣ, полагаютъ, что такіе уроды, какъ Юлія

Пастрана, не могутъ родиться въ Россіи, а непремѣнно должны привозиться изъ-за границы. Неправда,—говоритъ; —они полагаютъ такъ потому, что не знаютъ Россіи, не присматриваются къ ея явленіямъ.... Да ужь если на то пошло, говоритъ,—такъ у насъ этакіе уроды вовсе не рѣдкость»..... И въ доказательство своихъ словъ патріотически-задорная газета представила, рядомъ съ портретомъ миссъ Пастраны, портретъ какой-то русской женщины съ бородою....

Тотъ же самый патріотизмъ, только вывороченный совершенно-наизнанку, мы встрѣтили недавно въ одномъ печатномъ сужденіи о Ванькѣ Каинѣ. На этотъ разъ патріотизмъ разыгрался по поводу заглавія книги о Каинѣ. Въ старинныхъ изданіяхъ она озаглавливается такимъ образомъ: «Жизнь и похожденія *россійскаго Картуша*, именуемаго Каина». Вотъ по этому-то случаю неизвѣстный патріотъ и разсуждаетъ: «къ сожалѣнію, — говоритъ, французскій мошенникъ имѣлъ у насъ больше популярности, чѣмъ свой, доморощенный, и вотъ въ заглавіи книги, чтобы дать ей болѣе хода, выставили имя Картуша. Но въ сущности, говоритъ, — сходства между ними мало: тотъ былъ, говоритъ,—и образованный, и убійства дѣлалъ, и казненъ былъ; а нашъ едва грамотѣ зналъ, не убивалъ никого, и наказаніе его смягчено было.... такъ что, говоритъ,—нашъ Каинъ совершенно самъ по себѣ, и только неосновательное и легкомысленное пристрастіе къ французамъ могло заставить прировнять его къ Картушу». Порадовались мы такому развитію патріотизма въ нашемъ отечествѣ и чуть-чуть не пожалѣли: зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ Ванька Каинъ не совершилъ дѣяній, которыя бы пріобрѣли ему популярность еще большую, нежели какую стяжалъ себѣ Картушъ?...

Но отъ патріотическихъ радостей и сожалѣній должны были мы перейти къ разсмотрѣнію книжки, изданной Григорьемъ Книжникомъ. Въ книжкѣ этой не безъ огорченія усмотрѣли мы, что дѣйствительно Ванька Каинъ въ подметки не годится Картушу, и это убѣжденіе навело насъ на мысль, что, можетъ быть, прозваніе *россійскаго Картуша* придано ему даже вовсе не изъ легкомысленнаго подражанія французамъ, а просто для пущей важности, въ томъ родѣ, какъ если бы его назвали напримѣръ новѣйшимъ Соловьемъ Разбойникомъ или вторымъ Стенькою Разинымъ... Дѣло въ томъ, видите ли, что Каинъ былъ плутъ весьма мелкой руки, и въ наши времена его мигомъ скрутила бы полиція. Да и тогда его ловили безпрестанно, и онъ спасался не хитрыми штуками или отчаянной храбростью, а просто тѣмъ, что выдавалъ своихъ товарищей и самъ напрашивался въ сыщики. Его схватили на воровствѣ, а онъ «*слово и дѣло*» закричалъ, вслѣдствіе чего отосланъ былъ въ тайную канцелярію, оговорилъ помѣщика своего и «въ скоромъ времени получилъ

отъ оной тайной канцеляріи для житья вольное письмо» (стр. 9), съ которымъ опять принялся за воровство. Въ другой разъ попался онъ —и подъячему посулилъ взятку, вслѣдствіе чего опять былъ отпущенъ и получилъ паспортъ на два года (стр. 27). Въ третій разъ избавился онъ посредствомъ подкупа «стоящаго на карауле въ полиціи вахмистра» (стр. 32). Наконецъ онъ сталъ уже мошенничать по Москвѣ полной рукой, послѣ того, какъ въ сенатѣ объявилъ, что онъ воръ и знаетъ другихъ воровъ и разбойниковъ—не только на Москвѣ, но и въ другихъ городахъ». Тогда онъ во всемъ прощенъ былъ «и притомъ приказано ему было, чтобъ старался такихъ людей воровъ впредь сыскивать, и для того сыску данъ ему былъ отъ сената указъ и опредѣлена была для вспоможенія команда». (стр. 48). Тутъ ужь ему опасаться было нечего: знай себѣ мошенничай, сколько душа желаетъ.... Въ то время еще полицейское управленіе было не развито. Въ настоящее время (когда поднято столько общественныхъ вопросовъ и когда о полиціи сказано столько теплыхъ словъ) не можетъ, конечно, повториться подобное явленіе,—ибо всѣ понимаютъ, что нельзя оправдать вора за то, что онъ обвинитъ другихъ воровъ; всѣ знаютъ, что вору и мошеннику не слѣдуетъ поручать преслѣдованія воровства и мошенничества; взятки въ настоящее время сдѣлались рѣдкимъ исключеніемъ, о которомъ, какъ о неслыханной диковинкѣ, публикуютъ въ газетахъ *для предостереженія*... Ясно, что живи Ванька Каинъ *въ настоящее время*, его бы первый будочникъ обратилъ на путь добродѣтели, лишивши всякой возможности мошенничать. А въ старину, извѣстное дѣло, этакимъ мелкимъ плутишкамъ было сполагоря: гласности не было, не обличалъ ихъ никто.... такъ чего же вы тутъ хотите?... А теперь.... да теперь стоило бы только Ванькѣ Каину сходить въ Александринскій театръ да посмотрѣть на становаго Фролова, добродѣтельно разшаркивающагося передъ генераломъ, или послушать, какъ комильфотный Надимовъ оретъ объ искорененіи зла съ корнями.... Тутъ какой хочешь будь мошенникъ, а душа въ пятки уйдетъ, и отпадетъ всякая охота предлагать взятки мелкимъ чиновникамъ.... Да, ужь теперь не то, что было прежде: такіе маленькіе воришки, какъ Ванька Каинъ, успѣха имѣть ужь не могутъ.... Общество не такъ ужь низко стоитъ: подымай выше.

Впрочемъ, что намъ до общественныхъ вопросовъ? Насъ ждутъ интересы гораздо болѣе важные. Исторія Ваньки Каина издана Григоріемъ Книжникомъ, слѣдовательно въ ней нужно искать интереса библіографическаго. Незнакомые съ библіографіею, мы просили одного изъ друзей нашихъ,—непризнаннаго, но страстнаго библіографа, разсмотрѣть изданіе Григорія Книжника съ библіографиче-

ской и историко-литературной точки зрѣнія. Другъ нашъ объявилъ намъ, что «Жизнь Ваньки Каина» представляетъ чрезвычайно-важное пособіе для исторіи литературы, и особенно для объясненія сочиненій князя Антіоха Кантемира. Мы приведены были въ нѣкоторое изумленіе; но библіографическій другъ нашъ не замедлилъ представить доказательства

«Въ первой сатирѣ Кантемира, началъ библіографъ,—говорится о Медорѣ, который полагаетъ, что (стихъ 112-й)

Рексу, не Цицерону похвала достоитъ.

Кто такой *Рексъ*, въ исторіи литературы свѣдѣній доселѣ не было. Только въ изданіи Кантемира 1762 г. (которое нынѣ очень рѣдко; оно есть у меня), къ означенному стиху сдѣлано примѣчаніе: «Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ нѣмчинъ, а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля сабинскаго (1). Нынѣ примѣчаніе это вполнѣ подтверждено однимъ мѣстомъ въ «Жизни Ваньки Каина». Въ ней сказано: «поцыли въ туже Нѣмецкую Слободу, къ дворцовому закройщику Рексу» (2). Изъ этого видно, что дѣйствительно Рексъ былъ портной, и по всей вѣроятности нѣмецъ, ибо жилъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Конечно, тамъ могъ жить и русскій человѣкъ; но, по свидѣтельству г. Устрялова (3) въ Нѣмецкой Слободѣ издавна «поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй», и во времена Кантемира населеніе ея было, конечно, по преимуществу иноземное. Кромѣ того, — въ «Жизни Ваньки Каина», на той же страницѣ есть еще черта, бросающая нѣкоторый свѣтъ на жизнь и характеръ Рекса. «Какъ настала ночь, говорится здѣсь,—то тотъ Рексъ и живущіе съ нимъ въ домѣ обдержимы были сномъ» (4). Отсюда ясно, 1) что Рексъ жилъ не одинъ въ домѣ, и 2) что онъ имѣлъ мирныя наклонности, ибо по ночамъ спалъ, а не кутилъ. Такимъ образомъ предъ нами нѣсколько разъясняется лицо, имѣющее свою долю значенія въ исторіи русской литературы.

Далѣе: во второй сатирѣ Кантемира есть стихи (5):

Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична).

---

(1) Сат. и др. стих. сочиненія кн. Ан. Кантемира. Спб. 1762 г., стр. 9.
(2) См. Жизнь В. К., стр. 11.
(3) См. Ист. Петра Вел. т. II, стр. 107.
(4) См. Ж. В. К. стр. 11 — 12.
(5) См. стихъ 290, слѣд. Въ изд. 1762 г. стр. 32.

Въ «Жизни Ваньки Канна» разсказывается обстоятельство, подтверждающее слова Кантемира. Тамъ (1) говорится, что однажды Канинъ съ товарищами не могли утащить всѣ покраденныя вещи, разбросали ихъ въ грязи, на Чернышевомъ дворѣ, и затѣмъ привезли одну знакомую бабу, какъ будто бы барыню, которая заставила ихъ эти вещи собирать и домой отвезти. Здѣсь между прочимъ замѣчено: «въ тожь время, чтобы проѣзжающіе мимо насъ люди дознаться не могли, то рѣченная барыня бранила насъ и била по щекамъ, говоря притомъ: «что де вамъ дома смотрѣть было не можно ли, все ли цѣло»? (2). Что эта черта нравовъ не вымышлена, видно изъ того, что она подтверждается многими мѣстами изъ сочиненій нашихъ писателей прошлаго вѣка. Такъ въ «Недорослѣ» Скотининъ спрашиваетъ: «да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу своего, когда захочетъ» (3)? Такъ въ «Живописцѣ»....

Но на «Живописцѣ» мы прервали нашего библіографическаго друга, зная, что если ужь онъ попадетъ на сатирическіе журналы прошлаго вѣка, то отъ него дня три не отдѣлаешься.... Читатели впрочемъ не лишаются надежды увидѣть его изысканія: онъ обѣщалъ уже намъ сочинить библіографическій трактатъ, по поводу новаго изданія Григорія Книжника.

---

(1) Ж. В. К. стр. 15.
(2) Ж. В. К. стр. 16.
(3) Соч. Фонъ-Визина, изд. 1852 г., стр. 181.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КНЯЗЯ МИЛОША ОБРЕНОВИЧА ВЪ СЕРБІЮ.

Въ Сербіи въ теченіе 50 лѣтъ произошло 5 революцій; сообразно съ обычаями сербскаго племени, всѣ эти перевороты имѣли чисто демократическій характеръ.

Сербы, съ оружіемъ въ рукахъ пріобрѣли себѣ и свободу политическую, — и съ нею народно-экономическую независимость. Подъ турецкимъ владычествомъ сербы не имѣли своего дворянства. Территоріальное дворянство составляли турки. Съ сверженіемъ ихъ владычества естественнымъ образомъ совпало уничтоженіе этого дворянства и переходъ земли въ руки прежнихъ райевъ. Образовалось сословіе вольныхъ поселянъ, изъ которыхъ каждый завладѣлъ частью оставленныхъ земель; прежнія большія имѣнья раздѣлились. Между тѣмъ какъ въ Молдавіи и Валахіи вся территорія находится въ рукахъ 8,000 боярскихъ семействъ, въ Сербіи средняя величина участковъ не превосходитъ 10 — 15 десятинъ. Въ Сербіи нѣтъ ни большихъ территоріальныхъ владѣльцевъ (*) ни дворянства; и вотъ почему въ Сербіи всякое политическое движеніе должно необходимо быть движеніемъ демократическимъ. Этотъ характеръ основанъ на внутреннихъ экономическихъ причинахъ. Вотъ точка, съ которой надобно смотрѣть на сербскія революціи вообще и на послѣднюю въ особенности. Съ удивленіемъ была вездѣ принята вѣсть о томъ, что народное собраніе безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ низложило князя и захватило верховную власть. Но по сербскимъ обычаямъ — это вещь очень натуральная. Въ первое сербское возстаніе противъ

(*) Значительнѣйшая часть имѣній немногихъ сербскихъ «бегчій» находится въ Валахіи.

турецкаго владычества, въ 1804 году, Георгій Черный считался совершенно равнымъ съ людьми, сражавшимися противъ турокъ подъ его предводительствомъ. Его слушали, какъ самаго храбраго и способнаго, да и то исключительно въ дѣлѣ сопротивленія туркамъ. Въ дѣлахъ внутреннихъ онъ постоянно былъ принужденъ собирать скупштину. Тоже явленіе мы видимъ и во второе возстаніе противъ турокъ, въ 15-мъ году, подъ руководствомъ Милоша, который, тотчасъ послѣ удаленія Георгія Чернаго изъ Сербіи, счелъ себя въ правѣ занять его мѣсто, по той простой причинѣ, что сознавалъ въ себѣ присутствіе тѣхъ же талантовъ. — Очевидно, что, при такомъ происхожденіи княжескаго достоинства, верховная власть собственно принадлежитъ народу; и весьма естественно, что народъ считаетъ себя въ правѣ низложить князя, котораго самъ надъ собой поставилъ. Сербы не могутъ чувствовать къ своему князю того робкаго благоговѣнія, которое является у подданныхъ государства, гдѣ монархическое начало развилось исторически; у нихъ существуетъ цѣлое поколѣніе, которое видѣло, чѣмъ князь былъ прежде, знаетъ, какъ онъ былъ сдѣланъ княземъ, и потому смотритъ на него чрезвычайно просто. Въ 43 году скупштина собственною властью возвела на престолъ Александра Карагеоргіевича; — другая скупштина въ 58 году сочла себя въ правѣ низложить его.

Вторичное избраніе Милоша человѣку, знающему причины его изгнанія въ 1842 году, представляется несообразностью. Почему Милошъ былъ принужденъ отречься отъ престола и жить въ изгнаніи? Потому, что онъ противился установленію конституціи и хотѣлъ править на восточный ладъ, какъ христіанскій паша. Какъ же чисто демократическая скупштина, считающая нарушеніе конституціи княземъ Александромъ достаточною причиною для его низложенія, возвращаетъ теперь власть Милошу? Но эта несообразность разъясняется чувствами сельскаго населенія, господствующаго въ Сербіи. Оно привыкло видѣть въ Милошѣ освободителя его отъ турецкаго ярма и основателя народнаго правительства, оно привязано къ нему, какъ обыкновенно первобытные народы привязываются къ своимъ вождямъ. Конечно дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ, если бы зависѣло отъ тѣхъ сословій, которыя, по прекращеніи совершенно первобытнаго состоянія народа, поднялись надъ его уровнемъ. Во время прежняго владычества Милоша, они вступали съ нимъ въ столкновенія, чтобы оградить себя и первобытное состояніе государства замѣнить стройнымъ порядкомъ. Они составили конституцію (Уставъ), которая должна была ограничить Милоша. — Естественно, что Милошъ, до тѣхъ поръ правившій по своему произволу, не хотѣлъ согласиться на ихъ требованія. Сѣд-

ствіемъ его сопротивленія былъ переворотъ, ловко подготовленный и быстро произведенный тріумвиратомъ, состоявшимъ изъ Вучича, Петроневича и Ефрема Обреновича (брата князя). Милошъ былъ принужденъ отказаться отъ престола въ пользу сына. Какъ теперь, такъ и тогда, явилась депутація въ Конакъ (княжескій дворецъ) и потребовала отреченіе Милоша. Какъ теперь, такъ и тогда, Вучичъ сказалъ князю: «Господинъ, народъ не хочетъ болѣе имѣть тебя княземъ.» — «Коли народъ меня не хочетъ, такъ и я не стану ему навязываться,» — отвѣчалъ Милошъ. Отвѣтъ тѣмъ больше замѣчательный, что, пользуясь привязанностью народа, Милошъ легко могъ зажечь междоусобную войну и удержаться на престолѣ.

Захочетъ ли теперь Милошъ, привыкшій руководствоваться произволомъ, терпѣть вмѣшательство скупштины? Милошъ никогда ея не боялся. Во время своего правленія онъ созывалъ ее нѣсколько разъ. Конечно прежде она имѣла не совсѣмъ тотъ характеръ, какъ теперь, когда она имѣетъ видъ парламента. Прежде народъ, сходясь изъ разныхъ округовъ, собирался подъ открытымъ небомъ; Милошъ являлся къ нему, и пользуясь своимъ извѣстнымъ краснорѣчіемъ и рѣдкимъ знаніемъ народнаго характера, легко убѣждалъ собраніе соглашаться на всѣ его предложенія. Теперь скупштина составлена изъ людей правильно выбранныхъ, которые дѣйствительно могутъ быть названы представителями народа. Между ними есть люди, учившіеся въ Гейдельбергѣ или въ Парижѣ, и проникнутые парламентскимъ духомъ. Они едва ли уступятъ, если Милошъ захочетъ продолжать свой прежній образъ правленія. Но Милошу теперь 80 лѣтъ, и жить ему остается конечно не долго, а сынъ его Михаилъ отличается умомъ и образованностью, и на него больше всего надѣются образованные сербы; притомъ 20-ти лѣтнее изгнаніе, безъ сомнѣнія, сильно измѣнило образъ мыслей стараго князя, и многое, что онъ прежде считалъ необходимымъ совершать съ драконовскою строгостію, теперь вѣроятно не повторится.

Чтобы понять характеръ нынѣшнихъ событій въ Сербіи, надобно припомнить главные факты со времени перваго отреченія Милоша. Паденіе Милоша въ 1839 году было произведено происками нѣсколькихъ честолюбивыхъ вельможъ и въ особенности Вучича. Замыселъ ихъ удался, но народъ въ немъ не участвовалъ. Милошъ, старшій сынъ и законный преемникъ Милоша, былъ человѣкъ больной и умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Зависть вельможъ была главной причиной, помѣшавшей Вучичу овладѣть престоломъ. Тогдашняя каймакамія рѣшилась дать странѣ другаго князя. Чтобы уничтожить въ родѣ Обреновичей право престолонаслѣдія, была созвана скупштина, и уже по ея выбору, а не по праву наслѣдства, престолъ былъ

отданъ второму сыну Милоша, Михаилу. Вучичъ и приверженные къ нему вельможи думали было принять на себя роль опекуновъ молодого князя, но, встрѣтивъ въ немъ замѣчательную энергію и силу характера, рѣшились на новый правительственный переворотъ. Въ ожиданіи этого событія, они призвали въ Сербію Александра Карагеоргіевича, младшаго сына Георгія Чернаго, находившагося тогда въ Валахіи. Ограниченность ума и слабость характера этого человѣка, казалось, какъ нельзя лучше соотвѣтствовали ихъ планамъ. Михаилъ весьма милостиво и безъ всякихъ подозрѣній взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ 1842 году планъ Вучича созрѣлъ. Ему удалось свергнуть князя Михаила. Скупщтина, созванная Вучичемъ и большею частью состоявшая изъ наемныхъ цыганъ, выбрала княземъ Александра Карагеоргіевича. Послѣ этого переворота Вучичу дѣйствительно удалось захватить власть; Александръ пользовался только титуломъ князя. Во всѣхъ этихъ дворцовыхъ переворотахъ принимали дѣятельное участіе турецкіе комиссары, на долю которыхъ перепалъ не одинъ сверточекъ золота изъ оставленной Милошемъ народной запасной казны, которая такъ помогала Вучичу и его партіи. Народъ, утомленный притѣсненіями олигарховъ, не разъ пытался освободиться отъ нихъ и снова вручить власть человѣку изъ рода Обреновичей; но подавляющая система Вучича установила наконецъ въ странѣ видимое спокойствіе. Между тѣмъ родственники княгини съ помощью интригъ и деспотизма заняли всѣ важнѣйшія должности и пріобрѣли этимъ перевѣсъ надъ Вучичемъ, котораго вліяніе тогда значительно ослабло. Ненадовичи заняли его мѣсто въ управленіи безграничнымъ княземъ, старался и все государственное устройство привести въ состояніе крайняго разслабленія. Сенатъ, состоявшій преимущественно изъ людей ограниченныхъ, былъ значительно пополненъ людьми лишенными всякой самостоятельности. Въ послѣднее время правленія Александра сдѣлалось рѣзкой чертой, съ помощью которой партія Ненадовичей распоряжалась всѣмъ по произволу и разорила страну. Бѣдствія народа постоянно увеличивались. Онъ впалъ въ глубокую апатію, и только событія послѣдняго времени показали, что въ глубинѣ души его еще сохранились неиспорченныя чувства.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые сенаторы думали о низложеніи Александра и о возвращеніи престола Милошу; но планъ этотъ въ самомъ началѣ былъ открытъ Ненадовичами, и онъ дорого за него поплатились. Вучичъ, надѣявшійся овладѣть престоломъ, скрытно поддерживалъ составителей этого плана. Впослѣдствіи онъ однако перемѣнилъ свой образъ дѣйствій, и весною настоящаго года помогъ Александру удержаться на шаткомъ цар-

скомъ престолѣ. Съ этихъ поръ Вучичъ и его кліенты играли Александромъ, какъ мячикомъ; хотя впрочемъ очевидно было, что рано или поздно послѣдніе возьмутъ верхъ. Вучичу и приверженцамъ къ нему вельможамъ угрожала тогда страшная перспектива сырыхъ подземелій Гургусовацкой кулы (тюрьмы), такъ что они были поставлены въ непріятную необходимость выбрать одно изъ двухъ: или Александра съ тюрьмой въ перспективѣ, или князя изъ рода Обреновичей, съ которымъ было неразлучно прекращеніе ихъ политическаго владычества. Нѣтъ сомнѣнья, это послѣднее было все-таки лучше; но не легко отказаться отъ власти, и въ умахъ олигарховъ появилась третья мысль, удовлетворявшая всѣмъ ихъ требованіямъ, — мысль объ учрежденіи кайманамія. Планъ этотъ уже потому не могъ быть приведенъ въ исполненіе, что самые способные изъ олигарховъ мечтали во время междуцарствія овладѣть престоломъ. Эта мысль, явившись одновременно у многихъ, внушила имъ взаимную недовѣрчивость, въ особенности когда въ числѣ претендентовъ явился богатый маіоръ Минна, хлопотавшій вѣроятно въ пользу своего зятя Дѣка Карагеоргіевича. Впрочемъ каждый изъ претендентовъ все еще надѣялся на успѣхъ, и въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ была созвана скупштина, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.

Турецкое правительство боялось результатовъ этого движенія, и выборъ депутатовъ уже показывалъ, что народъ хочетъ возвратить Милоша Обреновича; но олигархи все еще были убѣждены въ успѣхѣ своего дѣла. Они надѣялись посредствомъ скупштины низложить Александра; а потомъ съ помощью городскаго гарнизона, въ преданности котораго не сомнѣвались, разогнать самую скупштину. Въ высшихъ кругахъ общества не боялись говорить, что существованіе скупштины продолжится на нѣсколько дней въ томъ только случаѣ, если она будетъ вести себя какъ слѣдуетъ, т. е. сообразно съ приказаніями олигарховъ,—а иначе тотчасъ же будетъ она распущена.

Среди такихъ обстоятельствъ приближался день Св. Андрея. Представители народа не явились въ этотъ день къ княжескому столу. Это обстоятельство уже должно было навести Александра на мысль объ отреченіи; но жена его и слишкомъ любостяжательные ея родственники не позволили ему удалиться съ честью. 3 декабря скупштина собралась въ первый разъ и назначила своимъ президентомъ маіора Минну. Этотъ выборъ разсердилъ олигарховъ, но они все еще не теряли надежды. 4 числа (стараго стиля) Александръ въ присутствіи высшихъ должностныхъ лицъ и духовенства открылъ скупштину. Тронная рѣчь, прочитанная секретаремъ его, была принята холодно: 3—4 голоса робко крикнули: «Живѣ» (ура)! но тотчасъ

же замолкли, не найдя отклика. 5 числа собраніе рѣшилось перемѣнить статуть скупштины. Президентъ изъявилъ желаніе отложить это дѣло; но, бѣлградскій депутатъ Милованъ Янковичъ и Чудріяджи Стаменковичъ отговорили собраніе отъ принятія его мысли. Для измѣненія различныхъ пунктовъ статута назначили особую коммиссію, которая тотчасъ принялась за дѣло.

По новому уставу, принятому скупштиною, правленіе Сербіею изъ рукъ олигархическаго сената совершенно переходило въ руки собранія народныхъ представителей и княжество рѣшительно становилось въ рядъ конституціонныхъ государствъ; вотъ главныя постановленія новаго устава о скупштинахъ:

Скупштина (*) одно изъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ учрежденій Сербской земли. Она законная выразительница воли сербской націи. Кто противится законному и свободному дѣйствію скупштины, тотъ измѣнникъ сербскому народу. Скупштина принимаетъ всѣ мѣры, нужныя для общаго блага. Никакой законъ относительно правъ князя, сената, министерства и скупштины не можетъ быть изданъ или измѣненъ безъ предварительнаго согласія скупштины. Скупштина имѣетъ право именемъ націи требовать отмѣненія каждаго неудобнаго закона и каждаго противнаго національнымъ выгодамъ учрежденія. Нельзя заключать ни займа, ни какого другаго обязательства безъ позволенія скупштины. Она можетъ именемъ націи отдавать подъ судъ министровъ и всѣхъ другихъ чиновниковъ. Скупштина собирается ежегодно въ день Рождества Богородицы въ столицѣ Сербіи. Если новые депутаты не выбраны къ этому дню, депутаты прежней скупштины остаются законными представителями націи и обязаны, не дожидаясь созванія со стороны правительства, сами собираться въ назначенный срокъ для составленія скупштины. Министры, которые не созвутъ скупштину въ законный срокъ, объявляются государственными измѣнниками и наказываются строжайшимъ образомъ. Избиратели депутатовъ въ скупштину—всѣ сербы, достигшіе 30 лѣтъ; избранъ депутатомъ можетъ быть каждый серб достигшій 35 лѣтъ. Обыкновенное продолженіе засѣданій скупштины—мѣсяцъ; въ случаѣ надобности, срокъ этотъ продолжается.

По предложенію того же Янковича собраніе единогласно приняло благодарственный адресъ гарантирующимъ державамъ и другой.—

(*) Русскій читатель едва ли нуждается въ объясненіи этого слова: скупити —совокупить; скупштина—совокупленіе, собраніе, первоначально—цѣлая сходка всѣхъ сербскихъ людей, теперь парламентъ, составляющійся изъ ихъ депутатовъ.

въ рѣзкомъ тонѣ,—султану, который хотѣлъ воспрепятствовать собранію скупштины. 6 и 7 были дни праздничные, — такъ что 4-е засѣданіе происходило 8-го числа. Президентъ былъ боленъ. Вице-президентъ Стевча Милованович занялъ его мѣсто. Собраніе слушало чтеніе своего новаго статута, единогласно его приняло и отправило на утвержденіе въ сенатъ. Въ засѣданіи 9-го числа бѣлградскій депутатъ Берловачъ изъявилъ желаніе получить отчетъ о дѣйствіяхъ правительства съ 42 года.

Это предложеніе было принято; тогда онъ же потребовалъ пересмотра законовъ о судопроизводствѣ и уголовныхъ законовъ, представленій торговой палаты, и закрытія Гургусовацкой тюрьмы. Крушевацкій окружной начальникъ Наумовичъ предложилъ составить адресъ князю; но собраніе единогласно отвергло это предложеніе, потому что князь не передалъ скупштинѣ своей тронной рѣчи. Нѣкоторые депутаты потребовали прекращенія разнаго рода противозаконныхъ злоупотребленій. Лосницкій протоіерей Васичъ и Крагуевацкій депутатъ Туцековичъ говорили въ пользу свободы книгопечатанія. Въ засѣданіи 10-го числа Берловачъ говорилъ о множествѣ народныхъ бѣдствій, и былъ также встрѣченъ сочувствіемъ собранія. Послѣ рѣзкой рѣчи предсѣдателя Семендріановскаго окружнаго суда, противъ постыднаго образа дѣйствій правительства, скупштина единогласно объявила, что подобной тиранніи нельзя выносить долѣе. Берловачъ въ 19 пунктовъ исчислилъ ошибки и преступленія правительства. Выслушавъ его, палата объявила, что всему виною самъ князь, и единогласно заключила о необходимости его отрѣченія.

Изъ 19-ти пунктовъ обвиненія главными были: 1) Онъ не созывалъ скупштины съ 1842 до 1848 года, хотя при вступленіи на престолъ торжественно обѣщалъ, что будетъ созывать ее каждые три года. 2) Онъ не созывалъ скупштины съ 1848 до 1858 года. 3) Князь противозаконно назначилъ нѣсколькихъ сенаторовъ. 4) Князь приказалъ судебнымъ мѣстамъ не принимать обвиненій противъ министровъ. 5) Онъ послалъ уполномоченнаго на вѣнскую конференцію по вопросу о дунайскомъ судоходствѣ, не сообщивъ объ этомъ сенату. 6) Онъ выдавалъ эмигрантовъ. 7) Онъ покровительствовалъ нѣкоторымъ семействамъ, чтобы пріобрѣтать приверженцовъ, и подкупалъ судей. 8) Онъ отказался распустить часть войскъ для сбереженія расходовъ. 9) Онъ растратилъ 900,000 талеровъ будто бы на военныя издержки, но не отдалъ въ нихъ отчета. 10) Онъ нарушилъ Уставъ (конституцію), лишивъ судилища ихъ независимости.

Къ Александру отправили депутацію съ требованіемъ скупштины, чтобы онъ отрекся отъ княжескаго сана. Приводимъ этотъ актъ:

«Господинъ, народъ имѣлъ довольно случаевъ видѣть, что вы не имѣете ни умѣнья ни желанія доставить Сербіи счастье. Потому черезъ насъ народъ проситъ васъ отказаться отъ власти, но позволяетъ вамъ и вашему семейству остаться въ нашей землѣ, гдѣ не будете вы ни волоскомъ тронуты. Народъ ожидаетъ вашего отвѣта. Отказывайтесь безъ промедленія и тѣмъ докажите, что вы любите отечество».

Въ тоже время было дано знать объ этомъ сенату; а начальникъ гарнизона (зять Александра) получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи скупштины. Депутація, отправленная къ князю, вернулась съ извѣстіемъ, что князь желаетъ посовѣтоваться съ сенатомъ и дастъ отвѣтъ на другой день.

Вечеромъ въ тотъ же день отправилась вторая депутація скупштины въ конакъ (княжескій дворецъ), «чтобы утвердить князя въ его добрыхъ намѣреніяхъ». Княгиня жестоко упрекала мужа за его слабость и говорила, что еслибъ была на его мѣстѣ, то скорѣе дала бы себя изрѣзать въ куски, чѣмъ отказалась бы. Депутаты скупштины стояли свидѣтелями этой семейной сцены. Александръ Карагеоргіевичъ нѣсколько времени слушалъ брань жены, наконецъ потерялъ терпѣніе, взялъ ее за плечи и вытолкнулъ въ сосѣднюю комнату. Тогда депутаты возобновили свои увѣщанія; но едва они произнесли нѣсколько словъ, какъ опять вбѣжала въ комнату княгиня и стала бранить и депутатовъ и мужа. Мужъ опять вытолкалъ ее вонъ. Черезъ нѣсколько времени по удаленіи депутатовъ князь призвалъ Гарашанина, своего министра внутреннихъ дѣлъ, но впрочемъ бывшаго однимъ изъ главныхъ интригантовъ, думавшихъ воспользоваться для личнаго возвышенія созваніемъ скупштины, и объявилъ ему, что удалится въ Бѣлградскую цитадель подъ защиту турецкаго гарнизона. Гарашанинъ почелъ полезнымъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и въ 10 часовъ вечера князь прибылъ въ цитадель.

Сенатъ съ своей стороны спросилъ: вслѣдствіе какихъ причинъ скупштина требуетъ отрѣченія князя. Скупштина отвѣчала, что онѣ вполнѣ ему извѣстны; но что впрочемъ она сообщитъ ему извлеченіе изъ протокола своихъ засѣданій. Въ 8-мъ засѣданіи, 11 числа, Берловачъ и Протичъ объявили, что князь выразилъ сенату намѣреніе скорѣе отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ престола. Президентъ извѣстилъ собраніе, что князь ночью вѣроломно прошелъ въ турецкую крѣпость. Собраніе послало спросить сенатъ, справедливо ли это обстоятельство; но еще прежде возвращенія посланныхъ получило сенатскій актъ, подтверждавшій извѣстіе. Тогда скупштина объявила Александра лишеннымъ княжескаго достоинства и единогласно избрала княземъ Милоша, тотчасъ же объявивъ объ этомъ

собравшемуся народу. Начальство надъ гарнизономъ и управленіе городомъ передано было вице-президенту скупштины Стевчѣ Миловановичу. Помощниками его были назначены капитаны Алимпичъ и Марковичъ. Вслѣдъ затѣмъ доставленъ былъ изъ сената актъ, которымъ онъ изъявлялъ свое согласіе на низложеніе Александра и предлагалъ скупштинѣ рѣшить вопросъ о порядкѣ временнаго управленія краемъ. Скупштина отвѣтила, что уже озаботилась обо всемъ. Вслѣдъ затѣмъ ея постановленія были сообщены сенату, министерствамъ, бѣлградскому пашѣ и представителямъ великихъ державъ. Тысячи вооруженныхъ горожанъ постоянно окружали зданіе скупштины.

12-го декабря засѣданіе началось въ 9 часовъ утра и продолжалось до поздняго вечера. Нѣкоторые депутаты предложили собранію распустить вооруженныхъ Бѣлградскихъ горожанъ, поручивъ исполненіе этого вице-президенту Стевчѣ. Но Стевча замѣтилъ, что никого не призывали къ оружію, а что горожане по собственному желанію вооружились для охраненія своего имущества, защиты скупштины и исполненія ея приказаній. Граждане Бѣлграда, прибавилъ онъ, сохранили полный порядокъ; они достойны похвалы, а не осужденія. Сверхъ того, въ настоящихъ обстоятельствахъ, разсѣять народъ и отдѣлить его отъ скупштины было бы крайне неблагоразумно: въ прошлую ночь нѣкоторые сенаторы сговаривались съ княземъ о томъ, чтобъ вывесть его изъ крѣпости, снова провозгласить княземъ и разогнать скупштину. Онъ прибавилъ, что солдаты въ казармахъ уже находятся въ готовности къ бою, и пушки направлены противъ скупштины. Тогда собраніе объявило, что оно не разойдется ни въ какомъ случаѣ, и скорѣе умретъ, чѣмъ измѣнитъ народу. Актъ о низложеніи Александра и указъ о перемѣнѣ городоваго начальства были посланы на утвержденіе сената. Депутація скоро возвратилась съ извѣстіемъ, что сенатскій карауль не хотѣлъ пропустить ее, безъ личнаго позволенія котораго нибудь изъ сенаторовъ, а вице-президентъ сената объявилъ ей, что скупштина не имѣетъ права ничего предпринимать безъ согласія сената и отвѣтъ на сообщенные ему акты получитъ чрезъ посредство князя Александра. Нѣкоторые сенаторы прибавили еще, что скупштина идетъ по дурной дорогѣ и что ей пора одуматься. Страшный ропотъ поднялся въ собраніи, когда оно выслушало этотъ отвѣтъ. Многіе голоса потребовали прочтенія тотчасъ, которымъ сенатъ изъявилъ свое согласіе на низложеніе Александра. Собраніе официально выразило свое недовѣріе къ сенату. Вновь отправленная къ нему депутація тотчасъ же возвратилась съ извѣстіемъ, что нѣкоторые сенаторы отправились въ казармы, а другіе въ крѣпость, съ намѣреніемъ возвратить престолъ

князю Александру. Донесеніе это произвело большой шумъ въ толпѣ, окружавшей залу засѣданія.

Когда же вице-президентъ объявилъ народу, что отрядъ войскъ направленъ противъ скупштины, горожане обѣщали защищать ее до послѣдней капли крови. Тогда войско возвратилось въ казармы. Тотчасъ послѣ этого собраніе приступило къ назначенію временнаго правительства. Членами его были выбраны Гарашанинъ, Стевча (оставленный въ тоже время военнымъ и гражданскимъ начальникомъ города) и Угричичъ. Актъ объ этомъ тотчасъ же былъ сообщенъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, присутственнымъ мѣстамъ и народу. Черезъ нѣсколько времени въ собраніе вошелъ солдатъ съ письмомъ отъ вице-президента сената, въ которомъ онъ именемъ сената рѣзко претендовалъ на то, что вооруженная толпа задержала посланный имъ отрядъ. Собраніе, черезъ посредство того же солдата, отвѣчало, что ручается за безопасность сенаторовъ, которые не будутъ противиться желаніямъ народа, что народу нельзя запретить задерживать тѣхъ, которые хотятъ ему вредить, что военное сословіе должно исполнять волю народа, а не нападать на гражданъ и на представителей націи, и что если подобный случай повторится, то граждане будутъ защищать народное дѣло съ оружіемъ въ рукахъ.

Вскорѣ собраніе получило извѣстіе о новомъ столкновеніи. Вице-президентъ сообщилъ ему, что два сенатора (Раянковичъ и Майсторовичъ), предводительствуя отрядомъ войскъ, хотѣли вывести Александра изъ крѣпости; но что вооруженные горожане окружили этотъ отрядъ и взяли обоихъ сенаторовъ въ плѣнъ, оставивъ оружіе солдатамъ, которые обѣщали поддерживать народное дѣло. Тотчасъ послѣ этого нѣсколько человѣкъ сенаторовъ пришли въ залу засѣданій, съ просьбой о покровительствѣ и объявленіемъ, что вступокъ ихъ былъ вынужденъ насиліемъ офицеровъ, которые до сихъ поръ задерживаютъ нѣсколькихъ сенаторовъ въ казармѣ. Скупштина передала временному правительству управленіе государствомъ до прибытія Милоша и послала за находившимися въ казармахъ сенаторами, ручаясь имъ за ихъ безопасность. Сенаторы явились блѣдные, разстроенные, со слезами на глазахъ, безпрепятственно были пропущены столпившимися горожанами и обѣщали поддерживать народное дѣло. Этимъ волнующее засѣданіе 12 дек., протянувшееся до поздняго вечера.

13 ч. рано утромъ тысячи вооруженныхъ бѣлградцевъ и множество поселянъ, собравшихся ночью изъ окрестныхъ деревень, стояли передъ зданіемъ скупштины, съ твердымъ намѣреніемъ привести

въ исполненіе все, что она постановитъ. — Подъ ихъ прикрытіемъ засѣданіе началось въ 10 ч. утра. Члены временнаго правительства прочли свою прокламацію народу. Призваннымъ въ собраніе: городовому полковнику, начальнику военнаго отряда министерства внутреннихъ дѣлъ и начальнику артиллеріи было приказано, что подвѣдомственныя имъ части должны дѣйствовать согласно волѣ народа. Прокламація временнаго правительства была прочтена собравшемуся передъ скупштиною народу.

Во время засѣданія 14 ч. въ сенатъ была послана прокламація скупштины, отъ 12 числа, — и въ тоже время получена изъ сената бумага слѣдующаго содержанія:

«Вчера въ засѣданіе сената, собравшагося въ опредѣленное время, около 10 ч. утра пришли 3 офицера съ отрядомъ здѣшняго гарнизона и объявили, что гарнизонъ желаетъ снова призвать князя Александра и что тѣ, которые будутъ противиться этому желанію, себѣ однимъ должны приписать всѣ послѣдствія сопротивленія. Насиліе принудило сенатъ въ сопровожденіи солдатъ отправиться въ казармы и объявить войскамъ, что онъ раздѣляетъ ихъ желаніе. Находясь въ казармахъ, сенатъ составилъ актъ, приглашающій князя Александра вернуться, снова принять княжескую власть и распустить скупштину. Окруженный солдатами, сенатъ былъ принужденъ прочесть это всему гарнизону казармъ. По отправленіи этого акта къ князю Александру, сенату была отведена особая комната, гдѣ онъ и оставался до прибытія депутаціи, призвавшей сенаторовъ въ скупштину. Послѣ всего случившагося, сенатъ теперь рѣшается объявить, что его поступки были вынуждены насиліемъ, что онъ отрекается отъ нихъ, свидѣтельствуя передъ скупштиною о своей готовности, какъ и прежде, поддерживать народное дѣло». Скупштина потребовала отъ сената его актъ отъ 11 декабря и единогласно рѣшила — извѣстить султана объ избраніи Милоша, прося его утвердить это избраніе. Рѣшено было также—на слѣдующій день выбрать членовъ депутаціи, назначенной для призванія Милоша въ отечество. Между тѣмъ принесли сенатскій актъ, въ которомъ онъ изъявлялъ свое согласіе на правительственный переворотъ. Скупштина постановила, что до прибытія Милоша княжеская власть принадлежитъ ей, а начальство надъ городомъ Стевчѣ. Сенатъ утвердилъ назначенное скупштиною временное правительство. Бѣлградскій депутатъ Яковичъ объявилъ, что президентъ унижаетъ достоинство собранія и вредитъ его самостоятельности, оказывая почесть министрамъ, являющимся въ скупштину. Онъ также замѣтилъ, что, по торопливости, временному правительству были сообщены только нумера актовъ, которыми скупштина низложила Алек-

сандра и возвела на престолъ Милоша, и что въ прокламаціи временнаго правительства не помѣщено слово «низложеніе» Александра, а просто сказано, что онъ оставилъ управленіе и народъ, и тогда скупштина сочла нужнымъ выбрать другаго князя; какъ будто скупштина не имѣетъ права низложить князя, который вредитъ народу и нарушаетъ законы, если бы онъ и не оставлялъ добровольно управленія. Замѣчаніе это было принято и занесено въ протоколъ. Для успокоенія народа собраніе предложило сенату исполнить указъ о передачѣ городскаго управленія Стевчѣ. Сенатъ согласился. Президентъ скупштины изъявилъ желаніе, поддержанное единогласнымъ рѣшеніемъ собранія, обратиться къ бѣлградскимъ горожанамъ, съ слѣдующимъ благодарственнымъ адресомъ:

«Братья! Когда власть поднялась на бой съ разумомъ, законами, желаніями и свободою народа, вы грудью защитили народную скупштину, и такимъ образомъ спасли ея существованіе. 12 (24) число декабря будетъ всегда памятно сербамъ, не только по рѣшимости и энтузіазму, съ которыми вы отстояли возлюбленную свободу народа; но и по безпримѣрному благоразумію и честности, которыя вы показали при защитѣ нашего святаго дѣла. Вы подвергались смерти, чтобы оградить права и свободу народа, и спасли ихъ, но не мстили побѣжденному врагу. Братья, вы этимъ доказали какъ свою честность, такъ и честность всѣхъ сербовъ, и потому примите, черезъ посредство наше, ихъ заслуженную благодарность».

Въ засѣданіи 15 числа было составлено и передано въ сенатъ для утвержденія, слѣдующая просьба на имя султана.

«Ваше императорское величество! Народная скупштина, созванная въ день св. Андрея текущаго года, осмѣливается именемъ вѣрнаго сербскаго народа съ глубочайшимъ благоговѣніемъ донести вашему величеству, нашему всемилостивѣйшему султану, что управленіе князя Александра Карагеоргіевича сдѣлалось невыносимымъ для страны и народа. Народная скупштина убѣдилась, какъ убѣжденъ въ этомъ и весь народъ, что причина всѣхъ бѣдствій края заключается въ князѣ Александрѣ Карагеоргіевичѣ, потому что онъ дѣйствовалъ противно законамъ и народнымъ выгодамъ, вслѣдствіе чего и потерялъ народную довѣренность. Продолженіе его власти стало невозможнымъ, потому что спокойствіе страны не можетъ быть поддержано, если бы онъ оставался княземъ Сербіи. По важности этой причины народная скупштина въ своемъ засѣданіи, 10 (22) декабря, единогласно рѣшила посредствомъ депутаціи просить князя Александра, чтобы онъ, ради счастія и успокоенія своего отечества, отказался отъ княжескаго достоинства. Князь Александръ обѣщалъ дать отвѣтъ на другой день 11 (23) декабря утромъ; но не

сдержалъ слово и ночью съ 23 на 24 декабря между 11 и 12 часовъ отправился въ крѣпость, а такимъ образомъ измѣнилъ народу и оставилъ его безъ верховнаго главы. Народная скупштина въ своемъ засѣданіи 11 (23) декабря единогласно рѣшила и объявила народу, что князь Александръ Карагеоргіевичъ пересталъ быть княземъ Сербіи. Чтобы страна не оставалась безъ верховнаго главы, народная скупштина, въ томъ же засѣданіи, постановила и объявила народу, что князь Милошъ Обреновичъ, прежде уже бывшій княземъ, и въ 1839 году добровольно отказавшійся отъ княжескаго достоинства, снова имъ облекается съ правомъ наслѣдственности въ мужскомъ колѣнѣ, согласно берату и уставной грамотѣ, уже прежде дарованнымъ ему вашимъ императорикомъ величествомъ. До времени же его прибытія народная скупштина приняла верховную власть на себя. Чтобы поддержать спокойствіе и порядокъ въ краѣ, она назначила временное правительство изъ трехъ лицъ, которыя до прибытія князя Милоша будутъ управлять краемъ и пользоваться княжескою властью. Въ настоящее время народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы ваше императорское величество обрадовали его высочайшимъ утвержденіемъ князя Милоша въ достоинствѣ князя Сербіи. Постоянная благосклонность, съ которою ваше императорское величество до сихъ поръ принимали желанія и просьбы своихъ вѣрныхъ сербовъ, внушаетъ имъ надежду, что и въ настоящемъ случаѣ, ваше императорское величество не оставите ихъ своей высочайшей милостью. Въ этомъ убѣжденіи состоялось единогласное рѣшеніе народной скупштины, въ ея нынѣшнемъ засѣданіи, и съ этой всеподданнѣйшей просьбой она припадаетъ къ престолу вашего императорскаго величества и осмѣливается просить ваше императорское величество всемилостивѣйше издать высочайшій бератъ, утверждающій князя Милоша Обреновича въ достоинствѣ князя Сербіи, съ правомъ наслѣдственности въ мужскомъ колѣнѣ, какъ это уже прежде всемилостивѣйше ему было даровано, относящимся къ этому бератомъ и уставной грамотой. Исполненіе этого желанія наложитъ новыя узы благодарности на вѣрныхъ сербовъ, и они не перестанутъ возносить къ Богу самыя теплыя молитвы о счастливой и долгой жизни вашего императорскаго величества. Принято и объявлено въ народной скупштинѣ 14 (26) декабря 1858, въ Бѣлградѣ.

Затѣмъ приступили къ избранію членовъ депутаціи, отправляемой къ Милошу.

Ее составляли слѣдующія лица: 17 представителей различныхъ округовъ Сербіи, по одному отъ каждаго, и сверхъ того: епископъ, окружный начальникъ, президентъ окружнаго суда и, въ видѣ от-

личія для бѣлградскихъ гражданъ, депутатъ отъ этого города. Депутацію положено было отправить 19 декабря. Митрополитъ (прежній жаркій противникъ Милоша, которому онъ впрочемъ обязанъ своимъ мѣстомъ) изъявилъ желаніе присоединиться къ депутаціи.

Скупштина вручила ей слѣдующее письмо:

«Свѣтлѣйшій князь Сербіи Милошъ Обреновичъ!

Голосъ сербскаго народа посредствомъ народной скупштины, 11 (23) декабря, возвелъ васъ въ достоинство князя Сербіи съ правомъ наслѣдственности, уже прежде вамъ даннымъ. Скупштина отъ имени народа обратилась уже къ султану съ просьбой объ утвержденіи васъ въ этомъ достоинствѣ и сегодня проситъ вашу свѣтлость вернуться въ отечество. — Депутаціи, которая вручитъ вамъ это актъ, поручено отъ имени скупштины и цѣлаго народа просить васъ сколько возможно скорѣе обрадовать насъ вашимъ возвращеніемъ. Въ составъ этой депутаціи скупштина назначила изъ среды своей слѣдующія лица (перечисляются имена депутатовъ), и сверхъ того сдѣлала распоряженія о присоединеніи къ ней: одного сенатора, по назначенію сената, одного епископа, по выбору высшаго духовенства, одного офицера, по назначенію временнаго правительства, и одного гражданина, по выбору Бѣлградской общины. Скупштина именемъ народа проситъ вашу свѣтлость благосклонно принять эту депутацію и въ ея сопровожденіи вернуться въ Сербію и въ резиденцію вашу, гдѣ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ весь народъ и его представители. Утверждено и объявлено въ народной скупштинѣ 15 (27) декабря 1858 въ Бѣлградѣ».

Скупштина извѣстила сенатъ объ этомъ актѣ и поручила ему сдѣлать необходимыя распоряженія относительно путешествія депутаціи и пріема Милоша. По предложенію бѣлградскаго депутата Яковича, собраніе единогласно положило, послѣ прибытія Милоша, возвратить въ отечество всѣхъ безъ исключенія политическихъ изгнанниковъ.

Въ засѣданіи 61 декабря были прочтены благодарственные адресы скупштинѣ отъ городовъ Смедерева, Яподины и Крагуеваца и т. д. Депутатъ Сома Протичъ предложилъ принять мѣры для удаленія бывшаго князя Александра за сербскую границу, что необходимо для успокоенія народа. Рѣшеніе было отложено до слѣдующаго засѣданія, и по предложенію Берловача скупштина просила президента назначить чиновника, хорошо извѣстнаго въ Валахіи, для сопровожденія депутаціи. Берловачъ потребовалъ, чтобы сенатъ въ наискорѣйшемъ времени утвердилъ новый статутъ скупштины. Затѣмъ онъ предложилъ возвратить въ отечество бывшихъ Гургу-

совацкихъ заключенныхъ, находившихся въ Рущукѣ. Послѣ того скупштина занесла въ протоколъ засѣданій, что благодарственный адресъ къ бѣлградскимъ гражданамъ относится также ко всѣмъ чиновникамъ, студентамъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній въ Бѣлградѣ, и поселянамъ, пришедшимъ изъ окрестностей на защиту народнаго дѣла.

Около 8 ч. утра того же числа депутація отплыла по Дунаю на небольшихъ открытыхъ судахъ, наскоро обращенныхъ въ палубныя; пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ и благословенія народа сопровождали ее. Австрійское пароходное общество не согласилось отдать одинъ изъ своихъ пароходовъ въ распоряженіе представителей народа, который оказалъ ему самое дружественное содѣйствіе при устройствѣ станцій на Дунаѣ. Необыкновенно высокая цѣна за наемъ и залогъ для обезпеченія цѣлости парохода были бы охотно даны, — но общество, имѣвшее по близости нѣсколько пароходовъ, затягивало дѣло, объявило, что пришлетъ пароходъ черезъ нѣсколько дней и т. д. Потому и рѣшено было предпочесть другой способъ путешествія, хотя бы и самый утомительный. Кромѣ письма скупштины депутація повезла Милошу пригласительный актъ и отъ сената.

Въ послѣдующихъ своихъ засѣданіяхъ скупштина назначила 3 коммиссіи для пріема жалобъ разнаго рода лицъ, приведенія ихъ въ систему и представленія скупштинѣ. Бѣлградская еврейская община просила позволенія присоединить одного еврея къ депутаціи, отправленной къ князю Милошу. Скупштина изъявила на это свое согласіе, хотя только жителямъ цѣлаго Бѣлграда, въ видѣ особенной награды за ихъ усердіе, было позволено назначить своего особеннаго депутата. Представителемъ еврейской общины былъ избранъ банкиръ Руссо.

Сынъ Милоша Михаилъ, жившій въ своемъ помѣстьи, въ австрійскихъ владѣніяхъ, ранѣе чѣмъ отецъ успѣлъ получить извѣстіе объ избраніи Милоша и о назначеніи самаго его наслѣдникомъ престола. Онъ прислалъ благодарность сербскому народу за память объ услугахъ его отца. Черезъ нѣсколько времени были получено и согласіе Милоша, принятое бѣлградцами съ восторгомъ. Говорятъ, что народъ плакалъ отъ радости, когда въ церквахъ въ первый разъ помянули Милоша, князя Сербіи.

Но въ зимнюю погоду старикъ (ему теперь 82 года) не могъ ѣхать такъ быстро, какъ бы хотѣлось сербамъ. Онъ прибылъ въ Бѣлградъ не ранѣе 24 января (стараго стиля); между тѣмъ событія въ Сербіи развивались своимъ порядкомъ. Скупштина все больше и больше убѣждалась въ злонамѣренныхъ интригахъ олигарховъ, предво-

дителями которыхъ были: Вучичъ и Анастасевичъ Миша, отчасти и Гарашанинъ. Она учредила за ними надзоръ и наконецъ арестовала Вучича. Министры и сенаторы были партизанами и креатурами олигарховъ, потому скупштина наконецъ увидѣла надобность принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Въ засѣданіи 19 января одинъ изъ депутатовъ Ушицкаго округа, Николай Сердаръ, взошелъ на трибуну и сказалъ: «У меня большое стадо овецъ. Я отдалъ его на попеченіе двадцати одного пастуха (министровъ въ Сербіи 4, а сенаторовъ было 17), стадо гибнетъ со дня на день, а ни одинъ изъ пастуховъ не говоритъ мнѣ, кто виноватъ въ томъ. Какъ же теперь мнѣ узнать, какихъ пастуховъ мнѣ хвалить, какихъ поподчивать палкою?» За этими словами начинаются сильныя рѣчи противъ сената, хотѣвшаго обмануть сербскій народъ, хотѣвшаго остановить движеніе вооруженной силой. Всѣ министры и сенаторы объявляются низложенными. Черезъ нѣсколько времени жители Гургусовацкой области, въ которой находилась страшная тюрьма для политическихъ преступниковъ, прислали скупштинѣ просьбу о томъ, чтобы они были избавлены отъ позора видѣть на своей землѣ это гнусное зданіе. Просьба была принята, какъ заслуживала, и ненавистная Гургусоватская кула теперь разрушена.

Изъ множества прогрессивныхъ постановленій, принятыхъ скупштиною, мы упомянемъ только о возвращеніи изгнанниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый родоначальникъ новаго литературнаго движенія въ Сербіи, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, знаменитый издатель народныхъ сербскихъ пѣсенъ, и о томъ, что въ Сербіи провозглашена свобода печатнаго слова.

24-го января Милошъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ, прибылъ въ Бѣлградъ. Мы не будемъ описывать народнаго энтузіазма, съ которыми былъ онъ встрѣченъ. Скупштина теперь видѣла свои заботы приближающимися къ концу, и по совершенномъ утвержденіи новаго правительства была распущена княземъ 31-го января (12-го февраля). Для наблюденія за ходомъ дѣлъ осталась избранная ею изъ числа депутатовъ постоянная коммиссія.

Олигархи, преслѣдуемые народною ненавистью, отдѣлалась очень дешево: Вучичъ и Миша получили позволеніе уѣхать за границу.

Надобно теперь сказать, хотя для формы, о томъ, какъ держало себя турецкое правительство при этомъ непріятномъ для него дѣлѣ. Читатели знаютъ, что Турція и даже Австрія боятся энергіи дряхлаго Милоша и особенно страшатся того смысла, какой имѣетъ его имя для сербовъ, еще остающихся подъ турецкимъ или австрійскимъ господствомъ. Вся популярность Милоша основана на томъ, что онъ освободитель сербовъ. Разрозненныя части сербскаго племени ждутъ только счастливой возможности присоединиться къ Сербскому кня-

жеству. Другіе турецкіе славяне также симпатизируютъ этому независимому, родному государству. Опасаясь, что подъ управленіемъ Милоша и его сына Сербское княжество раздвинетъ свои границы насчетъ турецкихъ и, чего добраго, даже австрійскихъ областей, эти двѣ державы, какъ извѣстно читателямъ, сначала думали было вооруженною рукою подавить бѣлградское движеніе и возстановить ничтожнаго слугу турокъ и австрійцевъ, Александра Карагеоргіевича. Читатель помнитъ, что это намѣреніе послужило первымъ дипломатическимъ предлогомъ, выставлявшимся со стороны Франціи къ разрыву съ Австріею. Само собою разумѣется, что не дипломатическіе переговоры остановили турецко-австрійскій гнѣвъ: дипломаты всегда имѣютъ привычку «признавать совершившіеся факты», и если бы Австрія съ Турціей надѣялись легко управиться съ сербами, они преспокойно заняли бы княжество, разстрѣляли и перевѣшали бы всѣхъ непріятныхъ имъ людей, а потомъ пошелъ бы обмѣнъ депешъ, сначала очень сердитыхъ, далѣе мало по малу смягчающихся передъ созерцаніемъ «совершившагося факта» и «возстановленнаго въ Сербіи порядка»; и Александръ Карагеоргіевичъ, возстановленный князь, остался бы управлять по турецко-австрійскимъ приказаніямъ. Къ счастію, сербы въ своемъ мужествѣ имѣли защиту болѣе надежную, нежели дипломатическія ноты Франціи. Турки и австрійцы сообразили, что напрасно они погорячились, что сербы не поддадутся безъ отчаянной борьбы, исходъ которой при извѣстныхъ чувствахъ босняковъ и австрійскихъ сербовъ довольно сомнителенъ, потому ограничились угрозами, а потомъ отказались и отъ угрозъ. Турція прислала свое утвержденіе избранію Милоша, и тѣмъ дѣло покончено. Разумѣется, надобно было хоть въ чемъ нибудь дать удовольствіе своей досадѣ на Милоша, оставить себѣ какой нибудь предлогъ на случай, если черезъ нѣсколько времени обстоятельства будутъ благопріятствовать вмѣшательствамъ въ сербскія дѣла. Потому въ бератѣ, утверждавшемъ Милоша, были вставлены кляузы, служащія облегченіемъ души въ безсильной досадѣ. Вмѣсто того, чтобы сказать «по низложеніи прежняго князя скупштиною», бератъ выражается «по отреченіи прежняго князя»; о наслѣдственности сербскаго престола въ родѣ Обреновичей онъ умалчиваетъ. Но эти кляузы — дипломатическое пустословіе, годное развѣ для того, чтобы надъ нимъ смѣялись. Сербская скупштина объявила, что бератъ неудовлетворителенъ и, отправивъ къ султану рѣзкія замѣчанія противъ него, продолжала дѣйствовать, не обращая никакого вниманія на Турцію. Сынъ Милоша, Михаилъ, все-таки объявленъ наслѣдникомъ своего отца, а про Александра Карагеоргіевича все-таки повторено, что онъ низложенъ.

Что можетъ обѣщать себѣ Сербія отъ новаго порядка вещей? Удержится ли старикъ Милошъ отъ произвола и притѣсненій, которыми далъ онъ олигархамъ возможность низвергнуть его 20 лѣтъ тому назадъ? Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о Сербіи, къ сожалѣнію, служатъ константинопольскія и австрійскія газеты, враждебныя сербамъ. Они уже говорятъ о дѣйствіяхъ Милоша много дурнаго; но вѣрить имъ мы не считаемъ благоразумнымъ, пока не получимъ свидѣтельствъ менѣе подозрительныхъ. Относительно одной стороны дѣла, именно національныхъ стремленій новаго правительства, и эти газеты не могли совершенно скрыть правды. Въ турецкихъ и австрійскихъ сербахъ оживляется надежда на составленіе одного національнаго государства. Для австрійскихъ славянъ она конечно не исполнится иначе, какъ при сильномъ потрясеніи Австріи событіями, въ родѣ происшествій 1848 года. Но турецкіе славяне имѣютъ нѣсколько болѣе возможности измѣнить свои отношенія, и потому Милошъ представляется для Турціи не совсѣмъ безопаснымъ вассаломъ и въ настоящее время. Говорятъ, будто его агенты дѣйствуютъ въ Булгаріи, и есть извѣстія, что онъ уже принималъ булгарскую депутацію. Мы не знаемъ, насколько это справедливо; но вѣрнымъ кажется то, что онъ посылалъ къ румынамъ поздравлять ихъ съ первымъ удачнымъ шагомъ къ пріобрѣтенію національнаго единства. Во всякомъ случаѣ возвращеніе Обреновичей въ Сербію, подобно избранію Кузы общимъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, должно считаться событіемъ, указывающимъ на развитіе въ христіанскихъ жителяхъ турецкой имперіи стремленія къ соединенію въ свободныя государства на развалинахъ турецкой державы въ Европѣ, и, можетъ быть, событіемъ до нѣкоторой степени приближающимъ эти племена къ давнишней цѣли ихъ пламенныхъ желаній. Еще больше, нежели на Милоша, надобно надѣяться въ этомъ отношеніи на его сына Михаила, котораго даже враги сербскаго княжества описываютъ человѣкомъ, соединяющимъ въ себѣ энергію и умъ отца съ образомъ мыслей, соотвѣтствующимъ духу нынѣшняго времени, съ честнымъ характеромъ и съ желаніемъ служить не своему эгоизму, а народнымъ потребностямъ.

Въ чувствахъ, съ которыми было принято сербами возникновеніе національнаго единства румыновъ, а румынами возстановленіе національнаго правленія въ сербскомъ княжествѣ, надобно видѣть лучшій залогъ возможности удовлетворительной развязки натянутаго положенія дѣлъ въ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи. Повидимому они понимаютъ, что должны дѣйствовать дружно и что федерація ихъ разныхъ племенъ—необходимое условіе для пріобрѣтенія и сохраненія ихъ свободы.

ПОЛИТИКА.

МИРОЛЮБИВЫЯ МАНИФЕСТАЦІИ ВО ФРАНЦІИ. — ВЫГОВОРЪ ГАЗЕТѢ *Presse*, — ОППОЗИЦІЯ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМЪ КОРПУСѢ, ПРИ ДВОРѢ И ВЪ СЕНАТѢ.—ПИСЬМО КЪ ГЕДУ, СТАТЬЯ МОНИТЕРА И ОТСТАВКА ПРИНЦА НАПОЛЕОНА.—ПОСОЛЬСТВО ЛОРДА КОУЛИ.—ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ВО ФРАНЦІИ И ИТАЛЬЯНСКІЕ ФАНАТИКИ.—ПРОЭКТЫ ПЕРЕМѢНЪ ВЪ НЫНѢШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СИСТЕМѢ. — ПОЛОЖЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКАГО ВОПРОСА ОКОЛО 3 (15) МАРТА. — КОМПЬЕНСКІЯ УВѢРЕНІЯ ПАЛЬМЕРСТОНА. — ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА ВЪ АНГЛІИ. — МИНИСТЕРСКІЙ БИЛЛЬ.— Д'ИЗРАЭЛИ КАКЪ ПРОГРЕССИСТЪ.—РОССЕЛЬ СНОВА СТАНОВИТСЯ ГЛАВОЮ ОППОЗИЦІИ.—ПРИБЫТІЕ НЕАПОЛИТАНСКИХЪ ПЛѢННИКОВЪ ВЪ АНГЛІЮ.—МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ ИХЪ СТРАДАВШИМИ НЕ ПО СОБСТВЕННОЙ ИХЪ ВИНѢ.

Въ прошедшій разъ, миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства приходилось намъ перечислять въ параллель съ его объявленіями и оффиціальными актами, имѣвшими воинственное направленіе; каждому дѣйствію его въ одномъ видѣ соотвѣтствовало, почти въ тотъ же день, какое нибудь дѣйствіе, имѣющее противоположный видъ; и мы заканчивали очеркъ только тѣмъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, что въ пять или шесть послѣднихъ дней, входившихъ въ нашъ обзоръ, именно во вторую недѣлю февраля (по новому стилю), миролюбивыя манифестаціи по видимому взяли верхъ надъ воинственными; но нельзя еще рѣшить, проченъ ли такой оборотъ въ наружныхъ дѣйствіяхъ французскаго правительства, а можно только находить, что нѣкоторая продолжительность манифестацій въ этомъ смыслѣ довольно правдоподобна. Такое предположеніе европейскихъ газетъ оправдалось. До того числа, извѣстія о которомъ мы имѣемъ при составленіи нынѣшняго обзора (15 марта новаго стиля), всѣ наружныя дѣйствія и объявленія французскаго правитель-

ства были благопріятны сохраненію европейской тишины. Цѣлый мѣсяцъ миролюбивыхъ увѣреній и наружныхъ дѣйствій въ томъ же смыслѣ, — чего же ты хочешь больше, Западная Европа? Ты слишкомъ требовательна и недовѣрчива, если тебѣ мало столькихъ оффиціальныхъ ручательствъ за ненарушимость твоего спокойствія.

Послѣ неопредѣлительно миролюбивой рѣчи французскаго императора при открытіи засѣданій законодательныхъ властей (7 февраля) и рѣшительно миролюбивой рѣчи графа Морни, президента законодательнаго корпуса, въ первомъ засѣданіи этого собранія (8 февраля), первою довольно яркою манифестаціею въ пользу мира былъ выговоръ, данный министромъ внутреннихъ дѣлъ газетѣ Presse, за одну изъ воинственныхъ статей, которыя до той поры ежедневно появлялись въ ней безъ всякихъ непріятныхъ для нея послѣдствій. Статья эта ни мало не превосходила своимъ жаромъ прежнихъ декламацій; не стоитъ она вниманія ни въ какомъ отношеніи; но она послужила пробирнымъ камнемъ для проведенія черты мирнаго зеленаго цвѣта рукою Далангля, — какъ же намъ не присмотрѣться къ произведенію г. Леузонъ-Ледюка, получившаго честь, рубцомъ на своей спинѣ, свидѣтельствовать о сохраненіи европейскаго спокойствія?

По поводу одной книги объ исторіи Италіи за послѣднія десять лѣтъ, знаменитый знатокъ русской исторіи, г. Леузонъ-Ледюкъ, объявляетъ, что Италія излечилась отъ прежнихъ неопытныхъ мечтаній и получила теперь способность дѣйствовать противъ Австріи основательнѣе. Теперь, говоритъ онъ, Италія не такова, какъ въ 1848 и 1849 годахъ.

«Какъ перемѣнились времена! восклицаетъ правдолюбивый защитникъ Италіи. Къ Піэмонту теперь примыкаютъ даже тѣ, которые болѣе всѣхъ другихъ не довѣряли ему, отталкивали его отъ себя съ наибольшей энергіей. *Viva Verdi*, — этотъ символическій крикъ раздается съ одного конца полуострова до другаго, — блистательный симптомъ, если не единства, можетъ быть невозможнаго, то по крайней мѣрѣ общаго согласія, носящаго на своемъ знамени знаменательный девизъ: «независимость и свобода!» Самъ Маццини, этотъ нетерпѣливый агитаторъ, отказываясь отъ исключительности своей системы, присоединяется къ усиліямъ для достиженія общей цѣли. Оставимъ на минуту вопросъ о внутренней организаціи и остановимся на вопросѣ объ освобожденіи отъ иностранцевъ; онъ теперь самый настоятельный. Что значитъ этотъ всеобщій крикъ «*Viva Verdi!*» если не соединеніе къ освобожденію отъ иностранцевъ? Но, говорятъ, достаточны ли будутъ силы одной Италіи для этого? Единодушное возстаніе цѣлаго народа очень могущественный рычагъ. И не приписываютъ ли Австріи силу, которой она не имѣетъ? Вспомнимъ венгерскую войну, особенно вспомнимъ страшный составъ Ав-

стрійской имперіи. Сколько въ ней самой такихъ элементовъ, которые могутъ развлечь ея силы! Одного движенія у этихъ венгровъ, или у этихъ славянъ, подобно итальянцамъ негодующихъ на габсбургскій скипетръ, было бы слишкомъ достаточно, чтобы принудить итальянскую армію Франца-Іосифа отступить, а кто не предвидитъ вѣроятности такого движенія? И развѣ Италія расчитываетъ только на свои силы для сверженія ига своихъ поработителей? Нѣтъ, она призываетъ на помощь всѣ благородныя націи. Ея дѣло, дѣло справедливости и цивилизаціи,— оно наше дѣло. Мы боимся вмѣшательства, — почему же? Не должны ли мы скорѣе съ признательностью привѣтствовать представляющійся случай положить наконецъ предѣлъ этой болѣзни, мучащей Европу и задерживающей колесницу прогресса?

«Австрія повсюду поднимаетъ голову въ Италіи, она поднимаетъ голову и внѣ Италіи. Не Австрія ли уничтожила всѣ результаты парижскаго трактата? Не Австрія ли внушаетъ Турціи всѣ ея измѣны, всѣ ея преступленія? Не Австрія ли возмутила союзъ, соединявшій насъ съ Англіею? Война, которая избавитъ насъ отъ этого кошмара, не должна ли быть благословляема между всѣми войнами? Такова война, готовящаяся въ Италіи. Вотъ почему мы смотримъ на нее съ довѣріемъ и спокойствіемъ.»

Что замѣчательнаго въ этой статьѣ? Развѣ то, что преднамѣренныхъ ошибокъ въ ней покрайней мѣрѣ столько же, скольно справедливаго. Итальянцы будтобы отсрочиваютъ вопросъ о внутренней организаціи до той поры, пока рѣшится дѣло національной независимости. Какое же ручательство въ томъ? Символическій крикъ viva Verdi! то есть: viva V(ictor) E(mmanuel) R(é) d'I(talia)—«да здравствуетъ Викторъ Эммануэль, король всей Италіи?» Но, во-первыхъ, вся ли Италія повторяетъ этотъ крикъ? Кажется, онъ слышенъ только въ Ломбардіи и въ Моденѣ; Неаполь, Римъ и самая Венеція, даже и теперь не высказываютъ охоты склониться передъ Туриномъ. Да и въ Ломбардіи можно ли положиться на этотъ «блистательный симптомъ?» Кому не извѣстно, что первоначальный крикъ быстро смѣняется другими по мѣрѣ того, какъ развиваются событія? Въ 1848 году итальянское движеніе началось съ крикомъ «да здравствуетъ папа Пій IX!» А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно пришло къ тому, что Пій IX почелъ нужнымъ бѣжать изъ Рима; и что бы возстановить его власть, Наполеонъ III, бывшій тогда президентомъ республики, почелъ за нужное послать противъ Рима французское войско, которое до сихъ поръ, вотъ уже цѣлые десять лѣтъ, стоитъ въ Римѣ. Почему знать, что возбудивъ итальянское движеніе теперь, какъ Пій IX возбуждалъ его одинадцать лѣтъ тому назадъ, Викторъ Эммануэль не увидѣлъ бы себя въ необходимости возстановлять свою власть даже надъ наслѣдственными землями тѣмъ же средствомъ, какимъ воз-

становилось правленіе Пія IX въ Римѣ? Мы уже не говоримъ о Ломбардіи, или Венеціи, или Тосканѣ; но можетъ ли онъ разсчитывать и на преданность значительной части своихъ нынѣшнихъ подданныхъ, если имъ не будетъ нужно молчать о своихъ чувствахъ къ нему изъ опасенія отъ австрійцевъ? Генуя недавно была усмирена только формальною осадою. Теперь она встрѣтила Виктора Эммануэля съ тріумфомъ; но вѣдь это потому, что она хочетъ войны по воспоминанію о 1848 году, когда въ нѣсколько мѣсяцевъ она обогатилась торговлею съ Миланомъ, пока онъ былъ свободенъ отъ австрійцевъ. Она и въ 1848 году желала войны, однакожь это не помѣшало ей, въ свое время, выразить нежеланіе подчиняться Турину. Но теперь, говоритъ Леузонъ-Ледюкъ, самъ Маццини хочетъ помогать сардинскому королю и графу Кавуру. Такъ эта помощь важна? Такъ мацциписты дѣйствительно сильны въ Италіи? Это можно видѣть изъ неосторожныхъ словъ Леузонъ-Ледюка; но чтобы туринскій кабинетъ остался безопасенъ при такой помощи, этому трудно повѣрить. Нынѣ Маццини можетъ быть и не хочетъ мѣшать Кавуру, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы по изгнаніи австрійцевъ онъ не вздумалъ, вмѣстѣ съ генуэзцами, предъявить свои желанія.

Если бы выговоръ былъ данъ за преднамѣренныя ошибки, статья заслуживала бы его; но онъ данъ просто за воинственность. Миролюбивые идеалисты сообразили, что это еще первый выговоръ, данный какой нибудь газетѣ въ министерство Делангля, который очевидно хочетъ прибѣгать къ такому средству только въ случаѣ крайней надобности; тѣмъ больше значенія получала эта экстренная мѣра: если уже Делангль сдѣлалъ выговоръ, значитъ война стала слишкомъ противна видамъ правительства.

Душевная безмятежность, вносившаяся во французское общество такимъ разсужденіемъ, была нѣсколько нарушена циркуляромъ того же самаго Делангля къ префектамъ. Въ немъ онъ говорилъ, «что они должны объяснять рѣчь императора не въ смыслѣ безусловно миролюбивомъ, что есть опасность, которая страшнѣе войны, именно то, когда умы, предавшіеся матеріяльнымъ интересамъ (то есть мыслямъ о гибельности войны для народнаго благосостоянія), забываютъ о преданіяхъ чести и патріотизма,» — иначе сказать, что хотя Наполеонъ III хотѣлъ бы сохранить миръ, но національная честь требуетъ войны, и люди, думающіе иначе — самые вредные люди. Циркуляръ заключался приказаніемъ смотрѣть, чтобы провинціальныя газеты говорили въ такомъ тонѣ; «если же не въ силахъ газетъ одушевиться тѣмъ высокимъ языкомъ, какимъ императоръ говорилъ съ Европою, то достоинство ихъ требуетъ не ослаблять его дѣйствія толкованіями, обличающими эгоизмъ или малодушіе,» — это значи-

ло, что газеты, не желающія склоняться въ пользу войны, должны молчать. Этотъ циркуляръ, сдѣлавшійся въ Парижѣ извѣстнымъ (15 февраля), наканунѣ выговора, даннаго Press'ѣ, нѣсколько парализировалъ впечатлѣніе выговора; а еще больше ослабилось оно толкованіемъ о происхожденіи знаменитаго выговора. Говорили, будто бы австрійскій посланникъ сказалъ графу Валевскому, что выѣдетъ изъ Парижа, если не получитъ удовлетворенія за нападки Press'ы на Австрію; такимъ образомъ выговоръ оказывался только дипломатическою учтивостью.

Но эти два небольшія нарушенія миролюбивыхъ симптомовъ были послѣдними отголосками прежней воинственности, да и они оказались не имѣющими важности, какую имъ придали. Выговоръ не былъ просто дипломатическимъ оборотомъ: хозяинъ Press'ы Мильйо вѣроятно осязалъ его серьёзность, потому что немедленно продалъ газету, «а то, чего добраго, говорилъ онъ, запретятъ ее». Принцъ Наполеонъ, до сихъ поръ ей покровительствовавшій, сказалъ хозяину, что не въ силахъ защитить ее отъ опасностей. Новый хозяинъ не захотѣлъ служить органомъ воинственной партіи и прежній редакторъ Геру долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, который хочетъ повести ее въ духѣ орлеанской партіи, питающей къ принцу Наполеону и его фамиліи тоже самое чувство, какое прежняя Presse имѣла къ Австріи. Да, расклеивается каждое маленькое дѣло у людей, противъ которыхъ повертывается счастіе въ главномъ дѣлѣ. Хотѣли обуздать вредную ревность союзника, — и что же вышло? органъ, принадлежавшій слишкомъ усердному союзнику, перешелъ въ руки врага. Дѣйствительно ли хотѣлъ Деланглъ сдѣлать серьёзный выговоръ Press'ѣ, или только Валевскій оказывалъ черезъ него дипломатическое приличіе австрійскому посланнику, мы не знаемъ; но какъ бы то ни было, выговоръ получилъ очень серьёзную силу. Совсѣмъ не такова была судьба циркуляра: онъ оказался безсильнымъ, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что имъ вовсе не хотѣли шутить. Провинціальныя газеты быть можетъ и замолчали на нѣсколько дней, но уже давно опять говорятъ противъ войны, чуть ли не сильнѣе прежняго.

Явилась оппозиція болѣе опасная, нежели газеты. Въ прошлый разъ мы упоминали о томъ, какъ сильно говорятъ депутаты въ салонахъ противъ войны. Теперь они начали говорить подобнымъ образомъ даже въ залѣ своихъ собраній,—мы ошиблись, еще не въ главной залѣ общихъ собраній, а только въ маленькихъ частныхъ залахъ, гдѣ собираются для комитетскихъ совѣщаній отдѣлы законодательнаго корпуса (бюро) или засѣдаютъ коммиссіи. Самымъ поразительнымъ случаемъ подобнаго рода была встрѣча бюджета. Вотъ

какъ разсказываютъ это дѣло. Бюджетъ 1860 года показываетъ число арміи и расходы на нее почти въ такихъ же цифрахъ, какія были въ прошедшемъ году и утверждены для нынѣшняго года. Комиссія законодательнаго корпуса по финансовымъ дѣламъ, получивъ новый бюджетъ, объявила, что недоумѣваетъ, какимъ образомъ согласить эти цифры мирнаго положенія съ слухами о войнѣ. «Законодательный корпусъ можетъ заниматься только серьёзными цифрами, сказала коммиссія, — онъ не захочетъ утверждать такой бюджетъ, къ которому будутъ сдѣланы потомъ прибавки экстренныхъ кредитовъ на веденіе войны». Поэтому, прежде нежели начать разсмотрѣніе бюджета, коммиссія потребовала у правительства объясненія о томъ, серьёзны ли цифры бюджета. Коммиссіонеръ правительства для объясненій съ законодательнымъ корпусомъ по бюджету, Барошъ, долженъ былъ объявить, что цифры бюджета по искреннему убѣжденію правительства не потребуютъ прибавокъ, и что правительство увѣрено въ сохраненіи европейскаго мира.

Депутаты, начинающіе, какъ видимъ, наступательное движеніе, становятся съ каждымъ днемъ смѣлѣе, — т. е. на словахъ, отъ которыхъ еще далеко до дѣла. Даже бывшіе министры Наполеона III лица самыя близкія къ нынѣшнему правительству, отъ прежней системы почтительныхъ возраженій переходятъ къ такому образу дѣйствій, котораго сами никакъ не одобрили бы мѣсяца за полтора или за два. Напримѣръ, вотъ что произошло между Персиньи и принцемъ Наполеономъ при той церемоніи, когда передавался въ архивъ императорской фамиліи документъ о бракосочетаніи принца Наполеона. Персиньи присутетвовалъ тутъ, какъ членъ тайнаго совѣта. Зашла рѣчь о войнѣ. Принцъ Наполеонъ выразилъ пренебреженіе къ трактатамъ 1815 года, сказалъ, что надобно плевать на нихъ (they should le cast to the winds) и освободить Италію въ противность имъ; а если общественное мнѣніе, прибавилъ онъ, противно такой политикѣ, то не надобно смотрѣть на него. Персиньи перебилъ его словами, что подобный образъ мыслей вреденъ, не только для правительства, но и для всего общества; и что подобная политика была бы противна интересамъ Франціи. Потому, продолжалъ онъ громкимъ голосомъ, я всегда буду противиться ей всѣми силами. Разговоръ въ этомъ тонѣ тянулся довольно долго; словомъ сказать, на торжественной церемоніи произошла очень жаркая сцена въ противность всякому этикету.

Не только отдѣльные сановники, подобно Персиньи доказывавшіе, что имѣютъ мужество противорѣчить желаніямъ императора, когда то нужно для его собственной пользы; не только депутаты законодательнаго корпуса, между которыми есть десятка полтора ли-

дей независимыхъ, имѣющихъ нѣкоторое вліяніе на толпу своихъ товарищей, дѣлаютъ оппозиціонныя попытки, — даже въ сенатѣ, составленномъ самимъ императоромъ изъ самыхъ покорнѣйшихъ ему людей, начинаютъ слышаться рѣчи очень рѣзкія. По случаю бракосочетанія принца Наполеона надобно было увеличить его содержаніе. Это производится рѣшеніемъ сената (senatusconsult). Покорные члены не могли и думать о томъ, чтобы отвергнуть предложеніе о назначеніи принцу Наполеону требуемой прибавки въ 700,000 франковъ; а между тѣмъ непремѣнно хотѣли выразить свое неудовольствіе на принца. Какъ это сдѣлать? Двое изъ членовъ сената, Кастельбажанъ и Буасси, придумали средство: надобно предложить въ senatusconsult'ѣ измѣненіе такого рода, что 700,000 франковъ назначаются не принцу Наполеону, а просто предоставляются въ распоряженіе императора. Эта очень замысловатая протестація такъ понравилась сенаторамъ, что наканунѣ преній Парижъ ожидалъ ея принятія большинствомъ сената. Но сами предводители оппозиціи испортили дѣло, слишкомъ понадѣявшись на доблесть своихъ товарищей. Рѣчи, ими сказанныя, были такъ рѣзки, что сенаторы перепугались; и когда дѣло дошло до подачи голосовъ противъ senatus consult'а въ его первоначальномъ видѣ, оказалось противъ него только два голоса самихъ ораторовъ, а всѣ остальные члены сената благоразумно отступились отъ геройскаго замысла. Результатъ не блистательный; но каковъ бы онъ ни былъ, страшно уже самое появленіе оппозиціонныхъ попытокъ въ вѣрномъ сенатѣ. Потомъ по вопросу о бюджетѣ сенатская коммиссія бюджета точно такъ же требовала объ ясненій какъ и коммиссія законодательнаго корпуса.

Можно вообразить себѣ, какъ силенъ ропотъ противъ войны, если даже сенатъ чуть-чуть было не вадумалъ попытаться быть его отголоскомъ. До сихъ поръ увѣряли, что по крайней мѣрѣ французская армія желаетъ войны единодушно. Было извѣстно, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ, напримѣръ Пелиссье и Канроберъ, противъ войны: но говорилось, что они составляютъ исключеніе. Теперь всѣмъ извѣстно, что изъ генераловъ большая часть противъ войны; что между солдатами также мало охоты идти въ Италію. Только офицеры, особенно штабъ-офицеры, надѣющіеся скорѣе дослужиться до генеральскихъ эполетъ на поляхъ битвъ, желали бы идти въ походъ. Словомъ сказать, даже большинство арміи едва ли не противъ войны. Принцъ Наполеонъ и его прежній органъ, газета «Presse», увѣряли, что линіяясь прежнихъ приверженцевъ въ промышленномъ сословіи, правительство пріобрѣтетъ себѣ усердныхъ защитниковъ между прежними врагами, республиканцами и революціонерами. Эти партіи, ожидающія въ скоромъ времени бла-

гопріятнаго случая для рѣшительныхъ дѣйствій, въ послѣднее время держали себя очень осторожно и молчали. Ихъ молчаніе истолковывалось въ смыслѣ согласія. Но вотъ и эта надежда исчезла. Парижскіе республиканцы въ половинѣ февраля собирались у Карно и рѣшили, что они противъ войны. Черезъ нѣсколько дней былъ въ Лондонѣ митингъ французскихъ изгнанниковъ демократической партіи и также объявилъ себя противъ войны.

Положеніе вообще сдѣлалось въ самой Франціи еще гораздо затруднительнѣе, нежели какъ было въ январѣ мѣсяцѣ. Давно уже было извѣстно, что комерческія палаты по всей Франціи хотятъ подавать просьбы о сохраненіи мира; онѣ имѣли на это слишкомъ много основаній. Не только фонды и другія кредитныя бумаги сильно падаютъ, производя повсюду разореніе, но и вообще торговля остановилась, заграничный отпускъ чрезвычайно уменьшился, фабрики не имѣютъ заказовъ, во всѣхъ торговыхъ городахъ множество банкротствъ. Но вздумали было остановить протестъ торговаго сословія простымъ запрещеніемъ. Черезъ нѣсколько дней оказалось, что запрещеніемъ нельзя утишить недовольство. Тогда самъ императоръ принялъ депутацію одного изъ торговыхъ городовъ и въ отвѣтъ на жалобы сказалъ: «Господа, успокойтесь, миръ не будетъ нарушенъ». (Rassurez vous, Messieurs, la paix ne sera pas troublée). Это было въ половинѣ февраля. Но послѣ того недовольство въ обществѣ росло; оппозиція сановниковъ становилась все сильнѣе; сенатъ совершилъ мужественное дѣло, выслушавъ, хотя съ испугомъ, рѣчи противъ войны и ея представителя принца Наполеона, наконецъ законодательный корпусъ потребовалъ объясненій относительно бюджета и, не ограничиваясь этимъ, бюджетная коммиссія единодушно предложила сдѣлать новое, еще болѣе рѣзкое нападеніе. Она хотѣла предложить уничтоженіе новаго министерства Алжиріи и колоній, т. е. потребовать отставки принца Наполеона, бывшаго представителемъ воинственности въ совѣтѣ министровъ. Съ половины февраля вражда стольныхъ министровъ къ нему дошла до такой рѣзкости, что онъ три раза требовалъ отставки, т. е. предлагалъ императору выборъ между нимъ и остальными министрами, надѣясь, что его предпочтутъ имъ. Это было дѣйствительно правдоподобно по тѣмъ соображеніямъ, какія мы излагали въ предъидущей статьѣ: Франція можетъ противиться войнѣ, но война необходима для нынѣшней системы. Поэтому носились слухи объ удаленіи въ отставку министровъ, особенно сильно споривщихъ съ принцемъ Наполеономъ. Но съ каждымъ днемъ ихъ положеніе усиливалось, и вотъ наконецъ, 5-го марта, къ общему изумленію, явилось въ Монитёрѣ оффиціальное увѣдомленіе, объявлявшее, что газеты, говорящія о войнѣ

вовсе не должны считаться представительницами намѣреній правительства, потому что во Франціи нѣтъ цензуры, слѣдовательно правительство не отвѣчаетъ за мнѣнія журналистовъ. За этимъ увѣдомленіемъ слѣдовала статья, подробно объяснявшая, что Франція не дѣлаетъ никакихъ особенныхъ усилій ни въ арміи, ни во флотѣ. Франція обѣщала помогать Піэмонту, если на него нападетъ Австрія, больше не обѣщала и не хочетъ она ничего. Слухи объ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ—«выдумки, ложь и бредни». Пѣхотные и конные полки остаются въ комплектѣ мирнаго штата. Покупка 4,000 лошадей для артиллеріи сдѣлана только для ремонта, чтобы привести ее къ нормальному мирному положенію. Работы въ арсеналахъ происходятъ только потому, что надобно исправить артиллерію и флотъ, и если построено нѣсколько новыхъ судовъ, то единственно для обыкновенныхъ сношеній съ Алжиріею или для провоза съѣстныхъ припасовъ въ Чивита-Веккію, или въ Александрію для кохинхинской экспедиціи; потому слухи о войнѣ нелѣпы; выдумываются злонамѣренными людьми; принимаются на вѣру глупцами. Конечно французскій императоръ наблюдаетъ за причинами могущихъ возникнуть несогласій; но разсмотрѣніе этихъ вопросовъ приняло дипломатическій характеръ и надобно думать, что они разрѣшатся мирнымъ соглашеніемъ. Въ то же самое время въ англійскихъ газетахъ явилось письмо императора французовъ къ одному изъ его англійскихъ друзей, мистеру Геду, съ увѣреніемъ въ симпатіи къ Англіи, о которой онъ вспоминаетъ съ глубокою любовью, потому что провелъ въ ней много лѣтъ изгнанія; императоръ всегда былъ поклонникомъ англійской свободы; жаль только, что она, какъ и все хорошее, имѣетъ крайности. Зачѣмъ она вмѣсто разъясненія истины употребляетъ всѣ усилія для ея помраченія? Только несправедливая вражда англійскихъ газетъ огорчаетъ императора, счастливаго, впрочемъ, тою смыслію, что онъ нашелъ такого добросовѣстнаго и безкорыстнаго защитника, какъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ. Къ этому письму было приложено письмо самаго Геда, объяснявшаго, что дѣйствительно только злоязычіе англійскихъ газетъ мѣшаетъ упроченію союза Англіи съ повелителемъ полмилліона солдатъ. Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ эти документы въ томъ самомъ видѣ, какъ они были напечатаны въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, съ отвѣтами на нихъ газеты Times, къ которой спеціально относилось примѣчаніе, слѣдовавшее въ Монитёрѣ за миролюбивою статьею, въ столбцахъ которой появлялись статьи Геда въ защиту Наполеона, и въ редакцію которой онъ обратился съ просьбою напечатать письмо Наполеона и его комментаріи.

Въ первыя минуты статья Монитёра, изумившая всѣхъ, всѣхъ убѣдила въ рѣшимости императора французовъ кончить дѣло миромъ. Но черезъ нѣсколько часовъ стали говорить, что она еще недостаточна, и тогда вздумали помѣстить въ Монитёрѣ вторую статью, которая бы разсѣяла остающіяся сомнѣнія. Но вечеромъ принцъ Наполеонъ вышелъ въ отставку и объявленіе объ этомъ, явившееся на другой день въ Монитёрѣ, было сочтено достаточнымъ усиліемъ миролюбивыхъ увѣреній, такъ что для новой статьи почли излишнимъ слишкомъ высокое помѣщеніе въ Монитёрѣ, а отвели ей мѣсто въ Constitutionnel'ѣ.

Отставка принца Наполеона составляетъ важнѣйшую изъ миролюбивыхъ демонстрацій. Она успокоила многихъ, даже между такими людьми, которые не вѣрили Монитёру. Миролюбивыя французскія газеты заговорили сильнѣе прежняго, и никто имъ до сихъ поръ не мѣшаетъ доказывать, что война была бы безразсудствомъ со стороны французскаго правительства и гибелью для Франціи.

До сихъ поръ мы говорили о симптомахъ, происходившихъ внутри Франціи; теперь посмотримъ, какъ развивался итальянскій вопросъ въ сферѣ дипломатическихъ переговоровъ, и въ какомъ положеніи видятъ себя державы, вовлеченныя въ него Франціею.

Съ самаго начала Англія приняла очень сильное участіе въ раздорѣ Франціи съ Австріею, усиливаясь предупредить войну. Изъ объясненій англійскихъ министровъ въ парламентѣ мы знаемъ, что сенъ-джемскій кабинетъ посылалъ множество депешъ къ отдѣльнымъ дворамъ и нѣсколько циркуляровъ къ кабинетамъ парижскому, туринскому, вѣнскому и нѣкоторымъ другимъ. Общее содержаніе всѣхъ этихъ бумагъ состояло во-первыхъ въ томъ, что Англія совѣтуетъ враждующимъ державамъ сдѣлать взаимныя уступки; во-вторыхъ, и это было главное, она объявляла, что будетъ вооруженною рукою дѣйствовать противъ той стороны, которая первая нарушитъ миръ,— противъ Австріи, если нападетъ на Піэмонтъ Австрія; противъ Франціи, если Франція захочетъ помогать Піэмонту въ случаѣ его нападенія на Австрію. Отъ Австріи никто не ждетъ нападенія, потому очевидно, что дѣйствительный смыслъ грознаго запрещенія относится только къ Франціи. Мы разсказывали въ прошлый разъ, какъ, подъ вліяніемъ этихъ увѣщаній, одинъ за другимъ исчезали предлоги къ войнѣ, выставлявшіеся Франціею. Развязалось мирнымъ образомъ сербское дѣло. Франція отъискала новую причину войны въ Папской Области; Англія опять устроила, что исчезъ и этотъ предлогъ: Австрія согласилась вывести свои войска изъ легатствъ, если Франціи дѣйствительно угодно вывесть изъ Рима свои войска. Поя-

вился было третій предлогъ, — избраніе Кузы общимъ господаремъ Валахіи и Молдавіи; но черезъ два—три дня исчезъ и онъ: было рѣшено устроить это дѣло посредствомъ конференціи. Казалось бы не легко отыскать четвертый предлогъ, но нашелся и онъ: вдругъ разнеслись слухи, что парижскій посланникъ Англіи, лордъ Коули, черезъ Лондонъ ѣдетъ въ Вѣну посредникомъ по какому-то новому спорному вопросу. По какому же дѣлу онъ ѣдетъ, когда всѣ дѣла уже благополучно кончены? Нѣсколько дней господствовало недоумѣніе; наконецъ узнали, какія требованія привезъ онъ; узнали, что данъ отказъ на нихъ; узнали, что въ Вѣнѣ составлены другія предложенія; что получено на нихъ одобреніе Англіи; что отправлены они въ Парижъ и тамъ имѣютъ вѣроятность быть принятыми. Наконецъ узнали, что по итальянскому вопросу соберется конгрессъ въ Лондонѣ или Берлинѣ.

Эта четвертая французско-австрійская дипломатическая исторія занимала Европу одна, чуть ли не столько же времени, какъ всѣ три прежнія вмѣстѣ: съ половины февраля всѣ толкуютъ о посольствѣ лорда Коули и толки еще не кончились. Въ чемъ же дѣло?

Когда Австрія согласилась вывесть войска изъ Папской Области, то было открыто, что жалобы Франціи противъ нея, по итальянскимъ дѣламъ, не ограничиваются содержаніемъ ея гарнизоновъ въ нѣкоторыхъ земляхъ центральной Италіи, а проистекаютъ также изъ трактатовъ заключенныхъ ею съ Неаполемъ, Тосканою, Пармою, Моденою. Общее содержаніе трактатовъ состоитъ въ томъ, что австрійскія войска должны помогать этимъ правительствамъ въ подавленіи революцій, которыя могли бы вспыхнуть противъ нихъ; а въ вознагражденіе за такую опору итальянскіе правители обязались не дѣлать въ политическомъ устройствѣ такихъ измѣненій, которыя могли бы возбуждать зависть въ ломбардо-венеціанцахъ. Такимъ образомъ, говоритъ Франція, Австрія держитъ подъ своей зависимостью всю Италію, кромѣ Піэмонта; надобно уничтожить эти трактаты. И тутъ опять едва ли встрѣтилось бы серьёзное затрудненіе, еслибы это требованіе не скрывало подъ собой новыхъ требованій въ случаѣ согласія на него со стороны Австріи. Трактатъ съ Неаполемъ не нуженъ для Австріи, потому что и безъ всякихъ обязательствъ неаполитанское правительство не имѣетъ никакой охоты давать конституцію; а если бы (чего никакъ нельзя предполагать) серьёзно захотѣло дать ее, то никакіе трактаты не помогли бы Австріи противъ государства, имѣющаго болѣе 9,000,000 населенія, т. е. вдвое болѣе чѣмъ Сардинія, и при томъ довольно далекаго отъ австрійскихъ границъ. Что же касается до Пармы, Модены и Тосканы, ихъ привязанность къ Австріи и безъ письменныхъ обязательствъ

достаточно прочна по династическимъ отношеніямъ. Изъ-за чего же было бы тутъ серьёзно спорить? Но говорятъ, будто Австрія не согласна на отмѣненіе трактатовъ, въ сущности не очень важныхъ. Мы не будемъ останавливаться на догадкахъ о дипломатическихъ тайнахъ, т. е. о мелочныхъ подробностяхъ австрійскаго оффиціальнаго отвѣта: дѣло ясно и безъ всякихъ стараній проникнуть въ секреты. Во-первыхъ, вліяніе Австріи на Италію въ случаѣ отмѣны трактатовъ не изчезнетъ безъ замѣны другимъ иностраннымъ вліяніемъ: Піэмонтъ, руководимый Франціею и служащій ея орудіемъ, почти уже сдѣлавшійся ея вассаломъ, будетъ давать тонъ другимъ итальянскимъ правительствомъ и тонъ этотъ будетъ чисто французскій. По всей вѣроятности, Австрія согласилась бы предоставить Неаполь, Тоскану и т. д. непринужденному влеченію ихъ сердецъ, но не такъ легко ей отдать Италію подъ вліяніе Франціи. Во-вторыхъ,—и въ этомъ сущность дѣла, — даже и такая уступка не прекратила бы ссору. За четвертымъ требованіемъ явилось бы пятое и т. д., пока вопросъ бы дошелъ до своего кореннаго смысла, до очищенія Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій Австріею съ предоставленіемъ ихъ Піэмонту и съ вознагражденіемъ Франціи за ея хлопоты, или присоединеніемъ Савойи, или основаніемъ вассальнаго французскаго королевства гдѣ нибудь въ Тосканѣ, или въ легатствахъ.

Такимъ образомъ не надобно придавать слишкомъ большой важности ходу оффиціальныхъ переговоровъ о томъ или другомъ вопросѣ, формально выставляемомъ впередъ. Всѣ они въ сущности не болѣе какъ препровожденіе времени въ приличныхъ разговорахъ, между тѣмъ какъ на душѣ у собесѣдниковъ мысли совершенно иного рода, о которыхъ нѣтъ ясныхъ упоминаній въ бесѣдѣ.

Дѣйствительно, мы видимъ, что предметы открытаго несогласія одинъ за другимъ отстраняются, — три уже отстранены; о четвертомъ думаютъ, что Франція и Австрія подошли очень близко къ согласію въ намъ и собирается конгрессъ для разрѣшенія дѣла мирнымъ путемъ. Въ самой Франціи, соотвѣтственно этимъ наружнымъ дипломатическимъ фактамъ и требованію французскаго общества, мирные симптомы взяли въ послѣднее время рѣшительный верхъ надъ военными манифестаціями; прусское правительство формально объявило въ своей палатѣ депутатовъ, что мирное разрѣшеніе возникшихъ затрудненій сдѣлалось правдоподобнымъ. А между тѣмъ надежды на сохраненіе мира теперь едва ли не меньше, нежели до громкихъ мирныхъ манифестацій, которыми ознаменовалось начало марта. Военныя приготовленія во Франціи, Сардиніи, Австріи, Англіи продолжаются съ энергіею, которая увеличивается ежедневно. Въ послѣднее время начала становиться въ оборонительное положе-

ніе и Пруссія, увлекая за собою тѣ второстепенныя государства германскаго союза, которыя не предупредили ее въ этомъ направленіи.

Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь того, что мы говорили въ прошлый разъ о существенныхъ причинахъ угрожающей войны. Мы уже указывали, что онѣ лежатъ въ отношеніяхъ французскаго правительства къ общественному мнѣнію во Франціи и въ нѣкоторыхъ угрозахъ со стороны итальянскихъ энтузіастовъ. Въ дополненіе къ прежнимъ разсказамъ приведемъ нѣсколько случаевъ, сдѣлавшихся извѣстными съ половины февраля. Очень многимъ читателямъ они извѣстны изъ русскихъ газетъ, — но мы и не можемъ имѣть претензіи на сообщеніе новыхъ фактовъ,—газеты всегда будутъ предупреждать насъ въ этомъ отношеніи, и мы желаемъ только облегчать воспоминанія о газетныхъ извѣстіяхъ, приводя ихъ въ связь.

Говорятъ, что маршалъ Пелиссье имѣлъ въ Лондонѣ свиданіе съ Маццини будто бы затѣмъ, чтобы узнать, могутъ ли Франція и Сардинія разсчитывать на содѣйствіе его партіи при войнѣ. Но предполагается кромѣ этой и другая цѣль, — склонить Маццини, чтобы онъ убѣждалъ итальянскихъ революціонеровъ отказаться отъ орсиніевскихъ предпріятій, о которыхъ мы говорили въ прошлый разъ. Въ дополненіе къ прежнимъ, разсказываютъ о двухъ новыхъ случаяхъ такого рода.

Въ итальянской газетѣ «Opinione» было краткое извѣстіе о какой-то адской машинѣ, посылавшейся въ Парижъ и захваченной таможнею. Съ другой стороны въ парижскихъ газатахъ было извѣстіе о томъ, что принцесса Матильда пріѣзжала къ префекту полиціи взглянуть на какіе-то старинные документы. Эти два отрывочныя обстоятельства парижскій корреспондентъ Daily News объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

«Дней десять тому назадъ (т. е. около 15 февраля н. с.), какъ я знаю изъ вѣрнаго источника, человѣкъ, казавшійся по наружности лакеемъ и одѣтый въ императорскую ливрею, явился на одну изъ станцій желѣзныхъ дорогъ въ Парижѣ и спросилъ три ящика, которыхъ ожидаетъ принцесса Матильда съ поѣздомъ, только-что пришедшимъ въ Парижъ, и на которыхъ должна быть надпись «оставить на станціи до востребованія». Ему сказали, что дѣйствительно прибыли такіе ящики, но только два. Онъ взялъ ихъ, повторивъ, что ожидали трехъ. На слѣдующій день прибылъ третій ящикъ съ такою же надписью. Конторщики желѣзной дороги прямо послали его въ домъ принцессы Матильды на улицѣ *Courselles*. Швейцаръ, выслушавъ исторію двухъ другихъ ящиковъ, сказалъ, что онъ ихъ не видѣлъ. Принцессѣ доложили о полученной посылкѣ, и она вышла въ залъ взглянуть на нее. Ящикъ

вскрыли при ней и нашли въ немъ бомбы, точно такого же устройства какъ орсиніевскія, только нѣсколько поменьше размѣромъ. Разумѣется, стали страшно безпокоиться мыслею, что два другіе ящика, вѣроятно съ подобною же поклажею, скрываются гдѣ нибудь въ Парижѣ и находятся въ рукахъ заговорщиковъ. Въ этотъ вечеръ или въ слѣдующій было то, что императоръ ѣздилъ въ *Opéra Comique*, причемъ, какъ пишетъ и корреспондентъ одной изъ англійскихъ газетъ, были замѣчены чрезвычайныя предосторожности. Теперь я слышалъ, что при этомъ случаѣ было поставлено на бульварѣ два эскадрона кавалеріи,—количество войскъ совершенно безпримѣрное,—и что пространство около подъѣзда было совершенно очищено отъ народа на необыкновенно большое разстояніе. Причина этихъ предосторожностей теперь очевидна. Едва ли можно сомнѣваться, что принцесса Матильда была въ префектурѣ полиціи по дѣлу, имѣющему связь съ тревожнымъ открытіемъ, о которомъ я разсказываю. Быть можетъ, — впрочемъ объ этомъ еще нѣтъ слуховъ, — что она и ея слуги пріѣзжали взглянуть сходны ли съ полученнымъ ими ящикомъ какія нибудь два другіе, отысканные полиціею. Туринская газета *Opinione*, издающаяся подъ вліяніемъ французскаго правительства, кратко упоминала о ящикѣ съ бомбами, посланномъ на имя принцессы Клотильды. Но я почти совершенно могу ручаться, что достовѣрный разсказъ — тотъ, который передаю я».

Черезъ нѣсколько дней парижскій корреспондентъ другой англійской газеты, Manchester Guardian сообщилъ объ этомъ дѣлѣ разсказъ, почти совершенно сходный съ приведеннымъ нами, а въ другомъ письмѣ разсказалъ другой случай, который передаемъ его подлинными словами:

«Назадъ тому недѣли три произошло, говорятъ, загадочное обстоятельство, достовѣрность котораго я знаю. Въ Тюильрійскомъ саду былъ схваченъ и обысканъ человѣкъ, у котораго былъ револьверъ и двѣ или три ручныя гранаты, усѣянныя пистонами въ видѣ рожковъ, какъ на орсиніевскихъ гранатахъ. Разумѣется, его отвели въ тюрьму. Онъ называлъ себя итальянской фамиліей и имѣлъ итальянскій выговоръ. Онъ сказалъ, что можетъ дать полиціи важныя свѣдѣнія, потому что участвуетъ въ тайномъ обществѣ. Но два или три дня онъ былъ очень молчаливъ и наконецъ сталъ просить, чтобы ему дали товарища, говоря, что не можетъ и не хочетъ говорить ничего, пока его станутъ держать въ одиночномъ заключеніи. Ему данъ былъ товарищъ, одинъ изъ людей, служившихъ при тюрьмѣ, что-то въ родѣ архиваріуса или библіотекаря. Тогда итальянецъ раскрылъ или показалъ видъ, что разскрываетъ много тайнъ. Но на другой или на третій день допрашивавшіе чиновники возвратились и объявили ему, что по произведеннымъ дознаніямъ ни одно изъ его словъ не подтвердилось фактами и что ему надобно рѣшиться говорить правду. Онъ сказалъ, что

объявить ее завтра. Его оставили на ночь въ покоѣ. Но въ четвертомъ часу утра онъ всталъ, взялъ бритву своего товарища и перерѣзалъ себѣ горло. Призванный докторъ нашелъ, что рана сдѣлана съ такою силою, что арестантъ долженъ былъ умереть въ нѣсколько минутъ. Эта исторія мало извѣстна публикѣ; хорошо извѣстна она немногимъ и тѣ различно ее истолковываютъ.»

Съ перваго взгляда легко открыть множество поводовъ къ сомнѣнію въ достовѣрности обоихъ этихъ анекдотовъ. Особенно второй имѣетъ неправдоподобныя черты. Но люди довѣрчивые или мнительные находятъ много причинъ принимать ихъ за истину. Разсказъ туринской газеты, преданной императору французовъ, долженъ былъ явиться не иначе, какъ слѣдствіемъ невозможности опровергнуть слухъ. Посѣщеніе префектуры принцессою Матильдою плохо объясняется желаніемъ разсмотрѣть какіе-то старинные документы; чрезвычайныя предосторожности при посѣщеніи театра императоромъ были приняты конечно не безъ причины. Наконецъ слѣдующій разсказъ, который можно очистить отъ всѣхъ неправдоподобныхъ подробностей, сохранивъ только главную черту, именно арестованіе и самоубійство человѣка, пойманнаго съ орсиніевскими гранатами, служитъ естественнымъ продолженіемъ перваго разсказа, хотя сообщается совершенно другимъ корреспондентомъ. Такъ разсуждаютъ мнительные люди, прибавляя, что должны же быть на чемъ нибудь основаны хотя нѣкоторые изъ подобныхъ разсказовъ, ходящихъ по Парижу въ такомъ большомъ количествѣ.

Достовѣрно то, что итальянскіе фанатики любятъ говорить о томъ, что орсиніевскія попытки будутъ безпрестанно повторяться, пока Наполеонъ III не докажетъ на дѣлѣ своего желанія освободить Италію. Мнительные люди прибавляютъ, что посылка бомбъ, по сообщенному нами разсказу, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда сѣверная Италія прочла миролюбивыя рѣчи императора французовъ и графа Морни; когда разнеслись слухи, что Викторъ—Эмманюэль написалъ императору французовъ письмо, жалуясь, что императоръ охладѣваетъ къ итальянскому дѣлу, и высказывая свое намѣреніе отказаться отъ престола, если это дѣйствительно такъ. При этихъ слухахъ, продолжаютъ мнительные люди, нѣкоторыя особенно горячія головы дѣйствительно могли почесть излишнимъ сохранять далѣе систему пощады, принятой всею ихъ партіею; могли подумать, что итальянскій вопросъ уже заглушенъ и пора имъ мстить за свое разочарованіе.

Подобныя размышленія составляютъ одну сторону дѣла; приведемъ два-три факта въ дополненіе къ тому, что говорили въ прошлый разъ о другомъ источникѣ войны, объ отношеніяхъ общественнаго мнѣнія къ внутренней политикѣ. Мы представляли нѣсколько дока-

зательствъ тому, что въ концѣ прошедшаго года оно выражалось очень настойчиво и съ каждою недѣлею его настойчивость возрастала; и что приготовленія въ войнѣ служили средствомъ, чтобы обратить его отъ внутреннихъ дѣлъ на заграничныя; мы прибавляли, что на первое время эта фонтанель подѣйствовала, и что во французскихъ газетахъ за январь вся энергія уходила на итальянскій вопросъ. Само собою разумѣется, что временное отвлеченіе стало терять свою силу, какъ только утратило первую новизну, и въ скоромъ времени тотъ самый предметъ, который долженъ былъ служить отвлеченіемъ, обратился въ новое поощреніе для возвратившейся настойчивости. Вотъ каково напримѣръ заключеніе статьи Journal des Débats о поѣздкѣ графа Коули въ Вѣну:

«Мы не можемъ видѣть французское правительство дѣлающимъ столь великія усилія для пріобрѣтенія этой прекрасной странѣ (Италіи) соединенныхъ благъ порядка и свободы, не обращаясь мыслью къ состоянію нашей страны и не чувствуя желанія, чтобы пришелъ для Франціи день, когда эти два блага стали бы нераздѣльны, когда мы могли бы наконецъ безопасно наслаждаться тѣми драгоцѣнными выгодами, которыя нынѣ съ такимъ усердіемъ хотимъ, какъ говоримъ, дать народамъ, навѣрное не превосходящимъ насъ ни блескомъ ума, ни разсудительностью, ни энергіею, ни славою. Какъ ни суровы были до сихъ поръ испытанія свободы въ нашей странѣ, мы не можемъ вѣрить, чтобы свобода должна была безсильно прозябать въ ней, какъ въ безплодной землѣ, и чтобы французская почва была рѣшительно неудобна для этого благороднаго растенія, столь же необходимаго нашимъ душамъ, какъ хлѣбъ и вино необходимы для нашего тѣла. Мы отвергаемъ безчеловѣчный каламбуръ, присуждающій Францію считать свободу только товаромъ на вывозъ, полезнымъ для другихъ и вреднымъ для ней самой; мы составляемъ себѣ о будущности нашей страны мысль болѣе возвышенную и болѣе отрадную».

Эта статья напечатана въ нумерѣ 3 марта.

Если осторожный Journal des Débats, всегда державшій себя такъ скромно, что не получалъ ни одного выговора, говорилъ такимъ языкомъ еще до уступки, сдѣланной противникамъ правительственныхъ желаній статьею Монитёра, то не трудно отгадать, что другія газеты, менѣе дипломатичныя, говорили рѣзче; а послѣ статьи Монитёра заговорили еще сильнѣе.

Мы видѣли въ Законодательномъ Корпусѣ и даже въ сенатѣ стремленіе къ оппозиціи. Обѣ корпораціи объявили свое недовѣріе къ бюджету; обѣ требовали у правительства положительныхъ увѣреній въ ненарушимости мира, говоря, что безъ этого не стоитъ и заниматься разсмотрѣніемъ бюджета; Законодательный Корпусъ

требовалъ даже удаленія принца Наполеона изъ совѣта министровъ, и принцъ былъ удаленъ и увѣренія даны. Довольно ли всего этого, чтобы судить о томъ, какъ растетъ требовательность общественнаго мнѣнія? Нѣтъ, есть фактъ еще болѣе ясный. Вотъ подлинныя слова парижскаго корреспондента газеты l'Indépendance Belge въ письмѣ отъ 4 марта. Читатель знаетъ, какъ заботится эта газета о томъ, чтобы не подвергаться запрещеніямъ во Франціи, и какъ осторожно помѣщаетъ она парижскія извѣстія.

«Носится слухъ, — я не знаю, какого довѣрія онъ заслуживаетъ,— что въ комитетѣ министровъ обсуждался проэктъ закона въ измѣненіе нынѣшнихъ постановленій о журналистикѣ. Этотъ проэктъ долженъ измѣнить нынѣшнее законодательство въ либеральномъ духѣ. Но вотъ что болѣе положительно: г. де-Персиньи, этотъ неутомимый династическій слуга наполеоновской монархіи, приготовляетъ проэктъ конституціи, которому старается пріобрѣсти большинство въ сенатѣ. Одно изъ основаній проэкта измѣненіе статьи, установляющей неотвѣтственность министровъ. Г. де-Персиньи хочетъ такой организаціи кабинета, по которой кабинетъ, дѣлаясь фактически-отвѣтственнымъ, становился бы въ тѣснѣйшую связь съ общественнымъ мнѣніемъ».

Предоставляемъ читателю самому выводить заключеніе о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ изъ этого извѣстія. Основная черта парламентскаго правленія состоитъ въ томъ, что министрами назначаются люди, пользующіеся большинствомъ въ собраніи представителей націи (напримѣръ, въ Англіи, Палата Общинъ, въ Пруссіи Палата Депутатовъ, во Франціи Законодательный Корпусъ), и такъ скоро большинство этого собранія перестаетъ поддерживать ихъ, выходятъ въ отставку, уступая мѣсто тѣмъ людямъ, на которыхъ указываетъ большинство. Въ этомъ состоитъ существенный смыслъ такъ называемой отвѣтственности министровъ. Она предполагаетъ, что министры дѣйствуютъ самостоятельно, и потому при парламентскомъ правленіи никогда не говорится формальнымъ образомъ о вліяніи на нихъ монарха для внушенія имъ того или другаго образа дѣйствій: предполагается, что это значило бы компрометировать представителя верховной власти, и предполагается, что онъ не участвуетъ въ столкновеніяхъ между разными партіями, безпристрастно отдавая предпочтеніе той, на сторонѣ которой общественное мнѣніе, выражающееся парламентскимъ большинствомъ. По нынѣшней конституціи этого нѣтъ во Франціи: всѣ дѣйствія министровъ предполагаются исполненіемъ личной воли императора и министры отвѣчаютъ за свои распоряженія ему, т. е. должны сообразоваться съ его желаніемъ, а не съ мнѣніемъ парламентскаго большинства, т. е министры не обязаны отвѣтственностью передъ представителями на-

ціи: не ими вводятся въ кабинетъ, не ими выводятся изъ кабинета. Формальнымъ образомъ въ этомъ состоитъ различіе нынѣшней французской системы отъ той, какая была при Луи-Филиппѣ и какая существуетъ напримѣръ въ Англіи. Такимъ образомъ измѣненіе, предполагаемое Персиньи, имѣло бы тотъ формальный смыслъ, что Наполеонъ III принималъ бы въ своемъ государствѣ такое положеніе, какое напримѣръ имѣетъ въ своемъ государствѣ королева Викторія. Конечно, отъ формальныхъ постановленій до дѣйствительнаго порядка дѣлъ очень далеко; ясно также, что при данномъ характерѣ и данной предшествовавшей исторіи нынѣшняго правительства подобная перемѣна въ немъ, не только на дѣлѣ, но и по формѣ, не болѣе какъ мечта. Не нужно также доказывать, что если бы ни личный характеръ, ни предшествующая исторія не противились такому измѣненію, оно дѣлалось бы невозможнымъ уже по основнымъ принципамъ существующихъ партій. Въ прежнія времена, и не дальше какъ напримѣръ въ дѣлѣ Монталамбера, защитники нынѣшней французской системы справедливо утверждали, что свободное парламентское правленіе возможно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существованіе династіи прочно и гдѣ политическія партіи спорятъ только о томъ, каковы должны быть министры, ни мало не желая перемѣны въ династіи. Министры и журналисты Наполеона III справедливо утверждали, что положеніе дѣлъ во Франціи не таково, что почти все общество примыкаетъ къ двумъ большимъ партіямъ орлеанистовъ и республиканцевъ, одинаково враждебныхъ нынѣшней династіи, и что въ этомъ состоитъ существенная разница Франціи отъ Англіи. Вспоминая эти справедливыя слова самаго Наполеона III и его приверженцевъ, мы видимъ въ проэктѣ Персиньи только благонамѣренную утопію, которая не можетъ имѣть никакого фактическаго значенія. Но утопіи важны въ томъ отношеніи, что показываютъ направленіе мысли въ людяхъ, предающихся имъ, показываютъ понятія этихъ людей о потребностяхъ своего положенія. Съ этой стороны очень занимателенъ проэктъ Персиньи, который постоянно былъ ближайшимъ изъ друзей Наполеона III и вполнѣ достоинъ этой неизмѣнной дружбы своею преданностью пользамъ императора французовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его проэктъ явился слѣдствіемъ бесѣдъ съ императоромъ французовъ.

Двойственность наружныхъ дѣйствій Франціи, возникающая изъ особенности отношеній нынѣшней системы къ состоянію общественнаго мнѣнія, усиленнымъ образомъ отражается на Сардиніи, вовлеченной Франціею въ такое положеніе, которому нужно безотлагательное рѣшеніе. Матеріальныя средства Сардиніи не могутъ долго выносить усилій, требуемыхъ нынѣшними отношеніями. Не только

англійская биржа оказалась нерасположенною къ сардинскому займу, но даже фирма Фульда въ Парижѣ не согласилась принять на себя реализацію этого займа, хотя Фульдъ, будучи министромъ государства, покровительствующаго Сардиніи, долженъ былъ бы, скорѣе всѣхъ другихъ банкировъ, согласиться на такую услугу. Графъ Кавуръ принужденъ былъ для покрытія бо́льшей половины займа прибѣгнуть къ добровольной національной подпискѣ въ самой Сардиніи. Это удалось, но подписка была не слѣдствіемъ коммерческаго разсчета, который одинъ служитъ надежнымъ источникомъ финансовыхъ средствъ: она была только проявленіемъ энтузіазма, который вообще быстро остываетъ, а въ Сардиніи имѣетъ особенности, не совсѣмъ безопасныя для системы графа Кавура. Сардинскіе энтузіасты не хотятъ знать о причинахъ, принуждающихъ Францію и Піэмонтъ медлить объявленіемъ войны, и каждая миролюбивая манифестація Франціи раздражаетъ ихъ. Потому графъ Кавуръ принужденъ опережать иногда своими распоряженіями желанія императора французовъ, компрометировать его дипломатическіе обороты слишкомъ явнымъ раскрытіемъ общей своей и его непреклонной рѣшимости начать войну. Напримѣръ, послѣдніе нумера полученныхъ нами газетъ заключаютъ распоряженіе о призваніи подъ знамена того разряда сардинскихъ солдатъ, который, постоянно находясь въ отпуску, призывается къ службѣ только передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій. Этимъ распоряженіемъ графъ Кавуръ совершенно убилъ дѣйствіе, на которое была разсчитана статья Монитёра и отставка принца Наполеона. Точно также компрометируется французская дипломатика тономъ сардинскихъ газетъ, даже находящихся подъ вліяніемъ туринскаго министерства. Онѣ прямо говорятъ, что не придаютъ никакого значенія миролюбивымъ манифестаціямъ Франціи и что война не только неизбѣжна, но и никакъ не можетъ быть отсрочена, хотя бы на полгода. Слишкомъ неосторожные союзники раскрываютъ Европѣ даже то, о чемъ для выгоды Франціи слѣдовало бы до времени молчать. Напримѣръ, какой комментарій приложили они къ статьѣ Монитёра? Вотъ какой. Монитёръ говоритъ, что императоръ французовъ обѣщалъ только помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія отъ Австріи. Такъ, сказали сардинскія газеты, но что надобно подразумѣвать подъ этимъ? Уже то самое, что австрійцы собрали много войскъ въ Ломбардію, имѣютъ въ ней грозныя крѣпости и занимаютъ выгодныя стратегическія линіи, должно считаться нападеніемъ. Они грозятъ Піэмонту, стало быть Піэмонтъ, если захочетъ выбить ихъ изъ угрожающихъ позицій, будетъ только обороняться, а не нападать. Графъ Кавуръ оффиціально сказалъ, что онъ самъ такъ думаетъ. Предоставляемъ читателю

рѣшить, до какой степени могло быть пріятно для Франціи такое истолкованіе факта, обнародованнаго ею въ доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній. «Мы не хотимъ нападать, мы только обязались помогать Піэмонту защищаться,» говоритъ Монитёръ. «Если мы нападемъ на австрійцевъ, мы будемъ только защищаться,» объясняетъ Кавуръ. Графъ Кавуръ не дѣлалъ бы такихъ непріятныхъ для Франціи толкованій, если бы могъ удержаться отъ нихъ; но онъ теперь уже не самъ идетъ, — его ведетъ партія лѣвой стороны, на которую онъ опирается въ туринской палатѣ депутатовъ. Но и у этихъ людей, имѣющихъ наклонность къ республиканству и революціонерству, предводители вовсе не лишены политической опытности и навѣрное понимаютъ всю важность дипломатической уклончивости, которую разоблачаютъ и разрушаютъ; какъ же они рѣшаются выставлять тѣ стороны дѣла, которыя надобно бы скрывать, по расчету ихъ союзниковъ? Они уже находятъ, что можно пренебрегать желаніями этихъ союзниковъ; думаютъ, что уже держатъ ихъ въ своихъ рукахъ. Съ половины февраля, не смотря на всѣ миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства, они прямо говорятъ о Наполеонѣ III: Non puo scapargi — «Онъ не можетъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ.» Впрочемъ одушевлены воинственнымъ жаромъ и надѣются выгодъ отъ нынѣшнихъ отношеній къ Франціи только тѣ итальянскіе революціонеры, у которыхъ энтузіазма болѣе, чѣмъ проницательности. Маццини не раздѣляетъ ихъ счастливой увѣренности и совѣтовалъ людямъ своей партіи держаться въ сторонѣ. Дѣйствительно, они уклоняются отъ воинственныхъ манифестацій и стараются удерживать народъ. Такая политика конечно основывается не на разговорахъ съ маршаломъ Пелиссье, если дѣйствительно маршалъ видѣлся съ Маццини: итальянскій агитаторъ въ дипломатическихъ соображеніяхъ вѣроятно проницательнѣе храбраго генерала. Вліянію Маццини приписываютъ то, что въ Римѣ строго сохраняется тишина, и римскій народъ такъ далекъ отъ мысли начинать возстаніе въ настоящее время, что папская полиція почла возможнымъ разрѣшить празднованіе карнавала безъ всѣхъ стѣсненій, которымъ нужно было подчинять его во всѣ предъидущіе 10 лѣтъ, со времени возстановленія папской власти. Мацциписты говорятъ: «подождемъ».

Но далеко не всѣ способны къ расчетливому терпѣнію. Со всѣхъ концовъ Италіи съѣзжаются въ Піэмонтъ пылкіе итальянцы, особенно средняго и высшаго сословій, чтобы сражаться за независимость и свободу отечества. Говорятъ, что въ концѣ февраля въ Сардиніи было уже до 10,000 такихъ волонтеровъ, ожидающихъ только объявленія войны, чтобы стать подъ знамена. Разумѣется, боль-

шинство ихъ—ломбардцы. До объявленія войны, Сардинія, связанная особенной конвенціей съ Австріей, не можетъ принять ихъ въ свою службу. Но уже составляются изъ нихъ два особенные легіона, изъ которыхъ однимъ командуетъ Гарибальди, такъ храбро защищавшій Римъ. Много разсказываютъ анекдотовъ о самоотверженности, съ какою эти благородные мечтатели идутъ въ Туринъ, воображая, что дѣло сардинской арміи — дѣло Италіи. Мы приведемъ только одинъ такой анекдотъ. Герцогство Пармское издавна занято австрійцами, хотя герцогиня, говорятъ, вовсе недовольна такимъ покровительствомъ. Въ концѣ февраля какой-то офицеръ, извѣстный герцогинѣ своею преданностью къ ея династіи, подалъ въ отставку. Герцогиня удивилась и пригласила его къ себѣ для объясненія. «Какъ, вы покидаете насъ при настоящихъ обстоятельствахъ?» сказала она. — «Ваше Высочество, мои чувства не измѣнились; но выше васъ для меня — Италія; я принадлежу ей, не гнѣвайтесь на меня. Я ѣду въ Туринъ, снимаю мои эполеты и поступаю рядовымъ солдатомъ въ корпусъ волонтеровъ, который теперь организуется тамъ.» Прибавляютъ, что сама герцогиня, тронутая его энтузіазмомъ, не нашла возраженій противъ этого. Корреспондентъ Indépendance Belge, разсказывающій объ этомъ случаѣ, говоритъ, что потомъ должны были распустить цѣлый батальонъ пармскаго войска, который весь съ оружіемъ и всею аммуниціею хотѣлъ перейти въ Піэмонтъ.

Мы думаемъ, что всѣ эти благородные люди и вмѣстѣ съ ними графъ Кавуръ, патріотизму котораго мы также отдаемъ справедливость, жестоко ошибаются въ своихъ надеждахъ. Впрочемъ мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что войны не будетъ. Напротивъ, никогда не казалась она столь неизбѣжною, какъ теперь. Мы видѣли истинныя причины этой неизбѣжности; мы видѣли, что эти причины усиливаются съ каждымъ днемъ. Шансы столкновеній, которыя послужатъ поводами къ ея начатію, также увеличиваются съ каждымъ днемъ. Волненіе въ Ломбардіи растетъ. Народная манифестація въ Миланѣ при погребеніи молодаго графа Дандоло, извѣстнаго патріота, служитъ доказательствомъ тому. Даже въ мирной Тосканѣ агитація такъ сильна, что считаютъ нужнымъ для ея успокоенія дать либеральную конституцію. Очищеніе Рима французскими войсками должно было служить къ тому, чтобы вспыхнуло возстаніе, чтобы римляне пошли противъ австрійцевъ, чтобы австрійцы разбили ихъ и пошли преслѣдовать ихъ къ Риму и тѣмъ нарушили бы недавній трактатъ и подали бы Піэмонту возможность провозгласить войну подъ именемъ собственной обороны. Партія принца Наполеона въ Парижѣ непремѣнно ожидала этого, и когда было объявлено, что французы выходятъ изъ Рима, она радостно говорила:

«наконецъ-то занавѣсъ подымается», Enfin voila la voile levée. Но совѣты Маццини до сихъ поръ удерживали римлянъ отъ волненій. Разумѣется, такой хранитель кажется для папскаго правительства не совсѣмъ надежнымъ, и пока оно будетъ въ состояніи призвать для своей защиты австрійцевъ, оно ищетъ другихъ защитниковъ. Говорятъ, что оно черезъ Христину, мать испанской королевы, проситъ прислать въ Римъ два полка испанцевъ; Неаполь, говорятъ, самъ предлагалъ такую услугу, но нынѣшнія неаполитанскія войска слишкомъ извѣстны своею отличною организаціею и стойкостью въ битвахъ: самъ неаполитанскій король былъ бы мало безопасенъ, еслибъ не было у него швейцарскихъ полковъ; потому и папское правительство, призывая испанцевъ, въ тоже время, нанимаетъ швейцарскій полкъ и вербуетъ ирландцевъ.

Нѣсколько новыхъ фактовъ произошло въ послѣдній мѣсяцъ и на сторонѣ противниковъ Піэмонта и Франціи. Нечего говорить о томъ, что Австрія усиливаетъ свою армію въ Ломбардіи. Constitutionnel преднамѣренно увеличивая эту цифру въ доказательство опасности, угражающей Піэмонту, съ цѣлью предрасположить умы къ принятію нападенія со стороны Піэмонта за необходимую мѣру защиты, насчитываетъ въ Италіи 177,000 австрійскихъ войскъ. Но интереснѣе тотъ фактъ, что подтвердились прежніе слухи говорившіе, что Австрія не только отлично приготовилась къ войнѣ, но и нимало не боится ея, напротивъ увѣрена въ ея успѣхѣ. Молодой императоръ рѣшительно проникнутъ воинственностью и жалуется на своихъ осторожныхъ министровъ: говорятъ, еслибъ не совѣты стариковъ, онъ не сдѣлалъ бы никакой уступки, и война давно бы началась. Впрочемъ и осторожные министры высказываютъ соображенія слѣдующаго рода: «австрійскій императоръ, даже и потерявъ нѣсколько битвъ, даже и потерявъ итальянскія провиціи, все-таки останется австрійскимъ императоромъ; но нельзя сказать того же о вліяніи военныхъ неудачъ на судьбу Наполеона III. Стало быть рискъ войны не противъ насъ».

Германія утвердилась въ мысли дѣйствовать единодушно. Всѣ второстепенныя государства соединяются съ Пруссіею, которая объявила, что строго исполнитъ обязанности, лежащія на ней какъ на членѣ германскаго союза. Если бы не угрожала опасность Рейну, Германскій союзъ вѣроятно не принялъ бы участія въ войнѣ. Но никто не думаетъ, чтобы въ случаѣ итальянской войны могъ быть сохраненъ миръ на Рейнѣ. Если бы даже французы захотѣли ограничить театръ войны Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ, то каждому очевидно, что это не зависѣло бы отъ нихъ.

Пруссія объявила, что дѣйствуетъ въ совершенномъ согласіи съ Англіею, и Западная Европа раздѣлена теперь на два лагеря слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны Франція, Піэмонтъ, быть можетъ, Тоскана и либеральная партія во всѣхъ остальныхъ итальянскихъ областяхъ; съ другой стороны Австрія, Пруссія, всѣ другія нѣмецкія государства и Англія.

Въ Англіи очень можетъ быть, что на дняхъ произойдетъ перемѣна правительства, и вмѣсто кабинета лорда Дерби явится кабинетъ Росселя, или Пальмерстона, или, какъ многіе предполагаютъ, Росселя и Пальмерстона вмѣстѣ. Но если бы нынѣшнее министерство пало, и если бы даже, — случай самый благопріятный для французскаго правительства,—главою министерства сдѣлался одинъ лордъ Пальмерстонъ безъ Росселя, все-таки во внѣшней политикѣ Англіи не произошло бы перемѣны, благопріятной для Франціи. Самъ Пальмерстонъ теперь далеко не тѣхъ мыслей, какія, по увѣренію приверженцевъ французскаго правительства, высказывалъ прошлою осенью, когда гостилъ у Наполеона III въ Компьенѣ. Послѣ своего паденія Пальмерстонъ вздумалъ было держаться правила «чѣмъ ушибся, тѣмъ лечись». Онъ былъ низвергнутъ за излишнюю дружбу съ императоромъ французовъ, и долго думалъ потомъ снова войти въ кабинетъ, опираясь на эту дружбу. Его партизаны увѣряли, что только онъ одинъ въ состояніи поддержать дружбу Франціи съ Англіей, и носились слухи о разныхъ интригахъ со стороны Франціи въ Лондонѣ для возвращенія власти лорду Пальмерстону. Онѣ не удались, и тогда онъ былъ приглашенъ для дальнѣйшихъ совѣщаній въ Компьень, подъ предлогомъ охоты, которую онъ до сихъ поръ очень любитъ. Императоръ французовъ встрѣтилъ его съ такимъ почтеніемъ, какъ встрѣтилъ бы одного изъ сильнѣйшихъ государей Европы, и могущественный лордъ держалъ себя такъ непринужденно, какъ бы хозяинъ былъ чуть ли не его вассаломъ. Извѣстенъ анекдотъ о красной курткѣ. Однажды была устроена охота въ костюмахъ какой-то старинной французской эпохи. Но лордъ Пальмерстонъ явился въ красной курткѣ, напоминавшей своимъ цвѣтомъ мундиръ англійскаго солдата, не обращая вниманія на распоряженія церемоніймейстера. Погода была ненастная. Кто-то выразилъ опасеніе, чтобы благородный гость не простудился въ своемъ легкомъ платьѣ. «Не бойтесь, отвѣчалъ крѣпкій старикъ: — это сукно хорошее. Подъ Ватерлоо какой шелъ дождь, однакожь оно выдержало». Кому простили бы подобную выходку? Но съ лордомъ Пальмерстономъ были до крайности любезны. Теперь оказывается, что любезность была не даромъ: полгода тому назадъ главою оппозиціи былъ Пальмерстонъ; партія министерства была и тогда, какъ те-

перь, въ меньшинствѣ; лордъ Дерби держался только помощью Робака и Брайта: стоило примириться съ ними Пальмерстону, лордъ Дерби былъ бы низвергнутъ, главою министерства сдѣлался бы Пальмерстонъ. Не задолго передъ пріѣздомъ его въ Компьень Наполеонъ III видѣлся съ Кавуромъ (въ началѣ сентября) и тогда уже былъ рѣшенъ бракъ принца Наполеона и принцессы Клотильды, былъ составленъ союзъ для завоеванія Ламбардіи. Оставалось только обезпечить себѣ разрѣшеніе на это дѣло отъ Англіи, т. е. отъ Пальмерстона, имѣвшаго полную вѣроятность сдѣлаться первымъ министромъ не нынче—завтра. Дѣйствительно, лордъ Пальмерстонъ сказалъ, что не имѣетъ ничего противъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Тогда-то, говорятъ, императоръ французовъ окончательно задумалъ войну и немедленно началъ приготовленія къ ней, которыя предполагалъ онъ кончить къ апрѣлю мѣсяцу. Въ такихъ надеждахъ на лорда Пальмерстона была сдѣлана сцена новаго года австрійскому посланнику. Можно представить себѣ удивленіе и негодованіе въ Парижѣ, когда телеграфъ 3-го февраля принесъ рѣчь Пальмерстона объ итальянскомъ вопросѣ въ первомъ засѣданіи Палаты Общинъ. Пальмерстонъ, котораго предполагали обѣщавшимъ свое содѣйствіе, говоритъ, что нельзя допустить нарушенія трактатовъ, что Англія должна быть противъ той державы, которая отважилась бы нарушить миръ Европы; что не только помогать ей, но даже и сохранить нейтралитетъ Англія не можетъ, если французы вторгнутся въ австрійскія владѣнія. Вотъ что писали изъ Парижа вскорѣ послѣ этого разочарованія. Мы буквально приводимъ слова корреспондента газеты Manchester Guardian.

«Вы можетъ быть улыбнетесь, узнавъ, что здѣшній придворный міръ въ неописанной ярости противъ лорда Пальмерстона, на котораго благоугодно ему сваливать всецѣлую вину за все происшедшее. Эти люди (и самъ императоръ) неистощимы теперь въ брани на великаго оратора, и распространяемыя ими изобрѣтенія очень занимательны. Они утверждаютъ, что увѣренія, данныя лордомъ Пальмерстономъ императору во время Компьенскаго свиданія, были истинною причиною того, что произошло теперь. Они утверждаютъ, что онъ жарче, нежели кто нибудь, говорилъ о надобности изгнать австрійцевъ изъ Италіи и что онъ совершенно обманулъ Наполеона III. Они не могутъ простить ему его рѣчи, и теперь нѣтъ такого браннаго слова, котораго бы они не прилагали къ человѣку, мѣсяцъ тому назадъ превозглашавшемуся отъ нихъ за идеалъ европейскаго государственнаго мужа».

Неужели лордъ Пальмерстонъ въ самомъ дѣлѣ обманулъ, оказался измѣнникомъ? Мы не имѣемъ къ нему особенной симпатіи, сви-

дѣтельствомъ тому характеристика его въ январскомъ обзорѣ и тѣ слова, которыя найдетъ читатель нѣсколькими страницами дальше въ этой статьѣ. Но надобно сказать, что въ итальянскомъ дѣлѣ лордъ Пальмерстонъ едвали могъ и хотѣлъ обманывать. А что себѣ онъ не измѣнилъ, это доказывается самою его рѣчью 3-го февраля. Въ ней онъ говоритъ, что пламенно желаетъ освобожденія Ламбардо-Венеціанскихъ областей отъ австрійцевъ и даже прибавляетъ, что потеря этихъ провинцій была бы выгодна для самой Австріи. Значитъ, онъ не измѣнилъ своимъ Компьеньскимъ словамъ. Въ чемъ же дѣло? Лордъ Пальмерстонъ въ Компьенѣ конечно говорилъ объ изгнаніи австрійцевъ, предполагая освобожденіе занимаемыхъ ими областей, предполагая, что изгнаніе совершится или самими итальянцами, или союзомъ Франціи съ Англіею, которая не дозволитъ этому дѣлу обратиться въ простую замѣну одного иностраннаго господства другимъ. Разумѣется, когда дѣло было начато безъ согласія и участія Англіи, слѣдовательно не въ такихъ видахъ, на которые могъ соглашаться Пальмерстонъ, ему по необходимости пришлось смотрѣть на это дѣло иначе. Странно тутъ только одно: какимъ образомъ можно было предполагать, чтобы англичанинъ, и притомъ, каковы бы ни были недостатки его характера и его убѣжденій, все-таки честный человѣкъ, сталъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать въ томъ смыслѣ, какого ожидали? Тутъ объясненіе ошибки только одно: люди очень разсчетливые, но привыкшіе думать очень дурно о человѣческомъ характерѣ вообще, понимаютъ иногда невинныя слова въ низкомъ смыслѣ. Эта особеннаго рода наивность иногда вводитъ ихъ въ такое же заблужденіе и потомъ разочарованіе, какъ наивность благородства бываетъ причиною ошибокъ идеалистовъ. Субъективная точка зрѣнія, какова бы она ни была по своему нравственному характеру, вообще ведетъ къ ошибкамъ.

Едва ли не разрушается и другое предположеніе, на которомъ основывалась рѣшимость принятая въ Компьенѣ, — предположеніе, что лордъ Пальмерстонъ будетъ главою оппозиціи въ то время, когда падетъ кабинетъ Дерби. Пальмерстонъ не менѣе Дерби противился бы нынѣшнимъ французскимъ планамъ, но все-таки онъ гораздо болѣе расположенъ къ мягкости относительно императора французовъ, нежели лордъ Россель; а теперь дѣла оборачиваются такъ, что Россель близокъ къ пріобрѣтенію прежняго своего положенія, изъ котораго на время былъ вытѣсненъ Пальмерстономъ. По вопросу о парламентской реформѣ прежній глава виговъ успѣлъ захватить и до сихъ поръ сохраняетъ первенство надъ Пальмерстономъ. Черезъ нѣсколько дней мы узнаемъ, успѣетъ ли Пальмерстонъ сдѣлаться рѣшителемъ битвы въ нижней палатѣ, или замысловатый планъ

дѣйствій, имъ придуманный, дѣйствительно окажется неудачнымъ, какимъ кажется теперь; но до сихъ поръ лордъ Россель беретъ надъ нимъ явное преимущество. Такимъ образомъ вопросъ о реформѣ связывается съ перемѣною прежнихъ отношеній между предводителями либеральнаго большинства, и такое или иное его рѣшеніе можетъ имѣть вліяніе на ходъ общихъ вопросовъ европейской политики. Кромѣ этого интереса въ немъ раскрылась еще другая сторона, занимательная не для одной Англіи, а для цѣлой Западной Европы: онъ послужилъ очень вѣрнымъ испытаніемъ того, можно ли надѣяться на успѣшное веденіе историческихъ задачъ людьми, увѣряющими, что несмотря на старомодность своихъ принциповъ, они серьёзно хотятъ улучшеній. Тори, бывшіе столь щедрыми на либеральныя обѣщанія, превосходно выказали свою существенную натуру въ этомъ дѣлѣ.

Тори давно распускали слухи о своихъ превосходныхъ качествахъ и намѣреніяхъ. Прежде торійская партія дѣйствительно была враждебна прогрессу, безпрестанно твердилъ Д'Израэли:—но теперь мы уже вовсе не таковы, какими были прежде. Поддерживать злоупотребленія, угнетать народъ,—какъ это можно! Въ наше время стыдно и вѣрить такимъ глупымъ обвиненіямъ. Напротивъ, мы теперь стали самыми искренними друзьями народа. Пусть только онъ не слушаетъ злонамѣренныхъ либераловъ, а вѣритъ намъ. Мы одни искренніе друзья его. Мы можемъ и хотимъ сдѣлать для него гораздо больше, нежели всѣ эти пустые либералы и своекорыстные демагоги.

Вотъ наконецъ пришло время оправдать такія увѣренія. Злонамѣренные радикалы, думающіе только о своихъ выгодахъ, объ удовлетвореніи своему честолюбію и тщеславію, подняли вопросъ о реформѣ, и торійскій кабинетъ долженъ былъ составить проэктъ этого улучшенія. Мы уже видѣли, съ какою готовностью принялся онъ за это дѣло, какъ хотѣлъ оттянуть его на цѣлый годъ и вмѣсто того выигралъ отсрочку на двѣ недѣли, выставивъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ свой настоящій характеръ. Но нѣтъ, это дѣло еще далеко не всѣхъ вразумило. Было извѣстно, что Д'Израэли, истинный представитель нынѣшняго торизма, давно, еще въ декабрѣ приготовилъ билль, но что нѣкоторымъ изъ второстепенныхъ членовъ кабинета онъ показался слишкомъ либераленъ и представленіе его въ Палату Общинъ замедлилось именно съ той цѣлью, чтобы образумить этихъ отсталыхъ людей. Объ основаніяхъ билля были распущены самые благопріятные слухи: говорили, что онъ чуть ли не превосходитъ либеральностью билль Брайта, который будто бы совершенно доволенъ имъ, находится въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ къ министерству и чуть ли не приглашается на совѣщанія къ Дерби, Д'Израэ-

ли и Стенли. Вотъ приблизилось и 28 февраля, день представленія билля въ парламентъ. Наканунѣ было объявлено, что двое изъ министровъ, бывшіе въ кабинетѣ представителями сельскихъ сквайровъ, т. е. самыхъ отсталыхъ тори, вышли въ отставку, потому что не одобряютъ билль. Стало быть предразсудкамъ отсталыхъ людей не сдѣлано никакой уступки, правительство непоколебимо удержало свои либеральныя основанія. Вотъ теперь-то Англія увидитъ, что консерваторы лучше понимаютъ и ревностнѣе исполняютъ народныя желанія, нежели эти самохвалы-радикалы. Но — нечего ждать до завтра,—они сами поспѣшили скорѣе познакомить публику съ своимъ прекраснымъ произведеніемъ: они предварительно сообщили основанія своего билля газетѣ Times, она изложила ихъ въ подробной статьѣ въ томъ же нумерѣ, который извѣщалъ объ удаленіи отсталыхъ министровъ. Позвольте однако, чтожь это такое? Судя по изложенію Times'a, билль не слишкомъ хорошо соотвѣтствуетъ народнымъ ожиданіямъ. Тутъ что нибудь не такъ. Вѣроятно, газета не умѣла понять, или исказила мысли торійскаго кабинета. Нѣтъ, лучше подождать до завтра. Вотъ завтра мистеръ Д'Израэли вноситъ билль и говоритъ очень ловкую рѣчь, продолжающуюся около четырехъ часовъ. Въ ней изложено все содержаніе билля, объяснены его достоинства, доказано, что лучшаго ничего и сдѣлать невозможно. Въ чемъ же сущность этого прекраснаго произведенія? Ценсъ въ графствахъ понижается съ 50 ф. на десять, сравниваясь съ городскимъ ценсомъ. Прекрасно; но это было уже предложено Логъ-Кингомъ, и Палата Общинъ, принявъ его предложеніе, уже рѣшила, чтобы это пониженіе было однимъ изъ основаній каждаго билля о реформѣ. Но что предлагаетъ правительство для городовъ, относительно которыхъ оно не связано рѣшеніями палаты? Тутъ перемѣнъ нѣтъ никакихъ. Остается прежній ценсъ въ 10 ф. Но чрезвычайно большое достоинство придаетъ мистеръ Д'Израэли своему предложенію ввести въ дополненіе къ квартирному ценсу профиссіональный ценсъ: священники, медики, адвокаты и люди другихъ ученыхъ званій должны имѣть голосъ, хотя бы и не занимали квартиру въ 10 ф.; хорошо, но много ли найдется медиковъ или адвокатовъ, которые занимаютъ квартиру цѣною менѣе 5 руб. сер. въ мѣсяцъ? Кромѣ того получаютъ право голоса всѣ имѣющіе болѣе нежели на 60 ф. капитала въ акціяхъ Остъ-Индской компаніи или въ сохранныхъ кассахъ; и это хорошо, но многіе ли изъ акціонеровъ Остъ-Индской компаніи занимаютъ квартиры менѣе 10 ф.? Всѣ эти уступки касаются только немногочисленныхъ отдѣльныхъ лицъ; что же сдѣлано вообще въ пользу городскихъ классовъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ права голоса? Вообще не сдѣлано ничего. Нѣтъ, этого нельзя сказать: прежде

городскіе жители, владѣвшіе независимыми отъ феодальныхъ отношеній участками земли въ 40 шиллинговъ дохода имѣли, какъ поземельные собственники, голосъ на выборахъ въ графствахъ. Теперь они лишаются этого права: если они не занимаютъ въ городѣ квартиру въ 10 ф., они остаются вовсе безъ голоса. Число такихъ людей болѣе 100 тысячъ. Въ этой оригинальной чертѣ видѣнъ истинный смыслъ торійской реформы: тори хотятъ удалить отъ деревенскихъ выборовъ всѣхъ самостоятельныхъ людей, мѣшавшихъ иногда полновластію лендлордовъ. Ихъ ревность къ истребленію злоупотребленій такъ велика, что они уничтожаютъ единственное противодѣйствіе, которое мѣшало безграничному произволу нѣсколькихъ человѣкъ надъ составомъ большинства Палаты Общинъ; они предлагаютъ усилить тотъ самый фактъ, который былъ главною причиною народнаго неудовольствія, увеличить то самое злоупотребленіе, противъ котораго должна быть направлена реформа. Таково-то разширеніе избирательнаго права, ими придуманное: оно состоитъ въ томъ, чтобы отнять право голоса болѣе, чѣмъ у 100,000 независимыхъ людей. А какъ пышны были слухи, распускавшіеся объ этой части билля! Не менѣе привлекательны были слухи и о другомъ важномъ условіи реформы, — о введеніи баллотировки. Говорили, что министерство предлагаетъ вводить баллотировку во всѣхъ тѣхъ округахъ, гдѣ согласятся на нее двѣ трети избирателей: какой либерализмъ! Нѣкоторые люди противъ баллотировки, — пусть ихъ подаютъ голоса открытымъ образомъ, черезъ записку въ реэстръ; но повсюду огромное большинство требуетъ баллотировки,—пусть оно распоряжается, какъ ему кажется лучше. Стѣсненія нѣтъ никому, вопросъ отдается на добрую волю каждаго, а между тѣмъ цѣль реформы достигается вполнѣ, потому что повсюду, гдѣ независимые избиратели составляютъ большинство, они введутъ баллотировку. Какъ же оправдались эти слухи? Билль рѣшительно отвергаетъ баллотировку — это правда; но за то онъ предлагаетъ нѣчто гораздо лучшее: тотъ избиратель, которому далеко, или которому некогда идти въ избирательную контору записывать свое имя въ реэстрѣ, можетъ присылать формальную бумагу съ объявленіемъ, за какого кандидата подаетъ онъ голосъ; не правда ли, независимость голоса ограждается этимъ вполнѣ? Удивительное умѣнье удовлетворить потребностямъ націи! Но какъ ни высоки понятія о прогрессивности торійской партіи, внушаемыя этими двумя частями билля, третья часть, касающаяся распредѣленія депутатовъ, еще гораздо превосходнѣе всѣхъ предположеній, какія можно составить о ней по двумъ первымъ частямъ. Существуетъ до 150 ничтожныхъ городковъ, посылающихъ въ парламентъ до 250 депутатовъ, между тѣмъ какъ всѣ громадные

города, въ которыхъ живетъ болѣе половины англійскаго населенія, не имѣютъ и пятой части этого числа представителей. Отстраненіе этой нелѣпости, распредѣленіе депутатовъ хотя сколько нибудь соотвѣтствующее распредѣленію населенія,—въ этомъ самое настоятельное требованіе здраваго смысла и огромнаго большинства націи. Что же предлагаетъ торійскій билль? Скрѣпя сердце, онъ беретъ по одному изъ двухъ депутатовъ отъ 15 городковъ и отдаетъ эти 15 мѣстъ тѣмъ изъ новыхъ большихъ городовъ, которые не имѣли до сихъ поръ ни одного представителя. Онъ такъ заботливъ объ этихъ маленькихъ запустѣлыхъ городкахъ, что ни одного изъ нихъ не лишаетъ представительства въ парламентѣ. И если несчастные 15 городковъ, подвергающіеся удару, будутъ имѣть вмѣсто двухъ депутатовъ только по одному, что жь дѣлать? — прогрессъ имѣетъ свои суровыя требованія, а торійское министерство такъ искренно и горячо служитъ прогрессу.

Самъ Д'Израэли очень хорошо понималъ степень соотвѣтственности своего билля съ настроеніемъ умовъ, и его рѣчь была мастерскимъ произведеніемъ по мягкой изворотливости и благодушному смиренію, съ которымъ онъ оправдывалъ и извинялъ предлагаемый билль. При каждомъ словѣ онъ долженъ былъ думать о томъ, какъ бы увернуться отъ опасности раздражить большинство палаты и исполнилъ эту трудную задачу съ удивительнымъ искусствомъ. За это мастерство въ нѣсколькихъ мѣстахъ ему апплодировали,—но именно только за мастерство затруднительнаго изложенія. Негодованіе за содержаніе рѣчи сильнымъ образомъ было выражено всѣми представителями либеральныхъ партій, особенно лордомъ Росселемъ, Робакомъ и Брайтомъ. «Это не реформа, это пародія надъ реформой», говорили они одинъ за другимъ. Предлагать такой билль, значитъ смѣяться надъ требованіями времени, значитъ оскорблять націю». Робакъ, говоря отъ имени реформеровъ, объявилъ, что министерство, измѣнившее условіямъ поддержки, которой пользовалось отъ нихъ, поплатится за это своимъ существованіемъ:

«Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ,—сказалъ онъ,—полагая, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричатъ: нѣтъ, нѣтъ). Достопочтенный джентльменъ думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, кѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричатъ: о, о!..). Я говорю прямо: достопочтенный джентльменъ

знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушною помощью, какую получалъ отъ насъ, и разсматривая билль, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко говорю, что на каждомъ шагу своего пути чрезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣчать оппозицію, упорную оппозицію отъ каждаго друга народа въ этой палатѣ (апплодисменты)».

Въ приложеніяхъ мы сообщаемъ отрывки изъ рѣчей Росселя, Робака и Брайта, для того, чтобы читатель могъ подробнѣе видѣть отношенія парламентскихъ партій по вопросу о реформѣ.

Въ тотъ день оставалось еще объясненіе или извиненіе нелѣпости билля Дерби: чтожь было дѣлать бѣдному лорду и его головѣ, т. е. мистеру Д'Израэли? Быть можетъ они одушевлены самыми хорошими намѣреніями, но ихъ товарищи по кабинету, представители отсталыхъ провинціаловъ, деревенскихъ сквайровъ, составляющихъ основу торійской партіи, не понимали требованій времени; люди просвѣщенные и прогрессивные, Д'Израэли и Дерби, по рукамъ и по ногамъ связаны этими дикарями, которымъ уже и нынѣшній билль кажется слишкомъ прогрессивенъ. Вѣдь вотъ уже и такъ вышли въ отставку двое министровъ, Генли и Вальполь, бывшіе въ кабинетѣ представителями деревенскихъ сквайровъ; эти невѣжественные люди, эти тупые обскуранты причиной неудовлетворительнаго характера билля. Какъ жаль, что такіе прогрессивные люди, какъ Дерби и Д'Израэли, должны сообразоваться съ нелѣпыми понятіями этихъ дубоголовыхъ джентльменовъ, съ которыми, къ несчастію, должны поддерживать дружбу! Конечно, противъ такого разсужденія довольно натурально представляется вопросъ: какая же необходимость прогрессивнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, лорду Дерби и мистеру Д'Израэли, водить дружбу непремѣнно съ сословіемъ деревенскихъ сквайровъ, которыхъ они называютъ обскурантами, исполненными предразсудковъ? Развѣ свѣтъ клиномъ сошелся? Развѣ нѣтъ въ Англіи другихъ людей, на которыхъ могутъ опираться просвѣщенные государственные мужи? Развѣ лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли крѣпостные холопы этихъ господъ? Развѣ не по доброй волѣ няньчатся они съ ними, угождаютъ имъ? Или Англіи нѣтъ спасенья безъ деревенскихъ сквайровъ? Развѣ къ Англіи не прилагается поговорка: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишь дружбу, я буду знать каковъ ты самъ»? Если вы, милордъ и мистеръ, остаетесь въ близкихъ отношеніяхъ съ обскурантами, съ невѣждами, исполненными нелѣпыхъ сословныхъ предразсудковъ, если вы опираетесь на нихъ, значитъ у васъ самихъ лежитъ къ тому сердце,—вотъ что можно было сказать на извиненіе нелѣпости поступковъ предразсудками людей, съ которыми будто бы нельзя ссориться, на которыхъ будто

бы необходимо опираться. Изъ 28-ми милльоновъ жителей Соединеннаго Великобританско-ирландскаго королевства, 27 съ половиною милльоновъ апплодировали бы и благословляли бы правительство, если бы оно вздумало не побояться огорчить этихъ сквайровъ, передъ которыми трепещетъ. Вѣдь эти сквайры,—незамѣтная горсть въ массѣ англійскаго населенія. Кто же виноватъ, если желаніе этой горсти людей, если ея одобреніе кажется лорду Дерби и мистеру Д'Израэли драгоцѣннѣе любви англійскаго народа? Кто виноватъ, если эта горсть людей заслоняетъ отъ нихъ цѣлую Англію? Что тутъ говорить,—лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли одержимы галлюцинаціей, у нихъ повреждено зрѣніе, у нихъ поврежденъ мозгъ, вотъ что говорили англійскія газеты въ то утро, которое слѣдовало за представленіемъ билля.

Но вотъ наступаетъ вечеръ, и снова засѣдаетъ Палата Общинъ и встаютъ одинъ за другимъ мистеръ Вальполь и мистеръ Генли, отставные министры, представители обскурантовъ, связывавшіе прогрессивное министерство лорда Дерби и мистера Д'Израэли. Они объясняютъ, почему именно вышли въ отставку, чѣмъ именно были недовольны въ биллѣ лорда Дерби. Оба говорятъ одно и тоже. «Мы не хотѣли, чтобы для городовъ и для графствъ былъ одинаковый цензъ; для графствъ приняли цензъ въ 10 ф. До сихъ поръ всегда цензъ въ графствахъ былъ выше ценза въ городахъ. Теперь эта основная черта англійскаго устройства стирается. Мы на это не могли согласиться. Какой цензъ будетъ въ городахъ, это намъ все равно; но онъ долженъ быть непремѣнно ниже ценза, принимаемаго въ городахъ.» Это говорятъ они оба. Мистеръ Генли дѣлаетъ прибавку такого рода: «Я думаю только о графствахъ. Какъ устроятся города, до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Вводите въ нихъ, пожалуй, хоть всеобщую подачу голосовъ, я объ этомъ не забочусь. Мнѣ нужно только одно, чтобы цензъ въ городахъ былъ ниже ценза въ графствахъ». Мистеръ Вальполь не раздѣляетъ этого совершеннаго равнодушія къ устройству избирательнаго права въ городахъ. Онъ говоритъ: «чтобы не сглаживать различія между графствами и городами, я предлагалъ понизить цензъ въ городахъ до 5 ф.», т. е. до такой границы, при которой нѣсколько сотъ тысячъ людей рабочаго сословія вошли бы въ число избирателей.

Такъ вотъ они—обскуранты! Такъ вотъ что противопоставляли они просвѣщеннымъ прогрессистамъ, Дерби и Д'Израэли! Они люди съ предразсудками, это правда, — имъ непремѣнно нужно, чтобы оставалась разница между городами и графствами, какъ было встарину. Но какъ легко было удовлетворить этому предразсудку! Онъ такъ невиненъ, что самъ Брайтъ не хотѣлъ его опасаться: въ про-

эктѣ предводителя реформеровъ также была сохранена разница по цензу между городами и графствами. За то, при удовлетвореніи этому наивному желанію, какъ легко было склонить обоихъ представителей деревенской отсталости на такое пониженіе цензa въ городахъ, которое бы удовлетворило общественному мнѣнію! Да чего склонять ихъ?... Одинъ самъ требуетъ такого пониженія; другой говоритъ: «дѣлайте какъ хотите.» Если бы только захотѣли Дерби и Д'Израэли, они легко могли бы согласить предразсудки этой отсталой деревенщины съ потребностями времени въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ вопроса о реформѣ. Конечно также легко было бы имъ, если бы только они сами хотѣли, убѣдить массу своей партіи на отнятіе у запустѣвшихъ городковъ, не 15, а 50 или 60 депутатовъ, и тогда, по всей вѣроятности, ихъ билль прошелъ бы; но они сами были, какъ видно изъ объясненій Генли и Вальполя, дальше отъ сочувствія потребностямъ времени, нежели простодушные люди, на которыхъ сваливаютъ они вину. Да и какъ быть иными людямъ, опирающимся на торійскую партію? Сельскіе джентльмены исполнены предразсудковъ—это правда; но предразсудки сохранились у нихъ инстинктивные, всосанные съ молокомъ матери, наивные, натуральные, безсознательные. Сельскіе джентльмены занимаютъ въ англійскомъ обществѣ вредное положеніе—и это правда; но вѣдь не они сами добровольно избрали такое положеніе: они родились и выросли въ немъ; оно досталось имъ по наслѣдству, безъ участія ихъ воли. Кому Богъ не привелъ получить образованія, кому Богъ не привелъ имѣть отцомъ и матерью людей не вредившихъ обществу, тотъ можетъ, и при невѣжествѣ, и при вредныхъ сословныхъ предразсудкахъ, оставаться въ душѣ человѣкомъ честнымъ, добросовѣстнымъ и доброжелательнымъ. Только растолкуйте ему, что вы можете улучшить положеніе общества, не обижая его безъ надобности, онъ согласится на улучшеніе; только растолкуйте ему, что добросовѣстность требуетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ общественномъ устройствѣ, онъ согласится на перемѣны. Между его товарищами по положенію и по предразсудкамъ могутъ даже найтись многіе такіе, которые сами съ радостью будутъ содѣйствовать полезнымъ для общества перемѣнамъ, если только вразумятся, что перемѣна производится не изъ вражды къ нимъ, а изъ желанія пользы другимъ гораздо болѣе многочисленнымъ людямъ и цѣлому государству. Какъ бы ни было вредно для общества положеніе, занимаемое какимъ нибудь сословіемъ; какъ бы ни было исполнено нелѣпыхъ и вредныхъ предразсудковъ это сословіе,—все таки огромное большинство его, какъ и огромное большинство всѣхъ другихъ сословій, состоитъ изъ людей добрыхъ и хорошихъ. Но не таковы люди, основывающіе свою карьеру на пред-

разсудкахъ другихъ и на вредныхъ сторонахъ существующаго порядка дѣлъ. Они держатся предразсудковъ и злоупотребленій не по наивности, не по незнанію, какъ тѣ темные люди, которые находятъ въ нихъ предводителей своимъ страстямъ, защитниковъ своимъ предразсудкамъ. Такимъ человѣкомъ, по расчету основавшимъ свою карьеру на предразсудкахъ и злоупотребленіяхъ, мы считаемъ мистера Д'Израэли, истиннаго руководителя торійской партіи. Въ немъ не ищите ни наивности, ни незнанія. Онъ не хуже любаго хартиста понимаетъ, во что обходится обществу политическое преобладаніе лендлордовъ; онъ можетъ быть не меньше Диккенса хохочетъ въ душѣ надъ дикими предубѣжденіями сельскихъ сквайровъ; но онъ разсчиталъ, что между этими сквайрами мало людей умныхъ и образованныхъ, что онъ явится звѣздою между ними, если войдетъ въ ихъ ряды. Между реформерами сдѣлаться однимъ изъ первыхъ людей не такъ легко, — даже между парламентскими дѣятелями сколько великихъ талантовъ имѣютъ они: Робакъ, Мильнеръ Джибсонъ, Брайтъ, Кобденъ и мало ли другихъ. Среди такихъ людей трудно отличиться. Да и какія выгоды могутъ они дать? Имъ далеко до того, чтобы быть канцлерами казначейства. Вотъ тори—другое дѣло! Тутъ истинное безрыбье, на которомъ и ракъ будетъ рыбой, и мистеръ Д'Израэли несравненнымъ геніемъ,—они будутъ няньчить его, они выведутъ его въ люди. Вѣдь у нихъ великая скудость въ умныхъ и образованныхъ людяхъ, которые умѣли бы говорить человѣческимъ языкомъ. А поднять могутъ они очень быстро и высоко,— вѣдь на половину годовъ бываетъ такихъ годовъ, въ которые они составляютъ министерство. «Умные люди, образованные люди! пожалуйте къ намъ, простякамъ и невѣждамъ. Вы будете нашими оракулами, мы подѣлаемъ изъ васъ своихъ канцлеровъ казначейства, своихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и всякихъ другихъ дѣлъ и бездѣлій.» Умные люди, какъ и всякіе другіе люди, большею частію бываютъ честными людьми, — потому почти никто изъ нихъ не можетъ воспользоваться такимъ выгоднымъ приглашеніемъ. Между умными людьми, какъ и между всякими другими людьми, попадается иногда человѣкъ, думающій, что для совѣсти самое выгодное мѣсто—быть подъ пяткой; вотъ находится такой человѣкъ и навѣрное не замедлитъ оказаться, напримѣръ, канцлеромъ казначейства въ министерствѣ лорда Дерби, достопочтеннымъ мистеромъ Д'Израэли. А не прячь совѣсть подъ пятку, не защищай того надъ чѣмъ смѣешься, не превозноси тѣхъ, кого презираешь, не покровительствуй тому, вредъ чего понимаешь,—и не оказался бы ты ничѣмъ; оставался бы довольно незамѣтенъ между множествомъ такихъ же умныхъ, какъ ты, людей, остающихся честными, и затмѣвался бы

подобно имъ многими честными геніальными людьми, надъ нерасчетливостью которыхъ ты имѣешь теперь полное право издѣваться и которыхъ, при апплодисментѣ одурачиваемыхъ тобою простяковъ, ты поносишь, какъ враговъ «счастливой англійской конституціи», враговъ общества, враговъ неба и земли, на которой ты славно устроилъ свои дѣлишки, о которомъ ты очень рѣдко думаешь, да и то съ усмѣшкой, хотя говоришь очень часто съ слезами умиленія.

Все это хорошо, — то есть для мистера Д'Израэли; но дурно для консервативныхъ принциповъ, защищаемыхъ мистеромъ Д'Израэли, то, что мистеры Д'Израэли, привыкши хитрить и лицемѣрить, забываютъ нехитрую истину, понятную даже недалекимъ людямъ видавшимъ вблизи историческія событія, присматривавшимся вблизи къ общественной жизни: хитрость и лицемѣріе — это мелочныя пружинки, которыми можно изворачиваться съ успѣхомъ только въ мелочныхъ дѣлишкахъ личной выгоды; общественными силами эти годныя для личныхъ цѣлей средства сдѣлаться не могутъ, потому что огромное большинство общества честно и прямодушно, а отъ того и ходъ общественныхъ дѣлъ, двигаемый качествами общества, ломитъ всегда на прямки, дурно ли, хорошо ли, назадъ ли, впередъ ли, только всегда по большой столбовой дорогѣ, на которой все видно, ничего не прикроешь. Думая повести общественныя дѣла тѣми же средствами, какія пригодны только для личныхъ дѣлъ, эти люди не успѣваютъ ничего сдѣлать порядочнымъ образомъ, не умѣютъ удовлетворить никого, не умѣютъ даже понять никого, потому что слишкомъ привыкли думать только о себѣ. Себѣ они могутъ пріобрѣсть и богатство и почести, но государству не умѣютъ принести ничего кромѣ обѣдненія и униженія. Въ Англіи, гдѣ контроль газетъ и митинговъ хотя не такъ дѣйствителенъ, какъ воображаютъ англоманы, но все таки не совсѣмъ безсиленъ и очень полезенъ, нельзя такимъ людямъ упражнять надъ государствомъ свои способности слишкомъ свободно, и чуть-чуть подальше свернутъ они съ дороги, ихъ или вовсе сталкиваютъ, или ворочаютъ на дорогу подъ уздцы. Государству принести большаго вреда—нѣтъ имъ воли тамъ; но за то своей партіи часто успѣваютъ они удружить такъ, что любо смотрѣть: такъ скомпрометируютъ темныхъ простяковъ, выдвинувшихъ ихъ впередъ, что бѣдняки не знаютъ куда отъ стыда дѣваться, а иногда и вовсе загубятъ ихъ такъ, что уже никакъ нельзя бываетъ поправить дѣла. Успѣлъ ли сочинить надъ своими бѣдными тори мистеръ Д'Израэли штуку въ размѣрѣ втораго рода и должны ли они ни за что ни про что потерять министерство, какъ увѣряютъ газеты, когда могли бы удержаться въ немъ еще довольно долго, это мы узнаемъ черезъ нѣсколько дней; но вѣрно то-

перь то, что осрамилъ онъ своимъ биллемъ торійскую партію до нельзя.

Презрительная досада овладѣла всею Англіею, когда она, поутру 1 марта, прочла въ газетахъ основанія, предлагаемыя для реформы мистеромъ Д'Израэли. Кромѣ одной газеты, принадлежащей министерству (Morning Gerald) и одной изъ пальмерстоновскихъ газетъ (Manchester Guardian) и Times'a, вздумавшаго сообразоваться съ тактикою Пальмерстона, о которой разскажемъ ниже, всѣ другія газеты на чемъ свѣтъ стоитъ осмѣяли хитрый проэктъ съ перваго же раза. Немедленно стали назначаться во всѣхъ большихъ городахъ митинги для выраженія мнѣній о министерскомъ проэктѣ и съ каждымъ днемъ митинги растутъ, а рѣшенія ихъ всѣ въ одномъ и томъ же смыслѣ, которому мы представимъ нѣсколько примѣровъ. Беремъ одинъ нумеръ Manchester Guardian 8 марта.

Митингъ въ Стренджвезѣ. Мистеръ Джозефъ Джонсонъ предложилъ объявить, что министерскій билль прискорбно обманываетъ основательныя ожиданія націи. Предложеніе принято единогласно.

Ольдгемъ. По просьбѣ со множествомъ подписей, лордъ-мэръ назначилъ на завтра митингъ для выраженія протеста противъ министерскаго билля.

Лидсъ. На митингѣ единогласно объявлено, что билль, предложенный министерствомъ, долженъ быть встрѣченъ рѣшительной и энергической оппозиціей всѣхъ либеральныхъ людей.

Векфильдъ. Послѣ многихъ частныхъ митинговъ назначенъ на завтра общій митингъ для совѣщанія о дѣйствительнѣйшихъ мѣрахъ противиться министерскому биллю.

Саутемптонъ, Нордвульвичъ и Мерильбонъ. Назначены или происходили такіе же митинги.

Демонстрація въ Гайдъ-Паркѣ, въ Лондонѣ. Мистеръ Ментель предложилъ моцію: «министерскаго билля нельзя и называть биллемъ реформы; это не билль, а просто срамъ; намъ нуженъ хорошій билль, или не нужно никакого». Принято единодушно среди сильныхъ и продолжительныхъ апплодисментовъ.

Шеффильдъ. Мистеръ Фишеръ старшій предложилъ слѣдующее рѣшеніе: «билль, предложенный министерствомъ, не исправитъ недостатковъ нашей представительной системы, а размножитъ и увеличитъ ихъ; онъ возбудитъ чрезвычайно вредную вражду между жителями деревень и городовъ. Онъ не беретъ депутатовъ у маленькихъ зависимыхъ городковъ, не даетъ баллотировки, не даетъ голоса трудолюбивымъ и порядочнымъ людямъ рабочаго класса; эти недостатки дѣлаютъ его совершенно несообразнымъ съ потребностями націи». Принято единогласно.

Ньюкэстль. Мистеръ Джозефъ Конъ предложилъ рѣшеніе. «По мнѣнію настоящаго митинга министерскій проэктъ реформы не удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ. Митингъ считаетъ этотъ проэктъ оскор-

бительнымъ для разума, вреднымъ для интересовъ рабочаго сословія англійской націи, и заслуживающимъ самой сильной и безусловной оппозиціи». Это предложеніе принято единогласно, а вмѣстѣ съ нимъ и рѣшеніе просить королеву объ удаленіи нынѣшнихъ министровъ.

Просимъ читателя замѣтить, что всѣ эти извѣстія взяты нами только изъ одного нумера газеты, т. е. доставлены только однимъ днемъ, и что эта газета держится политики Пальмерстона, который 8 марта еще хотѣлъ покровительствовать министерскому биллю, и что наконецъ это газета провинціальная, оставляющая безъ особеннаго вниманія тѣ части Соединеннаго королевства, которыя далеки отъ Манчестера. Были сотни митинговъ въ первой половинѣ марта и ни на одномъ изъ нихъ не было сказано о министерскомъ биллѣ ни одного, не только благопріятнаго, но и снисходительнаго слова. Всѣ единодушно рѣшали противиться министерскому биллю самымъ энергическимъ образомъ. На каждомъ митингѣ онъ служилъ предметомъ самыхъ горькихъ и презрительныхъ насмѣшекъ.

Уступая давленію общественнаго мнѣнія, двѣ изъ трехъ газетъ, защищавшихъ билль, уже измѣнили свой тонъ: Times говоритъ о биллѣ съ ѣдкой ироніей и Manchester Guardian вторитъ Times'y. Единственнымъ защитникомъ билля остается бѣдный Morning Gerald, органъ министерства.

Къ чему же привели всѣ реакціонныя хитрости, всѣ лицемѣрныя фразы? Только къ тому, что изобрѣтатели ихъ сдѣлались предметомъ насмѣшки сами, компрометировали ту партію, которую хотѣли защитить. Быть можетъ по крайней мѣрѣ угодили они тѣмъ обскурантамъ, на потворствѣ которымъ основываютъ свою карьеру? Нѣтъ, и того они не достигли. Органъ фанатическихъ тори, Press, объявляетъ, что она противъ билля. Какая же была выгода угождать этимъ реакціонерамъ? Они все-таки раздражены, а нація хохочетъ и негодуетъ.

Но мнѣніе націи и рѣшеніе парламента — двѣ различныя вещи, очень часто ни мало несходныя при нынѣшней системѣ выборовъ и нынѣшнемъ распредѣленіи депутатовъ. Каковъ же ходъ дѣла въ Палатѣ Общинъ? Реформеры противъ министерскаго билля, это не требуетъ объясненій. Изъ двухъ предводителей вигистской партіи, лордъ Россель, какъ мы видимъ, немедленно по внесеніи билля самымъ рѣшительнымъ образомъ объявилъ себя противъ него. Другой предводитель, лордъ Пальмерстонъ, вздумалъ слѣдовать политикѣ болѣе хитрой: онъ промолчалъ, чтобы въ рѣшительную минуту можно было ему присоединиться къ той сторонѣ, союза съ которой потребуетъ его выгода. Соединеніе Росселя съ реформерами

показывало, что противъ билля будетъ почти ровно половина голосовъ или даже нѣсколько больше; но все-таки Пальмерстонъ полагалъ, что тѣ 70 или 80 голосовъ, которые слѣдуютъ за нимъ, могутъ по произволу спасти или низвергнуть министерство. Однакожь тактика эта, клонившаяся къ тому, чтобы сдѣлаться рѣшителемъ парламентскихъ преній, оказалась не совсѣмъ удачною. Приверженцы лорда Пальмерстона съ перваго же раза были недовольны тѣмъ, что онъ не высказался противъ билля. Въ слѣдующіе дни, по мѣрѣ того какъ агитація въ народѣ росла, партія Пальмерстона все сильнѣе убѣждалась, что защищать билль значило бы подвергать себя негодованію націи. По послѣднимъ извѣстіямъ, надобно полагать, что пальмерстоновскіе виги не будутъ поддерживать торійскаго билля. Читатель знаетъ, что парламентскія партіи стараются держать втайнѣ свой планъ дѣйствій до послѣдней минуты; потому, не смотря на множество извѣстій и предположеній о будущей судьбѣ министерскаго билля, она еще остается неизвѣстной: неизвѣстно, на что рѣшился Пальмерстонъ; неизвѣстно, какъ поступитъ министерство, если потерпитъ неудачу, которой надобно ожидать. Надобно только думать, что лордъ Пальмерстонъ думаетъ принять въ вопросѣ о реформѣ либеральную роль для поправленія своей популярности и открытія себѣ дороги въ кабинетъ.

Удастся ли эму это, мы узнаемъ чрезъ недѣлю, при второмъ чтеніи билля. Но теперь пока видно только то, что излишняя тонкость значительно попортила его парламентское положеніе. До сихъ поръ предводителемъ оппозиціи былъ онъ. Лордъ Россель оставался на второмъ планѣ; но Пальмерстонъ промолчалъ 28 февраля и тѣмъ далъ лорду Росселю время снова выдвинуться впередъ. Предводитель оппозиціи теперь лордъ Россель. При второмъ чтеніи билля мы увидимъ, удастся ли Пальмерстону отбить у него это мѣсто, или надежда быть главою кабинета по низверженіи нынѣшняго министерства положительно отнята у него Росселемъ.

До сихъ поръ Россель, возстановившій свое прежнее значеніе рѣчью 28 февраля, дѣйствуетъ какъ предводитель оппозиціи. Онъ созвалъ къ себѣ, оставляя въ тѣни лорда Пальмерстона, либеральныхъ депутатовъ всѣхъ партій для совѣщанія о единодушномъ образѣ дѣйствій по вопросу о реформѣ. Пальмерстоновскихъ виговъ тутъ не было; но кромѣ депутатовъ, постоянно шедшихъ за Росселемъ, явились въ собраніе всѣ реформеры. Выслушавъ проэктъ Росселя, они объявили себя готовыми поддерживать его. Такимъ образомъ дѣла пошли по одной изъ тѣхъ трехъ дорогъ, вѣроятность и значеніе которыхъ мы объяснили въ январскомъ обзорѣ: реформеры и росселевскіе виги соединяются подъ предводительствомъ Рос-

селя противъ тори. Чтобы ни стали дѣлать пальмерстоновскіе виги, судьба торійскаго билля уже рѣшена этимъ соединеніемъ: онъ долженъ погибнуть.

Но его фактическая погибель, уже несомнѣнная, еще не равнозначительна паденію торійскаго министерства. Чтобы понять эти тонкости, надобно вникнуть въ обычаи англійскаго парламента.

Билль, вносимый въ Палату Общинъ, долженъ быть прочитанъ въ ней три раза; на каждое чтеніе требуется согласіе палаты. Согласіе на первое чтеніе обозначаетъ только то, что палата хочетъ заняться предметомъ, къ которому относится билль: тутъ нѣтъ еще вопроса о согласіи палаты съ духомъ вносимаго въ нее проэкта. При согласіи на второе чтеніе рѣшается, одобряетъ ли палата основные принципы билля. Если разрѣшено второе чтеніе, палата обращается въ комитетъ для разсмотрѣнія подробностей. Тутъ предлагаются различныя частныя поправки (amendment), относящіяся къ той или другой статьѣ. Послѣ всего этого проэктъ пересматривается коммиссіею для приведенія первоначальныхъ его опредѣленій въ соотвѣтственность съ принятыми поправками. Тогда палата, возвратившись къ обыкновенной формѣ засѣданій, выслушиваетъ поправленный билль и снова подаетъ голоса объ немъ. Все вмѣстѣ это называется вторымъ чтеніемъ билля. Чрезъ нѣсколько времени назначается третье чтеніе, при которомъ вопросъ идетъ и о принципѣ и о всѣхъ подробностяхъ билля въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ втораго чтенія. Такимъ образомъ первое чтеніе только формальность, дающая палатѣ время приготовиться къ подробному обсужденію билля при второмъ чтеніи. За то второе чтеніе бываетъ настоящимъ испытаніемъ предлагаемаго закона и въ немъ одномъ находятся три разные момента, изъ которыхъ на каждомъ билль можетъ погибнуть: палата можетъ, во-первыхъ, отказать ему въ согласіи на второе чтеніе; во–вторыхъ при комитетскомъ совѣщаніи можетъ принять такія поправки, которыми совершенно измѣняется характеръ первоначальнаго проэкта; въ третьихъ, наконецъ, при общемъ чтеніи поправленнаго билля можетъ отвергнуть его. Если онъ миновалъ всѣ эти опасности, то при третьемъ чтеніи наступаетъ для него самое рѣшительное испытаніе: къ третьему чтенію собираются всѣ депутаты; каждая партія старается явиться на поле битвы въ самомъ полномъ составѣ, и тутъ окончательно оказывается, на чьей сторонѣ большинство палаты, если и при второмъ чтеніи оно не оказалось на сторонѣ противниковъ билля.

Ясно, что борьба имѣетъ двѣ различныя части. При подачѣ голосовъ о первомъ, второмъ и третьемъ чтеніи билля дѣло непремѣнно идетъ на чистоту. Не то при поправкахъ; поправка можетъ со-

вершенно измѣнить первоначальный смыслъ проэкта, замѣнивъ смысломъ прямо противоположнымъ; а между тѣмъ, если билль внесенъ министерствомъ и если министры болѣе дорожатъ сохраненіемъ своихъ мѣстъ, нежели проведеніемъ своихъ идей, то они могутъ, замѣтя, что большинство будетъ на сторонѣ поправки, объявить, что не придаютъ ей особенной важности и потому согласны на нее. Есть и другой способъ, еще болѣе благовидный и еще менѣе добросовѣстный. Если совершенно враждебная прежнему биллю поправка сопровождалась такими рѣзкими рѣчами и предложена отъ такихъ непримиримыхъ враговъ, что министерство не находитъ возможности притвориться, будто не замѣчаетъ ея враждебности, оно выставляетъ противъ нея другую поправку, которая отличается отъ предложенной противниками только какимъ нибудь пустымъ словомъ. Наконецъ недавно тори открыли еще третье средство безвредно для своихъ министерскихъ мѣстъ выдерживать самыя враждебныя перемѣны въ своихъ билляхъ. При совѣщаніи о своемъ индійскомъ биллѣ торійское министерство объявило, что этотъ предметъ по своей національной важности выше несогласій между партіями; что министерство не хочетъ ничего болѣе, какъ только служить желаніямъ страны въ этомъ великомъ дѣлѣ, и какъ бы ни было оно рѣшено парламентомъ, министерство впередъ на все согласно. Этотъ методъ называется разрѣшеніемъ вопроса посредствомъ отдѣльныхъ постановленій объ отдѣльныхъ частяхъ его (by resolutions). Тутъ первоначальный билль долженъ разсматриваться по объявленію министерства не какъ проэктъ рѣшенія вопроса въ извѣстномъ духѣ, а просто какъ указаніе на подробности вопроса, безъ желанія настаивать на разрѣшеніе ихъ именно въ такомъ, а не другомъ духѣ.

Читатель видитъ, что всѣ эти способы не болѣе какъ хитрыя средства говорить «я доволенъ», въ то время, какъ дѣлаютъ противъ моего желанія. Министерство, прибѣгающее къ нимъ, навлекаетъ на себя насмѣшку и презрѣніе, но успѣваетъ продлить свое существованіе, если большинство ему противное раздѣлено на партіи, еще не успѣвшія согласиться относительно распредѣленія министерскихъ мѣстъ между своими предводителями при низверженіи существующаго министерства. Не будучи готовы составить новый кабинетъ, эти партіи большинства терпятъ существованіе прежняго министерства и показываютъ видъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ его объясненію, что оно не принимаетъ во враждебномъ для себя смыслѣ рѣшеній парламента, противныхъ его собственнымъ предложеніямъ. Именно такимъ образомъ съ перваго дня своего существованія до нынѣшняго числа держится торійское министерство. Но разумѣется,

всѣ эти увертки не болѣе, какъ формальность, допускаемая оппозиціею по ея несогласію относительно состава новаго кабинета. Если же соглашеніе оппозиціонныхъ оттѣнковъ будетъ устроено, тогда никакіе извороты не помогутъ министерству: оппозиція прямо принимаетъ рѣшенія, относящіяся не къ какому нибудь закону, а къ самому министерству, и предлагаетъ ему удалиться изъ кабинета. Но до этой невѣжливости дѣло рѣдко доходитъ. Министерству бываетъ извѣстно, успѣла ли оппозиція согласиться въ составѣ новаго министерства и если успѣла, то оно не будетъ прибѣгать ни къ какимъ хитростямъ, зная, что онѣ уже были бы безполезны, и первое рѣшеніе палаты несогласное съ какимъ нибудь его предложеніемъ, хотя бы по самому пустому вопросу, откровенно истолкуетъ въ его настоящемъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ приказанія удалиться изъ кабинета. Читателю извѣстно, что тогда остаются двѣ дороги: министерство или немедленно повинуется парламенту, или испытываетъ свое счастье распущеніемъ прежняго парламента и созваніемъ новаго, голосу котораго оно уже не можетъ не повиноваться, потому что при выборахъ предполагался вопросъ: довольна ли нація существующимъ министерствомъ.

Мы излагали всѣ эти подробности парламентской тактики для того, чтобы читателю были ясны отрывочныя извѣстія, которыя будутъ приноситься ему газетами. Нынѣшній обзоръ нашъ будетъ напечатанъ вѣроятно до рѣшенія парламентской судьбы министерскаго билля о реформѣ, и мы хотѣли бы помочь читателю при соображеніи значенія будущихъ газетныхъ извѣстій по этому важному дѣлу; а теперь мы сообщимъ то, что уже сдѣлано по немъ, чего ожидаютъ въ настоящее время, т. е. около 15-го марта новаго стиля, и какъ думаютъ о вѣроятномъ исходѣ борьбы, которая начнется черезъ недѣлю (21-го числа).

Когда лордъ Россель, тотчасъ же по внесеніи билля Д'Израэли, высказался противъ него самымъ сильнымъ образомъ и когда реформеры, на собраніи бывшемъ у лорда Росселя, рѣшились поддерживать стариннаго предводителя либераловъ, было рѣшено ими сосредоточить всѣ свои усилія въ парламентѣ на поддержку предложеній Росселя, и Брайтъ объявилъ въ Палатѣ Общинъ, что отлагаетъ представленіе своего билля. Такимъ образомъ событія приняли именно тотъ оборотъ, который мы предполагали вѣроятнѣйшимъ и объясняли въ январской книжкѣ. Мы говорили тогда (Соврем. Политика, № 1, стр. 123): «Билль Брайта не можетъ пріобрѣсти го«лосовъ ни массы тори, ни массы виговъ: онъ будетъ слишкомъ про«грессивенъ для нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это «отдѣлить въ свою пользу по двадцати или тридцати прогрессивнѣй-

«ихъ людей изъ того и другаго лагеря, то есть ни въ какомъ случаѣ «не могъ бы онъ имѣть у себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ «имѣть гораздо меньше, можетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для «большинства нужно болѣе 300 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ «служить, такъ сказать, только запросомъ, только средствомъ поднять «цѣну согласія со стороны независимыхъ либераловъ, на поддержку «билля какой нибудь другой партіи. Итакъ серьёзнымъ соперникомъ «билля Дерби вѣроятно останется только билль Росселя.» Мы прибавляли тогда, что реформеры, отъ присоединенія которыхъ къ Росселю или къ Дерби зависитъ большинство, вѣроятно будутъ имѣть болѣе наклонности дѣйствовать вмѣстѣ съ Росселемъ противъ Дерби. Въ продолженіи всего февраля носились слухи противные нашему предположенію, но вотъ теперь и оно оправдано фактомъ. Послѣ этого соединенія Брайта съ Росселемъ, Дерби увидѣлъ невозможность провести свой билль, но онъ (то есть Д'Израэли) придумалъ новую хитрость, вовсе не лестную для твердости министерскихъ убѣжденій, но казавшуюся ему единственнымъ средствомъ спастись отъ пораженія: узнавъ о союзѣ Росселя съ Брайтомъ, Д'Израэли объявилъ, что при второмъ чтеніи само министерство предложитъ въ своемъ биллѣ поправки на принципахъ болѣе широкихъ. Къ этому обращенію въ либеральное исповѣданіе слѣдовало бы прибѣгнуть еще до представленія билля; теперь трогательный либерализмъ былъ штукою нѣсколько запоздалою и Россель объявилъ въ палатѣ, что при второмъ чтеніи билля Дерби предложитъ слѣдующее рѣшеніе: «Палата Общинъ думаетъ, что несправедливо и неблагоразумно (politic) поступать по способу предложенному настоящимъ биллемъ съ существующимъ правомъ фригольдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что палата и нація неудовлетворятся никакимъ измѣненіемъ избирательнаго права, не вводящимъ въ графствахъ и городахъ расширенія права голоса въ размѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящею мѣрою». Принятіе этой моціи, встрѣченной аплодисментами палаты, въ сущности должно равняться отверженію билля Дерби, потому что она противна обѣимъ важнѣйшимъ чертамъ билля, — сохраненію десяти-фунтоваго ценса въ городахъ и отнятію ценса въ графствахъ у фригольдеровъ живущихъ въ городахъ. Но министерству она оставляетъ возможность сказать, что ея принятіе, послѣ предложенныхъ самимъ министерствомъ поправокъ не принимаетъ оно за прямое отверженіе своего билля, то есть за требованіе удалиться изъ кабинета. Но кромѣ того однимъ изъ реформеровъ будетъ предложено при второмъ чтеніи и прямое отверженіе билля. Теперь считаютъ, что это послѣднее предложеніе будетъ принято большинствомъ отъ

80 до 90 голосовъ. Надобно однакоже замѣтить, что отъ министерства еще зависитъ парировать этотъ ударъ собственнымъ предложеніемъ какихъ нибудь очень сильныхъ измѣненій въ первоначальномъ биллѣ. Очень можетъ быть, что такой маневръ останется не совершенно безуспѣшенъ. Точно также лордъ Пальмерстонъ при второмъ чтеніи билля, вѣроятно, сдѣлаетъ какой нибудь маневръ, чтобы возвратить себѣ роль предводителя оппозиціи, отнятую у него Росселемъ. Впрочемъ, кажется, что по вопросу о реформѣ это ему не удастся; но можетъ быть онъ пріищетъ какой нибудь другой вопросъ для достиженія своей цѣли.

Итакъ около 15-го марта новаго стиля положеніе дѣлъ было слѣдующее: министерскому биллю предстояло, или быть отвергнутымъ, или получить отъ поправокъ характеръ совершенно противный его прежнему духу; во второмъ случаѣ торійское министерство полагаетъ объявить, что оно не принимаетъ этихъ поправокъ за враждебныя ему. Въ первомъ случаѣ, по правильнымъ парламентскимъ обычаямъ, оно должно было бы, или выдти въ отставку, или распустить парламентъ. Но при нынѣшнемъ распаденіи виговъ на двѣ партіи (Росселя и Пальмерстона) и при отдѣльномъ существованіи независимой отъ нихъ партіи реформеровъ можетъ встрѣтиться невозможность къ составленію вигистскаго министерства, и въ такомъ случаѣ тори успѣютъ удержаться въ министерствѣ. Этотъ шансъ много зависитъ отъ Пальмерстона: повидимому Росселю трудно будетъ составить министерство безъ содѣйствія Пальмерстона. Примириться этимъ двумъ соперникамъ, прежнимъ друзьямъ, получившимъ другъ отъ друга страшные удары, очень трудно; но судя по газетнымъ слухамъ надобно полагать, что переговоры о примиреніи ведутся. Основаніемъ ихъ служитъ по видимому то, что партія Пальмерстона требуетъ у своего предводителя, чтобы онъ принесъ свое личное неудовольствіе на Росселя въ жертву общей выгодѣ виговъ. На дняхъ мы увидимъ, исполнятся ли ожиданія газетъ, предсказывающихъ примиреніе; а пока скажемъ только, что около 15-го марта, то есть за недѣлю до рѣшенія дѣлъ, предполагали, что Россель, опираясь на реформеровъ, чувствуетъ себя довольно сильнымъ составить министерство и безъ содѣйствія Пальмерстона. Разумѣется, всѣ отношенія могли совершенно измѣниться въ слѣдующіе дни, остававшіеся до 21-го числа.

Между тѣмъ какъ восточный островъ Ирландско-Великобританскаго королевства занятъ былъ этими преніями о реформѣ и различными ея шансами, въ одномъ изъ портовыхъ городовъ западнаго острова случилось дѣло, возбудившее общее вниманіе даже среди всѣхъ заботъ о реформѣ и слуховъ о войнѣ. Въ гавань Квинстона

прибылъ 6-го марта американскій корабль съ неожиданными гостями, и газета Cork Examiner разсказала о немъ слѣдующія интересныя вещи.

«Сильное впечатлѣніе было произведено въ Квинстонѣ прибытіемъ американскаго корабля «*David Steward*», на которомъ были знаменитый Поэріо и его спутники, недавно выпущенные изъ неаполитанскихъ темницъ. Помилованіе ихъ сопровождалось изгнаніемъ, и перевезенные въ Испанію, они должны были быть отправлены въ Америку. Неаполитанскій корабль привезъ ихъ въ Кадиксъ, оттуда «*David Steward*» нанятъ былъ перевезти ихъ въ Нью-Йоркъ. Всѣхъ изгнанниковъ 69 человѣкъ, въ томъ числѣ жена и двое дѣтей изгнанника Маццео. 19 февраля они были посажены на этотъ корабль. Для 44 человѣкъ нашлись первоклассныя каюты; остальные были помѣщены во вторыхъ мѣстахъ. По отплытіи изъ Кадикса, «*David Steward*» плылъ около 200 миль подъ надворомъ «Стромболи», неаполитанскаго военнаго парохода. Потомъ пароходъ удалился, оставивъ корабль при попутномъ вѣтрѣ по дорогѣ въ Америку. Но едва корабль очутился въ безопасности отъ пушекъ парохода, всѣ изгнанники явились къ капитану, протестовали противъ своего отправленія въ Америку и потребовали, чтобы ихъ отвезли въ какую нибудь англійскую гавань. Капитанъ, оставившій третью часть платы за перевозъ обезпеченіемъ въ исполненіи контракта, отвѣчалъ, что не можетъ нарушить его. Они повидимому убѣдились его доводами и успокоились на тотъ день; но поутру возобновили свое требованіе болѣе рѣшительнымъ тономъ. Тутъ произошелъ случай романтическаго характера: въ Кадиксѣ нанялся служить на корабль молодой итальянецъ Раффаэли Сеттембрини. До сихъ поръ онъ исполнялъ работу наравнѣ съ другими матросами; но когда пассажиры пришли во второй разъ капитану, онъ явился въ костюмѣ помощника штурмана галіоэзскихъ пароходовъ: въ изящной синей блузѣ съ золотыми пуговицами и золотымъ окольшемъ на шляпѣ. Дѣйствительно, онъ служилъ помощникомъ штурмана въ галіоэзской пароходной компаніи. Оказалось, что онъ сынъ одного изъ важнѣйшихъ изгнанниковъ, Луиджи Сеттембрини. Услышавъ о томъ, на какихъ условіяхъ выпущенъ изъ темницы его отецъ, онъ отправился въ Испанію и, чтобы находиться вмѣстѣ съ отцомъ, придумалъ хитрость, о которой мы разсказали. Капитанъ корабля думаетъ, что цѣль у него была важнѣе, нежели простое желаніе увидѣть отца. Капитанъ думаетъ, что онъ былъ отправленъ лондонскимъ итальянскимъ обществомъ, чтобы помочь изгнанникамъ сдѣлать то, что они сдѣлали. Какъ бы то ни было, но его присутствіе придало новую настойчивость требованію пассажировъ. Они сказали, что у нихъ теперь есть моякъ и что если бы имъ пришлось отнять управленіе кораблемъ у капитана и экипажа, то они могутъ плыть безъ ихъ помощи. Они представили капитану, что находятся въ морѣ уже цѣлыхъ два мѣсяца, что многіе изъ нихъ старики, что здоровье всѣхъ ихъ болѣе или менѣе

ослабленю десятилѣтнимъ заключеніемъ и потому долгое плаваніе было бы пыткою для всѣхъ ихъ и можетъ быть смертью для нѣкоторыхъ. Они утверждали также, что, будучи подъ американскимъ флагомъ, они свободные люди и что онъ не имѣетъ права везти ихъ туда, куда они не хотятъ. Эти аргументы подкрѣплялись превосходствомъ по физической силѣ, — изгнанниковъ было 66 человѣкъ мужчинъ, а экипажъ состоялъ только изъ 17, потому капитанъ уступилъ и направилъ корабль на сѣверъ. Пассажиры обращались съ нимъ ласково, но поставили надъ нимъ надзоръ, чтобы онъ не свернулъ корабля съ направленія къ гавани, въ которую они хотѣли плыть. Они направлялись въ Коркъ, но нѣсколько ошиблись въ направленіи и черезъ 14 дней прибыли въ Квинстонъ. Тотчасъ же они сошли на берегъ съ выраженіями живѣйшаго восторга отъ мысли, что теперь свобода ихъ ненарушима. Нѣкоторые изъ нихъ цаловали землю, на которой стали свободными людьми.

«Прибытіе пассажировъ въ Квинстонѣ—дѣло обыкновенное, не возбуждающее никакого вниманія. Но вѣсть о прибытіи этихъ пассажировъ разнеслась чрезвычайно быстро, и они стали предметомъ заботливѣйшаго вниманія. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что отъ долговременнаго заключенія зрѣніе у нихъ ослабѣло. Въ продолженіи путешествія, Поэріо, здоровье котораго очень разстроено, каждый день вставалъ съ постели, чтобы просидѣть нѣсколько часовъ на палубѣ. Ему 55 лѣтъ, но на видъ онъ кажется старше. Онъ не высокаго роста и плотнаго сложенія».

Изгнанники были встрѣчены въ Ирландіи и въ Англіи съ энтузіазмомъ. «Наши американскіе братья, приготовлявшіе почести для Поэріо и его спутниковъ, будутъ завидовать намъ, что пріемъ этихъ гостей достался на нашу долю», восклицаютъ англійскія газеты. Составился комитетъ для открытія національной подписки въ честь новоприбывшихъ. Первые государственные люди всѣхъ партій поставили за славу себѣ руководить этимъ дѣломъ. Президентомъ комитета выбранъ лордъ Шефтсбери; лордъ Пальмерстонъ, лордъ Россель, Мильнеръ — Джибсонъ, Гладстонъ, лордъ Гренвилль, лордъ Ленсдонъ, лордъ Дергемъ, лордъ епископъ лондонскій, лордъ Линдсерстъ, находятся въ числѣ членовъ комитета.

Поэріо и его товарищи были брошены въ темницы вслѣдствіе событіе 1848 года; но ни Поэріо, ни Сеттембрини, ни большая часть другихъ изгнанниковъ, прибывшихъ теперь въ Англію, ни мало не участвовали въ революціонныхъ движеніяхъ, вынудившихъ у Фердинанда II согласіе на конституцію. Они только пользовались популярностью, и потому самъ король почелъ нужнымъ обратиться къ нимъ, когда вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ исчезло довѣріе къ нему и онъ почелъ себя находящимся въ опасности. Онъ самъ просилъ Поэріо и другихъ принять управленіе дѣлами, чтобы

спасти ему жизнь и престолъ. Вскорѣ потомъ обстоятельства измѣнились. Фердинандъ II почелъ возможнымъ обойтись безъ ихъ помощи и уничтожить конституцію. Если бы Поэріо и его товарищи могли полагать, что чѣмъ нибудь заслужили его гнѣвъ, они имѣли довольно времени уѣхать изъ Неаполя. Но они полагали, что Фердинандъ II, хотя и нашелъ полезнымъ возвратиться къ прежнему принципу управленія, смотритъ на нихъ, своихъ бывшихъ министровъ, какъ на людей, которымъ долженъ быть признателенъ за помощь въ трудныя для него времена. Такая мысль была заблужденіемъ излишней самонадѣянности. Фердинандъ II думалъ о нихъ совершенно иначе, и нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ поступилъ совершенно основательно, рѣшившись наказать ихъ за либеральныя мнѣнія. Правда, они не сдѣлали ничего преступнаго; но самый образъ ихъ понятій былъ преступенъ по неаполитанскимъ законамъ, возстановленнымъ по усмиреніи революціи. Правда, они не были революціонерами; но революціонеры довѣряли имъ, когда они были призваны къ управленію дѣлали. Безнаказанность такихъ людей конечно была бы противна прочности возстановленной системы, или по крайней мѣрѣ свидѣтельствовала бы, что эта система должна щадить своихъ противниковъ, слѣдовательно сама не увѣрена въ своихъ силахъ. Если бы эти страницы попались на глаза французскимъ, англійскимъ, сардинскимъ или нѣмецкимъ либераламъ, мы подверглись бы отъ нихъ безпощадному порицанію; но что же дѣлать, надобно говорить то, что думаешь. Намъ кажется, что Фердинандъ II никакъ не могъ оставить Поэріо и его товарищей безнаказанными. Они были преданы суду; юридическихъ доказательствъ противъ нихъ не нашлось. Либералы чрезвычайно горячо кричатъ о беззаконности наказаній при совершенномъ недостаткѣ доказательствъ, такомъ недостаткѣ, что главнымъ документомъ обвиненія служило подложное письмо, написанное по распоряженію обвинителей какимъ-то господиномъ, получившимъ за то денежное вознагражденіе. Обвиняемые доказали подложность письма и генералъ-прокуроръ, бывшій обвинителемъ, признался, что документъ дѣйствительно фальшивый. Либералы чрезвычайно громко кричатъ, сказали мы, о незаконности осужденія при такихъ обстоятельствахъ; но мы думаемъ, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, либералы, останавливаясь на пустыхъ подробностяхъ, упускаютъ изъ виду сущность дѣла. Развѣ не бываетъ такихъ процессовъ, въ которыхъ убѣжденіе судей о виновности или невиновности подсудимаго составляется на основаніи впечатлѣнія, производимаго всею его жизнью, его личностью и совокупностью тысячи мелочныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ не составляетъ юридиче-

скаго доказательства, по которые всѣ имѣстѣ производятъ нравственное убѣжденіе о его виновности или невинности? Притомъ, намъ кажется, что требовать уликъ противъ Поэріо, значило быть слишкомъ щепетильнымъ формалистомъ. Каждому было извѣстно, что онъ не одобряетъ правительственную систему, которой слѣдовалъ Фердинандъ II до революціи и по укрощеніи революціи; слѣдовательно онъ имѣлъ образъ мыслей враждебный господствующему порядку; слѣдовательно онъ былъ врагомъ правительства; слѣдовательно правительство было бы виновно передъ самимъ собою и передъ государствомъ, порядокъ въ которомъ должно было охранять, если бы оставило безнаказаннымъ своего врага и такою безнаказанностью ободрило бы людей, имѣющихъ вредный образъ мыслей. Поэріо и его товарищи могутъ быть, какъ частные люди, достойны всякаго уваженія по благородству характера, по талантамъ и т. д.; но какъ враги правительства они основательно могли быть подвергнуты смертной казни. Но правительство смягчило это наказаніе, замѣнивъ его заключеніемъ въ крѣпость. До сихъ поръ мы не видимъ въ этомъ дѣлѣ ничего противнаго основаніямъ существующаго въ Неаполѣ порядка; но дальнѣйшія дѣйствія неаполитанскаго правительства кажутся намъ уже несовершенно благоразумными. Помѣщеніе въ темницахъ, отведенное для осужденныхъ преступниковъ, было чрезвычайно дурно: тѣсно, мрачно, сыро, грязно. Они были содержимы въ цѣпяхъ, содержаніе имъ отпускалось чрезвычайно дурное. Вообще обходились съ ними также сурово, какъ съ какими нибудь убійцами пойманными на воровствѣ. Говоря по строгой правдѣ, и въ этомъ не было ничего собственно несправедливаго: по всей вѣроятности многіе другіе заключенные въ неаполитанскихъ темницахъ содержались точно также, хотя правительство и не имѣло къ нимъ личной непріязни. Но въ нашъ вѣкъ либеральные предразсудки очень сильны въ Западной Европѣ; притомъ и человѣколюбіе внушаетъ, что строгость напрасна тамъ, гдѣ не нужна. Намъ кажется, что Поэріо и его товарищи были бы достаточно наказаны за свой преступный образъ мыслей тюремнымъ заключеніемъ и безъ прибавленія цѣпей, грубаго обращенія и разныхъ лишеній. Впрочемъ мы не судьи въ этомъ дѣлѣ; судья въ немъ неаполитанское правительство, которое лучше насъ знало потребности своего положенія и вѣроятно не употребляло бы этихъ сильныхъ строгостей, если бы не были онѣ дѣйствительно нужными. Очень можетъ быть, что оно было совершенно право, когда утверждало, что нѣкоторая суровость необходима для обузданія злоумышленниковъ примѣромъ ихъ предводителей и соучастниковъ, и что эта строгость, быть можетъ и дѣйствительно тяжело ложащаяся на нѣкоторыхъ лицъ, спа-

сительно дѣйствуетъ на множество людей, предостерегая ихъ отъ опрометчивыхъ поступковъ,—но не даромъ существуетъ пословица: «чужую бѣду по пальцамъ разведу». Гладстонъ, не замѣчавшій у себя на родинѣ надобности въ подобныхъ мѣрахъ, не захотѣлъ, когда былъ въ Неаполѣ, понять грустной необходимости, возлагаемой на неаполитанское правительство обязанностью поддерживать порядокъ при множествѣ недовольныхъ. Онъ имѣлъ случай въ подробности изслѣдовать положеніе людей заключенныхъ въ неаполитанскія тюрьмы по политическимъ причинамъ и съ чрезвычайною силою изобразилъ его Европѣ. Эти извѣстія ужаснули западно-европейскихъ либераловъ, и общественное мнѣніе заговорило такъ сильно, что Франція и Англія должны были наконецъ разорвать дипломатическія сношенія съ неаполитанскимъ правительствомъ, когда оно не согласилось исполнить ихъ требованіе объ освобожденіи этихъ несчастныхъ людей, впрочемъ справедливо наказанныхъ за свои заблужденія, которыя не могъ не замѣтить даже Монтанелли, хотя и раздѣляетъ ихъ образъ мыслей. Самъ Монтанелли, напримѣръ, разсказываетъ, что когда Фердинандъ II, провозгласивъ конституцію, назначилъ министромъ Боццелли, одного изъ предводителей демократической партіи, этотъ демократъ упалъ къ ногамъ короля и вскричалъ: «Государь! если бы я зналъ васъ раньше, я не составлялъ бы заговоровъ», — а вотъ въ этомъ-то и состояла непростительная ошибка, за которую дѣйствительно былъ онъ достоинъ наказанія, постигнувшаго его въ послѣдствіи.

Но здоровье короля въ послѣднее время ослабѣло. Сколько извѣстно, болѣзнь его ревматизмъ, въ соединіи съ золотушными страданіями. Эта болѣзнь имѣетъ въ Неаполѣ какой-то особенный характеръ: она бросается на одну изъ ногъ, дѣлаетъ человѣка хромымъ, потомъ поднимается въ желудокъ и тогда становится смертельною. Король чувствовалъ себя правымъ, но все-таки размышленія, внушаемыя тяжелой болѣзнью, склонили его оказать милость заключеннымъ. Конечно, онъ основательно думалъ, что было бы опасно оставить ихъ въ Неаполѣ, но мы видѣли какъ разстроилось намѣреніе удалить ихъ въ Америку.

Мы высказали нашъ взглядъ на это дѣло, но безпристрастіе обязываетъ насъ и въ настоящемъ случаѣ, какъ всегда, привести мнѣніе противной партіи, понимающей дѣло иначе, и мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ статьи Times'а, предоставляя себѣ право показать неосновательность обвиненій, взводимыхъ ею на неаполитанское правительство.

«Мы должны нынѣ объявить, что Поэріо, Сеттембрини (говоритъ *Times*, 9 марта) и остальные неаполитанскіе каторжники, которыхъ

вели въ Сѣверную Америку по приказанію умирающаго, но не раскаявающагося Фердинанда, презрѣли его милостью и съ чрезвычайнымъ ослѣпленіемъ и неблагодарностью не захотѣли принять прощеніе на условіяхъ, имъ предложенныхъ. Десять лѣтъ онъ считалъ нужнымъ держать ихъ въ цѣпяхъ, въ гнуснѣйшихъ тюрьмахъ, въ подземельныхъ подвалахъ, подвергая ихъ ужасамъ медленной смерти; но смерть, призываемая ими, не приходила. Они были наказаны по приговору суда, веденнаго такимъ образомъ, что изумлялась Европа, — такъ нагло было клятвопреступленіе, такъ возмутительны дѣйствія судей, такъ тверда ихъ рѣшимость произнесть осужденіе. Показанія шпіоновъ, представленіе подложнаго письма, отвергнутаго впослѣдствіи даже неаполитанскимъ генеральнымъ прокуроромъ, — таковы документы по ихъ дѣлу. Въ Англіи знаютъ, что Поэріо жестоко страдалъ, но почти всѣ знаютъ о немъ только по письмамъ Гладстона о состояніи неаполитанскихъ тюрьмъ, и англійскій народъ еще не знаетъ, какая черная измѣна погубила этихъ несчастныхъ джентльменовъ, не знаетъ, какъ велики права ихъ на нашу симпатію. Они не заговорщики; они не имѣли никакого отношенія къ итальянскимъ заговорамъ. Но когда Европа была раздираема волненіями, въ возбужденіи которыхъ они не участвовали, то по просьбѣ своего короля они помогли ему установить конституціонное правленіе въ Неаполѣ. Торжественнѣйшимъ образомъ Фердинандъ призывалъ на себя погибель, если измѣнитъ данному слову. Но послѣ 15 мая (*) онъ бросилъ на вѣтеръ всѣ обѣщанія. Несчастные джентльмены, которыхъ мы теперь съ гордостью называемъ нашими гостями, были виновны развѣ въ томъ, что повѣрили слову Фердинанда. За это преступленіе, котораго никто не захочетъ повторить, они были осуждены на десять лѣтъ страданій, какимъ подвергались очень немногіе люди, и пережили ихъ, чтобы разсказать свѣту. Чѣмъ больше мы будемъ изслѣдовать ихъ исторію, тѣмъ больше мы убѣдимся, что эти люди терпѣли невообразимое мученіе десять лѣтъ единственно за то, что имѣли безразсудство повѣрить Фердинанду и приняли участіе въ системѣ правленія, которую онъ клялся сохранить. Даже дыханіе клеветы никогда не касалось ихъ чистаго имени. Событія 1848 года произошли безъ всякаго возбужденія отъ нихъ. Фердинандъ, чтобы спасти свой престолъ и свою жизнь, бросился писать конституцію. Онъ лично и убѣдительно просилъ главныхъ между этими изгнанниками быть министрами его новаго правленія. Они исполнили просьбу. Черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ возможность пренебречь своими обѣщаніями и обязательствами. Онъ обратилъ пушки на своихъ подданныхъ, и на-досугѣ было составлено пошлое, ни на чемъ неосновательное обвиненіе въ заговорѣ противъ государственныхъ людей, оказавшихъ ему пособіе для сохраненія ему престола въ часъ

(*) Когда неаполитанское національное собраніе было разогнано вооруженною силою, городъ Неаполь бомбардированъ и либеральное движеніе подавлено послѣ упорной битвы.

его тяжкой бѣды. Жертвы его тиранiи и вѣроломства теперь между нами. Чувство, гораздо сильнѣйшее всѣхъ политическихъ расчетовъ, призываетъ насъ почтить такихъ людей.»

Статья написана, какъ видимъ, очень сильно и даже краснорѣчиво; но, къ сожалѣнiю, мы должны сказать, что ни честность Поэрiо, Сеттембрини и другихъ, ни краснорѣчiе англiйскаго журналиста не могутъ вознаградить за недостатокъ яснаго взгляда на сущность дѣла,—недостатокъ одинаково замѣтный и въ бѣдныхъ страдальцахъ и въ ихъ защитникѣ. Они, кажется, не понимаютъ теорiи неотъемлемыхъ правъ. Мы говоримъ, напримѣръ, что негръ — невольникъ, ступившiй на англiйскую или русскую землю, дѣлается свободнымъ человѣкомъ, хотя бы владѣлецъ имѣлъ на него самые неоспоримые документы и хотя бы даже онъ самъ добровольно продался въ рабство этому господину. Такъ постановляютъ англiйскiе и русскiе законы, потому что выше всѣхъ документовъ и обязательствъ и обѣщанiй ставятъ въ этомъ случаѣ неотъемлемое право человѣческой личности, объявляя недѣйствительными всякiе договоры и факты, противные этому праву. Англичанину извинительно, но неаполитанцу непростительно не знать, что также безусловна теорiя неотъемлемыхъ правъ того рода власти, какой существуетъ въ Неаполѣ. Обѣщанiя и дѣйствiя, противныя этимъ неотъемлемымъ правамъ, могутъ быть вынуждаемы обстоятельствами у человѣческой слабости, но такiя уступки по самому принципу теорiи недѣйствительны и, если такъ можно выразиться, противозаконны, и по смыслу теорiи должны быть уничтожаемы. Когда Фердинандъ возстановилъ свою прежнюю власть, ему не о чемъ было жалѣть, не въ чемъ разскаяваться, кромѣ развѣ того, какъ жалѣть о грустномъ стеченiи обстоятельствъ вынудившихъ уступки, и раскаяваться въ минутномъ отступленiи отъ ненарушимой теорiи. Потому выраженiе «нераскаявающiйся» въ отношенiи къ нему совершенно неумѣстно. Онъ по совѣсти можетъ сказать, что правъ передъ Поэрiо и его товарищами. Также неумѣстна дерзкая иронiя надъ условiями, съ которыми было соединено освобожденiе этихъ преступниковъ: развѣ правитель не имѣетъ обязанности заботиться о спокойствiи своего государства? Развѣ онъ не обязанъ принимать мѣръ нужныхъ для того? Фердинандъ находилъ, что для внутренняго спокойствiя Неаполя было бы вредно дозволить жить тамъ Поэрiо и его товарищамъ. Онъ былъ правъ передъ собою, освобождая ихъ на такомъ условiи, чтобы они удалились въ страну, гдѣ были бы безвредны для Неаполя. Онъ руководился милостью, но и самая милость должна быть благоразумна. Десяти-лѣтнiя страданiя преступниковъ были ужасны, — но что же дѣлать? Притомъ, чѣмъ возмущается краснорѣчивый защитникъ преступниковъ? Тѣмъ об-

[illegible] что тюрьмы не были устроены съ комфортомъ. Но [illegible] не понимаетъ, что комфортъ въ тюрьмѣ совершенно [illegible], и если бъ и былъ умѣстенъ, то почти ничѣмъ не облегчилъ бы страданія преступниковъ? Тяжесть тюремнаго заключенія состоитъ именно въ томъ, что заключенный лишенъ свободы и никакой комфортъ не можетъ чувствительнымъ образомъ уменьшить этой тяжести, никакое отсутствіе комфорта не можетъ значительно увеличить ее. Вниманіе къ тому, хороша или дурна *была* тюрьма, въ которой сидѣлъ Поэріо, кажется намъ такою же ничтожною щепетильностью, какъ вниманіе къ тому, соблюдено ли титулованіе по рангу на адресѣ получаемаго кѣмъ нибудь письма. Вопросъ въ томъ, заслуживали ли заключенія наказанные имъ *люди*, т. е. были ли они тяжкими преступниками? Да, потому что не исполнили лежавшей на нихъ по неаполитанскимъ законамъ обязанности защищать форму правленія, существовавшую до революціи. Съ этой точки зрѣнія, мы должны сказать, что вся статья Times'a кажется намъ слѣдствіемъ неяснаго пониманія неаполитанскихъ учрежденій, точно также, какъ образъ дѣйствій, за который пострадали Поэріо и его товарищи, мы считаемъ ошибочнымъ, и полагая, что онъ былъ очень вреденъ для Неаполя, должны сказать, что они сами были виноваты въ своихъ несчастіяхъ, совершенно заслуженныхъ. Мы грустимъ о тяжести этихъ страданій, мы высоко уважаемъ личныя достоинства и благородство характера несчастныхъ страдальцевъ, — но, повторяемъ, они сами были виноваты въ томъ, чему подверглись.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письмо Наполеона къ мистеру Геду; письмо мистера Геда въ редакцію газеты «Times» и отвѣтъ газеты.

1. Редактору газеты *Times*.

Милостивый государь! Нѣсколько дней тому назадъ я вырѣзалъ изъ столбцевъ вашей газеты и нашелъ полезнымъ послать къ императору французовъ, о которомъ англійская пресса говоритъ, что онъ непремѣнно хочетъ войны, три письма, въ которыхъ я защищалъ его и которыя были напечатаны вами.

Посылаю вамъ копію записки, при которой они были отправлены и провѣренный переводъ письма, полученнаго мною въ отвѣтъ. Спокойныя и великодушныя чувства его относительно Англіи, я увѣренъ, будутъ оцѣнены и одобрены вашими безчисленными читателями всѣхъ сословій и мнѣній во всѣхъ странахъ свѣта. Для нихъ всѣхъ должно быть очевидно, что если бы англійская пресса, согласно съ желаніемъ британской націи, только приняла, а не отталкивала руку дружбы, постоянно протягиваемую Англіи съ самаго его избранія французскимъ народомъ, императоромъ Наполеономъ III, нынѣ повелѣвающимъ полумилліономъ солдатъ, то соединенныя силы, энергія и богатство двухъ державъ могли бы обезпечить Европѣ неоцѣненныя блага «мира, превышающаго всякій разумъ».

Остаюсь, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Ф. Б. Гедъ.

Господину Моккару, личному секретарю императора, въ Парижѣ.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ имѣетъ честь просить мистера Моккара вручить прилагаемыя бумаги его величеству императору Наполеону III.

«*Дворецъ Тюильри, 1-го марта.* Любезный мой сэръ Фрэнсисъ, благодарю васъ за то, что вы собрали и прислали мнѣ различныя статьи, помѣщенныя вами въ англійскихъ газетахъ, ибо такимъ образомъ вы дали мнѣ случай изъявить вамъ всю мою признательность за чувства, которыя вы не побоялись добровольно выразить въ мою пользу. Я увидѣлъ въ этомъ — и это меня очень тронуло—новое доказательство, что старые друзья мои въ Англіи меня не забыли и знаютъ, что я всегда сохранялъ къ англійскому народу то уваженіе и сочувствіе, какія питалъ къ нему во время изгнанія моего посреди васъ. Даже теперь, когда я пишу къ вамъ, я вспоминаю, какъ о чемъ-то счастливомъ, о томъ времени, когда, будучи изгнанникомъ, я видѣлся съ вами въ Англіи. Вѣдь человѣкъ вмѣстѣ съ перемѣной судьбы мѣняетъ и радость, и горе свое. Въ былое время меня поглощала только скорбь изгнанія; теперь передо мною заботы управленія, и одна изъ величайшихъ состоитъ, конечно, въ томъ, что меня дурно понимаютъ и невѣрно судятъ обо мнѣ именно тѣ, которыми я всего болѣе дорожу и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи. Такъ, я нахожу весьма естественнымъ, что партіи, которымъ я былъ обязанъ противодѣйствовать, выказываютъ ко мнѣ недоброжелательство и изыскиваютъ всѣ средства вредить мнѣ; но не могу понять, почему англичане, которыхъ я всегда былъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ союзникомъ, безпрестанно нападаютъ на меня въ своихъ газетахъ самымъ недостойнымъ и несправедливымъ образомъ, ибо, говоря по совѣсти, для меня непостижимо, какой они могутъ имѣть интересъ въ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Еслибъ я у себя вздумалъ дѣйствовать такимъ образомъ, то впослѣдствіи былъ бы поставленъ въ невозможность подавить страсти, мною возбужденныя. Я всегда питалъ большое уваженіе къ свободѣ англійскаго народа; но глубоко сожалѣю о томъ, что свобода, какъ и все хорошее, имѣетъ свои крайности. Зачѣмъ она, вмѣсто разъясненія истины, дѣлаетъ все, что только можно, для ея затемненія? Зачѣмъ, вмѣсто поощренія и развитія благородныхъ чувствъ, распространяетъ она недовѣрчивость и вражду? Итакъ, посреди всѣхъ этихъ лживыхъ происковъ, я счастливъ тѣмъ, что нашелъ защитника, который, руководствуясь одной любовью къ истинѣ, рѣшился возвысить противъ нихъ свой добросовѣстный и безкорыстный голосъ. Примите, любезный мой сэръ Фрэнсисъ, увѣреніе въ дружественныхъ моихъ чувствахъ.

«*Наполеонъ.*»

Отвѣтъ газеты *Times*.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ былъ почтенъ отъ императора французовъ благодарственнымъ письмомъ за свое усердіе къ императорскому дѣлу. Это письмо онъ посылаетъ намъ, а мы представляемъ его читателямъ. Черезъ него сэръ Фрэнсисъ Гедъ болѣе прежняго убѣдился, что Наполеонъ III есть достойнѣйшій и искреннѣйшій властелинъ, желающій только одного того, чтобы жить въ мирѣ со всѣми націями и особенно съ Англіей. Сэръ Фрэнсисъ Гедъ считаетъ это письмо побѣдоноснымъ оправданіемъ своихъ собственныхъ мыслей и увѣренъ, что мы не будемъ долѣе представлять собою помѣху тому прочному союзу предмета его обожанія съ англійскимъ народомъ, который такъ сильно будетъ содѣйствовать счастію человѣчества. Мы жалѣемъ, что неспособны раздѣлять увѣренность, внушаемую нашему корреспонденту письмомъ императора. Если бы судьба мира зависѣла только отъ прекрасныхъ словъ, она скоро была бы рѣшена. Къ счастію люди смотрятъ не на одни слова, а также и на дѣла, и общія мѣста о мирѣ и союзѣ будутъ производить мало впечатлѣнія, пока арміи остаются собранными для нападенія на сосѣда и увеличивается число военныхъ кораблей въ видахъ имѣть послѣ того войну съ другимъ сосѣдомъ.

Разбирая письмо Наполеона III, мы не имѣемъ намѣренія припоминать событій хорошо извѣстныхъ каждому. Карьера повелителя французовъ — предметъ исторіи, и Европа знаетъ путь, которымъ онъ вошелъ на престолъ. Даже сэръ Фрэнсисъ Гедъ, хотя его душа очевидно распростерта въ поклоненіи монарху, личнымъ знакомствомъ котораго онъ почтенъ, требуетъ съ нашей стороны хорошаго обращенія съ нимъ только на томъ основаніи, что императоръ простиралъ къ намъ руку дружбы и что онъ повелѣваетъ полумилліономъ солдатъ. Мы согласны разсматривать вопросъ исключительно на этихъ основаніяхъ. Французскій императоръ могущественный властелинъ и увѣряетъ Англію въ своей дружбѣ. Обязываютъ ли насъ эти причины забывать о томъ фактѣ, что, получивъ полное распоряженіе надъ своимъ отечествомъ, онъ поступалъ съ слабѣйшими государствами высокомѣрно и оскорбительно, и что нынѣ онъ грозитъ Европѣ такимъ дѣломъ, которое можетъ стать общею европейскою войною? Жалобы императора, высказанныя въ его письмѣ, конечно были бы достойны уваженія, если бы имѣли хотя какое нибудь основаніе. Онъ говоритъ, что перемѣна судьбы только измѣнила его радости и печали. «Прежде мнѣ являлись только скорби изгнанія, теперь ясно вижу я прискорбія власти, и одно изъ величайшихъ моихъ прискорбій то, что я вижу себя предметомъ ложныхъ мнѣній и сужденій со стороны тѣхъ, кого я наиболѣе уважаю и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи». Намъ кажется, что послѣ событій послѣдняго года, послѣ адресовъ французскихъ полковниковъ, послѣ открытія Шербургскаго порта и статуи Наполеону I, послѣ пре-

слѣдованія Монталамбера за похвалу англійскимъ учрежденіямъ и послѣ отказа принять британское посредничество въ пользу древнѣйшей нашей союзницы Португаліи по дѣлу корабля *Charles et Georges*,—это обращеніе къ англійской чувствительности нѣсколько не своевременно. Мы утѣшаемся мыслью, что каковы бы ни были печали нашего союзника, отчужденіе англичанъ отъ него не можетъ занимать важнаго мѣста между ними. Послѣ опытовъ, представленныхъ послѣдними мѣсяцами, тщеславіемъ было бы съ нашей стороны предположеніе, что мнѣніе англичанъ имѣло бы особенную цѣну для императора французовъ, если бы не казалось оно нужнымъ для руководства мнѣніями французскаго народа. Императоръ удивленъ, что англійская пресса говоритъ противъ него, «потому что по совѣсти, говоритъ онъ, я не вижу для нея никакой выгоды въ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Если бы въ своей странѣ я вздумалъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, мнѣ потомъ невозможно было бы удержать страсти, которыя возбудилъ бы я». Надобно замѣтить, что это старинный аргументъ самаго сэра Фрэнсиса Геда. Во-первыхъ предполагается, что каждое слово о настоящемъ правительствѣ возбуждаетъ общественное мнѣніе противъ Франціи. Во-вторыхъ дается намъ предостереженіе, что императоръ, когда бы ему ни вздумалось, можетъ поднять противъ насъ французскій народъ. Но великій и единственный вопросъ для Англіи и для другихъ странъ состоитъ въ томъ, можетъ ли даже самая терпѣливая и неизмѣнная учтивость отвратить нападеніе, которымъ грозитъ имъ французское правительство. Еслибы несомнѣнно было, что миръ Европы можетъ быть купленъ молчаніемъ, мы все-таки еще подумали бы, стоитъ ли покупать его такою цѣною; но когда оказывается, что подобная робость только можетъ поощрять къ нападенію, то и это жалкое искушеніе изчезаетъ. Сколько можно судить, бывшія и нынѣшнія наши несогласія съ Франціею были произведены не смѣлостью газетъ или какихъ нибудь парламентскихъ ораторовъ, а угодливостью нашихъ государственныхъ людей. Европѣ кажется, что натянуто – похвальныя выраженія, въ которыхъ всегда говорятъ объ императорѣ наши бывшіе и настоящіе министры, обозначаютъ страхъ предъ его могуществомъ и сознаніе нашей слабости. Мы не ставимъ этого языка въ вину англійскимъ политическимъ людямъ; фразеологія въ парламентѣ совершенно искуственная, и мы знаемъ, что когда министръ говоритъ «нашъ августѣйшій союзникъ» или «этотъ проницательный государь», то эти выраженія совершенно равносильны тому, какъ онъ своего политическаго противника называетъ своимъ «достопочтеннымъ другомъ». Но континентъ не понимаетъ этихъ тонкостей; и если онъ теперь расположенъ твердо воспротивиться притязаніямъ французской имперіи, то его надежды на англійскую помощь внушаются тономъ народа, а не тономъ нашихъ оффиціальныхъ правителей.

Но что намъ разсуждать о вѣроятностяхъ, когда можно указать на фактъ. Австріи имѣетъ всѣ качества, какія желалъ бы придать каждой державѣ Наполеонъ III, и ея газеты были постоянно идеаломъ, къ

ряду того, какой представляетъ намъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ. Императоръ «глубоко жалѣетъ, что свобода, подобно всему хорошему, можетъ имѣть свои излишества». Онъ спрашиваетъ, «зачѣмъ, вмѣсто обнародованія истины, она употребляетъ всѣ усилія на ея помраченіе? зачѣмъ она, вмѣсто того, чтобы развивать и ободрять благородныя чувства, распространяетъ недовѣріе и ненависть»? Чтожь, если свобода въ Англіи дѣлала такой грѣхъ, она была невинна въ Австріи. Когда англійскія газеты, въ противность императорскимъ парижскимъ газетамъ, «употребляли всѣ усилія на помраченіе истины,» австрійскія газеты неуклонно удерживались цензурою въ границахъ учтивости. Во все продолженіе царствованія императора Наполеона, австрійскій императоръ обращался съ нимъ учтиво и уважительно; по его внушенію Францъ-Іосифъ сталъ врагомъ царя Николая, такого государя, котораго онъ привыкъ считать благодѣтелемъ и почти отцемъ. Обмѣнивались учтивости между вѣнскимъ и парижскимъ дворами; давались ордена; было устроено дружеское свиданіе въ Штутгардтѣ и не было никакихъ причинъ предусматривать какой нибудь раздоръ. Кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ различій во мнѣніи объ устройствѣ турецкихъ провинцій, не возникало потомъ никакихъ случаевъ несогласія. Характеромъ внутренняго французскаго управленія австрійцы никогда не огорчались. Вѣнскіе государственные люди чуть ли не первые привѣтствовали возстановленіе такъ называемаго «порядка», и съ той поры до настоящаго времени они зорко наблюдали за своими газетами, строго запрещая даже тѣ робкія размышленія, которыя дозволялись сѣверонѣмецкимъ газетамъ. Каковъ же былъ результатъ? Принесло ли все это какую нибудь пользу Австріи? Были ли, хоть на одинъ часъ, ради всего этого, отсрочены приготовленія французскаго императора, или поколебался ли онъ, хоть на минуту, въ своей рѣшимости найти причину въ ссорѣ? Въ войнѣ съ Австріею, въ союзѣ съ Сардиніею, въ предложеніи независимости итальянскому народу, онъ увидѣлъ путь къ увеличенію личнаго и семейнаго могущества и почти два года неотступно подготовлялъ свои планы. Кто помнитъ, какъ сначала разнеслись тихіе слухи по Италіи, какъ они сгѣнились маленькими замѣчаніями австрійскому посланнику въ Парижѣ и какъ вдругъ, когда все было готово, былъ поднятъ занавѣсъ перваго января,—кто помнитъ это, можетъ судить, насколько могутъ измѣнять намѣреніе императора Наполеона самыя усердныя заботы о его смягченіи.

Потому, не смотря на письмо, вызванное сэромъ Фрэнсисомъ Гэдомъ, англичане будутъ продолжать судить о европейскихъ дѣлахъ. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія обвинять императора, или его династію, или народъ его избравшій. Очень можетъ быть, что онъ съ нѣкоторымъ доброжелательствомъ вспоминаетъ о странѣ, гдѣ провелъ много лѣтъ и пріобрѣлъ знакомства, поддерживаемыя до сихъ поръ. Быть можетъ, что онъ не желаетъ зла Англіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не требуютъ того его расчеты. Но образъ его дѣйствій, принципы его правленія и, наконецъ, насильственность его иностранной политики и

его безмѣрныя вооруженія породили недовѣріе, которому мы только служили органомъ. Наполеону III еще остается исполнить два собственныя свои пророченія, которыя теперь свѣтъ начинаетъ повторять только въ ироническомъ смыслѣ. Онъ сказалъ намъ, что «имперія—это миръ» и что «свобода должна увѣнчать зданіе имперіи». Пусть онъ покажетъ свою вѣрность этимъ принципамъ и ему не нужень будетъ защитникъ передъ англійскимъ народомъ.

В. Замѣчаніе и объяснительная статья изъ Монитера 5 марта съ отвѣтомъ газеты «Times».

1. Замѣчаніе, статья и возраженіе изъ Монитера.

«Общественное мнѣніе въ иностранныхъ государствахъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ нынѣшнемъ положеніи журналистики во Франціи. Вообще полагаютъ, кажется, что газеты подвержены предварительной цензурѣ, и такимъ образомъ имъ придаютъ значеніе, неимѣющее основанія. Правительство не оказываетъ на газеты никакого предупредительнаго вліянія. Итакъ публика всячески должна остерегаться выводовъ, основанныхъ на образѣ выраженій журналовъ. Всякій разъ, какъ представляется важный вопросъ или совершается значительный фактъ, правительство обращается прямо къ націи черезъ посредство оффиціальнаго журнала. Такой долгъ оно всегда возлагало на себя и тѣмъ совѣстливѣе будетъ исполнять его при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда общественное мнѣніе болѣе чѣмъ когда-либо вводится въ заблужденіе».

«Положеніе дѣлъ въ Италіи, хотя ужь не новое, приняло въ послѣднее время въ глазахъ публики особенно-важный характеръ, который, разумѣется, не могъ не поразить императора; ибо глава великой державы, какова Франція, не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ вопросовъ, касающихся европейскаго порядка. Исполненный благоразумія, недостатокъ котораго могъ бы быть ему поставленъ въ вину, онъ прямодушно заботится о разсудительномъ и справедливомъ рѣшеніи, какого могутъ ожидать эти щекотливыя и трудныя задачи. Императору нечего скрывать, не отъ чего отрекаться ни въ заботахъ, ни въ союзахъ своихъ. Французскій интересъ преобладаетъ надъ его политикой и оправдываетъ его бдительность. При неосновательной, будемъ надѣяться, тревогѣ, взволновавшей умы въ Піэмонтѣ, императоръ обѣщалъ сардинскому королю защищать его противъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій

Австріи; онъ не обѣщалъ ничего болѣе, и всѣ знаютъ, что онъ сдержитъ слово. Развѣ это мечты о войнѣ? Съ которыхъ поръ перестали считать сообразнымъ съ правилами благоразумія предвидѣніе болѣе или менѣе близкихъ затрудненій и взвѣшиваніе всѣхъ послѣдствій ихъ? Мы указали на то, что есть дѣйствительнаго въ мысляхъ, обязанностяхъ и расположеніи императора; все, что прибавлено преувеличенными газетными статьями—выдумки, ложь и бредни. Говорятъ, что Франція дѣлаетъ значительныя вооруженія. Это обвиненіе ни на чемъ не основанное. Нормальный составъ войскъ на мирной ногѣ, принятый императоромъ два года назадъ, не превзойденъ. Артиллерія покупаетъ четыре тысячи лошадей для того, чтобы достигнуть предѣла, положеннаго уставомъ. Пѣхотные полки простираются до двухъ тысячъ человѣкъ, кавалерійскіе до девятисотъ. Говорятъ также, что нашимъ арсеналамъ придано необычайное движеніе. Но забываютъ, что мы должны перемѣнить всѣ наши артиллерійскіе снаряды и преобразовать весь флотъ нашъ. Это послѣднее предпріятіе, на которое мы давно рѣшились, чтобы поставить флотъ нашъ въ нормальное положеніе, ежегодно утверждается Законодательнымъ Корпусомъ; и не смотря на самую похвальную дѣятельность, для совершенія этихъ работъ потребуется еще нѣсколько лѣтъ. Наконецъ тревожатся приготовленіями нашего флота. Всѣ эти приготовленія ограничиваются вооруженіемъ четырехъ фрегатовъ для перевозки войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжиріи во Францію, и четырехъ смѣшанныхъ транспортныхъ судовъ, предназначаемыхъ для удовлетворенія разнымъ потребностямъ, а именно для войскъ нашихъ въ Чивита-Веккіи и доставленія черезъ Александрію продовольствія экспедиціи нашей въ Кохинхинѣ.

«Вотъ факты. Они должны вполнѣ успокоить искренніе умы насчетъ намѣреній, приписываемыхъ императору, ниспровергнуть увѣренія людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы бросать тѣнь сомнѣнія на самыя прямодушныя мысли и отуманивать самыя ясныя положенія. Не пора ли спросить себя, когда кончатся эти смутные и нелѣпые слухи, распространенные газетами изъ конца въ конецъ Европы, съ цѣлью указывать общественному легковѣрію на воинственные планы императора французовъ и возлагать на него одного отвѣтственность въ тревогахъ и вооруженіяхъ Европы? Кто же можетъ имѣть право столь оскорбительнымъ образомъ вводить умы въ заблужденіе и столь неосновательно встревоживать интересы? Гдѣ слова, гдѣ дипломатическія ноты, гдѣ дѣйствія, свидѣтельствующія о желаніи возбудить войну ради страстей, ею удовлетворяемыхъ, или славы, ею доставляемой? Кто видѣлъ солдатъ, кто считалъ пушки, кто исчислилъ запасы, прибавленные, цѣною столькихъ издержекъ и съ такой поспѣшностью, къ нормальному и уставному положенію Франціи на мирной ногѣ? Гдѣ чрезвычайные наборы, преждевременные призывы рекрутъ? Когда призывали къ службѣ людей, срокъ отпуска которыхъ подлежитъ возобновленію? Кто можетъ указать наконецъ хоть бы на самые ничтожные элементы этихъ общихъ обвиненій, которыя выдумываются зло-

намѣренными людьми, разносятся по свѣту легковѣрными и принимаются на вѣру глупцами? Конечно, императоръ, какъ мы уже говорили, наблюдаетъ за различными причинами несогласій, могущими показаться на горизонтѣ. Свойство всякой разсудительной политики стараться предотвращать событія или вопросы, способные нарушить порядокъ, безъ котораго нѣтъ ни мира, ни мирныхъ сдѣлокъ. Серьезнымъ дѣламъ нуженъ не отдыхъ, а необходимы безопасность и ручательство за будущее. Такая предусмотрительность не есть волненіе или вызовъ. Изучать вопросы не значитъ создавать ихъ, и отклонять отъ нихъ свои взоры и вниманіе, не значило бы ни уничтожать, ни рѣшать ихъ. Впрочемъ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ вступило на дипломатическій путь, и ни изъ чего нельзя заключить, чтобы исходъ ихъ не былъ благопріятнымъ для упроченія общаго мира».

2. отвѣтъ газеты *Times*.

Подобно языческому Юпитеру, иногда покрывавшему небо грозными тучами, которыя потомъ онъ, тотъ же самый Юпитеръ, съ такою же скоростью разгонялъ, императоръ Наполеонъ, такъ долго устрашавшій насъ слухами о приближеніи войны, теперь благоволитъ успокоивать насъ словами мира и тишины. И пора было, очень пора. Перспектива чрезвычайно благоденственнаго года отчасти уже разрушена и болѣе двухъ мѣсяцевъ уже отнята у друзей цивилизаціи и прогресса повсюду разлившимся страхомъ европейской войны. Когда немногія слова такъ легко могли разсѣять страхъ, которымъ былъ обнятъ міръ, намъ естественно жалѣть, что они такъ долго оставались несказанными и что мы были оставлены блуждать въ совершенномъ мракѣ, который могъ быть такъ быстро и безслѣдно разсѣянъ однимъ лучемъ свѣта, подобно Розенкрейцерскому пламени горящаго въ священномъ бюро Монитера. Мы не охотники до подобныхъ шутокъ и никакъ не предполагали, чтобы у императора французовъ было такъ много серьезнаго юмора. Мистифировать цѣлый континентъ—это шутка гигантскаго размѣра, такого размѣра, что перестаетъ быть шуткой. Читая римскую исторію, невольно бываешь пораженъ, замѣчая какую-то соотвѣтственность между безмѣрными преступленіями цезарей и громаднымъ театромъ, на которомъ они совершались; и фальшивая тревога, въ которую была вовлечена Европа на два мѣсяца, произведена была въ размѣрѣ достойномъ ея виновника. Но, слава Богу, періодъ неосновательнаго страха кончается. Веселый джентльменъ, перерядившійся привидѣніемъ, чтобы попугать насъ, снова надѣлъ свой обыкновенный костюмъ, и ужасная маска уже не потрясаетъ нашихъ нервовъ. Костюмировка была очень страшна, но теперь мы знаемъ, что дурнаго умысла въ ней не было, и потому успокоились. Можемъ увѣрить императора французовъ, что ни одинъ плѣнникъ, попавшійся въ руки мухаммеданъ, не прислушивался къ проповѣди курана, подъ занесенными на него кинжалами,

и ни одна прекрасно-волосая саксонка, стоя въ двухъ шагахъотъ палача, не слушала миссіонеровъ Карла Великаго съ такимъ искреннимъ и горячимъ желаніемъ обратиться, какъ слушаемъ его теперь мы, когда онъ, чрезъ посредство Монитера, усердствуетъ убѣдить насъ, что мы совершенно ошибались, предполагая нѣкоторое время, будто бы есть хотя малѣйшая вѣроятность нарушенія европейскаго мира. Ни въ комъ никогда не бывало такого пылкаго желанія повѣрить.

Поэтому съ несомнѣннѣйшимъ довѣріемъ мы принимаемъ слова неоффиціальной части Монитера, которая, какъ кажется, всегда особенно предназначалась для оффиціальныхъ сообщеній, что тонъ французскихъ газетъ никакъ не надобно смѣшивать съ тономъ правительства, и что хотя онѣ, не подвергаясь предостереженіямъ и выговорамъ, могли дышать воинскимъ пламенемъ, но что все таки мы не должны изъ-за этого питать ни малѣйшаго сомнѣнія въ сохраненіи мира, пока само правительство не объявитъ о началѣ военныхъ дѣйствій. Это ученіе очень успокоительно; оно въ одинъ мигъ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ тѣхъ печальныхъ опасеній относительно близкой войны, какія могли быть внушены недавними статьями *Presse*'ы, *Pays* и *Siècl*'я и, можетъ быть, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Мы проникнуты сильнѣйшимъ желаніемъ отречься отъ нашихъ ересей. Намъ восхительно вѣрить, «что наши безпокойства были неосновательны» и что когда мы чуть-чуть не были готовы къ предложеніямъ менѣе лестнымъ, императоръ французовъ былъ и остается только «благоразуменъ, искренекъ и бдителенъ»; и что «онъ обѣщалъ помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія на него отъ Австріи, но не обѣщалъ ничего болѣе». Мы готовы со стыдомъ и сокрушеніемъ сердца признаться, что принимая «предусматриваніе затрудненій и взвѣшиваніе послѣдствій» за нѣчто довольно близкое къ дѣйствію, мы ошибались, и съ печалью мы научаемся, что черезъ такое предположеніе мы провинились «въ мечтательности, лживости и безумствѣ». Мы соглашаемся, что ошиблись, принявъ за постановленіе вооруженныхъ силъ на военное положеніе ту армію, тотъ флотъ и тѣ запасы, какіе императоръ опредѣлилъ въ предположеніяхъ глубокаго мира; и что покупка 4,000 лошадей для артиллеріи ни мало не выходитъ за границы мирнаго штата и составляетъ самое натуральнѣйшее дѣло для государства, единственная цѣль котораго состоитъ въ успокоеніи тревожащихся сосѣдей. Подобно намъ, Франція имѣетъ надобность измѣнить характеръ своей артиллеріи; подобно намъ, она имѣетъ надобность перестроить свой флотъ. Какъ могли мы шорохъ, производимый въ ея арсеналахъ этими чисто мирными трудами, смѣшивать съ громомъ и шумомъ, предвѣщающимъ бѣдствія приближающейся войны? Кто можетъ претендовать на Францію за постройку четырехъ фрегатовъ для перевозки ея войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжиріи во Францію и кто можетъ клеветать на четыре смѣшанныя транспортныя судна, предназначенныя для надобностей по сношеніямъ съ Чивита-Веккіею и для продовольствія кохинхинской экспедиціи? Какъ могли мы «нагонять тучи на столь ясное положеніе» и придавать публичность

тѣмъ «неопредѣлительнымъ и нелѣпымъ слухамъ», которые «общественному легковѣрію представляютъ» императора французовъ, будто бы серьезно занимающимся приготовленіями къ войнѣ? Мы смиренно покоряемся выговору Монитера и желаемъ единственно того, чтобы императоръ благоволилъ доказать своими дѣйствіями также убѣдительно, какъ доказалъ уже своими словами, что наши опасенія были напрасны и бездѣльны. Мы не станемъ входить въ споры для опроверженія хотя одного какого нибудь изъ его словъ. Пусть только онъ сдѣлаетъ ихъ справедливыми въ будущемъ, и мы совершенно согласны, чтобы онъ считалъ ихъ справедливыми въ прошломъ. Мы не желаемъ побѣдъ въ спорахъ: намъ не нужно ничего, кромѣ мира, и если по какой нибудь строптивости нашего ума этотъ миръ окажется, какъ говоритъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ, «превышающимъ всякое разумѣніе», мы все-таки не станемъ изъ-за этого возражать ему. Будетъ ли угодно императору французовъ сказать, что онъ замышлялъ войну, но что представленіями своихъ законодательныхъ властей, своихъ министровъ и своего народа онъ былъ убѣжденъ промѣнять войну на миръ; или угодно ему стараться убѣдить насъ, что страхи, волновавшіе всю Европу, и сильнѣе всѣхъ остальныхъ частей Европы волновавшіе собственную его державу, просто «сбивчивыя и неосновательныя галлюцинаціи», все равно мы окажемся одинаково податливыми на вѣру ему, если только онъ озаботится, чтобы по крайней мѣрѣ будущее явилось въ точности соотвѣтствующимъ его мнѣнію о прошедшемъ. Не будемъ предлагать никакихъ вопросовъ, не будемъ возбуждать никакихъ мрачныхъ воспоминаній; памфлеты, рѣчи и циркуляры мы погрузимъ въ рѣку забвенія, глубже книга чародѣя Просперо, трижды счисливые, если въ замѣнъ этихъ или какихъ нибудь другихъ уступокъ мы можемъ получить увѣренность, что миръ Европы останется ненарушеннымъ. Намъ представляется, не отъ того ли произошла наша ошибка, что мы не умѣли составить себѣ достаточно великолѣпнаго и воинственнаго понятія объ истинномъ характерѣ мира и не успѣли понять, какъ покожъ этотъ миръ на войну въ больныхъ военныхъ монархіяхъ. Нельзя найти лучшаго примѣра этому сходству, какъ то, что въ самое время работы во-французскихъ арсеналахъ надъ замѣненіемъ нынѣшнихъ пушекъ новыми, болѣе сильными, но гораздо болѣе легкими, оказалось необходимымъ купить вдругъ 4,000 новыхъ лошадей для новыхъ баттарей. Мы постараемся воспитать въ себѣ болѣе воинственныя понятія о мирѣ, бдительности, предусмотрительности и искренности и всѣхъ другихъ прекрасныхъ вещахъ, обѣщаемыхъ Монитеромъ; и когда мы перевоспитаемъ себя, быть можетъ мы сдѣлаемся способнѣе воздавать справедливость настоящимъ намѣреніямъ и будущимъ планамъ Франціи.

Но мы увѣрены, что можно простить насъ за желаніе, чтобы новый родъ мира, изобрѣтенный императоромъ, былъ сдѣланъ нѣсколько менѣе убыточенъ для его сосѣдей, и чтобы Франція возжелала сидѣть подъ виноградникомъ своимъ и смоковницею своею, пожиная жатвы свои и истечая въ точилѣ елей изъ маслинъ своихъ, прекратитъ громадные

сборы разрушительныхъ снарядовъ, которые, хотя безъ сомнѣнія много содѣйствуютъ увеличенію ея внутренняго мира и счастія, развитію ея благосостоянія и улучшенію ея финансовъ, но возлагаютъ чрезвычайно тяжкое и неудобоносимое бремя подобныхъ приготовленій на насъ, ея менѣе счастливыхъ и менѣе богатыхъ сосѣдей и союзниковъ. Мы съ восхищеніемъ слышимъ, что она прилежитъ къ мирнымъ искусствамъ, но нашъ низкій меркантильный духъ внушаетъ намъ желаніе, чтобы она могла прилежать къ нимъ съ меньшею потерею денегъ, кредита и безопасности.

С. ОТРЫВКИ ИЗЪ РѢЧЕЙ ЛОРДА ДЖОНА РОССЕЛЯ И МИСТЕРОВЪ РОБАКА И БРАЙТА ПРОТИВЪ БИЛЛЯ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМѢ, ВНЕСЕННАГО МИСТЕРОМЪ Д'ИЗРАЭЛИ ВЪ ЗАСѢДАНІЕ ПАЛАТЫ ОБЩИНЪ 28-ГО ФЕВРАЛЯ (ПО ОТЧЕТУ ГАЗЕТЫ Times).

I. ИЗЪ РѢЧИ ЛОРДА РОССЕЛЯ.

«Я совершенно понимаю, что правительству очень затруднительно было предложить билль о народномъ представительствѣ. Я соглашаюсь также, что слыша въ первый разъ предлагаемый проэктъ, трудно судить о его подробностяхъ, безъ нѣкоторой отсрочки для ихъ разбора. Но въ словахъ достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) есть двѣ вещи, о которыхъ я долго думалъ, о которыхъ я теперь же могу судить, и слова достопочтеннаго джентльмена объ этихъ вещахъ, признаюсь, исполнили меня очень сильнаго неудовольствія. Первая изъ этихъ вещей относится къ фригольдерамъ (*), которые теперь имѣютъ право голоса въ графствахъ. (Браво!) Эти собственники теряютъ голосъ въ графствахъ. Это представляется мнѣ очень значительнымъ и опаснымъ нововведеніемъ (Браво!) Этимъ правиломъ отнимается голосъ у 90 или 100 тысячъ лицъ, пользовавшихся такимъ правомъ въ теченіе 400 лѣтъ (Браво!) Предлагается, безъ всякаго ихъ согласія, безъ всякаго изслѣдованія, лишить ихъ этого права голоса безцеремоннымъ рѣшеніемъ парламента. (Браво!) Но я считалъ это право не однимъ изъ недостатковъ нынѣшней системы, нуждающихся въ исправленіи, а напротивъ оно всегда казалось мнѣ вещью чрезвычайно хорошею (апплодисменты). При реформѣ 1832 года, когда нѣкоторые пэры хотѣли принять прошедшій черезъ Палату Общинъ билль реформы съ извѣстными измѣненіями и одно изъ этихъ измѣненій было въ томъ, чтобы фригольдеры, живущіе въ городахъ, не имѣли голоса въ графствахъ, я прямо объявилъ лорду Грею, что если билль возвратится въ Палату Общинъ съ этимъ измѣненіемъ, то я предложу отвергнуть это измѣненіе и буду рисковать судьбою цѣлаго билля изъ-за этого одного измѣненія (аппло-

(*) *Frecholders*, маленькіе собственники изъ простаго народа, участки которыхъ находятся внѣ феодальной зависимости отъ лендлордовъ, большихъ земловладѣльцевъ изъ аристократическихъ фамилій.

дисменты). Многія изъ этихъ лицъ по новому биллю лишились бы всякаго участія въ выборахъ, потому что изъ людей, имѣющихъ свободную собственность въ 40 шиллинговъ дохода и живущихъ въ городахъ, только тѣ имѣютъ голосъ въ городахъ, которые занимаютъ квартиры въ десять фунтовъ. Это одно изъ предложеній достопочтеннаго джентльмена, возбуждающихъ во мнѣ сильное неудовольствіе. Другая часть проэкта, представляющаяся мнѣ очень опасною, не какое нибудь новое предложеніе, а просто умолчаніе. Мнѣ давно казалось, что въ рабочихъ сословіяхъ нашего отечества есть очень многочисленный разрядъ лицъ совершенно способныхъ быть хорошими избирателями. Относительно всѣхъ этихъ лицъ достопочтенный джентльменъ не говоритъ ничего (апплодисменты). Да, если билль о реформѣ долженъ удовлетворить націи, то я долженъ сказать, что есть значительная часть общества, права которой не удовлетворяются нынѣшнимъ законодательствомъ; это, великое сословіе робочихъ людей (браво!). Они все больше и больше интересуются политическими дѣлами, они становятся все болѣе и болѣе способными судить о нихъ, и чувствуя себя способными имѣть голосъ, они недовольны тѣмъ, что остаются лишены этой привилегіи (апплодисменты). Если билль о реформѣ долженъ дать удовлетвореніе націи, то масса рабочихъ людей въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ должна получить голосъ, и черезъ нихъ допущеніе къ выборамъ конституція сдѣлается болѣе прочна. Я думаю, что вы лишите себя этой прибавочной силы, если вы оставите ихъ исключенными отъ выборовъ. Эти двѣ вещи въ словахъ достопочтеннаго джентльмена, пробудили во мнѣ большое неудовольствіе. Относительно другихъ статей билля я теперь не хочу говорить ничего; но о всемъ вообще вопросѣ скажу, что если вы не рѣшились дать націи болѣе значительнаго удовлетворенія, если вы не хотите сдѣлать болѣе дѣйствительной перемѣны, то лучше не дѣлать никакой перемѣны (сильные апплодисменты). Я понимаю, что нація можетъ продолжать разсужденіе объ этихъ дѣлахъ еще нѣсколько времени, не производя никакихъ перемѣнъ. Но я не понимаю того, чтобы парламентъ предложилъ націи, или, лучше сказать, наложилъ на націю противъ ея воли билль, содержащій много перемѣнъ, но не содержащій никакого постановленія въ пользу честнаго и тяжко работающаго человѣка (тори кричатъ: о, о!... оппозиція апплодируетъ). Если вы не дадите удовлетворенія тѣмъ, которые имѣютъ право быть удовлетворены, то повѣрьте, вашъ билль не представляется мнѣ улучшеніемъ нынѣшнихъ законовъ о представительствѣ (апплодисменты); но важнѣе всего то, что онъ не представляется мнѣ консервативною мѣрою. Я могу понять, что консервативный министръ говоритъ: «это дѣло о представительствѣ было уже устроено прежними законами и мы не предполагаемъ измѣнять его, потому что намъ не кажется нужнымъ улучшеніе въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей»; но чтобы консервативный министръ предлагалъ отнятіе голосовъ у 90 или 100 тысячъ человѣкъ и не соглашался дать голосъ рабочимъ сословіямъ, — этого я не въ состояніи понимать (сильные апплодисменты).

2. ИЗЪ РѢЧИ РОБАКА.

«Перемѣна сама по себѣ зло. (Хохотъ). Перемѣна въ законодательствѣ извинительна только тогда, когда перемѣна клонится къ лучшему; а мое обвиненіе противъ предложенія достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) состоитъ въ томъ, что это перемѣна, которая ведетъ къ худшему (о, о! съ одной стороны; съ другой аплодисменты). Почему былъ внесенъ въ 1831 году билль реформы 1832 года благороднымъ лордомъ (Росселемъ)? Онъ былъ внесенъ потому, что правительственная сила была въ рукахъ только у одного класса, именно у земледѣльческой аристократіи (браво!). Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) самъ сказалъ, что цѣлью этого билля было дать власть среднему сословію. И дѣйствительно, онъ ее далъ ему. Вспомните же, какъ вело себя рабочее сословіе при этомъ случаѣ (аплодисменты); что говорили работники? Они говорили: «Билль, внесенный благороднымъ лордомъ, не дастъ намъ власти; но мы имѣемъ такое довѣріе къ вамъ, наши сограждане средняго сословія, что мы поможемъ вамъ побѣдить оппозицію землевладѣльческой аристократіи, дадимъ вамъ силу пріобрѣсть голосъ для вашего сословія». Безъ рабочаго сословія тогда не прошелъ бы билль о реформѣ (браво). Оно тогда держало себя такъ, что я никогда этого не забуду. Оно держало себя такъ, что среднее сословіе не должно никогда забыть этого (аплодисменты). Теперь отъ имени рабочихъ классовъ нашей земли я обращаюсь къ среднему классу Англіи и говорю ему: въ 1832 году вы пріобрѣли себѣ власть помощью работниковъ, и я призываю васъ, какъ серьезныхъ, какъ честныхъ, какъ благородныхъ людей, не пренебречь теперь интересами тѣхъ, которые помогли вамъ тогда (браво!).

«Билль достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) не даетъ ни іоты власти рабочему сословію нашей земли (аплодисменты). Это билль отнимающій голоса, а не дающій голоса. Онъ отнимаетъ голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ, и не даетъ никому участія во власти. Возьму въ примѣръ тотъ городъ, представителемъ котораго имѣю я честь быть (Шеффильдъ). Въ этомъ городѣ живетъ нѣсколько тысячъ людей, имѣющихъ нынѣ голосъ въ графствахъ. Каждый изъ этихъ людей лишится голоса въ графствѣ, не получая въ вознагражденіе голоса въ городѣ. Потому вашъ билль ничего не даетъ ему, а отнимаетъ у него голосъ въ графствѣ (аплодисменты). Къ чему же это клонится? Разумѣется къ чему, — къ усиленію власти землевладѣльческой аристократіи (аплодисменты). Въ этомъ и состоитъ цѣль представленнаго билля. Я скажу достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) вотъ что: я и многіе депутаты, сидящіе на нашей сторонѣ залы, съ полнымъ одобреніемъ нашихъ избирателей давали правительству полную и неизмѣнную поддержку. Но я увѣренъ, что не проживу и 24 часовъ, какъ уже получу отъ моихъ избирателей извѣщеніе, что нѣтъ ихъ желанія, чтобы я продолжалъ поддерживать правительство (сильные

аплодисменты). Почему же такъ? Вотъ почему. Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ, полагая, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричатъ: нѣтъ, нѣтъ!). Достопочтенный джентльменъ думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, кѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричатъ: о, о!...) Я говорю прямо: достопочтенный джентльменъ знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушной помощью, какую получалъ отъ насъ. И разсматривая билль, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко говорю, что на каждомъ шагу своего пути черезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣтить оппозицію, упорную оппозицію каждаго друга народа въ этой палатѣ (аплодисменты).

3. ИЗЪ РѢЧИ БРАЙТА.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ мы вообще находимъ, что когда люди предпринимаютъ дѣло, къ которому неспособны по натурѣ или наклонностямъ, то не достигаютъ они особеннаго успѣха (хохотъ и аплодисменты). Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) могъ бы составить для парламентской реформы билль гораздо лучшій того, который внесенъ имъ; но ему привелось въ этомъ дѣлѣ быть представителемъ партіи, которая всегда упорно противилась всякому разширенію политическихъ правъ народа (аплодисменты). Я очень сожалѣлъ, что онъ и его друзья согласились заговорить объ этомъ вопросѣ и предъявить претензію на его разрѣшеніе. Я думаю, что они были отчасти правы, когда упрекали покойнаго великаго министра (Роберта Пиля); будто онъ поступилъ дурно, взявшись за дѣло, которое слѣдовало бы ему предоставить своимъ противникамъ (отмѣна хлѣбныхъ законовъ); но онъ по крайней мѣрѣ говорилъ, что совершенно убѣдился въ справедливости новыхъ принциповъ, которые сталъ защищать. Достопочтенный джентльменъ и его друзья еще не говорили намъ ничего такого, изъ чего могли бы мы заключить, что они подверглись подобному обращенію въ новую вѣру (браво!). Соображая то, что я назову незнакомствомъ достопочтенныхъ джентльменовъ, сидящихъ на министерской сторонѣ палаты, съ мнѣніями о настоящемъ вопросѣ, господствующими въ городахъ, я думаю, что отъ нихъ нельзя было ожидать, чтобы они внесли или стали поддерживать проэктъ въ такомъ духѣ, какого нація ожидаетъ отъ правительства, принимающагося за вопросъ о реформѣ. Кто ихъ просилъ объ этомъ биллѣ? (браво!) Я ни разу не слышалъ, чтобы какой нибудь джентльменъ министерской стороны палаты сердился на своихъ предводителей за то, что они не

хлопочатъ о реформѣ. Я ни разу не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ ихъ приверженцевъ внѣ парламента говорилъ на публичныхъ митингахъ въ пользу перемѣнъ парламентскаго устройства. Я никогда не читалъ въ ихъ газетахъ статей въ пользу парламентской реформы. Да, еслибы достопочтенные джентльмены той (министерской) стороны палаты не думали, что выгода ихъ партіи требуетъ билля о реформѣ, то имъ лучше показалось бы обойтись безъ него (браво!) Но есть въ нашей землѣ сословіе, — нѣтъ, не сословіе, а огромная часть націи, которое теперь требуетъ, и уже 25 лѣтъ требовало исправленій въ биллѣ реформы 1832 года. Въ чемъ же собственно состояла ихъ жалоба на этотъ билль? Развѣ они не говорили единогласно, что билль 1832 года составленъ такъ, чтобы оставить безъ голоса огромную часть націи? (браво!) Они говорили, что люди, живущіе заработною платою, вообще не занимаютъ квартиръ цѣною въ 10 ф., и что потому опредѣлять ценсъ въ 10 ф., значило опредѣлять черту, необходимо исключавшую ихъ отъ выборовъ и дѣлать ихъ паріями. Билль 1832 года поставилъ всю массу рабочихъ классовъ въ такое положеніе. Я не жалуюсь на этотъ билль, но я имѣлъ бы полнѣйшее презрѣніе, — нѣтъ, не скажу презрѣніе, — я совершенно отчаялся бы въ рабочихъ классахъ нашихъ, еслибы подумалъ, что они останутся довольны такимъ положеніемъ (апплодисменты). Повинуясь великому требованію людей, лишенныхъ голоса, представителями которыхъ мы служимъ, вы предлагаете билль, и ваши газеты стали въ послѣднее время говорить намъ, что вы сдѣлались реформерами и что вы отобьете хлѣбъ, по выраженію вашихъ газетъ, у благороднаго лорда, представителя лондонской Сити (Росселя), своимъ проэктомъ. Вотъ внесенъ этотъ билль, и когда онъ завтра утромъ разойдется по всѣмъ частямъ королевства, каждый изъ этихъ трудящихся, содержимыхъ въ рабствѣ людей, платящихъ подати и исполняющихъ другія обязанности гражданина, увидитъ, что какъ оставилъ его паріей билль 1832, такъ оставляется онъ паріей и по биллю 1859 года. Какими способами достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) предлагаетъ разширить избирательное право? Онъ даже и не претендуетъ, что этими способами рабочіе классы получатъ голосъ (браво!) Во-первыхъ, онъ даетъ голосъ каждому, кто, нанимая комнаты въ чужой квартирѣ, платитъ 8 шиллинговъ въ недѣлю (*). Это не относится къ рабочимъ классамъ (браво)! Далѣе, дается голосъ каждому, имѣющему университетскую степень. Изъ этихъ людей не очень многихъ въ Англіи можно считать принадлежащими къ рабочимъ классамъ (хохотъ) (**). Священники, которымъ билль даетъ голосъ, уже и теперь имѣютъ голосъ (***), и претензія упоминать о нихъ въ биллѣ, просто

(*) То есть 20 ф. въ годъ. Прежній ценсъ въ 10 ф. относился только къ людямъ, занимающимъ отдѣльныя квартиры.

(**) Надобно вспомнить, что дѣло идетъ объ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, воспитаніе въ которыхъ стоитъ такъ дорого, что доступно только дѣтямъ богатыхъ семействъ.

(***) Потому, что едва ли какой нибудь священникъ въ Англіи занимаетъ квартиру цѣною меньше 10 фунтовъ.

претензія и больше ничего (браво!). Затѣмъ слѣдуютъ джентльмены занимающіеся адвокатствомъ и джентльмены занимающіеся медициной. Затѣмъ слѣдуютъ, учителя имѣющіе свидѣтельство отъ комитета народнаго просвѣщенія (*). Но къ чему такая исключительность? Развѣ кромѣ этихъ джентльменовъ, ходившихъ на экзаменъ, нѣтъ другихъ преподавателей, на кототорыхъ достопочтенный джентельменъ могъ бы распространить право голоса? (браво!) Я стыдился бы явиться передъ моими согражданами съ предложеніемъ такого пустаго, до обидности пустаго разширенія избирательнаго права (аплодисменты). Далѣе слѣдуетъ движимая собственность. Получаютъ голосъ лица, имѣющія 10 фунтовъ годичнаго дохода отъ принадлежащихъ имъ облигацій государственнаго долга, банковыхъ акцій, акцій Остъ-Индскоіі компаніи и желѣзныхъ дорогъ, и лица, имѣющія 60 фунтовъ въ сохранныхъ кассахъ. Чтобы быть оригинальнымъ, достопочтенный джентльменъ отступилъ отъ цифры, назначавшейся благороднымъ лордомъ (Росселемъ), который опредѣлялъ ее въ 50 фунтовъ, и даже въ этомъ неважномъ случаѣ онъ не хотѣлъ дойти до той, какъ намъ казалось, недостаточной либеральности, которая была въ биллѣ благороднаго лорда. Вникнемъ въ это правило о сохранныхъ кассахъ. Пусть палата представитъ молодаго человѣка, который скопилъ 60 фунтовъ и положилъ ихъ въ сохранныя кассы. Если онъ вздумаетъ жениться, онъ вынетъ эти 60 фунтовъ и найметъ квартиру въ 6 или 7 фунтовъ. Женитьба укрѣпляетъ узы, привязывающія его къ родинѣ; онъ имѣетъ теперь новую причину любить порядокъ и повиновеніе законамъ; но по биллю онъ теряетъ голосъ и переходитъ въ разрядъ парій (браво!).- Всѣ эти способы разширенія избирательнаго права, — просто обольщеніе; цѣль ихъ только то, чтобы казалось, будто бы вы что-то даете, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ вы дрожите отъ страха при мысли, не дали ли вы въ самомъ дѣлѣ чего нибудь (аплодисменты). Благородный лордъ (Россель) указалъ на другую статью, которая уже одна, безъ всѣхъ остальныхъ, рѣшительно погубила бы билль; это отнятіе голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ (браво!). Мы понимаемъ это очень хорошо, и я полагаю, достопочтенные джентльмены (министерской стороны) также понимаютъ очень хорошо (браво!). Это вознагражденіе для нихъ за пониженіе ценса въ графствахъ до 10 фунтовъ (браво!). Никогда еще вамъ не предлагалось такого дряннаго или такого опаснаго вознагражденія. Благородный лордъ говорилъ, что этимъ отнимается голосъ у 100,000 человѣкъ; а я съ нѣкоторыми друзьями, предвидя такое предложеніе, вздумалъ разобрать по классамъ избирателей двухъ городовъ. Вотъ списокъ городовъ Манчестера и Сальфорда съраздѣленіемъ избирателей на классы, чтобы видѣть, каково будетъ дѣйствіе внесеннаго теперь билля. Въ Манчестерѣ считается 2,918 человѣкъ, имѣющихъ голосъ въ южномъ округѣ Ланкастерскаго графства. Изъ нихъ 1,195 че-

(*) Открывать школу и заниматься преподаваніемъ можетъ въ Англіи всякій, безъ всякаго документа на степень преподавателя; и конечно далеко не у каждаго есть охота хлопотать о полученіи такого документа.

ловѣкъ имѣютъ голосъ въ Манчестерѣ, занимая квартиры въ 10 фунтовъ; эти 1,195 человѣкъ должны потерять голосъ въ графствѣ. 298 человѣкъ живутъ въ городѣ, но не имѣютъ тамъ голоса; они совершенно перестанутъ быть избирателями. Таже пропорція и въ Сальфордѣ. Значитъ, изъ 100 городскихъ фригольдеровъ 40, если не больше, совершенно теряютъ голосъ (браво!) Въ этомъ отношеніи билль не расширяетъ, а сокращаетъ право. Я вполнѣ увѣренъ, что Палата Общинъ никогда не приметъ такого постановленія (браво!). Я думаю, что невозможно придумать никакой мѣры, которая пробудила бы большее неудовольствіе въ націи и сильнѣе поколебала бы ея довѣріе,—не скажу: къ благородству, просто скажу: сказать къ здравому смыслу парламента. И цѣль всего этого,—сдѣлать выборы въ графствахъ еще болѣе исключительными, чѣмъ прежде. Кажется, вы ничего столько не боитесь, какъ хорошихъ, и особенно свободныхъ избирательныхъ корпорацій въ графствахъ. Палатѣ можетъ быть неизвѣстенъ тотъ замѣчательный фактъ, что во многихъ англійскихъ графствахъ уже давно число избирателей не увеличивается, или даже положительно уменьшается. Въ одиннадцати графствахъ съ 1837 до 1852 года число избирателей уменьшилось на цѣлыхъ двѣ тысячи. Это происходитъ отъ затруднительности покупать свободные участки и отъ увеличенія объема фермъ. Итакъ въ вознагражденіе джентльменамъ, которые сидятъ на его сторонѣ, мнѣнія которыхъ, если онъ будетъ слѣдовать имъ, погубятъ его (хохотъ), достопочтенный джентльменъ хочетъ уничтожить въ графствахъ 100,000 голосовъ. Среднее сословіе требовало реформы, но оно хочетъ гораздо лучшаго распредѣленія избирательной силы (браво!), а достопочтенный джентльменъ съ смѣлостью, рѣшительно интересною, (хохотъ) говоритъ среднему сословію, что его желаніе щедро исполняется, потому что, благодаря фанатизму нашего отечества, только одинъ англійскій городъ избираетъ католика, и потому онъ сохранилъ депутата городу Эронделю (*) (хохотъ). Зналъ ли достопочтенный джентльменъ съ кѣмъ онъ говорилъ, когда онъ, выставляя Эрондель, обижалъ такіе города, какъ Ливерпуль и Манчестеръ, и даже и не упомянулъ о Глэзго? (браво!) Но вѣдь все это будетъ хорошо понято людьми, которые завтра прочтутъ газеты. Лучше было бы достопочтенному джентльмену держаться старинной практики своей партіи и противиться реформѣ, нежели составлять подобный проэктъ, который въ массѣ англійскаго населенія не возбудитъ ничего кромѣ досады и негодованія. Благородный лордъ

(*) Д'Израэли говорилъ, что маленькіе города выбираютъ депутатовъ, служащихъ представителями такихъ интересовъ, которые не найдутъ себѣ представителей въ большихъ городахъ. Напримѣръ, говорилъ онъ, городокъ Эрондель, имѣющій только 2,750 жителей и только 130 избирателей, постоянно выбираетъ католика, потому-то и надобно сохранить маленькія избирательныя корпораціи. Это любимый аргументъ защитниковъ нелѣпой неравномѣрности въ распредѣленіи депутатовъ. Эрондель избираетъ католика конечно потому, что находится въ полной зависимости отъ сосѣдней фамиліи лендлордовъ католическаго исповѣданія.

(Россель) думаетъ, что этотъ проэктъ не консервативенъ; проэктъ, касающійся парламентскаго устройства, не можетъ быть консервативенъ, когда только портитъ, ничего не улучшая (браво!). Какъ ни сильно требую я парламентской реформы, но я знаю, что мало важности въ томъ, теперь, или черезъ четыре, или черезъ пять лѣтъ будетъ проведенъ законъ о реформѣ. Не нынѣ—завтра, время еще будетъ. Но когда правительство берется за такой вопросъ, оно не должно являться въ тысячу разъ менѣе консервативнымъ, нежели мы. Достопочтенный джентльменъ упоминалъ о моемъ проэктѣ,— онъ очень старъ; я предлагаю то, что предлагали въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣтъ многіе государственные люди; защищали знаменитые государственные люди во время прежней реформы. Я не имѣю возраженій противъ сравненія моего проэкта съ проэктомъ достопочтеннаго джентльмена. Онъ говоритъ, что не принимаетъ въ соображеніе населенія и богатства. Но если не обращать вниманія на населеніе и богатство, то для чего нужна парламентская реформа, и парламенты, и министры, и канцлеры казначейства? (*) (хохотъ). Достопочтенный джентльменъ говоритъ, что основывается на интересахъ. Но что такое интересы? Вѣроятно они состоятъ въ потребностяхъ и мнѣніяхъ народа, и достопочтенный джентльменъ избралъ самый дѣйствительный способъ,—я благодаренъ ему за это, — узнать мнѣніе народа объ этомъ великомъ вопросѣ. Я не желаю бурныхъ политическихъ преній или гнѣвныхъ споровъ (браво!) ни въ парламентѣ, ни внѣ парламента. Я надѣялся, что опытъ 1831 и 1832 годовъ научилъ правительство, берущееся за этотъ великій вопросъ, необходимости рѣшить его на широкомъ и прочномъ основаніи. Я надѣялся, по прежнимъ словамъ достопочтеннаго джентльмена, что онъ такъ и поступитъ; потому что я не могъ вѣрить, что бы очеркъ билля, явившійся въ одной изъ газетъ *(Times)*, былъ вѣрнымъ изложеніемъ правительственнаго проэкта. Я надѣялся, что достопочтенный джентльменъ «отобьетъ у меня хлѣбъ» биллемъ столь широкимъ, полнымъ и достойнымъ поддержки отъ націи, что я буду въ состояніи всею душею одобрять этотъ билль, а не буду принужденъ, какъ принужденъ теперь, просить у Палаты позволенія представить другой билль объ этомъ предметѣ; чѣмъ больше вы будете разсматривать мой билль, тѣмъ болѣе будете убѣждаться, что онъ основанъ на принципахъ реформы 1832 года и конституціи и что онъ несравненно консервативнѣе, — для будущихъ пятидесяти лѣтъ, нежели проэктъ, который портитъ все, раздражитъ огромныя массы людей и не устроитъ порядочнымъ образомъ ничего (браво!).

(*) Читатель знаетъ, что Д'Израэли канцлеръ казначейства.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Разсказъ, изъ котораго можно ясно усмотрѣть, что въ Петербургѣ есть много пожилыхъ энтузіастовъ и увлекающихся людей и что провинціальные жители совершенно неосновательно считаютъ петербургскихъ обитателей людьми безсердечными и холодными.—Масляница.—Балаганы на Адмиралтейской площади.— Г-жа Пастрана, понизившаяся до 25 к. и проч. — Никники. — Ресторанъ Огюста близъ Сергіевскаго монастыря. — Концерты съ картинами и безъ картинъ. — Г. Лаубе, скрипачъ. — Генрихъ Герцъ. Рубинштейнъ и проч. — Чародѣи — гг. Шово и Макалузо. — Популярныя чтенія о геологіи магистра и приватъ-доцента петербургскаго университета г. Пузыревскаго и вообще нѣсколько словъ о предпріятіи Торговаго дома гг. Пахитонова, Водова и Струговщикова. — Манежъ и публичныя чтенія о верховой ѣздѣ.—О г. Севастьяновѣ и его трудахъ, по поводу выставки въ святѣйшемъ сунодѣ его копій и снимковъ. — Два слова о г. Соярѣ. — «Московскій Вѣстникъ». — О трудѣ г. Т. Готье. — Автографы, о которыхъ было упомянуто въ прошлой книжкѣ «Современника», пріобрѣтенные Императорскою Публичною Библіотекою.—Новое изданіе Я. А. Исакова сочиненій Пушкина. — Третья тетрадь Портретной галлереи Мюнстера. — Обѣдъ, данный петербургскими литераторами въ честь Мартынова.

I.

Картина Петербурга. — Размышленія по поводу нынѣшней петербургской зимы.

Тоска невыносимая! Въ окно глядѣть противно, не только что выйти на улицу.... Мутно–сѣрая, сплошная, безъ просвѣтовъ мгла на верьху; грязь, ямы, лужи внизу, и между небомъ, покрытымъ мглой, и грязными улицами, гдѣ ни пройти, ни проѣхать—мокрыя лепешки снѣга, падающія съ какимъ–то ожесточеніемъ и мгновенно расплывающіяся въ грязь.... Нижніе этажи домовъ, экипажи, люди, лошади, собаки, забрызганные грязью кучи наколотыхъ грязныхъ осколковъ у тротуаровъ; тротуары, залитые грязною водою; нес-

частные дворники съ метлами и съ лопатами; наводящій унынie звукъ воды, бѣгущей изъ трубъ, и визгъ санныхъ полозьевъ, безпрестанно задѣвающихъ о камни.... Къ вечеру понемногу стягиваетъ эти грязныя лужи; грязь начинаетъ хрустѣть подъ ногами; вода, повисшая на окраинахъ крышъ и выходившая изъ жолобовъ, превращается въ ледяныя сосульки. Утромъ морозъ — все подсохло, все приняло болѣе приличный видъ... Слава Богу, наконецъ можно выйти изъ дому и подышать чистымъ воздухомъ! Но по тротуарамъ нѣтъ возможности безопасно пройти нѣсколько шаговъ.... нога скользитъ на каждомъ шагу, и гулянье превращается въ пытку, въ эквилибристическое искусство, въ родѣ хожденія по канату.... Не безпокойтесь, это не продолжится: въ полдень начинаетъ уже валить снѣгъ, къ вечеру этотъ снѣгъ превращается почти въ дождь, снова вода льетъ изъ трубъ, разливаясь по тротуарамъ, и на слѣдующее утро опять—грязь, лужи, ямы и проч... И послѣ завтра тоже и такъ далѣе.... Морозъ съ оттепелью почти смѣняются черезъ день.... Такая неопредѣленность, такая измѣнчивость петербургскаго климата, непринимающаго въ соображеніе никакихъ временъ года,— невыносимы. Ртуть въ недоумѣвающихъ термометрахъ и барометрахъ то и дѣло что поднимается и опускается: вдругъ возвысится до beau fixe и мы всѣ, пожилые дѣти, начинаемъ радоваться, рукоплескать, воодушевляться надеждами на продолженіе такой благорастворенной погоды (въ самомъ дѣлѣ, не дѣтство ли полагаться на самый безалаберный изъ всѣхъ климатовъ въ мірѣ — петербургскій?), — глядь черезъ три-четыре часа ртуть упала до *великаго дождя*—и наши надежды рухнули. Такова была въ особенности вся нынѣшняя петербургская зима. Можно ко всему на свѣтѣ привыкнуть, даже къ постоянному трескучему морозу, но ничего нѣтъ досаднѣе неожиданныхъ, быстрыхъ, безпрестанныхъ, ничѣмъ необъяснимыхъ переходовъ отъ мороза къ оттепели и обратно. Такія перемѣны дѣйствуютъ раздражительно на человѣка и порождаютъ спленъ, желчное состояніе и другія болѣзни.

На меня по крайней мѣрѣ это климатическое непостоянство дѣйствуетъ самымъ зловреднымъ образомъ. Я дѣлаюсь раздражителенъ, желченъ, придирчивъ и несправедливъ даже къ самымъ лучшимъ друзьямъ моимъ. Всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные, принимаютъ въ глазахъ моихъ печальный, грязный и мрачный колоритъ, совершенно соотвѣтствующій петербургской погодѣ. Я во всемъ и вижу одну только заднюю сторону медали, и перестаю вѣрить въ различныя людскія добродѣтели; доканываясь до источниковъ самыхъ похвальныхъ стремленій и поползновеній, я нахожу—эгоизмъ, тщеславіе, суетность и т. подобное; ложь и лицемѣ-

ріе бросаются мнѣ на каждомъ шагу; я начинаю сомнѣваться въ убѣжденіяхъ самыхъ близкихъ мнѣ людей и въ возможности, которая одушевляетъ ихъ идти по новому *свѣтлому и прямому пути усовершенствованій и улучшеній*; эта стереотипная фраза сдѣлалась мнѣ противна; меня приводитъ въ бѣшенство всякое увлеченіе, всякая надежда, всякій радостный порывъ, всякая самая искренняя слеза благородной и умиленной, но слабой души; всякій изъ души вырвавшійся возгласъ или восклицаніе при какомъ нибудь дѣйствіи, чуть-чуть выходящемъ изъ ряду обыкновеннаго.... И все это отчасти можетъ быть потому, что я самъ увы! одинъ изъ самыхъ несправимо впечатлительныхъ и непростительно увлекающихся людей, а увлекаться за сорокъ лѣтъ, какъ увлекаются 18-лѣтнія юноши—не къ лицу. Увлеченіе—идетъ только къ густымъ, вьющимся кудрямъ, къ розовымъ и пушистымъ щекамъ, а не къ сѣдымъ волосамъ, не къ лысымъ лбамъ и истасканной кожѣ, которая начинаетъ складываться въ морщины. Увлеченіе прекрасно,—сохрани меня Боже возставать противъ увлеченій! я ненавижу самодовольныхъ, умныхъ мертвецовъ, неспособныхъ къ увлеченіямъ, но всему же есть пора и мѣра.... Въ наши зрѣлыя и почтенныя лѣта надобно побольше хладнокровія и осмотрительности.

Въ сію минуту я особенно золъ на всѣхъ петербургскихъ 40 и 50-лѣтнихъ энтузіастовъ — моихъ друзей и пріятелей, повторяющихъ избитыя фразы о прогрессѣ и прочее и прочее. Впрочемъ не они одни — все и всѣ на свѣтѣ раздражаетъ меня въ сію минуту. Это болѣзненное дѣйствіе петербургскаго климата, и преимущественно нынѣшней зимы — ужаснѣйшей и непостояннѣйшая изъ петербургскихъ зимъ....

Ну что, напримѣръ, можетъ быть безвреднѣе и пошлѣе этого маленькаго господина, котораго я ежедневно встрѣчаю на улицахъ и въ театрахъ?

Взгляните на него:

Что это такое? Какой-то полу-человѣкъ, что-то въ родѣ карлика, не угадаешь сколько ему лѣтъ — 40 или 15? Старикъ ли онъ или дитя? Сморщенный, безъ бровей, курносой, но всегда съ самодовольнымъ видомъ, съ нагльми манерами, одѣтый франтомъ, съ шляпою на бокъ съ растопыренными руками; то скачущій на ухорскихъ саняхъ за какою нибудь Камеліей; то бѣгающій по тротуару Невскаго проспекта; то въ первомъ ряду креселъ ломающійся и хвастающій своими побѣдами и волочащійся за какой-то актрисой, которая, разумѣется, подсмѣивается, надъ нимъ, потому что, глядя на такую фигурку, нельзя не разсмѣяться.... но во мнѣ даже и эта безсмысленная фигурка.... возбуждаетъ желчь.

Или въ сію минусу вотъ еще этотъ — давно знакомый мнѣ, тоненькій, но съ пухлыми и румяными щеками, какъ у вербнаго херувима, вылитаго изъ сахара, заливающійся тоненькимъ голосомъ какъ малиновка, и улыбающійся съ милымъ самодовольствіемъ, какъ будто упиваясь гармоніей собственныхъ рѣчей, дремлющій, когда говорятъ другіе, мѣняющій ежемгновенно свои убѣжденія сообразно съ лицами, съ которыми онъ встрѣчается: либералъ съ однимъ, *благонамѣренный* съ другимъ—и всегда благоговѣйно взирающій на старшихъ, ораторъ à l'eau de rose,—можетъ ли этотъ приводить кого нибудь въ раздраженіе?... А между тѣмъ я не могу на него смотрѣть и закипаетъ жолчь, при его сахарной и лицемѣрной улыбкѣ и равнодушно.... такъ умильно фальшивомъ взглядѣ.

Меня приводятъ въ раздраженіе самые обыкновенные, вседневные, на каждомъ шагу встрѣчающіеся случаи и лица: — извощикъ, стегающій кнутомъ измученную клячу; баринъ, кричащій на извощика просящаго о прибавкѣ: «молчи, дуракъ, я тебѣ покажу, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло!» разрумяненная Камелія, полулежащая въ высокой плетеной колескѣ и прокатывающаяся взадъ и впередъ по Невскому проспекту; офицеръ, на рысакѣ летящій какъ вихрь и рискующій задавить скромныхъ и бѣдныхъ пѣшеходовъ; барыня, гуляющая съ жирной и маленькой собаченкой на шнуркѣ; молодой, смазливой господинъ, появившійся недавно на Невскомъ проспектѣ въ какой-то поддѣвкѣ и въ бархатной шапкѣ уланской формы съ кисточкой и показывающій себя въ одно утро то въ саняхъ на лихой парѣ съ завивающеюся пристяжною, то пѣшкомъ, то въ колескѣ, на рысакахъ украшенныхъ какою-то необыкновенною сбруею и прочее и прочее. Всего не перечислишь.... Но для того, чтобы не приводить себя въ раздраженіе, стоитъ только не выходить на Невскій проспектъ?... Для здоровья можно прохаживаться въ отдаленныхъ улицахъ... тамъ попадается менѣе раздражающихъ предметовъ.

А куда же я скроюсь отъ моихъ друзей-энтузіастовъ,—отъ этихъ милыхъ, благородныхъ, увлекающихся людей, въ эти минуты, когда всякій энтузіазмъ мнѣ противенъ... когда съ безразсвѣтнаго неба падаютъ мокрыя лепешки, когда все мрачно и грязно кругомъ, когда сердце ноетъ отъ тоски и все кажется безвыходнымъ и безнадежнымъ?...

II.

МОЙ УВЛЕКАЮЩІЙСЯ ДРУГЪ.

Люди, живущіе въ отдаленности отъ Петербурга и мало знакомые съ его общественною жизнію, вообще полагаютъ, что въ Петербургѣ все люди суровые, холодные, практическіе, люди безъ сердца, мало-

радушные, эгоисты, неспособные ни къ какимъ увлеченіямъ... Какое заблужденіе!

Мы всѣ петербургскіе жители, люди страшно увлекающіеся.... Я не буду ничего говорить о честолюбивыхъ, тщеславныхъ, эгоистическихъ и корыстолюбивыхъ увлеченіяхъ... Я докажу вамъ только примѣромъ, что въ Петербургѣ есть люди, дожившіе до сѣдинъ, милые, умные, образованные люди, съ безкорыстными и честными убѣжденіями, умѣвшіе сохранить младенческую чистоту, юношескій энтузіазмъ и довѣрчивость, восторгающіеся на каждомъ шагу, увлекающіеся и умиляющіеся при малѣйшемъ поводѣ.

Вотъ вамъ очеркъ одного изъ такихъ господъ — моего искренняго друга, котораго ничѣмъ не исправишь отъ увлеченій.

Онъ родился въ Петербургѣ и почти безвыходно жилъ въ немъ. Въ двадцать пять лѣтъ онъ увлекался тѣмъ, чѣмъ всѣ увлекаются въ эти годы — любовію.... да еще какъ увлекался!... Предметъ его любви была женщина очень обыкновенная: она была ни хороша и ни дурна, ни умна и ни глупа; танцовала, какъ танцуютъ всѣ дамы и барышни, поигрывала на фортепіано какъ всѣ и пѣла нѣсколько фальшиво, какъ по большой части поютъ дамы и барышни, извѣстные романсы: «Я видѣлъ дѣву на скалѣ», «Сто красавицъ черноокихъ предсѣдали на турнирѣ», «Цвѣтокъ» «Талисманъ», и такъ далѣе.

Но мой другъ видѣлъ въ ней какое-то неземное, высшее существо; онъ полагалъ, что она надѣлена замѣчательнѣйшими музыкальными способностями и что ей недостаетъ только музыкальнаго развитія, чтобы сдѣлаться геніальной музыкантшей. Когда она бывало затягивала:

«Цвѣтокъ засохшій, безуханный
Забытый въ книгѣ вижу я....»

Онъ схватывалъ меня за руку и говорилъ:

— Какой голосъ! не правда ли, какой чудный голосъ! Ахъ, если-бы ей съѣздить въ Италію да поучиться... Изъ нея бы вышла великая артистка, я убѣжденъ въ этомъ! И какая у ней душа! Какое сердце!

Если я или кто нибудь другой рѣшались ему замѣтить самымъ деликатнымъ образомъ, что въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго, что поетъ она мило, но въ Италію ей ѣхать незачѣмъ, — онъ вспыхивалъ отъ досады и говорилъ:

— Ваше равнодушіе ко всему меня бѣситъ... и потомъ начиналъ клясться, что она во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенная женщина.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда его идеалъ превратился въ обрюзгшую, толстую и вялую барыню, курившую съ утра до вечера папи-

росы и даже Жуковъ табакъ, въ страшную сплетницу и доманнюю тиранку, я говорилъ ему:

— Вотъ твоя великая артистка! Полюбуйся-ка на нее....

— Ну, чтожь такое, возражалъ онъ, — это ничего не доказываетъ. Если бы она была при другой обстановкѣ — изъ нее вѣрно вышло бы что нибудь замѣчательное...

Но мой другъ при этомъ останавливался и самъ добродушно начиналъ смѣяться надъ самимъ собою.

Подъ тридцать лѣтъ онъ сошелся съ какимъ-то аферистомъ, на котораго сама природа положила печать отверженія, какъ бы желая предостерегать другихъ. Аферистъ уговорилъ его пожертвовать тысячъ сорокъ на бумаго-прядильную фабрику, которую онъ намѣренъ былъ завести, по его словамъ, на манеръ англійскихъ филатуръ, которыя онъ будто бы изучалъ нѣсколько лѣтъ въ Манчестерѣ. Аферистъ обѣщалъ ему черезъ десять лѣтъ милліоны—и мой другъ, увлеченный его разсказами, повѣрилъ имъ добродушно, и не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, отдалъ ему свои деньги въ полное распоряженіе...

Когда мы его пріятели узнали объ этомъ—мы ахнули.

— Помилуй, закричали мы ему въ одинъ голосъ, — какъ можно было довѣриться такому человѣку? У него на рожѣ написано, что онъ разбойникъ...

— Вотъ то-то, господа, — возразилъ онъ намъ съ иронією, — вы всѣ проповѣдуете о гуманности, о человѣческихъ воззрѣніяхъ, а осуждаете человѣка, котораго вовсе не знаете, по одной только наружности. Конечно онъ не красавецъ, не имѣетъ хорошихъ манеръ, свѣтскости; но это человѣкъ умный, дѣльный и честный, съ глубокими и обширными торговыми взглядами; онъ политическую экономію знаетъ, какъ профессоръ. Если бы вы взяли на себя по крайней мѣрѣ трудъ послушать его, какъ онъ говоритъ; не думайте, чтобы онъ былъ фразеръ, — нѣтъ! у него все взвѣшано, все на математическихъ разсчетахъ и на фактахъ. Онъ другъ съ Кобденомъ и въ перепискѣ съ нимъ, а Кобденъ, надѣюсь, не сталъ бы переписываться съ какимъ нибудь аферистомъ и мошенникомъ!...

— А ты читалъ эту переписку?

— Нѣтъ... Я не читалъ; но неужели же нельзя никому вѣрить на слово? Неужели по вашему весь міръ состоитъ изъ мошенниковъ? Хороши у васъ понятія о человѣчествѣ!

— Да тутъ, любезнѣйшій другъ, возразили мы,—дѣло идетъ не о человѣчествѣ, а объ одномъ аферистѣ, который надуваетъ тебя...

— Господа! произнесъ нашъ другъ съ глубокимъ огорченіемъ,— неужели жь вы полагаете, что я такъ легко вдамся въ обманъ? Я,

кажется, не такъ глупъ... А я вамъ скажу, что я считаю себя счастливымъ, что онъ взялъ меня въ компанію къ себѣ. Ему не для чего было надувать меня: нѣсколько извѣстныхъ негоціантовъ, которые въ этомъ дѣлѣ смыслятъ поболѣе, чѣмъ мы съ вами, предлагали ему свои капиталы. — Вотъ что!.. Помилуйте, это предпріятіе великолѣпное, тутъ нѣтъ ни малѣйшаго риску... Въ десять лѣтъ можно утроить, или даже учетверить капиталъ....

— Ну дай Богъ! дай Богъ... посмотримъ... отвѣчали мы со вздохомъ.

Другъ нашъ послѣ этого накупилъ разныхъ политико-экономическихъ книгъ и весь обложился ими; прочелъ ли онъ что нибудь изъ нихъ,—за это я не ручаюсь, но промышленное направленіе на нѣкоторое время совсѣмъ овладѣло имъ: тысячи удивительныхъ проэктовъ бродили у него въ головѣ, онъ улыбался, значительно потиралъ руки и говорилъ намъ:

— Вы будете смѣяться надо мною, — пожалуй, смѣйтесь; а все таки я скажу вамъ, что черезъ десять лѣтъ я сдѣлаюсь милліонеромъ. Вотъ вы увидите. Хотите пари?

Лицо его такъ сіяло, глаза такъ горѣли, онъ весь былъ такъ проникнутъ этимъ убѣжденіемъ, что было бы жестоко его разочаровывать—и мы не противорѣчили ему.

Аферистъ, съ печатью отверженія на лицѣ, былъ у него почти безвыходно. Онъ ѣлъ и пилъ на его счетъ. Это продолжалось года три. Въ теченіе этого времени другъ мой нѣсколько разъ говорилъ мнѣ о немъ съ умиленіемъ и со слезами на глазахъ....

— Отличнѣйшій, честнѣйшій человѣкъ! прибавлялъ онъ обыкновенно въ заключеніе, нѣсколько пѣвучимъ голосомъ.

На четвертый годъ филатура остановилась за неуплатою долга рабочимъ, машины проданы съ аукціоннаго торга, капиталъ моего друга погибъ, а честнѣйшій человѣкъ тайно скрылся куда-то изъ Петербурга.

—Ну что? не предупреждали ли мы тебя, не говорили ли мы тебѣ, что ты связываешься съ мошенникомъ? замѣтилъ я однажды моему другу какъ-то кстати, спустя мѣсяца два послѣ этого несчастнаго событія, — можно ли до такой степени увлекаться?

— Ну чтожь дѣлать? — сказалъ онъ съ досадой и нѣсколько сконфуженный.... Это урокъ....

— Но за который заплачено дорого.

— Что за важность! возразилъ мой другъ, — у меня осталось довольно, чтобы прожить вѣкъ безбѣдно одному, требованія мои очень умѣренны....

— Но фантазіи неумѣренны, перебилъ я....

— Жениться я не намѣренъ, продолжалъ онъ, — да теперь ужь и поздно. Пора этихъ увлеченій давно прошла...

— Не говори этого. Увлечешься и женишься....

— Никогда! никогда!

Онъ не шутя разсердился на меня и началъ мнѣ прекрасно доказывать, что онъ неспособенъ уже ни къ какимъ увлеченіямъ, что-теперь онъ имѣетъ самый положительный взглядъ на вещи.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого онъ уѣхалъ въ Москву, а черезъ два мѣсяца женился на дѣвушкѣ среднихъ лѣтъ, которую онъ въ первый разъ увидѣлъ съ эстетикой Гегеля въ рукѣ.

На эту эстетику вдругъ разгорѣлись его фантазіи.

Дѣвушка, читающая Гегеля — какое удивительное явленіе! Каковъ долженъ быть умъ!

Каждое ея слово самое обыкновенное казалось ему послѣ этой эстетитки исполненнымъ глубины необычайной, удивительнаго значенія.

— Ахъ, какое дивное, существо! повторялъ онъ въ умиленіи качая головою. Какое счастіе встрѣтиться съ такою дѣвушкою! Вотъ эдакая дѣвушка можетъ составить счастіе человѣка! И какое въ ней тонкое эстетическое чувство....

Эстетика такъ и вертѣлась у него въ головѣ. Онъ былъ влюбленъ, влюбленъ страстно, но еще не рѣшался сдѣлать предложеніе.

Однажды онъ заговорилъ о ней съ однимъ московскимъ авторитетомъ.

Авторитетъ отозвался о ней съ большимъ уваженіемъ....

— Ужь если онъ отзывается о ней такъ, подумалъ мой другъ, такъ послѣ этого и думать нечего!...

И онъ въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе....

Послѣ свадьбы онъ тотчасъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Первое свиданіе наше было глубоко-трогательно.

— Что, братъ, мое пророчество сбылось? сказалъ я, обнимая его.

Онъ крѣпко прижалъ меня къ своей груди, держалъ такъ около пяти минутъ и задыхаясь отъ волненія повторялъ:

— Ну да, да! ты правъ. Я теперь счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ! Еслибъ ты зналъ, какая у меня жена!

Не много прійдя въ себя, онъ началъ мнѣ описывать ея качества и кончилъ такъ:

— Я чувствую, что я не стою ея, что она во сто разъ умнѣе меня, образованнѣе, глубже смотритъ на жизнь.... Самъ NN (онъ назвалъ по имени московскій авторитетъ) уважаетъ ее, спроси-ка у него объ ней, а ужь послѣ этого кажется прибавлять ничего не остается....

Я съ любопытствомъ и не безъ страха представился ей.

Но не смотря на уваженіе къ ней авторитетовъ и прочаго, она произвела на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Высокая, сухощавая, лѣтъ за 30, съ педантскимъ выраженіемъ въ лицѣ, съ сухими, угловатыми и рѣзкими манерами, она скорѣе могла оттолкнуть отъ себя, нежели привлечь къ себѣ. Обозрѣвъ ее, я невольно прошепталъ: «О, бѣдный другъ мой»!...

И чѣмъ болѣе я узналъ ее впослѣдствіи и наблюдалъ за нею, тѣмъ грустнѣе и чаще повторялъ: «О, бѣдный другъ мой»!

Я это повторяю и до сихъ поръ.

Одинъ изъ нашихъ общихъ пріятелей, толкуя объ ней, замѣтилъ, что она торжественностію манеръ своихъ напоминаетъ театральныхъ царицъ на Александринскомъ театрѣ.

— Нѣтъ, возразилъ другой нашъ пріятель,—она болѣе походитъ на бѣглаго солдата въ юбкѣ....

Я болѣе согласенъ съ послѣднимъ.

Я не завидую супружескому счастію моего пріятеля, но онъ находитъ себя счастливымъ (а женатъ онъ 15 лѣтъ); онъ до сихъ поръ считаетъ свою супругу очень умной женщиной, но объ ея граціи, эстетическомъ тактѣ ея и о эстетикѣ Гегеля вообще онъ умалчиваетъ. Даже къ Гегелю онъ питаетъ, какъ я замѣтилъ, нѣкоторе отвращеніе.

Не смотря на свое счастіе, онъ однако такъ и наровитъ всякій разъ выбѣжать изъ дому подъ какимъ нибудь предлогомъ.

Дѣтей у нихъ нѣтъ.

И это слава Богу!...

III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ ОБЪ УВЛЕЧЕНІЯХЪ МОЕГО ДРУГА.—СЛЕЗЫ ПО ПОВОДУ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА, И ПРОЧЕЕ.

Неужели и послѣ такихъ сильныхъ жизненныхъ испытаній мой другъ не пересталъ еще увлекаться?

Нѣтъ, онъ все увлекается....

Вотъ какихъ господъ производитъ Петербургъ!

Можно ли послѣ этого упрекать его въ холодности?

Лѣтъ пять назадъ тому одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, котораго мой другъ почему-то считаетъ героемъ честности и котораго всѣ мы знаемъ за человѣка весьма обыкновеннаго и притомъ не весьма акуратнаго въ денежныхъ дѣлахъ, адресовался къ нему съ просьбой достать три тысячи на полгода. Господинъ этотъ сказалъ,

что отъ трехъ тысячъ зависитъ его честь и что если онъ не будетъ имѣть ихъ послѣ завтра, то ему болѣе ничего не остается, какъ застрѣлиться.

Что дѣлать въ такомъ случаѣ?

Самое простое и легкое отвѣчать:

— Денегъ у меня нѣтъ. Застрѣлитесь, если хотите.

Но мой другъ, у котораго никогда не бываетъ въ наличности много денегъ: — ему жена выдаетъ ежедневно только на мелочныя расходы, — рискаетъ по всему городу, чтобы достать эти деньги подъ свое поручительство.

— Да, Бога ради, изъ чего ты такъ хлопочешь? говорятъ ему пріятели,—еслибы это было для друга, для человѣка близкаго тебѣ и въ которомъ ты увѣренъ, мы не сказали бы тебѣ ни полслова, а то вѣдь этотъ господинъ–то еще сомнительный....

— Я увѣренъ въ немъ болѣе, нежели въ самомъ себѣ, нежели во всѣхъ васъ! восклицаетъ мой другъ.

— Это кажется увлеченіе? замѣчаютъ ему.

— Ахъ, Бога ради! Опять ваши шуточки! кричитъ мой другъ, затыкая уши.

Странный человѣкъ!... Какія же шуточки?...

Онъ достаетъ деньги у ростовщика и подписывается подъ заемнымъ письмомъ, какъ поручитель.

Проходитъ полгода.

Занявшій господинъ оказывается, разумѣется, несостоятельнымъ и за него платитъ мой другъ, перенося за эти деньги страшную сцену съ супругой, вооруженной Гегелемъ....

И деньги эти до сихъ поръ не возвращены ему!...

Онъ впрочемъ это скрываетъ отъ насъ и увѣряетъ, что онъ получилъ ихъ.

Состояніе моего друга теперь очень разстроено потому, что супруга его, несмотря на свой философскій взглядъ, отличается суетностію и тщеславіемъ необыкновеннымъ, издерживаетъ пропасть на разныя тряпки, въ которыя она наряжается, потому что до сихъ поръ имѣетъ претензію нравиться и подрумяниваетъ свои сухощавыя и пожелтѣвшія щоки; по четвергамъ она открываетъ свой салонъ, въ которой пріятели ея супруга не допускаются; держитъ экипажъ и человѣка въ ливрейномъ фракѣ, съ гербами на пуговицахъ и въ гороховыхъ щиблетахъ и полулежитъ на туровскомъ патѣ, подъ огромнымъ листомъ сзади стоящаго банана. Гости ея находятъ ее почти всегда въ этомъ положеніи и на этомъ мѣстѣ съ Шиллеромъ, или съ Гёте въ рукѣ, особенно съ послѣднимъ, который написалъ ей

въ альбомъ нѣсколько строчекъ, когда она въ молодости подъ именемъ русской геніальной дѣвушки ѣздила въ Германію.

Этотъ альбомъ постоянно лежитъ на столѣ въ ея салонѣ, въ великолѣпномъ футлярѣ, отдѣльно отъ всѣхъ кипсековъ и обыкновенно по четвергамъ переходитъ изъ рукъ въ руки.

И несмотря на то, что подъ глазами у моего друга образовались морщины въ видѣ лапокъ, что волосы его совсѣмъ посѣдѣли и лобъ сдѣлался необыкновенной величины съ тремя глубокими чертами, а уши обросли волосами,—несмотря на все перенесенное имъ и переносимое въ жизни, онъ все еще не потерялъ юношескаго энтузіазма и все еще продолжаетъ увлекаться и фантазировать, даже чувствительнѣе прежняго.

Все современное и общественное интересуетъ его въ высшей степени.... Пароходы, желѣзныя дороги, откупа, политико-экономическіе споры, крестьянскій вопросъ, политическія событія, литература и журналистика,—все повергаетъ въ восторгъ его любознательную фантазію.... Читаетъ онъ, говоря правду, не много, но за то съ жадностію перебираетъ всѣ газеты и журналы особенно отечественныя. Онъ съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ выхода каждой новой книжки журнала, перелистываетъ нѣкоторыя, особенно замѣчательныя статьи, приходитъ обыкновенно въ умиленіе отъ которой нибудь изъ нихъ и восклицаетъ со слезами:

— Ахъ какая глубина! какая сила! какое мастерство!.. Это чудо! Ну—это статья капитальная! Меня даже лихорадка била, когда читалъ ее.... У! какого человѣка пріобрѣтаетъ русская литература!... И какой жизнью кипятъ теперь всѣ наши журналы, — прибавляетъ онъ,—сердце радуется.... благодарю Бога, что я дожилъ до такого времени!...

И слезы при этомъ такъ и капаютъ по щекамъ его....

Не такъ давно я встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ.

Онъ бросился ко мнѣ на шею и обнялъ меня; лицо его сіяло такимъ счастіемъ, какъ будто онъ получилъ неожиданное наслѣдство.

— Ты слышалъ? вскрикнулъ онъ.

— Что такое?...

— Вѣдь ужь Т* получилъ 200 руб. для литературнаго фонда!

И онъ при этомъ чуть не подпрыгнулъ на тротуарѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? я очень радъ.

— Да чтоже ты братецъ, принимаешь это такъ равнодушно? Вѣдь это отличное предпріятіе!... Общества для вспомоществованія литераторовъ существовали давно вездѣ,—только у насъ до сихъ поръ не было. Честь и слава тому кто первый поднялъ вопросъ объ

этомъ дѣлѣ, и честь и слава тому, кто первый внесъ на это предпріятіе деньги.... А для тебя это какъ будто все равно!...

— Какой же ты чудакъ! отвѣчалъ я.—Я совершенно согласенъ съ тобой, что это прекрасное и благородное предпріятіе, объ этомъ и спору быть не можетъ. Я отъ души желаю, чтобы оно осуществилось скорѣе, — но неужели ты хочешь, чтобы я изъявлялъ свой восторгъ криками, слезами и прыганьемъ? Милый другъ, такое внѣшнее выраженіе восторга намъ не къ лицу и не по лѣтамъ.

«Что за душа!» подумалъ я однако и крѣпко пожалъ руку моего друга.... — Вотъ, продолжалъ я, — во внутреннихъ губерніяхъ говорятъ, что весь Петербургъ помѣшанъ на одномъ личномъ интересѣ, что всѣ мы зачерствѣлые эгоисты... Боже мой! Боже мой! Посмотрѣли бы эти господа на тебя... Вѣдь ты только живешь для другихъ и другими... Ну казалось бы, какое тебѣ дѣло до литературнаго фонда: ты не литераторъ, и никогда ничего не получишь изъ этого фонда, а у тебя и отъ него льются слезы....

Мой другъ былъ очевидно тронутъ моими словами вполнѣ искренними, но въ то же время онъ какъ будто замѣтилъ въ нихъ маленькую иронію и потому на физіономіи его выразилось умиленіе, смѣшанное съ замѣшательствомъ....

— Клянусь тебѣ Богомъ, сказалъ онъ въ волненіи и съ жаромъ ударяя себя въ грудь:—всякій общественный успѣхъ, всякій шагъ впередъ на пути просвѣщенія меня такъ радуетъ и такъ дѣйствуетъ на меня, какъ будто я вдругъ и неожиданно получилъ, ну... чтобъ напримѣръ? милліонъ или какъ будто меня произвели въ большой чинъ. Я ужь таковъ.... Что дѣлать?... Господи! да какъ же не радоваться напримѣръ, что скоро вся Россія покроется сѣтью желѣзныхъ дорогъ?...

И на глазахъ моего друга снова показались слезы.

— Вы меня упрекаете въ увлеченіи, продолжалъ онъ: — можетъ быть я и увлекаюсь; но я счастливъ, когда могу оказать услугу какому нибудь хорошему человѣку; ейбогу....

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, мой милый другъ, перебилъ я, — но бѣда въ томъ, что ты иногда дурнаго человѣка принимаешь за очень хорошаго и въ ущербъ собственныхъ интересовъ, тратишь свои силы и свое время для такого господина, который не стоитъ твоихъ хлопотъ....

— Ну чтожь дѣлать? Я таковъ! произнесъ онъ печально, разводя руками.

Дѣйствительно самоотверженіе моего друга не имѣетъ мѣры. Онъ вѣчно бѣгаетъ, разъѣзжаетъ и хлопочетъ по чужимъ дѣламъ, самъ напрашивается у всѣхъ на какое нибудь порученіе, вѣчно кажется

озабоченнымъ и занятымъ, хотя въ сущности серьёзно ничего не дѣлаетъ. Къ серьёзному дѣлу онъ вовсе неспособенъ и самъ немножко понимаетъ это, но страшно любитъ, чтобы его принимали за дѣловаго человѣка и передъ незнакомыми всегда прикидывается дѣловымъ.

Въ сущности онъ только способенъ сочувствовать всему прекрасно и благородному, умиляться и восторгаться....

Онъ умиляется отъ самыхъ малыхъ причинъ. Поводомъ къ его умиленію служитъ хорошій обѣдъ, или ужинъ, освѣщеніе и нѣсколько добрыхъ пріятелей.... Въ такія минуты онъ доходитъ до опьяненія, не выпивъ еще рюмки вина; глаза его обыкновенно наполняются слезами, и онъ не будучи въ состояніи удерживать себя, восклицаетъ: — Ахъ, Господи, какъ я теперь счастливъ, еслибъ вы знали, какъ я люблю всѣхъ васъ! какъ мнѣ хорошо!...

Наливаетъ себѣ полный стаканъ вина и выпиваетъ его залпомъ, а иногда бросается къ кому нибудь изъ пріятелей и начинаетъ его обнимать и цаловать.

Въ провинціи полагаютъ также, что петербургскіе люди неспособны къ родственнымъ чувствамъ, но такого нѣжнаго, горячаго, любящаго роднаго, каковъ мой другъ, не найдти отъ

«Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
«Отъ потрясеннаго Кремля
«До стѣнъ недвижнаго Китая....»

Достаточно попасть къ нему какимъ нибудь образомъ въ родство, чтобы сдѣлаться мгновенно въ глазахъ его благороднымъ, честнѣйшимъ, умнѣйшимъ, просвѣщеннѣйшимъ и даже геніальнѣйшимъ изъ людей. Для каждаго изъ родныхъ собственно своихъ или съ женниной стороны — все равно до седьмаго колѣна — онъ во всякую данную минуту готовъ пожертвовать жизнію въ случаѣ необходимости. Онъ распинается за каждаго изъ нихъ.

Если у него въ числѣ родственниковъ оказывается самодовольный и наглый невѣжа, партизанъ всякаго притѣсненія и насилія, и если кто нибудь изъ пріятелей выскажетъ моему другу свое откровенное мнѣніе касательно этого родственника и представитъ на то очевидные факты, — другъ мой приходитъ, правда, въ крайнее смущеніе, но все-таки начинаетъ обыкновенно увѣрять пріятеля, что тотъ ошибается, что можетъ быть факты и противъ его родственника, но въ сущности онъ все-таки человѣкъ прелестный, свободно мыслящій, другъ всякаго разумнаго прогресса и прочее и прочее.

И родственникъ искренно кажется ему таковымъ, несмотря ни на какія обличительные противъ него факты, потому что въ родственникѣ онъ положительно не можетъ видѣть дурныхъ сторонъ...

Въ послѣднее время другъ мой постоянно находится въ состояніи экстаза. Каждая журнальная статья, въ которой говорится о пользѣ гласности или о пользѣ публичнаго судопроизводства, о какой-нибудь новой желѣзной дорогѣ у насъ, или за границей, или новой компаніи на акціяхъ, объ улучшеніи участи крестьянъ, или объ улучшеніи петербургскихъ мостовыхъ, повергаетъ его въ несказанное умиленіе....

Онъ въ такихъ случаяхъ ко всѣмъ пріятелямъ бросается на шею и говоритъ:

— Ну, слава Богу, вотъ до какихъ временъ мы дожили!... Слава Богу!

Онъ до того увлекается, что смѣшиваетъ порыванія, стремленія и предположенія съ осуществленіемъ. Ему кажется уже, что въ Петербургѣ отличная и гладкая какъ паркетъ мостовая, потому только что напечатана гдѣ-то статейка объ улучшеніи мостовыхъ....

Восторгъ его не останавливается на однихъ отечественныхъ вопросахъ, предпріятіяхъ и событіяхъ.... Онъ также горячо сочувствуетъ всемірнымъ предпріятіямъ и вопросамъ.

Учрежденіе компаніи для прорытія Суэскаго перешейка такъ поразило его, что онъ три недѣли сряду разъѣзжалъ по своимъ пріятелямъ и знакомымъ и только объ этомъ и говорилъ, горячо пожимая ихъ руки.

— Это великое событіе, великое! И какія неисчислимыя выгоды представляются теперь для европейской торговли!

Онъ досталъ себѣ одну акцію этой компаніи, выпросивъ не безъ труда у жены денегъ на это, и получивъ акцію радовался ей, какъ ребенокъ, долго любовался ею одинъ и потомъ поѣхалъ показывать ее всѣмъ своимъ пріятелямъ.

— Вотъ и я, повторялъ онъ дрожащимъ отъ внутреннихъ ощущеній голосомъ и со слезой на рѣсницѣ,—могу теперь сказать, что буду способствовать этому великому предпріятію!..

Въ сію минуту онъ занятъ итальянскимъ вопросомъ и такъ радуется за Италію, какъ будто она уже получила свободу и независимость....

У меня другъ мой бываетъ всякій день и въ постоянно восторженномъ состояніи... Онъ обнимаетъ меня, прижимаетъ къ груди, проливаетъ слезы умиленія, жметъ мнѣ очень больно руку въ порывахъ своего увлеченія и сердится на меня, если я не вполнѣ сочувствую его преувеличеннымъ надеждамъ, и не раздѣляю его преувеличенныя фантазіи.

— Нѣтъ, ты устарѣлъ, братъ! говоритъ онъ мнѣ съ упрекомъ, качая головою....

— Чтожь дѣлать? отвѣчаю я,—но посмотри въ окно, неужели этотъ видъ не охлаждаетъ твой энтузіазмъ и не наводитъ на тебя унынія? Грязь, слякоть, мокрыя лепешки снѣга, ямы...

Барометръ ужь поднимается, перебиваетъ онъ меня, — ужь поднялся.... Завтра непремѣнно будетъ отличная погода, солнце... Ужь весною запахло...

— Да это завтра!... а посмотри, что сегодня... Весенній запахъ! — Я покуда слышу только запахъ сырости и гнили....

Я искренно и отъ всей души люблю моего друга, я вполнѣ цѣню его прекрасное, горячо сочувствующее всѣмъ великимъ и маленькимъ современнымъ вопросамъ сердце, но его вѣчный энтузіазмъ, его постоянно восторженное состояніе переносить не всегда можно, особенно въ дурномъ расположеніи духа и при такой мрачной, измѣнчивой погодѣ, какая была нынѣшнюю зиму въ Петербургѣ. При такихъ обстоятельствахъ мой другъ раздражаетъ мою жолчь, что я выхожу изъ терпѣнія, говорю ему непріятности, впадаю въ противоположную ему крайность и дѣлаюсь несправедливъ.

Когда онъ на дняхъ бросился ко мнѣ на шею и заговорилъ о блестящей будущности Италіи, о ее независимости и прочее...

(Въ этотъ день надобно замѣнить была прескверная погода).

У меня невольно вырвалось:

— Ахъ, оставь меня пожалуйста въ покоѣ съ своей Италіей: она еще не освобождена, Суэзскій перешеекъ еще не прорытъ... Отложи свой восторгъ до времени... это скучно!...

Очеркъ моего друга нисколько не преувеличенъ. Если вы прочтете его, мой провинціальный читатель, то вѣрно откажетесь отъ своего устарѣлаго мнѣнія, что Петербургъ населенъ только одними холодными людьми. Какое! я повторяю, мы всѣ ужасные энтузіасты и увлекающіеся люди, не исключая и меня, нападающаго на энтузіазмъ... только въ дурную погоду....

Оправдавъ петербугцевъ отъ предубѣжденій, которое питаютъ относительно ихъ жители провинцій, я перехожу къ петербургскимъ новостямъ и начинаю съ петербургской масляницы.

Петербургскіе фельетонисты описываютъ обыкновенно масляницу съ большимъ чувствомъ и очень поэтически отзываются о блинахъ, пикникахъ, катаньи съ горъ, балаганахъ и различныхъ увеселеніяхъ. У меня на это никакъ недостаетъ краснорѣчія.... Пьяные толпы на улицахъ и какіе-то неистовые возгласы и крики одурѣвшаго отъ сивухи народа, могутъ услаждать взоръ и приводить

въ восторгъ... развѣ гг. откупщиковъ; до блиновъ я не охотникъ — они разстроиваютъ желудокъ; съ горъ я отъ роду не скатывался, а въ балаганныхъ представленіяхъ, не на хожу ничего забавнаго. Неизбѣжныя Пьерро, Коломбины, арлекины, добрые и злые волшебники, прыгающіе и пляшущіе и несмотря на это все-таки посинѣвшіе отъ мороза — возбуждаютъ болѣе состраданія, чѣмъ удовольствія. Юлія Пастрана, эта полуобезьяна и полуженщина, понизившаяся до 25 копѣекъ и показывавшаяся на Адмиралтейской площади на масляницѣ нынѣшняго года, — также принести большаго удовольствія не можетъ, несмотря на то, что она танцуетъ передъ вами, поетъ русскую пѣсню, протягиваетъ руку зрителямъ и кричитъ: «здравствуйте!. поскорѣй, поскорѣй!» потому вѣроятно, что при 8° мороза (на, масляницѣ были морозы и довольно сильные въ первые дни) въ трико—ей не совсѣмъ ловко. Шерсть, покрывающая эту несчастную, видно, не защищаетъ ее отъ нашихъ морозовъ и она спѣшитъ за кулисы въ свою коморку погрѣться хоть минуту у желѣзной печки... А потомъ опять начинается таже пѣсня, таже пляска, тоже пожиманіе рукъ съ приговоромъ; «здравствуйте, поскорѣй, поскорѣй!»... Веселаго тутъ нѣтъ ничего.... Балаганный циркъ?... Но мы видѣли всѣ эти скаканья, прыганья черезъ бумагу и проч. въ гораздо болѣе привлекательномъ видѣ. Грязныя трико, скверныя лошади, затасканные костюмы... не имѣютъ въ себѣ ничего привлекательнаго... Звѣри Крейцберга и восемьнадцати-лѣтняя дѣвица ихъ укрощающая—намъ уже извѣстны. Въ звѣринцѣ довольно побывать разъ, особенно тѣмъ, кто имѣетъ тонкое обоняніе... Извѣстный мандаринъ, звѣрски напавшій въ столицѣ Китая, при посѣщеніи тамошняго звѣринца, на низшаго чиновника за то, что тотъ осмѣлился курить папироску въ присутствіи его превосходительства, вѣроятно лишенъ былъ обонянія... Онъ разгорячился и кричалъ съ пѣною у рта: «Да я сударь... да я васъ.... да я васъ научу уважать старшихъ!» Но остроумная китайская публика, возмущенная наглостію мандарина, говорятъ, закричала: «г. укротитель звѣрей! укротите этого высокопочтеннаго господина съ тремя шариками на шапкѣ!» и заставила его потихоньку убраться изъ звѣринца. — Avis au mandarin!

Упоминая о балаганныхъ представленіяхъ, нельзя не замѣтить, что они въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ не только не сдѣлали никакого прогресса, но даже отстали отъ прежнихъ. Пантомима Легата была несравненно лучше пантомимы г. Берга. На подмосткахъ Легата танцовали нѣкогда дѣвицы Ширъ... это было самое цвѣтущее время балагановъ!...

Пикники и загородныя поѣздки на тройкахъ обыкновенно въ

большомъ ходу въ Петербургѣ, особенно начиная съ масляницы до окончанія зимняго пути. Въ этихъ поѣздкахъ есть дѣйствительно что-то привлекательное для русскаго человѣка. Когда мчишься на птицѣ-тройкѣ, по выраженію Гоголя, то какъ бы ни было грустно и тяжело, тоска непремѣнно замретъ на минуту въ такомъ полетѣ... Поэзія троекъ всегда сохранится для насъ, несмотря на желѣзныя дороги... Пикники въ Петербургѣ бываютъ различнаго рода: свѣтскіе, блестящіе, приличные пикники, оканчивающіеся танцами, и пикники не совсѣмъ скромные. О послѣднихъ я имѣю понятія только по картинкамъ.

Глядя на такія картинки, я думаю: «какими исполинскими шагами идетъ Петербургъ по пути улучшеній и усовершенствованій... касательно роскоши дамскихъ туалетовъ и обуви. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи мы скоро догонимъ Парижъ и наши Аспазіи и Фрины ни въ чемъ не будетъ уступать парижскимъ... ни въ туалетахъ, ни въ канканѣ, ни въ другихъ утонченностяхъ. Да ужь и теперь они едва ли уступаютъ парижскимъ. Посмотрите на нихъ въ театрахъ, когда онѣ торжественно сидятъ въ бенуарахъ и ложахъ, въ великолѣпныхъ бальныхъ туалетахъ, играя своими вѣерами, или прокатаются по Невскому проспекту въ коляскахъ, развалясь съ изнѣженною граціею, утонувъ въ волнахъ шелку и бархата. Какая восхитительная картина!... 15 лѣтъ тому назадъ ничего подобнаго не было въ Петербургѣ; дамы эти изрѣдка и робко показывались въ несравненно скромнѣйшемъ видѣ.... Да! въ этомъ случаѣ мы совершили несомнѣнный прогрессъ—и смѣло идемъ по пути этого прогресса.

Заговоривъ о пикникахъ и загородныхъ катаньяхъ на тройкахъ, мы должны замѣтить, что всѣ эти тройки отправляются большею частію на дачу Стобеуса, по Петергофской дорогѣ, не доѣзжая Сергіевскаго монастыря. На этой дачѣ г. *Огюстъ*, бывшій содержатель Hôtel des princes устроилъ превосходный ресторанъ, съ большой залой для танцевъ, съ отдѣльными кабинетами, отлично удобными и меблированными съ большимъ вкусомъ и съ зимнимъ садомъ. Сервировка, самый столъ (у г. Огюста можно найти всѣ гастрономическія тонкости), прислуга — все превосходно и, что всего замѣчательнѣе—цѣны обѣдовъ и ужиновъ очень умѣренныя, сравнительно съ лучшими петербургскими ресторонами, которымъ г. Огюстъ не только не уступаетъ ни въ чемъ, но даже превосходитъ во многомъ... Такихъ загородныхъ ресторановъ до сихъ поръ еще не было въ Петербургѣ... Удобства, вкусъ, и даже роскошь, притомъ изящная и не бросающаяся въ глаза,—все соединено въ этомъ загородномъ ресторанѣ. Лучшаго мѣста для пикниковъ избрать не возмож-

но. Нѣтъ сомнѣнія, что Петербургская публика поддержитъ заведеніе г. Огюста...

Концертный сезонъ открылся. Театральные концерты въ пользу гг. Роллера, Іотти, Жоссъ, Кажинскаго и Леоновой, по обыкновенію были съ живыми картинами; картины въ бенефисъ г. Роллера были особенно-удачны.... Изъ замѣчательныхъ артистовъ, пріѣхавшихъ въ нынѣшнемъ году въ Петербургъ, первое мѣсто занимаютъ: г. *Фердинандъ Лаубъ* (скрипачъ, воспитанникъ прагской консерваторіи и чехъ родомъ) и *Герцъ* (піанистъ). Эти два артиста вмѣстѣ съ нашимъ талантливымъ соотечественникомъ Рубинштейномъ (на котораго сказать мимоходомъ у насъ всѣ посматриваютъ теперь невольно съ бо́льшимъ уваженіемъ послѣ его блистательныхъ успѣховъ въ Европѣ) составляютъ украшеніе настоящаго музыкальнаго сезона.

То, что Рубинштейнъ принадлежитъ къ первымъ европейскимъ современнымъ піанистамъ, что онъ обладаетъ почти геніальнымъ талантомъ, какъ исполнитель, — въ этомъ теперь уже никто не сомнѣвается. Съ его удивительнымъ талантомъ мы всѣ давно знакомы. Кто изъ русскихъ не слыхалъ его?... и потому мы обратимся къ нашимъ гостямъ.

Имя Лаубе, по словамъ музыкальныхъ знатоковъ, гремитъ по всей Германіи. Настоящій виртуозъ, онъ вполнѣ, говорятъ, овладѣлъ своимъ инструментомъ и покорилъ себѣ всѣ техническія трудности... Онъ разъигрываетъ между прочимъ самыя серьёзныя вещи Баха и Бетговена, но не останавливается на нихъ: его репертуаръ чрезвычайно обширенъ. Лаубе долго жилъ въ Вѣнѣ, потомъ въ Веймарѣ и въ семъ послѣднемъ городѣ сошелся съ Францомъ Листомъ и пользуется его дружбою. Въ сію минуту—онъ первый солистъ при дворѣ короля прусскаго. Имя Лаубе встрѣчается между прочимъ въ сочиненіи о Бетговенѣ профессора Маркса — сочиненіи чрезвычайно замѣчательномъ, по признанію лучшихъ музыкальныхъ критиковъ....

Первый концертъ г. Лаубе въ Петербургѣ былъ на Большомъ театрѣ и имѣлъ успѣхъ блистательный.... Онъ исполнилъ между прочимъ съ совершенствомъ блестящій концертъ Мендельсона и фантазію Эрнста на темы изъ Отелло. Въ концертѣ его пѣла г-жа Бокъ—диллетантка, имѣющая очень пріятный mezzo-soprano.

Г. Лаубе, говорятъ, хочетъ устроить квартетные вечера для публики и исполнять квартеты Гайдна и Бетховена.

Герцъ—не только піанистъ, но и композиторъ и сверхъ того фабрикантъ фортепьянъ и владѣтель извѣстной концертной залы въ Парижѣ.

Онъ много путешествовалъ и описалъ свое пребываніе въ Америкѣ, слѣдовательно ко всѣмъ другимъ талантамъ онъ присоединяетъ еще и талантъ писателя....

Кромѣ поименованныхъ артистовъ дано было множество концертовъ, и между прочимъ декламаціонныхъ и музыкальныхъ вечеровъ, о которыхъ упоминать здѣсь мы не считаемъ нужнымъ,—замѣтимъ только о концертѣ трехъ сестеръ *Терезы*, *Жанны* и *Клеры*, *Понто-Ла-Розе* (піанистка и пѣвицы).

Въ одно время съ артистами къ великому посту съѣзжаются въ Петербургъ, какъ извѣстно, чародѣи, магики и фокусники. Въ сію минуту находятся у насъ два таковыхъ: гг. *Шово* и *Макалузо*. Первый не имѣлъ большаго успѣха, но, говорятъ, что снаряды, посредствомъ которыхъ онъ производитъ свои фокусы, весьма любопытны.

Г. Макалузо еще не появлялся въ публики, но про него уже пишутъ и разсказываютъ чудеса, потому что онъ далъ нѣсколько представленій въ частныхъ домахъ. — Г. Макалузо соединяетъ, по признанію тѣхъ, которые его видѣли, утонченность джентльмена съ ловкостію фокусника.

Вотъ, что мы прочли объ немъ въ «Journal de St.-Pétersbourg», который, сказать мимоходомъ, очень удачно редижируется въ нынѣшнемъ году однимъ изъ бывшихъ редакторовъ «Норда» — г. Капельманомъ.

«Г. Макалузо, говоритъ Journal de St.-Pétersbourg,—давалъ представленіе на вечерѣ у графа Кушелева-Безбородко, которое имѣло успѣхъ необыкновенный. Г. Маколузо могъ бы приводить въ ужасъ зрителей, если бы онъ не выполнялъ своихъ чудесъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ, простотою и граціею. — Онъ имѣетъ наружность и манеры совершенно благовоспитаннаго человѣка. Это чародѣй хорошаго общества,—вѣжливый съ мужчинами и удивительно любезный съ дамами. На этомъ вечерѣ, о которомъ упомянули мы, подъ его рукою разцвѣтали букеты камелій и въ заключеніе онъ заставилъ разцвѣсть на своемъ стебелькѣ чудную и благоуханную розу.... Нѣсколько дней передъ этимъ мы видѣли его у г-жи Бозіо, наканунѣ ея отъѣзда изъ Петербурга, — онъ разорвалъ вышитый платокъ артистки и въ туже секунду возстановилъ его какимъ-то чудомъ своими руками... и все это совершилось передъ нашими глазами....

«Когда мы писали эти строки въ нашемъ затворенномъ кабинетѣ, передъ окнами съ двойными рамами, вдругъ передъ нами, у самаго кончика нашего пера, очутилось письмо.... Въ комнатѣ никого не было. Человѣкъ нашъ спалъ въ передней. Мы распечатали это письмо и прочли слѣдующее:

«Господинъ редакторъ,

«Вамъ угодно выдавать меня за колдуна, за чародѣя, а я не болѣе, какъ человѣкъ, пріобрѣтшій ловкость, которую и вы легко можете пріобрѣсть въ два, въ три года, если вы постоянно будете практиковаться въ томъ, что вамъ угодно, по снисходительности ко мнѣ, называть моимъ талантомъ.

«Вы позволили мнѣ объявить о моихъ представленіяхъ, и я беру смѣлость сообщить вамъ, что я дамъ семь представленій на Большомъ театрѣ.

1	въ Воскресенье	22	марта.
2	— Вторникъ	24	—
3	— Пятницу	27	—
4	— Вторникъ	31	—
5	— Среду	1	апрѣля.
6	— Четвергъ	2	—
и 7	— Пятницу	3	—

«Эти семь представленій для всѣхъ; до тѣхъ поръ я не буду, конечно, сидѣть со сложенными руками въ частныхъ собраніяхъ, на которыя меня удостоятъ приглашеніемъ.

«И теперь, г. редакторъ, поблагодаривъ васъ за ту любезность, съ которою вы мнѣ позволили съиграть съ вами неожиданный фокусъ, я говорю объ этомъ объявленіи и объ этой рекламѣ, я прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Макалузо.

Петербургъ, 6 марта 1859 г.
Большая Морская, домъ Руадзе,
№ кв. 6.

«Мы очень рады, прибавляетъ редакторъ газеты, — напечатать это письмо, тѣмъ болѣе, что оно написано въ очень приличныхъ формахъ.

«P. S. Въ ту минуту, когда мы, списавъ его, беремъ для того, чтобы присоединить къ нашей коллекціи автографовъ,—мы вдругъ, къ крайнему изумленію нашему, видимъ, что слова исчезли и что мы держимъ въ рукахъ листъ бѣлой бумаги»....

Каковъ г. Макалузо, если только все это не тонкая реклама со стороны остроумнаго редактора «Journal de St.-Pétersbourg»!...

Въ домѣ князя Бѣлосельскаго былъ еще спектакль любителей, въ пользу патріотическихъ школъ, въ которомъ между прочимъ г-жа Мичурина (В. Самойлова) исполнила сцену Татьяны съ няней изъ Евгенія Онѣгина. Сцена эта продекламирована была г-жею Мичуриною удивительно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но мы должны откровенно признаться, что въ г-жѣ Мичуриной мы не замѣтили и

тѣни того идеала, который всѣми нами составленъ о Татьянѣ Пушкина.... Татьяна — деревенская барышня, ужь во всякомъ случаѣ должна бы имѣть болѣе простоты, добродушія и натуральности. Она навѣрно не держала себя такъ искусственно и не говорила такъ изящно кокетливо, какъ говоритъ г–жа Мичурина.... но мы совершенно забылись, что дѣлать замѣчанія любительницамъ–артисткамъ— неприлично и безтактно, поэтому мы беремъ назадъ это нечаянно вырвавшееся у насъ замѣчаніе, просимъ за него извиненія, рукоплещемъ талантливой любительницѣ, будто бы изображавшей передъ нами Татьяну, и въ восторгѣ повторяемъ вслѣдъ за всѣми: «Charmant! Charmant»!...

Кстати о Дамскомъ патріотическомъ обществѣ, которое заботится болѣе чѣмъ о 500-хъ неимущихъ дѣвочкахъ... Въ домѣ предсѣдательницы этого общества графини Клейнмихель устроена для продажи выставка работъ этихъ дѣвочекъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что результатъ этого прекраснаго предпріятія обнаружитъ полное къ нему сочувствіе петербургской публики.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы упомянули о выставкѣ въ залѣ святѣйшаго Синода фотографическихъ снимковъ привезенныхъ г. Севастьяновымъ съ Аѳонской горы.

Теперь мы обязаны поговорить подробнѣе о трудахъ г. Севастьянова, обратившихъ на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ обществъ, и о результатахъ этого труда, который теперь передъ нами. Свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь, мы заимствуемъ изъ статьи «Journal des Dèbats», и Русскаго Художественнаго Листка г. Тимма, который приложилъ рисунки со многихъ снимковъ, выставленныхъ нынѣ для публики г. Севастьяновымъ.

«Одно изъ первыхъ приложеній свѣтописи къ снятію древнихъ надписей сдѣлано было въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ, въ 1851 г., и фотографическимъ способомъ снята съ знаменитой монгольской надписи, объясненной Банзаровымъ и приложенной къ III тому *Записокъ* Общества. Это были однако ни болѣе, ни менѣе какъ только опыты. До самыхъ же блестящихъ результатовъ примѣненія фотографіи къ воспроизведенію памятниковъ древности первый достигъ г. Севастьяновъ.

«Петръ Ивановичъ Севастьяновъ получилъ образованіе въ императорскомъ московскомъ университетѣ. Онъ оставилъ гражданскую службу, чтобы всего себя посвятить наукамъ и искусству въ той области, въ которой надѣялся наиболѣе сдѣлаться полезнымъ своими трудами и открытіями. Сначала онъ совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и глубоко и подробно изучилъ священный городъ со стороны исторіи, древностей и мѣстности. Плодомъ этого изученія былъ составленный имъ рельэфъ Іерусалима, гдѣ нагляднѣйшимъ образомъ,

изъ разныхъ веществъ были вырѣзаны и размѣщены горы, долины, зданія, проходы, улицы, ворота и т. п.; при этомъ г. Севастьяновъ трудился надъ сочиненіемъ, въ которомъ бы русскіе читатели получили въ сжатомъ выводѣ все то, что извѣстно объ Іерусалимѣ въ Европѣ, съ дополненіями изъ писателей восточной церкви, изъ сочиненій русскихъ и вообще славянскихъ, наконецъ изъ живыхъ преданій и повѣрій, собранныхъ путешественникомъ на мѣстѣ. Вскорѣ однако непреклонная воля самаго ревнителя отклонила его въ другую сторону и устремила къ другой цѣли. Посѣщая неоднократно Аѳонскую гору, путешественникъ убѣдился, что здѣсь-то именно лежитъ богатѣйшій, обильнѣйшій и доступнѣйшій рудникъ для такого изученія, съ тою притомъ выгодою, что здѣсь все византійское тѣсно соединяется съ общегреческимъ и славянскимъ и даже русскимъ. Первою задачею г. Севастьянова было сблизиться съ тамошними обитателями, т. е. монахами, преимущественно изъ Грековъ — задача, какъ извѣстно, не легкая, но которую онъ выполнилъ счастливо, съ помощію денегъ, которыхъ не щадилъ. Жажда знанія г. Севастьянова побѣждала всякое упорное укрывательство и слишкомъ была нова для иноковъ, пріученныхъ къ подозрительности. Вторая, слѣдовавшая затѣмъ, задача истекала изъ того убѣжденія, что узнанное и собранное не должно оставаться достояніемъ частнаго лица, но перейти во всеобщее пользованіе. Съ этой мыслію г. Севастьяновъ въ тѣ мѣсяцы, когда нельзя или неудобно было работать на Аѳонѣ, занялся прилежно въ чужихъ краяхъ изученіемъ археологіи, палеографіи искусства, особенно современныхъ его техническихъ средствъ и между ними преимущественно фотографіи, при помощи которой и перевелъ на бумагу, съ изумительною точностью, церковныя изображенія, утвари, грамоты, рукописи и т. п. Въ послѣднемъ случаѣ онъ достигъ того, что снималъ рукописи пергаменныя и бумажныя, цѣликомъ, отъ начала до конца, листъ за листомъ, со всѣми вставленными рисунками, со всею порчею, произшедшею отъ времени. Теперь въ этихъ снимкахъ читаете вы всѣ древнѣйшія рукописи по листамъ, точно также, какъ въ подлинникѣ, потому что снимокъ до того живъ, что вы невольно хватаетесь за бумагу, думая не пергаменъ ли это, не загнулся ли уголъ, не налеплена ли печать? Мало того, сохраняя у себя негативу снимковъ, г. Севастьяновъ имѣетъ возможность передать какой угодно снимокъ, въ какомъ угодно числѣ экземпляровъ.

«Изъ записки, читанной г. Севастьяновымъ, 5-го февраля 1858 г., въ собраніи Парижской Академіи Надписей и Словесности, между прочимъ, видно, что по предначертанному имъ плану, который онъ началъ уже приводить въ исполненіе, онъ полагаетъ сдѣлать собраніе фотографическихъ снимковъ на Аѳонской горѣ, куда войдутъ:

«1. Рукописи греческія, грузинскія, церковно-славянскія, сербскія и булгарскія; онѣ на пергаменѣ, съ украшеніями цвѣтными и золотомъ, различнаго письма и величины, иногда съ нотами пѣнія; длина рукописей измѣняется отъ 8 центиметровъ (около 3 дюймовъ) до одного метра (около 3 футовъ). Древнѣйшія изъ нихъ, можетъ быть, VII столѣтія.

«2. Граматы и акты: хрисовулы византійскихъ императоровъ и князей, начиная отъ Константина и Романа (X-го столѣтія), и царей, королей, деспотовъ, князей и жупановъ Сербіи и царей Булгаріи, съ XII вѣка; воеводъ угро-влахійскихъ XV вѣка и граматы русскихъ царей, начиная съ XVI вѣка; свинцовыя печати (сигиліоны) византійскихъ императоровъ и патріарховъ, начиная съ Василія Македонянина (IX столѣтія) и патріарха Николая; печати изъ зеленаго воска (Ахридскія); записи, духовныя завѣщанія и т. п., съ IX столѣтія. Эти рукописи также на пергаменѣ и различной величины; на нѣкоторыхъ находятся изображенія святыхъ, портреты императоровъ и членовъ ихъ фамилій.

«3. Кресты, сосуды, ковчежцы, кадила, люстры, канделябры, переплеты, ризы на образахъ, посохи, шитыя вещи, замѣчательныя по древности и искусству. Многія изъ этихъ вещей пожертвованы были царственными особами, о чемъ имѣются подлинныя граматы. Кромѣ фотографіи, г. Севастьяновъ полагаетъ употребить гальванопластику и отливаніе въ форму, для воспроизведенія большей части этихъ вещей.

«4. Иконы, писанныя al fresco на стѣнахъ и масляными красками на деревѣ, холстѣ и даже на сушеной рыбѣ; разныя иконы изъ дерева и изъ мрамора. Между этими иконами однѣ приписываются Евангелисту Лукѣ, другія относятся къ IV столѣтію; нѣсколько изъ нихъ привезено сюда изъ св. Софіи, по взятіи Константинополя. Нѣкоторыя изображаютъ Богоматерь, кормящую младенца Іисуса, другія самаго Іисуса съ крыльями. Одна икона носитъ странное названіе *Игрушки Императрицы Өеодоры*. Превосходныя фрески Панселина, сохранились во внутренности нѣкоторыхъ церквей Аѳона. Недостаточный свѣтъ въ этихъ зданіяхъ воспрепятствовалъ г. Севастьянову снять съ нихъ свѣтописные снимки и онъ принужденъ былъ удовольствоваться простыми (чрезъ прозрачную бумагу) снимками; но къ предстоящей поѣздкѣ онъ приготовилъ аппаратъ для электрическаго освѣщенія, чтобъ имѣть возможность воспроизвести эти фрески. Этимъ же способомъ онъ полагалъ снять внутренность нѣкоторыхъ церквей первобытно-византійскаго стиля архитектуры.

«и 5. Надписи и изваянія на надгробныхъ камняхъ, сохранившихся на Аѳонѣ, которыя могутъ служить матеріаломъ для исторіи древнихъ жителей полуострова.

«Г. Севастьяновъ еще въ 1851 году, былъ на Святой горѣ, для общаго обозрѣнія Аѳонскихъ монастырей и хранящихся въ нихъ древностей; но возникшій вслѣдъ затѣмъ восточный вопросъ, окончившійся войною, пріостановилъ на нѣсколько лѣтъ труды г. Севастьянова, такъ что вторично отправиться на Аѳонскую гору онъ могъ не ранѣе какъ, уже въ маѣ мѣсяцѣ 1857 года. Передъ этимъ, онъ предварительно съѣздилъ въ Парижъ, чтобы ознакомиться съ техническими пріемами фотографіи и запастись всѣми необходимыми для свѣтописи матеріалами. Прибывъ въ 1857 году на Аѳонъ, нашъ соотечественникъ немедленно приступилъ къ снятію копій съ иконъ, изображеній старинной церковной утвари и снимковъ съ древнихъ рукописей; въ этихъ занятіяхъ онъ провелъ пять мѣсяцевъ въ шатрѣ, т. е. почти подъ открытымъ небомъ, работая неутомимо, съ утра до вечера несмотря на нестерпимую жару. При этомъ необходимо замѣтить, что при всей своей дѣятельности, г. Севастьяновъ, въ слѣдствіе строгихъ уставовъ Аѳонскихъ монастырей, былъ лишенъ даже самаго необходимаго для поддержанія своего существованія. Во все время пребыванія своего на Святой горѣ онъ ни разу не ѣлъ, напримѣръ, говядины; даже рыба составляетъ тамъ рѣдкость, а чтобы имѣть овощи необходимо самому заниматься огородничествомъ. Въ октябрѣ 1857 года, г. Севастьяновъ возвратился, для новыхъ запасовъ въ Парижъ, гдѣ представилъ тамошней Академіи Надписей и Словесности образцы снятыхъ имъ копій и снимковъ, которые обратили на себя вниманіе ученыхъ и знатоковъ древностей и возбудили за границей къ трудамъ нашего соотечественника самое живое сочувствіе, незамедлившее проявиться въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, г. Севастьяновъ снова отправился на Аѳонскую гору, гдѣ между тѣмъ, оставленный имъ художникъ, въ теченіе всей зимы, работалъ по его указаніямъ и наставленію. Въ 1858 г. неутомимый путешественникъ занимался на Святой горѣ также ревностно, но занятія его шли гораздо быстрѣе, потому что онъ привезъ съ собою изъ-за границы еще одного художника. Въ сентябрѣ г. Севастьяновъ оставилъ Аѳонъ, и нужно было видѣть, съ какою заботою везъ онъ добытыя имъ сокровища въ Россію, чтобы подѣлиться ими съ своими соотечественниками.

«Во время переѣзда въ Смирну, пароходъ сѣлъ на мель, въ недалекомъ впрочемъ разстояніи отъ порта, такъ что можно было послать туда лодку къ другому русскому пароходу, стоявшему тамъ. Въ ожиданіи помощи, всѣ пожитки пассажировъ были вынесены на палубу. Пришелъ другой пароходъ, завезъ канаты и перетащилъ къ себѣ пассажировъ, но безъ багажа, считая безполезнымъ возиться съ нимъ. Одинъ г. Севастьяновъ не рѣшался разстаться съ своимъ

драгоцѣннымъ грузомъ и, собственноручно уложивъ его въ турецкую лодку, бережно перевезъ. И хорошо онъ сдѣлалъ, потому что когда начали тянуть обмелѣвшій пароходъ канатами, то его такъ наклонило на бокъ, что весь багажъ полетѣлъ съ палубы въ воду и былъ вынутъ изъ нея, разумѣется, подмоченный.

— Что было бы съ моими фотографическими и другими коллекціями, еслибъ я послушался! говорилъ г. Севастьяновъ.—Что было бы съ ними, еслибъ захватила насъ на мели буря!

«А о себѣ онъ и не думалъ; трудъ и его послѣдствія сдѣлались для него дороже жизни. Онъ няньчился съ своимъ тюкомъ, какъ съ ребенкомъ, почти на рукахъ довезъ его до Петербурга. И замѣтьте при этомъ, что всю Россію проѣхалъ онъ съ нимъ на перекладныхъ.

«По прибытіи г. Севастьянова въ Москву, тамошній университетъ, желая доставить жителямъ первопрестольной столицы случай видѣть драгоцѣнное собраніе снимковъ съ древнѣйшихъ иконъ и рукописей святой Аѳонской горы, убѣдилъ своего бывшаго воспитанника выставить ихъ въ залахъ университета.

«Выставка продолжалась только недѣлю (съ 11 по 17-е января), потому что г. Севастьяновъ спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы, подѣлясь и съ нимъ своими сокровищами, снова отправиться къ веснѣ на Аѳонъ, для продолженія начатаго имъ труда. За входъ на выставку была назначена палата, въ пользу бѣднѣйшихъ Аѳонскихъ монастырей, скитовъ и келій.

«Императорское Русское Археологическое Общество, обративъ вниманіе на труды г. Севастьянова, по части археологіи и палеографіи, ознаменованные такими блистательными послѣдствіями, которыя вносятъ въ науку новыя открытія, въ общемъ собраніи своемъ 11 января сего года, положило избрать его въ свои члены.

«Наконецъ 8-го минувшаго февраля и въ Петербургѣ, на тѣхъже основаніяхъ, какъ въ Москвѣ, въ зданіи святѣйшаго правительствующаго сунода, открылись залы для обозрѣнія Севастьяновскаго Сборника снимковъ и копій съ священныхъ предметовъ и рукописей Аѳонскихъ монастырей въ которыхъ, по прежнему, продолжаютъ работать оставленные тамъ г. Севастьяновымъ художники.

«Хотя путешественникъ вывезъ съ собой въ Россію слишкомъ тысячу пятьсотъ различныхъ снимковъ и копій, но все это, по словамъ его, только самая малая часть того, что еще можетъ быть сдѣлано.

«Чтобы дать понятіе, чего могутъ ожидать отъ трудовъ г. Севастьянова исторія, филологія и художества, представляемъ бѣглый обзоръ важнѣйшихъ изъ вывезенныхъ имъ съ Аѳона драгоцѣнностей.

«I. Копіи съ рукописей.

«1) Глаголическое Евангеліе, вполнѣ—612 страницъ. Нѣкоторые полагаютъ, что эти письмена употреблялись для славянскаго языка до введенія греческой азбуки св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Рукопись эта принадлежитъ Заграфскому монастырю. Долгое время листы были не сшиты, а продѣты на одинъ снурокъ, и рукопись пострадала, покуда не была переплетена, такъ что теперь у ней нѣтъ ни начала, ни конца. При переплетѣ попортили нѣсколько виньетокъ и приписокъ кирилловскими буквами. На нѣкоторыхъ страницахъ рисунки вѣроятно новѣе рукописи; но замѣчательны своею простотою. Они изображаютъ: главу Іоанна Крестителя, благословляющія десницы, св. апостоловъ Петра и Павла, св. Захарія и Елизавету, птицъ и проч. Фотографическіе снимки съ нихъ раскрашены согласно съ оригиналомъ, съ наивозможною точностью. Съ этого Евангелія г. Севастьяновъ началъ свой трудъ на Аѳонѣ. Всѣ снятыя съ листовъ этой книги копіи онъ соединилъ по порядку, въ одну книгу, для которой переплетъ сдѣланъ по образцу переплетовъ древнихъ рукописей.

«2) Сто десять страницъ Житія Святыхъ Отцевъ, со всѣми рисунками, находящимися въ подлинникѣ, раскрашенными согласно оригиналу, относимому къ X вѣку.

«3) Двадцать шесть страницъ греческой рукописи, свято сохраняемой между древностями монастыря Пантократора, но ошибочно приписываемой Іоанну Кущнику (V-го столѣтія). Она заключаетъ въ себѣ 500 страницъ, писана красивыми и тонкими буквами, съ золотомъ и цвѣтными украшеніями; виньеты разрисованы на золотомъ полѣ. Хотя рукопись и озаглавлена Евангеліемъ, но заключаетъ въ себѣ различные предметы: Новый Завѣтъ, рѣчи Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина, Діонисія Ареопагита и другихъ, и сверхъ того 152 врачебныя статьи. Помѣщенныя здѣсь творенія Дамаскина, жившаго уже въ VIII вѣкѣ, свидѣтельствуютъ, что рукопись эта моложе, чѣмъ предполагаютъ аѳонскіе иноки. Переплетъ рукописи изъ дуба съ массивнымъ серебромъ. Одна изъ сторонъ представляетъ Распятіе Христа со св. Маріею и св. Іоанномъ, по сторонамъ. Надпись славянская. На другой сторонѣ изображеніе Благовѣщенія, также съ славянскою подписью, отчасти уже сгладившеюся. Снимокъ съ этого переплета находится на верхней сторонѣ переплета глаголическаго Евангелія г. Севастьянова.

«4) Десять страницъ изъ пергаменнаго Евангелія XVI вѣка, на болгарскомъ языкѣ, прекрасно сохранившагося въ монастырѣ Эсфигмена; краснваго и правильнаго письма. Фотографическіе снимки уменьшены вполовину противъ подлинника. Кромѣ того изъ этого Евангелія сняты четыре евангелиста, лики которыхъ иллюминованы согласно подлиннику.

«5) Восемнадцать страницъ изъ другаго болгарскаго Евангелія, столь же замѣчательнаго, какъ и предъидущее. Это послѣднее Евангеліе находится въ столицѣ Аѳона-Карей, въ келліи, носящей названіе *типикарницы* отъ хранящагося въ ней типика (устава) св. Саввы архіепископа сербскаго. Сверхъ того изъ этого Евангелія скопировано и раскрашено 310 буквъ, изумительныхъ по неистощимому разнообразію рисунковъ.

«6) Двѣнадцать страницъ изъ болгарскаго Евангелія, находящагося въ скиту Богородицы; оттуда же сняты (прорисью) заглавныя буквы и превосходные арабески.

«7) Шестнадцать страницъ изъ Житія Святыхъ Отецъ Варлаама и Іосафата, съ раскрашенными рисунками.

«8) Восемь страницъ изъ Дѣяній Апостольскихъ, на славянскомъ языкѣ, XII столѣтія.

«9) Полный снимокъ съ Литургіи Іоанна Златоуста, для діакона, на славянскомъ языкѣ; подлинникъ есть пергаменный свитокъ XIV столѣтія.

«10) Восемь страницъ Слова Іоанна Златоуста, на греческомъ языкѣ; съ этой рукописи кромѣ того скопировано арабесковъ и буквъ, числомъ до 40.

«11) Восемнадцать страницъ изъ Сборника на греческомъ языкѣ.

«12) Пятьдесятъ страницъ изъ четырехъ греческихъ Евангелій неодинаковаго формата и различнаго времени; кромѣ того съ одного изъ нихъ скопировано до 40 буквъ и арабесковъ.

«13) Пять экземпляровъ типика св. Саввы Сербскаго. Подлинникъ —свитокъ XII вѣка.

«14) Снимки съ рукописи, въ листъ, на 295 страницахъ, заключающихъ въ себѣ: а) географію Птоломея съ 42 раскрашенными географическими картами, б) географію Страбона и в) Периплъ Арріана. Оригиналъ принадлежитъ Ватопедскому монастырю и по времени относится къ XII вѣку, слѣдовательно заключающіяся въ немъ географическія карты Птоломея гораздо древнѣе находящихся въ парижской императорской библіотекѣ, которыя принадлежатъ къ XV столѣтію. Изъ этой рукописи географія Птоломея снята вполнѣ (110 страницъ), притомъ карты раскрашены согласно съ оригиналомъ, а изъ географіи Страбона скопировано покуда еще только 44 страницы.

«15) Хрисовулъ (царскія и княжескія граматы съ золотыми печатями), сигиллій (граматы съ свинцовыми печатями, содержащія въ себѣ приказы царей и разныхъ владѣтелей) и другихъ актовъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ, изъ монастырей Зографскаго—15, Эсфигменскаго—36, Хиландарскаго—26 и Иверскаго—4. Кромѣ того граматъ русскихъ царей изъ Хиландарскаго монастыря—12.

«II. Снимки съ иконъ.

«Византійская живопись имѣетъ также своихъ представителей въ Сборникѣ г. Севастьянова, именно до пятидесяти большихъ, *скалькированныхъ* копій съ иконъ и фресокъ. Снятіе этихъ копій представляло очень много затрудненій. Въ большей части аѳонскихъ церквей господствуетъ такой сумракъ, что не только не представляется возможности употребить фотографическій аппаратъ, но едва можно различить покрывающія стѣны этихъ церквей изображенія, и потому, для снятія съ нихъ копій, г. Севастьяновъ употреблялъ особеннаго рода, такъ называемую, *стеклянную* бумагу прозрачную какъ слюда; на этой бумагѣ контуры дѣлались кистью, а потомъ уже переводились на тонкую восковую бумагу, особеннаго свойства, дозволяющую класть краски на сторонѣ противоположной карандашу, т. е. наоборотѣ. Снятыя, такимъ образомъ, на этой бумагѣ, копіи съ фресокъ и иконъ и называются *кальками* или *прорисью*. Всѣ надписи на иконахъ греческія; только на одной изъ нихъ (Богоматери млекопитательницы) есть и славянскія; но если справедлива древность этого образа, относимаго къ VI столѣтію, то конечно находящіяся на немъ славянскія буквы написаны позднѣе. Большая часть образовъ писана на холстѣ наклеенномъ на деревѣ или на деревянныхъ доскахъ красками, разведенными на желткѣ (a tempera). Скалькированная стѣнная живопись въ церкви Иротата относится, по предположенію, къ XVI или XVII столѣтію, хотя нѣкоторые и приписываютъ ее Панселину, жившему въ XII вѣкѣ; къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ, штукатурка на стѣнахъ отстала и обвалилась.

«III. Изображеніе церковной утвари.

«Въ этомъ отдѣлѣ Аѳонскаго Сборника г. Севастьянова мы находимъ фотографическія изображенія крестовъ, лампадъ, кадильницъ, понагій, окованныхъ переплетовъ, жезловъ св. отецъ и проч.; рельефно сдѣланные снимки съ образовъ металлическихъ и разныхъ деревянныхъ и т. п.

«и IV. Виды Св. Горы Аѳонской; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы уже познакомили нашихъ читателей въ шестомъ нумерѣ «Русскаго Художественнаго Листка».

«Въ заключеніе приведемъ изъ записки, читанной г. Севастьяновымъ, въ собраніи Парижской Академіи Надписей и Словесности, нѣсколько предположеній нашего соотечественника, относительно примѣненія фотографіи къ снятію копій съ рукописей:

«Въ различныхъ библіотекахъ, говоритъ онъ, существуетъ значительное число рукописей драгоцѣнныхъ и иногда единственныхъ. Эти сокровища науки часто невѣдомыя публикѣ и даже археологамъ и библіофиламъ, много бы выиграли, еслибъ были болѣе извѣстны и окончательно пріобрѣтены для науки и застрахованы отъ гибели.

полезно ли было бы каждой европейской библіотекѣ ...графическое отдѣленіе, для воспроизведенія всего, что ...ѣннѣйшаго, и послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ ...ный обмѣнъ снимковъ?—Тогда каждая библіо... ...е, что есть замѣчательнѣйшаго въ мірѣ; бы... ...случай непредвидѣнной утраты рукописи и ... бы излишніе снимки обращать въ продажу. Еще ... бы, еслибъ снимки эти были воспроизводимы лито..., которая обходится вдесятеро дешевле фотографіи, что ...зможность и самымъ скромнымъ, по состоянію, ученымъ ...сти для ихъ кабинетовъ и имѣть всегда подъ руками точныя ...роизведенія библіографическихъ рѣдкостей. Это былъ бы для ...рхеологіи столь же важный переворотъ, какой произвело книгопе...чатаніе для литературы и наукъ.

«Можно надѣяться, что сами правительства, имѣя въ виду пользу науки и искусства, окажутъ содѣйствіе этому дѣлу, тѣмъ болѣе, что фотографъ воспроизводитъ снимки издали, не касаясь оригинала и слѣдовательно не подвергая его никакой порчѣ.

«Что касается до монастырскихъ библіотекъ въ Европѣ и Азіи, то воспроизведеніе ихъ рѣдкостей тѣмъ болѣе превышаетъ средства одного человѣка. Для предпріятія въ столь обширномъ размѣрѣ необходимо соединеніе ученыхъ и фотографовъ; надлежитъ также имѣть значительныя суммы для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріаловъ и перевозки ихъ. Если предпріятіе признано будетъ полезнымъ, почему бы правительству или ученымъ обществамъ не снаряжать ученохудожественныхъ экспедицій, результаты которыхъ могутъ быть столь важны для науки?.....»

Нельзя не пожелать полнаго успѣха г. Севастьянову въ его будущихъ трудахъ.

Публичныя лекціи нынѣшнюю зиму въ величайшемъ ходу въ Петербургѣ. Кромѣ популярныхъ чтеній въ залѣ Пасажа по механикѣ, ботаникѣ, физіологіи, химіи и физикѣ, —Торговый домъ гг. Струговщикова, Пахитонова и Водова, все болѣе и болѣе расширяя свое полезное и заслуживающее полнаго сочувствія предпріятіе, открылъ съ первой недѣли поста еще новыя лекціи: 1) о геогнозіи и 2) приспособленныя собственно къ дѣтскимъ понятіямъ, элементарныя чтенія объ устройствѣ міра вообще и въ особенности о живыхъ существахъ, населяющихъ землю, о животныхъ и растеніяхъ.

Геогнозію читаетъ магистръ и приватъ-доцентъ с.-петербургскаго университета г. Пузыревскій. Элементарныя чтенія для дѣтей магистръ петербургскаго университета г. Михайловъ. Двѣ прочитанныя лекціи г. Пузыревскаго отличались совершенно популярнымъ и яснымъ изложеніемъ этой занимательной науки. Въ первой

лекціи онъ представилъ краткій очеркъ геологіи и ея исторіи. На второй лекціи онъ говорилъ: о водѣ, сушѣ, очертаніи материка, о высотахъ, о низменностяхъ, о распредѣленіи горъ, о составѣ морской воды, о происхожденіи рѣкъ и источниковъ.

Дѣтскихъ лекцій мы еще не имѣли случай слышать, но взрослые отзываются объ нихъ съ большою похвалою.

Вообще нельзя не порадоваться полезному предпріятію гг. Струговщика, Пахитонова и Водова и нельзя не пожелать искренно, чтобы это предпріятіе было поддержано петербургскою публикою...

Скоро должны открыться лекціи... для кавалеристовъ и вообще любителей верховой ѣзды въ манежѣ князя Меншикова. Лекціи эти будетъ читать подполковникъ А. А. Панаевъ.... Вотъ что говоритъ онъ въ разосланномъ имъ объявленіи:

«Постоянныя, исключительныя занятія мои изученіемъ природы лошади и изысканіемъ раціональнаго пути развитія ея естественныхъ способностей привели меня къ убѣжденію, что распространеніе въ публикѣ результатовъ моихъ трудовъ и наблюденій можетъ принести существенную пользу какъ самому дѣлу, такъ и всѣмъ интересующимся этимъ предметомъ, и наконецъ всѣмъ потребителямъ лошадей.

«Съ этою цѣлью я испросилъ у его свѣтлости, князя Александра Сергѣевича Меншикова, разрѣшеніе открыть въ принадлежащемъ ему манежѣ *публичныя чтенія объ искусствѣ образованія и употребленія лошади, въ обширномъ смыслѣ*.

«По возможности простое, для всѣхъ удобопонятное изложеніе ихъ будетъ сопровождаться практическими объясненіями процесса работы на самой лошади и необходимыми доказательствами при каждомъ, даже мелочномъ, обстоятельствѣ.

«По содержанію своему чтенія эти раздѣлятся на два рода: первыя будутъ заключать въ себѣ *систематическое изложеніе предмета*; вторыя—исключительно будутъ посвящены на *разрѣшеніе* и объясненіе, предлагаемыхъ мнѣ посѣтителями, различныхъ *вопросовъ на данные случаи*, въ предѣлахъ моей спеціальности».

Первая лекція г. Панаева была 16 марта, при многочисленномъ стеченіи любителей ѣзды....

Г. Сюзоръ началъ въ нынѣшнемъ году свои чтенія о французской литературѣ, въ залѣ 2-й гимназіи 15 марта.—Всего онъ предполагаетъ четыре чтенія.

Въ Петербургѣ находится съ нѣкотораго времени доминиканецъ *Сойяръ*, который въ католической церкви св. Екатерины каждое воскресенье произноситъ то, что у насъ называютъ проповѣдями, или вѣрнѣе краснорѣчивыя рѣчи, въ которыхъ между прочимъ, разумѣется, съ католической точки зрѣнія, затрогиваются нѣкоторые

изъ важныхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ г. Сойяръ посвятилъ одну изъ своихъ рѣчей вопросу о трудѣ (Le Travaille). Пріѣзжій ораторъ имѣетъ нѣкоторый успѣхъ, его стекаются слушать, о немъ говорятъ въ обществахъ, многія дамы отъ него въ восторгѣ, даже нѣкоторые кавалеры завели объ немъ полемику въ журналахъ.... Какой-то ветеранъ и патріотъ (изъ тѣхъ, которые бьютъ себя въ грудь и кричатъ на всѣхъ перекресткахъ о своемъ патріотизмѣ) испугался, говорятъ, за своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ и страшно отдѣлалъ.... перомъ своимъ католическаго оратора, боясь, что онъ всѣхъ насъ совратитъ съ пути истины, что всѣ мы покоримся его удивительному краснорѣчію.... Но хотя г. Сойяръ обладаетъ звучнымъ и громкимъ голосомъ, которымъ онъ пользуется съ нѣкоторою кокетливостію, искусно возвышая и понижая его; хотя онъ для большаго эфекта сопровождаетъ свои цвѣтистыя, риторическія фразы живописными тѣлодвиженіями, и тому подобное... его католическая логика не поколеблетъ насъ русскихъ, которые изъ любопытства забѣжимъ посмотрѣть на него.... Такого рода краснорѣчіе можетъ развѣ подѣйствовать и то не надолго на двухъ или трехъ нервическихъ женщинъ, и мы упомянули о г. Сойярѣ только потому, что нѣкоторые изъ добродушныхъ людей приняли его краснорѣчіе болѣе серьёзно, чѣмъ оно того заслуживаетъ....

Мы уже не разъ говорили о ежедневно размножающихся и въ Петербургѣ и въ Москвѣ новыхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ числѣ ихъ надо отличить появившуюся въ Москвѣ еженедѣльную литературную и политическую газету, подъ названіемъ «Московскій Вѣстникъ», всѣмъ доступную по цѣнѣ. (Цѣна ея въ Москвѣ 4 р., съ пересылкою въ другіе города имперіи 5 р.).

Полученные нами до селѣ пять нумеровъ представляютъ чтеніе чрезвычайно разнообразное, занимательное и дѣльное. Видно, что редакція, проникнутая благородными и честными убѣжденіями, вполнѣ и серьёзно понимаетъ свое дѣло. Статья, служащая введеніемъ, къ политическому отдѣлу, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о прошедшемъ десятилѣтіи» замѣчательна по своему свѣтлому взгляду на политическія событія... Не менѣе замѣчательна другая политическая статья: «Нѣсколько замѣчаній по поводу реформы парламента въ Англіи».

Литературный отдѣлъ представилъ уже нѣсколько небольшихъ, но замѣчательныхъ произведеній: въ 1-мъ № помѣщенъ превосходный отрывокъ изъ неизданнаго романа И. С. Тургенева: «Собственная господская контора»; во 2-мъ №—мастерской очеркъ г. Оптухина, подъ названіемъ: «Клехатуха»; въ 3-мъ №—очень живой, остроумный разсказъ о нѣкоемъ генералѣ Зубатовѣ изъ книги объ умирающихъ

г. Щедрина, а въ 4-мъ и 5-мъ №№ — два стихотворенія, прекрасно переведенныя съ малороссійскаго языка г. Плещеевымъ....

Нельзя не порадоваться появленію этой газеты, которую мы привѣтствуемъ отъ всей души и которой желаемъ полнаго и прочнаго успѣха, считая долгомъ обратить на нее особенное вниманіе публики.

На дняхъ появились въ Петербургѣ три тома новаго изданія Сочиненій А. С. Пушкина (томы 2, 3 и 4). Во второмъ томѣ помѣщены поэмы, сказки и пѣсни Западныхъ Славянъ; въ третьемъ — Евгеній Онѣгинъ и Драматическія произведенія; въ четвертомъ — записки, замѣтки, романы и повѣсти. Все изданіе будетъ заключаться въ шести томахъ,—остальные три выйдутъ въ непродолжительномъ времени.— Форматъ—большой in-8, изданіе очень красиво и удобно Издатель г. Исаковъ (Я. А.) добросовѣстно выполняетъ свое дѣло—и это неудивительно, потому что Я. А. Исаковъ—одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и честнѣйшихъ нашихъ книгопродавцевъ.

Вышла третья тетрадь портретной галлереи, издаваемой г. *Мюнстеромъ*. Въ ней помѣщены четыре портрета: *И. С. Тургенева*, *И. А. Гончарова*, *А. Ф. Писемскаго* и *г. Костомарова*.—Изданіе г. Мюнстера улучшается съ каждымъ выпускомъ и мы можемъ смѣло рекомендовать его нашимъ читателямъ.

Г. Теофиль Готье уѣхалъ въ Парижъ до іюня мѣсяца; въ іюнѣ онъ снова вернется въ Петербургъ, чтобы заняться окончаніемъ большаго труда, предпринятаго имъ, который долженъ выйти въ свѣтъ, подъ названіемъ: «Сокровища искусства въ Россіи» (Les trésors d'art de la Russie) съ фотографическими снимками съ замѣчательныхъ картинъ императорскаго эрмитажа. Для этого уже пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый французскій фотографъ г. Ришебургъ (Richebourg).

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы извѣщали нашихъ читателей о продающемся любопытномъ собраніи автографовъ.

Намъ пріятно извѣстить, что это собраніе пріобрѣтено уже просвѣщеннымъ начальствомъ Императорской Публичной Библіотеки, которое просило насъ извѣстить, что тѣ изъ автографовъ помянутаго собранія, которыхъ въ библіотекѣ еще не было, будутъ присоединены къ ея выставкѣ автографовъ, открытой для обозрѣнія публики по воскресеньямъ и вторникамъ, въ часъ пополудни....

Въ заключеніе мы разскажемъ объ обѣдѣ, который данъ былъ въ честь г. Мартынова, 10 марта.

Около 5 часовъ въ большой залѣ ресторана Мартена (Люссо) собрались до 40 человѣкъ литераторовъ и почитателей Мартынова, на дняхъ отправляющагося за границу, чтобы выразить ему, какъ горячо и искренно цѣнятъ они его великій талантъ, его честное слу-

женіе искусству, его независимый и безукоризненный характеръ и пожелать ему добраго пути и полнаго возстановленія его разстроеннаго здоровья.... Мартыновъ пріѣхалъ къ 5 часамъ и былъ встрѣченъ единодушнымъ восторгомъ.—Обѣдъ очень былъ оживленъ. Въ концѣ его г. Дружининъ обратился къ Мартынову съ слѣдующимъ словомъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ:

«Александръ Евстаѳьевичъ!

«Уже много лѣтъ, какъ мы всѣ, здѣсь собравшіеся чтители высокаго дарованія вашего, слѣдимъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ за вашею артистическою дѣятельностью. Мы чтимъ въ васъ не только артиста, одареннаго высокимъ талантомъ, но и мужественнаго бойца за честь русскаго искусства, такъ часто увлекаемаго на ложную дорогу. Мы видимъ въ васъ художника съ здравымъ и возвышеннымъ направленіемъ, художника русскаго по твердости, русскаго по неуклонному своему постоянству. Въ другихъ странахъ Европы великіе артисты имѣютъ за себя богатую драматическую литературу, сотни ролей, исключительно для нихъ написанныхъ лучшими писателями,—наконецъ публику, воспитанную на строгихъ идеяхъ изящнаго. Вамъ судьба назначила дѣйствовать въ другой сферѣ. Наша сценическая литература не богата, немногіе изъ лучшихъ писателей нашихъ трудятся для театра. Наперекоръ всѣмъ невыгоднымъ и подчасъ невыносимымъ условіямъ, — вы честно дѣлали свое дѣло и ни шагу не отступили передъ трудностями, васъ окружавшими. Можетъ быть, самый этотъ гнетъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ былъ плодотворенъ для вашего генія, для того внутренняго огня, который вы навсегда сохранили въ своемъ сердцѣ. Русскому дарованію необходимы борьба и могучій трудъ—вся исторія нашего искусства служитъ подтвержденіемъ этой истинѣ.

«Примите же, нашъ высокоталантливый другъ, выраженіе искренняго поздравленія по поводу послѣднихъ заслугъ вашихъ. Настоящій годъ будетъ памятенъ въ лѣтописяхъ русскаго театра, благодаря ролямъ, истинно *созданнымъ* вами на удивленіе всѣмъ поклонникамъ вашимъ. Мы здѣсь въ своей семьѣ, и потому не нуждаемся ни въ какихъ льстивыхъ выраженіяхъ. Искренности привѣта нашего вы заподозрить не можете. А потому вы смѣло повѣрите голосу людей, изъ которыхъ всѣ душой цѣнятъ сценическое искусство, а многіе видали блистательнѣйшихъ его представителей на всѣхъ театрахъ Европы. По нашему искреннему и нелицемѣрному мнѣнію, — въ ряду современныхъ артистовъ, вы стоите *первымъ между первыми*. И въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи вы можете встрѣтить достойнаго соперника, — но не найдете ни одного побѣдителя.

«Берегите же себя для славы нашего роднаго театра. Храните свое здоровье и свой талантъ, какъ нашу общую драгоцѣнность,— и пусть судьба пошлетъ вамъ сладкіе мѣсяцы отдыха подъ чужимъ небомъ, послѣ честнаго и славнаго труда, за который, въ лицѣ нашемъ, благодаритъ васъ всѣ чтители изящнаго въ нашемъ отечествѣ!»

Привѣтъ этотъ встрѣченъ былъ и прерываемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ жаркими рукоплесканіями и послѣ него провозглашенъ былъ тостъ Мартынова.

Вслѣдъ затѣмъ представитель нашей драматической литературы въ сію минуту, писатель, поддерживающій послѣ Гоголя честь русскаго репертуара, обратился къ Мартынову и произнесъ голосомъ, исполненнымъ глубокаго чувства:

«Александръ Евстаѳьевичъ! Публика васъ цѣнитъ и любитъ; каждая новая роль ваша для публики новое наслажденіе, а для васъ новая слава; вы постоянно слышите громкія выраженія восторга, вызваннаго вашимъ дарованіемъ и тридцатилѣтнимъ честнымъ служеніемъ искусству; вы наконецъ накопили столько пріятныхъ ощущеній въ зрителяхъ, что они сочли долгомъ выразить вамъ лично и торжественно свою благодарность, за тѣ минуты наслажденія, которыхъ вы были виновникомъ: но въ огромномъ числѣ почитателей вашего таланта есть нѣкоторые,—ихъ у насъ очень не много, — которымъ ваши успѣхи ближе къ сердцу, которымъ ваша слава дороже, чѣмъ кому нибудь, это—драматическіе писатели, отъ лица которыхъ я беру на себя пріятную обязанность принести вамъ искреннюю благодарность.

«Можно угодить публикѣ, угождать ей постоянно, не удовлетворяя нисколько автору; примѣры этому мы видимъ часто. Но ни одинъ изъ русскихъ драматическихъ писателей не можетъ упрекнуть васъ въ этомъ отношеніи. Этого мало, каждый изъ насъ, я думаю, долженъ признаться, что игра ваша всегда была одною изъ главныхъ причинъ успѣха нашихъ пьесъ на здѣшней сценѣ. Вы не старались выиграть въ публикѣ на счетъ пьесы, напротивъ — успѣхъ вашъ и успѣхъ пьесы были всегда неразрывны. Вы не оскорбляли автора, вырывая изъ ролей серьёзное содержаніе и вставляя, какъ въ рамку, свое, большею частію характера шутливаго, чтобъ не сказать рѣзче. Ваша художественная душа всегда искала въ роли правды и находила ее часто въ однихъ только намекахъ; вы помогали автору; вы угадывали его намѣренія, иногда неясно и неполно выраженныя; изъ нѣсколькихъ чертъ, набросанныхъ неопытной рукой, вы создавали оконченные типы, полные художественной правды. Вотъ чѣмъ вы и дороги авторамъ; вотъ отчего и не мыслима постановка ни одной сколько нибудь серьёзной пьесы на петербургской сценѣ безъ

вашего участія; вотъ отчего, даже при самомъ замыслѣ сценическаго произведенія, каждый писатель непремѣнно помнитъ о васъ и заранѣе готовитъ для вашего таланта мѣсто въ своемъ произведеніи, какъ вѣрное ручательство за будущій успѣхъ. Поблагодаримъ васъ и за то, что вы избѣжали искушенія, которому часто поддаются комики, искушенія тѣмъ болѣе опаснаго, что оно льститъ скорымъ, безъ труда достающимся успѣхамъ:—вы никогда не прибѣгали къ фарсу, чтобы вызывать у зрителей пустой и безплодный смѣхъ, отъ котораго ни тепло, ни холодно. Вы знаете, что кромѣ минутной веселости, фарсъ ничего не оставляетъ въ душѣ, а продолжительный или часто повторяемый — доставляетъ актёру въ лучшей публикѣ вмѣсто уваженія—чувство противоположное.

«Наконецъ, самую большую благодарность должны принести вамъ мы, авторы новаго направленія въ нашей литературѣ, за то, что вы помогали намъ отстаивать самостоятельность русской сцены. Наша сценическая литература еще бѣдна и молода—это правда; но съ Гоголя она стала на твердой почвѣ дѣйствительности и идетъ по прямой дорогѣ. Если еще и мало у насъ полныхъ, художественно законченныхъ произведеній, за то уже довольно живыхъ, цѣликомъ взятыхъ изъ жизни типовъ и положеній, чисто русскихъ, только намъ однимъ принадлежащихъ; мы уже имѣемъ всѣ задатки нашей самостоятельности. Отстаивая эту самостоятельность, работая вмѣстѣ съ нами для оригинальной комедіи и драмы, вы заслуживаете отъ насъ самаго горячаго сочувствія, самой искренней благодарности. Если бы новое направленіе, встрѣтившее на сценѣ огромный переводный репертуаръ, не нашло сочувствія въ артистахъ, дѣло бы было сдѣлано только въ половину. Ваше художественное чувство указало вамъ, что въ этомъ направленіи правда и вы горячо взялись за него. Пріобрѣтя извѣстность репертуаромъ переводнымъ, вы не смотрите съ неудовольствіемъ на новыя произведенія, — вы знаете, что переводы эфемерныхъ французскихъ произведеній не обогатятъ нашей сцены, что они только удаляютъ артистовъ отъ дѣйствительной жизни и правды, что успѣхъ ихъ въ неразборчивой публикѣ только вводитъ нашихъ артистовъ въ заблужденіе на счетъ ихъ способностей, и рано или поздно имъ придется разочароваться въ этомъ заблужденіи. Несмотря на всѣ старанія, на всю добросовѣстность исполненія переводныхъ пьесъ, нашимъ артистамъ никогда не избѣжать смѣси французскаго съ нижегородскимъ. Переводныя пьесы намъ нужны, безъ нихъ нельзя обойтись; но не надо забывать также, что они для насъ дѣло второстепенное, что они для насъ роскошь; а насущная потребность наша въ родномъ репертуарѣ. Честь и слава вамъ, Александръ Евстаѳьевичъ! Вы поняли отно-

шеніе переводнаго репертуара къ родному и пользуетесь тѣмъ и другимъ съ одинаковымъ успѣхомъ.

«Вы ѣдете запасаться здоровьемъ. Счастливаго вамъ пути! Запасайтесь имъ какъ можно болѣе! Для насъ, драматическихъ писателей оно дороже, чѣмъ для кого нибудь. Вѣрьте, что между искренними желаніями вамъ долгихъ дней, желанія наши самыя искреннія.

«Гг! Я предлагаю выпить еще разъ за здоровье Александра Евстаѳьевича».

Эта рѣчь Островскаго произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ и глубоко разстрогала артиста, который со слезами на глазахъ, произнесъ нѣсколько словъ, въ которыхъ онъ изъявилъ свою благодарность всѣмъ присутствовавшимъ за ихъ дружеское, радушное расположеніе къ нему.

Въ заключеніе обѣда Некрасовъ произнесъ Мартынову слѣдующіе стихи:

Со славою прошелъ ты полдороги,
Полпоприща ты доблестно свершилъ,
Мы молимъ одного: чтобъ даровали боги
Тебѣ на долго крѣпость силъ!
Чтобъ въ старости, былое вспоминая,
Могли мы повторять, смѣясь:
«А помнишь ли, гурьба какая
«На этотъ праздникъ собралась?
«Тутъ не было ни почестей народныхъ,
«Ни громкихъ хвалъ, — однимъ онъ дорогъ былъ:
«Свободную семью людей свободныхъ
«Мартыновъ вкругъ себя въ тотъ день соединилъ!
«И чѣмъ же, чѣмъ? Ни подкупа, ни лести
«Тутъ и слѣда никто не могъ бы отыскать!...»
Мы знаемъ всѣ: ты стоишь большей чести,
Но мы даемъ, что можемъ дать!

Стихи эти, при громкихъ рукоплесканіяхъ, были повторены по желанію Мартынова и по общему востребованію.

Послѣ обѣда поднесенъ былъ Мартынову альбомъ фотографическихъ портретовъ всѣхъ присутствовавшихъ литераторовъ, превосходно выполненныхъ лучшимъ петербургскимъ фотографомъ г. *Деньеромъ*. Г. Деньеръ, также присутствовавшій на этомъ обѣдѣ, поднесъ съ своей стороны Мартынову—мастерски снятый портретъ съ Ольриджа въ ролѣ «Лира».

Этотъ артистическій праздникъ надолго сохранится въ памяти артиста, въ честь котораго онъ былъ устроенъ, и въ памяти всѣхъ насъ—почитателей его великаго таланта....

О СРЕДСТВАХЪ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ГРАМОТНОСТИ.

Въ настоящее время кончились у насъ всѣ споры о грамотности (споры только *у насъ* и возможные); всѣ согласились въ необходимости ея и многіе стали указывать на разныя средства для ея распространенія. Самое лучшее средство, конечно, — учрежденіе возможно-большаго числа мужскихъ и женскихъ народныхъ школъ. А какъ учрежденіе школъ требуетъ большихъ издержекъ, а правительство наше, принимая всѣ зависящія отъ него мѣры, стѣсняется матеріальными средствами; (*) то многіе начали указывать и на источники средствъ. Одни совѣтуютъ открыть всеобщую подписку; другіе — образовать сельскихъ учителей изъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ, пополамъ съ правительствомъ; третьи находятъ возможнымъ обойтись пока безъ учителей, поруча народное образованіе сельскому духовенству и. т. д. Всѣ эти проэкты неудобоисполнимы на практикѣ и дадутъ далеко не тѣ результаты, какихъ отъ нихъ ожидаютъ: пожертвованіями можно собрать тысячи, пожалуй, десятки тысячъ руб., а нужны милліоны; обязывать исключительно помѣщиковъ къ пожертвованіямъ для народнаго образованія, при уничтоженіи крѣпостнаго права, было бы несправедливо; духовенство, живущее всегда при церквахъ, можетъ быть полезно только жите-

(*) Журн. М. Н. Пр. іюль 1857 г. «Отчетъ М. Н. Пр. за 1856 г.» стр. 135 — 138.

лямъ ближайшихъ къ нимъ деревень, да и не имѣетъ достаточныхъ педагогическихъ свѣдѣній.... Мнѣ кажется, что лучше всѣхъ этихъ мѣръ было бы *освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія грамотныхъ людей податныхъ сословій*.

Чтобы отличить грамотныхъ людей отъ неграмотныхъ, нужно будетъ, разумѣется, выдавать первымъ свидѣтельства въ знаніи грамоты (отъ школъ или особыхъ, именно для этого учрежденныхъ, комитетовъ). Взимая при выдачѣ ихъ извѣстную плату — напр. хоть по 5 руб. за каждое, — правительство легко можетъ получить значительныя суммы (*), которыя съ распространеніемъ грамотности будутъ увеличиваться, — и суммы эти можетъ, нисколько не стѣсняя себя, употреблять на учрежденіе народныхъ школъ.

Предоставляя средства для учрежденія школъ, мѣра эта въ тоже время послужитъ и поощреніемъ къ ученію: народъ, видя, что именно ученію онъ обязанъ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, будетъ учиться гораздо охотнѣе.

Плата за свидѣтельства, не будучи обязательною, не составитъ налога и слѣдовательно не можетъ быть обременительна для народа.

Предоставленіе правъ учащимся у насъ не новость: Императоръ Николай I предоставилъ лицамъ всѣхъ сословій, получившимъ ученыя степени, гораздо больше не только личныхъ, но и служебныхъ правъ, которыя теперь распространены и на евреевъ (*).

Мѣра эта не можетъ послужить къ ослабленію власти: власть, необходимость которой сознается, конечно, прочнѣе власти, поддерживающейся матеріальной силой. Притомъ тѣлесное наказаніе допускается не столько потому, что оно не замѣнимо, сколько съ цѣлью знакомить массу народа съ властью и карательными законами,—такъ какъ при безграмотности народа для этого нѣтъ никакихъ другихъ средствъ.

Число преступленій отъ этого не увеличится, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить статистика преступленій любаго государства, показывая, какъ ничтожно число грамотныхъ преступниковъ въ сравненіи съ числомъ неграмотныхъ. Да и странно было бы предполагать, что освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія низшихъ сословій увеличитъ число преступленій, когда этого не было у насъ при ос-

(*) Въ низшихъ сословіяхъ теперь немало найдется грамотныхъ людей особенно между горожанами.

(*) Журн. М. Н. Пр. іюль 1857 г. «Отчетъ М. Н. Пр.» стр. 112

вобожденіи дворянства и купечества первыхъ двухъ гильдій: оба эти сословія въ эпохи своего освобожденія едва ли выше стояли въ умственномъ и нравственномъ развитіи, нежели грамотные люди низшихъ сословій въ наше время.

Наконецъ, если въ народныхъ школахъ не будутъ употребляться тѣлесныя наказанія, то народъ, не привыкая къ нимъ съ дѣтства, еще легче будетъ обходиться безъ нихъ въ зрѣломъ возрастѣ.

А. САПОЖНИКОВЪ.

ОТЧЕТЪ

С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА 1858 ГОДЪ.

---

8 февраля происходилъ годичный актъ петербургскаго университета. На немъ прочтенъ былъ отчетъ университета за прошлый годъ, составленный ректоромъ его, П. А. Плетневымъ. Въ нынѣшнемъ году исполнилось сорокъ лѣтъ существованія университета, и это подало поводъ почтенному составителю отчета бросить бѣглый взглядъ на прошедшую жизнь этого заведенія. Взглядъ этотъ приводитъ автора къ мысли, что и здѣсь отражается общій законъ, по которому все, преобладающее въ обществѣ, отражается и на характерѣ и дѣятельности университета. «Иначе и быть не можетъ, замѣчаетъ онъ: частица массы, размѣщающаяся въ опредѣленные часы по аудиторіямъ, сочувствуетъ духу и направленію цѣлаго. Эта всесильная жизнь, обнимающая современное общество, каждаго изъ насъ проникаетъ своимъ дыханіемъ». Замѣчаніе это, — къ несомнѣнному удовольствію всякаго, истинно любящаго жизнь науки, — въ значительной степени примѣняется ко всѣмъ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, а въ числѣ ихъ и къ петербургскому университету. Въ самомъ дѣлѣ — сочувствіе общественнымъ интересамъ и живое общеніе съ ними одни только и могутъ придать наукѣ истинную полезность и сдѣлать ее интересною и нужною для общества. Пока она плаваетъ въ отвлеченностяхъ, погружается въ схоластику, растрачивается въ безплодной діалектикѣ, до тѣхъ поръ она и не имѣетъ права требовать, чтобы общество интересовалось ею. Къ счастію, у насъ большая часть учебныхъ заведеній вышла уже изъ

этого мертвеннаго состоянія, и уже очень рѣдки такіе наставники и начальники училищъ, которые бы вздумали защищать *застой* и *отчужденіе* науки отъ общества. И конечно ужь не въ числѣ людей, знакомыхъ съ университетомъ, могутъ попасться такіе неразумные консерваторы и аскеты схоластики....

При пробужденіи общаго стремленія къ образованію, Петербургскій университетъ также разширилъ въ послѣднее время кругъ своей дѣятельности. По Высочайшему разрѣшенію онъ отправилъ уже нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ за границу; профессора читали публичныя лекціи; число слушателей въ самомъ университетѣ увеличилось. Такъ теперь находятся за границею: магистръ русской словесности — *Пыпинъ* и кандидатъ естественныхъ наукъ—*Гофманъ*, «*для продолженія своихъ ученыхъ трудовъ*». Кромѣ того, въ маѣ 1858 г. отправился за границу адъюнктъ по каѳедрѣ русской словесности въ университетѣ—Сухомлиновъ, «который съ тѣхъ поръ *занимается пріобрѣтеніемъ необходимыхъ для него новыхъ знаній*». Публичныя лекціи, устроенныя Торговымъ домомъ Струговщикова, Пахитонова и Водова,—читали профессора Ценковскій и Ленцъ. Кромѣ того, въ пользу бѣдныхъ студентовъ — читали лекціи профессора Никитенко и Стасюлевичъ, о которыхъ уже было говорено въ нашемъ журналѣ. Число слушателей въ университетѣ увеличилось *до тысячи*, такъ что, по замѣчанію отчета, петербургскій университетъ сравнялся въ этомъ отношеніи съ московскимъ. Въ Москвѣ считается до 2,000 студентовъ; но изъ нихъ половина должна быть отдѣлена на медицинскій факультетъ, котораго здѣсь не существуетъ. Увеличеніе числа желающихъ поступить въ университетъ дало возможность начальству быть болѣе разборчивымъ и строгимъ при пріемныхъ экзаменахъ. При началѣ нынѣшняго академическаго года цѣлая *треть* изъ общаго числа желавшихъ поступить въ университетъ не была принята. За то при окончаніи выпускныхъ экзаменовъ въ 1858 г. *двѣ трети* кончившихъ курсъ получили степень кандидата.

Въ заключеніе приведемъ одинъ фактъ, свидѣтельствующій о новомъ проявленіи стремленія къ университетскому образованію, въ одномъ изъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Вотъ слова отчета:

«Въ память заключеннаго генералъ-адъютантомъ *графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ* Айгунскаго трактата 16 мая 1858 года, тамошнее купечество между прочимъ положило: «Воспитывать на «свой счетъ пятнадцать лѣтъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, «по факультету восточныхъ языковъ, двухъ лучшихъ учениковъ, «кончившихъ полный курсъ въ Иркутской губернской гимназіи и «изъявившихъ на то полное согласіе, на слѣдующихъ условіяхъ: 1)

воспитанники именуются пансіонерами графа Николая Муравьева-Амурскаго; 2) они отправляются изъ гимназіи въ университетъ черезъ каждыя пять лѣтъ по два; 3) въ воспитанники избираются, изъявившіе согласіе, лучшіе ученики гимназіи, отличающіеся какъ способностями, такъ и поведеніемъ, безъ различія ихъ происхожденія, племени и вѣроисповѣданія: кромѣ этого, выборъ воспитанниковъ предоставляется также личному усмотрѣнію его сіятельства графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго; 4) при избраніи въ число пансіонеровъ, отдается, при исчисленныхъ условіяхъ, преимущество неимущему предъ имущимъ; 5) воспитанники, отправляемые въ С.-Петербургъ, будутъ преимущественно изучать китайскій и манчжурскій языки, а также одинъ изъ иностранныхъ языковъ, по выбору, англійскій или французскій, преимущественно же первый; 6) въ случаѣ смерти пансіонера, или другихъ причинъ, не дозволившихъ съ успѣхомъ окончить университетскій курсъ, факультетъ восточныхъ языковъ избираетъ изъ студентовъ китайско-манчжурскаго разряда одного изъ способнѣйшихъ и изъявившихъ согласіе и зачисляетъ его вмѣсто выбывшаго, съ обязательствомъ принять всѣ условія, постановленныя для пансіонеровъ графа Николая Муравьева-Амурскаго; 7) если бы на мѣсто выбывшаго пансіонера, по какому либо случаю, не нашлось кандидата, то совѣтъ университета относится чрезъ генералъ-губернатора Восточной Сибири въ Иркутскую гимназію, которая избираетъ одного воспитанника изъ кончившихъ гимназическій курсъ учениковъ и отправляетъ его въ университетъ; 8) по окончаніи полнаго пятилѣтняго университетскаго курса и полученіи ученой степени, пансіонеры обязаны прослужить не менѣе четырехъ лѣтъ, по назначенію правительства, на Амурѣ, или въ другихъ мѣстахъ, для сношеній съ Манчжуріею, или Китаемъ; наконецъ 9) необходимая на содержаніе пансіонеровъ сумма должна быть опредѣлена совѣтомъ С.-Петербургскаго университета, и будетъ уплачиваться кяхтенскимъ купечествомъ ежегодно.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОЧИНЕНІЯ В. БѢЛИНСКАГО.

Въ литературѣ нашей не можетъ быть новости отраднѣе той, которая теперь только-что явилась къ намъ изъ Москвы. Наконецъ сочиненія Бѣлинскаго издаются! Первый томъ уже напечатанъ и полученъ въ Петербургѣ; слѣдующіе, говорятъ, не замедлятъ. Наконецъ-то! Наконецъ-то!...

Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно ни развилась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славой, ея украшеніемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознается, что значительной частью своего развитія обязанъ, непосредственно или посредственно, Бѣлинскому.... Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому геніальному человѣку, и конечно — это лучшіе люди Россіи!...

Для нихъ навѣрно ни одна изъ нашихъ новостей не могла быть столь радостною, какъ изданіе сочиненій Бѣлинскаго. Давно мы ждали его, и наконецъ дождались! Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ снова напомнятъ намъ его статьи,—тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ, беззавѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности, и искренно надѣялись встрѣтить

когда нибудь такихъ людей, и восторженно обѣщали посвятить себя самихъ такой дѣятельности....

Россія еще мало знаетъ Бѣлинскаго. Онъ рѣдко подписывалъ подъ статьями свою фамилію, и теперь, при изданіи его сочиненій, оказалось, что даже литераторы не могли навѣрное указать всѣхъ статей, имъ писанныхъ. Многіе изъ читателей узнали его имя болѣе по статьямъ, писаннымъ о немъ уже послѣ его смерти. Но теперь, когда сочиненія его собраны и издаются, всѣмъ читателямъ представляется возможность ближе узнать этого человѣка, съ его взглядами и стремленіями, съ его вліяніемъ на всю нашу литературу послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Узнавши его, всѣ читатели убѣдятся, что многое, чѣмъ они восхищались у другихъ, принадлежитъ ему, вышло отъ него, — многія изъ истинъ, на которыхъ теперь опираются наши разсужденія, утверждены имъ, въ ожесточенной борьбѣ съ невѣжествомъ, ложью и злонамѣренностью своихъ противниковъ, при сонной апатіи равнодушнаго общества.... Да, въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же и исторія нашего общественнаго развитія....

«Современникъ» перешелъ въ руки нынѣшней редакціи при участіи Бѣлинскаго, и до своей смерти онъ не оставлялъ «Современника». «Современникъ» первый заговорилъ о Бѣлинскомъ, послѣ долгаго молчанія, — въ 1855 г... Идеи геніальнаго критика и самое имя его — были всегда святы для насъ, и мы считаемъ себя счастливыми, когда можемъ говорить о немъ. Поэтому, поспѣшивши сообщить читателямъ нашу радость объ изданіи его сочиненій, мы не отказываемся отъ права говорить о немъ подробнѣе, по поводу этого изданія, хотя многое уже высказано было о Бѣлинскомъ въ статьяхъ «О гоголевскомъ періодѣ литературы», въ «Современникѣ» 1856 г.

Въ первомъ, вышедшемъ теперь, томѣ сочиненій Бѣлинскаго помѣщены критическія и библіографическія статьи, печатанныя имъ въ «Молвѣ» и «Телескопѣ» 1834 и 1835 г. Изданіе, принадлежащее гг. Солдатенкову и Щепкину, очень опрятно, и цѣна назначена дешевая. Томъ въ 530 страницъ, въ обыкновенномъ форматѣ Щепкинскихъ изданій, стоитъ всего одинъ рубль; та же цѣна и за всѣ слѣдующіе томы. Нѣтъ сомнѣнія, что все изданіе разойдется быстро, хотя бы его было напечатано двадцать тысячъ экземпляровъ!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЛОЧИ ПРОШЛАГО ГОДА.

II.

— Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосѣичу чтобъ онъ козырялъ, — нѣтъ... А вѣдь, тутъ только козырни, — валетъ мой пикъ и беретъ...

— Позвольте, Иванъ Петровичъ, — валетъ не беретъ.

Гоголь.

Колоссальная фраза, выработанная въ послѣдніе годы нашими публицистами и приведенная нами въ концѣ прошедшей статьи, составляетъ еще не самую темную сторону современной литературы. Оттого наша первая статья имѣла еще характеръ довольно веселый. Но теперь, возобновляя свои воспоминанія о прошломъ годѣ, чтобы выставить на видъ нѣсколько литературныхъ мелочей, мы уже не чувствуемъ прежней веселости: намъ приходится говорить о фактахъ довольно мрачныхъ.

Прежде всего должны мы отмѣтить главную ложь, въ которой литература наша проявила свою мелочность. Ложь эта состоитъ въ высокомъ мнѣніи литературы о томъ, что она сдѣлала. Почитаешь журнальныя статейки, такъ иногда и въ самомъ дѣлѣ подумаешь, что литература у насъ — сила, что она и вопросы подымаетъ, и общественнымъ мнѣніемъ ворочаетъ... А на дѣлѣ ничего этого нѣтъ и не бывало: литература у насъ постоянно, за самыми ничтожными исключеніями, до настоящей минуты, шла не впереди, а позади общества. Говоря это, мы вовсе не имѣемъ въ виду той теоріи, по которой литература должна непремѣнно похищать съ неба огонь, подобно Прометею, и сообщать его людямъ. Нѣтъ, мы просто разумѣемъ литературу, какъ выраженіе общества и народа, и въ этомъ смыслѣ наши

требованія отъ нея очень невелики. Потребности общественныя возникаютъ вслѣдствіе извѣстныхъ жизненныхъ фактовъ; толпа долго смотритъ на эти факты, не осмысливая ихъ значенія. Тутъ-то и есть настоящая работа для литературы. Люди умные, люди пишущіе стараются схватить на лету первый проблескъ новыхъ потребностей, стараются подмѣтить, собрать, разъяснить факты, въ которыхъ заключается зародышъ новаго движенія, дать ему должное направленіе, указать его прямыя послѣдствія. Послѣ такого разсмотрѣнія идей въ литературѣ, онѣ становится сознательнымъ достояніемъ массы и уже легко и правильно могутъ выражаться въ административной дѣятельности государства и въ нравственномъ направленіи частныхъ лицъ. Такъ обыкновенно и дѣлается въ литературахъ болѣе развитыхъ; по журнальнымъ возгласамъ можно бы было подумать, что такъ и у насъ дѣлалось въ послѣднее время. Но журнальные возгласы совершенно несправедливы въ своей надменности. Просматривая журналы наши за послѣдніе годы, вы ясно увидите, что всѣ наши общественныя потребности и стремленія прежде находили себѣ выраженіе въ административной и частной экономической дѣятельности, а потомъ уже (и нерѣдко долго спустя) переходили въ литературу. Изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ наше общество въ послѣднее время, мы не знаемъ ни одного, который дѣйствительно былъ бы *поднятъ* литературою; не говоримъ уже о томъ, что ни одинъ не былъ ею разрѣшенъ. И въ этомъ, самомъ по себѣ, нѣтъ еще ничего дурнаго: юной литературѣ, какъ и всякому юношѣ, прилична скромность. Многимъ (и намъ въ томъ числѣ) даже очень пріятно было видѣть, съ какого ребяческою осторожностью приступали наши писатели ко всякому новому предмету, какъ боязливо они осматривались,— не зная, хорошо ли будутъ приняты ихъ слова, — какъ взвѣшивали и размѣривали свою рѣчь, приберегая себѣ лазейку на всякій случай. Мы радовались образцовой умѣренности и аккуратности нашей литературы, и очень хорошо понимали ея причину. Мы понимали, что тамъ, гдѣ литература есть занятіе кружковъ и гдѣ она назначается лишь для нѣсколькихъ избранныхъ, называемыхъ образованнымъ обществомъ,—тамъ она не можетъ быть вполнѣ увѣренною въ себѣ. Въ томъ, что̀ касается отдѣльныхъ кружковъ и исключительныхъ надобностей образованнаго класса, она еще можетъ возвышать свой голосъ. Но чуть только вопросы разширятся, чуть дѣло коснется народныхъ интересовъ, литература тотчасъ конфузится и не знаетъ, что ей дѣлать, потому что она не изъ народа вышла и кровно съ нимъ не связана. Въ этихъ случахъ она по необходимости ждетъ, пока общественное мнѣніе ясно выскажется или пока государственная власть вмѣшается въ дѣло. Тогда уже и писатели рѣшатся раскрыть ротъ.

Все это совершенно естественно и понятно, и мы не стали бы и напоминать нашей литературѣ о ея отсталости, если бы она сама сознавала свое безсиліе, свою юность и свое подчиненное, а не руководящее положеніе въ обществѣ. Но публицисты наши гордятся чѣмъ-то; они полагаютъ, что въ литературѣ есть какая-то инициатива. Поэтому мы находимъ нужнымъ представить имъ нѣсколько фактовъ для смиренія ихъ гордости. Для этого далеко ходить нечего: стоитъ только перебрать важнѣйшіе вопросы, занимавшіе нашу литературу въ послѣднее время.

Первый изъ общественныхъ вопросовъ, вызвавшихъ толки въ нашей литературѣ, былъ, сколько мы помнимъ, вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Но какъ вы думаете — съ чего началось дѣло? Совѣстно сказать: съ Times'a. Первое, что ободрило наши журналы писать о желѣзныхъ дорогахъ, было сообщеніе напечатаннаго въ Times'ѣ извѣстія о рижско-динабургской желѣзной дорогѣ. Это было въ началѣ 1856 г. Оказалось, что рижско-динабургская дорога была разрѣшена еще въ 1853 г., а въ сентябрѣ 1855 г. уже учрежденъ былъ комитетъ вообще для опредѣленія условій относительно сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи частными компаніями. Дѣло рижской дороги пріостановлено было войною; но какъ только миръ былъ заключенъ, немедленно явилось на лондонской биржѣ объявленіе объ акціяхъ рижско-динабургской желѣзной дороги. Узнавши объ этомъ, и наши журналы начали толковать о желѣзныхъ дорогахъ; но и тутъ едва ли не ранѣе всѣхъ приняли участіе въ дѣлѣ офиціальные журналы — Путей Сообщенія и Министерства Государственныхъ Имуществъ. Покрайней мѣрѣ одна изъ первыхъ статей по этому предмету была «О пользѣ желѣзныхъ дорогъ для перевозки земледѣльческихъ произведеній,» помѣщенная въ № 1 Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1856 г. Прочіе же журналы уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ принялись разсуждать объ этомъ, и расходились только къ концу года, когда правительственнымъ образомъ рѣшалось дѣло о постройкѣ у насъ новыхъ дорогъ иностраннымъ обществомъ, которое и утверждено въ январѣ 1857 г. Какъ видите, вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ довольно поздно сдѣлался достояніемъ литературы. Странно, почти необъяснимо, что даже о такой простой и не винной вещи, какъ желѣзныя дороги, литература не догадалась заговорить прежде, чѣмъ постройка ихъ рѣшена была правительственнымъ образомъ; но эта недогадливость или робость литературы — фактъ несомнѣнный. Всякій, кто читаетъ журналы наши не со вчерашняго дня, припомнитъ, что до 1856 г. литература ограничивалась на этотъ счетъ только тонкими намеками, что намъ нужны хоро-

ніе пути сообщенія и что желѣзныя дороги суть хорошіе пути сообщенія....

Одновременно съ вопросомъ о желѣзныхъ дорогахъ поднялся въ литературѣ вопросъ о воспитаніи. Вопросъ этотъ такъ общъ, что и въ прежнее время нельзя было не говорить о немъ, и дѣйствительно, даже въ самое глухое время нашей литературы нерѣдко появлялись у насъ книжки и статейки: «О задачахъ педагогики, какъ науки», «О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія», «Объ обязанности дѣтей почитать родителей,» и т. п. Но съ 1856 г. разсужденія о воспитаніи отличались нѣсколько особеннымъ характеромъ. Въ нихъ проводились слѣдующія главныя мысли: «общее образованіе важнѣе спеціальнаго; нужно главнымъ образомъ внушать дѣтямъ честныя стремленія и здравыя понятія о жизни, а техника всякаго рода, формальности и дисциплина — суть дѣло второстепенное; въ раннемъ возрастѣ жизни важно семейное воспитаніе, и потому жизнь въ закрытыхъ заведеніяхъ вредно дѣйствуетъ на развитіе дѣтей; воспитатели и начальники учебныхъ заведеній должны знать свое дѣло и заботиться не объ одной чистотѣ зданій и соблюденіи формы воспитанниками.» Всѣ эти высокія, хотя далеко не новыя, истины безпрестанно пересыпались, разумѣется, неменѣе основательными разсужденіями о томъ, что просвѣщеніе лучше невѣжества, что умѣнье танцовать и маршировать не составляетъ еще истинной образованности, и т. п. Все это было прекрасно; но кто же поднялъ этотъ важный вопросъ, кто обратилъ на него общее вниманіе? Всѣ помнятъ, что дѣло началось съ «Морскаго Сборника,» офиціальнаго журнала, не случайно, а намѣренно выдвинувшаго на первый планъ статьи о воспитаніи, печатно просившаго присылать къ нему такія статьи отвсюду. Статья г. Бема о воспитаніи помѣщена была въ 1 № Морскаго Сборника за 1856 г., и долго послѣ того журнальныя статьи по этому предмету писались «По поводу статьи г. Бема,» до тѣхъ поръ, пока не явилась въ Морскомъ же Сборникѣ статья г. Пирогова; тогда стали писать «По поводу Вопросовъ Жизни,» и начинать словами: «въ настоящее время, когда вопросъ о воспитаніи поднятъ Морскимъ Сборникомъ и когда Пироговъ высказалъ столь ясный взглядъ на значеніе образованія,» и пр. Значитъ, и тутъ нельзя сказать, чтобъ инициатива дана была литературой собственно. Но заслуга ея представится намъ еще менѣе значительною, когда мы прослѣдимъ ее параллельно съ административными распоряженіями по учебнымъ вѣдомствамъ. Извѣстно, что вопросъ объ общемъ и спеціальномъ образованіи разрѣшенъ былъ правительственнымъ образомъ въ пользу общаго образованія, еще въ по-

ловинѣ 1855. Экстерны въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, преобразованіе артиллерійской и инженерной академіи, предположеніе объ уничтоженіи низшихъ классовъ въ нѣкоторыхъ корпусахъ — сдѣланы были раньше, нежели хоть одинъ голосъ поднялся въ литературѣ противъ спеціальнаго образованія. Печатать объ этомъ статьи стали уже тогда, когда вопросъ былъ значительно выясненъ не только въ общественномъ сознаніи, но даже и въ административныхъ распоряженіяхъ. Такъ было и во всемъ, относящемся къ воспитанію и образованію.

Въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшенъ былъ пріемъ неограниченнаго числа студентовъ въ университетъ; вслѣдствіе этого въ 1856 году увеличилось количество университетскихъ студентовъ, и когда обнародованъ былъ отчетъ министерства просвѣщенія за этотъ годъ, то въ литературѣ появилось нѣсколько замѣтокъ, о пользѣ возможно большаго разширенія университетскаго образованія....

Въ декабрѣ 1855 года учреждены были особые попечители въ тѣхъ округахъ, гдѣ прежде эта должность соединена была съ генералъ-губернаторскою. Въ февралѣ 1856 г. повелѣно назначать въ гражданскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитателей не изъ военныхъ. Въ мартѣ отмѣнено преподаваніе военныхъ наукъ въ гимназіяхъ и университетахъ. Всѣ эти мѣры вызывали сочувствіе литературныхъ дѣятелей, и они, обыкновенно выждавши нѣсколько мѣсяцевъ, считали долгомъ высказать свое мнѣніе о пользѣ того, что сдѣлано. Такимъ образомъ въ продолженіе 1857 года (отчасти и въ 1856 г., но очень мало) было высказано много дѣльныхъ мыслей о томъ, что начальникъ училища не есть только администраторъ, что воспитатель долженъ смотрѣть не за одной только выправкой воспитанниковъ, и пр.

Тоже самое было и во всѣхъ другихъ частностяхъ. Въ половинѣ 1856 г. стали говорить о необходимости общенія нашего съ Европой. Сначала это говорилось довольно неопредѣленно, въ общихъ чертахъ, мимоходомъ, по поводу споровъ съ «Русскою Бесѣдой» о народности, потомъ прямѣе высказали, что намъ теперь нужно заимствовать многое отъ просвѣщеннаго запада; наконецъ, какъ-то въ концѣ года, кажется по поводу статьи г. Григорьева о Грановскомъ, рѣшительно было высказано, что молодымъ ученымъ нашимъ полезно ѣздить учиться за границу. Но это говорилось уже въ концѣ года, между тѣмъ какъ посылка молодыхъ людей за границу была разрѣшена правительствомъ еще въ мартѣ.

Въ прошломъ году по части просвѣщенія были въ ходу у насъ особенно два вопроса: объ измѣненіяхъ учебной части въ университетахъ и гимназіяхъ, и о женскихъ школахъ. Чтоже, сама ли лите-

ратура додумалась наконецъ до этихъ вопросовъ? Вовсе нѣтъ. Первая статья г. Бунге объ университетахъ, послѣ которой литература приняла въ вопросѣ нѣсколько живое участіе, напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ,» въ апрѣлѣ прошлаго года; а правительственное опредѣленіе о необходимости преобразованій въ университетахъ и гимназіяхъ составилось еще въ 1856 году! Преимущественно съ этой цѣлью учрежденъ, въ маѣ 1856 г., ученый комитетъ при главномъ правленіи училищъ, и въ отчетѣ министра просвѣщенія за 1856 г. указываются уже многіе недостатки учебной части и мѣры къ ихъ исправленію. Съ женскими училищами тоже самое. Въ концѣ 1857 г. въ первый разъ заговорили о женскихъ институтахъ и вообще объ образованіи дѣвицъ средняго сословія; во все теченіе прошлаго года продолжались статьи объ этомъ предметѣ, преимущественно по поводу вновь открываемыхъ женскихъ училищъ. Нельзя не сказать, что и тутъ литература наша опоздала. Еще въ отчетѣ министра просвѣщенія за 1856 г. мы читали, что такъ какъ «лица средняго состоянія, особенно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, лишены возможности дать дочерямъ своимъ даже скромное образованіе,» то министерство и составило «предположеніе объ открытіи школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ.» Вслѣдъ за этимъ предположеніемъ приступлено было тогда же и «къ соображеніямъ объ устройствѣ таковыхъ школъ на первый разъ въ губернскихъ городахъ, по мѣрѣ способовъ, какіе могутъ къ тому представиться.» Въ прошломъ году предположенія перешли уже въ дѣйствительность; основано было много женскихъ открытыхъ школъ, не только правительствомъ, но даже и частными лицами. А литература только что начала говорить о ихъ пользѣ и надобности!

Не менѣе жалкая роль выпала на долю литературы и въ толкахъ объ экономическихъ улучшеніяхъ. Первое пробужденіе у насъ экономическихъ интересовъ выразилось въ спорахъ о свободѣ торговли. Первая статья о ней явилась въ апрѣлѣ 1856 г., подъ заглавіемъ «О внѣшней торговлѣ.» Статья эта не была самостоятельнымъ голосомъ русскаго журнала, въ которомъ явилась: въ ней передавались данныя изъ книги Тенгоборскаго (собиравшаго свѣдѣнія *офиціальнымъ* образомъ), съ замѣчаніями г. Вернадскаго, явившагося поборникомъ свободы торговли. Но все-таки, читая статью, можно было подумать, что вотъ возбуждается вопросъ новый и важный, долженствующій войти въ общественное сознаніе и побудить къ чему нибудь государственную дѣятельность. Такъ нѣкоторые и подумали, и вслѣдствіе того возстали на г. Вернадскаго, какъ на человѣка нелюбящаго отечество и противящагося властямъ, которыя будто бы и

не думаютъ о свободѣ торговли. Но г. Вернадскій блистательно оправдался отъ всѣхъ обвиненій. Въ отвѣтѣ своемъ противникамъ онъ привелъ до 20 статей изъ Свода Законовъ, изъ которыхъ видно, что отстраненіе стѣсненій во внѣшней торговлѣ постоянно было въ видахъ правительства; кромѣ того онъ сослался на пониженіе тарифа въ 1850 и 1854 г., указалъ на нѣсколько частныхъ постановленій о пониженіи пошлинъ, намекнулъ даже на то, что готовится новый тарифъ, еще болѣе пониженный, словомъ—доказалъ, что онъ въ своей статьѣ повторялъ только то, что уже давно рѣшено правительственнымъ образомъ. И дѣйствительно: отвѣтъ г. Вернадскаго появился въ началѣ іюня 1856, и въ началѣ тогоже іюня объявлено было повелѣніе о новомъ пересмотрѣ тарифа.

Тоже было съ внутренней торговлей и промышленностью. Когда въ обществѣ не только почувствовалась потребность новаго промышленнаго движенія, но даже и формулировалась она въ различныхъ предпріятіяхъ и компаніяхъ, тогда и въ журналахъ явились статьи о промышленныхъ предпріятіяхъ, о биржевыхъ операціяхъ, и пр. Ранѣе же окончанія войны, послѣ которой оживилась наша промышленность, и объ этомъ ничего не было писано... А между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ въ публикѣ и раньше того не было сочувствія къ вопросамъ промышленности: въ послѣдніе три года страсть къ акціямъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, дошла у насъ до ажіотажа; въ акціонерныхъ компаніяхъ теперь уже обращается до 500 мильоновъ капитала; неужели же все это и родилось, и выросло только съ 1856 года?...

При такомъ безсиліи литературы даже въ интересахъ частной дѣятельности, трудно предположить, разумѣется, чтобы она выказала особенную силу въ административныхъ вопросахъ. А между тѣмъ здѣсь-то она и показала себя. Преслѣдованіе взятокъ и чиновныхъ злоупотребленій до сихъ поръ составляетъ главнѣйшій предметъ гордости нашихъ публицистовъ, беллетристовъ и даже поэтовъ. Какъ же это могло случиться? Откуда писатели наши взяли силы для возстанія противъ чиновниковъ и взятокъ? Да все оттуда же, — изъ правительственныхъ распоряженій. Припомните, кто и когда былъ основателемъ юридической беллетристики, кто поднялъ въ литературѣ вопросы о злоупотребленіяхъ чиновниковъ. То былъ Щедринъ, котораго первые очерки появились *въ августѣ 1856 г.* Переберите правительственные акты 1855 и 1856 г., и вы убѣдитесь, что это было уже очень, очень поздно. Еще въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ *за 1855 г.* мы читали слѣдующее: «что касается до служебной нравственности чиновниковъ, то хотя *она и не всегда соотвѣтствуетъ видамъ правительства*, но улучшеніе ея можетъ

быть достигнуто не иначе, какъ посредствомъ улучшенія общей народной нравственности.» Вмѣстѣ съ этимъ отчетомъ сдѣлался извѣстенъ циркуляръ министра, еще отъ 14 мая 1855 г., въ которомъ говорилось, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, «работа чиновниковъ производитъ результаты совершенно неудовлетворительные.» Подобный же циркуляръ написанъ былъ въ январѣ 1856 г. министромъ государственныхъ имуществъ. Онъ говоритъ между прочимъ о томъ, что могъ иногда, (хотя только въ рѣдкихъ случаяхъ) «ошибаться въ выборѣ должностныхъ лицъ и встрѣчать со стороны нѣкоторыхъ неисполнительность и даже нарушеніе обязанностей.» Въ заключеніе министръ замѣчаетъ, что «въ обширномъ кругу предназначенныхъ для министерства обязанностей многое еще остается дѣлать.» Таже благородная мысль выражалась неоднократно въ требованіяхъ правительства, чтобы при составленіи отчетовъ не скрывали недостатковъ управленія. При такихъ поощреніяхъ даже совѣстно было бы, кажется, литературѣ не подняться тотчасъ же на злоупотребленія; но она и тутъ еще ждала цѣлый годъ.... А между тѣмъ, даже если бы ничего другаго не было, ей могли бы придать смѣлости уже одни эти слова, знакомыя всей Россіи изъ манифеста 19 марта 1856 г: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ; каждый, подъ сѣнію законовъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ.» А литература и послѣ этого еще не вдругъ осмѣлилась возстать противъ неправды и бѣззаконія!...

«Но въ литературѣ не только взяточничество обличалось, а дѣлались, кромѣ того, указанія на недостатки настоящей организаціи судебныхъ и административныхъ учрежденій, на неудобства полицейскаго устройства, и пр. Тутъ уже литература подымалась выше своей обыкновенной роли, показывала болѣе самостоятельности, и за то справедливо можетъ гордиться своими заслугами.» Нѣтъ, и здѣсь опять таже самая исторія: мысль о судебныхъ преобразованіяхъ пущена въ ходъ въ литературѣ потому только, что она давно созрѣла и приводится въ исполненіе въ законодательствѣ. Мы помнимъ, что первая или одна изъ первыхъ статей о полиціи, обратившихъ на себя общее вниманіе, начиналась ссылкою на «Le N ,» въ которомъ напечатано было извѣстіе о готовящемся у насъ преобразованіи полиціи. Да и кромѣ того, въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 годъ, въ то время, когда въ литературѣ никто еще не упоминалъ о полиціи, прямо выводилось слѣдующее заключеніе изъ фактовъ полицейскаго управленія за тотъ годъ: «настоящая картина указываетъ на необходимость нѣкоторыхъ преобразованій

въ полицейской части, тѣмъ болѣе, что бываютъ случаи, когда полиція затрудняется въ своихъ дѣйствіяхъ по причинѣ невозможности примѣнить къ дѣйствительности нѣкоторыя предписываемыя ей правила. При огромномъ числѣ чиновниковъ, невозможно имѣть ихъ всѣхъ хорошихъ, существующее же число ихъ необходимо при настоящемъ направленіи всѣхъ вообще дѣлъ, въ особенности же полицейскихъ; ибо въ настоящее время господствуетъ вездѣ преобладаніе формъ и бумажнаго производства, нерѣдко въ ущербъ самому дѣлу. Упрощеніемъ обрядовъ дѣлопроизводства можно достигнуть уменьшенія числа должностныхъ лицъ, и тогда начальства будутъ имѣть болѣе возможности изъ среды многихъ сочинителей избрать немногихъ, но достойныхъ людей.» Послѣ этого тотчасъ же можно было бы, кажется, приняться писать и «Два слова о полиціи,» и «О непродуктивности много писанія,» и т. д. Но литература наша взялась за эти вопросы не ранѣе 1857 г.

Былъ еще общественный вопросъ, *поднятый* литературою въ прошломъ году, вопросъ объ откупахъ. О нихъ мы не будемъ распространяться, потому что въ «Современникѣ» прошлаго года объ откупахъ было довольно писано. Напомнимъ читателямъ между прочимъ статью г. Панкратьева объ откупной системѣ. Авторъ ея изумляется, съ какой стати вдругъ литература набросилась на откупа, которыхъ прежде не трогала, хотя зло отъ нихъ было не менѣе сильно; а дѣло объясняется просто: въ началѣ прошлаго года уже рѣшено было паденіе нынѣшней откупной системы, — вотъ литераторы и принялись за нее.... А до этого объ откупахъ осмѣливался кричать только г. Кокоревъ...

Остается вопросъ, которымъ съ начала прошлаго года мгновенно наполнились не только всѣ журналы, но и вся земля русская, — вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Насколько участвовала литература въ возбужденіи *этого* вопроса? Мы думаемъ, что *нисколько*. Конечно, намъ могутъ привести длинный рядъ выписокъ, изъ которыхъ будетъ видно, что въ литературѣ нашей постоянно высказывалось нерасположеніе къ крѣпостному праву, начиная по крайней мѣрѣ съ половины прошлаго столѣтія. Но мы вовсе и не возстаемъ противъ благонамѣренности нашихъ литературныхъ стремленій; мы хотимъ только показать, какъ они ничтожны. И чѣмъ болѣе будутъ намъ доказывать, что литература всегда имѣла благое стремленіе говорить противъ крѣпостнаго права, тѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться въ ея слабости и ничтожности. Что же она сдѣлала съ своими добрыми намѣреніями и желаніями? Пересмотрите наши журналы хоть за послѣдніе десять лѣтъ: чѣмъ они наполнены? Въ цѣлый годъ едва ли два–три слабыхъ намека найдете вы на не-

обходимость освобожденія крестьянъ. Нѣсколько яснѣе слѣды этихъ намековъ съ 1856 года, да и то сначала держались все только сельско-хозяйственной сферѣ; и едва ли не первый заговорилъ прямо о крѣпостномъ правѣ—г. *Бланкъ*, помѣстившій въ «Трудахъ Экономическаго Общества,» (№ 6, 1856 г.) свой диѳирамбъ русскимъ помѣщикамъ. Скромнымъ возраженіемъ ему г. Безобразовъ пріобрѣлъ репутацію благороднаго и смѣлаго публициста. Возраженіе появилось въ августѣ 1856 г., а между тѣмъ отмѣненіе крѣпостного права рѣшено было правительственнымъ образомъ еще до конца восточной войны. Многія правительственныя дѣйствія уже указывали въ это время на то, что дѣло освобожденія приближается. Еще въ 1855 г. опредѣлено было въ имѣніяхъ государственныхъ имуществъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, переложеніе податей съ душъ на землю; послѣдовали указы объ улучшеніи быта крестьянъ, приписанныхъ къ Алтайскимъ горнымъ заводамъ, потомъ—относительно крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ, и пр. Въ іюлѣ 1856 года утверждено было новое положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи... Наконецъ 3-го января 1857 г. учрежденъ уже былъ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу... А литература во все продолженіе 1857 г. ограничивалась слабыми намеками да кое-какими поучительными указаніями на другія страны... Только съ февраля прошлаго года, послѣ того, какъ уже шесть губерній изъявили свое желаніе объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, — литература дѣятельно принялась за крестьянскій вопросъ, — да и то съ какими колебаніями!... Но о колебаніяхъ мы будемъ говорить ниже....

Кажется, мы перебрали всѣ главнѣйшіе вопросы, *возбужденіемъ* которыхъ гордятся наши публицисты. Простое сопоставленіе фактовъ литературы съ фактами государственной дѣятельности могло убѣдить насъ, что публицисты гордятся напрасно. Каковы заслуги литературы нашей въ другихъ отношеніяхъ, мы пока не говоримъ. Но ясно одно: что *она не имѣетъ ни малѣйшаго права приписывать себѣ инициативы — ни въ одномъ изъ современныхъ общественныхъ вопросовъ*. Многимъ можетъ не понравиться такое заключеніе; но мы этого не боимся: факты наши слишкомъ ясны, чтобы изъ нихъ можно было вывести другое заключеніе, нежели то, какое мы видѣли. Мы желали бы только, чтобы нашихъ словъ не перетолковали ложнымъ образомъ, и потому хотимъ прибавить еще нѣсколько объясненій.

Насъ могутъ назвать противниками литературы и сказать, что мы совершенно напрасно обвиняемъ ее. Но это будетъ несправедливо. Мы очень хорошо понимаемъ, что быть противникомъ литературы—значитъ быть противникомъ просвѣщенія и прогресса. Мы

даже и обвинять литературу вовсе не думаемъ: мы просто выставляемъ фактъ, несомнѣнный и ясный фактъ, никого не желая ни осуждать, ни восхвалять за него. Что же касается до заключенія, которое изъ него можно вывести,—оно можетъ состоять развѣ въ томъ, что напрасно публицисты наши полагаютъ, будто *они поднимали* общественные вопросы....

Возраженій противъ насъ можетъ быть много, но мы заранѣе знаемъ ихъ содержаніе и считаемъ ихъ совершенно безвредными для сущности нашего мнѣнія. Намъ могутъ указать на множество причинъ, которыя ставятъ литературу въ необходимость сдерживать свои благіе порывы; могутъ прибавить, что причины эти заключаются не во внутренней сущности литературной дѣятельности и не въ случайностяхъ литературныхъ дарованій и стремленій, а въ обстоятельствахъ чисто внѣшнихъ, зависящихъ отъ несовершенствъ самого общества нашего.... Все это можетъ быть справедливо, и мы готовы, пожалуй, безъ всякихъ ограниченій принять подобное возраженіе. Но оно приведетъ насъ только къ болѣе рѣзкому выраженію нашего мнѣнія. Вмѣсто фактическаго указанія на то, что литература *не имѣла* у насъ инициативы въ общественныхъ вопросахъ, мы, принявши приведенное возраженіе, должны будемъ сказать: литература у насъ *не можетъ имѣть* инициативы, при современной организаціи и степени развитія русскаго общества....

«Но зачѣмъ же, — еще скажутъ намъ, — клепать на литературу, относя къ ней то, что относится совсѣмъ къ другимъ явленіямъ русской жизни? И зачѣмъ требовать отъ нея того, чего она не могла сдѣлать, — *по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ*, какъ выражаются журналисты?» На это опять тотъ же отвѣтъ: мы ничего не клеплемъ на литературу и не предъявляемъ никакихъ требованій. Мы твердимъ только одно: она ничего не сдѣлала и не имѣетъ права гордиться тѣмъ, что *поднимала* серьёзные общественные вопросы. Намъ нѣтъ надобности знать, какіе великіе таланты и какія неодолимыя силы заключаются въ душахъ нашихъ публицистовъ; мы судимъ только *о дѣлахъ* ихъ и говоримъ, что дѣла эти до сихъ поръ ничтожны. Когда же вы намъ указываете на невозможность дѣйствій болѣе рѣшительныхъ и важныхъ, — мы и тутъ на васъ не нападаемъ и тотчасъ же соглашаемся прибавить: «дѣйствія литературы *и не могутъ быть* не ничтожны при современномъ состояніи русскаго общества». Кажется, насъ нельзя упрекнуть въ излишней придирчивости?

Самое сильное, что противъ насъ могутъ сказать, можетъ состоять въ слѣдующемъ. «Напрасно вы берете отдѣльныя явленія литературы, скажутъ намъ, — и разсматриваете ихъ такъ отрывочно.

Вникните въ самый духъ литературы послѣдняго времени, поймите общность ея стремленій, уловите эту незримую струю, которая чувствуется въ каждой журнальной повѣсти, въ каждомъ фельетонѣ, въ каждой газетной замѣткѣ, такъ же, какъ и въ спеціальныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ серьёзныхъ произведеніяхъ, отмѣченныхъ печатью сильнаго таланта. Во всемъ вы видите стремленіе впередъ, впередъ, слышите несмолкающую проповѣдь движенія, работы, публичности, прогресса. Не въ частности то или другое нововведеніе вызвано литературою; но,—что гораздо важнѣе,—духъ преобразованій, общее стремленіе къ дѣятельности постоянно ею возбуждалось и «возбуждается». Возраженіе это имѣетъ видимую основательность, — но только видимую. Въ немъ упущено изъ виду то, что не частныя явленія жизни и исторіи вытекаютъ изъ какихъ-то общихъ началъ и отвлеченныхъ стремленій, а сами-то начала и стремленія слагаются изъ частныхъ фактовъ, опредѣляются частными нуждами и обстоятельствами. Поэтому, кто не можетъ указать ни на одинъ опредѣленный фактъ, имъ совершенный, — тотъ не долженъ говорить и объ общемъ значеніи своей дѣятельности. Мы видѣли, что литература не возбудила общественной дѣятельности ни по одному изъ тѣхъ предметовъ, которыми занято теперь общее вниманіе: пусть же не говоритъ она и вообще, что возбуждала къ дѣятельности. Ежели она все кричала только: «впередъ!» да «пора за работу!», — такъ это значитъ, что она сильно ударилась во фразу и къ своей мелочности и слабости прибавила еще долю пошлости. Если же она придастъ значеніе тѣмъ намекамъ, которыя она нерѣдко дѣлала на счетъ необходимости различныхъ улучшеній, — такъ она очень ошибается. Мы не отнимаемъ у этихъ намековъ нѣкотораго значенія въ томъ отношеніи, что они свидѣтельствовали о благонамѣренности и добромъ сердцѣ нашихъ писателей; мы ихъ высоко цѣнимъ и въ смыслѣ литературной смѣтливости. Доказательствомъ тому служитъ эпиграфъ настоящей статьи. Мы выбрали его именно затѣмъ, чтобы показать, что *миганіе* литературы не укрылись отъ насъ.... Но что же изъ этихъ миганій? Опять-таки сознаніе своего безсилія. Если бы ходъ былъ Ивана Петровича, а не Лукьяна Ѳедосѣича, то и мигать не нужно бы было: это первое. Второе то, что миганье Ивана Петровича легко было и не замѣтить или не понять: Лукьянъ Ѳедосѣичъ и дѣйствительно не замѣтилъ его. А третье наконецъ—то, что если бы Лукьянъ Ѳедосѣичъ и замѣтилъ, и козырнулъ, то еще Богъ вѣсть, взялъ ли бы валетъ пикъ у Ивана Петровича. Иванъ Петровичъ думаетъ, что взялъ бы, но Александръ Ивановичъ увѣряетъ, что нѣтъ, потому что,—говоритъ,—«у Лукьяна Ѳедосѣича была семерка, и вамъ никоимъ образомъ нельзя было бы

взять въ руку....» Такимъ образомъ дѣло оказывается очень сложнымъ, и разобрать его трудно....

Послѣ сдѣланныхъ объясненій, никто,—мы надѣемся, — не станетъ съ нами спорить о томъ, что литература, при всей своей благонамѣренности, ревности, разсудительности и прочихъ качествахъ, — все таки *не можетъ ни въ чемъ приписать себѣ инициативы*. А согласившись съ этимъ, читатели признаютъ справедливость и дальнѣйшихъ выводовъ нашихъ относительно общественнаго значенія нашей литературы. Если литература идетъ не впереди общественнаго сознанія, если она во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ бредетъ уже по проложеннымъ тропинкамъ, говоритъ о фактѣ только послѣ его совершенія и едва рѣшается намекать даже на тѣ будущія явленія, которыхъ осуществленіе уже очень близко; если возбужденіе вопросовъ совершается не въ литературѣ, а въ обществѣ, и даже возбужденные въ обществѣ вопросы не непосредственно переходятъ въ литературу, а уже долго спустя, послѣ ихъ проявленія въ административной дѣятельности; если все это такъ, то напрасны увѣренія въ томъ, будто бы литература наша стала серьёзнѣе и самостоятельнѣе. Нѣтъ; — время стало серьёзнѣе, общество стало самостоятельнѣе, — это можетъ быть (хотя и то еще требуетъ повѣрки очень строгой); а литература относительно общества осталась совершенно въ томъ же положеніи, какъ и прежде. Вѣдь во всѣ времена, даже по чисто-коммерческому разсчету (не говоря о другихъ причинахъ), литература должна была говорить о томъ, что привлекаетъ публику. Былъ когда-то въ славѣ Дюма: русскіе журналы украшались романами Дюма. Нравились одно время стишки къ дѣвамъ и лунѣ: литература была запружена стишками. Вошла въ моду миѳологія: пошли литературные толки о классическихъ и славянскихъ божествахъ, пошли статейки о значеньи кочерги и исторіи ухвата. Поднялся восточный вопросъ и потомъ война: въ литературѣ все оттѣснено было на задній планъ статьями о Турціи и разсказами о русскихъ подвигахъ въ битвахъ со врагами. Кончилась война, общество очнулось и потребовало измѣненій и улучшеній, измѣненія стали дѣлаться административнымъ порядкомъ: и литература туда же, — принялась говорить о прогрессѣ, о гласности, о взяткахъ, о крѣпостномъ правѣ, объ откупахъ, и пр. А окажись завтра, что въ нашемъ обществѣ стремленіе къ улучшеніямъ было только минутнымъ, легкомысленнымъ порывомъ, обратись общество опять хоть къ Дюма-сыну, — и въ литературѣ воцарится Дюма-сынъ, совершенно какъ полный хозяинъ. Можно, конечно, надѣяться, что этого не будетъ; но не будетъ только потому, что нашему обществу трудно уже теперь своротить съ своей дороги,

Что же касается до литературы, то она *непремѣнно* послѣдуетъ за обществомъ: мы въ этомъ твердо убѣждены, потому что прошедшіе факты уже доказали намъ, что литература у насъ не есть еще сила общественная, не есть жизненная потребность нашіи, а все-таки *потѣха*, какъ и прежде. Когда намъ указываютъ на новое направленіе литературы, на ея серьёзность, на ея вліяніе въ обществѣ, — мы всегда припоминаемъ стихъ:

Тѣшится новой игрушкой дитя!...

Больно намъ при этомъ воспоминаніи; но что же дѣлать? Литература до сихъ поръ такъ мало выказала признаковъ мужества, что поневолѣ безнадежный стихъ припоминается при самыхъ даже пріятныхъ, обнадеживающихъ случаяхъ....

Чтобы яснѣе показать, какъ еще мало серьёзности пріобрѣла наша литература, мы хотимъ представить еще нѣсколько указаній на то, что̀ ею сдѣлано по вопросамъ, *возбужденіемъ* которыхъ она гордится, и гордится, какъ мы видѣли, напрасно.

Преимущественное вниманіе всѣхъ газетъ и журналовъ было въ прошломъ году обращено на крестьянскій вопросъ. Какъ же онъ былъ веденъ въ литературѣ? Далеко не съ тѣмъ достоинствомъ, какого бы слѣдовало ожидать. Мы не говоримъ о тѣхъ отсталыхъ людяхъ, которые проповѣдывали statu quo въ этомъ вопросѣ, какъ напр. гг. Григорій Бланкъ, князь Голицынъ, Николай Безобразовъ и т. п. Противъ нихъ возставали наши же журналы и газеты: въ этомъ надобно отдать литературѣ полную справедливость. Не говоримъ и о той неровности, съ которою шла разработка вопроса въ литературѣ, то останавливаясь, то начинаясь сызнова, то опять затихая: все это могло быть слѣдствіемъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ. Нѣтъ, мы предлагаемъ человѣку, истинно любящему народъ нашъ, перебрать *все*, что было въ прошломъ году писано у насъ по крестьянскому вопросу, и, положа руку на сердце, сказать: *такъ ли* и *о томъ ли* слѣдовало бы толковать литературѣ?... Вспомнимъ, что у насъ долгое время дѣло стояло на томъ, что свободный трудъ производительнѣе обязательнаго!... Да и этой простой истины не хотѣли понять многіе!... Затѣмъ литература все мѣшалась не томъ: нужно ли выкупать *душу*, или ужъ такъ отпустить на покаяніе?... Да вѣдь это не въ статьяхъ Григорія Бланка, не въ «Печатной Правдѣ,»—а въ «Русскомъ Вѣстникѣ», напримѣръ!... Мы помнимъ, что тамъ было до десятка статей, разсматривавшихъ вопросъ съ той точки зрѣнія, что получить выкупъ за душу было бы *выгоднѣе для помѣщика*, нежели не получать!... На этомъ основаніи одинъ госпо-

динъ утверждалъ даже (въ 14 № Русск. Вѣст. стр. 108), что въ промышленныхъ губерніяхъ не слѣдуетъ отчуждать даже усадьбы въ собственность крестьянъ, потому что крестьяне-промышленники разбредутся на промыслы, оставивъ въ усадьбахъ женъ своихъ, и «что же тогда ожидаетъ помѣщика? Продавъ въ собственность, съ выручкою въ опредѣленный срокъ, *положимъ даже дорогою цѣною*, (!) усадебную землю, онъ *лишится затѣмъ* всякаго дохода отъ имѣнія. Право собственности на имѣніе превратится для него въ право собственности на купчую крѣпость и планы, по которымъ усадьбы, рѣки и дороги, т. е. все производительное, отъ него отчуждено. (То-то несчастный)! Могутъ возразить нѣкоторые, что съ дозволеніемъ перехода крестьянъ къ нему явятся другіе, не знающіе промышленности, и возьмутъ землю въ аренду для обработки. Если это и можетъ случиться, то не иначе, какъ только въ отдаленномъ потомствѣ: ибо земля въ промышленныхъ имѣніяхъ по большей части не доброкачественна,» и пр.... «Но если даже помѣщикъ и съумѣетъ найти средства обработывать свою землю, то все-таки выручка отъ этой обработки далеко не достигнетъ процентовъ на тотъ капиталъ, который онъ употребилъ на покупку имѣнія; ибо при покупкѣ онъ имѣлъ въ виду не столько хлѣбопашество, сколько промышленность, *за пользованіе которою крестьяне и платили помѣщику значительный оброкъ*». Такъ разсуждаетъ въ Русск. Вѣст. г. *Дмоховскій*, и подобныхъ сужденій очень много найдется въ почтенномъ журналѣ, стяжавшемъ себѣ заслуженную репутацію прогрессивнаго и гуманнаго.... Относительно выкупа личности въ немъ есть одно неподражаемое мѣсто, не лишенное впрочемъ нѣкотораго цинизма въ выраженіи; оно находится въ проэктѣ г. *Власовскаго*, который предлагаетъ — прежде всего «*цѣнность ревизской мужскаго пола души съ усадьбою и огородомъ* (ужь лучше бы *огорода съ усадьбою и душею!*) опредѣлить по губерніямъ (Рус. Вѣст. № 7, стр. 284). Но всѣхъ лучше разсуждаетъ о выкупѣ личности г. *А. Головачевъ*. Статья его (тоже въ 7 № Рус. Вѣст.) оканчивается такъ: «*намъ, не со страхомъ и отчаяніемъ должно смотрѣть на наше будущее, но съ твердымъ убѣжденіемъ, что намъ предстоитъ великая, блестящая перспектива*». И, какъ ручательство за славное будущее, г. Головачовъ представляетъ въ статьѣ своей такого рода разсужденія: «освобожденіе крестьянъ, говоритъ, *не можетъ основаться на духовно-нравственномъ чувствѣ*, а *должно имѣть основаніемъ право и законность*» (стр. 252). Какъ видите, *право и законность* противополагаются *духовно-нравственному чувству:* изъ этого уже понятно, какая блестящая перспектива ожидаетъ насъ! И дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ г. Головачовъ говоритъ, что по силѣ права (противнаго ду-

ховно-нравственному чувству) нуженъ непремѣнно выкупъ личности. Объ этомъ онъ разсуждаетъ очень пространно. Вотъ его слова.

«Мы разумѣемъ выкупъ не только поземельной собственности, но и пользованія трудомъ крестьянина. Намъ скажутъ, что личный трудъ не можетъ быть собственностью. Теоретически это неоспоримо, и законъ, не признающій того, есть самъ болѣе фактъ, нежели право. Но при консервативной реформѣ должно быть обращаемо вниманіе и на фактъ. Всѣмъ извѣстно, что трудъ крестьянина можно было помѣщику употреблять *такъ, какъ ему было угодно;* можно было даже продавать и покупать людей, *какъ вещи*, и при продажѣ и покупкѣ имѣлись въ виду *не только физическія, но и нравственныя достоинства* человѣка (что же изъ всего этого? читайте дальше!). Что же это, какъ не собственность? Несмотря на желаніе прикрыть благовидными словами горькую истину, она останется и въ законодательствѣ, и на практикѣ, до тѣхъ поръ, пока новый порядокъ не измѣнитъ существующихъ отношеній. Почему намъ не сознаться въ томъ, что есть несправедливаго въ нашихъ отношеніяхъ? Зло сознанное уже вполовину исправлено (что за просвѣщенные афоризмы!) *Вотъ почему* (т. е. почему же???) думаемъ мы, *не должно оставлять безъ вниманія вопросъ о выкупѣ пользованія трудомъ*, а напротивъ — посвятить и этой сторонѣ дѣла тщательное изученіе, въ надеждѣ уладить ее сколько возможно справедливѣе, *безъ ущерба помѣщичьихъ интересовъ*. (Вотъ оно, послѣднее-то слово въ чемъ заключается!!) (стр. 256)...

Разсужденія г. Головачова вызвали возраженіе со стороны г. Ланге, который въ «Русскомъ же Вѣстникѣ» замѣтилъ защитнику помѣщичьихъ интересовъ, что «личность крестьянина, по *смыслу закона*, не есть помѣщичья собственность и не подлежитъ выкупу» (№ 14, стр. 140). На это г. Головачовъ отвѣчалъ, опять въ Русскомъ же Вѣстникѣ, что г. Ланге не понимаетъ «*точки зрѣнія законодательства*» (№ 19, стр. 124),—точь-въ-точь, какъ недавно было объявлено въ «Искрѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Головачовъ опирается на то, что и г. В. В., въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» (!) выразилъ сочувствіе къ его мнѣнію, — значитъ ужь оно хорошо!... «Русскій Вѣстникъ» все это печаталъ, какъ печаталъ и статьи г. Иванова, въ которыхъ выкупъ личности проводился по началамъ политической экономіи; мало того, — онъ сочинилъ, по поводу ихъ, длинную *Замѣтку*, въ которой защищалъ и г. Иванова, и г. Головачова, объясняя, что хотя, конечно, за душу брать выкупа не слѣдуетъ, но *трудъ* крестьянина долженъ быть выкупленъ. (См. Р. В. 1858 г. № 10, стр. 180—193). Въ *Замѣткѣ* этой редакція, между прочимъ, такъ выра-

жается о статьѣ г. Головачова: «статья эта не могла бы вызвать сильнаго протеста, если бы въ ней не было случайно употреблено выраженіе: *выкупъ личности*». Скажите пожалуйста! Какъ будто во всѣхъ вопросахъ можно *протестовать противъ случайныхъ выраженій*, подобно тому, какъ сдѣлалъ это самъ Русскій Вѣстникъ противъ Иллюстраціи!... Тамъ можно было тѣшиться на случайныхъ выраженіяхъ; но вѣдь участь крестьянъ—не то, что грамотность или безграмотность Знакомаго Человѣка.... Тутъ на фразахъ ужь нельзя выѣзжать.... Въ нашей выпискѣ изъ статьи г. Головачова нѣтъ выраженія: *выкупъ личности;* а развѣ она оттого менѣе возмутительна для всякаго читателя, не слишкомъ близко принимающаго къ сердцу *помѣщичьи интересы?*

Вообще, во многихъ печатныхъ разсужденіяхъ по поводу эмансипаціи мы видимъ, что разсуждающіе, при всемъ своемъ желаніи, не отрѣшились еще сами отъ точки зрѣнія крѣпостнаго права. Находилось много и такихъ, которые явно придавали крѣпостному состоянію значеніе рабства, и во всѣхъ своихъ положеніяхъ отправлялись отъ той мысли, что рабъ есть вещь.... И вѣдь противъ этого никто почти не протестовалъ; крестьяне менѣе нашли себѣ защиты у передовыхъ людей нашихъ, нежели евреи. Не говоримъ ужь о томъ, что писалось въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ», на сочувствіе котораго постоянно опирались мнѣнія, подобныя мнѣніямъ г. Головачова. Но переберите другіе журналы: въ нихъ найдете тоже самое. «Атеней» писалъ (въ № 8), что, для обезпеченія исправнаго платежа оброка освобождающимися крестьянами, необходимо предоставить помѣщику право наказывать крестьянъ самому; потому что если онъ станетъ жаловаться земской полиціи, то, «не говоря уже о недостаточной благонадежности полицейскихъ чиновниковъ, самое вмѣшательство посторонней власти должно непремѣнно произвести *нѣкоторое разстройство хозяйственныхъ отношеній*», невыгодное для помѣщика (стр. 511). Авторъ, пользующійся почетной извѣстностью въ нашей литературѣ, не развилъ въ подробности своего мнѣнія, а то, можетъ быть, дѣло дошло бы и до того, чѣмъ впослѣдствіи такъ прославился князь Черкасскій.... Впрочемъ, права помѣщичьей власти вообще были сильно отстаиваемы нашей литературой. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 10) напечатана была статья Полтавскаго Помѣщика, который *сожалѣетъ о томъ, что законъ не позволяетъ продавать крестьянъ безъ земли* (стр. 85), и увѣряетъ, что крестьянамъ *послѣ освобожденія будетъ хуже*. Любопытны его доводы: «съ прекращеніемъ прямой, существовавшей доселѣ власти помѣщика надъ своими крестьянами, — говоритъ онъ, — у послѣднихъ можетъ ро-

дяться своеволіе и тѣ *пороки народа свободнаго (!)* (*), *которымъ развиваться не допускала единственно власть помѣщика и строгій его надзоръ за поведеніемъ крестьянъ»* (стр. 91). Для устраненія безпорядковъ, Полтавскій Помѣщикъ желаетъ непремѣнно, чтобы власть надъ крестьянами осталась у помѣщика, и притомъ *только* у помѣщика, безъ раздѣленія ея съ обществомъ, съ выборными, съ сельскимъ начальствомъ. Въ противномъ случаѣ, говоритъ,—право вотчинной полиціи, предоставленное помѣщику, будетъ *правомъ безправнымъ»*... Почему же? Потому, что «какъ бы напр., ни былъ дуренъ и безнравственъ крестьянинъ, котораго помѣщикъ найдетъ необходимымъ удалить изъ общества или отдать въ солдаты,—если только онъ обратится къ согласію общества, онъ встрѣтитъ оппозицію! Общество всегда защищаетъ своего негодяя, потому что *обществомъ крестьянъ руководятъ понятія совсѣмъ другія* (и слава Богу, можетъ быть,—прибавимъ мы отъ себя....): они видятъ часто похвальное удальство и завидное достоинство въ томъ, что на самомъ дѣлѣ порочно и вредно».... (стр. 92). Затѣмъ г. Полтавскій Помѣщикъ утверждаетъ, что крестьяне несвободные рачительнѣе ведутъ свое хозяйство, чѣмъ свободные; что крестьянъ вообще надо *принуждать* къ дѣлу; что, получивъ свободу, они будутъ лѣнивѣе и безпечнѣе, и пр.... И такая статья, по замѣчанію редакціи Отечественныхъ Записокъ, выбрана ею, какъ *небезполезная*, изъ числа нѣсколькихъ статей, заключавшихъ «голословныя увѣренія въ томъ, что крестьяне у помѣщиковъ живутъ, какъ у Христа за пазушкой». (стр. 85). Хорошъ выборъ!...

Впрочемъ, дѣйствительно, — мысль о помѣщичьихъ правахъ и выгодахъ такъ сильна во всемъ пишущемъ классѣ, что какъ бы ни хотѣлъ человѣкъ, даже съ особенными натяжками, *перетянуть* на сторону крестьянъ, — а все *не дотянетъ*. Гуманнѣйшій и дѣльнѣйшій журналъ по крестьянскому вопросу есть, конечно, «Сельское Благоустройство». Но посмотрите, съ чѣмъ же оно выступило на свою работу. Въ I № его за прошлый годъ помѣщены были *вопросы* г. Кошелева, и между ними есть слѣдующій: «какъ составить урочныя положенія? *Съ согласія ли крестьянъ, или по усмотрѣнію помѣщиковъ»*? Какъ вы полагаете: вѣдь этотъ глубокомысленный вопросъ, представленный въ раздѣлительной формѣ, предполагаетъ возможность и такого отвѣта: «конечно, — по усмотрѣнію помѣщиковъ, безъ согласія крестьянъ»..... Правда, что онъ можетъ предполагать и отвѣтъ, радикально противоположный....

(*) Здѣсь сама редакція Отеч. Зап. поставила знакъ восклицанія въ скобкахъ.

Неприличіе такого вопроса замѣчено было, сколько мы помнимъ, только «Экономическимъ Указателемъ», который такимъ образомъ оказался прогрессивнѣе «Сельскаго Благоустройства». Но и въ «Экономическомъ Указателѣ» помѣщались статейки, при которыхъ вопросъ г. Кошелева могъ вовсе не показаться страннымъ. Напр. въ 10 № Эк. Ук. (стр. 245—246), г. Волковъ, доказывая ту истину, что крестьянинъ не имѣетъ права собственности и на усадьбу, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «несмотря на нераздѣльность, въ глазахъ помѣщика, крестьянъ съ ихъ усадьбами и огородами, крестьяне не имѣютъ права и никакого акта на владѣніе домомъ и огородомъ, т. е. тѣмъ, что нынѣ принято называть крестьянскою усадьбою. *Если бы все это было пріобрѣтено вольнымъ трудомъ крестьянина* (тогда бы, конечно, и толковать было не о чемъ!), тогда бы, *по закону десятилѣтней давности* безспорнаго владѣнія, крестьянинъ имѣлъ право требовать формальнаго акта на это владѣніе. При обязательномъ трудѣ подобнаго права быть не можетъ; помѣщикъ снабдилъ крестьянина матеріаломъ; онъ же *далъ ему время* для домашней работы и даже заставлялъ иногда поневолѣ обстраиваться (трудъ-то себѣ задавалъ какой!), исправлять строеніе, понуждалъ разводить картофель, держалъ корову и лошадь, поддерживалъ въ разныхъ неудачахъ или несчастіяхъ, *выплачивалъ за крестьянина казенныя повинности* и пр. *Мало того* — (что же еще больше? слушайте!) онъ.... *переводилъ крестьянъ изъ одной деревни въ другую, выводилъ на пустоши* (и это благодѣяніе!), селилъ дворовыхъ на крестьянство, снабжая ихъ всѣмъ хозяйствомъ на свой счетъ *или* (хорошо «*или*») *бралъ во дворъ* людей, уничтожая ихъ усадебное помѣщеніе».... И вѣдь все это,—вы понимаете, — говорится къ тому, чтобы доказать, что крестьяне были *въ полной волѣ* помѣщика, и *слѣдовательно* (?) по закону должны таковыми остаться на неопредѣленныя времена....

Въ такомъ родѣ цѣлый годъ подвизалась наша литература относительно вопросовъ объ освобожденіи крестьянъ. Говоримъ вообще: «*литература*», потому что приведенные нами примѣры представляютъ—если не точную характеристику прошлогднихъ разсужденій о крестьянскомъ дѣлѣ, то уже во всякомъ случаѣ и не исключенія.... Мы не хотимъ подбирать болѣе фактовъ, потому что это очень непріятно; но ежели бы потребовалось, мы могли бы представить не десятки, а сотни указаній на статьи, въ которыхъ плантаторская точка зрѣнія, примѣненная къ понятію о *правѣ и законности*, находилась въ совершеннѣйшемъ разладѣ съ *духовно-нравственнымъ чувствомъ*, противъ котораго вооружался г. Головачовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Теперь замѣтимъ только одно: литература наша только

съ нынѣшняго года занялась вопросомъ о мѣрахъ къ выкупу земли; въ прошедшемъ году почти не тронутъ былъ этотъ вопросъ. Вопросъ же о предоставленіи крестьянамъ гражданскихъ правъ, прежде чѣмъ пойдетъ рѣчь объ экономическихъ сдѣлкахъ съ ними и по поводу ихъ, — этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не поставленъ въ нашей литературѣ. А исключивши эти два предмета, — о чемъ же и могла говорить литература, какъ не о нравственныхъ и хозяйственныхъ ущербахъ, какіе могутъ потерпѣть помѣщики отъ освобожденія крестьянъ?...

Напрасно поэтому удивляться отсталости нѣкоторыхъ помѣщиковъ, какъ удивлялась, напр. въ декабрѣ прошлаго года «Библіотека для Чтенія», вообще мало принимавшая участія въ крестьянскомъ вопросѣ. Она изумилась свѣдѣніямъ изъ Ярославля, напечатаннымъ въ 44 № «Экономическаго Указателя» и гласившимъ слѣдующее:

«Первые Высочайшіе рескрипты по крестьянскому дѣлу застали дворянство Ярославской губерніи врасплохъ; оно нисколько не было приготовлено къ эмансипаціи крестьянъ, не приготовлено потому, что не откуда ему было познакомиться *съ такими понятіями* (!): по-русски, кромѣ перевода стариннаго сочиненія графа Стройновскаго, ничего не было написано объ этомъ предметѣ; иностранныя сочиненія большинству дворянъ *недоступны* (?), а извѣстное въ рукописи сочиненіе знаменитаго нашего юриста К. Д. К., *по трудности копированія* было доступно не многимъ. Оттого, *будучи поставлено* въ необходимость дѣйствовать, дворянство отличалось необыкновенной медлительностью. Такъ, когда дворяне нѣкоторыхъ губерній изъявили желаніе на составленіе комитетовъ по крестьянскому дѣлу еще въ концѣ прошедшаго года, дворянство здѣшней губерніи такое желаніе изъявило лишь въ апрѣлѣ текущаго года, въ числѣ послѣднихъ. Потомъ, когда въ первой половинѣ мая полученъ былъ Высочайшій рескриптъ по этому дѣлу, то предписанное имъ составленіе комитета отложили до половины августа. Далѣе, избравши депутатовъ въ половинѣ августа, вновь отложили открытіе комитета до 1-го октября. Выигранное такими отсрочками время дворянство употребило на то, чтобы *привыкнуть къ новымъ понятіямъ и изучить ихъ*, для чего появилось *даже въ этомъ классѣ* (къ чему здѣсь *даже* относится?) нѣсколько рукописныхъ сочиненій *за* и *противъ* реформы. Однако *урокъ* (?) былъ такъ тяжелъ, что и доселѣ не только большинство сословія, но даже передовые люди въ немъ не ознакомились достаточно съ вопросомъ, что̀ явствуетъ съ одной стороны изъ медленнаго исполненія Высочайшаго рескрипта, а съ другой — изъ того обстоятельства, что въ литературѣ

не появилось ни одного сочиненія, написаннаго ярославскимъ помѣщикомъ».

«Библіотека для Чтенія» пришла въ ужасъ отъ столь печальнаго факта и воскликнула съ благороднымъ негодованіемъ: «Въ 1858 г., *во время всеобщаго движенія впередъ* (въ настоящее время, когда... и пр.), являются цѣлая масса людей, занимающихъ почетное мѣсто въ обществѣ, но которые не приготовлены къ эманципаціи только потому, что не откуда было познакомиться съ такими понятіями,— какъ будто человѣчественныя идеи почерпаются только изъ книгъ, какъ будто практическій смыслъ помѣщика не могъ сказать ему, что онъ долженъ сдѣлать для своего крестьянина и какъ сдѣлать. Фактъ замѣчательный!» и пр.... По нашему мнѣнію,—фактъ вовсе не замѣчательный, и мы только удивляемся, что на одно ярославское дворянство взвалили то, что̀ обще всей Россіи и что такъ ярко выразилось даже во всей литературѣ нашей. Еще ярославское дворянство оказалось очень благоразумнымъ, если дѣйствительно не хотѣло съѣзжаться прежде, чѣмъ привыкнетъ къ новымъ понятіямъ и изучитъ ихъ. А другіе—такъ преспокойно принимались разсуждать, даже печатно, не пріобрѣтши не только привычки къ новымъ понятіямъ, но даже самыхъ первыхъ началъ грамотности. Примѣръ подобной отваги недавно обнародовалъ тульскій помѣщикъ *Мещериновъ*. Онъ прислалъ въ «Журналъ Землевладѣльцевъ» безграмотную статейку; ее поправили, сократили и напечатали. Авторъ обратился съ жалобою въ «Московскія Вѣдомости», объявляя, что не признаетъ своею статью, напечатанную въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ», потому, что тоже мнѣніе онъ имѣлъ честь представить на обсужденіе тульскаго комитета, и потому, что всякое *литературное произведеніе* есть законная собственность сочинителя, подлежащая цензурѣ, которая или пропускаетъ изданіе, или безъ приправокъ возвращаетъ по принадлежности» (Моск. Вѣд. № 5, 1859 г.). Тогда «Журналъ Землевладѣльцевъ» (въ 15 №) напечаталъ статью г. Мещеринова въ ея первоначальномъ видѣ. Вотъ выдержка изъ нея, дающая понятіе и о направленіи, и о слогѣ этого *литературнаго произведенія*. «Новая Система отчиннаго управленія, разъединяетъ помѣщика съ крестьяниномъ. Послѣдній съ пріобретеніемъ покупкою усадьбы, Дѣлается соучаствующимъ владѣльцемъ дачи, только что размежеванной особнякомъ изъ черезполосности.—Дѣлается невольно чуждымъ попеченія владѣльца, переходя подъ власть распоряженія Общины и мирскихъ сходокъ, и потому Дѣлается чуждъ участія владѣльца, относительно неисчислимыхъ пособій и многихъ хозяйственныхъ преимуществъ на пользу крестьянина. Притомъ обязательная продажа усадебъ, при безпорядочной жизни крестьянина,

невольно оставляетъ его опаснымъ сосѣдомъ, поблизости положенія усадебъ. Разныя неуловимыя безпорядки и нарушеніе предосторожностей отъ пожара. Грозятъ истребленіемъ, и поставятъ владѣльца въ необходимость, *даже при сохраненіи правъ на полицейскія мѣры*, искать безъ пользы, посредничества мѣстной полиціи». И повѣрьте, что г. Мещериновъ вовсе не послѣдній представитель этой литературы, которая такъ гордо кричитъ о своихъ заслугахъ для общества, о своихъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ воззрѣніяхъ на современные вопросы.... И послѣ этого еще находятся люди, сокрушающіеся о томъ, что ни одного сочиненія по крестьянскому вопросу не написано ярославскими помѣщиками! Какъ будто великая честь попасть въ эту литературу, гдѣ подвизаются *сочинители*, подобные г. Мещеринову, гдѣ имѣютъ право гражданства *литературныя произведенія*, подобныя его мнѣнію!

Съ тяжелымъ чувствомъ оставляемъ мы прошлогоднюю литературу крестьянскаго вопроса и обращаемся къ другимъ, близкимъ къ нему предметамъ, занимавшимъ въ прошломъ году нашу журналистику. Эти предметы — общинное владѣніе, грамотность народа и тѣлесное наказаніе. Къ сожалѣнію и здѣсь мало отраднаго.

Вопросъ объ общинѣ возбужденъ былъ и поддерживался постоянно въ «Современникѣ». Поэтому мы не имѣемъ надобности теперь распространяться о немъ. Но не можемъ не напомнить читателямъ, какой хаосъ всѣхъ понятій — философскихъ, историческихъ и экономическихъ — представлялся въ этомъ спорѣ. Сначала, когда г. Чернышевскій вызвалъ «Экономическій Указатель» на споръ объ общинѣ, то г. Вернадскій объявилъ, что рѣшается отвѣчать ему только ради самоувѣренности его тона, но что впрочемъ не считаетъ подобный споръ *ни важнымъ, ни современнымъ*. Прошелъ годъ, и всѣ журналы, всѣ газеты наши наполнились статьями объ общинѣ. Одна изъ статей (въ 44 № Атенея) начиналась уже такъ: «существованіе общиннаго владѣнія, какъ факта у насъ въ Россіи, и какъ теоріи, волнующей умы на Западѣ, *ставитъ его на очередь вопросовъ, почти всемірно-любопытныхъ*.» Вотъ какъ перевернулось дѣло въ теченіе одного года! Но какъ разсуждали объ этомъ всемірно-любопытномъ вопросѣ? Удивительно разсуждали! Въ самомъ разгарѣ споровъ вдругъ «Русскій Вѣстникъ» предъявилъ свое собственное убѣжденіе объ общинѣ. Онъ выразился очень категорически: «объ общинномъ владѣніи *не можетъ болѣе идти серьезной рѣчи*. Много, слишкомъ много было уже сказано противъ этой формы владѣнія, и говорить болѣе значило бы гоняться съ обухомъ за мухой. *Отстаивать общинное владѣніе невозможно*; по крайней мѣрѣ невозможно для людей, уважающихъ слово и неспособныхъ жертвовать очевид-

ностью истины упрямству самолюбія». (Р. В. № 17, стр. 187). А чтобы показать, какіе это люди «способные жертвовать истиною» и пр., «Русскій Вѣстникъ» подробно изображаетъ ихъ. Онъ дѣлитъ защитниковъ общины на двѣ категоріи: одни почтенные люди,—только уже очень глупые, потому что все стоятъ на одномъ: credo, quia absurdum est; другіе,—но о другихъ вотъ какъ отзывается «Русскій Вѣстникъ.»

«Кромѣ этихъ, впрочемъ почтенныхъ и уважаемыхъ нами голосовъ, раздавались еще голоса иного свойства въ пользу общиннаго владѣнія. *Но эти были свободны отъ всякаго энтузіазма и не имѣли никакихъ убѣжденій.* Въ головѣ этихъ господъ сложился *нерастворимый осадокъ отъ верхогляднаго чтенія всякаго рода брошюрокъ*, которыхъ все достоинство въ ихъ глазахъ состояло только въ томъ, что онѣ были направлены противъ политической экономіи и вообще *противъ всѣхъ началъ яснаго мышленія и знанія.* Въ нихъ *не замѣтно признаковъ собственной мысли*, и видно, что ни до какого результата не доходили они испытаніемъ собственнаго ума; но тѣмъ тверже засѣли въ нихъ *результаты всякихъ броженій чужой мысли.* Все встрѣчное и поперечное приравниваютъ они къ этимъ *осадкамъ, замѣняющимъ для нихъ собственный умъ;* въ чемъ замѣтятъ они какое-нибудь согласіе, какое-нибудь сродство съ словами ихъ авторитетовъ, то становится для нихъ предметомъ живѣйшихъ сочувствій, и они съ задорнымъ ожесточеніемъ защищаютъ свою святыню, оспаривая все встрѣчное и поперечное, что̀ не подойдетъ подъ цвѣтъ и тонъ *жалкихъ суррогатовъ истины*, служащихъ обильнѣйшимъ источникомъ если не мысли, то *удалыхъ словъ и ухорскихъ фразъ.* Эти господа не обошли и русской общины. Ихъ плѣнило въ ней общинное владѣніе, потому что кто-то и когда-то сказалъ что-то въ похвалу общиннаго владѣнія, и *потому еще, что оно радикально противорѣчитъ всѣмъ законамъ политической экономіи.* Для всякаго другаго такое противорѣчіе не было бы по крайней мѣрѣ предметомъ особенной радости; но для этихъ господъ именно это-то самое несогласіе съ наукою и служитъ сильнѣйшею причиной пристрастія къ общинному владѣнію. Не то чтобъ они дорожили своимъ мнѣніемъ, вопреки наукѣ; этого мало: они потому только и начинаютъ считать какое-либо мнѣніе своимъ, *только потому* и цѣпляются за него, *только потому* и дорожатъ имъ, *что оно отвергается мыслію и противорѣчитъ наукѣ.* Къ сожалѣнію эти *задорно-крикливые голоса, которыхъ наглость равняется только ихъ невѣжеству и безмыслію*, слишкомъ часто и не безъ эффекта раздаются въ нашей литературѣ, увлекая за собою *ватагу праздныхъ головъ, въ которыхъ звенятъ только слова, за отсутствіемъ мысли.* Для этихъ *крикуновъ* нѣтъ ничего завѣтнаго;

мы слышали, съ какимъ *цинизмомъ* возставали они *противъ исторіи*, противъ *правъ личности*, *льготъ общественныхъ*, *науки*, *образованія*; все готовы были они нести на свой *мерзостный костеръ* изъ угожденія идоламъ, которымъ они *поработили* себя, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что *стоило бы только этимъ идоламъ кивнуть пальцемъ в другую сторону*, *и жрецы ихъ запьли бы мгновенно иную пѣсню и разложили бы иной костеръ*».

Кажется, — достаточно сильно: видно, что съ убѣжденіемъ написано! И что же? Вслѣдъ за тѣмъ начинается рѣчь въ такомъ родѣ: вы всѣ—глупцы и невѣжды; вы хвалите общину, да не ту; общину и нужно защищать, да только не ту, какая есть и какую вы знаете, а другую, какую мы вамъ покажемъ. И начинается показыванье новой общины. Затѣмъ немедленно въ литературѣ раздается смѣхъ. «Атеней» сообщаетъ публикѣ рецептъ, по которому составлена статья «Русскаго Вѣстника»: «возьми стараго, выдохшаго взгляда на происхожденіе права поземельной собственности, смѣшай съ двойнымъ количествомъ школьныхъ ошибокъ противъ исторіи, мелко-на-мелко истолки и брось эту пыль въ глаза читающему люду, предваривъ напередъ, что всякій, кто назоветъ ее настоящимъ именемъ,—безсмысленный невѣжда, пустой болтунъ, врагъ, лишенный *даже* энтузіазма (а извѣстно, что въ наше время энтузіазмъ дешевле всего: онъ отпускается почти задаромъ, потому что мало требуется)» (Ат. № 40, стр. 329). Потомъ «Сельское Благоустройство» отозвалось о статьѣ «Русскаго Вѣстника» почти тѣми же словами, какими самъ онъ говорилъ объ общинномъ владѣніи, — т. е. что о статьѣ этой «странно говорить серьёзно» (С. Б. № XI, стр. 99). Естественно, что при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ противниковъ запутанность вопроса увеличивалась. Она увеличилась еще больше, когда въ споръ объ общинѣ вмѣшались разныя отвлеченныя соображенія изъ наукъ, такъ сказать — духовныхъ. Такъ напр. въ 50 № Атенея г. Савичъ, въ статьѣ «Нѣсколько мыслей объ общинномъ владѣніи землею,» внезапно заговорилъ, *безъ* всякой видимой побудительной причины, *«объ отношеніи идеала человѣческаго блаженства къ идеалу счастья собачьяго!»* Онъ высказалъ мысли весьма высокія. «Если,—говоритъ,—счастье есть удовлетвореніе потребностей, а въ натурѣ человѣка нельзя представить такихъ потребностей, для которыхъ нѣтъ удовлетворенія во всей вселенной,—то, слѣдовательно, счастливъ тотъ, кто имѣетъ потребности и можетъ удовлетворять имъ? Какъ похоже оно (т. е. счастье, должно быть) на счастье собаки моей за овсянкой или голоднаго волка, разрывающаго добычу свою!... А мнѣ казалось, что идеалъ *нашего* счастья въ Богѣ, и къ нему стремится человѣкъ двумя путями:

въ религіи — чувствомъ, въ наукѣ — умомъ; я думалъ, что чувство это ненасытимо, а умъ ограниченъ условіями матеріи; я думалъ поэтому, что истиннаго счастья нѣтъ на землѣ для человѣка, а есть только *довольство да наслажденіе*» (стр. 444). Все это очень добродѣтельно, — но какъ вяжется съ общиннымъ владѣніемъ — рѣшить трудно. И въ такихъ-то преніяхъ прошелъ цѣлый годъ! Къ концу — года г. Чернышевскій нашелся вынужденнымъ преподать своимъ противникамъ нѣсколько элементарныхъ свѣдѣній философскихъ и политико-экономическихъ. Въ тоже время г. Кавелинъ напечаталъ въ «Атенеѣ», весьма серьёзную статью въ защиту общины. Опять, стало быть, вопреки «Русскому Вѣстнику,» пошла *серьезная* рѣчь объ общинномъ владѣніи!..

За то вопросъ о грамотности сдѣлалъ въ теченіе прошлаго года истинно-замѣчательные успѣхи. *Почти* рѣшено, что грамота не ведетъ народъ къ погибели. Съ благородной прямотою и смѣлостью выразился одинъ изъ защитниковъ грамотности, что «*вреда отъ грамотности нельзя ждать большаго!*» (Земл. Газ. № 98, стр. 786). Вопросъ остановился уже на томъ, какія знанія нужны крестьянамъ и какихъ не требуется. Разумѣется, высказаны были мнѣнія, что равенство образованія всѣхъ сословій въ государствѣ есть утопія; что для высшихъ знаній, (какъ напр. знаніе законовъ, исторіи и т. п.) есть «нѣкоторое количество людей, занимающихъ въ организаніи государства извѣстное мѣсто и значеніе» (Земл. Газ. №№ 15, 44, 45). Противъ этого мнѣнія говорили нѣкоторые довольно неопредѣленными фразами; но вобще съ нимъ соглашались. Затѣмъ для крестьянъ опредѣлялось ученіе: читать, писать и законъ Божій; преимущественно же указывалось на *нравственное воспитаніе*, состоящее въ исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ властямъ. Впрочемъ особенныхъ подробностей не было высказано: все еще ушивались повтореніемъ новой, съ такимъ трудомъ, съ бою взятой истины, что отъ образованія крестьянъ нельзя ожидать большаго вреда... И то хорошо!

Вопросъ о тѣлесномъ наказаніи тоже былъ на очереди; но рѣшился какъ-то странно. Нужно впрочемъ замѣтить предварительно, что если кто подумаетъ, будто дѣло шло въ литературѣ объ отмѣненіи розогъ, — тотъ жестоко ошибается. Нѣтъ, до этого литература еще не договорилась. Дѣло шло ни больше, ни меньше какъ о томъ, кому сѣчь, — помѣщику ли, или сельскому управленію. Ранѣе всѣхъ, кажется, поднялъ этотъ любопытный вопросъ нѣкто г. Петрово-Соловово, предложившій его въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» въ такой формѣ: «какимъ количествомъ ударовъ розгами владѣлецъ можетъ наказывать срочно-обязанныхъ крестьянъ *по своему желанію*

и усмотрѣнію?» На вопросъ, конечно, явились отвѣты. Въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» г. Рощаковскій высказалъ гуманную мысль, что не слѣдуетъ отстаивать 40 ударовъ, а можно спуститься до 20. Князь Черкасскій въ «Сельскомъ Благоустройствѣ» поступилъ еще гуманнѣе: онъ спустилъ еще десять процентовъ и согласился уменьшить число ударовъ, предоставленныхъ въ вѣдѣніе дворянства, до 18. Но тутъ-то (не знаемъ ужь, почему,—потому, должно быть, что въ послѣдовательныхъ уступкахъ увидѣли слабость противниковъ) и возстали благородные рыцари, совершенно разбившіе князя Черкасскаго. Кончилось тѣмъ, что онъ отказался и отъ 18 ударовъ въ пользу дворянства и уступилъ ихъ сельскому управленію. Но тутъ, разумѣется, рыцари ободрились еще болѣе и начали пускать грязью въ бѣгущаго съ поля битвы князя Черкасскаго и въ друзей его. Но бѣглецы скрылись, а рыцари оказались перепачканными въ грязи. Затѣмъ все стихло....

Не столь счастливо, какъ народъ, отдѣлались дѣти: о нихъ наши передовые люди все еще *сомнѣвались* въ прошломъ году: сѣчь или не сѣчь, по своему желанію и усмотрѣнію. Впрочемъ и то хорошо, что сомнѣвались: сомнѣніе есть путь къ истинѣ.

Такимъ образомъ на поприщѣ грамоты и розогъ успѣхи наши въ прошломъ году несомнѣнны. Много уже сдѣлано; говоря словами одной современной пѣсенки:

Мы обсуждали очень тонко
(Хоть не рѣшили въ этотъ годъ),
Пороть ли розгами ребенка,
Учить ли грамотѣ народъ.

Вообще о народномъ просвѣщеніи у насъ сильно говорили въ прошедшемъ году. Особенно занимали всѣхъ вопросы о женскомъ образованіи и объ отношеніи гимназій къ университетамъ. Согласились единодушно, что дѣвочекъ учить *тоже нужно*; съ большою радостью привѣтствовали открытіе женскихъ школъ. Что касается до направленія и характера женскаго образованія, — на этомъ поприщѣ подвизался преимущественно г. Аппельротъ, желавшій вообще проводить воспитаніе «отъ центра домашняго быта къ периферіи всемірной жизни». Впрочемъ, литература на этотъ предметъ какъ-то мало обратила вниманія. Но за то учрежденію женскихъ школъ она ужасно радовалась!... Въ простотѣ души она не стыдилась хвалиться тѣмъ, что у насъ *наконецъ будутъ* женскія школы!... Изъ этого видно, что она считаетъ женскія школы въ нѣкоторомъ родѣ роскошью, безъ которой можно и обойтись...

Объ университетахъ и гимназіяхъ тоже хорошо говорили. Одинъ профессоръ сказалъ, что въ университетѣ студенты ничему не выучиваются, потому что въ гимназіяхъ плохо бываютъ подготовлены къ слушанію ученыхъ лекцій профессоровъ («Атеней», № 38). А гимназіи оттого приготовляютъ плохо, — утверждалъ тотъ же профессоръ, уже вмѣстѣ съ другимъ («Журн. д. Восп.» № 2), что университету не предоставлено контроля надъ ними. Но профессорамъ съ разныхъ сторонъ дали сильный отпоръ. Они глумились надъ гимназистами, поступающими въ университетъ, и разсказывали уморительные анекдоты, случавшіеся съ молодыми людьми на пріемныхъ экзаменахъ; а имъ отвѣчали еще болѣе уморительными анекдотами о профессорскихъ лекціяхъ. Профессоръ говорилъ: «что дѣлать съ тупоумнымъ ученикомъ, который на экзаменѣ отвѣчаетъ слово въ слово по скверному учебнику?» А ему отвѣчали: «что же дѣлать ученику, ежели профессора и вообще знающіе люди презираютъ составленіе учебниковъ и предоставляютъ это дѣло какому нибудь г. Зуеву?» — Профессоръ говорилъ: «если ученикъ не знаетъ географіи, то читая, напр. исторію, не могу же я замѣчать ему, что Ліонъ находится во Франціи, а Тиберъ течетъ въ Италіи....» А ему отвѣчали: «отчего же бы и нѣтъ? Это было бы и лучше и короче, чѣмъ читать напр. цѣлый трактатъ о разныхъ породахъ голубей и объ ихъ воспитаніи, какъ дѣлалъ одинъ профессоръ по поводу слова, встрѣтившаго въ какомъ-то памятникѣ....» И анекдоты о профессорахъ были отличные! Словомъ — литература показала себя!

По этой же части еще былъ одинъ важный вопросъ, котораго однако такъ и не рѣшила литература. Дѣло было въ томъ: нужно ли учителямъ (особенно уѣзднымъ) внутренно возвыситься до того, чтобы заслужить сначала уваженіе общества, а потомъ, за добродѣтель,— хорошее жалованье; или же нужно учителямъ прибавить жалованье для того, чтобы они могли получше держать себя въ обществѣ. Въ «Журналѣ для Воспитанія» почти цѣлый годъ объ этомъ препиранія производились; «Атеней», въ лицѣ г. Некрасова, объявилъ себя за внутреннее возвеличеніе учителей; г. Гаринъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» объявилъ себя за прибавку жалованья. Но окончательнаго рѣшенія по столь многотрудному вопросу до сихъ поръ еще не произнесено.... И, кажется,—не литература произнесетъ его: прибавка жалованья учителямъ уже рѣшена, говорятъ, въ министерствѣ просвѣщенія.

Не пускаясь въ подробности, укажемъ еще въ общихъ чертахъ на два современнѣйшіе вопроса — о *взяткахъ* и *гласности*. Первый вопросъ, впрочемъ, въ прошедшемъ году потерялъ уже свою самостоятельность (въ этомъ дѣйствительно можно видѣть *прогрессъ ли*

тературы) и примкнулъ къ вопросу о гласности, которая разсматривалась у насъ преимущественно въ примѣненіи къ судопроизводству. Разумѣется, тутъ цѣлая половина разсужденій заключалась въ опроверженіи сочиненнаго нашими же писателями мнѣнія о томъ, что гласность гибельна для блага государства. Сколько мы ни прислушивались къ общественному мнѣнію здѣсь, въ Петербургѣ, сколько ни разспрашивали людей, жившихъ въ послѣднее время въ провинціяхъ,—ни отъ кого мы не слыхали, чтобы гласность считалась гибельною въ нашемъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ, которое читаетъ журналы. А между тѣмъ журнальныя статейки безпрестанно сражались съ невидимыми, воображаемыми противниками гласности.... Есть, конечно, противники; кто же станетъ отвергать это? Но вѣдь они стоятъ ниже общественнаго сознанія. Вѣдь уже самый фактъ нерасположенія къ гласности доказываетъ, что они — или изъ ума выжили, или не имѣютъ ни малѣйшей добросовѣстности? Зачѣмъ же литература такъ много о нихъ заботится, такъ много придаетъ имъ значенія? Стало быть, они имѣютъ для нея какую-то непостижимую важность!... Хороша же литература, для которой имѣютъ важность такіе господа, совершенно уже отрѣшенные отъ всякаго здраваго смысла!... И послѣ этого еще литература имѣетъ наивность воображать, что она въ состояніи руководить общество на пути прогресса!... Неужели она не понимаетъ, что общество стоитъ уже выше подобныхъ внушеній и подобныхъ руководителей? Неужели литература невидитъ, что общество требуетъ пищи, а не разсужденій о томъ, что не вами можно умереть съ голоду?... Хорошъ былъ бы поваръ, который каждое утро являлся бы къ вамъ и посвящалъ по нѣсколько часовъ на объясненіе того, что человѣкъ долженъ ѣсть, что кушанье надобно варить непремѣнно съ солью, что безъ соли оно не будетъ имѣть вкуса, и т. п. Вѣроятно, вы скоро приказали бы ему замолчать, или наконецъ совсѣмъ прогнали бы его....

Но кромѣ разсужденій о пользѣ гласности, были и дѣйствительныя ея примѣненія. Вы помните ихъ, читатель; а если не помните, то обратитесь къ «Свистку»: тамъ ихъ цѣлая коллекція.... «Свистокъ» можетъ ими восхищаться, сколько ему угодно; но мы, признаемся, не видимъ особенной пользы въ подобномъ примѣненіи гласности.

Одинъ изъ видовъ гласности составляла обличительная литература. Въ этой отрасли, кромѣ безъименности, обращаетъ на себя вниманіе еще мелкота страшная. По поводу разныхъ литературныхъ явленій прошлаго года, въ родѣ комедій г. Львова, стихотвореній г. Розенгейма и т. п., мы не разъ уже разсуждали объ этомъ предметѣ. Теперь припомнимъ только общій характеръ обличительной литера-

туры послѣдняго времени. Она вся погрузилась въ изобличеніе чиновниковъ низшихъ судебныхъ инстанцій. Писарямъ, становымъ, магистратскимъ секретарямъ, квартальнымъ надзирателямъ житья не было! Доставалось также и сотскимъ, и городовымъ, и т. п. Все это, конечно, хорошо въ своемъ родѣ: зачѣмъ же и городовому грубо обращаться съ дворниками? Нужно и его обличить.... Но вслушайтесь въ тонъ этихъ обличеній. Вѣдь каждый авторъ говоритъ объ этомъ такъ, какъ будто бы все зло въ Россіи происходитъ только оттого, что становые нечестны и городовые грубы! Вѣдь до сихъ поръ многіе изъ обличителей не отрѣшились отъ достойно-осмѣянной точки зрѣнія Надимова, увѣряющаго, что для благоденствія Россіи нужно только на мелкія должности поступить богатымъ дворянамъ!... А пора бы ужъ понять всю недостаточность подобнаго воззрѣнія. Оно, конечно, справедливо въ томъ отношеніи, что господамъ, подобнымъ Надимову, все-таки полезнѣе занимать мелкія должности, чѣмъ важныя: при меньшемъ кругѣ дѣятельности они меньше и зла надѣлаютъ. Но нельзя же удовольствоваться такимъ отрицательнымъ заключеніемъ; надобно отъ него придти къ чему нибудь; а литература наша ни къ чему не пришла. И въ прошломъ году, какъ въ предъидущихъ, она громила преимущественно уѣздныя власти, о которыхъ, если правду сказать, — послѣ Гоголя и говорить-то бы не стоило.... Если же задѣвались иногда губернскіе чины, то обличеніе большею частію слагалось по слѣдующему рецепту: выводился благороднѣйшій губернаторъ, благодѣтель губерніи, поборникъ законности и гласности; около него группировалось два-три благонамѣренныхъ чиновника, и они-то занимались караніемъ злоупотребленій. А иногда губернаторъ на сцену вовсе не являлся, а только предполагался за кулисами, какъ опора добродѣтели, въ родѣ фатума древнихъ. Остальныя губернскія власти затрогивались все рѣже и легче, по мѣрѣ приближенія своего къ губернатору.... Кромѣ того, въ повѣстяхъ появлялось иногда еще *важное лицо*, *чиновная особа*, и т. п. Что это были за *лица* и *особы*, оставалось извѣстнымъ только автору. Значенія ихъ невозможно было угадать, потому что обличенія наши постоянно отличались необыкновенной отрывочностью. Нигдѣ не указана была тѣсная и неразрывная связь, существующая между различными инстанціями, нигдѣ не проведены были послѣдовательно и до конца взаимныя отношенія разныхъ чиновъ... Не даромъ поборники чистаго искусства обвиняли нашихъ обличителей въ маломъ знаніи своего предмета! Или, можетъ быть, они и знали, да не хотѣли или не могли представить дѣло, какъ слѣдуетъ? Такъ и за это собственно хвалить ихъ не слѣдуетъ; и тутъ заслуга невелика!...

Мы долго не кончили бы, если бы вздумали перечислять частныя ошибки и разбирать въ подробности разныя странности прошлогодней литературы. Мы сначала хотѣли посѣщить читателей подборомъ множества забавныхъ анекдотовъ, совершившихся въ прошломъ году въ литературѣ. Мы хотѣли указать на нашихъ ученыхъ,—на то, какъ г. Вельтманъ считалъ Бориса Годунова *дядею* Ѳедора Ивановича; какъ г. Сухомлиновъ находилъ черты народности у Кирилла Туровскаго, потому что у него, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, говорится: *весна пришла красная;* какъ г. Бѣляевъ доказывалъ, что древнѣйшій способъ наслѣдства — есть *наслѣдство по завѣщанію*; какъ г. Лешковъ утверждалъ, что въ древней Руси не обращались къ знахарямъ и ворожеямъ, а къ *врачу*, который пользовался особеннымъ почтеніемъ; какъ г. Соловьевъ (въ «Атенеѣ») уличалъ г. Устрялова въ томъ, что онъ, вмѣсто *исторіи* Петра, сочинилъ *эпическую поэму*, даже съ участіемъ чудеснаго; какъ г. Вернадскій сочинилъ исторію политической экономіи по диксіонеру Коклена и Гильомена; какъ г. Пальховскій объявлялъ, что трудъ женщины, по законамъ природы, долженъ ограничиваться рожденіемъ дѣ ей; какъ г. Куторга (натуралистъ) относилъ углеродъ къ числу газовъ; какъ г. Берви утверждалъ, что иногда часть бываетъ равна своему цѣлому, и пр. и пр. Хотѣли мы припомнить и нѣсколько *странностей* литературныхъ, какъ напр. то, что «Атеней» началъ свое изданіе, сказавши въ первомъ нумерѣ: «нечего жалѣть, что у славянъ австрійскій жандармъ является орудіемъ образованности;»— а кончилъ въ послѣдней книжкѣ словомъ, что помѣхой нашему прогрессу служатъ раскольники, которыхъ за то и нужно преслѣдовать.... Къ такимъ странностямъ хотѣли мы отнести напр. и мысль о томъ, что главная причина разстройства помѣщичьихъ имѣній нашихъ заключается въ отсутствіи майората («Зем. Газ.»); и увѣреніе, будто главный недостатокъ романа «Тысяча Душъ» заключается въ томъ, что герой романа воспитывался въ московскомъ, а не въ другомъ университетѣ («Рус. Вѣст.»); и опасенія, что въ скоромъ времени, когда нравы наши исправятся, сатирѣ нечего будетъ обличать («Библ. для Чтенія»); и статейку о судопроизводствѣ, увѣрявшую, что такое-то воззрѣніе неправильно, потому что въ Сводѣ Законовъ его не находится («Библ. для Чтенія») и пр. и пр. Всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ нами, стало бы на длинную забавную статью.... Но размышленія наши приняли характеръ вовсе не веселый, и потому мы пройдемъ молчаніемъ и грубыя ошибки, и дикія воззрѣнія, и нелѣпые стихи, и фантастическія повѣсти, въ родѣ «Игрока» г. Ахшарумова, и даже знаменитый «Литературный Протестъ», эти геркулесовы столбы русской гласности, этотъ красно-

рѣчивѣйшій, несокрушимый памятникъ мелочности прошлогодней литературы!.... Эти мелочи уже слишкомъ мелки; оставимъ ихъ въ покоѣ и предоставимъ читателю самому опредѣлить ихъ настоящее мѣсто въ коллекціи другихъ литературныхъ мелочей....

Впрочемъ не будемъ полагаться на читателей. Опытные люди говорятъ намъ, что читатели бываютъ недовольны, когда имъ что нибудь не досказываютъ, а въ нашей статьѣ многое можетъ показаться недосказаннымъ. Вслѣдствіе этого мы находимся вынужденными сказать еще нѣсколько заключительныхъ словъ о крупныхъ и мелкихъ мелочахъ, указанныхъ нами. Заключеніе наше должно служить отвѣтомъ на вопросъ: зачѣмъ мы говоримъ о мелочахъ?

Мы еще въ первой статьѣ нашей объяснили, что литературу понимаемъ, какъ выраженіе общества, а не какъ что-то отдѣльное и совершенно независимое. Эту точку зрѣнія просимъ приложить ко всему, что̀ нами сказано въ настоящей статьѣ. Мы полагаемъ, что наше воззрѣніе и безъ особенныхъ оговорокъ должно быть совершенно ясно; но все-таки считаемъ нужнымъ оговориться еще разъ, чтобы не подать повода къ нелѣпому заключенію, будто мы возстаемъ противъ литературы и хотимъ ея гибели. Совершенно напротивъ: мы горячо любимъ литературу, мы радуемся всякому серьёзному явленію въ ней, мы желаемъ ей бо̀льшаго и бо̀льшаго развитія, мы надѣемся, что ея дѣятели въ состояніи будутъ совершить что нибудь дѣйствительно полезное и важное, какъ только явится къ тому первая возможность. Именно потому и осмѣлились мы такъ сурово говорить о недавнопрошедшемъ нашей литературы, что мы еще храним̀ вѣру въ ея силы. Пусть не оскорбятся нашими словами литературные сподвижники настоящаго; пусть вспомнятъ, какъ они сами смѣялись надъ тѣми чиновниками, которые обижались журнальными обличеніями взятокъ, формальностей и проволочекъ суда, мелочности канцелярскихъ порядковъ, и пр. Литераторы, люди образованные и понимающіе свое положеніе, должны стоять выше подобной обидчивости. Они должны знать, что къ кому обращаются съ недовольствомъ за то, что онъ сдѣлалъ мало, отъ того, значитъ, ожидаютъ бо̀льшаго. Если бы мы думали, что литература вообще ничего не можетъ значить въ народной жизни, то мы всякое писаніе считали бы безполезнымъ, и конечно не стали бы сами писать того, что̀ пишемъ. Но мы убѣждены, что при извѣстной степени развитія народа, литература становится одною изъ силъ, движущихъ общество; и мы не отказываемся отъ надежды, что и у насъ въ Россіи

литература когда нибудь получитъ такое значеніе. До сихъ поръ нѣтъ этого, какъ нѣтъ теперь почти нигдѣ на материкѣ Европы, и напрасно было бы обманывать себя мечтами самообольщенія... Но мы хотимъ вѣрить, что это когда нибудь будетъ.

Съ другой стороны—и публика, которая прочтетъ нашу статью, не должна, намъ кажется, вывести изъ нея слишкомъ дурнаго заключенія для литературы. Немного надо проницательности, чтобы понять, что все наше недовольство относится не столько къ литературѣ, сколько къ самому обществу. Мы рѣшительно не намѣрены противорѣчить, ежели кто нибудь изъ литераторовъ захочетъ предложить возраженія и ограниченія нашихъ мнѣній, напр. въ такомъ видѣ.

«Никто, конечно, не сочтетъ страннымъ, если мы скажемъ, что классъ писателей вообще принадлежитъ къ числу самыхъ образованныхъ, благородныхъ и дѣятельныхъ членовъ нашего общества. Они всегда на виду у всѣхъ съ своими идеями и стремленіями, и слѣдовательно ихъ умственное и нравственное развитіе не можетъ оставаться тайною для читателей. Поэтому мы можемъ съ гордостью сослаться на всю русскую публику, утверждая, что никогда новая литература наша не была поборницею невѣжества, застоя, угнетенія, никогда не принимала характера раболѣпнаго и подлаго. Если встрѣчались личныя исключенія, то они тотчасъ же клеймились позоромъ въ самой же литературѣ. Конечно, мы очень хорошо понимаемъ, что такихъ отрицательныхъ добродѣтелей недостаточно для общественнаго дѣятеля. Да и ни одинъ порядочный человѣкъ не поставитъ въ заслугу, ни себѣ, ни другому — того, что онъ не воръ, не подлецъ и не пьяница. Нужны другія права на общественное уваженіе, и литература, — мы знаемъ, постоянно стремилась пріобрѣсти ихъ. Но стремленія ея большею частію не пользовались совершенной удачей: кто же въ этомъ виноватъ, какъ не общество? Общество терпѣло взятки, самоуправство, неправосудіе; какъ же было литературѣ возстать на нихъ? Въ обществѣ не встрѣчали сильнаго отзыва просвѣщенныя, гуманныя стремленія; могла ли литература сильно ихъ высказать? Если бы общественное мнѣніе у насъ было сильно и твердо, оно на лету подхватывало бы всякое слово, всякій намекъ литературы, ободряло бы и вызывало на дальнѣйшіе словесные подвиги. Но этого не было; сонная вялость господствовала въ обществѣ, общественное мнѣніе отличалось страннымъ индифферентизмомъ къ общимъ вопросамъ; какъ тутъ было не измельчать литературѣ? Война нѣсколько разшевелила насъ, да и то очень мало; мы какъ будто стряхнули нѣсколько сонныхъ грезъ, но множество прежнихъ иллюзій еще осталось въ неприкосновенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и прежняя сонная инерція еще

сильно держитъ насъ на одномъ мѣстѣ, несмотря на всѣ наши толки о прогрессѣ. Мы еще все не можемъ привыкнуть къ мысли о томъ, что нужно самому о себѣ заботиться, нужно работать, нужно идти самимъ, а не ждать, чтобы пришли къ намъ благодѣтели, которые начнутъ переставлять намъ ноги. Насъ не оставило еще наше «авось»; мы все еще хотимъ, чтобы насъ понукали, чтобы за насъ дѣлали другіе. Иногда общество и томится какимъ-то смутнымъ желаніемъ, но оно никогда не шевельнетъ пальцемъ, чтобы привести его въ исполненіе. Въ обществѣ нѣтъ иниціативы; какъ же вы хотите, чтобы давала ее литература? Всякій писатель знаетъ, что если онъ заговоритъ о томъ, что̀ нужно, но что̀ еще не проявилось въ самой дѣятельности общества, то его назовутъ сумасбродомъ, утопистомъ, даже пожалуй—чего добраго! врагомъ общественнаго спокойствія! Ну, когда такъ, то зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ мирному литератору нарушать общее спокойствіе? онъ и молчитъ. А тамъ, посмотришь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ годъ тоже самое предположеніе уже осуществляется въ законодательствѣ или въ административныхъ распоряженіяхъ, и общество довольно, и уже съ рукоплесканіями встрѣчаетъ того, кто заговоритъ о томъ же самомъ. А не осуществится предположеніе,—общество опять довольно и спокойно, и какъ будто вовсе не чувствуетъ ни малѣйшей надобности въ его осуществленіи. Что тутъ дѣлать литературѣ, когда ее не только не спрашиваютъ, а даже и слушать не хотятъ, пока сами событія не наведутъ на туже мысль, какую она могла бы сообщить гораздо раньше?... Конечно, литературу могутъ обвинить въ томъ, что она не выражаетъ своихъ требованій съ жаромъ и настойчивостью, несмотря на всѣ неудачи. Но и на такое обвиненіе общество наше не имѣетъ права. Развѣ оно признало значеніе литературы? Развѣ оно поручило ей свое нравственное и умственное воспитаніе? Развѣ оно своей любовью и уваженіемъ ограждаетъ литературу отъ неразумныхъ нападеній обскурантовъ? Вѣдь нѣтъ; оно равнодушно къ литературѣ, оно не спрашиваетъ ея совѣтовъ; какое же право имѣетъ оно требовать, чтобы литература насильно вмѣшивалась въ его дѣла?

«И самая мелочность вопросовъ, занимающихъ литературу, служитъ не къ чести нашего общества. Если талантливый актеръ пускается въ фарсъ для пріобрѣтенія успѣха, это унижаетъ публику; если профессоръ астрономіи считаетъ нужнымъ объяснять своимъ слушателямъ таблицу умноженія,—это унижаетъ его аудиторію. Такъ и въ литературѣ. Скажите, каково нравственное развитіе того общества, въ которомъ еще приносятъ пользу и имѣютъ успѣхъ разсужденія о пользѣ гласности, о вредѣ безправія, о безчестности лихоимства, и т. п.? Тутъ все падаетъ на неразвитость общества; литера-

тура виновата лишь въ томъ, что явилась среди такой публики. Но что же дѣлать ей? Провинціальный актеръ поневолѣ играетъ для провинціальной публики, пока не найдетъ средствъ поступить на столичный театръ».

Справедливости *такихъ* возраженій мы не отвергнемъ. Дѣйствительно, литература сама по себѣ, безъ поддержки общества, безсильна; стало быть напрасно и требовать что нибудь отъ нея, пока общество не измѣнитъ своихъ отношеній къ ней. У ней во власти только теоретическая часть; практика вся въ рукахъ общества. Она забирается въ кружокъ взяточниковъ и негодяевъ и проповѣдуетъ имъ о честности, безкорыстіи; вы съ удовольствіемъ ее слушаете и апплодируете. Но вотъ, одинъ изъ вашихъ братьевъ попался въ руки къ этимъ взяточникамъ и негодяямъ: они могутъ его лишить имущества, правъ, посадить въ тюрьму, сослать въ Сибирь, словомъ—сдѣлать съ нимъ, что имъ будетъ угодно. Что можетъ сдѣлать писатель, неприкосновенный къ дѣлу, для защиты вашего невиннаго брата? Онъ опять будетъ говорить о честности и правомъ судѣ; но можетъ ли это подѣйствовать на взяточника? Не жалко ли будетъ положеніе писателя, попусту тратящаго слова въ такомъ случаѣ, гдѣ нужно дѣло дѣлать? А вы, имѣя въ рукахъ документы, зная свидѣтелей въ пользу вашего брата, имѣя всѣ средства для уличенія неправаго судьи, будете спокойно смотрѣть на усилія литератора и, пожалуй, опять рукоплескать его благороднымъ разсужденіямъ! Скажите, кто болѣе жалокъ, кто производитъ болѣе непріятное чувство въ этомъ случаѣ, писатель ли, безплодно разсуждающій, или люди, восторгающіеся его краснорѣчіемъ? Трудно рѣшить.

И такъ мы повторимъ здѣсь еще разъ, что, указывая на мелочность литературы, мы не думали *обвинять* ее. Но вотъ въ чемъ мы ее обвиняемъ: она хвалится многими изъ своихъ мелочей, вмѣсто того, чтобы стыдиться ихъ. Говоря о правосудіи, когда неправедно судятъ невиннаго брата, она не сознаетъ ничтожности своей рѣчи для пользы дѣла, не говоритъ, что прибѣгаетъ къ этому средству только за неимѣніемъ другихъ, а напротивъ—гордится своимъ краснорѣчіемъ, разсчитываетъ на эффектъ, думаетъ передѣлать имъ натуру взяточника и иногда забывается даже до того, что благородную рѣчь свою считаетъ не средствомъ, а цѣлью, за которою дальше и нѣтъ ничего. А невинно-осужденный терпитъ между тѣмъ заключеніе, наказаніе, подвергается страданіямъ всякаго рода. И литература не хочетъ видѣть или не хочетъ сознаться, что ея дѣятельность слаба, что того, чѣмъ она можетъ располагать, мало, слишкомъ мало для спасенія невиннаго человѣка отъ осужденія корыстнаго судьи. Вотъ что тяжело для людей, которые ищутъ дѣла, а не хо-

тятъ остановиться на праздномъ словѣ! Вотъ что и вызвало нашу статью. Мы хотѣли напомнить литературѣ, что при настоящемъ положеніи общества она ничего не можетъ сдѣлать, и съ этой цѣлью мы перебрали факты, изъ которыхъ оказывалось, что въ литературѣ нѣтъ иниціативы. Далѣе мы хотѣли сказать, что литература унижаетъ себя, если съ самодовольствомъ останавливается на интересахъ настоящей минуты, не смотря въ даль, не задавая себѣ высшихъ вопросовъ. Для этого мы припомнили, какой ничтожностью и мелкотою отличались многія изъ патетическихъ разсужденій нашей литературы о вопросахъ, уже затронутыхъ въ административной дѣятельности и въ законодательствѣ. Литература всегда можетъ оправдать себя отъ упрека въ мелочности, сказавъ, что она дѣлаетъ, что̀ можетъ, и что не отъ нея, а отъ общества зависитъ дѣлать больше или меньше. Но нѣтъ для нея никакого оправданія, ежели она самодовольно забудется въ своемъ положеніи, примирится съ своей мелочностью и будетъ толковать о своемъ серьёзномъ значеніи, о великости своего вліянія, о прогрессѣ общества, которому она служитъ. Такое самодовольное забытье покажетъ намъ, что литература дѣйствительно не имѣетъ высшихъ стремленій, что она смиренно довольствуется всѣмъ, что ни сдѣлаетъ съ нею общество, ради временной надобности или даже просто ради потѣхи. При такой узости взглядовъ и стремленій литература дѣйствительно можетъ показаться противною для всякаго свѣжаго человѣка, ищущаго дѣятельности...

—вовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

МАРТЪ 1859 ГОДА.

Впечатлѣнія Украйны и Севастополя. Спб. 1859 г.

Много дѣтскихъ воспоминаній пробудила во мнѣ эта книжка, довольно красиво, хотя и не совсѣмъ исправно, напечатанная «въ типографіи III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи». Было время, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда авторъ ея, извѣстный авторъ «Путешествія по Святымъ Мѣстамъ», А. Н. Муравьевъ, — рисовался въ моемъ воображеніи, какъ недосягаемый образецъ чистѣйшихъ чувствованій, возвышеннѣйшихъ мыслей и изящнѣйшаго слога. Я довѣрчиво слушалъ и читалъ тогда восторженные отзывы его почитателей, и самъ робко преклонялся предъ необычайнымъ его краснорѣчіемъ и глубиною мыслей, украшающихъ всѣ его творенія. Нѣсколько лѣтъ потомъ лишенъ я былъ удовольствія читать краснорѣчивыя страницы А. Н. Муравьева и даже, за разными дѣлами, почти забылъ о немъ. Только въ прошломъ году опять напомнилъ мнѣ о его идеяхъ и слогѣ г. де-Жеребцовъ, справедливо названшій его, за высоту чувствованій, шамбеляномъ. Послѣ отзыва г. де-Жеребцова я съ удовольствіемъ сталъ ожидать новыхъ произведеній доблестнаго шамбеляна, и ожиданія мои были не напрасны: въ началѣ нынѣшняго года появились «Впечатлѣнія Украйны и Севастополя».

Съ жадностью принялся я читать «Впечатлѣнія» г. Муравьева, надѣясь испытать тоже умилительное чувство, какое производилось

во мнѣ его краснорѣчіемъ въ годы моего дѣтства. Я хотѣлъ упиться нектаромъ его духовныхъ размышленій, насладиться эѳирною чистотою его чувствованій и благообразіемъ его слога... Но,—представьте себѣ мое горе!—я прочиталъ новое произведеніе почтеннаго автора не только безъ восторга, а напротивъ, даже съ чувствомъ досады и ироніи!.. Мнѣ стало горько за себя: неужели я ужь такъ измѣнился?... И, кажется, отчего бы?... Вѣдь и въ дѣтствѣ меня ничто особенно не связывало съ краснорѣчивымъ авторомъ «Путешествія по Святымъ Мѣстамъ;» я не былъ подъ исключительнымъ господствомъ его идей, не принадлежалъ къ числу мальчиковъ, которые бы находились съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ.... А между тѣмъ все-таки я имъ восхищался.... Отчего же теперь мнѣ смѣшно и непріятно читать его? Не хочется думать, что я очерствѣлъ душою; но не хочется отказаться и отъ иллюзіи, созданной въ дѣтствѣ.... Попробую впрочемъ собрать свои мысли, возбужденныя во мнѣ книгою г. Муравьева: тогда, конечно, яснѣе будетъ, что вѣрнѣе,—прежнія ли мои впечатлѣнія, или теперешнія.

Первое, что меня непріятно поразило и въ чемъ я несомнѣнно убѣдился вторичнымъ просмотромъ книги г. Муравьева, это совершенное отсутствіе въ его «Впечатлѣніяхъ» истиннаго чувства любви, гуманности, теплоты душевной, т. е. именно тѣхъ качествъ, которыя прежде старались, во что бы то ни стало, видѣть въ краснорѣчивомъ шамбелянѣ. Чувства его пробуждаются и разрѣшаются потокомъ краснорѣчія — отъ золоченаго купола, «сіяющаго подобно выспреннему вѣнцу на темени горъ», отъ извѣстія о человѣкѣ, который не ѣстъ мяса на масляницѣ, отъ посѣщенія подвижника «благороднаго происхожденія», отъ воспоминанія о «невѣдомомъ странникѣ въ тяжкихъ веригахъ», и т. п. Но ни одна страница не согрѣта теплотою любви къ человѣчеству, желаніемъ жизненнаго блага ближнему, искреннимъ сочувствіемъ къ его насущному, житейскому горю. Встрѣчаетъ ли онъ чумаковъ въ полѣ, не мысль о трудѣ и скромной, бѣдной долѣ этихъ скитальцевъ посѣщаетъ его, а историческая дума, «о ихъ дѣдахъ, ходившихъ на ляховъ и крымцевъ». Выходитъ ли онъ въ степь, на засѣянное поле, на выгонъ, никогда ни однимъ словомъ не выразитъ онъ участія къ работѣ поселянъ, къ ихъ мирной жизни, столь неразрывно связанной съ природою; онъ только погружается въ эмблематическія мечтанія, въ родѣ того, что «все это зеленѣло и разцвѣло предъ моими глазами, напоминая о скоротечности жизни» (стр. 21) или же красивымъ слогомъ описываетъ, какъ «Божья трава благоухаетъ по всей степи, какъ бы извлекая изъ земли ониміамъ кадильный, во славу Творца, за чудную красоту Божьяго міра»... Даже посѣщеніе Севастополя

какъ-то дико, нечеловѣчески дѣйствуетъ на краснорѣчиваго автора. Патріотизмъ совершенно заслоняетъ въ немъ человѣческія чувства и доводитъ его до того, что онъ съ какою-то злою радостью восклицаетъ о непріятеляхъ: «устлали же они своими костями землю русскую, и не даромъ!» (стр. 37). И вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавляетъ вотъ какое разсужденіе: «надъ входомъ одного изъ кладбищъ, гдѣ англійская позиція сближалась съ французскою, написано «Respect aux morts». *А сами они* развѣ уважали усобшихъ, *и еще какихъ* именитыхъ, даже во время перемирія? Кто святотатно коснулся гробницъ нашихъ славныхъ адмираловъ, посреди основанія начатаго храма? Это не сдѣлали бы и *самые* турки, болѣе уважающіе святость могилъ.» Не правда ли, — любопытная логика?... Она напомнила намъ школьный анекдотъ. «Какъ ты смѣлъ тихонько утащить книгу у Петрова»? — спрашиваетъ учитель мальчика. — «Да помилуйте,— оправдывается воришка,—*онъ самъ* вчера у Иванова перо укралъ»...

Вообще сужденія почтеннаго автора-шамбеляна сильно отзываются наивностію счастливаго возраста человѣческой жизни. Подобно многимъ, мало развитымъ дѣтямъ, онъ, не возставая противъ законности факта, часто возстаетъ противъ его существенныхъ свойствъ и неизбѣжныхъ послѣдствій. Дѣти ничего не имѣютъ противъ того, чтобы огонь сожигалъ предметы; но они хотятъ, чтобы онъ не обжигалъ имъ пальцевъ. Въ этомъ родѣ г. Муравьевъ разсуждаетъ, напр. о войнѣ. Онъ не говоритъ, чтобы она была совершенно безчеловѣчна въ своей сущности; напротивъ,— онъ съ любовью вспоминаетъ о набѣгахъ козаковъ на ляховъ и крымцевъ, съ восторгомъ говоритъ о доблести русскихъ воиновъ, жертвовавшихъ жизнью за вѣру, царя и отечество, восхищается ихъ воинскими лаврами. Но рядомъ съ этимъ онъ никакъ не можетъ понять, зачѣмъ люди, выходя на битву, стрѣляютъ другъ въ друга и вообще стараются нанести непріятелю какъ можно больше вреда. Это совершенно выходитъ изъ круга его пониманія, и потому онъ безпрестанно, наипростодушнѣйшимъ образомъ, гнѣвается на англо-французовъ за то, что они не стояли подъ Севастополемъ сложивши руки, а старались разорить его. Въ ихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ онъ находитъ несомнѣнныя доказательства *варварства*... Въ одномъ мѣстѣ онъ ядовито замѣчаетъ: «все здѣсь пробито ядрами и бомбами, какъ источаются червями плоть и кости; *едва ли обрѣтутся и въ могилѣ такіе угрызатели?*» (стр. 42). Въ другомъ мѣстѣ онъ обвиняетъ *лукавыхъ враговъ* въ мошенничествѣ за то, что они «взорвали зданіе адмиралтейства изнутри, сохранивъ его наружныя стѣны», и тѣмъ произвели «оптическій обманъ, вслѣдствіе котораго зданіе не поражаетъ *жителя* своими развалинами (стр. 47).

Главнымъ образомъ безпокоится почтенный авторъ о томъ, что постройка зданія обошлась очень дорого: по его мнѣнію, англичане обязаны были принять это во вниманіе. «Сколько стоило мильоновъ, говоритъ онъ, — чтобы срыть только одну гору, на которой, по манію царскому, предполагалось строить новое адмиралтейство? Оно долженствовало быть однимъ изъ самыхъ чудныхъ зданій въ мірѣ и не довершенное пало! Исполинскій трудъ рукъ человѣческихъ, достойный древнихъ колоссовъ Египта и Рима, однимъ мгновеніемъ обратился въ ничто! А великолѣпные доки? Можно ли было *столь варварски* истребить ихъ, и для чего? Они уже не годились для новаго устройства кораблей, *но можно было пощадить ихъ ради изящества*» (стр. 48). Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть, что англичане во время войны такъ мало заботились о нашихъ интересахъ.... Кажется, отчего бы имъ не принять нашихъ выгодъ столь же близко къ сердцу, какъ принимаетъ ихъ г. Муравьевъ?... «*Но уже таковъ духъ надменныхъ островитянъ*, удачно замѣчаетъ краснорѣчивый шамбелянъ,—*истреблять все, что только не ихъ*»... За то и клеймитъ же онъ ихъ: «одна только *неистовая вражда*,—говоритъ,—руководила здѣсь истребителей, которые на каждомъ шагу ознаменовали *свое варварство*» (стр. 70). Прочитавъ столь строгій приговоръ, пожалѣли мы, что надменные островитяне бросали въ насъ бомбы со враждою, а не съ нѣжностью; но еще болѣе пожалѣли о невѣдѣніи автора «Впечатлѣній», не умѣющаго взять въ толкъ, что *война* и *вражда* суть понятія болѣе однородныя, чѣмъ *любовь* и *война*...

Впрочемъ надобно и то сказать, что для краснорѣчиваго автора война и миръ, смерть и жизнь, радость и горе человѣчества — въ сущности совершенный вздоръ. Они занимаютъ его не сами по себѣ, а по тѣмъ символамъ и примѣтамъ, которыя можно извлечь изъ нихъ. Symbola et emblemmata — вотъ настоящая спеціальность краснорѣчиваго нашего шамбеляна-писателя. Ручей, напр., интересуетъ его, *какъ подобіе слезъ участія*. «Неуловимыя стези, — говоритъ онъ, описывая Алупку,—подбѣгаютъ подъ гранитные утесы, которые будто готовы обрушиться на смѣлаго путника, довѣряющагося ихъ нависшей громадѣ; но его влечетъ туда живая струя, пробивающаяся *изъ сердца камня* (и у камня оказалось сердце, и даже, какъ увидите, очень чувствительное!), *какъ слезы участія тамъ, гдѣ ихъ не видимъ*, и говоромъ усладительныхъ водъ обворожаетъ посѣтителя *сего нечаяннаго Нимфея.*» (?) (стр. 81). Это символическая картина въ идиллическомъ вкусѣ; а вотъ нѣчто грандіозное. Авторъ говоритъ о бомбардировкѣ Севастополя: «не было ли это однимъ изъ предшествующихъ зрѣлищъ послѣдняго дня нашего міра, обреченнаго на сожженіе со всѣми его стихіями!» (стр. 43). А то вотъ еще

меланхолическій символъ, изъ котораго оказывается, что г. Муравьеву жаль Севастополя *потому именно, что въ Крыму много лавровъ, но еще болье кипарисовъ*. Мысль нѣсколько оригинальная, но не допускающая ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей дѣйствительности: вотъ подлинныя слова г. Муравьева. «Лавры и кипарисы! *Ахъ*, не есть ли это выраженіе нынѣшняго грустнаго впечатлѣнія Крыма, послѣ страшнаго побоища севастопольскаго? Много тамъ было лавровъ, но еще болѣе кипарисовъ! *Вотъ почему* (вотъ почему!!) невольно сжимается сердце на самыхъ отрадныхъ, по красотѣ своей, мѣстахъ южнаго берега, при одномъ воспоминаніи о Севастополѣ! Все къ нему влечетъ, какъ бы теченіемъ береговымъ въ неизбѣжную пучину, (!?) и его роднымъ пепломъ, далеко разносимымъ, *мысленно посыпано все поморіе*, какъ лавою и пепломъ Везувія засыпались окрестные города. (Какъ хорошо сравненіе Севастополя съ Везувіемъ!) *Не тотъ это уже* (благозвучіе-то какое!) *Крымъ*, которымъ восхищался я за десять лѣтъ *предъ симъ* (и рифма есть, если хотите), отъ края и до края, отъ Керчи до Севастополя» (стр. 31).

Очевидно, что символическія страсти сильно обуреваютъ почтеннаго автора, такъ что онъ безпрерывно жертвуетъ имъ здравымъ смысломъ и даже лишается при этомъ свойственнаго ему изящества слога. Иногда онъ отъ меланхоліи и идилліи переходитъ къ философскому настроенію души и задаетъ самому себѣ глубокіе вопросы. На этомъ поприщѣ онъ, конечно, никакъ не уступаетъ извѣстному Кифѣ Мокіевичу; но symbola et emblemmata и тутъ его преслѣдуютъ. Оттого глубокомысліе его большею частію лишено реальной почвы и витаетъ преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ,

Гдѣ граничатъ съ мірозданьемъ
Безпредѣльность и хаосъ.

Такъ напр. онъ задаетъ вопросъ: что произошло бы, «если бы внезапно поднялся герой нашъ Лазаревъ и увидѣлъ вокругъ себя разрушеніе всего того, что создалъ онъ съ такою любовію въ теченіе многихъ лѣтъ?» (стр. 41). Вопросъ весьма серьёзный и любопытный; но такъ какъ Лазаревъ умеръ еще въ началѣ 1851 года, то подниматься ему изъ гроба, чтобы посмотрѣть на разрушеніе Севастополя, было бы нѣсколько странно въ дѣйствительности.... Но въ символическомъ мірѣ г. Муравьева это было бы, вѣроятно, отлично...

Въ другомъ мѣстѣ авторъ дѣлаетъ остроумныя соображенія о томъ, что произошло бы, *«если бы французамъ было позволено быть выбитыми горстію храбрыхъ изъ Малахова кургана!»* Опять важный вопросъ; но опять вовсе не реальный, потому что—когда же и кому

дается позволеніе быть выбитымъ изъ позиціи? А между тѣмъ г. Муравьевъ даже рѣшаетъ этотъ вопросъ положительно. «Французы, говоритъ онъ, захватили курганъ нечаянно и были бы выбиты опять горстію храбрыхъ, одушевленныхъ геройствомъ Хрулева, *если бы только было дозволено*» (стр. 49). Изъ этого видно, что г. Муравьевъ очень высоко ставитъ послушаніе французскихъ войскъ; но все-таки разсужденія его относятся къ области призраковъ.

Но самое лучшее соображеніе дѣлаетъ г. Муравьевъ по поводу англійскихъ бомбъ въ Севастополѣ. Тутъ замысловатый шамбелянъ-писатель становится уже просто Мартыномъ Задекою, и мы рекомендуемъ его разсужденія издателямъ «Новѣйшихъ и полнѣйшихъ оракуловъ и сонниковъ.» Надѣемся, что въ рѣдкой изъ гадательныхъ книжекъ можно найти диковинки, подобныя слѣдующему разсказу (стр. 52).

«Спутникъ мнѣ говорилъ, что много еще валяется начиненныхъ бомбъ между развалинъ и надобно быть съ ними очень осторожнымъ, потому что бывали несчастные случаи. Въ прошломъ году двое пріѣзжихъ англичанъ вздумали пошутить надъ такою бомбою и заплатили жизнію за свою неумѣстную отвагу; бомбу разорвало и ихъ убило на мѣстѣ (До сихъ поръ—здравый смыслъ). Не есть ли это таинственное возмездіе *представителямъ сего непріязненнаго народа* за все то зло, которое нанесли ихъ соотечественники городу, уже беззащитному, во время перемирія, исказивъ самые его останки, пощаженные осадою? Надъ сими останками пришли еще поглумиться ихъ туристы, и тутъ же, въ самыхъ докахъ, разоренныхъ англичанами, обрѣли себѣ смерть! Мертвая повидимому бомба, *и вѣроятно начиненная англійскимъ порохомъ*, два года спустя послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ событій, *таила въ себѣ еще достаточно силы, чтобы поразить англичанина* (именно англичанина?). Право, нельзя всегда *приписывать случаю такія случайности*».

Совершенная правда! Но, что бомба *таила въ себѣ достаточно силы* будто бы только для того, *чтобы поразить англичанина*, а не русскаго, — это уже опять мы позволяемъ себѣ отнести къ области символическихъ фантазій, которыми такъ богатъ просвѣщенный авторъ, столь характеристически названный шамбелянomъ.

На чемъ же основанъ успѣхъ произведеній г. Муравьева? спросили мы сами себя, прочитавши «Впечатлѣнія Украйны и Севастополя».—«А на чемъ основанъ успѣхъ «Оракуловъ» и «Сонниковъ?»—явился у насъ другой вопросъ въ отвѣтъ на первый. Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ читатели могли видѣть, въ какой степени понятія и стремленія г. Муравьева могутъ соотвѣтствовать современнымъ требованіямъ образованныхъ людей. Ясно, что не они интересуются краснорѣчіемъ и символистикой почтеннаго автора; ясно,

что не для нихъ употребляетъ онъ высокій слогъ, который состоитъ у него въ безпрестанномъ употребленіи мѣстоименія *сей*, да слогъ въ родѣ — *обрящетъ*, *маніе*, *останки* и пр. Очевидно, что его произведенія, хотя и печатаются довольно чисто, въ типографіи III-го отдѣленія соб. Е. И. В. канцеляріи, но принадлежатъ къ такъ называемой *сѣробумажной* или *лубочной* литературѣ. «Бобелина, героиня греческая», «Козелъ-Бунтовщикъ», «О нравственной стихіи въ поэзіи», г. Ореста Миллера, «Путь къ спасенію», Ѳедора Эмина, «Путешествія» и «Впечатлѣнія», А. Н. Муравьева—все это принадлежитъ къ одному разряду литературныхъ произведеній и назначено для одного и того же сорта публики.

Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Рѣчь *А. Щапова*. Казань. 1859.

Современныя идеи православны ли? Статья первая и вторая. Спб. 1858.

Мы поставили рядомъ эти книги не потому, чтобы онѣ были слишкомъ похожи одна на другую, а скорѣе потому, что онѣ, *по направленію*, противоположны одна другой. Г. Щаповъ въ рѣчи своей силится доказать, что духовенство наше всегда защищало угнетенныхъ и проповѣдывало свободу, что еще за нѣсколько вѣковъ назадъ оно подало свой голосъ въ пользу тѣхъ улучшеній, которыя выпали на долю нашего времени. Напротивъ того, статьи о современныхъ идеяхъ, съ православной точки зрѣнія, направлены къ тому, чтобы доказать, что современное направленіе русскаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ преобразованія и улучшенія въ духѣ настоящаго времени, въ томъ числѣ и мѣры къ улучшенію крестьянскаго быта, не согласны съ духомъ нашего православія. Если это справедливо, то г. Щаповъ совершенно напрасно усиливался доказать, что наше духовенство всегда заботилось объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Съ своей стороны мы скорѣе готовы согласиться съ мнѣніемъ гг. Кульжинскаго и Баркова, *сочинителей* «Современныхъ Идей», которымъ безъ сомнѣнія хорошо извѣстно, что такое наше православіе и что съ нимъ согласно или несогласно, чѣмъ повѣрить доказательствамъ г. Щапова, которыя вообще слабы и основаны болѣе на случайностяхъ, чѣмъ на исторіи.

Г. Щаповъ имѣетъ въ виду не однихъ только крѣпостныхъ людей, но вообще людей несвободныхъ. Поэтому онъ приводитъ иногда такія мѣста изъ пастырскихъ поученій, которыя не отно-

сятся прямо къ крестьянамъ и помѣщикамъ, а имѣютъ въ виду вообще господъ и холоповъ, какого бы рода холопство это ни было, и даже изгнанныхъ, заключенныхъ и подвергшихся несправедливому преслѣдованію или угнетенію отъ судей и сильныхъ міра сего. Всѣ эти мѣста сбиваются на одну тему, — что сильные не должны притѣснять слабыхъ, потому что предъ Богомъ всѣ равны. Но отъ этихъ общихъ мѣстъ, которыми переполнены проповѣди не однихъ нашихъ древнихъ пастырей, еще слишкомъ далеко до горячей заботливости объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Что же касается поученій, относящихся собственно къ крестьянамъ и помѣщикамъ, то ихъ не такъ много и притомъ большая часть изъ нихъ была говорена по обязанности, слѣдовательно по характеру своему походитъ на тѣ, которыя говорены были и вообще противъ рабства. Если же въ древней нашей церкви и были такіе пастыри, которые дѣйствительно сочувствовали несчастіямъ меньшихъ своихъ братій и подавали голосъ въ ихъ защиту, то скорѣе пастырей этихъ можно назвать исключеніемъ, чѣмъ голосъ ихъ считать голосомъ всего духовенства. Духовенство, какъ извѣстно, играло въ древней Руси значительную роль: сами великіе князья не могли сдѣлать ничего важнаго, не получивъ согласія и благословенія митрополита или патріарха. При такомъ значеніи, духовенство конечно могло бы имѣть нѣкоторое вліяніе и на участь несвободныхъ людей, если бы оно вздумало принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, въ нашей исторіи мы не находимъ подобныхъ фактовъ. Напротивъ, изъ исторіи мы знаемъ, что духовенство наше само владѣло крестьянами, и г. Щаповъ говоритъ, что пастыри церкви, увѣщевая господъ человѣколюбиво обращаться съ ихъ рабами, въ то же время увѣщевали и игуменовъ монастырей къ тому же. «Бога ради, будь милостивъ ко крестьяномъ», писалъ напр. Никонъ игумену Иверскаго монастыря. Но г. Щаповъ видитъ въ этомъ фактѣ одну только хорошую сторону,—именно, что пастыри церкви заботились объ облегченіи участи несвободныхъ людей, — опуская изъ вниманія то весьма важное обстоятельство, что увѣщанія пастырей направлялись нерѣдко къ ихъ же духовнымъ собратамъ, которые вѣроятно были не слишкомъ человѣколюбивыми господами. Допустимъ даже, что грамота объ устройствѣ монастырскихъ зданій, въ которой находятся вышеприведенныя слова Никона, имѣла видъ инструкціи, и патріаршее увѣщаніе не было вызвано дѣйствіями иверскаго игумена: во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что крестьяне не всегда благоденствовали подъ сѣнію церквей и монастырей; иначе зачѣмъ было бы Никону писать подобное увѣщаніе? Такихъ фактовъ можно бы привести довольно много, но мы считаемъ это совершенно излиш-

нимъ, послѣ того, какъ «Современныя Идеи», пущенныя въ ст
гг. Кульжинскимъ и Барковымъ, такъ рѣшительно подорвали к
доказательства г. Щапова. «Улучшить всякое дѣло общества
говоритъ г. Кульжинскій, бытъ крестьянъ, какъ и упрочить бл
каждаго лица въ частности, есть дѣло Божіе, а не человѣчес
Благословитъ Господь—и всѣ, богатые и бѣдные, будутъ счастли
Прогнѣвается Господь—и всѣ и каждый, посреди всякаго изобил
свободы, при безчисленныхъ желѣзныхъ дорогахъ, телеграфа
фабрикахъ, пароходахъ, будутъ страдать, путаться и рабствовать
Сентенціи эти отзываются такою набожностію и такимъ христ
скимъ смиреніемъ, что даже какъ-то неловко сказать, что онѣ им
фаталистическаго свойства. Какъ бы то ни было, смыслъ ихъ то
что излишне заботиться объ улучшеніи своей или чужой участи, ч
если одни изъ насъ страдаютъ, а другіе наслаждаются благоде
ствіемъ, то значитъ такова на то воля Божія, которой перемѣни
не могутъ никакія человѣческія усилія; что намъ остается сидѣ
сложа руки, и ждать, пока счастіе слетитъ къ намъ съ неба, какъ п
нищему фортуна.... И мало того, что старанія наши останутся бе
плодными, мы еще, продолжаетъ г. Кульжинскій, прогнѣваемъ Го
пода. Вотъ что не мѣшало бы замѣтить г. Щапову. Неужели же и
самомъ дѣлѣ древніе наши пастыри не знали этой истины и шли п
перекоръ ей, нисколько не страшась Божьяго гнѣва? Вѣдь и он
были такіе же смертные, какъ и всѣ мы, и стало быть подлежал
одинаковой съ нами отвѣтственности. Нѣтъ, мы такъ глубоко чти
ихъ, что никакъ не думаемъ навязывать имъ такихъ неблагочести
выхъ стремленій. Другое дѣло—современные экономисты и публи
цисты, противъ которыхъ такъ сильно ратуетъ г. Кульжинскій.
Для нихъ, конечно, нѣтъ ничего святаго....

Кромѣ мыслей о современныхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ,
въ статьѣ г. Кульжинскаго много и другихъ весьма назидательныхъ
размышленій. Напр. какъ прекрасно г. Кульжинскій разсуждаетъ о
взяточничествѣ, этой, какъ онъ выражается, «застарѣлой язвѣ, по
жирающей насъ, подобно одной изъ египетскихъ казней»! «Живо
писное изображеніе пороковъ, говоритъ онъ, вовсе не истребляетъ
пороковъ. Для истребленія пороковъ, прежде всего и паче всего нуженъ страхъ Божій и глубокое чувство вездѣприсутствія Божія. Какъ я возьму взятку или затаю казенное добро, когда Богъ видитъ это, хотя бы никто изъ людей не зналъ и не видѣлъ»?... и проч. Еще лучше разсуждаетъ онъ о грамотности. Мы не имѣемъ возможности выписать всего разсужденія, хотя оно и стоило бы этого, и передадимъ въ нѣсколькихъ словахъ его сущность. Г. Кульжинскій совѣтуетъ учить нашихъ простолюдиновъ славянской грамо-

ѣ по Часослову и Псалтыри, какъ это искони дѣлалось на святой Руси. Это, говоритъ, дастъ имъ возможность читать и другія Богослужебныя книги. А русской грамотѣ учить не зачѣмъ, потому что нечего читать, кромѣ исторій Карамзина и Устрялова и сказокъ о Бовѣ-Королевичѣ, о Жаръ-птицѣ, о Ванькѣ Каинѣ и другихъ подобныхъ предметахъ. Кромѣ Псалтыри и Часослова, г. Кульжинскій рекомендуетъ для обученія простолюдиновъ еще одну, какъ онъ говоритъ, «безцѣнную книжечку»: «Первое обученіе отрокомъ, въ немъ же буквы и слоги». Совѣтуетъ онъ завести и школы, «но—conditio sine qua non—непремѣнно школы *церковно-славянскія!*» Впрочемъ, говоритъ, нечего жалѣть, что не всякій мужичекъ нашъ умѣетъ читать и писать. Западу въ этомъ дѣлѣ не стоитъ подражать. Звучны бубны за горами! Я, говоритъ, прожилъ многіе годы въ западно-католической землѣ и неоднократно былъ свидѣтелемъ слѣдующаго, всегдашняго тамъ явленія: «молитвенники, по которымъ тамошніе прихожане молятся въ церкви, состоятъ изъ собранія молитвъ *на разные случаи*, утреннихъ, вечернихъ, во время бездождія, во время грозы, о выздоровленіи и т. п. Простодушные и полуграмотные простолюдины тамошніе, не обращая вниманія на совершающуюся предъ ними литургію, читаютъ, пополамъ съ грѣхомъ, всѣ молитвы отъ доски до доски, и утреннія, и вечернія, и о томъ, чтобъ шелъ дождь, и о томъ, чтобъ дождь пересталъ и т. п.... Ну, что это за грамотность?» Говорится и о воспитаніи. Здѣсь между прочимъ г. Кульжинскій замѣчаетъ, что «вмѣсто *общечеловѣческаго* образованія надобно говорить образованіе *христіанское*», потому что «*общечеловѣческое* (какъ его употребляютъ литераторы и философы), въ дѣлѣ вѣры и нравственности, предполагаетъ только деизмъ и дальше десятословія не восходитъ.»

Пріятель г. Кульжинскаго, г. Барковъ — сочинитель еще болѣе остроумный.... Въ статьѣ своей онъ занимается спеціальнымъ предметомъ — Весельчакомъ, Смѣхомъ, Пустозвономъ и другими «литературными произведеніями въ великій постъ 1858 года», но отъ нихъ переходитъ иногда и къ общимъ разсужденіямъ — о театрахъ, романахъ, современномъ направленіи общества, о прогрессѣ, котораго впрочемъ онъ никакъ не можетъ представить себѣ безъ Весельчака, Смѣха и Пустозвона. Они-то и есть, по его мнѣнію, проводники современныхъ идей.

Статья начинается эпиграфомъ: «возлюбиша человѣцы паче тьму, неже свѣтъ». Изъ этого эпиграфа видно уже, съ какой мрачной точки смотритъ г. Барковъ на упомянутыя изданія. «Церковь, говоритъ, стучитъ въ двери покаянія, а въ области литературы является «Весельчакъ», и является какъ разъ на пер-

вой недѣлѣ Поста, какъ бы напереворъ великому канону плача и сокрушенія о грѣхахъ.» Дальше идетъ такъ хорошо, такъ хорошо, что мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать нѣсколькихъ строкъ.

«На подмогу ему (Весельчаку) и, какъ бы въ насмѣяніе и уничиженіе великаго дѣла покаянія, на кресто-поклонной недѣлѣ, раздается безстыдный «Смѣхъ». Въ церкви выставленъ для поклоненія животворящій крестъ Господень, а цивилизованные и вновь появившіеся самозванные литераторы со смѣху помираютъ, раздавая, на всѣхъ перекресткахъ, свой печатный *смѣхъ!* Но какъ и этого оказалось мало, то любитель прогресса (?) выдумалъ, *для страшной недѣли* «Пустозвонъ», какъ бы издѣваясь надъ звономъ церковнымъ, призывающимъ вѣрныхъ къ присутствованію при страстяхъ Господнихъ. Очевидно, «Пустозвонъ» есть итогъ веселья и смѣха. А извѣстно, что слѣдствіемъ смѣха и веселья нерѣдко бываетъ и самое горе: оно такъ и вышло. На святой недѣлѣ хожалые раздавали народу уже не одинъ смѣхъ, а «Смѣхъ и Горе» (несмотря на то, что святая церковь въ это время восклицаетъ: «людіе, веселитеся!»). Изъ этого смѣха съ горемъ пополамъ вышла потомъ «Потѣха.» Такъ, прогрессъ велитъ веселиться и смѣяться тогда, когда св. церковь сокрушается, и напротивъ горюетъ тогда, когда православная церковь велитъ веселиться — о Господѣ».

Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе о томъ, что смѣхъ оскверняетъ человѣка, потому что возбуждается ложью, а ложь все-таки не отъ Бога, а отъ отца лжи, діявола. «Въ основаніи всякаго смѣха, всякой насмѣшки, эпиграммы, сатиры, сарказма — лежитъ ложь, искаженіе истины.... оно-то и смѣшитъ: «стукнуло, грянуло — комаръ съ дуба свалился!» Смѣшно, а ложно.» Не думаютъ ли писатели, говоритъ г. Барковъ, путемъ насмѣшки и сарказма исправить нравственные недостатки ближняго? Грибоѣдовъ и Гоголь были талантливые писатели; но что они сдѣлали хорошаго? Весь подвигъ ихъ заключается въ томъ, что они возбуждаютъ смѣхъ, — и только. Романы, комедіи, водевили представляются на сценѣ только для лицедѣйства. Театры, зрѣлища, какъ игра, доставляютъ удовольствіе, забаву, разсѣянность чувствъ, ума и воли, но не видно, говоритъ, чтобъ отъ нихъ была какая-нибудь нравственная польза». Мало того: сколько тутъ соблазнительнаго? «Предъ взоромъ публики, предъ взоромъ отцовъ и матерей, сыновей и дочерей, предъ взоромъ вступившихъ въ бракъ и не вступившихъ, въ виду взрослыхъ и малолѣтнихъ, едва не въ каждомъ спектаклѣ совершаются странныя сближенія, по волѣ автора пьесы». Вотъ какого рода эти сближенія. «И актеръ и актриса,

простирая руки, бросаются для взаимныхъ объятій. Притомъ требуется, чтобы все это было представлено какъ можно живѣе и натуральнѣе. Иначе актеры и актрисы, чрезъ газеты и журналы, получаютъ упрекъ. Такъ напр. «Сѣверная Пчела» когда-то сокрушалась о томъ, что «даръ актера Степанова не могъ одушевить дѣйствія, и публика приняла это очень холодно». (Замѣтимъ, впрочемъ, мимоходомъ, что ревнитель нравственности любитъ Пчелку и, какъ видно, выписываетъ и тщательно перечитываетъ ее. А если онъ иногда и указываетъ въ ней на нѣкоторыя вольности, то это такъ только, больше для того, чтобы пристыдить ее за вольнодумство. Зато въ другой разъ онъ и похвалитъ ее. Милые бранятся—только тѣшатся). Не менѣе драматическихъ произведеній, продолжаетъ г. Барковъ, вредны и романы и повѣсти. «Кто-то изъ благонамѣренныхъ и понимающихъ достоинство истиннаго просвѣщенія, разбирая сочиненія Тургенева, вѣроятно въ предостереженіе отъ чтенія книгъ подобнаго рода, выразился такъ: «въ повѣстяхъ и разсказахъ Тургенева самая пошлая любовь, какая бываетъ въ душахъ холодныхъ, въ умахъ, не подчиненныхъ никакимъ религіознымъ убѣжденіямъ... Кромѣ пошлости лицъ и событій, изображенныхъ Тургеневымъ, сочиненіямъ его вредитъ отсутствіе доброй нравственности, дѣлающее противными для души христіанской самыя лучшія его произведенія» («Сѣв. Пч.» 1857 г. № 109). Мало того, въ современной литературѣ, говоритъ г. Барковъ, замѣтно совершенное равнодушіе къ святости вѣры и православнаго благочестія. Такъ напр. въ одной газетѣ («Сѣв. Пч.» 8 марта 1857 г.) «предлагается вмѣстѣ и назидательное и растлѣвающее». Извѣщая о вышедшей книгѣ духовнаго содержанія, «Сѣверная Пчела» пишетъ: «благодаримъ издателей, постаравшихся такъ кстати выпустить эти проповѣди въ свѣтъ къ началу великаго поста, когда каждый человѣкъ болѣе или менѣе ощущаетъ въ себѣ потребность время своего отдыха посвятить благочестивымъ занятіямъ». «Казалось бы прекрасно», замѣчаетъ г. Барковъ. «Но вслѣдъ за этими строками, чрезъ одну лишь черту, «Сѣверная Пчела», въ своемъ Телеграфѣ, поспѣшаетъ обратить вниманіе публики на слѣдующее извѣстіе: въ 8 ч. вечера будетъ данъ большой концертъ, на углу Гагаринскаго проспекта! Въ 8 ч. на Михайловскомъ театрѣ» и т. д. нѣсколько объявленій. Въ «Сѣверной же Пчелѣ» читаемъ: «въ воксалѣ данъ будетъ балъ въ пользу бѣдныхъ. — *мысль истинно христіанская*,—будетъ и оркестръ Штрауса!» Или: «скоро начнется у насъ *концертная пора — великій постъ*». «Называютъ еще *постъ эпохою живыхъ картинъ*». Или напр. «Сѣверная Пчела» *танцовщицу* Богданову однажды провозгласила *любимицей небесъ*. «Это ли, восклицаетъ ревнитель нравственности, истинное про-

свѣщеніе! Это ли плоды добраго христіанскаго образованія?» И все, говоритъ, ссылаются на «духъ времени». А того не могутъ сообразить, что «со времени паденія, въ мірѣ дѣйствуютъ два духа: божественный духъ истины и преисподній духъ лжи.... какъ и въ физической природѣ видимъ: день и ночь, востокъ и западъ. *Востокъ — свѣтъ. Зап-адъ* (который изъ двухъ духовъ внушилъ ревнителю православія мысль о такомъ составѣ слова *Западъ*, — неужели духъ истины?) *сумракъ, постепенно и постепенно сливается съ тьмой».* Поэтому и два прогресса въ мірѣ: нравственный — религіозный, и житейскій — мірской. «Въ прогрессѣ нравственно-религіозномъ замѣтны: тишина чувствъ, миръ и спокойствіе совѣсти, вѣяніе благодати и о всемъ благодареніе Господу. Въ прогрессѣ житейскомъ — мірскомъ—покой и нѣга тѣла.... комфортъ!» Прогрессъ религіозный поучаетъ смиренію, а «прогрессъ суетный, мірской, и современная литература ввели въ употребленіе слова: гордимся! горжусь! «Слова неправославныя», какъ замѣтилъ одинъ изъ *вельможъ* нашего времени, пропитанный духомъ христіанскаго благочестія» (№ 1 «Петер. Вѣд.» 1856 г., примѣч.). «Гордость есть смертный грѣхъ и самый ненавистнѣйшій для Господа Бога. Но если изъ имени *гордость* можно производить глаголъ *горжусь* и хвалиться этимъ: то стало быть можно и изъ прочихъ именъ, означающихъ смертный грѣхъ, дѣлать тоже самое?»

Весьма остроумно и благочестиво! Поистинѣ такія высокія мысли могутъ приходить въ голову только людямъ избраннымъ и ревнителямъ нравственности!...

Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи. Москва 1858.

Книга эта издана еще въ прошломъ году, но мы лишь на дняхъ случайно узнали о ней. Между тѣмъ книгопродавцы говорятъ, что она разошлась очень быстро, и мы едва могли достать экземпляръ ея. Фактъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ отрадныхъ явленій, которыхъ такъ много произошло въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ: значитъ, начинаетъ возникать чувство законности и стремленіе узнать, по какимъ законамъ и формамъ совершается дѣлопроизводство въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ предисловіи къ книжкѣ (составляющей не болѣе, какъ объясненіе *къ плану* теченія бумагъ, изящно сдѣланному) издатель говоритъ слѣдующее:

«Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что по неимѣнію достаточныхъ свѣдѣній въ практическомъ дѣлопроизводствѣ, многія частныя лица иногда встрѣчаютъ затрудненіе въ ходатайствѣ по прошеніямъ, какъ поданнымъ ими самими, такъ и ихъ довѣрителями; а съ другой стороны, что скорѣйшее изученіе дѣлопроизводства составляетъ потребность и отличіе всякаго молодаго неопытнаго чиновника, вступающаго на поприще гражданской службы, мы надѣемся изданіемъ наглядnаго способа къ познанію теченія бумагъ, *столь упрощеннаго въ послѣднее время*, заслужить *всеобщее благосклонное вниманіе и справедливое одобреніе*».

Затѣмъ издатель объясняетъ, что административный порядокъ теченія бумагъ избранъ имъ потому, что онъ служитъ основаніемъ теченію бумагъ по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, (путемъ слѣдственнымъ и судебнымъ), «съ весьма немногими измѣненіями, *а иногда и дополненіями*.

Надежды автора на «всеобщее благосклонное вниманіе и справедливое одобреніе» не напрасны. Дѣйствительно, по его плану и книжкѣ можно изучить дѣлопроизводство наше,—хотя и не безъ труда, вопреки замѣчанію автора, что оно очень *упрощено*. Въ книжкѣ перебраны четыре инстанціи: земскій судъ, губернское правленіе, департаментъ министерства и совѣтъ министра. Въ этихъ четырехъ инстанціяхъ бумага должна сдѣлать, по исчисленію книжки, 159 оборотовъ; столько же нужно и на обратномъ пути — къ исполненію, и вдвое болѣе, — если министръ потребуетъ какихъ нибудь справокъ и объясненій. Изучить всю эту процедуру не такъ легко, тѣмъ болѣе, что здѣсь нужно исключительно брать памятью, безъ всякаго пособія соображенія, опирающагося на естественной ассоціаціи идей и требованіяхъ логической необходимости. Для примѣра представимъ здѣсь изложеніе порядка, по которому идетъ бумага, поступившая изъ земскаго суда въ губернское правленіе.

1. Дежурный росписывается въ пріемѣ пакета, содержащаго бумагу, записываетъ его въ Дежурную книгу и отдаетъ
2. Главному Регистратору, который распечатываетъ пакетъ и представляетъ бумагу
3. Старшему Секретарю, который, прочитавъ бумагу, дѣлаетъ на ней помѣтку, указывающую, въ какое отдѣленіе ее передать, и возвращаетъ ее
4. Главному Регистратору; а этотъ, разсортировавъ всѣ поступившія въ тотъ день бумаги, раздаетъ ихъ подъ росписку въ Отдѣленія, изъ коихъ въ каждомъ имѣется свой
5. Младшій Регистраторъ, записывающій бумагу во Входящій реэстръ и отдающій ее

6. Столоначальнику, который, росписавшись въ ея пріемѣ, передаетъ ее
7. Помощнику Столоначальника, обязанному записать ее въ Настольный реэстръ и тотчасъ же возвратить
8. Столоначальнику, который подаетъ ее
9. Секретарю Отдѣленія, а этотъ представляетъ ее
10. Совѣтнику Отдѣленія, который пишетъ на ней краткую резолюцію: «къ докладу, къ свѣдѣнію, къ руководству,» или «доложить, принять къ свѣдѣнію».
11. Столоначальникъ обратно беретъ бумагу и отдаетъ ее
12. Помощнику своему, который отмѣчаетъ резолюцію Совѣтника во Входящемъ реэстрѣ и возвращаетъ бумагу
13. Столоначальнику.

Здѣсь, по содержанію входящей бумаги, составляется, на основаніи справки съ законами, проэктъ журнала, котораго теченіе изображено на планѣ чертою *синяго* цвѣта. Столоначальникъ представляетъ проэктъ журнала

14. Секретарю Отдѣленія, который, повѣривъ законы и разсмотрѣвъ проэктъ, подаетъ его
15. Совѣтнику Отдѣленія; этотъ пишетъ отъ своего лица мнѣніе и все это отдаетъ
16. Секретарю Отдѣленія для передачи
17. Столоначальнику и для переписки
18. Писарю.

Здѣсь цвѣтъ черты на планѣ изъ синяго дѣлается *краснымъ*. Проэктъ уже становится настоящимъ журналомъ, разрѣшающимъ входящую бумагу, и требуетъ слѣдующаго порядка.

19. Столоначальникъ его справляетъ,
20. Секретарь Отдѣленія его скрѣпляетъ,
21. Совѣтникъ Отдѣленія его подписываетъ, а за нимъ подписываютъ:
22—24. Два Совѣтника и Ассессоръ. Отъ нихъ журналъ передается
25. Старшему Секретарю, который отсылаетъ его для подписи
26. Вице-Губернатору, а этотъ возвращаетъ его
27. Старшему Секретарю для доклада
28. Губернатору, который, подписавъ, возвращаетъ журналъ ему же
29. Старшему Секретарю, который и отдаетъ его
30. Главному Регистратору; а этотъ записываетъ его въ книгу Регистратуры, выставляетъ на немъ нумеръ и посылаетъ его
31. Письмоводителю Прокурора, росписывающемуся въ его полученіи и представляющему его
32. Прокурору, который его пропускаетъ, т. е. утверждаетъ своимъ подписомъ и отдаетъ обратно
33. Письмоводителю для передачи съ роспискою.
34. Главному регистратору, который, росписавшись въ полученіи журнала, отдаетъ его
35. Младшему Регистратору для представленія

36. Секретарю Отдѣленія, который передаетъ его для исполненія
37. Столоначальнику; а этотъ
38. Помощнику своему.

Здѣсь начинается исполненіе журнала, т. е. составляется исходящая бумага, которой путь указываетъ *лиловая* черта, идущая отъ Помощника Столоначальника къ

39. Столоначальнику, который просматриваетъ черновое исполненіе и подаетъ его
40. Секретарю Отдѣленія, который также просматриваетъ и подаетъ его
41. Совѣтнику Отдѣленія, который еще его просматриваетъ и возвращаетъ
42. Секретарю Отдѣленія; а этотъ уже сдаетъ его
43. Столоначальнику, который въ свою очередь передаетъ его
44. Писарю для переписки.

Здѣсь черновое исполненіе становится бѣловымъ, которое

45. Столоначальникъ справляетъ,
46. Секретарь Отдѣленія скрѣпляетъ,
47. Совѣтникъ Отдѣленія подписываетъ и передаетъ
48. Секретарю Отдѣленія, который его отсылаетъ
49. Старшему Секретарю, а этотъ его докладываетъ
50. Губернатору, который его подписываетъ и передаетъ
51. Старшему Секретарю для отдачи
52. Главному Регистратору, имѣющему обязанность всѣ бумаги, подписанныя Губернаторомъ, сортировать по Отдѣленіямъ Губернскаго Правленія и отдавать ихъ подъ росписку
53. Младшему Регистратору, который записываетъ ее въ Исходящій реэстръ, занумеровываетъ и потомъ, запечатавъ въ пакетъ, отдаетъ
54. Дежурному, для записки въ Разносную книгу и для отдачи Разсыльному, который и относитъ бумагу по адресу.

Процедура, какъ видите, довольно сложная; но на планѣ, обозначенная чертами различнаго цвѣта и украшенная стрѣлками, для показанія направленія бумаги, она имѣетъ видъ довольно красивый.

Очеркъ исторіи нѣмецкой литературы съ присоединеніемъ во II-й части избранныхъ отрывковъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей. Составл. *О. Шталемъ*. Часть I. Москва. 1858.

Странная, жалкая судьба постигаетъ всѣ наши попытки на поприщѣ образованія! Чуть только выскажется въ обществѣ желаніе учиться, чуть только кто нибудь сдѣлаетъ шагъ впередъ, — сейчасъ

же подскочитъ ловкій *спеціалистъ*, бывалый человѣкъ, авторитетъ, вождь ex officio, — и предлагаетъ указать лучшую дорогу, облегчить трудности пути, поить, кормить и лелѣять васъ во все время вашего странствія. Только положитесь на него,—онъ васъ ужь проведетъ!... Хотите исторію знать,—г. Иванъ Шульгинъ вамъ руководство предлагаетъ; географію, — г. Зуевъ составляетъ для васъ безчисленное множество атласовъ; грамматику, — къ вашимъ услугамъ гг. Гречъ и Иванъ Давыдовъ; педагогику, — г. Николай Вышнеградскій цѣлый журналъ для васъ основываетъ!... Наконецъ, если своего ума и.... смѣлости не хватитъ, такъ можно у иностранцевъ позаимствоваться. Для политической экономіи недавно явился у насъ отвратительный переводъ тупоумнаго курса Гарнье; теперь вотъ для исторіи нѣмецкой литературы (т. е. собственно — только *поэзіи*; въ книгѣ ни слова не говорится о нѣмецкихъ историкахъ, философахъ и пр.), является книжка, составленная г. Шталемъ по лекціямъ гг. Вильмара и Бартеля!... Нужно же было взяться за это дѣло именно г. Шталю, который издалъ теперь только первую часть, но говоритъ въ предисловіи, что «если Богу будетъ угодно, то скоро явится и вторая!» Нужно же было этому почтенному сочинителю выбрать себѣ фанатически-односторонняго Вильмара и поверхностнаго Бартеля (можете себѣ представить, каковъ долженъ быть поверхностный нѣмецъ!)... Бранить г. Шталя, собственно говоря, не за что : онъ сдѣлалъ, что умѣлъ и какъ умѣлъ, сообразно своимъ способностямъ и понятіямъ. Понравились ему Бартель и Вильмаръ, за то, конечно, что оба очень благочестивы и скромны, — онъ имъ и предался душою. Полюбились они ему тѣмъ, что одинъ имѣлъ четыре, а другой восемь изданій въ Германіи, — онъ и сообразилъ, что недурно изъ нихъ составить книжку и для русской публики. Повѣрить ихъ сужденія, выразить свой собственный взглядъ на писателей,— г. Шталь не могъ, вѣроятно, потому, что самъ не вполнѣ знакомъ съ нѣмецкой литературой... Чего же отъ него требовать? Въ чемъ его упрекать? Въ томъ развѣ, что не за свое дѣло взялся? Да какъ же это не его дѣло? Послушайте-ка, что онъ говоритъ въ предисловіи: «я надеждѣ, что предлагаемый очеркъ, писанный большею частью по лекціямъ гг. Вильмара и Бартеля *собственно только для моихъ учениковъ*, можетъ принести нѣкоторую пользу и другимъ, я рѣшаюсь издать его въ свѣтъ». Видите ли: это его спеціальность, онъ учитель, ex-officio учитель; какъ же ему не взяться за обученіе публики тому предмету, которому онъ (съ большимъ, должно быть, успѣхомъ) обучаетъ своихъ учениковъ?... Нѣтъ, можно пожалѣть, что кто нибудь другой не взялся за составленіе курса нѣмецкой литературы; но г. Шталя упрекать не за что!...

И какъ отозваться о самой книгѣ его? Полезна она или вредна можетъ быть для читателя? Какъ хотите; можетъ быть и то, и другое. Самое дурное въ большей части нашихъ учителей — то, что они не довольствуются сообщеніемъ намъ нужныхъ фактовъ, а хотятъ навязать и свои понятія объ этихъ фактахъ. У нихъ есть убѣжденіе, что они не только знаютъ больше, чѣмъ ихъ ученики; но что и мыслятъ они лучше. Вслѣдствіе того, разсказавши исторію какого нибудь Молчалина, они никакъ не хотятъ предоставить ученику самому обсудить ее, а непремѣнно считаютъ долгомъ прибавить: «Молчалинъ есть примѣрный молодой человѣкъ....» Такимъ образомъ и случается почти всегда, что юноши наши обогащаются познаніями въ ущербъ здраваго смысла. Подобный ущербъ угрожаетъ всякому, кто захочетъ довѣриться сужденіямъ г. Шталя. Это обстоятельство едва ли не уничтожаетъ всю пользу, какую могло бы принести учащимся довольно подробное изложеніе нѣкоторыхъ произведеній нѣмецкой поэзіи, (напр. Пѣсни о Нибелунгахъ, Рейнеке-Фукса, нѣсколькихъ пьесъ Шиллера и Гёте), представленное въ книгѣ г. Шталя. Правда, г. Шталь не искажаетъ смысла разсказываемыхъ произведеній, какъ это дѣлаетъ, напр. г. Орестъ Миллеръ въ своей диссертаціи; но за то сужденія его ничуть не лучше тѣхъ, которыя представлены въ диссертаціи «О нравственной стихіи въ поэзіи». Напр. г. Шталь говоритъ, что драма Лессинга «Nathan der Weise» «основана *на томъ софизмѣ*, будто бы въ каждой вѣрѣ можно быть добрымъ человѣкомъ» (стр. 82). О «Фаустѣ» онъ говоритъ: «въ немъ Гёте хотѣлъ показать, что если человѣкъ ищетъ свободы внѣ Бога, въ необузданной жаждѣ знанія и грѣшной гордости стремится ко всевѣдѣнію, то подпадаетъ духу лжи и грубой чувственности, и погибаетъ во грѣхахъ» (стр. 106). И такихъ сужденій много въ «Очеркѣ» г. Шталя; какое понятіе дадутъ они читателю о смыслѣ художественныхъ произведеній? Впрочемъ, когда дѣло идетъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, которыхъ содержаніе разсказано въ книгѣ, то читателю представляется по крайней мѣрѣ возможность хоть нѣсколько повѣрить приговоръ г. Шталя. Но составитель «Очерка» не ограничивается частными сужденіями; онъ произноситъ свой судъ надъ цѣлыми періодами литературы, надъ цѣлыми партіями и направленіями,—и даже не представляетъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Какъ вамъ нравится напр. такая характеристика Гейне (стр. 150—151).

«Людвигъ Берне и 'Ейнрихъ 'Ейне (г. Шталь вездѣ пишетъ значокъ' вмѣсто нѣмецкаго H) — *оба еврейскаго происхожденія, и уже по этому одному не могли* — ни искренно уважать христіанскую вѣру, ни, какъ всегда бываетъ у этого народа, питать истинной любви къ отече-

ству.... 'Ейне не безъ основанія обвиняютъ въ безхарактерности и легкомысліи. Онъ не стыдился издѣваться надъ самымъ святымъ; рисуясь предъ свѣтомъ своей міровой печалью, онъ на самомъ дѣлѣ *едва ли былъ способенъ чувствовать истинную печаль*. Изливъ свою тоску, онъ чрезъ минуту подсмѣивается надъ ней; *почти все его произведенія обнаруживаютъ отсутствіе твердыхъ нравственныхъ убѣжденій*», и проч.

И ни одного факта въ подтвержденіе этихъ голословныхъ ругательствъ!...

За то съ такою же точно голословностью восхваляетъ г. Шталь Редвица, Эйхендорфа, Гейбеля, котораго называетъ даже «однимъ изъ первыхъ лириковъ нашего времени.» Какія средства имѣетъ читатель, не знающій этихъ поэтовъ, сообразить, что въ книжкѣ г. Шталя восхваляется систематически все прѣсное, вялое, праздное и гнилое?

А что за хаосъ въ общихъ понятіяхъ автора! Мы увѣрены, что никакая человѣческая логика не разберетъ изумительной путаницы, представляющейся напр. въ слѣдующемъ объясненіи причинъ, отъ которыхъ произошелъ упадокъ нѣмецкой литературы въ XIII вѣкѣ. Мы приведемъ вполнѣ эту страницу изъ книги г. Шталя, чтобы тутъ же кстати дать понятіе о способѣ его изложенія (стр. 52—3).

«Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ XIII столѣтія и теряемъ изъ вида это поэтическое время: тѣмъ безотраднѣе становится путь, тѣмъ мрачнѣе горизонтъ литературы. Мы вступаемъ въ обширную пустыню и лишь изрѣдка путешественникъ можетъ отдохнуть на зеленомъ оазисѣ у свѣжаго источника; онъ слышитъ пѣніе, и *передъ нимъ носятся воспоминанія о былыхъ красныхъ дняхъ златой поэзіи. (!!)*

Съ пресѣченіемъ дома 'О'енштауфеновъ, Германія упала съ своей политической высоты, и Рудольфъ Габсбургскій, какъ заботливый домохозяинъ, былъ занятъ одними только внутренними, *мелочными интересами* государства; пѣвцы, приходившіе къ его двору съ большими надеждами, уходили ни съ чѣмъ, унося свои пѣсни въ замки вельможъ. *Но каковъ господинъ, таковъ и слуга.* — Могущественные герои и князья обратили теперь свои мысли отъ дальней чужбины, гдѣ утихли шумные дни крестовыхъ походовъ, къ родинѣ; ихъ дѣятельность *ограничивалась заботами о ближайшей пользѣ своихъ подданныхъ, которымъ угрожали голодъ и язва, противодѣйствіемъ кулачному праву и хищничеству рицарей*, распространявшемуся все болѣе вслѣдствіе ослабленія папской власти, какъ церковной, такъ и политической. Христіанская вѣра, этотъ богатый источникъ поэзіи того времени, ослабѣла; *мысли народа обратились исключительно къ земнымъ заботамъ, торговля расцвѣтала, города возникали и усиливались*, богатство росло подъ вліяніемъ различныхъ изобрѣтеній и открытій. *Чѣмъ болѣе возвышалось матеріальное развитіе, тѣмъ ниже упадали нравственная и поэтическая жизнь народа*».

Что это такое? Поэзія упала оттого, что государи стали заботиться о благѣ своихъ подданныхъ! Поэзія упала оттого, что кулачное право и хищничество ослабѣли! И вмѣстѣ съ этимъ христіанская вѣра тоже ослабѣла,—оттого, что хищничество и рѣзня стали преслѣдоваться!... Что же это такое? Не написалъ ли это какой нибудь фанатикъ изъ послѣдователей раскола Аввакума или Никиты Пустосвята? Нѣтъ,—на книгѣ стоитъ имя г. Шталя, повидимому нѣмца.... Но онъ зашелъ уже, кажется, слишкомъ далеко въ своемъ усердіи, которымъ такъ славятся нѣмцы, поселившіеся въ Россіи.

О древнѣйшей исторіи сѣверныхъ славянъ до временъ Рюрика, и откуда пришелъ Рюрикъ и его варяги. *Александра Васильева.* Спб. 1858.

Рецензентовъ часто упрекаютъ въ неосновательности ихъ сужденій о книгахъ и въ недостаткѣ деликатности относительно авторовъ. Но рецензенты не считаютъ свои статьи спеціально-учеными изслѣдованіями, и отъ каждой рецензіи нельзя ожидать *новаго слова* въ наукѣ. Что же касается до рѣзкости выраженій, то имъ она простительнѣе, нежели кому нибудь. Трудно соблюсти тонъ уваженія и мягкое спокойствіе, встрѣчаясь съ книгою, подобною, напр., изслѣдованіямъ г. Васильева. Не легко рѣшить, что въ ней хуже,—неразумность ли общей тенденціи автора, значительность ли частныхъ ошибокъ, наглость ли невѣжественнаго тона, безграмотность ли изложенія.... Авторъ желаетъ, «чтобъ ему доказали его ошибочность»; но такого труда никто, конечно, не возьметъ на себя: не стоитъ, — тѣмъ болѣе, что г. Васильевъ, подъ эпиграфомъ къ своему сочиненію, взятымъ изъ Шафарика, помѣстилъ отъ собственнаго лица вотъ какія слова: «многіе возстанутъ противъ моихъ убѣжденій, но опровергнуть ихъ нѣтъ возможности». Прочитавши книжку г. Васильева, мы убѣдились, что дѣйствительно, судя по нѣкоторымъ особенностямъ его мышленія и историческихъ пріемовъ, опровергнуть его ничѣмъ невозможно. Итакъ, отложивъ всякую заботу объ этомъ, покажемъ читателямъ, какія диковинки заключаются въ книгѣ г. Васильева.

Тенденція г. Васильева состоитъ въ томъ, чтобы доказать *славянство варяговъ*. Въ этомъ онъ полагаетъ свою *амбицію*. «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что мои объясненія и ближе къ истинѣ, и *несравненно благороднѣе* (!) выводовъ скандинавомановъ и нѣмценоклюниковъ» (стр. 73). Какъ видите, онъ полагаетъ, что унизительно будетъ *для* русскихъ, если придется сознаться, что варяги были норманны! Такъ

точно полагали русскіе академики прошлаго столѣтія, во главѣ которыхъ стоялъ Ломоносовъ; но то было слишкомъ сто лѣтъ назадъ. Ломоносовъ *офиціально* написалъ о Шлёцерѣ: «изъ сего заключить должно, *какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродить* въ Россійскихъ древностяхъ *такая допущенная въ нихъ скотина*». Совѣтъ русскихъ академиковъ призналъ оскорбительною для Россіи, и добился того, чтобы запретили, диссертацію Миллера, въ которой доказывалось скандинавство варяговъ.... Теперь мы считаемъ предосудительными дѣйствія почтенныхъ академиковъ и не оправдываемъ въ этомъ случаѣ даже Ломоносова. Но г. А. Васильевъ восторгается поступкомъ Ломоносова, съ удовольствіемъ повторяетъ его выраженіе о Шлёцерѣ и самъ ругаетъ всѣхъ скандинавомановъ не хуже Ломоносова. Онъ не щадитъ даже Карамзина за его согласіе съ Шлёцеромъ и говоритъ о немъ, между прочимъ, слѣдующее: «грустно видѣть, какъ вѣра въ капризно-самонадѣяннаго Шлёцера губила въ нашемъ благородномъ Карамзинѣ *даже гордость гражданина*» (стр. 39). Подите-ка послѣ этого, потолкуйте съ г. Васильевымъ объ отношеніи скандинавскаго происхожденія варяговъ къ гражданской гордости русскихъ XIX столѣтія!

Въ чемъ полагаетъ г. Васильевъ *гордость гражданина*, это отчасти видно изъ его книжки: онъ полагаетъ, что гордость гражданина состоитъ въ ругательствѣ на иноземцевъ и на всѣхъ, кто скажетъ о нихъ доброе слово. Шлёцера г. Васильевъ называетъ однимъ изъ волковъ, которыми Биронъ травилъ Россію (стр. 90). О Миллерѣ, Байерѣ и др. г. Васильевъ говоритъ, что они, «проникнутые нѣмецкимъ патріотизмомъ, терзали и губили сказанія о Россіи» (стр. 163). Приведя одну фразу Полеваго, онъ замѣчаетъ: «*грубое выраженіе педанта*, посвятившаго исторію не Главѣ русскаго народа, не народу, а иностранцу Нибуру!» и затѣмъ обвиняетъ Полеваго въ томъ, что онъ *не сомнѣвался исторіи*, а только передѣлывалъ Карамзина (стр. 97). Въ своей гражданской гордости г. Васильевъ полагаетъ, что исторію надобно *сомнѣвать*, ежели та, какая есть, придется не по вкусу!...

И между тѣмъ этотъ авторъ, столь нагло ругающій другихъ, — самъ выказываетъ не только историческое невѣжество, но даже безграмотность. Почти въ каждой цитатѣ его изъ лѣтописей находится по нѣсколько ошибокъ, противъ древняго русскаго языка; большая часть именъ у него перековерканы. Амартолъ у него называется *Армателою*, Гельмольдъ — *Гельмондомъ*, Морошкинъ — *Мирошкинымъ*, Срезневскій — *Средневскимъ*, являются гг. Круль, Круз, Струбъ, и пр. Пять или шесть разъ приводится, и въ одномъ мѣстѣ говорится, будто *во всѣхъ лѣтописяхъ* находится, — слѣдующее ме-

сто: «и пришедше словени сѣдоша *около озера* Ильменя и нарѣкошася Русь, рѣки ради Русы, *еже впадаетъ въ озеро*» (стр. 35). Смѣемъ увѣрить г. Васильева, что такого мѣста, въ такомъ видѣ, нѣтъ не только во всѣхъ, но и ни въ одной лѣтописи... Равнымъ образомъ можемъ сообщить ему, что Іорнандъ (на котораго онъ во многомъ опирается, но котораго, какъ самъ признается, *не читалъ*) — не жилъ въ IV вѣкѣ, какъ объявляетъ г. Васильевъ на стр. 165, и что вообще крайне неловко его перечисленіе писавшихъ о венедахъ: въ IV вѣкѣ Іорнандъ, *потомъ* Прокопій, Полибій(?), Гельмондъ(?). Мы уже и не говоримъ о той смѣлости, съ которой г. Васильевъ полагаетъ свое рѣшеніе о вопросахъ спорныхъ и выдаетъ за вѣрное свои соображенія, ни на чемъ не основанныя. Онъ смѣло утверждаетъ древность глаголической письменности, восходящую до V вѣка; онъ увѣряетъ, что Реймское Евангеліе древнѣе Остромирова; онъ дѣлаетъ производства словъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о фонетическихъ законахъ языка. Словопроизводства его хуже Тредьяковскаго: при равномъ патріотизмѣ и знаніи филологическихъ пріемовъ, г. Васильевъ уступаетъ Тредьяковскому въ остроуміи, и отого производства его какъ-то лишены по большей части того затѣйливаго смысла, какой умѣлъ имъ придавать Тредьяковскій. Напр. онъ производитъ скандинавское имя *Турдувъ* отъ двухъ древнеславянскихъ словъ: *туръ*, извѣстный звѣрь, и *дувать*-дѣлежъ охотничьей или другой добычи; *Свѣнь* отъ славянскаго *свѣне*, кромѣ и пр. Натяжка явная, а остроумія мало... Есть, впрочемъ, и остроумныя производства, напр. имени *Стиръ* отъ слова *стирать*, *Тудковъ*— отъ слова *тутъ-ко*, что значитъ: *здѣсь я*, и пр. Но все-таки до Тредьяковскаго далеко г. Васильеву и въ учености, и въ грамотности, и въ остроуміи....

Для «Легкаго Чтенія». Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ IX. Спб. 1859.

Изданіе книгопродавца Давыдова, конечно уже извѣстное нашимъ читателямъ, продолжается съ прежнимъ успѣхомъ и отличается по прежнему удачнымъ выборомъ статей. Въ вышедшемъ теперь девятомъ томѣ помѣщены: «Тернистый Путь», романъ Т. Ч. (А. Марченко), шесть стихотвореній Борнса, въ переводѣ М. Л. Михайлова, «Пикникъ во Флоренціи», разсказъ А. Н. Майкова, «Бесѣ-

да журналиста съ подписчикомъ», драматическія сцены въ стихахъ, помѣщенныя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Современникѣ», «Два Зайца», повѣсть Е. Я. Колбасина, «Фанфаронъ», повѣсть А. Ф. Писемскаго.

Десятый томъ тоже приготовленъ къ изданію. Въ немъ будутъ помѣщены, между прочимъ разсказъ Тургенева, повѣсть Щедрина, Станицкаго, Михайлова, нѣсколько стихотвореній Плещеева.

ПОЛИТИКА.

РАЗМЫШЛЕНІЯ, ВЫВОДИМЫЯ ИЗЪ СРАВНЕНІЯ УСЛОВІЙ РУССКАГО, АВСТРІЙСКАГО И САРДИНСКАГО ЗАЙМОВЪ. — КОНГРЕССЪ ПО ИТАЛЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ. — РАСПУЩЕНІЕ ПАРЛАМЕНТА ВЪ АНГЛІИ. — БАВАРСКІЯ ДѢЛА. — ПОЧЕМУ НЕ ДОЛЖНО ОБВИНЯТЬ ПФОРТНА. — ПОЧЕМУ МЫ СЧИТАЕМЪ ПОЭРІО СТРАДАВШИМЪ ПО СОБСТВЕННОЙ ВИНѢ.

Россія заключила съ англійскимъ домомъ Томсона Бонера и комп. заемъ въ 12 милліоновъ фунт., въ трехъ процентныхъ облигаціяхъ по курсу 67.

Эти немногія слова внушатъ много занимательныхъ размышленій человѣку, слѣдившему за биржевыми извѣстіями въ послѣдніе мѣсяцы.

Прежде всего онъ припомнитъ условія займовъ, заключенныхъ въ послѣднее время Австріею и Сардиніею.

Австрія заключила 5% заемъ по курсу 80; этотъ заемъ не пошелъ; его облигаціи продаются три и даже на четыре процента ниже 80, и все-таки не находятъ покупателей.

Сардинія заключила также 5% заемъ по курсу 77; да и тотъ пошелъ, благодаря, не столько коммерческому разсчету, сколько разгоряченному патріотизму самихъ сардинцевъ.

67 по 3%,—это, въ переводѣ на 5%, значило бы $111\frac{2}{3}$.

80 и 77, по 5%, — это, при переводѣ на 3% облигаціи, значило бы 48 и $46\frac{1}{5}$.

Отчего такая громадная разница условій въ пользу нашего займа? Отвѣтъ ясенъ для каждаго: разница въ условіяхъ происходитъ отъ разницы въ назначеніи денегъ, получаемыхъ черезъ эти займы. Австрія и Сардинія занимаютъ деньги на войну; Россія на усиленіе фонда, обезпечивающаго кредитные билеты. Деньги, получаемыя нами черезъ заемъ, получаютъ употребленіе въ высокой степени производительное: служатъ къ улучшенію нашей монетной системы, то есть къ улучшенію національнаго быта, содѣйствуютъ развитію производительныхъ силъ государства; казна занимаетъ деньги у капиталистовъ, чтобы раздать ихъ, такъ сказать, взаймы всему населенію государства, которое употребитъ ихъ на уплату своихъ долговъ, на основаніе промышленныхъ предпріятій, на введеніе лучшаго порядка въ свою торговлю, на лучшее устройство своихъ земледѣльческихъ работъ. Каждый рубль, полученный государствомъ за 3%, пойдетъ на дѣла, дающія народу облегченіе или прибыль въ 8, въ 10, въ 15 или 20%. Это хорошій коммерческій оборотъ; каждый разсчетливый человѣкъ одобряетъ такіе обороты и съ увѣренностью дастъ на нихъ деньги, потому что получая ихъ, должникъ доставляетъ ему развитіемъ своего благосостоянія вѣрнѣйшій залогъ въ исправной расплатѣ съ нимъ. Такими займами не ослабляется, а возвышается кредитъ государства, потому что они свидѣтельствуютъ о заботливомъ государственномъ хозяйствѣ.

Да, очень замѣчательны условія нашего нынѣшняго займа. На лондонской биржѣ, которая конечно будетъ служить главнымъ помѣщеніемъ ему, наши 5% облигаціи стоятъ нынѣ на $110\frac{1}{2}$ — 111. Извѣстно, что новый заемъ всегда негоціируется по курсу нѣсколько ниже того, какой имѣютъ прежнія облигаціи; эта разница въ цѣнѣ есть необходимая уступка, служащая отчасти вознагражденіемъ для банкирскихъ домовъ, берущихъ на себя хлопоты о распродажѣ облигацій, отчасти приманкою для покупщиковъ. Но съ другой стороны, надобно замѣтить, что по разнымъ биржевымъ причинамъ, которыя объяснять было бы слишкомъ долго, облигаціи низшаго процента имѣютъ курсъ нѣсколько болѣе высокій, нежели какой должны были имѣть по пропорціи съ облигаціями высшаго процента того же государства, если государство имѣетъ долгъ съ разными процентами. Напримѣръ, французскіе фонды на парижской биржѣ 19 марта (новаго стиля) продавались на наличныя деньги по слѣдующей цѣнѣ: $4\frac{1}{2}$% облигаціи 94 фр. 50 сант.; пропорціонально этой цѣнѣ 3% облигаціи должны были продаваться по 63 фр.; но дѣйствительно онѣ продавались по 68 фр. 10 сант. Эта сравнительная высота французскихъ 3% фондовъ уже слишкомъ зависитъ отъ чрезмѣрной игры, производящейся исключительно на нихъ. На лон-

донской биржѣ русскими облигаціями игра не производится, и потому пропорціональная разница въ цѣнѣ между 3% (новыми) и 4½% (прежними) нашими облигаціями не должна быть такъ значительна, какъ между соотвѣтствующими французскими фондами, и относительную высоту 3% фондовъ, по сравненію съ 4½%, нельзя полагать болѣе 2½ на 100. Послѣдніе курсы нашихъ 4½% фондовъ, на лондонской биржѣ были 100. По этой пропорціи 3% должны бы имѣть цѣну около 70. Заемъ произведенъ, какъ мы знаемъ, по 67, — это составляетъ уступку около 3 на 100,—уступка чрезвычайно малая, если мы примемъ въ соображеніе значительный размѣръ займа и особенно одновременное съ нимъ требованіе займовъ другими державами, предлагающими гораздо большую уступку и гораздо выгоднѣйшія для банкировъ условія. Франція, напримѣръ, на своей биржѣ предлагала въ послѣднее время уступку отъ 7 до 8 на 100; объ Австріи и Сардиніи мы уже не говоримъ: австрійскіе фонды передъ займомъ стояли на 91 и 92, а заемъ не пошелъ даже по 80, и 23 марта австрійскіе 5% фонды на лондонской биржѣ стояли на 75.

Мы надѣемся, что читателю эти цифры не покажутся сухими: въ нихъ очень много смысла, яснаго и поразительнаго. Чтобы оцѣнить политику, которой держались разныя державы со времени возникновенія слуховъ объ итальянской войнѣ, довольно будетъ сравнить нынѣшніе курсы ихъ фондовъ съ тѣми, какіе были на лондонской биржѣ въ концѣ декабря, передъ самымъ началомъ сардинско-французскихъ угрозъ.

Фонды.	Курсъ въ концѣ декабря 1858.	Курсъ 23 марта н. с. 1859.	Величина упадка.
Англійскіе 3%-ные	96¾	96¼	½%
Русскіе 4½%-ные	100	100	0
Французскіе 3%-ные	72,90	68,65	4,25%
Сардинскіе 5%-ные	94	82	12%
Австрійскіе 5%-ные	95	75	20%

Англія и Франція находятся относительно кредита въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, нежели три другія великія державы: Австрія, Пруссія, Россія въ случаѣ большихъ займовъ должны обращаться къ иностраннымъ капиталистамъ, преимущественно въ Лондонъ или Амстердамъ; Англія и Франція обходятся въ этихъ дѣлахъ безъ чужаго содѣйствія, собственными силами. Нѣтъ надобности говорить, что Англія далеко превосходитъ силою своего кредита самую Францію: парижская биржа едва можетъ удовлетворять потребностямъ французскаго рынка и французской казны; лондонская биржа служитъ источникомъ денегъ для всѣхъ нуждающихся державъ,

не только Европы, но даже Америки. Высота англійскихъ фондовъ, далеко превосходящая цѣну даже голландскихъ и датскихъ облигацій, показываетъ чрезвычайную прочность англійскаѣ государственнаго кредита. Но даже англійскіе фонды нѣсколько поколебались отъ приготовленій къ войнѣ. Упадокъ ихъ, совершенно незначительный, свидѣтельствуетъ объ увѣренности англійской публики въ миролюбивомъ расположеніи своего правительства; упадокъ французскихъ фондовъ, очень сильный, показываетъ какимъ обремененіемъ для государства считаетъ французское общество войну. Еще сильнѣе поражены сардинскіе фонды; но особенно страшно упали австрійскіе: капиталисты знаютъ, что Сардинія въ случаѣ войны стала бы вести ее главнымъ образомъ на счетъ Франціи; Австрія должна была бы доставать деньги на войну сама, и потому ея финансовое положеніе гораздо затруднительнѣе, нежели положеніе Сардиніи. Три державы, являющіяся главными дѣятельницами въ походахъ, грозящихъ Европѣ, понесли уже въ своемъ кредитѣ потерю пропорціональную прежней его твердости. Англія была бы въ войнѣ только союзницею Австріи, да и по своему положенію не могла бы подвергнуться никакой прямой опасности. Но извѣстно, что она не могла бы не принять участія въ войнѣ, и несмотря на всю ея финансовую силу, ея фонды нѣсколько опустились. Только русскіе фонды остались непоколебимы, только они одни сохранили въ мартѣ ту самую высоту, какую имѣли въ декабрѣ. Это отъ того, что Россія умѣла удержаться отъ обязательствъ, которыя должна была сдѣлать Англія: она можетъ, въ случаѣ войны, сохранить нейтралитетъ, и вотъ этой-то счастливой возможности она обязана непоколебимымъ сохраненіемъ своего кредита (*).

Непоколебимость нашихъ фондовъ на иностранныхъ биржахъ свидѣтельствуетъ о характерѣ той политики, которой мы держались среди затруднительныхъ столкновеній, волновавшихъ Европу въ нынѣшнемъ году. Подобно Англіи, мы старались предотвратить войну; но мы были счастливѣе Англіи отдаленностью своею отъ

(*) Тоже самое надобно сказать и о другихъ державахъ, которымъ счастливое положеніе дало возможность также, какъ Россіи, не принимать участія въ угрожающей войнѣ. Вотъ лондонскіе курсы фондовъ этихъ державъ:

Фонды.	13 декабря.	28 марта.
Датскіе 3%-ные	84,7	84,7
Голландскіе 4%-ные	100,2	100,2

Только тѣ державы, которыя не принуждены участвовать въ войнѣ, и не должны опасаться, что она приблизится къ ихъ предѣламъ, были такъ счастливы, что сохранили свои фонды на прежней высотѣ.

предполагаемаго театра войны, и возможность нейтралитета для насъ, не существующая для Англіи, выразилась сохраненіемъ нашихъ фондовъ въ такой твердости, которая не могла удержаться даже за англійскими.

Дѣйствительно, Россія умѣла идти самымъ надежнымъ путемъ въ недавнихъ политическихъ столкновеніяхъ: подобно Англіи она старалась предупредить ихъ; но будучи свободнѣе Англіи удержаться отъ всякаго участія въ угрожающей войнѣ, она имѣла возможность дѣйствовать съ успѣхомъ болѣе счастливымъ, нежели Англія: мы знаемъ теперь, что конгрессъ, который остается послѣднимъ средствомъ предотвратить войну, составляется вслѣдствіе предложеній Россіи. Англія старалась достичь подобнаго результата, но ея голосъ не могъ имѣть такого вліянія, какъ голосъ Россіи, потому что сама она была по несчастію запутана въ эти раздоры. Оставаясь чужда имъ, Россія, какъ видимъ, внушаетъ теперь болѣе уваженія и довѣрія къ себѣ, нежели самая Англія. Будемъ же надѣяться, что какимъ бы путемъ ни пошли событія въ Западной Европѣ, мы съумѣемъ удержаться въ томъ счастливомъ положеніи, которое успѣли сохранить до сихъ поръ среди всѣхъ заискиваній, просьбъ, предложеній и обѣщаній. Мы понимаемъ, что какъ бы выгодны ни казались обѣщанія, никогда, никакими выигрышами, не могутъ быть вознаграждены пожертвованія, которыхъ стоило бы участіе въ войнѣ. Мы понимаемъ, что какъ бы ни были справедливы наши сочувствія, какъ бы основательны ни были наши антипатіи, выше всѣхъ симпатій и антипатій должна быть для насъ забота о благѣ собственнаго нашего государства. Мы можемъ не любить австрійцевъ, можетъ желать добра Сардиніи; но мы знаемъ, что выигрышъ для Сардиніи отъ войны — дѣло еще загадочное, а потери и пожертвованія, которыхъ стоило бы участіе въ войнѣ, могутъ быть высчитаны уже и теперь, до ея начала, или лучше сказать, даже не могутъ быть вычислены, — такъ огромны были бы онѣ. Погибель двухъ, трехъ или больше сотъ русскихъ людей, жизнь которыхъ такъ необходима для ихъ семействъ, производительный трудъ которыхъ такъ полезенъ для націи; растройство финансовъ, которые, слава Богу, приведены теперь въ порядокъ; ослабленіе или совершенное прекращеніе всѣхъ добрыхъ начинаній, растройство торговли и промышленности, на много лѣтъ разрушеніе возникающаго благосостоянія,—вотъ результаты, къ какимъ привело бы насъ участіе въ войнѣ, мысли о которой мы, къ нашему счастію, умѣли отвергать. Вся Сардинія не стоитъ такихъ пожертвованій. «Но мы были бы рады наказать австрійцевъ за ихъ поступки съ нами въ крымскую войну, за тѣ притѣсненія, какимъ подвергаютъ они славянъ

своего государства и какія поддерживаютъ надъ славянами въ Турціи». Все это такъ; мы не можемъ не желать добра славянамъ, а что касается до австрійцевъ, то не только мы, но и никто въ Европѣ не питаетъ къ нимъ особеннаго расположенія. Но благоразуміе выше всего. Досада и пре рѣніе выражались бы слишкомъ неудовлетворительно, если бы выражались такъ, чтобы приносить вредъ самому досадующему. Мы не любимъ австрійцевъ—это такъ, но начать войны, которая, какъ ни вредна была бы австрійцамъ, все же не дешево обошлась бы и намъ, это дѣло совершенно иное. Объ этомъ не было бы нужды и распространяться, если бы корреспонденты французскихъ газетъ не принуждали насъ положительно заявить мнѣнія русскаго общества своими, Богъ знаетъ, откуда взятыми извѣстіями о какихъ-то будто бы воинственныхъ желаніяхъ русскаго общества. Беремъ наудачу одну изъ этихъ газетъ, еще очень разсудительную въ сравненіи съ другими. Вотъ чѣмъ начинается новѣйшее письмо ея здѣшняго корреспондента:

«Слухи о войнѣ здѣсь, какъ и у васъ, по временамъ замолкаютъ (пишетъ корреспондентъ *Indépendance Belge* изъ Петербурга 2 (14) марта), но съ тою разницею, что здѣсь общественное желаніе вовсе не таково, какъ у васъ: оно не въ пользу мира. Русскіе согласятся на все, съ большою охотою согласятся на все, лишь бы только получить возможность помѣряться съ австрійцами. Отъ ожиданія, отъ неувѣренности, даже отъ боязни видѣть это желаніе обманутымъ, оно усиливается съ каждымъ днемъ; это чувство, — повторяю свои прежнія слова, — распространено во всѣхъ сословіяхъ.» (*Indépendance Belge*, 25 марта).

Это чувство распространено во всѣхъ сословіяхъ русскаго общества! Мы также принадлежимъ къ одному изъ сословій русскаго общества, но вовсе не имѣемъ такого желанія; мы встрѣчаемся съ людьми изъ другихъ сословій и ни въ комъ не замѣчаемъ такого желанія. Кто желаетъ войны, въ самомъ дѣлѣ? Желаютъ ли крестьяне или мѣщане, чтобы явилась надобность въ усиленныхъ рекрутскихъ наборахъ; или желаютъ купцы, чтобы разстроилась торговля и пострадали всѣ промышленныя предпріятія; или желаютъ помѣщики, чтобы блокированы были наши порты, чтобы прекратился отпускъ хлѣба, сала и всѣхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній за границу? Ни въ одномъ изъ этихъ сословій мы не замѣчали такихъ удивительныхъ желаній. Конечно, мы съумѣемъ приносить нужныя пожертвованія; съумѣемъ подчинять заботы о своемъ благосостояніи государственной необходимости, но только дѣйствительно нужныя пожертвованія, только для государственной необходимости. Если бы

кто нибудь вздумалъ нападать на насъ, мы съумѣли бы отплатить за нападеніе. Но приносить ненужныя пожертвованія для удовольствія другихъ,—это было бы нерасчетливо; начинать войну безъ необходимости не желаетъ наше общество, благодарное правительству за его миролюбивую политику, приносящую намъ столько выгодъ.

Но, продолжаютъ французскія газеты, могутъ быть предложены выгодныя условія для участія въ войнѣ. Что отвѣчать на это? И надобно ли отвѣчать? Извѣстна прочность тѣхъ союзовъ, въ которыхъ есть временная надобность приглашающему на союзъ, если приглашающій всѣми прежними своими дѣйствіями уже доказалъ, что всегда имѣетъ въ виду исключительно собственныя выгоды. Впрочемъ, кому интересно узнать объ этомъ больше, тотъ найдетъ въ приложеніи переводъ статьи изъ газеты «Humbug».

Наконецъ указываютъ на бѣдственное положеніе австрійскихъ славянъ. Говорить откровенно объ этомъ предметѣ—дѣло не легкое у насъ, потому что огромное большинство честныхъ людей, въ благородномъ сочувствіи къ нашимъ одноплеменникамъ, забываетъ объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ, которое, какъ намъ кажется, должно удерживать отъ желанія прямыхъ вмѣшательствъ въ ихъ отношенія. Быть можетъ, иные насъ назовутъ противниками славянъ, защитниками австрійскихъ нѣмцевъ, за то, что мы укажемъ на это обстоятельство и попробуемъ вывести изъ него заключеніе о томъ, до какой степени была бы полезна австрійскимъ славянамъ наша помощь. Но мы просимъ людей, сочувствующихъ славянамъ, вникнуть въ наши слова хорошенько,—намъ кажется, что эти слова внушены намъ именно любовью къ славянамъ.

Славяне—наши одноплеменники, это правда; они гордятся нами, а мы любимъ ихъ, и это правда; но не должно забывать, что вотъ уже цѣлую тысячу лѣтъ они и мы жили отдѣльно другъ отъ друга, въ условіяхъ совершенно различныхъ, и потому пріобрѣли гражданскія привычки и общественныя потребности далеко не во всемъ одинаковыя. Не даромъ говорятъ, что русская исторія самымъ рѣзкимъ образомъ отличается отъ исторіи всѣхъ другихъ европейскихъ племенъ, въ томъ числѣ даже и славянскихъ. Государственныя учрежденія получили и сохраняютъ у насъ форму ни мало не похожую на все то, что когда нибудь существовало или существуетъ въ Западной Европѣ. Западные славяне, смотря на насъ издали, могутъ не замѣчать нашихъ особенностей. Но мы должны знать себя лучше и должны понимать, могутъ ли наши формы соотвѣтствовать жизни и потребностямъ народовъ, участвовавшихъ въ европейской исторіи, которая такъ долго совершенно не касалась насъ.

Мы ни мало не виноваты въ томъ, что отстали отъ другихъ европейцевъ; но не подлежитъ спору то, что народные нравы у насъ грубѣе. нежели въ Западной Европѣ. Возьмемъ факты изъ самыхъ простыхъ и близкихъ отношеній. Русскій мужъ еще не отвыкъ отъ того, чтобы бить жену; отецъ и мать вмѣстѣ еще не отвыкли отъ того, чтобы женить сына или отдавать дочь за мужъ, не освѣдомляясь объ ихъ согласіи. У другихъ европейцевъ такіе факты представляются только рѣдкими исключеніями. противорѣчащими общимъ обычаямъ народа. Своимъ языкомъ чехъ можетъ быть очень близокъ къ намъ, но по своему обращенію съ женою и дѣтьми онъ гораздо ближе къ нѣмцу, испанцу и какому хотите другому европейцу, нежели къ намъ. Отъ народныхъ нравовъ зависятъ формы общественной жизни. Мы приведетъ только одну черту общественнаго устройства. Чехи успѣли уже давно забыть о тѣхъ формахъ общежитія, которыя связаны съ крѣпостнымъ правомъ; у насъ оно только теперь уничтожается и результаты его еще долго будутъ оставаться очень сильными въ нашемъ общежитіи. Поэтому надобно думать, что наша жизнь совершенно не соотвѣтствуетъ потребностямъ и привычкамъ западныхъ славянъ. Если они думаютъ иначе, они ошибаются по незнанію. Если мы сами думаемъ иначе, мы доказываемъ только то, что забываемъ объ особенностяхъ нашей жизни, или не умѣемъ цѣнить ихъ по достоинству. Наши казанскіе татары могутъ говорить нарѣчіемъ очень близкимъ къ языку бухарцевъ и киргизовъ, но они привыкли жить совершенно иначе, нежели ихъ восточные соплеменники, и надобно думать, что разница нравовъ поставила между ними преграду, разрушеніе которой не могло бы быть полезно для казанскихъ татаръ. Конечно этотъ примѣръ вовсе не можетъ служить параллелью; но мы хотѣли только сказать, что западные славяне участвовали въ европейской исторіи гораздо долѣе и гораздо ближе, чѣмъ мы, и потому пріобрѣли нравы и требованія, соотвѣтствующихъ которымъ мы не находимъ у себя.

Конечно, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что ихъ настоящее положеніе хорошо, или жалобы ихъ на Австрію несправедливы. Въ сочувствіи къ бѣдствіямъ австрійскихъ славянъ мы не уступимъ никому. Но мы желали бы только, чтобы сами славяне хладнокровнѣе разсуждали о средствахъ улучшить свое положеніе, а главное, чтобы они точнѣе изучали нашу жизнь съ ея особенностями. По географическому положенію самыми естественными посредниками въ такомъ изученіи должны служить поляки. Теперь читателю, можетъ быть, хотя до нѣкоторой степени, извѣстны основанія, по которымъ и самое горячее сочувствіе къ австрійскимъ славянамъ не представляется для насъ побужденіемъ одобрять вызовы французскихъ газетъ къ

войнѣ съ Австріею. Не изъ особеннаго расположенія къ австрійскимъ нѣмцамъ, а изъ заботливости о судьбѣ самихъ славянъ мы находимъ, что они должны расчитывать исключительно на свои силы для произведенія улучшеній въ своемъ бытѣ.

Читателю можетъ казаться, что всѣ наши соображенія относительно войны запоздали. Многіе ожидаютъ теперь мирнаго разрѣшенія всѣхъ дипломатическихъ затрудненій отъ конгресса, который долженъ собраться по итальянскому вопросу. Но мы остаемся при прежнихъ нашихъ объясненіяхъ объ истинныхъ причинахъ войны; въ этихъ причинахъ не произошло ни малѣйшаго измѣненія, стало быть всѣ дипломатическіе фазисы этого дѣла представляются намъ касающимися только формъ и оставляющими безъ перемѣны сущность отношеній. Посмотримъ, что будетъ дѣлать конгрессъ; и если Сардинія въ союзѣ съ Наполеономъ III удержится отъ войны, мы скажемъ, что конгрессъ успѣлъ совершить неимовѣрно трудный подвигъ.

Мы не считаемъ особенно полезнымъ дѣломъ перечитывать длинныя депеши, въ которыхъ обыкновенно очень тонко излагаются мелочи и совершенно умалчивается сущность дѣла; точно также едвали есть особенная надобность тратить время на угадываніе дипломатическихъ комбинацій и проэктовъ, содержимыхъ въ секретѣ: то, что есть въ нихъ дѣйствительно важнаго, бываетъ обыкновенно извѣстно всѣмъ, а то, что остается секретомъ, относится почти всегда только къ формамъ, которыя не измѣняютъ сущности дѣла, каковы бы ни были. Такъ, два мѣсяца тому назадъ, мы не считали нужнымъ изслѣдовать, дѣйствительно ли заключенъ и въ какой формѣ заключенъ письменный трактатъ о союзѣ между Франціею и Піемонтомъ на случай войны; мы полагали, что письменное условіе существуетъ, а въ какой формѣ и подъ какимъ заглавіемъ писано оно — это все равно; прибавляли даже, что еслибъ и не существовало особеннаго документа, установляющаго такой союзъ, опять таки было бы все равно, потому что сущность союза была бы изложена и гарантирована въ какихъ нибудь нотахъ, не принадлежащихъ по своему заглавію къ такъ называемымъ трактатамъ. Намъ также не казалось полезнымъ напрягать усилія для отгадыванія формальныхъ оговорокъ, подъ которыми Франція обѣщаетъ вооруженную помощь Сардиніи, потому что оговорки и условія перетолковываются такъ или иначе, исполняются или не исполняются сообразно съ отношеніями и событіями, извѣстными рѣшительно каждому читающему хотя бы Санктпетербургскія или Московскія Вѣдомости. Напримѣръ, все равно, оборонительный и наступательный, или только оборонительный союзъ заключенъ на бумагѣ: если будетъ выгодно подать помощь, то и наступательная война окажется оборонительной, а ес-

ли невыгодно, то и въ оборонительной войнѣ окажутся обстоятельства, уничтожающія приложимость договора. Мы говорили, что сущность дѣла при договорѣ и безъ договора, и при всякой формѣ договора остается одна и таже, извѣстная всѣмъ: Піемонтъ хочетъ войны, французское правительство хочетъ помогать ему и дѣйствительно будетъ помогать, если не возникнутъ событія, которыми уничтожилась бы надобность и возможность той политики, которую Наполеонъ III обнаружилъ на церемоніи 1 января; это равнодушіе къ дипломатическимъ тайнамъ оправдалось теперь фактами. Франція наконецъ призналась, что союзъ существуетъ, но что онъ только оборонительный; а съ тѣмъ вмѣстѣ слову оборонительный придается такое значеніе, что если Піемонтъ двинетъ свои войска въ Ломбардію и австрійцы будутъ принуждены обороняться, то все-таки будетъ объявлено, что Піемонтъ ведетъ войну не наступательную, а только оборонительную: если такъ истолковываются формальныя условія трактатовъ, то не все ли равно, какъ если бы не существовало никакихъ условій и никакихъ трактатовъ, а дѣйствія сообразовались бы только съ отношеніями и выгодами? Въ сущности оно такъ и бываетъ. Мы упоминаемъ о нашихъ прежнихъ словахъ вовсе не для хвастовства проницательностью или предусмотрительностью: хвастаться намъ тутъ никакъ нельзя, во-первыхъ потому, что не мы сами изобрѣли соображенія, оказавшіяся вѣрными, а только нашли ихъ въ газетахъ, считающихся хорошими въ Западной Европѣ; во-вторыхъ, и газетамъ этимъ не было нужды въ особенной проницательности для представленія принятыхъ нами соображеній, естественно вытекающихъ изъ всѣхъ фактовъ новой политической исторіи. Мы только хотѣли привести примѣръ, которымъ оправдывался бы излагаемый нами теперь взглядъ на значеніе собирающагося нынѣ конгресса въ развитіи итальянскаго вопроса.

Мы хотимъ сказать, что и отъ этого конгресса, какъ ни важенъ кажется онъ, не должно ожидать сильнаго вліянія на ходъ событій, а тѣмъ менѣе надобно придавать особенную важность тѣмъ изъ относящихся къ нему подробностей, которыя еще не обнародованы. Корреспонденты газетъ могутъ представлять догадки и споры объ этихъ частностяхъ, но подобные толки пригодны только для занятія разговорами отъ нечего дѣлать.

Напримѣръ, гдѣ соберется конгресъ? Въ въ Баденъ-Баденѣ, Брюсселѣ, въ Ахенѣ, какъ говорили прежнія извѣстія, или въ Карльсруэ, какъ утверждаютъ послѣднія извѣстія? Намъ кажется, что этимъ должны интересоваться только лица, которымъ надобно будетъ ѣхать въ городъ, избранный мѣстомъ конгресса; да и для нихъ вопросъ важенъ только въ томъ отношеніи, имѣетъ ли го-

родъ этотъ хорошія гостинницы съ удобными квартирами, хорошъ ли климатъ въ городѣ и представляются ли въ его окрестностяхъ пріятные пейзажи для прогулокъ. Какія лица будутъ уполномоченными на конгрессѣ? Дѣйствительно ли сами министры иностранныхъ дѣлъ съѣдутся на совѣщаніе или вмѣсто нихъ будутъ засѣдать какіе нибудь другіе дипломаты? И это все равно: какъ бы то ни было, конгрессъ будетъ составленъ изъ уполномоченныхъ очень высокаго сана, т. е. будетъ имѣть очень высокую оффиціальную торжественность. Но можетъ быть важнѣе вопросъ о томъ, составится ли конгрессъ только изъ уполномоченныхъ пяти великихъ державъ или будутъ допущены въ товарищи къ ихъ уполномоченнымъ уполномоченные Сардиніи? И если будутъ допущены сардинскіе уполномоченные, то съ полнымъ делиберативнымъ или только съ консультативнымъ голосомъ? И въ послѣднемъ случаѣ, будетъ ли данъ консультативный голосъ и другимъ итальянскимъ государствамъ? Или конгрессъ, составляемый исключительно пятью великими державами, предложитъ итальянскимъ государствамъ образовать отдѣльную конференцію, мнѣнія которой будутъ спрашиваться конгрессомъ, когда онъ почтетъ нужнымъ?—Обо всемъ этомъ спорятъ, какъ однажды при насъ очень образованные люди горячо спорили о томъ, надобно ли писать «Житомиръ» или Житомiръ?» Положительно утверждаютъ, что Франція требуетъ, а Австрія отвергаетъ допущеніе Сардиніи шестою державою въ конгрессъ съ делиберативнымъ голосомъ. Но что Франція хочетъ этого, а Австрія не хочетъ, это каждый изъ насъ могъ бы знать и самъ, хотя бы ни слова не говорилось о томъ въ газетахъ. Чѣмъ рѣшится это разнорѣчіе и другіе спорные пункты, рѣшительно все равно: хотя бы голосъ на конгрессѣ былъ данъ не только Сардиніи, но также Испаніи, Португаліи, Швеціи и даже княжествамъ Вальдекскому и Книпгаузенскому, все-таки ходъ переговоръ будетъ исключительно зависѣть отъ расположеній пяти великихъ державъ; и наоборотъ, хотя бы Сардиніи не дали, не только делиберативнаго, но и консультативнаго голоса, все-таки каждая изъ пяти великихъ державъ будетъ сообразоваться въ своихъ расположеніяхъ съ силами и наклонностями тѣхъ второстепенныхъ государствъ, которыя замѣшаны, или могутъ быть замѣшаны въ это дѣло.

Но кромѣ вопросовъ о формѣ конгресса есть споры о томъ, каковы будутъ предметы его совѣщаній и къ чему могутъ привести эти совѣщанія въ томъ случаѣ, если Франція и Піэмонтъ найдутъ удобнымъ отказаться отъ разрѣшенія вопроса вооруженною рукою. Тутъ опять все существенное ясно изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, а все, составляющее дипломатическую тайну, вовсе не важно. Авст-

рія согласилась участвовать въ конгрессѣ, — изъ этого видно, что суду конгресса будутъ подлежать, по его формальнымъ условіямъ, только итальянскія государства, а не сама Австрія: если бы конгрессъ собирался за тѣмъ, чтобы рѣшить, должна ли Австрія сохранить свои итальянскія провинціи, или должна возвратить имъ независимость, Австрія не согласилась бы на конгрессъ. И такъ конгрессъ собирается формальнымъ образомъ для разсмотрѣнія внутренняго положенія Папской Области, Тосканы и Модены, отчасти Неаполя и Пармы. Начнутъ разсужденіями о томъ, какія надобно сдѣлать улучшенія въ администраціи этихъ государствъ, чтобы правительства ихъ пріобрѣли расположеніе своихъ подданныхъ и могли держаться на своихъ ногахъ, не опираясь на австрійскіе и французскіе штыки. Угодно ли знать, къ чему приведутъ эти совѣщанія? Подвергнутымъ обсужденію правительствамъ даны будутъ совѣты двоякаго рода: во-первыхъ, исправить недостатки ихъ законодательства и администраціи, во-вторыхъ усилить и преобразовать военную силу для охраненія порядка при новыхъ законахъ и улучшенной администраціи. На первые совѣты итальянскія правительства дадутъ отвѣтъ, что вполнѣ имъ сочувствуютъ, но что, къ сожалѣнію, разныя неблагопріятныя обстоятельства препятствуютъ ихъ исполненію въ настоящее время; второй совѣтъ они также одобрятъ и по возможности исполнятъ его. Конгрессъ рѣшитъ, что такъ какъ второе дѣло, т. е. сохраненіе порядка, составляетъ основу перваго, т. е. законодательныхъ улучшеній, то французскія и австрійскія войска должны быть выведены изъ итальянскихъ герцогствъ, изъ легатствъ, изъ Рима и Чивита-Веккіи, когда домашнія правительства этихъ земель устроятъ свои войска до надлежащей степени, и совѣтъ этимъ правительствамъ ускорить по возможности такое дѣло послужитъ заключеніемъ совѣщаній и рѣшеній конгресса по этому предмету.

Но ограничатся ли занятія конгресса этимъ предметомъ?—Ни мало. Правда, по формальнымъ основаніямъ, принятымъ для конгресса Австріею и Франціею, безъ сомнѣнія, опредѣлено, что не должно быть рѣчи о внутреннихъ дѣлахъ Австріи и Піэмонта, потому что оба эти государства—державы самостоятельныя, не нуждающіяся въ чужой помощи для охраненія порядка, стало быть вмѣшательство другихъ державъ въ ихъ внутреннюю политику было бы нарушеніемъ этикета, принятаго такъ называемымъ международнымъ правомъ. Но это все равно. Сардинія и Франція отъ имени Сардиніи будутъ жаловаться на Австрію, Австрія на Сардинію. Обѣ стороны будутъ сваливать одна на другую необходимость вооруженій, сдѣланныхъ ими. Австрія будетъ говорить, что политика нынѣшняго сардинскаго кабинета противна спокойствію Европы, т. е. будетъ косвеннымъ обра-

зомъ предлагать замѣну Кавура предводителями правой стороны, которые сами по себѣ могутъ быть совершенно честны, но опираются на іезуитовъ и абсолютистовъ. Сардинія будетъ требовать въ управленіи ломбардо-венеціанскими провинціями такихъ измѣненій, при которыхъ Австріи не было бы надобности содержать въ Италіи сильную армію Австрія на это будетъ отвѣчать, что сдѣлала все, что могла, что ни въ Ломбардіи, ни въ Венеціи нѣтъ недовольныхъ, а напротивъ всѣ очень довольны австрійскимъ правленіемъ, а что если есть между 5 милліонами ея итальянскихъ подданныхъ какихъ нибудь сотни двѣ недовольныхъ, то это люди безпокойнаго характера, дурныхъ мыслей, неблагонамѣренные интриганты и честолюбцы, которыхъ никто изъ миланцевъ и венеціанъ не слушаетъ, и что сильную армію въ Италіи должна содержать она вовсе не по недовольству своихъ итальянскихъ подданныхъ, а только для огражденія себя отъ честолюбивыхъ замысловъ Піэмонта. Австрія имѣетъ 700,000 войска, стало быть вывести ее на иной путь нельзя иначе, какъ силою оружія. Съ Піэмонтомъ было бы можно справиться и такъ называемымъ моральнымъ принужденіемъ, но онъ опирается на Францію, стало быть и его нельзя словами сбить съ его увѣреній, что перемѣнить политику ему невозможно и что впрочемъ его политика совершенно миролюбива. Что же тутъ будетъ дѣлать конгрессъ? Разнорѣчіе такъ и остается разнорѣчіемъ; конгрессъ разойдется, склонивъ враждующія державы развѣ къ тому, чтобы та и другая сторона обѣщались не начинать военныхъ дѣйствій и отвести свои войска на нѣсколько миль отъ границы. Только и сдѣлаетъ конгрессъ по этому вопросу, въ которомъ и заключается сущность дѣла. Впрочемъ напрасно мы говоримъ, что онъ сдѣлаетъ это, — это уже сдѣлано: обѣщанія не начинать войну даны съ обѣихъ сторонъ и посланы, или на дняхъ будутъ посланы приказанія тѣмъ или другимъ войскамъ отступить отъ границы. Стало быть въ сущности все уже сдѣлано, что могъ бы сдѣлать конгрессъ. Или нѣтъ, мы опять ошибаемся: онъ можетъ потребовать возобновленія и усиленія, какъ миролюбивыхъ обѣщаній, такъ и приказаній объ отступленіи. Особенно послѣднее, вѣроятно, понадобится: извѣстно, что генералы по какой-то странности не всегда слушаются приказаній передаваемыхъ военными министрами по желанію министровъ иностранныхъ дѣлъ. Напримѣръ, австрійскому генералу Шварценбергу и прусскому генералу Йорку въ 1812 году много разъ приказывали дѣлать такъ, а они все-таки дѣлали иначе.

Словомъ сказать, конгрессъ—просто отсрочка, на которую Австрія согласилась для того, чтобы не сказали, будто она отвергаетъ пути къ примиренію, а Франція для того, чтобы занять чѣмъ нибудь

время до тѣхъ поръ, пока Франція сообразитъ, удобно ли ей начинать войну, или, если она уже рѣшила это, то пока она кончитъ свои вооруженія и устроитъ свои отношенія къ другимъ державамъ такъ, какъ ей хочется.

Всѣ эти отношенія остаются совершенно въ прежнемъ видѣ, кромѣ развѣ той перемѣны, что три великія державы, являющіяся посредницами, тѣснѣе сблизились между собою. Но мы выражаемся объ этомъ фразою вовсе не положительною: чтобы говорить навѣрное, нужно было бы точнѣе, нежели мы знаемъ, знать взглядъ одной изъ великихъ державъ на политику Франціи въ настоящую минуту. Вотъ это единственный неизвѣстный навѣрное пунктъ дѣла, а многое отъ него зависитъ, потому что если бы между тремя державами было то же согласіе, существованіе котораго извѣстно о двухъ изъ нихъ, именно объ Англіи и Пруссіи, то шансы мира нѣсколько увеличивались бы.

Впрочемъ и тутъ мы ошибаемся. Настоящее расположеніе нейтральныхъ державъ извѣстно съ достаточной точностью, и говоря о томъ обстоятельствѣ, отъ котораго увеличивались бы шансы мира, можно только желать его въ будущемъ, потому что, если бы совершенное согласіе между нейтральными державами существовало теперь, этотъ фактъ не могъ бы скрываться и двухъ недѣль: газетныя извѣстія обнаружили бы его тотчасъ же, а пренія въ англійскомъ парламентѣ черезъ нѣсколько дней подтвердили бы достовѣрность слуховъ. Но этого нѣтъ, а напротивъ несомнѣнные признаки показываютъ, что нейтральныя державы держатся въ различныхъ положеніяхъ относительно распрей между Франціею и Австріею.

Потому надобно думать, что согласіе на конгрессъ еще не уменьшаетъ вѣроятность войны. Такой взглядъ на положеніе дѣлъ подтверждается и состояніемъ курсовъ: они не поднимаются, или поднявшись тотчасъ же падаютъ; это значитъ, что западныя биржи мало вѣрятъ въ близость примиренія. Другимъ свидѣтельствомъ рѣшимости на войну служитъ то, что Франція не останавливаетъ своихъ вооруженій, напротивъ въ послѣднее время сдѣланы распоряженія, еще прямѣе прежнихъ указывающія на близость войны. Французскія войска сосредоточиваются на югѣ все въ большемъ количествѣ. Говорятъ, что теперь въ Ліонѣ и въ окружности его расположено до 120,000 человѣкъ, которые могутъ быть собраны въ одну массу въ теченіе 12 часовъ. Изъ Алжиріи продолжаютъ перевозить во Францію самыя отборныя боевыя войска; между прочимъ привезены тюркосы, стрѣлки изъ алжирскихъ туземцевъ, нѣчто въ родѣ прежнихъ зуавовъ. До сихъ поръ тюркосы не были выводимы изъ Алжиріи, и надобно полагать, что ихъ не стали бы тревожить

понапрасну. Наконецъ надобно замѣтить, что во всѣхъ французскихъ пѣхотныхъ полкахъ формируются теперь четвертые батальоны. О томъ, что продолжаются вооруженія въ Сардиніи и соотвѣтственныя имъ вооруженія въ Австріи, не надобно и говорить.

Словомъ сказать, у Франціи и у Сардиніи остаются прежнія побужденія къ войнѣ, стало быть вѣроятность войны остается прежняя. Въ какомъ-то салонѣ Гизо очень мѣтко характеризовалъ необходимость воинственной политики для нынѣшней французской системы словами: «c'est une impossibilité inévitable»—«это неизбѣжная невозможность». Дѣйствительно, вести войну противъ желанія націи, войну, въ которой союзницами Австріи будутъ Пруссія, Англія и вся Германія, и притомъ такую войну, которая разбудитъ въ Италіи принципы, противоположные основаніямъ нынѣшней французской системы — это очевидная невозможность; но въ то же время безъ войны обойтись нельзя, она представляется единственнымъ средствомъ продлить существованіе нынѣшней системы. Положеніе очень затруднительное, и какъ выйдетъ изъ него Франція, мы не знаемъ. Правда, есть выходъ, — устраненіе изъ французской жизни элементовъ, своимъ противорѣчіемъ съ ея потребностями ведущихъ ее на войну, которая бы своимъ шумомъ заглушила противорѣчія. Есть причины думать, что этотъ выходъ ближе, нежели обыкновенно полагаютъ. Усилія нейтральныхъ державъ могутъ отсрочить войну на три, на четыре мѣсяца; тогда будетъ поздно начинать походъ и Франція можетъ сказать, что, твердо рѣшившись на войну, она откладываетъ ее до весны. Это будетъ средствомъ продолжить шумъ внѣшней политики, т. е. уклониться на нѣкоторое время отъ невозможности, соединенной съ неизбѣжностью; это многіе находятъ правдоподобнымъ. Но если бы случилось такъ, то въ теченіе года могли бы исчезнуть изъ французской жизни элементы, ведущіе къ войнѣ, потому что ихъ недолговѣчность обнаруживается. Если же нѣтъ,— война остается неизбѣжностью. Близости измѣненія, о которомъ мы говоримъ, вѣрятъ не многіе; но случиться ему не такъ трудно, какъ полагаютъ поверхностные наблюдатели. Мы возвратимся къ этому предмету впослѣдствіи, а теперь обратимся къ событіямъ во внутренней политикѣ другой державы, которая споритъ съ Франціею за политическое преобладаніе въ Западной Европѣ.

Теперь (26 марта) мы еще только по телеграфическимъ депешамъ знаемъ, что англійское министерство, потерпѣвъ пораженіе по вопросу о реформѣ, объявило, что распуститъ парламентъ. Мы еще не имѣемъ подробныхъ извѣстій о томъ, какія позиціи приняты были разными партіями въ послѣднюю минуту борьбы и въ какомъ положеніи каждая изъ нихъ увидѣла себя по окончаніи битвы. Мы мо-

жемъ пока довести разсказъ о формальныхъ дѣйствіяхъ въ залѣ Палаты Общинъ только до дня подачи голосовъ о предложеніи Росселя; свѣдѣнія наши о развитіи внутренней стороны этого вопроса кончаются еще двумя или тремя днями ранѣе; но если мы принуждены отложить до слѣдующаго раза многія подробности, которыя были бы очень умѣстны здѣсь, то все-таки можемъ уже довольно отчетливо понимать положеніе дѣлъ, о которомъ сообщены отрывочныя извѣстія телеграфическими депешами.

Читатель знаетъ, что торійское министерство держалось только помощью независимыхъ либераловъ, которые получали отъ него больше уступокъ, нежели имѣли отъ Пальмерстона; знаетъ также, что когда въ рѣшительномъ дѣлѣ, въ биллѣ о реформѣ, Дерби и Д'Израэли выказали наконецъ свою натуру, т. е. отсталость и обскурантизмъ, независимые либералы, въ лицѣ Робека, объявили, что лишатъ ихъ своей поддержки, если они не покаются въ своихъ грѣхахъ. Читатель знаетъ также, что предводителемъ парламентской оппозиціи противъ билля явился Россель, оттѣснивъ Пальмерстона на второй планъ. Независимые либералы, какъ мы говорили, обѣщали ему поддержку, чтобы отвергнуть торійскій билль. Теперь видно, что послѣ того между Росселемъ, т. е. партіею чистыхъ виговъ, и Брайтомъ, т. е. независимыми либералами, велись переговоры о томъ, что̀ дѣлать послѣ пораженія торійскаго министерства. Брайтъ указывалъ сущность этихъ переговоровъ, когда на митингѣ въ Манчестерѣ (17 марта) объявлялъ, что лордъ Россель можетъ, если ему угодно, сдѣлаться главою министерства, но что необходимымъ условіемъ къ тому ставится для него принятіе въ кабинетъ новыхъ людей, составленіе такого кабинета, который бы не имѣлъ исключительнаго аристократическаго характера, до сихъ поръ принадлежавшаго всѣмъ безъ исключенія англійскимъ кабинетамъ. Это значило, требовать отъ Росселя слишкомъ далекаго отступленія отъ аристократическихъ обычаевъ. Черезъ нѣсколько времени вигамъ нельзя будетъ обойтись безъ такой уступки, но теперь они не согласились на нее, не захотѣли впустить въ кабинетъ Брайта и Робека; за то Брайтъ и Робекъ не отворили имъ самимъ двери въ кабинетъ. Это одно изъ трехъ обстоятельствъ, объясняющихъ развязку битвы. Не смотря на всѣ взаимныя огорченія, которыя Россель и Пальмерстонъ наносили другъ другу, Россель все-таки предпочелъ, разорвавъ переговоры съ Брайтомъ, начать переговоры съ своимъ соперникомъ между вигами. И тутъ дѣло не удалось, чего и слѣдовало, разумѣется, ожидать: Россель и Пальмерстонъ оба были первыми министрами, оба хотятъ вступить въ кабинетъ не иначе, какъ первыми министрами. Исторію ихъ переговоровъ довольно забавно изложилъ

The Weekly Magazine въ шутливомъ стихотвореніи «Политическое сліяніе», The Political Fusion:

«Пальмерстонъ сказалъ Росселю: — Джонъ, мы слишкомъ долго оставались врагами; вотъ теперь есть намъ обоимъ случай послужить отечеству и королевѣ, — не себѣ самимъ послужить, — въ насъ нѣтъ такихъ низкихъ мыслей. (Тутъ онъ подморгнулъ). Мы не ищемъ власти, Джонъ.

Тогда Россель сказалъ Пальмерстону: — Одобряю твою мысль; соединившись, мы легко столкнемъ лорда Дерби съ должности; разумѣется, мы сдѣлаемъ это не изъ желанія получить мѣсто; такого своекорыстія мы стыдились бы. (Тутъ онъ тоже подморгнулъ). Единственная наша цѣль быть полезными отечеству.

— Хорошо, сказалъ Пальмерстонъ, схвативъ руку Росселя: — наконецъ-то мы поняли другъ друга, и я горжусь тѣмъ. На это Россель сказалъ Пальмерстону: — Мы тотчасъ же устроимъ эту штуку и въ минуту выгонимъ дербистовъ.

— А кто же будетъ первымъ министромъ, сказалъ Пальмерстонъ:— значитъ, я? — Ну вотъ, поспѣшно возразилъ Россель. — Я рѣшительно не вижу, почему же ты; развѣ я хуже тебя? — Гораздо лучше меня ты, Джонъ, но министромъ внутреннихъ дѣлъ ты будешь чрезвычайно дѣльнымъ.

— Нѣтъ, ты, милый Пальмерстонъ, самая яркая звѣзда въ иностранной политикѣ. Не скромничай, мой другъ; весь свѣтъ знаетъ это. Такъ вотъ, я буду первымъ министромъ, а ты занимайся иностранными дѣлами. — Ну нѣтъ, братъ, погоди, возразилъ Пальмерстонъ.

И могъ бы произойти изъ этого жаркій споръ, но Пальмерстонъ быстро вытащилъ изъ кармана пенни и бросилъ вверхъ.—«Рѣшотка», сказалъ Россель. Проигрышъ или выигрышъ выпалъ ему — это мы скажемъ, когда они войдутъ въ кабинетъ».

Отъ исторической истины отступаетъ этотъ разсказъ только тѣмъ, что Россель и Пальмерстонъ не придумали разрѣшить спорнаго пункта посредствомъ орлянки. До послѣдней минуты Пальмерстонъ оставался враждебенъ Росселю и на этомъ основывалась надежда Дерби получить отъ него защиту. Это было вторымъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ развязку дѣла.

Впрочемъ не надобно обольщаться этими насмѣшками и вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ споръ, напримѣръ, между Росселемъ и Пальмерстономъ за то, кому быть первымъ министромъ, относится исключительно или главнымъ образомъ къ личному честолюбію. Оно можетъ играть тутъ свою роль, но просторъ для него не великъ: за тѣмъ и за другимъ предводителемъ стоитъ партія, политику которой онъ обязанъ проводить; эта партія рѣшаетъ, какъ долженъ дѣйствовать ея предводитель во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и его личное

честолюбіе служитъ, какъ и его таланты, только орудіемъ къ осуществленію извѣстной политики. Общая политика кабинета опредѣляется мнѣніями перваго министра, т. е. той партіи, которая дѣйствуетъ черезъ него. Переговоры шли о томъ, которому изъ двухъ отдѣловъ вигистской партіи взять перевѣсъ надъ другимъ, и могутъ ли они примириться на столько, чтобы одинъ отдѣлъ видѣлъ исполненіе своихъ основныхъ убѣжденій въ дѣйствіяхъ другаго. Если бы партіи сошлись въ своихъ убѣжденіяхъ, они заставили бы своихъ предводителей примириться или отвергли бы ихъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ будетъ примѣръ того, какъ личныя желанія предводителя партіи должны смиряться передъ требованіемъ партіи, представителемъ которой онъ служитъ. Если нельзя считать личное честолюбіе важнымъ двигателемъ даже во взаимныхъ отношеніяхъ партій, столь мало разнящихся по убѣжденіямъ, какъ пальмерстоновскіе и россельевскіе виги, то еще гораздо менѣе участіе личнаго честолюбія въ борьбѣ или переговорахъ партій, существенно разнящихся между собою по убѣжденіямъ, какъ напримѣръ тори и виги или виги и независимые либералы. Само собою разумѣется, что если Россель, т. е. его отдѣлъ виговъ не согласился дать Брайту и Робеку тѣхъ мѣстъ въ кабинетѣ, которыхъ они требовали, тутъ вопросъ былъ не о томъ, что нѣкоторымъ значительнымъ вигамъ, по личному разсчету, непріятно было отдать другимъ людямъ министерскія мѣста, кандидатами на которыя считали они себя,—еслибъ они лично и подчинялись такому своекорыстію, партія умѣла бы укротить его, или обратить непокорныхъ въ совершенное ничтожество. А у Робека или Брайта личное честолюбіе уже совершенно исчезаетъ передъ торжествомъ принципа: Кобдена или Брайта ввести въ кабинетъ, это все равно и для Кобдена и для Брайта; тутъ дѣло не въ томъ, я или ты получаешь личное возвышеніе, а только въ томъ, что получаетъ правительственную силу принципъ, защищаемый обоими. Точно такъ, если бы, напримѣръ, велись переговоры между вигами и тори, важность была бы не въ томъ, Дерби или Д'Израэли требуетъ себѣ извѣстнаго мѣста, а только въ томъ, дается ли извѣстное мѣсто,—все равно,—тому или другому изъ нихъ. При всемъ своемъ честолюбіи Д'Израэли долженъ былъ бы совершенно забыть тутъ личный вопросъ.

Къ литературнымъ дѣламъ мы нѣсколько привычнѣе, нежели къ политическимъ, и потому характеръ подобныхъ сближеній, переговоровъ и разрывовъ мы можемъ до нѣкоторой степени объяснить сравненіемъ ихъ съ литературными случаями. Положимъ, напримѣръ, что основывается новый журналъ; положимъ, что его редакторомъ дѣлается человѣкъ такъ называемыхъ западническихъ мнѣ-

ній. Если онъ приглашаетъ къ участію въ журналѣ кого нибудь изъ славянофиловъ, это значитъ не то, что между ними существуютъ личныя хорошія отношенія, а только то, что журналъ по обстоятельствамъ времени хочетъ защищать такіе принципы, которые выше предметовъ несогласія между обѣими партіями, напримѣръ, гласность, или освобожденіе крестьянъ, или улучшеніе судоустройства, и не будетъ обращать почти никакого вниманія на тѣ предметы, въ которыхъ двѣ партіи несогласны. Если кто нибудь изъ славянофиловъ принимаетъ предложеніе, это значитъ, что вся партія его одобряетъ образъ дѣйствія, предполагаемый журналомъ. Само собою разумѣется, мы предполагаемъ приглашающаго редактора и приглашаемыхъ сотрудниковъ людьми дѣльными, пользующимися значительнымъ положеніемъ въ своей партіи: о людяхъ ничтожныхъ никто не хлопочетъ, никто ихъ не приглашаетъ и никто не принимаетъ приглашеній, дѣлаемыхъ ими. Посмотримъ же теперь, могутъ ли имѣть личные разсчеты важное мѣсто въ такомъ дѣлѣ. Что было бы, напримѣръ, еслибы сотрудникъ славянофилъ согласился участвовать въ журналѣ не для проведенія мыслей, которымъ сочувствуетъ его партія, а только по денежнымъ выгодамъ или по тщеславію, т. е. если бы онъ принялъ участіе въ журналѣ безъ одобренія своей партіи. Люди, сочувствующіе славянофиламъ, не сочувствовали бы тогда журналу; сотрудникъ былъ бы безполезенъ для журнала, т. е. игралъ бы въ немъ жалкую роль; даже его тщеславіе было бы разочаровано, и онъ скоро бы отказался, если бы еще раньше того редакторъ не отказалъ ему, какъ человѣку безполезному. Такимъ образомъ, даже тутъ, въ дѣлѣ маловажномъ по сравненію съ управленіемъ національною политикою, личныя отношенія и разсчеты не могутъ имѣть важнаго значенія передъ интересами принциповъ. Нѣчто подобное, только въ гораздо значительнѣйшихъ размѣрахъ, бываетъ сущностью переговоровъ между важными людьми политическихъ партій въ Англіи при составленіи министерства.

Быть можетъ мы слишкомъ заботились о разъясненіи отношеній, изъ которыхъ возникли два обстоятельства, имѣвшія вліяніе на развязку преній по биллю о реформѣ. Мы хотѣли показать, что въ переговорахъ между Росселемъ и Брайтомъ, между Росселемъ и Пальмерстономъ о составленіи новаго министерства, дѣло шло не о личныхъ отношеніяхъ, а собственно о степени вліянія, какое должны имѣть на политику составлявшагося кабинета различные политическіе принципы. Если одинъ требовалъ себѣ и своимъ приверженцамъ извѣстныхъ мѣстъ въ кабинетѣ, другой не находилъ возможнымъ пожертвовать этими мѣстами, желая оставить ихъ за собою и своими кандидатами,—лица тутъ были только представителями

принциповъ; вопросъ объ извѣстныхъ мѣстахъ для лицъ былъ вопросомъ о степени вліянія принциповъ извѣстной партіи на политику. Быть можетъ, читателю не было надобности въ нашихъ объясненіяхъ, чтобы не ошибаться въ этомъ и не предполагать силы личныхъ отношеній и разсчетовъ тамъ, гдѣ говорится у насъ о лицахъ. Фамилія тутъ служитъ только для краткости выраженія вмѣсто словъ «партія, имѣющая такія-то убѣжденія и выбравшая своимъ органомъ такого-то человѣка». Третье обстоятельство, имѣвшее вліяніе на развязку дѣла, будетъ ясно для каждаго безъ всякихъ объясненій.

При неизвѣстности того, войною или миромъ разрѣшится итальянскій вопросъ, и въ Англіи, какъ повсюду, люди совершенно одинаковыхъ мнѣній обо всемъ могутъ думать различно о степени вѣроятности того или другаго рѣшенія. Это зависитъ отъ степени оптимизма или пессимизма въ характерѣ и отъ степени личнаго знакомства съ европейскими дипломатическими отношеніями. Если предполагать, что война не только неизбѣжна, но и не будетъ отсрочена на три-четыре мѣсяца, а вспыхнетъ на дняхъ, то конечно англичанинъ не долженъ желать распущенія парламента, потому что присутствіе парламента вовсе не ослабляетъ правительство, или, по англійскому выраженію «корону», какъ у насъ многіе полагаютъ по совершенному незнанію, а напротивъ—чрезвычайно усиливаетъ могущество «короны». Королева Викторія и ея королевство не имѣли бы и половины того могущества, какимъ теперь обладаютъ, если бы у нихъ не было парламента. У насъ все думаютъ только о томъ, что парламентъ стѣсняетъ министерство, или по англійскому выраженію «правительство» и «администрацію». Напротивъ. Повелѣніе, подписанное Наполеономъ III, не имѣетъ во Франціи десятой части той дѣйствительной силы, какъ повелѣніе, принятое королевою Викторіею въ Англіи. Для людей, обманываемыхъ формами, это кажется странно; но стоитъ только подумать о сущности дѣла и мы увидимъ, что оно такъ, и непремѣнно должно быть такъ. Фульдъ или Валевскій очень часто въ душѣ не желалъ бы исполненія тѣхъ мѣръ, исполненіе которыхъ поручается имъ. Какъ же будутъ исполнены эти мѣры? Обыкновенно исполняются онѣ безъ усердія, часто искажаются, еще чаще исполняются только для формы, такъ что на дѣлѣ производится вовсе не то, о чемъ отдано приказаніе и объ исполненіи чего подается отчетъ на бумагѣ. Франція въ значительной степени имѣетъ право называться бумажнымъ царствомъ. Подумаемъ только о томъ, какому ослабленію, искаженію и пренебреженію должно подвергаться тамъ въ исполненіи каждое дѣло, проходя по разнымъ инстанціямъ, сверху внизъ, когда самъ министръ часто дѣ-

лаетъ подъ рукою все возможное для ослабленія мѣры, когда изъ 87 префектовъ половина враждебна въ душѣ министру, другая половина считаетъ себя умнѣе его, и когда всѣ они знаютъ, что даже самъ министръ требуетъ исполненія только на бумагѣ, и когда наконецъ каждый префектъ находится къ исполнителямъ, своимъ подчиненнымъ, въ такомъ же положеніи, какъ министръ къ префектамъ, т. е. долженъ дѣйствовать черезъ людей, ни мало не сочувствующихъ ни ему, ни предмету его приказаній. Правительство дѣйствуетъ въ потемкахъ, не зная, на кого можетъ положиться, и въ большей части случаевъ не имѣетъ усердныхъ исполнителей, не имѣя въ то же время и средствъ удостовѣриться, дѣйствительно ли приказанія исполняются. Ничего подобнаго, никакой подобной путаницы и безсилія, нѣтъ при парламентѣ. Каждое распоряженіе принимается цѣлою партіею, т. е. безчисленнымъ множествомъ людей во всѣхъ классахъ общества, какъ личное дѣло каждаго изъ нихъ; и каждый изъ нихъ всячески содѣйствуетъ надлежащему его исполненію. Обязательство въ этомъ уже напередъ дано ими, еще до обнародованія распоряженія, и дано оно съ дѣйствительнымъ желаніемъ дать и исполнить его. Опора парламента такъ сильна, что правительство или «корона» замѣтно ослабѣваетъ даже въ тѣ короткіе промежутки, которые бываютъ между сессіями парламента. Два или три мѣсяца тому назадъ «корона» удостовѣрилась, что ея повелѣнія исполняются усердно и добросовѣстно; но этого краткаго періода бываетъ достаточно, чтобы она утратила часть той основательной самоувѣренности, которая сообщалась ей присутствіемъ парламента. И только, когда онъ соберется снова, чувствуетъ она возвращеніе своей прежней силы.

Шумъ производятъ вообще только тѣ дѣла, относительно которыхъ мнѣніе не установилось; въ чемъ всѣ согласны, о томъ не бываетъ длинныхъ разговоровъ. Потому и до нашего слуха доходятъ только тѣ дѣла парламентской жизни, въ которыхъ парламентъ раздѣленъ на партіи; но не должно забывать, что кромѣ этихъ шумныхъ дѣлъ происходитъ множество другихъ гораздо важнѣйшихъ, о которыхъ никто не споритъ, въ которыхъ «корона» не слышитъ отъ парламента ничего, кромѣ единодушнаго одобренія и искреннихъ обѣщаній его сильной помощи. Читатель можетъ вспомнить, какъ парламентъ отвѣчалъ на изложеніе дѣйствій «короны» по итальянскому вопросу: члены всѣхъ партій въ одинъ голосъ сказали «да, совершенно такъ; каждый изъ насъ дѣйствовалъ бы точно также, мы всѣ содѣйствуемъ «коронѣ» и чтобы ей ни понадобилось, она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка.» Объ этомъ случаѣ мы узнали, потому что имъ интересуется не одна Англія, но и весь континентъ; но каждый день рѣшаются съ такимъ же согласіемъ дѣла, не касающіяся

до другихъ державъ и важныя только для самой Англіи. Напримѣръ, всѣ суммы, нужныя правительству, вообще получаются безъ всякаго затрудненія.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Мы видѣли, что въ присутствіи парламента правительство гораздо сильнѣе и смѣлѣе, нежели въ тѣ промежутки, когда оно не можетъ ежедневно удостовѣряться въ сочувствіи представителей націи. Поэтому люди, ожидающіе войны на дняхъ, не хотѣли бы поставить вопросъ о реформѣ такъ, чтобы отъ него произошелъ перерывъ въ засѣданіяхъ парламента; хотѣли бы придать ему такой мягкій оборотъ, чтобы министерству не было надобности распускать нынѣшній парламентъ и назначать новые выборы; а распущеніе парламента представлялось однимъ изъ шансовъ, возникающихъ отъ принятія большинствомъ такихъ предложеній, на которые министерство не изъявило своего согласія. Такіе люди были и между вигами и между тори; но тори и безъ того подавали голосъ за министерство; виги все-таки должны были поддерживать предложеніе, клонящееся къ замѣненію торійскаго министерства ихъ собственнымъ. Потому вліяніе на способъ подачи голосовъ могло оказываться отъ этого обстоятельства только между независимыми либералами. Когда разстроились ихъ переговоры съ Росселемъ, т. е. вступленіе ихъ самихъ въ кабинетъ, они остались равнодушными къ вопросу о перемѣнѣ министерства, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшились подать голосъ за торійское министерство только для того, чтобы правительство не оставалось безъ помощи парламента въ столкновеніяхъ по итальянскому вопросу. Важнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ Робекъ.

Имѣя въ виду три обстоятельства, изложенныя нами, можно довольно ясно понимать причины, которыми была приведена развязка дѣла, противная, и желаніямъ министерства, и желаніямъ по крайней мѣрѣ двухъ третей членовъ Палаты Общинъ.

Въ парламентскихъ преніяхъ прежде всего обнаружилось вліяніе послѣдняго изъ обстоятельствъ, замѣченныхъ нами. Еще задолго до собранія парламента, на шеффильдскомъ митингѣ по вопросу о реформѣ, Робекъ, депутатъ Шеффильда, уже выразилъ свое мнѣніе, что итальянскій вопросъ своею затруднительностью долженъ въ совѣщаніяхъ парламента взять верхъ надъ дѣломъ о реформѣ. Онъ полагалъ даже, что парламентъ, развлеченный войною, не успѣетъ заняться реформою. Война не вспыхнула такъ рано, какъ онъ опасался, но все-таки онъ думаетъ, что со дня на день надобно ждать ея, и потому присутствіе парламента необходимо для «короны». Когда приблизился срокъ, назначенный для преній о предложеніи Росселя, которымъ могло быть министерство низвергнуто или принуждено рас-

пустить парламентъ, Робекъ почелъ своею обязанностью сдѣлать усиліе для предотвращенія такой необходимости. За три дня до начала преній о предложеніи Росселя онъ сказалъ, что хочетъ обратиться съ совѣтомъ къ лорду Росселю и къ министерству. Образъ дѣйствій, принятый лордомъ Росселемъ, сказалъ онъ, долженъ повести къ перемѣнѣ министерства или распущенію парламента.

«Перемѣна министерства при нынѣшнихъ обстоятельствахъ,—продолжалъ онъ,—можетъ произвесть страшныя бѣдствія на континентѣ; распущеніе парламента можетъ произвесть немедленный взрывъ войны. Почему такъ, позвольте мнѣ объяснить. Европа не понимаетъ Англіи. Она подумаетъ, что отъ распущенія Палаты Общинъ всѣ партіи разстроились въ своихъ отношеніяхъ и что исчезло могущество общественнаго мнѣнія въ Англіи, а миръ въ Европѣ держится силою англійскаго общественнаго мнѣнія (аплодисменты). Если только Европа подумаетъ, что сила эта исчезла, на другой же день возникаетъ хаосъ и кровопролитіе въ цѣлой Европѣ (браво!). Сильно занятый этими соображеніями, я прошу благороднаго лорда (Росселя) оставить тотъ путь, по которому онъ хотѣлъ идти. Отъ него зависятъ теперь судьбы нашей земли, и путь, имъ избранный, можетъ навлечь на насъ неисчислимыя бѣдствія».

Потому Робекъ просилъ Росселя поступить теперь такъ, какъ онъ поступилъ въ прошедшемъ году въ индійскомъ вопросѣ. Индійскій билль Дерби, также какъ теперь билль о реформѣ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ большинствѣ палаты. Чтобы дать министерству возможность избѣжать формальнаго порицанія палаты, Россель предложилъ ей, прежде нежели займется она этимъ биллемъ, обсудить, независимо отъ него, важнѣйшія стороны дѣла, чтобы министры могли составить новый билль сообразно этимъ рѣшеніямъ. Такимъ образомъ законъ былъ составленъ въ смыслѣ большинства, противнаго первоначальнымъ идеямъ министерства, а министры все-таки избѣжали формальнаго столкновенія съ большинствомъ, и не нужно было имъ ни выходить въ отставку, ни распускать парламентъ. Робекъ просилъ Росселя и теперь поступить подобнымъ образомъ, т. е. 21 марта, въ день назначенный для втораго чтенія билля, предложить парламенту вмѣсто преній о биллѣ заняться составленіемъ отдѣльныхъ рѣшеній по главнымъ пунктамъ вопроса. Россель не согласился, но министерство чрезвычайно ободрилось несогласіемъ Робека на образъ дѣйствій Росселя. Оно получило надежду, что онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими независимыми либералами, будетъ вотировать противъ Росселя, и что, благодаря этому отпаденію, Россель останется въ меньшинствѣ.

Потому министерство отказалось отъ мысли объ уступчивости, которой хотѣло держаться. Оно предполагало, пользуясь неудачей Росселя и Пальмерстона въ составленіи условій, при которыхъ они оба могли бы войти въ кабинетъ, объявить, что какія бы поправки ни были сдѣланы при комитетскомъ совѣщаніи въ его биллѣ, оно ни одной изъ этихъ поправокъ не приметъ за существенно враждебную. Виги, не имѣя возможности составить кабинета, должны были бы принять такое объясненіе, и торійское министерство, не подвергшись формальному порицанію, удержалось бы въ кабинетѣ. Теперь тори сдѣлались отважными. Они предположили, что если объявить свое намѣреніе считать принятіе Росселевой поправки за прямое порицаніе своему биллю, то большинство отвергнетъ эту поправку, потому что слѣдствіемъ ея при такомъ объявленіи было бы или паденіе министерства или распущеніе парламента. Но было извѣстно, что виги не могутъ составить новаго кабинета, стало быть необходимо оставаться прежнему кабинету за недостаткомъ другаго, стало быть изъ двухъ шансовъ остается только одинъ, именно распущеніе парламента; а именно этого опасаются нѣкоторые независимые либералы, стало быть подадутъ голосъ противъ Росселя.

Настало 21 марта. Всѣ, кто могъ, явился въ Палату Общинъ посмотрѣть на ходъ борьбы. Палата Лордовъ, хорошо чувствующая не слишкомъ большую важность свою, посидѣла въ своей залѣ всего съ небольшимъ часъ и поспѣшила кончить свои блѣдныя пренія, чтобы всею массою посмотрѣть на истинныхъ владыкъ Англіи въ Палатѣ Общинъ. Лордовъ пришло столько въ Палату Общинъ, что недостало имъ мѣстъ въ назначенной для нихъ галлереѣ. Каждое засѣданіе начинается представленіемъ просьбъ, такъ что лорды успѣли видѣть весь спектакль; просьбъ было множество, и все по вопросу о реформѣ, и все противъ министерскаго билля. Рѣдкій депутатъ явился безъ такого приношенія президентскому столу. И торійскіе депутаты несли, бѣдняжки, эти смертоносныя для нихъ посылки отъ своихъ избирателей. Вотъ всталъ Россель. Брайтъ и независимые либералы привѣтствовали его громкими аплодисментами: не отступившись отъ своего предложенія, онъ помогалъ ихъ дѣлу сильнѣе, нежели самъ предполагалъ, какъ мы увидимъ. Пальмерстоновскіе виги не аплодировали теперь, да и въ продолженіе рѣчи аплодировали рѣдко, только изъ приличія. Послѣ длиннаго разбора основныхъ постановленій министерскаго билля, онъ заключилъ: «словомъ сказать, я долженъ объявить прямо, что билль, предложенный Палатѣ, я считаю мѣрою самаго вреднаго, оскорбительнаго и опаснаго характера». Раздались продолжительные аплодисменты. Объяснивъ, почему предложилъ только поправку ко второму чтенію,

а не прямое отверженіе билля (*), онъ продолжалъ: «да, безполезно передавать въ комитетъ этотъ билль; и замѣчанія, сдѣланныя моимъ уважаемымъ другомъ (Робекомъ), не заставляютъ меня измѣнять своего образа дѣйствій. Онъ говорилъ, что если мы остановимъ ходъ министерскаго билля, результатомъ этого можетъ быть распущеніе парламента; — я не пугаюсь этого. Я думаю, что при вопросѣ, отъ котораго зависитъ судьба наша и нашихъ потомковъ, останавливаться страхомъ распущенія или какой нибудь опасности, угрожающей нашимъ иностраннымъ дѣламъ, было бы совершенно недостойно насъ (браво!). Если наше рѣшеніе будетъ противно проекту министровъ, пусть они поступаютъ, какъ имъ покажется лучше. Если они почтутъ полезнымъ распустить парламентъ, чтобы узнать мнѣніе народа объ этомъ вопросѣ, то, — не знаю, какъ другіе, а я не побоюсь этой аппеляціи (аплодисменты). Пусть они выставятъ свой билль на всѣхъ избирательныхъ эстрадахъ Англіи и посмо-

(*) Противъ этого способа дѣйствій было много возраженій со стороны тори. Они говорили, что если билль, по мнѣнію Росселя, дуренъ, то надобно было прямо отвергать его, а не предлагать поправку къ предложенію о второмъ чтеніи. Россель отвѣчалъ на это, что въ биллѣ есть кое-что хорошее, именно пониженіе ценса въ графствахъ, но существенный характеръ его дуренъ. Предлагать простое отверженіе значило бы вмѣстѣ съ дурнымъ отвергать и хорошее; притомъ простое отверженіе не указывало бы, что именно дурно въ биллѣ. Предложеніе, мною сдѣланное,—говорилъ онъ,—прямо указываетъ это дурное и положительно опредѣляетъ, каковъ долженъ быть характеръ билля, требуемаго Палатою. Читатель помнитъ, что предложеніе Росселя было: «Палата Общинъ думаетъ, что несправедливо и неблагоразумно (*politic*) поступать по способу, предложенному настоящимъ биллемъ, съ существующимъ правомъ фригольдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что Палата и нація не удовлетворятся никакимъ измѣненіемъ избирательнаго права, не вводящимъ въ графствахъ и городахъ разширенія права голоса въ размѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящею мѣрою.» Съ формальной стороны Россель достаточно оправдалъ свой образъ дѣйствій; но существенная причина тутъ была другая: предложеніе, сдѣланное Росселемъ, скорѣе могло получить большинство, нежели простое предложеніе отвергнуть билль. Пальмерстонъ и его друзья могли бы сказать, что предпочитаютъ извѣстное, вѣрное, хотя не совсѣмъ хорошее, совершенной неизвѣстности; могли бы сказать: вы отвергаете билль, но чѣмъ же вы хотите его замѣнить? Теперь у нихъ не было этого предлога отдѣлиться отъ Росселя. Притомъ предложеніе оставляло министрамъ формальную возможность оставаться на мѣстахъ, не распуская парламентъ. Этимъ отчасти предупреждалось возраженіе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя принуждать министровъ къ отставкѣ или распущенію парламента; можно было сказать: если они сдѣлаютъ то или другое, значитъ они не считаютъ обстоятельствъ слишкомъ опасными, и во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна ложиться на нихъ.

Были и другія возраженія противъ тактики Росселя, о которыхъ мы не упоминаемъ и которые онъ также разбираетъ въ своей рѣчи.

трятъ, какой отвѣтъ имъ будетъ данъ (браво, браво!). И если агитація возрастетъ отъ этого, если общіе выборы породятъ требованія обширнѣйшія нынѣшнихъ, отвѣтственность за то будетъ на министрахъ, а не на насъ (апплодисменты). А по отношенію къ опасности, что вспыхнетъ война, признаюсь, меня очень удивляетъ слышать и видѣть въ печати, что присутствіе лорда Мальмсбери въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ служитъ обезпеченіемъ мира (*) (хохотъ). Я вовсе не имѣю вражды къ лорду Мальмсбери; но когда слышу, что его присутствіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ служитъ обезпеченіемъ мира, я спрашиваю себя: гдѣ же такой простякъ, который повѣритъ этимъ словамъ? (браво, браво! хохотъ). Остается еще одно замѣчаніе. Говорятъ, что я руковожусь интересами партіи, или своими личными. Я считаю свою обязанностью не обращать вниманія на такія обвиненія, а идти путемъ, который мнѣ кажется полезнѣйшимъ для отечества (браво, браво!). Никто не станетъ спорить, что много лѣтъ я принималъ искреннее участіе въ этомъ вопросѣ.»—Лордъ Россель въ нѣсколькихъ словахъ припомнилъ исторію своихъ усилій по дѣлу парламентной реформы, и заключилъ рѣчь словами: «имѣя такія убѣжденія, я не могу не думать, что билль, теперь предложенный, на каждомъ шагу долженъ встрѣчать оппозицію, пока наконецъ онъ будетъ отвергнутъ. Я долженъ дѣйствовать такъ, оставляя безъ вниманія всѣ обвиненія, какимъ могу подвергнуться (апплодисменты). Объ этомъ великомъ вопросѣ реформы я могу сказать, что я защищалъ его, когда былъ молодъ, и не измѣню ему теперь, когда сталъ старикомъ» (громкіе апплодисменты).

Лордъ Росселъ доказалъ, что министерскій билль въ дѣлѣ парламентскаго устройства составляетъ не шагъ впередъ, а шагъ назадъ, и потому долженъ быть отвергнутъ. Для отвѣта предводителю оппозиціи министерство выбрало того изъ своихъ членовъ, который пользуется наилучшею репутаціею; всталъ сынъ лорда Дерби, молодой лордъ Стенли, котораго торійская партія считаетъ лучшею своею надеждою. Надобно замѣтить, что лордъ Стенли самый либеральный человѣкъ въ торійской партіи, стало быть лучше всѣхъ понималъ, что дѣло, которое пришлось ему защищать, не совсѣмъ хорошо. Говорятъ, что онъ вовсе не одобряетъ билля, составленнаго его от-

(*) Торійское министерство не такъ рѣшительно въ дипломатическихъ дѣлахъ, какъ было бы министерство виговъ; притомъ лорда Мальмсбери осуждаютъ за излишнее расположеніе къ императору Французовъ, а главное онъ вовсе не отличный дипломатъ. Англичане думаютъ, что если бы Англія съ самаго начала сильнѣе высказала себѣ противъ требованій Сардиніи и Франціи, то опасность войны уже миновалось бы.

цемъ и Д'Израэли. Вѣроятно онъ защищался бы не совсѣмъ удачно и тогда, еслибъ не случилось происшествія, совершенно не предвидѣннаго; но небывалый въ парламентскихъ лѣтописяхъ случай окончательно разстроилъ молодаго оратора. Мы предоставимъ одной изъ англійскихъ газетъ разсказать это курьёзное происшествіе, замѣтивъ предварительно, что голосъ лорда Стенли отличается очень высокими нотами, въ родѣ сопрано.

«Иногда сидишь цѣлый вечеръ въ комнатѣ, не зная, что гдѣ нибудь въ углу виситъ клѣтка съ пѣвцомъ. Пожилые хозяева дома ведутъ рѣчь, не возвышая голоса, и птичка сидитъ спокойно; но вдругъ вбѣгаетъ въ комнату юноша, полный жизни и веселья, кричитъ, смѣется, вноситъ веселость, споръ и шумъ. Веселость заразительна, и Филомела вдругъ заливается неудержимымъ потокомъ оглушительной радости и симпатіи. Чѣмъ громче вы говорите, тѣмъ пронзительнѣе становятся ноты птички, пока наконецъ безперые двуногіе остаются побѣждены и безгласны передъ непокорнымъ маленькимъ пѣвуномъ.

«Ребенокъ въ Палатѣ Общинъ, — какое нелѣпое сочетаніе словъ! Да, настоящій ребенокъ въ Палатѣ Общинъ, крикливый ребенокъ.... съ такимъ голосомъ, которымъ покрывается всякій другой голосъ, который внушаетъ вниманіе къ себѣ собранію этихъ серьезныхъ людей, и наконецъ по прошествіи первой минуты изумленія вызываетъ взрывъ хохота у консерваторовъ, виговъ и радикаловъ, у протестантовъ и католиковъ, у оранжистовъ и ультрамонтанцевъ, у всѣхъ безъ различія. Это былъ случай безпримѣрный въ исторіи Палаты Общинъ. Гуси кричали и ослы ревѣли въ этой палатѣ, но ребенокъ!... Пусть истолкователи знаменій займутся этимъ предзнаменованіемъ. Надобно ждать великихъ событій.

«Я говорилъ, что лордъ Джонъ сѣлъ и всталъ молодой лордъ Стенли. Голосъ его былъ настроенъ высоко и поднимался все выше. Вѣдь тутъ былъ лордъ Дерби, онъ смотрѣлъ на сына, не могъ скрыть родительской гордости, не могъ скрыть и значительной дозы родительскаго безпокойства. Палата слушала и возбудилось вниманіе даже юнѣйшаго члена толпы высокоуважаемыхъ слушателей. Въ ту минуту, какъ замеръ и малѣйшій шорохъ, а голосъ оратора поднялся до высочайшихъ нотъ гнѣвнаго упрека, пронзительный звукъ, въ одну ноту съ высокою трелью оратора, пронесся изъ галлереи дамъ. Это былъ ребенокъ!... У французовъ есть поговорка *le ton va plus loin que le mot*. Этотъ ребенокъ не былъ членомъ вѣрноподданной оппозиціи ея величества; онъ не былъ виновенъ въ увлеченіи духомъ партій; онъ не хотѣлъ изгнать мистера Д'Израэли и ввести лорда Росселя; онъ не хотѣлъ губить свое отечество, низлагать королеву и водворять республику; но слова президента были строги. Ребенокъ инстинктивно понялъ, что какой-то господинъ упрекаетъ его въ капризѣ и неприличіи, и онъ огорчился несправедливымъ упрекомъ, и онъ расплакался.

«Въ первую минуту изумленіе подавило всѣ другія чувства. 600 паръ глазъ направились къ позолоченной рѣшоткѣ, за которой сидятъ дамы. Не могу вамъ сказать, надъ чѣмъ хохотала Палата: надъ смущеніемъ ли мама, или надъ очевидной причиной невиннаго крика, или надъ перемѣной, происшедшей въ молодомъ ораторѣ. Палата смѣялась; но смѣялся ли церемоніймейстеръ палаты? смѣялся ли тотъ членъ палаты, который узналъ въ крикѣ сыповній голосъ и видѣлъ церемоніймейстера медленно встающаго съ кресель съ грознымъ видомъ и идущаго на галлерею, съ рукою стискивающею эфесъ шпаги и съ похвалами памяти добраго царя Ирода? Будемъ надѣяться, что молодой депутатъ съ побѣдительнымъ лицомъ, побѣжавшій за гнѣвнымъ церемоніймейстеромъ, былъ отецъ ребенка и что не произошло несчастія; будемъ надѣяться, что разстроенная и дрожащая мама, бѣжавшая по корридору, спрятавъ ребенка подъ шаль, не встрѣтила гнѣвнаго джентельмена со шпагою.

«Но молодой министръ.... Палата хохотала, а что дѣлалъ лордъ Стенли? Съ прискорбіемъ я долженъ сказать, что онъ совершенно растерялся. По словамъ однихъ, онъ думалъ, что младенческій крикъ былъ чревовѣщательскою пародіею его «*si* выше линеекъ»; другіе говорятъ, что лордъ Джонъ велѣлъ принести этого ребенка, съ инструкціею ущипнуть его при самомъ патетическомъ пассажѣ. Что справедливо, мы не знаемъ; но перемѣна въ молодомъ ораторѣ была мгновенная: его убила маленькая птичка, вскрикнувшая за дамскою рѣшоткою. Его голосъ упалъ на полторы октавы; его декламація потеряла всю пылкость и увѣренность».

Въ самомъ дѣлѣ, разнесся слухъ, что убійственный ребенокъ былъ сынъ лорда Джона Росселя. Это курьёзное совпаденіе довершило эффектъ писка. Только на другой день объяснилось, какимъ образомъ упало такое обвиненіе на лорда Джона, невиннаго въ злосчастіи своего противника: фамилія матери ребенка была Джонсъ, Jones'baby— въ произношеніи это трудно отличить отъ John's baby, и каждый понялъ эти слова о лордѣ Джонѣ вмѣсто неизвѣстной мистриссъ Джонсъ.

Отъ этого ли пустаго случая, или отъ того, что лордъ Стенли самъ плохо вѣрилъ въ свое дѣло, его рѣчь была неудачна; но въ ней заключалось важное объявленіе: онъ сказалъ палатѣ, что министерство почтетъ принятіе предложенія Росселя за прямое отверженіе билля. Эта рѣшимость была вызвана предложеніемъ, которое сдѣлалъ Робекъ три дня тому назадъ. Она поддержана была потомъ рѣчами нѣсколькихъ независимыхъ либераловъ, между прочимъ Горсмена, располагающаго нѣсколькими голосами, и новою рѣчью самого Робека. Она поддерживалась также упорнымъ молчаніемъ, которое сохранялъ лордъ Пальмерстонъ.

Четыре засѣданія уже продолжались пренія, а лордъ Пальмерстонъ все еще держался упорнаго молчанія. Очевидно, онъ выжидалъ случая, который доставилъ бы ему возможность сдѣлать маневръ противъ Росселя и спасти министерство отъ пораженія; но случая такого не представлялось и, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ наконецъ говорить за предложеніе Росселя, какъ требовали его приверженцы. Досада слышалась въ каждомъ его словѣ; онъ излилъ ее на министерство, своимъ нелѣпымъ образомъ дѣйствій заставившее его помогать сопернику. Лордъ Пальмерстонъ мастеръ на сарказмы. Онъ осыпалъ ими министерство. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ: мнѣ очень не хотѣлось дѣйствовать заодно съ Росселемъ, но дѣла приняли такой оборотъ, что я долженъ поддерживать его предложеніе и сказать моему благородному другу: «ваша поправка мнѣ кажется прекрасной.» — Зная чувства оратора къ его благородному другу и досаду на невозможность дѣйствовать противъ поправки Росселя, Палата захохотала и раздались ироническіе аплодисменты: они ободрили Пальмерстона, видѣвшаго, что депутаты хорошо понимаютъ саркастическій тонъ его словъ, и онъ продолжалъ: «я полагаю, что ваша поправка достигаетъ своей цѣли, и совершенно готовъ поддерживать ее сильнѣйшимъ и искреннѣйшимъ образомъ.» — депутаты опять наградили ловкій юморъ хохотомъ. И такъ Пальмерстонъ объявилъ, что принужденъ подать голосъ за Росселя. Исполнивъ эту обязанность, онъ далъ волю своей досадѣ на министерство, нерасчетливо объявившее, что принимаетъ предложеніе Росселя за прямое порицаніе. Брать назадъ это формальное увѣреніе, повторенное нѣсколько разъ, было уже поздно, и лордъ Пальмерстонъ могъ только съ самыми язвительными насмѣшками доказать, что такая храбрость была неумѣстна для министерства, смиренно переносившаго множество непріятныхъ рѣшеній Палаты. Судя по вашей прежней терпѣливости, говорилъ онъ министрамъ, я думаю, что вы поступите вотъ какъ: и объяснялъ Палатѣ, какъ желали бы поступить они, но уже не могутъ послѣ своего храбраго объявленія. «Предложеніе, безъ сомнѣнія, будетъ принято; чтоже тогда сдѣлаютъ министры? Слухи носятся различные. Говорятъ, что министры подадутъ въ отставку. Я этому не вѣрю.» Палата громко захохотала надъ этимъ яснымъ намекомъ на готовность тори переносить всякія униженія отъ Палаты, лишь бы усидѣть на своихъ мѣстахъ. «Я думаю, что они измѣнили бы своей обязанности, если бы подали въ отставку. Я не прошу ихъ подавать въ отставку.» Палата опять захохотала надъ ловкимъ намекомъ и на жалкій промахъ министровъ и на собственныя чувства оратора, который дѣйствительно

желалъ бы удержать въ министерствѣ тори, чтобы не впускать въ кабинетъ Росселя. «Я скажу имъ, какъ говорилъ Вольтеръ о какомъ-то министрѣ, заслужившемъ его немилость: я не накажу его, я не пошлю его въ тюрьму, я приговорю его остаться на своемъ мѣстѣ,» — и лордъ Пальмерстонъ сталъ насмѣшливо доказывать, что министры не должны принимать немилость Палаты за порицаніе, а должны вести до конца вопросъ о реформѣ, какъ бы ни передѣлывала Палата ихъ несчастный билль. «Другіе говорятъ, продолжалъ Пальмерстонъ, что министры распустятъ парламентъ, — это было бы нелѣпостью со стороны консервативнаго министерства: неужели оно допуститъ, чтобы во всѣхъ избирательныхъ совѣщаніяхъ подвергнули разбору основанія британской конституціи?»—лордъ Пальмерстонъ сталъ доказывать, что распущеніе парламента было бы гибельно для тори, потому что выборы усилили бы въ новой палатѣ партію, желающую радикальной реформы. Палата хохотала надъ объясненіемъ того, что тори принуждены принять мѣру самую невыгодную для нихъ, самую пріятную для Брайта. «Но нѣтъ, этого не будетъ,» продолжалъ Пальмерстонъ, и насмѣшливо перетолковывалъ слова министровъ, отыскивая въ нихъ готовность переносить всякія неудачи, лишь бы сохранить свои мѣста.

Послѣ такой рѣчи бѣдные тори уже не имѣли никакой возможности отказываться отъ своего объявленія, что не могутъ перенести принятіе росселевой поправки: Пальмерстонъ слишкомъ ясно и язвительно объяснилъ, что такая терпѣливость была бы теперь рѣшительной низостью. Они должны были неподвижно ожидать своей участи.

На этомъ фазисѣ борьбы останавливаются подробныя извѣстія, полученныя нами. Пренія продолжались еще нѣсколько дней, но положеніе партій достаточно опредѣлилось въ тѣ дни, о которыхъ мы уже разсказали. Послѣ рѣчи Пальмерстона было ясно, что предложеніе Росселя будетъ принято. Ошибочная надежда на противное заставила министровъ сдѣлать геройское усиліе, чтобы угрозою распущенія палаты отвлечь отъ Росселя нѣсколькихъ членовъ, колебавшихся между отвращеніемъ отъ ихъ билля и опасеніемъ оставить Англію безъ парламента въ минуту, когда вспыхнетъ война. Разрывъ переговоровъ Брайта съ Росселемъ о составленіи министерства увѣрилъ ихъ, что Брайтъ не будетъ настойчиво требовать ихъ удаленія изъ кабинета. Неудача попытки виговъ примирить Пальмерстона съ Росселемъ заставила ихъ надѣяться на покровительство Пальмерстона. Къ ихъ несчастію, Пальмерстонъ нашелъ, что спасти ихъ уже невозможно послѣ ихъ излишней храбрости, и могъ только съ на-

мѣшкою показать имъ, какимъ путемъ они могли бы спастись, но что возвратиться на этотъ путь имъ уже невозможно. Имъ оставалось только или выйти въ отставку или распустить парламентъ.

Но выйти въ отставку они могли только тогда, если бы готово было новое министерство занять ихъ мѣсто въ кабинетѣ. Неудача переговоровъ между тремя отдѣлами оппозиціи не дала составиться новому министерству, стало быть оставался только одинъ исходъ — распущеніе парламента.

Ничего лучшаго не могъ желать Брайтъ. Новые выборы необходимо должны усилить въ парламентѣ партію серьёзныхъ реформеровъ, и кому бы ни досталось счастье сдѣлаться первымъ министромъ при новомъ парламентѣ, Росселю или Пальмерстону, и тотъ и другой принуждены будутъ въ новомъ парламентѣ принять для реформы основанія болѣе широкія, нежели какія были возможны при Палатѣ, распускаемой теперь.

Слухи о войнѣ и разсказы о ходѣ вопроса парламентской реформы — каждый разъ однѣ и тѣже темы! — нѣтъ ли чего нибудь новаго? Ничего такого, что интересовало бы Европу; все вниманіе западнаго континента сосредоточено на итальянскомъ вопросѣ, а люди, которые смотрятъ на вещи серьёзнѣе и ждутъ чего нибудь хорошаго не отъ шумныхъ столкновеній между такими противниками, изъ которыхъ ни одному нельзя сочувствовать и желать побѣды, — люди, которые ждутъ добра только отъ развитія національнаго сознанія и улучшеній внутренняго законодательства, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ на успѣхи реформистскаго движенія въ Англіи, которая и своими внутренними учрежденіями и своимъ внѣшнимъ могуществомъ имѣетъ такое сильное вліяніе на судьбу западнаго континента. Одинъ предметъ для пустыхъ толковъ, другой для серьёзной мысли, — кромѣ того, нѣтъ ничего особенно занимательнаго ни для болтуновъ, ни для людей разсудительныхъ. Всѣ другія текущія событія такъ мелки, что каждымъ изъ нихъ можетъ интересоваться, да и то не слишкомъ сильно, развѣ та страна, въ которой оно происходитъ. Напримѣръ, въ Германіи занимательнаго такъ мало, что сами нѣмцы отводятъ душу только тѣмъ, что увѣряютъ самихъ себя въ необыкновенной силѣ Германіи, если она станетъ дѣйствовать единодушно: тогда, увѣряютъ нѣмцы, мы закидаемъ французовъ шапками. Иные даже приплѣваютъ какую-то пѣсню о Блюхерѣ, который будто бы въ 1814 году завоевалъ Парижъ. Такимъ патріотамъ и храбрецамъ другіе нѣмцы, болѣе разсудительные, замѣчаютъ, что вопросъ о закидываніи французовъ

шапками зависитъ отъ того, какъ будутъ французы и въ какихъ кокардахъ кончатъ они свою войну съ австрійцами, если война начнется. Они полагаютъ, что стоитъ только французамъ перемѣнить кокарды, и нѣмцы не найдутъ нужнымъ закидывать ихъ шапками, а начнутъ подражать французской модѣ. Въ доказательство они приводятъ состояніе нѣмецкихъ государствъ, — состояніе въ самомъ дѣлѣ странное. Послѣдній случай, въ которомъ выразилась эта странность, произошелъ на дняхъ въ Баваріи. Впрочемъ не думайте, чтобы въ Баваріи произошло что нибудь новое, — нѣтъ, тамъ въ десятый или двадцатый разъ повторилось тоже самое, что случается уже много лѣтъ.

Какъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, такъ и въ Баваріи уже давно господствуетъ реакція. Какъ вездѣ, такъ и тамъ она довольно долго господствовала, не встрѣчая сильнаго сопротивленія. Наконецъ силы общественнаго мнѣнія стали пробуждаться, и палата депутатовъ, урѣзанный остатокъ такъ называемыхъ «пріобрѣтеній борьбы» (Errangenschaften) 1848 года»,—пріобрѣтеній, надобно замѣтить, довольно мизерныхъ, и борьбы, надобно замѣтить, не слишкомъ-то важной, — эта палата депутатовъ стала просить о замѣнѣ реакціоннаго министерства Пфортена какимъ нибудь другимъ, которое не было бы орудіемъ іезуитовъ и ихъ братіи. Пфортенъ распустилъ палату. Новые выборы еще усилили противное обскурантамъ большинство. По правиламъ конституціоннаго порядка, существующаго въ Баваріи, Пфортенъ долженъ былъ выйти въ отставку, потому что на вопросъ, имъ самимъ предложенный: кого одобряетъ нація — большинство палаты или его, министра Пфортена?—выборы отвѣчали, что нація согласна съ палатою во мнѣніи о пользѣ отставки его, г. Пфортена. Онъ разсудилъ поступить иначе, и опять распустилъ палату, чтобы не покидать пріятнаго министерскаго кресла. Выборы прислали еще сильнѣйшее большинство противъ него въ новую палату. Хоть бы тутъ ему одуматься и не компрометировать короля. Нѣтъ, интересы короля и націи никакъ не могутъ сравниться съ пріятностію занимать министерское мѣсто, и палата опять была распущена, чтобы министру Пфортену не покидать своего мѣста. Вся эта исторія коротко разсказывается на бумагѣ, а на дѣлѣ она тянулась цѣлыхъ четыре года. Въ четыре года конечно успѣло накопиться много раздраженія такого жолчнаго, что даже баварское пиво не могло смягчить сердца добродушныхъ своихъ любителей. Новые выборы были еще враждебнѣе прежнихъ и вотъ, въ концѣ января нынѣшняго года, собралась новая палата, въ которой, если не считать 25 чиновниковъ, было всего только 15

министерскихъ депутатовъ противъ 105, осуждавшихъ упрямство Пеортена. Думали, что теперь по крайней мѣрѣ онъ опомнится и пойметъ, что не слѣдуетъ ему компрометировать короля для сохраненія своей должности. Какъ судило огромное большинство палаты, т. е. избирателей, о способѣ дѣйствій Пеортена, ясно высказывалось даже въ самыхъ пустыхъ дѣлахъ. Напримѣръ, депутатъ Фёльи предложилъ измѣнить нѣкоторыя статьи уголовнаго кодекса. Комитетъ палаты, которому поручено было разсмотрѣть предложеніе, составилъ докладъ слѣдующаго рода: «Предложеніе основательно и заслуживало бы одобренія; но теперь подобными вопросами заниматься безполезно, потому что настоящее положеніе дѣлъ только переходное. Министерство по несогласію съ прежней палатой распустило ее, выборы возвратили палату съ усиленнымъ большинствомъ противъ министерства. Есть конституціонно-монархическія государства, въ которыхъ, разумѣется само собою, при подобномъ случаѣ министерство выходитъ въ отставку. У насъ не такъ; потому разногласіе между правительствомъ и представителями націи можетъ еще продолжиться. Однако же оно такъ серьёзно и благо страны такъ страдаетъ отъ его продолженія, что сама собою должна явиться въ скоромъ времени потребность помочь этому дѣлу. А пока продолжается разнорѣчіе, не слѣдуетъ ни ожидать, ни желать, чтобы палата возвращалась къ дѣлу, прерванному въ мартѣ прошлаго года».

Подобное чувство было выражаемо палатою депутатовъ рѣшительно при каждомъ случаѣ. Но министерство держалось системы не показывать вида, что понимаетъ желаніе представителей націи, и наконецъ палата принуждена была формальнымъ образомъ объяснить свои отношенія къ министерству и чувство порицанія, съ которымъ смотритъ на него все государство. Случай къ тому былъ поданъ итальянскимъ вопросомъ. Пьемонтскою провинціею Баварія граничитъ съ Франціею и должна была принять мѣры предосторожности противъ угрожающаго вторженія французовъ въ Западную Германію. Надобно было назначить суммы для вооруженій. Согласіе на экстренные кредиты, требуемые министерствомъ, почитается въ конституціонныхъ государствахъ одобреніемъ политическихъ принциповъ министерства, если не сопровождается никакими особенными замѣчаніями о степени согласія палаты съ общимъ характеромъ управленія, получающаго ея поддержку въ этомъ частномъ случаѣ. Палата измѣнила бы своимъ убѣжденіямъ, если бы оставила возможность истолковывать свой патріотизмъ, не отступающій передъ пожертвованіями, въ смыслѣ сочувствія къ министерству, и потому она

приняла слѣдующій адресъ къ королю, соединяющій выраженіе почтительной преданности къ его лицу, съ указаніемъ на ошибки реакціоперовъ, вредящихъ ему своимъ властолюбіемъ.

«Указывая на приближающуюся опасность войны, ваше величество требовали денежныхъ средствъ, нужныхъ для защиты государства. Палата депутатовъ дала ихъ. Она никогда не побоится жертвъ, требуемыхъ отечествомъ. Чтобы ни готовила судьба народу, Баваріи въ неразрывномъ союзномъ единствѣ съ другими братними племенами Германіи будетъ подъ Виттельбахскимъ знаменемъ (*) держать себя соотвѣтственно обязанностямъ, возлагаемымъ на нее славою прошедшаго и трудностями настоящаго. Одного не достаетъ Баваріи—не достаетъ того, что даетъ крѣпость во дни опасности: она лишена благотворнаго единодушія. При министерствѣ, которое, забывая королевскія слова «свобода и законность», потеряло невозвратимые годы европейскаго мира и внутренней тишины безъ серьёзной заботы объ исполненіи обѣщанныхъ реформъ, — при министерствѣ, которое словомъ и дѣломъ поколебало вѣру въ чистое и нелживое пониманіе государственнаго устройства и возбудило противъ себя на борьбу силу общественнаго мнѣнія,—при такомъ министерствѣ для представителей народа не легка была задача дать изъ національныхъ средствъ милліоны, требуемые для вооруженій противъ враговъ. Соглашаясь на это пожертвованіе, палата депутатовъ считала неизбѣжнымъ долгомъ открыто изложить причины своего рѣшенія. Нѣтъ мысли, отъ которой была бы она такъ далека, какъ отъ намѣренія выразить этимъ согласіемъ одобреніе существующей министерской системы или хотя бы смягчить выраженіе своего недовѣрія къ тѣмъ, которые служатъ олицетвореніемъ этой системы. Палата согласилась на требованіе потому, что отечество для нея выше всего, и всякая другая мысль должна замолкнуть, когда его священные интересы, его честь и его права требуютъ необходимыхъ жертвъ. Палата согласилась потому, что среди печальнаго расположенія умовъ остается непоколебимою опорою для надеждъ, основою для народнаго благоденствія неискоренимая вѣра въ конституціонную вѣрность, въ патріотическое расположеніе вашего величества, чувства котораго представляютъ единственный залогъ лучшаго будущаго и ручательство въ патріотическомъ употребленіи средствъ, данныхъ патріотизмомъ. Никакая теорія не заставитъ баварскій народъ перестать чтить величество вашего трона,

(*) Читатель знаетъ, что въ Баваріи царствуетъ Виттельбахская династія.

недосягаемо возвышающееся надъ перемѣною принциповъ отвѣтственныхъ министровъ (*). Никакое омраченіе въ этой атмосферѣ, лежащей между королемъ и народомъ, не можетъ затемнить блеска короны, священныя права которой, служащія основаніемъ порядка, также неприкосновенны народу, какъ его собственныя права. Наслѣдованная отъ предковъ вѣрность вашему величеству, всемилостивѣйшему королю и государю, и вашему высокому дому явится непоколебимою при всѣхъ обстоятельствахъ, пока между Гартовымъ хребтомъ и Рейномъ, между Рёнбергомъ и Фихтельбергомъ и прародительскими Альпами будутъ жить баварскіе люди».

Этотъ адресъ былъ принятъ палатою 15 марта, и министерство тотчасъ же рѣшилось поступить по прежней системѣ: оно частнымъ образомъ объявило депутатамъ, что распуститъ палату, и для этого просило ихъ поспѣшить окончаніемъ текущихъ дѣлъ. Добродушная баварская вѣрность выказалась и въ этомъ испытаніи: чтобы не останавливать отправленій административнаго механизма продолженіемъ борьбы, палата съ патріотическимъ усердіемъ поспѣшила окончить дѣла, нужныя для правильнаго хода управленія, и по ихъ окончаніи, 26 марта, была распущена. Въ декларацiи о распущеніи парламента (Landtagsabschied) Пфортенъ заставилъ короля, польза котораго требовала бы невмѣшательства въ споры партій, отвѣчать палатѣ общимъ суровымъ порицаніемъ. «Прискорбіемъ исполняетъ насъ (было написано въ королевской декларацiи) взглядъ на ходъ и характеръ совѣщаній палаты, въ которыхъ до такой чрезмѣрности превзойдена всякая граница» (**). Но депутаты хорошо чувство-

(*) Читатель знаетъ, что конституціонный порядокъ возлагаетъ на министровъ обязанность не компрометировать короля и династію вовлеченіемъ королевскаго имени въ споры съ оппозиціею. Читатель также знаетъ, что недобросовѣстные министры, ставящіе свое властолюбіе выше интересовъ короны, постоянно нарушаютъ это правило, соблюденіе котораго необходимо для непоколебимости довѣрія націи къ монарху. Каждый разъ, когда они не могутъ защитить своихъ дѣйствій доводами государственной пользы, они прикрываются личною волею государя, какъ недобросовѣстные секретари прикрываютъ свои продѣлки подписью начальника, которому представляютъ дѣло въ искаженномъ видѣ или вовсе умалчиваютъ о важнѣйшихъ сторонахъ дѣла. Такъ дѣйствовали Гизо, Мантейфель, такъ дѣйствуетъ и Пфортенъ. Читатель видитъ, что слова палаты относятся къ этому способу дѣйствій, равно недобросовѣстному передъ королемъ и государствомъ, вредному для государства, опасному для династіи.

(**) Мы старались передать въ русской фразѣ грамматическую странность нѣмецкаго выраженія, но оно въ подлинникѣ еще несообразнѣе съ духомъ новаго языка, нежели въ переводѣ: *in welchen so sehr alles Mass überschritten worden ist.* Излишняя старомодность и канцелярская рутина понятій отразилась въ каждомъ звукѣ этого оборота, принадлежащаго XVII вѣку.

вали, что жесткій выговоръ принадлежитъ не королю, а [illegible] Пеортену, потому что только министру, а не королю, могъ быть пріятенъ ихъ адресъ, весь наполненный увѣреніями въ томъ, что своекорыстная политика министра, пренебрегающаго [illegible] стіи для удовлетворенія своему властолюбію, не мѣшаетъ [illegible] націи сохранять преданность къ королю и надежду на него. [illegible] хотѣла показать это, кончивъ свое засѣданіе, по выслушаніи [illegible] наго порицанія, все-таки громкими восклицаніями «да здравствуетъ король! повторенными три раза. И не только въ [illegible] собраніи своемъ палата выказала это чувство: оппозиціонное [illegible] шинство депутатовъ, собравшись на дружескій обѣдъ передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена, также встрѣтило тѣми же громкими крика повторенными три раза, тостъ за здоровье короля.

Мы разсказывали баварскія событія, строго держась взгляда отчасти выраженій нѣмецкихъ газетъ, переводимыхъ нашими газетами; не знаемъ, нуждаются ли читатели въ замѣчаніи, что упреки которыми осыпаютъ эти газеты Пеортена, также неосновательны какъ похвалы англійскихъ газетъ Поэріо и его товарищамъ, переданныя нами въ прошедшій разъ. Мы получили отъ нѣкоторыхъ очень уважаемыхъ нами людей упреки за жесткое сужденіе объ ошибкахъ Поэрію. Мы рады этому порицанію,—во-первыхъ потому, что оно показываетъ благородную силу чувства въ людяхъ, его дѣлающихъ,—во-вторыхъ потому, что оно даетъ намъ случай исправить недостатки изложенія, бывшія причиною страннаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ нашихъ замѣчаній нѣкоторыми высокоцѣнимыми отъ насъ людьми. Напрасно они полагаютъ, что основаніемъ нашихъ сужденій о Поэріо были его принципы. Одобряемъ ли мы эти принципы или нѣтъ,—вовсе не въ томъ дѣло. Смѣшно было бы разсудительному человѣку сурово порицать кого нибудь за убѣжденія, несогласныя съ его собственными; а если человѣкъ, съ которымъ мы не соглашаемся въ убѣжденіяхъ, имѣетъ честныя намѣренія, то жестко осуждать его за несогласіе съ нами было бы даже неблагородно; а если наконецъ сумма разногласій притомъ еще незначительна передъ суммою понятій одинаковыхъ въ томъ и другомъ образѣ мыслей, то рѣзкость осужденія изъ-за этихъ несогласій была бы просто фанатизмомъ, натуральнымъ и извинительнымъ только въ критическія минуты, а не при спокойномъ сочиненіи, болѣе или менѣе вялой и безцвѣтной статейки,—качества, которыя мы сами совѣтуемъ замѣтить нашимъ порицателямъ въ нашихъ статейкахъ, которыми, право, не стоитъ обижаться по причинѣ ихъ пустоты,—была бы даже тупоумною пошлостью, которая неизвинительна ни при какихъ обстоятельствахъ.

...ть; мы говорили не про убѣжденія, не про образъ мыслей, — мы ...ворили только про образъ дѣйствій. Каковы бы ни были намѣре... Поэріо, онъ нанесъ много вреда, надѣлалъ слишкомъ много бѣдъ ...ему отечеству. И хотите ли знать, отчего надѣлалъ онъ столько ...дъ родинѣ, которую конечно горячо любилъ, для блага кото... ...жертвовалъ жизнью и пожертвовалъ всѣмъ личнымъ своимъ ...стьемъ? Это потому, что онъ дѣйствовалъ не логически. Онъ во...разилъ, что становится англійскимъ министромъ, тогда какъ онъ ...ылъ въ Неаполѣ. Людовикъ IX не могъ бы исполнить дѣла, которое, ...акъ увѣряютъ насъ историки наши, исполнилъ Петръ Великій. Го...ударственный человѣкъ полезенъ только тогда, когда его харак...еръ и его образъ дѣйствій сообразенъ съ обстоятельствами. Кто не ...онимаетъ, что ему надобно дѣлать въ данномъ положеніи, или не ...очетъ дѣлать того, что необходимо, тотъ лучше пусть не становит...я въ это положеніе, пусть оставитъ мѣсто дѣйствовать другимъ, ...усть отойдетъ въ сторону и ждетъ, пока другіе, быть можетъ менѣе ...истые, если не менѣе благородные, удовлетворятъ потребностямъ ...ремени; и когда будетъ сдѣлано ихъ руками то, къ чему неспособенъ ...ылъ онъ, когда положеніе очистится и успокоится, — пусть только ...огда принимаетъ онъ власть и вноситъ въ ея дѣйствія свою кро...тость и свою довѣрчивость къ людямъ. Если вы не хотите грязнить своихъ сапогъ, сидите дома, пока грязные дворники чистятъ улицу, душная пыль которой превращена въ грязь грозою. Это время чистки неудобно для прогулокъ чистоплотнымъ людямъ: они только будутъ мѣшать людямъ, у которыхъ чистоплотность не доходитъ до пренебреженія къ исполненію дѣлъ, нужныхъ для приведенія въ порядокъ тротуаровъ. Аполлонъ не принимался за очищеніе Авгіасовыхъ конюшенъ: это дѣло могъ исполнить только Геркулесъ, во всю свою жизнь только однажды вздумавшій пощеголять въ чистой рубашкѣ, да и то передъ самой кончиной, по совершеніи всѣхъ своихъ двѣнадцати подвиговъ.

Но возвратимся къ Пфортену. Мы не говоримъ о томъ, каковы его убѣжденія; мы говоримъ только о томъ, что онъ дѣйствительно исполняетъ роль, играть которую призванъ. Если роль хороша, не онъ заслуживаетъ похвалы; если она дурна, тяжесть порицанія не должна обрушиваться на него. Быть можетъ онъ нарушаетъ форму; быть можетъ палата депутатовъ имѣетъ за себя формальную справедливость, указывая въ своемъ адресѣ на несоблюденіе извѣстныхъ формальныхъ условій; мы хотимъ сказать, что быть можетъ Пфортенъ говоритъ то, чего по формѣ ему не слѣдовало бы говорить. Но какже изъ-за формы не хотятъ замѣчать сущности дѣла? Въ сущно-

сти Пфортенъ говорилъ правду, а правдивость всегда похвальна, и если иногда несогласна съ принятыми приличіями, то бываютъ случаи, въ которыхъ человѣкъ не властенъ соблюдать условныя приличія. Представимъ напримѣръ такое обстоятельство. Поваръ подаетъ на столъ не то кушанье, которое поручалъ ему приготовить господинъ; господинъ начинаетъ сердиться: извинительно ли повару сказать, что госпожа (которая держитъ мужа подъ башмакомъ) приказала ему изготовить не то блюдо, котораго желалъ господинъ? Конечно, прислуга не должна посѣвать сплетенъ и возбуждать несогласій между мужемъ и женой; но вѣдь слова повара не сплетня, а правда, и несогласіе не возбуждается ими, потому что они сами только необходимый результатъ уже существовавшаго несогласія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Статья газеты Humbug о выгодахъ союза съ Франціею.

Русскій баснописецъ Крыловъ, переводя басни изъ Лафонтена, часто передѣлывалъ ихъ, и очень удачно. Между прочимъ, есть у него небольшой разсказъ, который называется «Левъ на охотѣ». Начало басни извѣстно: левъ пригласилъ нѣсколькихъ другихъ звѣрей на охоту, съ тѣмъ условіемъ, что добыча будетъ раздѣлена поровну между всѣми союзниками. Но когда была поймана первая добыча, очень жирный и вкусный олень, левъ взялъ его всего себѣ, сказавъ остальнымъ членамъ компаніи: «неужели вы думаете воспользоваться чѣмъ нибудь тамъ, гдѣ я»? Это есть и у Лафонтена; но русскій поэтъ продолжаетъ разсказъ слѣдующимъ образомъ. На другой день левъ встрѣтилъ медвѣдя и сказалъ ему: «пойдемъ охотиться вмѣстѣ; я вчера былъ на охотѣ вмѣстѣ съ леопардомъ, но теперь поссорился съ нимъ: онъ товарищъ ненадежный, а твоя честность и сила привлекаютъ меня. Добычу мы раздѣлимъ поровну». — «А какъ ты раздѣлилъ ее съ бывшими своими товарищами вчера?—спросилъ медвѣдь. Ихъ примѣръ научаетъ меня, какихъ выгодъ можно ожидать отъ содѣйствія тебѣ. Если мнѣ понадобится идти на охоту, я умѣю охотиться и одинъ; а если вздумаю взять товарищей, возьму покрайней мѣрѣ такихъ, о которыхъ не ходитъ въ нашемъ лѣсу слуховъ, подобныхъ исторіи твоей вчерашней охоты» (*).

(*) Любопытно было бы взглянуть на англійскую книжку, изданную подъ именемъ перевода басенъ Крылова. Кажется, что переводчикъ слѣдовалъ примѣру одного русскаго ученаго, который въ спорахъ читаетъ на память изъ антіохійскихъ или трулланскихъ постановленій цѣлыя страницы, о которыхъ и во снѣ не снилось почтеннымъ людямъ, писавшимъ эти постановленія.

Эту басню знаменитаго русскаго поэта мы совѣтовали бы прочесть тѣмъ, которыхъ нынѣ приглашаютъ участвовать въ войнѣ, обѣщая имъ удивительныя выгоды. Мы, англичане, люди прозаическіе, не будемъ соперничать въ талантѣ изобрѣтательности съ авторами обольстительныхъ обѣщаній, — нашъ практическій умъ способенъ только разсказывать о дѣйствительныхъ фактахъ.

Въ 1853 году Англія не имѣла никакой разумной причины ссориться съ Россіей. У насъ было очень много дѣлъ въ своемъ быту: чувствовалась потребность дать права простолюдинамъ, которые оставались, по выраженію мистера Д'Израэли, паріями; чувствовалась потребность исправить наши гражданскіе законы, и особенно устройство гражданскихъ судовъ, при которомъ тяжбы продолжаются иногда по 30 или больше лѣтъ; чувствовалась потребность смягчить наши уголовные законы, слишкомъ отзывающіеся средневѣковымъ варварствомъ; надобно было подумать о средствахъ пріобрѣсти расположеніе ирландцевъ, платившихъ намъ справедливымъ недовѣріемъ за долговременныя угнетенія. Словомъ сказать, домашняго дѣла было у насъ на рукахъ столько, что разсудительные люди, среди столькихъ собственныхъ заботъ, не стали бы впутываться въ чужія дѣла. Но была у насъ одна слабость, и ею искусно воспользовались тѣ, которые нуждались въ нашемъ содѣйствіи для своихъ личныхъ выгодъ. Намъ стали говорить о чрезмѣрномъ усиленіи русскаго флота, будто бы грозящаго сдѣлаться опаснымъ соперникомъ нашему преобладанію на моряхъ. Мы поддались этимъ внушеніямъ, дѣйствовавшимъ на чувствительную струну нашего сердца. Мы начали войну, потому что намъ обѣщано было владычество на моряхъ. Но мы хотѣли вести войну серьезно. Не того хотѣлъ нашъ союзникъ. Онъ заключилъ миръ въ то самое время, когда для достиженія результата, обѣщаннаго намъ отъ него, нужно было продолжать войну самымъ энергическимъ образомъ. Онъ говорилъ, что надобно освободить востокъ отъ русскаго господства; что надобно лишить Россію того мѣста, которое занимала она въ европейской политикѣ. Соотвѣтствовали-ли условія парижскаго мира этимъ обѣщаніямъ? Уступки, сдѣланныя Россіею, не имѣли никакой важности. Она сохранила Крымъ и севастопольскую гавань, то есть всѣ средства опять имѣть господство на Черномъ морѣ, если только захочетъ этого. Мы слышимъ, что покореніе кавказскихъ горцевъ приходитъ къ концу, т. е. Россія становится госпожею надъ азіатскими провинціями Турціи. Она теперь сильнѣе на востокѣ, нежели была до войны. Такую ли цѣль войны указывали обѣщанія нашего бывшаго союзника? Балтійскій флотъ Россіи теперь гораздо сильнѣе, нежели прежде. Франція говорила намъ, что должно разрушить Кронштадтъ, уничтожить Свеаборгъ, овладѣть Петербургомъ. Хотѣла ли она этого? — нѣтъ, мы знаемъ теперь, что нашъ флотъ былъ приведенъ въ Балтійское море только для того, чтобы играть кукольную комедію и чтобы его бездѣйствіе выставило насъ посмѣшищемъ для цѣлой Европы. Если бы мы были на Балтійскомъ морѣ одни, мы могли бы сдѣлать что нибудь, вѣроятно могли бы сдѣлать довольно многое;

но союзники наши связывали намъ руки. Они принудили насъ стоять передъ Кронштадтомъ тѣми соломенными чучелами, надъ которыми смѣются даже дѣти. Благодаря нашимъ союзникамъ, дѣйствія наши противъ Свеаборга ограничились фейерверкомъ. Намъ позволено было только навлечь на себя ненависть и презрѣніе ничтожными высадками въ какихъ-то финляндскихъ деревняхъ и отвятіемъ нѣсколькихъ чухонскихъ лодокъ. Таковы были двѣ первыя наши кампаніи на Балтійскомъ морѣ. Мы наконецъ поняли, что въ третью кампанію мы должны дѣйствовать одни, если хотимъ сдѣлать что нибудь. Мы сдѣлали приготовленія, нужныя для этого. Но въ Парижѣ были приняты мѣры, чтобы всѣ наши вооруженія остались безполезными. Еще хуже было въ Крыму. Всю честь осады Севастополя присвоили себѣ французы и смѣялись надъ нашей храброй арміей, которой предоставлена была труднѣйшая и обширнѣйшая часть осадныхъ работъ. Мы и здѣсь увидѣли, наконецъ, что война ведется вовсе не серьезно; ведется такъ, чтобы не принести никакихъ результатовъ. Убѣдившись, что французская армія не хочетъ пользоваться пріобрѣтенными выгодами, что цѣлый годъ потерянъ подъ Севастополемъ совершенно безполезно, что по занятіи Севастополя, когда было бы нужно энергическое наступленіе, французы стоятъ сами и держатъ насъ въ бездѣйствіи, — мы поняли, что нужно намъ и на югъ послать такія силы, которыя могли бы дѣйствовать безъ помощи, или, лучше сказать, противъ тайной воли нашихъ союзниковъ. Полтора года, благодаря нашей довѣрчивости, война велась такъ, что Англію, которая принесла пожертвованій не меньше Франціи, выставляли на позоръ Европѣ наши союзники, какъ державу безсильную, неимѣющую ни арміи, ни даже порядочнаго флота. Мы поняли, наконецъ, чему были мы обязаны такимъ посрамленіемъ: всѣ наши приготовленія были разсчитаны на то, что мы будемъ имѣть серьезныхъ союзниковъ, а на дѣлѣ оказалось, что союзники думаютъ не о достиженіи серьезныхъ результатовъ, а только о хвастовствѣ, и пользуясь нашей довѣрчивостью, нашими богатыми средствами, присвоиваютъ всю честь подвиговъ себѣ, хотя безъ насъ не могли бы ровно ничего сдѣлать, систематически отнимая у насъ всѣ случаи выгоднаго употребленія нашихъ силъ, располагая и собственныя дѣйствія такъ, чтобы вся война была пустымъ хвастовствомъ. Понявъ это, мы приготовились, къ веснѣ 1856 года, выставить армію и флоты, которые могли бы дѣйствовать независимо отъ обманчивыхъ плановъ нашихъ союзниковъ; мы хотѣли смыть съ себя пятно безсилія, наложенное на насъ союзниками, хотѣли показать, что если въ первые полтора года войны Англія не могла ничего сдѣлать, такъ это потому, что она была обманута союзниками, воевавшими только изъ хвастовства и для хвастовства и не допускавшими до дѣйствія насъ, хотѣвшихъ дѣйствовать серьезно. Союзникъ замѣтилъ это и поспѣшилъ заключить миръ, своевременный для него, потому что его тщеславіе было уже удовлетворено войною, слишкомъ преждевременный для насъ, полагавшихъ для войны серьезную цѣль.

Какую же пользу принесло намъ то, что мы повѣрили обѣщаніямъ, дававшимся передъ войною? Безъ нашей помощи Франція не могла бы начать войны; потому намъ обѣщали все, чѣмъ могли льстить намъ. Но война имѣла только одну цѣль, — отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ, польстить ихъ тщеславію военными лаврами, похвалиться передъ Европою, что Франція стала могущественнѣйшею военною державою. Цѣль эта была достигнута, чего же больше? Непріятель остался невредимъ: онъ попрежнему господствуетъ въ западной и центральной Азіи; флотъ его сталъ могущественнѣе прежняго; къ чему же была война? Развѣ къ тому, что, пользуясь ей, Франція усилила свой флотъ, чего не могла бы сдѣлать, если бы не обманула насъ своимъ союзомъ, и теперь, развивъ свои силы благодаря нашему ослѣпленію, грозитъ намъ, своимъ союзникамъ.

Да, много мы слышали отъ нея льстивыхъ комплиментовъ; много получали выгодныхъ обѣщаній, когда были нужны ей. Она говорила тогда, что хочетъ сокрушить Россію, какъ теперь говоритъ, что хочетъ сокрушить Австрію; она говорила намъ, что исполнитъ всѣ наши желанія. Мы повѣрили и были одурачены.

О настоящемъ и будущемъ мы, какъ люди практическіе, совѣтуемъ судить по прошедшему. Кто, вступая въ прежніе союзы, имѣлъ единственной цѣлью загребать жаръ чужими руками и обманывать довѣрчивыхъ союзниковъ, которыхъ потомъ унижалъ и съ которыми немедленно начиналъ ссориться, какъ только успѣвалъ достичь своей личной цѣли, тотъ и съ новыми союзниками, вѣроятно, желаетъ поступить точно также.

Исторія англо-французскаго союза поучительна не для однихъ насъ.

Мы истратили 150 милліоновъ фунтовъ, мы пренебрегли нашими домашними полезными дѣлами, мы обременили наши финансы новымъ долгомъ, мы пожертвовали десятками тысячъ лучшихъ дѣтей нашей родины, — и потомъ оказалось, что все это было нужно только для того, чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ, польстить ихъ военному тщеславію и унизить насъ самихъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Любовь и дружба хорошаго тона. (Разсказъ изъ моей записной книжки о петербургскихъ нравахъ). — Продолженіе о концертахъ. — Представленіе 22 марта, данное г. Макалузо. — Объявленіе объ изданіи *Trésors d'art de la Russie ancienne и moderne, par Théophile Gautier.* — Возобновленіе «Свѣтописи,» подъ редакціею автора «Свѣта не безъ добрыхъ людей,» ex-редактора «Весельчака,» и прочее. — Объявленіе о выставкѣ копій съ картины Ванъ-Дейка: «Второе пришествіе Христа». — Новыя книги. — Лекціи въ пассажѣ. — Укротитель лошадей. — Г. Сюзоръ на пути прогресса. — Патріотическій одеколонь, или Невская вода. — Смерть Бозіо.

I.

О ПОМѢШАТЕЛЬСТВѢ НА ХОРОШЕМЪ ТОНѢ И ПРИМѢРЫ ТАКОЙ БОЛѢЗНИ, ВЕСЬМА РАСПРОСТРАНЕННОЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, А ТАКЖЕ ОПРАВДАНІЕ НАШЕГО XIX ВѢКА, НА КОТОРЫЙ НАПАДАЮТЪ НѢКОТОРЫЕ МЫСЛИТЕЛИ И ПОЭТЫ.

Къ числу самыхъ неизлѣчимыхъ помѣшательствъ принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, помѣшательство на *великосвѣтскости* и *хорошемъ тонѣ*. Эта психическая болѣзнь, какъ замѣчено извѣстными психіатрами, въ сильной степени распространена въ столичныхъ городахъ, въ которыхъ, по преимуществу, кишатъ суетность, пустота и тщеславіе и гдѣ исконни всѣмъ жертвуютъ для внѣшняго блеска, на который еще до сихъ поръ съ тупымъ благоговѣніемъ смотрятъ многіе.... Но безъ сомнѣнія нигдѣ нѣтъ такого коли-

чества страдальцевъ, рехнувшихся на *хорошемъ тонѣ*, какъ въ нашей сѣверной Пальмирѣ. Въ Петербургѣ вы встрѣчаете такого рода людей на каждомъ шагу и до того привыкаете къ этому явленію, что оно не только перестаетъ возбуждать ваше состраданіе, но и вы сами невольно дѣлаетесь нѣсколько причастными этой болѣзни, повторяя безпрестанно въ разговорѣ, хотя не совсѣмъ сознательно, но очень серьёзно, фразы въ родѣ слѣдующей: «все-таки однако это человѣкъ хорошаго тона,» и ощущаете нѣкоторую пріятность, сближаясь съ человѣкомъ такого тона, совершенно забывая, что это человѣкъ больной, страдающій, мономанъ, съ которымъ нѣтъ возможности поддерживать никакихъ серьёзныхъ человѣческихъ отношеній. Я это сейчасъ объясню вамъ примѣромъ.

Я зналъ одного господина, отецъ котораго былъ аптекарем. Аптека его считалась первою аптекою въ столицѣ; всѣ знаменитые петербургскіе доктора предписывали своимъ паціентамъ брать лѣкарства непремѣнно у него и звали его дружески Францомъ Иванычемъ.

Францъ Иванычъ подъ протекціею знаменитыхъ докторовъ нажилъ себѣ въ короткое время значительное состояніе и что называется — вышелъ въ люди... Выйдя въ люди, онъ тотчасъ разошелся со всѣми своими старыми пріятелями и товарищами по фармацевтикѣ — Фрицомъ, Карломъ, Людвигомъ и проч. и началъ вести знакомства и угощать великолѣпными обѣдами своихъ покровителей — ихъ докторскихъ превосходительствъ съ сіяющими грудями. Ихъ докторскія превосходительства ввели къ нему въ домъ множество другихъ превосходительствъ — охотниковъ до даровыхъ и хорошихъ обѣдовъ. Желудки чрезвычайно благодѣтельно дѣйствуютъ на сердца, даже и генеральскія, не только смягчая, но даже умиляя ихъ,—и ихъ превосходительства, забывая неизмѣримое разстояніе, которое отдѣляло ихъ отъ какого нибудь... аптекаря,—болѣе нежели снисходительно пожимали руки Франца Иваныча и отзывались объ немъ съ весьма лестной стороны. Говорили даже, что Францъ Иванычъ тѣмъ изъ своихъ почетныхъ знакомыхъ, которые были покрупнѣе, отпускалъ лекарства даромъ. Все это послужило ловкому аптекарю къ снисканію себѣ значительной протекціи.

Единственный сынъ Франца Иваныча, окончившій курсъ въ университетѣ, получилъ тотчасъ по выпускѣ штатное мѣсто и года черезъ два украшенъ былъ лестнымъ званіемъ, съ которымъ сопряженъ красивый и блестящій мундиръ. Въ день полученія имъ этой милости, счастливый отецъ задалъ баснословное пиршество его благодѣтельному начальнику и, въ порывѣ глубокой признательности, со слезами на глазахъ даже поцаловалъ его руку, что очень пріятно

подѣйствовало на его превосходительство, хотя онъ и замѣтилъ, какъ будто разсердясь: «Какъ тебѣ это не стыдно! Полно, любезный другъ, полно... Что это ты!»

Францъ Иванычъ передъ этимъ событіемъ сдалъ, разумѣется, на выгодныхъ условіяхъ, свою аптеку, не считая уже приличнымъ при новомъ званіи своего сына заниматься варенiемъ микстуръ и приготовленіемъ пластырей, и принялъ столь важный видъ, что его скорѣе можно было почесть за дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ ходу, чѣмъ за аптекаря, остановившаго ходъ своей торговли.

На воротахъ его четырехъ-этажнаго дома появился билетъ съ надписью: «Домъ дворянина Франца Иваныча Шварца.»

Никто впрочемъ не могъ бы носить съ такимъ достоинствомъ это лестное титло, какъ Францъ Иванычъ. Если его нельзя было принять за столбоваго русскаго дворянина, ибо его нѣмецкій акцентъ и особаго рода грація, свойственная только нѣмцамъ, были тому препятствіемъ, то по надменности его взгляда весьма легко было подумать, что онъ принадлежитъ къ гордой кастѣ нѣмецкихъ барономъ, потомковъ *крѣпкоголовыхъ* рыцарей, по удачному выраженію Пушкина.

Адольфъ Францовичъ, сынъ Франца Иваныча и притомъ единственный не въ одномъ только значеніи этого слова, былъ истинною радостью и утѣшеніемъ своего достойнаго родителя и не менѣе достойной родительницы Луизы Карловны—дочери токарныхъ дѣлъ мастера, пользовавшагося въ Петербургѣ большою извѣстностію въ концѣ царствованія Александра I. Онъ, такъ сказать, распространялъ блескъ на все семейство и много способствовалъ къ приданію возможно хорошаго тона папеньки, маменьки и всему дому. Его слово было въ семействѣ для всѣхъ закономъ, его одобреніе — величайшею наградою. Самого себя онъ устроилъ съ такою тонкою ловкостію и обставилъ такъ роскошно, что даже многіе герои хорошаго тона, изъ петербургской молодежи извѣстныхъ фамилій, отдавали ему полную справедливость, сквозь пальцы смотрѣли на его происхожденіе и снисходительно допускали его въ свой великосвѣтскій кружокъ. Тѣже изъ молодыхъ петербургскихъ людей, которые принадлежали по своему происхожденію къ среднему дворянству, но были проникнуты съ ногъ до головы высшими потребностями, — то есть поставляли цѣлію своей жизни достиженіе хорошаго тона и сближеніе съ великосвѣтскими его представителями, — брали въ образецъ себѣ Адольфа Францовича и считали весьма лестнымъ для себя его расположеніе.

Одинъ изъ таковыхъ — добрѣйшей души человѣкъ и товарищъ Адольфа Францовича по университету, имѣлъ счастіе пользоваться его особенною дружбою. Товарищь благоговѣлъ передъ нимъ— и всѣми силами своей доброй и прекрасной души старался во всемъ копировать его. Адольфъ Францовичъ былъ для него высочайшимъ идеаломъ и онъ, отзываясь объ немъ, доходилъ въ энтузіазмѣ до поэзіи, до лиризма, хотя въ поэзіи ничего не смыслилъ....

Онъ снималъ съ него покрой платья, повязку галстуха, прическу, подражалъ его походкѣ и прочее, даже усиливался картавить букву *р* такъ, какъ это дѣлалъ его другъ....

Онъ полагалъ, что дружба, связывавшая ихъ, такъ же крѣпка и прочна, какъ дружба Ореста и Пилада, и что они вслѣдствіе своей дружбы пріобрѣтутъ себѣ также историческую извѣстность, какъ пріобрѣли ее эти древніе джентльмены.

Онъ оказывалъ Адольфу Францовичу различныя мелкія услуги съ какимъ-то сладострастіемъ....

Въ нашей мелкой жизни въ крупныхъ услугахъ надобности не встрѣчается, но если бы потребовалась для Адольфа Францовича какая нибудь не только крупная, но даже страшная жертва, другъ его готовъ былъ на нее въ каждую данную минуту.... Я былъ убѣжденъ, что онъ не задумываясь пожертвовалъ бы для него не только жизнію, но даже своимъ небольшимъ капиталомъ.... Читатель можетъ быть улыбнется при этомъ, — но я говорю не шутя.... Несмотря на эгоизмъ и корыстолюбіе, въ которыхъ упрекаютъ наше время, несмотря на то, что все современное человѣчество, какъ полагаютъ нѣкоторые мыслители и поэты, преклонилось передъ золотыми мѣшками (какъ будто люди прежняго времени не преклонялись передъ ними!), несмотря на громы и молніи, которыми разитъ современное общество г. Сухонинъ въ своемъ несравненномъ произведеніи, въ своей чудной «трагедіи XIX вѣка Деньги».... — несмотря на все это.... я вступаюсь за нашъ вѣкъ.... въ немъ есть умилительные примѣры самой нѣжной и непоколебимой дружбы, доходящей до самоотверженія. Факты такой дружбы я даже считаю священнымъ долгомъ заявить передъ цѣлымъ свѣтомъ, въ оправданіе этого бѣднаго XIX вѣка, который называютъ вѣкомъ промышленнымъ, *сухимъ*, *положительнымъ*, *эгоистическимъ* и прочее. Вотъ одинъ изъ такихъ....

Нѣжнѣйшая дружба связывала одного глубокомысленнаго человѣка, почти философа, съ однимъ блестящимъ и остроумнымъ господиномъ. Извѣстно, что контрасты всегда сходятся.... Остроумный господинъ, происхожденія не слишкомъ аристократическаго, жилъ на барскую ногу, пріобрѣлъ аристократическія замашки и пріемы,

и совсѣмъ запутался въ денежныхъ дѣлахъ.... Въ эту критическую для него минуту, его другъ-философъ получаетъ въ наслѣдство значительный капиталъ.... надобно замѣтить, что философъ до этого вовсе не отличался щедростію и даже нѣсколько времени послѣ полученія наслѣдства обнаруживалъ разсчетливость, которая одною только чертою отдѣлялась отъ скупости; но его дружба и довѣренность къ остроумному господину не имѣла границъ.... И когда послѣдній предложилъ философу, чтобы онъ отдалъ ему свой капиталъ за извѣстные проценты,—философъ, даже не задумавшись, бросился къ своему другу на шею, обнялъ его со слезами и произнесъ:

— Вотъ возьми.... Я отдаю тебѣ все, что я имѣю.... Теперь въ твоихъ рукахъ моя жизнь и честь!...

Философъ находится, говорятъ, въ сію минуту въ самомъ бѣдственномъ положеніи: ему угрожаетъ тюрьма, потому что остроумный другъ не платитъ ему ни капитала, ни процентовъ; но страдающій философъ, долженствующій скрываться отъ своихъ кредиторовъ на чердакахъ, въ то время, какъ его другъ, которому онъ ввѣрилъ свою честь, кушаетъ устрицы и разъѣзжаетъ въ каретѣ, на замѣчаніе скептиковъ: «Какъ же вы ввѣрили такимъ образомъ все ваше состояніе человѣку, неимѣющему ничего, кромѣ остроумія?—отвѣчаетъ:—«Я ввѣрился человѣку, котораго я всегда зналъ за честнѣйшаго человѣка; онъ мой другъ и я до сихъ поръ увѣренъ въ немъ такъ, какъ въ самомъ себѣ!...» Одно только дурно, что философъ начинаетъ, кажется, терять уже вѣру въ самого себя....

Вотъ дружба-то!... Называйте же послѣ этого XIX вѣкъ — эгоистическимъ вѣкомъ!...

Въ самой отдаленной древности нельзя найти примѣровъ такой довѣрчивости и дружбы.

Все это я привелъ мимоходомъ только для оправданія нашего XIX вѣка, который я считаю *великимъ* вѣкомъ и нападки на который не могу переносить равнодушно....

Обратимся теперь къ другу Адольфа Францовича.

Я сказалъ, что его другъ готовъ былъ для него на всѣ услуги и оказывалъ ему эти услуги почти ежедневно.

Портретъ Адольфа Францовича висѣлъ въ кабинетѣ у него на самомъ видномъ мѣстѣ въ орѣховой рамѣ съ удивительной рѣзьбой, и другъ глядѣлъ на него всегда съ особеннымъ чувствомъ. При взглядѣ на портретъ глаза его загорались и на вопросъ: «Чей это портретъ?» онъ отвѣчалъ обыкновенно съ жаромъ:

«О! это мой другъ — лучшій и совершеннѣйшій изъ людей!... Это образцовый человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ!» Въ немъ все —

и умъ, и образованіе, и утонченная свѣтскость! Это типъ человѣка *хорошаго тона!* Я горжусь имъ!»

Въ кабинетѣ Адольфа Францовича висѣлъ также портретъ его восторженнаго друга, хотя не въ такой богатой рамкѣ и не на такомъ видномъ мѣстѣ, въ числѣ другихъ его великосвѣтскихъ знакомыхъ съ блестящими именами, и когда эти послѣдніе спрашивали у Адольфа Францовича: — «Что это за господинъ?» указывая на портретъ его друга, — Адольфъ Францовичъ отвѣчалъ обыкновенно небрежно и не совсѣмъ охотно:

«Это такъ.... портретъ одного изъ моихъ товарищей по университету....»

Увы! Адольфъ Францовичъ нѣсколько смущался тѣмъ, что онъ имѣетъ друга, не принадлежащаго въ строгомъ смыслѣ къ великосвѣтскому кружку, или къ *нашему кружку*, какъ онъ обыкновенно выражался.... Здѣсь я невольно останавливаюсь и сознаюсь, что дѣйствительно деньги имѣютъ еще нѣкоторое значеніе и въ нашемъ великомъ вѣкѣ!... Другъ Адольфа Францовича принадлежалъ къ старинному дворянскому роду.... чуть ли не къ суздальскимъ дворянамъ; но онъ имѣлъ состояніе ограниченное, протекцію слабую, а Адольфъ Францовичъ съ своими деньгами, составленными изъ микстуръ и пластырей, перегналъ во всемъ своего друга и составилъ себѣ почти блистательное общественное положеніе. Еслибъ какой нибудь господинъ, надутый своимъ именемъ, поморщился отъ его имени, онъ могъ бы гордо запѣть ему:

«Что въ имени тебѣ моемъ?»

— У меня деньги,—которыя даютъ и имя и почести!...

Но другъ Адольфа Францовича преклонялся не передъ его деньгами; онъ благоговѣлъ передъ его *хорошимъ тономъ*. Этотъ тонъ.... qui fait la musique, могутъ оцѣнивать только не многіе, а другъ Адольфа Францовича принадлежалъ именно къ этимъ не многимъ.

Что такое въ самомъ дѣлѣ деньги безъ хорошаго тона? Мало ли развелось на свѣтѣ милліонеровъ съ песиками или грубыхъ мужиковъ съ бородами?... Какой же такъ называемый *порядочный* человѣкъ рѣшится прогуляться подъ ручку съ однимъ изъ такихъ милліонеровъ!...

Да, другъ Адольфа Францовича превыше всего въ человѣкѣ ставилъ хорошій тонъ; онъ распростирался передъ кумиромъ comme-il-faut'a и въ своемъ другѣ чествовалъ одного изъ первыхъ жрецовъ его. Онъ почти ничего не предпринималъ безъ его совѣтовъ, повѣрялъ ему всѣ свои душевные лирическіе порывы, всѣ тайны своего милаго, нѣжнаго и добраго сердца.

Увлеченный этимъ сердцемъ, онъ полюбилъ дѣвушку, въ которой соединялось все.... красота, умъ, образованіе, грація, все.... кромѣ денегъ и блестящаго имени. Но мысль, что онъ допустилъ себя влюбиться безъ одобренія Адольфа Францовича,—испугала его. Съ трепетомъ онъ ожидалъ его слова. Когда же Адольфъ Францовичъ одобрилъ его выборъ и замѣтилъ притомъ, что его невѣста дѣвушка *хорошаго тона*, другъ совершенно вышелъ изъ себя и обнаружилъ такой восторгъ, такой лирическій порывъ, который уже во все не приличенъ человѣку *хорошаго тона*.

Замѣтивъ однако свой промахъ, онъ поправился, принялъ немедленно живописную позу, вставилъ въ глазъ лорнетъ и завелъ съ своимъ другомъ тотъ изящный, свѣтскій разговоръ о ничемъ, который умѣютъ вести только люди *хорошаго тона*.

Но сердце, благородное, доброе сердце, вырывалось у него безпрестанно наружу въ дружескихъ изліяніяхъ, во вредъ этому неумолимому *хорошему тону*, и онъ снова схватилъ за руку Адольфа Францовича и произнесъ съ нѣкоторою яростію:

— Не правда ли, другъ, наши отношенія не измѣнятся?... Моя женитьба не повредитъ имъ? Ты будешь ѣздить къ намъ, проводить у насъ вечера?... Вѣра оцѣнитъ твои достоинства. Она ужь и теперь отъ тебя въ восторгѣ — вѣрь мнѣ она умѣетъ цѣнить *хорошій тонъ!* Но клянусь тебѣ, что если бы мой выборъ тебѣ не понравился, если бы ты не нашелъ въ ней *хорошаго тона*.... я при всей любви моей къ ней, не рѣшился бы жениться.... Видишь ли, какъ я люблю тебя!

И послѣ этихъ лирическихъ восклицаній, онъ вскочилъ со стула, остановился передъ Адольфомъ Францовичемъ и принялъ новую, не менѣе живописную позу. Этотъ лиризмъ вызвалъ ироническую улыбку на уста Адольфа Францовича, которую онъ впрочемъ смягчилъ дружескимъ выраженіемъ глазъ.

— Что за фразы! произнесъ онъ, слегка покачивая своею головою и поправляя свои воротнички.—Съ какой стати я измѣнюсь къ тебѣ?

— И ты будешь моимъ шафером?

— Съ удовольствіемъ.

— Благодарю, благодарю!

Это дважды произнесенное *благодарю* было такъ значительно и энергично, что Адольфъ Францовичъ невольно улыбнулся снова.

— Ты чудакъ! замѣтилъ онъ,—для чего ты все принимаешь такъ трагически?... Будь пожалуйста проще и хладнокровнѣе.... Извини меня, но я долженъ тебѣ замѣтить, что къ человѣку *хорошаго тона* такіе восторженные порывы нейдутъ...

Какъ ни было больно это замѣчаніе, но другъ сознался внутренно его справедливость и послѣ мучительно упрекалъ себя въ томъ, что не можетъ уравновѣшивать порывовъ своего сердца—этихъ прекрасныхъ лирическихъ порывовъ, съ требованіями *хорошаго тона*....

Однажды между другомъ Адольфа Францовича и его товарищемъ — человѣкомъ дурнаго тона, котораго онъ уважалъ однако за его прямоту и честность, зашла рѣчь объ Адольфѣ Францовичѣ.

— И ты думаешь, что онъ любитъ тебя?—сказалъ человѣкъ дурнаго тона.

— Еще бы! Онъ мой *первый* другъ! Я знаю, что для меня онъ готовъ на все....

— Полно! Онъ, братъ, никого не любитъ, кромѣ самого себя.... Нашелъ любовь въ автоматѣ, который двигается однимъ приличіемъ и дышетъ только однимъ *хорошимъ тономъ!* Чортъ бы васъ побралъ съ вашимъ тономъ! И еще аристократа корчитъ! Хорошъ аристократъ съ банкой микстуры и съ трубочными янтарями въ гербѣ!...

— Однако, любезный, имъ не пренебрегаютъ люди, принадлежащіе къ самому высшему обществу.... Онъ уменъ, образованъ и ведетъ себя съ такою утонченностію, которой могутъ позавидовать даже тѣ, которые принадлежатъ по своему происхожденію къ самому высшему свѣту.

— Я этихъ вашихъ утонченностей не понимаю, грубо возразилъ человѣкъ дурнаго тона,—это все, по моему, дребедень.... Докажетъ тебѣ дружбу этотъ человѣкъ! Придетъ время — вспомяни меня,— онъ на тебя и смотрѣть-то не захочетъ, не только дружбу съ тобой вести.

— Никогда! Никогда! этого быть не можетъ!... Ради Бога, не говори мнѣ дурно о человѣкѣ, передъ которымъ я....

Другъ Адольфа Францовича остановился, какъ бы не находя достойнаго слова, и черезъ мгновеніе добавилъ съ лирическимъ жаромъ:

— Благоговѣю.... Я и слушать ничего не хочу.... Наша дружба непоколебима!

— Добрый, хорошій человѣкъ! — подумалъ онъ, съ сожалѣніемъ глядя на человѣка дурнаго тона, — но имѣетъ закоренѣлую ненависть ко всѣмъ *порядочнымъ* людямъ, къ людямъ *хорошаго тона*, какъ всѣ люди.... дурнаго тона!...

II.

О ТОМЪ, ЧТО СВЯЩЕННЫЯ ЧУВСТВА ДРУЖБЫ УНИЧТОЖАЮТСЯ ПЕРЕДЪ УСЛОВІЯМИ ХОРОШАГО ТОНА. — НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ХОРОШЕМЪ И ДУРНОМЪ ТОНѢ.

Адольфъ Францовичъ, который поднимался очень легко и безъ большихъ трудовъ по служебной лѣстницѣ и съ каждымъ годомъ украшалъ грудь своего блестящаго мундира разноцвѣтными ленточками и крестиками, иностранными и отечественными, первое время послѣ женитьбы своего лирическаго друга посѣщалъ его довольно часто.... Онъ, по его просьбѣ, принималъ даже весьма дѣятельное участіе въ устройствѣ его квартиры такъ, чтобы она вполнѣ соотвѣтствовала строгимъ требованіямъ *хорошаго тона*. Такое участіе тронуло нашего свѣтскаго лирика почти до слезъ и еще болѣе укрѣпило его вѣрованіе въ непоколебимость дружбы къ нему Адольфа Францовича. Адольфъ Францовичъ подавалъ ему также совѣты на счетъ цвѣта и фасона экипажей и даже, говорятъ, самъ собственноручно начертилъ карандашемъ, какимъ образомъ должно нарисовать гербъ на дверцахъ кареты.

Сообщая потомъ все это своей супругѣ, другъ Адольфа Францовича восклицалъ:

— Видишь ли, какой это удивительный человѣкъ! Теперь можешь ли ты сомнѣваться въ его дружбѣ ко мнѣ!

И черезъ минуту прибавлялъ съ самодовольною улыбкою:

— Каковы *у насъ* друзья-то-съ? Не правда ли, неглупо имѣть такого друга?...

Супруга, пріятно улыбаясь, кивала граціозно головкой; но она признавалась потомъ людямъ близкимъ, что этотъ образцовый другъ, образецъ *хорошаго тона*, несмотря на всю свою утонченную любезность, наводилъ на нее уныніе и раздражалъ ея нервы своею изящною искусственностію.

Адольфъ Францовичъ производилъ своею особою точно такое же впечатлѣніе и на меня и на многихъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Мы безусловно любовались покроемъ его платья, новизною галстука, бѣльемъ, прическою, перчатками, сапогами, манерами, движеніями, ровнымъ голосомъ, никогда не возвышавшимся и непонижавшимся, полуулыбками,—онъ не позволялъ себѣ даже откровенной улыбки!... но намъ всегда казалось, что это не человѣкъ съ плотью и кровью, а какой-то изящный трупъ, или красивая кукла, искусно сдѣланная

изъ картона... Я не только никогда не находилъ съ нимъ разговора, несмотря на то, что многіе неглупые люди считали его умнымъ человѣкомъ, но даже всякое живое слово замирало у меня на губахъ при его появленіи....

Я рѣшился какъ-то высказать все это его лирическому другу, но другъ разгорячился и закричалъ:

— Я знаю, господа, вы нападаете на него только потому, что онъ человѣкъ свѣтскій, человѣкъ *хорошаго тона*, — но Боже мой! развѣ это преступленіе? развѣ человѣкъ *хорошаго тона* не имѣетъ сердца, какъ всѣ другіе, и не можетъ имѣть человѣческихъ чувствъ!

— О, нѣтъ! ты ошибаешься, возразилъ я:—вотъ напримѣръ ты—ты умѣешь какъ-то искусно соединять горячее сердце, лиризмъ и всѣ человѣческія чувства и ощущенія съ *хорошимъ тономъ* и при тебѣ легко....

— Что это насмѣшка?... перебилъ онъ и вспыхнулъ.

— Нисколько!

Тогда онъ съ чувствомъ посмотрѣлъ на меня, значительно пожалъ мнѣ руку и такъ больно, что я чуть не вскрикнулъ. Лирическій порывъ уже закипалъ въ немъ, глаза его загорались, онъ принималъ живописную позу....

Я приготовился слушать его, но на этотъ разъ онъ обманулъ мои ожиданія, и кротко, но съ свойственнымъ ему жаромъ, произнесъ:

— Я очень люблю тебя.... и потому мнѣ досадно, что ты—*близко ты*, не оцѣняешь этого человѣка... Я знаю Адольфа со школьной скамьи; между нами никогда не было тайнъ; мы передавали другъ другу всѣ малѣйшія наши ощущенія; мы такъ крѣпко связаны другъ съ другомъ, что разорвать наши связи никто и ничто не можетъ! Нѣтъ, повѣрь, это душа горячая, любящая!...

Я не считалъ нужнымъ противорѣчить этому; я даже по слабости своей слегка поколебался и подумалъ: «Чтожъ? можетъ быть...» Но время приготовляло страшное разочарованіе для друга Адольфа Францовича.

Почтенные родители Адольфа Францовича скончались вскорѣ одинъ послѣ другаго. Разсказывали, что онъ получилъ послѣ нихъ, кромѣ четырехъ-этажнаго дома, четыреста тысячъ капитала. Ему было уже за 35 лѣтъ, и очень натуральная мысль—упрочить окончательно свои великосвѣтскія связи посредствомъ брака съ какою нибудь великосвѣтской и титулованной барышней, начинала сильно занимать его. Онъ началъ было приволакиваться за одной изъ таковыхъ—за очень хорошенькой дѣвушкой безъ состоянія (онъ понималъ, что титулованныя особы съ большимъ состояніемъ для него невозможны); онъ было даже почувствовалъ къ ней что-то въ ро-

дѣ любви, по крайней мѣрѣ влюбилъ ее въ себя; но разсмотрѣвъ ее поближе, убѣдился, что она для него недостаточно *хорошаго тона* и вообще не такъ утонченна, чтобы возвыситься до званія его супруги... Къ-тому-же хотя она и принадлежала къ хорошей дворянской фамиліи и отчасти къ великосвѣтскому обществу, но не имѣла никакого титла.... Поэтому онъ отложилъ свое намѣреніе жениться на ней и вдругъ пересталъ ѣздить въ домъ ея родителей.... Что, однако, если эта бѣдная дѣвушка полюбила его серьёзно? Но Адольфъ Францовичъ не останавливался передъ такого рода вопросами... Какъ можно изящнѣе и удачнѣе декорировать свою личность передъ свѣтомъ — вотъ въ чемъ заключалась для него великая задача жизни. И къ нейто онъ шолъ бодро, твердо и неуклонно, подавляя въ себѣ человѣческія (по его мнѣнію вульгарныя) чувства, какъ истинный герой *хорошаго тона*.

Стремленія его, какъ и должно было ожидать, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Онъ отыскалъ какую-то застарѣвшую въ дѣвицахъ графиню, необыкновенно гордую, всѣ вѣрованія которой заключались въ одномъ *хорошемъ тонѣ*. Потерявъ всякую надежду на блистательный бракъ, о которомъ она грезила до 25 лѣтъ — она наконецъ отдала свою руку.... сердце она не могла отдать, за неимѣніемъ его, да въ немъ и не требовалось надобности... Адольфу Францовичу, утѣшась мыслью, что онъ... по крайней мѣрѣ человѣкъ богатый, и притомъ *хорошаго тона*.

Всѣ въ Петербургѣ уже говорили объ этомъ бракѣ; одинъ только другъ Адольфа Францовича ничего не зналъ и не хотѣлъ этому вѣрить.

— Не можетъ быть! говорилъ онъ: — онъ *мой другъ!* Все это городскія сплетни, потому что онъ мнѣ *первому бы* сказалъ объ этомъ, а я отъ него не слыхалъ ни полслова....

Однако вѣсть эта нѣсколько смущала его.

— Скажи пожалуйста, Адольфъ, сказалъ онъ ему при первой встрѣчѣ:—что это за слухи? Весь городъ кричитъ, что ты женишься,—одинъ я ничего не знаю и потому я не хочу вѣрить этому....

Адольфъ Францовичъ полуулыбнулся по своему обыкновенію....

— Отчего же не вѣришь? сказалъ онъ: — да, это правда. Я женюсь....

Другъ вспыхнулъ....

— На графинѣ N?...

— Да.

— Отчегожь ты мнѣ не хотѣлъ ничего сказать объ этомъ? Ты знаешь, какъ я тебя люблю, какое участіе принимаю въ тебѣ, какъ все, что касается до тебя, близко мнѣ....

Голосъ друга дрожалъ отъ волненія и огорченія.

— Да какъ-то не случилось... отвѣчалъ лаконически и равнодушно Адольфъ Францовичъ.

Этотъ отвѣтъ поразилъ друга въ самое сердце.

— Ну, Богъ съ тобой! произнесъ онъ, — это мнѣ больно, я не скрываю, но все это впрочемъ вздоръ.... Я желаю тебѣ отъ всей души, повѣрь мнѣ, — (и при этомъ онъ ударилъ себя въ грудь) полнаго счастія и вполнѣ увѣренъ, что твой выборъ *вполнѣ* достоинъ тебя.... Я ужь заранѣе всѣмъ сердцемъ люблю твою будущую жену....

И послѣ этихъ словъ онъ бросился обнимать Адольфа Францовича и крѣпко прижимать свои толстыя и горячія губы къ его блѣднымъ щекамъ.

— Скажи мнѣ, отчего ты такъ холоденъ со мной? заговорилъ онъ, освободясь отъ его объятій и не безъ граціи отступивъ шагъ назадъ.

— Я неспособенъ быть такимъ горячимъ, какъ ты, — отвѣчалъ Адольфъ Францовичъ, — ты это очень хорошо знаешь....

— Но по крайней мѣрѣ ты любишь меня по прежнему и я могу продолжать считать тебя—*другомъ*?

— Можешь, можешь, — отвѣчалъ Адольфъ Францовичъ полушутя и полусерьёзно.

— Ну обними же меня, въ такомъ случаѣ....

И другъ растопырилъ руки для принятія друга въ свои объятія....

Адольфъ Францовичъ прислонился къ его груди и снова почувствовалъ огонь на своихъ щекахъ.

— Когда же свадьба? продолжалъ другъ.

— Еще я самъ не знаю.... у меня теперь столько дѣлъ....

— Я воображаю, съ какимъ вкусомъ меблируешь ты свою квартиру! перебилъ его другъ, не безъ лиризма....

Когда они разстались, первою мыслію его было:

«Пригласитъ ли онъ меня на свадьбу?... Что — если нѣтъ?...» и при этомъ ледяныя иголки пробѣжали у него по спинѣ. «Не можетъ быть! Онъ не можетъ не пригласить меня.... онъ долженъ пригласить меня!...»

Эти слова онъ произнесъ одинъ громко и докончилъ ихъ выразительнымъ жестомъ руки....

Три недѣли послѣ этого онъ былъ въ сильнѣйшемъ волненіи, все ожидая приглашенія.... Волненіе это шло crescendo. Онъ узналъ потомъ, что свадьба назначена въ такой-то день. Оставалось до этого только два дня. Онъ становился все мрачнѣй и мрачнѣй и по временамъ глубоко вздыхалъ и пожималъ съ недоумѣніемъ плечами, не говоря ни слова, но какъ бы выражая этими внѣшними знаками тревожившія его мысли....

До послѣдней минуты онъ все еще надѣялся.... Въ день свадьбы въ 8 часовъ вечера, когда всѣ надежды исчезли, онъ съ яростію ударилъ кулакомъ по столу и произнесъ почти со стономъ и улыбнувшись съ горькой ироніей:

— Однако, видно, люди-то дурнаго тона правы!

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда онъ могъ разсуждать хладнокровнѣе, онъ думалъ:

«Не можетъ быть, я ни за что не повѣрю, чтобы онъ вдругъ разорвалъ нашу 25-ти лѣтнюю дружбу!... На свадьбѣ, вѣроятно, не было никого, кромѣ родственниковъ,—вотъ почему онъ не пригласилъ меня.... хотя для меня онъ могъ бы сдѣлать исключеніе!

И глубокій вздохъ вырвался при этомъ изъ груди огорченнаго друга.

Въ теченіе трехъ недѣль послѣ бракосочетанія Адольфа Францовича, его другъ по утрамъ почти не выѣзжалъ изъ дома, и просыпаясь, каждое утро думалъ: «Можетъ быть онъ сегодня пріѣдетъ ко мнѣ съ визитомъ!» При трескѣ подъѣзжавшаго къ его дому экипажа, онъ съ біеніемъ сердца бросался къ окну съ мыслію: «Не онъ ли?» Каждый звонокъ приводилъ его въ содроганіе.... Въ ожиданіи визита друга, онъ придалъ еще бо́льшее изящество своей квартирѣ и приказывалъ нѣсколько разъ въ утро курить амбре, уговаривалъ жену надѣвать ея лучшіе, утренніе туалеты....

— Да что съ тобою? Ты въ какомъ-то волненіи? Ты ожидаешь кого-то?—спрашивала она его, улыбаясь и видя на сквозь его мысли.

— Изъ чего ты это заключаешь? съ испугомъ и неудовольствіемъ спрашивалъ онъ.

Боязнь показаться смѣшнымъ постоянно смущала его, а въ эту минуту онъ особенно какъ-то чувствовалъ комизмъ своихъ приготовленій и безпокойствъ и тщательно хотѣлъ скрыть его подъ искусственной наружной безпечностью.

— Кого мнѣ ждать? Я никого не жду. Съ чего ты это взяла? продолжалъ онъ, расхаживая по комнатѣ и заложивъ руки въ карманъ...

— Но для чего ты такъ хлопочешь о моемъ туалетѣ?

И супруга бросила на него взглядъ очень мягкій, но подернутый самой тонкой ироніей, которая удивительно шла къ ней.

— Просто, милый другъ, потому.... отвѣчалъ супругъ, нѣсколько запнувшись, и принимая живописную позу, — потому что мнѣ всегда пріятно видѣть тебя въ хорошемъ туалетѣ.

Она улыбнулась только одной стороной своихъ губъ и неумолимо продолжала:

— А для чего это ты безпрестанно велишь курить?...

— Такъ... потому что я люблю хорошій запахъ... отвѣчалъ онъ, поправляя передъ зеркаломъ свои густые бѣлокурые волосы, разобранные по срединѣ и прелестной волной спускавшіеся на обѣ стороны.... Онъ ясно боялся встрѣтиться съ проницательными и умными глазками своей супруги, въ которыхъ читалъ часто собственное изобличеніе....

Но увы! всѣ куренія, туалеты и другія приготовленія были напрасны... Адольфъ Францовичъ не являлся съ своей графиней... Это значило, что онъ не намѣренъ продолжать знакомства съ своимъ другомъ, что онъ не желаетъ познакомить свою супругу съ женой своего друга.... Но почему же? Странное дѣло! Я долженъ сказать по совѣсти, что если сравнить этихъ двухъ женщинъ (я обѣихъ ихъ знаю немножко), то это сравненіе ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ пользу супруги Адольфа Францовича. Молодость, красота, грація, женственность, тонкость ума,—все на сторонѣ жены его друга. Она ужь никакъ и ничѣмъ не моглабы *шокировать* ex-графиню; но бѣда въ томъ, что она не принадлежала къ высшему обществу, а съ другимъ обществомъ ни Адольфъ Францовичъ, ни его супруга не желаютъ имѣть никакихъ соприкосновеній... А старая дружба-то?.. Но что такое любовь, дружба и тому подобныя глупости молодости передъ условіями великосвѣтскости и *хорошаго тона!* Еще между холостыми людьми разныхъ обществъ допускаются нѣкоторыя дружескія отношенія, но между людьми женатыми — это невозможно. Какъ же допустить въ свой салонъ даму, неизвѣстную дамамъ высшаго общества, потому только, что это жена стараго друга?... Все еще что можно, въ память старой дружбы, это пожалуй оставить на стѣнѣ своего кабинета портретъ стараго друга... для него много уже и этой чести!...

Прошолъ годъ послѣ бракосочетанія Адольфа Францовича, и въ продолженіе этого года другъ встрѣтилъ его только одинъ разъ на Дворцовой набережной подъ ручку съ сунругой.

Несмотря ни на что, пламень прежнихъ чувствъ невольно и ярко вспыхнулъ въ немъ: сердце забилось, глаза сверкнули, лиризмъ

уже закипалъ, и онъ готовъ былъ протянуть ему руку и вскрикнуть: «Адольфъ!» Но Адольфъ Францовичъ прошолъ мимо, не замѣтивъ его. Въ то мгновеніе когда другъ поравнялся съ нимъ, Адольфъ Францовичъ обратился къ Невѣ и показывалъ что-то своей супругѣ.

Рука друга опустилась, глаза его потухли, и на нихъ даже навернулись слезы... Однако онъ остановился, долго съ жадностію смотрѣлъ вслѣдъ ему; несмотря на свое глубокое огорченіе, замѣтилъ всѣ мельчайшія подробности туалета его и его супруги, и невольно прошепталъ про себя: «А все-таки, что ни говорите, — *онъ образецъ хорошаго тона!*»

На другой день послѣ этого онъ заказалъ своему портному точно такіе же панталоны, въ какихъ встрѣтилъ наканунѣ Адольфа Францовича, и подарилъ женѣ своей точно такую же матерію, какую замѣтилъ на платьѣ супруги своего идеала....

Мысль, что его несравненный другъ, къ которому онъ питалъ болѣе нежели любовь.... обожаніе, оставилъ его, — эта мысль до сихъ поръ грызетъ и терзаетъ его щекотливое самолюбіе и нѣжное сердце. При его имени онъ впадаетъ въ грустное расположеніе, испускаетъ вздохи, но никому однако не позволяетъ дурно отзываться объ немъ въ своемъ присутствіи. Онъ передъ всѣми оправдываетъ и защищаетъ его.... Портретъ Адольфа Францовича въ великолѣпной орѣховой рамкѣ — все продолжаетъ стоять на первомъ мѣстѣ въ его кабинетѣ.

— Ты бы его лучше выкинулъ, разъ какъ-то шутя замѣтили ему его старинные пріятели, и въ томъ числѣ я.

Онъ вспыхнулъ и произнесъ съ торжественностію и энергическимъ жестомъ:

— Никогда!... Пусть онъ не знается со мной, но для меня память о нашихъ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ всегда останется священною!...

И при этомъ онъ, по своему обыкновенію, ударилъ себя въ грудь, для приданія еще бо́льшей силы словамъ своимъ....

— И ты все еще продолжаешь быть помѣшаннымъ на *хорошемъ тонѣ?* спросилъ я его: — но разсуди хладнокровно, что же такое этотъ тонъ? Если высшій идеалъ этого тона поступилъ съ тобой такъ, то чего можно ожидать отъ другихъ второстепенныхъ представителей этого тона?

— То есть отъ насъ грѣшныхъ?.. спросилъ онъ съ грустной ироніей... Но я надѣюсь, господа, — продолжалъ онъ съ болѣе веселымъ

выраженіемъ въ лицѣ и даже не безъ самодовольствія, — что *хорошій тонъ* не допуститъ меня никогда....

И при этомъ онъ вскочилъ со стула и граціозно заложилъ руку за жилетъ.

— Измѣнить дружбѣ... Я даже благоговѣю передъ ея воспоминаніемъ.

— Мы вѣримъ этому, возразилъ я, — мы знаемъ твое доброе, довѣрчивое сердце; но, любезный другъ, я долженъ къ огорченію твоему замѣтить, что человѣкъ съ такимъ сердцемъ, какъ твое, съ такими лирическими вспышками, какъ у тебя... увы! не можетъ быть вполнѣ человѣкомъ безукоризненнымъ въ великосвѣтскомъ смыслѣ, человѣкомъ *хорошаго тона*, какъ вы выражаетесь... Я долженъ тебѣ сказать правду.... въ сущности ты человѣкъ *дурнаго* тона, и только усиливаешься внѣшнимъ образомъ казаться человѣкомъ *хорошаго тона*.... Твой дурной тонъ дѣлаетъ тебѣ впрочемъ честь, по нашему мнѣнію. Повѣрь мнѣ, что мы люди дурнаго тона надежнѣе и въ любви и въ дружбѣ и въ другихъ человѣческихъ отношеніяхъ.... Мы любимъ тебя отъ души и никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не измѣнимъ нашихъ чувствъ къ тебѣ.

Другъ Адольфа Францовича вспыхнулъ отъ удовольствія при этихъ словахъ и, движимый лиризмомъ, бросился обнимать, цаловать всѣхъ насъ и крѣпко прижимать къ своей груди, восклицая:

— Я увѣренъ въ этомъ, добрые друзья мои! — благодарю васъ отъ всего сердца! Я самъ васъ горячо люблю...

Черезъ минуту послѣ этого порыва, онъ однако немного призадумался, подошелъ къ зеркалу, принялъ живописную позу и, охарашиваясь и поправляя волосы, произнесъ не безъ нѣкоторой внутренней боязни:

— Однако, въ самомъ дѣлѣ, неужели я человѣкъ дурнаго тона?

И граціозно повернулся передъ нами на каблукахъ, какъ бы желая намъ показать себя со всѣхъ сторонъ, чтобы окончательно убѣдить насъ, что онъ все-таки человѣкъ *хорошаго тона*....

Обратимся къ тому, что занимало Петербургъ въ теченіе марта мѣсяца, и скажемъ нѣсколько словъ о литературныхъ и художественныхъ новостяхъ.

Надобно замѣтить, что весь Петербургъ продолжаетъ сильно заниматься, какъ и вся Россія, различными такъ называемыми *вопросами:* вопросами внутренними, изъ которыхъ конечно крестьянскій вопросъ на первомъ планѣ, и вопросами внѣшними: положеніемъ европейскихъ дѣлъ въ сію минуту. Вопросы, къ которымъ, правду сказать, мы совсѣмъ не были приготовлены, останавливаютъ насъ на каждомъ шагу; нѣкоторыя изъ нихъ очень темноваты для многихъ, но нельзя же не разсуждать о томъ, о чемъ всѣ разсуждаютъ.... Люди, для которыхъ самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о картахъ, которые отупѣли за карточными столами; люди, которые всю жизнь гонялись за Шарлотами, Армансами, Луизами и прочее и для которыхъ вопросы объ этихъ дамахъ были самыми важными вопросами; люди, которые никогда книги въ руки не брали и считали всякую книгу — такъ, пустою забавою, въ которой иногда очень мило описываются любовь, весна или что нибудь подобное, — теперь превратились въ мыслителей, въ разрѣшителей самыхъ серьёзныхъ вопросовъ и на книгу смотрятъ уже совершенно иначе, потому что въ книгахъ, къ ихъ неудовольствію и изумленію, описываются уже не одна весна, любовь, цвѣтотки и кусточки. Но какъ же литературѣ заниматься исключительно одними этими предметами, если самое общество занимается другими, болѣе важными? Литература — отраженіе общества. За что же винить литературу въ томъ, что она заговорила о серьёзныхъ вопросахъ, которые подняты самимъ обществомъ, начинающимъ выходить изъ младенческихъ пеленъ?.. Остановите пробуждающееся сознаніе въ обществѣ, задушите всѣ эти несносные *вопросы*, неизвѣстно откуда вдругъ выскочившіе; будемьте по прежнему только волочиться, играть въ карты и прочее, и прочее, тогда можетъ быть и литература снова возвратится къ идилліи.... Но увы! это утопія — конечно прелестная, но неосуществимая!... Литература вообще въ послѣднее время занимаетъ всѣхъ — и враги ея и друзья равно интересуются ею. На гуляньяхъ, въ клубахъ, въ салонахъ, вездѣ, гдѣ есть какое нибудь сборище—непремѣнно толкуютъ о какой нибудь журнальной статьѣ. Одна статья, помѣщенная въ 3 № нашего журнала, возбудила, говорятъ, особенный интересъ и толки.

Политика также сильно занимаетъ насъ, особенно теперь, при начинающихся сборахъ къ отъѣзду за границу. Вопросъ о томъ: война или миръ? возбуждаетъ большіе толки. Иные держатъ пари за войну, другіе за миръ.... Итальянскій вопросъ запутывается все болѣе и болѣе. Италія опять занимаетъ всѣхъ.

По поводу вышедшаго въ Парижѣ романа: «La Sibylle», сочиненіе г. Лоранъ-Пишà (Laurent-Pichat), одинъ изъ самыхъ тонкихъ

и остроумныхъ сотрудниковъ Journal des Débats — г. Лемуанъ (John Lemoinne) замѣчаетъ въ защиту итальянцевъ, на которыхъ нѣкоторые европейскіе публицисты возобновили старые нападки:

....«Но возьмите человѣка, или народъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ имѣлъ руки и ноги связанными и совершенно отвыкъ отъ движенія, или котораго также долго держали въ темнотѣ и отучили отъ свѣта, заставьте его въ одинъ прекрасный день стать на ноги, выведите его на солнце и скажите ему: — Vois et marche!... Справедливъ ли будетъ такой опытъ?

«Мы всѣ (продолжаетъ Лемуанъ) занимаемся либеральнымъ дилетантизмомъ, очень спокойнымъ и легкимъ, мы всѣ любимъ свободу платонически.... Мы хотимъ подсмѣиваться надъ папой и проповѣдывать le Vicaire Savoyard въ Римѣ; но когда папа становится необходимымъ *для порядка* (l'ordre), мы дѣлаемся тотчасъ папистами. Мы любимъ ужасно толковать о великихъ принципахъ 1789 года; но лишь только эти великіе принципы понизятъ фонды, — мы сейчасъ отказываемся отъ великихъ принциповъ....

«Исторія Италіи—это вѣчная исторія бѣдныхъ родственниковъ. Кузина очень мила; ее всегда принимаютъ, когда много гостей, потому что это придаетъ салону нѣкоторый колоритъ благотворительности. Ее сажаютъ за фортепіано, у нея такой прелестный голосъ! Она должна непремѣнно показать свою самую высокую ноту, свое ut, хоть бы потомъ должна была умереть въ чахоткѣ. Но когда ей понадобится хотя малѣйшее пожертвованіе, глаза у родственниковъ сейчасъ поднимаются къ небу и они говорятъ съ чувствомъ: «Неблагодарная! Чегожъ она еще хочетъ отъ насъ?... Она забыла вѣрно о всѣхъ нашихъ благодѣяніяхъ»!

«Вотъ такъ-то мы любимъ и свободу. Мы любезничаемъ съ нею; въ случаѣ нужды объясняемся ей въ любви, лишь бы только она не была слишкомъ требовательна; но когда дѣло зайдетъ о томъ, чтобы посвятить ей жизнь, поклясться ей въ вѣчной вѣрности, идти съ нею и для нея по жесткому пути труда и бѣдности,—о! тогда страсть наша къ ней мгновенно смолкаетъ и прекрасный огонь нашъ тухнетъ.... Бѣдная! она похожа на молодую, прекрасную, благовоспитанную дѣвушку.... только безъ приданаго. Всѣ мужчины волочатся за нею, но ни одинъ не осмѣлится соединиться съ ней законными узами»....

Все это очень умно и вѣрно... Кстати о законныхъ узахъ. В[illegible]-нѣшнюю зиму закрѣпилось въ Петербургѣ множество такихъ....

Одинъ бракъ, который впрочемъ еще не совершился, но о которомъ много толкуютъ,—довольно оригиналенъ.... Ученый женится на дочери милліонера.... такого рода милліонеровъ у насъ развелось въ послѣднее время чрезвычайно много... Наука соединяется съ богатствомъ.... и поселяется въ раззолоченныхъ палатахъ съ цѣльными, зеркальными стеклами. Это почти чудо! Что касается до насъ, то мы радуемся за науку. Не все же ей въ самомъ дѣлѣ жить на чердакахъ!

Заговоря о наукѣ, мы вспомнили о лекціяхъ г. профессора Благовѣщенскаго.... Г. Благовѣщенскій прочелъ въ университетской залѣ двѣ лекціи о Ювеналѣ, въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Намъ, къ сожалѣнію, не удалось быть на этихъ лекціяхъ; но говорятъ, они произвели большой эффектъ и были прочитаны съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ....

Концерты продолжались съ успѣхомъ. — Самый блестящій и громкій изъ концертовъ, по обыкновенію, былъ концертъ 19 марта въ пользу инвалидовъ, въ которомъ появился въ первый разъ, пріѣзжій артистъ г. *Колосанте*, играющій на весьма сложномъ и большомъ мѣдномъ инструментѣ, который называется *офиклеидъ*....

Упоминать здѣсь о всѣхъ концертахъ мы не считаемъ нужнымъ... Ихъ было такое множество! — Скажемъ только о замѣчательнѣйшихъ. Филармоническое общество давало, въ пользу вдовъ и сиротъ, большой вокальный и инструментальный концертъ, съ участіемъ: г-жъ Кочетовой, Штубе и Соколовой и г-дъ Лаубъ и Колосанте. На этомъ замѣчательномъ музыкальномъ вечерѣ выполнены были между прочимъ: пятая симфонія (c-moll) для большаго оркестра Бетговена, финалъ и фуга симфоніи c-dur для оркестра Моцарта. Театральная дирекція одушевилась очень счастливою мыслію и устроила нѣсколько концертовъ серьёзной музыки. Первый таковой концертъ очень удался (15-го марта). Въ немъ была выполнена симфонія (Pastorale) и хоръ узниковъ изъ оперы Фиделіи — Бетговена, увертюра Леоноры его же и 2 часть «Сна въ лѣтнюю ночь» Мендельсона. Этотъ концертъ повторялся 20-го Марта.

О превосходныхъ концертахъ концертнаго общества мы упоминали. Затѣмъ идутъ всѣ извѣстные концерты, повторяющіеся ежегодно во время великаго поста: концерты гг. Контскихъ, слѣпорожденнаго Кюне и такъ далѣе, и такъ далѣе. Львами нынѣшняго музыкальнаго сезона неоспоримо были: гг. *Лаубъ*, приводившій въ восторгъ знатоковъ музыки, и *Рубинштейнъ*.... Зала театра въ первомъ концертѣ Рубинштейна была наполнена почитателями его превосходнаго таланта.

Мы слышали еще въ одномъ домѣ, въ которомъ собираются всѣ артистическія знаменитости — нѣмецкихъ пѣвцовъ. Они, кажется, также собираются дать концертъ.

Наконецъ.... мы увидѣли знаменитаго г. *Макалузо*, остроумную рекламу о которомъ мы перепечатали въ прошломъ мѣсяцѣ изъ Journal de St-Pétersbourg.... Признаться откровенно, — г. Макалузо ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ фокусниковъ; можетъ быть онъ превосходитъ многихъ изъ нихъ ловкостію, за исключеніемъ впрочемъ извѣстнаго Германа, но репертуаръ чудесъ г. Макалузо не отличается особеннымъ разнообразіемъ и новостію.... А цѣны, цѣны!... Боже мой!... г. Макалузо объявилъ такія же цѣны мѣстамъ, какъ въ итальянской оперѣ!... И театръ былъ все-таки почти полонъ въ первое его представленіе.

Перейдемъ теперь къ новостямъ литературнымъ и художественнымъ.

Мы уже упоминали объ роскошномъ изданіи, предпринимаемомъ г. Теофиломъ Готье, подъ названіемъ: «Trésors d'art de la Russie ancienne et moderne». (Сокровища искусства древней и новой Россіи) съ двумя стами фотографическихъ снимковъ, которые будутъ исполнены г. Ришбуромъ. Вотъ что мы между прочимъ прочли въ объявленіи объ этомъ изданіи. Мы выпускаемъ все краснорѣчіе этого объявленія.

«Проэктъ этого изданія, давно задуманнаго, былъ представленъ на Высочайшее одобреніе. Государь Императоръ благоволилъ одобрить его и даровалъ издателямъ особую привиллегію, которая доставитъ имъ возможность привесть ихъ планъ въ осуществленіе. Государыня Императрица удостоила принять посвященіе Ей этого изданія....

«Всѣмъ извѣстно, что г. Теофиль Готье между современными европейскими писателями справедливо почитается однимъ изъ знатоковъ въ дѣлѣ искусства. Его долгіе и добросовѣстные труды, его практическія и теоретическія свѣдѣнія, чувство изящнаго, которымъ онъ владѣетъ въ такой степени — все даетъ его сужденіямъ по части художествъ — силу авторитета.

«Кто не читалъ его путешествій въ Испанію, въ Англію, въ Италію, въ Турцію и Грецію?.... Нѣтъ сомнѣнія, что онъ напишетъ объ искусствѣ въ Россіи блестящія страницы, а г. Ришбуръ прибавитъ къ прекрасной книгѣ удивительный альбомъ, который будетъ замѣчателенъ необыкновенною роскошью.

«Г. Ришбуръ — фотографъ императора французовъ. Его фотографическіе снимки внутреннихъ комнатъ Фонтенеблоескаго дворца,

залы Сената, Тюльери, комнатъ императрицы Евгеніи и прочее—ручательства его замѣчательнаго искусства и позволяютъ надѣяться, что онъ преодолѣетъ всѣ трудности, которыя представятся ему въ его новомъ трудѣ.... Къ всему этому надобно замѣтить, что г. Ришбуръ обладаетъ секретомъ: его снимки не блѣднѣютъ и не теряютъ нисколько отъ времени.

«Первый ливрезонъ этого изданія будетъ заключать Исакіевскую церковь со всѣми ея драгоцѣнностями; за тѣмъ послѣдуетъ Зимній дворецъ, Царское село, Петергофъ, Гатчина и другія царскія резиденціи; дворецъ великой княгини Марьи Николаевны, Московскій Кремль,—Василій Блаженный, Троицко-Сергіевскій монастырь и проч. и проч.

«Изданіе начнется 15 мая сего года и будетъ выходить черезъ каждые 2 мѣсяца ливрезонами до 24 стр. текста in-folio и съ 12 фотографическими снимками. — Все изданіе окончится въ 2 года и 6 мѣсяцевъ.—Цѣна каждаго ливрезона 24 р. с. — Все изданіе будетъ стоитъ 400 рублей.»

Вотъ еще новость, относящаяся не столько къ искусству, сколько къ спекуляціи:

Какой-то господинъ (фамиліи своей онъ не объявляетъ) въ одинъ прекрасный день разослалъ по городу афиши, что съ такого-то числа *имѣетъ быть выставлена въ залѣ Дворянскаго Собранія картина, изображающая Второе пришествіе Христа Спасителя, писанная извѣстнымъ художникомъ Ванъ Д' Эйкомъ.*

Мы было подумали сначала, что рѣчь идетъ о самомъ оригиналѣ, но далѣе прочли слѣдующее:

«Знаменитый оригиналъ этой колоссальной картины, принадлежащей къ числу *великолѣпнѣйшихъ* (?) *художественныхъ произведеній по части живописи*, пріобрѣталъ въ теченіе почти пяти вѣковъ всемірную извѣстность и сохраняется, какъ лучшее украшеніе, въ каѳедральномъ соборѣ Св. Маріи въ *Данцигѣ*. Картина эта, по хроникѣ, писана въ Брабантѣ, въ концѣ 14-го столѣтія, и должна была быть перевезена моремъ въ Римъ; но на пути къ вѣчному городу корабль, на которомъ она находилась, былъ захваченъ морскими разбойниками; данцигскіе моряки успѣли однакожь отбить это сокровище у пиратовъ и привезли картину въ Данцигъ; *здѣ смотрѣли на нее, какъ на чудо.* Съ этихъ поръ она постоянно обращала на себя вниманіе, *не только королей прусскихъ, но и другихъ коронованныхъ особъ и меценатовъ.* Между прочимъ Императоръ Рудольфъ II, предлагалъ за нее Данцигу огромную сумму. *Однимъ изъ польскихъ придворныхъ живописцевъ она оцѣнена въ 200,000 талеровъ*; но гражда-

не города Данцига считали ее внѣ всякой цѣны и ни за что не согласились отдать ее. ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, бывшій въ Данцигѣ въ 1716 году, 9-го марта, видѣлъ эту картину и, желая пріобрѣсти, поручилъ князю Долгорукому переговорить съ данцигскимъ сенатомъ, но переговоры эти были безуспѣшны. Въ 1807 г., по занятіи французами города Данцига, директоръ Импер. музея, Денонъ, увезъ, по повелѣнію Наполеона, эту картину въ Луврскій музей, откуда она, по взятіи Парижа въ 1815 году, по настоятельнымъ требованіямъ прусскаго правительства, была перевезена сначала въ Берлинъ, а въ 1816 году обратно въ Данцигъ и поставлена въ каѳедральномъ соборѣ св. Маріи, въ приходѣ св. Доротеи.

«По мнѣнію знатоковъ, авторъ этой колоссальной картины вполнѣ заслуживаетъ почетное мѣсто между знаменитѣйшими художниками всѣхъ вѣковъ. Въ картинѣ этой соединены: смѣлость композиціи, правильность рисунка, эфектъ группировки и художественное выполненіе въ цѣломъ. Копія, которую мы представляемъ *почтеннѣйшей публикѣ*, написанная талантливымъ, извѣстнымъ художникомъ *г. Зіи*, *по мнѣнію свѣдущихъ людей, мало уступаетъ знаменитому оригиналу, — и есть, между прочимъ, первая и единственная, которую разрѣшилъ снять данцигскій магистратъ.*

«Выставка будетъ открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 6 часовъ пополудни. Описаніе этой картины на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ можно получать у кассы *по 25 к. с.* за экземпляръ: подъѣздъ съ Михайловской улицы. Цѣна за входъ въ залу *по 2 руб. сер.* (!!) *Дѣти платятъ половину*».

Объявленіе восхитительное. Чего въ немъ нѣтъ для возбужденія любопытства въ *почтеннѣйшей* публикѣ: и пираты, и императоръ Рудольфъ II, и Петръ Великій, и польскій придворный живописецъ!

Прекрасно!... но если бы неизвѣстный господинъ выставилъ передъ нами самый оригиналъ, на который пираты XIV столѣтія смотрѣли, какъ на чудо, и потребовалъ съ насъ за это 2 р. с. и сверхъ того 25 к. за экземпляръ описанія картины, — это было бы конечно чрезвычайно дорого, но оправдывалось бы хоть чѣмъ нибудь,— а то за осмотръ *копіи* 2 р. с. Покорно прошу!...

Но эта копія знаменитаго (?) художника Зіи, *по мнѣнію свѣдущихъ людей, мало уступаетъ великолѣпнѣйшему оригиналу, который оцѣненъ польскимъ придворнымъ живописцемъ въ 200,000 талеровъ, единственная*, изволите видѣть, *копія, которую разрѣшилъ снять данцигскій магистратъ*?...

Мы не видали ее и вѣроятно не увидимъ — и только подивились дерзости спекулятора, владѣльца этой копіи... За кого же онъ при-

нимаетъ петербургскихъ жителей? Съ такими объявленіями и приглашеніями можно являться развѣ только къ дикарямъ...

Вотъ еще любопытное воззваніе къ *почтеннѣйшей публикѣ*...

Фотографическое изданіе «Свѣтопись», о которомъ мы не разъ упоминали, издававшееся г. Оже, съ текстомъ (на текстъ никто почти не обращалъ вниманія, снимки же изъ фотографій свѣтописи были очень не дурны, о чемъ мы и говорили) нынѣ—вѣроятно въ надеждѣ поддержать свое колеблющееся существованіе, объявляетъ слѣдующее въ 10 и 11 №№ за прошлый годъ только что вышедшихъ: «...Изданіе нашего *журнала* (какой-же это журналъ)? переходитъ къ новому лицу, уже извѣстному читающей публикѣ—г. *Львову*, который нашелъ возможнымъ значительно уменьшить цѣну, съ 30 р. с. на 20, несмотря на предполагаемыя улучшенія. Надѣемся, что публика, для которой *журналъ* дѣлается доступнымъ, не *откажетъ въ своемъ содѣйствіи новому издателю*, пригласившему къ участію въ *журналѣ* многихъ *извѣстныхъ нашихъ беллетристовъ* (жаль, что не упомянуты имена этихъ многихъ извѣстныхъ беллетристовъ) и знатоковъ искусства (также желательно бы было знать, кого именно). Рисунки будутъ *доставляться* тѣмъ же г. Оже»... и проч.

№№ 10 и 11 явились уже съ именемъ новаго издателя, *столь извѣстнаго*, который надѣется, что публика не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи.

Какая публика?... развѣ публика Александрійскаго театра, которая нѣкогда съ такимъ энтузіазмомъ привѣтствовала талантъ творца Волкова и его идеальной супруги, носившей салопы съ плеча графини?... Но увы! даже и эта публика отказалась нынѣшній годъ отъ своего фаворита.

Предполагается, что художественное изданіе должно редижироваться человѣкомъ, понимающимъ что нибудь въ дѣлѣ художественномъ. Понимаетъ ли въ этомъ дѣлѣ что нибудь г. Львовъ? — Неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, редакторъ павшаго «Весельчака,» милое остроуміе котораго, говорятъ, перешло нынѣ въ какой-то «Гудокъ», «*Свѣтъ* Николай Михайловичъ,» какъ его нарекъ покойный Брамбеусъ, творецъ «*Свѣта* не безъ добрыхъ людей,» — сдѣлался редакторомъ *Свѣтописи*, которую онъ нарекаетъ торжественно *журналомъ*....

«И поведетъ таинственно онъ рѣчи,
Душѣ бальзамъ невидимый прольетъ,
Надежды и любви потухшія въ ней свѣчи
Глагола пламенемъ зажжетъ»,

какъ поэтически выражается его сотрудникъ, нѣкто г. Леонидъ Блюммеръ въ 10 и 11 №№ «Свѣтописи», въ стихотвореніи, подъ заглавіемъ «Примиреніе....»

Новый редакторъ Свѣтописи «Свѣтъ Николай Михайловичъ», для привлеченія публики къ своему новому изданію, помѣстилъ отрывокъ изъ своей новой комедіи, весь комизмъ который основанъ на лицѣ городничаго *сюсюкающаго* и невыговаривающаго буквъ р, ш, ж, к, ъ.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ этой сюсюкающей комедіи:...

Городничій *(встаетъ)*. Ну усь, матуська Надезька Никанолинна, усь какъ вамъ угодно, а я мундира малять не намѣленъ. Я, сударина, двадцать-два года носиль апалеты.... меня, можетъ быть, и въ полку въ эдакой-то въ маляли не замѣцяли....

Городничиха. Ахъ-ты *мораль* эдакая!—Туда же иностранныя слова вставляетъ!... Хоть-бы ты меня-то ужь постыдился.

Городничій. Сьто-зе такое: кается и не худое какое слово сказяль....

Городничиха. Двадцать-два года эполеты носитъ.... Воинъ!... Герой!... что и говорить!... А насилу до Подпоручичьего чина доползъ.

Городничій *(задѣтый за живое)*. Сьто-сь такое!... Моя сьто-ли вина, сьто не поподаль на вакантію!... Хм.... Подполюцикъ!... все-зе я могу тесть сьвою понимать?... И тюствовать тозе могу.

Городничиха. Чего-же лезъ въ городничіе? — А? — Чего ты приставалъ ко мнѣ?

Городничій. Не усьто зе только изъ этаго люди и слюзютъ, сьто вотъ ходить да собилять по лявкамъ? — Смѣсьно пляво какъ это вы такъ говолите, Надезда Никанолинна!

Вотъ комизмъ-то!...

Семь фотографій, приложенныхъ къ №№ 10 и 11 «Свѣтописи», не отличаются выборомъ, а по выполненію до крайности неудачны. Рука въ портретѣ графа Ѳ. П. Толстова явилась просто въ видѣ бѣлаго пятна.... Какъ не разсчитывать послѣ всего этого на *содѣйствіе почтеннѣйшей* публики!

Мы только что получили изъ Москвы: 1) *первую часть сочиненія Бѣлинскаго*, о которомъ прилагается при этой книжкѣ особое извѣщеніе и 2) «Опытъ исторической грамматики русскаго языка». Учебное пособіе для преподавателей военно-учебныхъ заведеній, въ двухъ частяхъ, (въ 1-й — Этимологія, во 2-й — Синтаксисъ), составленный профессоромъ московскаго университета г. Буслаевымъ.... Спѣшимъ заявить объ этомъ замѣчательномъ трудѣ, о которомъ современемъ мы будемъ говорить подробно....

Г. Ценковскій открылъ въ залѣ Пассажа лекціи объ исторіи развитія организмовъ въ растеніяхъ и животныхъ (эмбріологіи). Эти

лекціи (ихъ будетъ всего 5) назначаются исключительно для мужчинъ. Первая лекція г. Ценковскаго имѣла большой успѣхъ. Зала была наполнена сверху до низу любознательными слушателями.

Г. *Рарей* открылъ курсъ чтенія и практическихъ объясненій своей методы укрощенія непокорныхъ и злыхъ лошадей, въ манежѣ кн. Меншикова.

Г. Сюзоръ съ успѣхомъ продолжаетъ свои лекціи о французской литературѣ и самъ признается, «что онъ идетъ впередъ, какъ нашъ вѣкъ, какъ Россія» (J'ai fait comme notre siècle, comme la Russie, — j'ai marché!) Нельзя не поздравить г. Сюзора съ такимъ успѣхомъ.

Да, все улучшается и все двигается въ нашъ удивительный вѣкъ и съ каждою минутою возрастаютъ какія нибудь новыя потребности...

Мы сейчасъ только прочли объявленіе, напечатанное на прелестной палевой оберткѣ, начинающееся такъ:

«Въ настоящей время, когда потребность»....

— Чего бы вы думали?

— Просвѣщенія, гласности.... чего нибудь подобнаго....

— Не угадали....

... «когда потребность одеколона достигала столь обширныхъ размѣровъ....» и прочее и прочее.

Дѣло въ томъ, что г. Клакачовъ и комп. изобрѣли ароматическій и патріотическій составъ подъ названіемъ *Невской воды*, замѣняющій одеколонь. $^1/_4$ фунта этой воды стоитъ 40 коп. сер. — Депо этой воды открыто въ Петербургѣ.... Вода дѣйствительно имѣетъ довольно пріятный запахъ въ родѣ одеколона и можетъ отчасти замѣнить его....

Начиная наши замѣтки, мы никакъ не думали ихъ окончить печальною вѣстію:

Г-жа *Бозіо* — одна изъ лучшихъ и симпатическихъ пѣвицъ послѣдняго времени, примадонна петербургской Итальянской оперы и любимица петербургской публики, скончалась 31-го марта послѣ трехнедѣльной болѣзни. Выносъ тѣла ея изъ квартиры ея на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова, происходилъ 3-го апрѣля въ 7 часовъ вечера, при многочисленномъ стеченіи почитателей ея прекраснаго таланта, а похороны 4-го апрѣля. Тѣло ея погребено на новомъ кладбищѣ, отведенномъ для иностранцевъ, на Выборгской сторонѣ.

Бозіо еще не было 30 лѣтъ!...

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О НАШИХЪ РЕМЕСЛЕННИКАХЪ,

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ Г. ЖЕННИНА.

(въ № 51 и 52 «Атенея» за 1858 года.)

Г. Женнинъ въ № 16-мъ «Атенея» приписывалъ всѣ бѣдствія, которыя испытываютъ наши ремесленники, мастерамъ-хозяевамъ, которые ихъ дурно содержатъ, дурно кормятъ и въ добавокъ—безчеловѣчно бьютъ. Въ отвѣтѣ нашемъ (въ «Современникѣ» 1858 г. №XI) мы взглянули на этотъ предметъ нѣсколько иначе, и указаніемъ на помѣщиковъ, которымъ принадлежатъ мальчики, отдаваемые мастерамъ въ ученье, отодвинувъ мастеровъ на второй планъ, хотѣли поднять общій вопросъ о ремесленникахъ, чтобы добраться до корня зла и безпорядковъ по этому предмету.

Г. Женнинъ намъ теперь отвѣчаетъ (въ № 51 и 52 «Атенея»), что толковать объ общемъ ремесленномъ вопросѣ (онъ же и крестьянскій) не слѣдуетъ, что «это вопросъ самый старый (старая пѣсня), надъ которымъ трудились всѣ передовые люди нашего времени, надъ которымъ трудится вся Россія и который *неподдѣльно интересуетъ все, что сколько нибудь законно пользуется правами человѣка;* что въ нашей литературѣ уже давно доказано, что отъ помѣщичьяго права страдаетъ не только крестьянинъ, но и его помѣщикъ (бѣдный!), что мѣстная болѣзнь одного органа развила злыя язвы по всему организму. Такъ къ чему же безъ надобности было говорить и

повторять одно и тоже?» Дѣйствительно, г. Женнинъ этого и не повторялъ и не говорилъ, потому что, по его мнѣнію, это было ненужно,—и прекрасно! Но почему же г. Женнинъ говорилъ, и сильно говорилъ, о язвахъ, которыя наносятъ ремесленникамъ мастера? Э! это дѣло другое, полагаетъ г. Женнинъ,—это говорить нужно. Но почему одно говорить не нужно, а другое нужно? На это г. Женнинъ имѣлъ свои основанія, которыя мы далѣе увидимъ.

Разбирая вопросъ о ремесленникахъ, мы въ началѣ (и во главѣ) поставили вопросъ о правѣ помѣщика надъ ремесленникомъ; потомъ перешли къ хозяевамъ-мастерамъ и показали, въ чемъ заключается право (или, лучше сказать, безправіе) мастеровъ надъ этимъ существомъ (г. Женнинъ не можетъ упрекнуть насъ, что мы были пристрастны къ мастерамъ и старались ихъ покрыть), наконецъ перешли къ проэкту автора объ учрежденіи ремесленной компаніи для улучшенія быта ремесленниковъ и показали, что предполагаемая компанія улучшенію ремесленнаго быта не поможетъ, что тутъ можетъ помочь одно коренное преобразованіе, т. е., освобожденіе ремесленныхъ рукъ и труда. По мнѣнію г. Женнина выходитъ, что мы ошибались. По его мнѣнію, вовсе не слѣдовало говорить объ общемъ коренномъ вопросѣ, а нужно было только трактовать о жестокости мастеровъ, а потомъ перейти къ его проэкту. Г. Женнинъ говоритъ, что мы вдались въ подробности по ремесленному вопросу, потому что мы его (г. Женнина) не совсѣмъ поняли.

Дѣйствительно мы, нехитрые и недальновидные, сначала не совсѣмъ поняли автора и «направленіе его статьи». Но теперь мы его понимаемъ слѣдующимъ образомъ: что онъ вовсе не думалъ касаться общаго, кореннаго вопроса о бытѣ нашихъ ремесленниковъ, и если коснулся его, то совершенно случайно (а мы сказали, что онъ поднялъ этотъ вопросъ: въ какомъ мы были заблужденіи!); что главная его цѣль состояла въ томъ, чтобы указать только на мастеровъ, какъ они бьютъ мальчиковъ-ремесленниковъ, и указать только затѣмъ, чтобы подготовить читателя къ чтенію, а если можно—и къ принятію его проэкта о ремесленной компаніи, которою онъ полагаетъ замѣнить мастеровъ. Сколько громкихъ словъ для такой маленькой цѣли, сколько негодованія, гнѣва, шума, для такого крошечнаго предмета! Намъ казалось, что если указывать на причины страданія ремесленниковъ, то надобно было указать на всѣ причины, особенно на главнѣйшія и большія, но г. Женнинъ указалъ только на меньшія, и когда мы поправили его ошибку, то онъ намъ замѣтилъ, что мы его не поняли! Неужели же этотъ гнѣвъ на мастеровъ, негодованіе на ихъ безчеловѣчіе былъ одинъ только пустой взрывъ, сдѣланный съ намѣреніемъ, а не потребность человѣческаго сердца, вопіющаго

при видѣ несправедливости? Если это только такъ, если авторъ не увѣритъ насъ въ противномъ, то мы беремъ назадъ отданную ему благодарность за поднятіе ремесленнаго вопроса и сочувствіе къ ремесленникамъ.

Мы сказали въ предъидущей нашей статьѣ: «нѣтъ, не въ суровости и побояхъ хозяина заключается тяжкая участь ремесленника.... Онъ вынесъ бы эти побои, еслибы зналъ, что они тутъ и кончатся; если бы онъ надѣялся, что, учась и трудясь, онъ будетъ со временемъ господиномъ своего труда. Но онъ этой надежды не имѣетъ.» Чѣмъ же на это намъ отвѣтилъ г. Женнинъ? Вотъ чѣмъ: «Хотя г. Пискуновъ утверждаетъ, что побои забываются (Пискуновъ этого не утверждалъ) и что нашъ рабочій классъ не отъ нихъ бываетъ пьянъ, — но мы не повѣримъ г. Пискунову. Мы убѣждены, что на большинство побои дѣйствуютъ страшно вредно (Пискуновъ напротивъ убѣжденъ, что побои дѣйствуютъ вредно не только на большинство, а на всѣхъ, кто имъ подвергается, безъ исключенія), хотя впрочемъ есть и не между рабочимъ классомъ люди, сожалѣющіе, что ихъ въ дѣтствѣ мало били. Но такіе люди становятся теперь довольно рѣдки, и оригинальность ихъ вкуса ставитъ ихъ въ исключительное положеніе. Мы не хотимъ думать, чтобы г. Женнинъ причислялъ насъ къ этимъ оригиналамъ, но мы хотимъ только сказать—отвѣтъ ли это на наши слова? Грѣшно такъ отвѣчать.... Мы сказали: «причина несчастнаго состоянія мальчиковъ-ремесленниковъ не мастера, не ихъ жестокія жены, а другія обстоятельства. Вина и причина ихъ несчастій лежитъ гораздо глубже. Мастера жестоки, слова нѣтъ, но какъ же вы хотите, чтобъ эти люди, своекорыстные, невѣжественные, не обращались худо съ своими учениками, коли обстоятельства въ этомъ имъ благопріятствуютъ? Какъ мы ни противъ мастеровъ, но рука наша на нихъ не подымается.» Г. Женнинъ намъ на это отвѣчаетъ: «Напрасно, г. Пискуновъ, у васъ не подымается рука на мастеровъ. Напрасно вы *силитесь доказать*, что причина жалкаго положенія нашего ремесленника лежитъ единственно въ крѣпостномъ его состояніи.» Затѣмъ онъ продолжаетъ: «г. Пискуновъ признаетъ мастеровъ-хозяевъ и жестокими, и невѣжественными, и своекорыстными, и при всемъ томъ увѣренъ, что съ выходомъ изъ крѣпостнаго состоянія, мальчику, остающемуся въ зависимости отъ подобныхъ людей, будетъ очень хорошо.—Полноте, г. Пискуновъ!» восклицаетъ въ заключеніе г. Женнинъ. Такъ неужели же г. Женнинъ сомнѣвается въ томъ, что мальчику съ выходомъ изъ крѣпостнаго состоянія будетъ даже у жестокихъ мастеровъ очень хорошо? Неужели г. Женнинъ думаетъ, что отношенія мальчика съ выходомъ изъ крѣпостнаго состоянія къ

его мастеру останутся тѣже, что и теперь? Полноте, г. Женнинъ,— скажемъ мы въ свою очередь. Думать такъ—значитъ не понимать, что такое хлѣбъ и что такое палка; не понимать, отчего лѣтомъ тепло, а зимою холодно; отчего шарманщикъ пляшетъ и поетъ передъ вашими окнами, когда на улицѣ дождь, грязь или морозъ въ 20 градусовъ. Потому дескать пляшетъ, что ему весело! Полноте, г. Женнинъ.

Вы затронули въ вашей статьѣ № 16 «Атенея» одно изъ больныхъ мѣстъ нашего общественнаго организма, и за это мы вамъ сказали спасибо, а вы намъ отвѣчаете, что мы васъ не поняли. Вы затронули предметъ слегка; мы сказали, что нужно заглянуть въ него нѣсколько глубже, а вы намъ отвѣчаете, что этого вовсе ненужно было дѣлать. Почему? Потому, что это лишнее, потому что всѣ передовые люди нашего времени трудились, потому что вся Россія трудится теперь надъ этимъ предметомъ. Такъ чтожъ? если всѣ передовые люди трудились, если вся Россія трудится теперь надъ этимъ предметомъ, то изъ этого и слѣдуетъ, что мы должны спать? Полноте, г. Женнинъ! Вы сами на себя клеплете.

Передовые люди трудились надъ крестьянскимъ вопросомъ: думаете ли вы, что онъ уже покончентъ? Если о крестьянскомъ вопросѣ этого нельзя сказать, то о ремесленномъ и подавно. Г. Женнинъ вездѣ почти смѣшиваетъ крестьянскій вопросъ съ ремесленнымъ, но вопросъ ремесленный отличенъ отъ крестьянскаго: крестьяне составляютъ сельское сословіе, а ремесленники городское; село и городъ кладутъ на эти два сословія различную печать. Тамъ орудіе труда—соха, тутъ—игла, верстакъ, а иногда—кисть и смычекъ. Тамъ крестьянинъ черпаетъ кормъ свой изъ земли, а тутъ изъ своихъ способностей и талантовъ. Какое различіе! Вопросъ крестьянскій уже дѣйствительно нѣсколько разъясненъ, но вопросъ ремесленный есть еще вопросъ темный, неизвѣстный, непечатный; что бы ни было объ немъ сказано, все это будетъ ново, въ высшей степени незнакомо и интересно. Лица крестьянъ служили уже предметами повѣстей, романовъ, но лица ремесленниковъ рѣдко еще подвертывались подъ чье нибудь перо; а сколько тутъ предметовъ и лицъ для повѣстей, для романовъ, для драмъ! Вы намекнули, г. Женнинъ, въ предъидущей статьѣ, что вы занимались ремесленнымъ вопросомъ, а между тѣмъ вы сказали объ немъ такъ мало. Вы можетъ быть сдагаете съ себя эту обязанность на тѣхъ же передовыхъ людей, полагая, что они одни должны работать и все на себѣ выносить? Полноте! Вспомните притчу о талантахъ. Если вы занимались ремесленнымъ вопросомъ, то представьте намъ результаты вашихъ занятій, потому что мы въ нихъ нуждаемся. Теперь ремесленный вопросъ сдѣлался воп-

росомъ европейскимъ; покажите намъ, въ какомъ состояніи этотъ вопросъ находится на западѣ и въ какомъ состояніи у насъ; покажите, что за существо ремесленникъ тамъ, и что за существо онъ у насъ; что тамъ хорошо или худо по этому предмету и что худо у насъ; что тамъ теперь дѣлается и что нужно сдѣлать у насъ. Поговорите о нашихъ ремесленныхъ управахъ, о нашихъ цехахъ, о томъ, что они сдѣлали до сихъ поръ полезнаго или вреднаго для нашихъ ремеслъ; все, что вы скажете объ этомъ, будетъ драгоцѣнно, потому что будетъ ново, полезно и современно. Вотъ на какое поприще выходите, г. Женнинъ, коли вы занимались ремесленнымъ вопросомъ. Вы представляете неудовлетворительное состояніе нашего ремесленнаго класса и предлагаете, какъ пособіе, къ увеличенію этого состоянія вашъ проэктъ. Но къ чему послужитъ—говорить теперь о какихъ нибудь крошечныхъ средствахъ къ улучшеніямъ, когда намъ нужны улучшенія коренныя? Мы хотимъ изъ чадной бани выскочить въ дверь, а вы намъ указываете на щель, которою мыши лазятъ, и говорите, что и ею не мѣшаетъ воспользоваться, пока дверь найдутъ и отворятъ.

До сихъ поръ мы представили общія замѣчанія на статью г. Женнина, теперь переходимъ къ частнымъ. Г. Женнинъ начинаетъ послѣднюю статью, о которой идетъ рѣчь, такъ: «Въ 16 № Атенея напечатана была статья—«Нѣсколько словъ объ улучшеніи быта нашего ремесленнаго класса». Изложивъ *нѣкоторыя* причины настоящаго, жалкаго его состоянія, мы предложили на судъ читающей публики, какъ средство нѣсколько помочь горю, проэктъ объ учрежденіи *Акціонерной компаніи ремесленныхъ заведеній*». Но если вы не могли или не хотѣли излагать всѣхъ причинъ, то надобно было по крайней мѣрѣ изложить хотя *важнѣйшія*. А вы изложили *нѣкоторыя* причины и притомъ *не важнѣйшія*. Вы же сами говорите въ другомъ мѣстѣ статьи вашей, что «для излѣченія недуговъ, которыми страдаетъ рабочій классъ (а въ томъ числѣ и ремесленники), надо отыскивать *всѣ* причины и дѣйствовать *на каждую* изъ нихъ»; но это у васъ происходитъ только на словахъ, а на дѣлѣ вы указываете только на одну причину и на нее одну только нападаете. Это была маленькая недомолвка съ вашей стороны; не поставляя этого вамъ въ вину, мы хотѣли пополнить вашу недомолвку и думали, что дѣлаемъ дѣло, а вы намъ отвѣчаете на это, что мы васъ не поняли. Удивительно!

Далѣе вы продолжаете: «Долго не было отзыва на нашу статью. Мы думали, что проэктъ нашъ признанъ неудобоисполнимымъ, незаслуживающимъ вниманія, что самый вопросъ объ улучшеніи быта ремесленниковъ еще не созрѣлъ и заслоняется другими болѣе важными вопросами и рѣшились, до поры до времени, прекратить о немъ

рѣчь. Но вотъ явилась въ XI книжкѣ «Современника» замѣтка г. Пискунова на нашу статью. Еслибъ авторъ замѣтки только хулилъ или одобрялъ *направленіе нашей статьи*, мы не стали бы ни оправдываться, ни благодарить, но онъ, не совсѣмъ понявъ статью, опровергаетъ ее, и это вызываетъ насъ на объясненіе.» Во-первыхъ, почему вы могли думать, что вопросъ ремесленный еще не созрѣлъ и заслоняется другими болѣе важными современными вопросами? Напротивъ, вопросъ ремесленный давно созрѣлъ, и въ настоящее время нѣтъ вопроса важнѣе его; есть вопросы равные ему по важности, но ни одного нѣтъ важнѣе. Притомъ же онъ тѣсно связанъ съ другими современными вопросами, особенно съ крестьянскимъ.

У одного помѣщика былъ дворовый мальчикъ Мишка. Помѣщикъ отдалъ его въ ученье къ портному мастеру французу, отличному знатоку своего дѣла. Мишка изъ учениковъ вышелъ въ подмастерья и перенялъ у своего мастера все его искусство и не только сравнялся съ нимъ, а даже его превзошелъ. Подмастерье изъ Мишки превратился въ Мг Мишеля, посѣтилъ Парижъ и воротился оттуда чистымъ французомъ, истиннымъ виртуозомъ на ножницахъ. Мг. Мишель захотѣлъ откупиться и предложилъ барину за себя 5,000 ассигнаціями, баринъ и слышать не хотѣлъ. Мг Мишель предложилъ 10,000,—баринъ и на то не согласился. Нашлись посредники и спросили барина, что же онъ хочетъ за Мишеля; баринъ запросилъ 100,000 ассиг. Мишель поднялъ гвалтъ, хотѣлъ завести процессъ съ барином, но этотъ процессъ плохо бы кончился для Мишеля, если бы не вступились за него высшія власти и не выручили его изъ бѣды. Дѣло уладилось тѣмъ, что Мишель заплатилъ барину не 100, а 30 или 40 тысячъ ассигнац., и вышелъ на свободу. Это фактъ. Вотъ какую важность имѣетъ у насъ ремесленный вопросъ. Этотъ Мишка своимъ умомъ, способностями и полезною дѣятельностію былъ важнѣе сотни деревенскихъ Мишекъ, неучей.

Во-вторыхъ, авторъ замѣчаетъ, что мы, говоря о его статьѣ, ничего не сказали о ея «направленіи». Странно! Мы хвалили его статью, чего же больше? Что же касается до ея «направленія», то мы хотѣли видѣть въ ней одно хорошее направленіе; но теперь, подумавъ и погадавъ, мы видимъ, что о «направленіи» ея нужно было думать иначе.

Вы говорите, г. Женнинъ, что вопросъ крестьянскій (онъ же и ремесленный) есть старая пѣсня, и зло, которое происходитъ отъ помѣщичьяго права, всѣмъ извѣстно, а потому вы объ этомъ въ своей статьѣ ничего и не говорили: «къ чему было безъ надобности повторять одно и тоже?» Эхъ, г. Женнинъ! вы вѣрно не держитесь пословицы: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Сколь-

ко бы вы ни говорили о крестьянскомъ вопросѣ (онъ же и ремесленный), все это будетъ капля въ морѣ. Чего бы вы и сколько бы вы ни насказали, вы не изчерпаете до дна этой матеріи... И прежде всего говорите объ общемъ вопросѣ, высказывайте къ нему ваше сочувствіе. Прежде кончимъ это дѣло, и потомъ поговоримъ о вашемъ проэктѣ, а вы поступили наоборотъ. Богъ вамъ судья! Сами вы говорите: «пришло наконецъ время, когда нашему мужику объявляютъ, что онъ тоже человѣкъ; надо *помогать* этому дѣлу и показать это не только жителю села, но и жителю города, не только земледѣльцу, но и ремесленнику». Чѣмъ же вы ему хотите помочь? Устройствомъ *акціонерной ремесленной компаніи*? Нѣтъ, г. Женнинъ, вы этимъ ремесленниковъ не проведете. Нѣтъ, коли вы хотите помочь ремесленнику, то помогайте ему существенно. Вы указываете на язвы и синяки, которыми покрыто тѣло ремесленника; такъ укажите же и на существенную причину этихъ язвъ и синяковъ, доберитесь до корня, а не показывайте намъ одни верхушки. Вы завели огородъ — капусту, рѣпу, картофель, но вотъ въ вашъ огородъ вламываются свиньи и ѣдятъ, грызутъ и вырываютъ съ корнемъ и вашу капусту, и вашу рѣпу и проч. Въ комъ тутъ коренная причина зла? Неужели въ свиньяхъ? Вы будете ихъ ловить, бить, распинать; но какой будетъ изъ этого толкъ? Вы хотите вашимъ проэктомъ *хотя нѣсколько* помочь бѣдѣ. Но зачѣмъ же *нѣсколько*? Зачѣмъ было и изобрѣтать такой проэктъ, которымъ можно помочь бѣдѣ только нѣсколько.... только помазать по губамъ? Зачѣмъ было и изобрѣтать такую ремесленную компанію, про которую бы ремесленники сказали: «я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало». Вы говорите, что «средства совершенно помочь бѣдѣ — не существуетъ». Поищите,—можетъ быть и найдется. Покажите намъ недостатки нашего ремесленнаго устройства, укажите на отсутствіе гарантій, на наше нерадѣніе къ общественному дѣлу, на то, что всякій думаетъ только о себѣ, на то, что у насъ въ ходу только громкія фразы: общественное благо, общественная польза, общественная безопасность, общественное здоровье.... и кромѣ этихъ громкихъ и пустыхъ фразъ ничего нѣтъ, и проч. и проч. Вотъ такой взглядъ помогъ бы дѣлу.

Вы говорите, г. Женнинъ: «напрасно Пискуновъ силится доказать, что причина жалкаго положенія нашего ремесленника лежитъ *единственно* въ крѣпостномъ состояніи. Мы твердо убѣждены, что при крѣпостномъ состояніи положеніе ремесленника *никогда* не измѣнится, но не менѣе твердо убѣждены и въ томъ, что съ освобожденіемъ ремесленника отъ помѣщичьей зависимости положеніе его не сдѣлается *мгновенно блестяще* (еще бы!). Взгляните на западъ

Тамъ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни крѣпостныхъ, а сколько трудится общество надъ устройствомъ быта рабочаго класса. А намъ прежде, нежели мы станемъ пользоваться результатами трудовъ запада или сами трудиться на томъ же пути, надо еще заботливою и тщательною рукою срѣзать всѣ болѣзненные наросты, оставленные на нашемъ организмѣ вѣковою, мучительною болѣзнею, очистить всѣ раны, смыть весь нагной». Но все это вѣдь однѣ фразы. На этихъ фразахъ мы далеко не уѣдемъ.

Далѣе г. Женнинъ разсуждаетъ: «Пискуновъ всю причину настоящаго хода дѣлъ видитъ въ томъ, что помѣщикъ, отдавая мальчика въ ученье, предоставляетъ дѣлать съ нимъ мастеру все, что̀ угодно, *лишь бы не увѣчить*. Ну, а не будетъ помѣщика, кто будетъ отдавать мальчика въ ученье? Дѣдъ, отецъ, братъ — все равно. Положимъ, что эти люди не сдѣлаютъ подобнаго условія съ мастеромъ, положимъ даже, что попросятъ вовсе не бить мальчика; но вы же сами, г. Пискуновъ говорите, *что ежели дать человѣку власть и не ограничить эту власть* de jure и de facto, *онъ непремѣнно, раньше или позже, въ большей или меньшей степени, но употребитъ ее во зло*. Какъ же этотъ отецъ, братъ, дѣдъ ограничатъ власть мастера?» Вотъ что значитъ вдаваться въ крайность,—видѣть передъ глазами муху и постоянно одну муху, а слоновъ, крокодиловъ, носороговъ и прочихъ рогатыхъ чудовищъ, которыя тутъ же ворочаются, не замѣчать! Пискуновъ, вы говорите, сказалъ, что ежели человѣку дать власть и не ограничить эту власть, то онъ (т. е. человѣкъ) непремѣнно употребитъ ее во зло; но Пискуновъ вѣроятно и говорилъ о неограниченной власти въ отношеніи ремесленниковъ съ тѣмъ, чтобы показать ея вредъ и для того, чтобы постараться эту власть ограничить. Какъ вы думаете, у Пискунова была эта мысль? Вы отвѣчаете: была. Какъ же вы вырываете изъ его статьи фразы, оголяете ихъ отъ всякаго смысла, заставляете ихъ говорить глупости и сворачиваете потомъ все это на Пискунова? Такъ можно только вырывать зубы изъ челюстей или клоки волосъ у ремесленныхъ учениковъ, а не слова изъ рѣчи. Положимъ,—вы разсуждаете,—что крестьяне будутъ свободны, что они не заключатъ съ мастеромъ вредныхъ для себя условій, но какъ же они ограничатъ власть мастера вредить ихъ дѣтямъ? Наивный вопросъ! Развѣ отношенія крестьянскихъ дѣтей (ремесленныхъ учениковъ) къ мастерамъ останутся тогда тѣ же? Развѣ власть мастера останется та же? Развѣ тогда мастерамъ не сдѣлается ясно, какъ день, что часъ прежняго порядка, безчеловѣчій, насилій, для нихъ пробилъ? Вотъ что значитъ вдаваться въ крайности и гоняться за мухой, которая дескать все наше ремесленное сословіе перегадила. Кто при свободномъ

состояніи крестьянъ ограничитъ власть мастера?... Законъ. Вы можетъ быть при этомъ покачаете головой и скажете.... мало ли что объ этомъ можно сказать! Но все, что бы намъ вы ни сказали по этому предмету, для насъ не резонъ.

Мы говорили: какъ бы ни была жизнь мальчика — ремесленника худа, но жизнь подмастерья (уже не зависящаго отъ мастера) еще хуже, слѣдственно тутъ главная и существенная причина зла не въ мастерахъ, а въ чемъ-то другомъ,—и указали на крѣпостное состояніе. Г. Женнинъ отвѣчаетъ на это: «нельзя допустить, чтобы все дурное послѣдующей жизни мастероваго обусловливалось *единственно* крѣпостною его зависимостію. Все, видѣнное и перечувствованное въ бытность его въ ученьи, неминуемо должно произвести свою долю вліянія—и ежеминутно переносимыя оскорбленія и безконечный рядъ побоевъ; и хотя Пискуновъ увѣряетъ, что рабочій классъ не отъ нихъ дѣлается пьяницей, но мы не повѣримъ Пискунову». Мы сказали, что нашъ ремесленный работникъ дѣлается пьяницею потому, что онъ работаетъ безплодно, потому что онъ всю жизнь льетъ воду въ дырявую бочку, потому что онъ бѣднякъ, потому что какъ бы онъ хорошъ, трудолюбивъ и трезвъ ни былъ, онъ знаетъ, что плоды трудовъ его не ему будутъ принадлежать. Г. Женнинъ говоритъ: неправда, ремесленникъ не отъ этого дѣлается пьяницею, а отъ того, что его били въ малолѣтствѣ и что у него на спинѣ остаются боевые знаки. Но послушайте, что объ этомъ говорятъ наши передовые люди: «кто пьянствуетъ, спрашиваетъ г. Бабстъ (№ 46 Атенея), вездѣ, не только что у насъ? Бѣдняки, сословія угнетенныя, трудящіеся, лишенныя радостей и утѣхъ въ жизни. Они ищутъ забыться въ чаду одуряющаго ихъ напитка; они не видятъ выхода изъ своего безвыходнаго положенія и идутъ, англичанинъ въ gin-palace, а нашъ *бѣднякъ* идетъ въ кабакъ». По отзыву Либиха, приведенному Бабстомъ, пьянство есть чистое слѣдствіе *бѣдности*, и человѣкъ, который можетъ хорошо ѣсть и проч. и который тѣмъ не менѣе становится пьяницей — сос авляетъ исключеніе. Вотъ что говорятъ о причинахъ пьянства умные люди.

До сихъ поръ г. Женнинъ намъ возражалъ понятно и ясно. Хотя эти возраженія, по нашему мнѣнію, были несправедливы, но они были понятны. Теперь мы переходимъ къ такимъ возраженіямъ, которыхъ мы вовсе не понимаемъ. Мы сказали, что устраивать какое нибудь промышленное предпріятіе (ремесленную компанію) съ человѣколюбивою цѣлію не слѣдуетъ, потому что промышленность и человѣколюбіе—двѣ вещи несовмѣстимыя. Пожалуй, мы сказали, въ нѣкоторой степени оно можетъ существовать, но для того нужны всегда огромныя усилія и напряженія, которыя не дадутъ соотвѣт-

ственныхъ результатовъ. «Вотъ на эти то *нѣкоторые случаи*, возражаетъ г. Женнинъ, и *нѣкоторыя степени*, которыхъ при желаніи окажется много, мы и расчитывали. Эти-то обыкновенныя вещи, называемыя вами *огромными усиліями и напряженіями*, и *нужны для успѣшнаго хода дѣла*. По вашему, г. Пискуновъ, значитъ, нельзя заботиться о томъ, чтобы не растратить своего капитала и въ одно и тоже время быть человѣколюбивымъ»? Этого возраженія мы просто не понимаемъ. Изъ этихъ фразъ выказываются какіе-то зайчики, но потомъ опять скрываются, такъ что мы рѣшительно не поймемъ, что это такое — зайчики ли дѣйствительно или какіе нибудь другіе звѣрьки.

Приведенный далѣе примѣръ о 10 человѣкахъ тонущихъ и объ одномъ изъ нихъ, котораго вы хотите, г. Женнинъ, спасти посредствомъ вашего проэкта, мы также, къ стыду нашему, не поняли.

Но самая непонятная вещь есть слѣдующая: «мы никогда не предполагали, говорите вы, чтобы осуществленіемъ нашего проэкта весь ремесленный классъ мгновенно былъ приведенъ на высшую степень благосостоянія. Мы не думали даже соединять спекуляціи съ человѣколюбіемъ (т. е. тутъ имѣлось въ виду чисто одно человѣколюбіе?); но, будучи твердо убѣждены, что требовать отъ одного сословія *громадныхъ жертвъ въ пользу другаго и тщетно и неразумно*, мы предложили проэктъ, въ которомъ, какъ намъ кажется, соединены выгоды обѣихъ сторонъ. Капиталисты, не теряя процентовъ на свой капиталъ, дѣлаютъ доброе дѣло и, хотя исподоволь, правда, но существенно,—помогаютъ ремесленникамъ». О какихъ жертвахъ здѣсь говорится, о какихъ именно сторонахъ и какихъ капиталистахъ, которые, не теряя процента на капиталъ, сдѣлаютъ доброе дѣло, мы рѣшительно не понимаемъ. По прочтеніи этихъ строкъ предъ нами опять замелькали зайчики.... и потомъ скрылись въ туманѣ, такъ что мы не можемъ сказать,—зайчики ли это были дѣйствительно, или одинъ только туманъ въ видѣ зайчиковъ.

В. ПИСКУНОВЪ.

МАРКЕВИЧЕВСКІЙ АРХИВЪ.

Архивъ Маркевича находится въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда, въ селѣ Туровкѣ. Владѣлецъ, предлагающій нынѣ пріобрѣтеніе его любителямъ отечественной исторіи, раздѣлилъ его на два отдѣленія:

1-е отдѣленіе состоитъ изъ 6,550 дѣлъ, относящихся: a) къ исторіи Южной Россіи, Польши, Крыма, Молдовлахіи и русскаго войска; b) къ исторіи раскольничьихъ слободъ въ Черниговской губерніи; c) къ исторіи духовенства и монастырей. Всѣ эти дѣла подлинныя; при многихъ сохранились печати, и не болѣе пятисотъ изъ нихъ копіи, но и тѣ современны описываемымъ ими событіямъ; древнѣйшія изъ нихъ относятся къ 1580 году. Кромѣ этихъ дѣлъ, около ста рукописныхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя восходятъ къ XVI столѣтію. Какъ дѣла, такъ и книги приведены въ порядокъ, внесены въ каталоги, систематическій и алфавитный, и сохраняются въ картонахъ. Вотъ перечень ихъ по содержанію:

Относящихся къ духовенству, около	1,000
Къ исторіи русскихъ войскъ	278
Къ исторіи Молдавіи и Валахіи	253
Къ войнамъ Россіи съ 1770 по 1779 г.	1,692
Къ походамъ и полкамъ козацкимъ	707
Къ исторіи, этнографіи, вообще къ внутренней жизни Украины, со включеніемъ нѣсколькихъ любопытныхъ уголовныхъ дѣлъ	2,500
Подлинныхъ государственныхъ грамотъ, за императорскими печатями, относящихся до управленія краемъ	112
	6,542

Въ числѣ автографовъ, превышающихъ цифру шести тысячъ №№, находятся имена: почти всѣхъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, малороссійскихъ полковниковъ; крымскихъ хановъ, пашей, визирей; митрополитовъ, архіепископовъ, архимандритовъ; молдовлахскихъ господарей и сановниковъ; русскихъ генералиссимусовъ, фельдмаршаловъ, государственныхъ канцлеровъ, министровъ и пословъ.

Назовемъ нѣсколько примѣчательнѣйшихъ именъ: Апостолъ Даніилъ; Арсланъ-Гирей; Багратіонъ князь, отецъ знаменитаго; Безбородко Андрей, отецъ князя канцлера; Батырь-Гирей; Багадырь-Гирей; Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй; Бироновъ двое; Борятинскіе, Андрей и Иванъ, князья; Бутурлинъ, графъ Алексѣй; Вейсбахъ, графъ; Витгенштейнъ, графъ, отецъ знаменитаго; Владиславичъ, китайскій посолъ; Волконскій, князь Михаилъ Николаевичъ; Воронцовы, графы: Иванъ, Михаилъ, Романъ и Семенъ; Гессенъ-Гамбургскій принцъ, Ландграфъ, генералъ-фельдцехмейстеръ; Гладкій, кошевой; Голицыны, князья, фельдмаршалы; Головкинъ, графъ канцлеръ; Гольстейнъ, принъ; Галяховскій; Гудовичъ, фельдмаршалъ; Девлетъ-Гирей; Джанъ-Мамбетъ; Долгорукіе, князья: Василій, Крымскій и другіе; Дугласъ, графъ; Екатерина; Елисавета; Екатерина Ивановна, царевна; Жолкѣвскій; Заборовскій Рафаилъ; Загремба; Іоасафъ Горленка; Каменскій, графъ Михаилъ Ѳедотовичъ; Кантемиръ, князь; Капланъ-Гирей; Кейтъ; Конисскій, отецъ; Кочубеи, шесть; Красинскій, графъ; Кречетниковъ; Лесси; Любомірскій, князь; Мазепа; Меньшиковъ, князь Алексѣй Даниловичъ; Миних, графъ; Мусины-Пушкины, графы: Платонъ и Алексѣй; Нарышкиныхъ пять; Обресковъ, посланникъ; О'Донель; Орловъ, свѣтлѣйшій; Паткуль; Петръ III, Полуботокъ; Потемкинъ-Таврическій, князь; Прозоровскій, князь, фельдмаршалъ; Репнинъ, князь, фельдмаршалъ; Ришльё, герцогъ; Разумовскій, гетманъ; Румянцевъ фельдмаршалъ и его отецъ; Салтыковъ, графъ Петръ Семеновичъ; Самуйловичъ, гетманъ; Сапѣги, князья; Скавронскій, графъ; Скоропадскій, гетманъ; Суворовъ, генералиссимусъ; Трощинскіе; Трубецкіе, князья; Чернышевъ, фельдмаршалъ; Шафировъ; Шаховской, князь Алексѣй; Шебанъ, паша; Шереметьевыхъ три; Штоффельны, графы; Шуваловы, графы; Щербатовыхъ, князей семь: Юсуповъ, князь Борисъ; Яворскій, Стефанъ; Яблоновскій, князь; Эль-Ари-Гассанъ.

Весьма многія подписи еще здѣсь не поименованы, потому что на нѣкоторыхъ бумагахъ есть по 25 и 30 рукоприкладствъ, а слѣдующія фамиліи встрѣчаются еще и чаще:

Гетмана Апостола — 94; канцлера Бестужева—25; фельдмаршала Голицына—31; князя Долгорукова-Крымскаго—25; Меньшикова—10; Головкина—28; Миниха—58; графа Панина—6; Полуботка—53. Потемкина—53; Репнина—16; Румянцова—360; Суворова—48; Текелли—6; Трубецкаго—25, и пр.

Между дѣлами сохраняется болѣе 2000 грамотъ и универсаловъ въ копіяхъ и драгоцѣннѣйшіе матеріалы для исторіи городовъ, селъ и фамилій Южной Россіи.

Между рукописными книгами особенно примѣчательныя слѣдующія:

a) Допросныя рѣчи великороссійскихъ бѣглецовъ, составившихъ раскольничьи слободы.

b) Собраніе фундушей, привиллегій, универсаловъ и грамотъ монастырскихъ съ 1618 по 1738 годъ; списокъ 1738 года.

c) Нотникъ, подаренный церкви Нѣжинскаго Полка, села Липова-Рога, въ 1676 году, писанный во время гоненій на православное Церковное пѣніе. Экземпляръ, превосходно сохранившійся и для исторіи музыки драгоцѣнный.

d) Житіе Петра Великаго; рукопись 1726 года.

e) Повѣсти и анекдоты; рукопись 1747 года.

f) Ѣзда въ Венецію; рукопись 1751 года.

g) Географія; рукопись 1563 года.

h) Космографія; о Заповѣ въ Угорской землѣ. Се имяна странамъ и иноязычникомъ, живущимъ около Великое Перми. — Се изъ хронографа о славянскомъ языцѣ. Всѣ четыре и еще столько же другихъ писаны въ 1566 году.

i) Перечень лѣтомъ отъ начала міра до сего настоящаго лѣта 7014 г.; рукопись 1536 года.

k) Гласъ послѣдній ко Господу Богу, Симеона Полоцкаго; рукопись 1676 года.

l) Трауръ, комедія. Автографъ Княжнина.

m) Журналъ Петра Великаго. Неизвѣстно, кѣмъ веденъ изъ находившихся при императорѣ.

n) Лѣчебникъ, писанный на южно-русскомъ языкѣ и номенклатура травъ на томъ же языкѣ, съ переводомъ на латинскій. Писано во времена Петра Великаго.

Далѣе называть примѣчанія достойныя книги и дѣла считаю не нужнымъ и затруднительнымъ по мѣсту, которое бы могли они занять въ этомъ объявленіи.

2-е) Отдѣленіе Архива состоитъ изъ моихъ записокъ, альбомовъ, сборниковъ дѣлъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія и къ нынѣшнему, и 5000 писемъ ко мнѣ. Въ этихъ письмахъ и альбомѣ встрѣчаются во множествѣ имена знаменитыхъ дѣятелей, нынѣ уже существующихъ только въ памяти благодарныхъ соотечественниковъ. Таковы: Мордвиновъ, Жуковскій, Дмитріевъ, Языковъ, В. Л. Пушкинъ, Баратынскій и пр. и пр.

Очевидно, что этотъ второй отдѣлъ Архива не можетъ быть изданъ; а что касается до отдѣла перваго, я намѣренъ былъ издать его въ видѣ древней Библіотеки Новикова, раздѣливъ изданіе на три или на четыре года, какъ для облегченія самого себя, такъ и для подписчиковъ.

Мое намѣреніе объявилъ я публикѣ въ 1851 году, въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ же я написалъ краткую исторію Маркевичевскаго Архива. Г. Краевскій принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, но оно не состоялось, по причинѣ тяжкой болѣзни, постигшей меня и не позволившей мнѣ переселиться въ одну изъ столицъ для личнаго наблюденія за нимъ.

Такимъ образомъ находясь въ невозможности заняться самому этимъ изданіемъ, я принужденъ прибѣгнуть къ другому средству, чтобы сохранить для наукъ и для соотечественниковъ это собраніе матеріаловъ, столь богатое, столь полное живаго интереса, разнородное, полезное для исторіи, статистики, этнографіи, художествъ, столь увлекательное для романиста, музыканта, поэта, живописца и едва-ли имѣющее себѣ подобное въ рукахъ частнаго владѣльца.

Я предлагаю желающимъ (одному ли отдѣльному лицу, или обществу,—все равно) пріобрѣсть отъ меня право изданія этого Архива, подъ названіемъ «Маркевичевскій Архивъ.» О второмъ его отдѣленіи я не говорю, потому что оно еще не подлежитъ печати, развѣ только въ отрывкахъ; касательно же плана изданія, все, что нужно и должно опубликовать, вполнѣ изложено было мною въ февральскомъ нумерѣ 1851 года «Отечественныхъ Записокъ»; но за тѣмъ я нисколько не стѣсняю пріобрѣтателей; планъ, форму, наружность изданія передаю въ ихъ полную волю.

Уступку Архива я могу сдѣлать двоякую; или съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи манускриптовъ подлинники мнѣ были возвращены, или съ тѣмъ, чтобъ подлинники остались во владѣніи пріобрѣтателя. Само собою разумѣется, условія этихъ двухъ сдѣлокъ не могутъ быть одинаковы.

Если за 70 лѣтъ до нашего времени «Древняя Русская Вивліоѳика» была издана два раза, то нѣтъ сомнѣнія, что, при развившейся потребности читать, при нынѣшнемъ, болѣе серьёзномъ

требованіи науки, изданіе, мною предлагаемое, не залежится. Тѣмъ болѣе я вправѣ такъ думать, что интересъ этого изданія несравненно живѣе, увлекательнѣе Новиковскаго. Тамъ мы видимъ почти исключительно офиціальную, такъ сказать, сторону исторіи. Здѣсь вмѣстѣ съ нею и народная жизнь раскрывается во всемъ ея богатствѣ и значеніи.

Умъ народный, его предразсудки, его опыты, его невѣдѣніе, пороки, добродѣтели—все на лицо, и благодаря моему Архиву, можетъ быть уничтожатся историческія предубѣжденія противъ многихъ знаменитыхъ дѣятелей, какъ обнажится истинное достоинство тѣхъ, которые имѣли болѣе счастливую участь въ потомствѣ.

Уступить даромъ мое право я не могу и не желаю. Всякій трудъ требуетъ вещественнаго вознагражденія; а мой трудъ былъ не малъ: сберечь унаслѣдованное, утроить, учетверить и привесть въ порядокъ, — это было дѣломъ всей моей жизни. Архивъ — тоже имущество, и пріобрѣтается, какъ всякое другое.

Но я, съ своей стороны, не предложу условій отяготительныхъ для пріобрѣтателя. Эти условія объявитъ сынъ мой, Андрей Николаевичъ Маркевичъ, которому я далъ право ихъ окончательно подписать и котораго адресъ прилагаю.

Отдавая это дѣло подъ покровительство людей преданныхъ наукѣ, смѣю надѣяться, что близкое участіе въ немъ примутъ прежде всего главные проводники отечественнаго просвѣщенія, господа издатели ученыхъ и литературныхъ журналовъ; они помѣстятъ въ своихъ изданіяхъ, если не все мое объявленіе, то по крайней мѣрѣ извѣстіе о немъ, и не откажутъ ради общей пользы просвѣщенія въ сообщеніи собственныхъ своихъ идей по этому предмету.

Адресъ моего сына: въ С. Петербургѣ, на углу Гребецкой и Малой Московской, въ домѣ госпожи Карташевской.

СВИСТОКЪ

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

2

КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

При самомъ первомъ, еще не твердомъ, шагѣ своемъ на поприщѣ общественной дѣятельности, встрѣченный всеобщимъ негодованіемъ серьёзныхъ дѣятелей науки и литературы, «Свистокъ» внезапно умолкъ, подобно робкому чижу, изображенному славнымъ баснописцемъ Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ, въ баснѣ его сочиненія: «Чижъ и Ежъ». Отличаясь скромностію, неразлучною съ истиннымъ достоинствомъ, «Свистокъ» безропотно покорился приговору строгихъ судей, признавшихъ его недостойнымъ *настоящаго времени, когда* возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ. И скромность его не осталась безъ возмездія: онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ отсутствіе его при второй книжкѣ «Современника» поразило грустію чувствительныя сердца читателей; онъ имѣлъ рѣдкое на землѣ наслажденіе — убѣдиться, что непоявленіе его и при третьемъ нумерѣ журнала повергло публику въ мрачное отчаяніе. Но, проникнутый гуманностію современной эпохи, «Свистокъ» скоро сознался, что радость о людскихъ огорченіяхъ противна всѣмъ нравственнымъ законамъ, и вслѣдствіе того рѣшился доставить себѣ наслажденіе болѣе чистое и возвышенное, и притомъ болѣе сообразное съ естественными наклонностями его натуры: онъ рѣшился вновь явиться предъ публикою, чтобы видѣть ея непритвор-

ную радость при его появленіи. Вся природа благопріятствуетъ его намѣренію и, кажется, съ нѣжною улыбкой благословляетъ его на дѣятельность. «*Шествуетъ весна*» по выраженію поэта; «*берега расторгаютъ ледъ*,» по выраженію другаго поэта; хотя «*еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ*», по замѣчанію третьяго поэта. Все твореніе оживаетъ и наполняется звуками; скоро прилетятъ птички, будутъ благоухать цвѣты, просвѣщеніе быстрымъ потокомъ разольется по необъятной Россіи.... Кто можетъ молчать при видѣ такихъ отрадныхъ событій! «Свистокъ» ли? — Нѣтъ!...

I.

МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

(Отдавая дань природѣ, мы даемъ первое мѣсто благородной и исполненной смѣлыхъ идей поэмѣ г. Лиліеншвагера: «Четыре времени года». Этотъ поэтъ-мыслитель замѣчателенъ особенно тѣмъ, что природа со всѣми своими красами для него, собственно говоря, не существуетъ сама по себѣ, а лишь служитъ поводомъ къ искуснымъ приноровленіямъ и соображеніямъ, почерпнутымъ изъ высшей жизни духа. Въ новѣйшее время лучшими нашими критиками признано, что природа лишь настолько интересуетъ насъ, насколько она служитъ отраженіемъ разумной, духовной жизни. Съ этой точки зрѣнія долженъ быть признанъ огромный талантъ въ г. Лиліеншвагерѣ, который, какъ самъ признается, «всѣмъ явленіямъ природы придастъ смыслъ живой», никогда не пускаясь въ простое, безплодное поэтизированье неразумныхъ явленій міра. Поэзія его должна составить новую эпоху въ нашей литературѣ: нельзя безъ особеннаго чувства читать стихотворенія, въ которыхъ поэтъ при видѣ весны размышляетъ объ англійскомъ судопроизводствѣ, или, отморозивши себѣ носъ, съ отрадою предается историческимъ воспоминаніямъ о двѣнадцатомъ годѣ. До сихъ поръ только г. Розенгеймъ приближался нѣсколько къ такой высотѣ, да еще развѣ гг. Майковъ и Бенедиктовъ, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, давали слабые намеки на подобную гражданскую поэзію.—Прочитавши поэму г. Лиліеншвагера, читатели согласятся съ нами, что къ нему болѣе, чѣмъ къ кому нибудь, можно приложить слова г. Дружинина (въ «Библіот. для Чтенія» 1859 г. № 1) о г. Майковѣ: «онъ съумѣлъ проложить себѣ дорогу и въ мірѣ высокихъ помысловъ дописаться того лиризма, которымъ натура его не была богата»).

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

1.

ВЕСНА.

Боже! Солнце засіяло,
Воды быстро потекли,
Время теплое настало
И цвѣточки расцвѣли!

Жизнью, свѣтомъ всюду вѣетъ,
Мысль о смерти далека,
И въ душѣ идея зрѣетъ,
Поэтично высока!

Такъ законовъ изученье
Свѣтъ и жаръ намъ въ сердце льетъ
И свободное теченье
Нашей мысли придаетъ.

Такъ въ разумномъ вертоградѣ
Правыхъ англійскихъ судовъ
Расцвѣтаетъ, пользы ради,
Много нравственныхъ цвѣтовъ!...

Всѣмъ явленіямъ природы
Придавая смыслъ живой,
Къ солнцу правды и свободы
Возношусь я такъ весной! —

2.

ЛѢТО.

Иду по нивѣ я, смотрю на спѣлый колосъ,
Смотрю на дальній лѣсъ и слышу звонкій голосъ
Веселыхъ поселянъ, занявшихся жнитвомъ
И живописно такъ склоненныхъ надъ серпомъ....

Иду и думаю: такъ нравственности зерна,
Такъ мысли сѣмена пусть выростутъ проворно
На нивѣ нравственной Россіи молодой,
И просвѣщенія дадутъ намъ плодъ благой.

Пускай увидимъ мы, пока еще мы живѣ,
На невещественной, духовной нашей нивѣ, —
Духовный хлѣбъ любви, и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнемъ всѣ: ура!...

3.
ОСЕНЬ.

Вѣтеръ одежду зеленую
Съ дерева рветъ,
Все въ эту пору студеную
Вянетъ и мретъ.

Но и съ главой обнаженною
Дубъ вѣковой,
Полонъ своей непреклонною,
Мощной красой.

Крѣпкій корней своихъ твердостью,
Онъ безъ листовъ
Ждетъ съ благородною гордостью
Бурь и вѣтровъ.

Такъ надъ главой благородною
Годы мелькнутъ,
И украшенье природное —
Кудри — сорвутъ.

Но и съ главою плѣшивою,
Силенъ душой,
Будетъ *онъ* гордъ предъ лѣнивою,
Глупой толпой....

Онъ не надѣнетъ, съ плачевною
Миной, парикъ;
Но красотою душевною
Будетъ великъ.

4.
ЗИМА.

Зима холодная! Тебя въ укоръ намъ ставятъ
Тѣ, кои чуждое все неразумно славятъ.
Но мнѣ пріятнѣе родимая зима,
Чѣмъ пресловутая Италія сама.

Невольнымъ образомъ нашъ холодъ жесточайшій
Напоминаетъ мнѣ о родинѣ дражайшей.
Идя по улицѣ и отворивъ носъ,
Съ отрадою всегда припомнишь тотъ морозъ,
Что намъ въ двѣнадцатомъ году помогъ французовъ
Прогнать и перебить, какъ самыхъ жалкихъ трусовъ.
Тогда вся кровь во мнѣ кипитъ на холоду;
Я самъ тогда живу въ двѣнадцатомъ году,
Не чуя холода, ни вѣтра завываній,
Полнъ историческихъ, родныхъ воспоминаній....
Дрожь въ тѣлѣ чувствуя, пылаю я душой
И родину люблю сильнѣе я зимой.
Я гордо сознаю тогда душою мощной,
Что Русь дѣйствительно есть исполинъ полнощный!...

Конрадъ Лилiенштейнъ.

II.

МЫСЛИ О ДОРОГОВИЗНѢ ВООБЩЕ И О ДОРОГОВИЗНѢ МЯСА ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Извѣстно, что были времена, когда ученые, какъ и поэты, рѣшительно не имѣли понятія о томъ, что̀ значитъ слова *дорого* и *дешево*: они ничего не покупали, потому что никогда не имѣли ни копѣйки денегъ. Но эти блаженныя времена прошли. Теперь ученые, заботясь о примѣненіи науки къ жизни, весьма интересуются дороговизной и безпрестанно печатаютъ о ней статейки. Но статейки ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, отличаются чрезвычайною мрачностью и даже какимъ-то ожесточеніемъ (вѣроятно вслѣдствіе того, что у нихъ деньжонокъ-то все-таки не много). По ихъ словамъ, дороговизна есть что-то — не только дурное въ настоящемъ, но даже и въ будущемъ; они толкуютъ о бѣдствіяхъ человѣчества, о возвышеніи заработной платы, объ увеличеніи жалованья для предотвращенія страшныхъ золъ отъ дороговизны... Иные доходятъ до того, что предполагаютъ возможными подкупность чиновниковъ и взяточничество, какъ слѣдствія дороговизны. Безразсудные! Они не понимаютъ, что честный человѣкъ всегда останется честнымъ и скорѣе умретъ, нежели возьметъ взятку! Они полагаютъ, что нужно честнымъ людямъ давать средства къ безбѣдной жизни, для того, чтобы они не воровали на службѣ! Какое жалкое недовѣріе къ нравственному величію человѣческой природы! какое непониманіе свойствъ истинной добродѣтели! Близорукіе ученые забываютъ, что добродѣтель именно и познается въ трудныхъ испытаніяхъ, что безъ борьбы

нѣтъ подвига! Не диво, ежели чиновникъ не будетъ брать взятокъ, имѣя достаточное жалованье: тутъ и заслуги никакой не будетъ... А вотъ—поживи-ка съ маленькимъ жалованьемъ, перенеси дороговизну и останься безкорыстнымъ: вотъ тогда будетъ, за что похвалить тебя!... Съ этой (весьма возвышенной, кажется) точки зрѣнія нужно желать, чтобы дороговизна продолжалась, какъ можно долѣе, и постоянно возвышалась.

Но, къ утѣшенію человѣчества, не всѣ ученые представляютъ дороговизну въ мрачномъ видѣ. Люди, посвятившіе себя разрѣшенію промышленныхъ вопросовъ, разсуждаютъ о ней очень разумно. Такъ въ «Вѣстникѣ Промышленности» мы съ радостью нашли замѣтку, въ которой дороговизна мяса причисляется къ отраднымъ явленіямъ нашего экономическаго быта... такъ-таки этими самыми словами и причисляется. «*Одна изъ главныхъ причинъ возвышенія цѣнъ на мясо не только въ столицахъ, но и во всей Россіи*, (говоритъ «Вѣстникъ») *есть всеобщій миръ и прекращеніе рекрутскихъ наборовъ, почему подобную дороговизну относимъ мы къ отраднымъ явленіямъ нашего экономическаго быта*» («Вѣст. Пром.» 1859 г, № 1, стр. 8 — 9). Ясно? Радуйтесь же: причина зла найдена, а извѣстно, что узнаніе корня зла уже заключаетъ въ себѣ возможность его уничтоженія, по крайней мѣрѣ въ теоріи. И такъ, по «Вѣстнику Промышленности» одна изъ главныхъ причинъ, а слѣдовательно и одно изъ главныхъ средствъ къ устраненію дороговизны—открыто. Хотите, чтобы мясо стало дешевле? Начните войну и произведите рекрутскій наборъ, вотъ и все! Да и зачѣмъ же ограничивать открытіе «Вѣстника» однимъ мясомъ? Онъ утверждаетъ, что война и наборъ заставляли крестьянина дѣлать экстренные расходы, и потому онъ продавалъ свою корову; оттого ихъ и много было въ продажѣ. Да отчего же непремѣнно корову? Для экстренныхъ расходовъ крестьянинъ могъ продавать и лошадь, и телегу, и кафтанъ, и хлѣбъ, и свои собственныя руки (если могъ располагать ими); слѣдовательно рекрутскій наборъ можетъ произвести всеобщую дешевизну: не мясо только, а хлѣбъ, и работа, и мануфактурныя произведенія, словомъ—все будетъ дешевле... только рекрутскій наборъ произведите. Но вы не хотите набора? Въ такомъ случаѣ радуйтесь дороговизнѣ, признавая ее *отраднымъ явленіемъ* нашего экономическаго быта... Во всякомъ случаѣ — или рекрутскій наборъ, или дороговизна: выходъ изъ этой дилеммы невозможенъ...

Впрочемъ прекращеніе рекрутскихъ наборовъ составляетъ только *одну изъ главныхъ*, а не *единственную* причину дороговизны. Есть и другія причины, на которыя указываетъ г. И. Л. въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 50.) По мнѣнію его, провизія въ Петербургѣ

возвышается въ цѣнѣ *оттого, что портится*. Вотъ собственныя выраженія г. И. Л.: «нельзя (въ Петербургѣ) долго и хорошо сохранять провизію, *которая скоро портится, а отъ этого возвышается въ цѣнѣ*.» То есть: какъ только провизія испортится, такъ по этому самому и возвысится въ цѣнѣ!.. Очень правдоподобное заключеніе.

Другая причина дороговизны, указанная г. И. Л., состоитъ въ томъ, что нынѣ наличная единица монеты слишкомъ велика. «*Всѣ*, говоритъ,—*привыкли къ денежнымъ единицамъ—копѣйкѣ и рублю, но эти единицы возвысились теперь въ 3½ раза*.» Эта мысль особенно замѣчательна, по своей простотѣ и вмѣстѣ по глубокому политико-экономическому смыслу. Въ самомъ дѣлѣ: фунтъ говядины стоилъ напр. 14 копѣекъ мѣди; вдругъ введенъ счетъ на серебро; выходитъ, что фунтъ долженъ стоить всего 4 копѣйки. Но привычка—вторая природа; всѣ считаютъ копѣйки и рубли по прежнему и продолжаютъ продавать и покупать говядину по 14 копѣекъ, не замѣчая, что это на ассигнаціи составитъ уже 49 коп. Стало быть, стоитъ только ввести опять курсъ на ассигнаціи, и все мгновенно подешевѣетъ. Теперь уже привычка къ новому счету на серебро — сдѣлана всѣми; слѣд. и при новомъ курсѣ, цѣны на всѣ предметы останутся тѣже: за фунтъ говядины будутъ по прежнему платить 14 копѣекъ, а между тѣмъ въ сущности-то онъ будетъ стоить уже только 4 копѣйки. Такимъ образомъ покупатели сократятъ всѣ свои издержки въ 3½ раза, а торговцы будутъ воображать, что получаютъ за свой товаръ тѣже самыя деньги, что и прежде. Обѣ стороны, значитъ, будутъ довольны. А между тѣмъ какъ это просто!

Возразятъ, конечно, что «купцы наконецъ могутъ замѣтить разницу между прежнимъ курсомъ и новымъ, и станутъ все продавать дороже.» Но этого сдѣлать они не могутъ; иначе лишатся всѣхъ покупателей. Напр. теперь четверть овса стоитъ четыре рубля; извощики и этой цѣной тяготятся, и говорятъ, что при этакой дороговизнѣ «не больно раскормишь лошадь». Вообразите же, что вдругъ, по новому курсу, потребуютъ съ извощика 14 рублей! Само собой разумѣется, что онъ придетъ въ ужасъ и вовсе не купитъ овса: продавцу необходимо спустить цѣну, чтобы не отогнать отъ себя всѣхъ покупателей. Слѣдовательно, хотя нельзя думать, что при новомъ курсѣ овесъ будетъ стоить всего только четыре рубля ассигнац., но съ вѣроятностью можно предполагать, что нормальная цѣна овса остановится рубляхъ на пяти или шести. На видимую прибавку рубля или двухъ покупатель, вѣроятно, согласится, сообразивъ, что чрезъ это у него въ самомъ-то дѣлѣ сохраняется восемь или девять рублей въ карманѣ.

Очевидно, что мысль г. И. Л. практична и доказываетъ глубокое изученіе имъ законовъ политической экономіи. Въ одномъ только можно упрекнуть его: онъ не доканчиваетъ своего дѣла и останавливается на половинѣ дороги. Намъ кажется, что, ставши на точку зрѣнія г. И. Л., можно всѣ предметы удешевить почти до степени даровщины. Что мѣшаетъ напр. назвать копѣйку рублемъ, а рублевыя бумажки переименовать въ сто-рублевыя? Въ сущности положеніе финансовъ не перемѣнится: но за то въ жизни какая разница!... Теперь, напр., фунтъ чаю стоитъ 3 руб.; вѣдь не можетъ же быть, чтобъ при новомъ курсѣ купецъ не посовѣстился запросить съ васъ *триста* руб. за фунтъ чаю! Да если и запроситъ, то вы можете съ негодованіемъ возразить ему, что такихъ цѣнъ не бываетъ, что онъ сошелъ съ ума, что чай всегда продавался по три рубля... Онъ конечно станетъ вамъ уступать, и довольно легко вамъ будетъ сойтись на десяти, много—одинадцати рубляхъ... А въ самомъ-то дѣлѣ вѣдь это будетъ составлять только одиннадцать *копѣекъ*!... Математически можно доказать, что подобная мѣра, въ весьма короткое время, возвыситъ народное благосостояніе во столько разъ, насколько единицъ увеличена будетъ номинальная цѣнность монеты.

Итакъ:

1) Рекрутскіе наборы прекратились, и оттого мясо вздорожало.

2) Провизія скоро портится, и отъ этого возвышается въ цѣнѣ.

3) Всѣ платятъ серебромъ тоже самое, что прежде платили ассигнаціями, и оттого все обходится дороже.

Отсюда — для отвращенія дороговизны необходимо.

1) Дѣлать сколько возможно чаще рекрутскіе наборы;

2) Дѣлать большіе подвозы порченной провизіи: по законамъ политической экономіи, когда предложеніе порченной провизіи будетъ очень велико, тогда порча не будетъ слишкомъ возвышать ея цѣну;

3) Переименовать четвертаки въ рубли, или еще лучше — копѣйки назвать рублями.

Тогда все подешевѣетъ. Это ясно...

III.

О ДОПОТОПНОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЛАЖЕЧНИКОВА.

(Изслѣдованія г. Ап. Григорьева).

Спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей о новомъ трудѣ, предпринятомъ извѣстнымъ критикомъ нашимъ, А. А. Григорьевымъ. Въ одной изъ критическихъ статей своихъ, въ прошломъ мѣсяцѣ, г.

Григорьевъ возвѣстилъ, что онъ занимается изслѣдованіями *о допотопномъ значеніи Лажечникова*. Изъ нѣсколькихъ строкъ, мимоходомъ сказанныхъ критикомъ по этому случаю, трудно сдѣлать опредѣленное заключеніе о содержаніи и смыслѣ его изысканій; но самая новость и необычайность предмета должна уже возбудить любопытство публики. Особенно интересно то, что критикъ нашелъ въ г. Лажечниковѣ совершеннѣйшій допотопный типъ; по его словамъ, Лажечниковъ есть не что иное, какъ «*полнѣйшее оправданіе мысли о допотопныхъ организаціяхъ въ мірѣ искусства.*» Къ сожалѣнію, г. Григорьевъ не сообщилъ еще подробностей своихъ изысканій о г. Лажечниковѣ, а только обѣщаетъ изложить ихъ въ одной изъ слѣдующихъ статей, «*Допотопное значеніе Лажечникова*, говоритъ онъ,—*будетъ ясно, когда я буду говорить о народности и объ отношеніи къ ней критическаго сознанья*» («Рус. Слово», 1859 г. № III, Крит. стр. 27, строка 20 и сл.). Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ разсужденій критика нашего «о народности и объ отношеніи къ ней критическаго сознанія», долженствующихъ сдѣлать для насъ яснымъ допотопное значеніе г. Лажечникова... Результаты, добытые г. Григорьевымъ въ этомъ удивительномъ вопросѣ, не преминемъ сообщить читателямъ; а до тѣхъ поръ просимъ и ихъ самихъ вдуматься въ необычайность открытія о значеніи Лачежникова *до потопа!*

IV.

РОСПИСКА Г. БѢШЕНЦОВА ВЪ ПОЛУЧЕНІИ....

Въ «Современникѣ» помѣщена была рецензія стихотвореній г. Бѣшенцова. Въ удостовѣреніе, что рецензію эту читалъ, — г. Бѣшенцовъ прислалъ намъ стихотвореніе «По поводу рецензіи», при слѣдующихъ строкахъ: «препровождая при семъ стихотвореніе, написанное мной, по случаю рецензіи, прошу покорнѣйше его напечатать». Исполняя его желаніе, мы позволимъ себѣ только одинъ, можетъ быть нескромный, вопросъ: почему г. Бѣшенцовъ предполагаетъ, что журнальныя рецензіи на его стихи были слѣдствіемъ *интригъ и сплетенъ*? Не знаемъ, какъ другіе, но что касается до насъ, то мы говорили *только о стихахъ* г. Бѣшенцова *и о томъ, что изъ стиховъ слѣдуетъ*. Рецензентъ «Современника» никогда отъ роду не видалъ г. Бѣшенцова; отчего же *скромный* поэтъ полагаетъ, что въ рецензіи были *личности*, и почему именно *презрѣнныя* личности? Неужели замѣчанія рецензента о *стихахъ* г. Бѣшенцова оказались примѣнимыми къ дѣйствительной жизни скромнаго поэта?

Въ такомъ случаѣ остается намъ подивиться странной случайности и пожалѣть, что не выпало такой же удачи на долю самого г. Бѣшенцова, который въ своемъ выстрѣлѣ по рецензенту ужасно неловко промахнулся. Впрочемъ, судите сами: мы печатаемъ стихотвореніе г. Бѣшенцова, даже не отмѣчая курсивомъ дурныхъ стиховъ и грамматическихъ ошибокъ.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗІИ.

Какъ грустно, въ нашъ пытливый вѣкъ,
Вѣкъ прогрессивнаго стремленья,
Когда такъ жаждетъ человѣкъ
Научныхъ знаній, просвѣщенья.
— Встрѣчать въ числѣ журнальныхъ книгъ,
Съ фальшивой фирмой, — современныхъ, —
Проводниковъ однѣхъ интригъ
Да сплетенъ, личностей презрѣнныхъ.
Какаго ждать отъ нихъ добра!
— Они въ лакейскихъ лишь пригодны.
Изъ подъ продажнаго пера
Не выйдетъ мысли благородной.
Иный присяжный рецензентъ,
Изъ касты, завистью клейменой,
Бранитъ, иль хвалитъ, какъ агентъ
Торговли книжной и письменной.

А. Бѣшенцовъ.

V.

НАШЪ ДЕМОНЪ.

(Будущее стихотвореніе).

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,
И обличительное слово
Лилось изъ каждаго пера;
Когда Россія съ умиленьемъ
Внимала звукамъ Щедрина,
И разсуждала съ увлеченьемъ,
Полезна палка иль вредна;
Когда возгласы раздавались,
Чтобъ за людей считать жидовъ,
И мужики освобождались,
И вредъ былъ сознанъ откуповъ;

Когда Гремина съ силой адской
Все о поэтахъ писалъ;
Когда въ газетахъ Выпинградскій
Насъ безкорыстьемъ восхищалъ;
Когда мы гласностью карали
Злодѣевъ, скрывъ ихъ имена,
И гордо міру возвѣщали,
Что мы возстали ото сна;
Когда для Руси въ школѣ Сэя
Открылся счастья идеалъ,
И липпь издатель «Атенея»
Искусства свѣточъ возжигалъ; —

Въ тѣ дни, исполненъ скептицизма,
Злой духъ какой-то нашъ предсталъ,
И новымъ именемъ *прогресса*
Святыню нашу запятналъ.
Не зналъ онъ ничего святаго:
Громекой не былъ увлеченъ,
Не оцѣнилъ комедій Львова,
Не вѣрилъ Кокореву онъ.
Не вѣрилъ онъ экономистамъ,
Проценты *ростомъ* называлъ,
И мефистофелевскимъ свистомъ
Статьи Вернадскаго встрѣчалъ.
Не вѣрилъ онъ, что нуженъ геній,
Чтобы разумный далъ отвѣтъ,
Среди серьезныхъ нашихъ преній. —
Нужна ли грамотность или нѣтъ....
Онъ хохоталъ, какъ мы рѣшали,
Что красть не слѣдуетъ въ нашъ вѣкъ,
И какъ гуманно утверждали,
Что жидъ есть тоже человѣкъ.
Сонмъ благородныхъ протестантовъ
Онъ умиленно не почтилъ,
И даже братьевъ Милеантовъ
Своей насмѣшкой оскорбилъ.
Не оцѣнилъ онъ Розенгейма,
Растопчину онъ осмѣялъ,
На все возвышенное клеймя
Какой-то пошлости онъ клалъ.
Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
Громъ обличительныхъ статей,
И публицистовъ нашихъ страстность,
И даже самый «Атеней», —

Все жертвой грубаго глумленья
Содѣлалъ жолчный этотъ бѣсъ,
Бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья,
Бѣсъ, отвергающій прогрессъ.

Конрадъ Лилiенштернъ.

VI.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Чей шопотъ въ душу проникаетъ?
Кто говоритъ мнѣ: «веселись»!

Такъ спрашиваю я себя съ нѣкотораго времени чуть не каждый день, — и вотъ по какому случаю.

Съ каждой почтой получаю я изъ столицъ (преимущественно изъ Москвы) газеты и журналы, и въ каждомъ ихъ нумерѣ меня поражаетъ какой-то таинственный голосъ, разсказывающій какую нибудь изъ мелкихъ житейскихъ непріятностей и съ видимымъ удовольствіемъ прибавляющій, что «пришла наконецъ благодатная, радостная, желанная и т. д. пора, когда подобныя непріятности можно разсказывать во всеуслышаніе». Подъ разсказомъ обыкновенно подписанъ какой нибудь *зетъ* или *иксъ*, а чаще — и ничего не подписано; мѣстность не обозначена; къ кому голосъ относится, — неизвѣстно. Я долго ломалъ себѣ голову, чтобы узнать, о чемъ хлопочутъ восторженные разскащики, и наконецъ остановился на предположеніи, которое на первый разъ можетъ вамъ показаться страннымъ, но которое не лишено своей доли правдоподобія. Я полагаю, что всѣ безъименныя извѣстія въ вашихъ газетахъ сочиняетъ одинъ какой нибудь шалунъ, желающій подурачить васъ, господъ редакторовъ. Вы всѣ вѣдь, разумѣется, — народъ кабинетный; вы насквозь пропитаны идеальными понятіями о жизни; вамъ все въ мірѣ представляется необыкновенно связнымъ, разумнымъ, чистымъ и проч. Въ своемъ умозрительствѣ вы, по невѣдѣнію, дѣйствительной жизни, рѣшительно уподобляетесь тому профессору, который у Гейне «затыкаетъ своимъ колпакомъ всѣ прорѣхи мірозданія». Вы еще недавно стали соглашаться, что жизнь имѣетъ нѣкоторыя права, что литераторъ тоже есть до нѣкоторой степени *смертный*, что *толпа* достойна отчасти вашего вниманія, и пр. Мы, разумѣется, тотчасъ же примѣтили начало вашего обращенія и дружно рукоплескали благому начинанію. Но для вашей же пользы позвольте намъ иногда сообщать свои замѣчанія о нѣкоторыхъ *странностяхъ*, нерѣдко проявляющихся въ вашихъ сужденіяхъ о дѣйствительной жизни, съ ко-

торою вы начинаете знакомиться. На этотъ разъ я намѣренъ сообщить вамъ нѣсколько практическихъ замѣчаній о тѣхъ голосахъ, которые теперь такъ часто раздаются въ журналахъ и газетахъ.

Имѣя о русской жизни и русскомъ обществѣ понятіе, какъ видно, самое неопредѣленное, вы постоянно приходите въ изумленіе, поднимаете шумъ и начинаете горячиться изъ-за такихъ вещей, къ которымъ мы всѣ давно уже привыкли и которыя вообще не принадлежатъ къ числу явленій чрезвычайныхъ. Вамъ, напр. скажутъ, что кто-то и гдѣ-то взятку взялъ; вы сейчасъ думаете: «ужасное, чудовищное, сверхъестественное событіе! надо о немъ объявить во всеобщее свѣдѣніе»! — и немедленно печатаете, что вотъ, дескать, какое событіе произошло: одинъ чиновникъ съ одного просителя взятку взялъ! — Услышите вы гдѣ нибудь, что цыганъ лошадь укралъ: поднимается шумъ, пишутся грозныя обличенія на неизвѣстнаго цыгана, укравшаго лошадь. Принесетъ вамъ кто нибудь извѣстіе о томъ, что одинъ сапожникъ плохо сапоги шьетъ; вы сейчасъ же и тиснете извѣстіе о сапожникѣ, съ видимымъ удовольствіемъ, что можете сообщить такую новость. Вы, конечно, предполагаете, что чиновникъ, взявшій взятку, цыганъ конокрадъ и плохой сапожникъ—такія рѣдкія исключенія въ Россіи, что на нихъ будутъ всѣ сбѣгаться смотрѣть, какъ на г-жу Пастрану. Но смѣю васъ увѣрить, что вы ошибаетесь, просвѣщенные литераторы и журналисты! Я конечно не могу еще назваться человѣкомъ старымъ, не могу похвалиться и тѣмъ, чтобы я видалъ слишкомъ много; но все же я, должно быть, опытнѣе васъ, и потому вы мнѣ можете повѣрить. И я вамъ скажу, что у насъ, собственно говоря, — что ни цыганъ, то и конокрадъ; что ни сапожная вывѣска, то и плохой сапожникъ; что ни присутственное мѣсто, — то и чиновниковъ такая толпа, въ которой мудрено распознать людей по тому признаку, что одинъ беретъ взятки, а другой нѣтъ.... Это вѣрно; спросите, кого хотите, если мнѣ не вѣрите. Мы, читатели, даже удивляемся всѣ, какъ *вы* этого до сихъ поръ не знаете! Конечно, вы жизнь по книжкамъ изучали; да неужели же нѣтъ такихъ книжекъ, въ которыхъ бы это было разсказано, какъ слѣдуетъ? Знаете, что намъ кажется иногда, что вы и книжки-то плохо читали; вы какъ будто читаете только *текущую литературу*, т. е. свои журналы. Этимъ только и можно объяснить азартъ, съ которымъ вы кидаетесь на всякое извѣстіе о взяткѣ, грубости, несправедливости и всякой другой дряни. Тутъ у васъ въ журналахъ дѣйствительно было время, когда ни о чемъ подобномъ не писалось; но «*не писалось*» не значитъ, что и *не дѣлалось*, и не расходилось въ публикѣ. Вы ничего не писали, а взятки и кражи учинялись по прежнему, и мы о нихъ знали очень хорошо, такъ что для насъ онѣ

вовсе не были новостью, когда вы внезапно закричали о нихъ въ своихъ журналахъ. А вотъ вы-то сами какъ будто и дѣйствительно новость узнали: такъ вы погружены были въ свои журналы, такъ пропитались ихъ розовымъ запахомъ и такъ отвлеклись отъ всего живаго!... Мы васъ и не винили въ началѣ-то, думая, что вы, какъ люди умные, тотчасъ же оглядитесь вокругъ себя, смекнете, въ чемъ дѣло, да потомъ еще и насъ поучите, куда намъ идти и что дѣлать. Но видно знаніе жизни дается не такъ легко, какъ изученіе какого нибудь нѣмецкаго курса эстетики! Вы, какъ стали на одной точкѣ, такъ и не двигаетесь съ нея.... А все оттого, что жизни не знаете! Три года тому назадъ вы стали печатать обличительныя повѣсти; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ талантъ, въ другихъ просто разсказывались любопытные факты. И тѣ, и другія были приняты публикою благосклонно. Почему? Очевидно потому, что публика признала дѣйствительность фактовъ, сообщаемыхъ въ повѣстяхъ, и читала ихъ — не какъ вымышленныя повѣсти, а какъ разсказы объ истинныхъ происшествіяхъ. Но и тогда уже публика поправляла недомолвку литературы, называя истинными именами тѣхъ, которые скрывались подъ псевдонимами въ повѣстяхъ. И нужно признаться, что первыя ваши обличительныя повѣсти давали читателю возможность отыскивать обличаемыхъ. У г. Щедрина описанъ, напр., Порфирій Петровичъ: я зналъ двоихъ Порфирьевъ Петровичей, и весь городъ у насъ зналъ ихъ; есть у него городничій Фейеръ:—и Фейеровъ видалъ я нѣсколько.... Разумѣется, еще чаще видали мы Чичиковыхъ, Хлестаковыхъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Держиморденъ, и пр. Но объ этомъ я ужь и не говорю. У Гоголя такая ужь сила таланта была, что до сихъ поръ,—куда ни обернешься, такъ все и кажется, что передъ тобой стоитъ или Чичиковъ, или Хлестаковъ, а если ни тотъ, ни другой, то ужь навѣрное Земляника.... Въ этомъ отношеніи, я долженъ признаться,—большая часть *щедринскихъ* разсказовъ составляетъ шагъ назадъ отъ Гоголя. Но все-таки они не такъ далеко отъ него убѣжали, какъ нынѣшніе разсказы, безпрерывно печатаемые въ газетахъ. По разсказу Щедрина я еще могъ узнавать обличаемыхъ, хотя не въ той степени, какъ по разсказу Гоголя; но теперешнія повѣсти, (которыя вы почему-то называете *злостными*) совершенно лишаютъ меня этой возможности. Ну, скажите на милость, куда мнѣ годится напр. такое обличеніе:

«Одному моему знакомому случилось заказать себѣ сапоги, изъ петербургскаго товара, здѣшнему цеховому сапожнику. *Что изъ этого вышло?* Онъ, желая выдать поставленный имъ товаръ за петербургскій, самъ вывелъ клеймо фабриканта на кожѣ чернилами, и довольно искус-

но, такъ что съ перваго раза трудно догадаться о подлогѣ. Но сапоги недѣли черезъ двѣ *перелопались*,—*фальшь оказалася* несомнѣннымъ, тѣмъ очевиднѣе, что на петербургской кожѣ клеймо фабриканта печатное». (См. «Рус. Дн.» 1859 г., № 22).

Извѣстіе это прислано въ «Русскій Дневникъ», изъ Нижняго Новгорода, съ подписью: «*Корреспондентъ*». Я самъ, какъ вамъ извѣстно, обитатель Нижняго, и потому легче другаго могъ бы сообразить, кто тутъ обличается; но, хоть убейте меня, я до сихъ поръ никакъ не могу указать вамъ гнуснаго сапожника, о которомъ извѣщаетъ *Корреспондентъ*. Если бы онъ подписалъ хоть свою собственную фамилію, то до сапожника ужь мы бы добрались какъ нибудь: узнали бы, кто у Корреспондента знакомые, потомъ справились бы, какіе сапожники шьютъ на нихъ сапоги, и такимъ образомъ понемножку добились бы свѣдѣній, по крайней мѣрѣ вѣроятныхъ, если не совершенно непогрѣшимыхъ. Но обличитель скрылъ даже и свою фамилію и тѣмъ лишилъ насъ всякой возможности напасть хоть на слѣдъ негоднаго сапожника. Если бы онъ представилъ типическія особенности сапожника, какъ дѣлалось прежде, въ щедринскихъ разсказахъ, тогда была бы польза: можно бы узнать, по указаннымъ признакамъ, почти всякаго надувалу—сапожника. Но *Корреспондентъ* говоритъ просто: «одному цеховому сапожнику», — какъ тутъ искать его! И какую пользу для общества можетъ принести свѣдѣніе, что одинъ сапожникъ дурной товаръ на сапоги ставитъ? Если вы полагаете, что есть люди, которые не знаютъ о существованіи такихъ сапожниковъ, то вы очень ошибаетесь. Всякій, изъ читателей подивится только, какимъ образомъ *вы* могли этого не знать. Развѣ не оттого ли ваше незнаніе, что вы постоянно *котурнъ* надѣваете и не имѣете понятія о сапогахъ? Но вѣдь мы все думали, что вы въ котурнѣ-то являетесь передъ нами только печатнымъ образомъ; а какъ же вы по улицамъ-то ходите? Развѣ тоже въ котурнѣ? Впрочемъ дѣйствительно въ котурнѣ, нечего и спрашивать: это по сочиненіямъ вашимъ видно. Ну, въ чемъ же иначе можетъ ходить, напр., г. Жемчужниковъ, напечатавшій 1 № «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года статейку «Еще придирка.» Статейка написана горячо, благородно, остроумно; а по какому поводу? Читайте.

«*Нѣкто* (кто?) пріѣзжаетъ въ *нѣкоторый* (какой?) городъ и отправляется въ гостинницу (какую?), куда приказываетъ и своему слугѣ (какъ его зовутъ?) явиться съ чемоданами. Слуга нанимаетъ извозчика (имя? нумеръ?) и ѣдетъ.... Съ нимъ встрѣчаются блюстители порядка и общественной безопасности, — *все равно:* козаки ли они, или какіе либо другіе полицейскіе служители (далеко не равно для гласности!). Ѣдущій

слуга почему-то имъ кажется человѣкомъ подозрительнымъ. Они его останавливаютъ и спрашиваютъ: кто онъ и куда ѣдетъ? Онъ отвѣчаетъ имъ, что онъ такой-то, и называетъ гостинницу, куда ему приказано ѣхать. Блюстители замѣчаютъ, что онъ ѣдетъ не въ сторону, гдѣ находится гостинница, и еще болѣе утверждаются въ своемъ мнѣніи, что онъ человѣкъ подозрительный; вслѣдствіе чего они его задерживаютъ и представляютъ въ полицію: Слуга ѣхалъ дѣйствительно не въ ту сторону, гдѣ гостинница; извощикъ, вѣроятно, не зналъ дороги или не понялъ, куда везти. Что же дѣлаетъ полиція съ задержаннымъ человѣкомъ? Она (кто же, однако, эта *она*?) спрашиваетъ его: кто онъ и куда ѣхалъ? Онъ отвѣчаетъ, что онъ такой-то; называетъ гостинницу, куда приказано ему ѣхать; объясняетъ, что самъ онъ дороги не знаетъ, будучи въ городѣ въ первый разъ; немедленно предъявляетъ свой видъ; называетъ лицо, у котораго находится въ услуженіи, и проситъ проводника для сопровожденія его въ гостинницу и для удостовѣренія въ истинѣ своего показанія. Но полицейскій чиновникъ (какъ его имя?) не соглашается на это предложеніе и принимаетъ слѣдующую мѣру, чтобы убѣдиться въ достовѣрности словъ слуги и въ подлинности предъявленнаго имъ вида: онъ отпираетъ чемоданы и осматриваетъ находящіяся въ нихъ вещи. Обревизовавъ такимъ образомъ и бѣлье, и платье, и все, что было тамъ спрятано и заперто именно съ тою цѣлію, чтобы никто не смѣлъ ни до чего касаться безъ разрѣшенія или приказанія хозяина, и продержавъ слугу въ полиціи два часа, чиновникъ наконецъ соглашается на его первоначальную просьбу и отправляетъ его въ гостинницу съ проводникомъ».

Случай самый обыкновенный, самый невинный, — пошлюсь на всѣхъ русскихъ читателей! Изъ-за чего же тутъ горячиться, отъ чего приходить въ негодованіе, и—главное—зачѣмъ все это разсказывать намъ съ такими подробностями? Можетъ быть, это особенный родъ остроумія, потѣшающійся надъ несбывшимися ожиданіями; но такое остроуміе, имѣя цѣлію—одурачить человѣка, не совсѣмъ удобно въ отношеніяхъ автора съ читателями. Я, помню, читалъ гдѣ-то, какъ одинъ шутникъ отдѣлался отъ навязчиваго господина, который все разспрашивалъ его, таскаютъ ли волки коровъ въ лѣсъ. — «Бываетъ», отвѣчалъ шутникъ, — и за тѣмъ разсказалъ длиннѣйшую исторію о томъ, какъ у него однажды корова домой не пришла, какъ онъ искалъ ее по лѣсу и какъ она оказалась возлѣ забора его дома, совершенно въ добромъ здоровьи. — «Ну, а волкъ?», спросилъ слушатель. «Волка не было», лаконически отвѣчалъ разскащикъ.... Г. Жемчужниковъ поступаетъ съ нами отчасти въ этомъ родѣ: мы ожидаемъ какой нибудь ужасной исторіи, чего нибудь необычайнаго, что бы дыханье захватило, а тутъ вдругъ *«отправился благополучно домой»*. Да помилуйте, что вы насъ морочите-то? Не-

ужели вы и въ самомъ дѣлѣ не понимаете, что объ этакихъ вещахъ объявлять все равно, что объявить: «одинъ квартальный надзиратель недавно пообѣдалъ!» Объ этомъ говорить нечего; мы не такіе виды видали.... Я, напр., могъ бы разсказать, какъ у одного пріѣзжаго купца было отнято близъ одного города разбойниками 50,000 руб., и какъ черезъ мѣсяцъ потомъ у частнаго пристава умеръ дядюшка въ Сибири и оставилъ ему 50,000 наслѣдства. Я могъ бы сообщить, какъ въ одномъ провинціальномъ городѣ домовладѣлецъ далъ во время пожара 3,000 цѣлковыхъ полиціи, чтобы только она не подступалась къ его дому. Я могъ бы передать исторіи, какъ одну нѣмку изъ Виртемберга, захотѣвшую приписаться въ Россіи, приписали–было въ крѣпостныя къ казеннымъ заводамъ, за то, что она, *не зная порядковъ*, никому ничего не платила..., Да мало ли что можно бы разсказать, если бы была охота! Слава Богу, — Русь–то наша не клиномъ сошлась! А то — побезпокоили человѣка, чемоданы посмотрѣли: великая важность! Извѣстное дѣло — à la guerre, comme à la guerre....

Но г. Жемчужниковъ разсказываетъ эту исторію собственно для выводовъ, какіе онъ дѣлаетъ изъ нея. Онъ говоритъ: «я не счелъ нужнымъ обозначить мѣсто, гдѣ случилось разсказанное мною происшествіе. Предположите, пожалуй, что оно вымышлено: оно отъ этого не потеряетъ своего характера возможности и вѣроятія». Слѣдовательно, вмѣсто гласности опять выступаетъ на сцену миѳологія! Хорошо! Гдѣ же нравоученіе? Ихъ два, — одно теоретическое, другое практическое. Первое таково:

«У насъ *есть еще* (скоро не будетъ, конечно!) люди, считающіе насиліе и произволъ мѣрами общественнаго порядка и гражданскаго благоустройства.»

Практическіе выводы имѣютъ такой видъ:

«Къ стыду нашему, мы должны сознаться, что чувство чести и собственнаго достоинства у насъ еще не развилось, или можетъ быть заглохло. Въ нашей общественной жизни мы умѣли соединить привычку неповиновенія закону съ постыднымъ и раболѣпнымъ самоуничтоженіемъ передъ всякимъ произволомъ. *Избѣгая исполненія нашихъ обязанностей, мы не заботимся о защитѣ нашихъ правъ, и не умѣемъ протестовать противъ оскорбленія нашей гражданской чести и человѣческаго достоинства*, когда это оскорбленіе наносится намъ, безъ всякаго повода и причины, а просто подъ предлогомъ исполненія служебныхъ обязанностей». («М. Вѣд.» № 1).

Итакъ — вотъ вамъ мораль: «исполняйте свои обязанности, защищайте свои права и протестуйте противъ оскорбленій.» Великая истина, — жаль только, что не совсѣмъ новая. Это еще звѣри у

Крылова предлагали. Помните, какъ они, защищая овецъ отъ волковъ, рѣшили, что ежели волкъ наѣдетъ на овцу,

То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ и тотчасъ въ судъ представитъ
Въ ближайшій лѣсъ иль боръ....

Но мнѣ кажется, что это разсужденіе истинно-звѣрское, хотя оно г. Жемчужникову и нравится. Я говорю: *нравится*, основывая это вотъ на какихъ соображеніяхъ. Статейка г. Жемчужникова направлена противъ того, что мы не заботимся о защитѣ своихъ правъ; въ заключеніи же ея говорится: «нельзя однакоже отказаться отъ надежды, что во всѣхъ сферахъ нашей жизни человѣческій разумъ одержитъ наконецъ верхъ надъ животными инстинктами! *Будемъ ожидать терпѣливо наступленія этого вожделѣннаго времени*». Видите: мы должны отстаивать свои права и ожидать терпѣливо, когда человѣческій разумъ, и пр.... Ясно, — хватайте волковъ за шиворотъ, отстаивая свои права, и ожидайте, пока ихъ разумно разсудятъ съ вами въ ближайшемъ лѣсу! Стоило такой шумъ подымать для того, чтобы наполнить намъ *о терпѣніи!* Терпѣнью-то ужь насъ, провинціаловъ, не учите пожалуйста: сами горазды!

А вѣдь дѣйствительно, — другой цѣли-то нѣтъ, должно быть, у васъ, кромѣ того, чтобы порисоваться передъ нами въ котурнѣ, да поучить насъ терпѣнію. Все, что вы дѣлаете, доказываетъ это. Напр, во 2-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей», вслѣдъ за статейкой г. Жемчужникова, было напечатано вотъ какое письмо къ редактору:

М. Г.,

«Позвольте мнѣ сообщить вамъ фактъ, сильно поразившій меня, когда я услыхалъ о немъ. Вѣроятно многимъ нечасто приходилось слышать такого рода случаи.

«N., оставивъ въ Москвѣ жену съ тремя дочерьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, пошелъ въ козаки и былъ посланъ на Амуръ. Бѣдная женщина кое-какъ пристроилась къ мѣсту и своими трудами содержала себя и свое семейство. Спустя нѣсколько лѣтъ взгрустнулось мужу по женѣ: онъ почувствовалъ снова склонность къ семейной жизни и, боясь не найдти сочувствія въ женѣ къ своему предложенію, послалъ ей чрезъ кого слѣдуетъ приглашеніе придти повидаться съ нимъ въ Сибирь. Въ одно прекрасное утро ей было объявлено, что она должна чрезъ двѣ недѣли по этапу, съ колодниками, отправиться на Амуръ для свиданія съ мужемъ. Вы можете себѣ представить ужасъ *несчастной жертвы этой любви*. Для сохраненія

супружескаго счастія жертвовалось всѣмъ: здоровьемъ, спокойствіемъ, привязанностію къ родинѣ, къ семейству; вмѣнялось въ обязанность нравственной женщинѣ, единственной опорѣ семейства, отправиться зимой, по этапу, съ колодниками, за нѣсколько тысячъ верстъ, на свиданіе съ человѣкомъ, который пустилъ ее и семью по міру. Ни слезы, ни мольбы несчастной не могли поправить дѣло: — она *должна будетъ* отправиться въ путь, бросивъ все, что было ей дорого и мило въ Москвѣ, ея родинѣ. Стоитъ немного остановить вниманіе на этомъ фактѣ, чтобъ увидѣть всю массу послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою подобное внушеніе высоко-нравственнаго чувства.»

«Примите и проч.»

Д. З—скій.

Мы читали письмо г. Д. З—скаго о женѣ г. N, и терялись въ догадкахъ, зачѣмъ оно напечатано. Что мужъ, по существующимъ законамъ, имѣетъ право вытребовать къ себѣ жену, это мы всѣ знали; что женѣ это требованіе всегда бываетъ непріятно, — тоже всякому извѣстно. Чего же хотѣлъ г. З—скій, говоря о женѣ г. N.? Возбудить къ ней участіе? Но какъ же это участіе могло выразиться, когда ея имя не было названо? Задумались мы, и только покачали головой, при мысли о непрактичности писателей и редакторовъ. И, должно быть, не намъ однимъ приходили въ голову такія мысли. Недѣли черезъ двѣ, въ 15№ «Моск. Вѣд.» появилось письмо къ редактору такого содержанія. «Не иначе, говоритъ, какъ въ видахъ христіанской любви, вы сообщили извѣстіе о женѣ, требуемой мужемъ по этапу. Дѣйствительно, о ней жалѣютъ и хотятъ помочь ей; но кто она и гдѣ она? *Какъ добрый человѣкъ и христіанинъ*, примите, говоритъ, на себя трудъ указать мѣсто ее жительства.» Въ отвѣтѣ на это письмо, редакторъ оказался человѣкомъ чувствительнымъ: онъ назвалъ письмо *трогательнымъ* и сказалъ, что жена г. N называется Акулиною Варѳоломеевной Кащѣевою, живетъ на Срѣтенкѣ, въ домѣ купца Сазикова, въ квартирѣ Матвѣя Филипповича, и должна отправиться черезъ недѣлю. Къ сему редакторъ счелъ нужнымъ присовокупить: «мы слышали, что, по распоряженію начальства, эта несчастная женщина снабжена тѣмъ, что можетъ облегчить ей предстоящее путешествіе. Говорятъ, ей даны тулупъ и лошадь». Замѣтьте, что со времени перваго объявленія до этого письма и редакторской приписки прошло двѣ недѣли, — въ продолженіе которыхъ благодѣтельные москвичи рвались всѣми силами души своей помочь несчастной, но не знали, гдѣ она, не знали даже, не миѳъ ли она, вмѣстѣ съ г. Д. З — скимъ!... Что мѣшало въ первомъ же извѣщеніи объявить ея имя? Неужели и тутъ были

какія нибудь помѣхи, *независящія отъ редакціи?* Нѣтъ-съ, быть не можетъ: тутъ во всемъ виновата единственно ваша привычка къ отвлеченности и совершенное отчужденіе отъ жизни. Вы очень чувствительны; услышавши о несправедливости, вы начинаете громко кричать; узнавъ о несчастіи, горько плачете. Но вы какъ-то умѣете возмущаться противъ *несправедливости вообще*, такъ же, какъ умѣете сострадать *несчастію въ отвлеченномъ смыслѣ*, а не человѣку, котораго постигло несчастье... Оттого всѣ ваши разсужденія и отличаются такимъ умомъ, благородствомъ, краснорѣчіемъ и — непрактичностью въ высшей степени. Вы до сихъ поръ разыгрываете въ *вашей литературѣ* (скажу, не какъ Хлестаковъ) какихъ-то чувствительныхъ Эрастовъ: какъ будто исполнены энтузіазма и силы, какъ будто что-то дѣлаете, а въ сущности все только себя тѣшите и — виноватъ — срамите передъ нами, простыми провинціальными жителями.

Я надѣюсь, что вы моими жесткими выраженіями не обидитесь, какъ и я не обидѣлся вашимъ замѣчаніемъ о моемъ первомъ письмѣ — относительно «Литературнаго Протеста». Богъ съ вами: браните, сколько хотите, — только представьте и мое мнѣніе на судъ публики. Она разсудитъ... Что касается до гласности, которой вы хвалитесь, то я о ней еще поговорю съ вами. О ней можно много говорить, а я еще только началъ. Тороплюсь послать письмо на почту: мнѣ хочется, чтобы вы въ апрѣлѣ напечатали его. Но не могу съ вами разстаться, не сдѣлавъ слѣдующаго предложенія: издавайте ежедневную газету! Я готовъ вамъ поставлять каждый день, въ теченіе десяти лѣтъ, по двадцати-одному истинному анекдоту, въ родѣ тѣхъ, которыхъ десятка два, подъ именемъ *гласности*, напечатано въ вашихъ газетахъ за нынѣшній годъ. Разумѣется, я буду всячески избѣгать собственныхъ именъ, и даже своего собственнаго не буду подписывать. Рѣшайтесь... Не бойтесь, что матеріалу не хватитъ: земля наша велика и обильна...

Д. Свиристелевъ.

Нижній Новгородъ,
25 марта 1859 г.

VII.

НОВЫЕ ОБРАЩИКИ РУССКОЙ ГЛАСНОСТИ.

Мы помѣщаемъ письмо г. Свиристелева, точно такъ, какъ сдѣлали и въ первый разъ, — только ради его странности. Но мы, разумѣется, увѣрены, что знаемъ жизнь лучше его и что объявленія о сапожникѣ, о полицейскомъ, о женѣ г. N, и т п.

въ высшей степени назидательны. Мы это подтвердимъ когда нибудь выписками изъ «Русскаго Вѣстника», «Русскаго Дневника,» «Московскихъ» и «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей,» и другихъ газетъ и журналовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что гласность у насъ цвѣтетъ и въ тоже время приноситъ полезные плоды. Чтобы доказать, какъ мы вѣруемъ въ пользу гласности (даже безъименной), мы помѣщаемъ нѣсколько писемъ, присланныхъ въ редакцію, и нѣсколько извѣстій, составленныхъ по вѣдомостямъ. Они всѣ начинаются одинаково, и потому мы помѣщаемъ вполнѣ только первое письмо; изъ остальныхъ же оставляемъ только сущность дѣла. Извѣстія подобнаго рода раздѣляются обыкновенно на солидныя, остроумныя и патетическія. Мы помѣщаемъ здѣсь два солидныхъ и два остроумныхъ. На помѣщеніе патетическихъ не рѣшаемся...

1.

Въ настоящее время, когда все стремится къ свѣту и гласности, ни одно изъ темныхъ явленій нашей жизни не должно укрыться отъ строгаго суда общественнаго мнѣнія. Считая священнымъ долгомъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ общему дѣлу нашего гражданскаго преуспѣянія, прошу васъ, мм. гг., помѣстить въ вашемъ журналѣ слѣдующій замѣчательный фактъ, за достовѣрность котораго ручаюсь.

Въ *одинъ* изъ осеннихъ дней прошлаго года ходилъ я съ *однимъ* изъ моихъ знакомыхъ по гостиному двору. Зашедши въ *одну* лавку, знакомый мой сталъ торговать *одну* вещь, а я, соскучать ожидать его, вышелъ изъ лавки и подошелъ къ *одному* торговцу яблоками. Я сторговалъ у него *одинъ* десятокъ и отдалъ деньги, съ *однимъ* условіемъ: чтобы всѣ яблоки были свѣжи. Но, заглядѣвшись на *одну* изъ проходившихъ дамъ и положившись на совѣсть торговца, я не затѣтилъ, что *одно* изъ яблокъ, положенныхъ имъ, было гнилое. Къ счастію, *одна* старушка, стоявшая возлѣ, замѣтила подлогъ. Тогда я подозвалъ *одного* городоваго, случившагося по близости, и онъ, по *одному* моему слову (должно отдать ему въ томъ справедливость) немедленно принялъ мѣры къ прекращенію зла.

Объявляя объ этомъ поступкѣ недобросовѣстнаго торговца во всеобщее свѣдѣніе, я имѣю въ виду предостереженіе моихъ соотечественниковъ; надѣюсь, что послѣ этого извѣщенія, другіе, заглядѣвшись, подобно мнѣ, по сторонамъ, не потерпятъ такого ущерба отъ недобросовѣстнаго продавца. Кто пожелаетъ узнать имя, примѣты и мѣсто торговли этого продавца, тотъ благоволитъ прислать запросъ въ редакцію «Свистка», съ обозначеніемъ своего адреса: обо всемъ требуемомъ я могу извѣстить его по почтѣ.

X. Z.

2.

Въ настоящее время, и пр.

Въ недавнее время, возвращаясь съ имениннаго пира отъ одного изъ моихъ знакомыхъ, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ одного изъ уѣздныхъ городовъ Россіи, я имѣлъ несчастіе потерять въ грязи одну изъ моихъ калошъ. Такъ какъ дѣло было вечеромъ, то я не могъ отыскать ее, при всѣхъ моихъ усиліяхъ. Но на другой день она была найдена мною посреди улицы, противъ дома одного изъ домовладѣльцевъ нашего города. По изслѣдованіямъ моимъ оказалось, что причина необычайнаго накопленія грязи въ этомъ мѣстѣ заключается въ небрежности означеннаго домовладѣльца, который противъ своего дома никогда не чинитъ мостовой.

Надѣюсь, что поведеніе этого домовладѣльца, обнародованное теперь во всеобщее свѣдѣніе, найдетъ себѣ строгое осужденіе въ общественномъ мнѣніи.

N.

3.

Мм. Гг.

Гласность полезна, какъ свѣтъ; но въ нашемъ городѣ еще сомнѣваются и въ томъ, что свѣтъ полезенъ. Хотите доказательствъ? Вотъ одно изъ нихъ: у насъ въ городѣ, въ нѣкоторыя темныя осеннія ночи не зажигаютъ фонарей, на томъ основаніи, что онѣ въ календарѣ обозначены лунными. Но честный и правдивый календарь уже давно сознался въ томъ, что не можетъ предвидѣть ни густыхъ тумановъ во время ночи, ни черныхъ тучъ, покрывающихъ звѣздное небо; онъ просто говоритъ, что въ такую-то ночь будетъ луна, а извѣстно всѣмъ, что луна свѣтитъ. Вольно же эти невинныя слова принимать за объявленіе, что весь городъ будетъ иллюминованъ! Но кромѣ разныхъ другихъ причинъ, которыя могли подать поводъ въ такой нераціональной методѣ освѣщенія, не замѣшалась ли сюда еще и та, что на календарь условились смотрѣть, какъ на непогрѣшимаго и строгаго начальника? Это клевета: календарь не начальникъ. Иной начальникъ дѣйствительно часто называетъ бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ и достигаетъ даже того, что и его подчиненные, отрекшись отъ вѣры въ собственные глаза, подтверждаютъ его нелѣпость съ фанатизмомъ самымъ искреннимъ; но календарь не надуваетъ ни себя, ни другихъ. Мало того: онъ вовсе не имѣетъ безумной претензіи приказывать лунѣ свѣтить во что бы то ни стало, сквозь сплошную массу тучъ; напротивъ, онъ полагаетъ своимъ желаніямъ предѣлы и тѣмъ опять-таки рѣзко отличается отъ инаго начальника, который, повелѣвая исполнить невозможное

кричитъ и, не хотя принять въ соображеніе этой невозможности, кричитъ: чтобъ было!

Напечатайте, мм. гг., мою замѣтку: можетъ быть, она будетъ содѣйствовать *освѣщенію*, если не *просвѣщенію* нашего города.

А. Ж.

(Изъ «Моск. Вѣд.» № 1).

4.

Гласность послѣдняго времени обнаруживаетъ много новыхъ явленій въ нашемъ общественномъ быту. Считаю не лишнимъ разсказать объ одномъ изъ нихъ, хотя въ немъ ничего нѣтъ необыкнаго.

На дняхъ, нѣкто Ѳ. возвращался ночью домой. Ему оставалось до квартиры не болѣе пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ неожиданная мысль пришла ему въ голову: что, если переходя улицу, онъ потеряетъ галоши? и если потеряетъ (въ чемъ онъ не сомнѣвался), то что обойдется дороже: новыя ли галоши, или извощикъ?—Взвѣсивъ этотъ пунктъ и рѣшивъ, что извощика взять дешевле, онъ сталъ громко звать спасителя галошъ; но кромѣ эха, повторявшагося въ темныхъ переулкахъ, никто не отзывался ему въ безмолвіи ночи. Почти въ отчаяніи пробирался Ѳ. тротуаромъ, какъ вдругъ почувствовалъ чье-то теплое дыханіе, и за тѣмъ фырканье. Удивленный неожиданною сценою, Ѳ. остановился, и послѣ нѣкотораго напряженія глазъ, открылъ, что предъ нимъ стоитъ не какая нибудь очаровательная сильфида, а просто—лошадь. «Эй, кто здѣсь?»—Нѣтъ отвѣта; все тихо, какъ и прежде. Ѳ. обходитъ канавою лошадь и экипажъ, и слегка толкаетъ спящаго кучера. — «Ты извощикъ?» — «Извощикъ». — «Перевези меня въ этотъ домъ, насупротивъ....» — «Слушаю-съ», — и извощикъ перевезъ нашего пріятеля черезъ улицу. — Что же тутъ необыкновеннаго? Очень просто: калыя существа всегда подражаютъ большимъ. Если кареты останавливаются на тротуарахъ, отчего тамъ же не останавливаться и не засыпать извощикамъ? отчего же и не получать прохожимъ поцалуевъ, сопровождаемыхъ фырканьемъ, — когда въ темнотѣ и не такіе сюрпризы случаются? отчего бы не помѣститься и всей биржѣ на тротуарахъ? Улицы останутся тогда свободны, для однихъ только обозовъ; никому не будетъ тѣсно, и даже—говоря съ политическою дальновидностью—пѣшеходы перестанутъ гранить тротуары, а будутъ ходить.... по лошадямъ, дрожкамъ, каретамъ и спящимъ кучерамъ.

Фаготъ.

(Изъ «Одес. Вѣст.» № 19).

VIII.

БЕЗРАЗСУДНАЯ СМѢЛОСТЬ.

Солнце въ тучахъ непроглядныхъ
Грустно ликъ свой прячетъ;
У воротъ двора сквознаго
Бѣдный ванька плачетъ.

Цѣлый день онъ по столицѣ
Съ юнкеромъ катался;
Пять рублей ему далъ юнкеръ
За день обѣщался.

Но чрезъ дворъ сквозной, подъ вечеръ
Онъ отъ ваньки скрылся;
Ванька съ клячей понапрасну
Цѣлый день морился.

— Успокойся, бѣдный ванька:
Есть тебѣ защита.
Какъ тебя обидѣлъ юнкеръ, —
Будетъ всѣмъ открыто.

Отъ обидъ и отъ обмановъ
Ужь прошла опасность!
Нынче время не такое:
Процвѣтаетъ гласность!

Завтражь я во всѣхъ газетахъ
Публикую ясно:
«Ѣздилъ съ юнкеромъ извощикъ
Цѣлый день напрасно.

Дать хотѣлъ онъ пять цѣлковыхъ,
Не далъ ни копѣйки!»
И предамъ его позору
Я въ моей статейкѣ....

Но, не внемля утѣшеньямъ,
Глупый ванька плачетъ....
Солнце гнѣвно ликъ прекрасный
Въ черныхъ тучахъ прячетъ.

Кондратъ Лилѣенштернъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
О погодѣ. (Вступленіе къ сатирамъ). III. Сумерки. *Н. А. Некрасова*	5
Новѣйшій оракулъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. *А. А. Потѣхина.*	9
Два мѣсяца въ Прагѣ. *А. Р.*	127
Продолженіе.	323
Бѣлое покрывало. (Старинная баллада, изъ Морица Гартмана). *М. Л. Михайлова.*	174
Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство. (Часть вторая). *М. Филиппова.*	177
Продолженіе.	257
Село Сорокопановка. Разсказъ *А. Скавронскаго.*	225
Губернскія и уѣздныя сцены. 1) Пріемный день начальника губерніи. 2) Пріѣздъ начальника губерніи на ревизію. —*ва.*	297
Старый комедіантъ. Два стихотворенія. (Съ нѣмецкаго). *А. Н. Плещеева*	320
Къ Италіи. (Съ итальянскаго) ***	371
Очерки народнаго быта. VII. (Сельская Аптека). *Н. В. Успенскаго.*	373
Пустой домъ. Новый святочный разсказъ *Диккенса.* (Въ приложеніи).	155
Утрата. Разсказъ (изъ Диккенсова журнала). (Въ приложеніи).	233
Нарцисъ. Новая повѣсть *Жоржа Санда* (Въ приложеніи	251

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Стр.

№ VIII. Предположенія объ установленіи справедливыхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ землѣ крестьянскими обществами и о правильномъ устройствѣ крестьянскаго быта.... *Алексѣя Тютчева.* (Помѣщика Ярославской губерніи Мышкинскаго уѣзда) 1

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАРТЪ.

Подольско-витебскій откупъ (не повѣсть). *В. А. Ѳедоровскаго.* . . 1

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Новыя книги: Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ, Александра Лакіера 25

Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи Владиміра Алексѣевича Корнилова, собранные и объясненные капитанъ-лейтенантомъ А. Жандромъ. 49

Румынскія господарства, Валахія и Молдавія, въ историко-политическомъ отношеніи. Соч. С. Палаузова. 61

Основанія опытной психологіи. Соч. Архимандрита Гавріила (Никодзе). 70

Исторія рыцарства. Соч. Руа. Перев. съ французскаго седьмаго изд. Г. В. 74

Очерки и разсказы И. Т. Кокорева. 76

Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ разсказанная. Новое изданіе Григорія Книжника 82

Возвращеніе князя Милоша Обреновича въ Сербію. 87

ПОЛИТИКА. Миролюбивыя манифестаціи во Франціи. — Выговоръ газетѣ *Presse.*—Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ, при дворѣ и въ сенатѣ.—Письмо къ Геду, статья Монитера и отставка принца Наполеона.—Посольство лорда Коули.—Общественное мнѣніе во Франціи и итальянскіе фанатики. — Проэкты перемѣнъ въ нынѣшней французской системѣ. — Положеніе итальянскаго вопроса около 3 (15) марта. — Комиссіонскія увѣренія Пальмерстона.—Парламентская реформа въ Англіи.—Министерскій билль.—Д'Израэли, какъ прогрессистъ.—Россель снова становится главою оппозиціи. — Прибытіе неаполитанскихъ плѣнниковъ въ Англію.—Можно ли назвать ихъ страдавшими не по собственной ихъ винѣ 105

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта.* Разсказъ, изъ котораго можно ясно усмотрѣть, что въ Петербургѣ есть много пожилыхъ энтузіастовъ и увлекающихся людей, и что провинціальные жители совершенно неосновательно считаютъ петербургскихъ обитателей люд-

Стр.

ми безсерлечными и холодными. — Масленица. Балаганы на Адмиралтейской площади. — Г-жа Пастрана, понизившаяся до 25 коп., и проч.—Пикники.—Ресторанъ Огюста близъ Сергіевскаго монастыря.—Концерты съ картинами и безъ картинъ.—Г. Лаубе, скрипачъ.—Генрихъ Герцъ, Рубинштейнъ и проч.—Чародѣи—гг. Шово и Макалузо. — Популярныя чтенія о геологіи магистра и приватъ-доцента петербургскаго университета г. Пузыревскаго и нѣсколько словъ вообще о предпріятіи Торговаго дома гг. Похитонова, Водова и Струговщикова. — Манежъ и публичныя чтенія о верховой ѣздѣ. — О г. Севастьяновѣ и его трудахъ, по поводу выставки въ святѣйшемъ синодѣ его копій и снимковъ.—Два слова о г. Соярѣ.—«Московскій Вѣстникъ». — О трудѣ г. Т. Готье. — Автографы, о которыхъ было упомянуто въ прошлой книжкѣ «Современника», пріобрѣтенные Императорскою Публичною Библіотекою.—Новое изд. сочиненій Пушкина, Я. А. Исакова.—Третья тетрадь портретной галлереи г. Мюнстера.—Обѣдъ, данный петербургскими литераторами въ честь *Мартынова* . 173

О средствахъ къ распространенію грамотности, *А. Сапожникова.* . 209

Отчетъ С.-Петербургскаго университета за 1858 годъ. 212

АПРѢЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Извѣстіе о сочиненіяхъ В. Бѣлинскаго. 213

Литературныя мелочи прошлаго года.—II. —*бова.* 215

Новыя книги: Впечатлѣнія Украйны и Севастополя. 252

Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. — Современныя идеи православны ли?. 258

Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи 264

Очеркъ исторіи нѣмецкой литературы, составл. О Шталемъ. . . 267

О древнѣйшей исторіи сѣверныхъ славянъ до временъ Рюрика, и откуда пришелъ Рюрикъ и его варяги, Александра Васильева 271

Для «Легкаго чтенія» Томъ IX. 273

ПОЛИТИКА. Размышленія, выводимыя изъ сравненія условій русскаго, австрійскаго и сардинскаго займовъ. — Конгрессъ по итальянскому вопросу.—Распущеніе парламента въ Англіи.—Баварскія дѣла. — Почему не должно обвинять Пфортена. — Почему мы не считаемъ Поэріо страдавшимъ по собственной винѣ? — Приложеніе. статья англійской газеты «*Humbug*» о выгодахъ союза съ Франціею. 275

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта.* Любовь и дружба хорошаго тона. (Разсказъ изъ моей записной книжки о петербургскихъ нравахъ). — Продолженіе о концертахъ. — Представленіе 22 марта, данное г. Макалузо. — Объявленіе объ изданіи *Trésors d'art de la Russie ancienne et moderne, par Théophile Gautier.* — Возобновленіе «Свѣтописи».—Объявленіе о выставкѣ копій съ картины Ванъ-Дейка «Второе пришествіе Христа».—Новыя книги.—Лекціи въ Пассажѣ.—Укротитель лошадей. — Г. Сюзоръ на пути прогресса. — Патріотическій одинокъ, или Невская вода. — Смерть Бэзіо 317

Стр.
Еще нѣсколько словъ о нашихъ ремесленникахъ. Отвѣтъ на статью г. Женихина. (Въ № 51 и 52 «Атенея» за 1858 г. *В. Искуникова*. 342
Маркевичевскій архивъ. 352

СВИСТОКЪ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

2.

Краткое объясненіе. 347
Мотивы современной русской поэзіи: Четыре времени года. Стихотв. *Конрада Лиліеншвагера*. 358
Мысль о дороговизнѣ 361
О допотопномъ значеніи Лажечникова (изслѣдованіе А. Григорьева) 364
Росписка г. Бѣшенцова въ полученіи... — (По поводу рецензіи). . 365
Нашъ демонъ. (Будущее стихотвореніе). *Конрада Лиліеншвагера*. . 366
Письмо изъ провинціи. *Д. Свиристелева*. 368
Новые обращики русской гласности 376
Безразсудныя слезы. *Конрада Лиліеншвагера* 380

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 7 дня 1859 года.

Цензоръ *Д. Мещерскій.*

Widener Library
3 2044 098 453 897